ФЕДОР СОЛОГУБ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
стихотворений и поэм

ФЕДОР СОЛОГУБ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
стихотворений
и поэм

ФЕДОР ТЕТЕРНИКОВ.

Фотография Ю. Штейнберга. Санкт-Петербург, 1882 г. ⟨?⟩
Музей ИРЛИ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Федор Сологуб

Полное собрание стихотворений и поэм в трех томах

Том первый

Стихотворения и поэмы 1877 – 1892

Издание подготовила М. М. Павлова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2012

УДК 821.161.1+82-1
ББК 84(0)5
С60

Ответственный редактор

А. В. ЛАВРОВ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-04-16023

ISBN 978-5-02-038304-3 (т. 1)
ISBN 978-5-02-038287-9

От составителей

Полное собрание стихотворений и поэм Федора Сологуба издается впервые. Оно опирается на опыт предшествующих научных изданий, в числе которых в первую очередь необходимо назвать сборник «Стихотворения», подготовленный М. И. Дикман. Он вышел в свет в 1975 г. в Большой серии «Библиотеки поэта», был выпущен без каких-либо изменений дополнительными тиражами в 1978 и 1979 гг. — и в 2000 г. под маркой «Новой Библиотеки поэта». В книгу вошло 683 оригинальных стихотворения, более ста из них были опубликованы впервые по автографам и авторизованным машинописям. При составлении тома М. И. Дикман приходилось принимать во внимание цензурные условия, вследствие которых целые пласты лирики Ф. Сологуба в издании представлены не были (произведения садомазохистской тематики, многие поздние стихи и стихотворения антисоветского содержания). Этот пробел отчасти был восполнен в публикациях, появившихся в 1989—1993 гг. в журналах «Дружба народов», «Наше наследие», «Русская литература» и в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома».[1]

Следующим этапом в освоении поэтического наследия Ф. Сологуба явились издания, подготовленные на материале его личных архивных фондов. Австрийская исследовательница Габриэль Пауэр выпустила том: Федор Сологуб. Неизданное и несобранное (Herausgegeben von Gabriele Pauer. München, 1989; серия «Slavistische Beiträge». Bd. 245);

[1] Из стихотворений 1920-х годов / Публ. А. В. Лаврова // Дружба народов. 1989. № 1. С. 164—168; Стихи последних лет / Публ. М. М. Павловой // Русская литература. 1989. № 2. С. 172—182; «Преклоняйся пред судьбою...» / Публ. А. В. Лаврова // Наше наследие. 1989. № 3. С. 118; Цикл «Из дневника». Неизданные стихотворения / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 109—159; 2 стихотворения — в журнале «Азазель», 1992, № 2 (Публ. С. Федякина).

в него вошли стихотворения из фонда поэта, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва). В книге представлены 299 текстов: ранее публиковавшиеся стихотворения, не включенные в авторские сборники; ранее неизвестные другие редакции и варианты текстов; стихотворения, опубликованные впервые по авторизованным машинописям.

Второй по объему корпус неизданных текстов (около трехсот) из архива поэта, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома (Институт русской литературы РАН), был опубликован в коллективном сборнике «Неизданный Федор Сологуб» (М., 1997),[2] там же впервые был напечатан поминальный цикл «Анастасия».[3] Существенным дополнением к этому корпусу стала подборка из 94 новонайденных ранних стихотворений поэта, считавшихся безвозвратно утраченными, представленная в Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы (СПб., ⟨2011⟩) в публикации М. М. Павловой «Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890 гг.».[4]

Картина подготовленных изданий стихотворений Ф. Сологуба будет неполной, если не назвать еще одно начинание, ставшее важной вехой в научном освоении лирики поэта. В 1996—2000 гг. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН коллективом авторов (Т. В. Мисникевич, М. М. Павлова — редактор-составитель, И. С. Тимченко) было подготовлено Полное собрание стихотворений Ф. Сологуба в трех томах (отв. редактор — А. В. Лавров). Издание не состоялось, материалы собрания оказались рассредоточенными между учрежденным И. С. Тимченко издательством «Навьи чары» и Пушкинским Домом, обширная их часть была утрачена (среди них — раздел «Другие редакции и варианты» в полном объеме).

На базе несостоявшегося проекта впоследствии были выпущены издания и публикации: Библиография Федора Сологуба. Стихотворения /

---

[2] См.: *Сологуб Федор.* Неизданные стихотворения 1878—1927 гг. / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 7—188.

[3] *Сологуб Федор.* Анастасия. Цикл стихотворений / Публ. А. В. Лаврова // Там же. С. 371—379.

[4] В декабре 2009 г. сотрудниками Рукописного отдела в хранилище необработанных фондов были обнаружены две папки с неучтенными материалами из поэтического архива Федора Сологуба общим объемом более 2000 листов (из них — 409 листов рукописи) со стихотворениями 1877—1926 гг. Материалы откололись от архива Ф. Сологуба в 1950-е гг. (в период обработки фонда), подробнее об их содержании см. в указ. публикации.

Сост. Т. В. Мисникевич, под ред. М. М. Павловой. М.: Водолей, 2004 (с приложением публикации десяти рукописных сборников Ф. Сологуба 1920—1921 годов); *Федор Сологуб.* Неизданные стихотворения 1878—1889 годов / Публ. Т. В. Мисникевич и М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006; *Федор Сологуб.* Собрание стихотворений. В 8 т. / Сост. И. С. Тимченко. СПб.: Навьи чары, 2002—2003.

В восьмитомнике, составленном И. С. Тимченко, в хронологической последовательности воспроизведены все оригинальные книги стихов Ф. Сологуба; в современный читательский обиход вошли сборники, первые издания которых давно стали раритетными и не всегда доступны исследователям.

Репрезентация этой стороны поэтического наследия автора, сопровожденная необходимым научно-справочным аппаратом, могла бы представить его книги лирики в контексте поэзии символизма — литературного движения, одним из корифеев которого был Ф. Сологуб. Такие издания, как «Собрание стихов. Книги третья и четвертая» (1904), «Родине» (1906), «Змий» (1907), «Пламенный круг» (1908), Т. XVII: «Очарования земли» (1913), а также выпущенные в 1921—1922 гг.: «Одна любовь», «Небо голубое», «Фимиамы», «Костер дорожный», «Чародейная чаша», имели широкое распространение в читательской среде, а более ранние сборники вызывали и не менее широкий резонанс в критике. В Собрании стихотворений, выпущенном «Навьими чарами», историко-литературная задача, однако, осталась не решенной, вследствие отсутствия надлежащего комментария и сведений текстологического характера.[5]

Настоящее издание является преемственным по отношению к не увидевшему свет Полному собранию стихотворений Ф. Сологуба в трех томах. Оно наследует его концепцию и структуру (разработаны М. М. Павловой при участии И. С. Тимченко); текстологические принципы, сформулированные М. М. Павловой; библиографический аппарат, выверенный Т. В. Мисникевич. Примечания к стихотворениям были откорректированы, дополнены и модернизированы. В частности, цитаты, реминисценции и переклички у Ф. Сологуба с предшественниками, выявленные И. С. Тимченко, пересмотрены и учтены в извлечениях. По

---

[5] Опыт комментированного издания, снабженного историей формирования сборника, а также обзором и публикацией избранных прижизненных критических откликов, был предпринят в приложении к репринтному воспроизведению восьмой книги стихов Ф. Сологуба «Пламенный круг» (Сост., послесловие и примеч. М. М. Павловой. М.: Плеяда-Прогресс, 2008).

инициативе Т. В. Мисникевич введена краткая характеристика археографических признаков авторизованных рукописных источников, ею же разработана форма текстологического примечания. Утраченный раздел «Другие редакции и варианты» полностью подготовлен заново.

Текстологические принципы, положенные в основу издания, получили обоснование в ряде статей Т. В. Мисникевич: К проблеме основного текста в лирике Федора Сологуба: По материалам творческого архива поэта в Рукописном отделе ИРЛИ // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 434—448; Об особенностях авторских датировок стихотворений Федора Сологуба // Русская литература. 2009. № 1. С. 214—228.

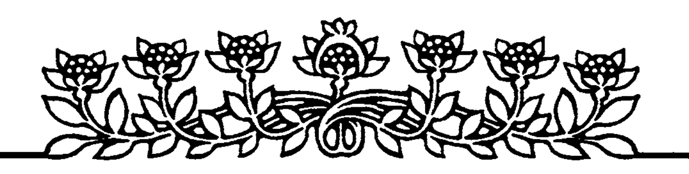
Настоящее издание подготовили:

Том первый. Стихотворения и поэмы: 1877—1892. Редактор-составитель *М. М. Павлова*. Тексты 1888 г. подготовлены при участии *Т. В. Мисникевич*.

Том второй. Стихотворения и поэмы: 1893—1913. Редактор-составитель *Т. В. Мисникевич*.

Том третий. Стихотворения и поэмы: 1914—1927. Редактор-составитель *М. М. Павлова*.

Ответственный редактор *А. В. Лавров*.

1877

1

МУДРЕЦ

(*басня*)

Мудрец на чердаке так рассуждал
(Он сам умнее всех себя считал):
«Как много есть на свете богачей,
Людей,
Которые лишь деньги тратят,
За лошадей по многу платят,
Добра не делают другим,
А помогают только злым.
Нет, если б я богатым был,
Не так бы жил,
И милостыню раздавал бы щедрою рукою.
Теперь же с голода сам чуть не вою».
Но вот мудрец наследство получил.
(У мудреца богатый дядя был).
Свое держал ли слово?
Нет, за обновою обнова.
Он накупил домов и дач,
И одеваться стал по моде,
И зажил наш богач
Всех богачей, лишь тароватых, вроде.

Но только так не долго прожил он:
Богатство все прошло, как сон.
По-прежнему он жил убого,
И все роптал на Бога.

6 января 1877

2

МОЯ ДОРОГА

Прекрасно небо голубое,
Нигде не видно облачка,
Оно в недвижимом покое
Заснуло будто на века.
Прекрасно море предо мною,
Ласкает тихо берега,
Оно скрывает за собою
Неизъяснимые блага.
И я пускаюсь в путь далекий
На слабом ветхом челноке,
Плыву я в море одинокий,
И страшно мне, и сладко мне.
Но мчится туча грозовая,
И грозный ветер уж подул,
А я, в своем челне мечтая,
Глубоким, чудным сном заснул.
Мне снились дивные виденья,
Мне снились сладкие мечты,
Любви неясной ощущенья,
И чистый гений красоты.
В минуту бури я проснулся,
Я позабыл свои мечты,
От сна глубокого очнулся:
Здесь гибель — вместо красоты,
Но вижу светоч лучезарный
За морем вдалеке я там.
Судьбе за это благодарный
Я время лучшее отдам
Борьбе за счастье с бурей злою.

Но победить придется ль мне,
Или погибну под волною
На этом темном, мрачном дне?

29 июня 1877

3

ЗМЕЯ И ПИЛА

(*басня*)

Змея, забравшись в лавку слесаря,
Пилу грызть начала.
Пила сказала ей:
«Безумная, не видишь разве ты
В безумной ярости твоей,
Как все твои усилья тщетны,
Как зубы ни остры твои,
Но мне не сделают вреда.
Острей твоих зубцов мои,
И для железа даже я вредна».

1877

1878

4

ПОДРАЖАНИЕ НЕКРАСОВУ

Тяжко мне, как нищий просит хлеба,
Я любви, любви прошу у неба.
Но напрасно я ее прошу:
Я души живой вокруг не вижу.
Я надеждою отча⟨я⟩нья живу,
В ожиданьи всех я ненавижу.
Я взывая ⟨так!⟩ к русскому народу:
Оживи меня скорей,
Окуни меня в живую воду,
В сердце тихий мир навей.

Февраль 1878

5

Льются по комнате звуки рояли,
А под окошком шарманка визжит.
Барыня с барышней морщиться стали.
— Бросить монетку, — пускай замолчит! —

Музыкой стали опять наслаждаться,
И со двора уж шарманщик ушел.
Ведь над шарманкою станет смеяться
Даже и тот, кто не глуп и не зол.

Ну, а об том, кто с шарманкой блуждает,
Чтобы голодных детей воспитать,
Кто из хороших господ вспоминает?
Им нищеты никогда не понять.

21 апреля 1878

6

МОЛИТВА ПОКАЯНИЯ

«Покаяния отверзи ми двери,
Жизнодавче»

Открой мне двери покаяния,
Создатель и Спаситель мой!
Душа моя к святому зданию
Возносится в храм светлый Твой.

Мольбу Ты слышишь о прощении,
Спаситель и Создатель мой.
Ты милостив, — святым забвением
Все язвы грешные покрой.

Наставь меня на путь спасения,
Невеста неневестная!
Прости мой грех, мое падение,
Пречистая, пречестная.

В грехах прожив все годы лучшие,
Грехами душу осквернив,
В слезах стою, овца заблудшая,
К Твоим ногам главу склонив,

И все грехи мои позорные
Я вижу пред собой,
И низко голова покорная
Лежит перед Тобой.

Внимай мольбе, Господь немстительный,
Меня жестоко не казня:
Твоею благостью спасительной
Покрой, о Господи, меня.

3 мая 1878

7

РУСАЛКА

Луна скользит меж легких туч,
И дремлет серебристый луч
  Над спящею землею.
Русалке любо выплывать
И тихо косами играть
  Над темною рекою.
В воде любуяся собой,
Поет русалка под луной.
  Несутся грустно звуки
  Томления и муки.
Поет русалка, смотрит вдаль,
Кого-то ждет, кого-то жаль,
  О ком-то все тоскует,
  Кого-то зачарует.

9 мая 1878

8

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «СМЕШНОЙ ЧЕЛОВЕК»

...И я бежал от шума городов,
В глуши неведомой я скрылся,
И, свергнув тяжесть суетных оков,
Среди природы поселился.

И полюбил я глушь лесов, полей,
Докучливых друзей чуждался,
Один бродить в лесу в тени ветвей.
Один по берегам скитался.

И понял я тогда язык зверей,
И листьев свежих тихий шепот,
И разговор задумчивых ветвей,
И ручейка невнятный ропот...

Весна 1878

9 А

МЕЧТЫ

Рад бежать от людей в глушь лесов,
Здесь мне душно в их скучных чертогах,
А под тенью тех старых дубов
Воздух свежий так чист и так и легок.

Не мешает мне шум городов,
Не пугает толпа рой мечтаний.
Не летит прочь чудесный ряд снов
И надежд золотых — упований.

Но тоскует душа и грустит,
И сжимается сердце печалью,
А мечта все летит да летит
В мир чудесный, волшебный и дальний.

Образ гордый, прекрасный, святой,
Образ вечной, великой свободы —
Он несется везде предо мной,
И во тьме, и в часы непогоды.

3 июня 1878
Таврический Сад

9 Б

Убежать бы в леса, отдохнуть
В их широких и вольных чертогах,
Где вливался б в усталую грудь
Вольный воздух, прозрачен и легок!

Не за то не люблю здешний шум,
Что не дружен он с миром мечтаний.
Не развеять ему тихих дум,
Светлых снов и святых упований.

Но чем радостней город шумит,
Тем сжимается сердце печальней,

Тем пугливее ум мой бежит
За мечтою волшебной и дальней,

И чем ярче блестит предо мной
В дикой мгле образ вечной свободы,
Тем страшней для души молодой
Моря жизни суровые воды.

3 июня 1878
Таврический Сад

10

Стой, солнце, и не двигайся!
Одумайся, родимая страна!
Ты язвами покрыта вся.
Или тебе погибель не страшна?

Взгляни в поля, родимая,
И посмотри на гибнущий народ:
В поту, как вол, работая,
Он падает под бременем невзгод.

Встречая лишь презрение
За свой страдальческий и скорбный труд,
Толпы́ народа нищего
К последнему пристанищу идут.

Ослеплена страна великая
Хвалебным дымом радостных побед
И жалкими заплатами
Чинит кой-как ошибки прежних лет.

4 июня 1878

11

СОН

Я видел сон: волшебная, святая,
С прелестною поникшей головой,
Каким-то тайным недугом страдая,
  Она неслася предо мной.

Тяжелый острый меч в руках прелестной
Обильно кровью вражьей обагрен,
И девы взор пленительный, небесный
  Немой враждою притуплен.

Давя в ногах беспомощные силы,
Оковами врага себя сковав,
И на чело подъяв печать могилы,
  Спешит, путь гибельный избрав.

Под гром восторженных рукоплесканий
Спешит к бездонной пропасти она,
И перед ней полна воспоминаний,
  Победами опьянена.

Я видел язвы ран глубоких, знойных,
Я на нее с презреньем посмотрел,
Но, заглянувши в сердце девы стройной,
  О заблужденье пожалел.

20 июня 1878

12 А

Тоска и страстные томленья,
Удел печальный: все молчать,
Надежда — тяжкого мученья
Принять святую благодать,
Боязнь этого мученья,
Пустая, праздная тоска,

К чему-то смутное влеченье —
Вот чем наполнен день с утра.

24 июня 1878
Начато в церкви Всех скорбящих
Божией Матери

12 Б

Желанье страстное — сорвать
На мне лежащую печать,
Печаль и страстное томленье,
Удел безрадостный — молчать,
Надежда — тяжкого мученья
Принять святую благодать,
Боязнь жестокого мученья,
Тоски холодная игра,
К чему-то смутное влеченье, —
Вот чем наполнен день с утра.

24 июня 1878
Начато в церкви Всех скорбящих
Божией Матери

13

ЯР-ХМЕЛЬ

Земля покрыта мглой холодной,
Обвита снежной пеленой,
Бездушной, мертвенной, бесплодной.
В лесу не воет волк голодный,
И не бежит своей тропой.
И леса нет, — одна пустыня,
Ветров безгласная рабыня.
По ней блуждает ветер злой,
И мрачно-тихих гор твердыня
Его не сдержит пред собой.
По всей поверхности унылой
Везде и всюду мрак унылый,

Повсюду холод гробовой,
И спят глубоко в недрах силы,
И страшный царствует покой.

Но Солнцебог прогнал туманы,
Оковы холода разбил,
И вихри, бури, ураганы
Лучами солнца он сразил,
И зиму взором победил.
Яр-Хмель дохнул, — весна настала,
Природа вышла из оков,
Вода разбила свой покров,
И хлынула, и побежала,
И залила снега лугов.
Земля покрылася цветами,
И воздух жизнью задышал,
И над зелеными лугами,
И над долами, над горами
Природы голос прозвучал.
Лес вырос днем, и золотые
Лучи в нем весело прошли.
За днями ночи хмелевые,
Тихи, загадочно-немые
И нежно-страстные текли.
Земля пылает страстью тихой,
Любовью чистой и святой,
И страстный царствует покой,
Забавой не нарушен дикой,
Храним живою тишиной.
В кустах горячее дыханье.
Поет так сладко соловей.
Здесь нет тоски и ожиданья,
Везде и шепот, и лобзанья,
И блеск неведомых очей.

Они так скоро пролетели,
Часы тех сладостных ночей.
В лесу уж листья пожелтели,
И птицы вольные не пели,
И становилось холодней.

Яр-Хмель уж землю покидает,
И опечалилась она,
И слезы светлые роняет,
И бога тихо упрекает,
Пред ним недвижна и бледна.
— Не плачь, — сказал ей бог могучий, —
Возьми подарок от меня,
Из всех даров природы лучший,
И помни бога, дар храня.
К тебе, подруге темноокой,
Вернусь; лаская и любя,
Весною посещу тебя. —
И он припал к груди высокой,
Ее руками он обвил,
И улетел он в путь далекий;
Но пробежал огонь глубоко,
И грудь земную наводнил.
И с той поры огонь сокрытый
Всех обитателей живит,
И, мощным гением открытый,
Природу он животворит,
Глаза поэта отверзает,
И силу в грудь его вливает.

27 июня 1878

14

ПАДЕНИЕ

С бессильной скорбью продолжаю
Я жизнь позора и стыда,
И все, мечтатель, ожидаю
Свободы, славы и труда.

Вокруг меня — тоска могилы,
Оковы зла на мне гремят,
И душу, скорбны и унылы,
Проклятья звуки леденят.

Тону в разврате я постыдном,
Я проклинаю свой порок,
Клеймит мой лоб клеймом обидным
Заслуженно суровый рок.

Но цель моих святых мечтаний
Я в мрачной бездне не забыл,
И путь чудесный упований
Душой страдающей открыл.

14 июля 1878

15

Не для всех поэтов
Светлый рай отворен, —
Путь земной для многих
И тяжел и черен:
Мгла кругом немая,
Силы праздно вянут,
И на небе темном
Звезды не проглянут.

31 июля 1878

16

ПОДРАЖАНИЕ ГЁТЕ

Ты знаешь край чудесный и далекий,
Где дремлет тополей душистых ряд,
Где так отрадно мне в степях широких,
Где звезды тихо надо мной горят?
Ты знаешь этот край?
Туда! Туда!
О, гений мой,
Там отдохнуть мне дай!

Ты знаешь дом? мерцает в нем лампада,
Ночной он полон тишиной.

В душе светло, в душе отрада
С какой-то сладкою тоской.
Ты знаешь этот дом?
Туда! Туда!
Дай отдохнуть
В полумраке святом!

Ты знаешь горы вековые,
Что величаво спят, покой храня?
Там не шумят леса, всегда немые,
Там клевета не оскорбит меня.
Ты знаешь эти горы?
Туда! Туда!
Пусти меня,
Разбей мои запоры!

8 августа 1878

17 А

ПОЭТУ

Уйди в мир народный,
Уйди в мир чудес,
Из степи бесплодной
Несись до небес.

Тот мир веселее;
И нет в нем злодея,
Проклятий, рыданий.

Тебе не изменят,
И песни оценят
Святых упований.

Девица там встретит
Любовью святой,
Приветом ответит,
Утешит красой.

Забудешь ты муки,
Получишь ты мир,
И в чудные звуки
Оденешь кумир.

11 августа 1878
Летний Сад

17 Б

ПОЭТУ

Войди в мир народный
Что в область чудес,
Что в дикий, свободный
Таинственный лес.

Приникни смелее,
И в сердце злодея
Ты правду найдешь.

В свое ль окунешься —
Так сам засмеешься,
Такая там ложь.

Душа встрепенется
На при́зыв святой,
И сердце зажжется
Призывной тоской.

Оденешь ты в звуки
Свой светлый кумир,
И сладкие муки
Навеет тот мир.

11 августа 1878
Летний Сад

18

ВЕЧЕР

Задумчиво светит лампада,
В ней тихо горит огонек.
В душе моей мир и отрада
На смену минувших тревог.

На скатерти белой и чистой
Тихонько кипит самовар.
Рекою туманной, волнистой,
По комнате стелется пар.

И радость, и мир навевая,
Лампада горит предо мной,
И песню любви напевая,
И манит, и нежит порой.

14 августа 1878

19

НЕВЕСЕЛАЯ КАРТИНА

Нет страны той благодатной,
Где бы не было вражды;
На земле всей необъятной
Здесь любви не встретишь ты.

И народ простой, страдая,
Как во дни своих невзгод,
Тщетно чуда ожидает:
Но спасенье не идет.
. . . .
Счастлив ты, коль не откроешь
Другу страстную мечту,
И слезою не омоешь
Ты лицо в минуту ту.

Твое сердце чуждо миру,
Его тайны не нужны,
И пустому сонму пира
Все волнения смешны.

Пошлость, мерзость, мрак тяжелый;
Негде сердцу отдохнуть,
Пред картиной невеселой
Страшен, гадок дальний путь.

18 августа 1878

20

ПОЭТ

Молчит упорно скорби муза,
Молчит — и силы бережет;
Придет пора — и рабства узы
Рукой отважною стряхнет.
Тогда она возвысит смело
Свой голос чистый и святой,
И призовет к святому делу,
И праздный проклянет покой.
И зло, и нечисть человека
Она бесстрашно обличит,
Ее поэта злоба века
И ненависть не устрашит.
Не устрашат его гоненья,
Проклятья, злобы приговор,
Снесет он кротко оскорбленья
И незаслуженный позор.
Научит он любить друг друга,
Он в мир свободу принесет,
Свободу жизни, слова, духа,
И смерть без страха призовет.

26 сентября 1878

21

Ну, тащися, сивка,
Улицею грязной!
Мы с тобой наездимся
В этот день осенний.
Еще рано. Хмурится
Небо сизой тучею.
Непролазной грязи
Всюду видны лужи.
Скучно в эту непогодь!
Ну, тащися, сивка!
Вместе мы с тобою
Бьемся из-за едева.
Мне глядеть невесело
На заборы длинные,
На дома угрюмые,
На людей нахмуренных.
Слушать мне невесело
Ветра вой осеннего.
Шум дождя немолчного.
Ну, тащися, сивка!
Поднялись мы с сивкою
Рано-рано до свету,
И сбирать отправились
Мы с тобою денежки.
Ну, и протаскаемся
Мы до поздней ночи,
И домой воротимся
Впроголодь, усталые.
Накормлю тебя я
Скудною едою,
Да водою мутною
Напою я сивку.

21 октября 1878

22

Что, прелестный ребенок, задумчив сидишь,
На красивую ручку головку склонивши,
И лукавым глазком так печально глядишь
Об учителе строгом забывши?

Вспоминаешь ли дом, где ты нежно любим,
Где ты рос, охраняем горячей любовью,
Как бесенок лукав, и красой — херувим,
Облеченный и плотью и кровью?

Иль печалит тебя ряд холодных забот
Обо всем, что тебе здесь учитель внушает,
И порядок суровый ребенка гнетет,
И стремленья младые ломает?

Иль, быть может, обидел тебя баловник,
И обидную грубость изведал ты силы,
От тоски и печали головкой поник
И сидишь без движенья, унылый?

Средь товарищей шумных, веселых, грустя,
Ты о матери ль думаешь нежно любимой,
Ты о ласках ее вспоминаешь, дитя,
О заботах горячих родимой?

А жива ли родная, далекая мать?
Все ль любимого сына она вспоминает,
И минуты, когда он вернется опять,
Горячо ли она ожидает?...

Иль, быть может, дитя, у тебя ее нет?...
Да и мать ли родная ребенка взрастила?
Иль покинула свет твоя мать в цвете лет,
Иль отцу твоему изменила?...

Но прелестный ребенок задумчив сидит,
На красивую ручку головку склонивши,
Перед ним класс веселый беспечно шумит,
Об учителе строгом забывши...

3 ноября 1878

23

К ГОСПОДУ БОГУ

В подвале, где плесень сырая
Покрыла стены и свод,
Девочка больная
Мать свою ждет,

Вздыхает,
И грустно глядит на окно,
Что в темном подвале мерцает,
Как светлое в тучах пятно.

Девочка мечтает
Про волю, счастье и свет,
Про все, что далеко блуждает,
Чего здесь нет.

Бог знает, есть ли где, нет ли, —
Ей трудно и больно дышать.
Скрипнули ржавые петли,
Вернулась усталая мать.

Весь день в работе томилась
Она тоской,
А вечером торопилась
К дочке больной.

И дочь улыбнулась, сказала: «Милая,
Мама моя!
Зачем ты унылая?
Была я больная, хилая,
Умру, — буду счастлива я!

Ты, мама, работаешь много,
И ты будешь больна;
Но есть другая дорога,
К богатству приводит она.

Соседка вчера мне сказала:
„Красавица может всегда,
Лишь только б она пожелала,
Пожить без забот и труда“.

А ты красивая, мама,
Не знать бы тяжелых работ,
Жить бы, как знатная дама,
Жить бы, как царица живет!

Зачем работою
Себя томить?
Умру я, — простись с заботою,
Чтоб весело горе забыть!»

И вдруг, травка, косой подкошенная,
Упала дочь,
Стояла безмолвная мать, утомленная.
Темнела осенняя ночь.

Крепла дума унылая,
А дочь лепетала в бреду:
— Не плачь, мама! не плачь, милая!
Я к Господу иду! —

7 ноября 1878

24

ЗИМА

Кроет уж снег молодой
Мерзлую землю пред мной,
Кроет своей пеленой.
Холод природу сковал;
Лист пожелтел и упал,
Снегом в лесу погребен;
Лес, почернев, обнажен.
Снегом мой дом занесен,
Воды покрылися льдом.

Тихо и ясно кругом;
В окна мне солнце глядит,
Снег, как алмазы, блестит
Красным и синим огнем.

19 ноября 1878

25

А. ПОЛЕЖАЕВУ

Роскошные звуки спокойных стремлений
Ты миру оставить бы мог,
Сиял бы лучами святых вдохновений
Тебя осенявший венок;
И, может быть, чуткая душа поэта,
Отважно взлетев до небес,
Очам изумленного, хладного света
Открыла б отчизну чудес;
Сердца поражая, неслися бы звуки,
Как волны, один за другим,
И думал бы мир: усладить наши муки
С небес снизошел серафим.

Судьба погубила поэта младого,
Погиб он, измучен борьбой;
Оставил, дойдя до конца рокового,
Проклятья судьбы за собой.
Страдал он и, полон глубоких страданий,
Наполнил он песни тоской;
В них нет ни надежд, ни любви, ни желаний,
В них плач над могилой немой.

11 декабря 1878

26

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Алым пламенем горя,
Встала с запада заря.
Коротко блестит зарница,
Как стыдливая девица;
Слышны песни соловья:
«Ты, души моей царица,
Роза пышная моя!
И тобой, и страстью нежной,
Бесконечной, безнадежной,
Дума тайная полна.
Я лечу к тебе послушно,
Ты же внемлешь равнодушно,
Безответна, холодна!
Роза гордая, взгляни же!
Мне и взгляд единый твой
Будет лаской дорогой!»
Роза алая все ниже
Никнет милой головой.
Пропоет он до рассвета,
Но желанного ответа
Не дождется соловей
От красавицы своей.

12 декабря 1878

27

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

На заре, на зеркальной воде
Лебединая песнь раздавалася,
А природа, тиха и ясна,
Вкруг печальной реки пробуждалася;
Ивы гнутко склонялись к реке,
В полусне и росой орошенные.
Улыбалися поля и леса,

От полночного сна пробужденные.
Было чудно и ясно кругом,
И на всем скорбь лежала печальная.
А в реке средь густых камышей
Песнь уныло лилася прощальная.
В песне той была тихая грусть,
В песне той скорбь звучала сердечная,
И печальна та песня была,
В ней рыдание слышалось вечное.

15 декабря 1878

28

БЕГЛЕЦ

(из Сибирских народных песен)

Славное море — широкий Байкал!
Рыбный бочонок — чудесная лодка!
Ну, ветерок, пошевеливай вал!
Ну, шевелись, разгуляйся, погодка!
Через Байкал-то не долог мой путь...
Долго в горах и цепях я томился,
Любо теперь мне на воле вздохнуть;
Грудь я расправил, в степи оживился.
Прежние цепи меня не страшат,
Стража беспечно меня пропустила,
Люд деревенский работнику рад:
Там-то работа меня накормила.
Долго я шел и пришел наконец
К берегу синего моря Байкала;
У моря струсил немного беглец....
Бочку, спасибо, судьба мне послала.
Бочка дресвою залита была...
Влез я в суденышко это проворно;
Буря, авось, мне не сделает зла,
Ветер, авось, не подует нагорный.

23 декабря 1878

29

КУКУШКА

Кукушка куковала,
Сидя в своем садочке,
Головкою лежала
Она на свежей почке.
К ней птицы прилетали,
С участьем говорили:
«С какой такой печали
Вы, милая, заныли».
— «Стряслось несчастье черное;
Свила себе гнездо я
Большое и просторное,
Снесла себе яйцо я.
Вдруг нас орел заметил,
В меня тотчас влюбился,
Гнездо мое приметил,
В него, как волк, вцепился,
Яйцо разбил поспешно,
Меня он взял с собою,
Обнявши страстно, нежно,
И сделал он женою».

27 декабря 1878

1879

30

ИЗ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПОЭМЫ «ЛИПОВАЯ МАШИНА»

V.

Холод, и ветер, и дождь до костей пробирает,
Судно плывет да плывет;
Ветром суденышко так и качает,
Вал — то его подымает,
Вправо, то влево, то взад, то вперед поддает.
Мы в коридор поскорей перешли,
Думаем мы: «Слава Богу!
Теплое гнездышко здесь мы нашли,
Здесь мы запрятались, ровно медведи в берлогу».
Спим или бродим в тепле втихомолку,
С палубы, слышим, вдруг лоцман кричит:
«В вашем спанье-то не много нам толку.
Эй, вы! вставайте, лежни», — говорит:
«Эй, дармовщина! откачивать воду ступайте!»
Мы, как невольники, вверх поплелись.
«Вот мы! работы давайте».
«Вот вам работа — качайте».
Тут мы качать принялись.
Воду качаем, да песни поем.
Воду мы вверх поддаем.
«Стонет, воет не⟨по⟩годушка,
Вдоль по реченьке корабль плывет,
Не в лесу поет соловушка,
Красна девица на нем поет:
Поклонюсь я быстрой реченьке,
Поклонюсь я ветру буйному;
Ты неси меня, ты реченька,
Не топи меня ты гневная,
Не бушуй ты, непогодушка,
Не мешай мне к другу ехати,

К другу милому, желанному.
Поклонюсь я свету батюшке,
Поклонюсь я низко матушке:
Не брани меня ты, батюшка,
Не кори меня ты, матушка,
Выдайте меня за милого,
Выдайте вы за желанного».

1) 7 января 1879

31

СКУКА

Развлекает ум
Глупый, пошлый шум
Жизни праздной.
Надоело света ждать,
В черной бездне прозябать,
Надоело созерцать
Бесконечный, безобразный
Пошлый вздор.
Светлый взор
Злобным делом отуманен;
Плод моих мечтаний
Дик и странен.
Светлых упований
В сердце нет;
Жду я бед
Безучастно,
Ненавижу пошлый свет
Всей душою, страстно.

2) 7 января 1879

32

ИЗ ПОЭМЫ «НОВЫЙ ГОД»

I

Великий день — последний день!
Великий год — истекший год!
Прошел — и нам оставил тень
Минувших бед, страстей, невзгод.
Но что же впереди нас ждет?
Ты мне принес немало дум,
Младенец грустный, новый год.
Но я печален и угрюм.
Вокруг меня толпа забот,
И предо мной стоит вопрос,
Что будет впереди со мной?
Туманна ночь. Лежит мороз.
В пустынных улицах покой,
А я все шел, все шел вперед,
Как тот тяжелый, мрачный год,
Что нас безмолвно покидал.
Туманный город в мгле лежал,
И звездный свод над ним блистал,
И, озаря ковер снегов,
Спокойно месяц вниз глядел,
А ветер, злобен и суров,
Мне песнь насмешливую пел:
«Куда, мечтатель молодой?
Кого, чего здесь ищешь ты?
Зачем покинул ты покой,
Зачем оставил ты мечты?
Здесь холод, мгла, туман густой.
А люди — предо мной они
Дрожат. Я в них вселяю страх.
Идут, дрожат они. Взгляни:
Мольба на скованных устах,
Слеза отчаянья в очах.
Вернись, мечтатель молодой,
Вернись, вернись скорей домой!»

Но я молчал и дальше шел.
Какой-то дух могучий вел
В тот чудный час меня,
Куда-то вдаль с тоской маня.

3) 7 января 1879

33

ПОЧКА

Тихо грезит почка
Среди майской ночи,
Тяжела ей ночка,
Не хватает мочи
Утра дожидаться,
Чтоб в одежде новой
Пышно красоваться
Розою терновой...
Так поэт: в младые годы
Спит талант его чудесный,
Но полна душа стремленья:
В ней горит огонь небесный!..

25 января 1879

34

СМЕХ

Надо мной смеялись люди,
Я смеялся сам,
Но уста мои в лобзаньи
Прижимались к их устам.

Видел я, что все смеются
Вечно надо мной,
И душа моя печалью
И немой полна тоской.

Но в людей я верил слепо
  И стремился к ним. —
Надо мной смеются люди,
Я обижен и гоним.

1) 27 января 1879

35

ДРУЖБА

Поле дышит ароматом,
Ясно небо надо мной,
Лес пред мной вдали синеет;
Над широкою рекой
Мы с товарищем сидели
И глядели в небеса,
И смеялись очень звонко....
Все прошло! И те леса
Зимним снегом уж покрылись, —
Мне сказал товарищ мой:
«Дай мне два рубля, мой милый,
Иль рассорюсь я с тобой!»

2) 27 января 1879

36

СЛАВА

Я лежал с своею думой
И измученный, и злой;
Занимался день угрюмый
И томил меня тоской.
Предо мной мелькнула слава
  При мерцаньи дня,
Горделиво, и лукаво
Посмотрела на меня.
«Посмотри, — мне говорила, —

Царство славы там:
Я дорогу проложила
По пучинам и волнам.
Со снедающим пороком
        Сладить ты не мог
И в разврате одиноком
Ослабел и изнемог.
Ты лежишь, печали полный,
И измученный, и злой,
А туда выносят волны
Только чистого душой».

3 февраля 1879

37

Мои отцы — казаки *были*,
Железом страшные врагам;
Они свободу приносили
Ее не знающим рабам.
Наскучив рабством вековечным,
С родной земли они ушли
Под звуки песен тех сердечных,
Что разносились по земли,
Свободны, будто ветер в поле,
Как степь шир⟨ок⟩ая, горды,
Цвели, росли они на воле
Беспечны, вечно молоды;
Они увянуть не успели,
Судьбою рано сражены,
И их великой колыбели
Остатки русским сожжены.
Но дух свободный, величавый
В сынах Украйны уцелел,
И на меня он веет славой
Давно забытых, чудных дел.
Во мне Украйны дух свободной
Ключом живым из сердца бьет.
На бреге Волги полноводной

Я вижу царственный народ.
. . . .

4 февраля 1879

38

ПЕСНИ

Идет он, братьев утешая,
Напевы дивные звучат,
Но звуки песни проклиная,
Рабы их слушать не хотят.
Они ведь не накормят нищих,
Оковы рабства не стряхнут
И чудный свет духовной пищи
На темный разум не прольют.
Звучат страданий громче звуки
Волшебных, чудных звуков всех,
И замолкает в царстве муки
Веселый, беззаботный смех,
Смолкает песня золотая
Про женщин, розы и вино,
Там скорбь великая, немая
И горе царствует одно.
А если б лютнею волшебной
Поэт родной был одарен,
Он не восторг нашел хвалебный, —
Проклятьем встречен был бы он.
Не радость лютня б разливала
В тоской измученных сердцах, —
Нет, слезы горькие рождала
Она на впавших бы очах.
Ее пленительные звуки
Не дали б *радость и покой*, —
Они прибавили бы муки
Сердцам, измученным тоской.

5 февраля 1879

39

ЖЕЛАНИЯ

Постигнуть тайну вечную
Святой любви,
Изведать жизнь сердечную,
Огонь крови,
И силу страсти мощную
В сердцах мужей,
И радость непорочную,
И блеск огней,
Страданья девы страстные,
И юный жар,
И мудрость безучастную, —
Науки дар,
И подлость непомерную,
И грязь людей,
И доблесть, чести верную,
В крови своей, —
Все чистое и грязное
Хочу узнать,
Чтоб горе неотвязное
Борьбой встречать;
Мечтанья чудно-страстные
Чтоб поднялись,
Созвучия прекрасные
С пера лились.

28 февраля 1879

40

СОМНЕНИЕ

Когда так страстно я люблю,
Зачем же люди ненавидят?
Привет ли я сердечный шлю, —
Меня насмешкою обидят;
Открою ль страстную мечту, —

Меня за правду проклинают;
Друзей ли искренних сочту, —
Но другом кто ж меня считает?

2 марта 1879

41

НОЧЬ

Покрыла ночь сады Украйны отдаленной,
В лесах и нега, и покой,
Трудом тяжелым утомленный,
Спит городок над смутно-тихою рекой,
И с неба смотрят звезды ясные
На всех спокойно, безучастные.
Молчанье мертвое на улицах пустынных,
Сады росой орошены,
И вдоль заборов скучно-длинных
Шаги прохожего в ночной тиши слышны;
Их замедляя с восхищеньем,
Прохладу пьет он с наслажденьем.

7 марта 1879

42

КОЛОКОЛ

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
И предо мною жизнь кипит,
Я слышу: где-то, полон думы,
С тоскою колокол звенит.
От этой жизни малодушной,
Из этой сферы пошлой, душной
Он вдаль таинственно влечет,
Туда, где трудится народ.

В часы молитвенного пенья,
Когда горит огнями храм,

И все молчит, склонясь в моленьи,
И жгут пред Богом фимиам,
Когда божественное слово
Под сводом сумрачным звучит,
Трапеза чудная готова,
И мощно колокол гремит, —
В минуты чудные, святые,
Я слышу колокол иной;
Пред мною лики неземные
Плывут с улыбкой неземной,
Звучит чудесно песнь свободы,
Борцы убитые встают,
Что жизнь святую в наши годы
За благо ближних отдают,
И те, которых люди гнали
Теперь и в прежние года,
Они встают из светлой дали
Молят, зовут меня туда.

9 марта 1879

43

Катится жизнь безнадежно-бесплодная,
Жить не давая,
Та же пустыня уныло-холодная, —
Тишь гробовая;
Те же унылые, жалкие радости,
Те же печали...
Чаша еще неизведанной сладости,
Ты не мечта ли?
Мрачно проходят недели печальные,
Света не видно;
Звезды глядят неприветливо, дальние....
Грустно, обидно!...

18 марта 1879

44

Без движенья стоят молчаливые статуи
И с тоскою глядят на меня;
Я рыдаю, склонясь к их подножиям каменным,
Озаряем сиянием дня.
Я рыдаю, и слезы катятся холодные,
И теснят вздохи грустные грудь,
Предо мной в тихий хор соловьев обращаяся,
И прелестные розы мой путь,
Вырастая из слез моих, тихо катящихся,
Устилают махровым ковром;
Оживают пред мною статуи холодные,
И ликует природа кругом.
Надо мною склоняясь, деревья унылые,
Чудно-звучные песни поют,
И русалки с глазами прозрачно-небесными
Меня в царство покоя зовут,
И, сплетясь в хороводы, цветочки веселые,
Веселяся, ликуют вокруг,
И склоняюсь я, сном золотым успокоенный,
На цветущий, ликующий луг.

23 марта 1879

45

Каждый год неукоснимо
Повторяет это мать:
Воскового херувима
С освященной вербы снять,

И сказать мне улыбаясь:
— Раздевайся и ложись! —
И стегать меня, стараясь,
Чтобы слезы полились.

Тот обряд она свершает
В понедельник на Страстной,

И, смеяся, повторяет
Те же шутки надо мной:

— Верба бела, бей до тела,
Верба хлёст, стегай до слёз,
Чтоб учился и за дело
Принялся молокосос! —

3 апреля 1879

46

ВЕСНА

Весна! Природа торжествует,
Природа сбросила свой гнет,
Все веселится и ликует,
Все блещет, дышит и цветет.
Но всюду, где свои селения,
Построил прочно человек,
Там нет весны, нет возрожденья,
Там злоба царствует и грех.
Железной силе угнетенья
Дана великая страна,
И под спаленными лесами,
И над печальными полями,
И под свистящими бичами,
Рыдая, падает она.
Доселе розгами богата
Страна великая моя,
И ими бьем меньшого брата,
Свою старинушку любя.
О, погоди, моя родная!
Увидишь крови много ты.
Та кровь кипела молодая, —
Весна промчалась золотая,
Разбиты прежние мечты!...

1) 8 апреля 1879

47

СУДЬБА

Не для счастья, не для радости
В свет мы рождены,
Не для нас волненья младости
Небом суждены,
Не для нас любви мгновения
С красотой своей,
Не дождаться утоления
Пламенных страстей,
Не согрета страстью знойною,
Молодость пройдет,
И в кругу своих, спокойная,
Старость нас не ждет.
Нас иное ждет волнение,
Высшая любовь:
Мы прольем — во искупление
Братьев нашу кровь...
В сердце живо упование,
Воля им тверда:
Сменят годы испытания
Лучшие года.

2) 8 апреля 1879

48

ПОЭТУ

Идешь ты, братьев утешая,
Напевы дивные звучат,
Но звуки песен проклиная,
Рабы их слушать не хотят.
Зачем, к чему веселья звуки,
Где нужно падать, чтобы жить,
Народных бед, сердечной муки,
И в сладких звуках не забыть.
Смолкает песня золотая

Про женщин, розы и вино,
Здесь скорбь великая, стеная,
И горе царствует одно.
Нам утешения не нужны,
Не нужно лести и похвал,
Лежим мы, слабы и недужны...
Поэт, который врачевал
Лекарством горьким нас, — в могилу
Сошел, измучен и разбит,
И вновь неправедная сила
Над вечной правдою царит.

29 апреля 1879

49

Чахлая зелень,
Чахлые люди,
Слабые силы,
Слабые груди,
Смерть и порок.
Падаешь, вновь поднимаешься,
Трудишься, бьешься, стараешься,
То от борьбы изнемог,
То наслаждаюсь весною,
Песни слагаю порою,
То упаду глубоко,
То вознесусь высоко...
Падаю, падаю с неба,
Жду я духовного хлеба,
Или глотаю
Черную грязь,
Жизнь ожидаю,
Жизни боясь...
Где ж ты, весна золотая?
Что же тебя не видать?
Жду я тебя, унывая,
Хочется плакать, стонать!
Стон вырывается тихий,
Слезы, как вы бы текли!

Думы, быть может, так дики
Голову мне бы не жгли!
Будущность так безотрадна,
Детство так глупо прошло...
Да, одному не повадно!
Слабы мы, — сильно в нас зло.

16 мая 1879

50

Если б сердце чистое
Я теперь имел,
Был бы голос мой яснее,
Я бы громче пел.

Пел бы я про славу
И свободу прежних дней,
Пел бы я про рабство,
Цепи родины моей.

Пел бы я героев,
Что вперед народ вели,
Что за благо родины
В бой с врагами шли.

1) 27 мая 1879

51

Не думай о беде отчизны,
И о собратьях не жалей:
Для бесполезной укоризны
Рискуешь головой своей!

Будь подлецом! Служа злодеям,
Для всякой мерзости живи
И, зарываясь в грязь, смелее
Свое достоинство дави!

2) 27 мая 1879

52

В мечтанья погруженный,
По улице я шел.
Я был король влюбленный
Пред мной стоял посол.

От милой королевы
Кольцо принес он в дар.
Привет любимой девы
Зажег во мне пожар.

И вот в мою столицу
Спешит уже она,
В парчу и в багряницу
Светло облечена.

От счастья мои щеки
Пылают горячо,
И вдруг удар жестокий
Я получил в плечо,

И голос грубый, строгий
Над ухом прогремел:
— Мальчишка босоногий!
Толкаться как ты смел! —

Как из лазури ясной
Я на землю упал,
И франт, от злости красный,
Мне уши натрепал.

С поникшей головою
Плетуся я вперед.
Мальчишки надо мною
Смеются из ворот.

30 мая 1879

53

Представляется мне моя родина
Лучезарной, прелестной развратницей:
Наслаждается лаской продажною,
Дома брошены дети голодные.

Отчего же мне жаль ту развратницу,
Отчего же люблю я продажную:
Оттого ль, что страдает родимая?
Оттого ли, что лучшего я дожидаюся?

1 июня 1879

54

ЛЕТОМ

Сладок отдых, тягостны занятия,
Мне мерещатся объятия,
Поцелуи и любовь;
Это солнце страстно-знойное,
Это лето беспокойное
Мне волнует кровь;
Но в ушах звучат проклятия, —
Вновь страдают наши братия,
Загремели цепи вновь.
Нивы жалкие, бесплодные,
Души гордые, холодные,
Зацветет ли в вас любовь?

9 июня 1879

55

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Развратен я, преступен я,
Но я испытывал мгновенья,
Когда рвалась душа моя,

В порывах светлых вдохновенья.
Тогда я искренно любил,
Тогда вперед я порывался;
Мне светоч истины светил,
Меня на муки он манил,
И вдруг — негаданно скрывался.
И снова я во тьме ночной,
Непроницаемой, пустой,
Мертвящей душу и холодной,
С моею думою бесплодной
Стоял по-прежнему один.
. . . .
Под небом ясно голубым
Своей отчизны милой —
Украйны светлой, но унылой
Лежал он, грустию томим,
И проходили перед ним
Его младенческие годы —
Он их с проклятьем вспоминал. —
Над ним спускались мрачно своды,
И солнца луч, герольд свободы,
К ним никогда не проникал.
Сыра была стена подвала:
Там темно, холодно всегда;
Весной и осенью вода
Его едва не затопляла.

Июнь 1879

56

ШВЕЙЦАРСКИЙ ЛАНДСКНЕХТ

(*Германская народная песня*)

Я стоял на стене на часах,
И услышал я звуки рожка;
Прозвучал на родимых горах
Мелодичный напев пастушка.

И рвался я в родную страну,
Но реку переплыть я не мог,
И когда рассекал я волну,
Захватил меня вражий челнок.

На двор завтра меня приведут,
И поставят пред строем солдат,
И молиться мне время дадут:
Но не тронет их жалобный взгляд.

Ах, я знаю, что будет со мной!
Наконец, смертный час мой настал!
Погубил меня друг молодой,
Что так чудно в отчизне играл!

Июнь 1879

57

Жар тяжелый давит город,
Камни улиц горячи.
Был я нынче утром порот,
Крепки были розгачи.

«Где гулял вчера?» — спросила
Утром бабушка. Ответ
Дерзкий что-то мне внушило:
«Где гулял, меня там нет».

Рассердилась мать, — за дело, —
Крики, брань, пощечин треск,
Вся одежда вмиг слетела,
Рев мой слышен, розог плеск.

После порки злой тяжеле,
Покраснел, горю стыдом,
Но по улицам велели
Пробежаться босиком.

Бабушка меня позвала,
Гостя к завтраку ждала,
И к Филипову послала,
Да за водкой, — рубль дала.

Я бегу в истоме жара,
Крупно делаю прыжки,
И по плитам тротуара
Звонки ног моих шлепки.

1 июля 1879

58

На лестнице не видно никого,
Бутылку с водкой в рот я опрокинул.
Нельзя сломать сургуч, да ничего,
Лизнул я пробку, но ее не вынул.

Попала только капля на язык,
Но эта капля сладкой мне казалась.
Я водки не пил, к ней я не привык,
Но так была приятна эта шалость.

А Дмитриев из рюмки водку пил,
Он офицер, и очень любит водку.
Вчера, как и всегда, он скромен был,
А все ж луженую имеет глотку.

2 июля 1879

59

ТРИ БРАТА

(*Отрывок*)

Один конюшни царской
Начальником служил,
Другой — начальником охоты

Он егермейстер был,
А третий был дворецким
И вместе с тем — шутом;
Но он за подвиг молодецкий
Был награжден крестом.
Своею честью лишь рискуя,
Они весьма, весьма сильны...
Но лучше умолчу я,
За что они награждены!

С царевной в колеснице
Конюший был один,
И был весьма любезен,
Как светский господин;
Царевну милую целуя,
Бог знает, что затеял он...
Но лучше умолчу я,
За что он награжден!

Другой был на охоте,
Царевну он встречал,
И так же, как и старший,
К ней в милость он попал;
И прелесть милой поцелуя
Изведал также он...
Но лучше умолчу я,
За что он награжден!

А третий брат — дворецкий,
Царевне он служил,
И вот тот подвиг молодецкий,
За что он так любезен был:
Когда к царевне милой
Являлся тот или другой,
Он караулил их особы,
Ходя пред каменной стеной;
Хотя немногим лишь рискуя,
Ласкаем был и он...
Но лучше умолчу я,
За что он награжден!

3 июля 1879

60

Как твои идеальны напевы,
Идеальны и глупы притом:
Воспеваешь ты прелести девы,
Музы кроткой с лавровым венцом.

Вечный лавр достается герою,
И венца не найдешь за мечты;
Не испытанный трудной борьбою,
Не достоин бессмертия ты.

Июль 1879

61

ОТРЫВОК

Толпа шумит, толпа ликует,
Но я печален и угрюм,
Душа моя болит, тоскует,
И сердце страстное волнует
Суровый рой суровых дум.

Мои младенческие лета
И юность темная моя
Лучом отрадным не согреты,
И слова теплого привета
Ни разу не услышал я.

Семья — в моей стране унылой
Она угрюма и мрачна:
Не вечно дышащею силой,
Она глядит всегда могилой,
И тьмой, и холодом полна.

Лето 1879

62

Обширен русский Пантеон,
Богов чужих вмещает он,
А наш святой, великий Бог
Давно покинул свой чертог.

28 сентября 1879

63

НА РОДИНЕ

Снегом избы заметая,
Ветер злится и шумит,
Плачет, стонет вьюга злая,
Очи страннику слепит.
Странник сбился в снежном поле,
Он деревне близкой рад;
Вьюга злится боле, боле,
В избу просится солдат.

В той избушке ветхой жили
Со старухою старик,
В избу странника пустили,
Пообедать дал мужик.
Им рассказывал служивый
Про походы и войну,
Ус покручивал красиво,
Вспоминая старину.

Показал начальством данный
Крест почетный дорогой,
И своей добычей бранной
Похвалился гость ночной:
Показал им денег полный
Толстый-толстый кошелек...
И глядел старик безмолвно,
Слова вымолвить не мог.

Баба с завистью глядела,
Не спуская с денег глаз:

Нашептал им злое дело
Бес, заманчивый для нас.
В тьме лучина чуть мерцала,
Свет струился на стенах.
Темно было, мгла лежала
Непролазная в углах.

Утомленного дорогой,
Уложили гостя спать;
Стал старик жене с тревогой
Речи злобные шептать.
Вот лучина погасает,
Огонек ее мелькнул
И погас, топор сверкает —
И солдат навек уснул.

Ночи бледное светило,
Из-за туч мелькнув, луна
Труп холодный осветила;
Будто скорбию полна.
Злобно ветер дул сердитый
Снегом старых засыпал;
Перед ними сын убитый,
Долгожданный сын лежал.

5 октября 1879

64

Приди ко мне, о муза Клио,
И помоги мне описать
Богатыря добра и правды
И зла тьмачисленную рать.

1) 18 октября 1879

65

Сладкозвучней нет на свете
Курских соловьев:
Мне поет о жарком лете,
Оживляет вновь
Соловей в душе мечтанья,
И душа очарованья,
Как сосуд вина,
До краев полна.

Как вино,
Кровь кипит,
Но душа
Все грустит,
Но душа все полна
Горьких дум,
И опять, как волна,
Грусть злодейка черна,
Мучит сдавленный ум.

2) 18 октября 1879

66

Волны стонут,
Волны бьются,
Люди тонут,
Люди рвутся,
И холодная, суровая,
Поглощает их волна,
Где же наша радость новая,
Где скрывается она?

3) 18 октября 1879

67

Я в области теней,
И глупости, и скуки,
И радости и муки,
И плача и страстей.
Как сон она несется,
Жизнь бледная моя,
И жизни нить не рвется,
И сердце бедное не бьется,
Живу, смеюсь и плачу я.

4) 18 октября 1879

68

Как страдалица безмолвная,
В думу вся погружена,
Ты стоишь, печали полная,
Скорбной радостью полна.
Ты мечтаешь ли, печальная,
Об отрадной старине,
Вспоминается ли дальняя
Там семья в родной стране?
Или тяжкому страданию
Ты, как жертва, отдана,
И в душе нет упования,
И ни думы, ни мечтания
Не исполнена она.

5) 18 октября 1879

69

Застенчив я, и потому смешон.
Моей неловкости мне часто стыдно.
Когда ж в задор бываю вовлечен,
То говорю и дерзко, и обидно.

Я никому б понравиться не мог.
Кто знает, что застенчивость — причина?
Молчу, молчу, но слов прорвется ток,
И будто бы раскрылася пучина.

Когда бы я спокойным быть умел,
Я говорил бы кротко и учтиво,
И правду в комплименты б завертел,
И улыбался б вежливо и льстиво.

Но не могу. Волнует все меня,
И долго я в себе таю обиду.
Иной подумает: «Вот размазня!»
Когда, сконфуженный, я тихо выду.

Всем кажется, — я, как тростник, дрожу,
И никуда я в жизни не гожуся.
Но я порой внезапно надержу,
Или с мальчишками вдруг подеруся.

Тогда бранят меня, стыдят, секут,
Как будто бы со мной нельзя иначе,
Как будто бы березовый лишь прут
Мне нужен так, как кнут упрямой кляче.

9 ноября 1879

70

Покрываются земли снегами
И опять зеленеют, цветут,
Одеваются нивы хлебами,
Реки волны спокойно несут,
В поле колос зерно наливает,
Лес приветливо манит меня,
Солнце землю печет, нагревает,
Дышит жар благодатного дня;
Все спокойно стоит пред тобою
И стремится все к цели одной —
Отчего же с такою тоскою
Ты рыдаешь, поэт молодой?

Пред тобою прошли поколения
С безысходною скорбью в очах;
Они скрыты туманом забвения,
Но их горе живет в их сынах;
И над этими светлыми нивами,
И над этой великой рекой,
Что играет волнами ленивыми
И приветно манит на покой,
Не веселая песенка слышится,
Не свободные люди живут, —
Как в тюрьме, на брегах этих дышится,
Как отрады, сна вечного ждут.

14 ноября 1879

71

ПРОРОК

Я для многих был кумир,
Сотворил я много:
Я прошел с мечом весь мир,
Прославляя Бога.

Я на высший пьедестал
Вознесен судьбою;
Шар земной, как мяч, дрожал
Под моей рукою.

Слабый смертный произнес
Слово отрицания —
И как будто вихрь унес
Славы обаянье.

Храм разрушенный стоит
Мрачен и печален,
И кумир веков лежит
В мусоре развалин.

17 ноября 1879

72

Желанье страстное — сорвать
На мне лежащую печать,
Тоска и страстное томленье,
Надежда тяжкого мученья
Принять святую благодать,
Боязнь этого страданья,
Дней лучших, светлых ожиданье,
И мысль гнетущее сознанье,
Что не видать мне этих дней,
Блестящих радостью своей, —
Какая жизнь! Как мгла густая,
Все темно, темно вкруг меня;
То веселяся, то страдая,
То равнодушно ожидая
Рассвета радостного дня,
То наслаждаяся весною,
То унижаяся порою,
Живу, смеюсь и плачу я.
Как бледный сон, она несется,
Жизнь одинокая моя,
И сердце бедное все бьется,
И ненавидя, и любя.

21 ноября 1879

73

Если б дал Ты мне величье,
Гений, славу, чистоту,
Мыслей чистых совершенство
И мечтаний красоту,
Целомудренные песни
Ты бы мне в уста вложил,
И огнем своим небесным
Грудь мою воспламенил —
Без сомнения и муки
Я прошел бы данный путь,
Чтоб в Твоем небесном царстве
Позабыться, отдохнуть.

Если б с сильною душою
Ты послал меня в злой мир
И, отвержен меж счастливых,
Я бродил бы наг и сир;
Если б с юных лет бороться
Мне с судьбою привелось,
Если б крови моей много
На каменья пролилось —
Как апостол и глашатай
Новых истин вековых,
Пострадал бы я со славой,
Пострадал бы я за них.

Одарен Тобой стремленьем
К свету истины святой,
Но ничтожный и ленивый,
И развратный, и пустой,
Я живу в наш век холодный,
И страдаю, и люблю,
То борюсь со злым пороком,
То о счастии молю;
Нерешителен, печален,
И бездействен, и ленив,
Я стою с тяжелой думой,
Даром силы загубив.

23 ноября 1879
9-й час вечера. Пятница

74

Смерть и сон, сестра и брат
Очень схожи меж собой.
Брату всякий в свете рад,
Все дрожат перед сестрой.

Но порой, наоборот,
Брата гонит человек,
А иной сестру зовет:
— Поскорей кончай мой век! —

Все, что делал здесь злодей,
Брат напомнит в тишине
Очень тягостных ночей.
Стонет злой: — Как тяжко мне! —

А сестра несет покой
Тем, кто жизнью истомлен,
И могильной тишиной
От тоски бедняк спасен.

27 ноября 1879

75

Ангел тихий и прекрасный,
Мир небесный низведи,
С утешением приди,
Улыбнись улыбкой ясной,
И воздушною стопой
Приходи ко мне порой!

Я страдаю, я тоскую,
Призываю я тебя,
То бесплодно негодуя,
То бессмысленно любя.

Жаль невиданного счастья,
Нет к нему пути!
Хоть улыбкою участья
Путь тяжелый освети,
Над взволнованной душою,
С безмятежной тишиною,
Тихий ангел, пролети!

Ангел тихий, ангел нежный!
С тишиною безмятежной
Ты придешь ли, наконец,
И твоей улыбкой ясной
Насладится ли несчастный
И взволнованный певец!

30 ноября 1879

76

Юноша пылкий! Нам жизнь ненадолго дана!
Даром не трать драгоценное время:
Жить, наслаждаться, трудиться спеши,
Смелой рукою карман набивая.

9 декабря 1879

77

Ты у чужих людей взросла,
Ты шла по скользкому пути,
В начале жизни отцвела,
И в гроб торопишься сойти.

Тяжел был путь короткий твой,
Судьбы тебя сломила злость,
И много с горем и тоской
Душевных струн оборвалось.

Давно устала ты страдать!
Конец, страдалица моя:
Тебе не больно умирать,
Отраден сон небытия.

15 декабря 1879

78

Новому Году навстречу
Я посылаю проклятья:
Смело бросалися в сечу
Прежде свободные братья,

Смело сражались за счастье,
Славу, и честь, и свободу,
Но непонятною властью
Скованы руки народу,

И пропадают усилья,
Гибнут могучие люди,
Стонут в сознанье бессилья
Все благородные груди.

20 декабря 1879

79

Разве царственная роза,
Роза нежная, виновна,
Что благоухает,
Но шипы имеет?

Кто ж осудит гений,
Что с волшебной силой
И любви и песнопений
Все ж ничтожностью он полн.

Почвой они оба
Произведены,
И, земли ничтожной дети,
И земную прелесть,
И пороки вместе
Все соединяют.

Рождество пр⟨авославное⟩
1879—1880

1880

80

ГАЙДАМАКИ

По лугам зеленым
В гору от реки
На конях поспешно
Едут казаки.

К дому подъезжают,
И в окно стучат,
Отворить скорее
И впустить велят.

Молодая панна
Вышла дверь открыть,
И, коня узнавши,
Стала их корить:

— Воры вы! От пана
Отняли коня,
И убили зверски
Мужа у меня. —

— Нет не воры, панна,
Здесь перед тобой, —
Идут гайдамаки
На великий бой.

Мы за хлопов ваших,
Наших братий, мстим,
Кровью польской Польшу
Всю мы обагрим.

Мы коня купили,
Мужа твоего
Спать мы уложили
За коня его.

Не поет он песен,
Как когда-то пел,
Да и панне долго
Петь он не велел. —

И к осине в поле
Панну повели,
Привязали крепко,
Ствол же подожгли.

Мечется Анеля,
Плачет и кричит,
Тлеет ее платье,
Вспыхнуло, — горит.

И горит Анеля,
И клубится смрад.
А казаки дальше
К западу спешат.

15 февраля 1880

81

АПОСТОЛУ

Где нужнее здоровые силы,
Где нужней молодая любовь,
Там найдешь ты, апостол, могилу,
Там прольешь ты горячую кровь.

Ты с глубокою верою в Бога
И с надеждою выйдешь в свой путь.
Настрадается сильно и много
Эта любвеобильная грудь,

И в душе, обливаемой кровью,
Оборвется тогда не одна,
Прозвучавшая вечной любовью,
Беспредельной любовью, струна.

Но над трупом твоим охладелым
Много крови прольется и слез.
Не умрет над безжизненным телом
Роковой и великий вопрос.

Чрез туманы и бури сияя
В продолжение многих веков,
Пока ходит земля молодая
В мириадах небесных миров,

Не исчезнет твой образ прекрасный,
Он в народных сердцах оживет,
И на подвиг святой и опасный
Молодые сердца призовет.

26 февраля 1880

82

Что же, Муза ты обманная,
Не сама ль ты, богоданная,
Напевала, помнишь, мне
О святом твоем огне,
Об огне твоем живительном
И волшебно-упоительном!
Где же твой небесный жар?
Что же твой роскошный дар?
Истомила ты, проклятая,
Обещаньями богатая,
Душу страстию сожгла,
Рой мечтаний привела,
И смеешься ты, прелестная,
Ты, развратница небесная!

12 марта 1880

83

НА ШИПКЕ ВСЕ СПОКОЙНО

ТРИ КАРТИНЫ ВЕРЕЩАГИНА

Гром орудий на Балканах
После битвы призатих.
Оба лагеря спокойно
Выжидают битв иных.
Снег сверкает на вершинах,
И в долинах он лежит,
И при месяце огнями
Разноцветными блестит.
Месяц в небе птицей мчится,
То укроется меж туч,
То в разрыв их быстро бросит
Зеленеющий свой луч.
Тесной стаей, вперегонку,
Пробегают облака,
Будто гонит их куда-то
Невиди́мая рука.
Тихо, слышен каждый шорох,
Кручи белые молчат.
На часах стоит, и дремлет,
И качается солдат.

Воет ветер над горами,
Гонит в небе облака,
Пелена снегов клубится,
Словно быстрая река.
Потемнел Балкан лесистый,
Встрепенулся ото сна,
Мрачно смотрит, как за тучи
Робко прячется луна.
Точно духи в пляске мчатся, —
Вихри стонут и вопят,
И стоит в снегу по пояс
Замерзающий солдат.

Вьюга злится, вьюга плачет,
Кучи снега намело,
Все проходы, все тропинки
Этим снегом занесло.
Ничего вдали не видно,
Ночь бурливая темна,
И не светит из-за тучи
Оробевшая луна.
Над волнистыми снегами
Видны шапка да башлык,
Да торчит из снега острый
И блестящий сталью штык.

1) 14 марта 1880

84

МУЗА

Муза — не дева, не резвый ребенок,
Муза — не женщина, стройно-развитая,
Муза — не ангел, не гений небесный,
Муза — не тайна, от века сокрытая.

Честь и невинность давно потерявши,
Все же ты манишь, богиня прелестного,
Но я бегу тебя в страхе и ужасе,
И удаляюсь от ложа бесчестного.

Эти позорны объятия музы,
Гениям праздности вечно открытые,
И порождает конфектные куклы
Лоно твое, широко плодовитое.

Но, гражданин и служитель народа,
Я убегаю из храма напрасного,
И поклоняюсь труду вековому,
Музе невинной труда и прекрасного.

2) 14 марта 1880

85

...Как дитя,
Ты углов боишься темных.
Вся ясна ты и светла,
Лучезарной красотою
И невинностью мила.
Все в тебе так чародейно
И ласкает, и манит:
Бело-трепетные плечи,
Алость нежная ланит,
И коралловые губы,
И лазурные глаза.
С головы, как смоль чернея,
Вьется пышная коса.

23 марта 1880

86

ВЕНЧАНИЕ

Перед налоем в час венчанья
Жених с невестой молодой.
Она вся вера и молитва,
А он холодный и немой.
Невинным взором упованья
Она на лик Христа глядит,
А у него на сердце битва
Не умолкает и кипит.

Она невинностью прелестной
И детской радостью полна,
А у него на сердце злоба
Встает, как мощная волна.
Исполнен радостью небесной,
Пред нею новый мир встает,
А он холодной тени гроба,
Покоя вечного он ждет.

Он сердце, полное страданий,
Отравы полное, принес
На тот алтарь, что так прекрасно
Ты убрала венками роз.
Молитвы светлых упований,
Молитвы детской чистоты,
Поверь, возносишь ты напрасно
К престолу вечной красоты.

Любви и счастья ты не встретишь,
А он, холоден и угрюм,
Он изнемог под ношей темной
Невыносимо-тяжких дум.
В чертах безжизненных заметишь
Ты призрак счастья своего,
Его же горе так огромно,
Что не тебе целить его.

25 марта 1880

87

ПЕРЕД ОТЦОМ

Отрывок из поэмы

Я посетил печальное кладбище,
Последнее, спокойное жилище,
Где похоронен мой отец,
И над его безвременной могилой
Припомнил я, смущенный и унылый,
Его страдальческий конец,

И проносилися в воображеньи
Те темные, печальные мгновенья,
Когда отец мой умирал,
И я, в слезах, свои ломая руки,
Томяся от тоски и тяжкой муки,
Впервые горько зарыдал.

Надолго в памяти моей бесплодной
Средь жизни утомительно-холодной
Я эти слезы сохранил.
Безумны и преступны были грезы,
Но вновь упали на могилу слезы, —
Я ими душу вновь омыл.

Я жду, — перед страдальческою тенью
(Она не будет предана забвенью)
Мои грехи исповеда́ть.
Услышь, отец, сыновнее воззванье,
Приди, мое немое покаянье,
И слезы жаркие принять!

И ты пришел. Твой дух любвеобильный
Ко мне повеял из тиши могильной,
И встал, сияя, предо мной;
И неземной сиял он красотою, —
И, полон раскаяньем и тоскою,
Упал я в прахе пред тобой.

И он стоял, бледнее покрывала,
И тишина внезапная настала,
И вся природа замерла,
И медленно перед смущенным взором,
Покрытая печалью и укором,
Жизнь одинокая прошла.

Нет, лгут они, беспечные поэты,
Что счастливы младенческие леты,
Что безмятежны эти дни.
В моей душе безумные мечтанья,
Порочные, преступные желанья
Впервые бросили они.

И разрасталось в сердце семя злое,
И растлевалось тело молодое,
И малодушная душа
Все степени порока и паденья
Прошла, позором едким преступленья
И вечной скорбию дыша.

И вот, объят порывом раскаянья,
Стою пред ним. Былые упованья
Несутся, светлы и чисты.
Я Божий голос слушаю так жадно,
И вновь душе и близко, и отрадно
Все упоенье красоты.

30 марта 1880

88

МОГИЛА

Его забытую могилу
Не украшает мавзолей,
Знак долгой памяти людей —
Она печальна и уныла.
Лишь неизвестная рука
Два-три увядшие венка
На крест надела намогильный,
И покосившийся, и пыльный,
Да полустертые слова
На нем виднеются едва.

Но будет время: над могилой,
Теперь заброшенной, унылой,
Возникнет пышный мавзолей,
И поколения людей
Перед страдальческою тенью,
Не предаваемой забвенью,
Пройдут с молитвою живой,
И уберется он цветами,
И благовонными венками
Весны и воли молодой.

31 марта 1880

89

В моем кармане смялась пачка папиросок.
Не в том беда, а в том, что их сыскала мать.
Допрос недолгий был, потом две связки розог,
Раздела догола и начала стегать.

— Еще мальчишка ты, тебе вредит куренье, —
Учила так меня, — Не смей курить, сынок. —
И долго длилося жестокое сеченье,
И долго проливался слез моих поток.

И наставления так ласково звучали,
А розга каждая меня жестоко жгла,
И часто в воздух пятки голые взлетали, —
Так бился я, что мать смеяться начала.

И наконец-то высекла, и отпустила,
Сказала мне она: — Смотри же, не дури!
Тебя слегка сегодня только поучила,
Жестоко выдеру, лишь только закури! —

Но к табаку совсем уж нет во мне влеченья,
На папиросы стыдно мне теперь глядеть.
Не стоят эти папиросы, чтоб мученье
Такое мне за них опять пришлось терпеть.

11 апреля 1880

90

Хорошо ли я одет,
Черезмерно худо ли,
Бодро я гляжу на свет,
Не теряю удали.

Хоть порой душа моя
Никнет и печалится,
Хоть порой тоска-змея
Нестерпимо жалится,

Хоть порою под прутом
Бьется тело голое,
Да придет ко мне потом
И пора веселая.

Удальство и озорство
Будто разгуляются,
Не боятся ничего,
И ни в чем не каются.

Долощить ли хоть лозой,
Чтобы стал я шелковым?
Видно, род мой озорной,
Не добиться толка вам.

14 апреля 1880

91 А

КОЛЕИ

Откуда эти колеи?
Кто врезал их в земле глубоко?
По ним катятся одиноко
Дни молчаливые мои.
Зачем, страдая и тоскуя,
Живу на белом свете я,
Зачем любви и поцелуя
Так жадно ждет душа моя?
Не для меня небес сиянье,
Не для меня весны привет;
В холодном сердце упованья,
Как жизни, в мертвом теле, нет.

15 апреля 1880

91 Б

КОЛЕИ

Весенний день. Грязна дорога.
На ней, глубоки и резки,
Две колеи. В душе тревога
Немой, таинственной тоски.
Иные вижу колеи.
Они прорезаны глубоко.
По ним катятся одиноко
Дни молчаливые мои.
Томясь в безволии жестоком,
Влекусь по темным колеям,
И в поле чистом и широком
Все странно-тягостно глазам.

15 апреля 1880

92

Незажившая рана таится
В скорбном сердце усталом моем,
И душа, как острожник, томится
Раскаяньем, тоской и стыдом.
Песня тихая горько рыдает,
Как ревниво ее ни глуши,
И, как эхо, она повторяет
Каждый стон наболевшей души.

И какая-то странная сила
Пробуждается в сердце больном,
Если звуки несутся уныло,
Отзываяся в теле моем.
И засмейся сама над собой:
В твоем сердце все те же потемки,
Но полно оно новой тоской.

17 апреля 1880

93

ЛИПЫ

Густые старинные липы
Стоят под окошком моим,
Лаская меня красотою
И запахом свежим своим.

Густые старинные липы!
Скажите скорее, где те,
Что в детстве склонялись над мною
В весенней своей красоте?

Молчат ароматные липы...
Ах, нет их, и не было их,
Тех лип, под которыми в детстве
Сидел я, задумчив и тих.

Но в городе шумном и пыльном,
Далеко от дубов и ив,
Я рос, постоянно страдая,
Как лань молодая, пуглив.

И сцен возмутительно гадких
Невольный свидетель привык
Я в груди моей наболевшей
Удерживать радостный крик.

Привык я удерживать слезы,
Привык их безмолвно глотать, —
С тоской и страданием глядя
На вечно терпящую мать.

И сердце сжималось тоскою
От этих подавленных слез,
И в юном сознании рано
Возник неотступный вопрос.

19, 21 апреля 1880

94

И скучно, и грустно и не на ком душу отвесть,
Сорвать постоянную злобу.
Донесть бы печальный мой крест поскорее, донесть
К спокойно отрадному гробу.
Назад оглянуся: отрадного, светлого нет
В младенчестве глупом и хилом.
И раннею злобою сердце наполнил мне свет
Своею неправедной силой.
Так мало я жил, и изведать еще не успел,
Что значит свобода и счастье.
Стремлюсь, порываясь, напрасно душой я кипел ⟨?⟩,
Объятый огнем сладострастья.
Надежды лишенный, с разбитою верой в груди,
Страданьем давно истомленной.
Не вижу я света спасенья нигде впереди,
Глубокою тьмой поглощенный.
И что впереди там? Страданий предлинная цепь,
Да труд вековой из⟨-под⟩ палки:
Точь-в-точь как она, безотрадная грязная степь;
На ней мокрохвостые галки.
Вороны летают над нею, кричат и орут
Голодные, так недовольны,
Да некому слушать их! Тяжек напрасный мой труд,
К тому же мой труд подневольный.

25 апреля 1880

95

Молчит... И пусто и туманно
В долинах неба и земли;
Мечты мелькают смутно, странно,
Перемежаясь беспрестанно,
Уничтожаяся вдали.

О чем мечты? К чему их сладость?
К чему их темная печаль?
Тебя мне жаль, святая радость,

Мной неизведанная, жаль!
Так безутешно, так сурово
Прошли младенческие дни,
И не сулят мне счастья снова,
Вдали, средь сумрака ночного,
Огни, болотные огни!..

1) 28 апреля 1880

96

МАЙ

Светлый праздник, праздник Мая
Уж стучится у дверей,
Но одежда золотая
Вся измокла от дождей.
Жизни дождик благодатный
Крылья Маю подмочил,
И младенец мой развратный
Красный носик опустил.

2) 28 апреля 1880

97

ПРИРОДА И Я

Весна. Какая благодать!
Щебечут птицы, льются воды,
И все бегут на зов природы
В ее объятьях отдыхать.
Все полно жизни и движенья,
И любит все, и все цветет.
Поэт в волшебном упоеньи,
Как птица певчая, поет.

Но этот город многолюдный
Не отвечал на зов весны.
Заботой мелочной и трудной

В нем люди бледные полны.
Одно могучее желанье:
Им надо есть, и много есть!
И все приносится в закланье,
И правосудие, и честь!
Не умолкают шум и грохот,
И ходят пыли облака,
И всюду нищих вечный ропот,
И всех гнетущая тоска.

Таков и я. Ликуют люди,
И наслаждаются весной,
И вешний воздух в каждой груди
Кипит широкою волной.
А я, как узник одичалый,
Прикованный к стене сырой,
Стою, измученный и вялый,
Не откликаяся, усталый,
На призыв жизни молодой.

3 июня 1880
Вечер. Летний сад

98 А

Воздух ароматный
Сладок, как вино...
Поскорее настежь
Распахни окно!
Предо мною липы,
Льется аромат,
Листьями тихонько
Ветви шелестят...
Пламенеет небо,
Горы, облака;
Тихо колыхаясь,
Искрится река...

Вот и наступила
Хмелевая ночь...

Ох, тоска лихая,
Уходи ты прочь!

8 июня 1880

98 Б

Тихо веет ветер,
Сладкий, как вино.
Поскорее настежь
Распахну окно.

Предо мною липы,
Льется аромат,
Листьями чуть слышно
Ветки шелестят,
Пламенеет небо,
Горы, облака,
И, колыша струи,
Искрится река.

8 июня 1880

99

Под небом страны полуденной
Я видел позорное зло:
Стяжатель лежит утомленный,
Богатство к богатым ушло.

18 июня 1880

100

ЦЕРКОВЬ

Без колебанья, без сомненья
Я в детстве шел к вечерне в храм.
Какие дивные мгновенья
Переживались мною там!

В углах — таинственные тени,
В окно глядит немая ночь.
Невольно клонятся колени,
Не в силах слезы превозмочь.
В душе светло, тепло, отрадно,
Как в свежем венчике цветка.
Святым словам внимаю жадно,
И негодую на дьячка.
Приду домой, — горит лампада,
В душе такая благодать.
Ни чаю, кажется, не надо,
Ни есть не хочется, ни спать.
Всю ночь в слезах и умиленный
Проволновался б, промечтал,
И всё б стоял перед иконой,
Всё б эти ризы целовал.

Теперь не то: былые думы,
Былая вера и любовь
Не согревают ум угрюмый
И не волнуют в сердце кровь.
Все обаяние молений
Уже рассеяно; иной
Прекрасный и блестящий гений
Теперь встает передо мной.
Уж храма Божьего бегу я,
Лишь поневоле иногда
С досадной думою вхожу я,
И чуть не плачу от стыда.

1) 29 июня 1880

101

РИФМА

Сладкозвучная богиня,
  Рифма золотая,
Слух чарует, стих созвучьем
  Звонким замыкая.

И капризна, и лукава,
Вечно убегает.
Гений сам порой не сразу
Резвую поймает.
Чтоб всегда иметь шалунью
Рифму под рукою,
Изучай прилежно слово
Трезвой головою.
Сам трудись ты, но на рифму
Не надень оковы:
Муза любит стих свободный,
И живой, и новый.

2) 29 июня 1880

102

В лесу на берегу ручья
Сидит красавица босая.
Там гладко стелется струя,
Тихонько ноги обнимая
И милый облик отражая.
На камнях рядом с ней лежат
Ее чулки, видны ботинки, —
В полдневный зной они теснят
И давят ноги, как пружинки.
Под солнцем было душно ей,
На лбу стояли капли пота.
Она ушла под тень ветвей,
Где и среди палящих дней
Царят прохлада и дремота.
Ручей, как зеркало, блестит.
Стряхнув очарованье лени,
Она в воде ручья бродит,
И вкруг нее вода шумит,
Лаская голые колени.
А перед взором молодым
Встает, встает в дали туманной
Мечты пророческой и странной
Чуть различимый, светлый дым.

И в дыме том, полны печали,
Яснеют милые черты
Необычайной красоты,
Которой очи не встречали
В бездонном море суеты.
И к жизни смелой и свободной,
Ей незнакомой, он зовет,
И с ним не страшен переход
От жизни лживой и холодной,
И сладко ей. Она одна,
Вдали от суетного света,
От пошлых взоров, и полна
Очарованья и привета.
Она стоит, полураздета,
Снимая трепетной рукой
Свои одежды. Снова входит
В ручей, с холодною водой
Игру беспечную заводит,
И бьется в неге студеной,
Мелькая белою спиной.

⟨3)⟩ 29 июня 1880

103

Мой смех и радость — лишь обман,
Мечты лукавой обаянье.
На сердце слишком много ран,
И слишком тягостно страданье.
И не надеюсь я найти
Любви холодною душою:
Цветам измятым не цвести,
Не красоваться при пути
Березе, сломанной грозою.

Изнемогает часто грудь,
В душе и холодно и больно, —
И опускаюсь я невольно
Хоть раз один вздохнуть привольно

И в свежей тени отдохнуть;
Дышу и весело и жадно,
И призрак счастия ловлю,
И наслаждаюсь, и люблю.
Душе измученной отрадна
Прохлада тихая и тень;
Ловлю я губ желанных шепот,
И их влюбленный, страстный ропот,
Весь обаяние и лень.

2—3 июля 1880

104

Хотел я быть героем
И бабушке сгрубил,
И скоро кухню воем
И ревом огласил.

За дерзостное слово,
Ворвавшееся в речь,
Опять меня сурово,
Раздевши, стали сечь.

У пяток много прыти,
Но в сердце скисла прыть,
И я ору: — Простите!
Не буду я грубить! —

3) 3 июля 1880

105

Ах, зачем ты не затих,
Не умолкнул навсегда,
Мой небрежный, звонкий стих?
Горечь темного стыда,
Капли одиноких слез,
Всю печаль, что я принес

В жизнь печальную мою,
Всю тебе передаю.

Но в тебе отрады нет.
Ни среди гнетущих бед,
Ни среди тоски немой,
Не приветен отзыв твой
На призывную печаль.
Мучит твой унылый стон.
Никому не будет жаль,
Что навек замолкнет он.

8 июля 1880
Вечер, Михайловский Сад

106

НАДЕЖДА

Темна житейская наука
Душе, отравленной тоской,
Но, верь, смешна, друг милый мой,
Твоя младенческая мука.
Мечтатель в наш суровый век
Нигде отрады не находит;
Черна та мгла, в которой бродит
Нам современный человек.

Поверь, не стоит он участья.
Навек закрыта для него
Вся прелесть мира твоего,
Вся сладость девственного счастья.
Нетерпеливо он не ждет
Освободителя-пророка,
Идущий к гибели народ,
Опутанный сетьми порока.

Свободы, счастья и любви
Ему дороже звон металла, —
Сердца другие ты лови,
Что битва жизни не измяла.

Призыв к труду они поймут,
Призыв из мрака в свет свободы,
И в лоне нового народа
Жизнь обновленную найдут.

13 июля 1880

107

На гулких мостовых подобран он ребенком,
Он худ и бледен был, и мал,
И названный отец, как своего лелея,
Его для жизни охранял.
Любил он мальчика горячею любовью
И много говорил он с ним,
Картины страшные насилия рисуя
Перед сознаньем молодым.
Со светлою душой ребенок развивался,
Любя добро, борясь со злом,
Готов он был один бороться с целым миром
Своим карающим мечом.
И юношею в битву бросился он смело,
Его благословил отец;
Они, проклятьями осыпанные, оба
Нашли себе один конец.
Отец лежал в крови, недвижен и спокоен,
Насквозь пронизанный мечом,
А юный сын и мертвый полн негодованья,
И оба ко врагу лицом.

18 июля 1880
Вечер, возвращаясь из Михайловского сада

108

СМЕРТЬ

Я видел смерть перед глазами:
Она явилась предо мной,
Когда безумными мечтами

Я упивался и стихами
Хвалил паденья стыд и зной.

И прямо мне она в глаза глядела,
Смеялась, в даль таинственно звала,
Как меч, над головой моей висела
И, как невеста, ласкова была.
Она мне грудь стеснила грустью черной
И ласками утешила меня,
И взор ее, томительно-упорный,
Во тьме горел, мне душу леденя.

Преодолеть очарованья
Я, обессиленный, не мог,
И, полон странного желанья,
Склонился я у милых ног.
Но не вняла она моленью, —
Она покинула меня,
Исчезнув призрачною тенью
В сияньи радостного дня.
Но, исчезая, наложила
Мне на чело свою печать:
Я знаю, — ждет меня могила,
Да не хочу я умирать.

Когда являлась ты, была отрадна
Могила темная душе больной,
Но ты была глуха на призыв жадный.
Я жить хочу, а ты передо мной!
Душа больная исцелилась,
Исчезла темная тоска,
Надежда светлая явилась,
И сердце радостно забилось, —
А смерть холодная близка!

20 июля 1880
Воскресное утро

109

Как любовался он тобою,
Как жадно он тебя желал,
С какою нежною тоскою
Твои глаза он целовал!

Теперь он — каторжник печальный,
Гремят оковы на ногах,
Напоминая город дальний,
Где мысль и слово в кандалах.

Ты цепи суетного света
Несешь покорно и легко.
Нет сожаленья и привета
Тому, кто страждет далеко!

22 июля 1880

110 А

ПОКОЙ И БИТВА

И. Л. Шаталову

Время спокойное — сеча
Кончилась — жажду я битвы,
Только об ней-то и речи,
Только об ней и молитвы.

Сеча приспеет — кляну я
Шум и волнение битвы;
Лишь о покое тоскуя,
Шлю я о мире молитвы.

Смехом смеются над мною
Те, что в войне терпеливы, —
Дома, с невольной тоскою,
Бурные видят порывы.

Смел я и честен с собою,
Меч мне, — и брошуся в битву.
Стану пред пошлой толпою,
Только читаю молитву.

Будто бы связаны руки, —
Будто бы сломаны крылья,
Много болезненной муки
Стоят мне эти усилья.

25 июля 1880
Михайловский сад. Вечер

110 Б

ПОКОЙ И БИТВА

Смолкнет волнение сечи,
Скучно мне, — жажду я битвы,
Только о битве все речи,
Только о ней и молитвы.

Вспыхнет ли сеча, кляну я
Мрачные ужасы битвы
И, боязливо тоскуя,
Миру слагаю молитвы.

Смехом смеются над мною
Те, что в борьбе терпеливы.
Дома со страхом, тоскою
Бурные видят порывы.

25 июля 1880
Михайловский сад. Вечер

111

ИЗ «ЭДДЫ»

Отрывок

ВОЛУ-СПА

Дочь могучему Одину,
За пределами веков
Вижу я земли кончину,
Помрачение богов.
Братья в битве меж собою
И смеются над родством.
Мир наполнился бедою,
Тяжело живется в нем.
Век упадка, век разврата,
Век меча и бури век, —
От разгневанного брата
Погибает человек.
Нет прощенья, нет пощады,
Нет спасающей любви.
Полон мир тоски и смрада,
Тонет он в своей крови.
Воют волны океана,
Пламя злобствует в лесу...

Начало августа 1880

112

Мне семнадцать только лет,
Я пишу стихи давненько,
А назвать себя: поэт —
Мне как будто бы стыдненько.

Часто я стихи слагал,
На коленях голых стоя.
Стыд в душе моей стихал
От лирического строя.

После розог иногда
Так душа была смиренна,
Что спускалась к ней тогда
Муза, ласкова — блаженна.

Позабыты стыд и боль,
Лом в спине, в коленах усталь,
Все пустяк! В уме темно ль!
И в моих мечтаньях пусто ль?

Но услышать зов потом
Как-то странно для поэта:
— Встань, да сбегай босиком,
Да купи вот то и это! —

Встану я, и где ж поэт?
Босиком бегу я гибко,
И стихов в уме уж нет,
Да и жизнь-то вся — ошибка.

Не на кухне бы мне жить, —
В раззолоченных чертогах;
Не по камням бы ходить,
А по мраморным дорогам.

7 августа 1880

113

ПРОШЕДШЕЕ

Мы с ним встречалися, как братья,
Как неизменные друзья;
Я раскрывал ему объятья,
Его с любовью слушал я,
И оживал мой ум угрюмый,
И другу поверял я думы,
Надежды, страсти, и мечты,
И впечатленья красоты.

Ошибся я. Его ничтожность
Я понемногу узнавал;
Тогда свою неосторожность
Я, как безумный, проклинал.
Не понял он души правдивой,
Он чистой дружбой пренебрег,
Да ум его, к страстям ленивый,
И оценить ее не мог.
Мне в нем казался чуть не гений:
В его растрепанных кудрях,
В его приглаженных стихах
Я видел пламя вдохновений;
Его надменное чело
Казалось ясно и светло;
И взор холодно-величавый,
Слегка насмешливый, пленял:
Казалось, будто отблеск славы
Над головой его сиял.
Но время шло: пришла развязка,
С его лица упала маска,
Под ней знакомые черты,
Стереотипно-безразличны,
Пожалуй, даже и типичны,
Как воплощенье пустоты.

8 августа 1880

114

НАСТАВЛЕНИЕ

«О, скажи мне, неофит,
Не моя ли лучше вера?» —
Так датчанину епископ,
Торжествуя, говорит.
«Бей смелее истуканов,
Что слиты из серебра:
Серебро ведь пригодится
Для супруги и двора.
Лучше сделай украшенья

Для себя и для своих;
Коль железные, для них
Тоже есть употребленье.

Ты отдай их кузнецу,
Чтобы он наделал плугов;
Пусть трудятся земледельцы,
Вознося хвалу Отцу.
Бог наш — истина и правда,
Поклоняйся ж ты ему
И стремися в свет познанья,
Презирая сердцем тьму.
И наделай из Зевеса
Ты себе печных горшков,
Подложи под ними дров,
На которых жертвы бесу

Жег в язычестве твоем:
Пусть его объемлет пламя,
Как в аду объемлет бесов
Несгорающих огнем.
И Нептуна в бездну моря
С берегов твоих спусти:
На земле морскому богу
Нет пристойного пути.
Как прилично церкви сыну,
Нашу церковь почитай
Да прилежней отдавай
В нашу пользу десятину».

14 августа 1880

115

Что за перемена?
Что с тобою сталось,
Милое дитя?
Не поешь, как прежде,
Беззаботных песен,
Мечешься, грустя.

Видно, стало душно
Беззаботной птичке
В клетке золотой.
Хочется на воле
Поиграть беспечно
С радостной весной.
Видно, надоело
Ничего не делать,
Красотой блистать.
Рвешься ты на волю,
И решетку клетки
Хочешь разломать.
Заронились в душу
Золотые думы
О святом труде,
О полезной жизни,
О бедах народа,
О его нужде.
Что же ты горюешь
И сидишь безмолвно,
Плача и грустя?
Уходи на волю,
Ты ведь уж созрела,
Ты уж не дитя.

23 августа 1880

116

ОСЕНЬ

В чистом небе плывут облака,
Так воздушны и светло-прекрасны,
У меня же на сердце тоска,
И как будто бы в осень ненастно.
А ведь так-то и есть: на дворе
Уже осень и листья опали;
Приближаяся к зимней поре,
Все полно и тоски и печали.
И на сердце не пахнет весной,

А холодной и мрачной могилой,
И звучит там вопрос роковой,
Проносяся с неведомой силой...

2 сентября 1880

117

Все так же ненастно и темно,
Повсюду болото одно,
И бедное, робкое сердце
Все тою же тьмою полно.
На небе звезда загорелась.
Как ярко она ни гори,
Ведь ею не сменишь, как прежде,
Веселое пламя зари.
В душе зародилися думы,
Мечты зароилися вновь,
Да что в них? Они не согреют
Остывшую в сердце любовь.
Я вспомнил святые заветы,
Которым давно изменил, —
Суровым и строгим укором
Мне голос Учителя был.
Когда-то с горячей любовью
Я этим заветам внимал,
Теперь леденящим проклятьем
Возвышенный голос звучал.

7—8 сентября 1880

118

ГРЕЗА

Мне почудилась она
С лаской нежною и лепетом;
Грудь, желанием полна,
Всколыхнулась легким трепетом.

Думы, звуки и мечты
Наполняют сердце знойное,
Полны чудной красоты,
Полны страстью беспокойною.
Все ласкает и манит,
Все полно очарования:
Краска девственных ланит,
Белой груди колыхание;
Брови черною дугой
Пораскинулись над глазками,
Взор горячий, огневой,
Губки с трепетными ласками.

Часто чудится она
Темной ночкою туманная,
И до света грудь полна
Думой сладкою, обманною.
Днем брожу я словно тень,
Деву ночи вспоминаючи,
И ненастный, скучный день
Провожаю, проклинаючи.

12 сентября 1880
СПб. Пятница.
Учительский институт

119

Не лениво
Пьет он пиво,
Не стесняется ничуть,
Не платившись улизнуть,
Что за диво,
Что бока ему намнут!
Не в одном, в другом дадут.
Говорит спесиво:
«Я зовусь
Гусь!»

Гусь-каплюжник, и задаром
Пьет он с жаром.
«Гуси даром пьют,
Денег не дают».

19 сентября 1880

120

Вембер так спесив всегда,
Что к нему не подступиться.
На крахмале борода,
Как же ею не гордиться!

Я недавно шел домой
Босиком, как мне привычно,
Впереди же с бородой
Вембер шел, одет прилично.

Подойти я захотел,
Перемолвиться с ним словом,
На меня же поглядел
Он с презрением суровым.

Отвернулся и прошел
Очень важно, вздернув носик.
Ах, спесивый ты осел!
Бородатый глупый песик!

Экий важный господин!
Не товарищ, знать, босому!
Плюнул вслед я, и один
Зашагал проворно к дому.

Барством разгордился, что ль,
Господин спесивый, строгий!
А в Эстляндии давно ль
Был ты парень босоногий?

25 сентября 1880

121 А

Небо спокойно,
Небо прекрасно,
В сердце так стройно,
Тихо и ясно.

Зреет на ниве
В тихом просторе
Хлеб золотой;
Зреет и в теле
Юном и чистом,
Дар неземной.

Дар благодатный
Жизни духовной
И всеобъятной
Силы любовной.

Боже! то небо
Гневные тучи
Пусть не мрачат.
Пусть этой жизни
Мирен и ясен,
Будет закат!

27 сентября 1880

121 Б

Шел я угрюмый, —
Ты у ворот.
Радостной думой
Сердце цветет.

В красках румяных
В небе пурпурном
Запад сиял.
Взор твой приветный
Тихим восторгом
Грудь наполнял.

Все в тебе стройно,
Тихо да ясно,
Все так спокойно,
Все так прекрасно!

Словно на ниве
Зреет весною
Хлеб золотой,
Зреет и в сердце
Юном и чистом
Дар неземной,
Дар благодатный
Жизни духовной
И всеобъятной
Силы любовной.

Боже! над нею
Мрачные тучи
Пусть не гремят!
Пусть не узнает
Юное сердце
Горьких утрат!
Пусть этой жизни
Мирен и ясен
Будет закат!

27 сентября 1880

122

Когда домашний мирен быт,
Язык семейный также мирен,
И на созвучья плодовит,
На применения обширен.

Я над тетрадями корпел;
А мать мне: — Карп, оставь тетрадки!
Уж самовар давно вскипел,
И чай горяч, и булки сладки.

Всегда домашней бане рад,
Хожу в нее весьма охотно,
Но к ней названье «маскарад»
У нас прилипло очень плотно.

— Большая булка — целый бул,
Сестра придумала недавно.
За то мы лес зовем «аул»,
Что там аукается славно.
Меня покликать: «Необул»,
Когда я бос, сестре забавно.

Пилой зовем, кто водку пил,
Мы среду называем средством.
Коль грязью гость нам наследил,
Так это мы зовем наследством.

⟨25—29 сентября 1880⟩

123

Мне в Институте живется
Скучно, тоскливо и трудно:
То вдруг Смирнов придерется,
Пилит ехидно и нудно;

То математик пискливый,
Латышев, скуку умножит,
Лапкой умывшися правой,
Хитрый вопросец предложит;

То нас Гуревич замает
Длинно-сплетенным рассказом,
Быстро по классу шагает,
Пар поддает своим фразам,

Иль, повязав полотенце
(После попойки) чалмою,
С ликом святого младенца
Мучит своей болтовнею,

Щиплет свои бакенбарды,
Трет покрасневшие веки,
Мямлит он, что Лангобарды
Переправлялись чрез реки.

Есть еще глупый Наумов.
Место ж такому невежде!
Не заучив, не подумав,
Врет он и врет, как и прежде.

Есть и Гербач чистописный,
Ухов с гимнастикой пыльной,
Рыбчинский есть закулисный,
Галлер есть брюхообильный.

Выше директор над нами,
Богу единому равный,
Красными славный речами,
Строгий, но добрый и славный.

Но Сент-Илера просили
Мама и бабушка вместе...
Что за последствия были,
Я рассказал в другом месте.

Здесь же скажу, что в печальной
Жизни здесь есть и такое
Время хорошее: в спальной
Лечь, наконец, на покое.

29 сентября 1880

124

Я вспомнил повесть давних лет:
Под небом Индии прекрасной
Гонимый пария-поэт,
Томясь всю жизнь тоской напрасной,
Печаль души наивно-страстной

В стихах высоких изливал.
Над ним брамин седой смеялся,
Над ним ремесленник ругался,
Бессильный злобу вымещал,
И воин мимо шел с презреньем,
Боясь его прикосновеньем
Свою одежду запятнать.
За слишком смелые проклятья
Его свои же гнали братья,
Страшася сильных раздражать;
И сторонилися в тревоге,
Когда он шел по их дороге,
Родной отец, родная мать.
Не находя ни в ком участья,
Он по земле родной бродил,
И солнца зной, и шум ненастья
В открытом поле выносил.
В его груди кипела злоба,
Неукротима и дика,
И, наконец, его тоска
Его домыкала до гроба.
Но дружеской рукою он
В огне священном не сожжен.
В степи глухой, где, умирая,
В предсмертных муках он страдал,
С лицом открытым он лежал,
Под знойным солнцем истлевая.
Волков на труп сбиралась стая,
Дрались гиена и шакал,
Но скрылися, орла почуя,
И он, добычу торжествуя,
Глаза потухшие клевал
И грудь холодную терзал.

30 октября 1880

125

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ОДИНОЧЕСТВО»

Опять сам-друг с моею думой,
Всегда, как мрачный бор, угрюмой,
Остался я, и жизни дым
Рассеян пламенем иным,
Каким-то голосом чужим:

— Покой на краткое лишь время
К тебе сошел, и ты спеши
Тоски ненужной сбросить бремя
С изнемогающей души.
Лови летучие мгновенья,
И, обманув себя на миг,
Забудь душевные томленья
Для мыслей чистых и святых. —

Нет, не забыть мне темной доли,
Как не забыть страдальцу боли
Жестокой пытки, тяжких ран.
Достался жребий мне печальный.
Мой путь, теперь уже не дальный,
Суров, как в бурю океан.
Усталый дух в усталом теле,
Томится сердце в мире зла,
Надежды светлые сгорели
В горниле горестей дотла,
И света впереди не видно,
И мгла кругом. Назад взглянуть,
На детство, больно и обидно,
Так безрассветно-темен путь.

Рисует память своевольно
Всю жизнь мою, и сердцу больно,
А все же смотришь в эту даль,
Как будто что-то дорогое
Под этой мрачной скрыто мглою,
И детства будто бы мне жаль.

К чему жалеть? Воспоминаний
О нем в душе отрадных нет;
Я узнавал среди страданий,
Что значит жизнь, что значит свет.
Как утро осени ненастной,
В грязи катилося оно.
Рассвет пленительно-прекрасный
Мне небом видеть не дано.

Октябрь 1880

126

...Прекрасен был его закат,
Его последние мгновенья...
Угас он тихо, как олень,
Пронизан пулей, умирает,
Как на горах, слабея, день
В вечерних красках догорает,
И закрывается гора
Мохнатой шапкою тумана.
Наутро просветлеет рано,
Настанет дневная пора,
Туман, под солнцем исчезая,
Сползет и скроется, — опять
Все оживет. Но молодая
Уже не будет жизнь сиять,
И будет сломанная сила
Холодным, вечным сном могилы,
Покоясь тихо, почивать.

13 ноября 1880

127

Не придаваяся надежде,
Стремлений радостных чужда,
Моя душа полна, как прежде,
И раскаянья, и стыда.

Ее томит воспоминанье
О прегрешеньях темных дней,
Об униженьи и страданьи
Безумной юности моей,
И с каждым днем душе больней
Моей холодной жизни повесть.
Клеймит сурово ум больной
Моя недремлющая совесть
Своей карающей рукой.
Ее укор неотразимый
Печальной думой сознаю,
Печаль холодную мою
В душе скрывая нелюдимой.
Прости! Я под грозой один,
Прости! Бороться не умея,
Своей судьбы не властелин,
Я покорен был рано ею.
Когда б я гордо восставал
И смело шел на бой свободный,
Увы! в моей душе холодной
Напрасно силы я искал.
Как подкошенный в жатву колос,
Бессилен падал я, и голос
Из глубины души звучал,
Холодный, резкий, как металл:
«Убил в борьбе пустой и ложной
Ты силы лучшие свои.
Смирись, смирись! и невозможной
Надежды в сердце не таи.
Смирись, и тешь себя мечтою,
Что не на долго жизнь дана,
Что скоро скроется она
Навек под сенью гробовою».

16 ноября 1880

128

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

При разделе всемирной тоски и печали
Всемогущие боги на землю послали
Много горя и скорбной, холодной тоски:
Оттого наши дни безрассветно тяжки.
Но упали с рабов их тяжелые цепи,
А на женщине те же осталися крепи.
Непосильную ношу и горя, и зла
Ей на плечи взвалила судьба, но дала
В облегченье тоски ей горячие слезы:
С ними легче душевные бури и грозы.
И завет положила она роковой:
Чтобы женщине быть вековечной рабой
До тех пор, пока слезы из глаз ее льются,
Пока стоны ее над землей раздаются,
Пока будет она, как ребенок, слаба,
Пока сил на борьбу не почует раба.
И я веру ношу, что то время настанет,
Разорвав свои цепи, страдалица встанет,
И свободно расправив усталую грудь,
На свободный и светлый направится путь.

21 ноября 1880

129

Я не слагал горячих стансов
Красивым женщинам, романсов
В угоду им не сочинял,
И по ночам, с тоской, прилежно,
У темных окон не вздыхал,
Томяся страстью безнадежной;
Ни девы ветреной и нежной,
Ни зрелых женщин не любил.
Нельзя сказать, чтоб ненавидел,
Но я их очень мало видел,
И с ними слишком скромен был.

И то сказать, — я мало жил.
Но позавидуешь невольно
Иным, счастливейшим, порой,
И как-то трепетно и больно
Стремишься юною душой
К союзу с девой неземной.
В мечтах бесплодных, вечно новых,
Томительно проходят дни,
И тяжким гнетом дум суровых
Ложатся на душу они.
Меж ними я в душе ласкаю
Одну прекрасную мечту,
Давно с тоскою призываю
Ее любовь и красоту.
Горда, упорна и прекрасна,
Она является порой,
Но встреча с девой молодой
Одной безвыходной, напрасной,
Всегда кончается тоской.
Когда в порыве вдохновенья
Увижу музу, в сердце вновь
Проснется страстное волненье,
Негодованье и любовь.
В уме картины тяжкой муки,
Проходит повесть трудных лет,
В груди рыдающие звуки
Кипят, — но им исхода нет.
Для мысли смелой и свободной,
Для воплощенья дивных снов
В душе незрелой и холодной
Не нахожу я верных слов.

30 декабря 1880

1881

130

Ты дежурный был на кухне,
Пышки крал, в углу их жрал.
Офицеров, не распухни.
Кто, скажи, тебя поймал?

24 января 1881

131

ПОДРАЖАНИЕ ПРОРОКУ АМОСУ

Ни я пророк, ни сын пророка,
Но Бог воззвал меня от стад,
Чтоб я, один во мгле порока
Увенчан правдою и свят,
Перед безбожной Иудеей
Провозгласил его закон,
На трудный подвиг укреплен
Сладчайшим ангелом, Идеей.

Она явилась предо мной,
Когда в долине Галаада
В лохмотьях нищенских, босой,
Наемник бедный, пас я стадо.
Сказала мне: «Не покидай,
Меня, небесную Идею».
И я последовал за нею,
И обошел из края в край
Мою родную Иудею.
Томясь тоской, я шел вперед
С моим гремящим, вещим словом,
И в поучении суровом
Клеймил левитов и народ.

6—8 февраля 1881

132

СЛЕЗЫ

Ты печальна... друг мой... Слезы
Робкой волей не глуши:
С ними легче жизни грозы
Для тоскующей души.
Слезы — слабому отрада;
Слезы женщине-рабе
Богом даны как услада
В угнетающей судьбе.
У арабов есть сказанье,
Что из светлых женских слез,
Пролитых в ночи страданья,
Появились кущи роз.
Благовонными цветами
Украшается весна,
Но росистыми слезами
Омывает их она...
Не стыдись же слез и плача,
Не стыдись, мое дитя;
Провожай ты горе, плача,
Не безвыходно грустя;
И из слез, тобой пролитых,
В сердце чутком скоро вновь
Вместо горестей забытых
Зацветет твоя любовь.

22 февраля 1881

133

В ТЕМНИЦЕ

Из окна моей темницы
Я гляжу с тоской на волю,
Где волшебница весна —
И приветна, и красна,
Где поют беспечно птицы

Зеленеющему полю
Про свою благую долю;
Песнь их радостно полна,
Так звонка и так нежна.

Солнце светит так приветно,
Так светло сияет небо,
Так прекрасны облака,
Ветерок колосья хлеба
Нагибает чуть заметно,
Прилетев издалека.

Но мрачна моя темница,
Покрывает стены плесень,
И с замком тяжелым дверь,
Я сижу, как в клетке птица,
Для моих свободных песен
Дом, как гроб, угрюм и тесен, —
Не поется мне теперь.

7 марта 1881

134

На берегу ручья в лесу
Сидит красавица босая,
В волнах роскошную красу
Лица и груди отражая
И ножки стройные купая.
За ней, под деревом в тени
Лежат чулки, стоят сапожки:
Она их сбросила, — они
Теснили маленькие ножки.
Под солнцем было душно ей,
На лбу стояли капли пота.
Она ушла под тень ветвей,
И налегла на очи ей
Лесная тихая дремота.
Волна прозрачная манит.
Стряхнув очарованье лени,

Она в воде ручья бродит.
Волна сверкает и шумит,
И лижет голые колени.

6 апреля 1881

135

У мужика — разумный пес,
У дамы — глупая болонка.
Щенка топить мальчишка нес, —
Спасла капризная девчонка.

Она бежит к себе домой
С внезапно-милою собачкой;
Мальчишка, грязный и босой,
Утешен скудною подачкой.

Он дрогнет в хижине своей,
Щенок обласкан господами.
Когда же станут у людей
Не псы, а люди же друзьями?

23 мая 1881

136

Ужасно видеть, как тиран
Своих детей гнетет и мучит,
Как он гонением обман
Вселяет в них и злобе учит,

Как беззащитное дитя
Страдает молча дни и годы,
В душе забитой укротя
Призывы страстные свободы.

Но буря губит не всегда,
Да и пускай она бушует, —

Борьба возможна иногда,
И над обломками труда
Хоть кто-нибудь да негодует.

Опаснее, чем океан,
Гнилое, мерзкое болото,
И беззаботности обман
Страшней, чем строгая забота.

Сырое, злое баловство,
Ты — равнодушия завеса,
И мать им портит своего
Сынка, ленивого балбеса.

Родителям-то как же быть
Для пользы дочери и сыну?
Иль угнетать, иль развратить?
Умейте же соединить
Свободу им и дисциплину.

Семья счастлива, если нет
В ней ни тиранства, ни уступок.
Свободно действуй, но ответ
Держи за каждый свой поступок.

6 июня 1881

137

Спишь ты, матушка, в могиле,
Из нее не встанешь,
И на дочь твою любовно
Никогда не взглянешь.

Без привета жить на свете
Тяжело, моя родная.
Тяжко мыкать злую долю,
Отдыха не зная.

Нет тебя, и друга нету.
Стал мне свет тюрьмою.
Сердце бьется, словно птичка,
Нет ему покою.

У чужих людей батрачку
Кто приветит, приголубит,
И какой же парень добрый
Сироту полюбит?

Научи ж, моя родная,
Дочку-сиротину,
Как избыть мне горе злое,
Лютую кручину.

Иль уж мне с ней до могилы,
До могилы не расстаться,
И с приветливою долей
Никогда не знаться?

27 июня 1881

138

АРИАДНА

Где ты, моя Ариадна?
Ах, если б этот клубок!
В тьме моего Лабиринта
Я без тебя изнемог.

Слышу я рев Минотавра...
Грозен и темен мой путь;
Тело усталость сковала, —
Страх не дает отдохнуть.

Неумолимая совесть,
Бледная, всюду со мной:
Но не советы, — укоры
Шепчет мне голос глухой.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где эта чудная нить,
Чтобы к разумной и светлой
Жизни могла возвратить.

24 июля 1881

139

ГЕОК-ТЕПЕ

От полей бесплодных,
От сохи и бороны,
От детей голодных,
От больной жены
Он оторван. В край далекий
Он отослан не один,
Но, душою одинокий
Средь неведомых равнин,
Все семью он вспоминает,
О родимой стороне
И о плачущей жене
Все он тужит и вздыхает.

Чужедальняя страна
Летом зною отдана, —
Жгучий, знойный воздух юга,
Ширь безжизненных степей;
А зимой бушует вьюга
Вдоль и поперек по ней.

Долго шли они по степи.
Вот оазис, крепость, вновь
Свищут пули, льется кровь.
Пала крепость Геок-Тепе.

Пал и он с своей тоской,
Окровавленный и бледный,
Не увидевшись с женой,

Ни с избушкой бедной,
Ни с родною стороной.

Только в час кончины
Память привела
Бедные картины
Бедного села.

Клеть давно пустая,
Дом едва стоит,
И жена больная
В гроб уже глядит, —
Грудь слаба и впала,
Ноги чуть бредут.
Грусть ли доконала,
Изморил ли труд, —
Все равно, уж скоро
Кости отдохнут,
Дети без призора
По миру пойдут.

15 января,
28 июля 1881

140

Я не люблю девичьих глаз
С покорно-кротким выраженьем,
Хотя они так часто нас
Дарят глубоким наслажденьем.

Когда не ложен этот взор,
Правдивы робкие зеницы,
В них отражается укор
Души невинной голубицы,

Укор страдающей рабы
За горечь жизни подъяремной,
За непреклонность злой судьбы,
Губящей силы в доле темной,

За зло небес, за зло людей,
За зло, ей сделанное нами.
Я не люблю ее очей,
Блестящих чистыми слезами.

Порой обманчив этот взор.
Неотразимо обаянье.
Легко поверить, что укор
Избытком вынужден страданья.

Но много, много ложных слез,
Несправедливых, злых укоров
Перенести бы привелось
За обаянье кротких взоров.

Так поздно жизнь научит нас,
Что в этих взорах все притворно.
Я не люблю девичьих глаз,
Всегда опущенных покорно.

2 августа 1881
Вечер. Улицы
Перед портретом И. М. Ф.

141

Наконец надо мной зазвучал
Твой призыв, чародейка весна!
Я услышал его, и восстал
От глубокого зимнего сна.

И расстался я с темной тоской.
Пред тобою, весна, я стою.
Я разнежен твоей красотой
И весеннюю песню пою.

Я пою о восстаньи моем, —
Я о темном паденьи забыл!
Я о громе пою, — этот гром
Благовестно меня разбудил.

5 августа 1881

142

В первой дикости свободной
На охоту человек
Шел в пустыне первородной
И боялся шумных рек.

Проносились дни и годы,
И придумал он топор,
И в реках нашел он броды,
И проходы между гор.

А потом везде дороги
Понемногу проложил,
Неуклюжие пироги
Скоро на реку спустил,

И в моря на них пускался,
В океан посмел он плыть,
Только каждый путь свивался
В очень узенькую нить.

Шел в звериные берлоги
И вблизи, и вдалеке.
По дорогам носят ноги,
Носят руки по реке.

А потом сумел он лошадь
Укротить и приручить,
А теперь машина может
Далеко его носить.

Победил он всю природу,
Силы все он оковал,
Но один пустяк, свободу,
Он навеки потерял.

10 сентября 1881

143

Я шел дорожкой средь могил,
Осенний вечер смутен был,
Луна сквозь облака светила,
И все уж с кладбища ушли.
Мне было страшно и уныло.
Кресты как будто стерегли.

Казалось мне в неверном свете:
Кресты качаются все эти,
И скоро встанут те, кто там
Должны в земной утробе стынуть,
Кому лишь только по ночам
Дозволено могилу кинуть.

И под одеждой, мнилось мне,
Холодным пальцем по спине
Водил погнавшийся за мною,
И вызывал холодный пот,
И наполнял меня тоскою
Вплоть до кладбищенских ворот.

Я за оградой очутился,
Холодный ужас с плеч свалился,
И жизнь обычная мила,
И все снести достанет силы,
Чем жизнь трудна и тяжела,
И даже розги стали милы.

8 октября 1881

144

С запретного куста цветок сорвала.
Садовник зоркий на нее ворчит:
«Сама ведь роз не трогать приказала!»
Она пред ним смущенная стоит,

А он: «Для именин мамаши вашей
Вы приказали розы сохранять,

И тронет кто, — березовою кашей
Велели вы на месте угощать.

Ложитесь на траву! Исполнить надо
Приказ ваш, барыня, без лишних слов!»
И розог свист раздался в сенях сада,
И барыни виновной визг и рев.

24 октября 1881

145

Он красив, как херувим
Восковой, тот, что на вербе,
Ну, а в душу поглядим, —
Все приятное в ущербе.

Он завистлив, глуп и зол,
Никому добра не хочет,
Много денег приобрел,
И о деньгах все хлопочет.

И улыбка так мила,
И глаза умильно-сладки,
Но зато его дела
Отвратительны и гадки.

25 октября 1881

146

Снял затворы я с калитки,
Вечерком тревожно жду,
То ли выгляну в окошко,
То ли к двери подойду.

Не идет моя голубка,
А во мне бушует кровь,
Разгорается больнее
Одинокая любовь.

Осень 1881

1882

147

Перед классною доскою
Я стою, попал в тупик.
Единицы нынче стою,
Хоть прилежный ученик.

Ничего-то я не знаю,
Что и знал, то позабыл,
И напрасно вспоминаю,
Что из лекций ухватил.

Сент-Илер моим молчаньем
Был немало удивлен.
Что учусь я с прилежаньем,
Был давно он убежден.

— Ну, садитеся! — уныло
Он с досадой проскрипел.
Стало все тогда постыло,
Я на место молча сел.

Вечер был потом печальный.
Сент-Илер к себе привел.
За поступок непохвальный
Был урок весьма тяжел.

Капитон мне очень больно
Тридцать розог отсчитал.
Я крепился, но невольно
Заметался, закричал.

Все лицо потом горело,
Был я красен, как кумач,
Но кому какое дело,
Хоть засмейся, хоть заплачь.

— Сент-Илер пробрал вас, видно? —
Лопачев спросил потом.
Мне признаться было стыдно,
Бормотал я: — Ни по чем!

— Так пилил, что просто ужас!
Уж умеет в пот вогнать! —
Засмеялся я, натужась,
Чтоб о розгах не сказать.

24 января 1882

148

Парный воздух, гам и мгла.
В шайки звонко брызжут краны.
Всюду голые тела,
И огни сквозь пар багряны.

Что же мне от наготы!
Коль пришел, так надо мыться.
Руки делом заняты,
А глазам чем насладиться?

Вот сюда бы голых баб,
Чтобы все их обнимали,
И старик бы не был слаб
И забыл бы все печали,

Чтоб нагая и нагой
Телом к телу прижимались,
Под веселою игрой
Чтоб скамейки сотрясались.

Но все очень тускло тут,
Все полно всегдашней скуки,
И безрадостные трут
По телам мочалкой руки.

1 февраля 1882

149

Набегает волна, убегает волна,
И на берег опененный бьет.
И ласкает песок, и к утесу она
Головой серебристою льнет.

Но от века скала безответна была,
На волну не глядит и молчит.
Как скала, тяжела, непроглядная мгла
Без просвета на небе лежит.

Там за бурною мглой край желанный, иной,
И о нем я у моря пою.
Слышит ветер морской да орел молодой
Заунывную песню мою.

Без пути и следа, и туда и сюда
Только крылья да ветер умчат.
Я горю от стыда, порываюсь туда,
А навстречу мне волны шумят!

19 февраля 1882

150

Вот и ночь пришла в село,
А село уж полегло.
Спите крепко до зари —
Спите, братья-косари;
Как настанет ранний час,
Мы разбудим, братцы, вас;
Сами косы мы возьмем,
С вами вместе мы пойдем,
Отгоняя бодро лень,
Луг в один мы скосим день.
Руки мощны, грудь сильна —
Жизнью вольною полна, —
Нашу песню запоем —
С песней поле мы пройдем.

А пройдет рабочий день —
И ночная ляжет тень —
Заночуем мы у вас.
И уйдем мы в ранний час, —
Не останется никто!
Детки спросят: это кто?
Им ответят их отцы.
Это — с тюрем беглецы,
Переходные косцы!

21 марта 1882

151

Охотно напишу вам стансы.
Мне не просиживать ночей,
Чтоб для красавицы моей
Иль для насмешливых друзей
Свои вымучивать романсы.
Художник вереницу тем
Для ненаписанных поэм,
Как мать беременная носит,
И помощи ничьей не просит.
Я знаю, стоит мне присесть,
Да взять какую-либо тему
И преогромную поэму
Вам напишу я: рифмы есть,
И много их, — проказниц милых
Теснится шаловливый рой,
Как эльф под полною луной,
В чертогах пышных и унылых
Моей ленивой головы.
Им скучно там, — поверьте вы,
И рвутся бедные на волю.
Так, чуя признаки весны,
Тоскует соловей в неволе
И рвется в блещущее поле,
В гнездо оставленной жены.
Поет он, грустный и унылый,
Томясь любовной вешней силой,

В томленьях тусклой тишины.
Поет, как тот, кто верит чуду,
Как тот, каким я вечно буду.

22 марта 1882

152

АРИАДНА

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог!

Светоч мой гаснет, слабея,
Полон тревоги стою,
И призываю на помощь
Мудрость и силу твою!

Много дорог здесь, но света
Нет и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.

Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раны,
Мрачно их очи горят.

Голос чудовища слышен,
И заглушает их стон:
Мрака, безумного мрака
Требует радостно он.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

5 апреля 1882

153

В прошлом горечь есть и сладость,
Ласки свет и мрак обид,
И пленительная радость,
И живая боль, и стыд.

Вот открылась предо мною
Даль неведомых мне дней.
Что я сделаю с тоскою
Неотвязною моей?

Милый город я покину.
Неужели вдалеке
Я совсем душой остыну
В темной скуке и тоске?

Босоногим мальчуганом
Здесь блуждал я, и мечтал,
Белым северным туманам
Грезы сердца я вверял.

А вернусь домой, да спросят:
— Где ты шлялся до сих пор? —
Вмиг мечты мои подкосят
Взор суровый и укор.

И придется вынесть порку.
Что ж мне делать? как мне быть?
Не в мышиную же норку
Все мечты мои забить!

Пусть и дальше чередою
Розог ад и рай мечты
Беспощадною рукою
Будут, розные, слиты,

Только б сердце не томила
Эта серая тоска
И мечтаний не губила,
Безнадежно-жестока!

22 июля 1882

154

Когда пойду дорогой новой,
Когда ошибки смутных дней
Тоской и скукою суровой
В душе измученной моей
Вновь отзовутся, — сколько муки
Мне будут стоить эти дни!
Какие тягостные звуки
Из сердца вызовут они!

А ныне праздно и беспечно
Больную молодость гублю,
И равнодушен бесконечно,
И ничего я не люблю.
Склоняясь перед силой тайной,
Душа унылая слаба.
Встает неразрешимой тайной
Моя холодная судьба.
Ее суровое теченье
Меня, как призрак, тяготит,
И разгадать ее значенье
Ничто мой разум не манит.

27 июля 1882

155 А

НАЧАЛО ПОЭМЫ «ОДИНОЧЕСТВО» И НЕКОТОРЫЕ ОТРЫВКИ

ИСТОРИЯ МАЛЬЧИКА-ОНАНИСТА

Можете ли вы показать мне хоть одного здорового ребенка? Я никогда не видел ни одного... Ребенку придется бороться с будущими опасностями, которые могут быть побеждены только здоровым существом; а между тем, он уже сам в себе носит зачатки опасностей, которые можно предвидеть и избежать... И мы не стыдимся этого!

Народная школа, 1882, № 4, с. 17—18

ПОСВЯЩЕНИЕ НЕКРАСОВУ

Печальник общего страданья,
Апостол правды и любви,
Мои благие начинанья
Мой первый труд благослови!

Тебе, учитель, в подражанье
В бессоннице моих ночей
Я начал песню увяданья
Надежд строптивых и страстей.

Странна и необычна повесть,
Не строго нравственна она,
Но мне ее внушила совесть,
Картин нерадостных полна.

Быть может, музы своенравной
В труде рожденное дитя
Исчезнет в темноте бесславной,
Мои надежды поглотя.

Но, думой творческой томимый,
Ее лелею, как отец.

Как ты, немногими любимый,
Но много думавший певец.

27 июля 1882

ОДИНОЧЕСТВО

Поэма

«Тоской младенческой души
В моей семье пренебрегали,
А были чудно хороши
Порывы грусти и печали;
Мои неясные мечты
Так были полны красоты,
Наивности и увлеченья,
Что если б я до юных дней
В потоке темного паденья
Души ослабленной моей
Их не растратил — те стремленья —
Текла бы молодость моя
Чиста, прекрасна и свободна,
Негодованья не тая,
Не сомневаяся бесплодно,
Я все бы отдал в жертву ей,
Печальной родине моей.

И силой юного размаха
Я разрешил бы грусть мою,
А ныне я один стою,
И думу робкую таю,
Исполнен суетного страха.
И ум подавленный молчит,
Страдает грудь моя жестоко,
И над душой моей лежит
Проклятье смрадное порока.

Зимой (тепла была зима)
Дышал я легче и вольнее;
Работа светлого ума
Свершалась ярче и свежее.

Но летний зной опять настал.
Каприз судьбы моей ревнивой
Мои надежды разогнал.
В столице душно. Я устал
Под гнетом скуки молчаливой
И светлый день, как день дождливый,
С тоской холодною встречал.

Я вижу: смерть лишь угрожала
Давно. Предсмертный свой укор
Мне совесть грозно повторяла
За мой бездейственный позор.
Безумно детство расточало
Мою энергию. В ряды
Дружины смелой не вступая,
Иду один, иду, страдая
Страданьем гибнущей среды.
Давно один — и между мною
И этой темною толпою
Одно лишь общее — порок,
Который мощен и глубок.
Куда ни глянь — все язва та же,
Заражена отравой кровь,
И гибнут в мелочной продаже
И убежденья, и любовь.
Среди всевластного обмана,
Отравлен язвой вековой,
Не я один погибну рано
В наш век, холодный и пустой.
Мы все отцов преступных дети,
В себе мы носим отчий яд, —
Следы их дел, — и цепи эти
Над нами вечно тяготят.
Ребенок — жертва преступленья!
Какие мрачные виденья
Смущают тихий детский сон!
Порочной жизни впечатленья
Навечно сохраняет он.
Под маской скромного молчанья
Утратив девственность незнанья,

Растленным миром окружен,
Он рано гибнет для свободы
И вырастает он, как раб,
Вдали от матери-природы,
Душою низок, телом слаб.
Мы знаем: есть благие всходы,
Лежат святые семена.
Чтобы взошли они, нужна
Теплом богатая весна.

Но в темном рабстве жизнь народа
Текла доныне с давних пор:
Свободе никуда нет входа,
Пороку — место и простор.
И в почве, сонны и ленивы,
Лежат святые семена.
Сойди, могучая весна,
На наши жаждущие нивы!
Напой их, светлая, дождем,
И воздух освежи грозою,
И пусть гремит весенний гром
Над нашей бедною землею,
И пусть сверкают и блестят
Грозы разгневанные взгляды, —
Ей земледельцы будут рады
И вешний гром благословят!

И ты придешь, гроза святая,
По небу мрачному сверкая,
Придешь, когда в земле сырой
Схоронит сломанную силу,
И не дойдет уже в могилу
Ко мне твой голос громовой!

А ныне бурею иною
Над мною небо омрача,
Судьба дорогой роковою,
Где нет отрадного луча,
Меня ведет. Бушует вьюга,
Я жду неведомого друга,

Ищу заветного пути,
Но гаснет вера понемногу...
Где ты, заветная дорога?
Где цель желанную найти?
Зову неведомого бога,
Зову без веры и любви,
С огнем сжигающим в крови,
С холодной думой безучастья.
Напрасный зов! Он не придет,
Желанный бог любви и счастья,
И тьмы сурового ненастья
Больная жизнь не переждет!»

Такие тягостные строки,
Судьбе напрасные упреки,
Писал нетвердою рукой
Мой умирающий герой.
Он был угрюм, и худ и бледен,
И венерическим венцом
Его высокий лоб изъеден,
Покрытый язвами кругом.
Больная грудь, слаба и впала,
Неровно, трепетно дышала.
К его лицу порою кровь
Румянцем ярким приливала
И тотчас отливала вновь.
Он умирал. Какая сила
Его так мощно подавила
И на измученном лице
Резцом жестоким начертила,
Как на холодном мертвеце,
Его глубокие морщины?
Какие горькие кручины
На сердце юноши легли?
Какие мощные причины
Его до гроба довели?

Когда тоскливую тревогу
Тая, старик могилы ждет,
Его житейскую дорогу

Рисует память. Он живет
Душой в минувшем, и былое
Пред ним проходит ярко вновь,
Проходит время молодое,
Воскреснет старая любовь,
Воскреснет снова образ милый,
Исполнен прелестью и силой,
Воскреснут эти вечера,
Когда он ждал ее ревниво,
Пройдут они так близко, живо,
Как будто было то вчера.
И все, чем долго сердце жило,
Что было дорого и мило,
Пройдет воздушною мечтой,
Наполнив грудь его тоской,
Порою грустною улыбкой
Лицо осветит, как в ночи
Свеча порой на влаге зыбкой
Бросает бледные лучи,
Как светит в сумраке лампада.
В его тоске и смерть — отрада.
Но умирать, чуть ощутив
Любви чарующий призыв,
На этот призыв не ответив
И в жизни счастия не встретив!
Безумно счастия желать,
Когда оно проходит мимо,
Маня, чаруя, и понять,
Что смерть уже неотразима!
Царит холодная тоска,
И малодушна и дика,
В душе испуганно-унылой;
В уме с неудержимой силой
Проходит повесть трудных лет,
И в ней луча отрады нет!
Она печальна и уныла,
Как не зарытая могила,
Как гроб раскрытый. Вдалеке,
В одном уездном городке
Над мелкой, грязною рекою,

Под вечер, позднею зимою
В семье мещанской он рожден.
Отец — зажиточный сапожник,
Всегда работой завален,
Ее любивший, как художник.
Он мастером искусным слыл, —
Прилежный, честный с малолетства, —
Работу от отца в наследство
Во многих семьях получил.
Прилежный Библии читатель,
Благочестив он был, как Ной,
И наградил его Создатель
Трудолюбивою женой.
Она сильна, она здорова,
Как холмогорская корова,
Неприхотлива, весела,
Всегда кротка, хотя порою
Полна загадочной тоскою,
Она тогда еще цвела
Могучей, юною красою:
Лилеи девственной нежней,
Круглы атласистые щеки,
И волны зыбкие грудей
Лежат, упруги и высоки;
Спускалась русая коса
На беломраморные плечи,
Под бровью черною глаза
Горели страстно, как гроза,
И выразительно, как речи,
Как голос страсти молодой;
Как розы, алы, полны губы,
И как жемчужин крупных строй,
Красиво-ровны, стройны зубы.
Ей было восемнадцать лет,
Когда свой роковой обет
Елена в храме повторила;
В ее груди дышала сила, —
Ему уж было пятьдесят,
Его работа иссушила,
Старей казался он на взгляд.

Жену любил он, был ей верен,
И сам в жене он был уверен.
И точно, кроткая жена
Была всегда ему послушна, —
Но он не видел, что она
К нему глубоко равнодушна,
Что слезы льет порой
Одна, Бог весть о чем скучая
И одиноко изнывая
В борьбе невидимой с собой.
Легла нерадостная доля
На эту бедную рабу:
Гнетущей бедности неволя,
Приказ отца — ее судьбу
Решили. Надо покоряться!
Сильна, упряма и горда,
Она умела не бояться
Ни темной жизни, ни труда.
И как ни горьки были слезы,
Как не давили сердце ей,
Она цвела пышнее розы
И утра майского свежей.
Изнемогая от рыданий,
Она склонялася порой
Своей победной головой
Под гнетом тягостных страданий.
Но быстро слезы осуша,
Она смеялась, и, как прежде,
Вновь открывалася душа
Туманной, сладостной надежде.
Свою глубокую печаль
И все, чего ей было жаль,
Чего для счастья не хватало,
Она в работе забывала.
И, право, некогда грустить:
В его дому она хозяйка, —
Везде, как хочешь, успевай-ка:
Корову надо подоить,
Сварить обед, сготовить ужин,
Все вымыть, вычистить, прибрать,

А утром на базар бежать.
И муж так часто был недужен,
За ним тогда уход был нужен.
И, может быть, была б она
До гроба верная жена.
И все, что кровь ей волновало,
И что ее теснило грудь,
И с чудной силой призывало
На новый путь, безвестный путь,
Перегоревши как-нибудь,
Навек заглохло б. До могилы
Она несла бы жребий свой,
Богатые растратя силы
Для жизни вялой и пустой.
Быть может, если б были дети,
И счастье улыбнулось ей,
И были б тягостные сети
И неразрывней, и сносней.
Но не было у них детей.
Была весна. Порой весенней,
Когда природа веселей,
Поэт бывает вдохновенней,
Любовь волнует нас сильней.
И если дева молодая
Еще тогда не влюблена,
Порой, тоскуя и вздыхая,
Томится, грустная, она.
Девичий сон ее смущают
Ей непонятные мечты, —
Они чаруют и ласкают,
И думы ими заняты.
Невыносимей в это время
Неразделенная любовь.
Ее томительное бремя
Тяжеле пыток и оков.
То время юности здоровой,
Зато чахотка той порой
Бывает злей, — и жизни новой
Не ощутить душе больной:
Ее с жестокостью суровой

Весна торопит на покой.
Настали ночи хмелевые,
Теплы, чарующи, живые.
Для ожидающей души
Те ночи чудно хороши.
Она в полночь встает босая,
Выходит тихо на крыльцо,
И ветер, грудь ее лаская,
Обвеет грустное лицо.
Она глядит, свободно дышит, —
В полях туманится роса, —
И ухом возбужденным слышит
Везде ночные голоса.
Они зовут, они тревожат,
Волнуют молодую кровь,
И одинокую любовь
Опять в больное сердце вложат.
Зато как тягостно потом
Вернутся снова в келью ту же,
Как нестерпим бывает дом
Ее слабеющего мужа
И ложе их!
                    Был жаркий день,
Стояло солнце близ зенита,
Повсюду тягостная лень
В горячем воздухе разлита.
Сном полу́денным задремал,
Осилен зноем городишко,
И каждый ветхий в нем домишко,
Как старец, тихо почивал,
Закрывши ставни, словно очи,
И в тихий сумрак полуночи
День своенравно превращал.
Не спали только ребятишки,
Босые прыгали мальчишки,
Играли, несмотря на грязь
И в грязи пачкать не боясь
Свои привычные ножонки,
Одежды, лица и ручонки.
В домах все тихо; лишь ревет

Ребенок где-то недалеко:
Должно быть, матушка сечет
Его за что-нибудь жестоко.
Порою брань из кабака
В прогнившем воздухе несется
И в детском слухе остается,
Бесчеловечна и дика, —
Порою звучно раздается
Удар удачный кулака,
Порою смех, порой рыданье,
А чаще — мертвое молчанье,
Как будто жителей здесь нет
И невредим от древних лет
Умерший город сохранился.
Еленин муж всегда ложился,
Полдневный конча свой обед,
Заснуть часок. Но ей не спится,
И духота ее томит,
И градом пот с нее катится,
И платье грудь ее теснит.
Идет с корзиной за грибами
В соседний городу лесок,
Что за рекой над берегами,
Прохладной тенью позалег.
Дорогой ближнею Елена
Переходила реку вброд;
Вода была ей по колено,
Она смеется и поет.
И видит: зноем истомленный,
Помещик юный над рекой
Стоит, любуяся, прельщенный
Ее роскошной красотой.
Еще ничем не пресыщенный,
То был уездный Дон-Жуан.
Над женским полом разных стран
Им не одна была победа
Легко одержана; ходить
Он нынче вышел до обеда,
Чтоб аппетит свой возбудить.
«Она красива!» — Он подходит

И с нею разговор заводит.
Идет за ним вослед она,
Влеченью тайному послушна,
Желанья страстного полна
И к долгу чести равнодушна, —
И входит в лес. Ветвей шатер
Покрыл их сладостною тенью,
И дышит негою и ленью
Из мха разостланный ковер.
Сперва был скромен разговор,
Потом страстнее становился,
Потом и вовсе прекратился,
Язык иной его сменил,
И поцелуев, и движений,
И голос чести заглушил
Тот голос тайных наслаждений.
Весна готовила постель,
В лесу их лето сочетало,
И разостлал над ними Лель
Ветвей зеленых покрывало,
И лес, как храм, он весь одел
Красиво-скромными цветами,
И гимны брачные им пел
Ручей игривыми волнами.
Забвенье мелочных забот,
Забвенье обыде́нной прозы,
Что сердце бедное гнетет,
Как непонятные угрозы,
Забвение цепей своих.
Лесная глушь ей подарила
И счастье жизни совместила
В один короткий, чудный миг.
Пила страдалица с отрадой
Из чаши полной бытия,
И опьяняющей усладой
Звучали песни соловья,
И говор быстрого ручья,
И листьев говорливых ропот,
И милого влюбленный шепот.
И чаша выпита до дна, —

О, если б жизнь оборвалася,
Была бы счастлива она,
Она угасла бы, смеяся,
Внимая голосам весны,
Что в шумном говоре волны
И в птичьем гаме возглашала:
«Хвала тебе, хвала тебе,
Освободившейся рабе!
Свои оковы ты порвала!»
Но чаша выпита до дна.
Взволнована, опьянена,
Встает от сладостного сна.
Настало скоро пробужденье:
Воды речной прикосновенье
Ее отре́звило, когда
Она чрез реку проходила,
И холодна была вода,
Как та таинственная сила,
Что жизнь ее поработила.
Она безжалостна: ничто
Ее оков не разрывало;
Что было с детства привито,
Что в сердце юное запало, —
Один ликующий порыв
Не уничтожит, не изгонит.
Тревогу в сердце ощутив,
Она стыдливо, низко клонит
Свое красивое лицо
И слезы горькие роняет
На обручальное кольцо
И долго, тягостно рыдает.
Томима страхом и стыдом,
Окольным крадется путем,
Походкой трепетного вора,
Чтобы никто не мог позора
В лице смущенном прочитать
И ядовитого укора
Вослед преступнице послать.
Идет, а что-нибудь услышит —
Остановяся, еле дышит.

Калитка ль близко заскрипит,
Иль голоса где прозвучали,
Или по ветру долетит
Неясный звук из темной дали,
Или шаги, — она бежит,
Как лань, дика и боязлива,
Таится тихо где-нибудь,
И как неровно, как пугливо,
Трепещет розовая грудь.

⟨27 июля 1882⟩

155 Б

ПРОЛОГ

Тоской младенческой души
В моей семье пренебрегали,
А были чудно хороши
Минуты девственной печали;
Мои наивные мечты
Так были полны красоты,
И свежести, и увлеченья,
Что если б я до юных дней
Их не сгубил в душе моей
Безумством темного паденья,
Текла бы молодость моя
Чиста, прекрасна и свободна;
Негодованья не тая,
Не сомневаяся бесплодно,
Я за тебя отчизна-мать,
Умел бы мыслить и страдать,
Умел бы я одним порывом
Вдруг разрешить печаль мою,
А ныне одинок стою,
И думу робкую таю
В тоске и трепете стыдливом.
И ум подавленный молчит,
И боль в груди растет жестоко,

И на душе моей лежит
Проклятье жадного порока.

Зимой (тепла была зима)
Дышал я легче и вольнее;
Работа алчного ума
Свершалась ярче и свежее.
Но летний зной опять настал.
Удар судьбы моей ревнивой
Мои надежды разогнал.
В столице душно. Я устал,
Поник под скукой молчаливой,
И светлый день, как день дождливый,
Все с той же злобою встречал.
На страже смерть передо мною,
И совесть жесткою рукою
Сковала жизнь в один укор, —
За мой бездейственный позор,
За то, что я боролся мало.
Беспутно детство протекало.
Куда идти? Мне не достало
Моей энергии... В ряды
Дружин рабочих не вступая,
Иду один, иду, страдая
Страданьем гибнущей среды.
Давно один — и между мною
И этой темною толпою
Одно лишь общее — порок,
Который мощен и жесток.
Куда ни глянешь, язва та же, —
Заражена отравой кровь,
И гибнут в мелочной продаже
И убежденья, и любовь...
Среди всевластного обмана,
Среди порочности мирской
Не я один погибну рано,
В наш век, холодный и пустой.
Мы все — отцов преступных дети,
В себе мы носим отчий яд, —
Следы их дел, и цепи эти

Над нами вечно тяготят,
И юность — жертва пресыщенья!
Какие мрачные виденья
У юноши тревожат сон!
Порочной жизни впечатленья
Навеки сохраняет он.
Под маской скромного молчанья
Утратив девственность незнанья,
Растленным миром окружен,
Он рано гибнет для свободы,
Оторванный от ласк природы,
Могучей матери, он слаб,
И вырастает он, как раб,
Мы знаем: есть благие всходы,
Лежат святые семена;
Чтобы взошли они, нужна
Теплом богатая весна.
Но косный лед на жизнь народов
Ложится мощно с давних пор:
Свободе никуда нет входа,
Пороку — место и простор!
И в почве, сонны и ленивы,
Гниют святые семена.
Сойди, желанная весна,
На наши жаждущие нивы!
Их быстрым напои дождем,
И воздух освежи грозою,
И пусть гремит весенний гром
Над пробужденною страною,
Пусть ярко молнии блестят,
Твои разгневанные взгляды, —
Тебе, весна, все будут рады,
Все вешний гром благословят!..

Да, ты придешь, гроза святая,
По небу мрачному сверкая,
Придешь, когда в земле сырой
Укрою сломанную силу,
И не дойдет уже в могилу
Ко мне твой голос громовой!

А ныне бурею иною
Над мною небо омрача,
Судьба дорогой роковою,
Где нет отрадного луча,
Меня ведет. Бушует вьюга,
Я жду неведомого друга,
Ищу заветного пути, —
Но где же верная дорога?
Где цель желанную найти?
Зову неведомого бога,
Зову без веры и любви,
С огнем сжигающим в крови,
С холодной думой безучастья.
Напрасный зов! Он не придет,
Туманный бог любви и счастья,
И мглы сурового ненастья
Больная жизнь не переждет!

Такие тягостные строки,
Судьбе напрасные упреки,
Писал нетвердою рукой
В дневник свой юноша больной.
Он был угрюм, и худ, и бледен,
И венерическим венцом
Его высокий лоб изъеден,
Покрытый язвами кругом.
Больная грудь, слаба и впала,
Неровно, трепетно дышала.
К его лицу порою кровь
Румянцем ярким приливала
И вдруг лицо бледнело вновь.
Глаза загадочно блестели,
И лихорадочным огнем,
Как у безумного, горели.
Высокий ум светился в нем,
И в блеске глаз его глубоких,
И в мощных очертаньях лба.
Но силу, стройность дум высоких
Сгубила тайная борьба.
Он умирал. Какая тема!

Какая грустная поэма
Пред нами встала впереди!
То будет повесть увяданья,
Тоски душевной, и страданья
Больной, измученной груди,
Любви бесследной и бесплодно⟨й⟩,
И многих одиноких дней,
Рассказ о жизни несвободной
В стране безвыходной моей.

⟨1882, 1889⟩

156

Мой город родной, я прощаюсь с тобою,
Мне надо уехать в безвестную даль,
И сердце томится тяжелой тоскою,
И душу холодная сжала печаль.

В тебе, Петербург, я изведал немало
И радостно-сладких, и горестных дней.
В печальные дни здесь мечта утешала,
И здесь подружился я с музой моей.

Блуждая по улицам и переулкам,
И вдоль исходил тебя и поперек,
И рад был всегда этим долгим прогулкам,
Хоть попросту их совершал, без сапог.

Я площади знаю, каналы и храмы,
Колодцы угрюмые тесных дворов,
На улицах видел я фарсы и драмы,
И сам к приключеньям всегда был готов.

Тебе благодарен я, милый мой город,
Везде вспоминать тебя буду всегда;
Хотя в тебе часто я розгами порот,
Но знаю, что розги — совсем не беда.

Хоть дома, хоть в дворницкой или в участке
Терпел я мученья от прутьев нагих,
Но знал и участье, заботы и ласки
Не только своих, но и добрых чужих.

Воспитанник доли и бедной, и строгой,
Вступаю, хоть скромно, в открытый мне свет:
Я стану теперь, мальчуган босоногий,
Учитель и, может быть, даже поэт.

13 августа 1882

157

Он был один. Горели свечи,
Лежали книги на столе.
С ним кто-то вел немые речи,
Порой он видел на стекле
За глухо-спущенною шторой
Как будто чей-то яркий взор,
Неуловимо-беглый, скорый,
Как в темном небе метеор.
Порой горячее дыханье
Он над собою ощущал,
И непонятное желанье
В больной душе переживал.
Его мечты неслись нестройно,
Отрывки мыслей были в нем,
А голос тот звучал спокойно
Каким-то гордым торжеством.

19 сентября 1882

158

Покрыты грязи переплесками
Чрез улицу ведущие стези,
Устлали кой-где переходы досками,
Все ж вязнуть надобно в грязи.

Идут прохожие тихохонько,
И по мосткам сырым скользят шаги,
На перекрестках-то грязнёхонько,
И пачкаются сапоги.

А я, — мои привычки скромные, —
Босой, не разбираю я дорог.
Порою долетают брызги темные
До верха покрасневших ног.

Отмыть нетрудно ноги голые.
Насмешливых чего стыдиться слов?
Забавны на мостках шлепки веселые
По мокроте бегущих ног.

6 октября 1882

159

Сегодня утро было ясно,
Уроки хорошо прошли,
А вечерело очень красно,
И тучи в небо поползли.

И вечер темен. Мама хлещет
Нещадно розгами меня,
И тело голое трепещет,
Но что же вся моя возня,

Мольбы, и крики, и рыданья!
— Ой! Мама, милая! Ой! ой!
Прости! Помилуй! — Наказанье
Терпи, голубчик! Не впервой! —

Удары медленно считает:
— Вот тридцать два! Вот тридцать три!
Что, больно, милый? — И стегает.
— Без спроса, дурень, не бери! —

— Прости! Прости! — Терпи, сыночек!
Еще один! Вот тридцать пять! —
Ой! ой! — Терпи же, голубочек!
Что, будешь сахар воровать?

— Так вот тебе! Еще! Вот сорок!
Да пятками-то не махай!
Коль жить не можешь ты без порок,
Так вот тебе! — Ой! Ой! Ай! Ай! —

Сечет, сечет. — Вот сорок восемь!
Еще один! Вот пятьдесят!
Ну, а теперь сынка мы спросим:
Ты сознаешь, что виноват? —

— Ой, мама, виноват! Не буду!
Не буду больше никогда!
Я этой порки не забуду,
Запомню, мама, навсегда! —

— Так! Задний ум, коль слаб передний,
Тебе вколачивает боль!
Горяченький, зато последний,
Десяток получить изволь! —

Еще десяток отсчитала,
Потом спросила: — Что, сынок,
Довольно? Или еще мало? —
Спасибо, мама, за урок! —

19 октября 1882

1883

160

Печальная судьба рабов свободы ждет:
Доколе юн еще и чист — освободитель,
А в старости гнетет униженный народ,
Народной вольности поработитель.

Поэт ли он? Он чтил свободы идеал,
Он проповедовал о ненависти, мщеньи,
Он в каземате за народ страдал,
А в старости народу указал
В тупой покорности властям спасенье,
И пылкой юности твердил о всепрощеньи.

Простой ли гражданин? О нем не говорю;
Он пред судьбою, как тростник прибрежный, гибок.
Зовет он сердцем робким светлую зарю,
Но не прожить ему без роковых ошибок,
Ему, рабу судьбы своей, а не царю.

25 января 1883

161

Только приду я домой,
Та же все кличка мне: Федька!
Надоедает порой
Это, как горькая редька.

Да не заспоришь о том, —
Нравы у нас очень строги.
Крест пред иконой, потом
Маме поклонишься в ноги.

С мамой сноровка нужна, —
Не походить на медведя.

Если довольна она,
Скажет мне ласково: Федя.

Если б я был посмирней,
Мирно бы все обходилось,
Только, что чуть не по ней,
Как уж она рассердилась.

И упрекает, бранит,
Так, что невольно краснеешь.
— Вот я уеду, — твердит, —
— Сам ты живи, как умеешь. —

Стоило многих трудов
Маме мое воспитанье.
Не в богадельню ж! Готов
Вытерпеть я наказанье.

Сам я упрашивал мать
Часто ведь: — Если я стою,
Лучше меня наказать,
Но оставайся со мною! —

Тут говори иль молчи,
А не поможешь уж делу:
Хлещут опять розгачи
Больно по голому телу.

4 февраля 1883

162

Проглядел я очи,
Глядя на дорогу,
Провожал я ночи,
Все молился Богу.

Я молил спасенья,
Ждал любви и друга.
Горького томленья
Моего недуга.

Время не целило,
Люди не узнали, —
Да, близка могила
И моей печали.

18 марта 1883

163

Вот четыре мальчугана
Подошли ко мне, смеясь.
Вижу их, как из тумана,
И смущаясь и стыдясь.

Очень быстро обнажили
И в минуту на полу,
Не стесняясь, разложили, —
А уж розги здесь в углу.

Саша крепко держит руки,
Леша ноги захватил.
В ожиданьи стыдной муки
Я дыханье затаил.

Петя слева, Миша справа
Стали с розгами в руках.
Начинается расправа,
Болью гонит стыд и страх.

Мне стерпеть не удается,
И сквозь резкий свист ветвей
Крик и рев мой раздается
Громче все и все звончей.

Нестерпима эта кара,
Но приходится сносить,
От удара до удара
О прощении молить.

Розги трепанные бросят, —
Полминуты лишь вздохну,

И уж новые заносят.
Я опять молить начну.

Но суровый Бальзаминов
Не прощает ни за что.
Все мольбы мои отринув,
Отсчитал мне ровно сто.

20 марта 1883

164

ДНЕВНИК

Дневник содержит школьный мой
Страницы строгих предписаний,
А дальше поместился строй
Моих проступков и взысканий.

Сперва директорский наказ,
Потом идут десятки правил.
Инспектор строгость их не раз
Меня почувствовать заставил.

Есть правило, что босиком
Я быть обязан на уроке,
А как справляться мне с трудом,
Все точно вычислены сроки.

А дальше ряд страниц идет,
Где в выраженьях непреклонных
Точнейший вносится учет
Моих деяний беззаконных.

Графа налево уж страшна.
В ней истолчен я, словно в ступне.
Вина там каждая видна,
И надпись у нее: «Проступки».

Четыре главные вины:
Шалил, дерзил, был непокорен,

Ленился, — все они видны,
Дневник мой ими изузорен.

Я уронил случайно стул,
На классной губке есть прореха,
По классу вдруг пронесся гул
От детского живого смеха,

Иль кляксу посадил в журнал,
Или на книжную страницу,
Иль пальцем по стеклу стучал,
Иль с шумом уронил таблицу,

Иль мелу в классе накрошил,
В руке почувствовав усталость, —
Инспектор все определил
Одним именованьем: «шалость».

Скажи-ка я: — Не виноват!
Нельзя не шелохнуться детям! —
Ответит он: — Всегда шумят,
А ты дерзишь, так и отметим.

Давай живее свой дневник,
Сейчас же будет и награда,
А ты, дежурный ученик,
Неси живее то, что надо. —

Когда инспекторский приказ
Хоть на иоту мной нарушен,
Или замедлен хоть на час,
В дневник он пишет: «не послушен».

Коль из тетрадей хоть одну
Не просмотрел я, хоть трудился
Над ними ночь, — мою вину
В дневник запишет он: «ленился».

Все видит он, за всем следит,
Просмотрит каждую тетрадку.

Усерден он и домовит,
И очень предан он порядку.

Графа вторая широка
И вызывает содроганье.
Над нею надпись жестока,
Одно лишь слово: «Наказанье».

Ее глазами пробегать
Мне вовсе не бывает лестно.
Пришлося часто мне читать
Там надпись грозную: «телесно».

Столбец цифирью запестрел,
И надпись: «уд.», читай: удары.
В них отмечается предел
Грозящей мне телесной кары.

Но в «Наказаньях» есть слова
Слабей: «на голые колени
Стань в классе; час», порою «два»,
Иль «в зале стой на перемене».

Порою запись: «10 плюх»,
Или такая: «6 пощечин».
Хоть розги крепче оплеух,
Доволен все же я не очень.

Таков-то школьный мой дневник.
Учитель я, а в самом деле
Я — босоногий ученик,
Без кар почти что ни недели.

3 апреля 1883

165

Погас мечтаний отрадный сон.
Я скудной жизнью утомлен.
И ратью мелочных страданий
Уже коварно побежден.

Рукой злорадною разрушен
Кумир надежды золотой,
И в глубине души больной
Я к жизни странно равнодушен.
Душа усталая моя
Забыла пылкие стремленья,
Давно плыву покорно я
По воле каждого теченья.
Встает блаженная весна,
Как дева юная с постели;
Снегами моется она,
Пока живые семена
Ее цветами не одели.
Но что мне в вешней красоте!
Стою в душевном онеменьи,
И странной предаюсь мечте
О небытьи и о забвеньи.
Одно желанье — умереть,
С природой бесконечной слиться,
Чтоб лжи и мрака не терпеть
И с рабством мысли не мириться.

15 апреля 1883

166

Вот большая перемена
Осенью или зимой.
Каждый день все та же сцена,
Двор училищный — арена,
Где звучит и крик, и вой.

Все зеленые листочки
С веток сорваны: — Ложись! —
И по телу, точно строчки,
Красны полосы и точки
Жгучей сеткою сплелись.

На земле лежу я голый,
Крепко связанный. Беда!

В муке горькой и тяжелой
Я ору пред всею школой:
— Ой! Не буду никогда! —

Средь мальчишек смех и шутки,
Но, кровинки увидав,
Прекратили прибаутки.
Ах, для каждого так жутки
Эти полчаса расправ!

Всяк теперь припоминает,
Не было ли с ним чего,
И с тоской соображает:
«Не меня ли ожидает
Та же порка, как его?»

Наказали. — Убирайся!
Ну, Корнилов, твой черед!
Поскорее раздевайся,
На земле располагайся! —
И Корнилов уж ревет.

Каждый день нагие ветки
Хлещут голые тела.
Посмеются звонко детки,
Пожалеют напоследки
И поплачут иногда.

19 апреля 1883

167

С судьбою спорить нам напрасно,
Перед судьбою каждый слаб.
Переменяясь ежечасно,
То деспот я, то жалкий раб.

Вот в классе я. Хоть босоногий,
Но господин ученикам;

Хоть молод, но учитель строгий,
Гроза строптивым шалунам.

Быть им товарищем и другом
Вон там, на улице, я рад.
Здесь забавляюсь их испугом,
И не прощаю им досад.

Но вот является на сцену
Начальник строгий мой. Во мне
Он вызывает перемену,
Я перед ним иной вполне.

Душа от высоты мгновенной
К привычным плоскостям бежит.
Уже не деспот я надменный, —
Исполню все, что он велит.

Власть человека развращает,
Я знаю этот злой закон:
Коли сильнее, угнетает,
Коли слабее, угнетен.

25 апреля 1883

168

Среди ночной прохлады
На берегу ручья
Мы слушали рулады
Ночного соловья.

Пленительною трелью
Всю ночку напролет
К любви и новоселью
Подружку он зовет.

Уселись мы на пенья.
Я не пойму никак,

Что слаще, это пенье
Иль крепкий наш коньяк.

Товарищ горло мочит
От сырости ночной,
А иногда хохочет
Над тем, что я босой.

А надо мной нависли
И душу мне гнетут
Опасливые мысли,
Что дома розги ждут.

Приду домой я пьяный,
Послушав соловья,
И утром, больно драный,
Отправлюсь в школу я.

19 мая 1883

169

Так величавы сосны эти,
В лесу такая тишина,
А мы шумливее, чем дети,
Как будто выпили вина.

Мы веселимся и ликуем,
В веселии создавши рай,
И наших девушек волнуем
Прикосновеньем невзначай.

6 июня 1883

170

Не знаю лучшей доли, —
С сумою, с посошком
Идти в широком поле
Неспешно босиком.

Вздыхают томно травы
В канавках вдоль дорог.
Бесшумные дубравы
Не ведают тревог.

Не спорит здесь с мечтами,
Не шепчет злую быль
Под голыми ногами
Податливая пыль.

В истоме знойной лени
Даря мне холодок,
Целует мне колени
Прозрачный ручеек.

И струями омытым
Ногам не страшен жар,
И никнет к ним, открытым
Всем ветеркам, загар.

Легки и звонко-зыбки,
Стихи в душе звенят,
Как ландышей улыбки,
Как томный запах мят.

И всем я чужд отравам,
Когда иду босой
По придорожным травам,
Обрызганным росой.

22 июня 1883

171

Две дамы ехали в коляске,
Я мимо с мальчиками шел.
Здесь ожидать плохой развязки
Не догадался б и осел.

Да вот беда, — не снял я шапки,
Не видел, что из дам одна,
Хоть и сидит порою в лавке,
Но Розенбергова жена.

Вот вечером приказ явиться
К инспектору я получил.
Он начал на меня сердиться,
И долго он меня бранил.

— Ну что ты нос-то задираешь!
Какая дерзость! срам какой!
Вот погоди, ужо узнаешь,
Мальчишка, озорник босой!

Зазнался! Думаешь, — учитель,
Так очень важен и хорош!
Он — наш почетный попечитель!
Его жену не ставишь в грош?

Что? не заметил? Дуралея,
Негодный, корчить погоди!
Иван! возьми его! Живее
С ним к Розенбергу в дом иди! —

Пред Розенбергом стоя, красный,
Босой, взволнован и смущен,
Все объяснил я, но напрасно, —
Не захотел мне верить он.

Я у него просил прощенья
Смиренно, долго, но отверг
Мои все слезы и моленья,
Спесивый, злобный Розенберг,

И молвил: — Кончить не пора ли?
Иди-ка в кухню. Там в саду,
Тебе уж розог наломали.
Себе накликал ты беду. —

Приказ он отдал: — Босошлепу,
Чтоб нос не задирал вперед,
Нарисовать покрепче . . . . ,
Погорячее, в переплет. —

И, разогретый очень знойно,
Урок я слушал: — Не зевай!
Вперед веди себя пристойно,
Да кланяться не забывай! —

24 июня 1883

172

Твоя забытая могила,
Как тяжкий жребий твой, уныла.
Как мальчик робкий пред отцом,
Нагнулся низко крест могильный;
Венок качается на нем,
Давно засохнувший и пыльный,
И буквы, смытые дождем,
Едва заметны за венком.

Но вспыхнет ярко свет победный
Тобой взлелеянных идей,
И, где твой крест качался бедный,
Высоко встанет мавзолей,
И разукрасится венками
Тебе воздвигнутый гранит,
И золочеными чертами
Твое названье заблестит.

1—2 июля 1883

173

Поскорее добрести бы
До ближайшего леска!
Под ногами глины глыбы,
Слой горячего песка.

С неба солнце светит ярко,
Так что все кружит в глазах...
Груди душно, телу жарко,
Как свинец в босых ногах.

Вот добрел, и повалился.
Мягкий мох, лесная тень.
Словно камень отвалился, —
Так в лесу отрадна тень.

3 июля 1883

174

Все прекрасно в мире нашем!
Слышишь, бьется в жилах кровь, —
Как вино по емким чашам,
По сердцам кипит любовь.

Как светильники на пире
Ярким пламенем горят,
Светлой правды в нашем мире
Взоры яркие блестят.

Как фиалки запах нежный,
В мирозданьи разлита
И стихиею безбрежной
Нежно плещет красота.

Есть печали, есть разлуки, —
Утешительница есть,
Дружба, дружеские руки
Торопящаяся свесть.

Путь ли трудный выбрать нужно,
Но сладчайшая одна
Есть утеха, — с мужем дружно
В путь идущая жена.

6 июля 1883

175

Как дух отчаянья и зла
Ты над душой моей стояла,
Ты ненавистна мне была,
Ты жизнь ребенка отравляла.

Я был беспомощен и слаб,
И под ферулою твоею
Склонялся, гнулся я, как раб,
Душою юною моею.

И с каждым годом все сильней
Твоя могучая отрава
В груди измученной моей
Кипела злобно и лукаво.

Я цепенел, я угасал,
Я тщетно к воле порывался, —
И вот желанный час настал, —
С тобой я радостно расстался.

Твои приносят семена
В душе отравленные всходы,
И уж не кажется весна
Желанным праздником свободы.

Да, ты разбила жизнь мою,
Но я тебя не проклинаю,
Я повесть скорбную твою
Душою чуткой понимаю.

И я узнал, что ты больна,
Что, может быть, ты угасаешь;
Быть может, ты лежишь одна,
Бессильна, мертвенно-бледна
И жизнь больную проклинаешь.

12 июля 1883

176

От шумной жизни я бежал,
В пути неведомый я скрылся,
Себя как будто погребал,
И от призыва хоронился.

И полюбил я глушь лесов, полей,
И был я к людям равнодушен,
Лишь музе искренней моей,
И то порой, я был послушен.

И понял я тогда ⟨ ⟩

21 июля 1883

177

Уж скоро осень будет зрелой,
Повиснет яблок наливной,
А на березе пожелтелой
Все гибки ветки, как весной.

Осенней ночью я, как прежде,
В чужой залезу сад опять
С двумя мальчишками в надежде
Там сладких яблоков нарвать.

А если попадусь, — березы
Стоят недаром у плетня:
Услышу снова брань, угрозы,
И тут же высекут меня.

Но в сердце жажда приключений
Так необузданно сильна,
Что и мучения сечений
Не испугается она.

Притом же этою ценою
Дешевле яблоки достать,

Чем с тощею моей мошною
Их на базаре покупать.

Провал бывает не всегдашний,
И, значит, не всегда секут,
А взятое в ночи вчерашней
Сегодня не отнимет прут.

30 июля 1883

178

Вчера меня в чужом саду
За кражу яблок розгами пороли,
А ныне красть опять пойду.
Коли поймают, — что ж бояться боли!

На пять удачливых ночей
Одна порой достанется мне порка,
Зато в подполице моей
Плодов румяных вырастает горка.

Учитель я, но мал почет, —
В училище хожу я босоногий,
И мама розгами сечет,
Сечет и в школе наш инспектор строгий.

От розог мне не убежать, —
За яблоки приму охотно муку,
И весело мне изучать
Полночных краж опасную науку.

20 августа 1883

179

Старый муж давно наскучил,
Подвернулся кстати я,
И ее недолго мучил,
И купчиха уж моя.

Для чего тебе, лабазник,
Эта милая жена?
Мне же с нею — светлый праздник:
И красива, и умна.

Только жаль, таиться надо.
Пробираюсь в сад, как вор,
И под яблонями сада
Сладок краткий разговор,

Сладки нежные объятья,
Поцелуи горячи,
Беспорядок в женском платье
Скрыла темнота в ночи.

Шум ли старый муж почует,
Не успею ль убежать,
Он подумает: ворует
Кто-то яблоки опять.

Выйдет сам, — метнусь к забору,
А она — обходом в дом.
Коль меня поймает, — вору
Будет мука поделом.

А ее, так скажет: — Кто-то
Мне почудился в саду.
Погнала меня забота,
Дай-ка сад наш обойду.

— Слышишь, вор уж убегает:
Не схвати, поймала б я! —
Муж похвалит, приласкает:
— Ай, хозяюшка моя! —

30 августа 1883

180

Какая низменная проза!
Объелся яблоками я,
И виснет надо мной угроза,
Что плохо ночь пройдет моя.

Желудок нестерпимо режет,
Раздулся бедный мой живот,
И понял я зубовный скрежет,
Который грешников нас ждет.

Во рту погано так и кисло,
Ни усидеть, ни стать, ни лечь.
Угроза новая нависла:
Грозится мама больно сечь.

Я знаю, сбудется угроза,
Мне кары той не избежать.
Какая низменная проза, —
В стыде и в страхе трепетать!

3 сентября 1883

181 А

Наконец-то купили мы счастье
Дорогою ценой!
Выносили мы бурю, ненастье
И палящий томительно зной,

Выносили бессонные ночи,
Когда плакали жаркие очи,
И в труде надрывалася грудь...
Миновали те дни роковые!
И невзгоды минувшие, злые,
Позабудь, милый друг, позабудь.

И пускай разбросало ненастье
Серебро по моей голове!

Мои кудри я отдал за счастье,
За минуту иль две.

24 августа 1883
Крестцы

181 Б

Наконец-то добились мы счастья
Но какою ценой!
Претерпели мы холод ненастья
И палящий томительно зной,

Претерпели бессонные ночи,
Когда плакали жаркие очи,
И в труде надрывалася грудь...
Миновало тяжелое время!
Испытанья минувшего бремя
Позабудь, милый друг, позабудь.

Говоришь ты: «Промчались невзгоды,
Но оставили тягостный след,
И не смоют житейские воды
Отпечатков промчавшихся лет».

Милый друг! Не крушися напрасно,
Не мрачи опасеньем души.
Пока небо над нами так ясно,
Наслаждаться и верить спеши.

Если б снова порывы печали
О прошедшем тебя взволновали, —
Облегчи ты рыданьями грудь,
А потом, осушив свои глазки,
Расточай мне любовные ласки,
И былую тоску позабудь.

Не беда, что уж мы пред могилой:
Как река в водопаде, полна

Наша жизнь ожиданьем и силой.
Нам и смерть не страшна.

И пускай разбросало ненастье
Серебро по моей голове!
Мои кудри я отдал за счастье,
За минуту иль две.

24 августа, 8 сентября 1883
Крестцы

181 В

Наконец-то добились мы счастья,
Но какою ценой!
Выносили мы холод ненастья,
И палящий томительный зной.
Миновало тяжелое время.
Позабудь истомившее бремя.

Говоришь ты: — Промчались невзгоды,
Но глубокий оставили след,
И не смоют Летийские воды
Отпечатков промчавшихся лет. —

Милый друг, не крушися напрасно,
Не мрачи опасеньем души.
Если небо над нами так ясно,
Наслаждаться и верить спеши.

Если б снова порывы печали
О прошедшем тебя взволновали,
Подымая рыданьями грудь, —
Поскорей осуши свои глазки,
Расточай мне желанные ласки,
И былую тоску позабудь.

24 августа, 8 сентября 1883
Крестцы

182

Мне сегодня не придется
Выйти из дому гулять.
Скучный вечер провлечется
Над тетрадями опять.

Не веревками я связан,
Не заложены пути:
Был я розгами наказан,
И не велено уйти.

— Вишь, тетрадок сколько! груда! —
Мне сказала строго мать, —
Раньше кончишь, так не худо
Раньше лечь и раньше встать. —

К чаю кончил я тетрадки.
— Отпусти, хоть на часок! —
— Ну уж нет, такой повадки
Не увижу я, дружок.

— Попросил бы раньше, что же,
Отпустила б, так и быть,
А теперь совсем не гоже
Ночью попусту бродить.

— По домам все разошлися,
Ночь темна и холодна.
Помолись-ка, да ложися.
Что на свете лучше сна! —

9 сентября 1883

183

Их суд, быть может, был и прав,
Так резко осудив мой нрав
Больной, тяжелый. Злоба века

Неотразима и сильна;
И правит волей человека,
Как деспот бешеный, она.
Но все ж сознаться в этом стыдно,
И больно думать и обидно,
Что много сил унесено,
И что моя живая нежность
Тобой подавлена давно,
О — роковая неизбежность!

29 сентября 1883
Вечер. В постели

184

Из отуманенного сада
Вливается в окно прохлада.
Поутру ветки шелестят,
Щебечут птицы там на ветках,
И семь приятелей сидят,
Поссорившися, в двух беседках.

А мне в какую же идти?
Где чушь мне пьяную плести?
Пора домой. Уроки скоро
Начнутся. Уж проснулась мать,
И с нею, знаю, будет ссора,
И будет долго упрекать.

Бреду, держуся ближе к тыну,
От водки и прохлады стыну, —
И точно, мать уже в дверях,
Суровая, меня встречает;
Еще молчанье на губах,
Но уж и взором упрекает.

30 сентября 1883

185

Я — учитель, ну так что же!
Малый дома мне почет,
И меня по голой коже
Мать частехонько сечет.

От пощечин рдеют щеки,
Дома я босой сижу,
Даже в школу на уроки
Босиком всегда хожу.

Там строптивости и лени
Бальзаминов не простит,
И на голые колени
Стать нередко мне велит.

Так порою час за часом
С шалунами я стою,
И хоть стыдно перед классом,
Но уроки им даю.

По щекам прибьет, ругает
Бальзаминов; иногда
Он и розгами накажет
Так жестоко, что беда.

Он прикажет, и мальчишки
Подбегут ко мне, сдерут
И рубашку, и штанишки,
Бросят на пол и секут.

Я реву, молю пощады,
Слышу звонкий смех детей,
Точно все мальчишки рады
Свисту резкому ветвей.

Даже те, кто сами были
Ныне драны иль вчера,
Точно разом позабыли,
Что ведь порка — не игра.

А инспектор не прощает,
Он всегда неумолим,
И удары он считает
До назначенного им.

2 октября 1883

186

Бальзаминов собирал
В классе за ученье плату.
У окошка я стоял,
Вспомнил поле, кашку, мяту.

Был я в блузе, босиком,
Как всегда бываю в школе
За учительским трудом,
А в уме — леса да поле.

Замечтался я, светло
На душе внезапно стало,
А под пальцами стекло
Запотевшее визжало.

Вдруг я слышу крик: — Шалить
Вздумал в классе! Розог! Живо!
Оголить да разложить! —
Подбегают торопливо

Четверо учеников.
Вмиг раздет я, вмиг разложен,
И упал, как с облаков,
Я, в мечте неосторожен.

Раздался свистящий звук,
Началася порка злая.
Я кричал, томясь от мук,
О прощеньи умоляя.

Но инспектор был суров, —
Сорок розог отсчитали.

Ни мольбы, ни крик, ни рев
Мне ничуть не помогали.

Бальзаминову дана
Власть большая надо мною, —
Мне расправа суждена
Вслед за каждою виною.

13 октября 1883

187

Побледнел твой облик ясный,
Отуманились глаза,
Но чиста, мой друг прекрасный,
Эта светлая слеза.

Я любви моей безмерной
Малый дар тебе принес,
Дар живой, нелицемерный,
И он стоит этих слез.

13 октября 1883

188

Забудь, прости и не люби,
Не негодуй, не возмущайся,
Бесцельно молодость губи,
И словом правды не смущайся.

14 октября 1883

189

Речь про босняков зашла.
Услыхавши это имя,
Мать смеяться начала:
— Ты по слуху сходен с ними.

Ты ведь ходишь босиком
От весенних ранних почек,
И теперь я босняком
Буду звать тебя, сыночек.

14 октября 1883

190

Когда купцы Измаильтяне
Иосифа с собой вели,
Он пал, рыдая, на кургане,
Где мать недавно погребли.
«Мать моя, встань, посмотри
Как в рабство уводится сын твой,
И никто не сжалится над ним.
Защити меня против братьев,
Жестокость которых меня отняла
От старика отца.
Пробудись, посмотри на отчаянье его,
Который любил тебя и для тебя подвергался
Продолжительной тяжелой работе,
Утешь его своим голосом,
И услади скорбь, сокрушающую старые дни его!»
Из могилы послышался голос:
«Сын мой, Иосиф! Я слышу
Твой голос, рыдания, вопли.
Знаю, что терпишь. Моя скорбь
Глубока, как море.
Надейся на Иегову, дитя, и не бойся!
Он с тобою и защитит,
Встань, иди в Египет с твоим господином,
Будь спокоен: Бог сопутствует».

19 октября 1883

191

Дождик льет без перерыва,
День и ночь, и день, и ночь,

И тоскливо мне, тоскливо,
И тоски не превозмочь.

За тетрадями скучаю,
Грустно голову склоня,
И за чаем я мечтаю:
«Хоть бы высекли меня!

Все же было б развлеченье,
Злой растаял бы туман», —
И в порыве раздраженья
Пролил чай, разбил стакан.

— Что хотел ты, совершилось, —
Шепчет дождь, меня дразня.
Мать не в шутку рассердилась,
Больно высекла меня.

И тоска моя пропала,
Вся исчезла без следа,
Словно стал я жить сначала,
Ну, а розги — не беда.

* * *

Так в минуты нудной скуки
Бури жаждет человек,
Жаждет он хотя бы муки,
Не валандаться бы век
С этой нудною тоскою,
С этой тусклой ерундой,
Что зовется здесь порою
«Самобытный, крепкий строй».

2, 27 октября 1883

192 А

Я полюбил. Мечтою чистой
Я оживил больную грудь.
Моя любовь — цветок душистый,
Но будет смят он как-нибудь.

Быть может, родственной душою
Меня пленил, ребенок, ты, —
И вот, как летом под грозою
Цветут роскошные цветы,
В душе, отравленной тоскою,
На миг отрадные мечты.

Но им предаться не могу я,
И светлый образ твой, дитя,
Как дар мгновенный, негодуя,
Ношу, страдая и грустя.

Быть может, будет так же светел,
Как в день, когда тебя я встретил,
Твой облик милый и простой.
Не осквернится ль он?!

31 октября 1883

192 Б

Я полюбил. Мечтою чистой
Отрадно оживил я грудь.
Моя любовь — цветок душистый,
И сладок с ним мой трудный путь.
Быть может, родственной душою,
Дитя, меня пленила ты, —
И вот, как летом пред грозою
Льют слаще запах свой цветы,
В душе, встревоженной тоскою,
Теснятся дивные мечты.
Но им предаться не могу я
И светлый образ твой, дитя,
Ношу я в сердце, все тоскуя,
Страдая, плача и грустя.
Быть может, будет так же светел,
Как в день, когда тебя я встретил,
Твой образ, милый и простой —
Но кто мне даст залог нетленный,

Что над душой твоей бесценной
Не воцарится гений злой?

31 октября 1883

192 В

Я полюбил. Я грезой дивной
И очарован и смущен.
Любовью девственно-наивной
Мой путь суровый освещен.

Невинной, чуткою душою,
Дитя, меня пленила ты, —
И, как под яркою грозою
Льют слаще запах свой цветы,
В душе, наполненной тобою,
Теснятся светлые мечты.

Но им предаться не могу я,
И милый образ твой, дитя,
Мечтою в сердце начертя,
Храню, беспомощно тоскуя,
И сомневаясь, и грустя.

Быть может, будет долго светел,
Как в день, когда тебя я встретил,
Твой облик милый и простой.
Но кто мне даст залог нетленный,
Что над душой твоей бесценной
Не воцарится гений злой?

31 октября 1883

193

Где ты, моя Ариадна?
Бросишь ли мне свой клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог!

Есть переходы, но света
Нет, и не видно пути,
Гаснет мой светоч и страшно
Мраку навстречу идти.

Жертв, здесь погубленных, тени
Передо мною стоят,
Страшно зияют их раны,
Гневно их очи горят.

Голос во тьме раздается
И заглушает их стон:
«Крови, неволи и мрака!» —
Требует радостно он.

Светоч мой гаснет, слабея, —
Полон тревоги, стою,
И призываю на помощь
Мудрость и благость твою.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
О, помоги мне скорее
Выход из мрака открыть!

7 ноября 1883

194

Никак не позабыть мне ныне,
Что и в плохие времена
Всегда заботами о сыне
Бывала мать поглощена.

Отец мой умер от чахотки,
Хотя еще и молод был.
Я был слабей, чем одногодки,
И больше игр мечты любил.

И вот, чтоб вырос я здорово,
От пустяка не стал хворать,

Меня закаливать сурово
Давно уж принялася мать.

От ранних весен до морозов,
А дома также и зимой,
От холода нередко розов,
Я постоянно был босой.

Вошло в домашний быт сеченье
За все, про все: за лень, за ложь,
За шалость, грубость, непочтенье,
Да больно так, что невтерпеж.

Продлилось и поныне это:
Я часто розгами секом,
И босиком хожу все лето,
А дома год весь босиком.

Не споря, не ропща, не хныча,
Согласен это я терпеть, —
Я верю: может тот обычай
Наследственность преодолеть.

10 ноября 1883

195

Молюсь я за тебя,
Дитя мое, тебя любя,
Твой милый облик, взор твой ясный, —
Чтоб без томлений и без слез
Ты грозы жизни перенес,
И сохранил свой нрав прекрасный,
Чтоб с той же светлою душой,
С какой стоишь передо мной,
Ты прожил счастлив до могилы.
Но знаю я, суров наш рок.
Тебя, весенний мой цветок,
Сомнут безжалостные силы.

Душой увянешь рано ты,
Как вянут нежные цветы,
Когда их ранний холод губит.
О, если жизнь так жестока,
Пускай тебя судьбы рука
Хоть сладким детством приголубит!

10 ноября 1883

196 А

НА КОРНЮ

Ярко блещет безбрежное море,
Тишина, на полях ни души,
И колосья несжатого хлеба,
Наливаяся, зреют в тиши.

По настилке дощатого моста,
По щебенке дороги стуча,
Мимо пашен, лугов и погоста
Бричка мчит кулака-богача.

Едет он, пот с лица отирая,
Мимо узкой полоски лугов,
Где кипит уж работа страдная
Истомленных жарой мужиков.

Старый коршун рукой закрывается
И на поле с усмешкой глядит,
Как от ветра в нем рожь колыхается
И, как море под бурей, шумит.

В недоимках село обнищало,
Мало ценится тягостный труд;
Этот хлеб, как бы сердце ни сжало,
Мужики на корню продадут.

Соберется гроза боевая,
Ополчаться народу велят,

И, родное село покидая,
В ближний город ребята спешат.

Все здоровые, рослые люди,
На подбор молодец к молодцу,
Соколиные крепкие груди,
И румянец живой по лицу.

Их везет, спотыкаяся, кляча,
Едут бодро они умирать,
Провожают до города, плача,
Молодуха и старая мать.

А потом, обливаясь слезами,
И с разбитой, усталой душой,
О, печальницы, вы сиротами
Уж одни возвратитесь домой.

Засверкают штыки боевые,
И подымется грозная рать,
Чтобы юные силы России,
Словно хлеб на корню, запродать.

13 ноября 1883

196 Б

НА КОРНЮ

Лучезарное летнее небо
Раскалилось, в полях ни души,
И колосья несжатого хлеба,
Наливаяся, зреют в тиши.

Только белая шляпка мелькает:
Это — барышня рвет васильки,
И прилежной рукою сплетает
Для красивой головки венки.

С высоты поднебесья на землю
Песня птички какой-то летит.

Эту песню я слушаю жадно,
И в душе моей эхо звучит.

Забывается в свежем просторе,
Все, что душу томит и гнетет:
И людская неправда, и горе,
И судьбы неприветливой гнет.

«Золотишься ты, нива родная, —
Думал я, — для трудящихся рук».
Вдруг донесся ко мне, возрастая,
Приближаясь, трепещущий звук.

И, заслыша знакомые звуки,
Я смутился: так цепи гремят.
Вновь нахлынули думы и муки,
А мечты отступили назад.

По настилке дощатого моста,
По щебенке дороги стуча,
Мимо пашен, лугов и погоста
Бричка мчит кулака-богача.

И забота деревни родимой,
Нищетой и незнаньем давимой,
Вдруг мне вспомнилась, злая, опять:
Недоимку и подать сбирать.

В недоимках село обнищало,
Мало ценится тягостный труд;
Этот хлеб, как бы сердце ни сжало,
Мужики на корню продадут.

Чтобы хлеба с родной десятины
До весны им хватило, мякины
Промышляет голодный народ, —
А богатство к богатым уйдет.

То обычные старые траты,
Забывать мы привыкли о них;

Но иные, отчизна, несла ты
Траты жизней и сил молодых.

Соберется гроза боевая,
Ополчаться народу велят,
И, родное село покидая,
Мужики в ближний город спешат.

Все здоровые, рослые люди,
На подбор молодец к молодцу,
Соколиные крепкие груди,
И румянец живой по лицу.

Их везет, спотыкаяся, кляча,
Едут бодро они умирать,
Провожают до города, плача,
Молодуха и старая мать.

А потом, обливаясь слезами,
И с разбитой, усталой душой,
О, печальницы, вы сиротами
Уж одни возвратитесь домой.

Засверкают штыки боевые,
И подымется грозная рать,
Чтобы юные силы России,
Словно хлеб на корню, запродать.

13 ноября 1883

196 В

Лучезарное летнее небо
Зноем дышит. В полях ни души,
И колосья несжатого хлеба,
Наливаяся, зреют в тиши.

Как-то чисто, свежо и отрадно
С высоты чья-то песня летит,

И певунью я слушаю жадно,
И в душе отголосок дрожит.

Забывается в свежем просторе,
Что томило всегда и гнело:
И людская неправда и горе,
И победное гордое зло.

13 ноября 1883

197

Многострадальная Россия,
Твоя судьба так тяжела,
Такие тучи грозовые
Она над нами собрала,
Что часто тягостным сомненьем
Томится угнетенный ум,
Давно измученный кипеньем
Запретных, но живучих дум.

Когда ты встанешь, торжествуя
В борьбе, которую ведут
Твоих сынов любовь и труд,
С насильем тягостным враждуя?
Или ошибки роковой
Ты до могилы не узнаешь
И неожиданной грозой
Своих врагов не покараешь?
Но, им послушная, детей,
Тебе несущих кровь и силу,
Враждой кровавою своей
Проводишь в раннюю могилу?

О, как их много, жертв святых!
Прославят наши их потомки,
Когда от зданий роковых
Одни останутся обломки.

21 ноября 1883

198

В тревогах жизни одинокой,
Увы! — достигнуть он не мог,
Чтобы тоски его глубокой
Потух зловещий огонек.
И, разгораяся с годами,
Росла ревнивая тоска
И, как свинец, была тяжка.
Не за горами
Могила темная — близка.

22 ноября 1883

199

Промчалась жизнь, как смутный сон,
И к гробу приближался он,
И часто думал: — Где ты, счастье? —
Безрадостен был жизни путь,
Как день осеннего ненастья,
И нечем юность помянуть.
Он не стоял перед грозою,
Он в бурях жизни не тонул,
Над ним промчался стороною
Весенних гроз могучий гул.
Он много видел. Юность вянет,
И сила гордая устанет,
И жаркая остынет кровь,
И смолкнет пылкая любовь.

1) 23 ноября 1883

200

И под гнетом темных дум
Долго жил он одиноко,
Уносил высокий ум
От среды его далеко.

Неба ясного лазурь
Над тобой, родное поле, —
Дни жестоких, злобных бурь
Позабудешь поневоле.

И душа его тиха,
Как простор родного поля.
Нет в ней злобы и греха,
Для нее любовь и воля.

И головка на плечо
Пала бедная без стона.

Глубока и хороша,
Как в затишье море, —
Эта детская душа
С ложью вечно в ссоре.

И коснеющий язык
Призывал еще кого-то.

2) 23 ноября 1883

201

Жил в России властелин,
Был он счастия достоин,
Из владык почти один
За престол он был спокоен.

Был он рыцарь, у него
Был девиз: свобода.
И народ любил его:
Жил он для народа.

И народ свой верный знал,
И в народе был уверен,
И народ владыке верил,
Властелина обожал.

Но его сгубила злоба,
Необузданная страсть,
Не спасла его от гроба
Императорская власть.

3) 23 ноября 1883

202

Вспоминаю родную страну,
Вспоминаю отеческий дом;
В нем я комнату вижу одну
С невысоким да узким окном.

Все в ней памятно: образ, и стол,
И цветы на окне, и постель.
От тебя я далеко ушел,
Дорогая моя колыбель.

23, 24 ноября 1883

203

Пал верблюд мой, а я изнемог,
Десять дней я бродил, как шакал,
И вокруг меня жгучий песок
Пеленой бесконечной лежал.

Износились мои сапоги
И упала одежда с плечей;
Что ни день, то пустыни пески
Под босою ногой горячей.

Что ни день, обнаженной спине
Горячее и жгучей лучи;
Умираю от жажды, и мне
Скоро смерть повелит: замолчи!

24 ноября 1883

204

ЛИСИЦА И ЕЖ

Раз иду один в лесу,
И встречаю там лису.
Тихо крадется она,
Сразу видно — голодна.
Где ж добыча? — думал я,
А лисица-то меня
Не боится, не бежит
И в кустах себе стоит.
Я шагнул еще, — и вот
Еж навстречу мне ползет.
И сказал я: «Глупый еж!
Ты зачем к кустам ползешь?
Там лисица залегла,
Голодна и страх, как зла!»
Еж расхвастался: «Меня
Все боятся, как огня.
Жгусь я больно, как огонь.
Что смеешься? Тронь-ка, тронь!
Я скажу себе: не трусь;
И в клубочек весь свернусь, —
Тронь лисица, — вся в крови
Будет морда, — не лови,
Значит, милая, вперед!»
И, надувшись, еж ползет
Дальше в свой опасный путь!..
Захотелось мне взглянуть,
Что-то станется с ежом?..
Притаившись за кустом,
Я стою себе, гляжу
Вслед ползущему ежу.
Вдруг ему навстречу — прыг
Из куста лиса — и вмиг
Цап-царап его!.. Но что ж?
Вмиг в клубок свернулся еж!
И со всех сторон торчат
Иглы острые. Назад.

Тут лиса; на лапах кровь:
Укололась. Смотрит, вновь
Тронет лапою ежа,
Но игла больней ножа!
То, рассерженная, рот
Широко раскрыв, возьмет
В зубы ежика: но тот
Невредим! — а у лисы
Заалели вдруг усы!
То отскочит, то слегка
Подтолкнет его в бока,
Словно хочет разбудить, —
Еж недвижен!.. Как тут быть?
Призадумалась кума, —
Дело требует ума!
Да недаром, видно, брат,
Про лисицу говорят,
Что ума-то ей не стать
У соседей занимать!
Нам и в ум бы не пришло
Одолеть такое зло.
А лисица — ничего,
Все ж добилась своего!
Лапой толк клубочек в бок! —
Покатился наш клубок.
Что же выйдет из того?
Думал я, а та его
Катит дальше. Тут ручей
Поперек дороги ей.
И прямехонько к ручью
Лиска ношеньку свою
Прикатила, — и туда
Бух ежа!.. Ему волна
Показалась холодна,
И в испуге еж свой щит,
Развернул, да и лежит
Кверху брюхом на песке,
В неглубоком ручейке.
Тут его лисица хвать!
Поспешила разорвать...

Только, бедный, он и жил!
А ведь как хвастлив-то был!..

24 ноября 1883

205

Уж я-то пол не наслежу:
Когда мороз не очень строгий,
Так я в училище хожу,
Вернее, мчуся босоногий.

30 ноября 1883

206

Алым пламенем горя,
Встала с запада заря.
Коротко блеснет зарница,
И скрывается она, —
Как стыдливая девица,
Быстро глянув из окна.
Ой, заря, заря, не падай!
Ты румяна и бела, —
Как невеста, ты мила.
Будь нам утренней отрадой,
Как вечернею была.
Веет из лесу прохладой.
Слышны песни соловья:
— Роза милая моя!
И тобой, и страстью нежной,
Бесконечной, безнадежной,
Вся душа моя полна.
Я лечу к тебе послушно, —
Ты внимаешь равнодушно,
Безответна, холодна!
Роза гордая, взгляни же!
Мне и взгляд единый твой
Будет лаской дорогой! —
Роза алая все ниже

Никнет пышной головой.
Пропоет он до рассвета,
Но желанного ответа
От красавицы своей
Не дождется соловей.

12 декабря 1883

207

Как, рыбачка моя, хороша ты!
Как хорош у тебя весь наряд!
Я не знаю, что более ярко:
Эти рыбки иль глазки горят.

1) Декабрь 1883

208

Ты — лилея долин, ты лилеи нежней,
Вся зеленая, белая, красная,
Но за то, что нет красного цвета лилей,
Я скажу: ты — лилея прекрасная.

2) Декабрь 1883

209 А

Скоро будет весна, прилетят соловьи,
Зацветут и фиалки и розы.
Я хотел бы подслушать в те дни
И заветные мысли твои,
И твои затаенные грезы.

Ты сама среди пышных цветов
Будешь розы махровой милее,
И певуньи лесной веселее,
Ты, достойная лучших венков,
В Вертограде Господнем лилея.

Декабрь 1883

209 Б

Скоро будет весна, прилетят соловьи,
Расцветут и фиалки, и розы,
Расцветут и надежды твои,
И твои потаенные грезы.

Ты сама, как весна, хороша,
Ты весны ароматной милее,
И твоя молодая душа —
В Вертограде Господнем лилея.

Декабрь 1883

1884

210

Доля моя, доля,
Доля-горемыка!
Кто же тебя, доля,
На свет споро́дил,
Кто тебя повил
Горем-злосчастьем.
До того ты, доля,
Дошутилась ныне,
Что себе уж даже
Душа не верит,
Людей боится,
Бури трепещет.

11 января 1884

211

Близка уж стрелка часовая
К часам, томительно пустым.
Стоит красавица нагая
Перед любовником своим.

Скорее надо одеваться.
Какая скука и печаль —
От милой ласки оторваться
И поспешать в дневную даль!

Им расцелованные ноги
Втеснить в чулки и в башмаки.
Высокие, ей по дороге
Так будут скучны каблучки!

А за обедом муж постылый,
Усталый, скучный и седой,
Вновь полюбезничает с милой
Своею верною женой.

А ночью медленные ласки
И надоевшая постель.
Ах, неужель отбросить маски
Нельзя вовеки, неужель!

16 января 1884

212 А

Далекая странница! где ты?
Ты бодро идешь под грозою, —
И, светлым лучом не согреты,
Гневны небеса над тобою...
Сердца наши бури жестокой
Одним дуновеньем разбиты;
И в общей могиле далекой
Любимые наши забыты.

Жесток был удар! Как и я же,
Ты тою же скорбью страдаешь,
Но ты остаешься все та же,
Все той же весны ожидаешь.
И этой душевною силой,
Быть может, победу ты купишь.
А нет, и пред темной могилой
Ты, смелый мой друг, не отступишь.

А я малодушно тоскую,
Не верю я, верить желая,
И трачу я жизнь молодую,
В бесплодной тоске изнывая.

19 января 1884

212 Б

Подруга бесстрашная! где ты?
Ушла ты вперед под грозою, —
И, радостным днем не согреты,
Тернисты пути пред тобою.

Сердца наши, в буре жестокой,
Одним дуновеньем разбиты;
В стране неприветной далекой
Товарищи наши забыты.

Суров был удар! Как и я же,
Ты скорбью глубокой страдаешь,
Но ты остаешься все та же,
Все той же весны ожидаешь.

Великой душевною силой,
Быть может, победу ты купишь.
А нет, и пред темной могилой
Ты, смелый мой друг, не отступишь.

А я малодушно тоскую,
Надежды и веры не знаю,

И трачу я жизнь молодую
Без пользы родимому краю.

19 января 1884

213

Хорошо в широком поле
Посбирать цветки-цветы
И на летней вольной воле
Поиграть в свои мечты,

Да не плохо и зимою
У окошка посидеть,
Как вечернею зарею
Снег чуть станет розоветь.

Все равно, мечта покорна,
Унесет в далекий край,
Где сверкающие зерна,
Сколько хочешь, собирай.

20 января 1884

214

I

Я стоял пред тобой и не знал,
Хороша ль ты, мой друг, или нет,
Словно взоры мои ослеплял
Этих глазок чарующий свет,
Словно был я улыбкой твоей,
Как железною цепью, окован,
И мелодией звучных речей,
Как волшебством каким, зачарован.

II

Лишь потом, в полуночной тиши
Вспоминая, дитя, о тебе,

Я всей силою пленной души
Твою прелесть усвоил себе.
И я понял, что душу живит,
Что в ней ярко и радостно блещет,
Если сердце дрожит и молчит,
И душа, замирая, трепещет.

22 января 1884
Крестцы

215

Ваши юные ланиты
С розой спорят красотой,
Словно с неба вы облиты
Лучезарною зарей.
Ваша светлая улыбка
Не землею рождена,
Но Господнею ошибкой
Милой деве отдана.
Да и все в вас, ангел милый,
Мне о небе говорит.
Верю я: наш мир унылый
Вами райский мир дарит,
Чтобы люди не забыли
И добра, и красоты,
Чтобы им утехой были
Ваши милые черты.

23 января 1884

216

Живу не богачом,
Да и не вовсе голью,
И чай пью с калачом,
Ем кашу с маслом, с солью,

И чисто вымыт пол,
И печка разогрета.

Положим, я провел
Босой все это лето,

Но потому, что я
Воспитан был сурово,
И босота моя
Приятна и здорова.

Тебя я не боюсь,
Морозец красноносый,
Тебе в издевку мчусь
Нередко в школу босый.

Себя не простужу
Морозными щелчками,
Хоть в класс тогда вхожу
Я с красными ногами.

Зима! и твой закон
Моей не сломит воли:
Я с детства приучен
И к холоду, и к боли.

23 января 1884

217 А

В дни непогоды и мороза
Я к Вам вхожу, как в зимний сад,
Чтоб к Вам, пленительная роза,
Свой приковать усталый взгляд.
Как силы благодатной много
В сияньи Вашей красоты,
Одно из лучших чад у Бога,
Созданье ангельской мечты!
Очаровательны и милы
Лица прекрасного черты,
И много благодатной силы
В сияньи Вашей красоты.

24 января 1884

217 Б

От власти крепкого мороза
К тебе вхожу, как в зимний сад,
И твой, пленительная роза,
Вдыхаю сладкий аромат.
И как бы ни было мне больно
И от врагов, и от друзей,
Но вмиг утешен я невольно
Мерцаньем девственных очей
И милой прелестью речей.
Так много благодатной силы
В сияньи нежной красоты,
И так неотразимо милы
Душевной прелести черты!

24 января 1884

218

И целый день мучений!
Целый день! Потом
Заснешь без сновидений
Тяжелым, мертвым сном.
Заснешь, — а завтра снова
На битву, на страду.
И жестко и сурово
Она зовет к труду.

Январь 1884

219

Кто, скажи, бескорыстно и пламенно любит
Мать свою, любит так, что ничья красота
В нем любви этой чистой вовек не погубит? —
Сирота!

3 февраля 1884

220

Утро. Солнце светит мне в окошко,
А в душе тревога, скука, лень.
Вижу, тучка крадется, как кошка, —
Вот сейчас тут на пол ляжет тень.

День опять пройдет в труде и в скуке,
Буду вновь мальчишкам толковать
О Петре Великом, да об луке,
Да о том, где надо ставить ять.

Может быть, все мирно обойдется,
Может быть, придут и боль и стыд,
К пустяку инспектор придерется,
Выдрать розгами меня велит.

Дома вновь докучные тетрадки,
Где ошибок бестолковых сеть,
Где все буквы кривы, косы, гадки,
И за полночь с ними мне сидеть.

В этой скуке словно развлеченье,
Если мать случайно рассержу,
И под мукой жаркого сеченья
На полу я голый полежу.

7 февраля 1884

221 А

Был вид его мрачен, был голос суров,
И холоден тон укоряющих слов, —

И все же его я с надеждою ждал,
Как будто он раны мои врачевал.

Как будто бы слаще суровых речей
Не знал я в душе истомленной моей.

Но были те речи отравы полны,
Горьки и суровы, и страшно мрачны.

18 февраля 1884

221 Б

Был взор его мрачен, и облик суров,
И холоден строй укоряющих слов, —

И все ж я с надеждой его ожидал,
Как будто он раны мои врачевал,

Как будто бы слаще и выше речей
Не ведал я в жизни печальной моей.

18 февраля 1884

222 А

Неотвязна тоска,
Жестока, глубока.
Безрассветная ночь
Уж давно над душой,
И работа невмочь,
И не сладок покой.
И везде тишина,
И не светит луна,
И, отрадно горя,
Не забрезжит заря,
И куда ни взгляни —
Непроглядная мгла
Над землей залегла,
Только светят одни
На могилах огни,
Только ветер порой
Заунывно шумит,
И настойчивый, злой,
Чей-то голос твердит:

«Оставь несбыточные грезы,
Оставь их детям.
К чему любовь твоя и слезы,
Тоска об участи чужой?
К чему бесплодные усилья
Луч правды в жизнь один хоть внесть?
Ты знаешь: у орла есть крылья,
У льва пустыни когти есть.
Ты беззащитен, безоружен.
Ты миру страждущих не нужен
Тоскою любящей души.
Смирись перед жестоким роком,
И в сердце чутком и широком
Тоску живую заглуши».

Но холодная мгла,
Жестока и дика,
И живая тоска
На душе залегла.
Был бы рад не страдать
Бесполезной тоской,
Кабы справиться знать
С непослушной душой.

21 февраля 1884

222 Б

В непросветную тьму
Пробираюсь с трудом;
Ничего не пойму
Ни в себе, ни в другом.
И душою сгорев,
Ослабел я в борьбе,
И внимаю в себе
Чей-то злобный напев:

«К чему бесплодные усилья
Свет правды в жизнь народа внесть?
Ты знаешь: у орла есть крылья,

У льва пустыни когти есть.
Ты беззащитен, безоружен.
Ты миру страждущих не нужен
Тоскою любящей души.
Смирись перед жестоким роком,
И в сердце чутком и широком
Тоску живую заглуши».

Но глубоко тоска
На душе залегла.
Жестока и дика,
Как полночная мгла.
Хорошо б не страдать
Бесполезной тоской,
Кабы справиться знать
С непокорной душой.

21 февраля 1884

223

Как этот час был беспощаден!
Я истомился, как в аду,
И множество кровавых ссадин
Пылает на моем заду.

Инспектор был весьма рассержен
Непослушанием моим,
И вот я в классе был повержен
На голый пол совсем нагим.

За локти, за ноги держали
Меня мои ученики,
И два ученика стегали
Меня во весь размах руки.

Немного дети посмеялись,
Потом затихли все, и вот
Одни лишь в классе раздавались
Мой рев, мольбы, ударов счет.

Вот насчитали сто. — Довольно!
В рубашке на коленях стой.
Ну что, мерзавец, стыдно? больно?
Да постоишь и в мастерской. —

Звонок. Ушли на перемену.
Потом опять даю урок,
Весь красен. Каждому колену
Пол одинаково жесток.

Не слышно вовсе разговоров,
И не смеется уж никто,
И только раз сказал Егоров:
— Небось, взреветь, как всыплют сто! —

3 марта 1884

224 А

Говорят, но я не верю,
Что любви теперь уж нет,
Что давно ее потерю
Весь оплакивает свет.
Может быть, цепями моды
И обычаев оно,
Неизменный друг свободы,
В наше время стеснено,
Может быть, теперь ей тесно
Средь житейской толкотни,
Но, клянусь, оно известно,
Это чувство, в наши дни.
И пускай ей места мало,
И заботою о той ⟨?⟩
Время бурно взволновало
Утомленный род людской,
Но отраден блеск святыни,
Что блестит порой в пустыне,
По которой мы идем
Равнодушно, день за днем.

7 марта 1884

224 Б

Много знали мы потерь,
Но не верь толпе лукавой.
Пусть твердят: «В наш век кровавый
Нет любви», — ты им не верь!
Может быть, теперь ей тесно
Средь житейской толкотни,
Но, клянусь, она известна,
Как всегда, и в наши дни.
И пускай ей места мало,
Пусть заботой, и борьбой
Время бурно взволновало
Годы жизни молодой,
Но не раз сиял в пустыне,
По которой мы идем
Равнодушно, день за днем,
Светлый, юный лик богини.

7 марта 1884

225 А

Если жизнь ни на что не нужна,
Если молодость вянет развратная,
Отчего ж не приходит она, —
Разрушения весть благодатная?

А живу, все живу день за днем,
Необъятно тоскою томимый,
Не встречая участья ни в ком
И никем горячо не любимый.

И в усталой душе не найти
И на то мне растраченной силы,
Чтоб суметь самому подойти
К рубежу неизбежной могилы.

16 января, 10 марта 1884

225 Б

Жизнь моя безотрадно течет
По кремнистому руслу мученья.
Ах, когда же мне смерть принесет
Благодатную весть разрушенья?

И к чему я живу день за днем,
Раскаяньем, тоскою терзаем?
Нет мне доли и счастья ни в чем,
Позабыт я и адом и раем.

В утомленной душе не найти
И настолько растраченной силы,
Чтоб⟨ы⟩ стать, наконец, на пути
К рубежу неизбежной могилы.

16 января, 10 марта 1884

226

В переплетной мастерской
Клей поставил на плиту я,
И работою другой
Занялся, беды не чуя.

Кто-то дров не пожалел
Сунуть в печку потрудился,
Живо клей перекипел,
И по всей плите разлился.

Неприятен клейный смрад,
И убыток — порча клея,
И мальчишки все глядят
На меня, вперед жалея.

И кастрюлька вмиг снята, —
Горячее клей, чем надо, —
И очищена плита.
Бальзаминову досада;

Рассердился, стал вопить:
— Захотел ты, видно, порки!
Оголить и разложить!
Отодрать на обе корки! —

И пришлось мне на пол лечь.
Начинается расправа, —
Мальчуганы стали сечь,
Хлещут розги слева, справа.

13 марта 1884

227

РУЧЬЮ

Спасибо, милый мой ручей!
Ко мне один ты ласков был, —
Ты в зной холодною водой
Меня, скитальца, напоил.

Полдневной жаждой утомлен,
Я рад был шуму светлых струй,
И думы скорбные прогнал
Твой тихоструйный поцелуй.

13 марта 1884

228

Город вовсе небольшой
Над Холовою рекой.
Где ни стань, увидишь поле
И окрестные леса,
А расширился б ты боле,
Не видал бы чудеса,
Не видал бы диких леших
На лесных зыбучих плешах,
Не видал бы домовых

И коварных водяных.
И тебя бы замостили
Камнем сплошь и плитняком.
На базар бы не ходили
В старых платьях босиком
Чинодралов мелких жены,
Чтоб дешевле покупать:
Мы ведь, вишь, не наряжены,
Из чего нам передать?
И мещане не срывали б
Ветки гибкие с берез,
И в садах своих не драли б
Голых жен пучками лоз.
Дочерей насильно замуж
Не сдавали б, как теперь.
Да, расширься ты, а там уж
Все изменится, поверь.

23 апреля 1884

229

Лучше в бедной доле жить
И под розгами вопить,
Чем истлеть в роскошном гробе,
Покоряясь адской злобе
Смерти, правящей свой бал,
Свой бесовский карнавал.

23 апреля 1884

230

Мошки вьются надо мной
Надоедной, серой тучей.
Как прогнать несносный рой,
Зыбкий, легкий и летучий?

Словно тянет их ко мне:
Я бегу, — они за мною,

Я стою, — и в тишине
Окружен стеной сквозною.

Отмахнуться? — не берет!
Обмануть их, лечь на травку?
Рой обманутый плывет
К перелеску за канавку.

29 мая 1884

231

Так много на себя мы взяли
И знаний, и одежд,
Но как же много потеряли
Наивных, радостных надежд!

6 июня 1884

232

Ее никак не переспоришь.
Порою маме я скажу:
— Меня ты слишком часто порешь. —
Ответит: — Глуп ты, погляжу. —

Так убежденьем в пользе порки
Вся пропиталась мать моя,
Что все напрасны оговорки,
Какие б ни придумал я.

— Потачка портит, розга учит, —
Она с улыбкой говорит, —
Пусть розга иногда помучит,
Зато от зла тебя хранит. —

6 июня 1884

233

Весенний вечер. Спит дорога.
Тихонько свищут соловьи.
Молчит недавняя тревога,
И близко плещутся ручьи.

Иду березовою рощей.
Скажи мне, милый соловей,
Что может быть милей и проще
Весенней песенки твоей?

Качнулась тонкая береза
Под легким, свежим ветерком, —
Но где ж пленительная роза,
Сдружившаяся с соловьем?

И вот березовые ветки
Несут мне горестный ответ:
— Здесь нету розовой беседки,
И розы соловьиной нет.

— А если розочек желаешь,
То в садик свой иди скорей;
Там, сколько хочешь, наломаешь
Себе березовых ветвей.

Сегодня раннею порою
Не розги пели там твои, —
Ручные звонко над тобою
Тогда свистали соловьи.

— На Юге соловей и роза
Для сладких песенок сошлись,
Тебе ж веселая береза
И соловей в одно слились.

8 июня 1884

234

В ночной воде купаться мило:
Она темна, она тепла,
Пленительная охватила
И так любовно повлекла.

В полях туман блуждает белый,
Трава ночную влагу пьет,
И в роще соловей несмелый
О чем-то сладостно поет.

Я слышу близко поцелуи.
Иль это — вздохи? Не пойму.
Отрадные согрели струи
Меня, влюбленного во тьму.

14 июня 1884

235

Высоко в небе я парил,
Мечтой весь мир вокруг обшарил;
Меня полдневный зной томил,
Все тело мне, как в бане, жарил.

Как будто с неба я слетел,
И вот, — один я на дороге.
Себя смущенно оглядел:
Бедна одежда, босы ноги.

Ах, легкокрылая мечта!
В тебе какая мне отрада?
Корзина все еще пуста,
А мне ее наполнить надо.

Бегом чрез поле в лес я мчусь,
Забыл, что уж пора обедать:
С пустой корзиною вернусь, —
Придется розог мне отведать.

2 июля 1884

236

По дальней улице прохожий
Тихонько босиком идет.
Довольно крепко пахнет кожей, —
Вблизи кожевенный завод.

Вся улица мягка, горбата,
Но стружка ногу иногда
Царапнет остро и рогато,
И я поморщуся тогда.

Ведь это мне пришлось по кожам
Ногами голыми идти,
А я назвал себя прохожим,
Чтоб тон рассказа соблюсти.

1) 4 июля 1884

237

Принес чернику я домой,
Но губы черны от черники,
И над моею головой
Грозою понеслися крики:

— Полна корзинка! Дуралей!
Какую выдумал причину!
Домой бежал бы поскорей,
Другую б захватил корзину!

Поесть хотел, так повинись,
А не виляй: ведь врать-то гадко!
Уж ты, мой милый, не сердись:
Посечь придется для порядка! —

2) 4 июля 1884

238

В ночь, как папоротник цвел,
В чащу я босой пошел
Потихоньку ото всех,
Поискать себе утех,
Тайну ночи той открыть,
Клад найти, счастливым быть.

Но я тьмою был пленен,
В сон ленивый погружен,
Час заветный я проспал,
И цветок не отыскал.

Просыпаюсь, — день давно,
А в душе моей темно.
Надо мне домой идти,
Но забыл я все пути.
К счастью, встретил я людей,
Помогли беде моей.

Но вернулся я домой
Только в полдень золотой.
— Где ты был? — спросила мать.
Что сказать, чтоб не соврать?

Говори или молчи,
Знаю, — будут розгачи,
И признался я во всем,
И пришлось мне голышом
Наказание терпеть
И под розгами реветь.

10 июля 1884

239

Да будет проклят этот час,
Когда беспечно в первый раз
Свои младенческие силы

Могиле ранней я обрек...
И необузданный порок
Меня влечет на край могилы.

О, пощади! Жизнь хороша,
И жаждет гордая душа
Ее страстей и наслаждений.
И просыпается порой
В душе усталой и больной
Полупогубленный мой гений.

22 июля 1884

240

Страдать ли нам, еще ль терпеть,
Еще ли ждать освобожденья?
Нам в мире нечего жалеть,
Мечты не знают воплощенья.

Проходим скованной толпой,
Как в старину, по стогнам Рима,
Вели германцев на убой, —
И к нам судьба неумолима!

Мир чудный видя впереди,
Но, непонятные народу,
Зовем напрасно мы свободу
С немым отчаяньем в груди,

А к этой жизни безучастны.
Не страшно рано умирать,
Не страшно и в цепях страдать, —
Жить преждевременно ужасно.

22 июля 1884

241

К первоначальной чистоте
И к первобытной простоте
  Я возвратиться рад.
Я вышел из дому босой,
И по дороге полевой
  Иду я наугад.

Прошел поля, вошел в лесок,
Бреду задумчив, одинок,
  Стихи слагаю я,
И ноги голые мои
С улыбкой погружу в струи
  Веселого ручья.

31 июля 1884

242

Отважный атаман
Ватаги босоногой,
Я взял добычи много,
В ночных набегах рьян.

И яблоков немало
Из сада тащим мы.
Густым покровом тьмы
Нас полночь защищала.

Когда в недобрый час
В саду мы попадемся,
Мы скоро разревемся:
Дерут пребольно нас.

Тогда мы без добычи
Бежим домой тишком
По грязи босиком,
От резкой боли хныча.

Настанет ночь опять,
На кражи нас толкает;
Опасность подстрекает:
— Ребята! не зевать!

На хитрости пускайся!
Жалеть ли богачей!
Бояться ль розгачей!
Воруй, не попадайся!

13 августа 1884

243

Кое-где еще остался
Снег, нетронутый весной,
Как впервые показался
Я на улице босой.

Слишком белы были ноги,
Легкий стыд меня схватил,
Но, не медля на пороге,
Я в училище спешил.

Дни за днями проходили,
Возрастали свет и жар,
И на кожу наложили
Все густеющий загар.

Ноги очень темны стали,
Быстры легкие шаги,
И теперь уже едва ли
Вспомню я про сапоги.

Мне теперь ничуть не стыдно,
Что босой все время я,
И совсем мне не обидна
Бедность скромная моя.

19 августа 1884

244

Пошел мне год уже двадцать второй,
И в Крестцах я учителем год третий,
А на уроках я еще босой
Сижу в училище, одет, как дети.

Просила мать, директор разрешил,
И каждый год вновь пишет разрешенье,
По бедности, и чтобы я служил
Примером скромности и береженья.

Простым я подпоясан ремешком,
В рубашке ситцевой, зимой суконной.
По улицам я в школу босиком
Хожу, храня порядок заведенный.

18 сентября 1884

245

С праздничной отрадой,
С вещею мечтой
Тихою лампадой
Озарен покой.

Звуки замолчали,
Яркий свет погас.
Горькие печали,
Позабыл я вас.

Только если взглянешь
В угол у дверей,
То на миг вспомянешь
Происки людей.

У дверей на стуле
Видны два письма,
Но они заснули,
Вышли из ума.

Больно или стыдно
Было, — что же мне!
Вовсе не обидно
Стало в тишине.

Улеглась досада, —
Я к мечтам вернусь.
Вспомнив, что же надо
Людям, улыбнусь.

Милая отрада,
Ты опять со мной.
Тихая лампада,
Озаряй покой.

26 сентября 1884

246

Вот и последняя лачуга,
Последний низенький плетень,
И уж ползет назад их тень.
Теплей повеял ветер с юга.
Запахло полем и травой, —
И вот из города он вышел,
И уж последний за собой
Вдали трещотки звук услышал.
Дорога при луне блестит.
Жестка ее сухая глина.
Глубоки колеи. Молчит
Кругом недвижная долина.
По сторонам, как бы дремля,
Леса стоят живой стеною,
И легкой серебристой мглою
Уж одевается земля.
На месяц тучки набегают,
И вкруг него порой сплетают
Неясной радуги венец,
И кажется, что месяц мчится,
Как бледный, трепетный беглец.

10 октября 1884

247

Как старухи, согнулись березы,
Опустили намоклые ветки.
Как певуньи на дальние лозы,
Так умчались куда-то все грезы,
Ненаглядные, чистые детки.

Под дождями осенними смокли
Ветви тонкие, листья опали.
Я от битвы мирской изнемог ли,
От мучительных, страстных тревог ли,
От сердечной ли тайной печали?

Разукрасятся снова березы,
И туманы опять разбегутся,
И вернутся беспечные грезы,
И жемчужные песни, как слезы,
Слезы радости, снова польются.

Да теперь-то, ненастной порою,
Злобный ветер сгибает березы,
И холодный туман над землею,
И печаль над усталой душою,
И тоска заплетает угрозы.

10 октября 1884

248

Ночью вышел я тайком из дома.
Барыня Матрена ждет меня.
Мне любовь ее — одна истома,
Но иду я к ней, себя кляня.

На столе, на скатерти красивой
С водкой снеди разные видны.
Спит мальчишка, сын ее ленивый.
Шепот наш не будит тишины.

Не хочу Матрены, но не смею
Я об этом ей в глаза сказать,
Перед толстой бабою робею.
— Ну, пойдем, голубчик! — Вот кровать.

Быстро барыня меня раздела.
Рядом с ней лежу я, как чурбан.
Жирное мне так противно тело,
Похоть спит во мне, хоть я и пьян.

Гневом пышет толстая Матрена,
Видит, что не вышло ничего,
Шепотом бранит меня: — Ворона!
Сам не хочешь счастья своего! —

Проводила все же до калитки,
Оплеух мне надавала там,
Обняла меня потом в избытке
Чувств, — и смех, и слезы пополам.

23 октября 1884

249

ЕЙ

Дитя! ты долго и с терпеньем
Искала верного пути, —
И вот — печальных дум кипеньем
Полна, ты страждешь опасеньем,
Что в жизни цели не найти.
С тоской мучительной и жадной
Последний призрак ловишь ты
Когда-то светлой и отрадной,
Теперь тускнеющей мечты.
Тебе казалось, что в ней сила
Несокрушимая была;
Но жизнь твою мечту разбила,
И что ж взамен тебе дала?
В твоей душе растет тревога,
Ты всюду видишь в жизни ложь,

Твой разум шепчет сердцу строго,
Что вместо свергнутого Бога
Ты ничего уж не найдешь.
С самодовольствием невежды
Осудит равнодушный свет
Твою тоску, твои надежды,
Которым исполненья нет.

17 ноября 1884

250

Забыты вмиг и честь, и стыд,
И с окровавленного поля,
Где братья гибнут, к дому мчит
Его изнеженная воля.

А вспомнить, как недавно он
Давал торжественные клятвы
Сражаться у своих знамен
И сгибнуть для иных времен,
Как семя предстоящей жатвы!

Но бледной смерти страшный взгляд
Он встретил вдруг, — и, малодушный,
Бежит он с трепетом назад,
Под иго робости послушной.
Его гостеприимный кров
Вместил таких же удальцов.

Там поле битвы вспоминают,
И, им внимая, их отцы
Самодовольно повторяют:
— Мы тоже были молодцы!

18 ноября 1884

251

Еще немало мне осталось
Тетрадок школьных просмотреть.
Уж поздно. Я гоню усталость,
Чтоб завтра не пришлось реветь.

Но клонит сладкая дремота,
Туман в глазах, темно кругом,
Потяжелели отчего-то
Босые ноги под столом.

Дремлю, дремлю, и, засыпая,
Вдруг мамин окрик слышу я:
— Задрыхнул! Ж..у настегаю! —
И вмиг дремота где ж моя!

И снова спорится работа,
Бежит рука с карандашом,
Тихонько отбивают что-то
Босые ноги под столом.

Чулок на спицах быстро вяжет,
На стуле сбоку сидя, мать,
И знаю, — розгами накажет,
Коль снова вздумаю дремать.

27 ноября 1884

252

В том ветхом домике жила
Старушка с дочерью Любашей;
Она была стройна, мила,
Не избалована мамашей.
Старушка кой-каким трудом
Одна поддерживала дом,
Что завещал ей муж покойный,
Армейский старый капитан,

Да пансион по муже дан.
А дочке черноокой, стройной
Заботы нет ни до чего:
Одевшися, прильнет к окошку,
Любимую ласкает кошку,
Лишь утром чаем своего
Напоит брата-гимназиста,
Да последит, чтоб были чисто
Служанкой вымыты ее
Платки, и платье, и белье.
Старушка веником прилежно
Кряхтя, сгибаясь, пол метет,
А дочка дремлет безмятежно,
На кресла ножки подберет.

Раз как-то, в первых числах мая,
В каком-то настроеньи злом,
Наш Логин, городом гуляя,
Был позван Любой в ихний дом.
Вошел, сидел, тихонько злился,
В уме хулил ее наряд,
И вдруг такою разразился
Филиппикой, что сам не рад
Остался Любину смущенью.
Зардевшись, глазки опустя,
Как виноватое дитя,
Она внимала поученью
О всей великости стыда
Быть белоручкой бесполезной,
О неизбежности железной
Великодумного труда,
О суетных ее нарядах,
И об ее лукавых взглядах.
Всю ночь проплакала она,
А утром, маленькие ножки
Едва обув, свои сапожки
Сняла, решимости полна,
Надела простенькое платье,
Краснея, маленький свой дом
Весь обежала босиком

И пала матери в объятья:
«Тепло сегодня, — я пойду
Работать в огород босая,
Хочу я привыкать к труду,
И прочь изнеженность былая.
Хочу я сразу привыкать
К труду и кой к каким лишеньям!».
И на нее смотрела мать
С неизъяснимым удивленьем.

9 декабря 1884

253

Мудрый знает все причины,
Но есть мудрости предел:
На века закон судьбины
Над землей отяготел.

Своенравна, своевольна,
Что захочет, то творит.
Ей причин всегда довольно,
И конец всех дел сокрыт.

Натворит добро иль худо,
Глупый скажет: — Не пойму. —
Мудрый скажет нам, откуда,
Отчего и почему.

Все причины знает ясно,
Но не знает, — вот беда! —
Тут и спрашивать напрасно:
Для чего, зачем, куда.

Здесь немеет наше знанье,
И Один лишь знает Бог,
Для чего же все скитанья,
Где конец земных дорог.

9 декабря 1884

254 А

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

Безмерно душен и тяжел
Горячий воздух. Солнце красно,
Как печь далекая, и ясный
Вокруг сверкает ореол.

Природу сонную объемлет
Изнеможение и лень,
И тишина в полях, и дремлет
    Лесная тень.
Земля и душный воздух страждут
    И бури жаждут...
Изнемогая, в этот зной,
Не отдыхает только жница:
Хотя невольною слезой
Не раз увлажнена ресница.

Все жнет, да жнет себе она,
Не подымая глаз к лазури, —
Но близость неизбежной бури
Ей, утомленной, уж ясна...

Как будто ждет чего долина,
И чутко вся кругом молчит,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.

13, 14 декабря 1884

254 Б

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

Безумно душен и тяжел
Горячий воздух. Лютый, красный,
Дракон качается, — напрасный
И безнадежный произвол.

Долину сонную объемлет
Изнемогающая лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

Не отдыхает в поле жница.
Ее бичует лютый зной.
Не раз невольною слезой
Ее увлажнена ресница.

С серпом сгибается она,
Не видя грозных нив лазури, —
Но близость бури, милой бури,
Ее томлению ясна...

И ярой бури ждет долина,
И неподвижно вся молчит,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.

13, 14 декабря 1884

255

На чердаке средь лета жарко.
Там Дуня с матерью жила.
А мать ее была кухарка,
Давно от места отошла.

Вот к лету без угла остались.
Их приютили на чердак.

Они от дворников скрывались,
И там питались кое-как.

Висела там в углу икона,
Евангелье лежало там.
Слова священного закона
Там слышались по вечерам.

Старуха там чулки вязала,
А Дуня, сидя у окна,
Ей вслух Евангелье читала,
Худа, бледна и голодна.

Они оставлены своими,
Но место к осени нашлось,
А мне потом встречаться с ними
Уже ни разу не пришлось.

18 декабря 1884

256

I

Бесславно жизнь моя течет,
Слабеют мощные когда-то силы,
Мне больно, словно кровь мою сосет
Вампир свирепый. Близок сон могилы!
Едва ли проживу еще я год.
И дни, как небо осени, унылы,
И страсти жизни мне не милы.

II

Мне ласки девичьи не милы,
И скучно, скучно жизнь моя течет,
Но я боюсь моей могилы.
Я жить хочу, хоть дни мои унылы,
Хочу творить, пока достанет силы,
Хочу прославить хоть последний год.
Но злой вампир все кровь мою сосет.

III

Вампир — порок; он грудь мою сосет,
Но и остатки жизни сердцу милы,
И если дни мои унылы,
То будет светел после этот год.
Не без борьбы дойду я до могилы,
Я соберу остатки силы,
Которая еще в крови течет.

IV

Ведь кровь еще течет,
Хотя вампир ее сосет,
Но хватит крови хоть на год
. . . .

Декабрь 1884

1885

257

Все вместе: проворная пляска,
Свист розог, и рев мой, и вой.
Ветвей беспощадная ласка
Так мучит, что сам я не свой.

Лишь пятки танцуют без лени,
Совсем неподвижен живот.
Меня, положив на колени,
Мать порет, а боль все растет.

Все порет, браня, упрекая.
Реву я и вою, как зверь;
Вдруг, новым стыдом обдавая,
Скрипит, открываяся, дверь.

Мещанка знакомая входит
И сын ее, мой ученик,
И страх на мальчишку наводит
Мой, розгами вызванный, крик.

Лукаво смеется бабенка,
И стала мальчишку пугать:
— И ты заревешь так же звонко,
Как стану тебя я стегать.

Учитель от этакой порки,
Наверное, встанет сердит,
И мне тебя на обе корки
Пороть хорошенько велит.

30 января 1885

258

Что лучше, веник иль венок?
Венок дубовый иль лавровый,
Он служит, маленький кружок,
Герою сладкою обновой.

Венок, сплетенный из цветов,
Где не обсохли еще росы,
Пока он свеж, всегда готов
Украсить девушкины косы.

Порой он на гробах лежит.
Он из цветов иль из металла.
Он сон покойный сторожит,
Хоть нужды в этом очень мало.

Коль золотой, так он венец,
Украшен яркими камнями.
Склоняются и раб, и льстец
Перед венчанными царями.

Украшен митрой архирей.
Не терны там вплелись кровавы,
Чем был среди пасхальных дней
Увенчан Сам Христос, Царь Славы.

Все это — вздор, все это — чушь.
Мещанка всякая смеется.
Пойдет в лесок, где дичь и глушь,
И вениками запасется.

Хоть сотню можно принести,
Сарай набей, — не стоит тысяч,
А пол им можно подмести,
И много раз детей всех высечь.

27 февраля 1885

259

Он стар, как мир; зовется он пороком.
Меня в добычу он обрек.
Томясь в бессилии жестоком,
Несчастлив я и одинок.

Сжигаюсь я безумно и развратно,
Как будто мне не жаль тех сил,
Что плоти рок так щедро, благодатно
И так напрасно подарил.

1 марта 1885

260

Мудрый видит, что напрасны
Все стремленья к бесконечному,
Силы тайные бесстрастны,
На земле нет места вечному.

Человек — лишь форма силы,
Жизнь — недолгое движение.
Нет от холода могилы
Духу гордому спасения.

Этот холод предстоящий
Есть покой или ничтожество.
В нем всей жизни настоящей
Прекратится в мире множество.

Но из этой же могилы
После холода и тления
Вновь возникнут жизни силы,
Возродится вновь движение.

Без начала и без цели
Происходит бесконечное,
И напрасно б мы хотели
Бренным духом вызнать вечное.

Февраль, 3 марта 1885

261

Пятью восемь сорок!
Лес пиши чрез ять!
Филин ночью зорок!
При́пять, не Припя́ть!

Повторяю это
Вот уж третий год.
Вот уж третье лето
Скоро подойдет.

Хоть и надоело,
Да не спросят нас.
Уж такое дело, —
Живо шлепай в класс!

13 марта 1885

262

Потрясенной душой созерцая
Ваших глазок чарующий свет,
Я стоял перед Вами, не зная,
Хороши ль Вы, мой друг, или нет.
Как железною цепью, был скован
Я лучами прекрасных очей,
Как волшебством, я был очарован
Тихой негою сладких речей.

Лишь потом я, в полуночной тиши,
Безотчетный восторг успокоил,
И всей силою пленной души
Вашу прелесть постиг и усвоил.
И я понял, что душу живит,
Что в ней ярко и радостно блещет,
Если разум холодный молчит,
И сердце горит и трепещет!

16 марта 1885

263

И наша жизнь бывает хороша
В те редкие и светлые мгновенья,
Когда наполнена душа
Восторгом чистым наслажденья.
Когда у нас отнимет свет
Возможность радости и счастья,
Когда для сердца в мире нет
Ни сожаленья, ни участья,

Не все ль равно, что даст порой
Забвенье наших мук сердечных,
Мужей, измученных душой,
Вдруг обратив в детей беспечных.

В душе царит такая смута,
Такая слабость, скорбь и лень.
И каждая отравлена минута,
И каждый скорбен день.
О, жизнь печали и позора!
Как чаша скорбная полна!
Все наполняется она
За каплей капля... Скоро, скоро.

Март 1885

264

Нет желания жить,
Нет и мысли о том,
Чтоб упорным трудом
Скромный дом
Сколотить.

Без моих неустанных забот,
Без работы ночей
Через мало уж дней
Вечный дом мне собьет
Гробовщик.

Март 1885

265

Наша жизнь так пуста, холодна,
В ней мы искры не видим живительной.
Лишь из чаши глубокой вина
Пьем мы изредка нектар спасительный.

За единый светлый миг,
За единый час отрады,
Мы всю цепь годов своих
Смерти бросить были б рады!

⟨Март⟩ 1885

266

I

Жил бы я повеселей,
Побогаче, посчастливей,
Если б был я посмирней,
Выносливей, терпеливей,
Если б гнулася спина
Перед силою и властью,
Но, хоть горем жизнь полна,
Не завидую я счастью.
Лучше выпить штоф вина
С братом по несчастью,
Чем идти на пышный пир,
Чем трусливо смолоду
Чтить людской кумир, —
Поклоняться золоту.

II

И пускай клевещет мой
Неприятель и гонитель,
Пусть он горем и тоской
Омрачит мою обитель.
Не согнусь пред ним в дугу,
И мириться с ним не стану,
Мстить богатому врагу
Мне не по карману,
Правду ж высказать могу
И назло его обману.
И уж там пускай идет
Непогода мглистая,

Смелый все снесет,
Если совесть чистая.

Март 1885

267

Невинный день и голубой,
Моими воплями ты встречен.
На кухне гибкою лозой
Я утром был жестоко сечен.

Мою печаль от злого сна
Укрыли ласковые своды.
Со мной лесная тишина
И тихо дремлющие воды.

Сегодня поутру лоза
Мне тело голое лобзала, —
А здесь последняя слеза
С моей щеки в траву упала.

И жгучий стыд, и боль, и страх
Я забываю понемногу.
Ручей звенит, и луг в цветах,
И я забыл мою тревогу.

13 июня 1885

268

— Глупый мальчик! что за спех!
Подождать немного надо,
А иначе людям смех,
А тебе и мне досада.

— Ты еще молокосос,
У людей немного стоишь,
Ежеденком ходишь бос
И полы в субботу моешь.

— Хорошо, что мать строга,
Не жалеет сыну розог.
Эта сласть не дорога,
Здесь немало есть березок.

Двадцать лет! Руки моей
Все ж теперь не добивайся,
Поцелуй меня скорей,
Да и к маме отправляйся.

23 июня 1885

269

Ты слышишь гром? молись, не смейся
Над бурей страшною и злой,
И, лежа в прахе, не надейся,
Что буря мчится стороной.

1) 28 июня 1885

270

Вон там, в тени, рыбак ретивый
С удой склонился на песок,
И ждет добычи, но ленивый
Не шевелится поплавок.

2) 28 июня 1885

271

Чтоб облегчить людскую муку,
Чтоб сделать слаще нашу часть,
Своим мечом возьми науку
И света истины не засть.

3) 28 июня 1885

272

В рай бабенкам не дорога:
И в аду им места много,
А уж пустишь бабу в рай, —
И корове место дай.

4) 28 июня 1885

273

Дело с бездельем мешай,
Так и с ума не сойдешь.
Час поработай да час погуляй, —
Весело век проживешь.

5) 28 июня 1885

274

СИВКА

Был мой сивка хоть куда,
Крепкий, сильный, быстроногий;
И отведал он труда,
И померил он дороги...

Нынче сивка у меня
Тоньше, суше черствой корки:
Поумыкали коня
Трудный путь, крутые горки!

6) 28 июня 1885

275

Коли спится до обеда,
Так пеняем на соседа:
Он и рано, вишь, встает,
Да нас в гости не зовет.

7) 28 июня 1885

276

Чем браниться да ругаться,
Так не лучше ли подраться?
Ссора кончится скорей.
Прежде недруга отдую,
А потом на мировую,
Тут уж, значит, пей да пей.

30 июня 1885

277

На песке, пыли и глине
Оставляя легкий след,
Проходил я по долине,
По-домашнему одет,

Не стыдясь людей нимало,
Засучив штаны, и бос.
Лишь фуражка прикрывала
Пряди спутанных волос.

Солнце жгло мои колени,
И горячим стал песок.
От усталости и лени
В тихий я вошел лесок.

Лег я на землю спокойно,
Подо мной теплели мхи,
Было так в душе спокойно,
И слагалися стихи.

А когда я возвращался
Ясным вечером домой,
Я невольно улыбался,
Кой-где след увидев мой.

Зимний след мне вспоминался, —
Я нередко вечерком

Через двор проворно мчался
По морозу босиком,

А порой и вовсе голый.
В баню быстро я вбегал,
И внезапно жар веселый
Мне все тело обнимал.

Виден был порою утром,
Коль не выпал ночью снег,
Хрупким скован перламутром,
Ясный след, где был мой бег.

22 июля 1885

278

Жарким летом нива зреет,
Колыхаясь, как волна.
К жатве скоро пожелтеет
И приляжет спать она.

С навостренными серпами
Жницы на поле придут,
И под жаркими лучами
Будет долог страдный труд.

Ты — в подъем лишь мощным бремя,
Эта летняя страда,
Это тягостное время
Непосильного труда.

Иноземцы, слышно, паром
Движут множество машин,
Чтоб не гнуть на ниве даром
По неделям целым спин.

Говорят, барыш огромен, —
К нам же новость не идет:

Слишком беден, слишком темен
Наш безграмотный народ.

Страдный труд его неволит,
Он привык к трудам таким:
Каждый ломоть хлеба залит
Жарким потом трудовым.

Беден он, — да сил в нем много,
Темен он, — да помнит Бога
И радушно подает
Всем, кто просит ради Бога,
Всем, кто сам не соберет.

Нищи духом и смиренны,
От одной избы к другой,
Вот, идут они с сумой,
Неудачники, согбенны
Горем, Жизнью и Нуждой.

Хлеб, истомною работой
Приобре́тенный, жена
Бедняка с большой охотой
Подает им из окна.

О, народ трудолюбивый!
Много, долго кормишь ты
И несчастной, и ленивой,
И смиренной, и спесивой,
Даже наглой нищеты.

Вы, питомцы наслажденья,
Вялой праздности друзья,
В скромной области терпенья
Вас невольно вспомнил я.

Камнетеса тяжкий молот
Обтесал кой-как плиты,
Те, что свеж, здоров и молод,
Башмаками гладишь ты.

И зато, гордясь собою,
Молвишь важно иногда:
Установлено судьбою
Разделение труда.

Этот принцип очень важен
По практичности своей:
Кто умыт и напомажен, —
Сладко ешь и сладко пей.

Кто оборван, бос и беден, —
Позабудь про калачи,
Подымайся до обеден
И работай до ночи.

Малы ножки, белы ручки —
Звезды, звездочки хватай;
С пуд кулак, грязны онучки, —
Хлеб свой квасом запивай.

Если есть в уме смекалка,
Скажет: «Доли не равны;
Мужика как будто жалко».
Как же быть? — И мы бедны.

Хоть и есть у нас деньжонки,
Да ведь денег нам не есть,
А ножонки да ручонки, —
Еле хлеб до рта донесть.

Что за горе? Не забыла
Тля, что есть у мужика
Здоровенная рука
И железная в ней сила.

24 ноября 1883, 18,
29 июля 1885

279

Под солнцем страны полуденной
Я видел великое зло:
Стяжатель идет утомленный
К лачуге своей разоренной,
Богатство к богатым ушло.

Искал я по целому миру,
Где царствуют счастье и труд,
И где золотому кумиру
Бесценных даров не несут.

Повсюду все та же картина
Неправых стяжаний и зла;
Повсюду плелась паутина,
Повсюду рабочих судьбина
В нее неизбежно вела.

Разбил я свои упованья,
Я проклял исканья свои,
И горькой тоскою страданья
Исполнены песни мои.

17 августа 1885. Крестцы

280

Господь мои стенанья слышит,
И видит кровь мою Господь.
Его святая благость дышит
На истязуемую плоть.

На теле капли крови рдеют,
И влажен пол от слез моих,
Но надо мною крылья реют
Его посланников святых.

И как ни страшны эти звуки
Несущих пламя боли лоз,

Покорно я приемлю муки,
Как принимал их Ты, Христос.

Смиренно претерпев удары,
Я целованьем строгих рук
Благодарю за лютость кары,
За справедливость острых мук.

14 сентября 1885

281 А

Лес, озаренный луною,
Полный незримых чудес, —
Тени над гладью речною,
Звезды в пустыне небес, —

Поле под ризой туманной, —
Ветер ползучий, как сон...
В сон, непонятный и странный,
Лес, как душа, погружен.

Под неподвижные сени
Тихо, одна за другой,
Бледные, мрачные тени
Тянутся грустной семьей...

Лес их зовет, наклоняя
Ветви в суровой тиши...
Так призывается Майя
Страстной тоскою души.

19 сентября 1885

281 Б

Лес, озаренный луною,
Ждет, не дождется чудес.
Тени плывут над рекою.
Звезды сияют с небес.

В поле, в одежде туманной,
Ходит неведомый сон.
В сон, непонятный и странный,
Лес, как душа, погружен.

19 сентября 1885

282

Что моя судьбина,
Счастье иль беда?
Движется машина
Общего труда.

Винтик очень малый —
Я в машине той.
К вечеру усталый,
Я сижу босой.

Скучные тетрадки
Надо поправлять,
На судьбу оглядки
Надо забывать.

15 октября 1885

283

Настала светлая минута, —
Совсем не император я.
Вообразил я почему-то,
Что вся Америка — моя.

Я был встревожен и взволнован,
Я Новый Свет завоевал,
И, дивной силой очарован,
Мою столицу основал.

Передо мной лежала карта,
Я из Аляски шел в Чили.

Воскреснул гений Бонапарта
В походах средь иной земли.

А если б я открыл для света
Мои надменные мечты,
То мне ответили б на это:
— Вот дурень! Сумасшедший ты! —

Но это — поприще поэта.
Не так ли поступал Шекспир,
Когда, сознав в себе Гамлета,
Его пустил в широкий мир?

Он был Ромео и Отелло,
И Лир он был, и был Шейлок.
Все это — творческое дело,
А не в безумие прыжок.

Того безумцем не зовите,
Кто в мир мечтательный влеком.
Его веревкой не вяжите,
Не прячьте в сумасшедший дом.

Но знаю, люди не поверят
В красу мечтательных долин,
И все мечтания измерят
Они на малый свой аршин.

Молчу... Очнулся от мечтаний.
Я за столом сижу босой,
И груз безграмотных писаний
Лежит в тетрадках предо мной.

Уж поздно. Лампа начинает
Коптить. — Ну, прозевал опять! —
Мне мама говорит: — Мечтает!
Уж лучше бы ложился спать! —

И высмеян опять мечтатель,
И затаилася мечта,

Но в ней я все ж завоеватель,
Хоть жизнь моя совсем не та.

3 декабря 1885

284

Перецеловала семь подруг,
Переворовала все вокруг,
Перещеголяла семь мотов,
Перековыляла семь мостов,
Переговорила семь шутов,
Перехоронила трех мужей,
Перебаловала семь детей.

Что ж осталось ей на свете?
Пить вино и сладко есть.
Есть любовник на примете,
Только как к нему подлезть?

Мать его сурова и строга,
Видит в каждой женщине врага.
Сына часто водит на чердак,
Перепорет розгами, да так,
Что едва он только может слезть,
И потом ему ни стать, ни сесть.
Мать зовет его: молокосос.
Летом он повсюду ходит бос.
К бабам он не смеет сунуть нос,
Перемолвиться не может с ней,
Чтобы не отведать розгачей.

Как же барыне Матрене
С этим делом поступить?
Не остаться ж ей в уроне!
Надо парня заманить.

Ах, соблазны
Очень разны

Безобразны?
Ну так что ж!
Без мужчины
Вдоль перины
Невтерпеж.
Перетолстела,
Пережирела,
А все же страсть
Имеет власть.

— Перелезь ты ночью чрез забор,
Перекинешься ко мне на двор.
Угощу колбаской да винцом,
И в постели часик проведем. —
— Ну, а ежели поймает мать? —
— Ты скажи ей (нечего плошать),
Яблоки ходил, мол, воровать.
Яблок дам тебе с собой мешок, —
Будешь после кушать их, дружок. —

Соблазнился,
Ухитрился,
И явился
К бабе в дом
Босиком,
Насладился,
И напился,
Возвратился, —
Все тайком.

Шито-крыто все осталось,
А Матрена улыбалась.

10 декабря 1885

285

Запросто просили,
Да не просты были,
Сплетни завели,

И слова тугие,
Мертвые, гнилые,
С языков ползли.

Речи, как иголки,
А глазенки колки,
На губенках яд.
Как тебя умалить,
Побольней ужалить
Так и норовят.

Жалить перестанут,
Ласкою обманут,
Мед из уст течет,
А под языками, —
Вы поймете сами, —
Заморожен лед.

Таковы людишки
В нашем городишке,
Да и он таков, —
Дураков охапка.
Да, по Сеньке шапка —
Приговор веков.

29 декабря 1885

1886

286

И рад бы не пошел,
И рад бы не давался,
Да схватят за хохол:
— Терпи, коли попался! —

И рад бы я не лег, —
Рубашку с плеч стащили,
Штаны стянули с ног,
Меня же разложили.

И рад бы убежал,
Да держат очень крепко.
И рад бы не кричал,
Да розги хлещут лепко.

Сподручней быть смирней,
Без спора покориться,
И на пол поскорей,
Раздевшися, ложиться.

4 февраля 1886

287

Дивный неслыханно дар
Мне подарила природа:
Делу и слову — несказанный жар,
Мысли и чувству — свобода.

Весь погрузился я в труд,
Плод принесет мне искусство:
В сильных картинах моих оживут
Строгие помыслы, свежие чувства.

28 марта 1886

288

Злобно ли буря бушует,
Солнце ль приветливо светит, —
Сердце все так же тоскует, —
Знает, что счастья не встретит.

Пусть бы возникло и счастье, —
Знаю, — оно опоздает:
В тьме рокового ненастья
Сила моя угасает.

Радость живая умчится
Славою, счастьем, любовью.
Гордый мой дух не мирится
С горем, неправдой и кровью.

Если навстречу надежде
К миру сойдет примиренье, —
Буду я жаждать, как прежде,
Слез, и тоски, и волненья.

Вечно, как ветер, тревожен,
Вечно, как море, мятежен.
Путь мой и темен, и ложен,
Близкий конец неизбежен.

23 апреля 1886

289

Гибнет радостная сила,
Опьянен тоскою взгляд,
Разверзается могила,
И дороги нет назад.

Погубил я, раб мгновенья,
Яркоцветные цветы, —
И высокие стремленья,
И прекрасные мечты.

Ко всему я равнодушен,
И не дорог никому,
И бреду, судьбе послушен,
В неразгаданную тьму,

И не рад я, что порою,
Проносяся надо мной,
Веет страстью и грозою
Чувств и мыслей быстрый рой.

27 апреля 1886

290

Верю я: пройдут невзгоды,
Снова розы расцветут;
Зеленеющие всходы
В долгозимье не умрут.

Верю я: пройдут страданья,
Оживет моя душа,
Вся полна благоуханья,
Вся любовию дыша.

Жизни творческая сила
В озимых моих сильна:
Ни зима их не сгубила,
Ни холодная весна.

И в душе, рабыне рока,
Почивает много сил:
Гений знойного порока
До конца их не сгубил.

27 апреля 1886

291

СМЕРТЬ

Смутен взор, зрачок расширен,
В теле трепет и томленье.
Весь пылая, тих и смирен,
Ждет он смерти, избавленья, —
И отрадное волненье
Вдруг по телу пробежало!
Это — радость избавленья,
Смерть желанная настала.

29 апреля 1886

292 А

Пред вами, прекрасные звезды,
Горевшие в небе высоко,
Я проклял рождения час.

То было безумною ночью,
Когда на вопросы всей жизни
Просил я ответа у вас.

То было в ту ночь роковую,
Когда во мне пламень надежды
И веры навеки угас.

Но знал я тогда несомненно,
Что понял, насколько возможно
И Бога, и вечность, и вас.

30 апреля 1886

292 Б

Пред вами, бесстрастные звезды,
Прекрасных миров бесконечность,
Душа моя в муках рвалась.

То было безумною ночью,
Когда на вопросы всей жизни
Искал я ответа у вас.

То было томительной ночью,
Когда во мне пламень надежды
И веры навеки угас.

То было мучительной ночью,
Когда во мне пламенем жгучим
Любовь к человеку зажглась.

30 апреля 1886

293 А

ПОКИНУТАЯ АРИАДНА

Сны царевны улетели...
Тихо, тихо все вокруг,
И не дремлет на постели
Вероломный ее друг...

Смотрит, ищет и рыдает,
И понятно стало ей,
Что коварно покидает
Обольщенную Тезей.

Легким веяньем зефира
Увлекаемы, вдали,
В светлой синеве эфира
Исчезают корабли.

Паруса их чуть мелькают,
И за милым ее вслед,
Безудержу улетают
Жизни радость, жизни свет.

30 апреля 1886

293 Б

АРИАДНА

Сны внезапно отлетели...
Что ж так тихо все вокруг?
Отчего не на постели
С нею мил желанный друг?

Смотрит, ищет, — и рыдает,
И понятно стало ей,
Что коварно покидает
Обольщенную Тезей.

Мчится к морю Ариадна, —
Бел и легок быстрый бег, —
И на волны смотрит жадно,
Голосящие о брег.

Легким веяньем зефира
Увлекаемы, вдали,
В синем зареве эфира
Исчезают корабли.

Парус черный чуть мелькает, —
И за милым вслед спеша,
Улетает, тает, тает
Ариаднина душа.

30 апреля 1886

294

В окне кисейная гардина,
За ней блестит лукавый взор, —
Довольно милая картина,
Которою украшен двор.

Порой гардину отодвинет
Соседка, и, открыв окно,

Словечко бойкое мне кинет,
А что сказать — ей все равно.

Порой, сорвав за веткой ветку
И листья сбросивши в саду,
Увижу резвую соседку,
Когда я на крыльцо взойду.

Румянцем щеки вдруг зажгутся,
Но эти ветки, как ни прячь,
Ведь все равно к ней донесутся
Чрез узкий двор мой крик и плач.

2 мая 1886

295

Глуповат был Сеня бедный,
А в начальники попал,
И хоть лоб имел он медный,
Но исправно воровал.
Узколобое нахальство
Возрастя в пустой груди,
Лыком шитое начальство
Нам кричит: «Не подходи!»

Май 1886

296

Свинья за свинью заступается:
Она, мол, по грязи валяется,
Не оттого, что по нраву грязна, —
А насекомых боится она.

Май 1886

297

— Пять товарищей изволь
Ты принять, покуда молод:
Страх ты знай, да стыд, да боль,
Холод знай, да знай и голод.

— Холод душу веселит
И здоровье закаляет.
Кто закутан, не спешит,
Босый весело шагает.

— Вечный голод — вот беда,
Но за дикое обжорство
Он карает иногда
И смиряет непокорство.

— Страх спасает от греха,
А не слушаешься страха,
Розга сыщет жениха,
Будет сдернута рубаха.

— И тогда ты поревешь,
Как и все, кого пороли,
И грешки свои поймешь,
Да поймешь и пользу боли.

— Стыд к тебе тогда придет.
Что же делать! постыдися,
Поумнее будь вперед,
От греха остерегися.

— Знай же страх, и стыд, и боль,
Знай и холод, знай и голод.
Пять товарищей изволь
Полюбить, покуда молод. —

6 июня 1886

298 А

Вышел днем я на крыльцо,
Летним облитое жаром.
Руки, ноги и лицо
Сильно тронуты загаром.

Сад — мой радостный приют.
Все цветы мне здесь смеются,
Пташки на кустах поют,
Ветки ласковые гнутся.

Хрупкий, ласковый песок
Щекотит приятно ноги.
Каждый след мой, голышок,
Знак оставил на дороге.

Далеко мечты летят.
Боль от розог позабылась.
Мир веселостью богат,
Тихий сад мой — Божий крылос.

24 июня 1886

298 Б

Выхожу я на крыльцо,
Летним обнятое жаром.
Ноги, руки и лицо
Посуровлены загаром.

Сад — мой радостный приют.
Здесь цветочки мне смеются,
Птички весело поют,
Ветки зыблются и гнутся.

Хрупкий, ласковый песок
Щекотит забавно ноги.
Каждый голый мой следок
Отпечатан на дороге.

Мысли легкие летят.
Помнить темное не надо.
Мир веселием богат,
В мире есть для всех отрада.

24 июня 1886

299

В окна открытые ветер бежит,
Летнего дня с ним вливается жар.
Я на колени поставлен. Жужжит,
В голую ногу впиваясь, комар.

Брошены голые ветки берез,
И шевельнуться не смеет рука —
Скинуть докучного. Стыдно до слез.
В небо гляжу, где плывут облака.

Вольная тучка, плыви да лети.
Там не понятен ни стыд мой, ни плен.
Как хорошо бы на речку пойти,
С удочкой в воду залезть до колен!

25 июня 1886

300

Река совсем от дома близко.
С корзиной, с удочкой иду.
Еще прохладно, солнце низко.
Хорошего улова жду.

Ну вот и берег наш отлогий.
Река медлительно течет.
Немного жутко, — голоногий
Вхожу я тихо в холод вод.

Вода к утру похолодела,
И не прогрелася пока.

Краснеют ноги, — что за дело!
Глаз не свожу я с поплавка.

Клюет отлично. Я в корзину
Одну бросаю за другой
Скользящих рыб, и уж не стыну,
Плещусь холодною водой.

Уже теплеет воздух сонный,
И уж на солнце горячо.
Домой бы, к чаю? Увлеченный,
Я все ужу, еще, еще!

И вот корзина уж до края
Полна совсем. На сердце рай.
Бегу я, ног не закрывая,
Домой, где ждет горячий чай.

Спешу я поскорей напиться,
Но мысли все на берегу.
Никак мне дома не сидится,
Я на берег опять бегу.

28 июня 1886

301

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

В глухой деревне запертая,
Три тяжких года ты жила,
Уча, трудяся, увядая,
И, наконец, ты умерла.

И мирно спишь ты на погосте.
Цветы вокруг тебя цветут,
И каждый праздник — дети в гости
К тебе с приветом прибегут.

Они почтят тебя слезою,
Пока томительных забот
С иною, мелкою бедою
Им жизнь на долю не пошлет.

И жизни их промчится время,
И память о тебе умрет,
Но с верой брошенное семя
Сторицей плод свой принесет.

Имеют жизненную силу
Прекрасной правды семена:
Своей чредою их могилу
Вскрывает светлая весна.

В душе доверчивой и чистой
Живое семя прорастет,
Раскроет свой цветок душистый
И плод богатый принесет.

И семена плода живого
Падут в сердца его детей,
И в поколениях людей
Век не умрет живое слово.

1885, 3 июля 1886

302

Полный стан колышет ровно
Хохот звонкий, молодой.
Босоногая поповна
Возвращается домой.

— Вы куда же собралися?
За грибами на обед?
Эх, поздненько поднялися, —
А грибов-то уж и нет. —

И с грибами показала
Две корзиницы она.

— Вон я сколько насбирала!
Ух, и ломит же спина!

— Хорошо, что я босая,
Да и то едва плетусь,
А уж дома-то до чая
Как дорвусь, так уж напьюсь!

— Вышла в лес я нынче рано,
Глядь, уж солнце высоко!
Квасу б выпила два жбана,
Да до квасу далеко.

— Маме, видите ль, не жалко
До зари меня будить:
«В лес живей, епархиалка!
Ленью Бога не гневить!»

— Ну, а с мамой плохи шутки,
Не поспишь тут, нет, вскочи,
А не то, пожалуй, сутки
Будешь помнить розгачи!

Засмеялась вновь, и косы
Заметались по плечам.
На ногах трепещут росы,
Травки льнут к босым ногам.

— Что вы, Катя, неужели? —
Катя, опустив глаза,
Шепчет мне: — На той неделе
Мама секла два раза. —

— Да за что же? — Да за то же:
Скажет: «Катька, не шали!»
Скажет: «Эй, дерзить не гоже!»
Скажет: «Вздору не мели!» —

— Да ведь вас она так любит? —
— Ну, на то она и мать:
Приласкает, приголубит,
Да нельзя не наказать.

— Зря не тронет, а за дело
Хорошо похворостит.
Вот теперь иду я смело:
Провинюсь, так уж простит.

Ведь грибы-то все, как надо,
На подбор грибочки все! —
И смеется, детски-рада
Утру, солнцу и росе.

3 июля 1886

303

Настало снова лето.
Пленительные дни!
Все зноем разогрето,
Прохлада лишь в тени.

Приучен к доле строгой,
Хожу я босоногий;
Хотя порой стыжусь,
Зато не простужусь
Я осенью, зимою
И раннею весною.

Один Декабрь страшит, —
Тогда не то, что болен,
Но словно я разбит,
Живу, как приневолен.

А нынче босиком
Брожу себе леском,
Здоровьем запасаюсь,
С черникой возвращаюсь
Не поздно я домой,
Лишь ослабеет зной.

11 июля 1886

304

Уже на запад солнце клонит,
А воздух дышит горячо.
На речку мама снова гонит:
— Иди-ка, поуди еще! —

Хоть лень идти, но с мамой споры
Мне наказанием грозят,
И вот мои недолги сборы,
Менять не надобно наряд.

Я в легкой полотняной блузе,
В коротких до колен штанах,
В потертом стареньком картузе,
В природных прочных сапогах.

Забрел я в реку. Удят рядом
Со мной мои ученики,
Завистливым взирая взглядом
Все на чужие поплавки.

Улов удачен. Не осудит
Меня взыскательная мать,
И, улыбаясь, ужин будет
Из свежих рыб приготовлять.

17 июля 1886

305

На что мне пышные палаты
И шелк изнеженных одежд?
В полях мечты мои крылаты,
Подруги сладостных надежд.

Они летят за мной толпами,
Когда, цветам невинным брат,
Я окрыленными стопами
Иду, куда глаза глядят.

Слагать стихи и верить смело
Тому, Кто мне дарует свет,
И разве есть иное дело,
Иная цель, иной завет?

25 июля 1886

306

Трепещет робкая осина,
Хотя и легок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?

Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Христопродавец и злодей.

А вот служители науки
Иной подносят нам урок:
Здесь ни при чем Христовы муки,
А просто длинный черешок.

Ученые, конечно, правы,
Я верю умным их словам,
Но и преданья не лукавы,
Напоминанья нужны нам.

15 августа 1886

307

⟨1⟩

НОЧНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Рассказ в стихах

Только что вырыта яма могильная.
Гроб на подмостках стоит.
Вокруг гроба теснится толпа.
Вьется дым ладана,
И его благовоние
Смешивается с запахом зелени
И гнилыми испарениями
Красноватой и мелкой воды,
Что течет по канавам.
Слышится заунывный голос священника,
И черна его траурная риза,
И равнодушен его взгляд.
И холодно стоит толпа,
И смотрит с тупым любопытст⟨вом⟩
На тот белый глазетовый гроб.
Откинуто белое покрывало.
И мертвое лицо девушки
Лежит белое и прекрасное.
Как холодны эти люди!
Могильным холодом веет
И от ее чудного лица.
А как она прекрасна!
Как прекрасна она была —
Была — потому что теперь она
Кусок гниющего, безобразного мяса.
Как прекрасны были эти губки,
Холодные, бледноватые,
И как мило они смеялись,
И при ее соловьином смехе
Обнажалися милые зубки.
И пытливо глядели эти глазки,
Закрытые мертвыми ресницами,
Которые теперь уже темнеют,

И упругие были эти щеки,
Строго и красиво очерченные,
Словно изваянные Фидием
Из бледно-розового мрамора.
И как они были прекрасны,
Когда приливала к ним волна крови,
И, полная стыда и смущения,
Она опускала на них длинные
Шелковистые ресницы.
А теперь побелелые, желтые
Лежат они окостенелые,
И ангел разрушения
Провел на них черты,
Бледные, близкие, скрещенные,
Как нитки на куске полотна.
Не всколыхнутся они снова,
Не затрепещут от смеха,
И нет на них милых ямочек,
Не засмеются милые губки,
Как смеялися часто,
Не раскроются широко черные
Удивленные глазки,
Не покраснеют эти щеки,
И уши, маленькие уши,
И эта лебединая шея.
Не подымется милая ручка
И волос распущенных, темных,
Не оправит роскошные волны.
Что-то горькое и беспомощное
Застыло в углах ее рта,
И каждая черта ее лица
Изображала глубокое страдание.
Давно уже это милое личико
Не было беззаботно весело,
Тяжелое горе теснило
Ее молодую, высокую грудь.
Я верю, что лучше ей было
Пораньше окончить свой путь.
Лежишь ты без тени сознания.
Для милого тела опять

Не будет тоски и страдания,
Не будет безжалостно гнать
Судьба тебя — мачехой злою.
Живых только гонит она,
А ты вековому покою
На лоне природы дана.
Она родилась в богатом доме
После смерти своего отца.
Ей было четыре года,
Когда умерла ее мать.
Она осталась сиротою
На руках своего деда.
Но он ее горячо любил.
Она была одна у него,
И баловал свою внучку,
И красиво ее наряжал,
И многое ей позволял,
И смехом ее любовался,
И лаской ее наслаждался.
В его темной старости
Она была ярким лучом,
Оживляла его застывающее сердце
И милым лепетом своим
И своею наивною резвостью
Напомнила ему невозвратное
Золотое, далекое детство.
И старик свою внучку берег,
Холил нежное слабое тело,
Как садовник красивый цветок,
И хоть был он был ⟨так!⟩ угрюм и жесток,
Но она обращалася смело,
Не боялась она старика:
Не иначе как только ласкэя,
До нее прикасалась рука.
В ее детстве ни печаль, ни тоска
Не тревожили детских дум.
Так росла она до 14 лет.
И тут настала перемена.
Дед полюбил свою ключницу,
Женщину молодую, здоровую,

Кровь с молоком.
И угрюмое сердце всецело
Преклонил он покорно перед ней,
Неразвитой служанкой своей,
За красивое белое тело,
За огонь сладострастных очей,
За веселые вольные речи
И за круглые белые плечи.
Тесное сердце его не вмещало
Больше одной привязанности зараз —
И он охладел к своей внучке.
Она была его наследницей,
И к ней по его смерти
Должны были перейти его богатства:
И большая деревня,
И старый барский дом на краю города,
С его большим заглохшим садом,
Где она любила гулять и бегать.
И деньги — целый капитал.
И женщина, опутавшая деда
Своими обольстительными сетями,
Исполнилась завистью и гневом,
И стала сеять семена раздора
Между дедом и внучкою.
Как ядовитая змея
Отравляла она тихое течение
Ее девической жизни.
И ряд мелких гонений
Посыпался на бедную девочку.
Дед был с нею холоден.
Прекратилися его ласки,
И наветы злой женщины
Часто вызывали его гнев
На непривычную девочку.
Так прошло два мучительных года,
Жила она в холодном уединении,
Становясь все печальнее и грустнее.
Никого она не встречала,
Никто почти не бывал
В том суровом доме.

И случайного гостя скоро
Прогоняла сухость хозяйки.
Подруги ее были глупые,
И ей было скучно у них.
Она была очень красива,
А потому старик с любовницею
Зорко за нею следили,
И нигде не могла она избавиться
От докучливого надзора.
Ей минуло 16 лет,
И она все хорошела,
Как сказочная царевна
В заколдованном замке.
Удлинились и сделались строже
Черты прекрасного лица,
Покруглели плечи и руки.
Высоко поднялась ее грудь,
Словно расширяемая страстью,
Что таилась в девственной душе.
Одинокая, полная неясной тоски,
Она ощутила в себе желание
Неопределенное и таинственное.
Негодующий протест поднимался
И зрел в ее робкой душе.
Она убегала от их надзора
И стремилась к запретному.
Возле спальни ее деда
Была ⟨комната⟩ обширная и мрачная,
Вся уставленная шкафами
С длинными рядами книг.
Когда она в нее приходила,
Дед ворчливо доставал ключ,
Отпирал один из шкафов
И давал ей том Ламартина
Или Державина — или другую
Книгу — скучную и образцовую.
Но были там и другие книги,
И заглавия их, которые случайно
Прочитывала она, были
Заманчивы — веяло тайной

От этих недвижных рядов,
И она захотела их прочесть.
Ночью, когда все засыпало,
Вставала она с своей постели
И выходила из своей комнаты, без башмаков
В чулках, через которые
Каменные плиты лестницы
Обдавали ее щекотанием холода.
Пробиралась она со свечою,
Закутанная в одеяло,
И, найдя заветные ключи,
Открывала дрожащей рукою
Шкафы. Захватив книгу,
Поспешно она удалялась
И, лежа на своей постели,
Всю ночь она читала
При дрожащем свете свечи.
Читала, волнуясь и трепеща.
Обольстительные тайны раскрывались
Перед ее удивленными глазками.
И они широко раскрывались,
Полные сначала любопытства,
А потом страстного огня.
И привязалась она к этим книгам
И полюбила эти ночные прогулки
С их странными наслаждениями.
Она уже не ⟨*текст стерт*⟩
Выходила на лестницу
Холодные плиты лестницы
⟨*текст стерт*⟩ маленькие
И, ⟨*текст стерт*⟩ на каждом шагу,
Она неслышно ⟨*текст стерт*⟩,
Словно ⟨*текст стерт*⟩,
И сердце ее с ⟨*текст стерт*⟩
Мимо темных углов проходило,
И темнота обдавала ее страхом,
И было ей ⟨*текст стерт*⟩
Воротясь в свою комнату,
Она ложилась на кровать
Не ⟨*текст стерт*⟩

И красноватый отблеск свечи
Освещал ее ⟨*текст стерт*⟩
Обнаженная, когда она подымала
Свои красивые розовые ножки.
Мечта уносила ее далеко,
Туда, где совершался роман,
И она переживала его.
И потом, дочитав последнюю страницу,
Она с тяжелым вздохом смотрела
На свои прекрасные ноги.
Днем давно уже зеркало
Сказало ей, что они прекрасны.
А ночью, обнаженная, она
Горделиво думала, что Венера
Не прекраснее ее формами.
И никто не приходил к ней,
Не целовал милых губок,
И не согревал милых ножек,
Которые стыли в тоске ожидания.
И досадливо плача,
Закрывалась она одеялом
И забывалась тяжким сном.
Порой эти мысли
Казались ей греховными:
Она становилась перед образом
Босая на голые колени
И долго прилежно молилась.
У некоторых подруг
Ей случилося встретить
Молодых агентов заблуждения.
Их речи увлекали ее.
В тайне от деда
Она познакомилась с ними,
И часто, тайком, убегала
Она к ним ночью
И жадно внимала их речам.
Она уходила, забывая осторож⟨ность⟩.
И однажды молодая беглянка
Была поймана и возвращена домой.
Безумный гнев встретил ее,

Она была наказана розгами
И заперта в темный чулан,
Где ее кормили черным хлебом
И ставили ей кувшин с водою.
И целую неделю в заточении
Она тосковала и плакала.
И когда ее заперли в другую темницу,
В комнату, где она прежде жила,
Она стала думать о смерти,
Оскорбленная и подавленная
Своим неисходным горем.
Головки фосфорных спичек
Были опущены в воду —
Их было много, две сотни,
И готово было питье,
Когда опустилася на землю
Темная, ужасная для нее, ночь.
Она опустилась на колени перед иконою
Вся исполненная скорби и муки,
Пережитого горького зла,
Она Бога на помощь звала
И ломала прекрасные руки.
Небеса не открылися. Лик
Богоматери был безмятежен.
Кроткий взор ее, девственно-нежен,
Пред иконой ее не поник.
Ах, дитя! не молися напрасно,
Торопися — застанут, прибьют.
Это небо к тебе безучастно,
Да и люди тебя не спасут.
Не моли ж никого о спасении,
И с надеждой в окно не гляди:
Скоро робкое стихнет биение
У тебя в наболевшей груди.
Скоро в землю сырую положат,
Хоть полна ты и жизни и сил,
И разбитое сердце изгложат
Гости темных, холодных могил.

От иконы она отошла,
Тихо звезды и т. д.

11 мая 1884

⟨2⟩

Вот кладбище, и гроб, и могила.
И вокруг с безучастьем немым
Собралася толпа. Из кадила
Легкой струйкою ладана дым
Подымается и расплывается,
Льется запах его и мешается
С свежим запахом листьев и трав,
С испареньем гниющих канав.

⟨3⟩

Холодные бледные губы
Когда-то наивно смеялись,
И ровные белые зубы
При смехе ее обнажались.
И светлые милые глазки,
Исполнены жизни и ласки,
На мир широко раскрывались.
А ныне их давят ресницы,
Как тяжкие камни гробницы.
И милые губки безгласны,
И руки ее костенеют,
И белые щеки хладеют,
А как они были прекрасны,
Когда к ним густая волна
От сердца ее приливала,
И вся, застыдившись, она
Ресницы свои опускала.
Теперь они, смертью отмечены,
Как воск, беловато-желты,
И ангелом смерти иссечены
На них гробовые черты.
Скрещенные и бледноватые,

Как нитки в куске полотна.
Не двинутся вновь губки сжатые,
Не рассмеется она.

⟨4⟩

Вновь я вспомнил, ребенок, тебя.
Вся в цветах ты лежала в гробу.
Через год я вернулся домой
В тишину черноземных полей,
Утомленный трудом и борьбой,
Да измученный думой своей.
И невесело встречен я был,
Как приехал, в родимом краю:
В первый день я уже хоронил
Молодую подругу мою.
И одно мне осталось: ее
На руках до кладбища донесть,
А потом услыхать про нее
Леденящую страшную весть.
И лежала она вся в цветах,
Хороша и сама, как цветок,
И застыл в неподвижных чертах
Или страх, или робкий упрек.
А давно ли, припомнишь, цвела
Эта смятая смертью краса
Беззаботно, свежа, весела,
И чиста, как весной небеса.
Ей шестнадцатый год миновал
И, скончалась, малютка, она,
Когда мир зеленел-расцветал
И цвела молодая весна.
И убор из весенних лилей
Ароматный лежал на груди.
Если б слезы нашлись — я рыдал,
Проклинал бы, коль слово нашлось,
Но я, слушая, мрачно молчал,
Запоздалых не пролил я слез.
Как та повесть горька ни была,
Я сумел и ее перенесть,

Только бременем лишним легла
Мне на сердце тяжелая весть.
Но твою роковую судьбу,
Негодуя, поведаю всем,
Отчего ты лежала в гробу,
Умерла ты, малютка, зачем.
Там, где город кончался, стоял
Одиноко в саду барский дом.
И казалось, как старец, скучал,
И, казалося, не жили в нем.
Оживлялся он летом порой
Звонким смехом и детской игрой.
И аллей бесконечных песок
Там и здесь то и дело хрустел
От бегущих девических ног.
Из окна на малютку глядел
Старый дед, и была разлита
В его взорах живая любовь.
Его внучка была сирота.

⟨5 А⟩

Я окно отворил, — и прохлада
Донеслась из цветущего сада,
И ко мне пролился аромат.
Небеса и блестят, и молчат,
Переполнены чарами ночи,
И светила ночные глядят
На меня, как далекие очи.
А в душе пробудилася вновь,
И в ночи не смолкает тревога.
И забытая мною любовь
Говорит о прошедшем так строго.
О тебе и любовь и тоска,
О ребенок, пленительно-чистый.
О, моя дорогая рабыня.
И печаль о тебе глубока,
Моей жизни печальной святыня.

11 мая 1884

⟨5 Б⟩

Ночь тиха; отворил я окно;
Летней ночи живая прохлада
Пролилась из цветущего сада,
И донесся цветов аромат.
Небеса надо мною блестят,
Переполнены чарами ночи,
И светила ночные глядят
На меня, как далекие очи.
А в душе пробудилася вновь,
И растет, не смолкая, тревога.
Не убитая смертью любовь
Говорит мне о прошлом так много.
Все тебе, и любовь, и тоска,
О ребенок, пленительно-чистый.
И печаль о тебе глубока
В моей жизни пустой и тернистой.

⟨6⟩

Еще юношей пылким я был,
Уезжал я учиться в столицу, —
Об одном лишь тогда я грустил,
Что оставил свою голубицу.

С ее губ поцелуй я сорвал
Еще первый, и нежный, и длинный ⟨?⟩.
Он глубоко мне в сердце запал,
И от многого после спасал
Поцелуй этот, детски невинный.

Лето 1886

⟨7⟩

Лежа
В прохладе девственного ложа,
Волнуяся, увлечена,
Читала до утра она.

От света пальмовой свечи
Предметы вкруг казались красны,
А думы были горячи,
И упоительны, и страстны,
И света чуждого ей тайны
Так для нее необычайны.

11 мая 1884

⟨8⟩

Молодость просит участия,
Жаждет свободы, любви, —
Ты ж наслажденья и счастья
Сердцем больным не зови,
Но в заточеньи суровом,
В старом, холодном дому,
Скована старческим словом,
Будь в послушаньи ему.

Звезды на небе, да поле,
Дальше неведомый мир,
Ой ты, печальная доля!
Не для тебя этот пир.
Птичке-певунье беспечной
В мире простор бесконечный,
Нет запрещенных дорог.
Ты ж — воплощенная радость,
Жизни не знаешь ты сладость,
Жизни не знаешь тревог.
Кельи убогой скучнее
Комнаты стали твои...

За полем в роще звончее
Нынче поют соловьи.
В прошлом году так же звонко
Пели они — да ребенка
Не удалось им смутить.
Ныне ж их страстные звуки
В сердце внезапные муки

Сладкие стали будить.
Эти бессонные ночи
Были томленья полны,
Хрупкой девической мочи
Невыносимо трудны.

⟨9⟩

Все переменилось, сделался тюрьмой
Для малютки милой этот старый дом.
Зина-экономка с пряной красотою
Скоро овладела дряхлым стариком.
Прихотям красотки он повиновался,
Словно в транс глубокий ею погружен; —
С каждым днем сильнее внучки он чуждался,
Холодел душою к милой внучке он.
Зинаида Катю сильно невзлюбила,
Из корысти ль тайной, просто ли со зла;
Может быть, богатство старика прельстило,
Может быть, укором девочка была,
А верней, что слились обе те причины.
В самом деле, если девочка умрет, —
То старик откажет в пользу ловкой Зины
⟨ ⟩

⟨10⟩

Когда ее в тюрьму иную,
Где прежде, бедная, жила,
Свели, она в минуту злую
О смерти думать начала.

⟨11⟩

Ты осилить тоски не могла,
И под бременем скорби и муки
Заломила ты белые руки
И на помощь ты Бога звала,

Небеса безучастно молчали.
Ты отраву, рыдая, пила.
Тихо звезды на небе мерцали,
Голоса замирали,
И ни звезды, ни люди не знали
Как, страдая, она умерла.

⟨12⟩

В наш осенний и пасмурный день,
Когда в небе туманно и серо,
И в грядущее падает вера,
И на ум надвигается лень, —
И душа поддается тоске, —
Мне мечтается образ печальный:
На окраине дикой и дальней,
В невеликом степном городке,
На кладбище, близ церкви, могила,
Еще свежая, с белым крестом.
В ней почиет убитая сила...
Я бездумно иду, а кругом
Безмятежно покойны могилы,
Непробудным покояся сном, —
Не воскреснут убитые силы,
И не встанут они из могил,
И измученных тел не покажут,
И о тех никогда не расскажут,
Кто их гнал и нещадно губил.
Не для горького слова проклятия
Они в землю сырую легли,
Но погибшие наши собратия
Рассказать бы немало могли.
Здесь журнальные спят пролетарии,
И судьбою забитые парии,
И забитая мужем жена,
Здесь и кости Миная-рассыльного,
Здесь и дочь одинокого ссыльного,
И несчастная жертва вина,
Нищеты и гнетущего горя,

Проститутка... с судьбою не споря,
Добралась до могилы она.
И покончивший век пистолетом,
Промелькнувший на свете поэтом,
И висевший в смоленой петле,
В несвященной зарытый земле,
И солдат, на войне изувеченный,
И мужик, господином засеченный.
Все покорные темной судьбе,
Все тяжелой судьбою задавлены,
Обесчещены иль обесславлены,
И погибли в неравной борьбе.
Победители! Вы наслаждалися,
Возвышалися лестью и злом
С неимущими вы не браталися,
И гнушалися вы мужиком.
Но и вы были все же рабами,
Все же был и у вас господин,
И от порки, от пыток с петлями,
Безопасен ли был хоть один?
Раб боялся немилости барской,
А вельможа немилости царской.
Кто повыше ступенькой стоял,
Тот тебя беспощадно и злобно угнетал
⟨ ⟩

11 мая 1884, лето 1886

⟨13⟩

Начинается пасмурный день,
В небе темном туманно и серо.
И в грядущее падает вера,
И на ум подвигается лень.
И в душе зарождаются думы,
Боязливы, мрачны и угрюмы,
И болит, замирает она,
Словно кровью, она обливается...
Мне в такие минуты мечтается
Все могила одна.

Дам же волю мучительным думам,
Что давно я на сердце таю, —
Все мне кажется, будто с тобою
На кладбище угрюмом,
Я бездумно иду, — а кругом etc.

⟨14⟩

Бьется сердце неровно, тоскливо, —
Стынет кровь, и душа холодна,
За работу возьмешься ль лениво,
Все из рук выпадает она.

Предаешься ль на волю мечтаньям:
Ах, и сам этим грезам не рад.
Они полны томящим страданьем,
Сокрушительный разлит в них яд.

Поглядишь на людей: точно в сказке
Промелькнет вереница теней,
Ни живого лица: все-то в маске,
Все боится пытливых очей.

⟨15⟩

Посреди бесконечных степей,
Где не видно движения жизни,
Благодатной волною своей
На пески необъятные брызни,
Неожиданный чистый родник, —
Как изменится степи картина.
И оазис внезапно возник,
И шумят молодые вершины.

11 мая 1884, лето 1886

308

Загрустила, расплакалась девица,
И на грудь ее зыбкую, белую
Покатилися слезы соленые,
Словно брызги ручья недалекого.
С покрасневшего милого личика
Отирала она слезы частые
Рукавом своего сарафанчика,
И дрожащими трепетно губками
Изливала словами нестройными
Свое горе, кручинушку лютую:
Воротился жених ее с ярмарки,
Не привез ей платочка шелкового,
Не привез ей обещанных ⟨бусинок?⟩.
Милый ⟨кает ?⟩ ей, милый тянется,
Целовать ее губки и личико, —
Убегает невеста упрямая,
И слезами сама заливается...
Помирились они позже, к вечеру.

Лето 1886?

309

Различными стремленьями
Растерзана душа,
И жизнь с ее волненьями
Темна и хороша.

Измученный порывами,
Я словно вижу сон,
Надеждами пугливыми
Взволнован и смущен.

Отравленный тревогою,
Я все чего-то жду.
Какою же дорогою,
Куда же я пойду?

19 сентября 1886

310

Ярко солнце блещет, —
Взор к земле прикован,
Тленной красотою
Разум очарован.

Потемнеет небо,
Звезды загорятся, —
Смело в бесконечность
Думы устремятся.

Солнце — лжи источник,
Обольстивший очи;
Правда — собеседник
Бодрствующей ночи.

28 сентября 1886

311

Ветер кинул снег в стекло,
Но пускай там вьюга злится,
У меня здесь так тепло,
У меня здесь так светло,
Только скучно вечер длится.

Тот же труд мне каждый день
Без уклона, без новинки,
Длится та же дребедень,
И, как встарь, меня за лень
Мать сечет и за провинки.

Тот же весь домашний строй,
Все по-прежнему осталось.
В праздник, как и в день простой,
Дома я всегда босой,
Чтобы обувь не трепалась.

Но еще скучней ходить
По знакомым скучным в гости,
Картежом себя томить,
Есть селедку, водку пить,
Слушать сплетни глупой злости.

Нет, уж лучше посидеть
Дома после скуки школьной,
Со своими сердце греть,
И домашний строй терпеть,
И суровый, и привольный.

17 октября 1886

312

Арендатора дочки, шляхтянки,
В поле ходят, как девки простые,
И работают славно, смуглянки,
Загорелые все и босые.

На руках трудовые мозоли, —
Не новинка для них, не обновка.
Если в город придут, мудрено ли,
Что в наряде не очень им ловко.

Но хохочут они очень звонко,
И вокруг них всегда кавалеры
Запускают любезности тонко,
Не дичась католической веры.

Каждой муж будет мелкий чиновник
Иль помещик какой-нибудь мелкий.
Бытия их усатый виновник
Наградит их приданым, безделкой.

Будет все же и шубка из зайки,
Будут платье, белье и посуда,
И шляхтянки, вдобавок, хозяйки
Будут мужу такие, что чудо!

12 ноября 1886

313

Привыкнуть можно ко всему,
А все же к розгам не привыкну.
К стыду большому моему,
При первом же ударе вскрикну.

Сбирает мама прутья в пук,
Лежат другие прутья розны,
А мне уж страшно острых мук,
И шелестенья прутьев грозны.

Велит совсем раздеться мне,
И даже сдернута рубаха,
И пробегает по спине
Холодное дыханье страха.

Сечет, и слезы в три ручья,
Мечусь напрасно, крепко связан,
Такая боль, как будто я
Сегодня в первый раз наказан.

— Не буду больше! больно! ой!
Ой! ой! прости! — кричу невольно.
— Ой! мама! сжалься надо мной!
Ой! ой! прости, помилуй! больно! —

Хотя случалося порой,
Что и не раз в неделю секла,
А все ж привычки никакой
К домашнему преддверью пекла.

8 декабря 1886

314

Упадешь ты в лужу или в грязь,
Или свалишься ты на сухое, —
Соберется вкруг толпа, смеясь.
Но веселье людям здесь какое?

И зачем упавший на пути
Держится, как виноватый?
Средство есть насмешки отвести.
Дам совет я, не гонясь за платой.

Ты в глаза им прямо погляди, —
Просто все, что в жизни ни случится, —
И своей дорогою иди;
Тотчас смех в толпе угомонится.

Я недавно это испытал.
К имениннику меня позвали.
Я средь грязной улицы упал.
Два мальчишки на мостках стояли.

Устремленный к ним мой взгляд простой
Сделал то, что слышим в небылицах:
Ни одной насмешки озорной,
И улыбки нет на детских лицах.

10 декабря 1886

315

Люблю мою родную землю,
Люблю я жизнь, и потому
Страданье всякое приемлю,
Покорен всякому ярму.

Страданье иногда полезно
Для тела, как и для души,
И, кто признал закон железный,
Тому и розги хороши.

Стыда и боли злая вьюга
Ведет насилием к добру,
И потому ее, как друга,
Без отговорок я беру.

Но все же мы упрямо спорим,
Как с диким и жестоким злом,
С напрасным, безнадежным горем,
С ужасным, мстительным врагом.

Перед Бедою, ведьмой черной,
Что сторожит у всех дверей,
Склоняться в страхе так позорно,
Невыносимо для людей.

Мы ведьму мерзкую прогоним
Усилием ума и рук,
Но не сглупим мы, и не тронем
Семью стыда и кратких мук.

21 декабря 1886

316

Что ж ты, моя доля?
Как же быть с тобою мне?
Мрак, тоска, неволя,
Сердце страстное в огне.

Смело мы ходили
В битву с лютою судьбою.
Что же? Загубили
Только силы мы с тобою.

Проползти-то змеем
Можно б, счастья добывая,
Да ведь не умеем
Мы склоняться, доля злая.

Смерти не страшились,
И разбитым нам не стыдно.
Рано мы родились,
Рано: вот что нам обидно.

28 декабря 1886

317 А

Я на землю принес
Песни, полные слез;
Не утешат они
В трудные дни.
И когда, утомленный борьбой
С непогодою злой,
Я хочу позабыть хоть на миг
О невзгодах своих,
Предо мной они властно встают,
И летят, и растут.
Ты не смеешь о братьях забыть,
Ты для них должен жить.
Должен быть твоих уст каждый звук
Воплощеньем надежд и разлук.

6 сентября 1885,
28 декабря 1886

317 Б

Я на землю принес
Песни легкие слез;
Утешают они
В грозовые дни.
И когда, утомленный борьбой
С непогодою злой,
Я хочу позабыть хоть на миг
О невзгодах моих,
Предо мной эти песни встают,
Алым маком цветут.
Скорби здешней нельзя позабыть,
Надо в песни ее перелить,
Сделать каждый пронзительный звук
Воплощеньем надежд и разлук.

6 сентября 1885,
28 декабря 1886

1887

318

КАК ЗВЕЗДА

Видишь, милое дитя,
Как звезда горит над нами,
Между мелких звезд блестя
Разноцветными огнями?

Пусть бы жизнь твоя была,
Как звезда небес далеких,
Разноцветна и светла
Светом радостей высоких,

И осталась бы чиста,
Как звезда, краса ночная,
Гордых мыслей красота,
Не тускнея, не сгорая.

1) 1 января 1887

319 А

Изваять тебя, прелестную,
Был бы Фидий самый рад,
Только сбрось одежду тесную.
Ведь роскошный твой наряд
Безобразит грудь чудесную.
Пред твоею красотой
Грубы ткани драгоценные,
Стан и ноги несравненные!
Красота дружна с свободою,
Непорочности полна,
Кратковременною модою
Только скована она.
И грядущим поколениям

Будет странно и смешно,
Что покорны мы давно
Моды странным повелениям.
Лишь отдельные черты
Несравненной красоты
Тела чудного, прекрасного
Ты даешь мне созерцать.
Брось скорей стыда напрасного
Лицемерную печать!
Скинь одежду всю тяжелую,
Непорочную и голую
Дай тебя мне изваять.

2) 1 января 1887

319 Б

Изваять тебя, прелестную,
Был бы Фидий славный рад,
Только сбрось одежду тесную.
Как уродливо теснят
Эти ткани многоценные
Стан и ноги несравненные!
Непорочна и нежна
Красота дружна с свободою,
Кратковременною модою
Грубо скована она.
Ты раба стыда напрасного,
Лишь отдельные черты
Несравненной красоты
Тела дивного, прекрасного
Ты даешь мне созерцать.
Скинь одежду всю тяжелую,
Чтоб царицу Правду голую
Мог художник изваять.

2) 1 января 1887

320 А

Где ты, прелесть несравненная,
Чародейка, красота?
Где твоя неоцененная,
Нестыдливо-откровенная
Чувств и тела нагота?
Жизни суетной оковами
Изуродована ты.
Не заметны под покровами
Прежней прелести черты.

Только в дымке сновидения
Ты являешься на миг!
И душа, полна смятения,
Видит вольные движения
Членов стройных и нагих.
Внемлет с тайным содроганием
Звуки ласковых речей,
И томится раскаянием
О порочности своей.

Но скрывается прелестная,
Снова жизнь моя темна,
Снова вкруг толпа бесчестная,
И моя дорога тесная
Утомительна, грязна.

5 января 1887

320 Б

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне!

Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

5 января 1887

321

Мороз все стекла расписал.
Еще в снегах он щеголяет,
Но, хоть мосты он нам сковал,
Я знаю, скоро лед растает.

Снега достойны хвал больших.
Есть назначенье им и время.
Господь на землю сыплет их
Одеть поля, взлелеять семя.

Даны нам снежные деньки,
Ночные лунные сиянья,
Морозный дух, детям снежки,
Сочельник, елка да гаданья.

Езда мила нам всем в санях.
Как мчится бешеная тройка!
Летишь, как будто на крылах,
И бубенцы лепечут бойко.

31 января 1887

322

В бане жарко и туманно,
И четыре мальчугана
На скамью велят мне лечь,
Моют быстро, осторожно,
Очень ловко. Я тревожно
Жду конца: ведь будут сечь.

Со скамейки сняв, водою
Обольют вдруг ключевою,
И разложат на полу.
Вот и розги уж готовы
И топорщатся, суровы,
На скамеечке в углу.

Все четыре мальчугана
Мной недавно были драны, —
Вот полоски как сини!
Мне случайность не забавна, —
Усмехаются, и славно
Будут сечь меня они.

Пред бедою неминучей
Догадался я, — не случай
Надо мной их нынче свел:
Когда в баню посылала,
Мать таких и подбирала,
Чтобы каждый всласть порол.

6 февраля 1887

323

Настали времена суровы.
Коварство злобное тая,
Тебе, отчизна, строят ковы
Тобой спасенные друзья.

Что день, грядущее туманней.
Заносчив, дерзостен и яр,
Зажечь огонь всеобщих браней
Готов воинственный мадьяр.

Но перед общим ополченьем
Не подымаешь ты меча,
И тесным бранным облаченьем
Не жмешь могучего плеча.

Ты знаешь крепость русской славы,
Ты знаешь: царь подымет стяг,
И пред грозой его державы
Не устоит надменный враг.

7 февраля 1887

324

Последний луч зари упал,
Блеснула звездочка, другая,
Как спящий отрок, задышал
Зеленый сад, благоухая.

Он с нею вышел на балкон,
Она бледнела и вздыхала,
И руку ей, сжимая, он
Заметил, что она дрожала!

«Прекрасна, милый, эта ночь,
А я предчувствую разлуку,
И не могу я превозмочь
В груди поднявшуюся муку.

Унять тревожную печаль,
Напрасно Бога я просила, —
Тоска холодная, как сталь,
Мой бедный ум заполонила.

Но если так нам суждено,
Что Бог накажет нас войною,
Решилась я, мой друг, давно
Туда идти вслед за тобою».

Ее он молча целовал,
И как заря, она пылала,
И взор ее огнем сверкал,
И грудь, как парус, трепетала.

2) 8 февраля 1887

325

Огнедышащей грозою,
Непросветны и могучи,
Над твоею головою
Пронеслись, отчизна, тучи.

И судьба тебе дарила
Испытаний в прошлом много,
Но твоя живая сила
Укреплялась верой в Бога.

И, как часто ни гремела
Над тобою буря злая,
Ты, отчизна, крепла, зрела,
Бога в помощь призывая.

Пронеслися дни печали,
И суровой и кровавой,
И, по воле Бога, стали
Эти грозы нашей славой.

Враг грозит нам бурей снова,
Мы же вспомним дни былые,
Как, могуча и сурова,
Ополчалась ты, Россия.

9 февраля 1887

326

РОЗА И ДЕВА

В томно нагретой теплице
Алая роза цветет;
Рядом, в высокой светлице
Юная дева живет.

Роза, как дева-соседка,
Никнет, грустна и больна;

Юная дева нередко
Плачет, оставшись одна.

Розе мечтается поле,
Солнце, сияющий луг,
Деве — лазурная воля,
Счастье и любящий друг.

Роза сквозь окна теплицы
Видит простой василек,
А под окошком девицы
Бедный поет пастушок.

Краше цветков ароматных
Розе цветок полевой,
Лучше блестящих и знатных
Деве красавец босой.

15 февраля 1887

327 А

Прозрачной ночи обаянье,
Очарование весны,
Реки невнятное журчанье,
Сиянье звезд и блеск луны,

И ветра нежное дыханье,
И где-то песня соловья...
Но ты не спишь, мое страданье,
Тоска ревнивая моя!

И вновь в душе встает тревога,
И снова слезы на глазах,
И совесть мне твердит так строго
О юных невозвратных днях,

О том, что я порочным чадом
Безумно омрачил свой путь!..

И воздух льется жгучим ядом
В мою раздавленную грудь.

22 февраля 1887

327 Б

Благоуханье по весне,
В прозрачной ночи трепетанье,
Лучи от звезд, и блеск в луне,
В реке порожистой журчанье,

И ветер, нежное дыханье,
Подъемлет шепот по волне,
И ты, полночное мечтанье,
Опять разбужено во мне.

Опять в душе встает тревога,
И совесть поверяет строго
Всю жизнь безумную мою.

Но то, что было горьким чадом,
Теперь блаженным стало ядом,
И этот яд я тихо пью.

22 февраля 1887

328 А

Я вяну. Дни мои унылы.
Меня объемлет лень и сон,
И звуки жизни мне не милы,
Как скорбный раненого стон.

Не зная светлых впечатлений,
Не зная светлого труда,
Ищу порочных наслаждений
И сладострастного стыда,

И низшей степени паденья...
И ты, богиня прежних дум,
Не пробуждаешь криком мщенья
Мой тяжко угнетенный ум.

Простите ж, светлые надежды!
Сомкнитесь, плачущие вежды!
И, смертью страсти заглуша,
Усни, усталая душа.

24 февраля 1887

328 Б

Больные дни твои унылы.
Тебя смущает вещий сон,
А звуки внешние постылы,
Как чей-то неумолчный стон.

Бежишь от тяжких впечатлений,
От неотвязного труда,
Ты ищешь грешных наслаждений
И упоения стыда,

И низшей степени паденья...
Уже богиня прежних дум
Не пробуждает зовом мщенья
Твой тяжко угнетенный ум.

Простите ж, светлые надежды!
Сомкнитесь, плачущие вежды!
И, смертью страсти заглуша,
Усни, усталая душа.

24 февраля 1887

328 В

Больные дни мои унылы.
Меня смущает вещий сон,
А звуки внешние постылы,
Как чей-то неумолчный стон.

Бегу от тяжких впечатлений,
От неотвязного труда,
Ищу порочных наслаждений
И упоения стыда,

И низшей степени паденья...
Уже богиня прежних дум
Не пробуждает зовом мщенья
Мой тяжко угнетенный ум.

Простите ж, светлые надежды!
Сомкнитесь, плачущие вежды!
И, смертью страсти заглуша,
Усни, усталая душа!

24 февраля 1887

329

Однообразны и ленивы,
Идут стадами облака,
Деревья голы, пусты нивы,
И под дождем шумит река,
И вновь в душе свои извивы
Влечет, как змей, моя тоска.
Она мой бедный ум объемлет,
И вновь душа ей чутко внемлет.

И вы так стали далеки,
Мечтанья юности мятежной;
И злой порыв моей тоски,
Как бурный океан безбрежный,

Рассеял вас, как лепестки
Едва расцветшей розы нежной.
Опять душа моя нема,
Опять царят в ней страх и тьма.

Такая жизнь невыносима!
Уснуть навек — тоску убить!
Но, горе мне! неистребимо
В моей душе желанье жить,
И я, как раб, неутомимо
Тяну постылой жизни нить,
И дни мои текут, как годы,
Без наслажденья и свободы.

25—26 февраля 1887

330

Когда царицы скромно косы
Плели, как жены пастухов,
И почасту ходили босы
По стогнам тихих городов,

Ремнями тесными сандалий
Не жали голые стопы,
И не затягивали талий
На удивление толпы.

В те дни цветущая Эллада
Рождала то, чем живы мы,
В чем наша верная ограда
От вековечной нашей тьмы.

Воскреснет в сердце человека
Давно погибшая мечта,
И дети будущего века
Поймут, что значит красота.

25 марта 1887

331

...Идти, — скучать, зевать, молчать,
До утра в карты проиграть,
Послушать сплетен самых свежих,
И самому порассказать.
Пристанешь к барышням, — потешь их
На немудреный их манер:
Замысловатой болтовнею,
Не очень хитрой клеветою,
Насмешкою не очень злою,
Цинизмом, но не свыше мер,
А так, густою тенью скрытым,
Чтоб догадаться и без слов
Их пол лукавый был готов, —
И словом, по тропам избитым,
Водить их тонко и умно,
Чтоб им казалося смешно
И весело, не слишком старо,
Не слишком ново и темно,
Не черезмеру много жара,
Не черезмеру холодно.
Но он насквозь их сердце видит,
К задорным ласкам он привык.
Бес болтовни навряд ли снидет
На неприветливый язык.
Стрелянье их очей проворных,
Зеленых, синих, карих, черных,
Уж не волнует в сердце кровь,
И перед каждым бюстом белым
Не вспыхнет в сердце охладелом
Ежеминутная любовь.
Когда он был юнцом незрелым,
Его пленяли модести.
Порой от груди нежной, зыбкой,
Лукавой поощрен улыбкой,
Не мог он взоров отвести.
Пока смотрел он так нескромно,
Пока она болтала томно,
В его мечтах обнажена

Вставала перед ним она.
Но что мечты? На самом деле
Он видел прелесть наготы,
И любовался в голом теле
Сияньем юной красоты,
И насмотрелся, и, пожалуй,
Как ты, красотка, с ним не балуй,
Хоть покажи ты как-нибудь
По пояс голую всю грудь,
Иль обнажи по пояс ноги,
Его, увы! не бросит в дрожь.
В его душе ты не зажжешь
Знакомой юношам тревоги...

Март 1887

332

И наши смиренные песни
Исполнены слез.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос!

5 апреля 1887

333

ВОСКРЕСНИ

Замолкнули праздные речи,
Молитвою строится храм,
Сияют лампады и свечи,
Восходит святой фимиам.

Возносим пасхальные песни
От слезно-сверкающих рос.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос!

Вливаются светлые вести
В ответный ликующий стих;
К сберегшей венец свой невесте
Нисходит небесный Жених.

Апрель 1887

334

В окне моей темницы
На склоне злого дня
Ликующие птицы
Наведали меня.
Но мгла моей темницы
Вспугнула скоро их.
Ликующие птицы
В просторах голубых.

8 мая 1887

335

ВЕШНЯЯ РОЗА

Я купалась одна. Отдыхая
На траве под развесистой ивой,
Распустив свои косы, нагая,
Я лежала в дремоте ленивой.

Это было полдневной порою.
Солнце жарко и страстно горело,
Знойный воздух прозрачной волною
Обнимал обнаженное тело.

Загоралась звенящая греза,
И, послушна пленительным чарам,
Я пылала, как вешняя роза,
Непонятным, томительным жаром.

Я впервые в себе ощущала
Муку страсти и трепет желанья.
Я любовных объятий желала,
И уста мои ждали лобзанья.

16 мая 1887

336

Все в себе поругал, осквернил я и сжег
В пожирающем юность огне,
И частицу ничтожную только сберег
Из сокровищ бесценных, дарованных мне.

Безысходною скорбию долго томясь,
Тот обломок хранила живая любовь,
И его, из разбитого сердца точась,
Согревала горячая кровь.

Так в душе утомленной мятежной моей
Только малую часть ту сберечь я и мог.
Ярко блещет она, как залог светлых дней,
Моего возрожденья залог.

26 мая 1887

337

Приникни, пыль дорожная,
К моим босым ногам.
Душа моя тревожная,
Послушай птичий гам.

Под лепеты струящейся
В лесном ручье воды
Забудь роптанья злящейся,
Томительной Нужды.

Замыканной тетрадками
И тупостью детей,

И глупыми загадками
Неумолимых дней.

Хоть на минуты малые
Пойми, что есть цветы,
Просторы, зори алые
И радость красоты.

2 июня 1887

338

Сплетают тени на песочке, —
И в тенях много красоты, —
Акаций узкие листочки
И кленов крупные листы.

А где смешались тени эти
С тенями плотными кустов,
Там на песке трепещут сети
Из мелких золотых кружков.

В саду, подальше, — там березки,
Такие светлые, стоят.
От веток их порой полоски
По телу моему скользят.

Когда нарвут зеленых веток
От белоствольных тех берез,
Иной уж цвет тогда у сеток,
На тело брошенных от лоз.

Сперва они на белом поле
Ложатся, узки и красны,
А после, с возрастаньем боли,
Смотря по степени вины,

Они синеют, багровеют,
На поле красном так близки,
И вот уж капли крови реют,
Сливаясь скоро в ручейки...

Но все ж березы, липы, клены,
Акаций запыленный ряд,
И даже галки и вороны
И глаз, и ухо веселят.

14 июня 1887

339

Как ты ночью ни гуляй,
Хоть и в майские субботы,
Не спасешься, так и знай,
От дремоты-потяготы.

Уж иди скорей домой,
А не то под кустик ляжешь,
И кому-то с зевото́й
Ты «покойной ночи» скажешь.

17 июня 1887

340 А

Чем глубже в себя погружаюсь,
Тем лучше людей познаю,
И с миром полней сообщаюсь
Чрез грешную душу свою.

Читаю деяния злые
Прожитых бессмысленно дней, —
И ясны мне битвы мирские
И злое безумье людей.

Объята внезапной тоскою,
Раскаяньем жгучим полна,
Горюет душа над собою,
Над миром рыдает она.

Первая половина 1887

340 Б

Чем строже себя наблюдаю,
Тем лучше людей узнаю, —
И с миром теснее сплетаю
Печальную душу мою.

Припомню деяния злые
Напрасно растраченных дней, —
Мне ясны тревоги мирские
И злое безумье людей.

Первая половина 1887

341

Где Аннета искупалась,
Вольдемар туда идет.
Если ленточка осталась
От Аннеты, — подберет.

Все исполнилось, как в сказке,
Что хотел, то получил:
Две лиловые подвязки
Он у сердца положил.

Ах, не знает он, что это
Обронила у ручья
Не прелестная Аннета,
А курносая швея.

6 июля 1887

342 А

В стране сурового изгнанья,
На склоне тягостного дня,
Святая сила заклинанья
Замкнула в тайный круг меня.

Кому молюся, я не знаю,
Но знаю, что услышит Тот,
Кого молитвой призываю,
Кому мечта моя цветет.

Его мимолетящей тени
Шепчу молитву, прост и бос,
Склонив смиренные колени
На травной ласковости рос.

И заклинанья не обманут,
Но будет то же все, что есть,
И страх, и стыд, и боль предстанут,
Все кары надо перенесть.

И с этой ласковой березы,
Где листья клейки по весне,
Покорно наломаю лозы,
Сулящие мученья мне,

И непреложность заклинанья
Зажжет восторги в муке злой,
Когда звенящий крик страданья
В протяжный перельется вой.

7 июля 1887

342 Б

В стране сурового изгнанья,
На склоне тягостного дня,
Святая сила заклинанья
Замкнула в тайный круг меня.

Кому молюся, я не знаю,
Но знаю, что услышит Тот,
Кого молитвой призываю,
Кому печаль моя цветет.

Его мимолетящей тени,
Что исчезает, смерть поправ,
Молюся я, склонив колени
На росной ласковости трав.

И заклинанья не обманут,
Но будет то же все, что есть,
Опять страдания предстанут,
Все муки надо перенесть.

Что Тот вкусил, кто жало Змея
Навеки вырвал, надо мне,
Жестокой мукой пламенея,
Вкусить в последней тишине.

7 июля 1887

343

Любопытные соседки
У себя в саду стоят
И на окна той беседки,
Где секут меня, глядят.

Я заметил их местечко
У ольхового ствола
В час, как мама от крылечка
Наказать меня вела.

И один из мальчуганов,
Что пришли меня стегать,
Молвил: — Барышни, Степанов,
Захотели много знать. —

Я крепился и старался
Не орать и не реветь,
Только все же разорался, —
Больно так, что не стерпеть.

После порки в сад я вышел,
Раскрасневшийся, как мак,
И насмешки их услышал:
— Разрумянили вас как!

— Эти яркие румяна
Где, скажите, продают? —
И хохочут мальчуганы,
И Лежонов кажет прут.

— Вам урок мальчишки дали?
Вот какие смельчаки! —
И, смеяся, убежали, —
Все мои ученики.

— Ну и громко ж вы кричите,
Ой-ой-ой да ай-ай-ай!
Мы утешим вас, хотите?
Приходите к нам пить чай.

— Вас березовой лапшою
Угостила ваша мать, —
Мы вас будем пастилою,
Сладким чаем угощать.

— Есть варенье из малины,
И сироп такой густой, —
Все забудете кручины,
Не стесняйтесь, что босой. —

Отказаться не умею,
К перелазу я иду,
От стыда и боли рдею,
Очутившись в их саду.

Самовар уже в столовой,
И варенье тут как тут.
— Поздравляем с баней новой!
— Ну и часто вас секут! —

Три сестры за самоваром
Наострили язычки.
— Поздравляем с легким паром!
— Молодцы ученички! —

Посмеялись, но немного, —
Мы дружны уж с давних пор, —
И сказала Вера строго:
— Розги дома не в укор!

— Вы простите, мы без злости.
Малость надо постыдить,
А теперь пришли к нам в гости,
Будем мирно говорить. —

14 июля 1887

344 А

Мои безрадостные дни
Текут медлительной рекою,
И переполнены они
Безумной скукой и тоскою.

Ты видел, как мальчишка злой
В весенний день пьет сок березы,
И по коре, виясь струей,
Текут недопитые слезы.

Так я, безумец, с детских дней
Прильнул губами к сердцу жадно,
И кровью жаркою моей
Питаться стало мне отрадно.

И кровь течет из тайных ран,
Слабеет воля, вянут силы,
На разум падает туман,
Объемлет душу страх могилы.

21 июля 1887

344 Б

В весенний день мальчишка злой
Проколет стройный ствол березы,
И по коре, виясь струей,
Текут недопитые слезы.

Я страстью сердце с ранних дней
Пронзил в безумии жестоком, —
И силы юности моей
Лились неудержимым током.

21 июля 1887

344 В

В весенний день мальчишка злой
Пронзил ножом кору березы, —
И капли сока, точно слезы,
Текли прозрачною струей.

Но созидающая сила
Еще изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, —
Они, как прежде, колыхались,
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.

21 июля 1887

345

Сгорала злость моя дотла
В кровавой ярости сеченья.
Была медлительна и зла
Вся эта пытка исправленья.

Наказывали на дворе.
Соседки из окна смотрели,

Смеясь, как в бешеной игре,
Свистали розги и свистели.

Их брат, веселый мальчуган,
Меня с товарищем пороли.
Держали двое. Как чурбан,
Лежал я и орал от боли.

Когда секут, сгорает стыд.
Хоть все в окрестности сбегитесь,
Но об одном лишь боль вопит:
— Простите! Сжальтесь! Заступитесь! —

Нет не заступятся: «Секут,
Ну, значит, так ему и надо!»
И даже розги принесут,
Взамен истрепанных, из сада.

27 июля 1887

346

— Ты и молод и здоров,
Так не слушай дураков,

— Не жалей, голубчик, ног
И ходи-ка без сапог.

— Будет больше денег в дом,
Как походишь босиком,

— И болезнь того неймет,
Кто босой везде идет.

— Что тут, впрочем, говорить,
Что язык-то теребить!

— Коротка для сына речь:
За ослушку буду сечь.

28 июля 1887

347

Твои дары, о, Царь Всесильный,
Хотел я ныне перечесть,
Но были так они обильны,
Что их и оком не обвесть.

Но клеветник, Твой враг, приставил
Ко мне приспешников своих,
И с ними предо мной лукавил.
Я поздно злобу их постиг.

Я обозрел свои стяжанья:
Увы! Я только расточал
Твои благие дарованья!
Внезапный стыд меня объял.

Я был Тебе рабом лукавым!
И вот я ныне слезы лью
Перед Тобой, благим и правым,
И дара одного молю:

К дарам духовным дар телесный
Даруй такой мне жизни строй,
Чтоб человек иль дух небесный
Меня наказывал лозой.

30 августа 1887

348

Если верит произвол,
Что приказ исполнят скоро,
Грубо крикнет он: — Пошел! —
И пойдешь себе без спора.

Что там будет впереди,
В размышленья не вступая,
Строго скажет он: — Иди! —
И пойдешь, не рассуждая.

Иногда и ласков он,
Скажет вежливо: — Идите! —
Что ж! исполнить принужден,
Ведь не скажешь: — Погодите! —

4 сентября 1887

349

Сосулька злился, морщил лоб;
Сжимая в пальцах табакерку,
Понюшку маленькую сгреб;
Взысканьям делал он примерку,

И злобно верещал: — Хрю-хрю!
Давно уж мною ты замечен!
Должно быть, мало был ты сечен,
Так уж сегодня отпорю! —

Впивались глазки, точно пульки,
В босого мальчика: нахал!
Наверх забравшись, у Сосульки
Он пару яблоков украл!

Корзина яблок, это — взятка.
Вчера он сладко пел: — Хрю-хрю!
За яблоки благодарю!
Сегодня счел, уж нет десятка.

Один неловкий ученик,
Там зазевавшися, попался.
Хоть слышались мольбы и хнык,
Но он послушно раздевался.

Сосулька ныл: — Воришка, хрю! —
И пальцем в табакерку стукал.
А взятку-то кто брал? кто хрюкал:
— Благодарю! благодарю!?

21 сентября 1887

350

Я проснулся ночью. «Вспомни!» —
Словно кто-то прошептал.
Вот глядит луна в окно мне,
На пол свет ее упал.

Сердце бьется, — вспомнил сразу,
Что, стыдом меня казня,
По Сосулькину приказу
Завтра высекут меня.

Что сказал я, было ль дерзким,
Я не знаю. Был я прям,
Очень возмущаясь мерзким,
Плутовским его делам.

Слушать истину не лестно...
Вечером позвал он мать.
Решено меня телесно
Завтра в школе наказать.

Что, луна, в окно ты светишь?
На меня зачем глядишь?
Что мне скажешь? чем приветишь?
Чем забавить поспешишь?

Не томи ты желтым светом,
Издеваясь и дразня!
Сам ведь помню я об этом:
Завтра высекут меня.

26 сентября 1887

351

Запросили в гости,
Да не скрыли злости,
Начали шпынять:

Очень уж я скромен,
Обиход мой темен,
И строптива мать.

Чем же недовольна?
Часто ли и больно,
И за что сечет?
Иль мне так и надо?
Розги где: из сада
Иль в лесу берет?

Правда ль: бережлива
Так, что всем на диво.
И велит ходить
Мне босым? Жалею
Денег иль не смею
Обуви носить?

Мне б сказать им смело:
— Вам-то что за дело?
Что за разговор? —
Но совсем смущаюсь,
Мямлю, запинаюсь,
Потупляю взор,

И язык, что пробка,
И сижу я робко,
Красен, словно рак.
И язвят нещадно,
Думая злорадно:
«Этакий дурак!»

4 октября 1887

352

Как походишь по беседам
К этим глупым дуракам,
Так и станешь домоседом.
Ведь в гостях-то, — стыд и срам! —

Злые сплетни, карты, водка,
Иль ничтожный разговор,
Да и люди — не находка:
Или взяточник, иль вор,

Иль тупица бестолковый,
Иль заносчивый болван,
Иль придирчиво-суровый
Вздорный, пьяный грубиян,

Иль в речах весьма затейный
Еле грамотный педант,
Иль весьма галантерейный,
Весь в помаде липкой, франт.

Жены, тетки глупы, злобны,
Дочки, сестры — рой кривляк,
В обращеньи неудобны,
Их полюбит лишь дурак.

4 октября 1887

353

Осенью скучной
Дождь однозвучный
В окна стучит,
Думы мрачит.

Там на поляне
В белом тумане
Никнет трава,
Еле жива.

Лист увядает,
С веток спадает.
Голых ветвей
Ропот слышней.

Грустные взгляды,
Нет вам отрады.
Близь или даль,
Всюду печаль.

Все же не стану
Злому туману
Плачущий раб.
Так ли я слаб?

В трудной работе,
В скучной заботе
Я с золотой
Дружен мечтой.

15 октября 1887

354

Душа и тело нам даны,
А третье — Дух; его не знаем.
К нему стремленья направляем
Из нашей темной глубины.

Признали два лица за нами, —
То скажут: «Вы», то скажут: «ты».
Разъединенные черты
Не слиты этими словами.

Когда мне мать или сестра
«Ты» говорят, слышна здесь ласка;
Но «ты» Сосулькино — указка
Для тыканья; она остра.

Все имена для нас игрушка,
И как меня ты ни покличь,
Иль уважительно на «ич»,
Или презрительно на «юшка»,

Ведь все не то! Я — Божий Дар,
Но это имя слишком ярко,
Я звался б Дашка или Дарка,
А то так с «ичем» Божидар.

О, если бы мы в Духе жили!
Какой бы славой заалел
Наш удивительный удел,
И как друг друга мы б любили!

Но Дух от нас еще далек.
Не душу даже, видим тело.
Любовь нам сердца не согрела,
И каждый каждому жесток.

Стремлюся к Духу я всечасно.
Живу ли в Духе, как мне знать!
Ужели буду возжигать
Я светочи мои напрасно?

Враг Духу — тело. Я смирял
Его жестокостью страданий,
И от телесных наказаний
Его ни разу не спасал.

И говорит мне мой Хранитель,
Что верен мой суровый путь.
О, если бы хоть раз взглянуть
На лучезарную Обитель!

28 октября 1887

355

Носит пышные наряды,
Блеском дни ее полны,
И завистливые взгляды
На нее устремлены.
Красоте ее чудесной

Удивляется весь свет,
И прелестной, и небесной
Объявил ее поэт.
Но она вздыхает тайно,
Мужа старого клянет
И клянет судьбы случайной
Золотой, но тяжкий гнет.
Что ей свет? Нужна ей воля,
Свет небес, лугов цветы,
Ширина родного поля,
Радость свежей красоты.

Детство скромное вспомянет
Дама знатная подчас,
И слеза украдкой канет
Из ее широких глаз.
Дом в деревне, сад фруктовый,
Папа — старый генерал,
Снисходительно суровый,
Вместе нянька и капрал.
Весела ей жизнь степная:
И резвится, и поет,
Дома бегает босая,
Босиком и в лес пойдет.
Улыбаются ей воля
Свет небес, лугов цветы,
Ширина родного поля,
Радость свежей красоты.

Не без туч на небе ясном,
Жарким летом не без гроз,
И на девичьем прекрасном
Светлом лике не без слез.
Напроказничает Лиза, —
А старик, любя, был строг,
Лжи, упрямства и каприза
Ни за что стерпеть не мог.
Гнева отчего боялась
Наша Лиза, как грозы:
В те минуты доставалось

Ей отведать и лозы.
После лозы Лиза в поле
Убежит срывать цветы,
Утешается на воле
Блеском вешней красоты.

28 октября 1887

356

Исправник старый мирно жил
И зубы мужикам лощил.
Его жена была портниха,
И учениц лупила лихо.

Два сына были озорные
Мальчишки. Не умела мать
Унять их, и городовые
На двор вели их часто — драть.

Порой заказчица-купчиха,
С улыбкой слушая их вой,
Промолвит: — Сын-то мой — блажной! —
— Пришлите! — скажет ей портниха.

И смотришь: точно, вечерком,
Послушав розочного свиста,
Мамаша в полицейский дом
Тащила сына-гимназиста.

Городовым дает на чай,
А те: — Барчонок, получай! —
Они, подачке щедрой рады,
Секут мальчишку без пощады.

Иной мальчишка сам придет,
Неся суровое посланье,
А после порки сам дает
На чай за это наказанье.

Я одного спросил: — Пришел
Зачем ты сам? — Сказал: — Послали!
Когда б отец меня привел,
Ударов вдвое больше б дали. —

Увы! Я скоро поспешил
И сам туда ж дорогой близкой.
Пришел я с маминой запиской,
И все, что надо, получил.

5 ноября 1887

357

— Все повторять одно и то же
Тебе не стану по сто раз,
И накажу тебя построже.
Неси, дежурный, розги в класс.

— Да накажу тебя иначе,
Чтоб побольней да постыдней,
И положенье не лежаче
Сейчас займешь ты, дуралей, —

— Разденься, да живей ложися,
Живот на стол, а ноги — вниз. —
Смеяться дети принялися
На тот инспекторский каприз.

А мне и стыдно и неловко.
И руки, ноги мне тотчас
Связала крепкая веревка,
И злая кара началась.

Со стороны смешно движенья
Ног оголенных наблюдать,
Но в этом странном положеньи,
Ах, мне-то каково лежать!

20 ноября 1887

358

Утро. В классах шум. Тоскливо
Жду я. В карцер входит врач.
С ним Сосулька; крикнул: — Живо
Раздевайся, да не плачь! —

Я снимаю, холодея,
Все надетое на мне,
И мурашки, страхом вея,
Побежали по спине.

Врач мне грудь послушал, кожу
Щупал, мял со всех сторон,
Буркнул: — Жалостную рожу
Корчить нечего, — силен.

— Сердце, легкие в порядке.
Двести розог можно дать.
Розгачи хоть и несладки,
Да придется пострадать. —

28 ноября 1887

359

Длинным школьным коридором,
Мимо классов, где шумят,
Провожаем злобным взором,
Прохожу тоской объят.

Вся одежда там осталась,
В этом карцере глухом,
Где мечта моя металась
Двое суток под замком.

И теперь иду я голый,
Весь румянцем залитой.
Предстоит мне час тяжелый
На полу там в мастерской.

29 ноября 1887

360

Иногда мне станет тошно,
Если долго не секут.
Нагрешу тогда нарочно,
Стану дерзок, зол и крут.

Разобью иль поломаю
Хоть линейку, хоть стекло.
Сам себя не понимаю,
Так на сердце тяжело.

Покоряясь грозной воле,
На пол я потом ложусь,
И когда от резкой боли
Наорусь и наревусь,

Вдруг в душе спокойно станет,
Жизнь покажется легка,
И уж сердце не тиранит
Посрамленная тоска.

Но такие промежутки
Мать не часто мне дает.
С нею очень плохи шутки,
За пустяк порой сечет.

Пусть из прутьев от березы
Солона была лапша,
Но едва обсохнут слезы, —
Успокоится душа.

30 ноября 1887

361

Сам себя не понимаю,
Только верю я себе,
Потому что твердо знаю:
Верить надо нам судьбе.

Я бываю зол порою,
Раздражителен, угрюм,
И, отравленный тоскою,
Полон горьких мыслей ум.

Становлюсь я мрачно-дерзок,
Все б ломать да отрицать,
И себе тогда я мерзок,
Но с грозой приходит мать.

Розги гибкие взовьются
Беспощадно надо мной,
В тело голое вопьются,
Вызывая крик и вой.

И душа моя смирится,
Муками утомлена,
И на сердце водворится
Благодатно тишина,

Точно это мне и надо,
Точно иначе б не мог
Сердце вырвать я из ада
Необузданных тревог.

Так, умом не понимаю,
Но смиренною душой
Все покорно принимаю,
Что мне послано судьбой.

4 декабря 1887

362

В душевной глубине бушует
Звериная, нагая страсть.
Она порою торжествует,
Над телом проявляя власть.

Вот дама рощицей проходит,
Легки одежды у нее,
А за кустами уже бродит
Вблизи двуногое зверье.

Вот повстречались. Даме жутко,
Но уже похоть в ней горит,
А парень к ней. — Ай, баба! Ну-тка!
Ложись на травку! — он кричит.

Она бежит, он догоняет,
В его руках дрожит она.
Хватает, на землю бросает, —
И вмиг она оголена.

Из-под разорванной рубашки
Прерывистый чуть слышен стон.
На голые он давит ляжки, —
И труд веселый совершен.

— Пошла! — И дама убегает,
Закрыв лицо. В глазах туман.
Смеясь и плача, повторяет:
— Вот негодяй! Какой мужлан! —

Но в сердце нарастает радость,
Идет все медленней она,
Звериную изведав сладость,
Как от шампанского пьяна.

Порою все же недовольно
Объятий грубых и простых,
И тело жаждет своевольно
Метаний и безумств иных.

Тоска томит, и нетерпенье,
И все досадует и злит,
И кто же это все волненье
Поймет и быстро исцелит?

Целители не понимают,
Целимые же не хотят,
Но все же то они свершают,
Что силы тайные велят.

Настала грозная минута,
И розги в воздухе взвились,
И раздражение и смута
В душе внезапно улеглись.

В тройном союзе все сплелося:
Ликуют боль, и стыд, и страх,
И все томление сожглося
В мольбе, и в криках, и в слезах.

Пусть после этих наказаний
Мне стыдно, а другим смешно,
Но стихло пламя беснований,
В крови погашено оно.

12 декабря 1887

363

Морозным вечером по снегу
Бегу я в баню нагишом,
И кажется тогда с разбегу,
Что и мороз мне нипочем.

Нигде не встретится прохожий,
Никто не глянет из окна,
И только лупоглазой рожей
Мне ухмыляется луна.

А если кто мне попадется, —
Бабенка, пьяненький купец, —
Посторонившись, засмеется,
И крикнет вслед мне: — Молодец! —

Мостки, заборы, перекресток,
Другая улица, и вот
Калитка, двор, и лунных блесток
Пред баней кружит хоровод,

И, весь багровый от мороза,
Вбегаю в банное тепло.
Захлопнул дверь. Какая проза
Заглянет в мерзлое окно?

Мальчишки мокрые смеются.
Помылися, и ждут меня.
Из шаек их на тело льются
Потоки жидкого огня.

Хлопочут вкруг веселым роем,
Проворны эти восемь рук,
И милый пар объемлет зноем,
Вплетаяся в журчащий звук.

Омытый с головы до пяток,
Я весь горяч, как дикий зверь.
Срок обтиранья очень краток.
Бегу в распахнутую дверь.

Мороз нагое тело лепко
Теснит и давит, — но броня,
Жарою скованная крепко,
До дому не спадет с меня.

16 декабря 1887

364

Крутой мороз и хрупкий снег.
По улицам бегу я голый
Из бани; все проворней бег,
Немножко жуткий, но веселый.

Все спят, в домах везде темно,
Никто на улицу не выйдет,
Никто не поглядит в окно,
Никто не встретит, не увидит.

Сменив морозом банный жар,
Я с головы до пяток красен.
Мне весело, но самовар
Горячий будет не напрасен.

Вбежал в домашнее тепло,
Облекся простыней суровой.
Как здесь уютно и светло!
И самовар шумит в столовой.

Торопит мать: — Чай налит, пей! —
Босыми шлепая ногами,
Бегу в столовую — скорей
Пить чай горячий с сухарями.

22 декабря 1887

365 А

Я слушаю детское пенье
В торжественный праздничный день,
И в душу сошло умиленье, —
Утраченной юности тень.

Исчезли мирские печали,
Рой мелких желаний исчез.
Под сводами храма звенели
Их песни, как звуки небес, —

Те звуки ловил я так жадно
Усталой душою моей,
И было смотреть мне отрадно
На милые лица детей.

27 декабря 1887

365 Б

Звенящее детское пенье
Я слушал в торжественный день,
И в душу сошло умиленье,
Утраченной юности тень.

Под сводами храма звучали
Как будто бы гимны небес.
Забылись мирские печали,
Рой мелких желаний исчез,

И звуки встречал я так жадно
Раскрытой душою моей,
И было смотреть мне отрадно
На глупые лица детей.

27 декабря 1887

1888

366

Избродил я все окрестности
Летом, осенью, весной,
Исходил все эти местности
Вдоль и поперек босой.

Я парнями-забияками
Был издразнен в деревнях,
И облаян был собаками,
Но не знал, что значит страх.

Раз под вечер, темной рощею
Проходя неспешно, я
Повстречался с бабой тощею.
Смелость сникнула моя.

Мне в лицо старуха глянула.
— Где корона, царь босой? —
Прошептала мне, и канула
В сумрак осени сырой.

20 января 1888

367 А

Гляжу на грустный листопад,
Томим его нагою далью;
Листы поблекшие летят, —
И веют на душу печалью.

Напоминают мне они
Своею пестрой вереницей,
Что неудержно мчатся дни,
Как в небе птица вслед за птицей.

28 февраля 1888

367 Б

О, листопад, твой грустный вид
Томит меня нагою далью;
Листва поблеклая летит
И веет на душу печалью.
Как быстро сыплются они!
Как злобно ветер торопливый
Их мчит над опустелой нивой!
Так мчатся быстро дни мои
Навстречу осени дождливой.

28 февраля 1888

368

Правда! где же твоя сила?
Над землей царит обман,
Доблесть мирно опочила,
На умах — густой туман.
Юность — жертвой заблуждений
И погибельных страстей,
Ложных, мелких наслаждений
Погибает в цвете дней.
Возраст мужа — холод тайный,
Легкомысленный расчет
На какой-нибудь случайный
И нежданный поворот.
Старость — мелкие заботы,
Недовольство, воркотня, —
Но и тут свои расчеты
Убегающего дня.
Детство — и подумать жалко,
Для чего оно растет —
Палка
Ждет.

12 марта 1888

369

Наш неудавшийся философ,
Недоразвившийся мудрец,
Ты в море жизненных вопросов
Пустился смело, наконец.

Но и сюда — знать, покарала
Судьба за некие грехи, —
Как в отвлеченные начала,
Ты внес немало чепухи.

8 апреля 1888

370

Денег нету ни гроша,
Зато слава хороша.

Зададут порой вопрос:
— Отчего ты ходишь бос? —

Но на это прост ответ:
— Оттого, что денег нет. —

А на нет ведь нет суда,
Значит, нету и стыда.

Тот осудит, кто глупей,
Тот похвалит, кто умней.

Глупый скажет: — Босиком
Не пойдешь в богатый дом. —

Умный скажет: — Примечай,
Как босые входят в рай. —

Глупый скажет: — Скуп иль нищ.
Для сапог не нужно тыщ. —

Умный скажет: — Знать, не мот,
И копейки бережет. —

Глупый скажет: — Холодно,
Босиком ходить смешно. —

Умный скажет: — Закален,
Бережет здоровье он. —

И такой вопрос дадут:
— Отчего тебя секут? —

Так же можно отвечать:
— Ведь родная учит мать. —

Глупый скажет: — Стыд какой!
Все смеются над тобой! —

Умный скажет: — В пол лицом,
Мать проучит прутовьем.

— Ей покорен, — молодец!
Тут греху всему конец.

— Прут с березы не убьет,
А на добрый путь взведет. —

Умных меньше, чем глупцов,
Да боятся мудрецов.

То, что умный говорит,
После глупый повторит.

И со мной сбылося то ж:
Скажет умный, так поймешь.

Посмеялись надо мной,
Покачали головой,

Но меня они ж потом
Называли молодцом.

Значит: денег ни гроша,
Зато слава хороша.

18 апреля 1888

371

Бесцельные и поздние проклятья
Я вам не раз во мраке посылал:
Зачем во мне разбили вы, о, братья,
Сладчайшей веры блещущий фиал!

Погасла вера. Радостной надежде
Я сам давно сказал: прости! Любовь

Одна во мне еще горит, как прежде,
Волнуя холодеющую кровь.

Храню ревниво светоч мой последний.
Так, возвращаясь по домам в ночи,
Хранят огонь, зажженный за обедней,
И ветром задуваемой свечи,

И старец, и задумчивая дева...
Но весело ночная их семья
Встречает без печали и без гнева
День Воскресенья Светлого... А я!

Темна моя дорога! Безотрадно
Идти невесть куда, в немую даль.
Ищу я света трепетно и жадно,
И нет его, и детской веры жаль.

Надежды нет! Не верю я ни в Бога,
Ни в самого себя, ни в лживый свет,
И как душа ни жаждет веры, строго
Ей разум говорит, что веры нет.

Бессильные и поздние проклятья
Я вам не раз во мраке посылал:
Зачем во мне разбили вы, о братья,
Святым нектаром налитый фиал!

22 апреля 1888

372 А

Доля — злодейка моя!
Тяжкое сердцу мучение —
Темная злоба твоя,
Жизни постылой течение.

Бурная, пылкая кровь,
Сила, когда-то богатая,

Вера, надежда, любовь, —
Все ты сгубила, проклятая.

Из упоительных чар
Ты у меня взяла каждую,
Худший оставив мне дар:
Сердце, томимое жаждою.

23 апреля 1888
Великие Луки.
Великая Суббота

372 Б

Злая недоля моя!
Ты мне твердишь: — Не помилую! —
Темная злоба твоя
Жизнь отравила постылую.

Вера, надежда, любовь
Смяты недолей проклятою.
Что ни взгляну в себя, вновь
Встречусь с душевной утратою.

Из упоительных чар
Лишь обольстив меня каждою,
Горький дала ты мне дар, —
Сердце, томимое жаждою.

23 апреля 1888
Великие Луки.
Великая Суббота

373

Во цвете лет в обитель удалилась
Княжна Елена. Стали звать ее
Монахиней Ириною. Молилась
Усердно. Свято было житие.

Архиепископ, посетив обитель,
Прозорливо ей посмотрел в лицо,
И молвил, улыбаясь: — Не хотите ль
Сапфирное опять надеть кольцо? —

И, покраснев, она ему сказала,
Дрожа всем телом: — Нет, владыко, нет! —
И строго ей сказал владыко: — Мало,
Ирина, поняла ты свой обет.

Всегда, везде пути Господни правы.
Повиновение — долг первый твой.
Одним — блюсти церковные уставы,
Другим — идти дорогою иной.

Ирина здесь, Елена там: двойная
Тебе повинность чрез меня дана;
Домой отсюда ты пойдешь босая,
Как по обету нищая жена.

И сбудется с тобой по воле Бога,
Что им начертано в твоей судьбе.
В широкий мир указана дорога
Через меня, мятежная, тебе.

Не возражай! Иди! — Склонилась низко,
Его благословенье приняла,
И в тот же день (село родное близко)
Босая в отчий дом она пошла.

Непозабытое, вставало горе
Сквозь шелесты ветвей и ласку трав.
В коляске вдруг проехал князь Григорий.
— Стой! — крикнул кучеру, ее узнав. —

Елена, ты! Прости мою ошибку!
Всегда тебя любил, и ты — моя! —
О, как же скрыть внезапную улыбку
На этот сладкий призыв бытия!

И все родные в радости великой.
Обет велит Ирине быть босой,
Но разрешил охотно ей владыко
Обутою Еленой быть порой.

24 апреля 1888

374 А

В палящий полдень в темный лес
Унес я к светлому ручью
От ярко-блещущих небес
Тяжелый стыд и боль мою.

Деревья, ветви наклоня,
С участьем внятным, хоть немым,
Отвеивали от меня
Недавней кары едкий дым.

Когда под голою ногой
Раздастся ветки слабый треск,
Я вспомню, — розги надо мной
Перемежали свист и плеск,

И голос матери моей
Мне ласково твердил упрек,
И длился гибкий свист ветвей,
И лился слез моих поток.

И чем больнее розга жгла,
Тем я все больше сознавал,
Что велика вина была,
И что за дело я страдал,

И усмирившейся душой
С признаньем слив мольбу мою,
Вопил я: — Ой! прости! ой! ой!
Ой! Заслужил! ой! сознаю! —

27 апреля 1888

374 Б

В палящий полдень в темный лес
Унес я к светлому ручью
От ярко блещущих небес
Заботу скудную мою.

Деревья, ветви наклоня,
С участьем внятным, хоть немым,
Отвеивали от меня
Воспоминаний едкий дым.

Все тихо, только под ногой
Порой раздастся слабый треск.
Вдруг слышу я в тиши лесной
И шум ручья, и смех, и плеск,

И на поляне, где поток,
Задержан грудою камней,
Разлился, светел и широк,
Я вижу в нем из-за ветвей

Нагую деву. Вся бела,
Гибка, как рыбка, и стройна,
Резва, беспечно весела,
Она купалася одна.

Невольный зритель наготы
В ее невинности простой,
Ловил я милые черты
Порабощенною душой.

И стало ясно мне тогда,
Какою тягостью оков
Обременили нас года
Людских усилий и трудов.

27 апреля 1888

375

Можно быть скотиной,
Подлым наглецом,
Можно, как картиной,
Торговать лицом.

Можно грабить ловко,
Не боясь суда,
Если есть сноровка,
Если нет стыда.

Можно втайне взятку
Получить и дать;
Можно волчью хватку
В нужде показать.

Беззаботно птичка
Вьется ль на пути, —
Можно, как лисичка,
К глупой подползти,

Выпить без остатка
Молодую кровь,
Облизнуться сладко,
И таиться вновь.

Всякую затею,
Всякий подлый грех
Мы простим злодею
За его успех.

В нашем поколеньи
Встретит дружный смех,
Злобу и презренье
Только неуспех.

29 апреля 1888

376 А

Ребенком был я слаб и хил:
К тому свои причины были;
Они родник могучих сил
Камнями смерти задавили.

Меня порою посещал
Сон страшный и необъяснимый;
И чуткий разум ужасал
Загадкою неразрешимой

И в тишине моих ночей
Ко мне иной слетать стал гений
С коварной лаской очей,
С толпою знойных наслаждений.

И поцелуй его и взгляд
Я привыкал ловить украдкой,
И пил беспечно жгучий яд
В них разлитой и чудно сладкий.

10 мая 1888

376 Б

...Ребенка часто посещал
Тяжелый сон, необъяснимый;
Он детский разум ужасал
Загадкою неразрешимой.

И в тишине его ночей
К нему являлся некий гений
С коварной прелестью речей,
С утехой знойных наслаждений.

Ребенку мил был чудный взгляд,
И поцелуи вражьи милы, —
Он пил беспечно сладкий яд,
Играя с вестником могилы.

10 мая 1888

377

Как весел сад, душист и зелен!
Как птицы радостно поют!
А мне невесело, — мне велен
Здесь очень невеселый труд.

Сказала мать: — Иди, проказник,
Покрепче розог там нарви.
Ужо задам тебе я праздник,
Знай, будет задница в крови! —

И в этом птичьем щебетаньи,
В пленительном земном раю
Себе готовлю наказанье
И муку стыдную мою.

С березы ласковой и нежной
Я ветки подлиннее рву,
Чтоб с них потом рукой прилежной
Оброснуть листья на траву.

25 мая 1888

378

Я люблю весной фиалки
Под смеющейся росой,
В глубине зеленой балки
Я люблю идти босой,

Забывая пыль дороги
И лукавые слова,
Высоко открывши ноги,
Чтоб ласкала их трава,

Опустившись по ложбинкам,
Через речку вброд брести,
Выбираться по тропинкам
На далекие пути,

Где негаданны и новы,
Как заветная земля,
И безмолвные дубровы,
И дремотные поля.

26 мая 1888

379

Где ты, радость! Хоть каплями брызни
На печальные лица порой!
Замутились источники жизни,
Она льется угрюмой рекой.

Не дождешься на призыв ответа!
Даль туманная всюду видна,
В темных тучах не видно просвета,
А в реке — неизвестного дна!

6 июня 1888

380

Слова весьма разнообразны,
Окраска разная у них.
Воспоминанья с ними связны
Побыток тех или иных.

И есть два облика у слова:
Один к тому, кто говорит,
И очень часто для другого
Совсем не так оно звучит.

Жестокие слова угрозы
Сказавшему, как ал венец,
Другому ж — черные обозы
Речей тяжелых, как свинец.

11 июня 1888

381

Из-под летней светлой блузы
С полотняным пояском
До колен штаны кургузы,
Да фуражка с козырьком,

Вот и весь наряд мой скромный
И в дороге, и в лесу.
Что найду в тени укромной,
Все в корзинке унесу.

17 июня 1888

382

Переплетчик, милый малый,
Хоть порой немножко шалый,
К речке с удочкой идет.
Нет работы, он гуляет,
Босиком он щеголяет,
А с лица струится пот.

17 июня 1888

383

Мелка широкая река.
Вода мои колени лижет,
И на крючок моя рука
Приманку лакомую нижет.

Недолго дремлет поплавок.
Тяну, — все мелкую плотицу.
В ней небольшой, конечно, прок,
А все ж годится на ушицу.

30 июня 1888

384

ПОЛУДЕТСКИЕ ГРЕЗЫ

Не понимаешь ты, что стало вдруг со мной,
И смотришь на меня, качая головой.
Ты прав, — уж я не та, совсем не та, что прежде.
Мой звонкий смех теперь, как прежде, не звучит,
И равнодушна я к прическе и к одежде.
Как мне веселой быть! Тоска меня томит.
Так мысли спутаны, и так мечты неясны!
Хочу их разобрать, — усилья все напрасны.
Мечты меня влекут в неведомую даль,
И трудно мне сказать, о чем моя печаль.
То — думы странные и чудные мечтанья.
Сопротивляться им нет воли и желанья.
В ком кружатся они, наверное, едва ль
Он хочет убежать от их очарованья!

Я думаю о том, что правды в мире нет,
А правда для людей нужна, как нужен свет.
Я думаю о том, что без нее нет счастья,
И мы несчастны все. Не знаем мы о том,
И счастья ищем ложным и кривым путем.
Безумцы жалкие, достойные участья,
Встречаются меж нами. Мало нужно им,
Чтобы они довольны были и собою,
И светом, и людьми, и жалкою судьбою.
Им, бессердечным, свет не кажется дурным.
Их души так черствы! На братние страданья
Они глядят, холодные, без содроганья;
В пустые груди их не льются ядом злым
Ни слезы детские, ни старика стенанья.

Я знаю: прежде мир был хуже и глупей,
И люди были злы, жилося им трудней:
Разврат, коварство, месть, убийства, злоба, казни, —
Рассказы прежних дней и слушать тяжело.
Царило меж людьми бессмысленное зло,
Таилась правда, и порок не знал боязни.

Но эти дни прошли. Страдания отцов
Не вовсе без следа над миром пролетели.
Что день, то новый шаг! К заветной, тайной цели
Судьба нас двигает. Но этот путь суров,
И как еще велик безмерно он пред нами!
Как мало пройдено! И кровью, и слезами
Еще заплатим мы в течение веков
За счастье правнуков, манящее веками!

Я думаю опять: настанет светлый день;
Его не омрачит завистливая тень,
И солнца яркий луч рассеет все туманы,
На правде заблестит блистательный венец,
Свободен станет мир, и счастлив наконец!
И племена, забыв измены и обманы,
Взаимную любовь в сердцах своих зажгут.
Чистейшие мечты отживших поколений,
Услада их среди безвыходных мучений,
Как пышный летний цвет, роскошно оживут.
За этот жданный миг все муки жизни темной,
Все тягости борьбы и доли подъяремной
С тупым отчаяньем толпы людей снесут,
И лучшие из них — с покорностию скромной.

Вспомянут внуки нас в те радостные дни,
И тихою тоской проникнутся они.
Когда же развернет историк беспристрастный
В творениях своих картины наших зол,
Он будет сам не рад той правде, что нашел:
Насилия позор, и правды вопль напрасный,
И мрак невежества, и цепи, и бичи,
На совести людской бесчисленные раны,
Хищенья, клеветы, безбожные обманы,
Пророки распяты, и правят палачи.
Как юность пылкая, исполнена волнения,
Оплачет наши дни, дни скорби и томленья!
И старость скажет ей: — Утешься и молчи, —
Они покоятся блаженным сном забвенья.

4 июля 1888

385

Пускай толпа возносит над собою
Лик человека новых дней,
Но человек склоняться пред толпою
Не смей и не умей.

13 июля 1888

386

Каждый день люблю подняться
Я на вал и, стоя там,
Городским подивоваться
Улицам, церквам, садам.
Как за белою вуалью,
Очертанья смягчены,
И закутанные далью
Шум и крики не слышны.
Вольный ветер веет, реет,
Как внизу не веет он,
И, кусты качая, деет
Легкий, хрупкий перезвон.

15 июля 1888

387 А

Людей томит июльский зной,
На небе тают облака
И обнажила берег свой
Уж пересохшая река.
А где поглубже — слышны в ней
Плесканье, смех детей нагих.
Сложили платье на песок,
В воде им сладко и легко;
Удары их проворных ног
Взметают брызги высоко;
И раздаются, как звонки,

По всей реке их голоски.
Порой промчится ветерок
И, как ребенок, он шумлив;
Там приподымет он песок,
А там задвинет ветви ив,
Что наклонились над рекой...
И вновь томит июльский зной.

Вот начала жара спадать,
Склонилось солнце на закат,
На небе начал уж сиять
Жемчужных тучек светлый ряд,
И уж выходят рыбаки
Отвсюду на берег реки.
Вот мальчик по реке бродит,
И мимо голых, стройных ног
Добыча юркая скользит.
Вода шумливая бежит,
Колеблет легкий поплавок,
Колени лижет. И другой
Забрел в реку, и целый строй
То там, то здесь торчит в реке.
Иной ютится на плоту,
А тот под камнем на песке.
И в алый блеск картину ту
Уж стало солнце наряжать,
И начала жара спадать.

15 июля 1888

387 Б

ИЮЛЬ

Сгорает день, как фимиам,
Тихонько тают облака,
Блестит песок по берегам,
И, обмелев, журчит река.
А где поглубже, слышны в ней
И плеск, и смех, и крик детей.

Одежды сбросив на песок,
Плывут. Им дышится легко;
Удары их проворных ног
Взметают брызги высоко;
И раздаются, как звонки,
По всей реке их голоски.

Порой промчится ветерок,
И, как ребенок, он шумлив;
Там приподымет он песок,
Там закачает ветви ив,
Что наклонились над рекой...
А после снова тишь и зной.

Прохладой веет наконец,
Склонилось солнце на закат,
И, как сверкающий венец,
Над ним пурпурных тучек ряд.
И вот выходят рыбаки
Отвсюду на берег реки.

Вот мальчик на мели стоит,
И мимо обнаженных ног
Вода шумливая бежит,
Колышет легкий поплавок;
Вот в реку сходит и другой,
И скоро пестрою толпой

Ребят усеяна река,
И каждый чутко, чутко ждет,
И глаз не сводит с поплавка.
А солнце блещущее льет
На них лучей косых поток, —
И веет свежий ветерок.

15 июля 1888

Федя Тетерников.

Фотография В. Шейнфельда. Санкт-Петербург, 1870 г. Музей ИРЛИ.

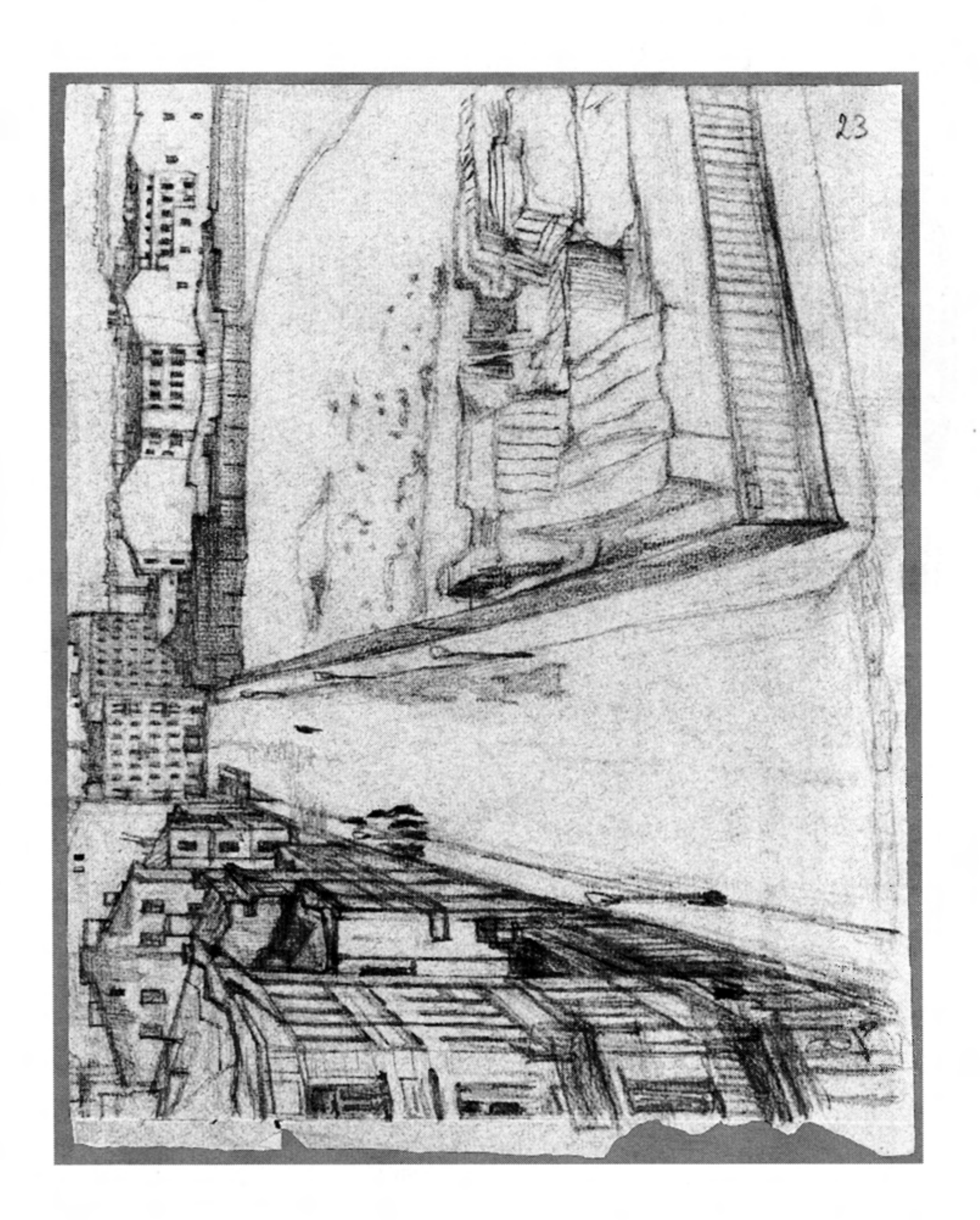

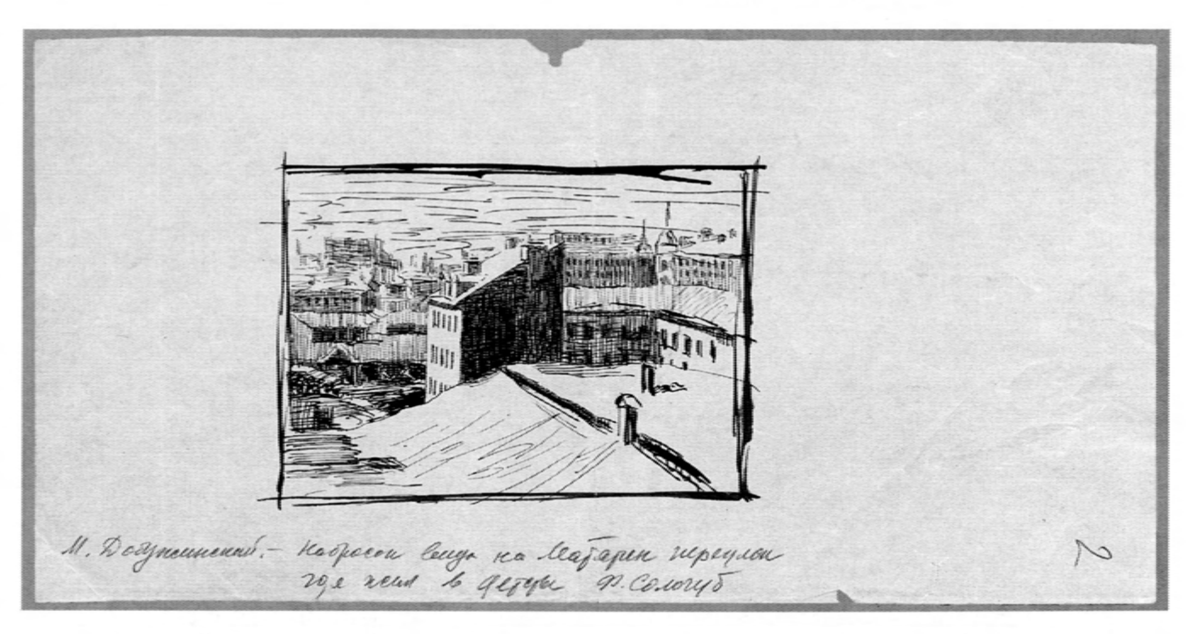
Ольга Тетерникова, сестра Федора Сологуба.
Фотография ⟨И. Е.⟩ Страхова. Санкт-Петербург, 1877 г. Музей ИРЛИ.

Татьяна Семеновна Тетерникова,
мать Федора Сологуба.
Фотография. 1890-е гг. Музей ИРЛИ.

О. К. Тетерникова.
Фотография. Начало 1880-х гг. Музей ИРЛИ.

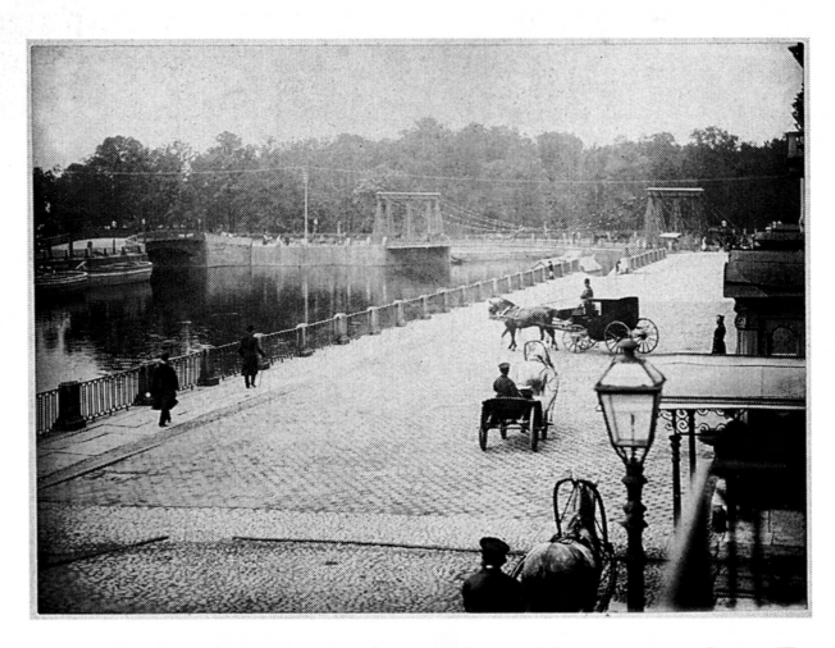

23

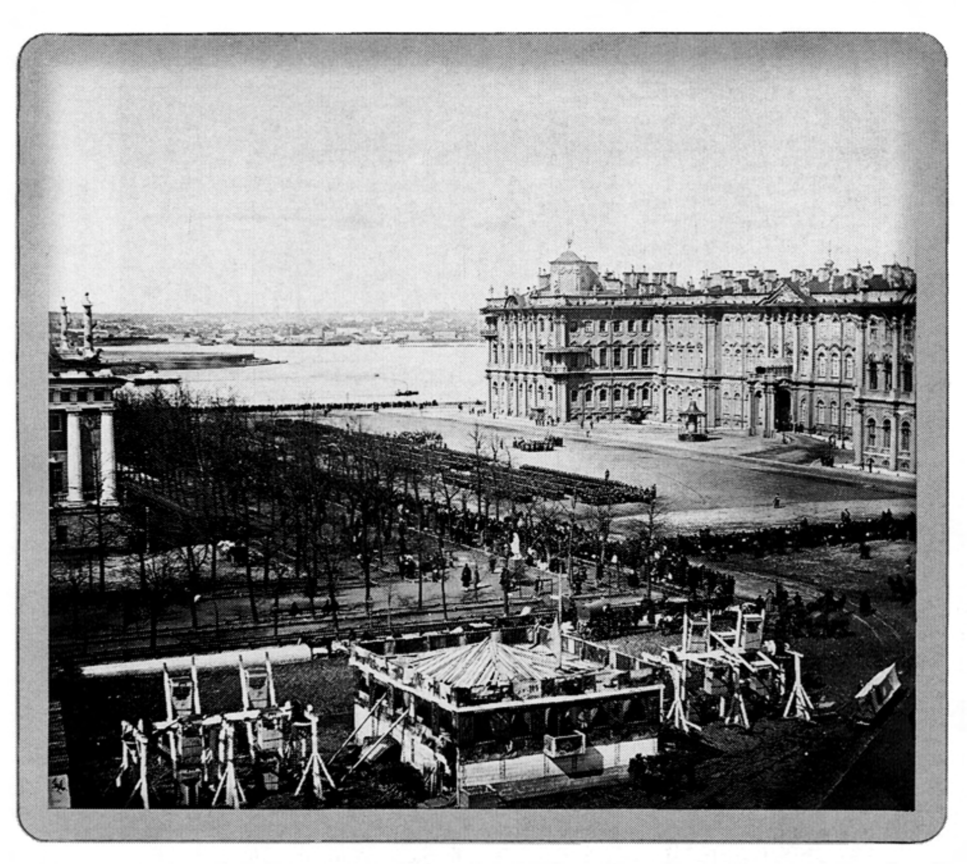
М. В. Добужинский. Вид на Матятин переулок, где в детстве жил Ф. Сологуб.
1900-е гг. ИРЛИ.

Летний Сад. Санкт-Петербург.
Фотография. 1870-е гг. РНБ.

Набережная реки Фонтанки. Вид на Летний Сад и Цепной мост. Санкт-Петербург.
Фотография Н. В. Левашова. 1885 г. РНБ.

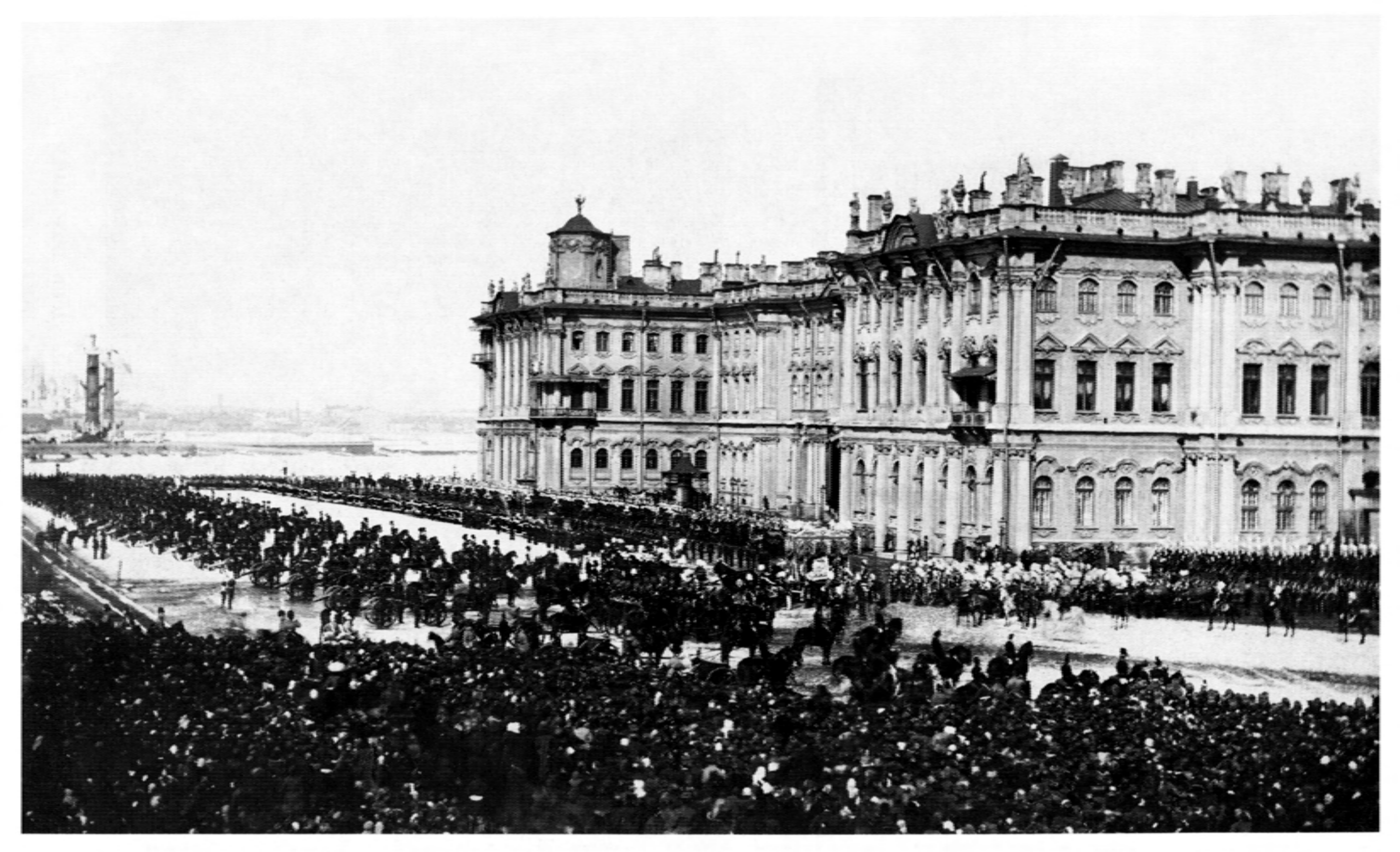
Вид на Зимний дворец. Качели и балаган на Адмиралтейском проспекте.
Санкт-Петербург.

Фотография. 1870-е гг. РНБ.

Арка в Большой Морской по проекту П. А. Григорьева при возвращении войск из Болгарского похода. Санкт-Петербург.

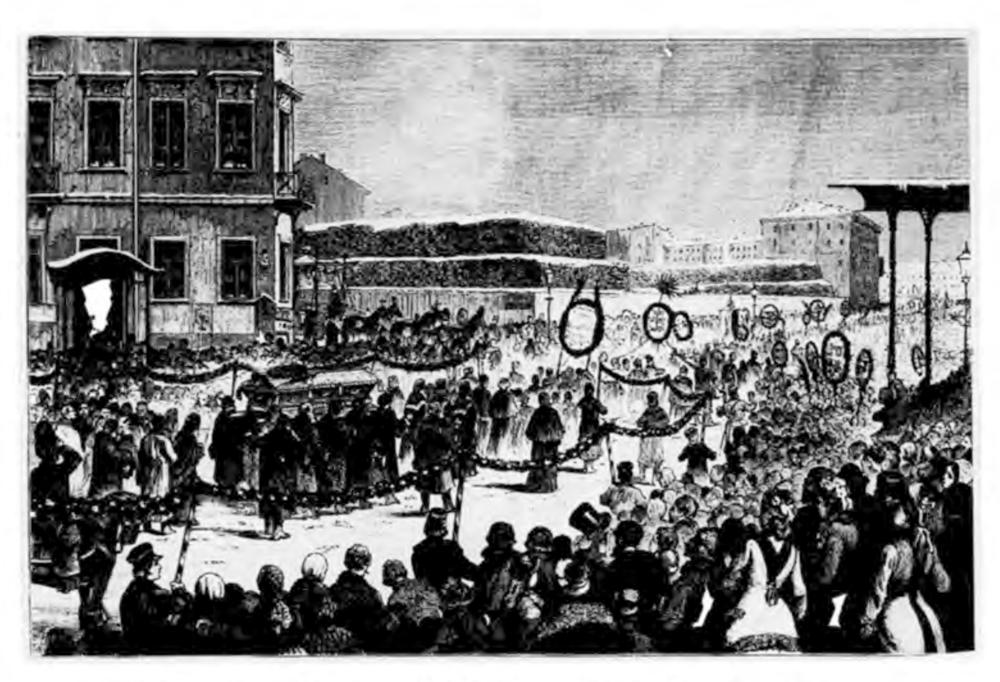
Фотография А. Э. Фелиш. 1878 г. РНБ.

Перенесение тела Александра II в царскую усыпальницу Петропавловского собора. Санкт-Петербург.
Фотография. 1881 г. РНБ.

Похороны Н. А. Некрасова.
Гравюра А. Крыжановского по рис. А. Балдингера. Литография. Начало 1878 г.

Дом, где скончался Ф. М. Достоевский. День похорон.
С рис. А. Балдингера. Литография. 1881 г.

27. Мудрецъ (басня)

~~Однажды такъ~~ Мудрецъ, сидя на чер[illegible]
Он самъ [illegible] такъ разсуждалъ
([illegible] всѣхъ себя считалъ):
«Какъ много есть на свѣтѣ богачей,
Людей
Которые лишь деньги тратятъ
За лошадей по многу платятъ,
~~[illegible]~~
А помогаютъ только злымъ
~~А только зло.~~
Нѣтъ, если бъ я богатымъ былъ,
Не такъ-бы жилъ,
И милостыню раздавалъ бы щедро[illegible] рукою
Теперь-же съ голода самъ чуть не вою»
Но вотъ мудрецъ наслѣдство получилъ.
(У мудреца богатый дядя былъ).
Свое [illegible]
~~[illegible]~~
Добро [illegible] за одною обновою.
~~[illegible]~~
Онъ накупилъ домовъ и дачъ
И одѣваться сталъ по модѣ,
И закутилъ нашъ богачъ.
Вотъ-ко богачей, лишь [illegible], вред[illegible]
Но только такъ не долго прожилъ онъ:
Богатство все прожилъ, какъ сонъ.
По прежнему онъ сталъ убогъ,
~~[illegible]~~
Все роптал на Бога. [illegible]
~~И снова на судьбу [illegible]~~

О.К. Мора[redacted] 6 января 1877.

28. Провинциальный Подьячий въ СПб.

Охъ, времячко! Скорехонько
Летишь ты, хоть безъ крыльевъ.
Ужъ двадцать летъ равнехонько
Какъ въ Питерѣ я былъ.

19

Въ Питейномъ Департаментѣ
Служебные мѣста,
На каменномъ фундаментѣ
Домишкомъ я владѣлъ.
Съ особами отличными
Въ знакомствѣ состоялъ,
Поклонами приличными
Начальству угождалъ.
Какъ все перемѣнилося!
Мой Питеръ сталъ чужой,
Все новое явилося,
Чуть помнитъ старину!
Секретъ мой обнародовать
Вновь прибылъ я въ него,
Хоть много израсходовать
Пришлось мнѣ для того.
Одно лишь удивительно,
Что вѣдать кой-кому
Секретъ такой [illegible]
Приступимъ-же къ нему:
Грамматику, эстетику
Изъ школы я прогналъ.
Люблю лишь ариѳметику,
Отъ ней богатъ я сталъ.
Сперва я отъ дѣления
Не мало получилъ:
Начальникъ отдѣления
Дѣлить меня училъ.
По мѣрѣ повышения,
Мой капиталъ толстѣлъ
И росъ — отъ умножения
Прошений и дѣлъ.
Давно же клалъ вычитание,
Какъ подчиненный я
Не брать далъ приказание
За вычетомъ себя.

Басня «Мудрец». 6 января 1877 г. Первая поэтическая тетрадь.
Автограф. ИРЛИ.

Стихотворение «Поэту». 11 августа 1878 г. Первая поэтическая тетрадь.
Автограф. ИРЛИ.

69

Уже не будет жизнь сиять,
И будет сломанная сила
Холодным, вечным сном могилы
Покоясь тихо, почивать.

Ноября 1880 г. А

Ариадна.

Где ты, моя Ариадна?
Ах, если б вновь клубок!
Тщетно, во тьме лабиринта
Я без тебя изнемог.

Слышу я рев Минотавра...
Грозен и темен мой путь;
Трепет усталости сердца,
Страх не дает отдохнуть.

Неумолимая совесть
Близкая вкруг со мной:
Но не советы — укоры
Шепчет мне голос глухой.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где эта чудная нить,
Чтобы к разумной и светлой
Жизни меня возвратить.

24 июля 81 г. А

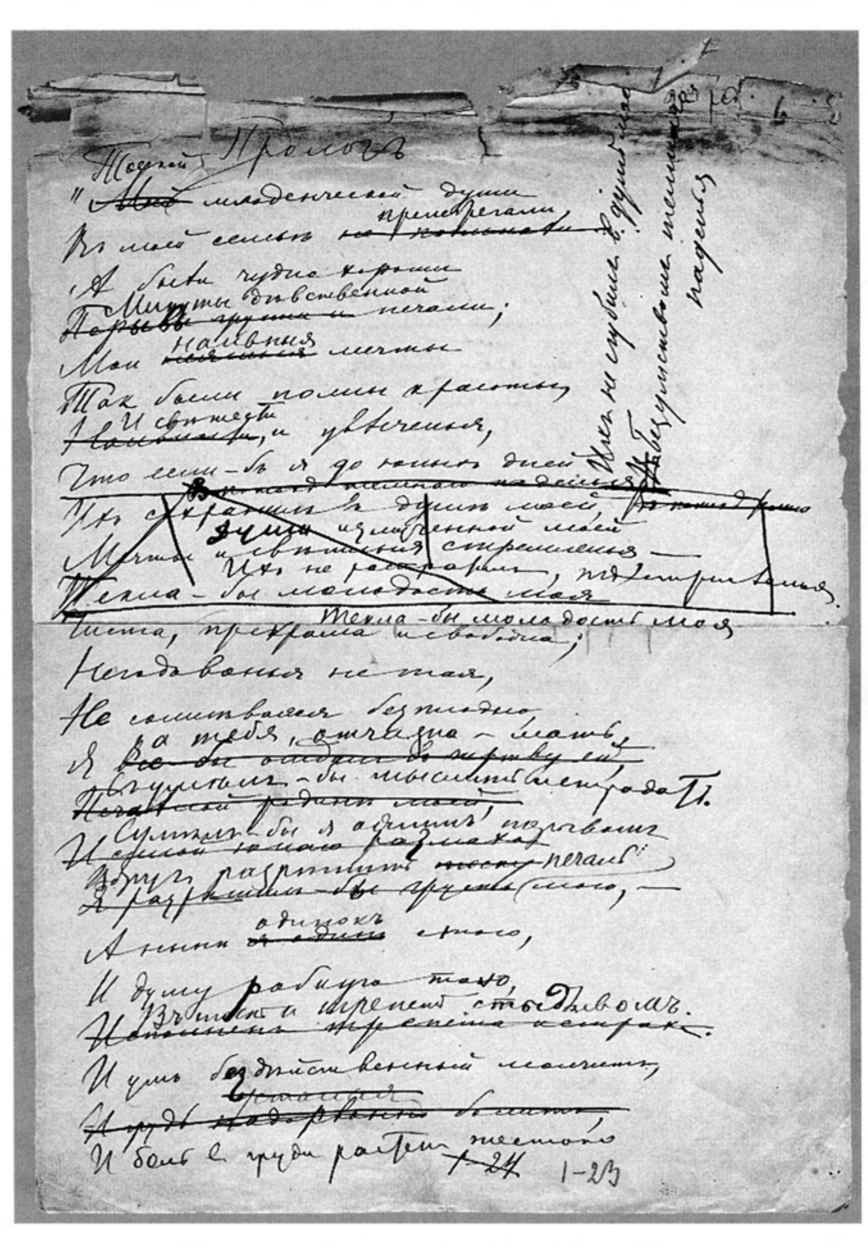
Стихотворение «Ариадна». 24 июля 1881 г.

Автограф. ИРЛИ.

Стихотворение «Злая недоля моя...». 23 апреля 1888 г.

Автограф. ИРЛИ.

Стихотворение «На бой я вышел одинокий...». 2 июля 1890 г.
Черновой автограф. ИРЛИ.

«Пролог» из поэмы «Одиночество». 1882 г.

Черновой автограф. ИРЛИ.

78

ПРОЛОГЪ.

"Тоской младенческой души
Въ моей семьѣ пренебрегали,
А были чудно хороши
Минуты дѣвственной печали;
Мои наивныя мечты
Такъ были полны красоты,
И свѣжести, и увлеченья,
Что если бъ я до юныхъ дней
Ихъ не сгубилъ въ душѣ моей
Безумствомъ темнаго паденья,
Текла бы молодость моя
Чиста, прекрасна и свободна;
Негодованья не тая,
Не сомнѣваяся безплодно, [redacted]
Я за тебя, отчизна-мать,
Умѣлъ бы мыслить и страдать,
Умѣлъ бы я однимъ порывомъ
Вдругъ разрѣшить печаль мою, – [redacted]
А нынѣ одинокъ стою,
И думу робкую таю
Въ тоскѣ и въ трепетѣ стыдливомъ.
И умъ бездѣйственный молчитъ,
И боль въ груди растетъ жестоко,
И на душѣ моей лежитъ
Проклятье жаднаго порока.

"Зимой /тогда была зима/
Дышалъ я легче и вольнѣе;
Работа алчнаго ума
Свершалась ярче и свѣжѣе.
Но лѣтній зной опять насталъ.
Ударъ судьбы моей ревнивой
Мои надежды разогналъ.
Въ столицѣ душно. Я усталъ,
Поникъ подъ скукой молчаливой,
И свѣтлый день, какъ день дождливый,
Все съ той же злобою встрѣчалъ.
На стражѣ смерть передо мною,
И совѣсть жесткою рукою

«Пролог» поэмы «Одиночество». 1882 г.
Авторизованная машинопись. ИРЛИ.

Начало главы I из поэмы «Одиночество». 1882 г.

Черновой автограф. ИРЛИ.

86 2

Посвященіе Некрасову.

Печальникъ общаго страданья,
Апостолъ правды и любви,
Мои блѣдныя начинанья
Мой первый трудъ благослови!

Тебѣ, учитель, я подражанье
Въ безсонницѣ моихъ ночей
Я началъ пѣснью увяданья
Надеждъ строптивыхъ и страстей.

Странна и необычна повѣсть,
Не строго нравственна она,
Но мнѣ ее внушила совѣсть,
Хорошихъ [illegible] полна.

Быть можетъ музы своенравной
Въ трудѣ рожденное дитя
Исчезнетъ съ [illegible] безславно,
Мои надежды погубя

На думу творческой [illegible]
Ее люблю, какъ отецъ,
Какъ ты, [illegible],
Но много думавшій пѣвецъ.

8 27/VII 2

«Посвящение Некрасову», фрагмент поэмы «Одиночество». 1882 г.
Беловой автограф. ИРЛИ.

77

Услышишь ты ~~ползучее~~ вокругъ себя шипѣнье
~~Ничтожнаго и мелочнаго~~ Коварнаго, язвящаго зла, —
Но обходи съ улыбкою презрѣнья
Безстыдныя, ~~коварныя~~ и злобныя дѣла:

Есть ~~худшія~~ горшія на свѣтѣ преступленья,
Ихъ скрывшая, губительнѣе мгла.
Смотри, чтобъ жажда грознаго отмщенья
Предъ ними въ ужасѣ не замерла.

Могучихъ силъ не трать въ борьбѣ безплодной, —
Иди впередъ, безстрастный и свободный,
Вперяя взоръ во тьму, не вѣдай сна:

Опасенъ путь, таится тамъ химера.
На битву грозную тебѣ нужна
Вся мощь, любовь, надежда вся и вѣра.

~~Иванъ Шумаевъ~~

Стихотворение «Услышишь ты вокруг себя шипенье...».
4 августа 1891 г. Подпись: Иван Шумаев.
Автограф. ИРЛИ.

388

НЕЛЮБИМАЯ

Отчий дом, как тюрьма,
А уйти не велят.
Я робка, я нема,
А меня все бранят.

Вечерком, у окна,
Про свободу и труд
Замечтаюсь одна, —
Забранят, засмеют!

О прекрасном моем,
Но гонимом судьбой
Женихе молодом
Я заплачу ль порой, —
Забранят, засмеют!
А подчас и прибьют.

Отчий дом, что тюрьма,
Я здесь юность гублю,
И не знаю сама,
Что же здесь я люблю!

Сладко ль мне вспоминать
Про покойницу-мать?
Иль я дружбу свела
С этим темным углом,
Где я слезы лила
О бездольи моем?

Уж я в сад проберусь,
Я к березке прижмусь,
Уж я плачу тогда:
— Горемычная я!
Ой, беда! Ой, беда!
Злая доля моя!

27 июля 1888

389

На широком и бойком пути,
Из-за моря варяжского в греки,
Где лишь волок один перейти,
А то всё многоводные реки, —
Наша бойкая Русь начала
Сознавать себя сильным народом;
Встрепенувшись, она поплыла
В Цареград, по бунтующим водам.
И дрожал перепуганный грек
Пред дружиной Аскольда и Дира,
Но смерила их буйный набег
Пресвятая владычица мира.
Осенила сердца дикарей
Умиленья святой благодатью,
И князья, побежденные ей,
Возвратились с крещеною ратью.

То был первый Христов огонек,
Он таился чуть видимым тленьем,
Но уж скоро весь русский Восток
Озарился Христовым явленьем.
Для могучей России ты был,
Юный Киев, в те дни колыбелью.
Через век твой ручей послужил
Для крещенья народа купелью.
Как красавец ты рос на холмах,
Ты днепровской волной умывался,
Ты был силен и славен в боях,
И заморской парчой одевался.
И с тобой не по дням, по часам
Вырастала славянская слава,
Раздвигалась, на горе врагам, —
Широко молодая держава.
Стал Владимир княжить молодой:
Он в бессильных богах усомнился,
К вере новой, чудесной, святой
Он всей пылкой душой устремился.

21, 29 июля 1888

390

Смуглый мальчик, стоя перед мамой,
Шепчет: «Сознаю, что виноват».
Мама улыбается: «Упрямый
Гриша! мальчики всегда шалят.

Милый, я тебя бранить не стану.
Что за вздор! Какие пустяки!»
«Не брани, а позови Татьяну, —
У нее ведь руки-то крепки!»

«Лучше спать бы, Гриша, собирался.
Ну, какая же вина твоя!»
«При гостях я дерзко разболтался,
Покраснеть тебя заставил я».

«Гриша, ну так что ж, что покраснела!
Ты и сам, мой ангел, покраснел.
На тебя я только поглядела,
Ты сейчас же, милый, присмирел».

Гриша хмурится, твердит упрямо:
«Ну, а все-таки я грубиян.
Очень ты меня балуешь, мама,
Мне от розог невелик изъян.

Ну, конечно, зареву от боли,
И в руках Татьяны замечусь.
Только потакать мне хорошо ли?
Ведь от порки я не растреплюсь.

Ведь сама меня ты закаляешь,
И сечешь меня ты иногда,
Босиком ходить ты заставляешь,
Право, мама, розги — не беда».

Мать смеется: «Гришка босоногий!
Милый мой спартанец! Ангел мой!»
А потом, вдруг сделавшися строгой,
Оттолкнула мальчика рукой.

«Обойдемся, Гриша, без Татьяны.
Если хочешь, надо наказать».
И бежит в вечерние туманы
Гриша в сад, чтоб розог наломать.

Мать стоит босая у ступенек,
Слышит шум срываемых ветвей,
Видит, — Гриша тащит целый веник.
Неизвестно кто из двух красней.

Мама Гришу в спальню проводила.
Взмахи рук, и по щекам хлоп! хлоп!
Догола раздела, положила
На колени. «Вот тебе!» Чжик! шлеп!

«Вот тебе!» Чик! «Два!» Чик! «Три! Четыре!
Будешь мне дерзить?» Чик! «Пять!» Чик! «Шесть!»
«Ой! не буду!» — «Ну, дыши пошире!
Отстегаю, — больно будет сесть!

Не дерзи!» Чик! «Семь!» — «Прости!» — Чик! — «Восемь!»
«Ой!» Чик! «Девять!» «Ой!» Чик! «Десять!» «Ай!»
Чик! «Одиннадцать!» «Ай!» «Что, голосим?»
Чик! «Двенадцать! Пяток не кидай!»

Чик! «Тринадцать!» «Миленькая, больно!»
Чик! «Четырнадцать! Что, озорной?»
Чик! «Пятнадцать! Милый, не довольно?»
Чик! «Шестнадцать!» Чик! «Семнадцать!» «Ой!»

«Восемнадцать!» Чик! «Ай, ай! Не буду!»
«Девятнадцать!» Чик! «Ай, ой! Прости!»
«Двадцать!» Чик! «Ну, будет. Эту груду
Прутьев, Гриша, надо в сад снести».

Живо снес. «Целуй мне ноги, милый!»
«Мамочка, спасибо за урок!»
«Больно?» «Да!» «Господь тебя помилуй!
Спи себе спокойно, мой сынок!»

8 августа 1888

391

У матери отняли сына,
У сына — любимую мать.
Тоскует и плачет ребенок,
И некому слезы унять.

15 августа 1888

392

КСЕНИЯ

Наивная повесть в стихах

1

В покое век свой доживал
С прелестной дочкой генерал
В одном из городов
У черноморских берегов.
Как роза, Ксения цвела, —
Его прелестное дитя, —
Как утро ясное, мила,
Путь старой жизни осветя
Едва раскрытой красотой,
Улыбкою живой,
И ясным взором милых глаз,
И нежной лаской в тихий час.

2

Пленяли милые черты
Слияньем детской чистоты
Со страстью дремлющей, но жаркой,
И на щеках ее румянец яркий
Сменялся бледностью такой,
И так глаза прекрасные темнели,
Как будто пред встревоженной душой
Виденья мрачные летели.

3

Сияла тихая весна, —
Цветами сеял май;
Тоскою вещею полна,
Призыв услышала она:
«Пришел твой ясный май.
Люби иль умирай».

Шумит ли море под скалой, —
И в ропоте валов
Она встревоженной душой
Все тот же чует зов.

Горит ли тихая заря,
Румяня небосвод,
Она стоит и, вся горя,
Чего-то чутко ждет.

Блестят ли звезды, и луна
Их жнет своим серпом,
Бродит в саду своем она
С задумчивым лицом.

Пестреют ли, чаруя взгляд,
Весенние цветы,
С их ароматом к ней летят
Тревожные мечты.

4

Нетерпеливая, ждала
Она с ним даже краткой встречи.
Он страстно говорил ей речи
Об идеалах, силе зла,
О правде вечной, о прогрессе,
Свободе, дружестве племен,
И даже о родимой прессе
Порой говаривал ей он.
Она ему внимала жадно,
В груди дыханье затая.

Так по весне, в тени прохладной
Ты слушал рокот соловья,
И под нависнувшей ракитой,
Где варят ужин рыбари,
Ветвями сонными укрытый
Стоять готов был до зари.

5

Могучею волною
Лилась его пылкая речь, —
И падали кудри до плеч,
И очи горели грозою.
«Ольхин — удивительно мил», —
Решили все здешние дамы.
Он ревность в мужьях возбудил
И две-три семейные драмы:
Не то чтоб желал покорять
Сердца он скучающим дамам
И важных мужей покрывать
Легко разглашаемым срамом, —
Нет, был он и дерзок и зол,
Заботился мало о дамах,
Злословил их суетный пол
В насмешливо-злых эпиграммах.
А нравился блеском очей,
Речей вдохновенным задором,
Красой молодою своей,
Глубоким да пламенным взором, —
Так, внешностью их он пленял,
Да был он при том и не глуп же.
Но в Ксении он возбуждал
Любовь посильней и поглубже.

6

Любил ли он ее, играл ли, равнодушный,
Доверчивой душой, как жертвою послушной,
Дразня наивный ум несбыточной мечтой, —
Но поздно вечером, под ясною луной,

Они сходили в сад, прохладный и тенистый,
Где веял аромат волнующий и чистый,
И время их текло свободно и легко,
Был долог разговор, и было глубоко
Значенье тех речей, пленительно-прекрасных,
Живых, как жизнь сама, как страсть живая, — страстных.

7

В городе новость промчалась:
Женится он, —
Прелесть невеста досталась
И капитал в миллион.

Все жениха поздравляют.
Радостен он:
Прелести ль девы пленяют
Или ее миллион?

Свежую новость узнала
Скоро она,
И ничего не сказала,
Только вдруг стала бледна.

Ночью в саду все блуждает.
Плачет она?
Нет, только тяжко вздыхает,
Только грустна и бледна.

8

Дитя наивное! Зачем тоскуешь ты?
Не стоит он ревнивого страданья:
Он погубил в себе для пышной суеты
Твоей любви живое обаянье.

Сокровищам души, пленительно-живой,
Тобой пред ним доверчиво раскрытой,
Он предпочел кумир, прославленный толпой,
Из золота блистающего слитый.

Так некогда дикарь, когда к нему примчал
Пустынный вал испанский смелый парус,
Лукавым морякам охотно отдавал
Горсть золота за бедный их стеклярус.

О, если бы узнать он мог когда-нибудь
Твоих даров чарующую цену,
Упал бы он к ногам твоим, моля: «Забудь,
Забудь мою безумную измену!»

Но нет. В таких людях царит над духом плоть,
Любовь для них — одно страстей кипенье.
Бредут они во тьме, и не дал им Господь
Для красоты духовного прозренья.

Всегда бы ты была ему душой чужда,
Как вазе пышной розы цвет пурпурный.
Увянет он, и не сдружит его вода
С раззолоченной, но холодной урной.

9

У калитки, где бывало
Ты глядела часто вдаль,
Ты стоишь, и сердце сжала
Неотвязная печаль.

Здесь, бледна и молчалива,
С замирающей душой,
Ты ждала его ревниво
Под вечернею зарей.

Увидала, услыхала,
Рдела вся, как маков цвет,
Улыбалась, и роняла
Недосказанный привет.

И свершились чары ночи:
Вот он здесь с тобой сидел
И в мерцающие очи
С упоением глядел.

Здесь он маленькие руки
Тихо брал и тихо жал,
И к губам их в миг разлуки
Потихоньку прижимал.

Грудью лежа на заборе,
Вслед за ним глядела ты;
Сколько нежности во взоре,
Чистом, как твои мечты!

А потом вздохнешь легонько,
Склонишь голову свою,
И воротишься тихонько
На любимую скамью.

Мысль взволнованная бродит:
Вся желанием полна,
Смотришь ты, как в небе ходит
Серебристая луна,

Дышишь нежною прохладой.
Реют ясные мечты, —
И с тревожною отрадой
Поздно в дом вернешься ты.

А теперь — луна стремится,
Чист и ясен небосвод, —
А в тебе душа томится,
А тебя тоска гнетет.

10

Увы! пожар ее души
Огнем разросся роковым,
Тем ненасытней, что в тиши
От глаз людских он был храним.
Померкли зори смуглых щек,
И яркий смех ее погас,
И был страдальчески глубок
Тоскливый взор прекрасных глаз.

11

«Оксана милая моя!
Скажи мне, дочка, что с тобой?
О чем страдаешь ты душой,
Тоску глубоко затая?
Давно толпою женихов
Ты, ангел мой, окружена.
Сулит им счастье и любовь
Твоя цветущая весна».

— «Отец, отец! Любила я, —
Он не любил... он разлюбил.
Ах, как болит душа моя!
Ах, как мне белый свет постыл!»

12

И дни бегут, она грустна,
Отец печалью поражен;
Ее ласкает нежно он,
И говорит ему она:

«Не тоскуй, мой дорогой.
Трудно горе перенесть.
Погоди: ужо весной,
Как природа будет цвесть,

Снова буду весела,
Снова песни буду петь, —
Время дай мне, чтоб смогла
Я тоску преодолеть».

13

Но не сбылись его надежды:
Своей чредой пришла весна, —
И Ксения сомкнула вежды
Для разрушительного сна.

«Прости, отец, прости: я знаю,
Что смертью раннею моей

Тебе я сердце разрываю, —
Но обо мне ты не жалей.

Не зеленеет лист засохший,
Цветам измятым не цвести,
И кипарис, от бури легший,
Не встанет, чтоб опять расти.

Милее, чем зари сиянье,
Мне непробудной смерти сон,
И сладок сердцу будет он,
Как час желанного свиданья».

14

Как луна пред зарею, бледна,
В блеске новой своей красоты,
Под фатою лежала она.
Благовонною вязью цветы

Всю ее обежали вокруг
И, ласкаясь, как дети, легли
На груди, на плечах, возле рук, —
Но ее разбудить не могли.

Не схватилась малютка-рука
За цветочную нежную вязь,
Чтоб лицо ароматом цветка
Освежить, оживясь.

Август 1888. ⟨1909⟩

393

Сладок, точно карамель,
Кисел, точно барбарис,
Голосенок, что свирель,
Да и тот насквозь прокис,
И Сосулькой оттого
Называют здесь его.

3 сентября 1888

394

СЕРБСКОЙ ЧЕТЕ

Как вы в ссоре яры!
Вам бы не до спора:
Ведь плетут мадьяры
Сети очень скоро.

На границе сербской
Корпусы австрийца
Уж стоят, как дерзкий
За углом убийца.

Поздно или рано,
Время не за далью,
А турнут Милана,
Как и он — Наталью.

26 сентября 1888

395

ЗАРУБЕЖНОМУ КЛЕВЕТНИКУ

Редко встретишь сына,
Чтобы он на мать
Стал пред чужими
Дерзко клеветать.

Глупо и бесчестно
В стороне чужой
Издеваться злобно
Над землей родной.

Если не имеешь
В почве ты корней,
Не она виновна
В чахлости твоей.

С духом воробьиным
Из душевной мглы
Не взлетал бы в сферы,
Где парят орлы.

Знал бы: не удержат
Крылья, — упадешь,
Грудь свою пустую
Даром разобьешь.

8 апреля,
26 сентября 1888

396

Он был всегда немножко странен:
Порою резов и шумлив,
Порою робко молчалив,
И бледен, словно тайно ранен.
Но бледный цвет его лица
К нему пристал необычайно.
И от упавшего случайно
На лоб упрямого кольца
Его волос смолисто-черных,
Лицо казалося бледней,
А блеск очей его упорных
Неотразимей и мрачней.

5 октября 1888

397

Друг и товарищ юных дней,
Он после многих лет разлуки
Опять со мной, в глуши моей;
Мы жмем опять друг другу руки.
Его мечтательный рассказ
Напомнил многое мне в прошлом,
Порой пленительном для нас,

Порой безрадостном и пошлом.
Он с детства был мне брат и друг,
Хоть не одной мы шли дорогой;
Он был изнеженный барчук,
А я — питомец доли строгой.
Он, избалованный, не знал
Ни принужденья, ни угрозы.
Меня никто не баловал,
И я ребенком привыкал
Глотать непрошенные слезы.

5, 8 октября 1888

398

Гражданин никогда
Не уйдет без суда
Из своей угнетенной отчизны.
Но не верь, что я слаб:
Я не больше, как раб,
И не стою я слов укоризны.

Верь, мой друг, я бы мог
Свой лавровый венок
Променять на позор эшафота, —
Если грянет гроза,
Не закрою глаза,
В битву брошуся я без расчета.

Но ведь чист небосвод,
И спокойно плывет
Лучезарное, жгучее солнце;
И нарядно блестят
Окна пыльных палат
И убогое в хате оконце.

10 октября 1888

399

Много сказок мы в детстве слыхали.
Всех лукавее сказка одна,
И тому, кто ей верит, едва ли
Смерть страшнее глубокого сна.

Верит он, что душа его с телом,
Этой бренной тюрьмой, не умрет,
Но в прекрасном Едином и Целом
Благодатно вовек оживет.

Верит он, что во всем мирозданьи
Невидимо присутствует Тот,
Кто все создал, Кто это созданье
Охраняет и к благу ведет.

Верит он, что неправда и злоба
Перед образом Божьим дрожат,
А за гранью сурового гроба
Божья Правда с Любовью царят.

23 октября 1888

400

Не боюся я старости, нет!
И теперь уж я сердцем старик,
Юной страстью давно не согрет,
Мой лукавый, мой лживый язык.

Что ты, старость, возьмешь у меня?
Этот гнев, что вскипает порой,
Когда подлость людскую кляня,
Я страдаю усталой душой?

Эти вспышки меня тяготят,
А на битву не бросят они...
Бесполезные чувства кипят,
Безотрадные тянутся дни.

Что с тобою мне, старость, грозит?
О загубленной жизни печаль?
Раскаяния жгучего стыд?
Или будет кого-нибудь жаль?

Этих мук пожирающий ад
Мое сердце тиранит давно.
Бури жизни его не щадят,
И навеки разбито оно.

Приходи же, седая, скорей,
Беспощадную смерть приводи.
С леденящей улыбкой своей
Приходи поскорей, приходи.

6 ноября 1888

401

Что напишу? что изреку
Стихом лилейным, томно-алым?
Какую правду облеку
Его звенящим покрывалом?

Писать о том, как серый день
Томительно и скучно длился,
Как наконец в ночную тень
Он незаметно погрузился?

Писать о том, что у меня
В душе нет прежнего огня,
И что мечта уже устала
Пить сны из легкого фиала?

О том, что мой мундирный фрак
Я наконец возненавидел,
Или о том, что злой дурак
Меня сегодня вновь обидел?

— Ну нет, мой друг, не городи
О пустяках таких ни строчки:
Ведь это только все цветочки,
Дождешься ягод впереди. —

Так говорит мне знанье света.
Увы! его я приобрел
Еще в младые очень лета.
Вот оттого-то я и зол.

8 ноября 1888

402

Ох ты, русский сон, уж и долог ты,
Уж и лют же ты, старый наш злодей.
Стали жители старой Вологды
Из Москвы к себе поджидать гостей...
Грозный царь Иван собирается
Царство русское обозреть кругом,
И на Вологду подвигается
Ходом медленным он большим путем.

27 ноября 1888

403

Переложил он сласти много,
Назвал: «Федорушка Кузьмич».
Охотно б обошелся строго,
Да и над ним начальство — бич.

А впрочем, угодить он может
Тому, кто в мире посильней,
И знаю, скоро переложит
Он мне того, что погорчей.

6 декабря 1888

404

В прекрасный храм моих надежд,
Влекомый юными мечтами,
Я мнил не в красоте одежд
Войти, но голыми ногами,

Чтобы дыханьем суеты
Не осквернить чертог прекрасный,
Обитель светлой красоты,
Богини чистой и всевластной,

Но ей себя поработить,
И на холодные ступени
Пред алтарем ее склонить
Смиренно голые колени.

Когда ж, завидев дивный храм,
Я сел на придорожном камне,
И обувь, сняв, оставил там, —
Дорога стала вдруг трудна мне.

Друзья смеялись надо мной,
Враги мои жестоки стали, —
Они, связав меня, лозой
Меня безжалостно хлестали.

И каждый плеск ветвей нагих,
Терзая тело, словно эхом,
Сопровождался бранью злых
И общим ядовитым смехом.

И каждый шаг я покупал
Ценою крови и страданий,
И жгучий стыд меня терзал,
И страх грядущих истязаний.

Я малодушно отступил,
Мои обул, краснея, ноги,
И грезы пылкие смирил,
И стал искать иной дороги.

9 декабря 1888

405

Сердечный жар я охладил,
Смотрю на мир, как старец дряхлый,
И грезы прежние забыл,
Для бредов этой жизни чахлой,

И покорился я судьбе.
Лишь об одном гнетет кручина:
Увы! С мечтателем в себе
Похоронил я гражданина.

Я, пахарь, в поле кинув плуг,
Перековал лемех на свайку;
Я, нежной флейты верный друг,
Ее сменял на балалайку.

9 декабря 1888

406

Непритязательный и скромный,
Я все же чувствую в себе
Так часто недовольство к темной,
Печальной, злой моей судьбе.

Гляжу ль на счастие невежды,
Внимаю ли его речам,
Иль упоение надежды
Читаю по его глазам, —

Теснит мне душу зависть злая,
Тоска сжимает смутный ум,
И сам себя не понимая,
Я полон недостойных дум.

Мне самому немного надо:
Какой-нибудь простой приют
Для размышлений, — мне услада
От жизни отнятых минут.

Но ты, сопутница моя,
Тебе пустынный путь наш труден
Быть может оттого, что я
Был в жизни зол и безрассуден.

Оставя торные пути,
Я шел неведомой тропинкой.
Мечтал я лавром расцвести
И вял растоптанной былинкой.

И я мечтал: сохранена
Ты будешь под моею тенью,
Пока повеет к нам весна
Любви душистою цветенью.

Но солнца жгучие лучи
Тебя палят, и ты в них вянешь.
Печаль скрывать не хлопочи,
Мой друг, — меня ты не обманешь!

И вот, что дальше, то все злей
К чужому счастью я ревную,
И в тишине моих ночей
Бессильно плачу и тоскую.

28 декабря 1888
Среда

407 А

Когда остановился я
На перепутьи бытия,
Чтобы избрать себе дорогу,
Я страх и слабость ощутил,
И недостаток юных сил
В моей душе рождал тревогу.

Тогда явились предо мной,
На выбор данные судьбой,
Два духа: гений светлой грезы,

Нездешней полный красоты,
И враг пленительной мечты,
Суровый дух житейской прозы.

Надежды и мечты фиал
От первого я жадно взял,
И на фиале надпись: Слава!
Не отрываясь, грезы пью,
И в кровь горячую мою
Течет холодная отрава.

И понял я: судьбы обман,
В фиал блистающий влиян,
И выбор мой был злой ошибкой.
Фиал разбил я, рок кляня,
А гений жизни от меня
Летит с презрительной улыбкой.

29 декабря 1888
Четверг

407 Б

ВЫБОР

На перепутьи бытия,
Томясь таинственной тревогой,
Стоял, и долго думал я,
Какою мне идти дорогой.

И появились предо мной
Два духа: светлый дух мечтаний,
Сиявший горней белизной,
И строгий дух земных исканий.

Надежды радостный фиал
От духа нежного я взял,
И на фиале надпись: «Слава».
Не отрываясь, грезы пью, —
И вот, холодная отрава
Сгущает быстро кровь мою.

Я вижу, — выбор был ошибкой, —
И кубок падает, звеня,
А гений жизни от меня
Летит с презрительной улыбкой.

29 декабря 1888
Четверг

408 А

В разгаре сумрачной зимы,
Когда мороз крепчал и злился,
Сойдясь, беседовали мы,
И разговор за полночь длился.
И был хорош наш разговор,
Он так был чужд вседневных сплетен,
Он в нашей жизни был заметен,
Как ночью светлый метеор.

Мы были трезвы, не мечтали;
Но вознеслись на высоту,
И без смущенья созерцали
Свободной мысли красоту.
И с нетерпеньем будем ждать
Мы той же благодатной встречи,
Чтоб, не краснея, повторять
Свои кощунственные речи.

Расстались мы, — и ночь прошла,
Мы утром вышли на работу;
Чредой обычною пришла
К нам неотвязная забота.
И как смутила нас она!
И то, к чему приложена
Была в тот день вся наша сила,
Идеям нашим чуждо было!

Легко предались мы опять
Интригам, сплетням и злословью
И наложили мы печать

На мысли, полные любовью,
На мелочь низменных затей
И на практичные идеи,
И стали мы еще смирней,
И ниже гнулись наши шеи.
Довольны были мы собой,
Нам вовсе не казалось странно,
Что честны мы в словах порой,
А в жизни подлы постоянно.

Зима 1884, 1888

408 Б

СЛОВА

В средине сумрачной зимы,
Когда седая вьюга злилась,
Под вечерок собрались мы, —
И за полночь беседа длилась.
Про все, что в мире той порой
Свершалось доброго иль злого,
Была у нас в беседе той
Речь благородная готова.

Расстались мы, — и ночь прошла,
Нас утром встретила работа;
Неотразимая, ползла
К нам повседневная забота,
Но не смутила нас она, —
А то, чему посвящена
Была в тот день вся наша сила,
Словам ночным так чуждо было...

Довольны были мы собой, —
Нам вовсе не казалось странно,
Что честны мы в словах порой,
А в жизни — робки постоянно...
Мы с нетерпеньем будем ждать

Опять такой же мирной встречи,
Чтоб, не краснея, повторять
Свои кощунственные речи.

1888

409

Когда стоял Наполеон
У стен трепещущей Москвы,
Перед грозой его знамен
Не преклоняла ты главы.

1888

1889

410

Битвой со злом бесконечным
Я утомлен уж; едва ли
В шуме и в смехе беспечном
Сердце забудет печали.
Пусть на минуту обманет
Сердце веселая радость, —
Все ж из могилы не встанет
Горем убитая младость.

2 января 1889

411

И в тиши, незримой свету,
Нетревожимый толпой,
Я чеканю, как монету,
Стих мой звонко-золотой.
Разукрашены, согреты
Жаром мыслей, звоном слов,
Стройно нижутся куплеты
Вязью крупных жемчугов.

8 января 1889

412

Бесконечны преферансы.
Поиграем, встанем, выпьем водки.
На закуску — вкусные селедки.
Посравним с хитринкой шансы.

«Этакое невезенье!»
— «Полно, мы ведь вашу запись видим».
«Ох, хитрец!» И снова тихо внидем
В область карточного бденья.

15 января 1889

413

Жил бы я повеселей,
Побогаче, посчастливей,
Если б был я поскромней,
Посмирнее, терпеливей,
Если б гнулася спина
Перед силою и властью,
Но хоть горем жизнь полна,
Я горжусь своею частью.
Пусть ведет меня она
К темному несчастью,

Но не скажет злобный мир
Над моей могилою:
Чтил он наш кумир,
Гнулся перед силою.

И пускай клевещет мой
Неприятель и гонитель,
Пусть он горем и тоской
Омрачит мою обитель.
Не согнусь пред ним в дугу,
Не пойду на мировую
И не стану мстить врагу
За его обиду злую.
Поборюсь, пока смогу
Я за истину святую, —
И уж там пускай идет
Непогода мглистая,
Смелый все снесет,
Если совесть чистая.

15 января 1889

414

Свершались древле чудеса
Во тьме обители случайной,
И оглашались небеса
Глаголом безначальной Тайны.

Господь пророков посылал,
А после в мир послал Он Сына,
Но мир преступный не узнал
В Назарянине Властелина.

Не понят суетной толпой,
Терпел Он муки смерти крестной,
И предуставленной чредой
Восстал от мертвых в день воскресный.

Свершились снова чудеса
Во мгле обители случайной, —
Христос взошел на небеса,
Открыв Божественные Тайны.

Прошли века, — Христов закон
В мир разлился волной могучей,
Но все мрачится небосклон
Безверья тягостною тучей,

И, солнце правды заслоня,
Царят холодные туманы,
И не боятся блеска дня
Надменно-властные обманы,

И мнится, мертво все кругом, —
Но вдруг из мрачной тучи грянет
Никем нежданный грозный гром,
И молния на землю прянет.

Заговорит в громах Господь,
Над тьмою свет восторжествует,
И всякая живая плоть
Дыханье Божие почует,

И верный в веру оживет,
Безбожник хладным сердцем дрогнет,
И мир разбуженный поймет,
Что мимо Бога и дорог нет.

29 октября,
15 ноября 1888, 5 февраля 1889

415

Не гаси в своем сердце пожар,
И часы-мимолетки лови
Упоительно-сладостных чар
Восхитительно нежной любви.

Ненадолго нам юность дана.
Скоро стынет горячая кровь.
Знает молодость только одна
Молодую, живую любовь.

21 февраля 1889

416

Я песню пропою
Про Ксению мою.

По нежной красоте,
Знакомой лишь мечте,

Ей равных в мире нет.
Мила, как вешний цвет,

Как лилия, бела,
Как роза, расцвела,

Но раннею весной
Жестокою рукой

Погублена она,
И в жертву предана

Холодной, злой тоске.
Так роза на песке

Измятая лежит,
И грустен ее вид.

21 февраля 1889

417

Под солнцем весны благовонной,
Когда все так пышно цвело,
Я видел великое зло:

Работник стонал утомленный
Над нивой своей истощенной,
Богатство к богатым ушло.

Искал я по целому миру,
Где царствуют счастье и труд,
И где золотому кумиру
Бесценных даров не несут.

Повсюду я видел картины
Неправых стяжаний и зла.
Рука неизбежной судьбины
Путем нищеты и кручины
Рабов беззащитных вела.

Разбил я свои упованья,
Я проклял исканья свои.
И горькой отравой страданья
Исполнены песни мои.

26 февраля 1889

418

Болтун и враль, Корчаг-Гречина,
Пред новым годом ожидал,
Что будет он, прямой дубина,
Наверно штатский генерал.

Но эту чванную затею
Не удалось осуществить:
Пришлось Гречине получить
Увы! Владимира на шею.

Гречина лапки опустил,
Печально нос свой красный свесил,
И непомерно загрустил, —
А прежде был куда как весел.

Мой друг! доволен будь и тем:
Ведь это много лучше, чем
За беззаконные затеи
Быть протуренным вдруг в три шеи.

12 марта 1889

419

Я написал бы вам куплеты:
Мне не просиживать ночей,
Чтоб для насмешливой Анеты
Искать рифмованных речей.
Мечта растет в душе поэта,
Как тучка в небе голубом,
И разрешается потом,
Полдневным солнцем разогрета,
На солнце блещущим дождем.
Но над душой моей царила
Давно томительная тьма;
Моя душа была уныла,
И равнодушна, и нема.
Вы появились предо мною,
Приветами меня даря, —
И над душой моей немою
Горит прекрасная заря.
Перед явленьем благодатным
Вся встрепенулася душа,
И я, с волненьем непонятным,
Печаль былую заглуша,
Тревожно жду: на смену тучам
Ужели ясный день взойдет,
И милый взор ваш солнцем жгучим,
Но обольстительным, блеснет?

13 марта 1889

420

И так я долго сердце мучил
Тоской напрасной о себе;
Мне самому мой стон наскучил,
И покорился я судьбе.

Здесь ум и сердце праздно дремлет,
На труд не движется рука,
И утомленный дух объемлет
Невыносимая тоска.

16 марта 1889

421

Вокруг меня немая мгла,
Во мне несносное страданье,
И жизнь, как буря, унесла
Все молодые упованья,
И перед мрачной силой зла
Померкли светлые мечтанья,
И стала жизнь мне не мила.

А жизнь была мне так мила,
Пока ее не скрыла мгла
Невыносимого страданья, —
Сплетались светлые мечтанья,
И вызывал я силы зла
На грозный бой, — но унесла
Судьба святые упованья.

Где вы, былые упованья!
Беда при вас, и та мила,
И не страшит немая мгла.
Но если буря унесла
Надежды те, — победы зла
Рождают тяжкие страданья,
И гонят светлые мечтанья.

И думаешь: одни мечтанья —
Все те былые упованья,
И станет юность не мила!
О, это горшее страданье, —
В себе самом источник зла
Искать, как будто жизни мгла
И гордость даже унесла.

Да, жизнь у многих унесла
Надменной юности мечтанья
И золотые упованья.
Их всех объемлет злая мгла,
И все покорны силе зла,
И всем их участь не мила,
Горька, как тяжкое страданье.

Когда бы жгучие страданья,
О смерть, ты с нами унесла,
Воскресли б прежние мечтанья,
И ты бы стала нам мила.
Но долговечны силы зла, —
Живое семя упованья
Глушит полуночная мгла.

17 марта 1889

422

В те дни насмешливый мой гений
Подсказывал немало мне
Непоэтических сравнений.
Я в поле вышел при луне, —
На мякоть зрелого арбуза
Похожа красная луна,
А иногда и жабье пузо
Напоминала мне она.

26 марта 1889

423

Горька мне жизнь, как питие с отравой,
Но горечь бытия покорно пью;
Мольбой униженной или хулой лукавой
Не обнесу я жизнь мою.

Пустынными, тернистыми путями
Иду, и мгла окрест,
Но не омыть бессильными слезами
Мне плечи режущий, суровый крест.

Один бы шаг, надменный, своевольный,
Угасла б жизнь, — всему конец!
Так, бранными трудами недовольный,
Спешит к врагу трепещущий беглец.

Но я, как воин, преданный знаменам:
Он не покинет ратный стан,
И бьется до конца, и малодушным стоном
Не выдает мучения от ран.

31 марта 1889

424

КАННА

В грустном раздумьи стою перед канной,
Великолепной и благоуханной.
Узкий цветок заалел лепестками,
Словно кто сердце горячее вынул,
Сжал над цветком беспощадно руками,
И любовался потоком, что хлынул
Неудержимо и, венчик обнявши,
Узкую желтую чашечку минул,
В землю неслышно по капле сбежавши.
Новой красой лепестков обагренных
Узкие листики чашечки были

Так пленены, что на время забыли
Думать о братьях своих отдаленных.
Да, позабыли на время, что каннам
Цвесть бы на родине, в Индии жаркой,
Там, под лазурью пленительно-яркой,
В крае покинутом, в крае желанном.
Да не надолго. Богатая зала
Тесно смыкалась над бедною канной,
Света так мало, и воздуха мало,
День такой серый, холодный, туманный.
Листики поняли грустную долю,
Прокляли мрак наш и нашу неволю,
Тихо свернулись, уныло поблекли,
И, наклоняясь, медлительно сохли.

6 апреля 1889

425

Ковром зеленой ряски
Затянут, дремлет пруд.
И, мнится, оживут
Осмеянные сказки:
Зеленой головой
Всплывет из вод русалка,
Бела, стройна, нага,
И тонкая, как прялка,
Задвижется нога.
Но пруд спокоен; ряска
Едва-едва плывет,
И бабушкина сказка
Увы, не оживет.

6 апреля 1889

426

Под черемухой цветущей
Я лежал в июльский зной,
И вероники ползущей
Цвет увидел голубой.

Стало весело. На небе ль,
На земле ли, — я не знал.
Я сорвал ползучий стебель,
И листки поцеловал,

И, покрыты волосками,
Были нежны те листки,
Словно я прильнул губами
К локтю девичьей руки.

6 апреля 1889

427

Пришли мы от обедни ранней,
Спешим отведать кулича.
Пасхальный скромный стол желанней,
Чем пышный пир у богача.

Святая Пасха благодатна,
Когда пред нею сам ты прост,
И разговеться так приятно,
Когда был строг и долог пост.

Кулич и пасха — посредине,
Вкруг — яйца, окорок, вино.
Все темное забыто ныне,
Греховное все прощено.

В домашней праздничной одежде
Сажуся я босой за стол,
Как будто в радостной надежде
В обитель горнюю вошел,

Где все невинно, свято, бело,
Где под ногами облака,
И где к святейшим брашнам смело,
Легко касается рука.

Со мной сидят сестра и мама,
И свято наше торжество,
Как будто бы пришли мы прямо
К престолу Бога своего.

9 апреля 1889

428 А

СВИДАНИЕ

Долго играла заря, и смеялася,
Вся золотая, багровая, алая,
Долго пожаром в реке отражалася, —
И побледнела, и никнет усталая,
Тихо иду я тропинкой знакомою
Между кустами в долину глубокую,
И над рекою, с тоскливой истомою,
Жду я красавицу, ночь звездоокую.
Там, где целуясь с прибрежными лозами,
Речка журчала под утлою лодкою,
Там я сдружился с весенними грезами,
Там я слюбился с красавицей кроткою.
Тихо спускается ночка желанная.
Всех усыпила, ревниво-стыдливая,
Всю ее кроет одежда туманная,
Еле видна мне улыбка счастливая.
Тихо прильнула, осыпала ласками,
Вся под прозрачною ризой колышется,
В очи мерцает мне ясными глазками,
Шепот пленительно-ласковый слышится.
Что ж ты не молкнешь, тревога сердечная?
Нет да и нет для тебя утоления...
Горе житейское, грусть бесконечная,
Муки и слезы — все нет вам забвения.

С ночью поделимся, долюшка бедная,
Думами злыми да злыми вопросами —
И опечалится ноченька бледная,
И вся заплачет холодными росами...

11 апреля 1889

428 Б

НОЧНАЯ ЖАЛОБА

Долго играла заря, и смеялася,
Вся золотая, багровая, алая,
Ярым пожаром в реке отражалася, —
И побледнела, и никнет, усталая.

Чутко иду я тропинкой знакомою
Между кустами в долину глубокую,
И над рекою, с тоскливой истомою,
Жду я прекрасную, ночь звездоокую.

Там, где журчала под утлою лодкою
Речка, целуясь с прибрежными лозами,
Там я слюбился с красавицей кроткою,
Там я сдружился с весенними грезами.

С неба спускается ночка желанная.
Всех усыпила, ревниво-стыдливая.
Всю ее кроет одежда туманная.
Еле видна мне улыбка счастливая.

Тихо прильнула, осыпала ласками,
Круг очертила мечтами согласными,
Нежно играет прозрачными масками,
Кротко сверкает зарницами ясными.

Что же не молкнут тревоги сердечные?
Нет им забвения, нет утоления.
Жалобы вечные и бесконечные, —
Слушай же, ночь, заунывное пение.

Знаю, заплачешь полночными росами,
Знаю, уйду от тебя опечаленный,
Теми же злыми, больными вопросами
Весь отуманенный и опечаленный.

11 апреля 1889

429

— Не люблю чинуш я чинных:
Заработают гроши,
И топорщатся в гостиных,
Дома ж — щи не хороши.

— Дети ль, взрослые ль — спесивы,
Дома треплют сапоги.
Ты не бойся, сын, крапивы,
Сапоги побереги.

— Посмотри-ка на иконы,—
Что святых-то босиком!
А приходят без препоны,
Да не в барский, в Божий дом.

12 апреля 1889

430

Румяный, бойкий ученик,
Веселый, но благочестивый,
Любитель интересных книг,
Вошел с улыбкою стыдливой;

Страстной недели тихий звон
Тогда носился над землею.
Старательный земной поклон
Он положил передо мною,

И ноги целовал, к стопам
Моим нагим лицом склонившись.
— Иду я к исповеди в храм.
Нельзя идти не примирившись, —

Он мне смиренно говорил, —
Вы, ради Бога, мне простите
Все то, чем я вас огорчил,
И злом меня не помяните. —

— Господь простит, ты мной прощен,
Одним покорны мы законам. —
И на земной его поклон
Ответил я земным поклоном.

Он предо мной стоял босой,
Оставив обувь на пороге.
Пред ним склонившись головой,
Ему поцеловал я ноги.

15 апреля 1889

431

Кто любит мать?
Сирота.
Где пленил нас Христос?
У креста.
Где невеста прелестна?
В могиле.
Когда сын не испорчен?
Когда рано умрет.
Когда друг не клевещет?
Когда он далеко.
Когда жизнь не обманет?
Когда прервется.

17 апреля 1889

432 А

Мне не дожить до светлых дней,
Когда усильями народа
Престолы гордые царей,
Как некий прах, сметет свобода.

Но после смерти я б желал,
Чтоб на свидание с землею
Бог пред концом меня послал,
Чтоб я бесплотною душою
Судьбу потомков увидал.

Пришли ли к вожделенной мете?
Освободились ли они?
И правда ль царствует на свете,
Как ложь лихая в наши дни?

26 апреля 1889

432 Б

Не доживу до светлых дней,
Когда грядущие народы
Преданья битвы и цепей
Заменят песнями свободы.
И умереть не жаль. Но я
Хотел бы, чтоб душа моя,
Когда пройдут века неволи,
Мир посетить могла на миг,
Узнать, как света он достиг,
Как зло потомки побороли.

26 апреля 1889

433 А

Родился ль слишком рано я?
Или несбыточные грезы
Тая в пустыне бытия,
Я лью бессмысленные слезы?
Томит меня тоска о том,
Что в жизни все так чуждо мысли,
Сомненья над моим челом,
Как тучи грозные нависли.
Так чуждо светлой красоты,
Любви доверчивой и чистой,
Так полно злобной клеветы
И лжи удушливой и мглистой.
Иль, может быть, вся эта тьма,
В которой я мечусь тревожно,—
Мираж бессильного ума,
И жизнь иная невозможна?
И, может быть, весь этот мрак
Не злобой темных дней навеян,
А мной самим, как тощий злак
На ниве бед моих взлелеян?
Так, пробудившись поутру
Под впечатлением кошмара,
Порой я сам не разберу,
Что явь и что ночная мара.

26 апреля 1889

433 Б

Живу ли довременно я?
Или несбыточны мечтанья,
И мир в пустыне бытия
Навек лишен очарованья?

Или мучительная тьма,
В которой я мечусь тревожно, —
Мираж бессильного ума,
И жизнь иная невозможна?

И горьких дум унылый мрак
Не злобой темных дней навеян,
А мной, многоколосный злак
На ниве бед моих, взлелеян?

Так, пробудившись по утру
Под впечатлением кошмара,
Порою сам не разберу,
Что явь, и что ночная хмара.

26 апреля 1889

434 А

Когда стою в оранжерее
Меж роз и лавров я один,
Роскошных всех цветов милее
Мне ты, пахучий мой жасмин.
Зеленый куст, цвет белоснежный
И запах сладкий, как вино,
Родят в душе моей мятежной
Воспоминание одно.
Всех милых образов дороже,
Один всплывает предо мной,
И, сам не знаю, отчего же
Я полон светлою тоской.
Сладчайшим ароматом вея,
И, как жасмин, мила, нежна,
Все мне пленительная фея
Воспоминается одна.
Давно осмеянные грезы,
Давно забытая любовь,
Давно подавленные слезы
В душе владычествуют вновь.
Я полон счастьем невозможным
И горько плачу над собой,
Отрадным мукам и тревожным
Я предаюся всей душой.
Часы бегут. В оранжерее

Стою, задумчив, я один,
И ты мне всех цветов милее,
Пахучий, нежный мой жасмин.

30 апреля 1889

434 Б

ЖАСМИН

Когда стою в оранжерее
У роз и лавров я один,
Из всех цветущих мне милее
Прохладой дышащий жасмин.

Зеленый куст, и цвет столь снежный,
И запах сладкий, чуть живой,
Зовут к мечте моей мятежной
Забытых слов певучий строй.

Очарованьем ранним вея,
Как непорочный цвет, бела,
Томяся в чарах вешних, фея
Ко мне невестою сошла.

Все, что погибло без возврата,
Мечта, и радость, и любовь,
Так успокоено и свято
В душе владычествует вновь.

Часы бегут. В оранжерее
Я с белой девою один, —
И тихо смотрит в очи фее
Прохладно-дышащий жасмин.

30 апреля 1889

435

Печать божественного Духа
Я не напрасно получил, —
Внимательную чуткость слуха,
И напряженность мощных сил,

И наблюдательное око,
Которое, орла быстрей,
В сердца и помыслы людей
Глядит пытливо и глубоко.

Я призван многое свершить,
Пройти дорогой чрезвычайной,
Духовный мир обогатить
Трудом и мыслью неслучайной,
И овладеть великой тайной.

Но я лукаво пренебрег
Судьбы богатыми дарами,
И фимиам постыдный жег
Перед чужими алтарями.

Забыл я заповедь Того,
Кто зажигает зори наши,
И пил забвение всего
Из знойно-ядовитой чаши.

Так Богом избранный народ
Забыл сияние Синая,
Вдали от Иорданских вод
В пустыне сорок лет стеная.

Обетованная земля!
Войду ли я в твои пределы?
Или, как кормчий оробелый
Волнуемого корабля,
Погибну, плача и моля?

4 мая 1889

436

Я проснулся. В окно
Солнце светит давно,
И душа ему, светлому, рада.
Я оделся молчком
И бежал босиком
По дорожкам цветущего сада!

И смеюсь, и пою,
И рубашку мою
На бегу ветерок раздувает.
Вот кусты лозняка,
Вот и наша река,
Извиваясь, журчит и сверкает.

Я одежду долой,
И вперед головой
Прямо с берега в реку ныряю,
Опускаюсь до дна,
А вода холодна,
Я проворно наверх выплываю.

Я плыву, и кругом
Брызжу воду столбом,
По воде ударяя ногами;
Солнце в брызгах блестит
И волну золотит,
Ветер тихо играет кустами.

12 октября 1888,
7 мая 1889

437

Я рано вышел на дорогу,
И уж к полудню утомлен,
Разочарован понемногу,
И чадом жизни опьянен.

В душе мечта, — свернуть с дороги,
Где камни острые лежат,
Так утомившие мне ноги, —
Но я и отдыху не рад.

Короткий отдых к лени манит
И утомленный ум туманит,
А неотвязная нужда
Идет со мной везде, всегда.

Нужда — наставник слишком строгий,
И страшен взор ее, как плеть,
И я тащусь своей дорогой,
Чтобы на камнях умереть.

Когда богач самолюбивый
Промчится на коне верхом,
Я молча, в зависти стыдливой,
Посторонюсь перед конем,

И сзади, в рубище смиренном,
Тащусь я, бледный и босой,
И на лице его надменном
Насмешку вижу над собой.

12 мая 1889

438

Порос травой мой узкий двор,
В траве лежат каменья, бревна.
Зияет щелями забор,
Из досок слаженный неровно.
Из растворенного окна,
Когда сижу один лениво,
Под тем забором мне видна
Полынь да жгучая крапива.
И ветер, набежав порой,
Крапиву треплет и качает,
Играет ею, вот как мной

Судьба капризная играет.
И я, как та крапива, жгусь,
Когда меня случайно тронут.
И я, как та крапива, гнусь,
Когда порывы ветра стонут.

9, 13 мая 1889

439

По милым свежим травам,
Обрызганным росой,
В смиреньи нелукавом
Опять иду босой.

Меня от зимней лени
Спасти пришла весна,
И голые колени
Ласкает мне она

И солнечным сияньем,
И вздохом ветерка,
И радостным лобзаньем
Лесного ручейка.

И ландыш, и фиалка
Торопятся цвести,
Но мне срывать их жалко
И жаль домой нести.

Ведь так они привольно
И радостно цветут.
Когда сорвешь, им больно,
Как мне, когда секут.

Но все ж пора за дело:
Сегодня утром мать
Побольше мне велела
Лесных цветов набрать.

Ах, к телу ближе, видно,
Своя рубашка! Что ж,
Хоть перед вами стыдно,
Но поневоле рвешь.

Точись, цветочных слезок
Невинный, чистый сок,
Чтобы себя от розог
Я нынче уберег.

С тяжелым состраданьем
Лесную жизнь гублю,
Зато непослушаньем
Я мать не прогневлю.

16 мая 1889

440

Пока задумчивый мой гений
Лениво спал или дремал,
Обилием плохих стихотворений
Меня мой рок безбожно наказал.

Писака я уж слишком ярый,
Марать бумагу стал давно,
Но вдохновительною чарой
Владеть порою мудрено.

Потратил времени я много,
И жаль, что некому порой
Мой труд ценить решительно и строго,
И сечь меня жестокою лозой.

Чтоб я иль вовсе бросил пенье,
Иль, помня лозовый урок,
Свои незрелые творенья
Одеждой брачною облек.

21 мая 1889

441

Пустынный путь. Иду босой.
В песке сыпучем ноги вязнут, —
Я утомлен. Спадает зной.
Заходит солнце. Краски гаснут.
Все та же степь лежит кругом,
Я не встречал давно жилища.
Но вот на поле золотом
Краснеет что-то: старый дом?
Забор забытого кладбища?
Старинной крепости стена?
Излом глубокого обрыва?
И я спешу, — желаньем сна
Душа окована лениво.
Я вижу каменных палат
Полуразрушенные стены.
Здесь, полстолетия назад,
Такой не ждали перемены.
Кипела жизнь, — толпы гостей
Под разукрашенные своды
Вносили блеск и шум речей
И для завистливых очей
Затеи прихотливой моды.
Но все промчалось, — много лет
Жильцов в пустынном доме нет.
Стоит он, дряхлый, в думе строгой,
Уныло разрушенья ждет, —
И только странник босоногий,
Измучен дальнею дорогой,
На двор широкий забредет.
И я, не сняв своей котомки,
Присел уныло на обломки.
Там стекла выбиты, а там
Зияет трещина, как ранка,
И в ней приют своим корням
Нашла цветущая румянка.
Лучом прощальным облиты,
К обветренной стене кирпичной
Прижались синие цветы

С какой-то лаской необычной.
Излом неровный кирпича
Тычинки красные лобзают,
И листья узкие сметают
Пыль волосками, трепеща.

25 мая 1889

442

Три зверенка не зверенка,
Три чертенка не чертенка
По зауголью живут,
В неподобный час выходят,
Игры жуткие заводят,
И орут, и вопиют.

Первый — желтый, липкий, кволый,
Ростом с палец, но тяжелый,
Что кошмарный камень, вздох.
В несуразный ведьмин праздник
Не последний он проказник,
И его покличут: — Ох! —

А второй вертлявый, тонкий,
Взор мышиный, голос звонкий,
Друг его — крикливый Зой.
На пирушке у колдуньи
Про него гнусят шептуньи:
— Голосистый вырос Ой! —

Третий юркий и визгливый,
Топотун нетерпеливый,
Взвизгнет, уши затыкай.
У шишиги на пирушке
Шелестиные старушки
Шепчут: — Хват же этот Ай! —

Чуть заслышат запах лозы,
Набегут быстрей, чем слезы,
И пока меня дерут,
Забавляются, кривляясь,
Вдоль по розгам кувыркаясь,
И пронзительно орут.

25 мая 1889

443 А

Светло-розовый блеск
Разлился по воде.
Голых мальчиков плеск
В речке слышен везде.
Своей синей волной,
Как прозрачной фатой,
Их река обняла.
От зари золотой
Их алеют тела.
Кто, смеяся, идет
По песчаному дну,
Кто проворно плывет,
Рассекая волну.
Что за прелесть, — смотри
На зеленых кустах
Алый отблеск зари,
Стекла блещут в домах.
Там на белых стенах
Нашей церкви какой
Нежно-алый отлив!
Какой блеск золотой
Там, на зелени ив!
Пыльный столб с мостовой
Сизой тучкой встает,
И в простор полевой,
Колыхаясь, плывет.
Свой летучий навес,
Колыхаясь, несет.

Что за прелесть, — смотри,
Как с последним лучом
Догоревшей зари
Все бледнеет кругом.
Желтый берег отлог
И на солнце блестит,
И от ветра пылит
Прибережный песок, —
Желтой лентой лежит,
И сосновый лесок
Ярким светом облит.
В его тихую тень
Из вечерних лучей
Едет русская лень
На тележке своей.

27 мая 1889

443 Б

Вечереет. Смотри:
Там, на серых домах,
Алый отблеск зари,
Там, на белых стенах,
Нашей церкви — как чист
Нежно-алый отлив!
Воздух тих и душист,
И горит каждый лист
У берез и у ив!
Светло-розовый блеск
По реке разлился,
А в воде что за плеск
У ребят поднялся!
За рекою песок
Желтой лентой лежит,
И сосновый лесок
Ясным светом облит.
Укрываяся в тень
От вечерних лучей,

Едет русская лень
На тележке своей.
Пыльный столб за рекой
По дороге ямской
Сизой тучкой встает
И за клячею в лес
Свой летучий навес,
Колыхаясь, несет.

Свечерело. Смотри,
Как с последним лучом
Догоревшей зари
Все бледнеет кругом.

27 мая 1889

444 А

ГЕРМАНКА

Рукою матери меч острый занесен
Над милым, тихо спящим сыном,
Чтоб сын Германии не был порабощен
Надменным римским гражданином.
Там слышен бранный крик, мечей и треск, и гром,
Здесь смотрит мать полунагая,
Как льется кровь из сердца мальчика ручьем,
Как он трепещет, угасая.
Лежит пред ней красавец-сын ее нагой, —
А в лагерь враг уж проникает.
Бесстрашная, она на меч тяжелый свой
Бесстрашно грудью упадает.

29 мая 1889

444 Б

ГЕРМАНКА

Тяжелый меч над сыном занесен
Рукою матери над спящим сыном,
Чтоб не был сын ее порабощен
Надменным римским гражданином.

Там слышен бранный крик и звон мечей,
Здесь смотрит мать, изнемогая,
Как льется холодеющий ручей,
Как сын трепещет, угасая.

И вот лежит, лежит он, кровью облитой,
А в лагерь враг уж проникает.
Она на меч тяжелый свой
Бесстрашной грудью упадает.

29 мая 1889

445

Поверьте, синего чулка
Равно несносны мне приметы
И у блуждающей кометы,
И у ночного мотылька.

Весна 1889

446

Этих ягод темно-синих,
Соблазнительных не тронь.
Поскорей, малютка, кинь их:
Смертоносный в них огонь!

Это — одурь. Красотою
Не прельщайся, — в ней обман.

Он завистливой судьбою
На погибель детям дан.

1 июня 1889

447

Шипит вино в моем бокале.
Его один я грустно пью.
Развей, вино, мои печали,
И усыпи тоску мою!

Пускай мое воображенье,
Согрето пеною твоей,
Послужит мне, как отраженье
Иной страны и лучших дней.

Из этой области мороза
Неси, неси меня, мечта,
В тот край, где зреющая лоза
Вся жарким солнцем облита!

Где смуглой красотой прельщая
Разочарованный мой взгляд,
Стоит у лоз она, босая,
Сбирая зрелый виноград!

3 июня 1889

448

На могилу милой
В день ее поминок
Я пришел, унылый,
Посадить барвинок.

И цветки синеют,
Глазок милой просинь,

Листья не желтеют
И в глухую осень.

Буду вспоминать я
Голубые глазки,
Нежные объятья,
Радостные ласки.

4 июня 1889

449 А

Ландышей букеты
Я нарвал в лесу,
И, легко одетый,
Их домой несу.

Распустились ясно,
Аромат простой.
С ними так согласно,
Что иду босой.

Кто-то шепчет дрожью
Свежего куста:
— Жизнь по слову Божью
Быть должна проста. —

Шепчет, тихо вея,
Ветки шевеля:
— Что тебя милее,
Мать сыра Земля? —

8 июня 1889

449 Б

Только солнце встало,
Был уж я в лесу.
Ландышей не мало
Я домой несу.

Распустились ясно,
Аромат простой.
С ними так согласно,
Что иду босой.

Ветер, ветвь качая,
Тихо шепчет мне:
— Жизнь мила простая
В кроткой тишине. —

Шепчет, тихо вея,
Листья шевеля:
— Что тебя милее,
Мать сыра Земля?

8 июня 1889

450

Какой здесь топкий, вязкий ил!
Какие медленные гады!
Болотный воздух сыр и гнил,
Толкутся мошек мириады!

Терпеть все это я устал,
Бороться с этим бесполезно:
Пусть скорпион один упал, —
Ведь все же вкруг кишит их бездна.

Жди, — сгинут гадины болот,
На месте топи будет нива,
И колокольчик зацветет,
И над ручьем нависнет ива.

Но может быть, пройдут века,
И поколения без счета
Над зыбью будут бресть, пока
Иссохнет мерзкое болото.

9 июня 1889

451

С врагом сойдясь для боя злого,
Свой меч я тяжко опустил.
Казалось мне, врага ночного
Я пополам перерубил.

Но вдоль согнувшегося тела
Безвредно сталь моя прошла
И, раздробившись, зазвенела,
Как отлитая из стекла.

Тогда последнего удара
Я равнодушно ожидал,
Но мой противник, злая мара,
Вдруг побледнел и задрожал,

Холодным тягостным туманом
Обоих нас он окружил,
И, трепеща скользящим станом,
Он, как змея, меня обвил.

Глаза туманит, грудь мне давит,
По капле кровь мою сосет.
Мне душно! Кто меня избавит?
Кто этот призрак рассечет?

10 июня 1889

452 А

Туманная осень пришла,
Листы пожелтели, опали,
На небе ползучая мгла,
В лесу — обнаженные дали.

Безвременник лишь луговой
Цветок распустил свой лиловый,

Но, кажется, стебель нагой
Уже не гордится обновой.

Он помнит, как цвета того
Так долго листы его ждали,
И вот, не дождавшись его,
Увяли и на землю пали.

24 июня 1889

452 Б

Осень холод привела,
Листья на землю опали,
Мгла в долинах залегла,
А в лесу — нагие дали.
Безвременник луговой
Распускает цвет лиловый,
Но, печальный и нагой,
Не гордится он обновой.

24 июня 1889

453

⟨1⟩

— Клянуся блещущей одеждой
Твоею, светлый херувим,
Твоею сладкою надеждой
И миром радостным твоим, —
Клянусь твоим эфирным телом,
Твоей нетленной красотой, —
Нет, не утонет в гордом целом
Свободы жаждущий, дух мой!

— Клянешься мною: знай же, я
Сгорел бы сам в огне мучений,

Чтоб дверь живого бытия
Тебе открылась, гордый гений.

25 июня 1889

⟨2⟩

САТАНА

К ее девичью изголовью
Приник могучий Сатана,
И жгучей, пламенной любовью
Вдруг переполнилась она.

25 июня 1889

454

Услышав строгий призыв твой,
Прошел я шаткие ступени,
И стал смиренно пред тобой
На обнаженные колени.

Слегка кружилась голова.
От страха и стыда краснея,
Я слышал гневные слова,
Ответить ничего не смея;

Порою ветер залетал
В окно открытое беседки,
И на скамейке колыхал
Свежо нарезанные ветки.

Ах! предварительный урок,
Я знаю, будет слишком краток,
И засмеется ветерок
Мельканьям быстрых голых пяток.

Со щебетаньем звонких птиц
Смешаются иные звуки:

Посвистыванье крепких виц,
Мольбы и вопли резкой муки.

25 июня 1889

455

Когда проходят предо мною
Виденья бедных детских лет,
Сквозь тучи мрачные порою
От них отрадный блещет свет.
И сладко мне — давно забвеньем,
Сокрытый случай вспоминать,
И неожиданным волненьем
Больные думы оживлять.
По шумной улице, близ рынка,
Я пыльным летом проходил.
Не все мне было здесь новинкой,
Но чутко я за всем следил.
Толпы, шумя, спешат куда-то,
Колеса гулко дребезжат,
Бегут крикливые ребята, —
Везде стучат, пылят, гремят.
Но вот сквозь этот шум и рокот
Я слышу чей-то пьяный крик,
И чью-то брань, и чей-то хохот:
Бьет бабу пьяную мужик.
Вокруг толпа — и всем так любо,
И я туда же поспешил, —
И вдруг старик какой-то грубо
Меня за плечи захватил.
«Ступай, малыш, своей дорогой,
Тебе здесь не на что смотреть!»
Сказал он мне, и голос строго
Звучал, слегка звеня, как медь.
И я, противиться не смея
Словам седого старика,
Ушел, смущаясь и краснея,
От грязной двери кабака.

29 июня 1889

456 А

Когда я бился безнадежно
За свой высокий идеал,
Людей любил я так мятежно
И так глубоко презирал.

Но, закаляясь в пытке лютой,
Давно усталая душа
Черствела с каждою минутой
Тоской холодною дыша.

Ее пятнали впечатленья,
Дел безобразных лжи и зла,
И даже жажда возрожденья
В душе порочной умерла.

Мне не воскреснуть к жизни новой
С душой запятнанной моей,
И не свернуть мой путь терновой
На путь надежды золотой.

30 июня 1889

456 Б

И я стремился безнадежно
К мечтам, которых тщетно ждал,
И всех любил я так мятежно,
И так надменно презирал!

И закалялась в пытке лютой
Моя суровая душа,
Хладея с каждою минутой,
Тоскою тусклою дыша.

Ее пятнали впечатленья
Презренной пошлости и зла,
И скоро жажда возрожденья
Во мне навеки умерла.

Не одолеть тоски суровой
Душе поруганной моей,
И не свернуть с тропы терновой
К надеждам первозданных дней.

30 июня 1889

457

Жнешь ты через силу
В долгий жаркий день.
Рада б лечь в могилу,
Только б сон да лень.

Ночи ли дождешься,
Надо чутко спать, —
Ты к серпу вернешься
До зари опять.

Снова гнуться надо,
Жать густую рожь.
Не пахнет прохлада,
Смены не найдешь.

3 июля 1889

458

Ты к сплетням людским равнодушна,
Судьбе, как раба, ты послушна.

Движенья уверенно стройны,
Черты твои строго спокойны.

Но верить ли этим приметам?
Давно ты боролась со светом,

Давно уж во мраке ненастья
Не знаешь ни ласки, ни счастья...

И море, затихнув от бури,
Блестит отраженьем лазури,

Но стихла ли в бездне тревога,
Спроси, если смеешь, у Бога.

3 июля 1889

459

Трава свежа, земля мягка,
Ничто не мучит, не заботит.
На небе тают облака,
А солнце ноги мне золотит.

Тропы над берегом реки,
Не знаю я, куда приводят.
Мои мечтания легки
И так беспечно колобродят.

На берегу ряды кустов
Порою ветер нежно клонит,
А лес от птичьих голосов
Поет, звенит и нежно стонет.

Покой над тихою рекой
С покорной кротостью знакомит,
И ветки гибкой ни одной
Моя рука не переломит.

Душа, как верная раба,
У Бога ничего не просит,
Но если что ей даст судьба,
Возьмет, и ничего не бросит.

А если горе ей сулит,
А если муки ей готовит,
Она за все благодарит,
За все Владыку славословит.

Всегда покорна и светла,
Она ни с чем, ни с чем не спорит,
Не разделит добра и зла,
И смерти с жизнью не поссорит.

От зноя не стремится в тень,
И вечной ночи не торопит,
Настанет неизбежный день,
И будет кубок жизни допит.

4 июля 1889

460

Средь ночи иногда мне нравится
Тихонько вылезти в окно
И на берег реки отправиться
Купаться: жутко и смешно.

5 июля 1889

461

Там, где статуя блистала
Обнаженной красотой,
От цветного пьедестала
Выделяясь белизной,
Там, где мрамор тот холодный,
Оживлен мечтой свободной,
Жизнью страстною кипел,
Грудь волнисто серебрилась,
Сердце мраморное билось,
Взор потупленный горел, —
Там, где стройные вершины
Ясень гордо возносил,
И теснилися руины,
И фонтан среди долины
Белым призраком сквозил, —
Я просиживал, случалось,
Пред стату́ей по ночам, —

Дума в край заветный мчалась,
И богиня улыбалась
Детским трепетным мечтам.
Там, задумчивый ребенок,
Только вышед из пеленок,
Я о счастии мечтал,
И на ласковой свирели
О заветной, тайной цели
Песню робкую играл.

Раз, при блеске лунной ночи,
Только стихло все кругом,
Беломраморные очи
Страстным вспыхнули огнем.
Наяву или в мечтаньи,
Я потом понять не мог,
Но я видел колыханье
Белых персей, колебанье
Белых уст и трепет ног.
Шепот ласково призывный,
Взор манящий, огневой,
На щеках румянец дивный
Переливною зарей.
Полон дикою мечтою
Я дрожащею рукою
Одеяния сложил.
И у ног богини стройной,
Весь трепещущий и знойный,
Обнаженный, я молил
Хоть единого лобзанья,
Ласки страстной хоть одной
За былые ожиданья,
И за долгие блужданья
В роще темной и глухой.
И она ко мне склонилась,
Вся сияя и маня,
И легла, и вдруг обвилась,
Как змея, вокруг меня.
Страстью дикою ⟨?⟩ волнуем,
Я богиню обнимал,

Поцелуй за поцелуем
С бледных уст ее срывал.
Целовал ее ланиты,
Ее плечи целовал,
И, мечась, ногами плиты
Пьедестала, все облиты
Лунным блеском, поражал.
В небесах, скользя, глядела
Серебристая луна,
И в лучах ее смуглело,
Извиваясь, мое тело,
И, колышась, как волна,
Блеском искристым блестела
Ее тела белизна.
Вдруг богиня стройно встала
На граните пьедестала.
Я к ногам ее упал.
Ночь прошла, заря сияла,
На востоке солнце встало, —
Все недвижим я лежал.
И когда сияло утро,
Нежным блеском перламутра
Мои плечи осеня,
На траве, под пьедесталом,
Сном объятого, усталым,
Наконец, нашли меня.
Я свои ночные грезы
Никому не рассказал.
⟨Ветви гибкие — ?⟩ березы
⟨ ⟩ с дерева сорвал,
И когда ⟨ ⟩
Пред статуей милой,
Я ⟨ ⟩
Не ⟨ ⟩
⟨ ⟩
И ⟨ ⟩
И ⟨ ⟩ плиты
Пьедестала поражал.

6 июля 1889

462

Мечты, бесценные мечты
Его душою завладели.
Приманкой жгучей красоты,
Как ярким солнцем, облиты,
Они во мгле ночей горели
Перед встревоженной душой.
Как голова его пылала,
Когда мир звездно-золотой
Мечта лукаво рисовала!
Во дни, в ночи, всегда в себя
Неразделимо погруженный,
Он жил, отрóчество губя,
В рассеянности полусонной.
Блуждал лениво тусклый взор, —
На все взирал он равнодушно,
На всем пленительный узор
Мечта плела ему послушно.
Глядит на небо: облака
Совьются в рой прелестных духов.
Одежда их бела, легка,
И сладок строй их звонких звуков,
Ему лишь слышных одному,
И этих дев нагие плечи
Видны на небе лишь ему,
И понимает он их речи
И страстно жаждет с ними встречи.

6 июля 1889

463

Тяжело вспоминать мне детские годы,
Тоскливые, мрачные, душные дни;
Под неистовым воем свирепой невзгоды,
В нищете безотрадной томились они.
Оглушен и подавлен гремящей столицей,
Посреди неприветливых, темных громад,

Рано стал я встречаться с моею царицей,
Рано стал наслаждаться звенящей цевницей, —
Но немного богиня дала мне отрад.
По ночам ко мне мрачная муза слетала,
Поражая суровою, дикой красой.
Беспокойная грудь ее бурно дышала,
На устах ее звонкая песнь трепетала,
А глаза загорались безумной грозой.
Сладкозвучнее флейты и звонче свирели
Разливались напевы в полуночной тьме.
В них рыданья, проклятья и стоны звенели,
Как тоскливые отзвуки зимней метели,
Как предсмертные девичьи крики в тюрьме.
И волшебная сила печального пенья,
Подхватив, поднимала меня, как волна,
Уносила меня в города и в селенья,
И внезапно глубокого, злого значенья
Непонятная жизнь становилась полна.
Перед детским моим негодующим взором
Восставали победы коварного зла,
Побежденная правда клеймилась позором
И отвсюду немолчным, ликующим хором
Торжествующей силе гремела хвала.
Злобно знойная буря вставала
В истомленной, измученной детской груди,
Сердце билося тяжко, и кровь закипала,
И мечта, точно птичка больная, взлетала
Поглядеть: не блестит ли заря впереди.
Улететь далеко не хватало ей мочи,
И во мрак упадала бессильно она.
И скрывалася муза за пологом ночи,
И смыкала мои утомленные очи
Поцелуем горячим для горького сна.
И во сне мне мерещилось вечное горе,
И давил мою грудь неотвязный кошмар,
Торжествующий, злобный, как гневное море,
С необузданной бурею в диком просторе,
Сожигающий сердце, как лютый пожар.
Просыпался я, ужасом тяжким томимый,
С замиравшим дыханьем, бледнея, дрожа,

Сердце билось и рвалось в тоске нестерпимой,
Словно мне угрожал в этом мраке незримый
Неизбежный удар рокового ножа.

Годы шли, — и обрушила злая судьбина
Бремя мук и тоски на усталую грудь,
Разогнала былые мечтанья кручина,
Обыденная пошлость, как влажная тина,
Уж готова навеки меня затянуть.
До расцвета развернуты, вянут уж силы,
Гаснет в сердце, спаленном тоскою, пожар,
Впечатления жизни ни горьки, ни милы,
Раскрываются жадные двери могилы,
Исполняется въяве проклятый кошмар.

8 июля 1889

464

Кто живет в мире мысли и сладостных грез,
У того не замолкнет гремящая лира,
Не затихнет в душе неотвязный вопрос,
Не иссякнет источник томительных слез
О неправдах и муках порочного мира.

На заоблачных кручах альпийских высот
Не растают вовек снеговые громады,
В ледниках не исчезнет ползучий их лед,
Не иссякнут источники горные вод,
Не устанут греметь и кипеть водопады.

10 июля 1889

465 А

Бор печальный и дремучий,
Перекаты, омута,
Глинозем, песок сыпучий, —
Вот родимые места.

В чаще леса леший бродит,
Принимая разный вид,
То в трущобы нас заводит,
То на месте нас кружит.

В омутах русалки плещут,
Пляшут по ночам они,
И сквозь мглу их очи блещут,
Как болотные огни.

Домовой ведется в бане
Или дома, на печи;
Он дохнет, — и, весь в тумане,
Задрожит огонь свечи.

В поле летнею порою,
Вырастая из земли,
Над проезженной тропою
Пляшет вихорь, весь в пыли.

Много силы некрещеной
Обитает возле нас, —
И трясется люд крещеный
Каждый день и каждый час.

Нашу грустную природу
Осветила раз одна
Фея светлая: свободу
Обещала нам она.

К нам спустилася нагая,
Красотой и чистотой
Несравненною сияя,
Точно ландыш полевой.

Стали мы смелей,— и видим:
Скрылась нечисть кто куда.
В поле, в лес, на речку выйдем, —
Воздух тих, чиста вода.

Да умчалась наша фея,
Словно ветром унесло,
И вкруг нас еще мрачнее
Мракобесие легло.

12 июля 1889

465 Б

В темной чаще леший бродит,
Принимает страшный вид,
То в трущобы он заводит,
То в кустарниках кружит.

В омутах русалки плещут,
Ночью пляшут над водой,
И глаза их жутко блещут
Над опасной глубиной.

Домовой таится в бане
Или в доме на печи;
Он дохнет, — и, весь в тумане,
Задрожит огонь свечи.

В поле, жаркою порою
Подымаясь от земли,
Над протоптанной тропою
Пляшет вихорь, весь в пыли.

Нашу скорбную природу
Осветила раз одна
Дева светлая, — свободу
Обещала нам она.

Стали мы смелей, и видим:
Скрылась нечисть кто куда.
В поле, в лес, на речку выйдем, —
Воздух чист, чиста вода.

Но пропала наша фея,
Иль, быть может, умерла,
И вкруг нас, еще мрачнее,
Злая нечисть залегла.

12 июля 1889

466

Искать грибы довольно скучно,
Но лес! Но тень! Но влажный мох!
Вдали «ау» так звонко звучно,
Вблизи — как будто чей-то вздох.
Одни лишь ветки шелестят,
Да под нагой стопой порою
Сухие листья зашуршат.
Корзинку бросив, под кустами
Лежать бы долго, и мечтать!
Но там, за пыльными путями,
Меня уж поджидает мать.
И вот наполнена корзина,
Грибы как будто на подбор.
Вот кончен лес. Дорога, глина,
Песок, канава и забор,
Мостки, ворота и калитка,
И вот я дома, наконец,
И мама говорит: «Поди ж-ка,
Грибов-то сколько! Молодец!»

12 июля 1889

467

Он свел ее с ума своими поцелуями
И нежными пожатьями руки,
И стали сны ее желаньями волнуемы,
И дни полны томительной тоски.

15 июля 1889

468

Еще и этот день неслышно в вечность канул.
Как медленно он шел, как скоро пролетел!
Ты на закат его с тревогою смотрел,
Как будто ждал чего. Того ль, чтоб в небе грянул

Над головой твоей внезапный гневный гром,
И небо все зажглось излучинами молний,
И перед их святым, карающим огнем
Долина сделалась мрачнее и безмолвней,

И, в дикой ярости внезапно разрешась,
Громады туч таким на землю пали б ливнем,
Как будто слезы все людские потекли в нем,
Как будто небо плачет, скорбию томясь?

Но шуму ярых бурь и воплям непогоды
Заветных, знойных дум в душе не заглушить.
Сияет день, гремит ли гром, — но без свободы
И безотрадно так, и трудно в свете жить.

К ярму тяжелому привязанный, послушно
Глубокий тук полей вол плугом бороздит,
И пред собой бессмысленно и равнодушно
На ширь степей и неба он глядит.

Не для него блестят синеющие дали,
Не для него горят на небе облака,
Не для него сверкает острым блеском стали
Потоками лучей облитая река.

Ярмо, да плуг, да бич, да тяжкие усилья, —
Вот весь душевный мир послушного вола.
Но ты не вол. Ты был орел, да только крылья
Жестокая рука судьбы оторвала.

Влачася по земле, угрюмой и холодной,
Не можешь ты забыть про яркую лазурь,

Про чистый воздух гор, где ты парил свободный,
И выше облаков внимал стенанью бурь.

10 сентября 1888, 16 июля 1889

469

День опять встает, ликуя,
И смеется надо мной.
Жизнь докучную влеку я.
Сердце глупое, не ной!

Веселися. В стекла окон
Бьется жаркий, яркий луч.
Пронизать пространства мог он,
Прям, настойчив и могуч.

Он сметает жизни горечь,
Паутину серых дней,
И без слов звучит его речь
Все понятней, все ясней.

22 июля 1889

470

Сидел я под окном. Два мальчика босые
Пришли к окну и робко подали букет,
Дар детской их любви, кувшинчики речные, —
Звездою белою раскинувшийся цвет.
Их речь звенящая и смех их серебристый
Наполнили теплом и светом мой приют;
Я взял от них букет, весь влажный и душистый, —
И резво от окна к реке они бегут.
Вновь тихо все. Смотрю рассеяно, лениво,
Как правильно в цветке сложились лепестки,
А дума вьет мечты, и чайкой мчится живо
За ними к берегам извилистой реки.
Вот тинистый затон. Кувшинчики и ряски

Сплелись в воде ковром, — причудливый узор.
Вот мошки над водой кружатся в быстрой пляске,
На берегу лоза с лозой заводит спор.
В воде ребята. Лица — точно цветик маков,
А ноги голые блистают белизной.
Иной под камнями усердно ищет раков,
Тот удочку припас, тот брызжется водой.
И память предо мной развертывает ясно
Картины сереньких и чахлых дней,
И я завидую, завидую так страстно
Беднейшему из тех оборванных детей!
Я им завидую: на празднике природы
Не мял я свежих трав проворною ногой;
Я в душном городе без счастья и свободы
Томился жгучею, недетскою тоской.
И грустно мне, что я уныл, как старец хилый,
Что колесницей жизни смята моя грудь,
Что лет младенчества, поры святой и милой,
Средь жизненных тревог мне нечем помянуть.

20, 22 июля 1889

471

Черты кровавые, бессмысленна и зла,
Рука судьбы в душе пугливой провела,
Напечатлев свои постылые угрозы, —
Их не стирает труд, их не смывают слезы.
Напрасно я от них хочу отвлечь мой взор,
По ним я вновь и вновь читаю мой позор.
Их вязь горящая, как язвы истязаний,
Хранит следы моих пороков и страданий.

А если надо мной веселье пролетит
И в глубине души, ликуя, отразит
Игру своих лучей, так прихотливо свитых,
Венки своих цветов, сиянием облитых —
Как сторож мрачный, вслед за ней идет тоска,
И как стирает мел с доски его рука,

Так светлые черты она с души стирает,
И блеск лазоревый слезами затемняет.

22 июля 1889

472

Да будет проклят этот час,
Когда беспечно, в первый раз,
Порока бездне беспощадной
Я силы юные обрек.
Вампир, полуночный порок
Меня объемлет кровожадный.
Смерть, пощади! Жизнь хороша,
И жаждет страстная душа
Ее кипучих наслаждений,
И просыпается порой,
Как искалеченный больной,
Полузагубленный мой гений.

24 июля 1889

473

Давно судьбой моей унижен,
Но злою долей не обижен,
Людей о дружбе не прошу,
Дарю их холодом презренья,
И терпеливо выношу
Их сплетни, злость и осужденья.

И если б как-нибудь в пути
Случилось друга мне найти,
Я отравил бы дружбу нашу
Своей медлительной тоской
И другу злых раздоров чашу
Поднес бы мстительной рукой.

24 июля 1889

474

Раскрыв окно,
Я в сад гляжу, где все темно.
Шипит вино в бокале.
Его я жадно, жадно пью,
И слезы тягостные лью
О невозможном идеале.

Как я кипел, как я мечтал,
Как беспокойно я желал
Отдать всю жизнь святым порывам,
Как я опасностей молил,
Какой источник жгучих сил
Таился в сердце горделивом!

Как сон, рассыпались мечты.
А в жизни скорбь и труд слиты
С позором рабского терпенья,
И упоенье юных дней
Сменило блеск своих лучей
На чад ползучий опьяненья.

24 июля 1889

475 А

Верь, — упадет кровожадный кумир,
Станет и волен, и счастлив наш мир.
Царские троны рассыплются в прах,
Дрогнет на них притаившийся страх,
Имя тирана покроет позор,
И племена прекратят свой раздор.
Пусть мы уж будем в могиле давно,
Да не тужи, милый друг, — все равно,
Чем это темное рабство терпеть,
Лучше в борьбе беспощадной сгореть.

25 июля 1889

475 Б

Верь, — упадет кровожадный кумир,
Станет свободен и счастлив наш мир.
Крепкие тюрьмы рассыплются в прах,
Скроется в них притаившийся страх,
Кончится дикий и долгий позор,
И племена прекратят свой раздор.
Мы уже будем в могиле давно,
Но не тужи, милый друг, — все равно,
Чем разъедающий стыд нам терпеть,
Лучше за нашу мечту умереть!

25 июля 1889

476

Как много людям ты даешь,
На солнце зреющая ло́за!
От солнца силы ты берешь,
Храня их и во дни мороза.

В корзинах много дорогих,
Разнообразных формой ягод.
Вкусны на месте. Хватит их,
Коли умно уложат, на год.

То яйцевидны, то круглы,
То спорят с пальцами ребенка,
Желты иль сини, все милы,
Их любит всякая бабенка.

Названья вин не перечесть.
Послаще есть, и есть посуше,
Шипучие меж ними есть, —
Резвят умы и тешат души.

Изюм готовится, кишмиш,
От греков мелкая коринка,

В гастрономических, глядишь,
Вот за корзинкою корзинка.

В изюме радость солнца спит, —
Еврею ведома сноровка;
Семью еврея веселит
В великий праздник пейсаховка.

И это все, чтоб знали мы
В обителях земного мира,
Что мы — не дети здешней тьмы,
Что наши души из эфира.

27 июля 1889

477

Презрен, кто ищет правды в человеке,
Презрен!
Он лишний в нашем лживом веке,
И жизнь его — печальный плен.

Блажен, кто понял рано лживость света,
Блажен!
Смеясь над святостью завета,
Он обойдет преграды стен.

Презрен, кто полон пламенной любовью,
Презрен!
За сердце, облитое кровью,
Мир горе даст ему в обмен.

Блажен, кто рано охладел душою,
Блажен!
Смеясь над общею бедою,
Он не страдает от измен.

Презрен, кто жизнь отдать добру желает,
Презрен!

Он из-за призраков страдает,
Он не дождется перемен.

Блажен, кто вечно злу быть может другом,
Блажен!
Он понесет навстречу вьюгам
Коварство, крепче прочных стен.

Презрен, прельщенный вечной красотою,
Презрен!
Безумец! жизнь с ее красою
Ему обман, призрак и тлен.

Блажен, довольный мелким и условным,
Блажен!
Безумным пламенем любовным
Он, наслаждаясь, не спален.

25 августа 1887,
1 апреля 1888, 30 июля 1889

478

Не называй ее пленительной и нежной,
Невинности души ее не доверяй,
И жар своей души глубокой и мятежной
Мечтой о чистоте прелестной не питай.

Она пред зеркалом стоит одна, нагая,
Прельщенная своей роскошной красотой,
И формы стройные красиво одевая,
Она волнуется безнравственной мечтой.

Располагает так она одежды складки,
Чтоб в них сокрытая сквозила красота,
Чтоб в их стремительном и пышном беспорядке
Не скрылась ни одна манящая черта.

Изучен каждый шаг и каждое движенье,
Улыбка каждая и каждый беглый взгляд.
И все притворно в ней — и радость, и волненье,
Обманчивым огнем глаза ее горят.

Не верь румянцу щек: служанка ее щеки
Сплеча колотит крепкой, сильною рукой, —
Удары сыплются и звонки, и жестоки,
Зато в лице горит румянец огневой.

31 июля 1889

479

Утром открыл я окошко.
Влагою нежною дышит,
Ветер струится веселый,
Сонные травы колышет.

Там на траве засияли,
Словно алмазы, росинки,
Яркие, словно как звезды,
Чистые, словно слезинки.

Алым, зеленым, лиловым,
Синим, и желтым, и красным,
Так и горят огоньками,
Блеском пленительно-ясным.

Ой вы, шалуньи-росинки,
Что вы так жарко горите,
Что вы так сладко смеетесь,
Что так любовно глядите?

Так вот и проситесь в душу!
Как не ответить улыбкой
Вашей игре беспечальной,
Пляске лукавой и зыбкой?

Да и сквозь слезы улыбкой
Вам я отвечу невольно,
Хоть на душе моей темно,
На сердце жутко и больно!

1 августа 1889

480

Не ходи ко мне, тоска!
Я ль горел да горемыка?
Хоть и очень ты дика,
Я с тобой расправлюсь лихо.

Как поймаю, разложу
На короткую скамейку,
Да покрепче привяжу
К ней тебя, мою злодейку,

Сдернув траур риз твоих,
Отдеру на обе корки, —
Розгой будет мерный стих,
Рифма — свист жестокой порки.

2 августа 1889

481

Послужил я родине усердно,
За нее немало пролил поту.
Как кузнец, сплеча, немилосердно,
Я рубил, рубил свою работу.

В лес идешь, — боишься ль с волком встречи?
Лес сечешь, — жалеешь, что ли, плечи?
Хочешь рыбы, — замочи, брат, ноги!
Нужен черт, — хватай его за роги!

Много, братцы, мне истомы было.
Все ломил я, ждал, спасибо скажут.
Все, все дочиста ухлопал силы,
Мне ж, на посмех, медом губы мажут.

Ой, возьмись же ты за ум, детина.
Поумнеть тебе давно бы надо:
Знай работай, не жалея спину,
И не жди за труд себе награды.

2 августа 1889

482

В своей постели одинокой
Не засыпает мальчуган;
Тоскою горькой и жестокой
Он, как отравой, обуян.
Застенчивый ребенок, нежный,
Остался рано сиротой, —
И побратался с неизбежной,
Непереносною бедой.
Его взял дядя, Христа ради, —
И мальчик кое-как живет
В семье неласковой у дяди.
Не то беда, что дядя бьет
Его порою очень больно, —
Упреки, злоба — вот беда,
Вот от чего тайком невольно
Струит он слезы иногда.
В ничтожной шалости замечен
Сегодня бедный мальчик мой,
И с злою руганью иссечен
Несправедливою рукой.
Не розог боль — но яд упрека,
Насмешки едкой острый стыд
Его младенческое око
Слезою жгучею кропит.

Горят пылающие щеки,
Дрожит приподнятая грудь,
И очи, влажны и глубоки,
Не может долго он сомкнуть.
Блуждают трепетные руки,
Невольно рвется тихий стон,
И вдруг он слышит сладки звуки,
К нему летят, как арфы звон.
Он видит — тенью белоснежной
К нему приникла тихо мать, —
И утешенью речи нежной
Он начал радостно внимать.
«Не плачь, не кручинься, мой милый,
Придут и веселые дни.
Не плачь, не кручинься, мой милый,
Обиженный мальчик, усни!
Я сны золотые навею.
Увидишь ты тенистый сад,
В нем тополей стройных аллею,
Меж ними статуи стоят.
Свернешь в боковые дорожки,
На запах жасмина пойдешь
И девушку — белые ножки,
Лилейные ручки — найдешь.
Веселые, бойкие глазки,
Улыбка на милых губах,
В лице переливные краски,
Венок на душистых кудрях.
На поясе — камень на камень
Нанизаны — лал и алмаз,
Под поясом ярким — не платьем,
А золото нижет ⟨?⟩ атлас.
А тонкие ножки нежнее
Атласистой ткани, белей
Душистой и свежей лилеи,
И ранней зари розовей.
Заснул ты, мой мальчик любимый!
Бедняжка, сиротка, терпи,
Дождешься успеха, родимый!
Обиженный мальчик мой, спи!»

Весь разметавшись, весь пылая,
Ребенок беспокойно спит,
А под глазами, засыхая,
Слеза последняя блестит.

2 августа 1889

483

Измучен вечною заботой,
Нуждой злорадной угнетен,
За нелюбимою работой
Все дни свои проводит он.

Как раб, нагнувшийся над плугом,
Идет он с твердостью вола;
И над нерадостным досугом
Судьба отраву разлила.

Не для него сулило счастье
Свои роскошные дары.
Ему — иль ветер и ненастье,
Или палящие жары.

Страдая мукой чрезвычайной,
Неразделенною тоской,
Он все ж послушен воле тайной,
Идет оборванный, босой.

Идет тернистою дорогой,
Бог весть зачем, Бог весть куда,
Идет он полный веры строгой
В святыню тяжкого труда.

Он в недалекую могилу
Без страха бодро донесет
Свою надломленную силу, —
И с чистой совестью заснет.

3 августа 1889

484

Мила, как ландыш полевой,
Румяной зорьки краше Кира,
Так хороша, что ей хвалой
Моя язвительная лира
Служить готова в эти дни
И лжи, и мрака, и печали,
Какие б страшные огни
Больное сердце не пугали.
Забудешь мрак, и мглу, и ложь,
Когда на этот облик глянешь,
За ним стремительно пойдешь,
И разум верою обманешь.
Мой стих и холоден и вял
Изобразит тот свет лучистый,
Что из очей ее сиял,
Как луч зари, живой и чистый.
Моя хвала, мои цветы,
Пестро наряженные речи,
В лучах невинной красоты
Бледнеют, как при солнце, свечи.
Но лиру слабую мою
Я все же кое-как настрою,
И песнь о Кире пропою
Хотя нестройною хвалою.

3 августа 1889

485

Страх и стыд владеют мною.
Мама высечет меня,
Беспощадною рукою
За ленивый час казня.

Тонет стыд в жестокой боли.
Розги хлещут. Боль и страх.
Проступает кровь по голи.
Рев и крики: ай! ой! ах!

Наказание свершилось.
Страх уж больше не томит.
Боль осталась, хоть смягчилась.
Весь я красен, голый стыд.

3 августа 1889

486

Что больше думать, злая боль
Людских насмешек все сильнее.
Так всыпанная в раны соль,
Что ни минута, жжет больнее.

Тебя язвят со всех сторон,
А ты, бедняк, что сам зеваешь,
И только жгучей боли стон
В себе стыдливо подавляешь?

Вооружись и ты кнутом
Насмешки ядовитой,
Да и валяй по всем по трем,
Нападки — лучшая защита.

4 августа 1889

487 А

Простите мне, вы — ангел чистый,
Я — бессердечно-глупый гном.
Блеснули вы, как серп лучистый
Луны на небе голубом.
Пленился вашей я улыбкой,
Беспечно-сладкой, но она
Судьбы жестокою ошибкой
В мою нору занесена.
Внезапно так и так отрадно
Красою вашей поражен,
Молил я ласки вашей жадно,

Мечтой безумной распален.
Но ваше милое смущенье,
Румянец быстрый нежных щек,
В очах — пытливое сомненье,
В устах — подавленный упрек, —
Мне показали, как жестоко
Я обманулся, темный гном,
Когда завистливое око
Блуждало в небе голубом,
Когда надменною мечтою
Я в небо дальнее летел
И безмятежною луною,
Безумец, овладеть хотел!
Простите мне: любви не стоя,
Я вас осмелился любить,
И прелесть вашего покоя
Мольбой безумной возмутить.
Простите мне любовь и грезы,
Меня забудьте как-нибудь,
И не роняйте ваши слезы
На вашу девственную грудь.

6 августа 1889

487 Б

Стоишь пред ним, ты, ангел чистый,
А он смеется, дерзкий гном.
Блеснула ты луной сребристой
В глубоком небе голубом.
Он был пленен твоей улыбкой,
Блаженно-нежной, но она
В его нору занесена,
Судьбы лукавою ошибкой.
Красой твоею поражен
Внезапно так и так отрадно,
Молил твоей любви он жадно,
Мечтой безумной распален.
Но милое твое смущенье,

Румянец быстрый нежных щек,
В очах пытливое сомненье,
В устах подавленный упрек
Ему сказали, как жестоко
Он обманулся, темный гном,
Когда завистливое око
Блуждало в небе голубом,
Когда надменною мечтою
Он в небо дальнее летел
И безмятежною луною,
Безумец, овладеть хотел!

6 августа 1889

488

Выйду в поле, свистну, крикну:
Гой ты, конь мой удалой!
Стань-ка ты передо мною,
Точно лист перед травой!

Уж и я ли в твое ухо
Заползу кой-как ужом,
Из другого уха выйду
Разудалым молодцом.

Выше леса, выше бора
Полечу я на коне
Под серебряною тучей
При полунощной луне.

Гриву дыбом подымая,
Скачет конь золотошерст,
Из ноздрей пускает пламя.
Что ни скок, то сотни верст.

8 августа 1889

489

Росою весь обрызган двор,
Как звездами крупными и яркими.
И блуждает, любуется подарками
Веселого солнца мой взор.

Любуется каждою росинкою,
На каждый дивится листок.
Вот блестит зеленою спинкою,
В траве притаился жучок.

Вот у забора чернокудренник
Прижался весь в слезах.
«О чем ты плачешь?» — «Утренник
Такой был холодный, что страх».

8 августа 1889

490 А

Лезет в голову нелепица,
Безобразный всякий вздор, —
Словно лепится сурепица
На поваленный забор.

Вьются мошки тучей пыльною
Над недвижимым прудом, —
Думы горькие обильною
Вязью реют над умом.

То не мальчик, густо пчелами
Весь облепленный, кричит:
Сердце стонет под уколами
Злобных, мелочных обид.

Что ни день, вершина снежная
Солнцем вновь озарена.
То душа моя мятежная
Истиной оживлена

8, 9 августа 1889

490 Б

Словно лепится сурепица,
На обрушенный забор, —
Жизни сонная безлепица
Отуманила мой взор.

Словно мальчик, быстро пчелами
Весь облепленный, кричит, —
Стонет сердце под уколами
Злых и мелочных обид.

9 августа 1889

491

Иду, путей не выбирая,
В лесу по ласковости мхов,
И, взоры низко наклоняя,
Ищу рассеянно грибов.

Босым, высоко загорелым
Ногам нежны седые мхи.
Подобные звенящим стрелам,
Поют, слагаяся, стихи.

10 августа 1889

492

Не боюсь ни бедности, ни горя,
И живу, с судьбой печальной споря.

Неужель с ней спорить до могилы?
Все ль на глупый спор растрачу силы?

Вот, согнуть дугою меня хочет,
Да напрасно старая хлопочет, —

Есть такая сила, что пред нею
Поневоле склонишь низко шею,

Но едва ли сыщется где сила,
Чтобы век давила, не сломила.

Надоест мне гнуться, выпрямляться,
Так сумею разом я сломаться.

11 августа 1889

493

Жизнь пуста и холодна,
Мир несчастливым так тесен!
Чаша, полная вина,
Ты — источник звонких песен!

Соберемтесь же, друзья,
Как сбирались мы, бывало,
В час, как пенная струя
В наших чашах закипала.

Давит нас лишений гнет,
Ломят вражеские силы,
Перед нами влажный вход
В сень зияющей могилы.

Дружно боремся со злом,
Всюду тын нам да помеха.
Чаша, полная вином,
Ты — одна для нас утеха.

За один лишь светлый миг,
За один лишь миг отрады
Мы всю цепь годов своих
Смерти бросить были б рады.

Март 1885, 12 августа 1889

494

Что ни песня, все было мечтою мятежной,
Но не все, что промечтано, вылилось песней:
Не облечь мне стихами мечты самой нежной,
Всех мечтаний светлее, душистей, прелестней.

12 августа 1889

495

Что в жизни мне всего милей?
Не это ль светлое мечтанье
Под тихозвучное журчанье
Твое, пленительный ручей?

И так мне радостны пески,
Кусты, и мирная равнина,
И нежная от влаги глина,
И разноцветные жучки.

18 августа 1889

496 А

Ризой бледно-голубою
Ночь ложится над землею,
Звезды трепетно мерцают,
Тучи бледною толпою,
Точно призраки, мелькают,
В бледной мгле почили дали, —
И на всем печать печали.

19 августа 1889

496 Б

Небо бледно-голубое,
Звезды трепетно мерцают,
Тучки бледною толпою,

Точно призраки, мелькают.
Спит в тумане бледном поле.
Мглой задернулися дали.
Внемля горькой, горькой боли,
Сердце ноет от печали.

19 августа 1889

497

Сколько раз я сердцу говорил,
Что ему навек пора уняться,
И что больше нет во мне и сил
Вслед за ним кипеть и порываться.

Нет, оно, безумное, горит,
На людские стоны стонет эхом,
И никак его не охладит
Злобный мир своим жестоким смехом.

21 августа 1889

498 А

Сердце просит любви, сердце полно тоской,
Сердце ноет и тягостно бьется...
Так на берег волна за разбитой волной
С возрастающим гулом несется.

Но опененный ряд прибережных камней
Не поглотит бурливое море...
Море жизни с души омраченной моей
Не стряхнет неотвязное горе.

29 августа 1889

498 Б

Сердце жаждет любви. В двери жизни немой
Рой мечтаний томительно бьется.
Так на берег пустынный волна за волной
С негодующим плачем несется.

Но опененный ряд прибережных камней
Не исчезнет в объятиях моря...
Грезы бурные! С жизни унылой моей
Не стряхнуть вам прильнувшего горя.

29 августа 1889

499 А

Влачу несносное житье,
В нем проку вижу очень мало.
Мировоззрение мое
Зато на диво просто стало:
Жизнь хороша — и стоит жить —
Но если нет охоты биться,
То надо револьвер купить
Или украсть и застрелиться.

7 сентября 1889

499 Б

Влачу бесцветное житье
Так равнодушно, так лениво.
Мировоззрение мое
Зато упрóстилось на диво:
Пока живется, надо жить,
Как надо спать, доколе спится,
А надоест тоску сносить,
Так можно удавиться.

7 сентября 1889

500 А

НЕМАЯ АРФА

В безмолвной и дикой пустыне,
Где блещет на солнце песок,
И где не виднелись доныне
Следы человеческих ног, —
Стоит у скалы одинокой
Забытая арфа и ждет,
Что ветер примчится далекий
И струны ее шевельнет.
Но дни пролетают за днями,
Немые, горячие дни;
И арфу с немыми струнами
Не будят, минуя, они.
И ночи мелькают, как тени,
Но их молчаливый полет
Ни радостных звуков, ни пени
С натянутых струн не зовет.

8 сентября 1889

500 Б

В безмолвной пустыне,
Где жаркий песок и гранит,
Где небо безоблачно-сине,
Где жгучее солнце блестит,

Стоит под скалой одиноко
Забытая арфа и ждет,
Что ветер, примчась издалека,
Тихонько в струнах запоет.

Встречает пустыня нагая
Нагие, горючие дни.
Над арфой немой пролетая,
В ней звуков не будят они.

И ночи летят торопливо, —
На их молчаливый полет
Молчание смотрит ревниво,
И струн им задеть не дает.

8 сентября 1889

501

Глаза горят, лицо пылает,
Но все же мальчик приучен
К повиновенью, и снимает
С себя одежды, плача, он.

Мне на квартиру Скоморошко
Поставил сына. Петька мил,
Но мне посечь его немножко
Пришлось, — он двойку получил.

8 сентября 1889

502 А

Вечерние упали тени,
И даль закуталась в вуаль.
Восходят шаткие ступени
Туда, где скрылася печаль.

Молчанье жуткое настало,
Тихонько затворилась дверь,
И то, что только что пылало,
Угомонилося теперь.

Усталое коснеет тело,
Но успокоилась душа,
Как бы опять из-за предела
Эдемским воздухом дыша,

Как будто сходит на ступени
Эдемский гость, небес посол,

И озаряет кротко тени,
Земной прощая произвол.

И я, на голые колени
Поставлен после розог здесь,
Стихи слагаю про ступени,
Ведущие в святую весь,

Где боль и стыд преобразились
В свободно восходящий дым,
И слезы в росы обратились
Под небом, вечно голубым.

13 сентября 1889

502 Б

Вечерние упали тени,
В туман закуталася даль.
Восходят шаткие ступени
Туда, где скрылася печаль.

Молчанье жуткое настало,
Тихонько затворилась дверь,
И то, что только что пылало,
Угомонилося теперь.

Усталое коснеет тело,
Но успокоилась душа,
Как бы опять из-за предела
Эдемским воздухом дыша,

Как будто сходит на ступени
Эдемский гость, небес посол,
И озаряет кротко тени,
Земной прощая произвол.

И я, склонив мои колени
Перед Христом, распятым здесь,

Стихи слагаю про ступени,
Ведущие в святую весь,

Где муки все преобразились
В свободно-восходящий дым,
И слезы в росы обратились
Под небом, вечно голубым.

13 сентября 1889

503

Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.

Уж демон вихрей реет грозно,
Свинцовой тучей облачен,
И облака, что плыли розно,
К себе зовет зарницей он.

Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесет,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжет.

28 июня 1885,
25 сентября 1889

504

В час молитвы полуночной
Пред иконою святой
Встал хранитель беспорочный,
Ангел Божий, предо мной.

Купиной неопалимой
Озарялся трепет крыл.

Взор его невыразимый
И суров, и нежен был.

Тихо речь его звучала,
Как Эдемский вздох чиста,
И улыбкой колебала
Возвещавшие уста.

С укоризной вместе ласку
В сердце мне он проливал,
И в руке большую связку
Пламеневших лоз держал.

26 сентября 1889

505

Он изнемог под тяжестью креста,
И пал со стоном на колени, —
Но вновь сомкнулися пречистые уста,
И не роняли пени.

Бездушная толпа теснилася кругом,
Ругаяся его страдальческому лику,
И молча, он, склоненный под крестом,
Внимал их бешеному крику.

14 октября 1889

506

И вкривь и вкось толкуем часто мы,
Суждений много очень диких:
«Шекспир, Бэкон — великие умы!»
А что мы знаем о великих?

Что нам сквозь пыль столетий сберегли
Их славы жалкие потомки?

Слова и сплетни к нам едва дошли, —
Их жизни хрупкие обломки.

15 октября 1889

507

Истомившись от капризов
И судьбу мою дразня,
Сам я бросил дерзкий вызов:
— Лучше высеки меня!

Чем сердиться так сурово
И по целым дням молчать,
Лучше розги взять, и снова
Хорошенько отстегать. —

Мама долго не томила,
Не заставила просить, —
Стало то, что прежде было,
Что случалось выносить.

Мне никак не отвертеться.
Чтоб удобней было сечь,
Догола пришлось раздеться,
На колени к маме лечь,

И мучительная кара
Надо мной свершилась вновь,
От удара до удара
Зажигалась болью кровь.

Правда странная побоев
Обнаружилася вся:
Болью душу успокоив,
Я за дело принялся.

27 октября 1889

508

Кафтан свой береги,
Покудова он нов.
Здоровье береги,
Покудова здоров.

По мостику беги,
Покудова лежит.
От ворога беги,
Покудова не бит.

День ясный не хвали,
Покуда не пройдет.
При маме не шали,
Покуда не сечет.

Ну, а если износился
Твой кафтан, так не тужи.
Ну, а если простудился,
Так смирнехонько лежи.

Если мостик провалился,
Реку вброд переходи.
Если ворог вдруг явился,
Речь о мире заводи.

Если туча налетела,
От дождя домой спеши.
Мама высечь захотела,
Жди березовой лапши.

5 ноября 1889

509

Есть обороты слова
Такие, что беда.
Звучат они сурово,
Уступишь им всегда.

— Уж лучше сделай то-то,
А то я рассержусь. —
Такого оборота,
Конечно, я боюсь.

— Не стану прибаутки
С тобою разводить,
Со мною плохи шутки! —
Ну, где уж тут шутить!

7 ноября 1889

510

Недавний раб Пентефрия Иосиф,
Со смуглых плеч покров дырявый сбросив,
В саду трудился. Подошла жена
Пентефрия: смеялася она,
На обнаженного раба глядела
И пламенем любовным пламенела.
. . . .
И отрока вельможа возлюбил
И яркой ризой стан его обвил!..
. . . .
У фараона муж. — Иосифа введите, —
Сказала госпожа, — вина мне принесите.
Он входит к ней. Лежит обнажена,
Вся смуглая, вся жаркая, жена.
Послушный раб стоял, склонивши шею,
В смущеньи целомудренном пред нею.
Она зовет: «Приди ко мне, приди,
И ляг, мой отрок, здесь, к моей груди».

Но он молчит. Встает она нагая
И, отрока на ложе увлекая,
Его объемлет жаркою рукой.
Рванулся он и плащ свой дорогой
В руках ее оставил, убегая,
Свою невинность гордую спасая.

19 ноября 1889

511

Я опять в этой чудной стране,
Где моя чаровница царит.
При мерцающей тихо луне
Ее терем огнями горит.
Колоннадой украшен фасад,
Над колоннами — статуи в ряд,
Вкруг серебряной кровли блестит
Золотая решетка. Портал
Весь из мраморных белых колонн,
А за ним ряд сверкающих зал.
Там в прозрачном сосуде зажжен
И, синея, дымит фимиам,
Упоительно-сладостный; там,
Благовонием роз напоен,
Воздух мягкой клубится волной.
По стенам малахит и порфир,
И картины, — пленительный мир
В них искусной воссоздан рукой.
Чу! — бряцанье невидимых лир
Пронеслося над арками зал, —
И я сладостный хор услыхал,
В изумленьи пред ним онемел,
И все слушал бы, слушал бы. Пел
Он о чем-то прекрасном, — я слов
Не расслушал, но понял я вмиг
Обаянье, разлитое в них,
И до утра был слушать готов.
Но затих восхитительный хор.
Я по залам бродил без конца,

И бродил очарованный взор
По несметным богатствам дворца.
Вдруг я слышу журчащую речь,
Тихий ропот, и шепот, и стон,
И явленьем небесным смущен,
Видом светлой царицы, совлечь
Поспешил я сандалии с ног,
И смиренно, и в страхе, босой,
Я колени склонил на порог,
И в смятеньи поник головой.
Но царицы сияющий взгляд
На меня не склонился. Она...

11, 19 ноября 1889

512 А

Пролетал по полночному небу сияющий ангел Господний;
На него злобный демон смотрел из окутанной в мрак преисподней.
Был ниспослан когда-то на землю тот ангел в обитель страданья,
И с тех пор пронеслись над землею урочные годы изгнанья.
Светлейший свой взор устремлял к воротам превысокого рая,
И не видел лица его враг, светозарный полет наблюдая.
Видел он лишь края светлых риз да открытые ангела ноги,
На ногах же пресветлого пыль земной многотрудной дороги.
Враг смеялся над ангелом, голые ноги свои запятнавшим.
Не внимая, к обителям вечным летел ангел в небе сиявшем.

21 ноября 1889

512 Б

Пролетал в час полуночи небом
сияющий ангел Господень;
И смотрел на него злобный демон
в преддверьи своих преисподень.

Был когда-то ниспослан тот ангел
на землю в обитель страданья,

И с тех пор пронеслись над землею
урочные годы изгнанья.

Светлый дух устремлял кроткий взор
к воротам вожделенного рая,
И не видел лица его враг,
светозарный полет созерцая.

Белой тучей сияли одежды,
и крылья в размахе, и ноги,
И темнела на светлых ногах
пыль земной многотрудной дороги.

Перед сонмами душ нечестивых
над ангелом демон смеялся,—
Светлый дух не внимал клеветам,
и в обителях горних скрывался.

21 ноября 1889

513

СЕРЕНАДА

Серенады нежной звуки
Раздались вдруг под окном, —
И невольно ищут руки
Платье в сумраке ночном.

Кровь взволнованная бродит...
Живо свернута коса...
На балкон она выходит,
Чуть прикрыта и боса.

Желтый месяц озаряет
Ее бледное лицо...
Милый тихо напевает,
Опершися на крыльцо.

21 ноября 1889

514

По улицам грязным деревни
Под мелким осенним дождем
В час раннего утра мальчишки
Учиться бегут босиком.

Вот школа. Убогая хата
Тесна, и темна, и дымна.
Как лавка старьевщика, тесно
Набита столами она.

Пришли и уселися шумно
На старых, избитых скамьях,
Внимание жадное видно
В пытливых и зорких глазах.

Ох, бедные вы босоножки!
Не азбуку нужно бы вам, —
Сознание права нужнее
Забитым и робким рабам.

И раньше, чем песни о детях,
Чем даже молитвы твердить,
Прекрасную песню свободы
Вам, дети, пора б заучить.

Да сложатся песни такие
Тогда лишь, как все мы умрем,
Когда побегут наши внуки
По свежей траве босиком.

27 ноября 1889

515

Сумерки, серые тени,
Вестники ночи и сна.
Вялость тоскующей лени.
Скучная вкруг тишина.

Зорька потухла. Белеет
Снег, подтаявший днем.
Что-то маячит и реет
Там, наверху, за окном.

Крыльями быстро махая,
Чайки ль уносятся вдаль?
Молча сижу я вздыхая,
В душу закралась печаль.

Что это? Боже мой! Слезы.
Вот чем в душе облиты
Грезы, лазурные грезы
И золотые мечты!

6 декабря 1889

516

Если знаешь за собою
Грех большой иль небольшой,
Ставь его перед душою,
В глубине души не крой.

Пусть томится от смущенья
Посрамленная душа,
И суровость искупленья
Пьет из полного ковша.

Пусть и тело пострадает
В аскетических трудах,
Пусть лоза его стегает,
Сея боль, и стыд, и страх.

После этого святого
Покаянного труда
Над душой, спокойной снова,
Всходит ясная звезда.

8 декабря 1889

517

О, душа, ни на что не надейся.
Ной от боли, усталое сердце, томимое горем,
И в груди беспокойно и тягостно бейся, —
Может быть, мы тоской и тревогой развязку ускорим.

Изнывая любовью бессильной,
Догорай, словно факел под бурей сердитой, —
Насыпь свежая, крест надмогильный
Нас прикроют надежной защитой.

На земном безмятежном просторе
Нет ни пяди, не облитой кровью людской да слезами.
Что ни сеяло кровью суровое Горе,
Все сберет, будет время, румяное Счастье цветами.

9 декабря 1889

518 А

Не жалей о разбитом бокале!
О разлитом вине пожалей, —
Не об юности светлой твоей,
О забытом жалей идеале.

Пусть измучена бурею грудь,
Пусть усталое сердце разбито, —
Лишь была бы душой не забыта,
Та любовь, нам казавшая путь,

Та любовь, за которую страстно
Ты боролся, которою жил,
И призывы которой так ясно
Ты ребенком в душе ощутил.

И пока ты прекрасное знамя
Напряженной рукою держал, —
Ты безумной отвагой пылал
И бросался в смертельное пламя.

Знамя вырвано... кубок разбит,
Драгоценный нектар под ногами,
Застилаются очи слезами,
Стыд и страх твою душу томит.

13 декабря 1889

518 Б

Что жалеть о разбитом бокале!
Пролитое вино пожалей.
Не об юности пылкой твоей,
О забытом тоскуй идеале.

Пусть трудами измучена грудь,
И неправдами сердце разбито, —
Лишь была бы любовь не забыта,
В дикой мгле указавшая путь,

Та любовь, что предстала так рано
Пред тобой, оробелым от зла,
И завесу немого тумана
Над твоею душой подняла,

И, как солнечный луч, озарила
Бездну зла и неправды людской,
И не раз на решительный бой
За собою тебя выводила.

Но любовь позабыта; разлит
Драгоценный нектар идеала;
Если сердце порой и горит,
Так душа отзываться устала.

13 декабря 1889

519 А

Когда в лачуге бедняка,
В ночи пронзительно и звонко
Раздался первый крик сынка,
Новорожденного ребенка,

Вошла, незрима никому,
Старуха, Безнадежность злая,
В судьбе ребенка через тьму
Несовершенного читая.

Пока привычною рукой
Его свивала повитуха,
Стояла за ее спиной,
Как тень, ужасная старуха.

И вдруг костлявою рукой
На красном личике бедняжки
Знак положила роковой,
Людьми невидимый, но тяжкий.

Прошли года, и вырос он,
И вместе с горькою нуждою
Пошел в дорогу, окружен
Непроницаемою тьмою.

Сбылось веленье злобных слов:
Все, что нам небо посылало,
И вечно посылает вновь,
Пред знаком роковым бежало.

И все, что ад на землю шлет, —
Нужда, обман, тоска и злоба,
К нему, несчастному, все льнет,
Не расставаясь с ним до гроба.

15 декабря 1889

519 Б

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась,
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, —

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

15 декабря 1889

520 А

СЧАСТЬЕ

Счастье — это тучка в небе голубом,
На землю прольется проливным дождем, —
Над страной далекой, над страной счастливой,
Не над нашей бедной выжженною нивой.

Счастье — это светлый, золотой чертог,
Мраморные стены, в сводах потолок.
Но туда не пустят даже и к воротам
Нас, одетых бедно и пропахших потом.

Счастье — это зрелый, сочный виноград.
Вкус его так нежен, сладок аромат.

Голыми ногами гроздья мы топтали,
Вин же ароматных мы и в рот не брали.

Счастье — это поле вешнею порой
С пестрыми цветами, сочною травой,
Где смеются дети, где щебечут птицы...
Мы на них дивимся из окна темницы.

18 декабря 1889

520 Б

СЧАСТЬЕ

Счастье, словно тучка в небе голубом.
Пролилась на землю радостным дождем
Над страной далекой, пышной и красивой,
Не над нашей бедной выжженною нивой.

Счастье, словно зрелый, сочный виноград.
Вкус его приятен, сладок аромат.
Ягоды ногами дружно мы топтали,
Вин же ароматных мы и в рот не брали.

Счастье, словно поле вешнею порой,
С пестрыми цветами, с сочною травой,
Где смеются дети, где щебечут птицы...
Мы на них дивимся из окна темницы.

18 декабря 1889

521

Царь Ирод, избивший младенцев,
Из ада на землю сбежал,
И, тенью повсюду блуждая,
От радости злой хохотал.

За бледною, злою Нуждою
В деревни он шел, в города, —

Душила костлявой рукою
Малюток лихая Нужда.

Пошел за надменным Богатством,
И снова смеялся злодей:
Губили жестоко Пороки
Живую невинность детей.

И в школы идет он, и слышит
Убийственно тонкую ложь.
Ну что же, царь Ирод! теперь ты
И в ад, торжествуя, сойдешь.

24 декабря 1889

522 А

Разорвалося сердце от боли,
От глухой, неотвязной, гнетущей всегда,
От томительной боли житейской неволи,
Безнадежной тоски и стыда.

Разорвалось, — и кровью облита,
Наслаждается смертною мукою грудь:
Наконец, наконец, эта жизнь пережита,
И пройден утомительный путь.

Смерть грозит мне костлявой рукою.
Нет, покончены муки, я твердо умру:
Я всю жизнь посвятил непосильному бою,
Порываясь к свободе, к труду.

25 декабря 1889

522 Б

Разрывается сердце от боли
Неотвязной, томившей всегда,
От житейской неволи,
Безнадежной тоски и стыда.

Жаркой кровью облита,
Наслаждается муками грудь:
Наконец эта жизнь пережита,
Завершен утомительный путь.

Смерть горит незакатной зарею, —
К ее ласкам я смело иду.
Я был честен и кроток душою,
И покорен труду.

25 декабря 1889

523

Лучи заходящего солнца сквозили
Сквозь темную зелень задумчивых ив,
И светлые кудри ее золотили.
Головку больную к груди наклонив,
Бледна и обвеяна смертным дыханьем,
Глядела на запад невеста моя.
Измучен тоскою, разбитый страданьем,
Сидел с нею рядом под ивами я.
И тихо любимая мне говорила:
«Прости, мой желанный, прости! не для нас
Весна все цветами вокруг расцветила,
В зеленый да пышный наряд убралась!
Не нам по лесам соловьиные трели,
Не нам улыбается светлая ночь.
Болезнью испуганы, грезы слетели
С очей моих жарких давно уже прочь.
В душе поселилась давно безнадежность,
Я к мысли о смерти привыкла давно,
И только к тебе сохранила я нежность,
К тебе только страстное чувство одно.
Но ты не крушися над бедной могилой,
Где буду так скоро я мирно лежать:
Ты силой владеешь, могучею силой,
Не личной тоскою тебе тосковать!
Припомни свои вдохновенные речи,

В те дни, когда ты мое сердце пленил,
И в наши короткие, беглые встречи
Для мыслей суровых мой ум разбудил.
Тогда, мой желанный, тогда поняла я,
Как тягостен многих угрюмый удел.
Над ними царит безнадежность, вливая
Яд скорби и немощи в кубок их дел.
Теперь, погляжу ли, как бедные дети,
Резвяся, играя, бегут предо мной,
Я думаю: жизнь вас запутала в сети,
И пленники вы до доски гробовой.
На мать ли с ребенком гляжу, — и сказала б
Я матери бедной: надежд не лелей,
Нет счастия сыну — и матерних жалоб
Заранее чашу проклятую пей.
Ты, бедный мужик, рассевающий зерна,
Чего ты желаешь, — не знаю, но все ж
Я вижу — удел твой — сгибаться покорно,
Ты счастья и воли вовек не найдешь.
Как много их бедных, голодных, бездольных,
Лишенных надежды на счастье и свет,
И отблеском счастья ничтожным довольных, —
Но им и ничтожного отблеска нет.
Мне кажется, мир золотой изгородой
И тыном стальным пополам разрублен:
Одни наслаждаются светом, свободой,
В другой половине проклятья и стон.
Мысль эта последние дни отравляет...
Я сердце тебе разорвала, мой друг...
И пусть оно страстью вперед не пылает,
Забудет любви мимолетный недуг.
Но нашей пленительной, краткой любовью
Тебя заклинаю я, милый, иди
Пожертвовать даже свободой и кровью
За счастье чужое, что ждет впереди.
Борись, как борец терпеливый и смелый,
С насильем, с неправдой, с коварством и злом,
И веруй — рассеется мрак оробелый
И зло затрепещет под светлым мечом...
Клянись мне любовью прекрасною нашей,

Клянися мне честью и верой своей,
Что ты не отступишь пред смертною чашей,
Что ты не забудешь надежды моей...»
И клялся я, милые руки целуя.
Вечернее солнце лицо ее жгло.
Вечернее солнце и звук поцелуя,
И жаркие клятвы с собой унесло.

26 декабря 1889

524 А

Отрок слабый и недужный,
Долго музу я искал,
И венец ее жемчужный
Я в тумане увидал.
Я услышал голос музы:
«Лишь терпение и труд
С возмущенной мысли узы
Лжи и немощи сорвут».
Но покорен темной лени,
Безрассудно я искал
Недозрелых песнопений
И работы избегал.
И призрел я голос Бога,
Арфу звонкую разбил
И в постыдной лени много
Я растратил юных сил.
Сбился я с прямой дороги,
Но окольного пути,
В кровь избив о камни ноги,
Я не мог, не мог найти!
И воззвал я к музе снова:
— Я подъемлю всякий труд!
Спит медлительное слово, —
Мысли ж быстрые бегут! —
Говорит мне муза: «Труден
Путь любимца светлых муз.
Верь, несчастный, безрассуден

С ними искренний союз:
Будешь жертвою вечерней.
Не введу тебя в чертог,
Но из лавра и из терний
Подарю тебе венок.
С песней, облитой слезами,
Загражденные пути
Необутыми ногами
Должен будешь ты пройти.
И когда послы владыки
Принесут тебе наряд,
Чтоб ты шел туда, где крики
Раболепные гремят,
Славить голосом гремящим
Разукрашенный кумир
И согреть восторгом вящим
Торжествующий их пир, —
Необузданные музы
Увлекут тебя вперед
На труды, на скорбь, на узы,
Может быть, на эшафот!» —
Так мне муза тихо пела,
Вдохновенно глядя вдаль,
И в очах ее горела
Нестерпимая печаль.
И, пленен ее очами,
Я пошел за ней вперед
Необутыми ногами,
Может быть, на эшафот.

24 августа,
27 декабря 1889

524 Б

Отрок слабый и недужный,
К музе громко я воззвал,
И венец ее жемчужный
Я в тумане увидал.

Слышу сладкий голос музы:
— Лишь терпение и труд
С возмущенной мысли узы
Лжи и немощи сорвут. —

Но покорен темной лени,
Я везде искал одну
Мимолетных вдохновений
Белопенную волну.

Я в тоске нарядной много
Даром тратил пылких сил, —
И суровый рок мой строго
Арфу звонкую разбил.

Мрак сгустился надо мною,
Но во мгле моих невзгод
Кто-то девственной мечтою
Все манил меня вперед.

И воззвал я к музе снова:
— Подниму я тяжкий труд.
Дай мне огненное слово, —
Мысли блещут и бегут.

Говорит мне муза: — Труден
Путь любимца чистых муз.
Верь, мечтатель, безрассуден
С ними, гордыми, союз:

Повеленья их суровы,
И закон их воли строг.
Не лавровый, нет, терновый
Подарю тебе венок.

С песней, облитой слезами,
Загражденные пути
Неистомными ногами
Должен ты один пройти.

Нет друзей тебе в народе.
Верен сладостной мечте,
Пой о свете, о свободе,
О любви, о красоте. —

Так мне муза тихо пела,
Вдохновенно глядя вдаль,
И в глазах ее горела
Неизбывная печаль.

24 августа,
27 декабря 1889

525 А

СЕ ЖЕНИХ ГРЯДЕТ В ПОЛУНОЩИ...

В час внезапный, неизвестный,
В час полуночи глухой
К нам сойдет Жених Небесный
Потаенною стезей, —
И блажен, кто, бодр и светел,
Будет ждать его в ночи,
Кто ночные тени встретил
Ярким пламенем свечи.
Кто ж, унывши в мертвом мраке,
Загасил свой слабый свет,
Для того на пышном браке
Места праздничного нет.
Так блюди же за собою,
Да не снидет в душу сон,
И кромешной смертной мглою
Да не будешь полонен.
Но молись, оставя ложе,
Приснодеву призывай:
Трижды свят Ты, вечный Боже,
Отвори нам светлый рай.

29 декабря 1889

525 Б

В час, лишь Господу известный,
В час полуночи глухой
К нам сойдет Жених небесный
Потаенною тропой,—

И блажен, кто бодр и светел,
Ждал Желанного в ночи,
Кто ночные тени встретил
Ясным пламенем свечи.

Кто ж, печалясь в мертвом мраке,
Не поддерживает свет,
Для того на браке
Места нет!

29 декабря 1889

526

Песенка иная
Нам не ко дворам, —
И певца из края
Гонят по шеям.

За китайской стенкой
Наша спит земля,
А певцу коленкой
Дали киселя.

Если ж он в отчизне,
То, помилуй Бог,
Как его при жизни
Гнут в бараний рог.

Вспорют — небу жарко,
Да и протурят
В край, куда Макарка
Не гонял телят.

29 декабря 1889

527

Узколобое нахальство
Возрастя в пустой груди,
Лыком шитое начальство
Нам кричит: «Не подходи!»

1886—1889
Великие Луки

528

Невыносимо тяжкое воспоминанье
На утомленный ум безжалостно легло,
Терзает сердце мне, как коршун злой, страданье.
В груди подавлено звенящее рыданье,
От дум, как обручем, оковано чело.

1889

1890

529

Мигом оставлен полок,
Дверь отворил я, — как в пламя.
Наледеневший порог
Вдруг потеплел под ногами.

Ты ли, Снегурка, меня
Сжала так сильно в объятья?
Что ты смеешься, дразня?
Ты, как и я же, без платья.

— Я-то привычна, а ты?
Дедко стучит по воротам! —
В круге ночной темноты
Мчусь я не бегом, а лётом.

А у дверей постою:
— Ну, поцелуй на прощанье! —
Медленно стыну, и пью
Нежной Снегурки лобзанье.

Вот я и дома, в тепле,
Вьюга за окнами хнычет,
И самовар на столе
Тихую песню мурлычит.

Я лишь в одной простыне,
Теплой, забавно суровой.
Чай лучше не́ктара мне,
Так мне уютно в столовой.

Только Снегурки мне жаль.
Так и растает весною?
Иль в ледовитую даль
Птичкой порхнет полевою?

9 января 1890

530

ЗВЕЗДАМ

В небе звезды ярко блещут,
Дали светом осияны.
Мысль моя летит с тоскою
В те неведомые страны,

Где сияют эти звезды,
Где толпы миров кружатся,
И напрасные вопросы
На душе моей родятся:

Есть ли там такие ж люди?
Правят так же ль ими страсти?
Так же ль дики там и злобны
Бед бессмысленных напасти?

19 января 1890

531

ВОДЫ

Весенние воды, что девичьи сны:
В себе отражая улыбки весны,
Шумят и сверкают на солнце оне
И шепчут: «спасибо весне!»

Осенние воды — предсмертные сны:
С печальным журчаньем, всегда холодны,
По вязкой земле, напоенной дождем,
Текут они мутным ручьем.

28 января 1890

532

Так я, в моем темном изгнаньи,
В глуши безответно-немой
Не выразил в песне страданья,
Ни радости светлой, живой, —

Но долу поникнув очами,
В душе затаивши упрек,
Я ждал, обливаясь слезами,
Когда переменится рок,

Когда говорливые волны
Житейских страстей набегут,
И стройный, и звучный, и полный
Аккорд из души извлекут.

Но жизни печальной и трудной
Не встретиться с бурей мирской,
Все тот же в ней сон непробудный,
И тот же все мертвый покой.

31 января 1890

533

ИЖЕ ХЕРУВИМЫ

Изображая таинственно лики святых херувимов,
Жизнедающую Троицу чтим трисвятым песнопением.
Ныне простимся на время со всяким земным попечением.
С нами, ликуя, подъемлют Зиждителя рати незримых.
Ангелов сладкие песни сливаются с нашим хвалением.

2 февраля 1890

534

Не обнажай моих сокрытых ран,
Не говори мне о моих пороках.
Развеялся, как утрений туман,
Весь дар, который мне природой дан.
Что пользы мне в язвительных упреках!

Погибельной дорогою идти
Оставь меня, надежды не питая,
Что я сверну с печального пути.
Поломанной березе не расти,
И труп не встанет, зову отвечая.

Когда ладью помчит в водоворот,
Она в пучине сгибнет неизбежно.
Пускай ловец дрожит или гребет, —
Неумолимый рок его влечет,
И бездна требует мятежно.

2 февраля 1890

535

ВРЕМЯ БИТВЫ

Наше злое время — время лютой битвы.
Прочь кимвал и лиру! гимнов не просите,
Золотые струны на псалтири рвите!
Ненавистны песни, не к чему молитвы.

О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте клич суровой чести,
Клич, в котором слышен голос кровной мести,
Клич, в котором дышит сила огневая.

Песни будут спеты только после боя,
В лагере победы, — там они зажгутся,
Там с гремящей лиры звуки понесутся,
Там польется песня в похвалу героя.

Над телами ж мертвых, ночью после сечи,
Будет петь да плакать только ветер буйный
И, плеща волною речки тихоструйной,
Поведет с лозою жалобные речи.

6 февраля 1890

536 А

Склонилася гнуткая ива
Над тихо журчащей рекой
И, ветви качая лениво,
В воде любовалась собой.

Прозрачные, гладкие струи
Так тихо плескались у ног,
И свежие их поцелуи
Ласкали прибрежный песок.

На небе вечерние краски
Тонули в серебряной мгле,

И ангелов яркие глазки
Склонились к заснувшей земле.

Внизу становилося сыро,
Клубился ползучий туман, —
Во мне только не было мира,
Лишь я был тоской обуян.

В порывах тоски и сомненья
Рвалася душа пополам,
И сладостной чаши забвенья
Не мог поднести я к губам.

17 февраля 1890

536 Б

Был вечер задумчивый мая.
Из кельи суровой моей
Ушел я, мой труд забывая,
В раздолье широких полей...

Глубоко заснули печали,
И грезы вились над челом,
Но где мои мысли блуждали,
Не мог я припомнить потом.

Вдруг нежного ветра дыханье,
Кусты над рекой наклоня,
Щемящей тоской ожиданья
Вернуло к природе меня.

Безмолвно стоял я под ивой
И вновь о нездешнем мечтал,
И вновь над душой горделивой
Смиряющий ангел сиял.

⟨17 февраля 1890⟩

536 В

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Склонилася гибкая ива
Над тихо журчащей рекой
И, ветви качая лениво,
В воде любовалась собой.
Упругие, светлые струи
Чуть слышно плескались у ног,
И нежные их поцелуи
Ласкали прибрежный песок.
На небе вечерние краски
Тонули в серебряной мгле,
И звездочек яркие глазки
Склонялись к заснувшей земле.

17 февраля 1890

536 Г

Склонилась плакучая ива
Над тихой рекой,
И, ветви качая лениво,
В воде любовалась собой.

Упругие, светлые струи
Чуть слышно плескались у ног.
Смеялся на их поцелуи
Ленивый и влажный песок.

На небе вечерние краски
Тонули в серебряной мгле,
И звезд безмятежные глазки
Сияли приветом земле.

Безмолвно стоял я под ивой
И вновь о нездешнем мечтал,
И вновь над душой горделивой
Смиряющий ангел сиял.

17 февраля 1890

537

Пряным запахом сирени
Сладко дышит темный сад.
Нежный ландыш ищет тени,
Льет невинный аромат.

Там под тенистым каштаном
В летний зной нам есть приют.
Там, обрызганный фонтаном,
В сладкой лени дремлет пруд.

Выбегая из-под тени
К освещенному пруду,
Гнутся шаткие ступени,
По которым я иду, —

И, пока меня объемлет
С тихим ропотом волна,
Сад задумался и дремлет
И царит в нем тишина.

4 марта 1890

538

У древних была откровенна любовь,
Был Эрос крылатый и голый,
Румяный, как роза, простой, как морковь,
Как вешнее солнце, веселый.

У нас в подвенечном наряде любовь,
А все-таки дело не проще:
Невестку ругает за шашни свекровь,
И тещи от злобности тощи.

5 марта 1890

539

Жила-была когда-то,
Могуча и богата,
Царица Белена,
Красивая да белая,
Веселая да смелая,
Пленяла всех она.

11 марта 1890

540

ОЗЕРО

Спокойно озеро: широко,
Как чаша, полная водой,
Зарей подчеркнуто с востока,
Хранит пленительный покой.

Одета дымкой розоватой,
Не шелохнется осока,
Туманом скрыта, словно ватой,
Вдаль убежавшая река.

Прилив бодрящей, свежей сырости
Отрадно душу веселит:
Казалось, где б тревоге вырасти, —
А все ж она томит,

Томит отравой сладко-горькой,
Слезами кроет даль,
И я, любуюсь алой зорькой,
Сам не пойму, о чем печаль.

Хочу ль сказать я солнцу: — Брызни
В туман потоками лучей,
И жарким веянием жизни
Тишь приумолкшую обвей? —

Иль жалко мне, что обаяние
Прохлады утренней сбежит,
И солнца гордое сияние
Опять глаза мне утомит?

13 марта 1890

541

ОЛЕГОВ ЩИТ

Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех пор
Олегова щита нам светит позолота,
И манит нас к себе на дремлющий Босфор.

Века бегут на нас грозящими волнами,
Чтобы отбросить нас на север наш немой
И скрыть от наших глаз седыми облаками
Олегов светлый щит, блистающий звездой.

Но не сдержать в горах движенья снежной лавы,
Когда, подтаяв, вдруг она летит на дол, —
И Русь влечет на щит не звонкий голос славы,
Но мощно-медленной судьбины произвол.

18 марта 1890

542

Я люблю только грустные книги,
Отголоски тоски и страданий.
Оторваться от них не могу я,
Словно в них нахожу утешенье,

И смеющейся радости повесть
Я порою с отрадою кину
Для страниц, переполненных ядом
Трудных дней и свинцового горя.

Оттого ли я грустные книги
Так люблю, так читаю их жадно,
Что в моей отуманенной жизни
Так сильны и печаль и томленье?

Оттого ли, что часто я вижу
Озабоченно-грустные лица,
Да печальные жалобы слышу,
Да отзывы жестокого смеха?

25 марта 1890

543

НА ЗАКАТЕ

Кротко день умирал,
Угасая в предчувствии ночи.
В этот вечер я юность свою вспоминал.
Вспоминал я угасшие очи

Догоревшей до срока подруги моей
И горячие, милые речи.
Быстролетнее летних ночей
Проносились печальные встречи.

Мы едва обменяться могли
Впечатленьями скованной мысли.
Над раздольем родимой земли
Непросветные тучи нависли,

И, как змеи, зарницы над нашей судьбой
Загоралися пляскою зыбкой,
И, скользя, погасали во тьме роковой
Неразгаданно-вещей улыбкой.

Чем короче, тем ярче был наш разговор,
Словно молния в мраке упорном,
И угрюмей и жарче твой взор
Загорался огнем непокорным.

Пронеслися года,
Ты убита неравной борьбою, —
Я бреду по суровой дороге труда,
И смирился пред злою судьбою.

Я душою ослаб,
Догорел я в тоске бесполезной,
И молчу, как измученный раб,
Изнемогший под цепью железной.

Твой страдальческий образ порой
Над моею душой загорится, —
Но в печальных стихах моих только тоской,
Только жгучей тоской отразится.

30 апреля 1890

544

Для тоски беспредельной, для горьких тревог,
Омрачивших безумные, темные годы,
Не умел я найти воплощенья, не мог,
Как не мог, не умел я добиться свободы.

Беспокойная память красивых картин
Быстрой цепью на выбор ко мне не приводит,
И метафор душистых, как белый жасмин,
Мысль моя для суровых стихов не находит.

В этой песне не звуки, лишь стоны одни,
В этой песне не мысли, лишь вопли страданья, —
Бьется песня моя, словно бьются огни,
Обнимая пожаром высокие зданья,

Поднимаяся к небу багровой волной.
Догорают остатки сараев и хижин,
Бесполезно сожженных внезапной грозой, —
И небесный огонь бесполезно унижен.

Эти песни в сырой и холодной тюрьме
Мог сложить бы измученный пытками узник.
Не в своем их нашел я печальном уме, —
Мне неволя их пела, мой робкий союзник.

В каземате одна только дума живет,
Лишь одно ожидание страстное воли, —
Так во мне, что ни час, не смолкая, растет
Жалкий плач угнетенной, обиженной доли.

Весь избыток невзятых работою сил
Отдает мое сердце печали и гневу.
Оттого-то и звук моей песни уныл,
И подобен надгробных канонов напеву.

Но пойду я на вольном и трудном пути,
Пусть ведет он меня на печаль и на муки,
И для мысли свободной дано мне найти
И могучие краски, и стройные звуки!

1) 1 мая 1890

545

Люблю я в шахматы играть,
Хоть бестолково я играю:
Игру мне скучно изучать,
И я теории не знаю.

Мои партнеры не сильны,
Играют в шахматы, как в карты,
И никакие не страшны
Мне в строгих шахматах азарты.

⟨2)⟩ 1 мая 1890

546

Пойду на речку слушать соловья,
И ничего, что очень сыро.
Там не ужалишь ты меня, змея
Всегда враждебного мне мира.

4 мая 1890

547

И дымят, и свистят пароходы;
Сотни барок тяжелых и гонок,
Долговязых плотов и лодчонок
Бороздят оживленные воды.

Здесь веселые резвые дети,
Словно чайки, снуют над рекою,
Там идут бурлаки бечевою,
Там разложены мокрые сети.

Опрокинута старая лодка
Перед чьею-то ветхой избою,
И полощет умелой рукою
Чьи-то тряпки босая молодка.

Как мятежное, вольное море,
Воздух яркими звуками стонет,
В их разливе стремительно тонет
Песня личного мелкого горя.

Отойдешь от реки, — на погосте
Все так тихо, так сладко-покойно!
Надмогильные насыпи стройно
Прикрывают истлевшие кости.

Обомшали седые каменья,
И накрестные надписи кратки,
Как неясного смысла загадки
Или цепи разорванной звенья.

Лишь ворона порой над крестами
Пролетит, лишь кукушка кукует.
Тихо ветер порою подует
И качнет молодыми кустами.

Здесь, в приюте забытом, угрюмом
Песня скорбная, горькая зреет
И, что свечка в тиши, пламенеет,
Негасима движеньем и шумом.

11 мая 1890

548

Не на то я рожден, чтобы петь соловьем,
Да нужда заставляет по-птичьи свистать.
Я умел бы сердца жечь палящим огнем,
Я умел бы народ на борьбу призывать...

С обнаженным моим и суровым стихом,
Без блестящих метафор, без ярких картин
Долго шел я вперед многотрудным путем,
Долго был я во мгле одинок и один.

Беспокойному вихрю я песню мою
Отдавал на его удалое крыло.
Как кораблик-игрушку к малютке ручью,
Опускал я свой стих на живое стекло.

В жаркий полдень стрелу из палящих лучей
Золотого светила я радостно брал
И на луке упругом надежды моей
Извитую из дум тетиву напрягал.

В безмятежную ночь опускала луна
Серебристые, нежные струны ко мне.
Тихо каждая, зыбляся, пела струна,
Тихо песня моя отвечала струне.

1) 17 мая 1890

549

На заре моей жизни сплетала мечта
Разноцветную вязь ароматных цветов.
И в природе была для меня разлита
Песня звонкая, сладкая, точно любовь.

Но промчались над мною постылой чредой,
Как тяжелые тучи, больные года,
И померк, и затих мир мечты молодой,
И в душе от него не осталось следа.

2) 17 мая 1890

550 А

Для иного мой тяжкий удел
Был бы вечным источником слез,
Но я с ним примириться сумел,
Хоть я беден, оборван и бос.

Пусть я немощен телом и слаб, —
Я душой непреклонною тверд,
И хотя я тружуся, как раб, —
Но, как царь, я свободен и горд.

И всегда наяву и во сне,
Я царем на природу смотрю,
И она покоряется мне,
Как покорный сановник — царю:

Для меня в пору вешних ночей,
Как артисты, поют соловьи,
Как невольник целует ручей
Обнаженные ноги мои,

И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Их волочит по серой пыли.

3) 17 мая 1890

550 Б

Одинок я, и беден, и слаб, —
Но душой непреклонною тверд.
Я тружуся, как скованный раб, —
Как орел, я свободен и горд.
И в невзгодах я счастлив вполне, —
Я царем на природу смотрю,
И она покоряется мне,
Точно чернь — самодержцу-царю.
Для меня в пору внешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.
И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно клоня,
Их волочит по серой пыли.

⟨17 мая 1890⟨?⟩.
⟨Не позднее 11 августа 1894⟩

550 В

По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа — моя,
Для меня наряжается мир.

Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.

И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.

17 мая 1890

551

Он поэтом рожден. В колыбельку ему
Рой волшебниц принес беззаботные сказки.
Золотыми лучами прорезали тьму
Перед ним заревые улыбки и ласки.

Как прозревший слепец, безотчетно дивясь,
Он на все обращал беспокойные взоры,
И цветов и созвучий звенящая вязь,
С яркоцветной мечтой прихотливо сплетясь,
С ним играла всегда и вела разговоры.

Улыбалася травка ему от земли,
Улыбались зеленые, гибкие лозы.
На заре в небесах ему розы цвели,
Зорьки наземь сошли, по кустам залегли,
На шиповнике диком раскинулись в розы.

Много сказок шептал серебристый ручей,
Обнаженные ноги его обнимая,
И целуя чету прибережных камней,
Он прозрачной струей извивался, как змей,
И смеялся, и пел, и звенел, убегая.

Песни звонкий напев, тихий ропот струны,
Струи света дневного, ночное мерцанье,
Бриллианты зимы, ароматы весны,
В ярких красках и звуках нарядные сны,
Сладкий трепет надежд, жаркий говор желанья...

17 мая 1890 ⟨1912—1913⟩

552 А

Под солнцем палящим и жарким
Расплавленным золотом ярким
Горело речное стекло,
Лобзалися с воздухом воды,
Трещали стрекоз хороводы.

На радостном пире природы
Я встретил угрюмое зло.
Стонал исполин утомленный
Над нивою, солнцем спаленной,
Широкой рекой златозвонной
Богатство к пигмеям текло.

Я бросил звенящую лиру,
И с жалобным стоном одна
Рвалась за другою струна.
Блуждая, как Каин по миру,
Ищу я, где царствует труд
И где золотому кумиру
Бесценных даров не несут.

Но всюду встречал я картины
Неправых стяжаний и зла:
От века путями кручины
Рука неизбежной судьбины
Рабов беззащитных вела.

И меркнут мои упованья,
Как меркнет пред ночью заря,
И жгучей отравой страданья
Исполнена песня моя.

17 мая 1890

552 Б

Стрекоз говорливая стая
Звенела, и облачко, тая,
Тихонько по небу ползло.
Был полдень торжественно-светел,
А мне было так тяжело!
В просторе веселом я встретил
Все то же постылое зло:
Над зрелою нивой
Стонал исполин терпеливый, —

Волною гулливой
К пигмеям богатство текло.

Ушел я из милой страны,
Где сердце ласкали
Лазурные сны,
Где грезы мои расцветали
В объятиях ясной весны...
Широкие дали
Одна за другою мелькали...
Искал я ту землю, где труд
Желанен и радостен миру
И где золотому кумиру
На жертву людей не ведут.

Но всюду путями кручины,
Стяжаний неправых и зла
Железная воля судьбины
Людей непреклонно влекла.

Померкли навек упованья,
Замолкли в душе соловьи, —
Отравлены ядом страданья
И сказки, и песни мои.

17 мая 1890

553

Непорочно зачатое Слово
В целомудренном лоне созрело,
Без болезни на свет народилось,
Без греха в тишине возрастало,
Наконец перед миром явилось,
И пошло по лачугам убогим,
По дорогам и рынкам шумливым,
Исцеляло чудесно недуги,
Врачевало душевные раны.

Ополчилась коварная злоба,
И нашелся предатель Иуда
И казнили невинное Слово, —
На высоком кресте пригвоздили.
Но воскресло могучее Слово,
И возносится в горние дали
И высоко над миром сияет.

Эта древняя, чудная повесть
На земле повторяется вечно.

24 мая 1890

554

В ЦЕРКВИ

Сегодня в церкви долго я смотрел
На девочку, которая молилась
С таким восторгом, будто бы слетел
К ней ангел блещущий. Она склонилась

И стала на колени, и потом
Не подымалась долго, очень долго,
Как будто над поникнувшим челом
Лежало неотпущенного долга

Беремя тяжкое. И думал я,
О чем ее смиренное моленье?
Иль на показ стоит она, тая
Совсем иное, плотское волненье?

Но кроток был ее прилежный взор,
Просительно прикованный к иконам,
И видел я, — когда церковный хор
Звучит торжественно-молящим стоном,

В ее глазах заискрится слеза,
Чуть видная, как нежная росинка.

Ужели лгут, дитя, твои глаза,
Как лжет твоя нарядная ботинка?

Как будто бы наказана она,
Или усердно просит о прощеньи,
Раскаянья печального полна
В невольном или вольном прегрешеньи.

И мне хотелось ей тогда сказать:
Ты не напрасно стала на колени,
Чтобы себя смиренно наказать
За мрачный счет забытых прегрешений.

В беспечной праздности виновна ты!
Как многие, и в том ты виновата,
Что в мире зол и бледной нищеты
Ты счастлива, нарядна и богата.

Грешна ты тем, что можешь ты носить
Твою воздушно-розовую шляпку,
А там себя торопиться рядить
Дитя в тобою брошенную тряпку.

Грешна ты тем, что стройный сапожок
Теснит твою хорошенькую ножку,
А там внизу и рваных нет сапог,
Чтобы обуть озябнувшую крошку.

И потому молися, — за себя
И за других, молися со слезами,
И, может быть, несчастных полюбя,
Прозреешь ты духовными очами.

2—3 июня 1890
Ночь. Семинария

555

Разнообразно примененье
Коры, ствола, корней и лоз,
Но близко мне употребленье
Одних лишь северных берез.

Метлою пол мету я дома,
Годится веник в банный пар,
Мила с ним банная истома,
Но розги — неприятный дар.

5 июня 1890

556

НА СОВЕТЕ

⟨1⟩

Хоть ты пой соловьем,
Иль кукуй кукушкой,
Иль трещи скворцом,
Голоси старушкой,
Хоть волчонком вой,
Хоть девчонкой пой,
— Все-таки придется
Исполнять приказ:
Никогда не удается
Оппозиция у нас.

1) 6 июня 1890

⟨2⟩

«Какие нужно достигать
Ученьем цели?»
— «Знать катехизис, — и таскать

Часы из-под чужой постели!» —
— «Ах! Неужели!?»

2) 6 июня 1890

⟨3⟩

Хоть знаний тьма,
Но нет ума!

3) 6 июня 1890

⟨4⟩

Саранча, Тертуллиан,
Марица и Шипка,
А письмо напишет — ан,
Что ни слово, то ошибка!

4) 6 июня 1890

⟨5⟩

Наша религия очень высокого сорта:
Верим мы в Бога, но верим и в черта.

5) 6 июня 1890

⟨6⟩

Я сегодня замечаю
(Впрочем, случай тот не нов):
Льется в глотки больше чаю,
Чем из глоток слов.

6) 6 июня 1890

⟨7⟩

В уме учеников найдется
Тертуллиан и Августин,
А неизвестен остается
Им Иисус Христос один.

7) 6 июня 1890

⟨8⟩

Назвался груздем, так в кузов
Полезай! Честная публика,
Ведь у нас не у французов, —
Не республика!

8) 6 июня 1890

557

Когда твой смех весельем дышит,
И влажный взор блестит,
И, как заря на небе, пышет
Огонь твоих ланит, —

Томит печалью несказанной
Меня твой ясный лик.
Из тьмы души моей туманной
Несется скорбный крик:

— О, не ужель настанет время, —
Склонясь перед судьбой,
Ты тусклых дней поднимешь бремя,
И станешь ты рабой,

Как я, безумна и порочна,
Тоскою сожжена,
И так же в страшный час полночный
Ты не дождешься сна? —

9 марта, 9 июня 1890

558

СКАЗКИ

Невесте

Время сплетает чудесные сказки, —
Старые сказки пред былями жизни бледнеют.
Так и твои безмятежные ласки
Рано иль поздно, мой друг, охладеют:
Вся ты отдашься житейской заботе,
Детки пойдут, — и не будет любовного жара.
В сказке царевич летал на ковре-самолете,
Ныне же даль пожирается силою пара,
Ныне беседуют люди без встречи, —
Вот и у нас телефон заведется:
Будут не нужны ни клятвы, ни пылкие речи,
Сердцем без слова любимое сердце поймется.

9 июня 1890

559

Посмеялась ты, жизнь, над моими мечтаньями смелыми,
Разогнала, как дым, обаянье ребяческих снов.
Я мечтал, что засыплю мечтами, как розами белыми,
Золотую решетку певучих и звонких стихов.

Я мечтал, что войду я бесстрашно тропой потаенною,
Словно в чашу лесную, в сокрытый душевный тайник,
И приникну во тьму, мне любовью моей освещенную,
И пойму затаенных страстей непонятный язык.

Но скитаясь в толпе, как в пустыне, бесплодно томительной,
Ни цветка в ней сыскать я не мог средь сыпучих песков.
Мне открылись лишь сотни сердец, пустоты поразительной,
Пустоты поразительной многие сотни голов.

11 июня 1890

560

Бедный дом мой не украшен,
Домострой мой очень строг,
Но, когда огонь погашен,
Мне мерещится чертог.

В нем на мраморных колоннах
Поднялся высоко свод,
Где из многих лампионов
Свет торжественный течет.

Дам и рыцарей улыбки,
Лица детские пажей,
А литавры, трубы, скрипки
Все звончей и веселей.

Я, король, на новосельи
Открываю светлый бал,
Чтобы каждый гость в весельи
Все печали забывал.

13 июня 1890

561

ТУЧКИ И ВЕТЕР

Тучки реют под ласковым небом,
Точно дети купаются в речке.
Ветер мчится над зреющим хлебом,
Точно конь без седла и уздечки.
Дети плещутся в речке глубокой,
Словно тучки на ясной лазури.
Тройка мчится дорогой широкой,
Как могучее веянье бури.

14 июня 1890

562

Раз шалунье-капле стало скучно в море:
Высь ее прельстила,
Солнце заманило,
Сладко улыбаясь в голубом просторе.

Солнце посылало золотые струи
Из небесной дали,
И они ласкали
Маленькую каплю, словно поцелуи.

С каждым их лобзаньем капля загоралась
Новым, сладким жаром,
И незримым паром
Наконец на волю радостно умчалась,

И навстречу солнцу устремилась смело...
Но, увы! Светило
Недоступно было,
Капля ж поневоле в небе холодела.

И земля родная маленькой беглянке
Снова милой стала,
И она упала
С дождиком шумящим на лесной полянке.

15 июня 1890

563

Не верь таинственным преданьям,
Не верь наивным упованьям
Своей неопытной души,
И даже самым отрицаньям,
Дитя, поверить не спеши.

20 июня 1890

564

Когда цвела Александрия,
Когда царил в ней Птолемей,
Дивилась пышная Азӥя
Величью города царей.
Возникли пышные чертоги,
Сады раскинулися там,
Где за сто лет не зрели боги
Теперь воздвигнутый им храм.
Но имя суетной столицы
Я не затем упомянул,
Чтоб звоном девственной цевницы
Воспеть и блеск ее и гул, —
Давно богатство не тревожит
Мечту свободную мою,
Я лишь о том, что благо множит,
Стихом восторженным пою.
В седую древность устремила
Меня свободная мечта,
Затем, что мысль мою прельстила
Совсем иная красота,
Не красота бездушных зданий,
Садов, фонтанов и колонн,
И сладостных благоуханий,
Воздушно-ласковых, как сон,
Не красота звенящих песней,
Не прелесть эфиопских жен, —
Красою выше и чудесней
Я в эту древность устремлен.

В лачуге бедной и смиренной
Жил уважаемый старик.
Ничей ни разу дерзновенный
Не оскорбил его язык,
Хоть был он беден. Все считали
За чародея старика,
Иные слов его алкали,
Чтоб его твердая рука
Их повела меж заблуждений,

Страстей, коварства, горя, зла
В тайник нетленных наслаждений.
Другим порой нужна была
Его прозорливость: гадали.

23 июня 1890

565

О родина! если б источники слез
Послать мне суровый твой Бог соизволил, —
Под небом, суровым порывами гроз,
О бедах твоих я бы слезы те пролил.

24 июня 1890

566

По сырой земле весною
Босиком я проходил,
И прохладою лесною
Песню вешнюю будил.

Звонко щебетали птицы,
Ландыш был пахуч и бел,
Голос радостной девицы
За деревьями запел,
Долго ждал я, — лик певицы
Я увидеть захотел.

Вот она мелькнула мимо,
Засмеялась и прошла,
Как мечта, неуловима,
Как надежда, весела.

И опять стихи слагаю
Про цариц и про девиц,
Про безжалостную стаю
Баловниц и чаровниц,

Сети милые сплетаю,
Чтоб ловить лукавых птиц.

25 июня 1890

567

В далекой Индии, давно, в былые годы
В богатом городе прелестница жила,
Пленяя красотой, изменчивой, как воды,
Очами черными, как яркая смола,
И обращением, исполненным свободы,
И ризой алою, которая ей шла,
Как мрачной полночи светила золотые,
Горящие теперь, как и в года былые.

Бывало, только ночь распустит свой хитон
И с плеч пурпуровых его на землю бросит, —
В дому прелестницы уж слышен лютни звон,
И тихий ветерок по городу разносит
Напевы жгучие, смущающие сон
Того, кто только сна от темной ночи просит,
Кто день провел в труде и хочет отдохнуть,
Как странник, кончивший тяжелый, долгий путь.

Но юность праздная, от тягостной работы
Трудом рабов своих избавленная, там
Сходилась, что ни ночь, без думы и заботы,
И свежестью ланит подобная цветам,
И рьяностью — орлу в часы его охоты,
Пила продажных ласк пьянящий фимиам,
И с юной силою прелестнице немало
Даров блистательных в награду оставляла.

28 июня 1890

568

Оскверняешь ложью
Ты простор полей,
Называешь Божью
Землю ты своей.
Даже гор уступы
Осквернил хулой.
О, какой ты глупый!
О, какой ты злой!

1 июля 1890

569

Да, эликсир из юных поросят, —
Вот лучший способ для продленья жизни.
Тебя, старик, пусть годы не страшат,
Есть средство верное: под кожу брызни
Поганой жидкостью, и станешь вдруг
Неутомим, как утренний петух,

И выйдешь ты отличною подделкой
Под юношу: хоть тотчас под венец.
Вот хорошо! Теперь уж жизни мелкой, —
Лет в шестьдесят, — совсем пришел конец.
Мы станем жить по десяти столетий,
Но во сто лет еще ль мы будем дети?

2 июля 1890

570

Вблизи колодца мне мальчишка
В деревне встретился, горлан.
Он — озорник? или воришка?
Иль просто бойкий мальчуган?

Лицом он писаный красавец,
Орет он бранные слова.

Да кто ж он? будущий мерзавец?
Иль удалая голова?

Большой, босой, расстегнут ворот.
Подходит девушка с ведром:
— Опять ты, Степка, нынче порот! —
Хохочет он: — Мне нипочем!

Всех богачей на дым развеять!
Мне не мешай озоровать!
На ...е-то не репу сеять,
А ты молчи, ...а мать! —

Звериные сверкают зубы,
Улыбка поперек лица,
Но, хоть слова крепки и грубы,
Он все ж похож на мертвеца, —

Так механичен хохот звонкий,
И так свободно брань летит
Из уст румяного ребенка,
Забывшего, что значит стыд.

Тускнеет вся вокруг природа,
Где эта брань и эта грязь,
И как бы светлая свобода
В болоте тусклом родилась?

Ты силы копишь или тупишь,
Россия? Где твой талисман?
Что ты продашь и что ты купишь
На торжище великих стран?

Грабеж, убийства и пожары,
Тюрьма, петля, топор и нож,
Вот что, Россия, на базары
Всемирные ты понесешь!

13 июля 1890

571 А

Средь боя брошен, одинокий,
Я помощи напрасно ждал:
Меня свалил мой враг жестокий,
В груди моей его кинжал.

Лежу я, весь облитый кровью,
В мученьях корчась на земле,
И жизнь с враждою и любовью
Скрывается в зловещей мгле.

Померк надо мною свод небесный,
Окутал очи смертный мрак,
С хрипеньем воздух в груди тесной
Переливается кой-как.

И, слабо простирая руки,
Молю врага: о пощади!
Дай умереть без лишней муки!
Не поверни ножа в груди!

2 июля 1890

571 Б

На бой я вышел одинокий,
Напрасно помощи я ждал:
Свалил меня мой враг жестокий,
В моей груди его кинжал.

Я, простирая слабо руки,
Молю врага: — О, пощади!
Пускай умру без лишней муки!
Не поверни ножа в груди! —

2 июля 1890

572

Не верь певцу, властитель:
Тебе он песней льстивой лжет,
Когда в твою обитель
Его случайность заведет.
Пускай он в звучной оде
Тебя до неба вознесет,
Но песня о свободе
Одна его переживет.
Полюбит песню эту,
И станет петь ее народ,
И с этой песней к свету
Пойдет, и цепи разорвет.

4 июля 1890

573

Не хочет судьба мне дарить
Любовных тревог и волнений;
Она не дает мне испить
Из кубка живых наслаждений.

И грезу я плотью облек,
И дал ей любовные речи,
Надел ей на кудри венок,
Прозрачное платье на плечи.

Услышав зовущую речь,
Она в мою ночь приходила,
И, сбросив с мечтательных плеч
Одежду, мне радость дарила.

Когда же разрежет восток
Лучами багряное солнце,
И, встретив их яркий поток,
Зардеются стекла в оконце, —

Она становилась бледна,
Печально меня целовала,
И в узком просвете окна
В сияньи зари исчезала.

4 июля 1890

574

Как злобу победить свирепую
  Жигучих трав?
Сложи поэму, хоть нелепую,
  И будешь прав.

Как отогнать воспоминание
  О боли лоз?
Сложи об ангелах сказание, —
  Нет больше слез.

Как погасить стыдом зажженные
  Огни ланит?
Сложи молитвы умиленные, —
  Погаснет стыд.

Как призрак отогнать пугающий
  В грядущих днях?
Сложи напев благоухающий, —
  И где твой страх?

30 июля 1890

575 А

Мы едем возле речки
На рьяных лошадях.
Горят мои лобзанья
У милой на щеках.

Сияют наши взоры,
Сияет все вокруг:
Река, холмы, деревья,
И облака, и луг.

С веселою улыбкой,
И розовой мечтой
Мы, глядя друг на друга,
Торопимся домой.

Несутся наши кони,
И следом пыль летит,
Как будто бы дорога,
Где едем мы, горит.

4 августа 1890

575 Б

Верхом я еду с милой,
И пыль столбом летит,
Как будто бы дорога
Дымится и горит.

С веселою улыбкой,
С забавною мечтой
Мы, глядя друг на друга,
Торопимся домой.

Горят мои лобзанья
У милой на щеках.
Над нами вьются грезы
О вожделенных днях.

Сияют наши взоры,
Сияет все вокруг:
Река, холмы, деревья,
Поля, леса и луг.

Верхом я еду с милой,
И пыль столбом летит,
Как будто бы дорога
Дымится и горит.

4 августа 1890

575 В

Верхом я еду с милою,
Восторга не тая.
За нами вьется пыльная
Лиловая змея.

С веселою улыбкою,
С забавною мечтой
Друг другом мы любуемся
И не спешим домой.

Горят мои лобзания
У милой на устах.
В душе мечтанья светлые
О незакатных днях.

Сияют взоры ясные,
Сияет все вокруг:
Кусты, холмы над речкою,
Поля, леса и луг.

Верхом я еду с милою, —
Желанная моя!
Взгляни, как вьется легкая
Лиловая змея.

4 августа 1890

576 А

Город дымом заволочен:
Топят печи, воздух сыр.
Словно чем-то озабочен,
Принахмурился весь мир.

В небе — тучи без просвета,
От реки встает туман.
Мрачно все, как будто где-то
Замышляется обман...

4 августа 1890

576 Б

Город чадом заволочен:
Топят печи, воздух сыр.
Черной скорбью озабочен,
Принахмурился весь мир.

В небе — тучи без просвета,
От реки встает туман.
Мрачно все, как будто где-то
Замышляется обман.

Но обмана нет, все просто
В этом мире, как и в том.
Меж двумя мирами моста
Не построим, не найдем.

4 августа 1890

577

Матовая песня,
Светоч без лучей, —
Ты — дитя родное
Северных полей.

Как больная дева,
Без веселых грез
Смотришь ты на землю
Сквозь завесу слез.
В жарком, чутком сердце
Каждый стон людской
Будит отголосок
Скорбный и больной.

4 августа 1890

578

Надутый ветром парус,
Как рьяный конь, лодчонку мчит.
Вода от весел, как стеклярус,
Сверкая брызгами, летит.

Ты приумолкла. Пышет зноем
Твое лицо, глаза горят.
Каким пленительным покоем
Нас лес и берег подарят!

5 августа 1890

579 А

Пора, пора мне умирать...
Давно созрел недуг грозящий...
Я стал о смерти помышлять
И равнодушнее и чаще.

Уж не тянусь, как прежде, я
Беспокойными устами
К блестящей чаше бытия
С его обманчивыми снами.

Так гордый дуб на склоне дней,
Дуплистый и грозой оббитый,

Своих питательных корней
Не шлет вглубь почвы плодовитой.

7 августа 1890

579 Б

Уж не тянусь, как прежде, я
Нетерпеливыми устами
К блестящей чаше бытия
С его отравленными снами.

Так мрачный вяз, на склоне дней
Дуплистый и грозой спаленный,
Не посылает, утомленный,
Во глубину своих корней.

7 августа 1890

579 В

Не прильну, как прежде, я
Воспаленными устами
К звонкой чаше бытия,
Полной снами да мечтами.

Тяжкий дуб на склоне дней,
Весь грозою опаленный,
Не подымет, утомленный,
К небесам своих ветвей.

7 августа 1890

580

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА

Христос распятый умирал.
Толпа жидов над ним ругалась,
А Матерь Божия в слезах
У ног Распятого металась.

Его любимый ученик
Терзался страхом и сомненьем, —
Тогда к кресту архистратиг
Слетел с небесным ополченьем.

В его руке огонь, как меч,
Сверкал невидимый, но грозный;
Дух света пал к ногам Христа
С мольбою пламенной и слезной:

«Сойди, сойди, Господь, с креста!
Ты искупил довольно муки!
Сойди, Страдалец, обопрись
На наши преданные руки!

Сойди, Христос, и соизволь,
Чтоб в мир явились наши рати,
Чтоб злым погибель принесли,
А добрым — царство благодати, —

Чтоб знал утешенный народ,
Что Ты — Могущество и Сила,
И чтоб спасение Твое
Людей навек соединило!»

Но умирающий Христос
Молитвы ангелов отринул
И слово пламенной любви
Из бледных уст в толпу их кинул:

«Пусть торжествуют силы зла
Борьбой, насилием и кровью, —
Я не тому людей учил, —
Спасется мир одной любовью.

Знай, беззащитная любовь
И в вечном холоде могилы
Сильней земных, ничтожных сил,
Сильней небесной вашей силы.

Иди же прочь!» И отлетел
Небесный воин, размышляя,
Зачем Спаситель на кресте
Томится, в муках, умирая!

9 августа 1890

581

Душе моей, страдающей жестоко,
Твердят лукавые уста,
Что станет грезою пророка
Моя лазурная мечта,

Что в мир войдет царицею свобода,
И золотой настанет век,
И, предстоя сильнейшим из народа,
Не задрожит от страха человек,

И смолкнет алый вопль страданья
Вкруг изукрашенных столиц,
И белый ужас истязанья
Не исказит румяных детских лиц.

16, 17—18 августа 1890

582

УТРО

Мутное утро грозит мне в окно,
В сердце — тревога и лень.
Знаю, — мне грустно провесть суждено
Этот неласковый день.

Знаю, — с груди захирелой моей
Коршун тоски не слетит.
Что ж от его беспощадных когтей
Сердце мое защитит?

Сердце, сбери свои силы, борись!
Сердце мне шепчет в ответ:
— Силы на мелочь давно разошлись,
Сил во мне больше и нет!

10 сентября 1890

583

Вот сангвиник, — все смеется,
Что б ни делалося с ним.
Если что не удается,
Скажет: — После поглядим!
Мудрецы не унывают,
А мозгами шевелят.
Ведь по осени считают,
Верно сказано, цыплят. —

Вот холерик, — он тревожен,
Беспокоен он всегда,
Часто он неосторожен,
Ну, и все ему беда!
Говорит он: — Люди — свиньи,
Да и сам-то я болван!
Нахлебался я ботвиньи,
И не сыт, а словно пьян. —

Вот флегматик, — толстый, жирный,
Равнодушный ко всему,
Он как будто парень смирный,
Добрый, злой ли, не пойму.
— Ни за что не отвечаю, —
Говорит, зевая, он:
— Моя хата, значит, с краю,
Мне бы щей да крепкий сон. —

Меланхолик все скучает,
Все мерещатся враги.
Если кто поутешает,
Скажет злобно он: — Не лги!
На меня уж точат зубы,
И отставку мне дадут.
Видишь, как со мною грубы.
Заместитель тут как тут.

14 сентября 1890

584 А

МОЛИТВА

Молю Тебя, Владыко Правосудный,
Молю Тебя, Распятого Христа,
Чтоб не осталась грезой безрассудной
Моя горячая мечта,
Чтоб злым, бессмысленным развратом
Не коротался юный век,
Чтоб, говоря с владыкой или братом,
Не трепетал от страха человек,
Чтоб смолк навек ужасный вопль страданья
Вокруг украшенных столиц,
И чтобы ужас истязанья
Не исказил невинных детских лиц.

16 августа 1890

584 Б

В душе моей, измученной жестоко,
Есть вера чудной красоты,
Что станут грезами пророка
Мои горячие мечты:
Что в мир войдет всеобщая свобода
И будет жить из века в век,
Что, говоря с сильнейшим из народа,
Не задрожит от страха человек,
Что смолкнет ярый вопль страданья
Вкруг изукрашенных столиц,
И бледный ужас истязанья
Не исказит невинных детских лиц.

17—18 августа 1890

584 В

Душе моей, страдающей жестоко,
Твердят лукавые уста,
Что станет грезою пророка
Моя лазурная мечта,

Что в мир войдет царицею свобода,
И золотой настанет век,
И, предстоя сильнейшим из народа,
Не задрожит от страха человек,

И смолкнет алый вопль страданья
Вкруг изукрашенных столиц,
И белый ужас истязанья
Не исказит румяных детских лиц.

17—18 августа 1890

585

Не жалуйся, что ты на свете одинок,
Зови свою тоску пороком и развратом:
Пока в дому твоем есть хлеба хоть кусок,
Спеши делить его с своим голодным братом.
Бедняк застенчивый! К чему жалеть о том,
Что нет тебе жены — делить свою судьбину:
Ребенка сирого возьми в свой бедный дом,
Работай для него, служи ему, как сыну.
Забывши о себе, заботься о других,
И темная тоска твой скромный угол кинет,
И жар мятежных дум и грез твоих больных,
Как горница, зимой открытая, остынет.

9, 30 октября 1890

586

⟨1⟩

Четыре свечки на столе
Блестят шандалами стальными.
Вверху их свет в вечерней мгле
Дрожит, боряся с тенями ночными.
Из жести скованный колпак
Блестит под лампою висячей,
Над ним клубится зыбкий мрак
Гиеною незрячей.
Лоснятся пестрым чертежом
Стенные белые обои,
И блеск, и мат перед огнем
На них свои наводят слои.
Как водится, на всех стенах
Висят портреты в рамках пестрых.
Среди стены печь в белых изразцах,
В углах изломанных и острых.
Парадно стол покрыт сукном,
Сидят нахмуренные мужи;

Склонились все к столу челом,
Как утки вкруг зеленой лужи.
И сходство тем еще полней,
Что все мы пьем; стаканы с чаем
Опорожняются, и тем быстрей,
Чем больше мы болтаем,
Или скучаем.
Блестит потертый мельхиор,
Бряцаньем ложек ухо теша,
Мерцает письменный прибор,
Мерцают лысины и плеши.
Под каждой лысиной тоска
По сладком отдыхе в растяжку,
Как распояшутся бока,
И членам можно дать поблажку.
Но есть усердные: корпят
И ставят хладнокровно баллы,
Или за преньями следят,
Иль потихоньку точат балы.
Один занятие нашел:
В стихах плохих, совсем нестройных,
Ведет отчет и протокол
О прениях спокойных,
А именно: отсутствует Дроздов,
А председатель — сам директор,
Сидят от вечера, с шести часов,
Пока не возгласит алектор.

1) 1 ноября 1890

⟨2⟩

Вопрос о штемпелях,
Вопрос необычайно важный,
И ах!
Какой протяжный!

2) 1 ноября 1890

587 А

ВПОТЬМАХ

Иду тропой безлюдной и тернистой.
  Вокруг молчит слепая ночь.
Зовут на помощь, — но в долине мглистой
  Кому помочь?

Я сам давно без света на удачу
  Иду во тьме, боясь свернуть,
И, может быть, я даром силы трачу
  На ложный путь!

И стонет все, как в бурю лес сосновый,
  Как волны беглого ручья,
Полна тоски непонятой, суровая
  Любовь моя.

Оставить их, пройти надменно мимо,
  Куда мечта моя летит,
Я не могу — за них неутолимо
  Душа болит.

И волю дав сомненью и тревоге,
  Иду, куда они велят.
То шаг вперед по выбранной дороге,
  То шаг назад.

3 ноября 1890

587 Б

Дорогою, где гулко воют страхи,
  Меня застигла злая ночь.
Зовут на помощь там, стеная в прахе.
  Но как помочь?

Я долго шел упрямо, на удачу,
  Мне страшно в сторону свернуть,

Хоть, может быть, я даром силы трачу
  На ложный путь!

Оставить их, пройти надменно мимо,
  Куда мой замысел стремит,
Не в силах я, — за них неутомимо
  Душа болит.

И вот стою в бездействии, в тревоге,
  И обращаю робкий взгляд
То вдаль вперед, по темной, злой дороге,
  То вдаль назад.

3 ноября 1890

588

Как буря гневная, над мглой души моей
    Дыханье мощной силы
Неумирающих и вечных, как могилы,
      Идей.

Как быстрая река, стремительно влечет
    Меня поток их бурный
К стране неведомой, мечтательно-лазурной,
      Вперед!

Но брошен в глубину бушующих валов,
    В их буйное кипенье,
Я на руках своих услышал злое пенье
      Оков.

Цепь жизни пасмурной насмешкою гремит
    Над радужными снами,
И я, закованный, жестокими скалами
      Разбит.

22 ноября 1890

589

Как в раны жгучие прольется
Боль утоляющий елей, —
Как слуха чуткого коснется
Отрада ангельских речей, —

Как вожделенная могила
Улыбкой горе осенит, —
Как дым возженного кадила
Молитвой сердце окадит, —

Как виноградной влаги чаша
На прозу жизни бросит флер, —
Так разойдется скука наша, —
Когда желанный встанет спор, —

Затем, что пресной жизни пена
Давно наш ум заволокла, —
И даже речи перемена,
Как ласка милой, нам мила.

Так в душный день, в неволе тесной
Иного воздуха струя
Течет отрадою небесной,
Страдальца радостью поя.

Пусть будет все, как было прежде,
Пусть не изменится ничто,
Но обольстительной надежде
Едва ли не поверит кто.

20 декабря 1890

590

В мире нет ничего
Упоительней сна, —
Наша жизнь без него,
Как могила, темна.

Как сады без цветов
Или ночь без светил,
Без обманчивых снов
Трудный путь наш уныл.

Утомленный борьбой,
В мертвом мраке засни:
Сойдет сон золотой,
Загорятся огни.

Рой прекрасных падет
И пленительных грез
В блеске алых одежд,
И в венке белых роз.

Над тобой пролетит
Вереницею дев,
Над тобой зазвенит
Серебристый напев.

Если день был уныл
И отравлен тоской,
То хоть сон будет мил,
Этот сон золотой.

16 мая, 31 декабря 1890

1891

591

ЗОЛУШКА

Радостно-чистый
Образ простой красоты,
Милый, как ландыш душистый, —
Это, смиренная, ты.

Вечно в загоне,
Вечно в тяжелых трудах.
Сестры — ленивые сони,
Дом у тебя на руках.

Чем тебе плотят?
Брань да попреки всегда,
А иногда поколотят!
Ты говоришь: «Не беда!»

Только немного,
Если уж станет невмочь,
Плачешь, таясь у порога,
О, нелюбимая дочь.

Ясные глазки,
Золушка, вытри скорей,
Верь в исполнение сказки,
Жди утешительных дней.

Скоро хрустальный
Будет готов башмачок,
И повезут тебя в дальний,
Раззолоченный чертог.

Радостно-чистый
Образ простой красоты,
Милый, как ландыш душистый, —
Это, смиренная, ты.

8 января 1891

592

Неусыпный наш директор
Ввел отличный строй:
Бдит над школой, как алектор
Над ночною тьмой.
Он находит, что все эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Только дети, дети, дети,
И груба у них среда.
Мы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Пансион для малолеток,
Ясли для сирот,
Школку очень малых деток,
Что он заведет?
Он сказал сегодня: «Эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Вы ссылались на незнанье,
Что я здесь творю;
Все — пустые оправданья,
Я вам говорю:
Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Облегчить себя хотите?
Это — вам позор!
Вы за ними учредите
Бдительный надзор!
Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

В воспитаньи очень важен
Для детей пример!
Всяк быть должен авантажен,
Словно офицер!
Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Нет для вас совсем печали,
Как себя повесть:
То вы задом к детям стали,
То забыли сесть.
Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Соберут с столов объедки,
Вы должны внушить:

„Вы теперь свободны, детки,
Можете ходить!“
Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Вы меж них всегда, конечно,
Не должны торчать, —
Но должны вы с ними вечно,
Вечно пребывать!
Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Сердце внутреннее ваше
Вам должно сказать,
Что толпой ребята наши
Не должны гулять.
Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

В город дети пусть уходят
Только за нуждой!
Что они там даром бродят
Да еще толпой!?

Вы поймите же, что эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!»

Наконец, в недоуменье
Секретарь пришел.
Много вложит он терпенья
В этот протокол!
Ох, и солоны нам эти
Бородатые юнцы, —
Не большие молодцы,
Но ведь, право же, не дети!
Разве ж так груба среда!
Мы ль лентяи,
Шалопаи,
Господа!

1) 24 января 1891

593 А

Амбар с зерном собаки стерегли.
Хозяин был — помещик экономный,
И не желал, чтоб воры унесли
В глухую ночь запас его огромный.

Собаки злы — то знают все кругом,
И подойти к амбару все боятся.
Кому с голодным, разъяренным псом
Придет охота в драку увязаться?

Мужик заезжий ночью проходил,
Не зная псов, близенько от сарая,
А утром поп его уж хоронил.
Хвала вам, псов недремлющая стая!

2 февраля 1891

593 Б

Хранители ревнивые основ,
Чему ваш крик и пыл ваш уподоблю?
По ярости похожи вы на псов,
По глупости — на тяжкую оглоблю!

К чему ведет нелепый ваш задор?
Но, впрочем, как стыдиться вас заставлю?
Для вас то честь, что для других позор!
Уж лучше я вас притчей позабавлю!

Амбар с зерном собаки стерегли.
Помещик был хозяин экономный,
И не хотел, чтоб воры унесли
В глухую ночь запас его огромный.

Собаки злы, то знают все кругом,
И подойти к амбару все боятся.
Кому с голодным, разъяренным псом
Придет охота в драку увязаться?

Мужик заезжий ночью проходил,
Не зная псов, близенько от сарая,
А утром поп его уж хоронил.
Хвала вам, псов недремлющая стая!

2 февраля 1891

594 А

Мне сегодня снилось: в дикую пещеру
Занесен, глубоким я забылся сном.
Бросил кроткий гений радостную веру
Мне на грудь немую сладостным цветком.

Запахом надежды, чистой, безмятежной,
Нежным ароматом сладких, юных грез
Тот цветок курился, как кадильник нежный,
Как алтарь, увитый алой вязью роз.

Снилось мне, что венчик начал колыхаться,
Словно грудь младенца под полетом снов,
И оттуда тихо стала подыматься
С грустными очами жаркая любовь.

На губах румяных закипали речи, —
Я услышал звуки, легкие, как сон,
Тихие, как шепот потаенной встречи,
Как далекой тройки серебристый звон.

Я не столько слышал слухом утомленным,
Скучным гулом жизни, шипом клеветы,
Сколько понял сердцем, жарким и бессильным,
И давно привыкшим к говору мечты.

«На плечах усталых вечное страданье, —
Говорил тот голос, — тяжело носить.
И созрело в сердце горькое желанье
Оборвать насильно бледной жизни нить.

Как не жаль невесте куклы позабытой,
Так разбитой жизни для тебя не жаль;
Как соседка злая с руганью сердитой,
В грудь твою стучится чуждая печаль.

Лишь ее порывы, злобные, как змеи,
Горестны и жалки сердцу твоему,
Тягостно сознанье, что твои идеи,
Словно недоноски, рушатся во тьму.

Страстною мечтою, сквозь туман столетий,
Ты б хотел проникнуть в даль иных времен.
Для тебя исполню я желанья эти:
Как неправда, долог будет чудный сон,

И когда на свете правда воцарится,
И с последним звоном злой падет кумир,
В этот миг прекрасный сон твой прекратится,
Ты увидишь вольный, обновленный мир».

Я внимал с восторгом сладкие мне речи.
И замолкли звуки, пала тишина,
Словно одеялом, брошенным на плечи,
Грудь мою стеснило тяжестию сна.

Я забылся. Долго ль продолжалось это
Сладкое забытье, я не мог понять.
Но биенье сердца, жаркого, как лето,
Не давало думам безмятежно спать.

В сердце закипали прежние страданья,
Прежняя тревога, прежняя тоска...
Но пока горел я муками страданья,
Над землей промчались целые века.

«Только звук неясный долети от жизни,
Оживи отрадой неподвижный слух!
Только луч, дрожащий в диком мраке, брызни,
Упади на грудь мне, как желанный друг!» —

Так молило сердце и в тревоге жадной
В грудь мою стучало; но сомкнутых губ
Разомкнуть не мог я для мольбы отрадной
И лежал в пещере, как горячий труп.

Знаю я: столетья мчатся над землею,
Правда все страдает, Зло еще царит, —
Я лежу в пещере, мертвой тишиною,
Тишиной могилы скован и повит.

23 мая, 28 июня 1890, 13 февраля 1891

594 Б

Странный сон мне снился: я кремнистой кручей
Медленно влачился. Длился яркий зной.
Мне привет веселый тихий цвет пахучий
Кинул из пещеры темной и сырой.

И цветочный стебель начал колыхаться,
Тихо наливаться в жилки стала кровь, —
Из цветочной чаши стала подыматься
С грустными очами девушка-любовь.

На губах прекрасной стали ясны речи, —
Я услышал звуки, легкие, как сон,
Тихие, как шепот потаенной встречи,
Как далекой тройки серебристый звон.

«На плечах усталых вечное страданье, —
Говорила дева, — тяжело носить.
Зреет в темном сердце горькое желанье
Сбросить бремя жизни, душу погасить.

Страстною мечтою рвешься в жизнь иную,
Хочешь ты проникнуть в даль иных времен.
Я твои мечтанья сладко зачарую.
Ты уснешь, и долог будет чудный сон,

И когда в народах правда воцарится
И с бессильным звоном рухнет злой кумир,
В этот миг прекрасный сон твой прекратится,
Ты увидишь ясный, обновленный мир».

Девушка замолкла, легкой тенью скрылась,
И внезапно тихо стало все вокруг.
Голова безвольно на землю склонилась,
И не мог я двинуть онемелых рук.

Омрачался ль дух мой сладостным забвеньем,
И слетали грезы лишь по временам,
Неустанно ль сердце трепетным биеньем
Жизнь мою будило, — я не знаю сам.

Бурно закипали прежние страданья,
Вновь меня томила жадная тоска,
Но пока пылал я муками желанья,
Над землей промчались многие века.

«Донеси от жизни только звук случайный,
Ветер перелетный, гость везде родной!
Только раз весною, с радостью и тайной,
Донеси случайно запах луговой!» —

Так молило сердце и в тревоге жадной
В грудь мою стучало; но холодных губ
Разомкнуть не мог я для мольбы отрадной
И лежал в пещере, как тяжелый труп.

Снилось мне: столетья мчатся над землею,
Правда все страдает, Зло еще царит,
Я один во мраке, мертвой тишиною
Скован, тишиною мертвою обвит.

23 мая, 28 июня 1890, 13 февраля 1891

595

Под пальмами играли в кости
Два негра, черные, как ночь,
И проигравший лютой злости
Не догадался превозмочь.

Ножи сверкают в лютом зное,
С бойцов свирепых льется пот.
Судьба одна в игре и в бое,
Уж не везет, так не везет.

Зарезан дважды-побежденный,
А победитель, кровью пьян,
К ручью приникнул, утомленный,
Изнемогающий от ран.

Взглянул в последний раз он тупо
На раскаленный небосклон.
Шакалы ночью на два трупа
Сбежалися со всех сторон.

14 февраля 1891

596

Шалунья-барышня опять
Придумала себе забаву:
Она пошла грибы сбирать
Босая в ближнюю дубраву.
И скромен был ее наряд.
В руках — плетеная корзинка;
На всякий случай в ней лежат
Два очень маленьких ботинка.
Пылали щеки — маков цвет,
Горели глазки — уголь черный, —
В них недосказанный привет
С насмешкой едкой и проворной
Боролся, словно как заря
С короткой летней нашей ночью
Лукаво борется, горя
Веселой молодою мочью.

2 декабря 1889, 19 февраля 1891

597

Высоко солнце. Я уныло
Иду в густой тени аллей.
Меня печаль приосенила
Широкой ризою своей.
А город весь обвеян светом,
И что ни дом, то светлый сад.
От них полуденным приветом
Благоухания летят.
Щебечут птицы, словно детки,
В тени шныряя по ветвям, —
И словно птенчики на ветке,
Лепечут детки здесь и там.
Река причудливой лукою
Смеется мне в просвет ветвей...
Но все тоска идет за мною
В тени задумчивых аллей.

Тоска — владычица издавна
Ожесточенных жизнью дум, —
Неумолима, своенравна.
Пред ней, как раб, немеет ум.
Пред ней мечты и вдохновенья
В дыму горят и не горят, —
Так свечи гаснут в час моленья,
И серой змейкой вьется смрад.
Вначале долго сердце мучил
Я тщетной скорбью о себе,
И самому мне стон наскучил,
И покорился я судьбе.
Но терны выросли другие
На почве омраченных дней, —
За мной несутся думы злые
В тени задумчивых аллей.

Былые, личные печали,
Замкнувши сердце в тесный круг,
Его ревниво защищали
От внешних вьюг.
Когда ж рассеялись обманы
Самолюбивой, злой тоски,
Как предрассветные туманы
От озаряемой реки, —
Уж я не обнят вязкой тиной,
Я в море мирового зла,
И, вея страхом, над пучиной
Челнок мой буря понесла.
Кто раз прозрел, тот не затворит
Дневным лучам своих очей, —
И общей скорби сердце вторит,
Как ветру — тихий шум ветвей.

С тех пор чужда очарованья
Душа холодная моя.
В плоде багряном сок страданья
Пытливым взором вижу я.
Над сердцем власть теряют грезы;
Надежды розовая тень

Скользит вдали, роняя слезы;
Унылым кажется мне день.
Что для другого символ счастья
И наслаждения залог,
В моих глазах дождем ненастья,
Как сетью, разум заволок.
И не эмблемой процветанья
Мне кажется навес ветвей, —
Мне вспоминаются страданья
В тени задумчивых аллей.

23, 24 февраля 1891

598

Мы все гордяся вспоминаем,
Что все мы — люди, не скоты,
Но часто, часто различаем
В себе звериные черты.
А если скажут: — Небылица! —
Возьмем в пример хоть птичьи лица:
Сознайтесь сами, господа,
Кому спросить: — Он что за птица? —
Не приводилось иногда!

1 марта 1891

599

Столбцы газеты пробегая,
Негодованьем я горел:
Везде на свете мгла такая,
Так много недостойных дел,
Так наглы богачи и власти,
Так рабски угнетен бедняк,
Так дерзко низменные страсти
Несут повсюду ложь и мрак,
Так сила властвует сурово,
И так строптиво все гнетет,

И перед силой робко слово
Таким дискантиком поет!

Негодованием пылая,
Суров, рассержен и угрюм,
Я на кушетку лег, страдая
От несказанно-горьких дум,
И, утомлен их быстрой стаей,
Под их немолчно-скорбный гул,
Как Одиссей пред Навзикаей,
Я неожиданно заснул.

Кто много требует от жизни,
Пусть это примет за урок:
В моей возлюбленной отчизне
Негодование не впрок.
Негодование бывает
Опасным даже иногда:
Оно порою усыпляет
Неосторожных навсегда.

1 марта 1891

600

ПЕРЕД СОВЕТОМ

Блажен в совете нечестивых
Не открывавший уст,
Затем, что смысл речей болтливых
Ничтожен так и пуст.

Беги от праздных рассуждений,
Как избегаешь зла:
Ведь проку-то от этих прений, —
Как шерсти от козла.

1) 4 марта 1891

601

НА СОВЕТЕ

I

Наши мальчики любят друг друга так страстно,
Что совместно и спят;
Разгонять их по койкам, ей Богу, напрасно;
Пусть слегка пошалят:
Ведь ребенка они не родят,
Значит, вместе им спать неопасно.

2) 4 марта 1891

II

Когда по классам бурная
Возня везде кипит,
Обязанность дежурная
В учительской сидит.
Беседы (неприличные
По времени) ведет,
На шохоры различные
Вниманья не берет.
Один директор бдительный
Ведет себя не так:
Он с миной повелительной
И спит, надевши фрак.
В минуты рекреации,
Забравшись в кабинет,
Тоскует он, что грации
В ребятах наших нет.
Лишь шохор возникающий
Услышит у детей, —
Свой палец угрожающий
Он кажет из дверей.

3) 4 марта 1891

602

⟨1⟩

Привычек прежних не оставил
Отец непримиримый Павел:
О чем бы речь не завелась, —
Готов он спорить целый час,
И час, и два!
Пока не закружится голова
И не смешаются слова:

«Дежурную обязанность
Внесите-ка в совет!» —
Есть к шохорам привязанность,
Да толку только нет!

1) 9 марта 1891

⟨2⟩

Я дремлю — и спора отголоски
Долетят порой ко мне:
О⟨тец⟩ П⟨авел⟩
Не согласен.
М⟨аккавеев⟩
Это проски
И тем паче от казне.
Есть, которых помакают,
Т. е. помогают.

2) 9 марта 1891

⟨3⟩

ГИМН

Слава Богу! Слава Богу!
Кончился совет!
В путь дорогу, в путь дорогу
На обед, обед!!!!

Ой, люли, люли, люли,
На обед!

3) 9 марта 1891

603

I

Когда я был в любезном Пскове,
То я пособий не трепал,
Об Риме, Вене и Тамбове
По книжке детям толковал.
Когда ж мне мало было книжки,
Иль не хватало в ней картин,
Я брал пособие под мышки,
И в класс тащил его один.
Даю урок я, — из-под мышек
Края пособия торчат,
А у завистливых мальчишек
Глаза от жадности горят.
Но я ни при едином слове
Его из рук не выпускал.
Когда я был в любезном Пскове,
То я пособий не трепал.

10 марта 1891

II

Когда служил я в славном Пскове,
То я не думал о чинах,
Себе не портил даром крови
Мечтой тщеславной о крестах.
Раз, — неожиданность какая! —
Совсем случайно я прочел,
Пакет по службе получая,
Что я в чины произошел.
Узрев себя в солидном чине,
Возликовала вдруг душа,

И я по этакой причине
Невольно сделал антраша.
Но, впрочем, тотчас с строгой миной
Свой фрак на плечи натянул,
И ровно в восемь с половиной
Сел на учительский мой стул.

11 марта 1891

III

Я сам, когда служил во Пскове,
Простым наставником там был.
Когда я даже был и внове,
Директор мне не говорил
О всякой мелочи подробно:
Я сам понять все сразу мог.
Я там трудился бесподобно,
И замечаний не навлек.
А здесь одно непониманье,
Одно упрямство застаю.
Но, господа, вам в назиданье
Открою доброту мою:
Я мог смирить вас и заставить
Ваш дерзкий укротить язык,
Но я хочу иначе править:
Ведь я гуманен и велик.

12 марта 1891

604 А

Братья, любите друг друга!..
Ныне безжалостный век:
Злоба — людская подруга,
Ею живет человек...
Злоба Христа проклинает,
Втайне — Его предает,
Въяве — Его распинает,
Тело Его стережет:

Умер Христос — и печати
Злобы на гробе Его...
В станах ликующей рати
Злое гремит торжество.
Но не смятеньем испуга
Дышит апостольский зов:
«Братья! Любите друг друга!
Благословенна любовь!»

Братья, не верьте наветам!
Слышите? — злоба шипит:
«Бог ваш, отвергнутый светом,
Умер, — и в землю зарыт!»
Пусть Его тело зарыто, —
В ад Он душою сошел,
В область, где столько сокрыто
Бедствий, страданий и зол.
Все, что во мраке томилось,
Сбросило тягостный гнет,
Сердцем к Христу обратилось,
Радостно Господа ждет.
Слышите? В царстве испуга
Тихий проносится зов:
«Братья! Любите друг друга!
В свет изведет вас любовь!»

Пусть, обагренная кровью,
В землю зарыта любовь —
Слышите, жаркой любовью
В сердце зажглася вся кровь;
Сердце поет откровенней
Светлые грезы свои,
Словно порою весенней
Сладко звенят соловьи.
В сердце не молкнет тревога,
Думы и грезы кипят, —
Это — дыхание Бога
В ваш опускается ад.
Кроткий, как нежного друга
Голос, вы слышите ль зов:

«Братья! Любите друг друга!
Благословенна любовь!»

В шуме борьбы и наживы,
В море обманчивых слов,
Тих, как шептание нивы,
Божий спасительный зов.
Кто его слышит порою
Чуткой душою своей,
Тот не пойдет за толпою
В стан равнодушных людей.
Смирну тоски и тревоги,
Ладан любовных забот
Он по тернистой дороге
Гробу Христа понесет.
Жизни завистливой вьюга
Не охладит его вновь.
Братья! Любите друг друга!
Благословенна любовь!

Мир чудеса отрицает,
Мир, погруженный в обман!
Мудрый же истину знает:
Разум не лживый нам дан.
Тайны безмолвной могилы
Только для злобы страшны.
Жизни нетленные силы
Только любви суждены.
Бог наш восстанет из гроба,
Бог всемогущий, — пред Ним
Дрогнут коварство и злоба
И расточатся, как дым.
Жаркий, как веянье юга
Призыв послышится вновь:
«Братья! Любите друг друга!
Благословляйте любовь!»

17, 18 марта 1891

604 Б

Злоба Христа проклинает,
Втайне Его предает,
Въяве Его распинает,
Тело Его стережет.
Умер Христос, и печати
Злобы на гробе Его.
В станах ликующей рати
Злое гремит торжество.

Но не смятеньем испуга
Дышит апостольский зов:
— Братья, любите друг друга!
Благословляйте врагов!
Пусть Его тело зарыто,
В ад Он душою сошел,
В область, где столько сокрыто
Наших страданий и зол.

Все, что во мраке томилось,
Сбросило тягостный гнет,
Сердцем к Христу обратилось,
Радостно Господа ждет.
В сердце не молкнет тревога,
Думы и грезы кипят, —
Это дыхание Бога
В наш опускается ад.

Бог наш восстанет из гроба,
Бог всемогущий, — пред Ним
Дрогнут коварство и злоба,
И расточатся, как дым.
Жаркий, как веянье юга,
Призыв услышим мы вновь:
— Братья, любите друг друга!
Благословляйте любовь!

17, 18 марта 1891, ⟨1918⟩

605

ЧЕРТОГ ТВОЙ ВИЖУ, СПАСЕ МОЙ...

Чертог, украшенный цветами,
Перед веселыми гостями
Широко входы отворил;
Он блещет ясными огнями, —
А я печален и уныл.

У двери светлого чертога,
Откуда слышен призыв Бога,
Стою, — и как же мне войти:
Моя одежда так убога,
Так износилась на пути.

Шепчу молитву со слезами:
Одеждой новой и цветами
Меня, Всещедрый, надели,
Взгляни безгневными очами,
И муки сердца утоли.

И я, покрыв одеждой брачной
Все язвы жизни неудачной,
Войду в желанный Твой чертог,
Забывши мрак юдоли мрачной
И грязь неправедных дорог!

22 марта 1891

606

Чужой усилишь только смех,
Когда секут, и непокорно
Начнешь вертеться, иль на грех
За розги схватишься проворно,

Или прикроешься рукой,
Потом ее отдернешь снова,

Когда свистящею лозой
Она обожжена сурово.

Себя от розог не спасешь,
Да не избегнешь и прибавки.
Ори уж, если невтерпеж,
Прижавшись к полу или к лавке,

Или к коленям строгой той,
Кому кричишь ты: — Больно! Мама!
Прости! Не буду! Ой! ой! ой! —
Ори, но все ж держися прямо.

23 марта 1891

607 А

Д. М.

Пусть в жизни все обман, мечта,
Одна пленительная ложь,
Пусть жизнь по-прежнему пуста, —
Я жить хочу!

К.

Нет, ты умрешь!

24 марта 1891

607 Б

Д. М.

Есть в жизни светлая мечта,
Пленительна в ней даже ложь,
Мила земная красота.
Я жить хочу!

К.

Нет, ты умрешь!

Д. М.

Пускай умру, — и в краткий миг
Я все же счастие постиг.

24 марта 1891

608

Что же, что с долею бедной
Я незаметен, и мал!
Путь мне не вовсе бесследный
Бог на земле начертал.

Путь мой другого не хуже,
Путь нищеты и труда.
Плещет в болотистой луже
Та же, что в море, вода.

3 апреля 1891

609

Не научаетесь примерами
Простого и здорового житья,
И остаетесь староверами,
Поклонники крахмального белья.
И шеи ваши перетянуты,
И ноги ваши глупо стеснены.
Приличиями вы обмануты
И в жертву прихотям вы отданы.
Ходили б лучше босоногие,
Открывши тело солнечным лучам,
И знали б утешенья многие,
Теперь совсем неведомые вам.

4 апреля 1891

610

Ты всем как-нибудь помоги,
Кто смят беспощадной судьбою,
Но им не вверяйся душою:
Твои они будут враги.

Их можно любить издалека,
Но близко любить их нельзя:
Увы! они пали глубоко,
От страха к бесстыдству скользя.

4 апреля 1891

611

День сияет, румяный и белый.
Посмеявшись над маленьким горем,
Мать сказала: — Еще раз так сделай,
Побольней непослушного вспорем. —

У меня на щеках еще слезы,
На коленях стоять еще надо,
Но не страшно мне гневной угрозы,
И душа моя солнышку рада.

И на розги гляжу я без страха:
Обломавшись, они замолчали,
И на мне уже снова рубаха,
И рыданья мои отзвучали.

12 апреля 1891

612

Передо мною узенький проселок,
В лицо мне веет ласка ветерка,
Босым ногам песок порою колок,
Сухая ж глина вовсе не жестка.

Зову кого-то тихими стихами.
Быть может, где-то спрятался в траву
Тот, кто живет, обвеянный мечтами,
Кто не приходит к людям наяву.

Не он ли жемчуга рассыпал в травы,
И сделал их прохладною росой?
Не он ли кличет в глубине дубравы,
Пугая деву с русою косой?

Он не был мною на дороге встречен,
Но кажется, что рядом он идет,
И шепчет мне: — Твой день тоской отмечен,
И та ж тоска тебя и завтра ждет.

Но я тебя опять утешу лаской
Моей таящейся в лесу мечты,
И, забавляясь непонятной сказкой,
Все тени злобные забудешь ты. —

8 мая 1891

613

Шутить порой мы начинаем,
Когда кому-то не смешно.
Шутливый смысл тогда влагаем
В слова, известные давно.

Утратив прежние значенья,
Слова причудливо звучат.
Ору я в грозный час сеченья,
Ну, значит, я — аристократ.

Как будто бы на самом деле
Значенья разные смешав,
Наделав ссадин-граф на теле,
Мать вспоминает телеграф.

Недавно рассердил я маму,
Потом я на полу лежал,
И с громким криком телеграмму
Довольно долго принимал.

Мать назвала меня обломом:
— Вишь, обломала веник весь. —
Сестра дразнила насекомым,
Значений составляя смесь.

И грозный смысл был приурочен
К простым словам, — сказала мать:
— Простеган славно и прострочен,
Как одеяло на кровать. —

12 мая 1891

614

На лугу я вижу стадо, —
Все коровы рослы, жирны.
Корму больше, чем им надо,
И довольные, все смирны.
Что их тупость потревожит,
Что их помыслы разбудит?
Червь тоски сердец не гложет,
Беспокойство их не нудит.

Не гордись перед быками
Ты, собрат мой равнодушный:
Ты, как бык, идешь пред нами
Так же с сонными глазами,
Только выгоде послушный.
Говоришь: «От обезьяны
Род вести мне непригодно:
Мне и речь, и разум даны,
Вместе с волею свободной.
Этой сказкою нелепой
Вольнодумцы мир морочат», —

Человек с душой свирепой
Братом ангела быть хочет!

Не гордись, глупец, напрасно:
Неужель тебе не ясно,
Что душой ты — зверь-губитель,
Необузданный и страстный,
Злобный, лживый похититель.

22 мая 1891

615

Любил людей я пылкою любовью,
Как любят женщину, подругу вешних дней.
Мою любовь запечатлел бы кровью,
Проливши кровь над жизненною новью
Без сожаленья к жизни суетной моей.

Но грозы жизни проносились мимо,
Моих смиренных жертв не требовал алтарь,
Судьба меня влекла неодолимо, —
И скрылось все, что было так любимо,
Чему так трепетно я поклонялся встарь.

Отброшен на берег стремительным потоком,
Едва свои одежды осушив,
Гляжу вокруг неверующим оком,
Томясь в сомнении горячем и жестоком,
Свои ошибки горько осудив.

Гляжу вокруг пытливо и тревожно,
И тает грез моих пленительный туман.
Все то, чему я отдал жизнь неосторожно,
К чему стремился я, все было ложно, —
Ошибка глупая, предательский обман.

25 мая 1891

616

Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпеньем и трудом:
Дрожа от стужи, вез ты мне из леса хворост,
Ты зерна для меня бросал вдоль тощих борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.

25 мая 1891

617

Безочарованность и скуку
Давно взрастив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.

7 июня 1891

618

Мой сад и зелен и прохладен,
Березки пахнут по весне.
Их аромат порой отраден,
Но иногда и страшен мне.

В саду песочная дорожка.
Идти приятно босиком.
Но и песочная дорожка
Порой напомнит об ином.

Порою рву с березок ветки,
Стыдливо голову клоня,
Чтоб на дорожке иль в беседке
Мать больно высекла меня.

— Разденься! — говорит, — и голый
Ложусь я в страхе на песок,

И под рукой ее тяжелой
Срок наказания жесток.

7 июня 1891

619

Зверь-человек купается от века
В напрасно пролитой крови!
Но разве нет на свете человека,
Достойного любви?
И разве осужден я вечно
Скитаться с холодом в душе,
И жизнь свой яд бесчеловечно
В своем заржавленном ковше
Нести мне будет бесконечно!
Как жадно, страстно я искал
В толпе завистливой и злобной,
В душе тая свой идеал,
Души, ему хоть чем-нибудь подобной!
Увы! Кого я ни встречал, —
Старик ли, дева ль с пылким взором,
Муж, полной зрелой красоты, —
Неотразимым приговором
Житейской пошлости черты
На них читалися так ясно,
Что и сомнение напрасно.

11 июня 1891

620

Избрать из двух грозящих зол
Одно, где менее мученья?
Не даст внезапный произвол
Минуты даже для сравненья.

И затруднительно решить,
Что легче, розги иль крапива.

Ведь проще было бы сравнить,
Что слаще, вишня или слива.

Крапивой высекут, — так жжет,
Как будто вырвался из пекла,
А если розги мать берет, —
Ах, лучше бы крапивой секла!

Но опыт мальчику твердит,
Что все же розги выбрать надо:
Укус крапивы ядовит,
А в розгах нет такого яда.

Крапивы зуд невыносим,
Укусы долги и жестоки,
А после розог только дым
Стыда раскрашивает щеки.

11 июня 1891

621

Украшать могилы свежими цветами,
Заглушать их тленье ароматом роз,
Обнимать кресты их жаркими руками,
Проливать над ними реки горьких слез, —

19 июня 1891

622

Душа моя болит сомненьем и тоскою,
Тускнеет дум моих былая красота:
Мне сердце обвила шипящею змеею
Людская хитрая и злая клевета.

Поруганы мои чистейшие стремленья;
Невинный, чистый цвет заветнейшей мечты
Измят грозой тоски и бурею сомненья,
Отравлен он дождем презренной клеветы.

Как каторжник клеймом, навек неизгладимым,
Ползучей клеветой навек отмечен я.
Но я не побежден: боец неукротимый,
Одной награды жду, — венца небытия.

30 июня 1891

623

Каждый месяц подвожу я
Счет на всю казну мою.
Если все сошлось, — ликуя,
Счет я маме подаю.

Хоть в Казенную Палату
Подавай; так точен счет.
Но за каждую растрату,
Хоть в копейку, мать сечет.

— Знаешь сам, что есть прорехи,
Надо то и то купить,
Получай же на орехи,
И умней старайся быть.

Помни: каждая копейка
Целый рубль побережет. —
Сотрясается скамейка,
На которой мать сечет.

Не соскочишь, коль привязан,
Никуда не убежишь.
После, розгами наказан,
На коленях постоишь.

Ах, не пряник и не бублик
За растраты мать дает, —
За копеечку, за рублик
Больно розгами сечет.

9 июля 1891

624 А

При виде алтарей, воскресшему Христу,
Смерть победившему, властительному Богу,
Лелею я в душе тоскливую мечту.
Она во мне родит гнетущую тревогу.

В уме моем встает при имени Христа
Голгофа мрачная и Крест позорной казни,
Христос, повешенный на высоте Креста,
Перед Крестом толпа и вопли неприязни,

У ног его лежит рыдающая мать.
Как море, глубока души ее кручина!
Нет радужных надежд — осталось ей обнять
Лишь ноги голые повешенного Сына!

Избит, измучен он, отвергнут, осужден,
Покрыт позором он, висит он обнаженный,
Висит он, сын ее, Христос ее казнен,
Загашен свет ее, на радость ей зажженный.

С убийцами висит, как равный им, Христос,
Ругается толпа страдальческому лику,
А он, нездешний царь, без злобы и без слез,
Внимает на кресте их бешеному крику!

Повешенный злодей ругается над ним:
«Когда ты Божий сын, зачем же ты повешен?
Спасись и нас спаси могуществом твоим
И докажи, что Ты всесилен и безгрешен!»

Поник в немой тоске смущенный ученик,
Любимый Иоанн, наперсник откровений.
Звучит в его душе отчаяния крик,
Безумный ураган безверья и сомнений.

И нет ни одного, кто верил бы, кто б знал,
Кто мог бы угадать в печали или в злобе,
Что это — Божий Сын страдал и умирал,
Чтоб вечной жизни свет возжечь в холодном гробе.

Нет, верующий был, — уверовал один,
И то — разбойник был, вор Бога исповедал,
Насилья грубого и алчной мести сын, —
Он сыну Божьему греховный дух свой предал.

А сколько раз потом, в течение веков,
Когда обречено на казнь бывало Слово, —
К Нему взывала лишь разбойника любовь,
Любовь, горящая средь мрака рокового.

9 мая 1890, 9 июля 1891

624 Б

Под сению Креста рыдающая Мать.
Как ночь пустынная, мрачна ее кручина.
Оставил Мать Свою, — осталось ей обнять
Лишь ноги бледные измученного Сына.

Хулит Христа злодей, распятый вместе с ним:
— Когда ты Божий Сын, так как же ты повешен?
Сойди, спаси и нас могуществом твоим,
Чтоб знали мы, что ты всесилен и безгрешен. —

Любимый ученик сомнением объят,
И нет здесь никого, в печали или в злобе,
Кто верил бы, что Бог бессильными распят
И встанет в третий день в своем холодном гробе.

И даже сам Христос, смутившись наконец,
Под гнетом тяжких дум и мук изнемогая,
Бессильным естеством медлительно страдая,
Воззвал: — Зачем меня оставил Ты, Отец! —

В Христа уверовал и Бога исповедал
Лишь из разбойников повешенных один.
Насилья грубого и алчной мести сын,
Он Сыну Божьему греховный дух свой предал.

И много раз потом вставала злоба вновь,
И вновь обречено на казнь бывало Слово,
И неожиданно пред ним горела снова
Одних отверженцев кровавая любовь.

9 июля 1891

625

Вдоль реки заснувшей прохожу лугами
По траве росистой голыми ногами,
И гляжу на звездный недоступный строй,
И мечта забавит легкою игрой.
От лучей палящих ноги загорелы,
А во тьме посмотришь, кажется, что белы,
Да и все иное, чем бывает днем, —
Дальняя избушка кажется холмом,
Мглистая дорога кажется рекою,
А туман в лощине — снежной пеленою.
Спать давно пора бы, а домой идти, —
Словно позабыты к дому все пути.
Точно чародейка шарф из мигов вяжет,
А когда окончит, ни за что не скажет,
И следишь мельканье чародейных спиц,
Вещее сверканье полевых зарниц,
И не видишь молний, и не слышишь грома,
Но душе зарница каждая знакома,
И с паденьем каждой пасть в траву готов,
Позабыться в беге неразгадных снов,
Прикоснуться к тайне, к волшебству и к чуду,
Посмотреть, каким же я в Эдеме буду.

17 июля 1891

626

СТРАННИК

Стоит без звука и без тени
Горячий полдень; солнце жжет,
Тяжелый воздух, полный лени,
Сухой травой не шелохнет;
На небе тучка быстро тает,
Как в теплых струйках поздний лед,
И даже время замедляет
Свой необузданный полет.

Один ручей, играя с солнцем
Струей прозрачною своей,
Кует червонец за червонцем
Из золотых его лучей;
Волна ручья, песок лаская,
Звенит как детский поцелуй, —
И смотрит странник, отдыхая,
На вольный бег холодных струй.

Дорогой жесткой и бестенной,
В палящий полуденный зной,
Издалека он шел смиренный,
В лохмотьях нищенских, босой.
Он молод был. Надеждой жаркой
Порой сверкал усталый взор,
Как ночью в небе блещет яркий,
Но мимолетный метеор.

Из дома отчего ушел он
Тому назад уж много дней,
Неутолимой жажды полон,
С мечтой осмеянной своей,
И без пристанища, без крова,
Один скитался он с тех пор,
И жизнь несла ему сурово
Тоску, страданья и позор.

Сказать рассудочно и ясно,
Зачем он взял такой удел,
К чему стремится он так страстно, —
Едва ли б он и сам сумел.
Но с детства он кипел тоскою,
Ловя тревожно каждый стон
Того, кто с горем и нуждою
Суровым роком обручен.

Жить в доме пышном и богатом
Ему казалось все стыдней,
Когда и счета нет утратам,
Печалям, бедствиям людей.
Когда, как ночь, вокруг нависла
Мгла неразумия и зла,
Так нестерпима жизнь без смысла
Для сердца жаркого была.

Хоть луч спасительного света
Внести в томительную ночь!
Хоть словом братского привета
Рабу усталому помочь!
Хотя слезу тоски стыдливой
Лобзаньем дружеским стереть!
Хоть раз от жертвы терпеливой
Отвесть карающую плеть!

Однажды, утренней порою,
Из дома вышедши тайком,
Он шел окольною стезею.
Наряд богатый был на нем.
Он встретил нищего, который
Дрожал от холода, — и вот
Свои роскошные уборы
Ему скиталец отдает.

Прикрыв изнеженное тело
Одеждой ветхой, в край иной,
В тяжелый путь пошел он смело.
Одно сокровище с собой

Он нес: как спутник вечно милый,
Всегда Евангелие с ним, —
Поит его чудесной силой,
Живит учением своим.

Когда полдневный зной прогонит
Его с дороги — отдохнуть,
Уныло головы не клонит
Он на измученную грудь;
Прикрыт от солнца свежей тенью,
На берегу шумящих вод
Он усладительному чтенью
Досуг невольный отдает.

И все, что в книге прочитает,
Во тьму, к собратьям он несет,
И без боязни поучает
В грехах погрязнувший народ,
И проходя по бедным селам
И по богатым городам,
По кручам гор, по злачным долам,
Он поучается и сам.

Там льется жизнь волною мутной,
Там тиной жизнь заволокло,
Там блещет радости минутной
Недолговечное стекло,
Там накопившиеся слезы
Жизнь одинокую мрачат,
А там обманчивые грезы
В уме неопытном кипят, —

Томим любовью бесконечно,
Сам о себе давно забыв,
Готов ответить он сердечно
На каждый жизненный призыв.
И если лживою змеею
Пред ним коварство зашипит, —
Он пред грозящею бедою
Своих очей не отвратит.

А люди были злобны, дики, —
То было в злые времена, —
Не раз в толпе он слышал крики:
«Долой пустого болтуна!
— Прочь, проходимец босоногий!
— Молчи, проклятый попугай!
— Иди, иди своей дорогой,
И слабых сердцем не смущай!»

Не раз в оковах пред судьею
Он безбоязненно стоял,
Не раз изгнаньем иль тюрьмою
Неправый суд его карал,
И бичевал его сурово
Палач не раз перед толпой,
Но он, от ран оправясь, снова
Шел дальше с книгою святой.

И думал он: «Беглец гонимый,
Для всех повсюду я чужой,
Но ты, мой друг незаменимый,
Всегда останешься со мной.
Мне легче с жизнью распрощаться
И умереть во цвете лет,
Чем малодушно отказаться
От усладительных бесед».

Стоит без звука и без тени
Горячий полдень; солнце жжет;
Тяжелый воздух, полный лени,
Сухой травой не шелохнет;
На небе тучка быстро тает,
Как в теплых струях поздний лед,
И даже время замедляет
Свой необузданный полет.

Один ручей, играя с солнцем
Струей прозрачною своей,
Кует червонец за червонцем

Из золотых его лучей;
Волна ручья, песок лаская,
Звенит, как детский поцелуй, —
И странник смотрит, отдыхая,
На вольный бег холодных струй,

И отдается он потоку
Неуловимо быстрых дум.
Вдруг слышит он неподалеку
Природе чуждый гул и шум:
Людская речь, и плачь, и стоны
Взамен дремотной тишины,
Так странны в степи утомленной,
Так поразительно звучны.

Толпа людей к ручью степному
Спешит. Один измучен, стар.
Неужли вышел он из дому
Своею волей в этот жар?
Унылый взор, в оковах руки,
Согбенный стан, — все говорит,
Что он в тюрьму или на муки
Покорной жертвою спешит.

Жена и дочка молодая
И двое малых сыновей
За ним идут, стеня, рыдая
Все неутешней и больней.
Вокруг тюремщики. Им скучно, —
Порой смеются над детьми,
Порою режут воздух звучно
Своими длинными плетьми.

И сердце говорит скитальцу:
«Вот новый труд; иди скорей
Хоть чем-нибудь помочь страдальцу,
Несчастный он или злодей:
Несчастный жаждет утешенья,
Но и преступник — твой же брат,
И если люди ищут мщенья, —
Бог милосердием богат!»

Привал: тюремщики устали,
Под сенью пальм они лежат.
Сын утешенья, сын печали,
Друг с другом тихо говорят.
«Нет, утешитель мой случайный,
Я рук в крови не обагрил;
Не явный грех, не грех и тайный
Меня в оковы заключил...

Вчера я был владелец поля,
В трудах обычных жизнь текла, —
Сегодня горестная доля
И дом, и поле отняла...
Прошедший год был трудным годом:
Стоял невыносимый зной,
И тучки под небесным сводом
Не зародилось ни одной.

Пожаром солнце обливало
Простор сияющих небес.
Земля от жажды изнывала,
Дымился, смрадом вея, лес.
Сгорела жатва в почве чадной,
А там — и новая беда:
Пришла чума, губя нещадно
Изнемогавшие стада.

Когда стучится горе в двери
Нетерпеливою рукой,
И за потерями потери
Идут жестокой чередой,
Тогда напрасно гнать с порога
Их кровожадную семью:
Безумен тот, кто воле Бога
Противоставил бы свою!

Трудом, борьбой, сопротивленьем
Он злые муки только длит,
И что казалося спасеньем,
Лютейшей гибелью грозит,
Оставь же замысел упорный

И, как душе ни тяжело,
Клони, клони в тоске покорной
Свое печальное чело!

Но, как безумец, доле строгой
Я покориться не хотел:
Меня страшил удел убогий,
Труда наемного удел.
Обременив себя долгами,
Напрасно радовался я:
Разбита гневными волнами
Надежды суетной ладья.

Моих трудов былым успехом
Теперь Господь не награждал,
Заимодавец только смехом
На все моленья отвечал.
Родных и близких я напрасно
Просил, — никто мне не помог...
Как камни, люди безучастны,
Закон неумолимо строг.

Вчера — тяжелый день печали! —
В слезах, безмолвно я глядел,
Как вещь за вещью продавали
Все, что сберег я, чем владел.
Но всем, что скоплено годами,
Долг безрассудный не покрыт,
И участь сделаться рабами
Мне, детям и жене грозит».

Замолк старик, сидит угрюмый...
Поникнул странник головой;
В его уме несутся думы,
Как резвых пчел гудящий рой:
«Нужны ли речи утешенья,
Слова участия тому,
Кто, полный страха и смущенья,
Идет в неведомую тьму?

Когда в молчании суровом
Ночь воцарится на полях,
К ней выходи не с громким словом,
А с ярким светочем в руках...
Чем помогу семье унылой?
Со мной Евангелье одно...
Увы! с тобою, друг мой милый,
Мне расставаться суждено!

Твой свиток ярко позолочен,
Он в золотом ларце лежит;
Ларец красив, тяжел и прочен,
И весь алмазами горит.
К чему сокровище такое
В моей скитальческой суме?
Ученье врезано живое,
Неизгладимое — в уме!»

Промчались сутки. К тем же стройным,
Высоким пальмам у ручья
Идет под солнцем ярко-знойным
Освобожденная семья.
Их ноги радость окрыляет,
Глаза их счастием горят,
И всяк скитальца вспоминает,
И Бога все благодарят.

22, 28 ноября,
9, 23, 31 декабря 1890,
4, 6, 8, 11, 12, 14, 15 января,
26 июля 1891

627

Выбираешь это, то ли,
Часто вовсе невпопад.
Хошь не хошь, а поневоле
Делай, что тебе велят.

27 июля 1891

628

Люблю детей не так, как любит
Обычно и прилично тот,
Кто их ласкает и голубит;
И наряжает, и блюдет.
Нет, принаряженные дети
Во мне всегда родят печаль,
Как рыбки, пойманные в сети.
Мне этих милых деток жаль.
Мне дети нравятся — босые,
В одеждах легких и простых,
Непринужденные, живые,
С весельем в глазках удалых;
От них я требую немножко:
Побольше правды и стыда,
Да пусть бы их босые ножки
Почаще трогала вода.

2 августа 1891

629

Мы слышали давно, что Средние века
Оригинальности имеют отпечаток,
И если жизнь была безумна и дика,
Как старое тряпье со множеством заплаток,
Все ж силы юные кипели в них ключом,
И чувства пылкие царили без преграды,
И сильный не просил и не давал пощады,
И были их сердца исполнены огнем.
Какие сладкие слыхали мы баллады
Про дев и про любовь минувших этих лет,
Про дев пленительных, что звезды полуночи,
Любовь кипучую, какой теперь уж нет.
Про ласки страстные, про огневые очи,
Про муки ревности, про тайный страх измен,
Сердечную борьбу, внезапную измену,
Преступницы-жены страдания и плен.

И, наконец, про ту ж трагическую сцену:
Любовники в крови, — торчит в груди кинжал,
Она как бледный крем ⟨?⟩, он — с важностью героя.
Иль яда быстрого разделенный фиал
Несет им сладкий дар совместного покоя.
И стали думать мы, что наш тревожный век
Условностью одет, и тесен стал, и бледен,
Что холоден и слаб стал ныне человек,
И злою ржавчиной практичности изъеден.
Трагедии нигде глубокой не найдешь, —
Сменили мы любовь на купленную ласку,
На нашем языке коварство или ложь,
И прячем мы лицо в условленную маску.
А если иногда случится нам узнать,
Что рядом с нами вдруг свершилося злодейство
Иль подвиг доблестный, способный взволновать
Сердца и помыслы, как будто чародейство,
Или нашла приют гонимая любовь
Под окровавленной, суровой крышей гроба,
И над могилой ранней своей жертвы, — вновь
Бледнеет и дрожит униженная злоба, —
Мы удивляемся. Толпою мы спешим,
Волнуясь и крича, заняться яркой драмой,
Загадку сплетнями кой-как мы разрешим,
Да пошлой болтовней, да плоской эпиграммой.
Все чрезвычайное, все, что из ряда вон,
Нам как-то нравится, как редкая новинка,
Как нравится порой нелепо-страшный сон
Иль соблазнительно-красивая картинка.
Не от того ль до нас из прежних лет дошло
Такое множество трагедий и скандалов,
Что чрезвычайное всегда к себе влекло,
Как роскошь римская влекла к себе вандалов?
Как мирные стада пасутся на лугах
С такой же тупостью, как и в былые годы,
Так бледное житье в отеческих домах
Влачили, как теперь, различные народы.
А эти редкости — любовь, кинжал и яд,
И замки и луна, и месть и преступленье,
Баллад таинственных истасканный наряд, —

В театре жизненном без платы представленье,
С их пошлостью дают друг другу поколенья.
А взглянешь вкруг себя — неслышный миру плач
Таится ото всех, невидимые муки, —
Там улыбается безжалостный палач,
Там жертве трепетной завязывают руки,
И сколько ты найдешь и горя, и страстей,
Отчаяний немых, бессмысленных проклятий.
И столько пыток злых, безвременных смертей, —
Растерзанных сердец, разорванных объятий,
Обманутых надежд, униженных собратий, —
Что помутится ум, и сердце задрожит,
Молох властительный перед тобой восстанет,
Весь кровью жертвенной обрызган и облит,
И с дикой радостью в глаза тебе заглянет.
Зачем ты, злобный бог забытых городов
Прибрежья Тирского, былого Карфагена,
Пережил их позор и тяжесть их оков,
И смерти нет тебе, и ты не знаешь тлена?
Не пышный здесь Сидон, — здесь бедный городок,
Не знаю почему, зовется он Туманом,
Заброшен он в глуши, ни длинен, ни широк,
Домишки ветхие — что нищий в платье рваном.
Знакомство здесь сведешь, будь рад ей иль не рад,
Со злой старухою, завистливою Сплетней;
Хоть, по обычаю, везде ее бранят,
Но слушают ее тем чаще и приветней.
К ее затейливой и вредной болтовне
Порою, каюсь, я прислушивался жадно,
Но после каждый раз так делалося мне
И скучно, и смешно, и вместе безотрадно.
Как мутный ручеек, вился ее рассказ,
И было много в нем бессмысленного вздора,
Безбожных вымыслов, догадок и прикрас, —
Так в сточном ручейке несется много сора.
Но иногда, сквозь весь обильный этот сор,
Сверкали мне в глаза, как зарево пожара,
Обида кровная, и муки, и позор,
И мстительной судьбы внезапно-злая кара.
Я верить не хотел, но тягостней горы,

Обрушенной на грудь, тоска меня томила,
И вот передо мной являлись две сестры,
И в области беды меня их мощь стремила.
И первая была воздушна и легка,
Одежды легкие роняла и манила, —
То, радостно смеясь, наряднее цветка,
Звенящим голоском, как пташка, щебетала.
Краснела, как кумач; лукавые глаза
Зарницей заревой рассеянно мерцали,
И гнулся ее стан, как тонкая лоза,
И груди белые порывно трепетали.
И пряди светлые распущенных кудрей
На плечи сыпались широким водопадом;
Любуясь и сама красой живой своей,
По зеркалу реки она скользнула взглядом.
Пред нею забывал я горе и печаль,
Была одарена она волшебной властью, —
И только к ней пылал томительною страстью,
И с нею улетал в таинственную даль.
Картины дивные мелькали предо мною.
И дева юная, прекрасная Мечта,
Летела как орел над морем и землею,
Крылами светлыми высоко поднята.
Я вам перескажу один рассказ ее,
Не знаю почему, так душу взволновавший,
Так надорвавший сердце робкое мое,
И в разум мой свинцом так глубоко запавший.

5, 6, 7, 8, 13 августа 1889,
2 августа 1891

630

Полон ты желаньем дела,
И на подвиг ты готов.
Пред тобою заалела,
Как заря, твоя любовь.

Что ж, иди, пора приспела,
Только знай, что путь суров.

Много встретишь ты врагов.
Слышишь, злоба зашипела?

Клевета растет, язвит,
И ничто не защитит
Грудь твою от злого жала.

Жертвуй людям, но не жди,
Чтоб хвала тебя венчала, —
Нет, осмеянный, иди.

2 августа 1891

631

Губы сжаты, строги взоры,
На меня и не глядишь;
Но понятны мне укоры,
Что сурово ты таишь.

Что сердиться так упрямо
На меня уже два дня?
Поскорее кончи, мама,
Больно высеки меня.

Заслужил я это, — знаю,
Что вина так тяжела.
Сам я розги наломаю,
Сам разденусь догола.

Чтобы темная досада
Не печалила наш дом,
Накажи меня как надо,
Наказав, прости потом.

⟨Около 2 августа 1891⟩

632

Услышишь ты вокруг себя шипенье
Коварного, таящегося зла, —
Но обходи с улыбкою презренья
Бесстыдные и злобные дела:

Есть горшие на свете преступленья,
Их скрывшая, губительнее мгла.
Смотри, чтоб жажда грозного отмщенья
Пред ними в ужасе не умерла.

Могучих сил не трать в борьбе бесплодной, —
Иди вперед, бесстрастный и свободный,
Вперяя взор во тьму, не ведай сна:

Опасен путь, таится там химера.
На битву грозную тебе нужна
Вся мощь, любовь, надежда вся и вера.

4 августа 1891

633 А

СОНЕТ

Любитель радости играющих детей,
Кто б ни были они, с восторгом наблюдает.
Пусть грязь дорог босые ноги их марает, —
Они так веселы в наивности своей.

Но мысль печальная мой разум посещает,
Когда гляжу на них; степного тигра злей,
Полуночной грозы суровей и мрачней,
Огнем отчаянья она в душе пылает.

Грозящим манием безжалостной руки
Начерчен жребий ваш, о дети-бедняки!
И если в ком-нибудь из милых глаз мерцая,

Зародыш гения на дне души лежит,
Ночь дикой косности, угрюмая, немая,
Его бессмысленно навеки заглушит.

4 августа 1891

633 Б

Старик улыбчивый, ты медлишь на пороге,
И смотришь на толпу играющих детей.
Хоть ноги голые марает грязь дороги,
Забавны милые беспечностью своей.

Но думы у меня безрадостны и строги,
Когда гляжу на них; они в душе моей,
Как зарево больных и медленных огней,
Обнявших светлые, надменные чертоги.

Давно определен, бессмысленно суров,
Начертан наш удел, о, дети бедняков!
И пусть в иной душе, из милых глаз мерцая,

Зародыш гения дает свои ростки,
Бессмысленная жизнь, и косная, и злая,
Покровом тягостным сомнет его цветки.

4 августа 1891

634

Нарядная мечта, сдружившаяся с песней,
Воздвигшая дворцы из вековечных глыб,
Насколько стала б жизнь свободней и чудесней,
Когда твои цветы равно для всех цвели б!
Когда б все голоса слилися в братском гимне
О солнце благостном, о счастии земном,
То вопли гибнущих: о брат мой, помоги мне!
Не гасли б попусту в безмолвии немом.

Но петь о том, в чем нам навек не будет части,
Что огорожено незыблемой стеной,
Поэт, найдешь ли ⟨ты⟩ довольно гордой власти
Над изнемогшею, мятущейся душой?
Что мне природы всей чарующая прелесть,
Румяный свет зари, блеск и сиянье дня,
И звезды яркие, что в небе загорелись,
Недостижимые, как счастье для меня!
Что девичья краса, пленяющая очи
И в сердце пылкая волнующая кровь,
Когда в душе моей темнее полуночи,
Иная стонет в ней, суровая, любовь!

Для сердца жаркого ужасно это счастье,
Когда ликующий и пьяный шум пиров
Шлет только дикий смех тупого безучастья
На стон и жалобы страдающих рабов.

1890, 4 августа 1891

635

Я упивался негой счастья,
Безумным праздником любви.
Струился ядом сладострастья
Избыток сил в моей крови.
Я говорил: — И от ненастья
Часы отрадные лови,
Во всех пирах бери участье,
Для грез пленительных живи! —

Не видел я, безумец бедный,
Обманов жизни этой бледной!
Но вдруг отвергнутого стон
Смешался с песней звонкой нашей, —
И с пира я бежал, смущен
И не допив заздравной чаши.

4 августа 1891

636

Влечется злая жизнь! Ни счастья, ни свободы!
Ленивей тяжких змей ползут немые дни,
Летят, как ураган, стремительные годы,
И гаснет радость грез, как бледные огни.

Заставлены пути, заграждены исходы.
Не трать остатка сил, неправды не кляни.
Пускай твою ладью неведомые воды
Несут лесным ручьем в таинственной тени.

Лежи на дне ладьи, следи ветвей мельканье,
И слушай сонных струй ленивое роптанье,
И жди, спокойно жди. Бездействие — не стыд,

Когда для битвы нет оружия и силы.
Усталого раба ничто не устрашит, —
Ни холод жизни злой, ни холод злой могилы.

7 августа 1891

637

Когда замрет желаний жадных
Неугомонно-дерзкий спор,
В разливе бедствий беспощадных
Себе услышишь ты укор.

И ты поймешь, что за мечтою,
Безумец бедный, гнался ты,
А жизнь смеялась над тобою,
Неумолимою волною
Смывая гордые мечты.

16 августа 1891

638

Я из училища пришел,
И всю домашнюю работу
Я сделал: сам я вымыл пол,
Как делаю всегда в субботу.

Я мыл, раздевшись догола,
А мать внимательно следила,
Чтоб пол был вымыт добела.
Порой ворчала и бранила.

В одной рубашке стол наш я
Накрыл. — Живей! Не будь же копой!
Ну, а салфетка где твоя?
Да ты ногами-то не шлепай!

Варила я, а ты носи!
Неси-ка щи, да осторожно, —
А то ведь, Боже упаси!
И обвариться щами можно. —

Сходил ко всенощной; потом
Возился в кухне с самоваром.
Весь раскрасневшись, босиком,
Я внес его, кипящий паром.

Чай выпит. — Ну, пора и спать. —
И все благополучно было:
Сегодня не сердилась мать
И ласково благословила.

Сказала: — Раньше поднимись
Тетрадки править пред обедней,
Теперь же поскорей ложись,
И не читай ты светских бредней. —

28 августа 1891

639

СОНЕТ

Ал⟨ексан⟩дру Влад. Дурново

В пустынных небесах скиталася комета,
Везде встречая мрак и холод гробовой,
Но солнце встретило ее потоком света,
И вспыхнула она красивою звездой.

Вы озарили путь безвестного поэта
Речами теплыми, отзывчивой душой,
И робкие стихи в созвучие сонета,
Звеня в его душе, сбегаются толпой.

Комета бедная, по небесам блуждая,
О солнце ласковом с тоскою вспоминая,
Свиданья нового с светилом жарким ждет.

А я утешуся отрадною мечтою,
Что Ваш приветный взор порою упадет
На стих, начертанный нелживою рукою.

1 сентября 1891

640 А

В теченье многих дней и лет
Привлечь внимательного друга,
Навеки врезать яркий след —
Невелика еще заслуга.
Не слишком трудно изловить
В капкан лукавую лисицу,
Иль щедрым кормом приманить
В силок доверчивую птицу.
Но разом на лету свалить,
Послав вдогонку выстрел меткий,
Но разом сердце полонить,
И неразрывной дружбы нить

В короткий миг навеки свить, —
Удел и завидный, и редкий.
И Вам дарован он судьбой
На счастье всех, кто Вами встречен,
Кто Вашей чуткою душой
И очарован, и отмечен.

3 сентября 1891

640 Б

Не слишком трудно изловить
В капкан лукавую лисицу
Иль щедрым кормом заманить
В силок доверчивую птицу.

Так после долгих дней и лет
В душе внимательного друга
Навеки врезать яркий след —
Не велика еще заслуга.

Но на лету орла сразить
Трудней, — здесь нужен выстрел меткий.
Как разом душу полонить —
Удел и завидный, и редкий.

3 сентября 1891

641 А

СОНЕТ

Энтузиазмом скоротечным
Не обольщай себя, мой друг:
В твоей душе не будет вечным
Великодушный твой недуг.

Покуда юношей беспечным
Глядишь ты весело вокруг,

И гонишь пламенем сердечным
Суровый строй житейских вьюг.

Но будет день: душа устанет
И грезы пылкие проклянет,
Благоразумным станешь ты,

Пойдешь ты торными путями.
И к пьедесталу Суеты
Приникнешь робкими устами.

25 сентября 1891

641 Б

Восторгом ярким скоротечно
Воспламенен ты, милый друг,
Но верь, пылать не будет вечно
Великодушный твой недуг.

Теперь, пока ты юн, беспечно
И весело глядишь вокруг,
Пылаешь ты простосердечно
И в холоде житейских вьюг.

Но день придет, душа устанет,
И грезы пылкие проклянет,
Благоразумен станешь ты,

Пойдешь обычными путями.
И будешь робкими устами
Хвалить томленья суеты.

25 сентября 1891

642 А

Навеки замкнут в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звезд небесных
Свободной жизни блеск и зной.

Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни интересов жгучих нет.

Томим завистливой печалью,
Слежу задумчиво тогда,
Как раскрываются за далью
Деревни, степи, города,

Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжет,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встает...

Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шепот
В базарных криках потонул.

Разнообразна, прихотлива,
Значенья тайного полна,
Как океан в часы прилива,
Жизнь необузданно-грозна.

Я на нее гляжу, как узник
Из-за решетки смотрит вдаль,
И, как единственный союзник,
Ко мне ласкается печаль.

25 сентября 1891

642 Б

Навек налажен в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звезд небесных
Свободной жизни блеск и зной.

Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни наслаждений бодрых нет.

Томясь в завистливой печали,
Слежу задумчиво тогда,
Как выплывают из-за дали
Деревни, степи, города,

Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжет,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встает...

Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шепот
В базарных криках потонул.

25 сентября 1891

643 А

Картин блестящих, звонких песен
Ты от меня не жди:
Мой мир уныл, угрюм и тесен,
И холодно в груди.

Привык я слышать только звуки
Насмешек и угроз,
Привык везде я видеть муки,
Смотреть на мир сквозь слез.

Привык я в радости беспечной
Сокрытый видеть яд, —
И вспышки теплоты сердечной
Меня не веселят:

В них много блеску, правды мало, —
Людей я разгадал,
Душа будить себя устала,
И мрак ее объял.

25 сентября 1891

643 Б

Поэм веселых, милых песен
Ты от меня не жди, —
Тяжелый путь мой пуст и тесен,
И бездна впереди.

Я в мире слышу злые звуки,
Моленья да угрозы,
Я в мире вижу только муки,
Смотрю на мир сквозь слезы,

И даже в радости беспечной
Провижу скрытый яд, —
В рубинах радости сердечной
Не мне венец отрад.

В них много блеску, жизни мало,
Их скоро мрак объемлет.
Душа будить себя устала,
И безнадежно дремлет.

25 сентября 1891

644

— Знаешь: голод! Люди мрут!
— Что ж, мы как-нибудь поможем:
Мы копейки наши сложим,
Их по почте перешлют...

— Половину украдут,
Купят хлеб по ценам схожим,
И по ломтю раздадут
Нашим братьям... толстокожим!

— Ах, зачем же клеветать!
Кто же станет воровать!
Предводители дворянства?
Председатели управ?
— Промотавшееся чванство,
Ненажравшийся удав!..

1) 27 сентября 1891

645

Весь мой талант — на полстраницы.
Над мной лежит печальный гнет.
Мечта летит быстрее птицы,
Как черепаха, ум ползет.

2) 27 сентября 1891

646

Словами горькими надменных отрицаний
Я вызвал Сатану. Он стал передо мной
Не в мрачном торжестве проклятых обаяний, —
Явился он, как дым, клубящийся, густой.

Я продолжал слова бесстрашных заклинаний, —
И в дыме отрок стал, прекрасный и нагой,

С губами яркими и полными лобзаний,
С глазами, темными призывною тоской.

Но красота его внушала отвращенье,
Как гроб раскрашенный, союзник злого тленья,
И нагота его сверкала, как позор.

Глаза полночные мне вызов злой метали,
И принял вызов я, — и вот, борюсь с тех пор
С царем сомнения и пламенной печали.

⟨2⟩⟩27 сентября 1891

647

За мрак изображений
Меня ты не брани, —
Таков мой скорбный гений,
Такие наши дни!

Суровых песнопений
Моих ты не кляни, —
То в мглистости томлений
Горящие огни!

Гореть как можно жарче,
Светить как можно ярче,
Страданий не тая,

За черною горою
Встать красною зарею, —
Вот заповедь моя.

29 сентября 1891

648

Иссяк источник вдохновенья,
Уходит юность, стынет кровь!
Не знал я сладкого мгновенья:
Не улыбалась мне любовь!

Напрасно жаркою волною
Вся в сердце закипала кровь:
Не пролетала надо мною,
Не улыбалася любовь!

Безумства дикого мученья
Грозят, грозят мне вновь и вновь.
Не знал я светлого мгновенья,
Не улыбалась мне любовь!

4 октября 1891

649

Вальс, кадриль, мазурка, полька,
Это — танцы для балов.
Танцевал бы их, да только
Им учиться бестолков.

А гопак, трепак, присядка —
Деревенский это пляс.
Недоступная ухватка,
Горожане, в них для вас.

Я иную пляску знаю.
Может быть, нехороша,
Но частенько исполняю
Этой пляски антраша.

Для нее костюм несложен,
Научиться просто ей:
Догола раздет, разложен
Под мелодию ветвей

Да под собственное пенье
Этой арии простой,
Что из оперы «Сеченье»
И с припевами «ай! ой!»

Высоко взметаю пятки,
И танцую трепака
Прытче вальса и присядки,
Даже прытче гопака.

Не однажды на неделе
Проплясавши так, поймешь,
Что в здоровом только теле
И здоровый дух найдешь.

Это тело укрепляет,
Изгоняет всяк порок,
И грехи уничтожает,
И притом в короткий срок.

5 октября 1891

650

Поставил я недавно Войку
В его небрежную тетрадь
За множество ошибок двойку.
Подвинуть надо хоть на пядь

Лентяя мерою суровой,
Хоть чрезвычайной, но простой.
К его хозяйке Балашовой
Иду я вечером босой.

(Чтоб не рискнуть домашним миром
И маму вновь не рассердить,
По ученическим квартирам
Пришлось мне босиком ходить).

Да кстати и на Балашова
Ахутин жаловался мне.
— Его приструньте заодно вы, —
Он с Войком в вашей стороне. —

Вхожу. Подростка два босые
Встают, и кланяется мать.
В беседе с ней вины большие
Пришлось не долго разбирать.

По моему приказу бойко
Тотчас послушный Балашов
С таким усердьем выдрал Война,
Что поднял тот прегромкий рев.

И на полу потом вот этом,
Где Войка розгами хлестал,
И Балашов лежал раздетым,
И Войк его усердно драл.

— Спасибо вам, что так вы строги! —
Вдова меня благодарит,
Целует мне босые ноги,
Мальчишкам целовать велит.

17 октября 1891

651—652

КТО В ОТВЕТЕ?

1. Бесполезно рассуждать
Слишком долго на совете,
Ваше дело — подписать,
Вы не будете в ответе.

2. Управляю только я, —
Так дела идут на свете, —
Воля полная моя,
Вы не будете в ответе.

3. Вот нагажу я когда,
Не пойму ни черта в смете,
В этом разе, господа,
Вы уж будете в ответе.

4. Я хочу вам рассказать:
Я в мудреной вашей смете
Ничего не мог понять;
Вот за это — вы в ответе.

5. Я совсем не виноват:
Я работал в прошлом лете;
Помогли б, я был бы рад,
Вы ж останетесь в ответе.

6. Я пассивно исполнял,
— Про постройки же все эти
Ведь и округ даже знал,
Вы не будете в ответе.

7. Вот обои у меня, —
Поиспачкали их дети, —
Обновил, конечно, я.
Кто ж тут должен быть в ответе?

8. Я душою чист всегда,
Я попался в ваши сети.
Вы молчали, господа,
И за это вы в ответе.

9. Все исправить, улучши́ть,
К этой лишь стремлюсь я мете,
Мне ль страдать-то, мне ль платить,
Мне ли, мне ли быть в ответе?

1) 18 октября 1891

НА СОВЕТЕ

И приятно, и полезно
Иногда твой хвост пришпилить,
И с улыбкою любезной
На тебя помои вылить.

2) 18 октября 1891
Тогда же. Там же

653

ИСТИНЫ

Истина 1
— Тяжесть не вредит,
Вреден только гнет.

Истина 2
— Что директор говорит,
Столько он и врет.

Истина 3
— Штукатурка — это вздор,
Нужен лишь печник.

Истина 4
— И ворует — да не вор, —
А всего Сквозник.

25 октября 1891

654

Мечты напрасны, зов бесплоден, —
Могильным сном народ мой спит.
И необузданен, свободен
Над ним тиран еще царит.

27 октября 1891

655

ПОЭМА «РОССИЯ»

Была мечта, стремленья были,
Надежда двигала вперед.

27 октября 1891

656

БОТФОРТЫ ПАЖА АДЕЛЬСТАНА

Простившись во вторник с женой,
Уехал барон на охоту.
Хотел возвратиться домой
Он к вечеру только в субботу.

Но спел ему хитрый певец,
Что рыцарь обманут женою,
Что в спальню ее молодец
Взбирается ночью глухою.

Вернувшися ночью верхом
Ко рву неприступного замка,
Барон увидал, что тайком
Калитку лукавая мамка

Открыла (светила луна, —
Он скрыт был под сенью каштана).
Звала к баронессе она
Красавца, пажа Адельстана.

Он видел, как паж у стены
Разул свои бойкие ноги,
Чтоб слуги неверной жены
Не подняли сдуру тревоги,

И тихо за мамкою он
В калитку потайную скрылся.

И взял его обувь барон
И, скрыв под плащом, удалился.

Он в среду вернулся домой,
И в зал он, плаща не снимая,
Вошел, ни жене молодой,
Ни слугам своим не внимая.

Испуганный паж побледнел, —
Припомнил он утренний случай:
Когда горизонт заалел,
И солнце блеснуло за тучей,

И тихо, потайным путем
За дверь увела его мамка,
Он обувь искал под кустом
За рвом неприступного замка.

Следы от тяжелых ботфорт
На влажной земле он увидел,
И думал: — Разбойник иль черт
Меня здесь некстати обидел? —

Уселся на кресло барон,
Неспешно свой плащ он откинул,
Ботфорты красивые он
Ботфортой тяжелой подвинул,

И молвил: — В дороге со мной
Случилось великое диво.
Я ехал дорогой глухой,
Росла у дороги крапива.

Назад посмотрел я: спешат
За мною ботфорты, вот эти!
И голосом звонким кричат:
«Плохое житье нам на свете.

В объятьях предутренней тьмы,
В росистой траве, средь тумана,

Владельцем оставлены мы,
Ботфорты пажа Адельстана.

Досадно на мокрой земле
Валяться в холодном тумане,
Когда наш хозяин в тепле
Сидит на пружинном диване,

Вино искрометное пьет,
Со знатною дамой смеется,
Ей сладкие песни поет,
В горячей любви признается.

Вели ему, грозный барон,
Чтоб снова нас принял на службу,
Да лучше ценил чтобы он
С ботфортами крепкими дружбу.

Отец, хоть дворянчик, да нищ, —
Босой дома бегал мальчишка,
Так в паре таких голенищ
Красавчику не было б лишка». —

И паж, раскрасневшись, дрожит,
Ни слова промолвить не смеет, —
Безмолвная стража стоит,
Лицо баронессы краснеет.

Барон головой покачал,
И молвил: — Ботфорты красивы!
А я в них вчера напихал,
Чтоб крепче сидели, крапивы. —

Сияет обеденный зал,
Пирует барон, и не тужит;
Вино наливая в бокал,
Наказанный паж ему служит.

Лицо Адельстана горит,
И жжет ему ноги крапива.

Краснеет жена и молчит,
И шепчутся слуги: — Вот диво! —

4 января 1890, 30 октября 1891

657

Отец

Ты опозорила мой дом,
И где же он, твой соблазнитель?
Как тать, он в честную обитель
Проник — и убежал потом.

Дочь

О нет, отец, о нет! Быть может,
Страдает так же он, как я, —
И, верно, сердце ему гложет
Тоска такая ж, как моя!

Отец

Покрывши тягостным позором
Мои седины, ныне ты
Свой грех искупишь. Сладким взором
И блеском юной красоты
Ты и теперь еще прельщаешь,
И есть один, — своей женой
Он назовет тебя. Ты знаешь,
О ком я говорю с тобой!

Дочь

О нет, мне муж иной противен.

Отец

Подумай. Твой ответ наивен.
Упрямство отложи свое,
Не откажи отцу седому,
Или проклятие мое
Ты унесешь с собой из дому.
И ты пойдешь отсюда прочь,

И у тебя отца не будет,
И скоро город весь забудет,
Что я имел когда-то дочь.
И если нищая, больная
Ты упадешь к моим ногам,
Их обнимая и лобзая, —
Тебе приюта я не дам.

Дочь

Пускай так будет. Я готова,
Но не забуду я того,
Кто силой мысли, правдой слова
Был ключ прозренья моего...

Отец

Опомнись, дочь. Три дня дам сроку,
Ты мне ответ в них приготовь...
Смирися, помолися Богу
И позабудь свою любовь.

И он ушел, замкнувши двери,
А я осталася одна.
Одна, тоской моей потери
Взволнована, поглощена.
Моей любви и поцелуям
Не для жены он изменил;
Мой дух не ревностью волнуем
И не сомненьем полон был.
Нет, силу своей юной страсти,
Я знала, в жертву он принес
Иной, суровой, грозной власти, —
Виновнику великих слез.
И я решилась. Если милый
Пошел на честную борьбу
С неправедной и злобной силой, —
С его судьбой мою судьбу
Свяжу я цепью неразрывной, —
Пора, пора народам знать,
Что на призыв свободы дивной
Умеют жены отвечать,

Умеют смело умирать!
Прошли 3 дня. Полна смятенья,
Я гневного отца ждала,
И сила твердого решенья
В моей груди не умерла.
Сняла с себя я украшенья,
Надела платье победней,
Простой платок, разула ноги,
Чтоб из обители моей
Не брать ненужного. Дороги
Не знала, да покажут мне.
Отец приходит. «Я готова
К изгнанью», — говорю сурово,
И вся дрожу, и вся в огне.

«Ты вспомнишь, тварь, об этом дне, —
Сказал мне, взорами сверкая, —
Иди». И я ушла босая,
Отцовский гнев неся с собой, —
Свободу и любовь спасая,
Я не смутилась пред бедой.
Я верила: найду я хлеба,
Как до меня его нашли.
Широк простор родной земли...
Спускалась ночь. Темнело небо,
С востока тучи наползли.
Мне было страшно: гром гремел,
Так близко молния сверкала,
Как будто острие кинжала
Мне в сердце буря опускала,
И вся в слезах дрожала я;
А дождь жестокими струями
Лился; моими волосами
Играла буря ⟨ ⟩
Я встала рано. Освеженный
Вчера гремевшею грозой,
Веселым утром пробужденный
Мир ликовал передо мной.
Как алы блестки перламутра,
Дышали свежестию утра

В небес глубокой синеве,
Сплетаясь, тучки. По траве
Еще холодной и росистой
Порою ветер шелестел.
Ручей прозрачный, серебристый
Под лозняком слегка шумел.
Стада на пастбище тянулись 〈 〉

Толпы народа,
Как волны шумные, текли
И вот, как звезды засверкали
Кресты соборов в той дали,
Куда все шумно поспешали.
И все одеты, словно в храм
Идут в день праздника Господня,
Или как будто всех их там
Ждет радость светлая сегодня.
Покрыта бархатом одна,
Блистает жемчугом другая, —
А я одна грустна, бледна,
Бреду в лохмотьях и босая.
И речи слышу я кругом
Про заговор, про чьи-то казни.
Как лица веселы кругом!
Как речи полны неприязни!
〈 〉
И вот я вижу эшафот,
На нем палач в рубахе красной...
О, Боже мой! Кого здесь ждет
Столб казни лютой и ужасной?

Кому там плаха и топор,
На плахе острием торчащий,
И точно злого тигра взор,
Холодным лезвием блестящий?

3 июля 1886,
3 июня, 12 августа 1889,
30 октября 1891

658

Полынь отчаянья на нивах вновь растя,
Дни темные над родиной нависли,
А мы, беспечные, играя и шутя,
Помочь голодному грошами собрались ли?

Что мы потратили, безделье золотя,
О том не говори, того не числи.
Молчи, поэт, пугливое дитя!
Какие б горькие в тебе ни зрели мысли,

Их в люди не пускай в одежде резких слов.
Вот медные дожди рассчитанных даров
На стогнах сыплются, нещедры и нелепы.

Смотри на них, свой гнев глубоко затаив, —
Толпы всегда пред истиной свирепы,
А ты, поэт, всегда застенчив и пуглив.

12—13 ноября 1891

659

Стоит пора голодная,
Край в лапах нищеты.
Отчизна несвободная,
Бездомная, безродная,
Когда ж проснешься ты?

Когда своих мучителей
Ты далеко сметешь,
И с ними злых учителей,
Тебе твердящих ложь?

13 ноября 1891

660

Со щегольских сошла ты дрожек,
Крестясь, вошла под своды храма...
Не вынимай своих сережек,
О, легкомысленная дама,

И в кружку с глупыми дарами
Не опускай ты их стыдливо.
Скажи, кто видел, чтоб серьгами
Давала людям плод свой нива?

13 ноября 1891

661

Как много снегу намело!
Домов не видно за буграми.
Зато от снега здесь светло,
А осенью темно, как в яме.

Тоска и слякоть, хоть завыть, —
Недаром Вытегрой зовется, —
Иль в карты дуться, водку пить,
Коль грош в кармане заведется.

На набережной от всего
Треской несвежей душно пахнет.
Весной и летом — ничего,
Хоть вся природа словно чахнет.

Но все ж земля, трава, река...
Я — питерец, люблю я Север.
Дорога всякая легка,
Милы мне василек и клевер.

12 декабря 1891

1892

662

В королевстве басурманском
Был когда-то трудный год:
На мужицком, на дворянском
Поле, — всюду недород.
А хлебов-то басурманы
Не сумели запасти,
И пришлося им карманы
Не шутя порастрясти.
Деньги — дело наживное,
Деньги б только — не беда,
Но случилося иное,
Препоганое тогда:
Хлеба негде взять, — и стали
Люди с голода мереть;
Как тут быть в такой печали?
Как тут горе одолеть?
Всяк томится, всяк скучает,
Только толстый Зензивей
Ждет каких-то барышей
И ничуть не унывает.
Слух пронесся: Зензивей
Будет есть своих детей!
А детей ему немало
Армия прекрасных жен
В полстолетья нарожала:
Все потомство — миллион.
Ни за что, ей-ей, не втиснешь!
Не скажи, что это — ложь.
Посчитай-ка — так закиснешь,
Околеешь — не сочтешь!
И теперь, когда дресвою
Заменяется мука,
От голодных нет отбою,
В души просится тоска, —

Зензивей не унывает,
Собирает сыновей,
И спокойно выбирает,
Кто меж ними пожирней.

5 января 1892

663

Не в дремучем лесу, где колючей стеной
Встала дикая чаща столетних кустов,
Не в дворце, заколдованном ведьмою злой,
Где царит неподвижный и тяжкий покой,
Где все спит уже сотни годов, —
Совершается старая сказка у нас,
Между нас вечной сказки царевна лежит,
В нашем городе каждый видал, и не раз,
    Как царевна заклятая спит.
Недалеко от шумных, больших площадей,
Где свершается торг, где теснится народ,
Где звучат голоса шаловливых детей,
Где струя экипажей, как сказочный змей,
И гремя, и блестя, извиваясь, ползет,
    Есть дворец. Он построен давно,
Он имеет печальный и пасмурный вид,
В нем все окна закрыты, и только одно
Постоянно открыто большое окно,
Из дверей лишь одна вечно настежь стоит.

5, 26 января 1892

664

ГОСТЯМ

К нам пришли сегодня гости дорогие,
Мы зажгли сегодня праздничные свечи.
Радость расцветила лица молодые,
И беззлобен смех наш, дружны наши речи.

Праздник, хоть и скромный, полон оживленья,
Праздник беззаботный жизненного мая:
Сладкий стих поэта, музыка и пенье,
Бойкие куплеты, сценка бытовая, —

Все дарит нам много искреннего счастья,
Веселит и тешит души молодые...
Вам, в весельи нашем принявшим участье,
Шлем привет сердечный, гости дорогие!

9 февраля 1892

665

Последние листы с деревьев отряхая,
Идет октябрь, улыбкой лживою встречая
Цветы раскинувший вторично первоцвет.
Обмануты теплом, за ним раскрылись вслед
Фиалка нежная и гордый одуванчик.

28 февраля 1892

666

СВЕТЛЫЙ ЛИК

Порой гордыни дух лукавый
Своим крылом души коснется,
И злоба мстительной отравой
В душе надменной разольется,

И затемняется сознанье
Неправды тягостною мглою.
Но лишь одно воспоминанье
В моей душе взойдет зарею, —

Исчезнут вмиг, как тени ночи,
Гордыни мрачной наважденья,
И снова зорки станут очи,
И снова ясны впечатленья.

И над душой моей смиренной
Тогда сияет образ ясный:
Взор, дивной мыслью вдохновенный,
Лик величавый и прекрасный,

Бедна одежда, босы ноги,
Уста с улыбкою привета.
Нельзя мне сбиться с Ним с дороги.
То — Иисус, Владыка света.

11 марта 1892

667

КРАСОТА ИОСИФА

Залиха лежала, стеная, на пышной постели,
И жены вельмож фараона пред нею сидели.

— Залиха, скажи нам, какой ты болезнью страдаешь?
Печально ты смотришь, горишь ты, — как свечка, ты таешь. —

— Подруги, я стражду, больная мятежною страстью,
Желание жгучее пало на сердце напастью. —

— Высокая доля уносит в поток наслаждений, —
Тебе ли знакомы несытые вздохи томлений! —

— О, если б имела, подруги, я все, что б хотела!
О, если бы воля моя не знавала предела! —

— Но что невозможно, о том бесполезны и грезы,
Безумны желанья, безумны горючие слезы! —

— Для вас, о подруги, мои непонятны мученья,
Но вам покажу я предмет моего вожделенья.

Вы сами желанья почуете лютое жало. —
Залиха за чем-то рабыню тихонько послала,

И снова к подругам: — Покушайте, вот апельсины.
Ах, если бы в сладостях было забвенье кручины! —

Едва апельсинов коснулись ножи золотые,
У входа зазыблились быстро завесы цветные.

Тяжелые складки рукою проворной отбросив,
Вошел и склонился смиренно красавец Иосиф,

И по полу твердо ступая босыми ногами,
Приблизился к гостьям, и скромно поник он очами.

Горячая кровь на ланитах его пламенела,
Смуглело загаром прекрасное, стройное тело.

И вскрикнули жены, с Иосифа глаз не спускают,
Как руки ножами порезали, сами не знают.

Плоды окровавлены, — гостьям как будто не больно.
И рада Залиха, на них улыбнулась невольно.

— Вы полны восторгом, едва вы его увидали.
Судите же сами, какие терплю я печали!

Он — раб мой! Его каждый день, как рабыня, прошу я,
Никак не могу допроситься его поцелуя! —

— Теперь, о подруга, твои нам понятны мученья,
Мы видели сами предмет твоего вожделенья! —

15 марта 1892

668

В поле девушка ходила,
И случайно придавила
Голою стопой
Цветик полевой.
Он головкой лиловатой
Никнет до земли.
Вдруг к былинке полусмятой
Чьи-то кудри прилегли.
Смотрит девушка, вздыхая,
На больной цветок,

Осторожно выпрямляя
　　Тонкий стебелек.
Говорит она тихонько:
— Что мне сделать, милый мой?
Взбрызнуть венчик твой легонько
　　Свежею водой?
Иль от солнца в тень лесную
Мне тебя пересадить? —
Шепчет он: — Сам оживу я, —
　　Не мешай мне жить! —

19 марта 1892

669 А

Не терпит жизнь помех.
В ее русло валить каменья,
Чтоб преградить ее теченье —
　　Незамолимый грех.
　　Когда теченьем вод
Ладью с беспечными пловцами
Между крутыми берегами
　　Стремит вперед,
И нанесет на риф вчерашний, —
Кто их спасет от смерти страшной,
　　Кто их спасет?
Не говори: «Река подмоет
　　Столпы святых основ!»
Падут столпы, — придет любовь,
И храм обширнейший построит
　　У новых берегов!
Чтоб не погибли наши нивы,
Ты хочешь реку обуздать!
　　О, нет! пора бы знать:
Не страшны вольные разливы, —
　　Внезапны и страшны
Проказы скованной волны!

19 марта 1892

669 Б

Не терпит жизнь помех.
В ее русло валить каменья
И преграждать ее теченье —
Незамолимый грех.

Чтоб не погибли наши нивы,
Ты хочешь реку обуздать!
О, нет, пора бы знать:
Не страшны вольные разливы, —
Внезапны и страшны
Проказы скованной волны!

19 марта 1892

670

Небо желто-красное зимнего заката,
Колокола гулкого заунывный звон...
Мысли, проходящие смутно, без возврата,
Сердца наболевшего неумолчный стон...

Снегом занесенные, улицы пустые,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Из окошка вижу я кудри дымовые,
Вереницы тесные деревянных крыш.

Воздух жгучим холодом чародейно скован.
Что-то есть зловещее в этой тишине.
Грустью ожидания разум очарован.
Образы минувшего снова снятся мне.

20 марта 1892
Вытегра. Семинария. Общежитие

671 А

В томленьях жизни несчастливой
Меня утешишь только ты,
О муза дивно-прихотливой
Все озаряющей мечты.
В минуты грусти безнадежной
Предстанешь ты душе моей, —
Ее пленять игрою нежной
Мир озаряющих лучей,
Надежд, страданий и волнений
Ловить минутные черты,
И грезы светлых вдохновений
Рядить в роскошные цветы.
Холодный скептик по рассудку,
Дитя наивное душой,
Я утешаюсь не на шутку
Твоей заманчивой игрой.
Забыты жгучие обиды,
Смолкает вмиг суровый гнев,
Как перед взорами Киприды
Плененный ею лютый лев.
Душе легко... Душа не знает,
Что этот отдых покупает
Ценою скорби и страстей...
Так раб избитый замирает
Под свист карающих плетей,
И перед ним плывет мечтаний
Волшебно-оживленный рой,
И грезы сладких упований
Одна наряднее другой!

6 апреля 1892

671 Б

В томленьях жизни несчастливой
Меня забавишь только ты,
О муза дивно-прихотливой
Мечты!

В разгаре грусти безнадежной
Ты предстаешь душе моей,
Ее пленяя лаской нежной
Мир озаряющих лучей.

Забыты жгучие обиды,
В душе смолкает гордый гнев,
Как перед взорами Киприды
Плененный лев.

6 апреля 1892

672

Не следуй чуждому примеру,
Вслед за толпою не иди,
Откинь младенческую веру,
Чудес таинственных не жди.

Не верь, что то, что красотою
Зовут, на самом деле та,
Что беспокойною душою
Ты жадно ищешь, красота.

29 апреля, 7 мая 1892

673

Пойми, не в том тебе судьбы проклятье,
Чтобы поношенное платье
Иметь, а только в том,
Чтобы болтать потертым языком.
Подержанных речений опасайся
И свежими словами запасайся.

15 июня 1892

674 А

Вьется предо мною
Узенький проселок.
Я бреду с клюкою.
Путь тяжел и долог.

Весь в пыли дорожной,
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкой.

Не глушимый далью,
Гул его несется,
Жгучею печалью
В сердце отдается.

Словно кто собрата
С ним везет в изгнанье,
Без надежд возврата,
На тоску-страданье.

В этих громких звуках
Речь слышна живая
И о наших муках,
И о муках края,

Словно кто хоронит
Молодые силы
И печально стонет
На краю могилы.

Воздух полон гула,
И дрожит дорога, —
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!

9 ноября 1883,
19 июня 1892

674 Б

ПРОСЕЛОК

Вьется предо мною
Узенький проселок.
Я бреду с клюкою.
Тяжек путь и долог.

Весь в пыли дорожной
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкой.

Не глушимый далью,
Гул его несется,
Жгучею печалью
В сердце отдается.

Воздух полон гула,
И дрожит дорога,
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!

9 декабря 1883,
19 июня 1892

675

Злобою дня утомленный,
Видел я сон,
Может быть, небом внушенный,
Странен был он.

Мертвый лежал я в пустыне,
Было все мертво кругом.
Небо бездушно и сине,
Жгучее солнце на нем.
Почва — песок раскаленный,
Воздух и душен, и тих,

Видны грядой отдаленной
Склоны утесов нагих.

Солнце зашло. Торопливо
Ночь от востока пришла,
Мрак свой раскинула живо,
Звезды на небе зажгла.
Ясные, словно как очи,
Тихо мерцали оне.
Звуки таинственной ночи
Скоро послышались мне:
Голос гиены ворчливый...
Воет свирепый шакал...
Кто-то вблизи, торопливый,
Робко скользя, пробежал...

25—26 февраля 1887,
19 июня 1892

676

Прохожу я тропы и дороги,
Не обувши стремительных ног.
Пробегают свободные ноги
По просторам свободных дорог.

Вот мои сапоги-скороходы,
Те же в прошлый и в нынешний год.
Их окрасили солнце и воды,
Они годны на всякий поход.

26 июня 1892

677

Поздно. В доме все заснули.
Старший сын один не спит.
Как прикованный на стуле,
Над Гомером он сидит.

Лет 14 мальчишке,
А солидный вид какой!
Не отвлечь его от книжки,
Видно, малый с головой!
Щеки бледны, тусклы очи,
И узка и впала грудь.
Пролетело уж полночи,
Он не думал отдохнуть.
Над заснувшею столицей
Дикий, злобный дух летел,
И ребенка небылицей
Соблазнить он захотел.
В виде отрока-спартанца
К гимназисту он проник
И явился из-за ранца,
Из-за груды пыльных книг.
Полуголый, смуглый, смелый,
Чуть прикрыт своим плащом...
Гимназистик оробелый
Осеняется крестом. ⟨ ⟩

15 июля 1889, 30 июня 1892

678

Пыль и зной. Сухой тропою
Прохожу я босиком.
Там, за далью полевою,
Все еще не близок дом.

Был бы рад теперь я стуже,
Чтоб от зноя отдохнуть.
Был бы рад и малой луже,
Чтобы ноги окунуть.

Да уж видно не придется
Отдохнуть до дома мне,
Если только не прольется
Тучка в нашей стороне.

4 июля 1892

679 А

В угрюмой и дикой пещере,
В холодной, далекой стране
Лежит уже много столетий
Певец в заколдованном сне.

Не тлеет прекрасное тело,
Не ржавеют арфа и меч,
И ткани одежды не тлеют,
С холодных не падают плеч.

Нет доступа к этой пещере.
Туда и могучий орел,
Хоть зорки орлиные очи,
А все ж бы пути не нашел.

Есть в мире ничтожные твари, —
Их всюду кишит без числа, —
И даже из них в ту пещеру
Еще ни одна не вползла.

С тех пор, как прикрыли поэта
Тенета волшебного сна,
Подпала чьему-то зароку
Надолго вся эта страна.

Одной только деве доступно
Из всех, кто рожден на земле,
Порою проникнуть в пещеру,
Сидеть в заколдованной мгле,

Склоняться к прекрасному телу,
Лобзать молодые уста, —
Но дева та — муза поэта,
Его золотая мечта.

Она-то, ко мне прилетая
Порою в ночной тишине,
Мне образ певца рисовала
В его заколдованном сне,

Но имя певца молодого
Никак не умел я узнать:
Мне слезы мешали расслышать,
Ей слезы мешали сказать.

И где, и в какое он время,
И песни какие слагал,
И родом кто был, и как жил он, —
Об этом я мало узнал:

Не раз прерывался слезами
Ее простодушный рассказ,
И голоса музы расслышать
Мешали мне слезы не раз.

И все-то она торопилась
В пещеру опять улететь,
И снова на милые руки,
На милую арфу глядеть.

Прощаясь со мною, тревожно
Она вопрошала меня:
— Не знаешь ли, скоро ли вспыхнет
Заря незакатного дня?

Не знаешь ли, скоро ль иссякнет
Суровой беды океан?
Не знаешь ли, скоро ль исчезнет
Коварной неправды туман?

И скоро ль упрямые люди
Забудут раздоры свои
И в общем согласьи сойдутся
Как члены единой семьи?

Ах, если бы, радостно рея,
Могла я сегодня принесть
Печалью плененному другу
Святую, желанную весть!

Раскрылись бы яркие очи,
И грудь бы опять поднялась.
И в сердце былою любовью
Остывшая кровь бы зажглась!

Так сам пожелал он, безумный,
Устав от царящего зла,
Чтоб очи его осенила
Покоя могильного мгла,

Но жизни могучая сила
Осталась бы в теле его,
Чтоб мог он увидеть, услышать
Грядущей любви торжество.

О, если б ты знал, как вздыхает
Порой тяжело он во сне,
Как скованный дух его страждет
В могильной, немой тишине!

Как жадно он хочет молиться,
Но тяжко лежит он, как труп,
Не может раскрыть для молитвы
Запекшихся, сомкнутых губ!

Он знает: сменяются годы,
Столетья, как годы, бегут,
А люди страдают, томятся,
Свободы и счастья ждут.

Дождутся ли, нет ли? ты знаешь?
Проснется ль мой милый поэт?
Увидит ли снова людей он,
Свободный увидит ли свет? —

5 июля 1892

679 Б

В угрюмой, далекой пещере,
В заклятой молчаньем стране
Лежит уже много столетий
Поэт в зачарованном сне.

Не тлеет прекрасное тело,
Не ржавеют арфа и меч,
И ткани расшитой одежды
С холодных не падают плеч.

С тех пор, как прикрыли поэта
Тенета волшебного сна,
Подпала зароку молчанья
Отвергшая песни страна.

И доступа нет к той пещере.
Туда и высокий орел,
Хоть зорки крылатые очи,
А все же пути не нашел.

Одной только деве доступно
Из всех, кто рожден на земле,
В святую проникнуть пещеру,
Витать в очарованной мгле,

Склоняться к холодному телу,
Целуя немые уста, —
Но дева та — муза поэта,
Зажженная в небе мечта.

Она и меня посещала
Порою в ночной тишине,
И быль о заклятом поэте
Шептала доверчиво мне.

Не раз прерывался слезами
Ее простодушный рассказ,
И вещее слово расслышать
Мешали мне слезы не раз.

Покинуть меня торопилась, —
Опять бы с поэтом побыть,
Глядеть на спокойные руки,
Дыханием арфу будить.

Прощаясь со мною, тревожно
Она вопрошала меня:
— Ты знаешь ли, скоро ли вспыхнет
Заря незакатного дня?

Ах, если бы с росною розой
Могла я сегодня принесть
Печалью плененному другу
Зарей осиянную весть!

Он знает: сменяются годы,
Столетия пыльно бегут,
А люди блуждают во мраке,
И дня беззакатного ждут.

Дождутся ль? Светло торжествуя,
Проснется ли милый поэт?
Иль к вечно-цветущему раю
Пути вожделенного нет? —

5 июля 1892

680

РАБ-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Во мраке дикого изгнанья
Томилась наша сторона;
Но вопли чуждого страданья
Едва услышала она, —

7 июля 1892

681

ИЗ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ

Вот чертог; здесь пир блестящий,
Здесь ликуют дети зла.
Зависть, словно змей шипящий,
В сердце путника вползла.

На каменьях у порога
Недоступного чертога,
Запоздавши в час ночной,
Ты сидишь усталый, бледный.
В край далекий шел ты, бедный,
Бесприютный и босой.
Но завистливой печали
В кротком сердце не лелей:
Пред тобой синеют дали
Предстоящих светлых дней.

Будешь ты в странах счастливых, —
А у злых и нечестивых
Нет грядущего, поверь:
Смерть их светочи потушит,
И в развалины обрушит
Раззолоченную дверь.

7 июля 1892

682

Пламеннее солнца сердце человека,
И душа обширней, чем небесный свод,
И живет от века до иного века,
Что в душе созреет в урожайный год.

Как луна, печальна, как вода, текуча
В свете переменном зыблется мечта.
Пусть ее закроет непогодой туча, —
Сквозь века нетленна светит красота.

10 июля 1892

683

КАК ЕСТЬ ДОМАШНЯЯ СКОТИНА...

Как есть домашняя скотина,
Так есть домашние слова.
Семейной жизни вся картина
Бывает в них совсем ясна.

Пересказать сперва придется
Те прозвища да имена,
Которым слушатель смеется,
Хоть шутка вовсе не смешна.

Слова особые мы ищем,
И смысл их нам давно знаком.
Хожу порой я босичищем,
Хожу порой я босиком,

И босоты моей ступени
Приметой разнятся одной:
Я — босичищ, открыв колени;
Закрыв колени, я — босой.

Я называюсь необулом,
Когда босой хожу с утра.
Обутым вышел, так разулом,
Вернувшись, зваться мне пора.

В штанах коротких — щеголяю,
А вовсе без штанов — франчу.
То имя «щеголь» получаю,
То имя «франта» получу.

Когда все тело на свободе
И, как Адам, я обнажен,
Так значит, я по первой моде,
Или по райской, наряжен.

И для телесных наказаний,
Смотря по степени вины,
Немало прозвищ и названий
Для различения даны.

О их значении не спорят,
В них каждый разочтен удар.
Секут, стегают, хлещут, порют,
Дерут, — сильнейшая из кар.

Мы различаем розги, лозы,
И лозаны, и розгачи,
И розгачищи, — с ними грозы
На теле слишком горячи.

Заря, — еще немного боли,
А зарево — уже больней,
А до пожара допороли
Или додрали, — что страшней!

И требует сноровка наша,
Чтоб слово било прямо в цель:
Лапша, березовая каша,
А послабее — вермишель.

Обязан я совсем быть голым
Всегда, когда меня секут.
За это прозвищем веселым,
Голик, тогда меня зовут.

Мать говорит, начав расправу:
— Задам же баню я сынку!
Лежи, — пройдуся-ка на славу
Я голиком по голику! —

Когда я на полу разложен,
Домашний требует язык,
Который в кличках осторожен,
Чтоб я был «драный половик».

Я называюсь «душегрейка»,
Коль на коленях мать сечет,
А если подо мной скамейка,
То «коврик» я иль «переплет».

Когда от боли я ногами
Мечусь и вьюся, словно вьюн,
Я называюсь именами
Иль «голопляс», или «плясун».

Пощечины зовутся «плюшки»,
А если горячи — «блинки»,
И называются «ватрушки»
По телу голому шлепки.

Я на коленях, так для шуток
Домашних стал я «полотер».
Так много разных прибауток
Пришлось узнать, — язык остер.

Но босотой или сеченьем
Домашних слов не исчерпать.
Хочу другим стихотвореньем
Словца другие передать.

13 июля 1892

684

ИЗ ПРЕМУДРОСТЕЙ СОЛОМОНА

Гл. II, ст. 1—8

Прискорбна жизнь моя. Немного
Пробыть на свете мне дано;
У неизбежного порога
Так неприветливо, темно.
И праведник, и живший худо, —
Не миновал его никто.
Не возвращалось ввек оттуда,
Что было смертию взято.
Судьба людей — немая тайна,
И нам ее не разгадать.
На свет рожденные случайно,
Бесследно сгинем мы опять, —

Жизнь вдруг растает незаметно,
Как туча в небе голубом,
Как мгла, пригретая приветно
Горячим солнечным лучом.
Замолкнет сердца звук проворный,
Погаснет свет в моих глазах, —
Рассыпавшись землею черной,
Истлеет неподвижный прах...
Но блага жизни преходящей
Пока со мной. Забудь, душа,
О смерти близкой и грозящей
И пей из полного ковша
Блаженство юности летучей;
Цветов, любовницу, вина
И страсти, яростной и жгучей
Желай, безумием полна, —
Чтоб, незамеченная нами,
Цветами сыпля мимо нас,
Весна с лазурными очами
Пред нами вдаль не пронеслась,
Не подаривши нас приветом
И ароматом пышных роз,
Пока над их багряным цветом
Не веял жизненный мороз.

23 июля 1892

685

ИЗ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ

Гл. XXV, ст. 11

Звонкого, чистого золота
Мастер берет и кует,
Быстро ударами молота
Яблоко он создает.

Сковано яблоко, — мастер влагает
В кубок серебряный плод золотой.

Как это яблоко в кубке сверкает, —
Мудрое слово блестит пред толпой.

24 июля 1892

686

ИЗ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ

Гл. XXV, ст. 20

Песни печальному, песни тоскливому!
Что ему песни и что ему звуки?
Новая пища страданью ревнивому,
Новые волны разнузданной муки.
Эти напевы, что ветер срывающий
Злобно лохмотья с усталого тела.
Юности пой эти песни, не знающей
Платью износа и счастью предела.

24 июля 1892

687

ИЗ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ

Гл. XXVI, ст. 9

Мудрость копили отцы,
В краткие притчи чеканя, —
И овладели глупцы
Притчею, мудрых тираня.

Пьяный, бредущий кой-как
С плетью в руке, не опасней,
Чем лицемерный дурак,
Вооружившийся басней.

24 июля 1892

688

Однажды в клубе, N, не старый,
Весьма хороший господин,
Хоть скандалист довольно ярый,
Сиял, как масленичный блин, —

А так как был он не из скрытных,
И неболтливых презирал,
То на вопросы любопытных
Он величаво объяснял:

— Поздравьте, я советник статский
С июля, с пятого числа! —
И мчался с миной залихватской
Вприсядку около стола.

Присядкой статского утешен,
Сказал солидный педагог:
— Я чинолюбием не грешен, —
Чины идут ведь строго в срок.

Я сам давно уж в чине этом,
Но как чины я получал, —
Клянуся в том пред целым светом, —
Я сам доподлинно не знал.

Я даже в ранге бригадира
Давненько был, не зная сам,
Что стал я на ступенях мира
Так близко к верхним ступеням.

Раз, — неожиданность какая! —
Совсем случайно я прочел,
Пакет казенный разрывая,
Что я в чины произошел.

Узрев себя в солидном чине,
Возликовала вдруг душа,
И я по этакой причине
Невольно сделал антраша,

Но, впрочем, тотчас с строгой миной
Свой фрак на плечи натянул,
И ровно в восемь с половиной
Сел на учительский мой стул. —

13, 24 июля 1892

689

Долина, — что тесная щель,
На дне, между камней, ручей,
На склонах — могучая ель
Да острые ребра камней.

Взбираюсь на кручу с трудом;
Колючие ветки торчат,
Трещит под ногой бурелом, —
А круча все тянет назад.

И шепчет суровая ель,
Ветвями меня колотя:
— Зимою здесь выла метель,
И, белые вихри крутя,

— Рядила в блестящий убор
Всю нашу лесную семью.
Тогда приходил бы ты в бор, —
Потешил бы душу свою!

— Теперь невеселый здесь вид!
Вот видишь: и зелень темна,
И солнце так тускло горит,
Как будто бы это — луна!

— Суров наш Олонецкий край:
Здесь летние скупы лучи,
Здесь холоден радостный май. —
Ну, полно, старик, не ворчи!

И где ты набраться успел
Таких невеселых речей?
Про теплые страны напел
Тебе не буян ли ручей?

Иль ветер, на север седой
Стремясь от полуденных скал,
Усталый, упал пред тобой
И былей чудных нашептал?

24 июля 1892

690

Скука тусклой жизни мне уж надоела,
Стало мне постылым собственное дело.
Дорогой ценою заплатить я рад,
Чтобы жизнь сложилась на широкий лад:

Счастье, так уж счастье, сочное, нагое,
Горе, так уж горе, злобное, крутое.
Ласка, так уж ласка, полная любви,
Кара, так уж кара, — задница в крови.

Нет большого счастья, нет большого горя,
Только если выпью, — по колена море,
Ну, и достается больно мне тогда, —
Мать сечет, так что же! это — не беда!

Правда, и до крови иногда стегает,
Только дома скоро стыд мой замирает.
Не ведут на площадь, не идет палач,
Повертись немного да слегка поплачь.

Все же после ласки маминой светлее,
Все же после порки голова яснее,
Все же гонят скуку эти боль и стыд,
И позабываешь мелочность обид.

8, 31 июля 1892

691

КОРОЛЬ САВОЙИ

НАРОДНАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ

Жил король в Савойе,
Добрый до крестьян.
Слышит он: востоком
Завладел султан.
  «Это ведь беда!
  Да, да, да!
  Это ведь не дело; —
  Нужно в битву смело,
  Смело, смело, господа!»
«Говорят: — востоком
Завладел султан,
Да и притесняет
Бедных христиан».
  «Это ведь беда!
  Да, да, да!
  Это ведь не дело; —
  Нужно в битву смело,
  Смело, смело, господа!»
«Как! Он притесняет
Бедных христиан!
Будет нами скоро
Усмирен султан».
  «Это ведь беда!
  Да, да, да!
  Это ведь не дело; —
  Нужно в битву смело,
  Смело, смело, господа!»
Будет очень скоро
Усмирен султан:
Взял король Савойи
Двадцать пять крестьян.
  «Это ведь беда!
  Да, да, да!
  Это ведь не дело; —

Нужно в битву смело,
Смело, смело, господа!»
Взял король Савойи
Двадцать пять крестьян, —
Каждый за плечами
С пивом тащит жбан.
«Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело, —
Нужно в битву смело,
Смело, смело, господа!»
Каждый за плечами
С пивом тащит жбан.
Каждому осленок
Для поклажи дан.
«Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело; —
Нужно в битву смело,
Смело, смело, господа!»
Каждому осленок
Для поклажи дан.
На осленке каждом
Резаный баран.
«Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело; —
Нужно в битву смело,
Смело, смело, господа!»
На осленке каждом
Резаный баран.
Вот они на горке
Разбивают стан.
«Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело, —
Нужно в битву смело,
Смело, смело, господа!»
Вот они на горке
Разбивают стан:

«Мир-то как обширен,
Гляньте: океан».
　　«Это ведь беда!
　　Да, да, да!
　　Это ведь не дело; —
　　Нужно в битву смело,
　　Смело, смело, господа!»
«Мир-то как обширен,
Гляньте: океан».
И глядят в восторге
Двадцать пять крестьян.
　　«Это ведь беда!
　　Да, да, да!
　　Это ведь не дело; —
　　Нужно в битву смело,
　　Смело, смело, господа!»
И глядят в восторге
Двадцать пять крестьян
На ручей ничтожный.
Вот так океан!
　　«Это ведь беда!
　　Да, да, да!
　　Это ведь не дело; —
　　Нужно в битву смело,
　　Смело, смело, господа!»
Тот ручей ничтожный
Им за океан!
Вдруг король воскликнул:
«Вот и сам султан!»
　　«Это ведь беда!
　　Да, да, да!
　　Это ведь не дело; —
　　Нужно в битву смело,
　　Смело, смело, господа!»
И король воскликнул:
«Вот и сам султан!
С армией наемной
Злобных мусульман».
　　«Это ведь беда!
　　Да, да, да!

Это ведь не дело; —
Нужно в битву смело,
Смело, смело, господа!»
С армией наемной
Злобных мусульман.
Вброд переходила
Кучка поселян.
«Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело; —
Нужно в битву смело,
Смело, смело, господа!»
Вброд переходила
Кучка поселян.
А король савойский
Побоялся ран.
«Это ведь беда!
Да, да, да!
Это ведь не дело; —
Нужно к дому смело,
Смело, смело, господа!»
Да король савойский
Побоялся ран
И помчался к дому
С армией крестьян.

31 июля—1 августа 1892

692 А

Когда мечта накинет прихотливо
На скучный мир волшебную вуаль
И, нарядясь богато и красиво,
Умчит меня в таинственную даль,
Где самый воздух полон обаянья,
Где музыкально шепчутся ручьи
И, притаясь от лунного сиянья,
В лесу звенят и свищут соловьи, —
Ползет за мной, невидимая нами,
Тоска души отравленной моей,

И не дает пленительными снами
От пережитых мук забыться ей.
В стране живой мечты и сладкой грезы
Змеей она таится между роз; —
То не роса, — ее катятся слезы
По гибким веткам придорожных лоз;
То не туман клубится над рекою,
Блестя в лучах задумчивой луны, —
Ее дыханье мглистою волною
Рассеяло мечтательные сны.
Трель соловья нелепо прерывая,
Безумный крик пронесся... Это кто?
Ах, все она, тоска моя, рыдая,
Твердит о том, что жизнью отнято.

30 июля,
31 июля—1 августа 1892

692 Б

Когда мечты полночной обаянья
Умчат меня в заветные края,
Где, бледная от лунного сиянья,
Ко мне придет желанная моя, —

Ползет туда какими-то путями
Тоска души моей,
И не дает пленительными снами
Забыться ей.

В стране надежды радостной и грезы
Она змеей таится между роз!
То не роса, — ее катятся слезы
По гибким веткам придорожных лоз;

То не туман клубится над рекою,
Блестя в лучах задумчивой луны, —
Ее дыханье мглистою волною
Закутало мечтательные сны.

Вот, соловья нелепо прерывая,
Безумный крик пронесся. Это кто?

Ах, все она, тоска моя, рыдая,
Вопит о том, что жизнью отнято.

31 июля—1 августа 1892

693

МЕЧТА

Ангел мечты полуночной,
Тьму раздвигая рукой своей нежной,
С кроткой улыбкой слетает ко мне.
Я ли постигну, порочный,
Злобой измученный, вечно мятежный,
Радость в твоем обаятельном сне.
Светлые очи упреком
Душу пугают, как яркие грозы...
Сколько в ней горя и сколько в ней зла!
Ты не миришься с пороком...
Если бы дал ты душе моей слезы, —
Пусть бы слезами она изошла!

2 августа 1892

694

В томленьях ранних знойных дней
Порывы гнева и печали,
Бывало, бурно возникали
В душе взволнованной моей.

Какие грозные проклятья
Тогда я злобе посылал!
Как я любил вас, люди-братья,
И как надменно презирал!

Объят, бывало, страстью рьяной,
Себя забыть я рад,
И вдруг в душе пахнет нежданной
Насмешки аромат.

Рассудок черствый и холодный
Презреньем горьким обольет
Мечты бесплодной
Нерассудительный полет.

И станет так неловко,
Притихнешь, вдруг смутясь,
Как будто крепкая веревка
Вкруг тела быстро обвилась,

Иль будто тогою героя
Я тело хилое облек
И, в позе величавой стоя,
Читал горячий монолог,

И вдруг за дверью раздаются
Давно знакомые шаги,
Стучатся, входят, и смеются
Мои приятели-враги.

Сад поэтических мечтаний,
Эдем роскошных упований,
Внезапностями страшен ты.
Раздвинув пышные цветы

Рукой костлявой и мохнатой,
Сатир вдруг выглянет рогатый
С такой улыбкой шутовской,
С такой ужимкою нахальной,
Что вмиг щемящею тоской
Восторг прогонит беспечальный.

30 июля, 3 августа 1892

695

ВОСЬМИДЕСЯТНИКИ

Среди шатания в умах и общей смуты,
Чтобы внимание подростков поотвлечь

И наложить на пагубные мысли путы,
Понадобилась нам классическая речь.

Грамматики народов мертвых изучая,
Недаром тратили вечерние часы
И детство резвое, и юность удалая
В прилежном изученьи стройной их красы.

Хирели груди их, согнутые над книгой,
Слабели зоркие, пытливые глаза,
Слабели мускулы, как будто под веригой,
И гнулся хрупкий стан, как тонкая лоза.

И вышли скромные, смиренные людишки.
Конечно, уж они не будут бунтовать:
Им только бы читать печатные коврижки
Да вкусный пирожок казенный смаковать.

3 августа 1892

696 А

Реет снег. Грязна дорога.
Скучно, темно, холодно,
Ранний вечер смотрит строго
В запотелое окно,
Сыплет бледною рукою
Сожалений поздних ряд, —
И томит меня тоскою
Неподвижный его взгляд.
Небо скрыто мглой вечерней;
Тени движутся в углах,
Стали думы суеверней,
Набегает темный страх.

8 октября 1891,
5 августа 1892

696 Б

Реет снег. Темна дорога.
На душе моей темно.
Кто-то, темный, смотрит строго
В запотелое окно,

И томит меня тоскою
Неподвижно-темный взгляд,
И проходит предо мною
Сожалений поздних ряд.

8 октября 1891,
5 августа 1892

697 А

В неизвестное мчит меня шибко
Гулкий бег моего парохода,
Как неопытной воли ошибка,
За стеною гудит непогода.

Заломивши бессильные руки,
Я пугливо и грустно тоскую,
И кляну я бесцельные муки,
Отравившие жизнь молодую.

Разоренное злобой коварной,
Сердце точит кровавые слезы
И хоронит весны лучезарной
До поры умерщвленные грезы.

8—9 сентября 1892

697 Б

Над рекою гудит непогода,
Бьет пороги волной разъяренной.
Плещут волны на борт парохода,
И поют ему плач похоронный.

Я в каюте угарной и тесной.
Позади меня тени роятся,
Предо мною, в дали неизвестной,
За туманами тучи клубятся.

Неотмщенной обиды отрава
Золотые надежды багровит,
И ползучая злоба лукаво
Неминучую смерть славословит:

— Чем ты горше страдаешь, тем слаще
Будет сон твой в безгрезной могиле.
Тем отраднее отдых, чем чаще
Испытания грозные были.

8—9 сентября 1892

698

Отвык от родины моей,
Где вижу камни, а не травку,
И покраснел я до ушей,
Когда послала мама в лавку.

А что ж меня томить стыдом
На улице широкой, гулкой?
Велела мать мне босиком
Сходить за хлебом и за булкой.

Но в булочной и мелочной
Неплохо было для начала:
На то, что я пришел босой,
Вниманья обращали мало.

И там, и здесь со мной на «вы»
Приказчик, немка говорили,
Но, — знать уж люди таковы, —
Немножко все же пошутили.

Сказала немка: — Видно, вам
Пришлось в деревне жить недавно.
Загар — замена башмакам,
И для здоровья это славно. —

Набравши в лавке овощей,
Смеясь, мне говорит кухарка:
— Своей-то кожи попрочней
Обутка, и ногам не жарко. —

Но, бойкую прервавши речь,
Сказал старик: — Карман худенек,
Так надо вещи поберечь, —
Сапог-то не дадут без денег. —

17 сентября 1892

699

На пастушьей дудке
Кто бы так сыграл?
По его погудке
Всяк мальчонку знал.
Где бы в околодке
Ни раздался вдруг,
Как с небесной лодки,
Серебристый звук,

Как бы ни был занят
Трудовой народ,
Всяк невольно станет,
Песню запоет,
И тоска не стонет,
Сердца не щемит.
Голос друга понят
И не позабыт.

— Это — пастушонок
Генрих гонит коз. —
Вот он, бледен, тонок,
В рваном платье, бос,

С полевых тропинок
Сплел цветы в венок,
Лютик да барвинок,
Мак да василек.

И глядит, невинный,
И поет, простой:
— Знаю я, недлинный
Путь передо мной.
Мак мне шепчет сонный:
«Небо там светлей».
Ладан благовонный
Веет мне с полей. —

Улыбаясь ясно,
Запевает вновь:
— Как земля прекрасна!
Как мила любовь!
Утешайте, весны,
Девушек земли,
Чтоб фиалки росны
Снова зацвели. —

На глазах слезинки,
В песне сладкий смех:
— Ранние росинки
Ласковы для всех.
Кто не знает лени,
Радостно тому
Встретить свет и тени,
И ночную тьму. —

29 августа,
28 сентября 1892

700

Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.

Какой он худенький, и бледный,
И некрасивый, и больной!

Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.

Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет.

2 октября 1892

701

Между каменных громад
Захирелые березы.
На ветвях у них блестят
Бриллиантовые слезы.

Бледный мальчик к ним пришел;
Ствол березы обнимая,
С нею тихо речь повел:
— Ах, березка дорогая!

Что ты плачешь по утрам?
Что ты ветки опустила? —
— Не мила столица нам!
Видишь, — пыль нас облепила.

Вот и трудно нам дышать,
Вот и льются наши слезы.
Нам и солнца не видать! —
И заплакали березы.

2 октября 1892

702

Он пойдет с безумием во взоре,
С радостью, разлитой на лице,
На восток, где ярко блещут зори,
Где два солнца в золотом венце.

Он пойдет, счастливый и прощенный,
Солнца знанья и любви встречать,
И, огнем могучим не сожженный,
Будет он лучи их целовать,

И когда вернется он к народу,
Светом весь проникнут и облит,
Он давно желанную свободу
Изнемогшим братьям возвестит.

6 октября 1892

703

Я также сын больного века,
Душою слаб и телом хил,
Но странно, — веру в человека
Я простодушно сохранил.

В борьбе упорно-беспощадной
Сгорели юные мечты,
Потоптаны толпой злорадной
Надежд весенние цветы,

И длится ночь, черна, как прежде,
Всю землю мглою полоня, —
А все же радостной надежде
Есть место в сердце у меня!

6 октября 1892

704

Умри, изнеженное племя!
Дай место племени героев!
Уж близко время
Могучих боев!

1) 12 октября 1892

705

Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря, и жизнь свой лик покажет
И нежно скажет:
«Иди!»

Без жизни отжил я, и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
И грозно скажет:
«Иду!»

2) 12 октября 1892

706

Ах, раздвиньтесь, стены душные,
Степь нарядная, прихлынь,
И мечты свои воздушные
На меня, как рати, двинь.

22 октября 1892

707

ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок.

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки,
И смолчал бы пред тобой
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,

Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1, 3, 6, 22 октября 1892

708

Вчера в бессилие печали
Я был угрюмо погружен, —
Слова докучные звучали,
И чьи-то тяжкие шаги.

Из-за угла за мной следили
Глаза неутомимых жен,
За мной по улицам ходили
Неумолимые враги.

1 ноября 1892

709

Вешняя ночь: звезды, луна, соловей.
Воздух душист, в воздухе носятся грезы.
Звонко поет влажную песню ручей.
Тихо стоят, слушают чутко березы.

Дремлет ночь, очарованьем
Упоительным дыша,
И надеждам и желаньям
Покоряется душа.

В сладкой тени белых, кудрявых берез
Кто-то ведет тихие, нежные речи.
Тихий полет сладких, пленительных грез
Чьи-то открыл взором любимого плечи.

Жажда бурных наслаждений
Зажигает в сердце кровь,
Но отраву вождулений
Гасит кроткая любовь.

10 августа, 5 ноября 1892

710 А

Туман не редеет,
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.

С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.

Бледна и сурова,
Столица гремит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.

Как вал под скалою
За валом поверженным плещет и бьет,
Толпа за толпою
Идет.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

Волнуем тревогой,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Привычной дорогой
Иду.

6 ноября 1892

710 Б

Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

6 ноября 1892

710 В

Туман не редеет
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.

С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.

Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

6 ноября 1892

711

— Все эти пылкие порывы
Рождают в свете только гнев,
И гнев, конечно, справедливый, —
Сказал немного нараспев
Носитель пышного мундира.
И улыбаяся, к нему
С вопросом обратилась Кира:
— Но вы скажите, почему
Нигде вдове или девице
Сановный пост нельзя занять?
Ведь были ж мудрые царицы
И будут, может быть, опять! —
— О, да, — с улыбкою любезной
Сказал галантно генерал, —
Когда бы не закон железный,
Поверьте, кто б не пожелал
Иметь на месте командиров
Очаровательных особ.
Шитье парадное мундиров
К лицу чудесно вам пошло б.

11 декабря 1892

712

БЕСЕДКА

Музыка мирно настроила
Нервы на праздничный лад;
Душу мою успокоила
Тень, обласкавшая сад.

Нет никого здесь. Беседкою
Старые липы сошлись,
Гибкою, зыбкою сеткою
Длинные ветки сплелись.

Там, за полями зелеными,
Алая пышет заря.
Музыка стройными стонами
Льется, зарею горя.

Знаю, чьи руки проворные
Звонкую будят рояль.
Знаю, чьи очи покорные
Смотрят мечтательно вдаль.

Знаю, чьи ноги поспешные
Скоро в мой сад прибегут,
Чьи поцелуи утешные
Губы мои обожгут,

Чье молодое дыхание
Радость мою возродит.
Сладкой тоской ожидания
Чуткое сердце болит.

2 октября, 12 ноября,
11 декабря 1892

713

Найдется мест совсем немного
Здесь в Питере, в которых я
Не проходил бы босоногий,
О, город, родина моя!

Дворов колодцы, переулки,
Проспекты, улицы, сады,
Всегда, тихи они иль гулки,
Везде я здесь мои следы

Стопами голыми оставил.
Я Петербург всегда любил,
И не гордился, не лукавил,
Был с ним смиренным и простым.

Его широкие просторы
Я полюбил от первых дней,
И если с ненавистью взоры
Порой бросал на богачей,

Зато они ведь мне платили
Презреньем глупым и смешным,
Они и город мой растлили
Развратом бешеным своим.

20 декабря 1892

714

Сороковой уж близок день,
Как ты лежишь добычей тленья,
И легкой дымкою забвенья
Твоя закуталася тень.

Рассказ о смерти юной девы
В сердцах отзывчивых зажег
Минутной жалости и гнева
Едва заметный огонек.

Но в нашем климате морозном
Чадят душевные огни, —
Могучим пламенем и грозным
Не разгораются они.

На битву с ложью — ратью жгучей,
Не шлют они своих лучей,
И горек сердцу дым ползучий
Недогорающих огней.

Их гасит разум торопливо, —
И человек принять спешит,
Скрывая боль тоски стыдливо,
Небрежно-равнодушный вид.

Зачем же, сердце, ты тоскуешь,
Сзываешь скорбные мечты,
И бесполезно негодуешь,
И безответно стонешь ты?

Едва расцветший, ландыш бедный
Забрызган грязью, дерзко смят,
Лежит безжизненный и бледный
И шлет последний аромат.

Ослабевающий и нежный, —
Укор печально-безнадежный
Жестокосердию людей...
И ты, как ландыш без защиты,
Погибла, и навек зарыты
В могиле роковой твоей

Надежды, радости и грезы
Души и чуткой, и живой,
И слезы тягостные, слезы
Твоей обиды роковой.

Благоухающие грезы
Твоей растоптанной весны,
Твои поруганные слезы,
Твои девические сны.

Ты речи злобно-ядовитой
Стерпеть покорно не могла.
Увы! надежною защитой
Тебе отрава лишь была.

Восстала ты душой мятежной,
Но краток был неравный бой.
Тебе ли, ландыш слабый, нежный,
Бороться с злобою людской!

И ты права: твоих страданий
Не стоят наши злые дни!
В пыли, в грязи, без упований
Презренно тянутся они!

Да, ты права: не стоит жить
В годину общего растленья,
Когда нет силы защитить
Себя от злого оскорбленья.

Какой позор для наших дней!
В столице шумной и кичливой
Встречаем мы в толпе трусливой
Жестокосердных палачей!

И мы не чувствуем позора!
Мы обтерпелись в схватке зол,
Ни в ком не вызовет отпора
Их беспощадный произвол!

Своей дорожкой всяк плетется,
Боязнью личною томим,
И ни на что не отзовется,
Чтоб ни свершалось перед ним.

Когда вокруг сверкает буря
Насилья грубого и зла,
Мы прячемся, глаза зажмуря,
В тиши укромного угла.

И над могилой роковою
В тоске и страхе не поник
Своей преступной головою
Твой лицемерный клеветник.

О, ты, загубленная рано,
Обидой дерзкою и злой, —
Среди житейского тумана
Твой образ милый и святой

Блестит мне рано и печально,
Как лучезарная звезда.
Страдая нежно, идеально,
Не сможет вынести стыда

Неизгладимых и жестоких,
Несправедливо-дерзких слов,
В томленьях скорбно-одиноких
Переживая горе вновь, —

Нашла ты верное спасенье,
Защиту верную нашла,
И яд, как радость наслажденья,
Нетерпеливо ты пила.

И ты права: твоей отравы
Противно-жгучая струя
Отрадней жизни. Вечной славы
Ты стоишь, бедная моя.

И я, тобою вдохновленный,
Увековечу твой удел.
Недаром стих мой дерзновенный
Горячим гневом закипел...

Недаром, нет: я верю твердо
Что далеко он пролетит,
И необузданно и гордо
Сердца живые полонит!

Для них слагаю стих суровый,
Я в полуночной тишине,
Для них и ты в венце терновом
Пришла, страдалица, ко мне

Из-за могилы, саван белый
Откинув мертвою рукой,
И головой оледенелой
Склонилась тихо надо мной.

Ужасно-неподвижны взоры,
Страшна былая красота,
И еле двигаясь, укоры
Твердят холодные уста.

13, 14, 16, 21 декабря 1892

715

Какая тишина! Какою ленью дышит
Дремотный сад!
Какою радостью беспечной пышет
Его закат!

Мой старый клен, ты прожил много,
Но что ты рассказать бы мог?
Спокойна и убога
Перед тобою сеть дорог.

Поник ты старыми ветвями
Над одинокою скамьей.
Весенними ночами
Ты слушал речи страсти молодой?

Видал ты здесь потайные свиданья?
Хранил ты на коре своей
Следы ножа, — немые начертанья,
Понятные лишь ей?

Скучающий старик, едва ли
В твоей тени
Слова любви звучали,
Едва ли пролетали
Ликующие дни.

Вот сыплет ночь движением нескорым
Рой звезд на небе бледно-голубом,
И бледная луна над косогором
Взошла серпом.

Заснувшая беззвучно деревушка
Так ярко вся луной озарена,
Что каждая лачужка,
Как на столе красивая игрушка,
Мне в ней отчетливо видна.

Загадочные силы!
Когда взойдет над ними день?
Темнее сумрака могилы
Их обнимающая тень.

20, 24, 26 декабря 1892

716

Настроений мимолетных
Волны зыбкие бегут
И стремлений безотчетных
Пену мутную несут.

Сменой их нетерпеливой
Как душа утомлена!
Как тревогою ревнивой
О промчавшемся полна!

Лаской, негой, песней звучной,
О, волшебница любовь!
Задержи полет докучный
Исчезающих часов.

Оборви рукою нежной
Ту связующую нить,
Что из сердца в мир безбрежный
Я, безумец, вздумал свить!

Отгони своим дыханьем
Звуки жизни, жизни сны,
И повей очарованьем
Расцветающей весны.

Очаруй мой дух унылый,
Утомленный и больной,
Грезой девственной и милой,
Небледнеющей мечтой.

31 декабря 1892

717

Жди удивительного чуда
Иль предсказания оттуда,
Где у людей едва-едва
Работать стала голова.

1889—1892
Вытегра

718

Как чиновник, гнутся лозы,
Солнце яицы печет;
Вот бранятся две стрекозы
И одна другую бьет.

⟨1890—1892⟩

719

В почтовый день с томительной тревогой
Я почтальона жду и жду,
Развлечься не могу работой строгой,
И нет-нет, все к окошку подойду.

Листов газеты, нового журнала
Иль дружнего, желанного письма,
Всего, чего душа моя алкала
Для угнетенного ума,

Я жду с таким ревнивым нетерпеньем,
Как некогда красавец молодой,
Охвачен страстным вожделеньем,
Не ждал подруги в час ночной.

⟨Не позднее 1892?⟩

Дополнения

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1

Первонач. вар. автографа

1—2 Однажды так Мудрец, сидя на чердаке, какой-то рассуждал
(Умней он всех себя считал):
6—8 За лошадей по тысчи платят,
И никому не делают добро,
А только зло.
15—16 Что ж делать стал мудрец?
Добро? — Кто бы подумал это, был глупец!
23—24 И наш мудрец по-прежнему зажил,
И снова на судьбу тужил.

2

Первонач. вар. автографа

9—13 И я пускаюсь в путь беспечно
На слабом бедном челноке,
И забываю, что не вечно
Сулит блаженство море мне.
Но вот идут по небу тучи
15 А я, в своем челне сидючи,
29 Борьбе за жизнь с бурей злою.

6

Первонач. вар. автографа

2 Спаситель и Создатель мой!
14—16 Грехами душу закалив,
Перед Тобой, овца заблудшая,
Стою, телесный храм разбив,
18 Я вижу пред собою,
20 Лежит перед Тобою.
21—22 Ты милостив, Господь немстительный,
Надеюсь, Боже, на Тебя:
24 Помилуй, Господи, меня.

7

Первонач. вар. автографа

РУСАЛКА

Луна катится между туч,
И тихо дремлет мягкий луч
Над спящею землею.
Русалка тихо выплывает,[1]
Косами мокрыми играет
Над темною рекою.
Поет русалка над рекою,
Под ивой спящей, молодою.
Несутся грустно звуки
Полны тоски и муки.
Поет русалка, смотрит вдаль,
Чего-то ждет, кого-то жаль,
О чем-то все тоскует,
И плачет, и горюет.

[1] *Исправлено*: И косами она играет

9

Промежуточн. вар. автографа

1 Убежать бы в безлюдье лесов!
2 а Душно мне в этих пышных чертогах,
б В их широких и пышных чертогах,
в В их широких и строгих чертогах,
4—5 Воздух свеж, и прозрачен и легок!
Не за то не люблю этот шум
7—8 Полон я и в толпе своих дум,
Детских снов и святых упований.

11

Первонач. вар. автографа

8 Тупой враждою притуплен.
10—12 Себя врага цепями заковав,[1]
И положив на лоб печать могилы,
Идет, ошибок путь избрав.
14 Идет к бездонной пропасти она,
17—18 Я видел язвы знойных ран глубоких,
Я на нее с презреньем поглядел,

13

Первонач. вар. автографа

12 Везде и всюду мрак могилы,
14 И спят глубоко в сердце силы,
19 Лучам он солнечным сразил,
29 И над долинами, горами

32 Лучи веселые прошли.
35 Те ночи страстные пошли.
42 Поет далеко соловей;
43, 49 *отсутствуют*

50 (48) Все холодней и холодней.
60, 61 *отсутствуют*
62 (58) Весною навещу тебя. —

---

[1] *Исправлено*: Враждебными оковами себя сковав,

16

Первонач. вар. автографа

9—12 Ты знаешь дом? украшенный лампадой,
К покою нежно манит он меня,
Полумрак дышит сладостной отрадой,
И я люблю людей, люблю себя.
19—20 На те вершины ⟨1 — стерто⟩ снеговые,
В прекрасный мир ты унеси меня.

18

Первонач. вар. автографа

3—7 Далек я от шума и ада,
Стою перед ней одинок.
Мой стол покрыт скатертью чистой,
И тихо кипит самовар,
Рекою безбрежной, волнистой,
11 И песнь любви напевая,

21

Автограф

2 *а* *как в основном тексте*
б Улицею грязною!◊
3 Мы поездим вдоволь
5—6 Еще рано — смутно
На небе истомном;
8 Стоят лужи темные.
9 *а* *как в машинописи*
б Скучно в эту пору!◊
12 Бьемся из-за хлеба.
16 *а* На людей измученных.
б На людей усталых.◊
21 Поднялись мы с сивкой
26 Мы до темной ноченьки,
28 Впроголодь, уставшие.
32 Напою я сивку.

23

Первонач. вар. автографа

К ГОСПОДУ-БОГУ

В подвале, где плесень сырая
Покрыла и стены и свод,
Под вечер, весной, умирая,
Одна, лежит дочка больная
И мать свою бедную ждет.

И плачет она, и вздыхает,
И снова глядит на окно,
Что в темном подвале мерцает,
Как светлое в тучке пятно.

Малютке мечтается с странною силой
И воля, и счастье, и свет,
И все, чего в этой темнице унылой
И этим печальницам нет.

Под лепет мечты ее чудной,
Под говор толпы многолюдной
Томительно ей умирать!....
Бог знает, сыта ль она, нет ли,
Не новое им голодать....
Чу! скрипнули ржавые петли,
С работы вернулася мать.

И в жгучей тоске расставания,
И горя, и страха полна,
В груди наболевшей рыдания
С трудом подавляла она.

И дочь улыбнулася: «милая,
Красавица-мама моя!
Зачем ты унылая?
Была я больная да хилая,
Умру — буду счастлива я!

Ты, мама, работаешь много,
И скоро ты будешь больна;
Но есть и другая дорога,
К богатству приводит она.

Соседка мне нынче сказала:
— Красавица может всегда,
Прожить, как она бы желала,
Пожить без забот и труда.

Она говорила, что ты так красива,
Что ты еще так молода,
И если бы ты не была так спесива
И так неприступно горда, —

Была бы ты счастлива, мама,
Не знала бы черных работ,
Жила бы, как знатная дама,
Жила б, как царица живет!

Зачем же тяжелой работою
Себя, дорогая, томить?
Умру я, — простися с заботою,
Чтоб весело горе избыть!»

«Жила б я!...» Как травка, косой подкошенная,
Упала усталая дочь.
Стояла безмолвная мать утомленная.
Темнела осенняя ночь.

И пела ей песнь безотрадную:
«Когда б ты себя продала,
Спасла б ты свою ненаглядную,
И дочка бы в неге жила,
Здорова, свежа, весела!»

И крепла та дума, и зрела, унылая,
А дочь лепетала в бреду:
«Не плачь, мама! не плачь, милая!
Я к Господу иду!»

25

Первонач. вар. автографа

3—6 Одел бы ты звуком святых наслаждений
Роскошный лавровый венок;
Душа неземная сияньем одета,
Поведала бы тайну небес,
9 Неслись бы могуче, чудесные звуки,
11—12 Сиял бы, не зная сомненья и муки,
Поэт, как святой херувим.

33

Первонач. вар. автографа

1—8 Тихо почка грезит
В лоне майской ночи,
Сон тяжел и труден...
Ждать нет мочи
Той минуты чудной,
Когда в красках новых
Роза развернется
Средь кустов терновых...

42

Загл. ВАДИМОВ КОЛОКОЛ

Строфа 1 Брожу ли я вдоль улиц шумных,
И предо мной толпа шумит,
Я слышу: где-то, полон думы,
Вадимов колокол звенит.
Он вдаль от шума, ⟨*нрзб.*⟩ душной[1]
Меня таинственно влечет,
От жизни низкой, малодушной,[2]
Туда, где трудится народ.
Я вижу пышные равнины
Под небом ясно голубым,
Меж гор лежащие долины,

[1] *Исправлено*: Он вдаль от шума жизни душной
[2] *Исправлено*: От жизни мелкой, малодушной

И взор, проникнутый святым,
Глубоким, чудным выраженьем, —
И весь охваченный влеченьем,
Позабывая все тогда;
Стремлюсь, не зная сам куда.

13 (21) И все молчит в немом моленьи,
16 (24) Под сводом сумрачным звучит,
18 (26) И звучно колокол гремит, —
25—26 (33—34) Что в наши сумрачные годы
За ближних жизни отдают,
30 (38) И в эту даль зовут меня.

47

Первонач. вар. автографа

5—6, 7—8 *в обратном порядке*
7—8 (5—6) Нам не будет утоления,
Страждущим страстей,
14—20 Счастье и любовь:[1]
Проливать мы с наслаждением
Будем эту кровь...
И умрем мы с упованием
В праведность суда
И в великое восстание
Нашего труда.

53

Первонач. вар. автографа

Представляется мне моя родина
Лучезарной, прелестной развратницей:
Дома брошены дети голодные,
Наслаждается матушка лаской продажною,

Отчего же нам жаль ту развратницу,
Отчего же мы любим продажную:
Оттого ли, что жизнию ей мы обязаны, —
Оттого ль, что страдает родимая?

---

[1] *Исправлено*: Лучшая любовь:

57

Первонач. вар. автографа

3 Я сегодня утром порот,
7 Вражья мне внушила сила:

9—16 Гневом маменька вскипела,
Мне пощечин надала,
И раздеться мне велела,
Розгами меня секла.

Стал тогда жар горячее,
И стыдом я стал пылать,
И на улицу скорее
Босиком велят бежать.

20 И на водку рубль дала.

21—24 Побежал я среди жара,
Быстро делая прыжки,
И от ног, от тротуара
Отдавалися шлепки.

58

Первонач. вар. автографа

4—9 Я лишь лизнул, и пробки я не вынул.
Едва попала капля на язык,
Но эта капля сладкой показалась.
Я водки не пил, не привык,
Но так была приятна шалость.
А остальное Дмитриев допил,
12 И он луженую имеет глотку.

77

Первонач. вар. автографа

Семьи не зная, меж чужих взросла,
Лишенья встретила ты на пути,
В начале жизни отцвела,
И в гроб торопишься сойти.

Тяжел был твой короткий путь,
И что тебе, ребенку, привелось
Здесь пережить! Как настрадалась грудь,
Как много струн в душе оборвалось.

Конец! не будешь ты страдать!
Ты отдохнешь, красавица моя:
Тебе не больно умирать,
Отраден сон небытия.

80

Первонач. вар. автографа

ГАЙДАМАКИ

По лугам зеленым,
В гору, от реки
На конях поспешно
Едут казаки;
К дому подъезжают,
В ворота стучат,
Отворить скорее
И впустить велят.
Молодая панна
Вышла их встречать,
И коня она узнала,
И давай их укорять:
«Вы разбойники, вы воры.
Отняли коня,
И убили мужа
Мужа у меня».
— «Не разбойники, Маруся,
И не воры пред тобой! —
Мы лихие гайдамаки
И идем с врагами в бой!
Мы идем на бой великий
С родиной твоей;
Жадно ждем мы сечи,
Пира копий и мечей.
Мы за хлопов угнетенных,

Мы за братий мстим,
И поля великой Польши
Польской кровью обагрим.
Своего коня купили
Мы у мужа твоего,
Напоили, уложили
При дороге спать его.
Не поет он польских песен,
Как когда-то пел,
Но не бойся: милой панне
Долго жить он не велел».
И к осине одинокой
Панну повели,
Привязали и осину
С корня подожгли.
Мечется Маруся,
Плачет и кричит,
Тлеет платье дорогое,
Вспыхнуло, — горит.
Тело белое Маруси,
Косы черные горят...
Отдохнув, казаки дальше
К западу спешат.

83

Первонач. вар. автографа

НА ШИПКЕ ВСЕ СПОКОЙНО

ТРИ КАРТИНЫ ВЕРЕЩАГИНА

I

Гром орудий на Балканах
Наконец совсем затих;
Оба лагеря спокойно
Выжидают битв иных.
Снег белеет на вершинах,
Как ковер на всем лежит,
И на месяце огнями,
Как алмазами, блестит.
И луна скользит по небу,

То скрываясь между туч,
То на снег слегка бросая
Зеленеющий свой луч.
И бегут на этом небе,
Пробегают облака,
Будто гонит их поспешно
Невидимая рука.
Тихо, ясно и морозно,
Звезды на небе горят.
На часах стоит, и дремлет,
В тишине немой солдат.

II

Воет ветер над горами,
Гонит в небе облака,
И поверх снегов волнует
Невидимая рука.
И темнеет гор громада,
Как могучая волна,
И совсем почти за тучи
Робко прячется она.
И бегут по небу тучи
Темно бурною толпой,
И туман встает в ущельи
Серебристой пеленой;
И, кружася, хлопья снега
Ото всех сторон летят,
И стоит в снегу по пояс
Замерзающий солдат.

III

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кучи снега намело,
И седеющим туманом
Эти горы занесло.
Ничего вдали не видно,
Вовсе спряталась луна;
И не светит из-за тучи
На летучий снег она.
Темноты и тайны полны,

Небеса и ночь глядят,
И не виден среди снега
На посту своем солдат.
Над белеющей равниной
Видны шапка, да башлык,
Да торчит из снегу острый
И блестящий сталью штык.
И лежит на всей картине
Мрачно-строгий колорит,
И молчит покров холодный,
Под которым он сокрыт.

85

Первонач. вар. автографа

1 *а* Как дитя, боишься ты потемок,
б *отсутствует*
2—3 (1—2) Ты углов боишься темных,[1]
И светла ты и ясна,[2]
5 (4) И невинностью полна.
8—12 (7—11) Бело-мраморные плечи,
Краска нежная ланит,
И коралловые зубки,[3]
Бирюзовые глаза;
С головы, как смоль, темнея,

87

А

Первонач. вар. автографа

5 И плакал я, смущенный и унылый,
11 *а* Наполненный и горести и муки,
б Томяся от тоски и горькой муки,
16 Развратны и преступны были грезы,
18 И ими душу я омыл.
28 И неземной сиял он красотой, —

---

[1] *После было*: ...Как дитя / Так ты углов боишься темных
[2] *Исправлено*: Вся светла ты и ясна
[3] *Исправлено*: И коралловые губки,

35 Покрытая печалью и позором,
37 Нет, лгут они, счастливые поэты,
39 И безмятежны эти дни.
40 В моей душе развратные мечтанья,
46 Все степени позора и паденья
52 И Божий голос слушаю так жадно,

Б
Поздний вар.

1 [Передо мной печальное кладбище,]

88

Первонач. вар. автографа

1 *а* Его убогую могилу
б Его безвест⟨ную⟩ могилу
3 Знак благодарности людей —
6 Два полусвежие венка
Между 8 и 11 Да разбросала перед ним
Венки цветов, сплетенных нежно,
С тоской и страстию мятежной
И трепетаньем молодым.[1]
12—13 (14—15) Теперь печальной и унылой,
Возникнет новый мавзолей,
19 (21) И благовонными руками

92

А
Первонач. вар. автографа

1—8 Незажившая рана таится
В тайнике недоступном моем,
И больная душа все томится
Сожигающим вечным огнем.
Я теряю свои упованья,
Но больная душа не молчит
И на вечные стоны страданья,

---

[1] *Исправлено*: С негодованьем молодым.

Как отзывное эхо, звучит.
11 Когда звуки несутся уныло

А1
Промежуточн. вар. автографа

2 В сердце скорбном, усталом моем,
5 Моя песня все горше рыдает,

93

Первонач. вар. автографа

Строфы VI—VII Привык я удерживать слезы,
Привык их безмолвно глотать, —
Но все ж я привыкнуть не в силах
Молчать, и терпеть, и страдать.

Борьбою неравной измучен,
Дорогою трудной иду,
Смеюсь над людьми и собою,
Смеюся — и счастия жду!

94

Первонач. вар. автографа

7—9 И раннею злобою сердце наполнит злой свет
С своею неправедной силой.
Так рано я жил, и изведать еще не успел,
14—15 Страданьем давно истощенной.
Не вижу я света нигде впереди,
17—20 И что впереди там? Одна бесконечная цепь,[1]
И труд вековой из⟨-под⟩ палки:
Как будто она, безотрадная грязная степь;
И на ней мокрохвостые галки.
22—23 И ходят, добычей довольны,
Да некому слушать их! Тяжек напрасный твой труд,

[1] *Исправлено*: И что впереди там? Лишений предлинная цепь,

98

А

Первонач. вар. автографа

Загл. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Воздух ароматный
Сладок, как вино...
Поскорее настежь
Светлое окно.
Предо мною липы,
Льется аромат,
Свежими листами
Ветви шевелят;
Пламенеет небо,
Горы, облака;
Тихо колыхаясь,
Искрится река...
Шествует незримо
Хмелевая ночь,
Страсти и покоя
Радостная дочь...

А1

Поздний вар. автографа

(1—6) *как в АМ*
(7) Листьями тихонько
(8—12) *как в ИМ*
(13) *а* Наступает тихо
б Мчится над землею
(14—16) *как в ИМ*

99

Поздняя ред.

Под солнцем страны полуденной
Я видел великое зло:
Работник лежит утомленный,
Богатство к богатым ушло.

Датировка *Весна 1881*

100

Первонач. вар. автографа

2 *а* Входил я, помню, в божий храм.
б Я шел, ребенок, в вечер в храм.
3 Какие чудные мгновенья
5 В углах лежат ночные тени,
9—10 В душе тепло, светло, отрадно,
Уходит темная тоска,
14 Придешь домой: горит лампада,
17 Всю ночь пред свечкою зажженной
20 Все б этот образ целовал.
25—29 Уже разбито и иной
Прекрасный образ средь пустыни
Теперь несется передо мной.
И храма прежнего бегу я,

102

А

Первонач. вар. автографа

1—9 На берегу ручья, в лесу
Сидит красавица босая.
В воде роскошную красу
Лица и груди отражая,
И ножки белые купая.
За ней под деревом, в тени
Лежат чулки, стоят сапожки, —
Она их сбросила: они
Теснили маленькие ножки.
14—15 Царит прохлада и дремота.
Волна заманчиво блестит.
18—20 Волна сверкает и шумит,
И лижет белые колени.
И перед взором молодым
25 Мелькают милые черты
42 И бьется в влаге студено́й,

А1
Промежуточн. вар. автографа

3—4 И гладко стелется струя,◊
Тихонько ножки обнимая,
9 а Теплом охваченные ножки
6 И давят ноги, как пружинки◊
19 Плещась на белые колени.

105

Первонач. вар. автографа

Мой небрежный, звонкий стих,
Ах, зачем ты не затих,
Не умолкнул навсегда?
Горечь муки и стыда,
И тоски и горьких слез,
Всю печаль, что перенес
В жизнь пустынную мою,
Всю тебе передаю.
Но в тебе отрады нет.
Ни среди гнетущих бед,
Ни среди тоски немой,
Не приветен отзыв твой
На мою тоску-печаль...
Да и, право, мне не жаль.[1]

106

А
Первонач. вар. автографа

1—3 Тяжка житейская наука
Душе, исполненной тоской,
Но верь, смешна, мой друг больной
5 Мечтатель в наш холодный век
7—8 Черна та мгла, в которой бродит
Нам современный человек.
11—12 Вся сладость мира твоего,

[1] *Исправлено*: Право, будет мне не жаль, / Коль навек замолкнет он.

Вся прелесть девственного счастья;
15—16 *в обратном порядке*
17—18 *в обратном порядке*
23 И среди нового народа.

A1
Машинопись 1

1 *как в А*◊
2, 3, 5, 7 *как в А*
8 Наш современный человек.
15—16, 17—18, 23 *как в А*

107

А
Автограф

1 Из грязи мостовых подобран он ребенком,
2 *а* И худ, и бледен, слаб и мал,
б Так худ, так бледен, слаб и мал,
4 Его с любовью развивал.◊
11 Готов он был один бороться со вселенной.

A1
Первонач. вар. машинописи

1 На грязи мостовых подобран он ребенком,
2 *как в А, 2б*
11 *как в А*

109

А
Первонач. вар. автографа 1

Как любовался он тобою!
Как страстно он тебя желал,
С какою страстною тоскою
Он эти очи целовал!
Теперь он — каторжник печальный,
Гремят оковы на ногах,
Напоминает город дальный,

Где мысль и слово в кандалах.[1]
А ты — развратною рукою
Твоя краса обнажена;
В борьбе с тяжелою судьбою
И бед, и горечи полна.

А1

Поздний вар. автографа 1

(3, 4, 9—11) *как в А2*

А2

Первонач. вар. автографа 2

Как любовался он тобою,
Как жадно он тебя желал,
С какою нежною тоскою
Он эти глазки целовал!
Теперь он — каторжник печальный,
Гремят оковы на ногах,
Напоминая город дальний,
Где мысль и слово в кандалах.
А ты погибла — и молвою
Давно уже очернена:
Борьба с бессмысленной толпою
И бед, и горечи полна.

А3

Промежуточн. вар. автографа 2

(9—12) А ты легла под поезд длинный —
И он прошел, и раздавил,
И головы твоей невинной
В тот горький час не пощадил.[2]

---

[1] *Далее начато*: Своею праздною красою
Торгуешь ты.

[2] *Было*: Ты в кабаках собою
Торгуешь нагло; ты стыда
Уже не знаешь; красотою
Уж не прельщаешь, как тогда.

110

А
Машинопись 1

Смолкнет волнение сечи,
Скучно мне, — жажду я битвы,
Только о ней-то и речи,
Только о ней и молитвы.

Вспыхнет ли сеча, кляну я
Мрачные ужасы битвы;
Сердцем усталым тоскуя,
Миру слагаю молитвы.

Смел я и честен с собою,
Меч мне, — и брошуся в битву.
Стану пред вражьей толпою, —
Только читаю молитву.

Смехом смеются над мною
Те, что в борьбе терпеливы.
Дома со страхом, с тоскою
Бурные видят порывы.

Будто бы скованы руки,
Падает меч мой со звоном.
Битвы неистовой звуки
Скорбным приветствую стоном.

А1
Машинопись 2

Строфа III *отсутствует*
Строфы IV—V (V—VI) *в обратном порядке.*

113

А
Первонач. вар. автографа

1 *а* *как в основном тексте*
б Мы с ним встречались, как собратья,

6 И поверял ему я думы,
13 Не понял он души открытой,
Он чистой дружбой пренебрег,
15 Его рассудок неразвитый
18 В его растрепанных чертах,
20—22 Печать я видел вдохновений;
Поэта ясное чело
Спокойно, гордо и светло;

А1
Машинопись 1

1 *как в А, б*
6, 13, 15, 20 *как в А*
23 И взор надменно-величавый.

А2
Первонач. вар. машинописи 2

18 *как в А*

115

Первонач. вар. автографа

Я не понимаю,
Что с тобою сталось,
Милое дитя?
Не поешь ты песен,
Не смеешься громко,
А сидишь, грустя.
Видно, стало душно
Беззаботной птичке
В клетке золотой.
Хочется на волю
Погулять беспечно
Радостной весной.
Надоели дочке
Барские хоромы
Важного отца;
Рвешься ты на волю,
Ищешь ты исхода,

Ищешь ты конца.
Заронились в душу
Золотые думы
О святом труде,
О бедах народа,
О полезной жизни,
О своем гнезде.
Что же ты горюешь
И сидишь безмолвно,
Плача и грустя?
Уходи на волю,
Ты уже созрела,
Ты уж не дитя.

118

Автограф 1

Мне почудилась она
С лаской нежною и лепетом, —
Грудь желанием полна
Всколыхнулась нежным трепетом.

Думы, звуки и мечты
Наполняют сердце знойное,
Полны чудной красоты,
Полны страстью беспокойною.

Все чарует и манит,
Все полно очарования,
Краска девственных ланит,
Белой груди колыхание.

Брови черною дугой
Пораскинулись над глазками,
Взор горячий, огневой,
Губки с трепетными ласками.

12 сентября 1880
СПб. Пятница.
Учительский институт

124

Автограф

Загл. ПАРИЯ-ПОЭТ

2 Под небом Индии далекой
4—6 Исполненный тоски глубокой,
Печаль души своей высокой
В прекрасных песнях изливал.
10 Могучий воин мимо шел с презреньем,
13 И за бессильные проклятья
27 И дружеской рукою он
32—33 Под жарким солнцем истлевая.
На труп волков сбиралась стая,

125

Загл. ОТРЫВОК

А

Первонач. вар. автографа

1—24 Наедине с своею думой,
Всегда холодной и угрюмой,
Остался я, и пошлый шум
Толпы, волнующейся вечно,
Не возвращает мир сердечный,
Не отравляет тихих дум.
«Покой не на большое время
К тебе снисходит; так спеши
Забот гнетущих сбросить бремя
С изнемогающей души.
Ты не дождешься наслажденья,
Так обмани себя на миг,
Забудь [гнетущее] душевное мученье
Для дум великих и святых».
Но не забыть мне темной доли,
Она мне стоит много боли
И нанесла мне много ран.
Мой жребий, тяжкий и печальный,
[На] Мой путь, теперь весьма не дальный,
Мне не на радость дан.

Печален ум, разбито тело,
На сердце слишком много зла,
Душа пылала — и сгорела,
Как дом разрушенный, дотла.
35 В душе о нем отрадных нет;

А1
Промежуточн. вар. автографа

7 К тебе сошел — и так спеши
10 Лови летучее мгновенье
12 Забудь души твоей мученья

127

Первонач. вар. автографа

5 Ее томит воспоминанье
8 Порочной юности моей,
18 Прости! Я пред грозой один,
20 Своей судьбы не господин,
24 Увы! в своей душе холодной
30 «Убил в борьбе пустой, в разврате
32—33 Смирись, смирись! об их возврате
Отрадной мысли не таи.

131

А
Автограф 1

ПОДРАЖАНИЕ ПРОРОКУ АМОСУ

Я не пророк, не сын пророка, —
Но Бог призвал меня от стад,
Чтоб я, один во мгле порока
Увенчан правдою и свят,
Перед порочной Иудеей
Провозвестил его закон,
Его великою идеей
На трудный подвиг укреплен.

Когда в долине Галаада
Я пас лениво свое стадо,
Она явилась предо мной,
Как небо южное прекрасна,
Блистая райской чистотой,
С своей улыбкою всевластной,
И я узнал ее тогда,
Мою великую идею,
И шел покорно я за нею,
И обходил я города
И села светлой Иудеи.
С тоской в груди я шел вперед
С моим громящим, резким словом,
И поучением суровым
Казнил левитов и народ.
Мне было тяжко, трудно, больно,
Ни в ком любви я не встречал,
Но все я шел, я шел невольно,
И голос Бога мне звучал:

«Не оставляй мою идею,
Завет мой людям возвести,
И до конца иди за нею
По многотрудному пути».

А1
Промежуточн. вар. автографа 2

(2) Бог отозвал меня от стад,
(5) Пред беззаконной Иудеей
(7) Его всесильною идеей
(10) Покрытый рубищем, босой,[1]
(11) Явился гений предо мной,
(13—16) С улыбкой чистою такой
Неотразима и всевластна,
Сказал: «Меня не покидай,

[1] *Было*: Наемник бедный, пас я стадо

Меня, небесную идею!»[1]
(17) И я последовал за нею,
(19) Селенья шумной Иудеи.
(24) О, как мне было трудно, больно![2]
(27) И Божий голос мне звучал:

132

А
Первонач. вар. автографа

СЛЕЗЫ

Ты тоскуешь, друг мой, слезы
И рыданья не глуши:
Все же легче с ними грозы
Для тоскующей души.

Слезы — слабому отрада;
Слезы — женщине-рабе
Богом даны, как услада
В угнетающей судьбе.

Их не даром жемчугами
И алмазами зовет
За морями, за горами
Поэтический народ.

У него же есть преданье,
Что из падших в землю слез
Зацвели в ночи страданья,
Цветники махровых роз.

Благовонными цветами
Украшается весна,
Но небесными слезами
Поливает их она.

[1] *Было*: Блистая горней чистотой,
Неотразимой и всевластной,
И говорил: «Меня познай,
Твою великую идею!»

[2] *Было*: О, как мне трудно было, больно!

И ничтожную былинку,
И тенистые леса,
Освежает та росинка,
Божьих ангелов слеза.

Не стыдись же слез и плача,
Не стыдись, мое дитя;
Провожай ты горе, плача,
Не безвыходно грустя.

И из слез, тобой пролитых,
В сердце чутком скоро вновь
Вместо горестей забытых
Зацветет твоя любовь.

А1
Поздний вар. ранней ред. (А)

(1) *как в основном тексте*
(2—3) Молчаливо не глуши:
Будут легче с ними грозы
(9—12) *зачеркнуты*
(13) (9) У арабов есть преданье,
(14—16) (10—13) *как в основном тексте*
(19) (15) *как в основном тексте*
(20) (16) Орошает их она.

Б
Стр. из ИМ,
с поздней правкой

СЛЕЗЫ

Слезы — слабому отрада;
Слезы женщине-рабе
Богом даны, как услада
В угнетающей судьбе.
Благовонными цветами
Украшается весна,
Но росистыми слезами
Омывает их она...
Не стыдись же слез и плача,

Не стыдись, мое дитя;
Провожай ты горе, плача,
Не безвыходно грустя.

136

Автограф

1 а Друг человека — умный пес,
б У мужика за друга пес,◊
2—5 Друг дамы — глупая болонка.◊
Щенка, что в пруд мальчишка нес,
Спасла капризная девчонка.◊
Она бежит себе домой◊
7 Мальчишка, рваный и босой,◊
11 Когда же станут для людей◊

138

Первонач. вар. автографа 1

АРИАДНА

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Право, во тьме Лабиринта
Я без тебя изнемог.

Слышится рев Минотавра...
Грозен и темен мой путь;
Полн я тоскою и страхом, —
Чахнет усталая грудь.

Грозная, бледная совесть,
Всюду шагает со мной:
Я от нее постоянно
Слышу укор роковой.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где ж та великая нить,
Чтобы к разумной и светлой
Жизни могла возвратить.

139

А

Первонач. вар. автографа

Между 13 и 14 Где всегда идет война,
33—41 (34—42) Развалился дом,
И жена больная
Ходит босиком,
Ходит через силу
Так-то ⟨*нрзб.*⟩ бледна, —
Скоро уж в могилу
Сляжет и она.
В темной яме скоро
Кости отдохнут,
Дети без призора
По миру пойдут.

А1

Промежуточн. вар. автографа

37 (38) Словно смерть, бледна,
41—43 (42—44) Сладко отдохнет
Дочка без призора
По миру пойдет.

140

Первонач. вар. автографа

4 *а* *как в основном тексте*
б *как в машинописи 1*
7 Я вижу тихий в них укор
Души невинной голубицы,
12 И доли тягостной и темной,
15—16 Я не люблю таких очей,
Блестящих светлыми глазами.
18 Легко поверить обаянью.
20 *а* *как в основном тексте*
б Невольно вынужден страданьем.
24 За обаянье этих взоров.
25 Всегда глядящих так покорно.

141

Первонач. вар. автографа

1—3 Прозвучал, наконец, прозвучал[1]
Твой чарующий голос, весна!
Разбудил он меня, — и я встал
5 И простился с неясной тоской,[2]
7 Наслаждаюсь твоей красотой,[3]
10 Я о прежнем паденьи забыл!

142

А

Первонач. вар. автографа

1—9 В дикости первоначальной
По пустыням человек
Шлялся дикий и печальный
Кой-как вдоль и поперек.
Проходили многи годы,
Расширялся кругозор,
И ущелья среди гор.
А потом провел дороги
Понемногу проводил,
14 В океане вздумал плыть,
16—17 В очень тоненькую нить.
И нашел пути он многи
22 Приручить и покорить,

А1

Промежуточн. вар. автографа

2 Без путей шел человек
3 По пустыне первородной,
5 Проходили дни и годы,

---

[1] *После было*: Наконец, для меня прозвучал
[2] *После было*: *а* И, простясь с отбежавшей тоской; *б* Развязался я с темной тоской,
[3] *После было начато*: [И] Я [взволно⟨ван⟩] твоей красотой,

146

А

Первонач. вар автографа

Утром смазал я калитку,
В темноте сижу да жду,
То ли высунусь в окошко,
То ли к двери подойду.

Не идет она, не видно,
Бьется сердце, стынет кровь,
С каждым часом все сильнее
Одинокая любовь.

А1

Промежуточн. вар. автографа

Строфа I Я в калитке смазал петли,[1]
Вечерком сижу да жду,
То ли выгляну в окошко,
То ли к двери подойду.

Строфа II *как в основном тексте*

148

Первонач. вар. автографа

Пар и жар, и гам, и мгла.
В шайках струйки звонко плещут,
На раздетые тела
Сквозь туман огни чуть блещут.

Что же мне до наготы?
Все пришли сюда, чтоб мыться.
Руки делом заняты,
Чем тут взору насладиться?

Девок бы сюда пригнал,
Чтобы всё их обнимать,

[1] *Исправлено*: Смазал петли я в калитке,

И старик их целовать
Стал бы, позабыв печали,

К девке парень молодой
Телом голым бы прижался,
И под скачкой удалой
Даже пол бы сотрясался.

Но все очень тускло здесь,
Не уйдешь и здесь от скуки,
И хоть гол и красен весь,
Лишь мочалку сжали руки.

150

Первонач. вар. автографа

2 Когда все уже легло.
Между 8 и 9 Отгоняя бодро лень,
Все в один мы скосим день.[1]
10 Грудь желанием полна, —[2]
Между 10 и 11 Как поляжем, как пройдем, —
15—16 Не останемся у вас
И уйдем в вечерний час, —
19 Им ответят косари:
Между 19 и 20 Это вестники зари,
Между 20 и 21 Добровольные косцы!

151

А
Автограф

1 Я написал бы вам стансы.
Вместо 6—9 Версификатор в голове
Таскает их наготове,
Как мать ребенка в чреве носит,
Потом родит, а после бросит.
15 Теснится оживленный рой,◊

[1] *Исправлено*: Луг в один мы скосим день.
[2] *Исправлено*: *а* Вольной силою полна; *б* Вольной силой жизнь полна.

25—28 Поет он, грустный и унылый,
Поет в неволе, одинок,
И юною любовной силой
Звенит красивый голосок.

A1
Машинопись 1

1, 6—9, 25—28 *как в автографе*

A2
Промежуточн. вар. машинописи 2

6—9 Поэт искусный много тем
Имеет для своих поэм,
Как мать ребенка, песню носит,

152

A
Первонач. вар. автографа

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Ввергнутый в мрак Лабиринта,
Я без него изнемог!

Слышу я рев Минотавра
В страхе, в тревоге стою,
И призываю на помощь
Мудрость и благость твою!

Совести голос не слышен,
Криком иным заглушен:
«Мрака, поболее мрака!»
Требует радостно он.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

А1

Поздний вар. автографа

Порядок строф 1—2—4—5—6—3

5 Слышу я крик Минотавра

154

А

Первонач. вар. автографа

1 Когда спадут мои оковы
2 И заблужденья юных дней
3 Однако горечью суровой
5 Вновь отразятся, — сколько муки
13 Склоняяся пред силой тайной

А1

Поздний вар. автографа

2 Когда ошибки ранних дней◊
3 Тоской и горечью суровой◊
13 Склоняясь перед силой тайной

155

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПОЭМЕ

Авторские планы, заметки, наброски

Одиночество *л. 1–2об.*

Элементы. [1. Все стоит к нему враждебно.]

1. Бедное детство.
2. Антипатичная среда.
3. Вялость и слабость характера.
4. Неумение становиться в достойные отношения с людьми.
5. Неловкость и смущение в обществе.
6. Презрительное отношение к окружающим.
7. Но чрезвычайно глупое обращение с ним.
8. Другие смотрят на него с пренебрежением.
9. Несчастливая любовь.
10. Он.

11. Большое развитие.
12. История Качки, драма, где он порывается и остается в стороне.
13. Нравственное падение.
14. Стремление к творчеству, порывания, колебания.
15. Развитие таланта.
16. Гибель.
17. Любят и его, но он все портит. «Он не способен».
18. Пожар. Отрава.

[И для меня был светлый луч]
Она одна бы могла спасти,
[Меня] Поднять из мерзости порока.
Но ей прекрасной не цвести,
Удар судьбы подсек жестоко.

Как много я лишился в ней.
Я потерял свою опору.

После ее смерти он упрекает себя: Не ему, ничтожному, было спасти прекрасную девушку. Он не хотел возрождения, он сам оттолкнул ее, повторяя себе о своей ничтожности и падении. Он допустил ее пережить великий позор. О да, ужасный позор! Даже он, ничтожный развратник, уже открыв ей свою нечистую душу, поднял свою голову, услышав об ее падении, и осмелился спасать ее, чистую и непорочную, [своими]

Своими грязными руками
Голубку юную спасать.

л. 3—3об. Одиночество

Бог дал денежку,
а черт дал дырочку.

X — мальчик, умерший юношею лет 19⟨-ти⟩, поэт; *А* — его мать; *В* — его родственница; *Е* — девочка, любимая *X*-ом; *У* — сын *В*; *С* — ее дочь.

В — Варвара Павловна.

X чувствует себя одиноким.

А — мать, женщина необразованная, суровая, сына любит, и никогда не бьет его. Она несчастна, раздражительна, чутка к оскорблениям, по-женски малодушна и слаба. Неровна в обращении, страдания, ее

темная доля вызывает у нее упреки и жалобы, обращенные к сыну. Нежность иногда.

X — получил образование в гимназии, кроме того сильно развит и одарен поэтическою натурою. Его сближению с матерью мешают: ее необразованность (хотя он сам стыдился и срамился этой причины), ее несправедливость к нему (упреки), раздражит⟨ельность⟩, непонимание его интересов и занятий (не глубокое); его неловкие слова и поступки, при развращ⟨ающем⟩ влиянии *B*, огорчают ее. Он не умеет нежничать и разыгрывать сем⟨ейные⟩ комедии.

Конечно, все это глупые и ничтожные причины, и они имели место только в период начала развития, лет 13—16.

Когда он стал ее понимать, она умерла.

Апофеоз матери.

B — старуха-домовладелица.

(Действие в одном из губерн⟨ских⟩ город⟨ов⟩ внутр⟨енней⟩ России, довольно большом и многолюдном. Через город протекает речка, верст в 60 длиною приток большой речки; ширина — сажен 10, глубина — 1 саж⟨ень⟩).

B — сначала мелкая торговка, кулак, бой-баба. Потом купила деревянный дом и зажила домовладелицей, в затасканном ситцевом платье, перетянутом кушаком. Муж — пьяница, умер еще до рожд⟨ения⟩ Ха. Постояльцы — мелкие бедняки, зовут ее кровопивицей. Принимает вещи под заклад. Водит знакомства с небогатыми чиновниками даже, 10 чина СС. Любит собак, кошек и девочек. Полюбила и Ха. Ласки, которые тот ненавидит.

У — М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩ А⟨гапов⟩ (?).

С — А⟨нтонина⟩ М⟨ихайловна⟩ А⟨гапова⟩. — Она была сначала любима им. Потом он отдалился от нее. Она умерла. ⟨*На полях рядом:*⟩ Безобразная сцена, вроде Акулькина муж⟨а⟩; развратный отец живет со своею дочерью и мучит ее, ревнуя ко всем. Потом он отказался от нее. Она умерла.

X и *A* — жили сначала одни. Она прачка. Игры на улице. Прыт⟨кость — ?⟩ и бойкость, и некоторая простоватая, излишняя доверчивость. *B* берет *A* в качестве приживалки и экономки. Им с сыном особая комната. Строгий надзор над мальчиком, чтобы не шалил, вел себя хорошо, не вел знакомства с уличными босоногими мальчишками. Дом ⟨*нрзб.*⟩ Скука. Азбука и ученье, счастливые и несчастные дни. Гулянье по улицам. Одиночество. Онан⟨изм⟩. Его постепенное развитие. Не научился от кого-нибудь, а сам, незаметно. Движения на кровати; мечты: такое наказание, потом о розгах. Потом руками. Влияние на тело и

характер. Постепенное развитие мечтаний. Стыдливость: не любил ходить босиком. Из этого источник сладострастных наслаждений. До 15 лет прож⟨ил⟩ он с разными мечтами. Потом эти мечты начали иллюстрироваться на деле. Обнажения. Сначала бос⟨ые⟩, потом голые ноги, потом до нага. Старания высечь себя; розги, крапива, стал⟨ьные⟩ перья. Сцена (Дневник). Мечтания на берегу реки: палаты, полуобнаженные женщины, ночь в объятьях камен⟨ной⟩ статуи. Разные, раздражающие чувственность мальчика, картины в жизни города: босоногие женщины и дети ⟨?⟩, браки собак, сечения детей (18-лет. девуш.) и женщин, купания женщ⟨ин⟩, карючки.

Любовь к *Г.*

Г. (история сестры с ⟨*Ф. нрзб.*⟩). Девочка из деревни, брошенная в жертву своей хозяйке. Та сначала с ней ласкова, потом обращается скверно, худо одевает и кормит. Продает. Но девочка не выносит позора и топится. *Х.* видел ее труп. Его печаль. Целование земли и клятва.

Отчуждение от домашних.

⟨*На полях рядом:*⟩ Знакомство с городскими либералами, их ничтожество; тоже столичные. Фраза или откровенная подлость — результат.

Приезжает в П⟨етербург⟩, чтобы поступить в Унив⟨ерситет⟩. С товарищами сходится мало. Но иногда высовывается из своей скорлупы и
л. 5 тогда ведет себя очень глупо. Мрачен. Иногда, напротив, очень весел. Робок и стыдлив с женщинами. Искание красоты и правды. Постоянно возмущающие картины и факты. В вагоне встречает недурного мальчика или девочку: думает об их характерах. Иногда при этом сладострастные мечты. Входит в один дом, где есть молодая девушка. Он ее любит. Она любит другого. Он дейст⟨вует⟩ очень странно, глупо. Она обращает на него внимание, она готова полюбить его: он все же даров⟨ит⟩ и умен. Но он не выдерживает сравнения с другим, кот⟨орый⟩ делается ее женихом, ее несчастье. Жених — кассир, кутила, украл — застрелился. Она с ним сошлась раньше, а он еще не сделал ей предлож⟨ения⟩.

Он еще этого не знает. Сердце его, как говорится, разбито. Посещение дома терпим⟨ости⟩. Сознание своего падения, и бессилия. Невозможность вступить в брак. В этом смысле в откровенную минуту высказ⟨ывается⟩ любимой девушке. Его слова приводят ее в отчаяние: она к нему расположена (неясное, темное чувство). Она отравляется. Он до того узнает о ее позоре. Он не может быть мужем в самом деле: он обессилен. Но он может спасти любимую женщину от позора и дать ей счастие воспитать честно и спокойно ребенка. Он в восторге и реша-

ется сделать ей предложение, приходит и застает ее мертвой. Его самоубийство.

Один. Все та же бедная комната в 3 шага длиною, и те же сумрачно-грязные стены старого дома торчат перед глазами. Из единственного окна виден кусок пасмурного неба, и в стекло бьется монотонно-мелкий, дрянной столичный дождик. Скучно и темно в моей душе. Точно и в ней проделано только одно окошечко, да и то пришлось в какую-то глупую стену. Сумрачно, как в моей комнате. 2 стула да стол, да измятая койка, все глядит так неприглядно ⟨?⟩. [И в душе вместо эт⟨ ⟩] По стенам паутина, в углах сор, и все покрывает пыль и плесень. Что же лезет мне в голову нелепое сравнение? Для того ли, чтоб в сотый раз вспомнил я, как много грязи в моей душе. Сор и паутина в ней, и посреди этого сора две дорогие могилы. *л. 4*

Один, один. Ужасное слово. Я молод, я хочу жить и не могу жить, потому что я одинок и грызет мое сердце тоска ядовитая с каждым днем все сильнее, да сильней, хоть бы смерть, старушонка сердитая, приходила ко мне поскорей.

Одиноч⟨ество⟩ Стих. *л. 4об.*

Один — юноша с чистой душой и слабою волею, в глуши, среди злых и порочных. Сравнение с одинокой березой, кот⟨орую⟩ частым дождиком сечет. Одинок⟨ая⟩ утрен⟨няя⟩ звезда бледнеет и гаснет. Лодка в море.

Лирич⟨еское⟩ вступление. Одиночество. Ранняя смерть. Картина города. Грубая и грязная среда. Самоубийство. Наше время. *л. 10об.*

Психофизиологический очерк *ед.хр. 539, л. 91*

Когда я раздумывал, отчего это так глупо, бестолково и бесполезно прошла моя жизнь, я пришел к заключению, что виною здесь — мое одиночество. Жить без симпатии человеку невозможно. Я расскажу, как молодая натура настойчиво искала симпатии. Товарищи. Гордое презрение. Он. Сближение с одним товарищем. Разлука. Любовь к девушке. Я (конечно, лишь поэтическое) — слаб, вял, нерешителен, умен, трудолюбив, хорошо говорю. Страсть обоюдная. Она делает первые шаги. Сцена объяснения: «Я не могу быть мужем». Страшный для нее удар. Он отходит. Она бросилась за ним: «Все можно возвратить. Живи! Для смерти. Умрешь не даром!» Я заразил ее своим мрачным

настроением. И она умела умереть. А я, слабый и ничтожный, стоял на берегу и смотрел на моих товарищей. Мы оба погибли — но я гибну даром, умирая в больнице. *14 февраля 1882*

л. 110об. Когда она покинута 2-м любовником, он говорил, что она хорошо сделает, отказавшись от него, и что с другим она будет счастлива. И эти слова звучали для нее едкою иронией. Я не могу быть мужем. Счастье людей здоровых в их руках; а я — несчастлив! «Да, я скоро буду счастлива».

л. 157 Элементы моей жизни: 1. Отец — больной, рано умер. 2. Мать — здоровая, сильная.

л. 174–174об.

Бабушка

Надо, чтобы это была родная бабушка. Это тема для целого романа или, по меньшей мере, для повести. История развития ребенка. По натуре бойкий. Первые годы провел свободно. Потом попадает к бабушке. Она на него смотрит, как на игрушку. Портит, гнетет и озлобляет его. Чинная хилость. Страх перед нею. Ее злость и сварливость. Улица. Семья бабушки. Школа. Смутное время. Ссоры с бабушкой. Институт. Жизнь в нем. ⟨...⟩ I. С отцом. II. С матерью. III. С бабушкой. IV. Институт. V. Самостоятельная жизнь. Можно внести любовную интригу: бедная, серенькая девочка, душевные сокровища, скрытые под оболочкою ее простоты. Петербургская жизнь и знакомые типы. Изобразить возможно больше того, что было на самом деле, и как было, до мелочей.

ед.хр. 539а, л. 18 Посреди живых людей встречаются порою трупы, бесполезные и никому ненужные. Это тени прошлого, обломки разрушенных зданий. Они живут тем, что умерло с их молодостью и что давно бы уже пора хоронить. Да не всякий труп зарывается в землю, не всякая падаль выбрасывается далеко от селений живых. Оглядываясь на прошлое, они плачут о нем, бессильно брюзжат на настоящее, ненавидят будущее, где им уже нет места. Эти трупы не безвредны, как трупы на городских стогнах: они гниют и заражают воздух. И порою, прикована к этому трупу, чахнет и томится молодая душа, и ее живая сила вянет и пропитывается тем тлетворным дыханием смерти. — Мрак злобы, суеверия, душевной слабости и боязни царит вокруг этих трупов, — а эти язвы прилипчивы и заразительны.

Но молчи во гневе справедливом,
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни.

Старая тетушка была одним из тех бесполезных, но не безвредных созданий, которых мы с пренебрежением называем [тенями] обломками прошлого. Нет, это более чем обломки: это трупы, забытые среди живых, разлагающиеся и отравляющие воздух вокруг себя. То здесь, то там, то в одном, то в другом уголке России гибнет то одна, то другая молодая душа под их тлетворным руководством. Тени отвратительного прошлого неотступно стоят над этою душою, развращают ее и топят в болоте житейской пошлости. Засосало это проклятое болото много жертв, много людей, которые пригодились бы для отечества.

Но молчи во гневе справедливом,
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни.

Значенье образов живых, *л. 35*
Чтоб ими чувствовать и мыслить.

Но вот и цель пути близка:
Сияет монастырь крестами,
Широкой лентою реки
Между 〈 〉

Но и тогда его волненье
Вряд было глубже и сильней

Того чувства, с которым он входил в дом своей тетки. Она встретила его благосклонно, но ее ласки не могли рассеять смущенного ребенка, напрот〈ив〉, несколько строгих замечаний вконец смутили его; он дичился в пышных комнатах, и, как пойманный кролик, нервно вздрагивая, смотрел исподлобья. Все было для него так ново и необычно. Тетке он понравился, несмотря на свою дикость.

Она мальчишек не терпела etc. *л. 35об.*
Но он был так дик, так неловок etc.

Он поселился с своей матерью в особой комнатке. Тетка полюбила его, хотя

Она мальчишек не терпела etc.

Ему запрещалось шалить с уличными ребятишками — и он только мог гулять по двору, причем тетка, если была дома, не спускала с него глаз: от скуки и ничего неделанья он был для нее довольно приятною игрушкой. Она рядила его, как куклу, и любила, чтобы он чаще был в ее комнатах. Если наряды не нравились ему, он капризничал и плакал, но воля капризной, взбалмошной и злой женщины заставляла его *л. 37–37об.* покоряться. И вспоминая о перенесенном наказании, он становился послушнее, с затаенным чувством страха, стыда и злости он приучился скоро делать все, что от него требовали. Да, он покорялся, он молча и послушно скучал в этих душных комнатах. Ему уже не с кем было бегать: он важно ходил по комнате, заложив руки за спину, как маленький немец; движенья его становились ленивее и слабее. И к чему был его громкий голос в комнатах, где неприлично громко кричать? И он приучился говорить тихо и неясно. Но он не мог примириться с этою мертвою жизнью. Он вспоминал свое прошлое.

На игры уличных детей etc.

Ленивое недовольство овладевало его душой, недовольство одинокое, подавленное в глубине слабой души; все силы этой души были поглощены этим угрюмым чувством, силы души постепенно слабевшей в этой ленивой полусонной жизни. И мало-помалу ужасные привычки вкрадывались в душу, овладевали ею. Мелки они были, мелки и ничтожны, но они губили его. Он сохранил еще много сил etc.

л. 36 До своего беспощадного онанизма, до своей нерешительности в действиях, Ц. был доведен рядом событий жизни, которые убедили его, что жизнь неотразима, как каменная стена.

Привязанность к хорошему мальчику, который гибнет. Денежные затруднения.

Фрагменты первоначального текста

⟨1⟩

л. 14 Муж двадцатью годами был
Ее старее, но любил
Елену искренне и нежно.
Три года прожили они,
Но не имели детей.

Хоть молили о том Бога день и ночь
и делали все, чтобы пособить своему горю.
В конце 1-го года муж заболел
И делался все слабее и слабее.
Их наслаждения становились все реже.
И наконец они совсем прекратились.
Наступала весна, жаркая и сладострастная.
И, как юная девственница,
томилась Елена непонятною тоской. Крепкое,
Полное жизненных сил тело
Трепетало и изнывало в томлениях страсти.
Тревожно металась она ночью на холодном супружеском ложе и высоко поднималась ее грудь, и густо краснели ее щеки, и нервно подрагивало, обнажаясь в темной духоте, ее тело.
И в суетных заботах дня
Не смолкал голос неудовлетворенной страсти.
Ей было скучно, и недовольная, скрывая свою досаду,
Томилась она долго, отбиваясь от греховных мыслей.

⟨*См. ст.* 207—346 *основного текста, ст.* 248—323 *автографа первой ред.*⟩

⟨2⟩

Она поздно вернулась домой, *л. 21*
И вид ее был страшен.
Она была полуодета и боса.
Была растрепана ее коса
И в беспорядке сыпались ⟨так!⟩ на плечи.
Густо краснели ее щеки,
Горели лихорадочно глаза,
Под которыми были темные пятна,
Трепетали полуоткрытые губы,
И порывистое, горячее дыхание
Поднимало волной упругую грудь;
Она нервно трепетала,
И разорванная рубаха
Кое-где обнажала ее мраморную прелесть.
Босые ноги были в пыли,
И оборванный подол юбки
Поднимался высоко и неровно

л. 21об. Томима страхом и стыдом,
Она медленно шла к дому,
Не улицей, а задворками,
Озираясь и крадучись,
Чтобы никто не видел ее позора,
Начертанного на смущенном лице.
Заскрипит ли близко калитка,
Послышатся ли шаги и голоса,
Или вечерний тихий ветер
Донесет откуда-то неясные звуки,
Как трепещущая лань, она бежит,
Бежит в сторону, за угол
За кусты, за березу прячется
И пропускает прохожего, стоя
В тревожном и робком ожидании,
Боясь пошевелится и дышать,
Чтобы ее не увидели.
И, подойдя к своему дому,
Долго стояла она у дверей
И прислушивалась и колебалась
Войти, или ей бежать,
Бежать далеко от мужа
И погибнуть черной смертью,
Утонуть в холодной волне.
л. 22 Но с тупой покорностью рабы,
Призывая имя Господне,
Опустя низко голову,
Вошла она в тот дом,
Где она была добродетельна
И который она опозорила.
И муж встретил ее так ласково
И не сказал ей ни одного упрека.
И она не смела открыться,
И легла с ним на ложе,
Давно холодное и постылое,
И целую ночь не смыкала глаз,
И горела и трепетала.
То овладевал ею стыд,
То какая-то дикая гордость,
И она проклинала это ложе,

И благословляла ложе иное,
Постланное природой в лесу,
Где она свободно сочеталась
С юным и прекрасным,
Где она впервые вкусила
Радость деятельной любви.
И вновь она вспоминала,
Что грех ее велик,
И плакала и молилась. *л. 22об.*
Но невольно ее мечта
Уносила ее на счастливый берег,
И, забываясь на своем ложе,
Видела она упоительно ясно
Молодое прекрасное лицо,
Чувствовала его горячие объятия
И прикосновения его мощного тела
И трепетала от чудного наслаждения,
Полная сладострастия.
А вверху ветви березы
Зеленели, наклоняясь прохладно,
И ветер шевелил ими,
И пели они чудную песню:
Хвала тебе и т. д.
Но песня опять обрывалась
И снова опять просыпалась
И видела образ святой
Над самой ее головой.
Трепеща, и волнуясь, и плача,
Она встретила солнца восход
И, полная тяжелых дум,
Встала она с постели
И принялась за обычные работы.
Но она была так уныла,
Так много страдания
Было на ее лице,
Что муж заметил ее смущение, *л. 23*
Расспрашивал ее.
Но она долго молчала.
Молчала три дня
И три долгие ночи,

Все такие, как первая.
Истомленная, негодующая
Полная странного гнева,
Внезапно ее охватившего,
На четвертое утро внезапно
Она открыла свою тайну мужу.
Спокойно стоя перед ним
И не поднимая на него глаз,
Рассказала она подробно
Историю своего падения.
И побледнел муж, испугался,
И, как подкошенная береза,
Опустился на скамью.
Сжало ее сердце тоскою
Невыносимо горькою,
Задрожала она и в страхе
Опустилась перед ним на колени
И рыдая, склонилась головой
До самого пола; и с воплем
Ползла она на коленях,
На голых коленях. Голая,
Потому что юбка была коротка.
л. 23об. Как виновная собака к его ногам.
И обняла руками его ноги
И целовала его сапоги,
Смазанные дегтем, — устами,
На которых горели чужие поцелуи.
Но он гневно оттолкнул ее,
Концом сапога ударив ее
По ее красивому лицу,
И встал со своей скамьи
И пошел к дверям.
И она ползла за ним на коленях,
Не поднимая лица от земли,
Целуя пятки его сапогов,
И доползла она до порога.
И он взял ее за косы
И протащил через сени
До темного чулана и в нем
Быстро поднял ее с пола

И широкою, сильною ладонью
Бил ее нежные щеки,
Пока они не распухли.
Тогда он запер ее здесь
И ушел куда-то.
Она осталась одна,
Покорная своей участи,
Ждала она новых истязаний.
И он скоро вернулся *л. 24*
И принес он с собою
Несколько толстых связок
Гибких и длинных розог.
Медленно запер он двери
И задвинул их засовом.
Приказал жене раздеться,
И она сняла свою юбку.
Сняла через голову,
Не вставая с колен,
И осталась в одной рубахе.
И он связал веревкой
Ее послушные руки,
Повалил ее толчком в спину
И подняв ее ноги, связал
Режущей туго веревкой.
И сел он на скамью,
И, положив жену на колени,
Начал ее пороть,
Сильно взмахивая розгами.
Жестко и больно сыпались ⟨удары⟩,
Она кричала и металась
И стонала громко и жалобно.
Кровь брызгала из нежного тела.
И когда иссечен был ее зад *л. 24об.*
И сделался он багровым,
Удары сыпались на спину.
Наказанье длилося долго.
Много прутьев было сломано.
Уже не кричала она,
И тихо стонала,
И все тело ее было багрово,

От трепещущих икр
И до половины спины.
Наконец, полуживую,
Он бросил ее на пол чулана
И вышел, замкнув двери.

⟨См. ст. 481—541, 565—592 автографа первой ред.⟩

Черновые фрагменты

⟨1⟩

л. 5об.

Из-за тебя я жизнь гублю,
Из-за тебя я все терплю,
Терплю обиды и упреки.
Когда бы не было тебя,
Я здесь бы дале не осталась,
И лучше б я с нуждою зналась,
Своей свободы не губя...

Порой обидная небрежность,
Порой заботливая нежность.
Для изученья языков
Давно ненужных и забытых,
Сентенций мертвых и избитых,
Названий, правил и годов.

⟨2⟩

л. 9—9об.

Он целый день сидел тоскливый,
Задумчив, бледен у окна, —
И ждал с боязнью молчаливой,
Когда воротится она.

Вернулась с азбукою тетка,
Подозвала к себе его,
Была та книга для него
Страшней, чем розга или плетка,

И с плачем тетку встретил он,
И, обливаяся слезами,
Он был к иконе подведен
Ее холодными руками.

Нахмуренный и длинный поп
Перекрестил смущенный лоб
И отслужил над ним молебен,
О прилежании внушил,
И кроткой тетке пробасил,
Что детям вечный страх потребен.

Настала горькая пора,
Когда душа его младая,
В ученье силы напрягая,
Стонала с самого утра.

Учитель грозный и суровый
Варвара Павловна была,
[Хоть раз в неделю] розгой новой
[Пребольно мальчика] секла.

Перетерпев ее удары,
Он твердо заучил склады,
И в ум ребенка эти кары
Двойные врезали следы;

И в прохождении науки
Потом достойные плоды,
Как корни горькие, те муки
Потом сторицей принесли.

Ребенок был весьма прилежен,
И тих, хотя был неизбежен
Злой окрик: тише, не шали!

И часто горькими слезами
Он долго плакал над складами,
Когда учитель был жесток.
Его младенческие очи
В туманном сумраке полночи
Встречали ряд суровых строк.
Ее постылые угрозы
Его пугали и во сне,
Он просыпался, весь в огне,
И на подушку лились слезы.

⟨3⟩

л. 10 Ребенку хочется гулять,
Его на двор вот так и тянет,
Подходит он и просит мать —
А тетка так сурово взглянет:
[«С толпою уличных детей
Не смей возиться,] непоседа, —
Займись-ка книжкою своей
Да почитай хоть до обеда».
Обед тоскливо так идет,

Гуляния. Жеманность и трус⟨ливость⟩. Чтение. Обед

[И тетка злобно и угрюмо
Язвительную речь ведет, —
А в голове ребенка думы]
Роятся, страшны и темны,
Предчувствий роковых полны,
Душа сжимается тоскливо,
Глаза глядят так боязливо.

⟨4⟩

л. 10об. Читал он Бокля, Молешота,
Читал он Маркса «Капитал»
А из поэтов никого-то
Он не пропускал.
Читал
Он книгу Маркса «Капитал»,
Не все в ней, правда, понимал,
Но все ж над нею не скучал.

⟨5⟩

л. 29, 29об. Сердце

Вырастал я печальный и хилый;
Впечатленья труда и нужды,
Впечатления жизни унылой
В моем сердце врезали следы
С каждым днем тяжелей, беспощадней.
И пускай это время прошло, —
Но в грядущем еще безотрадней
И еще беспощаднее зло.

Не забыть мне тяжелого года.
Мы узнали: тебя продают.
Твоя мать — молодая вдова
В нищете после мужа осталась,
По местам она долго скиталась,
Хоть была она еле жива.

У сестры ее дочь приютилась,
А жила молодая швея
В том же доме, где наша семья.
И нередко тогда приходилось,
Что встречался с Еленою я,
Или с Леной, так девочку звали,
С нею часто мы вместе играли,
И ко мне привязалась она.
И впервые любви семена
В наши души тогда же запали.
А потом потянулися годы
В роковой и суровой стезе,
И над нами шумели невзгоды.
Потянулися годы разлуки...
Сколько тягостной, сдержанной муки
Эти годы с собой принесли!
Ты попала в преступные руки —
И пускай от позора спасли,
Но какие следы роковые
В чутком сердце остались твоем!
Право, оба мы дни молодые,
Наконец, милый друг, проклянем!

⟨6⟩

И на лужах мелькающий свет *л. 29*
Отражался и зыбко дробился.
И на детские стоны в ответ
Ветер резкий, шумя, проносился.
И дрожала испуганно дочь,
И свой пряник она потеряла...
Опускалась осенняя ночь,
Вьюга стоны ее заглушала.

И тянулася трудно разлука,
То была роковая зима.

25 июня 1882

⟨7⟩

л. 30—30об.

Умерла скоро хворая мать,
Умерла от холеры и тетка,
И осталася век вековать
Без родных, эта крошка — сиротка.
И попала она в магазин
В ученицы к модистке в Пассаже,
И суровый ее властелин
Над забитой душою на страже
Годы долгого рабства стоял,
Я ее иногда посещал.
Она зрела, сильна и красива,
Но была, словно лань, боязлива,
Но была бесконечно грустна —
И внезапно бесследно пропала.
— Где Елена? — Сбежала она, —
Мне хозяйка ее отвечала.

Пронеслись надо мною года.
Я с семьей горделиво расстался,
И под гнетом нужды и труда
Одинок я на свете остался.
Я успешно боролся с трудом,
Но, опутан сетями порока,
Глубже падал я все с каждым днем,
И упал наконец я глубоко.
Но тот образ в душе я хранил,
И у неба я страстно просил,
Чтобы с нею мой мир возвратился.

И услышало небо мольбу:
На ее роковую судьбу
Луч нежданного света пролился,
И в душе утомленной моей,
Мне казалося, стало светлей.

Я нашел ее, жертву разврата.
Нарумянена, полупьяна,
Опозоренной жизнью измята,
Но еще, как лилея, нежна,
Улыбаясь, глядела она!
О, сестра! Узнаешь ли ты брата?..

Не узнала, смеялася ты,
Но и, слыша порочные речи,
Я поверил, при первой же встрече
В то, что краской стыда залиты
Твои щеки и круглые плечи.

⟨8⟩

Нельзя ж по улицам пускать *л. 31*
Ребенка бегать с шалунами, —
Сидеть он должен больше с нами,
К приличной жизни привыкать.

⟨9⟩

Не то ли светоч разуменья *л. 32*
Несу, чтоб дерзко обвинять
В твоем холодном отчужденьи
Тебя, тоскующая мать!

Но злобой горькой и суровой
Душа усталая полна;
Свой тяжкий крест, венок терновый
Несет с проклятием она.

⟨10⟩

И, как заботливая мать, *л. 32*
Могла любовью поучать,
Вела нас к правде...

⟨11⟩

Педагоги *л. 32*
То слабы, то чрезмерно строги,
Их, право, не за что винить.
Уж им ли, робким и ленивым,

С кошницей знания по нивам
Еще нетронутым ходить.

⟨12⟩

л. 32

Он в класс пришел,
Удачно лекцию прочел,
И больше нет ему забот.
И семена святые сея,
И всходы пышные лелея,
Всю душу в дело положить?

⟨13⟩

л. 32об.

Он был ленив,
И малодушен, и пуглив.

⟨14⟩

л. 32об.

Короткий очерк наших школ
Бог весть куда меня завел.
Припомним, что мы там встречали?
Кто там заботился о нас?
Припомним радости, печали
И спросим: хоть единый час
Ужель тогда мы сознавали
Что новой жизнью мы живем,
Что чистым воздухом мы дышим,
Что мы ученье правды слышим,
Купив его своим трудом.
И хоть неясно, инстинктивно,
Хоть по-ребячески наивно
Могли ли мы тогда сказать,
Что наша школа возвышала
Наш дух, добру нас научала...

⟨15⟩

л. 32об.

В часы досугов одиноких
Его тревожный, чуткий ум
Исполнен был горячих дум
Не по летам его глубоких,
Угрюмо жизнь его вела
И к преждевременному знанью

Сокрытых тайн, и к пониманью
В ней разлитого всюду зла.
Он видел темные картины
Из жизни взрослых и детей...

⟨16⟩

Смущенный, робкий и ленивый *л. 33*
В толпе товарищей игривой
Терялся он. Веселый шум
Детей — товарищей крикливых
Не разгонял тяжелых дум
И мыслей темных и тоскливых.

Он был слабее других, робкий, и его стали обижать те, кто был посил⟨ьнее⟩. Он все сносил, и скоро все стали его преследовать насмешками и шалостями.

Он в школу шел, как к месту казни,
Исполнен трепетной боязни,
И уходил он, огорчен,
С тоской и горечью в душе.

Он не мог сойтись с товарищами и ненавидел их. Он учился легко и лучше всех, и начал их презирать. Возвратившись из деревни, где поправ⟨ился⟩, пополнел, посильнел, он стал давать им сдачи.

Его преследов⟨али⟩ меньше,
Но он был также нелюдим,
И над ним много смеялись.

⟨17⟩

Разбиты стекла, стены сыры, *л. 34об.*
Холодный ветер дует в дыры;
И второй проходит день —
Изба нетопленная стынет.
Длинна уж солнечная тень,
И скоро ночь на землю кинет ⟨?⟩
Покров холодный. Страстный бред,
И в нем как будто мысли нет,
Но чутко, чутко он внимает,
И в этих фразах без конца
Он их значенье понимает.

Ночью приезжает тетка.
Эффект. Г.[1]

⟨18⟩
(ср. ⟨19⟩, ⟨31⟩, ⟨46⟩)

л. 35—35об., 36

Она мальчишку полюбила,
Как любят кошек и собак,
С ним нянчилась, его носила,
Лаская нежно, на руках,
Возилась с ним, но не любила,
Чтоб он не вовремя мешал,
Топтал ковры своей ногою,
Своей крикливою игрою
Шумел и стулья разронял.
За непривычные привычки
Она ему давала клички
И сорванца, и шалуна,
Учила вежливым манерам,
Старалася ему внушить,
Что быть приличным кавалером
Вполне он должен, не срамить
Собою тетушкиного дома,
Прилично в комнату входить
И при гостях не походить
На деревенского облома.
Идут по улице — поклон
Встречавшейся знакомой даме
Обязан отдавать был он.
Из магазина нагружен,
Подобно выносливой ламе,

[1] *На л. 34 — черновой автограф незавершенного стихотворения (приводим текст по верхнему слою):*

Летний полдень зноем дышит,
Дремлет в парке старый пруд,
В нем кувшинчики цветут.
Раздвигает их, колышет
Своей голою ногой
Дева, в пруд входя нагая,
И плывет она, блистая
Беломраморной спиной.

Как мила, свежа, прекрасна
Полногрудая она⟨,⟩
На ланитах ее ясно
Блещет ранняя весна ⟨,⟩
На устах ее веселых
Блещет песня, смех, привет,
⟨*обрыв текста*⟩

Он чинно возвращался в дом
С своею теткой вечерком.

Когда подрос он — позволялось
Ему гулять и одному,
В часы, когда не полагалось
Сидеть за книжками ему.
По грязным улицам смиренно
И молчаливо обходя,
На все смотрел он дерзновенно,
Все замечавшее дитя.
И жизни грязной и тоскливой,
Всевыносящей, терпеливой,
Судьбой подавленной среды
Ложились резкие следы
В его душе наивно чуткой.
И с каждой маленькой минуткой
Все глубже резалися в ней
Пороки пошлые людей.
Когда же пищи нет для взора,
Мечтает он, и те мечты...

Вписана строка Картины, картины, картины

И сладострастные картины
Провинциального житья...

⟨19⟩
(ср. ⟨18⟩, ⟨31⟩, ⟨46⟩)

Она мальчишек не терпела, *л. 36об.*
Но крестника любила так,
И, если не было ей дела,
Его носила на руках,
И целовала, и ласкала,
Но знала, что полезен страх,
И баловать не позволяла.
Когда он с матерью своей
В домишке бедном жил на воле,
И целый день возился в поле
С толпою сверстников-детей,
От той поры, свободной, милой

В среде угрюмой и унылой
У тетки много сохранил
Ребенок апатично-хилый
Телесных и душевных сил.
И эти силы поддержали
Его могучий организм;
Хотя безжалостно ломали
Его тоска и онанизм.

⟨20⟩

л. 37–37об.

Узнал он про ее кончину,
Тоску он в сердце схоронил,
Но долго-долго он носил
Свою тяжелую кручину.
Куда б ни шел он — перед ним
Стояла маленькая Надя,
Сквозь слез мелькая, как сквозь дым,
И на него любовно глядя.
Он пролил много тайных слез
Над бедной Надиной могилой,
И с той поры в душе унылой
Таился роковой вопрос
И много дум и отрицаний
В уме печальном вызвал он,
Болезненных, как тихий стон
Неумолкающих страданий.
Однажды берегом реки,
Исполнен тягостной тоски,
Он шел, и вдруг воспоминанья
В нем ожили о прежних днях,
Когда на этих берегах
Свершались милые свиданья.
Роптали сонные струи,
И долго в тяжком забытьи
Стоял он, смутный и унылый.
Он вспомнил все: и голос милый,
И ласки, ласки без конца,
И очерк нежный и унылый
Ее прекрасного лица.
Он вспомнил: здесь они блуждали,

Весною, летом, по ночам,
Спускались к этим берегам,
Места поглуше выбирали
И речи страстные шептали.
Здесь повесть рабства и тоски
Ему рассказывала Надя,
На волны темные реки
С тупым отчаянием глядя.

25 марта 1884

⟨21⟩

Но и тогда еще волненье *л. 38—39об.*
Вряд было б глубже и сильней
Того глубокого смятенья,
Что ощущал он при вступленьи
В дом строгой тетушки своей.
Но на минуту оживленный
Приемом тетки благосклонной
И новым миром пораженный
Он что-то сделал невпопад,
И сам порыву был не рад;
И укоризненно и строго
Она ребенка уняла,
И длинный выговор прочла,
Полушутя; она нашла
В ребенке недостатков много
И кротко упрекала мать:
— Ребенка надо воспитать. —
И снова мальчик мой смутился
И покраснел, и застыдился.
И на холодные черты
Полуувядшей красоты
С досадой тихой и упреком
Глядел в молчании глубоком.

И день прошел, и два, — и вот,
Пред ним жизнь новая встает,
И в ней ребенку все так ново,
Необычайно и сурово!

Его свобода отнята,
Скучна ребенку та обитель,
В которой он невольный житель.
И часто детская мечта
В далекий милый край несется.
Порой задумается вдруг
Стоит, глядит, не шевельнется.
И видит он знакомый луг
И речку, что чрез город вьется.
Он с удивлением глядел,
Как город ⟨ ⟩ шумел.
Привыкнуть долго не умел,
И часто робкая слеза
Ему туманила глаза.
И в сердце тягостное жало
Тоски свой острый яд вливало.
Давно уже была полна
Тоской мучительно-угрюмой
И злобной, и строптивой думой
Его душа, как моя песнь.
Но злоба тяжкая болезнь.
Что ненавидеть, что страдать,
Слова различны, но значенье
Одно: тяжелое мученье.
Все безразлично презирать
Возможно ль юною душою?
В ней даже ненависть сама —
Дитя, рожденное тоскою
Любвеобильного ума.

19 марта 1882
У⟨чительский⟩ И⟨нститут⟩
Вечер, в постели

⟨22⟩

л. 39 И жадно он любовной встречи
Душою страстною искал
И по ночам один шептал
Он необузданные речи.
Минуло осемнадцать лет, —
А он ни разу не влюблялся,

Лишь потому, что не встречался
Любви восторженной предмет.
Он не слагал горячих стансов
Красивым женщинам; романсов
В угоду им не сочинял,
И по ночам, с тоской прилежно
У темных окон не вздыхал,
Томясь любовью безнадежной.
Ни девы ветреной и нежной,
Ни женщин зрелых не любил.
Нельзя сказать, чтоб ненавидел,
Но он их очень мало видел
И с ними слишком скромен был.
И то сказать — он мало жил!
Но он завидовал глубоко
Иным, счастливейшим, порой,
И от жестокого порока
Рвался горячею душой
К союзу с девой молодой.
Мечта рисует своевольно
Ему прекрасный идеал —
И сердцу трепетно и больно,
И холод душу проницал.
Но, полон тягостной печали,
Ласкал он милые черты
Необычайной красоты,
Которой очи не встречали
В бездонном мире суеты.
И сладострастною мечтою
Свои досуги наполнял,
И наслаждался красотою,
И силу гордо он сжигал,
Когда пресыщенный лежал.
И снился сон ему порою,
И снилась страстная мечта,
Полна любовью и тоскою
Пред ним вставала Красота.

[В лесу и т. д.] Тогда сладострастие оставляло его.

В толпе товарищей своих,
Казалося, нашел он друга,
Судьба свела нескоро их,
Хоть невеликая услуга
Была та дружба...
Их свело
В характере обоих сходство:
В наивном мальчике светло
Горело то же благородство.

⟨23⟩

л. 39об.

И он не раз уже влюблялся,
Но никогда не объяснялся
И тихо страсть свою таил.
⟨ ⟩ грустил.
Слагал задумчивые стансы
Немой красавице своей
И, страсти полные, романсы
И песни посвящал он ей.
И прятал, и хранил тоскливо,
Как рыцарь дряхлый и скупой,
В своих подвалах боязливо
Хранил ⟨ ⟩ золотой.

⟨24⟩

л. 40–40об.

Мальчишек резвых рой веселый,
Бегущий отдыхать из школы,
Они играют и бегут,
И звонкий шум толпы нестройной
Вдруг раздается там и тут,
Многоголосый, беспокойный.
В сторонке робкий новичок
Стоит растерян, одинок,
Тревогу в сердце ощущая.
И в круг веселый не вступая.
А вот и дом, где будет он,
Как птичка в клетке, заключен.
Хоть рано звать его тюрьмою,
Но был он мрачен, как она;
Он в два этажа вышиною,

Его кирпичная стена
Была угрюма и красна.
Заграждены решеткой ржавой
Окошки нижние, чтоб в них
Глухою ночью вор лукавый
С отвагой дерзкой не проник.
Из дуба крепкие ворота
Воздвигла алчная забота.

Когда ⟨б⟩ ребенок мог понять,
Что будущность ему сулила.
Когда бы знал он, что грозила
Необходимость угасать,
В теченье долгих лет, слабея,
И, наконец, в тоске немой,
Упасть, как падает лилея,
Измята грубою рукой, —
Как трепетал бы и боялся,
С каким бы стоном он метался!
Как умолял бы мать свою,
Исполнен трепетной боязни,
Спасти его от лютой казни,
И не вводить его в семью,
Где место лжи и неприязни.
Но он понять того не мог.
И без сомненья, без тревог,
С одной стыдливостью смущенья
Переступил он чрез порог,
В обитель темного паденья.

⟨25⟩

Срубили дуб, а слабый хмель, *л. 41–41об.*
Который вкруг его лепился,
Бессильно на землю склонился,
Росою плачет он. Тебе ль
Поднять свой стебель утомленный
И без опоры зацвести?
Твоя судьба — опять ползти.
Хотя на плéтень повалéнный
И бурею прибитый ствол.

И он ползет — и вновь зацвел.
«Но как? Куда я сына дену?
Как проживу?» — грустит она.
Но вот зовет к себе Елену
Варвара Павловна: нужна
Ей ключница. Тотчас решилась
Елена ехать: продала
Избу, попутчика нашла,
Могиле мужа поклонилась,
С родней своею распростилась.[1]
Покинут скоро городок,
Елена грустно уезжает
В телеге тряской, а сынок
Дороге радуясь, болтает.
Был свеж осенний ветерок,
А солнце нивы золотило,
И горсть червонцев на ручей,
Сковав из золота лучей,
Бросало щедрое светило.
Мелькали села и поля,
Леса в осеннем их уборе,
И волновалася земля
Колосьями, как в бурю море.
А между них во все концы
Грачи сновали, как гонцы.
Со стуком катится телега
И однозвучно бубенцы
Не умолкая от разбега,
Гремят, и тягостен их звон,
Вокруг он гулко раздается,
Но им ребенок восхищен,
Ему так радостно смеется.
Глядит он, как за ним бежит
Пыль по дороге каменистой,
Как в стороне порой шумит
Холодный ключ волною чистой.
И телеграфные столбы
Мелькают длинной вереницей.

[1] *На полях карандашом*: Слишком скор переход.

⟨26⟩

Скупость *л. 42*

В народе говорят не глупость.
[Варвара Павловна была,
Признаться надо, бережлива,
Не расточительно жила.]

Гостеприимство, говорят,
Черта славянского народа.
Та любопытная черта
Видна в дворянах и крестьянстве.
Но в мужике она не та,
Что в нашем городском дворянстве.
Не обеспеченный ни в чем,
Хозяин — нынче, завтра — нищий,
Мужик радушно с мужиком
И с барином делится пищей.
У них не пышный хлебосол,
Меню все то же: щи да каша, —

Обед готовят для себя,
Но не откажут незнакомцу.

⟨27⟩

Непониманье злых невежд *л. 42—42об.*
Паденье радостных надежд,
Разбитых злобою жестоко,
Не раз терзало в прежни дни
Любвеобильного порока, —
И зажигалися огни
Костров; во имя вечной веры
Людей терзали лицемеры.

Картины кровожадности

Давно, давно, в кровавый век
Беспечно люди говорили:
Волк человеку человек, —
И поговорки не забыли
До наших дней. Все та же мгла,
Могильный мрак немого гроба,

И над землею залегла
Могучих предков наших злоба.
Души возвышенной любовь
Пигмеев племя не спасает,
И дерзко молодую кровь
Палач наемный проливает.
Известны нам сказанья зла
И преступлений темных повесть,
Но лицемерно замерла
В пигмеях развращенных совесть,
И малодушная молчит.
И, как рабы, мы проклинаем
Того, в ком совесть говорит,
Кто умер, злобою терзаем.
Но кровожадней палачей
В семье сокрытые тираны,
И глубже, крепче и больней
Они врезают в сердце раны.
Их злоба темная дика,
Ожесточение ужасно, —
Надежда счастья далека,
А примирение напрасно.
Им невозможно удержать
Потока речи ядовитой,
Привычно сделалось — терзать
Своею ненавистью скрытой
И лицемерно лобызать,
И сеять в сердце молодое
Коварной лести семена.

Как жизнь народа
Течет доныне с давних пор:
Свободе нет пути и входа,
Пороку — место и простор.

⟨28⟩

л. 43–43об.

Жила надеждою одною
Его измученная мать.
Но неразвитою душою

Порока тяжкого понять
⟨   ⟩ не умела,

Надежда гасла и слабела.

Она по-женски малодушна
И, как все женщины, слаба,
Судьбы покорная раба.

Тоскливо жизнь ее текла,
Полна отравы ядовитой,
И чашу ненависти скрытой
Она до капли испила.
Несправедливые упреки
Так были злобны и жестоки,
И оскорблений мелких ряд
Ее преследовал сурово,
Порою зажигался ад
В дому приличном из-за слова,
Что выходило невпопад.

Душа Елены раздражалась,
И полон был строптивый ум
Тоскливо невеселых дум.
Порой уйти она пыталась,
Но каждый раз мирилась.
И с каждым годом все мрачней,
Суровей делалась Елена.
Строптивей делалась она
И в обращеньи неровна.

И сын любимый ею был
Болезнен, робок и уныл.
Какая пытка: увяданья
Любимой жизни наблюдать,
И непонятное страданье
Душою чуткой подмечать.
Но в чем оно? О чем тоскует
Ее дитя? Что за недуг
Его томит? — Мятежный дух

Напрасно ропщет, негодует,
Клеймит упреками судьбу,
Людей бездушных проклинает:
Судьба преступную рабу
Слепою яростью карает.
Не порвала ты тех цепей,
Что с колыбели ты носила.

⟨29⟩

л. 44—44об.

На игры уличных детей
Глядит он с завистью невольной, —
И копит гнев в душе своей,
В душе, лениво недовольной,
Бессильный гнев на этот гнет,
На эту мрачную могилу,
Где он безвременно убьет
Свою талантливую силу.
Где развратится он душой,
Где он привьет к себе пороки,
И в первый раз в душе больной
Услышит совести упреки.
Бессильный гнев! В ином краю,
В иные дни его вспомянет
И сердцем робким проклянет
Всю жизнь развратную свою!

Не знал он общества детей,
В тоске ребяческой своей
Он не бывал утешен другом,
И вдруг томительным недугом
Он занемог; развратный рой
Мечтаний детски-неразумных
Ему ниспослан был судьбой
В замену игр беспечно-шумных.
И стал он робок, как больной,
Угрюм и хил, застенчив, бледен.

⟨30⟩

л. 45—45об.

Тепла пуховая перина.
Его не будят, а к чему

Поторопиться самому?
Ничто веселое не тянет
Его поранее вставать.
И он один; так рано встанет
Да и уйдет сейчас же мать.
И вот он, лежа на постели,
Мечтает; страшные мечты!
Какие мрачные черты
Они в душе напечатлели!

Ни друга, ни спасенья нету,
В своей семье он одинок,
И не одну уже примету
На нем оставил злой порок.
И те глаза, что прежде живо
На все глядели и пытливо,
Теперь тусклы, и огонек,
Который ярко в них светился,
Теперь потух, и заменился
Какой-то робостью немой,
Какой-то смутною тоской.

⟨31⟩
(ср. ⟨18⟩, ⟨19⟩, ⟨46⟩)

Она мальчишек не терпела, *л. 46—47об.*
Но крестника любила так,
Как любят кошек и собак,
И если не было ей дела,
Чуть не носила на руках,
И целовала, и ласкала,
Но знала, что полезен страх,
И баловать не позволяла.
Без многих нынешних затей
Игрушкой новою своей
Она со скуки увлеклася,
И воспитанием его
Сперва прилежно занялася.
Конечно, тут важней всего,
Чтоб мальчик был приличен с виду,
И, чтобы глядя на него,

Ей не почувствовать обиду,
Сравнивши крестника с другим.
Что ум, ученость? Это дым,
Порой безверия примета.
Необходимое для света
Получит в школе он потом;
К чему же больше? Но о том,
Что можно нравственное чувство
Еще в ребенке развивать,
Когда же было ей понять?
Одно знакомо ей искусство:
Сердца кокетством волновать,
Искусство нравиться мужчине,
Позировать, как на картине,
Казать, с талантами купца
Товар с казового конца:
И быстрый взор, и стройность стана,
И незаметные румяна
За краску нежного лица.
Полна притворства и обмана,
Молве людской покорена,
Себялюбива и ничтожна,
Могла ль не веровать она,
Что жизнь иная невозможна,
Могла ль не веровать, что ложь
Царит над лживою толпою,
Что правдой счастья не возьмешь,
Как лбом стены не прошибешь,
Как шар земной одной рукою
Назад, на запад, не вернешь?

Не воспитанье — дрессировка
Была для мальчика нужна.
Со скуки этим делом ловко
Усердно занялась она.
За неприличные привычки
Она ему давала клички
И сорванца, и шалуна.
Учила вежливым манерам,
Старалася ему внушить,

Что быть приличным кавалером
Вполне он должен, не срамить
Собою тетушкина дома,
И при гостях не походить
На деревенского облома.
Ах, он ли, смелый и живой,
Вдруг станет шелковым барчонком?
Он, в тесной клетке запертой,
Глядит откормленным волчонком.
Волчонок станет ли ягненком?
Заговорит ли соловей
Скороговоркой попугая?
Нет, песни вольные полей
Поет он; клетка золотая,
Что в душной комнате висит,
Ему полей не заменит.

⟨32⟩

И часто бедный городок *л. 48–48об.*
Он вспоминал, где был он весел,
Где в доме лавки вместо кресел,
Но где он не был одинок,
Где вместо этой тетки строгой
Одною жизненной дорогой
Толпа веселая с ним шла,
И жизнь была так весела;
Где было платье не из шелка
На теле крепком и живом,
Где жил на улице, а в дом
Он возвращался ненадолго.
Где необутою ногой
Он мял цветы родного поля,
И где средь жизни трудовой
Еще над ним царила воля.
Он покраснел бы до ушей,
Когда б босой пошел из дому;
Нет, даже в комнате своей
Не пробежать ему босому.
Нрав человека переменчив:
Как прежде был он смел и жив,

Так ныне стал он и застенчив,
И как-то странно боязлив.

Его секла нередко мать
Там дома, — часто очень больно.
Под жгучей розгою довольно
Пришлось ему там покричать.
Хотя в рубцах бывало тело,
Хоть брызгала порою кровь,
Но от побоев не скудела,
Питаясь ласками, любовь.
Отодранный на обе корки
И поневоле присмирев,
Он на другой день после порки
Позабывал недавний гнев.

⟨33⟩

л. 49—49об. И эти силы поддержали
Его могучий организм,
Хотя безжалостно ломали
Его тоска и онанизм.

Наследство мрачное Онана,
Что перед братнею женой
В долинах древле Ханаана
Блудил преступною рукой,
И изливал на землю семя!
Тебе я песнь свою пою,
Тебе, губительное бремя...

Но быстро начал он хиреть,
И прежнюю сменила живость
Необычайная пугливость.
Как рыба, пойманная в сеть,
Он в новой сфере задыхался,
И что ни день, то все сильней
Суровой тетушке своей
С ее угрозами боялся.

Она мальчишек не терпела,
Но крестника любила так,

Как любят кошек и собак,
И, если не было ей дела,
Чуть не носила на руках,
И целовала, и ласкала,
Но знала, что полезен страх,
И баловать не позволяла.

Но все же часто он скучал,
Бродя тоскливо да вздыхая,
Ничем не занятый, мечтал,
О прежней жизни вспоминая,
Когда он с матерью своей
В избушке бедной жил на воле
И целый день возился в поле
С толпою сверстников-детей,
В одежде легкой и свободной,
Неприхотливой, босиком,
И даже осенью холодной
Он редко возвращался в дом.
От той поры свободной, милой
Ребенок много сохранил
Телесных и душевных сил
В среде угрюмой и унылой.

Ах, как он скоро изменился.
Прошел один лишь только год
И он не тот, совсем не тот.
А время все себе идет.
Он новой жизни подчинился,
К порядкам новым он привык,
И лет в 12, как старик,
Владеть собою научился.

⟨34⟩

Покажем вам его страданье, *л. 50–50об.*
Его любовь, его порок,
Его немое увяданье,
Страстей бессмысленных поток,
И детства темного влиянье,
Когда бессилен, одинок

Он пал, не ведая паденья,
Не зная меры преступленья.
И на себя он сам взвалил
Онана гибельное бремя,
Который на землю излил
Перед женой своею семя, —
И этой ношей надломил
Себя в короткое он время,
И сильный телом и душой
Погиб он раннею порой.

Но, по обычаю поэтов,
Онана память не кляну
И запретительных советов
Беспечной юности не шлю.
Она чиста, она прекрасна,
И не сама она падет.
Ее к погибели ужасной
Седая старость приведет.
Не зная скверны и порока,
Ребенок — ангел во плоти,
Но как он падает глубоко
На опозоренном пути!
Какую гибельную чашу
Ему мы в детстве подаем,
И нашу смерть, отраву нашу
Мы в детский ум его прольем.
Мы заразим порочной злобой
Все силы светлого ума,
Которым шли в годину мрака
Под гнетом тягостных цепей,
А если чистым сохранится...

Продолжение вписано карандашом:

Закован в цепи ⟨*1 слово вымарано*⟩
Он жизнь обманную встречал,
Никто ему высокой цели
В немой дали не указал.
Но жизнь идет, как жизнь народа

Текла доныне с давних пор:
Свободе нет пути и входа,
Пороку место и простор.
И пал — и кто в его паденьи
Живую юность обвинит?
На прошлом родины лежит
Позор тяжелый преступления.

Рядом на полях:

Какие мрачные виденья
Смущают тихий детский сон!
Преступной жизни впечатленья
Навечно сохраняет он.
Утратив девственную живость,
Свою наивную игривость,
Растленным миром окружен,
Он рано гибнет для свободы
И вырастает он как раб
Вдали от матери-природы,
Душою низок, телом слаб.
Мы знаем: есть благие всходы,
Лежат святые семена,
Но чтоб взошли они, нужна
Благословенная весна.

⟨35⟩

Настала юности пора, *л. 51об.*
Пора любви, надежд, добра,
Пора стремлений безотчетных,
Страстей капризно-мимолетных
К любви стремящейся души,
Полусознательных желаний,
И упоительных страданий
Полуподавленных в тиши.
Неволей детскою скучая,
Он о свободе тосковал,
О славе, счастии мечтал,
Стихи наивные слагая.
Так, видя признаки весны,

Тоскует соловей в неволе
И рвется в блещущее поле,
В гнездо оставленной жены.
Поет он, грустный и унылый,
Поет в неволе одинок,
И юною любовной силой
Прекрасный дышит голосок.

И в звуках песни одинокой
Веселых нот не раздалось:
Они полны горячих слез,
Тоски томительно глубокой.
Он в песнях страстных проклинал
Свои безумные пороки,
Он в них тоску свою влагал,
Свои горячие упреки.
Порою чистый идеал
Он создавал; к нему стремился,
Как божеству ему молился.

Но коротка была борьба;
Его душа была слаба
И, как послушная раба
В своем бессилии жестоком,
Она склонилась пред пороком.

И снова жизнь его текла
Однообразна и уныла,
И снова тратилася сила.
Хоть велика она была,
Но смерть незримо приходила.
Тогда он полюбил романы

Чтение: [«Золотой осел» Апулея. Поль де Кок. Сервантесов «Дон Кихот». «Робинзон». Голдсмит. Филдинг. Смоллетт. Гете: «Фауст», «Вил⟨ьгельм⟩ Мейстер». Вольтеровы романы и повести.]

Все, что есть лучшего на свете,
Он перечел.
Он друга узнавал в поэте.

Чтение: Гомер. Вергилий. Скука, сочувствие к Терситу, забавляла драка богов. Вергилий — [бросил в начале.] Читал по обязанности. К классике чувствовал отвращение. «Золотой осел». Поль де Кок, не нашел его слишком пикантным и бросил.

Вольтер. Отвращение к эпосу и любовь к заун⟨ывным⟩ народным песням. «Дон Кихот». Гете и Шиллер. Дант. Шекспир. «Робинзон». Голдсмит. Фил⟨динг⟩. Смоллетт. Некрасов. Достоевский. Гофман. Шпильгаг⟨ен⟩. Ауэрбах. Гейне. Жорж Занд, Бальзак, Флобер, Фрейтаг, Доде, Золя, Гонкуры, Диккенс, Теккерей, Байрон.

⟨36⟩

И вот настал печальный день, — *л. 52—52об.*
День первый страш⟨ного⟩ ученья;
Ребенок полон был томленья
И неподвижен, как тюлень.
Нельзя сказать, чтоб было лень
Ему от игр оторваться
И поприлежнее заняться —
Играл он мало, и скучал,
И часто почитать желал,
Завистливо на книги глядя.

Томяся бездействием, оторванный от детской игры, запертый среди пошлости взрослых — он с завистью глядел, как тетка коротала свое бесконечно длинное время, не все занятое гостями, за чтением газет. И ему хотелось научиться. Но тетка пугала его. Наконец, она поехала за азбукой.

Играл он мало, и скучал,
Томим бездейственною скукой
Порой стремился он к труду —
Но где бы не знакомы с мукой
Ребята были — не найду
Я в мире места, хоть пройду
Его от края и до ⟨кр⟩ая.

Мы видим много новых школ,
Довольны, многого не зная,
Детей по-прежнему терзая,
Наш век недалеко ушел.
Боятся чаще педагога,
Чем любят, дети, — впрочем, я
Сказать об этом мог бы много,
[Но впереди] ⟨ ⟩ педагога
Нельзя винить в том очень много.

[Я видывал школы.] Что ты делаешь в школе?

Мы в классе соберемся,
Шумим и деремся,

Кричим и стучим,
Урока учить не хотим,
Учитель сердитый
Войдет — мы молчим,
Молчим, как убиты.
[Но зорок и страшен
Учитель у нас,]
Стоим на коленях
В неделю не раз.

⟨37⟩
(см. ⟨64⟩)

л. 53—54об.

Как убегает деревень,
Лугов и пашен цепь двойная,
Как по земле несется тень,
Когда, от солнца закрывая,
Промчится тучка снеговая,
Как телеграфные столбы
Мелькают длинной вереницей,
Как над работами севбы
Снуют прожорливые птицы,
Как по желтеющей траве
Листы увядшие катятся, —
Все смотрит он, и в голове
Вопросы новые теснятся.
Что это? как и почему?
О всем он спрашивает живо, —
И мать, что знает, то ему
Ответит кратко и лениво.
Но мало детскому уму
Тех слов; и жадно и пытливо
И то ребенок хочет знать,
Чего не понимает мать,
И не добившися ответа,
Он долго думает, грустит,
Покуда новой тайной света
Его дорога не прельстит.
Повеет с запада прохлада,
Вернутся в пастбища стада,
И в темном небе, как лампада,

Зажжется первая звезда.
Ночлег уж близок, все стихает,
Встает туман; один ручей
В тиши задумчиво играет
Волной холодною своей.
И он устал, но не объяла
Ребенка тягостная лень.
В душе встревоженной вставало
Все, что он видел в этот день.
И долго, долго до полночи
Лежит он, не смыкая очи.
Преображенные, встают
В мечтаньях образы дневные,
Они в душе его живут
И ей присущи, как живые,
Как часть души его; и в них
Душа старается осмыслить
Значенье образов живых,
Чтоб ими чувствовать и мыслить.

Но вот и цель пути близка.
Сияет монастырь крестами,
Белеют стены, и река
Между крутыми берегами
Как лента с желтыми каймами
Лежит, гладка и широка.
Уперся в берег вал старинный,
Как память крепости былой;
Вот в стороне стены остаток,
Он встарь угрозой боевой
Горел, а ныне куропаток
Стреляют только под стеной.[1]

⟨38⟩

И, бедный мастер, пил бы он, *л. 55—55об.*
Трудясь с запоя до запоя,
Угрюмым миром окружен,

[1] Идентичный фрагмент имеется в папке с рабочими и подготовительными материалами: ИРЛИ, ф. 289, ед. хр. 539 а, л. 35.

Не зная счастья и покоя.
Внезапно резкий поворот
В судьбе ребенка совершился;
Ему пошел седьмой уж год —
Отец слабее становился,
И наконец, в печальный час,
Женой оплаканный, угас.
Лежал недолго он в постели:
В Преображенье захворал
И лег — и через три недели
Уж на столе в гробу лежал.
И было в жизни Николая
То горе первое: тоской
Объятый, тягостно рыдая
Над охладевшею рукой,
Поник он в страхе, обнимая
Охолоделый прах отца.
Но горе, горе без конца
В лице Елены отражалось.
Как будто что-то навсегда
В душе смиренной оборвалось.
Как будто что-то без следа
Для бедной жизни потерялось.
Да, как те годы ни прошли,
Они навек ее сковали,
И на душе ее легли
Цепями счастья и печали.
Сын был так мал, — а в дверь вдовы
Нужда и голод уж стучали.
Как не клонить ей головы?
Как не рыдать о нем? Доныне
Ее ребенка он любил,
Как о своем, заботясь, сыне,
Его он холил и растил.
Он грех ее давно простил.
Раба смиренная простила
Ему тот путь, где столько сил
Она бесплодно загубила.

⟨39⟩

Меж статуй и картин стоит л. 56
Без одеяний Афродита,
И мрамор жизнию горит,
В нем сила чудная разлита.
И видит удивленный зритель,
Что улыбается она,
И что безмолвная обитель
Ее красой оживлена.

Ее душа богата силой,
В ней много страсти неостылой.
И вновь
В ней разгорается любовь.
И снова сердце жизни просит,
И снова страстная волна
Ее хватает и уносит,
И отдается ей она.

⟨40⟩

Всегда причесан очень гладко, л. 56об.
Умел он улыбаться сладко
И глазки щурить, словно кот.
Был мелкой одарен душонкой
И мог за каждою девчонкой
Приволокнуться. Он не мот:
Его карман наполнен слабо,
Да будет время — он найдет
Себе невесту. Словно баба,
Он сплетни любит. «Идиот!» —
В порыве резкого презренья
Зоил NN его зовет...
Но слишком крайнего сужденья
Не одобряю я: в наш век
С удобством может человек
Взять на прокат не только платье,
Но и достаточно ума.

⟨41⟩

л. 57

Огня жалея, рано мать
Его укладывала спать.
А утром он всегда ленился
И зачастую позабыт
В постели, где уж он не спит,
Вставать никак не торопился.
И часто ⟨ ⟩ в ночи
Подушки были горячи.

⟨42⟩

л. 58—59об.

Повсюду тягостная лень
В горячем воздухе разлита.
Склонясь над речкой, задремал
Осилен зноем, городишко,
И каждый ветхий в нем домишко,
Как старец, тихо почивал,
Закрывши ставни, словно очи,
И в тихий сумрак полуночи
День своенравно превращал.
Не спали только ребятишки,
Босые прыгали мальчишки,
Играли, несмотря на грязь,
По грязи пачкать не боясь
Свои привычные ножонки,
Одежды, лица и ручонки.

В домах все тихо; лишь ревет
Ребенок где-то недалеко:
Должно быть матушка сечет
Его за что-нибудь жестоко.
Порою брань из кабака
В прогнившем воздухе несется
И в детском слухе остается,
Бесчеловечна и дика,
Порою звучно раздается
Удар удачный кулака,
Порою смех, порой рыданье,
А чаще мертвое молчанье.

Как будто жителей здесь нет,
И невредим, от древних лет,
Умерший город сохранился.

Проснулся город в этот час,
Картина тягостного быта,
Все то, что в полдень было скрыто,
Вновь выступает напоказ.
Идут, зевая, мужики
К своим телегам от харчевни,
И едут, сонны и легки,
К своей заброшенной деревне.
Как тени, заспанные лица,
Отвсюду медленно идут,
Соседки-кумушки несут
Свои пустые небылицы.
Лабазник толстый на крыльцо
С своей супругою выходит,
И отерев платком лицо,
Глазами заспанно поводит,
Идет по улице большой,
Лениво, словно боров жирный,
Что в этот час в грязи густой
Лежит в своей отраде мирной.
Купчина жиром весь заплыл,
Жирна дородная супруга.

(Жирный лабазник и его супруга. Их толстый сын. Видные люди. Аристократия. Общая картина. Дети. Да кто же они?) Он идет по большой улице, ведя под руку жену, степенно и важно. Он толст, как боров, что в это время валяется в луже. Шея его красна, как кумачный платок, которым он беспрестанно утирает свое вспотевшее лицо. И как не вспотеть от этого труда: одного жиру хватило бы на сотню сальных свечей, жиру, который можно вырезать из этого безобразно-вздутого брюха. Лицо его, красное и потное, заплыло салом; злые, маленькие глаза заспанно и тускло глядят из-под щетинистых бровей. Рядом с ним дородная супруга такой же толщины, баба в русском вкусе, жирная и румяная, такая же ⟨как⟩ муж, с теми же крысьими глазами, с таким же бессмысленно-глуповатым и черствым, холодиным выражением лица. За ними идет сын, упитанный мальчик, красивый, как баран, в лице которого ума столько же, как в этом безобидном животном. Придет пора, и этот мальчишка, купеческий сынок, если не растр⟨атит⟩ отцов⟨ское⟩ достоя⟨ние⟩, будет во всем подобен отцу. Это, конечно, идеал воспитания! Бедные люди кланяются им, и они высокомерно качают им головами. Городской аристократии они подобострастно кланяются. И дети бедняков смотрят с завистью на завитого барана, купеческого сынка, а

дети чиновника оглядывают его с детским наивным пренебрежением. На улице дети проходят курс социальных отнош⟨ений⟩, и вбирают в свои неопытные души липкую грязь порока. Бедные дети! И здесь, в этом душном кругу, будет расти и мой герой? Но кто же он? Чины, звания, занятия его родителей, ничего еще ⟨не⟩ сказано: спешу поправить свою ошибку и на основании подлинных документов о происхождении его имею честь доложить:

[Купчина красен, как кумач,
Красна купеческая шея.]

Купчина красен, как платок, которым он ежеминутно стирает пот.

Пот льется градом,
Влачит он бремя живота,
Вздыхая тяжко; рядом
Его жена своим нарядом
Безвкусным сильно занята.
Лицо бессмысленно и тупо;
Лениво тусклые глаза
Глядят рассеянно и глупо.
Картины ветхой нищеты
Не возбуждают сытых взоров,
Спокойны резкие черты.
Не видно совести укоров,
Его дородная жена,
Крута, румяна и красна.
С такими ж глупыми глазами
За ними маленький сынок,
Упитанный и шаловливый,
Что попивает уж чаек
За двух...

⟨43⟩

л. 60 Она была ему чужда,
Ее дичился он всегда —
И чувство горькое смущенья
И бесконечного стыда,
В себе он чувствовал так живо,
Когда она в сердцах

⟨44⟩

Но все ж поет он, услаждая л. 60—61
Сердца ленивые людей
Красивой песенкой своей.
Поет, к неволе привыкая?

К тюрьме легко привыкнуть нам,
Как будто издавна к цепям
Уже привыкли наши руки.
Под иго самой лютой муки
Любой из нас склонится сам.

И как душе живой ни чужды,
Ни отвратительны сперва
Всей этой пошлой жизни нужды,
Все эти лживые слова, —
Она себе легко усвоит
Среды испорченной черты,
И скоро, скоро успокоит
Свои строптивые мечты.

Каким путем, какой борьбою,
Какою ломкой роковою
Дойдет ребенок до того,
Что нужно ей — какое дело!
Тот, кто не знает ничего
И рвет, и ломит очень смело.

⟨45⟩

Запрет на уличные игры л. 61об., 62
Ребенку строгий положен.
Зачем трепать друг другу вихры?
И покоряться должен он.

Теперь его уж не пускали
На двор с ребятами играть,
Весьма прилично одевали,
Кормили сытно, не давали
У двери отпертой стоять, —

Чтоб как-нибудь не простудился.
Не смел он бегать босиком, —
Заботиться б пришлось об нем,
Когда б в постелю не свалился.

⟨46⟩
(ср. ⟨18⟩, ⟨19⟩, ⟨31⟩)

л. 63, 63об.

Она мальчишек не терпела,
Но крестника любила так,
Как любят кошек и собак,
И если не было ей дела,
Чуть не носила на руках,
И целовала, и ласкала,
Но знала, что полезен страх,
И баловать не позволяла.
Не то чтоб нравственность его
Она ревниво охраняла,
Приличия — важней всего
Особам этого разбора;
Они ребенка развратят,
Лишь волю дайте — очень скоро,
Пусть только люди говорят,
Что этот мальчик так приличен,
И очень ловок, скромен, мил.
Им нужно, чтобы свет привычен
Душе ребенка с детства был,
С его неправдой роковою,
С высокомерной пустотою.
Что за дикарь — и дрессировкой
С самодовольною сноровкой
Усердно занялась она.
За неприличные привычки
Она ему давала клички
И сорванца, и шалуна.
Учила вежливым манерам,
Старалася ему внушить,
Что быть приличным кавалером
Вполне он должен, не срамить,[1]

[1] *По верху чернильного автографа записан текст карандашом ст. 15—45 фрагмента 31.*

⟨47⟩

Никто из них понять не мог *л. 64, 65*
Его ужасного недуга.
И он без помощи, без друга
В борьбе тяжелой изнемог.
Один — а сердце молодое
Искало счастья и любви!..

И жадно в сердце он желал
Любовно-сладострастной встречи
И ночью, одинок, шептал
Он необузданные речи.
Минуло восемнадцать лет:
Застенчив, мало зная свет,
Однако он не раз влюблялся,
Но пред красавицей своей
В любви ни разу не признался.
И в глубине души таил
Любви неясной впечатленья,
И с ночью темною делил
Порочной воли наслажденья.
Порой красавице своей
Слагал он страстные романсы...

В притон продажный наслаждений
Зашел он как-то, не одет,
И ушел с отвращеньем.

После 1-й любви — его настоящие посещения (жен⟨щин⟩).

⟨48⟩

Так бьется трепетная дева *л. 66*
В невольный брак увлечена,
Полна подавленного гнева,
Тоски и робости полна.

⟨49⟩

Конечно, с матерью он жил, *л. 67*
Но, занята всегда трудами...
Тепличной жизни новичок

В ней был он сердцем одинок,
Ему друзей недоставало.

⟨50⟩

л. 67 Его поношенный наряд
Нарядом новым заменили;
Сперва его кроили, шили
Серьезно, словно бы обряд.

⟨51⟩

л. 67 Повсюду гладкие паркеты,
На окнах пышные цветы.
Угрюмый мрачный этот дом
Построен дедом-кулаком,
Обширен, прочен, неудобен,
Тогда он был тесней и проще,
Пропитан запахом лампад,
Что пред икона⟨ми⟩

⟨52⟩

л. 67об. Бежать на улицу — играть
С толпой мальчишек босоногих...

⟨53⟩

л. 68 Раз перед праздником зашла
Модистка маленькая, Надя,
И шляпку тетке принесла.
На босоножку эту глядя
(В провинциальном городке
Сама хозяйка дома ходит
Без башмаков и налегке,
И учениц босыми водит),
В себе почуял Николай
Впервые странное смятенье, —
В душе боролись ад и рай,
Мелькали грезы и виденья.
Не думал он, что то любовь, —
Он просто был в чаду и грезе,
Его мечта все вновь и вновь,
Как соловей к пахучей розе,

Стремила к Наде. Гибкий стан,
Полупотупленные глазки,
Опарны плечи, что тюльпан,
На щечках — розовые краски.

⟨54⟩

Все это вспомнил он — и вновь *л. 69*
В нем бурно взволновалась кровь,
И сердце пламенем могучим,
Неотразимым, лютым, жгучим,
Зажгла убитая любовь,
И гнев, тоска, негодованье, —
Душевных сил гроза и ад
Под льдом сурового молчанья
В душе испуганной царят.

25 марта 1884, 1890

⟨55⟩

И в первый раз он зарыдал, *л. 69об.*
И землю смерти целовал,
И клятвы мщения давал.

⟨56⟩

Еще на узенькой дорожке *л. 69об.*
Ему казалися видны
Следы ее разутой ножки.

⟨57⟩

Но суждено ему судьбою *л. 69об.*
Не умереть, покуда он
Своею страстною душою
Не обоймет со всех сторон
Все содержанье жизни темной,
Все, что нас мучит и гнетет.

Типы молодого поколения еще более дряблые, чем он сам. Общество относится к революции, как робкий онанист. Он⟨анист⟩ смело вкусил запретного плода, — и, разбитый телом, отверг все авторитеты и рутину. Беспредельно смелый и свободный дух. Никогда не установится. Вечная жажда.

⟨58⟩

л. 71 И он привык к своей неволе,
К своей ленивой дремоте,
И с каждым днем все боле, боле
Своей вверялся он мечте,
Он заключился в мир холодный
Бессмысленных и диких грез,
И много сил в борьбе бесплодной
Тот мир искусственный унес.
Он робок, стал и сам чуждался
Толпы играющих детей,
Охотно дома оставался
Над книжкой милою своей.
Читал он много, без разбору,
Что ни попалося ему,
И часто детскому уму
В ту бессознательную пору
Являлся длинный ряд картин
Из жизни громкой и далекой.
Он наслаждался — властелин
Мечты загадочно-глубокой,
Ее заманчивой канвой.
Честолюбивою душой
Объят восторгом, он стремился,
Туда, далеко, в пышный край,
Что взору детскому открылся,
В мечте его, как светлый рай.
Ребенок жаждал громкой славы,
Мечтал про бранные дела,
И упоение державы
Его мечта ему дала.
[И думал он: «Превосхожу я
Всех окружающих меня,]
Взойду я по ступеням трона
В иной, далекой стороне,
Иная, чистая корона
Наградным призом будет мне».

⟨59⟩

Люби меня! *л. 72*
— А наши дети?
— Нам не видать своих детей!
Попались мы с тобою в сети,
И не уйти нам из сетей!
Мою любовь, мои страданья
Я с грешным телом утоплю,
А ныне — я тебя люблю.
Забудем все в часы свиданья,
Нас смерть иль горе полонили,
Поверь мне, лучше умереть,
Чем жить, как мы доселе жили,
И рабство подлое терпеть.
Заутро выстрел одинокий
Навек покончит грусть твою,
А я на дне реки глубокой
Укрою голову свою
От укоризны и позора. —
И он к устам ее приник
И миг короткий наслажденья
Ей подарил. И в этот миг
Забыто горькое мученье
И шепчет *радостный* язык
Слова любви и примиренья.

21 января 1882

⟨60⟩

Когда бы вырвать от судьбы *л. 72об.*
Настойчивым трудом борьбы
И тяжесть жизни подъяремной,
И жребий пагубный и темный
Ее подавленной рабы!

[Когда бы пасть в неравном бое,
Когда бы пасть с мечом в руке,
Противоборствуя тоске,
Не помышляя о покое!

Когда бы с детства у орла
Не поломали люди крылья, —]
Какие мощные дела
Создать могли б его усилья!

7 марта 1882

⟨61⟩

л. 72об. Заря алая загорается,
И с полей туман подымается,
А в лесу звенят птички ранние.

⟨62⟩

л. 73—73об. Страстность матери. Посещает дом тетки хлыщ. Цв.— шаловливый котенок. Щурит глазки. Смешки. Обращает внимание на Елену. Пикантна Любка Розенб. Но есть невеста, купецкая дочь. Увлечение ею. Тетка и раньше ревнует ее к своим любовникам, отсюда грязные сцены. Приходит к нему и отдается. Объяснения в любви. Тетка выгоняет Елену. Елена к нему. Он отказал. Прачка. У нее родится дев⟨очка⟩. Плохо кормит, умирает. Приходит в церковь на свадьбу Ц. Сын еще в гимназии. Простуда матери, да и сын еще хуже. Примирение. Тает. Смерть.

Быть может, мой читатель, ты
В мою Елену бросишь камень,
За то, что долго страстный пламень...
Полна и сил и красоты,
Она хранила долго страстность
И свежих дум живую ясность —
Счастливой юности черты,
И рядом с этими чертами,
Как туча с днéвными лучами,
Покорность робкая рабы
Перед волненьями судьбы —
Черты знакомые нам ближе,
Быть может, родственные нам.

Мать больна, бред, ребенок в отчаянии прибегает к тетке. — Мама умирает, — и смущенный, — больше ничего. Тетка скучала. Едет, etc. Это в празд⟨ничный⟩ день в Вел⟨иком⟩ Посту, на Страстной.

⟨63⟩

л. 73, 74об. Лежал в кровати он своей,
Лежал с открытыми глазами...

Галлюцинация и поллюция в дет⟨стве⟩. Ему снится, что она пришла к нему и совокуп⟨ление⟩.

⟨64⟩

Окончание: *л. 74об.*

Умру. — Но неужели даром
Я молодую жизнь отдам?

⟨65⟩ (см. ⟨37⟩)

Вот и застава городская: *л. 75*
Проход чрез вал, а перед ним
Шлагбаум лег, пересекая
Дорогу странникам моим.
И мать и сын полны волненья,
Она вздыхает и молчит,
А он дрожит от нетерпенья,
Неясный страх его томит,
Въезжает в город; видом новым
Необычайным и суровым
Ребенок сильно поражен;
Кругом, дивяся, смотрит он:
Домов угрюмая громада
Его страшит, как стены ада;
Меж ними улицы узки,
И как течение реки
Их направленье прихотливо:
С холма на холм, неровно, криво.
Собора древнего стена
Порой дорогу заграждает;
А там на солнце крест сверкает,
Часовня тесная видна;
На мостовую, на ступени
Склонивши набожно колени,
Стояли женщины с мольбой
Перед иконою святой.
Как много новых впечатлений!
Базар проехали шумливый:
Кричит, толкается народ,
Заботы полный, торопливый
По узким улицам снует.
И мальчик в городе угрюмом
Ошеломлен был этим шумом.

И новых впечатлений хор
Нахлынул шумною волною,
Вдруг завладел его душою,
Так наполняет школьный двор

⟨66⟩

л. 76—76об.

его мать
Мне будет трудно описать.
Высокий лоб — но бестолкова,
И не развита, но умна,
То раздражительно-сурова,
То светлой лаской полна,
Ожесточенная судьбою
Ее душа была слаба;
Она стояла под грозою
Не как борец, но как раба.
А часто бушевали грозы,
Невольно исторгая вновь
Из светлых глаз немые слезы.
О эти слезы! горечь их,
Способны потушить любовь.
Туманят ли, волнуя кровь,
По виду, без следа проходят.

И в доме злобы и порока
Ожесточалася она.
Угасла понемногу сила,
Томяся грустно и уныло,
Одной надеждою жила.

Суровость тетки. Муштровка. Мальчик страдает от этого. Мать не может оказать поддержку. Он одинок. Небрежный уход. Бездеятельность. Онанизм.

⟨67⟩

л. 77об.

В его душе боролась зависть
И малодушная ненависть,
Была сильна и глубока
Его гнетущая тоска.
И жизни праздной и беспечной
Веселый пир он наблюдал
С какой-то злобой бесконечной

И с мукой в сердце, презирал
Толпы утехи бессердечной.
Не столько гордый идеал
Его от грязи отвращал,
Но жизнь сложилась так угрюма,
Так отвратительно текла,
Что с детства тягостная дума
Его товарищем была.
Толпу открыто презирая,
Он в глубине души желал...

⟨68⟩

Тяжки семейные преследования тирана. Но ужасно, когда любящая, прекрасная, кроткая женщина-мать делается орудием развращения, когда она падает сама и все ниже и ниже тянет сына! *л. 77*

Мы знаем темные картины
Из жизни множества семей,
Когда капризные рутины
Своих преследуют детей,
И самодурство без преграды

⟨69⟩

И понемногу *ед.хр. 539,*
Растаял лед его тоски, *л. 91об.*
Сказать ли, нет ли: слава Богу,
Но стали более близки
Ему товарищи. Их нужды
Сильнее трогали его,
Забавы самые не чужды
Теперь героя моего.
Он стал развязней, веселее,
Но изменился ли? О, нет!
[Все тот же он. Тоска сильнее...]
Но без сочувственной души
Жить человеку невозможно...

А1

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

ОДИНОЧЕСТВО

Поэма

ПРОЛОГ

«Моей младенческой души
В моей семье не понимали,
А были чудно хороши
Порывы грусти и печали;
Мои неясные мечты
Так были полны красоты
Наивности и увлеченья,
Что если б я до юных дней
Их сохранил в душе моей,
Мечты и светлые стремленья, —
Текла бы молодость моя
Чиста, прекрасна и свободна;
Негодованья не тая,
Не сомневаяся бесплодно,
Я все бы отдал в жертву ей,
Печальной родине моей,
И силой юного размаха
Я разрешил бы грусть мою, —
А нынче я один стою
И думу робкую таю,
Исполнен трепета и страха.
И ум бездейственный молчит,
И грудь надорвано болит,
Страдает тяжко и жестоко,
И над душой моей лежит
Проклятье смрадное порока.

Зимой (тепла была зима)
Мне стало лучше, слава Богу,
И силы светлого ума
Освобождались понемногу.
Но летний зной опять настал.
В столице душно. Я устал

Под гнетом скуки молчаливой
И светлый день, как день тоскливый,
Все с той же скукою встречал.
На страже смерть над мною встала;
Твердит мне совесть свой укор
За мой бездейственный позор,
За то, что я боролся мало.
Куда идти? Мне не достало
Могучей силы и в ряды
Дружины правды не вступая,
Иду один, иду, страдая
Страданьем гибнущей среды.
Давно один, и между мною
И этой бедною толпою
Одно лишь общее — порок,
Который мощен и жесток.
Куда ни глянь, все язва та же,
Заражена отравой кровь,
И гибнут в мелочной продаже
И убежденья, и любовь...
Во мгле всевластного обмана,
Под гнетом язвы вековой
Не я один погибну рано,
В наш век, холодный и пустой.
Мы все отцов преступных дети,
В себе мы носим отчий яд, —
Следы их дел, — и цепи эти
Над нами вечно тяготят.
Мы с детства — жертвы преступленья.
Какие мрачные виденья
Смущают тихий детский сон.
Преступной жизни впечатленья
Навечно сохраняет он.
Под маской скромного молчанья,
Утратив девственность незнанья,
Растленным миром окружен,
Он рано гибнет для свободы,
И вырастает он, как раб,
Вдали от матери-природы,
Душою низок, телом слаб.

Мы знаем: есть благие всходы,
Лежат святые семена;
Но чтоб взошли они, нужна
Теплом богатая весна.
Но в душном рабстве жизнь народа
Текла доныне с давних пор;
Свободе — никуда нет входа,
Пороку — место и простор!
И в почве, сонны и ленивы,
Гниют святые семена.
Сойди, могучая весна,
На наши жаждущие нивы!
Напой их, светлая, дождем,
И воздух освежи грозою,
И пусть гремит могучий гром
Над нашей бедною страною,
И пусть сверкают и блестят, —
Грозы разгневанные взгляды, —
Ей земледельцы будут рады
И вешний гром благословят!
И ты придешь, гроза святая,
По небу мрачному сверкая,
Придешь, когда в земле сырой
Схоронят сломанную силу,
И не дойдет уже в могилу
Ко мне твой голос громовой!

А ныне бурею иною,
Над мною небо омрача,
И зимней злобою больною
Мне в уши радостно звуча,
Судьба дорогой роковою
Меня ведет. Бушует вьюга,
И полон трепетной тоской,
Я жду неведомого друга,
Ищу заветного пути, —
Но гаснет вера понемногу,
Где ты, заветная дорога?
Где цель желанную найти?
Зову неведомого бога,

Зову без веры и любви,
С огнем загадочным в крови,
С холодной думой безучастья.
Напрасный зов! Он не придет,
Желанный бог любви и счастья,
И тьмы сурового ненастья
Больная жизнь не переждет!»

Такие тягостные строки,
Судьбе напрасные упреки,
Писал нетвердою рукой
Мой умирающий герой.
Он был угрюм, и худ и бледен,
И венерическим венцом
Его высокий лоб изъеден,
Покрытый язвами кругом.
Больная грудь, слаба и впала,
Неровно, трепетно дышала.
К его лицу порою кровь
Румянцем ярким приливала
И тотчас отливала вновь.
Глаза загадочно блестели,
И лихорадочным огнем,
Как у безумного, горели.
Высокий ум светился в нем,
И в блеске глаз его глубоких,
И в высоте больного лба.
Но силу, стройность дум высоких
Сгубила тайная борьба.

Он умирал. Какая сила
Его так страшно придавила
И на измученном лице
Резцом холодным начертила,
Как на холодном мертвеце,
Его глубокие морщины?
Какие горькие кручины
На сердце юноши легли?
Какие мощные причины
Его до гроба довели?

Он мало жил. Какая тема!
Какая грустная поэма
Пред нами встала впереди!
То будет повесть увяданья,
Тоски душевной, и страданья
Больной, измученной груди,
Любви бесследной и бесплодной,
И многих одиноких дней.
Рассказ о жизни несвободной,
В стране безвыходной моей.[1]

Глава I

Рождение. Город. Родители. Детство. Будущая жизнь. Перемена: смерть отца.

Когда, слабея понемногу,
Старик могилы ждет,
Его житейскую дорогу
Мечта рисует. Он живет
Душой в минувшем. Прихотливо
Пред ним встает былое вновь,
И грустно, и наивно-живо
Воскреснет старая любовь,
И детства радостного время,
И первой юности пора,
Когда в душе назрело семя
Величественного добра,
И все, чем долго сердце жило,
Что было дорого и мило,
Пройдет воздушною мечтой,
Наполнив грудь его тоской,
Порою грустною улыбкой
Лицо осветит, как в ночи
Свеча порой на влаге зыбкой
Бросает бледные лучи,
Он жить устал, он жизнь изведал,
Но умирать, чуть ощутив
Любви чарующий призыв,
Сойти с земли, пока не предал.

---

[1] *Последний стих вписан карандашом.*

Когда душа так жизни рада,
Когда сильна еще душа,
Когда любовь так хороша,
Когда мечта простора просит,
И тело бодро все выносит!
Безумно счастия желать,
И в то же время беспрестанно
К нему идти неутомимо,
И, в то же время, сознавать,
Что смерть уже неотразима!
Что скоро час ее придет;
Царит холодная тоска,
И малодушна и дика,
В душе испуганно-унылой;
В уме с неудержимой силой
Проходит повесть темных лет,
Картины горести и муки.
В груди рыдающие звуки
Встают, падут — исхода нет.
Рисует память своевольно
Все то, что было так темно,
Что сердцу тягостно и больно,
Над чем измучилось оно.
А этих ран на сердце много,
Темна житейская дорога.
Ее начало вдалеке:
В одном уездном городке
Что приютился сиротливо
На грязной, тинистой реке,
Родился он, когда лениво,
Свершая длинный свой обход
И озаряя небосвод,
Стояло солнце близ зенита.
Удушлив, зноен летний день,
В такой-то час на Божий свет
Герой поэмы появился.
Родился он в семье простой,
Не от купчихи иль дворянки, —
От бедной матери-мещанки,
Вблизи заставы, над рекой,

Где все запущено и грязно,
Строенья стары безобразно,
Где в грязных домиках живет
Лишь бедность да простой народ,
Ремесленники и мещане,
Да подгородные крестьяне.

Отец — сапожник городской,
Трудолюбив, хоть небогатый,
Но не знакомый с нищетой,
Довольный небольшою платой,
Своей судьбою и женой.
Благочестив и честен с детства,
Он мастером искусным был,
Хоть поздно от отца в наследство
Он мастерскую получил.
Платил он подати исправно,
И честь начальству воздавал,
По кабакам не бушевал,
Короче — вел себя преславно.
Он был смиренный обыватель
Прилежный Библии читатель,
Благочестив он был, как Ной,
И наградил его Создатель
Трудолюбивою женой.

Она сильна, она здорова,
Как холмогорская корова,
Неприхотлива, весела,
Но раздражительна порою,
Она тогда еще цвела
Своею мощною красою:
Спускалась русая коса
На беломраморные плечи,
Под бровью черною глаза
Горели страстно, как гроза,
И выразительно, как речи,
Как голос страсти молодой;
Как розы алы, полны губы,
Красиво ровны, стройны зубы.

И вместе с свежей красотой
Елены молодой и милой
В ней все дышало юной силой.
Лилеи девственной нежней,
Круглы атласистые щеки,
И волны зыбкие грудей
Лежат упруги и высоки.
Как мрамор мускулы легли
На развитом прекрасном теле,
Каким из чад больных земли
Весьма немногие владели.

Ей было восемнадцать лет,
В ее груди дышала сила.
Ему уж было 50,
Его работа иссушила,
Старей казался он на взгляд.
Жену любил он, был ей верен,[1]
И сам в жене он был уверен.
И точно, кроткая жена
Ему была всегда послушна, —
Но он не видел, что она
К нему глубоко равнодушна,
Что слезы льет она порой
Одна, Бог весть, о чем скучая,
И одиноко изнывая
В борьбе невидимой с собой.
Легла нерадостная доля
На эту бедную рабу:
Гнетущей бедности неволя,
Приказ отца — ее судьбу
Решили. Надо покоряться!
Сильна, упряма и горда,
Она сумела не бояться
Ни темной жизни, ни труда.
И как ни горьки были слезы,
Как не давили сердце ей,

[1] *Ст. 278—301 записаны на л. 14, в столбик справа от первоначального текста ⟨1⟩, см. выше.*

Она цвела пышнее розы
И утра майского свежей.
Изнемогая от рыданий,
Она склонялася порой

Далее выпущенная в начале картина быта.

Своей победной головой
Под гнетом тягостных страданий.
Но быстро слезы осуша,
Она смеялась, и, как прежде,
Открыта страстная душа
Туманной, сладостной надежде.
Свою глубокую печаль
И все, чего ей было жаль,
Чего для счастья не хватало,
Она в работе забывала.
И, право, некогда грустить:
В своем дому она хозяйка, —
Везде, как хочешь, успевай-ка:
Корову надо подоить,
Сварить обед, сготовить ужин,
Все вымыть, вычистить, прибрать,
А утром на базар бежать.
И муж так часто был недужен,
За ним тогда уход был нужен.
И без сомнения, она
Была бы верная жена,
И в труд всегда погружена.

Елена на продажу сбирает в кузовок грибы.

Еленин муж, как все, ложился,
Полдневный конча свой обед,
Заснуть часок; но ей не спится,
И духота ее томит,
И градом пот с нее катится,
И платье грудь ее теснит.
Идет с корзиной за грибами
В соседний городу лесок
Что за рекой, над берегами
Прохладной тенью позалег.

Идет босая, в легком платье,
И с распустившейся косой.
Хоть это прибыльно занятье,
Но в этот час и в этот зной
Соседок вряд ли можно встретить
В лесу: все дома крепко спят,
И взрослых в городе приметить
Не мог бы любопытный взгляд.

Был праздничный день. Муж ушел куда-то. После полуденного обеда муж заснул. Елена полуобнаженная от жару вышла к реке.

Ее босые ноги
Загрязнены в пыли дороги
И до колен обнажены;
Они и толсты, и сильны,
И загорелые, полны
Красы заманчивой и чудной.
Движенья ровны и ленивы,[1]
Чрез реку высохшую вброд,
Высоко юбку подымая,
Она бестрепетно идет,
Идет, до пояса нагая.

Помещик юный над рекой
Бродил случайно в эту пору,
И наслаждался красотой
Елены полуобнаженной,
И, полон страстною мечтой,
Он из кустов к реке выходит,
И с нею разговор заводит.
Идет за ним вослед она,
Влеченью тайному послушна,
Желанья страстного полна

---

[1] *Рядом со ст. 42—47 вписан синхронный* ⟨?⟩ *вар.*:

Елена вышла за заставу
И шла под берегом реки,
Полна загадочной тоски,
До первобытной переправы

Елена к берегу подходит,
Сбегает вниз и в воду входит.

И к долгу чести равнодушна, —
И входят в лес. Ветвей шатер
Покрыл их сладостною тенью,
И дышит негою и ленью
Из мха разостланный ковер.[1]
Сперва был скромен разговор,
Потом страстнее становился,
Потом и вовсе прекратился,
Язык иной его сменил,
И поцелуев, и движений,[2]
И голос чести заглушил[3]
Тот голос тайных наслаждений.
Весна готовила постель,
В лесу их лето сочетало,
И из ветвей зеленых Лель
Над ними бросил покрывало,
И лес, как храм, он весь одел
Красиво-скромными цветами,
И гимны брачные им пел
Ручей игривыми волнами.
На свадьбе были муравьи,
Над ними птицы гнезда вили,
И пели песни соловьи.

Забвенье мелочных забот,
Забвенье обыде́нной прозы,[4]
Что сердце бедное гнетет,
Как непонятные угрозы,
Забвение цепей своих.
Лесная глушь ей подарила
И счастье жизни совместила
В один короткий, чудный миг.
Пила страдалица с отрадой
Из чаши сладкой бытия,

[1] *Между ст. 67 и 68 было*: Елена шла впереди без цели
[2] *Было*: И выразительный язык / Его сменил — язык движений.
[3] *Было*: И крик Елены заглушил
[4] *Было*: И после мелочных забот,
И после обыденной прозы

И опьяняющей усладой
Звучали песни соловья,
И говор быстрого ручья,
И листьев говорливых ропот,
И милого влюбленный шепот.
И чаша выпита до дна, —
О, если б жизнь оборвалася,
Была бы счастлива она,
Она угасла бы, смеяся,
Внимая голосам весны,
Что в шумном рокоте волны
И в птичьем гаме возглашала:
— Хвала тебе, хвала тебе,
Освободившейся рабе!
Свои оковы ты порвала! —
Но чаша выпита до дна.
Взволнована, опьянена,
Встает она с живого ложа.
Она рассталась с ним уж поздно.
По небу тучи грозно, грозно
Ползли, и страшный их узор
Пугал ей сердце, как укор.

Настало скоро пробужденье:
Воды речной прикосновенье
Ее отрезвило, когда
Она чрез реку проходила,
И холодна была вода,
Как та таинственная сила,
Что жизнь ее поработила.
Она безжалостно: ничто
Ее оков не разрывало;
Что было с детства привито,
Что в сердце юное запало, —
Один ликующий порыв
Не уничтожит, не изгонит.
Тревогу в сердце ощутив,
Она стыдливо, низко клонит
Свое красивое лицо
И слезы горькие роняет

На обручальное кольцо
И долго, тягостно рыдает.

Она вернулась поздно в дом,[1]
Полна смущения и страха,
Томима тягостным стыдом.
Была изорвана рубаха,
Была растрепана коса,
И раскраснелись густо щеки,
Полуодета и боса —
И совесть громкие упреки
Ей повторяла.

Еще храня следы лобзанья
Уста раскрыты широко.
Ее неровное дыханье
Грудь подымало высоко.
Рубаха с плеч ее сползала
Разорвана, и обнажала
Всю беломраморную грудь.
Она неровно трепетала,
Как конь, свершивший долгий путь.
Густые в беспорядке косы
На плечи пали. Ноги босы.

Томима страхом и стыдом,
Окольным крадется путем,
Походкой трепетного вора,
Чтобы никто не мог позора
В лице смущенном прочитать
И ядовитого укора
Вослед преступнице послать.
Едва неясный звук услышит, —
Остановяся, еле дышит.
Калитка ль близко заскрипит,
Иль голоса где прозвучали,
Или по ветру долетит

[1] *Ст. 337—610 записаны на л. 21—24 об. — параллельно с фрагментом ⟨2⟩ первоначального текста (см. выше).*

Неясный звук из темной дали,
Или шаги, — она бежит,
Как лань, дика и боязлива,
Таится тихо где-нибудь,
И в это время так пугливо
Трепещет мраморная грудь.

И подойдя к своим воротам,
Стоит в раздумье у дверей,
В окно глядит — и ничего там
Не замечает; в очи ей
От стекол солнце отражает
Свои лучи.

С тупой покорностью рабы,
Без отвращенья, без борьбы,
Господне имя призывая
И низко голову склоня,
Она вошла. Душа больная,
Заветы юности храня,
Забыла жар того огня,
Была подавлена тоскливо.
И было стыдно, стыдно ей
Взглянуть на стены и людей.
А муж работает ретиво
На табурете пред окном.
Ее смущенья не заметил
И ласковым приветом встретил.[1]
                    И пала
Она с рыданием пред ним
И, содрогаясь, рассказала.
И, чувством тягостным томим,
Он стал бледнее покрывала.
Дрожа испуганным лицом,

[1] Синхронный вар. ст. 491—494: С работой
Сидел он тихо у окна
И молвил с ласковой заботой
Елене: где была, жена.

Она сапог его касалась.
Потом удары, боль... потом...
Что было дальше, смутным сном
Душе измученной казалось.
В душе царили стыд и страх,
Удары розог и угрозы,
И вопли были, и в очах —
Незастывающие слезы.
Боль нестерпимая сильней.
Мольбы напрасные и пени.
И тяжко давят спину ей
Его жестокие колени.
И быстро в воздухе свистят
На тело падая, удары.

Истерзана, обнажена,
Горячей кровью обливаясь,
В жестоких муках содрогаясь,
Лежала на полу она.
И долго продолжались муки,
И дик и тягостен был стон,
И все слабели эти звуки,
И замер понемногу он.
Она забылась. Долгий сон,
Тяжелый сон без сновидений
Больную душу посетил
И ум усталый осветил.
К чему? Для новых ли мучений?
Спускались сумерки и мгла,
Она, дрожа, открыла очи
И поднялась во тьме полночи.
Она оставлена была
На месте том, где наказанье
Над нею было свершено.
Не уменьшалося страданье,
И тяжко мучило оно.
Едва удерживая стоны,
Она к подножию иконы
Упала с тихою мольбой,
О том, чтоб Бог послал прощенье

И дал ей силу и уменье
Быть снова верною женой.

Лампада сонная мерцала,
Муж на кровати тихо спал,
Она, склоняяся, рыдала,
И тихий сон ее смущал.
И оземь билась, и стонала,
Но Бог отрады не послал.
Истомлена, с душою смутной,
Вот, наконец, она встает
И, содрогаясь поминутно,
В тоске томительной, идет,
На лавку узкую ложится
И забывается; и снится
Ей сладкий сон: с ним вместе вновь
Она среди благоуханья
Деревьев свежих и цветов.
Как восхитительно свиданье,
Как упоительна любовь!
Но скоро тяжкое страданье
Ее разбудит; и полна
Тоски томительной, застонет,
И приподнимется, но клонит
Больную голову она
В объятья сладостного сна.

И снова уносили грезы
Ее в знакомый, милый лес;
Отрывки синие небес
Видны меж ветвями березы,
Ручей бежит, ручей шумит,
На ветви каждый лист трепещет.
О чем береза говорит?
О чем ручей волною плещет?
О чем так скромно и стыдливо
Лепечет ландыш под кустом?
О чем болтает торопливо
Кузнечик, прыгая кругом?
Все — небеса, цветы и волны,

Деревья, птицы и она
Томительной любовью полны,
Как чаша, полная вина.
Порыв ликующий, задорный
Лесную глушь вдруг освежил.
И ветер свежий и проворный
В ее мечтах заговорил.

И звук за звуком пронеслися,
Чаруя нежно, в вышине,
И в гимны радостной весне
Они в душе ее слилися
И вдруг, подобные волне,
Иные звуки раздалися:
«Хвала тебе, хвала тебе,
Освободившейся рабе».

Еще в ушах ее звучали
Те звуки сладкие, когда
При пробуждении объяли
Ее тревога и беда.
Муж был суров, она пуглива,
Кротка безмерно и стыдлива
Он с нею слова не сказал,
Но каждый взгляд она ловила,
И как раба ему служила.
И дух мятежный забывал
Свою тоску и возмущенье.
Ах, не голубкам, лишь орлам
Доступно гордое паренье
От праха жизни к небесам.
Душе, воспитанной в неволе,
Оковы рабства не разбить,
И краткий миг отрадной доли
Она не в силах возвратить.
Как бы стенами оградилась
Она от прежних чувств и дум
И вся в работу погрузилась.
И муж, хоть был сперва угрюм,
Но понемногу примирился

С своей покорною женой.
И мир обычный водворился
Над этой бедною семьей.
И жизнь без счастья и волненья
Опять бесцветно потекла,
И не единого мгновенья
Душе отрады не дала.
Но для преступницы-рабыни
И то, что он ее простил,
Как дар небесной благостыни,
Тот скудный дар отраден был.
Смиренно грубые удары,
Как муки справедливой кары,
Она снесла, и болью ран
Свою тоску уврачевала,
Как преступленье, как обман
Любовь из сердца изгоняла.
Любовь минутную! Залог
Ее она уже носила
Под сердцем, и в обычный срок
Ребенка крепкого родила.
Она недолго с ним лежала:
В субботу вечером слегла,
Назавтра в полдень родила,
А в среду и с постели встала,
Опять сильна и весела.
Их молчаливая обитель
Вдруг оживилась; новый житель
С собою в эту хату внес
И крик, и новые заботы;
Источник новых, тайных слез,
Прибавил матери работы;
И Бог с младенцем ниспослал
Смиренной матери отраду,
И нежность новую он дал
Ее потупленному взгляду.
В час упоительной любви
Здоровой матерью зачатый,
Когда горел огонь в крови,
И в груди, милой грудью сжатой,

Источник чудных, мощных сил
Живой волной из сердца бил, —
Здоров и крепок был ребенок,
И милый голосок его
Был так пронзителен и звонок!
Он был приятнее всего,
Всего на свете дорогого
Для бедной женщины. Она,
Усталая, была готова
С ним ночи проводить без сна,
Его лаская и качая,
С улыбкой светлой на губах,
И забываясь, и мечтая
О будущих счастливых днях.
Не о себе! Мечты о сыне,
Ему все время отдано,
Все думы отданы отныне;
Свое же счастие давно,
Вдали осталося разбито.
И верит бедная: оно
Недаром было пережито.
Он будет счастлив! И мечты
Роскошны были и красивы,
Как ароматные цветы,
Как даль волнующейся нивы.
То правда: силы и ума
В себе зародыши он носит,
Но погоди: их время скосит,
И не спасешь ты их сама.
Увидишь ты, как он слабеет,
Каким-то недугом томим,
И мысль твоя оцепенеет,
И содрогнешься ты над ним.
Сходя в холодную могилу,
Страдалица, ты будешь знать,
Что эту сломанную силу
Ничем нельзя уврачевать.
Напрасны все твои усилья:
У соколенка будут крылья,
Да их обрежут: из гнезда

Слетит, да тут же под скалою
Падет упрямой головою
И разобьется; как вода,
Что на берег высокий плещет
И, в брызгах падая, трепещет.
Но что грядущее несет,
Знать человек того не может
И счастлив он — его вперед
Тоска излишняя не гложет.

Елена весела была:
Она надеждою жила,
И та надежда жизни трудной
Сон нарушала непробудной.
Случайно, через пять-шесть дней,
В пределы города глухого
Сестра двоюрод⟨ная⟩ к ней
Явилась: госпожа Орлова
Варвара Павловна, вдова
Помещика — кутилы, мота;
От пьянства умер он, едва
Леса, деревни и болота
Не прокутив, своей жене
Оставя меньше половины,
И то затем, что по весне,
Справляя чьи-то именины,
Не дотянув разгульный век.
Он разорился! Что за дело!
И без него она имела
Свой капитал: ее отец,
Умерший вскоре, был купец,
Она была одна, притом
Любима им, и получила
В наследство лавку, сад и дом,
Но лавку тотчас же закрыла,
Гнушаяся таким трудом.
И годы лени безобразной
Средь жизни мелочной и праздной
Ей обеспечил капитал.
Ее весь город посещал

(То был губернский город дальний).
Она красою идеальной
Продолговатого лица
Прельщала многие сердца, —
Весталкой с виду неприступной
Она казалась издали.
Но розы губ ее цвели
Чужим губам порой доступны.
И, как развратница, своей
Она красою торговала,
И ласки щедро расточала
В уединении ночей.

Она крестила Николая
И вновь уехала домой.
Ее Елена, провожая,
Благодарила всей душой:
Своей богатою родней
Она так искренне гордилась.
Сестра немного поскупилась.
Елена рада и тому,
Что крестной матерью ему
Она быть тотчас согласилась.

Рос понемногу Николай,
Не знал тоски и принужденья.
Из хаты полз на двор, в сарай,
На улицу, — таскал коренья
Каких-то трав, иные ел,
И никогда не заболел.
Не скован бдительным дозором
И весел, с шумным детским хором
Играл он вольно под окном
Всегда без шапки, босиком.
Не плакал, если колотушки
В игре или дома получал:
Он рано к ним привык. Игрушки
Он, как товарищи, не знал.
Игрушек им не покупали,
Себя ребята забавляли

Кто как сумеет — и простор
Уму ребенка открывался.
Его лукавый, бойкий взор
На все пытливо обращался.
Затейник шалостей, проказ
Порою вовсе нестерпимый,
Еленой высечен не раз
Сын, ею горячо любимый.
Пускай и грубы, и дики
Порой его проказы были;
Они порока далеки,
Они рассудка не растлили,
Но силу гордую развили
И укрепили эту грудь
И эти маленькие ноги, —
Пусть перед ним ужасный путь,
Но может быть, в иной дороге,
Могучий телом и душой,
В лишеньях жизни закаленный,
И светом истины святой
Хотя случайно просвещенный, —
Он был бы мужем и борцом!
А люди сильные нам нужны.
Борцов напрасно мы зовем,
Мы сами слабы и недужны!
Но нет — и горе, и нужда
Его бы с детства окружили,
И годы темного труда
Дух неокрепший подавили!

А2

ВАРИАНТЫ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

ОДИНОЧЕСТВО

Поэма

ПРОЛОГ

Вместо (1—10) Тоской младенческой души
В моей семье пренебрегали,
А были чудно хороши
Минуты девственной печали;
Мои наивные мечты
Так были полны красоты
И свежести, и увлеченья,
Что если б я до юных дней
Их не сгубил в душе моей
Безумством темного паденья,
(15—19) Я за тебя отчизна-мать,
Сумел бы мыслить и страдать
Сумел бы я одним порывом
Вдруг разрешить печать мою, —
А ныне одинок стою,
(21) В тоске и трепете стыдливом.
(23—24) И боль в груди растет жестоко,
И над душой моей лежит
(26) Проклятье смрадного порока.
(28—30) Дышал я легче и вольнее;
Работа жадного ума
Свершалась ярче и свежее.
После (31) Удар судьбы моей ревнивой
Мои надежды разогнал.
(33—37) Поник под скукой молчаливой
И светлый день, как день дождливый,
Все с той же злобою встречал.
На страже смерть стоит над мною;
И совесть жесткою рукою
Сковала жизнь в один укор,
Вместо (40—45) Беспутно детство расточало
Мою энергию... Меж мною
Вместо (49—51) Куда ни глянешь язва та же,

Заражена пороком кровь,
Блестят для мелочной продажи, —
(60—64) Над нами вечно тяготят.
И юность — жертва пресыщенья!
Какие мрачные виденья
У юноши тревожат сон!
Порочной жизни впечатленья
(69—72) Он рано гибнет для свободы
Оторванный от ласк природы,
Могучей матери, он слаб.
И вырастает он, как раб,
(75) Чтобы взошли они, нужна
(77—79) Но косный лед на жизнь народов
Ложится мощно с давних пор:
Свободе очень мало входов,
(83—84) Сойди, желанная весна,
На наши жаждущие нивы!
Напой их ропщущим дождем,
(88—92) Над пробужденною страною,
Пусть ярко молнии блестят, —
Твои разгневанные взгляды, —
Тебе, весна, все будут рады
Все вешний гром благословят!
(93) Да, ты придешь, гроза святая,
(100) Над мною небо омрача,
(101—102) *отсутствуют*
После (103) Где нет отрадного луча,
(105) *отсутствует*
(108) *отсутствует*
(109) Но где ты, верная дорога?
(113) С огнем отчаянья в крови,
(116—117) Туманный бог любви и счастья,
(122) Бедняга, юноша больной.
(131) И вдруг лицо бледнело вновь.
(143) Резцом жестоким начертила,

Глава I

Вместо (160—171) Когда тоскливую тревогу
Тая, старик могилы ждет,

Его житейскую дорогу
Рисует память. Он живет
Душой в минувшем, и былое
Пред ним проходит ярко вновь,
Проходит время молодое,
Воскреснет старая любовь,
Воскреснет снова образ милый,
Исполнен прелестью и силой,
Воскреснут эти вечера,
Когда он ждал ее ревниво,
Пройдут они так близко, живо,
Как будто было все вчера.
(180) Как светит в сумраке лампада.
После (180) В его тоске и смерть — отрада.
Но умирать, чуть ощутив
Любви чарующий призыв,
Вместо (183—188) На этот призыв не ответив
И в жизни счастия не встретив!
Безумно счастия желать,
(190—192) Когда оно проходит мимо,
Маня, чаруя, и понять,
Что смерть уже неотразима!
(194) *отсутствует*
Вместо (200—243) И в ней луча отрады нет!
Она печальна и уныла,
Как не зарытая могила,
Как гроб раскрытый. Вдалеке,
В одном уездном городке
Над мелкой, водною рекою,
Под вечер, позднею зимою
В семье мещанской он рожден.
Отец его, простой сапожник,
Любил работу, как художник,
Но не был ею завален.
Как всякий смирный обыватель,
(248—250) *отсутствуют*
Вместо (251) Всегда кротка, хотя порою
Полна загадочной тоскою,
(252—253) Его жена еще цвела
Могучей, юною красою:

После (260) И как жемчужин крупных строй,
Красиво-ровны, стройны зубы.
(262—264) *отсутствуют*
(281) Была всегда ему послушна, —
(286—290) И что душа ее больная
Полна загадочной тоской:
Гнетет нерадостная доля
Ее, как бедную рабу:
Тяжелой бедности неволя,
(306) Вновь открывалася душа
(310) Чего для счастья не хватало,
(312—320) *отсутствуют*
(323) В заботы дня погружена.
Вместо (324—359) Душой остынув. До могилы
Она несла бы жребий свой,
Богатые растратя силы
Для жизни вялой и пустой.
Быть может, если б были дети,
И счастье улыбнулось ей,
И были б тягостные сети
И неразрывней, и сносней.
Но не было у них детей.
Была весна. Порой весенней,
Когда природа веселей,
Поэт бывает вдохновенней,
Любовь волнует нас сильней.
И если дева молодая
Еще тогда не влюблена,
Порой, тоскуя и вздыхая,
Томится, грустная, она.
Девичий сон ее смущают
Ей непонятные мечты, —
Они чаруют и ласкают,
И думы ими заняты.
Невыносимей в это время
Неразделенная любовь.
Ее томительное бремя
Тяжеле пыток и оков.
То время юности здоровой,
Зато чахотка той порой

Бывает злей, — и жизни новой
Не ощутить душе больной:
Ее с жестокостью суровой
Весна торопит на покой.
Настали ночи хмелевые,
Теплы, чарующи, живые.
Для ожидающей души
Те ночи чудно хороши.
Она в полночь встает босая,
Выходит тихо на крыльцо,
И ветер, грудь ее лаская,
Обвеет грустное лицо.
Она глядит, свободно дышит, —
В полях туманится роса, —
И слухом возбужденным слышит
Везде ночные голоса.
Они зовут, они тревожат,
Волнуют молодую кровь,
И одинокую любовь
Опять в больное сердце вложат.
Зато как тягостно потом
Вернутся снова в келью ту же,
И лечь на ложе возле мужа,
Как нестерпим ей этот дом.
И ложе их!
Был жаркий день,
Стояло солнце близ зенита,
Повсюду тягостная лень
В горячем воздухе разлита.
Склонясь над речкой etc.[1]
Умерший город сохранился.
Еленин муж всегда ложился,
Полдневный конча свой обед, etc.[2]

Прохладной тенью позалег.
Дорогой ближнею Елена

---

[1] *Далее, как в основном тексте, 331—357, и во фрагменте* 〈42〉 *черновых набросков (с разночтениями).*
[2] *Далее, как в основном тексте, 361—367.*

Переходила реку вброд;
Вода была ей по колено,
Она смеется и поет.
И видит: зноем истомленный,
Помещик юный над рекой
Стоит, любуясь, и прельщенный
Ее роскошной красотой.
Еще ничем не пресыщенный,
То был уездный Дон-Жуан.
Над женским полом разных стран
Им не одна была победа
Легко одержана; ходить
Он нынче вышел до обеда,
Чтоб аппетит свой возбудить.
«Она красива!» — Он подходит
И с нею разговор заводит.
Идет за ним во след она, etc.[1]
(377—378) И разостлал над ними Лель
Ветвей зеленых покрывало,
(383—385) *отсутствуют*
(386) Забвенье обыденной прозы,
(399) И листьев говорливый ропот,
Вместо (411—417) Но чаша выпита до дна.
И дивным сном опьянена,
Идет, взволнована, она.
Вместо (437—445) Полна смятения, стоит
Пред тихим городом Елена.
Дрожат, сгибаются колена,
И кровь в висках ее стучит.
(446) Еще храня следы лобзанья
(450—454) *отсутствуют*
(455—456) В плеча ⟨и⟩ в беспорядке косы
Упали. Ноги были босы.
(464) Идет, а что-нибудь услышит —
(473—474) И как неровно, как пугливо,
Трепещет розовая грудь.
(475—480) Но вот и дом; по огороду

---

[1] *Далее, как в основном тексте, 387—402.*

Пройдя, она подходит к входу
В свою печальную тюрьму.
Что скажет мужу своему?
Она в тоске ломает руки.
Но, одолев порывы муки
(487) *отсутствует*
Вместо (488—495) Была подавлена. И пала
(496—497) Она униженно пред ним
И все, рыдая, рассказала.
(503—506) Что было дальше, тяжким сном
Душе измученной казалось.
В душе царили стыд и страх,
И гибкие свистали лозы,
(510) Мольбы срываются и пени.
(513—514) *отсутствуют*
(545) *отсутствует*
(561—562) Тоски и горести, застонет,
Подымется, но скоро склонит
(573—574) О чем тот ландыш под кустом
Лепечет скромно и стыдливо?
(595—596) Поутру вновь над нею стали
Тревоги страха и стыда.
(603) Свою тоску и возмущенье.
(619) Над этой скромною семьей.
(635—636) Под сердцем, и сынка родила
Без долгих мук в обычный срок.
(664—667) Усталая, была готова
С ним ночи проводить без сна,
Его лаская и качая,
С улыбкой кроткой на губах,
(672) Все думы для него отныне;
(698—699) И разобьется; так вода
На берег каменистый плещет
(720) И то затем, что по весне,
После (720) Справляя чьи-то именины,
Сваляся пьяный в мокрый снег,
(726) Богач и местный воротила
(730—731) *отсутствуют*
(742—743) Но розы губ ее доступны
Чужим губам порой цвели.

(744—747) *отсутствуют*
(770) Он рано к ним привык. Игрушки

А3

Автограф 2, первонач. вар.

После 23—24 *как в А*
30 Свершалась легче и вольнее.
После 37 На страже смерть над мною встала
После 41 Куда идти? Мне не достало
Могучей силы
После 102 И зимней злобою больною
Мне в уши радостно звуча,
Начато Судьба до
Безжалостнее палача,
После 131 Глаза загадочно блестели,
И лихорадочным огнем,
Как у безумного, горели.
135 Резцом холодным начертила,
Вместо 142—147 Когда душою сиротея,
И остывая, и слабея,
Старик могилы темной ждет,
Тая тоскливую тревогу, —
Его житейскую дорогу
Рисует память. Он живет
Вместо 148—163 Душой в минувшем. Прихотливо
Пред ним встает былое вновь,
И грустно, и наивно-живо
Воскреснет старая любовь,
И детства радостного время,
И первой юности пора,
Когда в душе назрело семя
Величественного добра,
И все, чем долго сердце жило,
Что было дорого и мило,
Пройдет воздушною мечтой,
Наполнив грудь его тоской,
Порою грустною улыбкой
Лицо осветит, как в ночи
Свеча порой на влаге зыбкой

Бросает бледные лучи,
165 *отсутствует*
Вместо 169—174 Когда душа так жизни рада,
Когда сильна еще душа,
Когда любовь так хороша,
Когда мечта простора просит,
И тело бодро все выносит!
Безумно счастия желать,
Вместо 175—192 К нему идти неутомимо,
И, в то же время, сознавать,
Что смерть уже неотразима!
Что скоро час ее придет;
Царит холодная тоска,
И малодушна и дика,
В душе испуганно-унылой;
В уме с неудержимой силой
Проходит повесть темных лет,
Картины грести и муки.
В груди рыдающие звуки
Встают, падут — исхода нет.
Рисует память своевольно
Все то, что было так темно,
Что сердцу тягостно и больно,
Над чем измучилось оно.
А этих ран на сердце много,
Темна житейская дорога.

342 Свои привычные ручонки,
422—423 И листьев говорливый шепот,
И милого влюбленный ропот.
429 И в шумном говоре весны,
434 Взволнована, опьянена

158

А

Первонач. вар. автографа

Разнообразно перекошены
Чрез улицу осеннюю стези,
Хоть доски кое-где и переброшены,
Все ж вязнуть надобно в грязи.

Идут прохожие досадливы,
Им скользки по сырым денькам шаги,
И перекрестки часто непорядливы
И пачкают им сапоги.

Я, с детства бедностью приученный, —
Иду босой, не страшно мне дорог.
И так короткие, штаны засучены
До верха покрасневших ног.

Отмыть нетрудно ноги голые.
Насмешливых чего стыдиться слов?
По мокроте мостков шлепки веселые
Забавны мне бегущих ног.

А1
Промежуточн. вар.

(1) Распутицей совсем задвинуты◊
(3) *а* Хоть доски кое-где и перекинуты,
б Покрыты кой-где переходы досками◊

165

А
Автограф

Прости, отрадный сон мечтаний!
Я битвой жизни утомлен,
Надменный дух мой побежден
Толпою суетных страданий.
И храм надежды золотой
До камня жизнию разрушен,
И в глубине души больной
Я стал печально-равнодушен.
Душа усталая моя
Забыла пылкие стремленья,
И уж плыву покорно я
По воле каждого теченья.
Встает прекрасная весна,

Как дева юная с постели;
Снегами моется она,
Пока живые семена
Ее шелками не одели.
Но что мне в вешней красоте!
Стою в душевном онеменьи,
И странной предаюсь мечте
О небытьи и о забвеньи.
Одно хочу я: умереть,
С природой бесконечной слиться,
Чтоб лжи и мрака не терпеть
И с рабством мысли не мириться.

А1
Машинопись 2

1—9 Отраден краткий сон мечтаний
Тому, кто жизнью утомлен
И кто коварно побежден
Безмерною тоской скитаний.
Чертог надежды золотой
Разрушен,
Под пеплом притаился зной,
И странник странно-равнодушен.
Душа в томленьях бытия
13 Встает лазурная весна,

169

А
Первонач. вар. автографа

Так величавы сосны эти,
В лесу такая тишина,
А мы шумливее, чем дети,
Как будто выпили вина.

Мы веселимся и ликуем,
Предчувствуем прекрасный рай,
И наших барышень волнуем
Прикосновеньем невзначай.

Я от возни уж стал малинов,
(10) У всех других преглупый вид,
И, даже строгий Бальзаминов,
Мне наказаньем не грозит.

А1
Промежуточн. вар. автографа

(10) У всех довольно глупый вид,
(12) Не умолкая говорит.

184

Первонач. вар. автографа

11—18 За что мне, знаю, будет дёра,
Что ночь всю вздумал прогулять.
Оставив Сашку и Лучину,
Бегу домой, от страха стыну,
И точно, мать уж у дверей
Меня, суровая, встречает;
И розги у нее в руках,
Раздела живо, и стегает.

195

Первонач. вар. автографа
Посвящение *Саше Ф-у*

У Бога жарко я молю
Мое дитя, кого люблю,
Душой, к тебе небезучастной,
Чтоб без проклятий и без слез
Ты муки жизни перенес,
И сохранил свой нрав прекрасный.

Чтоб с той же светлою душой,
С какой стоишь передо мной,
Ты шел бы счастлив до могилы.
Но знаю я: суров наш рок...
Тебя, прелестный мой цветок,
Сомнут безжалостные силы.

И сгибнешь, мой ребенок, ты,
Как гибнут нежные цветы,
Когда их ранний холод сгубит!
О, если доля так груба,
Молю я, пусть тебя судьба
Хоть на минуту приголубит.

203

А
Ранний вар. автографа 2
Загл. В ПУСТЫНЕ

Я в безлюдной степи изнемог,
Много дней я бродил, как шакал.
Я исхода иль пищи искал,
Но повсюду лишь жгучий песок,
Да свод неба я взором искал.

А1
Поздний вар. автографа 2

Я в безводной степи изнемог;
Много дней одинок, как шакал:
Я бродил, я исхода искал,
Но везде только жгучий песок,
Да свод неба я взором искал.

204

Автограф

ЕЖ И ЛИСИЦА

Раз иду один в лесу,
И встречаю там лису.
Тихо крадется она,
Сразу видно — голодна.
Где ж добыча? дальше я,
А лисица-то моя
Видит — барин без ружья,
Не боится, не бежит

И в кустах себе стоит.
Шаг, другой, и вижу: вот
Еж навстречу мне ползет.
— «Ой ты еж, ты глупый еж,
Ты куда, куда ползешь
По тропинке по лесной?»
— «Пробираюсь я домой», —
Мне серьезно молвил еж.
— «Берегись же, попадешь
Скоро, братец, на лису:
Ждет она тебя в лесу».
Еж расхвастался: «меня
Все боятся, как огня!
Жгусь я больно, как огонь.
Что смеешься? Тронь-ка, тронь, —
Я скажу себе: не трусь;
И в клубочек весь свернусь.
Тронь лисица — вся в крови
Будет морда, — не лови,
Значит, милая, вперед!»
И, надувшись, еж ползет
Дальше, дальше меж кустов,
В свежей зелени цветов.
— «Ну, — сказал я, — добрый путь!»
Захотелось мне взглянуть,
Что-то станется с ежом.
Притаившись за кустом,
Я стою себе — гляжу
Вслед ползущему ежу.
Вдруг ему навстречу — прыг
Из куста лиса — и вмиг
Цап-царап его — но что ж?
Вмиг клубком свернулся еж,
И со всех сторон торчат
Иглы острые. Назад
Тут лиса: на лапах кровь, —
Укололась. Смотрит, — вновь
Тронет лапою ежа, —
Но игла больней ножа!
То, рассерженная, рот

Широко раскрыв, возьмет
В зубы ежика, — но тот
Невредим, а у лисы
Окровавились усы.
То отскочит, то слегка
Подтолкнет его в бока,
Словно хочет разбудить.
Еж недвижен. Как тут быть?
Призадумалась кума:
Дело требует ума!
Да недаром, видно, брат,
Про лисицу говорят,
Что ума-то ей не стать
У соседей занимать!
Мигом средство найдено,
И ведь, право же, оно
Даже очень мудрено
Для безграмотной лисы;
Мы б повесили носы,
Нам и в ум бы не пришло
Одолеть такое зло,
А лисица — ничего,
Таки скушала его.
Лапой с боку толк, да толк,
Чаще все. — «Какой же толк, —
Думал, — выйдет из того?»
А лиса себе его
Катит дальше, как клубок.
Я за ними: ручеек
Им дорогу пересек.
И прямехонько к ручью
Лиска ношеньку свою
Прикатила, и туда
Бух ежа! Ежу вода, —
Не пловец, знать, он, — страшна,
И когда его волна
Окружила, сильно он
Был испуган и смущен,
Развернул свой острый щит,
И, барахтаясь, лежит

Кверху брюхом на песке,
В неглубоком ручейке.
Тут его лисица — хвать!
Поспешила разорвать.
Только, бедный, он и жил!
А ведь как хвастлив-то был!

206

А

Первонач. вар. автографа

Алым пламенем горя,
Встала с запада заря.
Коротко блестит зарница,
Как стыдливая девица, —
Слышны песни соловья:
«Ты души моей зарница,
Роза пышная моя!
И тобой, и страстью нежной,
Бесконечной, безнадежной,
Дума тайная полна.
Я лечу к тебе послушно, —
Ты же внемлешь равнодушно,
Безответна, холодна!
Роза гордая, взгляни же!
Мне и взгляд единый твой
Будет лаской дорогой!»
Роза алая все ниже
Никнет милой головой.
Пропоет он до рассвета,
Но желанного ответа
Не дождется соловей
От красавицы своей.

А1

Промежуточн. вар. автографа

(9) И, как девица, мила.
(10) Будь мне утренней усладой,
После (13) (14—15) И, послушав сердцем, я

Угадал, что пела птица:
(17) (19) ⟨*нрзб.*⟩ душа моя полна.

А2
Машинопись

8 Ты румяна, ты бела,
26—27 Пусть поет он до рассвета, —
Вожделенного ответа.

211

Первонач. вар. автографа

Близка уж стрелка часовая
К часам и скучным, и пустым.
Она стоит еще нагая
Перед любовником своим.

Скорей ей надо одеваться.
Какая скука и печаль
От милой ласки отрываться
И торопиться. Очень жаль.

И надо стройные ей ноги
Обуть в чулки и башмаки
Высокие, там, на дороге,
Так заколотят каблуки!

А дома встретит ⟨муж⟩ суровый,
Такой противный и седой,
И целоваться будет снова
С своею молодой женой.

А ночью будет сыпать ласки,
И зашатается кровать.
Ах, неужели этой маски
Нельзя ей будет, бедной, снять!

215

Первонач. вар. автографа

Перед 1 (1—4) Эти глазки голубые
Ласково горят, блестят.
Огоньки в них, что ль живые[1]
За ресницами горят?
5 (9) Ваша милая улыбка

227

Первонач. вар. автографа

РУЧЬЮ

Спасибо, добрый мой ручей:
За то, что ты приветлив был, —
Ты в полдень свежею водой
Меня, усталого, поил.

Весенней жаждой утомлен,
Я рад был шуму этих струй,
И с тихой радостью сорвал[2]
Твой тихоструйный поцелуй.

228

Первонач. вар. автографа

1 Крестцы — город небольшой
3 Из окна там видно поле
7—8 Не видал бы ведьм и леших,
На прогалинах и плешах,
10—11 И русалок водяных,
Весь тебя бы замостили
14—15 В рваных платьях босиком,
Чинодралов здешних жены,

---

[1] *После было*: Ваши глазки голубые
Словно звездочки блестят
Огонечки в них живые

[2] *Исправлено*: *а* И вмиг прогнал мою печаль; *б* И сладок был мне, как любовь.

17 Видишь, мы не наряжены,
24 Не давали б, как теперь.

230

Первонач. вар. автографа

Мошки вьются надо мной
Надоедной, серой кучей.
Как прогнать несносный рой,
Зыбкий, серый и летучий?

Точно льнут они ко мне:
Побегу, — они за мною,
Постою, — и в тишине
Окружен толпой сквозною.

Отмахнуться? не берет!
Обмануть их, лечь на травку?
Удалось, — и рой плывет
К рощице через канавку.

233

А
Ранняя редакция
Первонач. вар. автографа

Я вышел погулять немного
В ту рощицу, где соловьи.
Со мною обошлися строго,
Но здесь утешили ручьи.

Ольха, береза в этой роще,
Где притаился соловей,
Ах, соловей, есть песни проще
Весенней песенки твоей.

Такая ж тонкая береза
Там выросла в саду моем, —
И машет строгая угроза
Мне каждым тоненьким прутом.

И вот березовые ветки
Урок суровый дали мне.
Уроки эти мне не редки,
Как и в родимой стороне.

Пусть соловей поет про розы,
А мне лишь розочек дают,
Да просто розгачи с березы
И очень длинные берут.

Сегодня утренней порою,
Под слезы и мольбы мои, —
Свистали громко так над мною
Те розгачи, как соловьи.

На юге соловей о розе
Умильно песенки поет,
Тебе же соловей в березе
В руках у матери поет.

А1
Промежуточн. вар. автографа

(1) Весна и вечер. Спит дорога.
(2) *а* В ту рощицу, где соловьи.
б Негромко свищут соловьи.
(3) Молчала сонная дорога
(4) *а* И тихо плещутся ручьи.
б И где-то плещутся ручьи.
(5—8) Иду в березовую рощу
Ты расскажи мне, соловей,
Бывают ли здесь песни проще
Наивной песенки твоей.
(10—11) Под лаской ветерка стройна
Но где же алая та роза
(12) *а* Которой песня сложена?
б Что так воспета соловьем?
(14—15) Приносят скоро мне ответ:
Что розы алые здесь редки
(16) *а* И даже их и вовсе нет.
б И соловью ольха сосед.

в А соловьиной розы нет.
(17—18) Кто розочек себе желает,
Идет пусть в садик поскорей;
(19—20) а Да там с березы пусть ломает
Больших березовых ветвей.
б И сколько хочет, пусть ломает
Себе березовых ветвей.
(21—22) Так нынче раннею порою,
[Поверь] О нет, не розгачи твои,
(24) Там розгачи, как соловьи,
(26) Для нежных песенок сошлись,
(27—28) а Домашний соловей в березе
Тебе концерты задает.
б Тебе ж жестокая береза
И вместе соловей дались.

247

А

Первонач. вар. автографа

Сиротея, согнулись березы,
Опустив свои тонкие ветки, —
Птички сели на дальние лозы,
Так развеялись по ветру грезы,
Мои милые, чистые детки.

Под осенним дождем поизмокли,
Пожелтели листы, и опали.
Я от битвы мирской изнемог ли,
От мучительных, страстных тревог ли,
От сердечной ли тайной печали?

Пусть оденутся снова березы,
И туманы опять разбегутся,
И вернутся беспечные грезы,
И звенящие песни, как слезы,
Жемчугом перекатным польются.

Да теперь-то, ненастной порою,
Когда ветер березы сгибает,

И раскинут туман над землею,
Мгла лежит над усталой душою,
И тоска мое сердце терзает.

А1
Машинопись 1

2 Опустили измокшие ветки.
14—15 И звенящие песни, как слезы,
Жемчугом перекатным польются.
17 Злобный ветер березы сгибает,
25 И тоска мое сердце терзает.

249

А
Автограф 1
Ранний незавершенный вар.

Начало строфы II, перед 5 И в муках тяжкого сомненья,
Ты клонишь голову свою,
Дум темных, тягостных кипенья,

Начало строфы III, перед 10 Ты с нею гордо в жизнь вступила,

А1
Первонач. вар. автографа 1

Тоскуя, плача и страдая,
Ты ищешь светлого пути.
Увы. Душа твоя больная
Уже трепещет, сознавая,
Что в жизни цели не найти.

Мечты горячей и отрадной
Последний призрак ловишь ты,
С тоской мучительной и жадной
Теперь тускнеющей мечты.

Тебе казалось, что в ней сила
Несокрушимая была.
Но жизнь мечту твою разбила —
И что взамен тебе дала?

С самодовольствием невежды
Осудит равнодушный свет
Твою тоску, твои надежды,
Которым воплощенья нет.

В твоей душе растет тревога,
Тоски томительной не множь...
Ее в грядущем будет много...
Взамен поверженного Бога
Ты ничего не обретешь.

А2

Промежуточн. вар. автографа 1

(1—5) С тоской, любовью и терпеньем
Искала правого пути.
Но ты знакома уж с сомненьем,
Уж ты боролась с опасеньем,
Что в жизни цели не найти.

250

Первонач. вар. автографа

Забыты честь, любовь, и стыд,
И с окровавленного поля,
Где гибнут братья, к дому мчит
Его изнеженная воля.
А ведь недавно еще он
Давал торжественные клятвы
Сражаться у своих знамен
И сгибнуть для иных времен,
Как семя предстоящей жатвы!
Но бледной смерти страшный взгляд
Он увидал, — и, малодушный,
Бежит, трепещущий, назад,
Постыдной робости послушный
И к делу братьев равнодушный.
Его гостеприимный кров
Толпу таких же удальцов
Теперь вместил: они болтают,
И поле битвы вспоминают,

И, им внимая, их отцы
Самодовольно повторяют:
— Мы тоже были молодцы!

254

А
Ранняя ред.
Автограф 1

1

Безмерно душен и тяжел
Горячий воздух. Солнце красно,
Как медный шар, — и ореол
Вокруг него сверкает ясный.[1]

Нет ветра. Тягостная лень
Природу сонную объемлет,
И тихо солнечная тень
Ползет, как будто тоже дремлет.[2]

Густеет в южной половине
Небес свинцовый колорит,
И чаще крона на осине
Листами узкими дрожит.

Молчат долины, реки, лес
И солнцем выжженная нива,
И солнце движется лениво[3]
Путем возвышенным небес.

---

[1] *Было*: Горячий воздух. В небе синем
Как медный шар, — и ореол,
Вокруг него сверкает ясный.
После было начато: И будто тягостная лень
Природу
[2] *Далее было начато*:
Лишь изменяется приметно
Движенья мало на картине
Свинцовый неба колорит
Одно движение в картине
[3] *Было*: И время движется лениво

Изнемогая в этот зной,
Не отдыхает только жница
Полураздетая девица,
Хотя невольною слезой

Не раз увлажнена ресница.[1]
Все жнет да жнет себе она,
Не подымая глаз к лазури,[2]
Но близость неизбежной бури
Ей, утомленной, уж ясна.[3]

2

Природу сонную объемлет
Изнеможение и лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

Земля и душный воздух страждут
И бури жаждут.[4]
И вся природа бури жаждет,
Изнеможения полна,
И, как усталая жена,
Тоскливо страждет.

А1
Автограф 2

(1—4) Прохлады ищем мы напрасно, —
Недвижен воздух, небо ясно,
И солнца жгучие лучи

---

[1] *Было*: И даже молодая жница
Изнемогает в этот зной,
И покрывается ресница
Неудержимою слезой.

[2] *Было*: *22, 23 — в обратном порядке.*

[3] *Было*: *а* Головке жаркой уж ясна, *б* Уже предчувствует она.

[4] *Было*: И вся природа бури жаждет,
Изнеможения полна,
И, как усталая жена,
Тоскливо страждет.

Невыносимо горячи.[1]
(5—10) *как в основном тексте (ред. А)*
(11—12) *а* Изнемогая в яркий зной
Не отдыхает в поле жница,
б как в основном тексте (ред. А)
(15) *а* Все жнет и жнет она
б как в основном тексте (ред. А)
(16—21) *как в основном тексте (ред. А)*
(22) *как в основном тексте (ред. Б)*

А2
Ранняя ред.
Первонач. вар. машинописи

ЖАРКИМ ЛЕТОМ

Безмерно душен и тяжел
Горячий воздух. Солнце красно,
Как печь далекая, и ясный
Вокруг сверкает ореол.

Природу сонную объемлет
Изнеможение и лень,
И тишина в полях, и дремлет
Лесная тень.

Земля и душный воздух страждут
И бури жаждут...

Трудом смиряя лютый зной,
Не отдыхает в поле жница:

---

[1] *Было: а* Как зноен воздух! Небо ясно.
Прохлады ищем мы напрасно,
И солнца жгучие лучи
Не в меру стали горячи.
б Недвижно-зноен воздух. Ясной
Сверкает небо бирюзой
Прохлады ищем мы напрасно,
в Свод неба безмятежно-ясный;
Сверкает яркой бирюзой,
Истомы полон душный зной,
Прохлады ищем мы напрасно.

Не раз невольною слезой
Ее увлажнена ресница.

С серпом сгибается она,
Не видя грозных нив лазури, —
Но близость неизбежной бури
Для груди трепетной ясна...

Как будто ждет чего долина,
И чутко вся кругом молчит,
И только робкая осина
Тихонько листьями дрожит.

262

Первонач. вар. автографа

1 Потрясенной душой наблюдая,
4 Хороши ль Вы, мой друг, или нет.
9—10 Лишь потом, в полуночной тиши
Безответный восторг успокоил,
15—16 Если ум горделивый молчит,
Если гордое сердце трепещет!

266

Первонач. вар. автографа

1 Жили б мы повеселей
3 Если б были посмирней
6—10 Перед подлыми да сильными, —
Верно, благами обильными
Наделяла б нас она.
Но мне слаще штоф вина
Осушить с бессильными,
19—24 Не согнуся я в дугу,
Не скажу и звука лести,
Я ничтожен, — не могу
Помышлять о мести,
А и мог бы, так врагу,
У которого нет чести.

266

Первонач. вар. автографа

День безмятежно золотой,
Моими воплями ты встречен.
На кухне горькою лозой
Сегодня я опять был сечен.

Но как от тягостного сна
Я убежал под эти своды.
Со мной лесная тишина
И тихо дремлющие воды.

И пусть жестокая лоза
Мне тело голое лобзала, —
Сейчас последняя слеза
С моей щеки в траву упала.

И жгучий стыд, и боль, и страх
Я забываю понемногу.
Я забываю о слезах
И про обратную дорогу.

278

Первонач. вар. автографа

2 И клубяся, как волна,
17—18 Тут барыш весьма огромен, —
Да для нас он не идет.
20 Наш задавленный народ.
67 Хлеба барам припасай.

279

Первонач. вар. автографа

2 Стяжатель лежит утомленный,
6 Где ценят, как следует, труд,
13—16 Я проклял минуту рожденья,
Я проклял судьбину мою,

И песню вражды и презренья
Для мира забитых пою.[1]

280

Первонач. вар. автографа

4 На окровавленную плоть.
5—7 Мечусь я в боли и бессильи,
И жаден пол до слез моих,
Но надо мною реют крылья
10 Огням окровавленных лоз
12 Как принимал их и Христос
13—14 Покорно претерпев удары,
Я целованьем ног и рук
16 За справедливость ярых мук.

281

Первонач. вар. автографа

2—3 Полный неслышных чудес, —
Тени над сонной рекою
12 Реют унылой чредой...
13—16 Бледные тени страданий, —
Страх, удивленье, тоска,
Ветви зеленых мечтаний.
Ветви трепещут слегка.

288

Автограф

1—9 Буря ли злобно бушует,
Солнце ли радостно светит, —
Сердце больное тоскует, —
Зная, что счастья не встретит.

---

[1] *Было:* Я проклял минуту рожденья,
Я проклял блужданья мои,
И песню горькой тоскою отмщенья
Для мира несчастных пою.

Если б на завтра и счастье, —
Будет уж поздно, быть может:
Гнет рокового ненастья
Бедное сердце приложит.

Нынче ли, скоро умчится:

289

Первонач. вар. автографа

Гибнут молодость и сила,
Над душой царит разврат,
Уж близка моя могила,
И дороги нет назад.

Погубил я, раб мгновенья,
Жизни лучшие цветы, —
И чистейшие стремленья,
И прекрасные мечты.

И с душой моей пустынной
Равнодушен ко всему,
Я смотрю на жизни длинной
Неразгаданную тьму.

И не рад я, если снова
Над душой моей больной
Встанет властно и сурово
Дум заветных строгий рой.

290

Первонач. вар. автографа

Несмотря на все невзгоды,
Мои розы расцветут;
Зеленеющие всходы
Не погибнут, не умрут.

Несмотря на все страданья,
Моя светлая душа,

Словно в первый день созданья,
Молода и хороша.

Жизни творческая сила
В этих всходах так сильна:
Ни зима их не сгубила,
Ни холодная весна.

И в душе, рабыне рока,
Есть запас могучих сил:
Гений злобного порока
До конца их не сгубил.

291

А
Автограф 1

1 Странен взор, зрачок расширен,
3—4 Весь в огне, задумчив, смирен,
Ждет он смерти, как спасен
5 а Что за странное томленье,
б Что за сладкое волненье.

А1
Автограф 2

1 а *как в автографе 1*
б *как в машинописи*
4 а *как в автографе 1*
б Весь в жару, задумчив, смирен,
5 а *как в автографе 1, б*
б *как в машинописи*

292

А
Поздний вар. автографа

2 а Блестящих миров бесконечность,
б *как в машинописи 1, 2*
4 а То было мучительной ночью,
б *как в машинописи 1, 2*

7 а То было тяжелою ночью,
б *как в машинописи 1, а*
10 *как в машинописи 1, а*

А1
Машинопись 1

2 а *как в машинописи 2*
б Высоких миров бесконечность,
7 а То было мучительной ночью,
б *как в машинописи 2*
10 а То было безумною ночью,
б *как в машинописи 2*

293

Автограф

1—4 Сны от девы отлетели...
Что так тихо все вокруг,
Отчего не на постели
Милый друг...
14—16 И за милым вслед
Безудержно улетают
Радость жизни, жизни свет.

301

Первонач. вар. автографа

2 а Три долгих года ты жила,
б Три трудных года ты жила,
5—6 Твоя могила на погосте.
Цветы над нею зацветут,
8 К тебе с любовью прибегут.
10 Пока еще иных забот
16 В сердцах потомков не умрет.
19 В ребенке каждом их могилу

307

Черновые наброски

Л. 50об. ⟨1⟩

[Полюбил давно я
Посещать тебя,
Жилище покоя,
И вот сегодня вновь]
Припомнил я далекое кладбище,
[И длинный, длин⟨ ⟩]
Толпу его крестов.
Там воздух мне казался легче, чище,
Туда я уходил
Исполненный тоски, и злобы, и печали.
[Кресты немых могил
Со мной об их жильцах беседы начинали.
И скорбную их речь] ⟨ ⟩

Л. 50об. ⟨2⟩

A

Под напором мучительных дум
Одинок, и суров, и угрюм
Я иду, и встречаю могилу,
И недавно зарыта она,
В ней покоится юная сила

A1

2—3 Я стою. Предо мною могила —
И могильная насыпь свежа

Черновые фрагменты
Первонач. вар.

⟨1⟩

Между 1 и 2 *а* Кладбище пусто, покой кругом
б Кладбище пусто и немо кругом
17 И девственное мертвое лицо
18 было начато Глядит Лежит белое и прекрасное.
20 Могильным холодом и смертью

68 И тяжелое горе стеснило
70 И правда, не лучше ль ей было
73 Для этого тела опять
Между 76 и 77 Любовь и тоска для живых
После 80 Горе твое было велико,
Хотя не долго продолжалось,
Но в этих коротких месяцах
Совместились мучения ада.
93 В его холодной старости
99—100 Золотое, прошедшее детство.
И старик боязливо берег
Вместо 106—107 Потому что ее ни разу
Не касалась его рука.
115 Он угрюмое сердце всецело
129, 130 *в обратном порядке*
130, было начато И сто несколько деревень
251, было начато Которые стыли в неясном
Между 260 и 261 И когда за молитвой посещало
Ее страстное мечтание
265, было начато И В тайне от деда
после 284 было начато Она достала яду,
Который хран⟨ила⟩
290 Темная ночь, ужасная для нее ночь.
299 Перед стоном твоим не поник.
301 Не откладывай тягостный час...

⟨2⟩

4 Подымается ладана дым

⟨4⟩

3 Я вернулся в свой город родной,
5 Утомленный, усталый, больной,
8 По приезде в родимом краю:
Между 10 и 11 Вся в цветах, и в открытом гробу
Почивала, хладея, она
11—16 Мне осталось одно: на руках
До кладбища малютку донесть,
А домой возвратяся, об ней
Я услышал ужасную весть.
Вся в цветах, холодея, она

Почивала в гробу, как цветок
21 Беззаботна, [чиста,] свежа, весела,
23 Ей пятнадцатый миновал
32 И бессильных не пролил я слез.
36 Мне на сердце ужас⟨ная⟩ весть
42 Одиноко в саду старый дом
Между 42 и 43 Он был мрачен, никто не бывал
После 43, набросок Но твою роковую судьбу,
Негодуя, поведаю всем,
Отчего ты лежала в гробу,
Умерла ты, малютка, зачем.
Вместо 45—46 было Только летней порой старый сад,
Детским смехом бывал оживлен
45 Оживлялся он только порой
48 Там и здесь то и дело пестрел
52 Бесконечно живая любовь

⟨5 А⟩

Между 4 и 5 было начато Очарованы
10 И забытая мною любовь
11 Говорит о прошедшем так строго
13 О, моя дорогая рабыня.
14—15 И печаль о тебе дорога,
Моей жизни печальной святыня.

⟨5 Б⟩

Вместо 1 *а* Я окно отворил и прохлада
6 В моей комнате стало темно

⟨7⟩

6 Вокруг предметы были красны,

⟨8⟩

5 В этой темнице суровой,
10 Лес и заветная даль!
17 Ты не изведала сладость
После 32 незавершенный набросок Днем мелочные придирки,
Вечная брань старика,
Чем вы прекраснее пели,

Чем была радостней ночь
Ласки единого слова
Хоть на коленях молить
Часто бывала готова

⟨9⟩

3 Баба-экономка пряной красотой
9 Экономка Катю сильно не взлюбила,

⟨10⟩

3, незавершенный вар Вновь отвели, в минут⟨у⟩

⟨11⟩

Между 1 и 2 Одиноко ты, плача, сидела,
Ты молиться хотела,
Но молитва на память не шла.
5 Ты полна была скорби и муки,
6—7 *в обратном порядке*

⟨12⟩

3, 4 *в обратном порядке*
3 И в душе разрушается вера,
Вместо 10 было Лишь недавно зарытая. В ней
После 11 незавершенный набросок Кладбище. Дело в сентябре.
Что за день я сегодня провел
Молодая и чистая. Злом
Истерзав ее душу прекрасную,
Злу непричастную, —
Поздние сожаления.
Наконец, на кладбище я снова, —
Меж могилами тихо иду,
И молчу и гляжу я сурово.
Между 15 и 16 Не мертвы для меня эти силы etc.
После 19 начато Мне мечтается могила:
Ты богата была, да не все ли равно
21 Они в землю сырую ушли
Вместо 20—23 Не мертвы для меня те могилы,
Но мне внятно они говорят:
В них великие малые силы,

Беззаконно убитые спят.
Вместо 42—43 Победители! Вы, насладившись,
Были горды, тщеславны [полны;] и злы
После 51 Господина не меньше ⟨*нрзб.*⟩
После 54, незавершенный набросок, ср. ст. 33—34 данного фрагмента Здесь и труп молодого поэта,
Что бесстрашно покончил с собой,
В свою грудь, истомл⟨енный⟩ борьбой ⟨?⟩,
Засадивший заряд пистолета.[1]

⟨13⟩

Между 4 и 5 *как 1—4, во фрагменте ⟨14⟩*

⟨14⟩

1 Если встану я утром тоскливо, —
Между 6 и 7 было начато То на прошлое бросишь страда⟨я⟩
Между 8 и 9 Что ж мне делать? Глухое жилище
С каждым часом несносней, скучней.
Час урочный настал: на кладбище
Я спешу с тихой грустью моей.
9 Поглядишь на людей: автоматы
Между 9 и 10 Скучных лиц утомительный ряд,
Вьются локоны, слышится смех
11, было начато Так Промелькнет вереница теней.

⟨15⟩

4 На пески бесконечные брызни
7 Поглядишь, — и оазис возник.

310

Вар. восстановительной правки

Днем, при блеске солнца,
Взор к земле прикован,
И красой условной
Дух наш очарован.

---

[1] *Было*: Беспощадный свинец пистолета

Ночь объемлет землю,
Хоры звезд зажгутся,
В мир красы безбрежной
Помыслы несутся.

Свет небесный ложен,
Нам слепящий очи;
Правда — бесконечность,
Собеседник ночи.

311

Первонач. вар. автографа

Я с собою на землю принес
Песни, полные слез;
Мою душу терзают они
В эти трудные дни.

И когда, утомленный борьбой
С непогодою злой,
Я хочу позабыть хоть на миг
О невзгодах своих,

Предо мною они властно встают,
И летят, и растут.
Ты не смеешь о братьях забыть,
Ты для них должен жить.
Должен быть твоих уст каждый звук
Воплощеньем их мук.

318

Первонач. вар. автографа

ЗВЕЗДА

Посмотри, мое дитя,
Как звезда горит над нами
Лучезарная, блестя
Разноцветными огнями.

Пусть бы жизнь твоя была
Так же ярко разноцветна,
Так же радостно светла
И среди других заметна,

И осталась бы чиста,
Как звезда, краса ночная,
Твоих мыслей красота,
Не старея, не сгорая.

320

Вар. восстановительной правки

(2) Радость жизни, красота?
(8) Чуть заметны под покровами
(9) Дивной прелести черты.
(10) *а* Ты лишь в дымке сновидения
б Ты мне в дымке сновидения
в Мне лишь в дымке сновидения
(11) *а* Появляешься на миг.
б Мне являешься на миг
(12—13) *а* Я, исполненный смятения,
Вижу стройные движения
б Вижу в трепете смятения
Беспокойные движения
(15) Внемлю с тайным содроганием
(17) Полон поздним раскаянием
(19) Но чуть скроется прелестная,
(20) Жизнь во мрак погружена
(21) С мраком борется безвестная
(22) И дороженька претесная
(23) Ей судьбой отведена.

321

Первонач. вар. автографа

Мороз окно разрисовал.
Еще в снегу ветры гуляют,
Но как бы ветер не взвывал,
Я знаю, скоро льды растают.

Снега достойны хвал больших.
Есть назначенье им и время.
Господь на земле сеет их
Одеть поля, чтоб зрело семя.

Даны со снегом нам коньки,
Ночные шумные пирушки,
Ядреный дух, детям снежки,
Сочельник, елка да игрушки.

Езда забавит нас в санях.
Какая бешеная тройка!
Летит, как будто на крылах,
И бубенцы трезвонят бойко.

323

Первонач. вар. автографа

Настали времена суровы.
Коварство злобное тая,
Моей отчизне строят ковы
Ее недавние друзья.

И, ополчась на подвиг ратный,
Готов воинственный сосед
Нарушить мир наш благодатный
В надежде дерзостных побед.

Но перед общим ополченьем
Не подымаешь ты меча,
И тесным бранным облаченьем
Не давишь мощного плеча.

Ее небранные одежды
Ее врагам страшны, как встарь.
И, как всегда, твоя надежда —
Самодержавный Государь.

Ты знаешь: вождь российской славы,
Когда подымешь бранный стяг,

Пред силами твоей державы
Не устоит надменный враг.

324

Первонач. вар. автографа

Закат, бледнея, потухал,
На небе звезды загорались.
На юге тучи собирались.
Старинный сад благоухал.

Он с нею вышел на балкон,
Она бледнела и вздыхала,
И, взявши руку девы, он
Заметил, как она дрожала!

«Прекрасны небо, звезды, ночь,
А я предчувствую разлуку,
И не могу я превозмочь
В груди поднявшуюся муку.

Хотела я забыть печаль,
И Бога я о том молила, —
Но злая дума, словно сталь,
Мне сердце бедное пронзила.

Но если так нам суждено,
Что Бог накажет нас войною,
Решилась я, мой друг, давно
Быть милосердною сестрою».

И дивно взор ее сверкал,
Румянцем щеки покрывались,
Старинный сад благоухал,
На небе звезды загорались.

326

Первонач. вар. автографа

РОЗА И ДЕВА

В благоуханной светлице
Алая роза цветет;
Возле, в роскошной темнице,
Юная дева живет.

Роза, как дева-рабыня,
Стала грустна и бледна;
Юная дева-графиня
Плачет, пред нею оставшись одна.

Розе мечтается поле,
Солнце, сияющий луг,
Деве мечтается воля,
Счастье и любящий друг.

Роза сквозь окна теплицы
Видит простой василек,
А пред глазами девицы
Бродит босой пастушок.

Розе милей всего мира
Этот цветок полевой.
Деве дороже кумира
Стоит красавец босой.

329

А
Автограф 1

1 Однообразны и тоскливы,
2 Бегут стадами облака,[1]
4 Шумит мятежная река.
5—6 Опять в себе твои призывы

---

[1] *Было*: Плывут по небу облака,

Я ощутил, змея-тоска[1]
7 Опять она мой ум объемлет,
8 Опять душа ей чутко внемлет.
9 Опять вы стали далеки
11 Опять порыв моей тоски,
12 Тоски, как океан, безбрежной
14 Лилеи трепетной и нежной
22 Влеку постылой жизни нить.

А1
Автограф 2

Однообразны и ленивы,
Идут стадами облака, —
Деревья голы, пусты нивы,
И под дождем шумит река.
Опять мой дух тоска объемлет,
И вновь мой ум печально дремлет.

333

Ранняя ред.

И наши смиренные песни
Исполнены слез,
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христос!

334

Первонач. вар. автографа

2 С паденьем злого дня
3 Поздравили меня.
4 *а* Но мрак моей темницы
б Но тьма моей темницы
5 Вспугнул гостей моих.
8 *а* Умчалися от злых.
б Уж в далях голубых.

---

[1] *Было:* *а* Я ощутил в себе призывы
Твои, ревнивая тоска.
б Я вновь в себе твои призывы
Почувствовал, змея-тоска

335

Автограф

Я лежала под тенью березы,
Разметав свои косы, нагая.
Предо мною прекрасные грезы
Проносилися, душу лаская.

Это было порой полуденной.
Солнце жгучее ярко горело,
Знойный воздух струей раскаленной
Обливал мое стройное тело.

Мне в сердце вливалась истома
Упоительно-сладкой отравой.
До тех пор я была не знакома
С обаянием мысли лукавой.

Я впервые в себе ощущала
Муку страсти и трепет желанья.
Я, как хлеба, лобзаний желала,
И уста мои ждали лобзанья.

337

Первонач. вар. автографа

Приникла пыль дорожная
К моим босым ногам.
Душа моя тревожная,
Послушай птичий гам,

Под плеск светло-струящейся
В том ручейке воды,
Не будь всегда боящейся,
Закутанной в труды,

Замученной тетрадками
И глупостью детей,
Запуганной загадками
Неумолимых дней.

2 июня 1887

355

Первонач. вар. автографа

1 Нега, роскошь, блеск, наряды,
2 Шумом дни ее полны,
34 Летом жарким и без гроз,
47 И ее утешат — воля

363

Первонач. вар. автографа

2 Бегу я в баню голышом,
8—9 Мне улыбается луна.
А если кто и попадется, —
16—17 Пред баней пляшет хоровод,
И от мороза весь багровый,
21—22 Мальчишки голые смеются.
Они давно здесь ждут меня.
27 И влажный пар объемлет зноем,

364

Первонач. вар. автографа

Мороз, темно, хрустящий снег.
Луна холодная в тумане,
Мой нагишом проворный бег
По улицам из жаркой бани.

Безлюдно в улицах, темно,
Никто, никто меня встретит,
Заснули все дома давно.
Никто не выйдет, не заметит.

Сменив на холод банный жар,
Я с головы до пяток красен,
И весь горяч, как самовар,
Который будет не напрасен.

Вбежал в домашнее тепло,
Оделся простыней суровой.

Как здесь тепло, и как светло.
И самовар уже в столовой.

Торопит мать. — Чай налит, пей! —
Босыми шлепая ногами,
Бегу в столовую — скорей
Пить чай душистый с сухарями.

367

Промежуточ. вар. автографа

1 Холодный листопада вид.
5 И наземь падают они,
6 Их мчит томительным паденьем.
7 а Так неудержно мчатся дни
б Так несдержимо мчатся дни
8 От старых бед к иным мученья⟨м⟩.

371

Первонач. вар. автографа

Разбита вера. Радостной надежде
Давно я сам сказал: прости! Любовь
Одна во мне огнем⟨?⟩ горит, как прежде,
Она одна волнует в сердце кровь.

Любовь не к женщине. Я этой страсти
До сей поры еще не испытал,
Не поддавался чарам женской власти,
И милых уст ни разу не лобзал.

Любовь к добру, и к правде, и к свободе,
Любовь к тебе, великий мой народ!
И к людям братская любовь, к природе,
Она одна ведет меня вперед.

Но как темна дорога! Безотрадно
Идти Бог весть куда, в немую даль.
Ищу я света трепетно и жадно,
И нет его, и детской веры жаль.

Надежды нет! Не верю я ни в Бога,
Ни в самого себя, ни в лживый свет,
И как душа ни жаждет веры, строго
Ей разум говорит, что Бога нет.

Бессильные и поздние проклятья
Я вам не раз во мраке посылал.
Зачем во мне разбили вы, о братья,
Святым нектаром налитый фиал!

376

Поздний вар.
восстановительной правки

2—3 Тому свои причины были
Преградой вечной завалили.
10 К нему слетал тревожный гений
14 Он привыкал ловить украдкой,

379

Первонач. вар. автографа

Строфа I Замутились источники жизни,
И течет она мутной волной.
Где ты, радость! Хоть каплями брызни
На угрюмые лица порой!
8 И сквозь волны не выглядишь дна!

384

А

Первонач. вар. автографа

1—14 Ты смотришь на меня, качая головой,
И хочешь ты спросить, что сделалось со мной.
Да, это правда, я уже не та, что прежде.
Как мне веселой быть? Тоска меня томит!
И звонкий смех в устах моих уж не звучит,
И нет изящества в прическе и одежде...
Мне трудно рассказать, о чем моя печаль:
Так мысли спутаны, и чувства так неясны...

Хочу ль их разобрать, — усилия напрасны;
И мысли улетят в таинственную даль.
То — мысли странные и чудные мечтанья...
Сопротивляться им нет воли и желанья...
Когда бы даже я могла, о нет, едва ль
Я отказалась бы от их очарованья!

25 Их души черствы, и на чуждые страданья
31 Убийства, злоба, месть, разврат, коварство, казни,
33—34 Царило меж людей бессмысленное зло,
Скрывалась правда, и порок не знал боязни.
38—40 Судьба нас двигает над грудами гробов.
В творениях своих картины наших мук,
Он будет сам не рад искусству своих рук:
43—45 И мучимых сердец бесчисленные раны,
Гоненья, клеветы, безбожные обманы,
Пророки изгнаны, и правят палачи.
48 И сыну скажет мать: «не плачь, дитя, молчи!

А1
Машинопись 1

1 Не можешь ты понять, что сталось вдруг со мной,
13—14 В ком кружатся они, мне кажется, едва ль
Захочет тот бежать от их очарованья!
46 И правда примет свой блистательный венец,

А2
Машинопись 2

1 *как в машинописи 1*
14 Захочет убежать от их очарованья!

387

А
Ранняя ред.
Машинопись 2

Строфа I и III *как в А1*
19—23 *как в автографе*
24 Повсюду на берег реки.
25 *как в автографе*

26 *как в А1, ИМ, основном тексте*
27 Вода прозрачная бежит,
28—30 *как в автографе*
31 Ребят виднеется в реке.
32—33 *как в автографе*
34 И в заревую красоту
35—36 *как в автографе*

А1
Корректурный оттиск

1—3 Томителен июльский зной,
На небе тают облака,
Блестит песок береговой,
6 Плесканье, смех нагих детей.
9—10 От плеска их проворных ног
Взлетают брызги высоко,
15—16 Там приподнимет он песок,
А там заденет ветви ив,
18 И вновь томит июльский зной.

А2
ИМ

1 Истомой дышит летний зной,
28 Колыша легкий поплавок,
30—31 И вот, что каменной грядой,
Детьми усеяна река.
33 Очей не сводит с поплавка

388

Первонач. вар. автографа 1

1—3 Отчий дом мне тюрьма,
Его воздух мне яд,
Я робка и нема,
7—8 Запою ли одна, —
Меня гонят и бьют.
13 (13—14) Как меня забранят,
Как меня засмеют!
Между 13 и 14 (15) Замолчать мне велят,
15 (16) А порою прибьют.

16—17 (17—18) Отчий дом мне тюрьма,
Я в нем юность гублю,[1]
18 Что же в нем я люблю!

Между 19 и 20 (19) В темной келье моей
19 (20) Про покойную мать?
Между 19 и 20 (21) С кроткой лаской очей?

Вместо 25—30 (27—34) Вечерком до свечей
Я ли в сад проберусь,
Я ль к березке моей
Притаяся, прижмусь,
Я ли плачу тогда
«Горемычная я!
Ой беда! Ой беда!
Доля, долька моя!»

392

А
Автограф
Ранняя ред.

КСЕНИЯ

I

В одном из южных городов
У черноморских берегов,
Жил с дочкой старый генерал.
Измучен в бурях полковых,
Но жив в преданьях полевых,
В покое век он доживал.
Лелеял он и обожал
Свое прелестное дитя.
Свежа, как утро, и мила,
Как ландыш, Ксения цвела,
Путь старой жизни осветя
Своей улыбкою живой
И недозрелой красотой,

[1] *После было:* Я там юность гублю.

И резвой радостью подчас,
И лаской несравненных глаз.

II

Давно лишился он жены:
Родивши дочь, скончалась мать.
Взаимной тяжестью полны,
Они любили вспоминать —
Она — младенчество свое
Меж офицеров и солдат,
А он — походное житье,
Да битв и стычек длинный ряд.
Теперь у них царила гладь,
Да тишь, да Божья благодать.

III

Она переживала возраст нежный,
От детских беспечальных дней,
И юностью лукавой и мятежной,
И жизнь светла казалась ей.
Она, как птичка, ликовала,
Зародыш страсти молодой,
Хоть ей незримой, уж порой
Она слезами поливала.
Она была, как небо, хороша.
Светилась детски-чистая душа
В ее наивно-любопытном взоре,
Хотя он был глубок, как море.
Пленяли милые черты
Слияньем детской чистоты
С беспечной радостью, живой и жаркой,
Но на щеках румянец яркий
Подчас сменялся бледностью такой,
И взор так гас, так хмурилися очи,
Как будто пред встревоженной душой
Вставали мрачные виденья ночи.

IV

Не пощадил ее суровый рок
И жизнерадостные грезы

В горниле испытанья сжег
И сердце смял... Увы! Непрочной розы!

V

Была прекрасная весна, —
Душистый месяц май!
Тоской призывною полна,
В себе услышала она:
Пришел твой ясный май!
Люби, иль умирай!
Пришла истомная пора,
Пора живой любви.
И сердце ей поет с утра:
«Пора любви, любить пора!
Зови, иль не зови, —
Любовь-волшебница придет
И в быстрый свой поток
Тебя, как буря, увлечет,
Помчит, как грозный рок».
Шумит ли море под скалой, —
И в ропоте валов
Она встревоженной душой
Все тот же чует зов.
Горит ли ранняя заря,
Румяня небосвод,
Она стоит и, вся горя,
Чего-то чутко ждет.
Блестят ли звезды, и луна
Их жнет своим серпом,
Бродит в саду своем она
С задумчивым лицом.
Пестреют ли, чаруя взгляд,
Весенние цветы,
С их ароматом к ней летят
Тревожные мечты.

VI

И милый образ, перед ней
Явясь, души не покидал.
В докучном шуме долгих дней

И в тишине ее ночей
Он, как живой, пред ней стоял.
Печально взор ее блуждал,
Порой, не видя никого,
Мир становился пуст и глух,
Когда в нем не было его,
Когда ее прилежный слух
Слов, дорогих ей, не ловил,
Когда ее ревнивый взор
За ним украдкой не следил,
Как будто он был метеор
Меж надоевших ей светил.

VII

Я вспомнил старое сравненье:
К огню стремится мотылек,
И на огне, в одно мгновенье,
Он крылья трепетные сжег.
Обезображенной золою
Упал он, бедный, у огня,
А мотыльки летят толпою
К огню, урока не ценя.

VIII

Она восторженно ждала
С ним даже мимолетной встречи.
Он говорил ей пламенные речи
Об идеалах, силе зла,
О правде вечной, о прогрессе,
Свободе, дружестве племен,
И даже об одесской прессе
Порой говаривал ей он.
Она ему внимала жадно,
В груди дыханье затая.
Так некогда, в тени прохладной
Я слушал рокот соловья,
И под нависнувшей ракитой,
Где варят ужин рыбари,
Ветвями сонными укрытый
Стоять готов был до зари.

Прикрыв себя ночной фатою,
Река дремала в чутком сне,
И пахло сыростью лесною
В невозмутимой тишине.
Чуть огонек рыбачий тлился,
Теряясь в тихой темноте.
На небе месяц появился
В своей туманной красоте.
Смолк соловей: последней трели
Тихонько отзвуки звенели
Над очарованной рекой,
И гасли в тишине ночной...
Теперь, избитый непогодой,
Я рано сердцем охладел, —
Не наслаждаюся природой,
А равнодушье взял в удел.

IX

Широкой и свежей волною
Лилась его пылкая речь, —
И падали кудри до плеч,
И очи горели грозою.
«Ольхин — удивительно мил», —
Решили одесские дамы.
Он ревность в мужьях возбудил
И две-три семейные драмы:
Не столько затем, что⟨б⟩ влюблять,
Хотя он и нравился дамам,
И важных мужей покрывать
Легко разглашаемым срамом, —
Нет, был он и дерзок и зол,
Заботился мало о дамах,
Злословя их суетный пол
В насмешливо-злых эпиграммах.
А нравился блеском очей,
Глубоким да пламенным взором, —
Красой молодою своей,
И силой, и пылким задором,
Так, внешностью их он пленял,
Да был он притом и не глуп же.

Но в Ксении он возбуждал
Любовь посмелей и поглубже.

X

Любил ли он ее, играл ли, равнодушный,
Доверчивой душой, как жертвою послушной,
Дразня наивный ум несбыточной мечтой, —
Но поздно вечером, под беглою луной,
Они сходили в сад, прохладный и тенистый,
Где веял аромат черемухи душистой,
И время их текло, свободно и легко,
И жив был разговор, и было глубоко
Значенье тех речей, пленительно-прекрасных,
Живых, как жизнь сама, как страсть живая, — страстных.

XI

Свежая новость промчалась:
Женится он,
Прелесть невеста досталась
И капитал в миллион.

Все жениха поздравляют.
Радостен он:
Прелести ль девы пленяют,
Или ее миллион?

Свежую новость узнала
Скоро она,
И ничего не сказала,
Только вдруг стала бледна.
Ночью по саду блуждает.
Плачет она?
Нет, только тяжко вздыхает,
Только грустна и бледна.

XII

Дитя наивное! Зачем тоскуешь ты?
Не стоит он мятежного страданья:
Он подавил в себе для пышной суеты
Твоей любви живое обаянье.

Сокровищам души, пленительно-живой,
Тобой пред ним доверчиво-раскрытой,
Он предпочел кумир, прославленный толпой,
Из золота блистающего слитый.
Так некогда дикарь, когда к нему примчал
Попутный ветер первый смелый парус,
Лукавым морякам охотно отдавал
Все золота за их дрянной стеклярус.
О, если бы узнать он мог когда-нибудь
Твоих даров чарующую цену,
Упал бы он к ногам твоим, моля: «Забудь,
Забудь мою безумную измену!»
Но нет! В таких людях царит над духом плоть,
Любовь для них — одно страстей кипенье.
Бредут они во мгле, и не дал им Господь
Для красоты духовного прозренья.
Была бы ты ему душой всегда чужда,
Как вазе пышной розы цвет пурпурный.
Увянет он, и не сдружит его вода
С раззолоченной, но холодной урной.

XIII

У калитки, где бывало
Часто ты смотрела вдаль,
Ты стоишь, и сердце сжала
Неотвязная печаль.
Здесь, бледна и молчалива,
С замирающей душой,
Ты ждала его тоскливо
Пред вечернею зарей.
Увидала, услыхала,
Рдела вся, как маков цвет,
Улыбалась и роняла
Недосказанный привет.
Здесь свершались чары ночи:
Здесь с тобою он сидел,
И в твои любые очи
С упоением глядел.
Здесь он маленькие руки
Тихо брал и тихо жал,

И к губам их в миг разлуки
Потихоньку прижимал.
Грудью лежа на заборе,
За ним смотрела долго ты;
Сколько нежности во взоре,
Сколько милой простоты!
А потом — вздохнешь легонько,
Склонишь голову свою,
И воротишься тихонько
На любимую скамью.
Мысль взволнованная бродит:
Вся желанием полна,
Смотришь ты, как в небе ходит
Серебристая луна.
Дышишь сладкою прохладой.
Реют сладкие мечты, —
И с тревожною отрадой
Поздно в дом вернешься ты.
А теперь — луна катится,
Чист и ясен неба свод, —
А в тебе душа томится,
А тебя тоска гнетет.

XIV

Увы! пожар ее души
Огнем разросся роковым,
Тем ненасытней, что в глуши
От глаз людских он был храним.
Померкли краски ее щек,
И яркий смех ее погас,
И был страдальчески-глубок
Тоскливый взор прекрасных глаз.

XV

«Оксана милая моя!
Скажи мне, дочка, что с тобой?
О чем страдаешь ты душой,
Тоску глубоко затая?
Давно толпою женихов
Ты, ангел мой, окружена.

Сулит им счастье и любовь
Твоя цветущая весна».
— «Отец, отец! любила я, —
Он не любил... он разлюбил!
Ах, как болит душа моя!
Ах, как мне белый свет постыл!»

XVI

Проходят дни, она грустна,
Отец печалью поражен;
Ее ласкает нежно он,
И говорит ему она:
«Ах, не тоскуй, мой дорогой!
Мне трудно горе перенесть.
Но погоди: ужо весной,
Когда мир Божий будет цвесть,
Я снова буду весела,
Опять я песни буду петь, —
До той поры я не могла
Моей тоски преодолеть».

XVII

Но не сбылись его надежды:
Своей чредой пришла весна, —
И Ксения сомкнула вежды
Для разрушительного сна.
«Прости, отец, прости: я знаю,
Что смертью раннею моей
Тебе я сердце разрываю, —
Но обо мне ты не жалей.
Пойми, что мне не хватит силы,
Лелея горе, годы жить.
Я рада в тлении могилы
Лихую грусть похоронить.
Не зеленеет лист засохший,
Цветам измятым не цвести,
И кипарис, от бури легший,
Не встанет, чтоб опять расти.
Милее, чем зари сиянье,
Мне непробудной смерти сон,

И сладок, сладок будет он,
Как поцелуя обаянье.
Как час желанного свиданья!»

XVIII

Как бледна, и мила, и нежна,
В блеске новой своей красоты,
Во гробу почивала она.
Благовонною вязью цветы
Всю ее обежали вокруг
И, ласкаясь, как дети, легли
На груди, на плечах, возле рук, —
Но ее разбудить не могли.
Не схватилась малютка-рука
За цветочную нежную вить,
Чтобы запахом сладким цветка
Охладелую грудь оживить.

Август 1888

А1
Автограф
Промежуточн. вар.

(1) а В одном из наших городов
б В одном из бойких городов
(4) Он в летописях боевых
Вместо (5—6) Оставил память дел своих
В блестящих былях боевых,
(10) а Как утро раннее мила
б *как ст. 5 в основном тексте*
(15) И нежной лаской милых глаз.
(23) Сражений, стычек длинный ряд.
(27) а Меж детских беспечных дней
б *как в А*
(28) До юности лукавой и мятежной,
(30—31) Она, как зорька ликовала,
Но семя страсти огневой,
(33) Она слезами обливала.
(40—43) С беспечной живостью, как лава, жаркой,
Но щек ее румянец яркий

Сменялся бледностью такой,
И так глаза прекрасные темнели,
(45) Виденья мрачные летели.
(48) Грозой неистовою сжег
(51) *а* Сияла нежная весна
б *как ст. 21 в основном тексте*
(69) Горит ли яркая заря,
(81) Желанный образ, перед ней
(95) Между постылых ей светил.
(106) Любил он пламенные речи
(136) Могучей и свежей волною
(64, 67—68) *как ст. 141, 144—145 в основном тексте*
(76, 78) *как ст. 153, 155 в основном тексте*
(93) *как ст. 170 в основном тексте*
(110, 118) *как ст. 187, 195 в основном тексте*
(120) *а* Златой убор за их дрянной стеклярус.
б *как ст. 197 в основном тексте*
(127, 129, 134) *как ст. 204, 206, 211 в основном тексте*
(140, 145—146) *как ст. 217, 222—223 в основном тексте*
(154, 156) *как ст. 231, 233 в основном тексте*
(163—164, 175) *как ст. 242—243, 253 в основном тексте*
(177) *а* Погасли зорьки ее щек
б *как ст. 255 в основном тексте*
(280—281) Дай время мне, чтоб я смогла
Свою тоску преодолеть.
(219) *как ст. 300 в основном тексте*
(301) *зачеркнуто*
(221, 223, 231—232) *как ст. 303, 305, 312—313 в основном тексте*

А2
Поздний вар. автографа

(1—10) Оставив славу дел своих
В блестящих былях полковых
В покое век свой доживал
С прелестной дочкой генерал[1]
В одном из бойких городов
У черноморских берегов.
Как роза Ксения цвела

---

[1] *Было: а* Однажды старый генерал, *б* С красивой дочкой поживал

Его прелестное дитя.
Как утро ясное мила,
Путь старой жизни осветя.
(16—32) *зачеркнуты*
(38) Пленяли милыя черты
(40) *как ст. 16 в основном тексте*
(46—49, 54—64) *зачеркнуты*
(69) *как ст. 31 в основном тексте*
(90) Когда здесь не было его,
(96—103) *зачеркнуты*
(97) В окно стремился мотылек,
(110) *как ст. 49 в основном тексте*
(114—115) *как ст. 53—54 в основном тексте*
(116—119) *восстановлены*
(120—135) *зачеркнуты*
(133—134) Ты рано сердцем охладел, —
Не наслаждаешься природой,
(136) Могучей, звучною волною
(159, 163, 182, 188) *как ст. 82, 90, 105, 110 в основном тексте*
(215) С замиравшею душой
(216, 224, 248) *как ст. 139, 147, 170 в основном тексте*
(270) *а* И дни бегут, грустит она
б *как ст. 193 в основном тексте*
(277) Когда природа будет цвесть,
(281) Тоску души преодолеть».
290—293 *зачеркнуты*

Б
Машинопись 3

1—3 В отставке век свой доживал
С своею дочкой генерал
В одном из милых городов
5—6 *в обратном порядке*
10 Улыбкой бойкой и живой,
18 И так глаза широкие темнели,
36 Их жнет ночным серпом,
54 Я слышал рокот соловья,
57—58 *в обратном порядке*
59—60 *в обратном порядке*
59 (60) Могучей и страстной волною,

89—90 Там время их текло свободно и легко,
И длился разговор, и было глубоко
125—127 Но нет, в его душе, расчетливой давно,
Немудрой цепи благ куются звенья,
И он — один из тех, которым не дано
164 Одинокая луна.
169 А теперь луна сияет,
171 А в тебе тоска пылает,
215 И бедный куст, от бури легший,

400

Поздние вар. ред. 1888

1 *а* Не боюсь я злой старости, нет!
б Не страшна ты мне, старость, о, нет!..
4 *а* Мой лукавый и лживый язык.
б К обыде́нности пошлой привык.
7—12 Когда злобу людскую кляня,
Я горю разоренной душой?
Ах, давно уже вам я не рад,
Запоздалые в сердце огни...
Ваш угарный томительный чад
Отравил мои бледные дни.
17—20 Ах, давно мне порок подарил,
Издеваясь над слабой душой
Вместо дерзко-растраченных сил[1]
Этих мук неотвязчивый рой.
22—23 И прильнувши к горячей груди,
Равнодушием сердце обвей
24 *а* И навеки его охлади.
б И навеки его остуди.

---

[1] *Было*: Вместо глупо-растраченных сил

405

А
Первонач. вар. автографа
Ранняя ред.

Прошла пора летучих снов,
— Пора незрелых упований,
Пора любви, пора стихов,
Пора несознанных страданий.

Сердечный жар я охладил,
Смотрю на жизнь, как старец дряхлый,
И грезы прежние забыл,
В трудах существенности чахлой,

Покорен я своей судьбе.
Лишь об одном берет кручина:
Увы! С мечтателем в себе
Похоронил я гражданина.

Так пахарь, кинув в поле плуг,
Перековал лемех на свайку;
Так нежной флейты прежний друг,
Ее сменял на балалайку.

А1
Поздние вар. автографа

(1) Прошла пора неясных снов,
(4) а Пора томительных мечтаний.
б Пора восторгов и страданий.
(7) а И грезы юности забыл,
б И грезы юные забыл,
(8)—(9) Служа действительности чахлой.
Покорен я моей судьбе.
(13—16) *как в основном тексте 9—12*

А2
Машинопись 1

3 (7) *как в А1, б*
4—5 (8—9) *как в А1*

407

Вар. восстановительной правки

3 а Печально колебался я,
б Стоял и думал долго я,
4 Какой бы мне идти дорогой.
15—16 И надпись сделана ошибкой
Упал на землю он, звеня.

413

Первонач. вар. автографа

3—4 Если б был я посмирней,
Выносли́вей, терпеливей
8—10 Не завидую я счастью.
Лучше выпить штоф вина
С братом по несчастью,
11 а Чем идти на пышный пир,
б Да не скажет злобный мир;
12—14 Чем трусливо смолоду
Чтить людской кумир,
Поклоняться золоту;
20—25 И мириться с ним не стану,
Мстить богатому врагу
Мне не по карману,
Правду ж высказать могу
И назло его обману,

414

Автограф

1 Свершались древне чудеса
2 а Неизъяснимы, чрезвычайны,
б Необъяснимы, чрезвычайны,
11 а Но предуставленной чредой
б А предуставленной чредой;
14 Неизъяснимы, чрезвычайны:
32—35 Дыханье Господа почует,
И верный — веру оживит,
Преступник злобным сердцем дрогнет,
И мир разбуженный узрит.

421

А
Автограф

3 Жизнь не щадила, унесла
15 О, вы, былые упованья!
17 И не страшит ночная мгла.
19 Те упованья — силы зла,
22—23 Не вы ли, милые⟨?⟩ мечтанья,
Не вы ль, святые упованья,
39 И ты бы стала так мила.

422

Автограф

И мне насмешливый мой гений
Тогда немало подсказал
Непоэтических сравнений.
Я полный месяц увидал, —
На мякоть зрелого арбуза
Похожа красная луна,
Или, верней, на жабье пузо.

423

Первонач. вар. автографа

Мне жизнь горька, как чаша яда,
Но я влеку покорно тяжесть бытия;
Ни слова ропота или мольбы лукавой
Своей судьбы не брошу, гордый, я.

Безвестными, тернистыми путями
Иду, — и мгла окрест,
Но я не омывал бессилия слезами
Мне плечи режущий, суровый крест.

Лишь шаг один — надменный, своевольный, —
Угаснет жизнь, — всему конец!
Так, бранными трудами недовольный,
Спешит к врагу трепещущий беглец.

Нет, я, как воин, преданный знаменам:
Не может он покинуть ратный стан,
И бьется до конца, и малодушным стоном
Не выдает жестокой боли ран.

424

Первонач. вар. автографа

1 *а* И разноцветна, и благоуханна
б В ночь распустилась, вся благоуханна,
2—5 Яркая, великолепная канна.
Крупные листья согнулись совками,
Яркими, словно облитыми кровью,
Сжал над цветком его злыми руками
15 *а* Лучше на родине, в Индии жаркой,
б Сладко на родине, в Индии жаркой,
Между 17 и 18 Да, позабыли, что были румяней
Там их подруги, листочки желтее,
Пахли свежее и благоуханней
И ветерок целовал их нежнее
19 Тесно сомкнулась над бедною канной;
21 День такой серый, немилый, туманный.
22—25 Поняли листики грустную долю,
И, проклиная наш мрак и неволю,
Тихо свернулися, тихо поблекли
И наклоняясь, томительно сохли.
После 25 Я стою перед канной,
И в тоске бездыханной
На нее я гляжу...

426

Автограф

1 Под черемухой пахучей
3—4 Вдруг, — вероники ползущей
Вижу цветик голубой.[1]
5—6 Было весело: на небе ль,

---

[1] *Было*: И вероники ползучей
Сорван цветик голубой.

На земле ль лежу — не знал.
12 К локтю Зоиной руки.

428

Автограф

1 Зорька вечерняя, ярко-багряная,
2 Долго играла зарницами дальними
3—5 Долго в недвижной реке отражалася
Кротко сияла лучами прощальными.
Тихо иду я привычной дорогою,[1]
6—7 Келью оставя свою одинокую.
И над рекою с тоскливой тревогою

Строфа III, отмечен порядок строк: 2, 1, 4, 3

9—10 Речка журчала под утлою лодкою;
Там, где целуясь с прибрежными лозами;
12—13 Первой любви упоительной грезою.
Тихо идет она, ночка желанная.
18 Груди под ризой прозрачной колышутся.[2]
19—22 Вижу: сияет мне кроткими глазками,
Ризы снимая свои серебряные.
Что ж ты не молкнешь, тревога тоскливая?
Что отравляешь мое наслаждение?
25 С ночью ты делишься, долюшка бедная
27 И опечалится ноченька бледная,[3]
28 Слезы закапают светлыми росами.

Машинопись

1—8 *как в ИМ*
9—10 Там, где журчала под утлою лодкою
Речка, целуясь с прибрежными лозами,
11—12 *как в ИМ, порядок строк: 12—11*
13—18 *как в ИМ*

---

[1] *Было*: И утомилась, и бледно-румяная
В небе сияла лучами прощальными.
Тихо иду я заросшей дорогою,

[2] *Было*: Вижу: колеблются груди волнистые.

[3] *Было*: И затуманится ноченька бледная,

19 В очи мерцает мне кроткими глазками,
20—26 *как в ИМ*
27—28 Пусть опечалится ноченька бледная,
Тихо заплачет полночными росами.

435

А
Автограф

3 Недаром эта чуткость слуха,
4 а Недаром этот трепет сил,
б Недаром трепет юных сил,
в Недаром трепет мощных сил,
6 Недаром коршуна быстрей,
7 а До сердца самого людей
б *как в машинописи 1 и 2*
12 а Трудом иль мыслию случайной
б *как в машинописи 1 и 2*
13 И овладеть какой-то тайной
19 Пред кем бледнеют зори наши
25 В пустыне сорок лет блуждая.

А1
Машинопись 1

3 *как в автографе*
4 *как в автографе, 4в*
6, 19 *как в автографе*

436

Автограф

3 а *как в машинописи*
б И душа солнцу светлому рада.
в *как в машинописи*
4—5 Я оделся спешком
И бегу босиком;
8—9 Рубашонку мою;
На бегу ветерок подымает;
13 Я — рубашку долой;
24 Ветер тихо играет с кустами.

437

Первонач. вар. автографа

1 Я вышел рано на дорогу
3 И погружаюсь понемногу,
4 Душой в могильный сон,
5 Мне хочется свернуть с дороги,
7 Чтоб отдохнули мои ноги —
9 Затем, что отдых к лени манит
16 Чтобы в канаве умереть.

441

Первонач. вар. автографа

3 И я устал. Спадает зной.
6 *а* Давно не встречу я жилища.
б Давно не встретится жилище.
10 Ненужной крепости стена?
24 Жильцов в холодном доме нет,
Между 32 и 33 было Нашла себе приют румянка.
43 Пыль с камней тихо, трепеща.

442

Машинопись

Три зверенка не зверенка,
Три чертенка не чертенка
По зауголью живут,
В неподобный час выходят,
Игры жуткие заводят,
И орут, и вопиют.

Первый — желтый, липкий, кволый,
Ростом с палец, но тяжелый,
Что кошмарный камень, вздох.
В несуразный ведьмин праздник
Не последний он проказник,
И его покличут: — Ох! —

А второй вертлявый, тонкий,
Взор мышиный, голос звонкий,

Друг его — крикливый Зой.
На пирушке у колдуньи
Про него гнусят шептуньи:
— Голосистый вырос Ой! —

Третий юркий и визгливый,
Топотун нетерпеливый,
Взвизгнет, уши затыкай.
У шишиги на пирушке
Шелестиные старушки
Шепчут: — Хват же этот Ай! —

443

А
Первонач. вар. восстановит. правки

3 Вот ребята — их плеск
5 Синеватой волной
12 Кто шумливо плывет,
33 Желтый берег блестит,
34 И широк, и отлог,
35 За телегой пылит.

А
ИМ

1 Что за прелесть. Смотри:
7 Воздух нежно душист,
12 А в воде какой плеск
16—19 Там сосновый лесок
Ярким светом облит.
В его тихую тень
Из вечерних лучей.
28 Что за прелесть. Смотри:

А1
СВ

1, 12, 16—19, 28 *как в ИМ*
7 Воздух сладко душист,

A2
Ст. I

3 Красный отблеск зари,
9 Там, на зелени ив!

444

Первонач. вар. машинописи

1—2 *как в автографе*
3 Чтоб не был сын Германии порабощен
5, 7—8 *как автографе*
9 И вот лежит он мертвый, кровью облитой,
11 В отчаяньи она на меч тяжелый свой
12 *как в автографе*

448

A
Автограф

1 На могилку милой
5—6 *а* Твой цветок синеет,
Как ее глаз просинь,
б Пусть цветки синеют.
Милых глазок просинь,
7 Лист не пожелтеет
9—11 Пусть в цветке проглянут
Для меня те глазки
В сердце пусть не вянут
12 *а* Милой девы ласки.
б Дорогие ласки.

A1
Первая публикация

1 На могилку милой
6 Милых глазок просинь,
9 Стану вспоминать я.

449

Первонач. вар. автографа

Солнце рано встало,
Но уж я в лесу.
Ландышей немало
Я домой несу.

Аромат их ясный,
Свежий и простой.
День, встречая, красный,
Я иду босой.

Кто-то шепчет дрожью
Каждого куста:
— Жизнь во славу Божью
Быть должна проста.

Шепчет, слабо веся,
Листья шевеля:
— Что тебя милей,
Мать сыра Земля?

451

Автограф

1—3 Поднявши меч для боя злого,◊
Его я тяжко опустил,◊
Казалось мне: врага лихого◊
5—8 Но вдоль склонившегося тела[1]◊
И раздробившись о каменья,[2]◊
И враг подходит, извиваясь,[3]◊
Как скользкая змея.[4]◊
11 Но мой противник — злая хмара —◊
13 Холодным слизистым туманом◊
15 И трепетно скользящим станом◊
16 Он, как змея, меня обвил.◊

---

[1] *Было*: *а* Но ускользнул он, извиваясь, *б* Но ускользнул он, улыбаясь,
[2] *Было начато*: Я грянул меч. После было: Сломал свой меч я о кремень
[3] *Было*: *а* И он, коварно улыбаясь, *б* Ко мне спешит он, извиваясь,
[4] *Было*: Ко мне спешит, легок, как тень.

452

Автограф

2 *а* И листья с деревьев опали,
б Листья с деревьев упали,
3 В долинах ползучая мгла,
6 Цветок распускает лиловый,
9—12 Он помнит, как в летние дни
Цветка его листья все ждали,
Цветка не дождались они
Увяли и наземь опали.[1]

455

Первонач. вар. автографа

2 Картины грустных детских лет,
5—8 Давно похищенный забвеньем,
Ничтожный случай вспомнил я,
И светлым, чистым наслажденьем
Душа исполнилась моя.
10 Я как-то летом проходил.
12 Но все ж я многое следил.
16 Везде шумят, пылят, гремят.

456

А

Промежуточн. вар. автографа

1—2 Когда страдал я безнадежно
За ⟨*нрзб.*⟩ идеал
12—13 В порочном сердце умерла.
Мне не стряхнуть тоски суровой

---

[1] *Было*: Он помнит: цветочка того,
Так жадно цветка ожидали,
Унылые листья его,
Его не дождавшись, увяли.

А1
Машинопись 1

1—3 Когда я влекся безнадежно
К тому, чего напрасно ждал, —
Людей любил я так мятежно,
7 Черствея с каждою минутой,
10 Презренных дел, и лжи, и зла,
13—14 Не свергнуть мне тоски суровой
С души поруганной моей,
16 На путь надежды юных дней.

461

Первонач. вар. автографа

3—4 И с цветного пьедестала
Словно к небу убегала[1]
Между 4 и 5 Окрыленною ногой
5—6 Где холодный мрамор, мнилось,
Жизнью тайною кипел,
11—12 Там, где стройные колоны ⟨?⟩
Тополь гордо возносил
13 И фонтан среди долины[2]
14—16 Белым призраком сквозил,
Я просиживал безмолвно
Пред статуей на траве, —
19 Моим трепетным мечтам.
24 И на ласковой свирели[3]
26 Песню робкую слагал.[4]
28—30 Когда стихло все кругом,
Загорелись ее очи
Страстно бешенным огнем.
32—34 Я понять того не мог,
Но я видел колебанье[5]
Белых персей трепетанье

---

[1] *Было*: Мнилось, к небу убегала
[2] *Было*: И фонтан в дали долины
[3] *Было*: Звуки ласковой свирели
[4] *Было*: Я подолгу рисовал.
[5] *Было*: *а* Но я видел колыханье

37—39 С пьедестала мне звучал,
На ланитах бледных, дивных.
49 За былые упованья
53 И змеею она обвилась[1]
88 И пока 〈 〉

463

Первонач. вар. автографа

1—2 Тяжело вспоминать мне про детские годы,
Про тяжелые, мрачные, душные дни;
Между 3 и 4 Лишены утешений веселой свободы,[2]
4—7 (5—8) В нищете и пороке таились они.
Оглушен и раздавлен гремящей столицей,
Посреди неприветных кирпичных громад,
Рано стал я встречаться с своею царицей,
9—10 (10—11) Но немного богиня дала мне наград.
И мрачна, и бледна ко мне муза спускалась,
12—13 (13—14) Беспокойная грудь ее часто дышала,
На устах ее звонкая песня звучала,[3]
16—17 (17—18) Разливалася песня в полуночной тьме.
В ней рыданья, проклятья и стоны звенели,
18—19 (19—20) Точно плакала грешница в страшной тюрьме.
И волшебная сила печального пенья,
25—27 (24—26) Проносились победы коварного зла,
Преклонялась толпа перед властным позором,
И повсюду немолчным, торжественным хором
28 (29) Затаенная знойная буря вставала
31—32 (32—33) И мечта, точно птичка больная, порхала
Поглядеть: не заря ли блестит впереди.
39 (40) И во сне мне мерещились призраки горя
41—42 (42—43) Торжествующий, злобный, как дикое море,
Закипевшее бурею в душном просторе,
46 (47) Сердце рвалось и билось в тоске нестерпимой

---

[1] *После было начато*: И легла и вся об

[2] *После было*: Лишены утешений беспечной свободы,

[3] *Было*: Тяжело беспокойная грудь волновалась,
а На устах ее звонкая песнь улыбалась,
б На устах ее звонкая песня рождалась

49—50 (50—51) И сбылось, и обрушила злая судьбина
Неизбежный удар на усталую грудь,

465

А

Промежуточн. вар. автографа 1

3 Глина, дром, песок сыпучий
29—32 К нам сошла она, блистая
Непорочной красотой,
Нас улыбкою пленяя,
Обольстительно живой.

А1

Автограф 2

1 В чаще леса леший бродит,
3—4 То в трущобы нас заводит,
То в кустарниках кружит.

468

Автограф

1 Вот день еще один неслышно в вечность канул;
3 Я на закат его с тревогою смотрел,
5 Над головой моей внезапный гневный гром,
7 И перед их святым несдержанным огнем
8—9 Земля вдруг сделалась мрачнее и безмолвней,
И в мрачной тишине внезапно разрешась,
20 Равно бессмысленно и тяжко в свете жить.
27—28 «Но я — не вол. Я был орел — да только крылья
Моя судьба безжалостно оторвала.
30—32 Я не могу забыть про яркую лазурь,
Про чистый воздух гор, где я парил, свободный,
Где выше облаков внимал стенанью бурь.

470

А

Первонач. вар. автографа

Мальчишки резвые бегут ко мне босые,
Я вижу, в их руках белеются цветы,

То их подарок мне — кувшинчики речные,
Цветы пахучие и свежие листы.

Их сбивчивый рассказ и смех их серебристый,
Как светом, озарил приют угрюмый мой.
Но вот они ушли, оставя дар душистый.
И я гляжу им вслед с ревнивою тоской.

Мой взор рассеянный лениво наблюдает,
Как правильно в цветке сложились лепестки,
А дума вьет мечты и чайкою летает
Над светлой полосой извилистой реки.

Вот тинистый затон. Кувшинчики и ряски
Сплетают на воде причудливый узор!
И мошки над водой кружатся в быстрой пляске,
И лозы с ветерком заводят разговор.

Полунагие дети с голыми ногами
Блуждают по воде веселою толпой,
Кто ловит раков под прибрежными камнями,
Те весело шумят и брызжутся водой.

И грустно мне, что я уныл, как старец хилый,
Что колесницей жизни смята моя грудь,
И от младенчества, поры святой и милой,
Ни светлых чувств, ни смелых дум мне не вернуть.

А память предо мной развертывает живо
Картины сереньких и чахлых детских дней,
И я завидую, завидую ревниво
Беднейшему из тех оборванных детей.

Завидую: тому, что в тишине природы
Не мял я свежих трав проворною ногой,
И увядал, лишен веселья и свободы,
Томясь недетскою, сжигающей тоской.

А1
Машинопись

2—4 К окошку подошли, и подали букет,
Подарок их любви, кувшинки водяные,
Звездою желтою раскинувшийся цвет.
6 *а* Согрели радостно печальный мой приют.
б Согрели радостно непышный мой приют.
18 *а* *как в ИМ*
б А ноги голые окутал в бронзу зной.

472

Первонач. вар. автографа

3—6 Свои неопытные силы
Могиле ранней я обрек.
И необузданный порок
Меня влечет на край могилы.
7 О пощади! Жизнь хороша;

473

Первонач. вар. автографа

2 И злой природою обижен,
7 Но если б как-нибудь, в пути,
9 Я возмутил бы дружбу нашу
10 *а* Своей надменною душой
б Своею мстительной душой
12 *а* Поднес ласкающей душой
б Поднес бы трепетной рукой.

477

Автограф

2 Стократ презрен.
3 *а* Он лишний в нашем жалком веке
б Он лишний в нашем черством веке
5 Блажен, кто понял лживость света
6 Стократ блажен
10 Стократ презрен;
14 Стократ блажен, —

18 Стократ презрен.
22 Стократ блажен, —
26 Стократ презрен.
30 Стократ блажен.

479

А
Автограф

1—2 Встал я и настежь окошко...
Влагою утренней дышит,[1]
3—4 Ветер бежит шаловливый
Треплет траву и колышет.[2]
5—7 А на траве так и блещут,
Блещут алмазы — росинки,
Яркие, что твои звезды,
18 Мне ли ответить улыбкой
21—22 Но и сквозь слезы улыбкой
Вам я ответил невольно,
24 На сердце трудно и больно!

А1
Машинопись 1
18, 21—22 *как в автографе*

482

Первонач. вар. автографа
1 В своей кроватке одинокой
3—5 И ноет сердце от жестокой,
Несносно тяжкой боли ран.
Стыдливый мальчик, робкий, нежный,

---

[1] *Было*: *а* Я отворил свои окна
Утренней свежестью дышит;
б Я распахнул свои окна
Утро наивное дышит;
в Встал я и настежь окошки...
Утро беспечностью дышит,
[2] *Было*: Ветер играет травою
Треплет ее и колышет.

8—10 Спознался рано с нищетой
Неотразимою бедой.
И вот малютка мой живет
15 а Вот от чего течет невольно
б Вот от чего порой невольно
16 Катятся слезы, что вода.
20—21 Несправедливою лозой.
Не боль лозы — но яд упрека,
31 И вдруг он внемля сладки звуки,
33 И видит он — воздушной тенью
35 а И неземному утешенью
б И нежной речи утешенью
37—41 «Не плачь, не крушися, мой милый,
Придут и утешные дни.
Не плачь, не крушися, мой милый,
Обиженный мальчик, засни!
48 Да тонкие ручки — найдешь.
50 Улыбка на алых губах,
55—59 И золото блещет, что пламень,
На юбке все шитый атлас.
А ножки босые нежнее
Атласистой ткани, нежней
После 60 Веселые, резвые игры,
И смех, и румянец живой.
Пред ней бы голодные тигры
Упали во прах головой.
62—63 Бедняжка, молись и терпи,
Будь кроток, как прежде, родимый!

483

Первонач. вар. автографа

1—2 Томим нуждою и заботой,
И одинок, и угнетен,
4 И день и ночь проводит он.
8 Природа горечь разлила.
Строфа V *3—4—1—2*
15 Но он, послушен воле тайной,
20 В плоды тяжелого труда.

486

А
Первонач. вар. автографа

1—2 Насмешки едкой злая боль,
Что больше думать, то сильнее.
4 Что ни минута, то больнее.
6 А ты, простак, что ж сам зеваешь,
8 В груди ревниво подавляешь?
9—10 Вооружись-ка ты кнутом
Насмешки самой ядовитой,
12 Атака — лучшая защита.

А1
Машинопись 1

2—3 От злой насмешки все сильнее.
Так в раны всыпанная соль,
8 Стыдливо подавляешь?
12 *как в автографе*

487

Машинопись 1

Прости, ты — ангел, светлый, чистый,
А я — безумно дерзкий гном.
Блеснула ты луной сребристой
На небе темно-голубом.
И я пленен твоей улыбкой,
Блаженно-нежной, но она
Судьбы жестокою ошибкой
В мою нору занесена.
Внезапно так и так отрадно
Красой твоею поражен,
Молил твоей любви я жадно,
Мечтой безумной распален.
Но милое твое смущенье,
Румянец быстрый нежных щек,
В очах пытливое сомненье,
В устах подавленный упрек
Мне показали, как жестоко

Я обманулся, темный гном,
Когда завистливое око
Блуждало в небе голубом,
Когда надменною мечтою
Я в небо дальнее летел
И безмятежною луною,
Безумец, овладеть хотел!

489

Первонач. вар. автографа

Покрылся весь звездами яркими
Росою обрызганный двор,
И солнца живыми подарками
Любуясь, блуждает мой взор.
Любуется каждой росинкою,
Дивится на каждый листок.
Вот — словно зеленою спинкою
Блестит, притаяся, жучок.
Вот — слезы блестят: чернокудренник
Прижался к забору в слезах.
Знать, плачет о том он, что утренник
Такой был холодный, что страх.

490

Промежуточн. вар. автографа

1—6 То не сорная сурепица,
Ветвясь, лезет на забор, —
Жизни сонная нелепица
Отуманила мой взор.
То не мошки тучей пыльною
Вьются, пляшут над прудом, —
15 Так душа моя мятежная

491

Автограф

1 *а* Иду, путей не разбирая,
б Иду, путей не разбираю,

3 а *как в основном тексте*
б И взоры низко наклоняю
5—8 Ногам, до бедер загорелым,
Нежны ласкающие мхи.
Подобные поющим стрелам,
Звенят, слагаяся, стихи.

493

Первонач. вар. автографа

7 Когда звонкая струя
11—12 И иной из нас уж ждет
Преждевременной могилы.
17 За единый, светлый миг
20 Жизни бросить были б рады.

496

Вар. восстановительной правки

А

Небо бледно-голубое,
Звезды бледные мерцают,[1]
Тучки бледною толпою,
Точно призраки мелькают,
Спят поля в красе туманной,
Мгла клубится в темных далях...
Сердце полно боли странной
8 О пережитых печалях.

А1

(5) а Тихо спит, туманясь, поле.
б *как в АМ*
(6) а *как в АМ*
б Бледной мглой закрыты дали...
в *как в ССС XIII*
(7) *как в АМ*
(8) а *как в АМ*
б *как в Ст. I*

[1] *Исправлено*: Звезды бледно так мерцают.

497

Первонач. вар. автографа

2—4 Что пора тревожному уняться
И что больше нет во мне уж сил
Вслед за ним гореть и порываться.
5—6 Нет, оно, безумное, кипит.
На людские стоны служит эхом,

499

Промежуточн. вар. автографа

2 *а* В нем проку вижу слишком мало.
б И равнодушно, и лениво.
6 Как надо спать, покуда спиться,
7—8 *а* А надоест переносить,
Или занять, да застрелиться.
б А надоест тоску влачить,
Так надо удавиться.

503

А
Автограф 1

Ты слышишь гром? молись, не смейся
Над бурей страшною и злой,
И лежа в прахе, не надейся,
Что буря мчится стороной.

А1
Вар. автографа 2
и восстановительной правки

1—3 *как в автографе 1*◊
4 Что буря минет стороной.◊
8 *а* К себе притягивает он.
б К себе зовет громами он.◊
9 Он налетит, глася громами,◊

505

Автограф 2

I

Склоняется Христос под тяжестью креста.
Ругаяся его страдальческому лику,
Толпа шумит вокруг. Он молча внемлет крику.
Покорно сомкнуты пречистые уста.
Зачем же к злой земле приникла высота?
Когда же примет раб немстящего Владыку?

II

Ругаяся его страдальческому лику,
Толпа безумная шумит вокруг Христа.
Покорно сомкнуты пречистые уста,
И что б ответил он неистовому крику?
Земля не узнает небесного Владыку

III

Толпа шумит вокруг. Он молча внемлет крику.
Покорно сомкнуты пречистые уста.
Изнемогающий под тяжестью креста,
Он отирает пот, струящийся по лику

IV

Покорно сомкнуты пречистые уста.
И кто бы в нем узнал небесного Владыку?
Он отирает пот, струящийся по лику.
Склоняяся в пыли под тяжестью креста.

V

Зачем же к злой земле приникла высота?
Не понял зверь земной небесную музыку

VI

Не примет никогда немстящего Владыку
Земная, скользкая и злая суета.

510

Первонач. вар. автографа

1 Раб, купленный Пентеферием, Иосиф,
3—4 В саду трудился. И пришла жена
Пентеферия: и на раба она,
5 а *как в основном тексте*
б На полуголого раба глядела
6—8 И пламенем внезапным вся горела...
И отроку вельможа поручил
Ключи и яркой ризой облачил.
9—10 И отлучился муж. И госпожа
Иосифа призвала. Робкою ногою
13 И робкий раб стоял, склонивши шею,

515

А

Первонач. вар. автографа

Серые сумерки пали,
Близится черная ночь.
Краски с небес побежали,
Словно испуганы, прочь.
В сумраке сером белеет
Снег, пооттаявший днем...
Тюль ли недвижная ⟨?⟩ реет
Тень ли незваная реет
Над одиноким окном?
Или, крылами махая,
Чайка промчалася там, —
Только грущу я, не зная,
Что со мной сталося, сам.
Тихие робкие слезы...
Ими в душе облиты
И безнадежные грезы,
И золотые мечты.

А1

Промежуточн. вар. автографа

(1) Сумерек серые тени,
(3) Сладость тоскующей лени[1]
(4) Душу гнетет тишина.[2]
(10) Чайки ль проносятся вдаль?
(11) Грустен сижу я, вздыхая,[3]
(13) Горькие, робкие слезы...

516

А

Первонач. вар. автографа

Коль случится вдруг с тобою
Грех большой иль небольшой,
Ты не робок будь душою,
От себя его не скрой.

Пусть желает искупленья
От греха того душа,[4]
И раскаянье, смущенье
Пьет из полного ковша.

И пускай страдает тело
От провинности своей,
Предавай его ты смело
Резкой боли от бичей.

Был наказан ты сурово,
Не бежал ты от суда,
На душе ж спокойно снова,
Поступай ты так всегда.

---

[1] *Было*: *а* Полны печали и лени... *б* Полны тоскующей лени...
[2] *Было*: Краски румяные прочь
[3] *Было*: Тихо грущу я, вздыхая,
[4] *После было*: Пусть почувствует смущенье
Пристыженная душа,

153

Въ чащѣ лѣса лѣшій бродитъ,
Принимаетъ страшной видъ,
То въ трущобы насъ заводитъ,
То всю ночь въ лѣсу кружитъ.

Въ омутахъ русалки плещутъ,
Ночью пляшутъ надъ водой,
И глаза ихъ жутко блещутъ
Надъ опасной глубиной.

Домовой таится въ банѣ
Или въ домѣ на печи;
Онъ дохнетъ, — и, весь въ туманѣ,
Задрожитъ огонь свѣчи.

Въ полѣ, жаркою порою,
Подымаясь отъ земли,
Надъ протоптанной тропою
Пляшетъ вихорь, весь въ пыли.

Нашу скорбную природу
Освѣтила разъ одна
Фея свѣтлая: свободу
Обѣщала намъ она.

Стали мы смѣлѣй, — и видимъ:
Скрылась нечисть — кто куда.
Въ поле, въ лѣсъ, на рѣчку выйдемъ, —
Воздухъ тихъ, чиста вода.

Но исчезла наша фея,
Иль, быть можетъ, умерла,
И вокругъ насъ, еще мрачнѣе,
Злая нечисть залегла.

Ѳедоръ Сологубъ.

12 іл. ~~82~~ 89

Стихотворение «В чаще леса леший бродит...». 12 июля 1889 г.
Автограф. Не ранее марта 1893 г. ИРЛИ.

1422а

1) Года прошли
2) Когда в лачугѣ бѣдняка, В ночи, пронзительно и звонко, Раздался первый крик сынка, Новорожденнаго (со страхом ожиданнаго) ребенка

XVIII.

3) Вмѣсто ст. 2-4: Вошла, незрима никому, Старуха безначальности злая, Въ судьбѣ ребенка через тьму Несовершеннаго (Не наступившия дни) читая

СУДЬБА.

Родился сынъ у бѣдняка.[2]
Въ избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая[4] рука,
Сѣдыя космы[6] разбирая.[3]

За повитухиной спиной
Старуха къ мальчику тянулась,[7] [8]
И вдругъ уродливой[9] рукой
Слегка щеки его[11] коснулась.

Шепча[12] невнятныя слова,
Она ушла, стуча клюкою.[13]
Никто не понялъ[14] колдовства.[10]
Прошли года[1] своей чредою, —[15]

Сбылось велѣнье тайныхъ[17] словъ:[18]
На свѣтѣ[19] встрѣтилъ онъ печали,[16]
А счастье, радость[20] и любовь
Отъ знака темнаго бѣжали.[21]

15 дк. 89.

4) Дрожала тонкая
5) судьбах.
6) косы
7) Вмѣсто 5-6: Пока привычною рукой Его обмывала повитуха, Стояла за ея спиной, Как тѣнь, угрюмая старуха.
8) Она к ребенку потянулась.
9) костлявою
10) Вмѣсто 8-11 ст: На красном личикѣ бѣдняжки Знак положила роковой, Людьми невидимый, Но тяжкий.
11) Его лица (щеки) слегка
12) Шепнув
13) исчезла, как видѣнье
14) видалъ (слыхал)
15) Не видѣлъ рока посѣщенья.
16) Вм. 12-14: Прошли года, и вырос он, И вышел с горькою судьбою Пошел в дорогу, окружен (и свершен) Непроницаемою тьмою (Был злой объят его судьбою)
17) злобныя.
18) ... своей чредой, — Они вѣльные исполнялись, И вмѣстѣ съ горькою чредой...
19) И въ мірѣ
20) Надежды, счастье
21) Вм. Истина: Все, что нам небо посылало, И вѣчно посылает вновь, Пред знаком роковым бѣжало. И все, что на земли шлетъ, — Нужда, обман, тоска и злоба, Къ нему, несчастному, все льнетъ, Не разставаясь с ним до гроба.

Федор Сологуб. Стихи. Книга первая. СПб., 1896.
Стихотворение «Судьба». 15 декабря 1889 г.

Страница с восстановительной правкой ранних вариантов текста. ИРЛИ.

136

Замолкнули праздныя рѣчи,
Молитвой затеплился храмъ,
Сіяютъ лампады и свѣчи,
Восходитъ святой фиміамъ.

Возносимъ пасхальныя
~~И наши смиренныя~~ пѣсни
~~Въ смиреніи~~
~~Исполнены слезъ~~
Отъ слезно-сверкающихъ росъ.
Воскресни, воскресни,
Воскресни, Христосъ!

Вливаются свѣтлыя вѣсти
~~Апр. 1887 года.~~ Въ отвѣтный ликующій стихъ:
Къ сберегшей вѣнецъ свой невѣстѣ
Нисходитъ небесный Женихъ.

Стихотворение «Замолкнули праздные речи...». Апрель 1887 г.
Авторизованная машинопись ранней редакции с поздней правкой. ИРЛИ.

Странникъ.

Примѣчаніе. Содержаніе стихотворенія отчасти заимствовано изъ сказанія о преп. Серапіонѣ Синдоните, V вѣка (память 14 мая). Это былъ египтянинъ, странствовавшій въ одной верхней одеждѣ (синдонѣ) по разнымъ ~~странамъ~~ землямъ. Нищему, дрожащему отъ холода, онъ отдалъ свою одежду, и за веденнаго въ темницу заплатилъ долгъ, продавъ свое евангеліе.

1.

Начало поэмы «Странник».
Автограф. ИРЛИ.

Со мной Евангелье одно...
Увы! съ тобою, другъ мой милый,
Мнѣ разставаться суждено!

31. "Твой свитокъ яркой позолоченъ

32. "И одинокъ навѣкъ отнынѣ,
Пойду безрадостный мой путь...
Пусть ноетъ въ жизненной пустынѣ
Моя измученная грудь!
Пускай мой отдыхъ одинокій
Печаль стережетъ!
Пусть надъ тоски жестокой
Лежитъ невыносимый гнетъ!"

Ѳедоръ Тетерниковъ.

Вытегра.
Январь 1891 г.
Декабрь 1890 года.

Окончание поэмы «Странник».
Автограф. ИРЛИ.

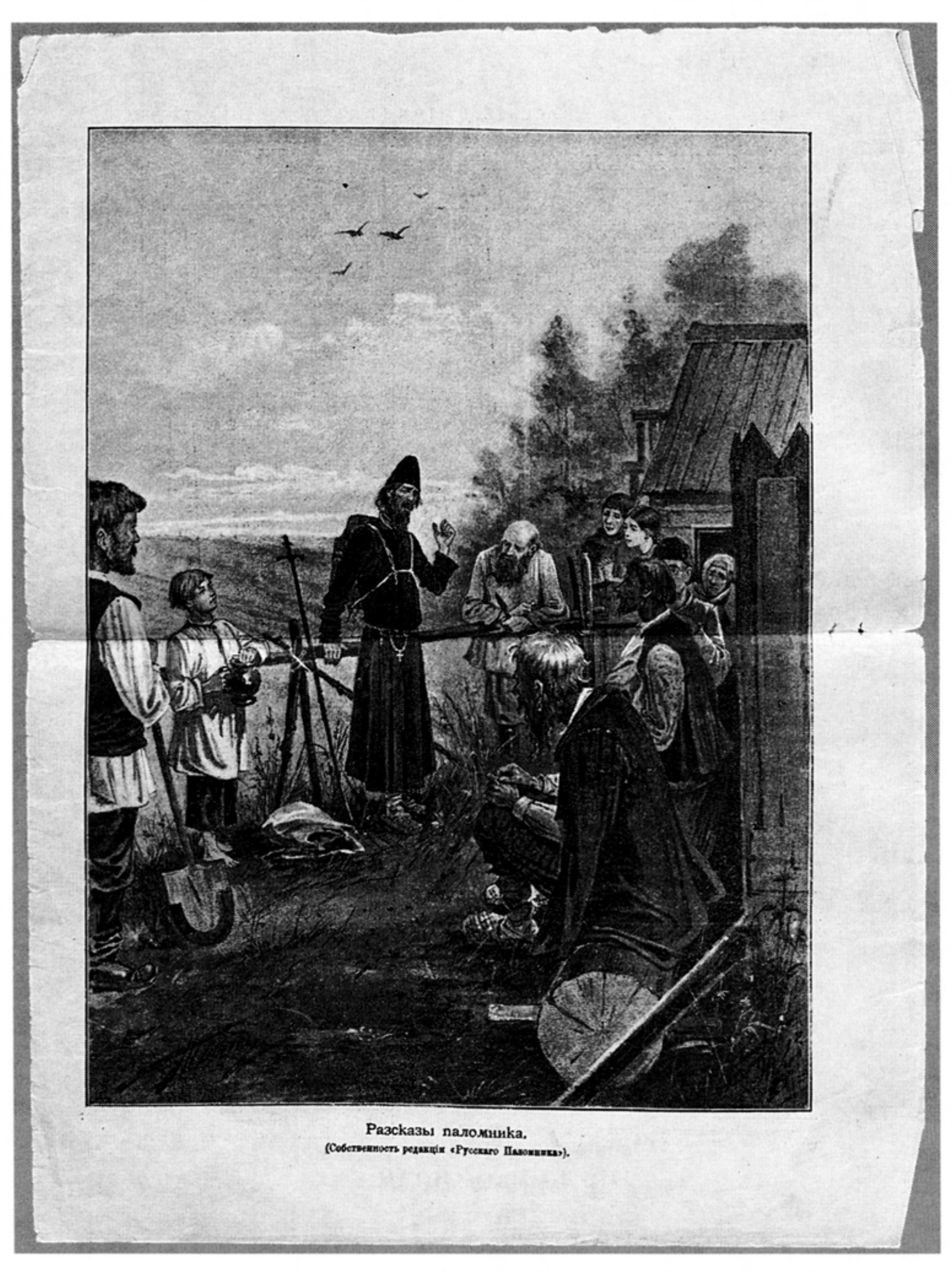

Иллюстрация к поэме Федора Сологуба «Странник».
Художник В. А. Табурин.

Страница из журнала «Русский Паломник». 1894. № 27.

СТРАННИКЪ *).

Стоитъ безъ звука и безъ тѣни
~~Горячій~~ полдень; солнце жжетъ,
Тяжелый воздухъ, ~~полный лѣни~~,
Сухой травой не шелохнетъ;
На небѣ тучка быстро таетъ,
Какъ въ теплыхъ струйкахъ поздній ледъ,
И даже время замедляетъ
Свой необузданный полетъ.

Одинъ ручей, играя съ солнцемъ
Струей прозрачною своей,
Куетъ червонецъ за червонцемъ
Изъ золотыхъ его лучей;
Волна ручья, песокъ лаская,
Звенитъ, какъ дѣтскій поцѣлуй,—
И смотритъ странникъ, отдыхая,
На вольный бѣгъ холодныхъ струй.

Дорогой жесткой и безтѣнной,
Въ палящій полуденный зной,
Издалека онъ шелъ, смиренный,
Въ лохмотьяхъ нищенскихъ, босой.
Онъ молодъ былъ. Надеждой жаркой
Порой сверкалъ усталый взоръ,
Какъ ночью въ небѣ блещетъ яркій,
Но мимолетный метеоръ.

Изъ дома отчаго ушелъ онъ
Тому назадъ ужъ много дней,
Неутолимой жажды полонъ,
Съ мечтой осмѣянной своей,
И безъ пристанища, безъ крова
Одинъ скитался онъ съ тѣхъ поръ,
И жизнь несла ему сурово
Тоску, страданья и позоръ.
Сказать разсудочно и ясно,
Зачѣмъ онъ взялъ такой удѣлъ,
Къ чему стремится онъ такъ страстно,—
Едва-ли-бъ онъ и самъ съумѣлъ.
Но съ дѣтства онъ кипѣлъ тоскою,
Ловя тревожно каждый стонъ
Того, кто съ горемъ и нуждою
Суровымъ рокомъ обрученъ.

Жить въ домѣ пышномъ и богатомъ
Ему казалось все стыднѣй,
Когда и счета нѣтъ утратамъ,
Печалямъ, бѣдствіямъ людей,
Когда, какъ ночь, вокругъ нависла
Мгла неразумія и зла,
Такъ нестерпима жизнь безъ смысла
Для сердца жаркаго была.

Хоть лучъ спасительнаго свѣта
Внести въ томительную ночь!
Хоть словомъ братскаго привѣта
Рабу усталому помочь!
Хотя слезу тоски стыдливой
Лобзаньемъ дружескимъ стереть!
Хоть разъ отъ жертвы терпѣливой
Отвесть карающую плеть!

Однажды, утренней порою,
Изъ дома вышедши тайкомъ,
Онъ шелъ окольною стезею.
Нарядъ богатый былъ на немъ.
Онъ встрѣтилъ нищаго, который
Дрожалъ отъ холода,—и вотъ
Свои роскошные уборы
Ему скиталецъ отдаетъ.

Прикрывъ изнѣженное тѣло
Одеждой ветхой, въ край иной,
Въ тяжелый путь пошелъ онъ смѣло.
Одно сокровище съ собой
Онъ несъ: какъ спутникъ вѣчно милый,
Всегда Евангеліе съ нимъ,—
Поитъ его чудесной силой,
Живитъ ученіемъ своимъ.

Когда полдневный зной прогонитъ
Его съ дороги—отдохнуть,
Уныло голову не клонитъ
Онъ на измученную грудь;
Прикрытъ отъ солнца свѣжей тѣнью,
На берегу шумящихъ водъ
Онъ усладительному чтенью
Досугъ невольный отдаетъ.

И все, что въ книгѣ прочитаетъ,
Во тьму, къ собратьямъ онъ несетъ,
И безъ боязни поучаетъ
Въ грѣхахъ погрязнувшій народъ.
И проходя по бѣднымъ селамъ
И по богатымъ городамъ,
По кручамъ горъ, по злачнымъ доламъ,
Онъ поучается и самъ.

Тамъ льется жизнь волною мутной,
Тамъ тиной жизнь заволокло,
Тамъ блещетъ радости минутной
Недолговѣчное стекло,
Тамъ накопившіяся слезы
Жизнь одинокую мрачатъ,
А тамъ обманчивыя грезы
Въ умѣ неопытномъ кипятъ,—

Томимъ любовью безконечно,
Самъ о себѣ давно забывъ,
Готовъ отвѣтить онъ сердечно
На каждый жизненный призывъ.
И если лживою змѣею
Предъ нимъ коварство зашипитъ,—
Онъ предъ грозящею бѣдою
Своихъ очей не отвратитъ.

А люди были злобны, дики,—
То было въ злыя времена,—
Не разъ въ толпѣ онъ слышалъ крики:
«Долой пустого болтуна!
— Прочь, проходимецъ босоногій!
— Молчи, проклятый попугай!
— Иди, иди своей дорогой,
И слабыхъ сердцемъ не смущай!»

Не разъ въ оковахъ предъ судьею
Онъ безбоязненно стоялъ,
Не разъ изгнаньемъ иль тюрьмою
Неправый судъ его каралъ,
И бичевалъ его сурово
Палачъ не разъ передъ толпой,
Но онъ, отъ ранъ оправясь, снова
Шелъ дальше съ книгою святой.

И думалъ онъ: «Бѣглецъ гонимый,
Для всѣхъ повсюду я чужой,
Но ты, мой другъ незамѣнимый,
Всегда останешься со мной.
Мнѣ легче съ жизнью распрощаться
И умереть во цвѣтѣ лѣтъ,
Чѣмъ малодушно отказаться
Отъ усладительныхъ бесѣдъ».

Стоитъ безъ звука и безъ тѣни
Горячій полдень; солнце жжетъ;
Тяжелый воздухъ, полный лѣни,
Сухой травой не шелохнетъ;
На небѣ тучка быстро таетъ,
Какъ въ теплыхъ струйкахъ поздній ледъ,

---

*) Содержаніе стихотворенія отчасти заимствовано изъ сказанія о преп. Серапіонѣ Синдонитѣ, V вѣка (память 14 мая).

Поэма «Странник».

Страница из журнала «Русский Паломник» с авторской правкой. ИРЛИ.

Карточки авторской библиографии.
Автограф. ИРЛИ.

Годъ	Общ. число	Я.	Ф.	Мр.	Апр.	Май.	Ін.	Іл.	Ав.	С.	О.	Н.	Д.	?
1877	3	1					1							1
78	34		1		1	2	5	2	6	8	1	2	5	1
79	49	6	4	5	3	7	4	2		1	6	6	4	1
80	49	–	2	7	9	–	6	9	4	4	2	3	1	2
81	23	1	3	1	1		4	6	3					4
82	18	1	2	6	2		1	1		1	–	–	–	4
83	34		1	2	1		1	5	1	2	4	11	6	–
84	66	8	3	6	2	1		3		1	18	18	4	2
85	21			7			8	2	1	1				2
86	16	1		1	5	2	–	2	–	1	–	–	2	2
87	25	3	9	1	1	2	–	1	4	–	1	–	2	1
88	37	–	1	1	7	1	1	5	1	3	6	3	5	3
89	132	4	2	7	8	15	15	20	31	4	1	6	14	5
90	94	3	9	7	1	11	27	8	11	1	3	6	6	1
91	98	17	4	15	5	5	7	7	14	9	11	3	1	–
92	87	6	2	7	4	2	6	17	8	4	12	5	12	2
93	156	8	7	10	14	7	10	23	16	10	6	7	38	–
94	228	21	2	2	9	[illegible]	31	54	14	18	20	16	20	–
95	176	8	4	18	24	[illegible]	9	12	6	9	18	7	37	–
96	146	10	12	16	7	–	12	18	31	2	18	2	11	–
97	99	3	3	9	8	2	5	4	21	9	13	5	16	1
98	178	11	–	4	1	–	9	5	48	53	34	4	9	–
99	59	6	–	5	–	1	–	1	–	1	17	13	15	–
1900	67	18	10	3	10	1	16	1	–	–	–	3	5	–
01	54	1	3	–	–	–	5	8	29	2	1	5	–	–
02	120	9	1	1	7	2	40	46	–	2	–	2	9	1
03	28	4	1	–	4	2	8	2	–	1	6	–	–	–
04	50	–	2	5	2	–	15	6	1	–	2	5	11	1
05	53	3	16	1	2	3	2	3	1	–	–	14	8	–
06	38	–	8	4	–	7	7	–	2	4	1	3	2	2
07	27	2	10	7	1	–	3	1	–	–	1	1	7	1

Записи с подсчетами количества написанных стихотворений за 1877—1907 гг.

Автограф. ИРЛИ.

270

Добрые христіанскіе обычаи.

1. Цѣлованіе.
   Братская любовь.
2. Пожеланія.
   Здравія. Долгоденствія.
   Благъ. Успѣховъ.
   Радости. Счастія.
3. Земные поклоны.
   Привѣтствіе.
   Просьба.
   Благодарность.
   Мольба о прощеніи.
   Смиреніе.
4. Хожденіе босикомъ.
   Смиреніе.
   Равенство.
   Униженіе.
   Бережливость.
   Здоровье.
   Простота.
   Комфортъ.
   Радость.
5. Колѣнопреклоненная молитва.
6. Склоненіе головы.
7. Цѣлованіе рукъ и ногъ.

Запись «Добрые христианские обычаи». 1880-е—начало 1890-х гг.
Автограф. ИРЛИ.

Сравненіе изъ нищенства. 258

Лохмотья, рубище.	Дрожащія руки.	Бог подаст.
Дыры въ одеждѣ.	Язвы.	
Полуприкрытое тѣло.	Калечество.	
Облысѣвшая голова.	Красныя вѣки.	
Униженный видъ.	Слѣпой.	
Согбенный станъ.	Глухой.	
Обветренное лицо.	Хромой.	
Протянутыя руки	Безногій.	
Слезящіеся глаза.	Безрукій.	
Молящіе — " —	Деревянная нога.	
Косматые волосы.	Молитвы нищих.	
Грязное тѣло.	Униженіе изъ за гроша.	
Дрожь на лицѣ.	На паперти.	
Льстивая улыбка.	Толкотня.	
Зависть в глазах	Взаимныя ссоры.	
Холодъ.	Сума.	
~~Гол~~ Голодъ.	Подъ окнами.	
Не имѣніе пріюта.	По міру.	
Преслѣдованіе.	По-куски.	
Общее презрѣніе.	Прими, Христа ради.	
Озлобленность.	Бог подаст	

Запись «Сравнения из нищенства». 1880-е—начало 1890-х гг.

Автограф. ИРЛИ.

Желѣзнодорожный вокзалъ, Новгородъ.

Великий Новгород. Почтовые карточки. Последняя треть XIX в.

Великий Новгород. Почтовая карточка. Последняя треть XIX в.

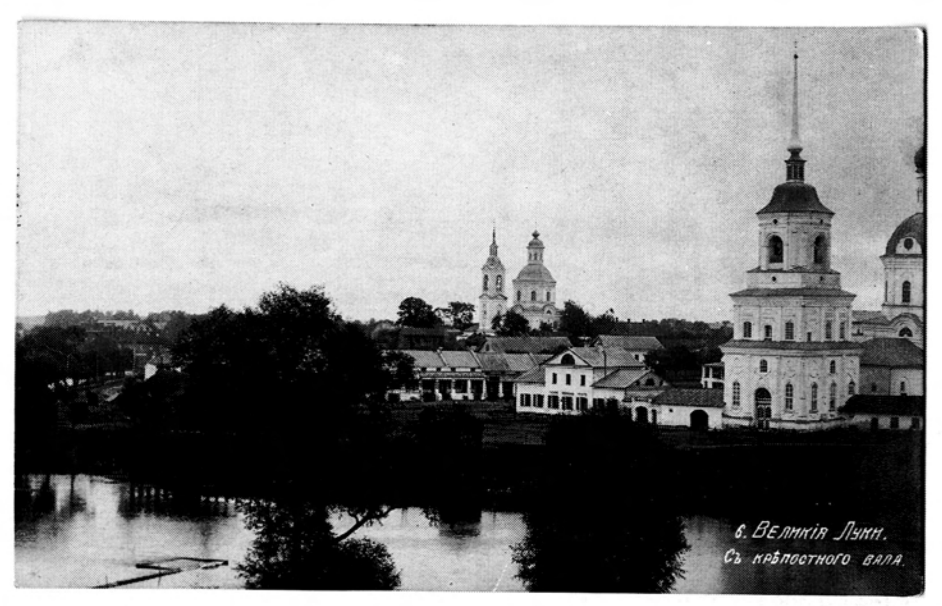
Г. Крестцы. Почтовая карточка. Последняя треть XIX в.

Г. Крестцы. Почтовая карточка. Последняя треть XIX в.

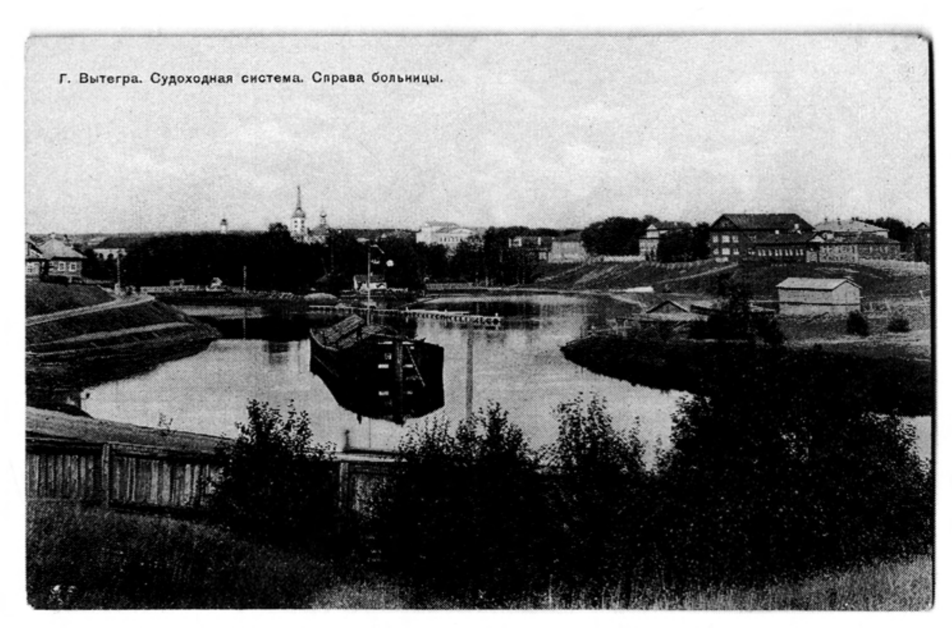
Г. Великие Луки. Почтовая карточка. Последняя треть XIX в.

Г. Великие Луки. Почтовая карточка. Последняя треть XIX в.

Г. Вытегра. Почтовая карточка. Последняя треть XIX в.

Г. Вытегра. Почтовая карточка. Последняя треть XIX в.

Вытегорская учительская семинария.
Фотография. Конец 1920-х гг. ИРЛИ.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Февраль № 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1892.

Титульный лист журнала «Северный Вестник». 1892 г. № 2.

250 Сѣверный Вѣстникъ.

ВЕЧЕРЪ.

Что за прелесть! Смотри:
Тамъ на сѣрыхъ домахъ
Красный отблескъ зари,
Тамъ на бѣлыхъ стѣнахъ
Нашей церкви — какъ чистъ
Нѣжно-алый отливъ!
Воздухъ сладко душистъ,
И горитъ каждый листъ
Тамъ на зелени ивъ!
Свѣтло-розовый блескъ
По рѣкѣ разлился,
А въ водѣ какой плескъ
У ребятъ поднялся!
За рѣкою песокъ
Желтой лентой лежитъ,
И сосновый лѣсокъ
Яркимъ свѣтомъ облитъ.
Въ его тихую тѣнь
Изъ вечернихъ лучей
Ѣдетъ русская лѣнь
На телѣжкѣ своей.
Пыльный столбъ за рѣкой
По дорогѣ ямской
Сизой тучкой встаетъ
И за клячею въ лѣсъ
Свой летучій навѣсъ,
Колыхаясь, несетъ.

Что за прелесть! Смотри,
Какъ съ послѣднимъ лучомъ
Догорѣвшей зари
Все блѣднѣетъ кругомъ.

Ѳ. Т.

Стихотворение «Вечер».
Публикация в журнале «Северный Вестник». 1892 г. № 2.

Л. Я. Гуревич.
Фотография К. Шапиро.
Санкт-Петербург. 1892 г.

А. Л. Волынский.
Фотография Д. С. Здобнова.
Санкт-Петербург. 1890-е гг.

Н. М. Минский.
Фотография К. Шапиро.
Санкт-Петербург. 1887 г.

Ф. К. Тетерников.
Фотография. Конец 1880-х—начало 1890-х гг. Музей ИРЛИ.

517

Первонач. вар. автографа 1

1—2 Ни на жизнь, ни на свет не надейся,
Пой от боли, усталое сердце, разбитое горем,
5—6 Изнывая напрасной любовью,
Догорай, как свеча, погасимая бурей сердитой, —
7 *а* И земля, утучненная нашею кровью,
б И земля, обагренная нашею кровью,
8—9 Будет нам от клевет и страданий надежной защитой.
На ее безмятежном просторе

519

А

Вар. восстановительной правки ранней ред.

4 Со страхом жданного ребенка,
7—8 В судьбах ребенка через тьму
Не наступивших дней читая.
19 Года прошли, и вырос он
21—22 Пошел в дорогу, и свершен
Был злой обет его судьбою.

А1

Вар. восстановит. правки поздней ред.

3—4 Дрожала тонкая рука
Седые косы разбирая.
6—12 Она к ребенку потянулась
И вдруг костлявою рукой
Его щеки слегка коснулась.[1]
Шепнув невнятные слова,
Она исчезла, как виденье
Никто не видел колдовства[2]
Не видел злого посещенья.
13 Сбылось веленье злобных слов:
14—15 И в мире встретил он печали,
Надежды, счастья и любовь

[1] *Ранний вар.*: Его лица слегка коснулась.
[2] *Ранний вар.*: Никто не слышал колдовства

521

Автограф

2 а *как в основном тексте*
б Из ада недавно сбежал,◇
3—4 И злобно блуждал он по свету,
И радостно он хохотал.
6 И бедных малюток Нужда
8—9 Без жалости и без стыда.
Пошел за спесивым Богатством,
11—14 Губилась жестоким Пороком
Живая невинность детей.
И в школы идет он — и видит,
Язвительно-тонкую ложь!...
16 И в ад, торжествуя, пойдешь.

523

Первонач. вар. автографа

2 Сквозь темную зелень каштанов и лип
7—8 Боряся с жестоким, несносным страданьем,
Сидел с нею рядом под липами я.
18 Давно уж я смерти безропотно жду,
22 Где буду я скоро так сладостно спать.
24 И не дано право тебе тосковать!
34 Резвясь и играя, бегут предо мной,
43—44 Я знаю — удел твой — сгибаться покорно,
Ты счастья и воли себе не найдешь.
49—50 Мне кажется, мир золотою решеткой
На двое разделен, как ад и эдем.
66 И честью и верой своею клянись,

524

Поздние вар. автографа
Ранняя ред.

1 В детстве, слабый и недужный,◇
2 Музу долго я искал,[1]◇

---

[1] *После было:* К Музе долго я взывал

4 Услыхал я голос музы:[1]
9 Но покорен сладкой лени,
13 И в тоске нарядной много
14 Я растратил пылких сил◊
15 *как в основном тексте*
16 Арфу звучную разбил.
После вписаны (17—20) Мрак сгустился надо мною,
Но среди моих невзгод[2]
Провидение мечтою
Все зовет меня вперед.[3]
17—20 (21—24) В лагерь праздности довольной[4]
Многочисленны пути, —
Но дорогою окольной[5]
Не хотел, не мог идти.
22 (26) Я подъемлю всякий труд![6]◊
24 (28) Мысли бурно побегут![7]◊
26 (30) Путь любимца ярких муз.◊
31 (32) Не лавровый, но терновый◊
36 (40) Должен в мраке ты пройти.[8]◊
После вписаны (41—44) *как в основном тексте, 36—40*
40 (48) Раболепные звучат
43—45 (51—53) И хвалить с восторгом льстящим
Силы царствующей пир
Местью дышащие звуки
47—48 (55—56) На борьбу, на скорбь, на муки,
В рудники, на эшафот!» —
49—52 (57—60) *как в основном тексте 41—44*
53 (61) И, пленен ее речами,
55—56 (63—64) С песней, облитой слезами[9]
Звонкой песнею в народ.[10]

---

[1] *После было*: И услышал голос музы:
[2] *После было*: Но сквозь мглу моих невзгод
[3] *После было*: *а* Все манил меня вперед; *б* Все манил меня вперед.
[4] *После было*: Не на торной я дороге, —
[5] *После было*: Я дорогою окольной
[6] *После было*: *а* Подыму я тяжкий труд, *б* По плечу мне тяжкий труд! *в* Я готов на всякий труд!
[7] *После было*: *а* Мысли сами побегут, *б* Мысли бурно побегут
[8] *После было*: В мраке должен ты пройти.
[9] *После было*: С окрыленною мечтами,
[10] *После было*: Звонкой песнею вперед.

530

Первонач. вар. автографа

1 В небе ярко блещут звезды, —
2 а По земле ползут туманы.
б Ими нивы осияны. —◊
5—6 Где мерцают эти звезды,
Где миры вкруг них кружатся, —
8 В голове моей родятся:
10 Есть ли там такие ж страсти?
11 а И такой же ли неправде
б Так же ль дики, так и злобны◊
12 Покоряются там власти?

531

Вар. восстановит. правки

2—4 Шумят и смеются, веселья полны,
Струятся и блещут на солнце они
И шепчут: настали отрадные дни!
5—8 Осенние воды — болящего сон.
Журчанье их скорбно, что жалобный стон.
По влажной земле, напоенной дождем,
Текут они мутным, печальным ручьем.

532

Автограф

1 а Так я, сиротея в изгнаньи,
б Так я, изнывая в изгнаньи,
в Так я, в своем темном изгнаньи,◊
2—5 В глуши безответной, глухой◊
Не складывал песни страданья,◊
Ни радостной песни, живой, —◊
Но долу поникши очами,◊
6—7 В ней тот же все сон непробудный
И тот же все мертвый покой.

Первонач. вар. машинописи 1

1 Так я, в своем темном изгнаньи,
3 Не выразил в тоске страданья,
8 Когда изменится рок,
15—16 Все тот ли в ней сон непробудный,
И тот ли все мертвый покой.

534

А
Вар. автографа

Строфа I и II Не растравляй моих душевных ран,
Не повторяй мне о моих пороках, —
Не говори, что я забыл талант,
Который был Создателем мне дан...
Что проку мне в язвительных упреках!
Печальною дорогою идти
Оставь меня, и не питай надежды,
Что я сверну с проклятого пути:
Изломанной березе не расти,
И труп холодный не раскроет вежды.

15 И буря ропщет грозно и мятежно.

А1
Машинопись 1
и первонач. вар. машинописи 2

3 Рассеялся, как утренний туман,
14 Неутомимый рок его влечет.

535

Автограф

2 *а* Прочь кимвал и лиру! песен не просите,
б Прочь кимвал и лиру! песни не просите,
4 *а* Бесполезны песни, не нужны молитвы!
б Ненавистны песни, не в пору молитвы!
6 Дружно повторяйте клич военной чести,
9—14 Песни будут спеты только после битвы.

В лагере победы все огни зажгутся,
И с гремящей лиры звуки понесутся,
И польется песня в похвалу героя.
Над телами ж мертвых, там, на поле сечи,
Будет петь и плакать только ветер буйный
15 *а* И, колебля перси речки тихоструйной,
б И, лаская груди речки тихоструйной,

538

А
Первонач. вар. автографа

2—4 Амур их разгуливал голый
Румян был, как роза, и свеж, как морковь,
Как солнышко, был он веселый.
6—8 Но дело не чище, не проще:
Невесту колотит за шашни свекровь,
Зятьку достается от тещи.

А1
Машинопись 1

2 Амур там разгуливал голый
3 *как в А*
4 Как солнце, счастливый, веселый.
6—8 *как в А*

540

А
Автограф

1—4 Вот наше озеро: широко,
Полно водой, как чашка всклянь,
Зарей подернуто с востока,
И тишь, и гладь, куда ни глянь.
12 А все она томит.
23 И равнодушное сияние

А1
Машинопись 1

1—4, 12 *как в А*
21 Прохлады утренней умрет,
24 Опять мне в очи упадет?

542

А
Первонач. вар. автографа

Я люблю эти грустные книги,
Эти были тоски и страданий.
Отражения жизни печальной,
Отголоски бессильных рыданий.
Я читаю их с муками сердца,
С бесполезными злыми слезами,
Оторваться от них не могу я,
Словно в них нахожу наслажденье, —
И смеющейся радости повесть
Я порою с отрадою кину
Для страниц, переполненных ядом
Злых пороков и тяжкого горя.
Оттого ли я грустные книги
Так люблю, так читаю их жадно,
Что в моей отуманенной жизни
Так всесильны печаль и томленье?
Оттого ли, что с детства я вижу
Только слезы да грустные лица,
Только горькие жалобы слышу,
Да отзывы жестокого смеха?

А1
Машинопись 1

Я люблю только грустные книги,
Отголоски тоски и страданий.
Я читаю их с муками сердца,
Оторваться от них не могу я,
Словно в них нахожу наслажденье, —
И смеющейся радости повесть

Я порою с отрадою кину
Для страниц, переполненных ядом
Злых пороков и тяжкого горя.
Оттого ли я грустные книги
Так люблю, так читаю их жадно,
Что в моей отуманенной жизни
Так всесильны печаль и томленье?
Оттого ли, что часто я вижу
Отуманенно-грустные лица,
Да печальные жалобы слышу,
Да отзывы жестокого смеха?

544

А
Автограф

1—4 Для тоски бесконечной, для горьких тревог,
Омрачивших мои одинокие годы,
Я доныне найти воплощенья не мог,
Как не мог для себя я добиться свободы.
7—10 И метафор душистых, как свежий жасмин,
Моя мысль для суровых стихов не находит.
В моей песне не звуки, лишь стоны одни,
В моей песне не мысли, лишь вопли страданья,
12—13 Догорая в пожаре убогого зданья,
Не подняться им к небу багровой волной
19 Не в своем их нашел я угрюмом уме, —◊
29—31 Но пойду я на вольном и трудном пути,
Пусть ведет он меня на печаль и на муку,
И для мысли свободной дано мне найти

А1
Машинопись 1

1 *как в автографе*
3—4 Не сумел я найти воплощенья, не смог,
Как не мог, не хотел я добиться свободы.
10 Вьется песня моя, словно вьются огни,

547

А

Первонач. вар. автографа

1 Пробегают, дымя, пароходы;
5—7 Там босые. Веселые дети,
Словно чайки, снуют над водою,
Там бурлаки идут бечевою,
9—15 Осмоленная лодка недавно
Опрокинута возле избушки.
У колодца сошлись две старушки
И о чем-то судачат исправно.
Словно гневное, бурное море,
Воздух звуками звонкими стынет,
И в тех звуках бесследно потонет
17—19 А в версте от реки на погосте
Как все тихо и сладко-покойно!
Там надгробные камни так стройно
21 Обомшали кусты и каменья.
25—26 Лишь ворона порой над кустами
Гаркнет там, да кукушка кукует.
29 В этом месте пустом и укромном
31 И, как свечка в тиши, пламенеет

А1

Промежуточн. вар. автографа

11—13 И полощет проворной рукою◊
Свои тряпки босая молодка.
Как суровое, вольное море,◊
29 В этом месте глухом и укрытом

А2

ИМ:

11 Вот полощет умелой рукою
12 *как в А1*
31 *как в А*

550

Ранняя ред.
Поздние вар. автографа

1 У иного мой тяжкий удел[1]
2 *а* Многих стоил бы жалоб и слез,
б Много вызвал бы жалоб и слез
4 С ним, суровым гонителем грез.
5 *а* Одинок я, измучен и слаб,
б Одинок я, и беден и слаб,
6—7 Но душой непреклонною тверд,
Пусть тружусь я упорно, как раб, —
8 *а* Я, как царь, и свободен и горд.
б Как орел, я свободен и горд.
9 *а* И в несчастьи я счастлив вполне,
б Моей долей я счастлив вполне,
в И в невзгодах я счастлив вполне,
12 *а* Точно чернь, самодержцу царю.
б Как народ, самодержцу царю.
в Как послушный сановник — царю:
16 Утомленные ноги мои.◊

551

Первонач. вар. автографа

Между 2 и 3 Пока мир еще был недоступен уму,
4 Перед ним всей природы улыбки и ласки
7 И цветов и созвучий прелестная вязь,
11 Улыбалося солнце с небесного свода.
15 Ему сказки шептал серебристый ручей,
17 Обнаженные ножки его обнимая,[2]
19 Он прозрачной волной извивался как змей
После 24 Он поэтом рожден. И восторга и сил
В его сердце бежит говорливый источник,
Песней яркой своею он жизнь озарил,[3]

---

[1] *Было начато*: Для иного мой горький удел.
[2] *Было*: Обнимая его обнаженные ножки.
[3] *Было*: *а* Жди, чтоб песнею он нашу жизнь озарил, *б* Песней звонкой своею он жизнь озарил.

Своим звонким стихом он оковы разбил,[1]
И свободен ⟨*2 нрзб.*⟩ — вековечный заточник.

Первая публикация

1 Он поэтом рожден, и в его колыбель
2 Золотыми лучами рассыпался Лель
16 Об утехах далекого милого края,
После 24 Обо всем рассказал нам прекрасный поэт,
Что в природе ликует цветущими снами,
Он, который далек, он, которого нет
Столько дней, сколько лет между нами.

552

Автограф

Перед ст. 1 (1) Под солнцем блестящим и жарким[2]
(2) Сияло, как золотом ярким,
(3) Реки многоводной стекло,
(4) Цвела земляника лесная[3]
1 (5) *как в основном тексте*
2 (6) Трещала, и облачко, тая◊
3 (7) *как в основном тексте*
4 (8) Был день этот радостно-светел,[4]◊
5 (9) *как в основном тексте*
6 (10) В просторе роскошном я встретил◊
7 (11) Опять то же темное зло.◊
8 (12) Над зреющей тучною нивой[5]◊
9 (13) *как в основном тексте*
10 (14) Волною широкой, гульливой◊
11 (15) *как в основном тексте*
между 12 и 13 (16 и 17) В томленьях унылой печали[6]
12 (16) *как в основном тексте*
13 (17) Где детское сердце ласкали◊
14 (15) Когда-то лазурные сны◊

---

[1] *Было*: *а* Чтобы звук его песни оковы разбил, *б* Чтобы звук его песни те цепи разбил.
[2] *Было*: Под солнцем сияющим, жарким
[3] *Было*: В себе небеса отражая
[4] *Было*: Был день этот празднично-светел
[5] *Было*: Над нивою, зноем палимой
[6] *Было*: В томленьях стыда и печали

15 (16) *как в основном тексте*
16 (20) Под ласковым солнцем весны◊
17 (21) Пред мною широкие дали
18 (22) *как в основном тексте*
19 (26) *как в основном тексте*
20 (24) Увенчан и носит порфиру[1]◊
21 (25) *как в основном тексте*
22 (26) Людей на алтарь не ведут[2]◊
23 (27) Но всюду встречались картины◊
24 (28) *как в основном тексте*
25 (29) Железная воля судьбины
26 (30) Наш род непреклонно влекла.◊
27 (31) Померкли в душе упованья◊
28 (32) Как вечером меркнет заря,
29 (33) Исполнены ядом страданья
30 (34) Исполнены песни мои.◊

553

Первонач. вар. автографа

Непорочно зачатое Слово
В целомудренном лоне созрело,
Родилось Оно без болезни,
Без греха возрастало и крепло,
В тишине безызвестной скрываясь,
И, окрепши, явилося миру.
Проходило оно по лачугам,
По селеньям и пыльным дорогам,
И благие сердца привлекало,
Исцеляло чудесно недуги,
И душевные раны врачуя.
На него ополчилася злоба,
И нашелся предатель Иуда,
И казнили невинное Слово,
На кресте высоко пригвоздивши.
Но воскреснет могучее Слово,
И во славе своей вознесется...

---

[1] *Было*: Властительно носит порфиру
[2] *Было начато, не дописано*: Людей на алтарь не клад

И сердцами людей овладеет...
Эта старая, старая песня,
Но она повторяется вечно...

554

Автограф

2—3 На барышню одну. Она молилась
Усердно так, как будто бы слетел
7 *а* Как будто над опущенным челом
6 Как будто над задумчивым челом◊
10 О чем ее смиренная молитва?
Вместо 13—15 Но ясен был ее мерцавший взгляд,
Когда она к иконам подымала
Свои глаза; так солнечный закат
16—17 Звенел торжественно-молящим стоном,
В ее глазах искрилася слеза,
25 И мне хотелось ей сказать: дитя,
27 Чтобы себя за что-то наказать,
Между 28 и 29 Ты виновата, милое дитя,
Не в том, что ты немножко безрассудиа,
Что, свой язык на волю опустя,
Порой злословишь ты, и очень трудно
Порой унять насмешливость твою,
Что часто ты ленива и капризна, —
Нет, в этот час тревожит мысль мою
Забытая тобой, твоя отчизна.
29—30 Забытая — вот в чем виновна ты!
Как многие, дитя, ты виновата,
32 Ты счастлива, беспечна и богата.
После 32 Украшенный и модный твой наряд,
Пред совестью одеждою позорной
Тебе быть должен; так забытый сад
Заполоняется травою сорной.
35—36 А там себя не может нарядить
Дитя в тобою брошенную шляпку.

557

А

Первонач. вар. автографа

Когда твой смех весельем дышит,
Когда твой взор блестит,
И, как заря на небе, пышет
Огонь твоих ланит, —

Томит печалью непонятной
Меня твой светлый лик.
И из души моей развратной
Печальный рвется крик:

«О, неужель настанет время, —
Когда твоя судьба
И на тебя наложит бремя,
Как цепи на раба,

И будешь ты, как я, порочна,
Тоскою сожжена,
И так же, так же в час полночный
Ты не дождешься сна?»

Датировка *9 июня 1890*

А1

Промежуточн. вар. автографа

2 *а* Лукаво взор блестит,
б И бойко взор блестит,
5 Томит тоскою непонятной
10 И лютая судьба,
12 *а* Что цепи на раба,
б *как в А*

559

Первонач. вар. автографа

1—4 Жизнь смеется, как враг, над моими надменными грезами.[1]
И пропало, как дым, обаянье ребяческих снов
Я мечтал, что засыплю мечтами, как яркими розами,
Золотую решетку прекрасных и звонких стихов.[2]
6 Как в трущобу лесную, в сокрытый душевный тайник,
10—12 Ни цветка отыскать я не мог средь сыпучих песков.
Мне открылись лишь сотни сердец, пустоты удивительной.
Пустоты удивительной многие сотни голов.

561

А

Первонач. вар. автографа

1 *а* Тучки белые тянутся небом,
б Тучки белые плавают небом,

Поздние вар. автографа

2, 4 *как в машинописи*

Б

Машинопись

ТУЧКИ И ВЕТЕР

Тучки реют под ласковым небом,
Словно дети купаются в речке.
Ветер мчится над зреющим хлебом,
Словно конь без седла и уздечки.
Дети плещутся в речке глубокой,
Словно тучки в лазури безбрежной.
Тройка мчится дорогой широкой,
Словно ветер гульливо-мятежный.

---

[1] *Было*: *а* Посмеялася жизнь над моими горячими грезами, *б* Жизнь смеется, как враг, над моими пурпурными грезами, *в* Жизнь смеется, как враг, над моими безумными грезами,

[2] *Было*: Золотую решетку красивых и звонких цветов.

562

Вар. восстановит. правки

1—2 Капле-непоседе стало скучно в море:
Небо рай сулило,[1]
4—5 Кротко улыбаясь в голубом просторе.
Солнце слало капле золотые струи[2]
8—10 Бойкую малютку, словно поцелуи.
С каждым поцелуем капля загоралась
Новым дивным жаром,
13 И навстречу к солнцу устремилась смело...

566

Автограф

1—2 По земле сырой весною
Я разутый проходил,
4 Песню звонкую будил.
5 *а* Щебетали нежно птицы
б Щебетали звонко птицы,
6 Ландыш белый был пахуч,
9—10 И смотрел я, — взор певицы
Посмотреть я захотел.
12 Засмеялася, прошла,
19—20 Сети крепкие сплетаю,
Изловить лукавых птиц.

571

Ранняя ред.
Первонач. вар. автографа 1

В борьбе оставшись одиноким,
Напрасно помощи я ждал:
Осилен я врагом жестоким,
В моей груди его кинжал.

---

[1] *Было*: *а* Надоело капле плавать в синем море:
Солнце в высь манило,
б Раз одной из капель стало скучно в море:
В высь ее манило,

[2] *Было*: Капле улыбаясь в голубом просторе.
Посылало капле золотые струи

Лежу я, обливаясь кровью,
На окровавленной земле,
И песня, полная любовью,[1]
Скрывается в смертельной мгле.

Померк пред мною свод небесный,
Глаза окутал смертный мрак,
Я смутно слышу, как бесчестный
Меня язвит и дразнит враг.[2]

И, слабо простирая руки,
Молю врага: о пощади!
Дай умереть без лишней муки!
Не поверни ножа в груди!

573

А

Первонач. вар. автографа

Мне жизнь не хотела дарить
Любовных тревог и волнений;
И мне не случалося пить
Из кубка живых наслаждений.

И грезу я в образ облек,
Придал ей влюбленные речи,
Надел ей на кудри венок,
Прозрачную ризу на плечи.

И в сумраке летних ночей
На зов мой она появлялась
И, сбросив одежды с плечей,
Объятьям моим отдавалась.

Когда же разрежут восток
Лучи восходящего солнца,
И, встретив их яркий поток,
Мое загорится оконце, —

---

[1] *Исправлено*: *а* И жизнь, горевшая любовью; *б* И жизнь, с враждою и любовью

[2] *Исправлено*: Меня бранит и дразнит враг.

Она становилась бледна,
Из кельи моей улетала,
И светлою тенью она
В зеленом лесу исчезала.

Настроив прилежно цевницу,
Я радостно песни слагал,
И в песнях мою чаровницу,
И ласки ее восхвалял.

А1
Промежуточн. вар.

(1) Не хочет мне жизнь подарить◊
(3) Она не давала мне пить◊
(5) И грезу я телом облек◊
(6) Ей придал влюбленные речи◊
(20) В зеленом лугу пропадала.◊
(24) Шалунью мою восхвалял.

579

Первонач. вар. автографа 3

Не тянусь, как прежде, я
Беспокойными устами
К яркой чаше бытия,
Полной снами и мечтами.

Гордый дуб на склоне дней,
Весь грозою опаленный,
К небесам своих ветвей,
Не подымет, утомленный.

580

А
Ранняя ред.
Первонач. вар. автографа

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА

Когда Спаситель умирал,
Когда толпа его ругала,
А Богородица в тоске
У ног Спасителя рыдала,

Когда смущенный ученик
Стоял, волнуемый сомненьем, —
Тогда Архангел ко Христу
Слетел с небесным ополченьем.

В его руке сверкал огонь,
Людьми невидимый, но грозный;
И он к ногам Христа приник
С мольбой смиренною и слезной:

«Сойди, сойди, Христос, с креста!
Ты претерпел довольно муки!
Сойди, Страдалец, обопрись
На наши преданные руки!

Сойди, Страдалец! Соизволь,
Чтоб мы явились грозной ратью,
Ужасной гибелью для злых,
Для добрых — кроткой благодатью,

Чтобы уверовал народ,
Что Ты — Могущество и Сила,
И чтоб спасение Твое
Людей в любви соединило!»

Но умирающий Христос
Молитвы ангелов отринул

И слово пламенной любви
Из бледных уст на землю кинул:

«Пусть торжествуют духи зла
Борьбой, насилием и кровью, —
Я в мир пришел не для борьбы —
Людей спасаю я любовью.

Верь, беззащитная любовь
Идущая к дверям могилы,
Сильней земных, небесных сил,
Сильней небесной вашей силы.

Иди же прочь!» И улетел
Небесный дух, не понимая,
Зачем Спаситель на кресте
Томится, в муках, умирая!

А1
Промежуточн. вар. автографа

(1) Христос казненный умирал,
(2) Толпа шумела и ругалась,
(6) Стоял, измученный сомненьем, —
(7) а Архангел светлый пред Христом
б Архангел ясный пред Христом
(8) Предстал с небесным ополченьем.
(11) Дух света пал у ног Христа
(19) И злым погибель принесли б
(21) Чтоб весь уверовал народ,
(34) И в холоде своей могилы

581

Ранняя ред.
Вар. восстановит. правки

1 В моей душе, измученной жестоко,
2 а Живая вера разлита
б Есть вера чудной красоты
3 Что станут грезами пророка
4 а *как в автографе*

б Мои горячие мечты,
в Мои бессонные мечты,
г Моя невинная мечта,

5—8 Что в мир войдет всеобщая свобода,
И будет жить из века в век,
Что, говоря с сильнейшим из народа,
Не задрожит от страха человек,
9 а И смолкнет тяжкий вопль страданья
б И смолкнет ярый вопль страданья
10 *как в автографе*
11—12 И бледный ужас истязанья
Не исказит невинных детских лиц.

582

А
ИМ

1—5 Утро туманом грозит мне в окно,
 На душу бросило тень.
Знаю, — мне грустно провесть суждено
 Этот неласковый день.
Знаю, — с измученной груди моей

А1
Промежуточн. вар.
восстановит. правки

1 Серое утро грозит мне в окно,
3 Знаю, — печально провесть суждено
4 Мне этот пасмурный день.
5 Знаю, — с груди утомленной моей
7 Что ж от его равнодушных когтей
11 Силы, как струны, давно разошлись,
12 Сил во мне больше уж нет!

584

А

Первонач. вар. автографа 2

1—4 В моей душе, измученной жестоко,
Живая вера разлита,
Что станет вещей грезою пророка
Моя горячая мечта.
9—10 Что смолкнет грозный вопль страданья
Вокруг украшенных столиц,

А1

Поздние вар. автографа 2

1—3 *как в основном тексте*
4 а Моя бессонная мечта
б Моя невинная мечта
5—7 *как в основном тексте*
9 И смолкнет тяжкий вопль страданья

585

Автограф

1 Не жалуйся, что ты печально одинок,◊
3—4 Пока в твоем дому есть хлеба хоть кусок, —◊
Спеши его делить с своим голодным братом.◊
6 а Что нет тебе жены — делить твою кручину:
б Что нет тебе жены — делить с тобой судьбину
9—10 Забывши о себе, живи ты для других, —◊
И темная тоска твой бедный угол кинет,

587

Поздний вар. автографа

1—6 Я на тропе безвестной и тернистой.
Вокруг лежит немая ночь.
Зовут на помощь там, в долине мглистой.
Как им помочь?

Уже давно без света наудачу
Я шел во тьме, боясь свернуть,

19 То шаг вперед по избранной дороге

588

Автограф

1 Как ярый ураган, шумит в душе моей◊
2—3 *а* Дыханье вечной силы, —
как в основном тексте
б Дыханье грозной силы, —
Не преходящих и не знающих могилы◊
5—7 Как горная река, стремительно влечет
Меня поток их бурный, жаркий◊
К стране неведомой, подобной грезе яркой◊
9—10 И, сброшен в глубину бунтующих валов◊
В их быстрое кипенье◊
15 *а* *как в основном тексте*
б И я, закованный жестокими камнями,◊

589

Первонач. вар. автографа

1—4 На раны жгучие прольется
Всеутоляющий елей, —
Так слуха нашего коснется
Кипенье ангельских речей, —
6 Улыбкой горесть осенит, —
11 Так скука разойдется наша,
17—18 Так в душной день в неволе душной
Струя живого ветерка

591

Автограф

1—4 Ясный и чистый
Образ святой красоты,
Словно как ландыш душистый, —
Золушка, это ведь ты![1]

13 Только немножко,
15—16 Плачешь ты, милая крошка,
Ты, нелюбимая дочь.

---

[1] *После было*: *а* Милая Золушка — ты! *б* Бедная девочка — ты! *в* Это, забытая, ты.

17—20 Милые глазки,
Золушка, ты осуши,
Знаешь народные сказки?
В них-то слова от души.

21 Будут искать башмачок[1]
23—24 Для красоты идеальной[2]
Парочки маленьких ног.
25—28 *как 1—4*

594

Ранняя редакция,
поздние вар. автографа

1 а Мне однажды снилось: я кремнистой кручей
б *как в основном тексте (Б)*
2—3 Медленно влачился. — Был полдневный зной
Вдруг привет веселый мне цветок пахучий
4 а Из пещеры дикой, темной и сырой.
б *как в основном тексте (Б)*
5—6 Веяньем надежды, чистой, безмятежной,
Нежным ароматом беззаботных грез,
9, 11 *как ст. 5, 7 в основном тексте (Б)*
13 На губах прекрасной закипали речи, —
19 Сколько понял сердцем, страстным и бессильным
21 а На плечах усталых долгое страданье,
б *как в основном тексте (Б)*
23 Зреет в жарком сердце горькое желанье
24 *как ст. 16 в основном тексте (Б)*
31—32 Да гнетет сознанье, что твои идеи,
Детки-недоноски, рушатся во тьму.
49—50 *как ст. 33—34 в основном тексте (Б)*
51 И пока пылал я муками желанья,
52 *как ст. 36 в основном тексте (Б)*
54 а Ветер перелетный, странник вековой
б *как ст. 38 в основном тексте (Б)*

---

[1] *Исправлено:* Будут носить башмачок,
[2] *Исправлено:* Для красоты беспечальной,

55 *а* Только луч мгновенный, бледной каплей брызни,[1]
б *как ст. 39 в основном тексте (Б)*
56, 58, 60, 63 *как ст. 40, 42, 44, 47 в основном тексте (Б)*

595

Первонач. вар. автографа

4 В себе не хочет превозмочь.
5—8 Ножи сверкают в лютом бое,
С бойцов свирепых льется кровь.
Кто проиграл, сражен и в бое,
И нож пронзил ему живот.
10—11 Другой от свежей крови пьян,
К ручью приникнул истомленный,
13—16 В последний раз он смотрит тупо
На потемневший небосклон.
И два шакала на два трупа
Бегут сторожко с двух сторон.

597

Автограф

1—16 Был жаркий день. Я шел уныло
В тени березовых аллей.
Так безнадежно, грустно было
Душе измученной моей.
А город весь обвеян летом,
У каждой хатки свежий сад.
От них полуденным приветом
Ко мне несется аромат.
Щебечут птички, словно детки,
В тени шныряя по ветвям, —
И словно птенчики на ветке,
Смеются детки здесь и там.
Река причудливой лукою
Смеется мне в просвет ветвей...

---

[1] *Было*: Только луч дрожащий, бледной каплей брызни,

Зачем же полон я тоскою
В тени березовых аллей?

18 Моих облитых желчью дум, —
21—23 Пред ней и вспышки вдохновенья
Мгновенно гаснут и чадят;
Как гаснут свечи в час моленья,
27 Мне самому мой стон наскучил,
31—32 И не смолкают думы злые
В тени березовых ветвей.

33—36 Как будто личные печали,
Сплетясь вкруг сердца в тесный круг,
Его, терзая, защищали
От внешних бурь, от внешних вьюг.
38 Эгоистической тоски,
40—41 С лица проснувшейся реки, —
Уж я не обнят прежней тиной,
47—48 Всеобщей скорби сердце вторит,
Как вторит ветру шум ветвей.

51 В плоде роскошном сок страданья
53—55 Былую власть теряют грезы;
Законом воли стала ложь.
Я над улыбкой вижу слезы;
64 В тени березовых аллей.

599

Автограф

1 *а* Сегодня, «Новости» читая,
б Листы газеты пробегая,
3—5 Везде в России мгла такая,
Так много беззаконных дел,
Так наглы сильные и власти
10 *а* Так зол и дик всеобщий гнет,
б Все самовольное растет,
в Все строптивое растет,
11 И перед силой труся, слово

15 Я на диван прилег, страдая
16 Под гнетом горьких-горьких дум.
21 Кто многого [желал] от жизни

604

А
Ранняя ред.
Первонач. вар. автографа

1—4 Дети, любите друг друга!..
Ныне безжалостный век:
Злоба — людская подруга,
Злобой живет человек...
6—7 Злоба Христа предает,
Злоба Христа распинает,
18—19 Пусть себе злоба шипит:
«Бог ваш, простился со светом,
22—24 Дух Его к аду идет,
Плещутся волны Коцита,
Чуя нежданный приход.
26 Сбросив отчаянья гнет,
36 В сердце колышется кровь;
42 Думы и слезы кипят, —
44—45 Веет в сердечный ваш ад.
Нежный, как кроткого друга
49—50 В мире борьбы и наживы,
В мире обманчивых слов,
52—53 Этот спасительный зов.
Кто его слышит любовно
55—56 Тот не пойдет хладнокровно
В стан равнодушных людей.
60 К гробу Христа понесет.
62 Не охладит его кровь.
73—76 *отсутствуют*

А1
Ранняя ред.
Машинопись 1

1—4; 45—48 *отсутствуют*
16 Благословляйте врагов! —

А2
Поздний вар машинописи 2

Без строф IV, VII, X—XV

605

А
Автограф

1 Чертог, засыпанный цветами,◊
2 а *как в основном тексте*
б Чертог, увенчанный цветами,
в Перед нарядными гостями◊
3 Широко двери отворил;◊
4 Он блещет яркими огнями —◊
6 Пред дверью светлого чертога,◊
8 Стою, не смею я войти:◊
11 Молю с тоскою и слезами:◊
14 Взгляни негневными очами◊
19—20 Покинув сумрак ночи мрачной,◊
Смыв грязь неправедных дорог.◊

А1
Поздний вар. машинописи 2

1 Чертог, усыпанный цветами,
2, 4 *как в автографе*
19 Забыв тоску юдоли мрачной.

606

Первонач. вар. автографа

1—4 Чужой услышишь часто смех,
Когда секут, и силы тратишь,
Чтоб увернуться, иль на грех

Рукой проворно розги схватишь.
10—12 Да всыплют лишние десятки.
Так лучше, если невтерпеж,
Орать, вздымая в воздух пятки.

614

Автограф

1—4 На лугу пасется стадо, —
Все коровы очень смирны, —[1]
Здесь им травки, сколько надо,[2]
И они довольны, смирны.[3]
Между 6 и 7 было Чувство к ним придти не может
7 Червь тоски их ум не гложет,
11 Ты, как бык, идешь меж нами
12 С теми ж сонными глазами,
Только выгоде послушный.
15 Весть свой род мне непригодно[4]
16—17 Мне дары такие даны,
Что минули обезьяну.
19 Дарвин даром мир морочит,
21 Тенью ангела быть хочет![5]
23 Что душой ты — зверь жестокий,[6]

626

Черновой набросок

С тупым отчаяньем во взоре,
Глаза уныло опустя, —
Как воплотившееся горе,
Как заблудившее дитя, —
В толпе преступников суровых[7]

---

[1] *Было*: *а* Как коровы гладки, жирны! *б* Все коровы гладки, жирны!
[2] *Было*: Есть им травки, сколько надо,
[3] *Было*: И они гладки и жирны.
[4] *Было*: *а* Мне свой род вести возможно ль, *б* Я вести свой род не стану:
[5] *Было*: Внуком ангела быть хочет!
[6] *Было*: Ты душою — зверь жестокий,
[7] *Далее было начато*: Влеком в

В тюрьму безжалостно влеком,
В одежде бедной и в оковах,
Шел мой знаком.

А
Черновой автограф

⟨1⟩

Дорогой долгой, скудной, пыльной,
Лучами жаркими палим, —
По виду — бледный и бессильный —
Но на ходу неутомим,[1]
Влекомый жаркою надеждой,
Однажды путник молодой,
Покрытый бедною одеждой,
Шел, изнуренный и босой.
В руках он нес одну лишь книгу, —[2]
Ни посоха, ни сапогов.
Как смирный вол, покорный игу
Он бодро шел, и был суров
Очей печальных взгляд упорный,
Взгляд воспаленный и больной.
Покрыт обильно пылью черной,
Он шел, измученный, босой.

22 ноября 1890

Фрагмент 2 отсутствует

3

Из дома отчего ушел он
Тому назад уж много дней,
Неутолимой жажды полон,
С мечтой осмеянной своей,
И без пристанища, без крова,
Один скитался он давно,

---

[1] *Далее было начато*: Поддержан
[2] *Было*: *а* С собою не нес ни котомки, *б* Которую он нес с собою

И все вперед влекло сурово
Его стремление одно.

28 ноября 1890

4

Сказать рассудочно и ясно,
Зачем он взял такой удел,
К чему стремится он так страстно, —[1]
Едва ли б он и сам сумел.
Но с детства сердце порывалось
Всем обездоленным помочь, —
И к ним немолкнущая жалость
Его терзала день и ночь.

6[2]

Хоть луч спасительного света[3]
Внести в густеющую ночь!
Хоть словом братского привета
Усталому рабу помочь!
Хотя слезу тоски стыдливой
Лобзаньем дружеским стереть!
Хоть раз от жертвы терпеливой
Отвесть карающую плеть!

7

Однажды, с утренней зарею,
Ушел из дома он тайком,
И шел окольною стезею.
Наряд богатый был на нем.
Он встретил нищего, который
Дрожал от холода, — и вот
Свои роскошные уборы
Ему скиталец отдает.

---

[1] *Было*: К чему стремится он [весь] так страстно
[2] *В начале строфы четыре строки зачеркнуты*:
Подобно птице перелетной
Перед осеннею порой
Он стал томиться безотчетной
Все возрастающей тоской
[3] *Было*: Хоть луч [тоск] спасительного света

8

И бодро, в рубище убогом
Пошел он дальше, нищ и бос.
С собой, по тернистым дорогам,
Одно сокровище он нес:
Как спутник неизменно-милый,
Всегда Евангелие с ним, —
С его чарующею силой,
Скиталец был неутомим.

Фрагмент 9 отсутствует

⟨10⟩

⟨ ⟩
И проходя по нищим селам
И по роскошным городам,
По кручам гор, по злачным долам,
Он поучается и сам.

11

Там льется жизнь волною мутной,
Там тиной жизнь заволокло,[1]
Там блещет радости минутной
Недолговечное стекло,
Там накопившиеся слезы[2]
Жизнь одинокую мрачат,
А там обманчивые грезы[3]
В уме неопытном кипят, —

3 декабря 1890

12[4]

Томим любовью бесконечно,
Сам о себе давно забыв,
Готов ответить он сердечно

---

[1] *Было*: Где льется жизнь волною мутной,
Где тиной жизнь заволокло,
Там блещет радости минутной

[2] *Было*: Где накопившиеся слезы

[3] *Было*: И где обманчивые грезы

[4] *Строфы XII—XVI соответствуют строфам XI—XV (А1)*

На каждый жизненный призыв.
И если в лике порицаний
Пред ним предстанет клевета, —
Не побоится он страданий,
Не побоится он креста.

13

А люди были злобны, дики, —
То было в злые времена, —
Не раз в толпе он слышал крики:
«Долой пустого болтуна!
— Прочь, проходимец босоногий!
— Молчи, проклятый попугай!
— Иди, иди своей дорогой,
И слабых сердцем не смущай!»

14

Порой каменьями бросали
В него мальчишки-шалуны,
Порой жестоко бичевали
Его начальники страны,
Порой за дерзостное слово
Судья в тюрьму его тащил, —
Но он Евангелие снова
С собой на волю выносил.

23 декабря 1890

15

И думал он: «Беглец гонимый,
Для всех повсюду я чужой,
Но ты, мой друг незаменимый,
Всегда останешься со мной!
Мне легче с жизнью распрощаться
И умереть во цвете лет,
Чем малодушно отказаться
От усладительных бесед!»

16

Лежит без звука и без тени
Горячий полдень; солнце жжет;

Тяжелый воздух, полный лени,
В лесу листок не шелохнет;
На небе тучка быстро тает,
Как в теплых струях поздний лед,
И даже время замедляет
Свой необузданный полет.

17

Один ручей, играя с солнцем[1]
Струей прозрачною своей,
Кует червонец за червонцем[2]
Из золотых его лучей;
Волна ручья, песок лаская,
Звенит, как детский поцелуй, —
И смотрит странник, отдыхая,
На вольный бег холодных струй.

31 декабря 1890

18

И отдается он потоку
Неуловимо быстрых дум.
Вдруг слышит он неподалеку
Растущий, близящийся шум;[3]

4 января 1891

И вот в пустой и молчаливой
Средь неподвижной тишины,
Людская речь и плач тоскливый
Так ясно, близко так слышны.

19

Толпа людей к ручью степному
Спешит. Один измучен, стар.[4]
Зачем же вышел он из дому,
Изнемогая, в этот жар?
Унылый взор, в оковах руки,

---

[1] *Было*: Один ручей играет с солнцем
[2] *Было*: И льет червонец за червонцем
[3] *Было*: Звенящий звук, неясный шум
[4] *Было*: Толпа людей к ручью лесному
Спешит. Один совсем уж стар

Согбенный стан, — все говорит,
Что он в тюрьму или на муки
Покорной жертвою спешит.

20

Припав к его плечу, рыдая,
За ним печальная жена,[1]
За ними дочка молодая,
Тонка, как пальма, и бледна;
Два сына, бедные малютки, —
Бежали, плача, за отцом.
В ответ на плач их злые шутки
Неслись от стражников кругом.

21[2]

И сердце говорит скитальцу:
«Вот новый труд; иди скорей
Хоть чем-нибудь помочь страдальцу,
Несчастный он или злодей:
Несчастный жаждет утешенья,
Но и преступник — твой же брат,
И если люди ищут мщенья, —
Бог милосердием богат!»

22

Привал: приставники устали,
Под сенью пальм они лежат.
Сын утешенья, сын печали,
Друг с другом тихо говорят.
«Нет, утешитель мой случайный,
Я рук в крови не обагрил;
Не явный грех, не грех потайный
Меня в оковы заключил!

23

Вчера я был владелец поля,
И мирно жизнь в трудах текла, —

---

[1] *Было*: Идет печальная жена
[2] *Строфы XXI—XXIV соответствуют строфам XX—XXIII автографа (А1).*

Сегодня горестная доля
И дом, и поле отняла...
Прошедший год был трудным годом:
Стоял невыносимый зной,
И тучки под небесным сводом
Не зародилось ни одной.

24

Земля от жажды изнывала,
Дымился, смрадом вея, лес.
И часто дымом застилало
Пустыню жаркую небес.
Сгорела жатва в почве жадной,
А там — и новая беда:
Пришла чума, губя нещадно
Изнемогавшие стада.

8 января 1891

25

Когда беда стучится в двери
Нетерпеливою рукой,[1]
И за потерями потери
Идут жестокой чередой,
Тогда напрасно гнать с порога[2]
Их кровожадную семью:
Безумен тот, кто воле Бога
Противоставил бы свою.

11 января ⟨1891⟩

26

Трудом, борьбой, сопротивленьем
Он злые муки только длит,
И что казалося спасеньем,
Лютейшей гибелью грозит,
Оставь же замысел упорный
И, как душе ни тяжело,

---

[1] *Было*: Неутомимою рукой
[2] *Было*: Напрасно гоним от порога

Клони, клони в тоске покорной
Свое печальное чело![1]

27[2]

Но, как безумец, доле строгой
Я покориться не хотел:
Меня страшил удел убогий,
Труда наемного удел.
Обременив себя долгами,
Напрасно радовался я:
Разбита гневными волнами
Надежды суетной ладья.

28

Моих трудов былым успехом
Теперь Господь не награждал,
Заимодавец только смехом
На все моленья отвечал.
Родных и близких я напрасно
Просил, — никто мне не помог.
Как камни, люди безучастны,
Закон неумолимо строг.

29

Вчера — тяжелый день печали! —
В слезах, безмолвно я глядел,
Как вещь за вещью продавали
Все, что сберег я, чем владел.
И всем, что скоплено годами,
Долг безрассудный не покрыт,
И участь сделаться рабами
Жене, детям моим грозит».

---

[1] *Было:* Изборожденное чело!

[2] *Строфы XXVII—XXIX — как в автографе XXVI—XXVIII, А1; разночтения: 29, ст. 5: И всем, что скоплено годами; 32, ст. 4: Он в ларце дорогом лежит; 33, ст. 7: Пускай над мной тоски жестокой*

30

Замолк старик, сидит угрюмый...[1]
И странник никнет головой;
В уме несутся злые думы,[2]
Как резвых пчел гудящий рой.
«Не нужны речи утешенья,
Слова участия тому,
Кто, полный страха и смущенья,
Идет в неведомую тьму!

31

Когда в молчании суровом
Ночь воцарится на полях,
К ней выходи не с громким словом,[3]
А с ярким светочем в руках...
Чем помогу семье унылой?
Со мной Евангелье одно...
Увы! с тобою, друг мой милый,
Мне расставаться суждено!

32

Твой свиток яркой позолотой,
Камнями ценными блестит;
Он дорог тщательной работой,[4]
Он в ларце дорогом лежит.
Мне за него заплатят много.
Ну что ж! и я его продам,
Как встарь Иуда продал Бога
Его завистникам жидам.

33

И, одинок навек отныне,
Пойду печально в долгий путь...[5]
Пусть ноет в жизненной пустыне

---

[1] *Было*: Замолк старик, поник угрюмый...
[2] *Было*: Над ним несутся злые думы,
[3] *Было*: К ней выходи не с вещим словом,
[4] *Далее было начато*: Футляр
[5] *Было начато*: Пойду я в свой пе⟨чальный⟩

Моя измученная грудь!
Пускай мой отдых одинокий
Печаль лихая стережет!
Пускай над мной тоски жестокой
Лежит невыносимый гнет!»

15 января 1891

А1
Автограф
Первоначальная редакция

СТРАННИК

Примечание: Содержание стихотворения отчасти заимствовано из сказания о преп. Серапионе Синдоните, V века (память 14 мая). Это был египтянин, странствовавший в одной верхней одежде (синдоне) по разным странам. Нищему, дрожащему от холода, он отдал свою одежду, и за веденного в темницу заплатил долг, продав свое евангелие.

1

Дорогой долгой, скудной, пыльной,
Лучами жаркими палим,
По виду бледный и бессильный,
Но на ходу неутомим,
Влекомый яркою надеждой,
Однажды путник молодой,
Покрытый бедною одеждой,
Шел, изнуренный и босой.

2

Из дома отчего ушел он
Тому назад уж много дней,
Неутолимой жажды полон,
С мечтой осмеянной своей,
И без пристанища, без крова,
Один скитался он давно,
И все вперед влекло сурово
Его стремление одно.

3

Сказать рассудочно и ясно,
Зачем он взял такой удел,

К чему стремится он так страстно, —
Едва ли б он и сам сумел.
Но с детства сердце порывалось
Всем обездоленным помочь,
И к ним немолкнущая жалость
Его терзала день и ночь.

4

Жить в доме пышном и богатом
Ему казалось все стыдней,
Когда и счета нет утратам,
Скорбям и бедствиям людей.
Когда, как ночь, везде нависла
Мгла неразумия и зла,
Так нестерпима жизнь без смысла
Для сердца жаркого была.

5

Хоть луч спасительного света
Внести в густеющую ночь!
Хоть словом братского привета
Рабу усталому помочь!
Хотя слезу тоски стыдливой
Лобзаньем дружеским стереть!
Хоть раз от жертвы терпеливой
Отвесть карающую плеть!

6

Однажды, с утренней зарею,
Из дома вышел он тайком,
И шел окольною стезею.
Наряд богатый был на нем.
Он встретил нищего, который
Дрожал от холода, — и вот
Свои роскошные уборы
Ему скиталец отдает.

7

И дальше, в рубище убогом
Пошел он бодро, нищ и бос.

С собой по тернистым дорогам
Одно сокровище он нес:
Как спутник неизменно-милый,
Всегда Евангелие с ним, —
Поит его чудесной силой,
Скиталец был неутомим.

8

Когда полдневный зной погонит
Его с дороги — отдохнуть,
Уныло головы не клонит
Он на измученную грудь;
Прикрыт от солнца свежей тенью,
На берегу шумящих вод
Он усладительному чтенью
Невольный отдых отдает.

9

И все, что в книге прочитает,
Во тьму, к собратьям он несет,
И без боязни поучает
В грехах погрязнувший народ,
И проходя по нищим селам
И по роскошным городам,
По кручам гор, по злачным долам,
Он поучается и сам.

10

Там льется жизнь волною мутной,
Там тиной жизнь заволокло,
Там блещет радости минутной
Недолговечное стекло,
Там накопившиеся слезы
Жизнь одинокую мрачат,
А там обманчивые грезы
В уме неопытном кипят, —

11

Томим любовью бесконечно,
Сам о себе давно забыв,

Готов ответить он сердечно
На каждый жизненный призыв.
И если в шипе порицаний,
Пред ним предстанет клевета,
Не побоится он страданий,
Не отвернется от креста.

12

А люди были злобны, дики, —
То было в злые времена, —
Не раз в толпе он слышал крики:
«Долой пустого болтуна!
— Прочь, проходимец босоногий!
— Молчи, проклятый попугай!
— Иди, иди своей дорогой,
И слабых сердцем не смущай!»

13

Порой каменьями бросали
В него мальчишки-шалуны,
Порой жестоко бичевали
Его начальники страны,
Порой за дерзостное слово
Судья в тюрьме его томил, —
Но он Евангелие снова
С собой на волю выносил.

14

И думал он: «Беглец гонимый,
Для всех повсюду я чужой,
Но ты, мой друг незаменимый,
Всегда останешься со мной.
Мне легче с жизнью распрощаться
И умереть во цвете лет,
Чем малодушно отказаться
От усладительных бесед».

15

Лежит без звука и без тени
Горячий полдень; солнце жжет;

Тяжелый воздух полон лени,
В лесу листок не шелохнет;
На небе тучка быстро тает,
Как в поздних струях поздний лед,
И даже время замедляет
Свой необузданный полет.

16

Один ручей, играя с солнцем
Струей прозрачною своей,
Кует червонец за червонцем
Из золотых его лучей;
Волна ручья, песок лаская,
Звенит, как детский поцелуй, —
И странник смотрит, отдыхая,
На вольный бег холодных струй,

17

И отдается он потоку
Неуловимо быстрых дум...
Вдруг слышит он неподалеку
Растущий, близящийся шум:
И вот в пустыне молчаливой,
Средь неподвижной тишины,
Людская речь и плач тоскливый
Так ясно, близко так слышны.

18

Толпа людей к ручью степному
Спешит. Один измучен, стар.
Зачем же вышел он из дому,
Изнемогая, в этот жар?
Унылый взор, в оковах руки,
Согбенный стан, — все говорит,
Что он в тюрьму или на муки
Покорной жертвою спешит.

19

Припав к его плечу, рыдая,
Идет печальная жена,

За ними дочка молодая,
Тонка, как пальма, и бледна;
Два сына, бедные малютки, —
Бежали, плача, за отцом.
В ответ на плач их злые шутки
Неслись от стражников кругом.

20

И сердце говорит скитальцу:
«Вот новый труд; иди скорей
Хоть чем-нибудь помочь страдальцу,
Несчастный он или злодей:
Несчастный жаждет утешенья,
Но и преступник — твой же брат,
И если люди ищут мщенья, —
Бог милосердием богат!»

21

Привал: приставники устали,
Под сенью пальм они лежат.
Сын утешенья, сын печали,
Друг с другом тихо говорят.
«Нет, утешитель мой случайный,
Я рук в крови не обагрил;
Не явный грех, не грех потайный
Меня в оковы заключил!

22

Вчера я был хозяин поля,
И мирно жизнь в трудах текла, —
Сегодня горестная доля
И дом, и поле отняла...
Прошедший год был трудным годом:
Стоял невыносимый зной,
И тучки под небесным сводом
Не зародилось ни одной.

23

Земля от жажды изнывала,
Дымился, смрадом вея, лес.

И часто дымом застилало
Пустыню жаркую небес.
Сгорела жатва в почве жадной,
А там — и новая беда:
Пришла чума, губя нещадно
Изнемогавшие стада.

24

Когда беда стучится в двери
Нетерпеливою рукой,
И за потерями потери
Идут жестокой чередой,
Тогда напрасно гнать с порога
Их кровожадную семью:
Безумен тот, кто воле Бога
Противоставил бы свою!

25

Трудом, борьбой, сопротивленьем
Он злые муки только длит,
И что казалося спасеньем,
Лютейшей гибелью грозит,
Оставь же замысел упорный
И, как душе ни тяжело,
Клони, клони в тоске покорной
Свое печальное чело!

26

Но, как безумец, доле строгой
Я покориться не хотел:
Меня страшил удел убогий,
Труда наемного удел.
Обременив себя долгами,
Напрасно радовался я:
Разбита гневными волнами
Надежды суетной ладья.

27

Моих трудов былым успехом
Теперь Господь не награждал,

Заимодавец только смехом
На все моленья отвечал.
Родных и близких я напрасно
Просил, — никто мне не помог...
Как камни, люди безучастны,
Закон неумолимо строг.

28

Вчера — тяжелый день печали! —
В слезах, безмолвно я глядел,
Как вещь за вещью продавали
Все, что сберег я, чем владел.
Но всем, что скоплено годами,
Долг безрассудный не покрыт,
И участь сделаться рабами
Жене, детям моим грозит».

29

Замолк старик, сидит угрюмый...
И странник никнет головой;
В его уме несутся думы,
Как резвых пчел гудящий рой.
«Не нужны речи утешенья,
Слова участия тому,
Кто, полный страха и смущенья,
Идет в неведомую тьму!

30

Когда в молчании суровом
Ночь воцарится на полях,
К ней выходи не с громким словом,
А с ярким светочем в руках...
Чем помогу семье унылой?
Со мной Евангелье одно...
Увы! с тобою, друг мой милый,
Мне расставаться суждено!

31

Твой свиток яркой позолотой,
Камнями ценными блестит;

Он дорог тщательной работой,
Он в дорогом ларце лежит.
Мне за него заплатят много.
Ну что ж! и я его продам,
Как встарь Иуда продал Бога
Его завистникам — жидам,

32

И, одинок навек отныне,
Пойду печально в долгий путь...
Пусть ноет в жизненной пустыне
Моя измученная грудь!
Пускай мой отдых одинокий
Печаль лихая стережет!
Пусть надо мной тоски жестокой
Лежит невыносимый гнет!

33

И если вспомню я порою,
Преодолев тоску мою,
Что этой трудною ценою
Я от неволи спас семью
От униженья, от неволи,
И возвратил довольство им, —
Не исцелит [серд] душевной боли
Воспоминаний сладкий дым.

34

Так ночью лик луны печальной
Над тихим озером скользит
И на поверхности зеркальной
Рисует свой зеленый щит.
Но свет неясный, отраженный
Не заменит дневных лучей,
И стонет озеро бессонной
Прибрежной жалобой своей».

Декабрь 1890,
январь, 26 июля 1891
Вытегра

А2

Разночтения промежуточн. редакции:

(1) *а* Дорогой каменистой, пыльной,
б Дорогой жесткой и бестенной,
(2) В палящий полуденный зной,
(3—4) *а* Шел путник бедный и смиренный,
Покрытый рубищем, босой.
б Издалека он шел смиренный,
В лохмотьях нищенских, босой.
(5) Он молод был. Надеждой жаркой
(6—7) *а* Порой блистал усталый взор,
Как блещет в небе ночью яркий,
б Порой сверкал усталый взор,
Как ночью в небе блещет яркий
(8) И мимолетный метеор.
(14—17) Один скитался он с тех пор
И жизнь несла ему сурово
Тоску, страданья и позор.
(21—24) Но с детства он кипел тоскою,
Ловя тревожно каждый стон
Того, кто с горем и нуждою
Суровым роком обручен.
(28—29) Печалям, бедствиям людей.
Когда, как ночь, вокруг нависла
(34) Внести в томительную ночь!
(41—43) Однажды утренней порою
Из дома вышедши тайком,
Он шел окольною стезею.
(49) Прикрыв изнеженное тело,
(50) *а* Одеждой ветхой, нищ и бос,
б Одеждой ветхой, в край иной,
(51—53) В тяжелый путь пошел он смело.
Одно сокровище с собой
Он нес: как спутник вечно милый,

(56) *а* И с ним беглец был неутомим.
б Живит учением своим.
(64) Досуг невольный отдает.
(85—88) И если лживою змеею
Пред ним коварство зашипит, —

Он пред грозящею бедою
Своих очей не отвратит.
(97—103) Не раз в оковах пред судьею
Он безбоязненно стоял,
Не раз изгнаньем иль тюрьмою
Неправый суд его карал,
И бичевал его сурово
Палач не раз перед толпой,
Но он, от ран оправясь, снова
(104) *а* Шел смело с книгою святой.
б Шел дальше с книгою святой.
(113) *а* Плывет без звука и без тени
б Томит без звука и без тени
(115) Тяжелый воздух, полный лени,
(132—135) Природе чуждый гул и шум:
Людская речь, и плач, и стоны
Взамен дремотной тишины,
Так странны в степи утомленной
(136) *а* Так поразительно ясны.
б Так поразительно звучны.
(139—140) Неужли вышел он из дому,
Своею волей в этот жар?
(145—149) Жена и дочка молодая
И двое малых сыновей
За ним идут, стеня, рыдая
Все неутешней и больней.
Вокруг тюремщики. Им скучно, —
(150) *а* Бегут, рыдая, за отцом.
б Порой смеются над детьми
(151) Порою режут воздух звучно
(152) Летят от стражников кругом...
(161) Привал: тюремщики устали,
(169) Вчера я был владелец поля,
Перед (177) Пожаром солнце обливало
Простор сияющих небес.
В трудах обычных жизнь текла, —
(179) *а* Багровым дымом застилало
б *зачеркнут*
(180) *зачеркнут*
(181) Сгорела жатва в почве жадной,

(185) Когда стучится горе в двери
(224) Мне, детям и жене грозит».
(226) *а* И никнет странник головой;
б Поникнул странник головой;
(229) Нужны ли речи утешенья,
(241—245) Твой свиток ярко позолочен,
Он в золотом ларце лежит;
Ларец красив, тяжел и прочен
И весь алмазами блестит.
К чему сокровище такое
(246) *а* Ну что ж, и я его продам,
б В моей скитальческой суме
(247—248) Ученье врезано живое,
Неизгладимое — в уме!
(249) Промчались сутки. К тем же стройным,
(250) *а* Пойду в безрадостный мой путь...
б Высоким пальмам у ручья
(251—253) Идет под солнцем ярко-знойным
Освобожденная семья.
Их ноги радость окрыляет,
(254) *а* Печаль гоненья стережет!
б В глазах их счастие горит
в Глаза их счастием горят,
(255) *а* Пусть над душой тоски жестокой
б И всяк скитальца вспоминает
(256) И Бога все благодарят.
(257—272) *зачеркнуты*
(260) Я спас несчастную семью
(272) *а* Немолчной жалобой своей.
б Чуть слышной жалобой своей.

А3
Машинопись 1, 2, 4
36, 69—70 *как в тексте*

А4
Машинопись 3

С делением на фрагменты:
12—12—16—16—16—16—8—
24—16—8—4—24—24—4—20—8

5—8, 17—28 *отсутствуют*
36, 69—70 *как в тексте*
165—168, 197—200 *отсутствуют*

Б
Вар. поздней правки на стр. из «Русского Паломника»

2—3 Докучный полдень; солнце жжет,
Тяжелый воздух в томной лени,
17—24 *зачеркнуты*
71—72 Живит его чудесной силой,
Святым учением своим.
73—80, 101—104;
117—120; 125—128;
169—176; 185—188 *зачеркнуты*
211 И что казалось избавленьем,
213—216; 221—224— *зачеркнуты*
231 Как скалы, люди безучастны,
271 Семья скитальца вспоминает,

Б1
Поздняя переработка основного текста[1]

2—3 Докучный полдень. Солнце жжет
Тяжелый воздух в томной лени
17—28 *отсутствуют*
29—40 Он вспоминает дни былые
В родном краю, в родном дому,
Когда впервые думы злые
Пришли негаданно к нему,
Когда великие печали
Открылись вдруг его очам,
И люди смехом отвечали
Его доверчивым речам.

---

[1] *Незавершенная редакция; строки, не подвергнутые правке, обозначены в автографе начальными буквами строк.*

Горел стыдом он и тоскою,
Ловя тревожно каждый стон
Того, кто с горем и нуждою
Суровым роком обручен.
41—44 *отсутствуют*
Когда, как ночь, над ним нависла
47—48 [Т] Людская, злая жизнь без смысла
Для сердца горькою была
52 Рабу дрожащему помочь[1]
58—59 Покинув тайно отчий дом,
Он шел окольною тропою.
60 Наряд богатый[2] был на нем
65 [3]
71—72 Живит его чудесной силой,
Святым учением своим.
73—80 *начальные буквы строк зачеркнуты*
81 Все, что он в книге прочитает
97 Томясь любовью бесконечно,
101—104 *отсутствуют*
105 А люди были грубы, дики, —[4]
106 То было в злые времена
110 — Молчи, бродяга и лентяй
117—120 *начальные буквы строк зачеркнуты*
121 Но думал он: Беглец гонимый
125—128 *начальные буквы строк зачеркнуты*
130 Докучный полдень; солнце жжет;
152 Так неожиданно звучны
160 *последняя строка автографа*

629

Первонач. вар. автографа
3 И хотя жизнь тогда была еще дика,
5 Но силы юные кипели в них ключом,
7—8 *в обратном порядке*

---

[1] *Строка вписана карандашом.*
[2] *Слово вписано карандашом. Было: Наряд не пышный был на нем*
[3] *Далее весь текст записан карандашом.*
[4] *Было*: А люди были [злы и] грубы, дики, —

19 И смертью сладкою соединены навеки.
29 И кроет нам лицо условленная маска.
39 Волнуясь и крича, на место яркой драмы,
между 68 и 69 *а* И спросишь ты себя: не злобные ли путы
б И спросишь ты себя: не царство ли Ваала,
83 Но слушают ее охотней и приветней.
102—103 *в обратном порядке*
120—121 Я вам перескажу один ее рассказ,
Не знаю, почему меня так взволновавший.

630

Первонач. вар. автографа

Ты горишь желаньем дела,
И на подвиг ты готов.
Что ж, иди, пора приспела,
Пред тобою заалела,
Как заря, твоя любовь.
Только знай, что путь суров.
Жди завистников, врагов.
Слышишь: злоба зашипела?

Жди, не жди — не замолчит.
И ничто не защитит
От ее коварной брани.[1]

Жертвуй людям, но не жди,
Ни венка, ни пьедестала.
Нет, осмеянный, иди.

631

Первонач. вар. автографа

Непреклонно-строги взоры,
На меня ты не глядишь;
Понимаю те укоры,
Что сурово ты таишь.

---

[1] *Исправлено*: Твою грудь от злого жала.

Чем так гневаться упрямо
И молчать уже два дня,
Лучше кончи дело, мама,
Розгой накажи меня.

Я и сам ведь это знаю,
Что проступок мой тяжел.
Розги сам в саду сломаю,
Сам я на пол лягу гол.

Пусть безмолвная досада
Не печалит уж наш дом.
Поступи со мной, как надо,
Да и не сердись потом.

632

А

Первонач. вар. автографа 1

СОНЕТ

Когда вокруг свершается кипенье
Ничтожного и мелочного зла, —
Карай одним оружием презренья
Бесстыдные и низкие дела.

Иные есть предметы для волненья,
Иная есть губительная мгла.
Смотри, чтоб жажда грозного отмщенья
Пред ними в ужасе не замерла!

Могучих сил не трать в борьбе бесплодной, —
Иди вперед, бесстрастный и свободный;
Вперяя взор во тьму, не ведай сна, —

И встанет вдруг грозящая химера:
На этот грозный час тебе нужна
Вся мощь, любовь, надежда вся и вера.

А1
Промежуточн. вар. автографа 1

(1) Услышишь ли ползучее шипенье
(3) С ним не борись — карай стрелой презренья
(4) Бесстыдные, коварные дела:
(5) Есть худшие на свете преступленья,

А2
Первонач. вар. автографа 2

1—4 Услышишь ты ползучее шипенье
Ничтожного и мелочного зла, —
Но обходи с улыбкою презренья
Бесстыдные, коварные дела:
5 *как в А2*
8 *как в А1*

633

Машинопись 1

1—3 Любитель радости с улыбкой наблюдает
Веселую толпу играющих детей.
Хоть ноги голые им грязь дорог марает,
5—6 Но мысль печальная мой разум поражает,
Когда гляжу на них; она в душе моей,
8 Неумолимая, томительно пылает.

634

А
Первонач. вар. автографа

2 Подобия богов создавшая из глыб,
14 Блеск и сиянье дня, румяный свет зари.

А1
Машинопись 1

2—3 Богов создавшая из неподвижных глыб
Насколько стала б жизнь роскошней и прелестней
6 Кому бы ни было, о чем-нибудь одном
10—12 Что отгорожено китайскою стеной, —

Для этого иметь чрезмерно-много власти
Нам надо над своей измученной душой?
17 Что мне краса девиц, пленяющая очи.

635

Первонач. вар. автографа

Я наслаждался негой счастья,
И упоением любви.[1]
Яд молодого сладострастья
Так и кипел в моей крови.

Я говорил: «Средь дней ненастья[2]
Часы лазурные лови,
Во всех пирах бери участье,
Для грез пурпуровых живи!»

Не видел я, безумец бедный,
Обманов жизни этой бледной!
Но вдруг страдающего стон

Смешался с песней звонкой нашей, —
И вышел я, угрюм, смущен
И не допив заздравной чаши.

636

Первонач. вар. автографа

Нет радости, нет утешенья вне свободы![3]
Ленивою стезей ползут немые дни,
Как ураган, летят стремительные годы,
И гасят наших грез, заветные огни.[4]

Заграждены пути, закрыты всюду входы, —[5]
Не трать разбитых сил, неправды не кляни.

---

[1] *Исправлено*: Роскошным праздником любви.
[2] *Исправлено*: Я говорил: «И в дни ненастья
[3] *Исправлено*: Какая злая жизнь! Ни счастья, ни свободы!
[4] *Исправлено*: И гасят юных грез заветные огни.
[5] *Исправлено*: Запрещены пути, заграждены исходы

И пусть твою ладью неведомые воды
Несут немым ручьем в таинственной тени.

Лежи на дне ладьи, следи ветвей мельканье,
И слушай сонных струй ленивое журчанье.
И жди, спокойно жди. Бездействие — не стыд,

Когда растрачены все жизненные силы;[1]
И если сломан меч, и если отнят щит, —
Пощады не проси, и не проси могилы.

641

ПЖ

1—8 Восторгом ярким, скоротечным
Воспламенен ты, милый друг, —
Поверь, что он не будет вечным,
Великодушный твой недуг.
Теперь ты юн; глядишь беспечным
Ты взором весело вокруг,
И защищен огнем сердечным
От холодов житейских вьюг.

643

А
Ранняя ред.
Поздние вар. автографа:

1 Поэм веселых, звонких песен
3—10 Мой кругозор угрюм и тесен,
И мрачно впереди.◊

Привык я слышать злые звуки
как в основном тексте
Привык везде я видеть муки,
Смотреть на мир сквозь слезы.
Привык и в радости беспечной
Провидеть скрытый яд, —

---

[1] *Исправлено*: Тому, кто честен был, кто битве отдал силы

11 *а* И вспышки нежности сердечной
б И вспышки радости сердечной
13—14 В них много блеску, жизни мало, —
как в основном тексте
16 И перед смертью дремлет.

А1
Первонач. вар. машинописи 1

1 *как в А*
3 Унылый путь мой пуст и тесен,
7 Я в мире вижу злые муки,
16 *как в А*

646

Первонач. вар. автографа

1 Словами горькими напрасных отрицаний
7—8 С устами, звавшими для неги и лобзаний,
С очами, полными призывною тоской
10 Как гроб раскрашенный, союзник верный тленья.
13—16 И очи мрачные метали гордый вызов,
И принял вызов я, вперив усталый взор,
В царя сомнения и гибельных капризов.[1]

647

А
Первонач. вар. автографа

За грубость выражений
Меня ты не кляни:
Таков мой скорбный гений,
Такие наши дни!

И горьких песнопений
Моих ты не кляни:
То в мраке заблуждений
Горящие огни!

[1] *Было*: В царя сомнения и бунта и капризов.

Гореть как можно жарче,
Светить как можно ярче, —
Вот заповедь моя.

Горю я пред толпою,
Страданий не тая,
Предутренней зарею.

А1
Поздний вар. автографа

2 *как в основном тексте*
12 Блещу я пред толпою,
14 Кровавою зарею.

656

А
Первонач. вар. автографа

МЕСТЬ БАРОНА

Барон возвратился домой,
Суровый, и бледный, и строгий...
Донос безымянный и злой
Вчера получил он дорогой:
Пропел ему песню певец
Про женину злую измену,
Как лазает к ней молодец
Глубокою ночью чрез стену.
И ночью, примчавшись верхом
Ко рву неприступного замка,
Он видел, как вышла тайком
В потайную дверь ее мамка.
Он видел — светила луна, —
Он скрыт был под тенью каштана.
Пажа к баронессе она
Вела — молодца Адельстана.
Он видел, как паж у стены
Разул свои бойкие ноги,
Не подняли б слуги жены,
Застукавши ⟨*нрзб.*⟩, тревоги,

И тихо за мамкою он
В потайные двери укрылся.
И взял его обувь барон
И, скрыв под плащом, удалился.
Затем — то угрюм, то суров,
Вошел он, плаща не снимая,
Не слушая ласковых слов,
Что шепчет жена молодая.
Смущенные слуги кругом
Теснятся, и каждый боится,
Что гнев господина на нем,
Быть может, сейчас разразится.
Дрожит и бледнеет жена,
Предчувствуя стыд обвиненья,
И кается в сердце она, —
В стыде своего преступленья.
Испуганный паж побледнел,
Преступную ночь вспоминая:
Когда горизонт заалел,
И встала заря золотая —
И тихо, потайным путем
Опять его вывела мамка,
Он обувь искал под кустом
У стен неприступного замка.
Нашел он на влажной земле
Следы, — здесь ступала ботфорта, —
И думал: «Блуждали во мгле
Здесь очи коварного черта.
Сбежали ботфорты — я бос,
Сманил их лукавый отсюда!
Куда их проклятый занес?
Ведь это вещает мне худо!»
И в страхе, дрожащий, босой
Помчался он, зайца проворней,
И скрылся в двери запасной,
Где жил он с баронскою дворней.
Уселся на кресло барон,
Неспешно свой плащ отодвинул,
Ботфорты красивые он
Ботфортой тяжелой подвинул,

И молвил: «В дороге со мной
Случилось великое диво.
Я ехал дорогой глухой,
Росла у дороги крапива.
Назад посмотрел я: бегут
За мною ботфорты вдогонку, —
Как будто их прытко несут
Пажа молодого ножонки.
Огни задувают, спешат
И ⟨*нрзб.*⟩ и мерят дорогу.
Догнали меня и кричат:
По-нашему, в голос, ей-Богу:
„Сиятельный наш господин,
Далеко ты мудростью славен,
Защитник для нас ты один,
Хозяин же наш своенравен:
В объятьях предутренней тьмы,
На мокрой земле, средь тумана,
Им были оставлены мы,
Ботфорты пажа Адельстана.
Сначала светила луна,
Не очень-то страшно нам было,
Когда ж закатилась она,
Душа в нас от страха заныла.
Валяться на влажной земле
Приятно ль в холодном тумане,
Когда наш хозяин в тепле
Лежит на пружинном диване,
Вино искрометное пьет,
С самой баронессой смеется,
Ей сладкие песни поет,
В горячей любви признается.
Не снести обиды такой,
К тебе мы, барон, прибежали:
Пажа молодого ногой
Погреться нам снова нельзя ⟨ли⟩?
Скажи ему, грозный барон,
Чтоб снова нас принял на службу,
Да выше ценил чтобы он
С ботфортами крепкими дружбу.

Отец, хоть дворянчик, да нищ, —
Босым дома бегал мальчишка,
Так в паре таких голенищ
Красавчику не было б лишка!” —
Поди же сюда, Адельстан.
Что скажешь в свое оправданье?
Да только не лги: за обман
Жестокое ждет истязанье!» —
Бледнеет бедняжка, молчит,
Не может промолвить и слова, —
И все притаилось, молчит,
Как будто пред бурей дуброва.
Барон головой покачал,
И молвил: «Ботфорты красивы!
К тому же я в них напихал,
Чтоб ловче сидели, крапивы!
Сними же свои башмаки,
Ботфорты сейчас ты наденешь,
Да сбрось-ка и эти чулки,
Крапивой чулки ты заменишь».
Сияет обеденный зал,
Пирует барон и не тужит;
Вино наливая в бокал,
Наказанный паж ему служит.
Краснеет жена и молчит,
И шепчутся слуги: «Вот диво!»
Лицо Адельстана горит,
И жжет ему ноги крапива.

A1
Промежуточ. вар. автографа

(1—2) Внезапно вернулся домой,
Барон, побледневший и строгий...
(3) а Донос лицемерный и злой
б Донос неожиданный, злой
(6) Как рыцарь обманут женою,
(7) а Что ходит к жене молодец
б Как в спальню ее молодец
(8—9) В глубокою ночь через стену.
И ночью, вернувшись верхом

(16) Пажа — молодца Адельстана.
(20) Напрасной и глупой тревоги,
(27) Не слушая жениных слов,
(28) *а* Приветам пажей не внимая
б Дружине и слугам своим
(29—32; 33—36) *зачеркнуты*
(33) Дрожала, бледнела жена,
(34) *а* Предчувствуя страх обвиненья,
б Предчувствуя стыд обличенья,
(35—36) И каялась в сердце она, —
Уж нелюбо ей преступленье.
(38) Преступный ночлег вспоминая:
(40) И ветер промчался ⟨*нрзб.*⟩ —
(42) За ров его вывела мамка,
(44) У стен молчаливого замка.
(46) *а* Следы, как ступала ботфорта,
б Следы, два тяжелых ботфорта, —
(48) Здесь ноги коварного черта.
(49—56) *зачеркнуты*
(49) *а* Сбежали ботфорты — унес,
б *как в А*
(50—51) Шептал он, — их дьявол отсюда!
В заклятое место унес?
(55) И скрылся в двери за стеной,
(67—71) *набросок, зачеркнут*
(67—68) Нечистый в них, что ли, обут,
В какую ж он мчится сторонку?
(69) *а* Вернуться мне, что ли, назад?
б Уж думал вернуться назад,
(70) *а* Быть с чертом кому же приятно.
б Да впрочем, я смелого духа
(71) *а* *не закончено*
Ботфорты бегут
б Да слышу ботфорты уж близко,
(72) И речь их понятна для слуха
(73—76) *зачеркнуты*
(76) Владелец-то как своенравен:
(81—84) *зачеркнуты*
(82) Не очень и страшно нас было,
(85) Печально на влажной земле

(86) Валяться в холодном тумане,
(89—96) *зачеркнуты*
(93) Не снести обиды никак,
(95) На белых и теплых ногах
(105—108) *зачеркнуты*
(110) Не смеет промолвить ни слова, —
(115) Дорогой же в них напихал,

657

Первонач. вар. автографа

17 Нет. Мне он страшен и противен.
между 17 и 18 Как для лебедки коршун злой,
45 И не был ревностью волнуем
50 Что источила море слез[1]
Между 63 и 64 Я приготовилась к изгнанью
Сняла я пы⟨ ⟩
Между 65 и 66 было начато Разула ноги.
72 «Ты вспомнишь, дочь, об этом дне»,
76 И ничего не взяв с собой,
91 Хлестал меня
100 Еще увлажненной росою

658

А

Первонач. вар. автографа

Полынь отчаянья на нивах возрастя,
Дни голода над родиной нависли, —
А мы, беспечные, играя и шутя,
Помочь работнику грошами собрались ли?

Что мы потратили, безделье золотя,
О том не говори, того не числи.
Молчи, молчи, пугливое дитя;
Какие б горькие в тебе ни зрели мысли,

[1] *Было*: Затем, что в море горьких слез

Их в люди не пускай в одежде резких слов.
Смотри, как медный дождь рассчитанных даров
На нивы сыплется, нещедро и нелепо,

Негодование глубоко затаив, —
Толпа пред истиной всегда свирепа,
А ты мечтательно-застенчив и пуглив.

А1
Поздние вар. автографа:

2 *как в основном тексте*
12 Смотри, свой гнев глубоко затаив, —
13 а Толпа и власть пред истиной всегда свирепа,
б Всегда толпа и власть пред истиной свирепа,

А2
Машинопись 1, первонач. вар. машинописи 2

1, 7, 14 *как в автографе*

667

А
Вар. восстановит. правки ⟨?⟩

(1—2) *как в Ст. I*
(3) а «Залиха, откройся, какой ты болезнью страдаешь?
б «Залиха, скажи нам, какою ты болью страдаешь?
(4) а Печально ты смотришь, горишь ты, — как воск ты растаешь».
б Ты вся побледнела, горишь ты, — как свечка ты таешь».
в Как грустно ты смотришь, горишь ты, — как свечка ты таешь».
(5) а «Я телом здорова, больная я мятежною страстью:
б «Я стражду, подруги, больная мятежною страстью:
(6) Желанье горячее пало на сердце напастью».
(7—8) а Судьба одарила тебя изобильною долей,
Чего еще можешь желать ненасытною волей?
(7—8) б Богатство тебя погружает в поток наслаждений, —
как в Ст. I
(9—10) — О, если б имела, подруги, я все, что хотела!
О, если бы воля моя не имела предела! —

(11—13) *как в Ст. I*
(14) Но я покажу вам предмет моего вожделенья.
(15) Вы сами желанья узнаете лютое жало. —
(16) *как в Ст. I*
(17) И снова к подругам: — Плодов ароматных поешьте.
(18) а Возьмите ножи, апельсины очистьте и режьте.
б Ах, если бы сладким губилися беды, кручины! —
(19) И взяли подруги ножи и плоды золотые,
(20—21) а Как дрогнули тихо над дверью завесы цветные.
И смуглой рукою тихонько их тяжесть отбросив,
б Вот дрогнули тихо над дверью завесы цветные.
И смуглой рукою тихонько завесы отбросив,
в Вдруг дрогнули тихо над дверью завесы цветные.
Рукою проворной тяжелые складки отбросив,
(22) а Вошел и поник головою красавец Иосиф,
б Вошел со смиренным поклоном красавец Иосиф,
(23) И по полу тихо ступая босыми ногами,
(24) а Приблизился отрок прекрасный, с густыми кудрями.
б Приблизился к гостьям, поникнувши долу очами.
(25—26) *в обратном порядке*
(26) Смуглело его полуголое стройное тело.
(27) И ахнули жены, и с отрока глаз не спускают,
(28) *как в Ст. I*
(29) а В крови апельсины, а женам нисколько не больно.
б Плоды окровавлены, — пальцам как будто не больно.
(30) Больная Залиха, на них улыбнулась невольно.
(31) И молвила тихо: — Подруги мои, перестаньте!
(32) а Глядите на мальчика, пальцев себе не тираньте!
б Глядите на мальчика, рук же своих не тираньте!
(33—34) Вы только узнали его и пришли в восхищенье.
Судите же сами, какими должны быть мои-то мученья.
(35—36) Он — раб мой! Его каждый день о любви все прошу я,
Никак не могу я добиться его поцелуя! —

А1
Автограф

(2—8) Пред нею супруги вельмож, египтянки, сидели.
«Залиха, скажи нам, какою ты болью страдаешь?
Ты вся побледнела, горишь ты, — как свечка ты таешь!»
— «Я телом здорова, больна я мятежною страстью.

Желанье горячее пало на сердце напастью!»
— «Судьба одарила тебя изобильною долей,
Чего еще можешь желать ненасытною волей?»

А2
Ст. I

2 Пред нею супруги вельмож, египтянки сидели.
7—8 — «Тебя погружает богатство в поток наслаждений, —
Тебе ли знакомы несытые вздохи стремлений!»
18—19 Ах, если бы в сладком забвение было кручины!»
Едва к апельсинам коснулись ножи золотые,
24 Приблизился к гостям, — и долу поник он очами.

674

Первонач. вар. автографа

Темною дорогой
Я бреду сторонкой,
Слушаю с тревогой
Колокольчик звонкой.

Он гудит печально,
Увозя собрата
По дороге дальной
Без надежд возврата.

В его громких звуках
Речь слышна живая
И об наших муках,
И о муках края.

Да не все услышат
Звуки этой речи,
Хотя ею дышат
Все пути и встречи.

Воздух полон гула,
И дрожит дорога, —
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!

Датировка *9 ноября 1883*

679

Ранняя ред.
Автограф

7 *а* И бархат одежды не тлеет,
б *как в машинописи 1*
34 Не мог ни за что я узнать:
51 *а* Не знаешь ли, скоро ль настанет
б *как в машинописи 1*
55 *а* *как в машинописи 1*
б Не знаешь ли, скоро иссякнет
57 *а* *как в машинописи 1*
б Не знаешь ли, скоро исчезнет
59 *а* И в общем согласьи сольются,
б *как в машинописи 1*
60 *а* Как члены родимой семьи.
б Как члены великой семьи.
66 Широкая б грудь поднялась,
85 И знает он: сменятся годы◊

684

Первонач. вар. автографа 1

2—3 Еще мне дней отведено,
А там, у страшного порога,
5 Кто хорошо жил, кто жил худо,
7 Не возвращалося оттуда,
13—16 и 17—20 *в обратном порядке*
15 (19) Закату общему покорный,
17 (13) И жизнь растает, незаметно,
22—23 Еще со мной. Забудь, душа,
Угрозы смерти предстоящей
34 И ароматом вешних роз

685

Первонач. вар. автографа

ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ

Гл. XXV, ст. 11

Золота звонкого, чистого
Мастер берет и кует,
Ловко он форму душистого
Яблока массе дает.
Яблоко кончено — мастер влагает
В кубок серебряный плод золотой.
Как это яблоко в кубке сверкает, —
(8) Так твое слово блестит пред тобой.

Промежуточн. вар. автографа

(3—4) И под ударами молота
Быстро слагается плод.
(8) Слово пророка блестит пред толпой.

687

Автограф

Перед 1 Мудрость веков,
Свод общепринятых правил,
Сколько глупцов[1]
В учителя ты поставил!

688

Автограф

Перед 1 было Сошлись под вечер в нашем клубе
Особы с весом — поиграть,
И об делишках вкупе, влюбе
Между игрой потолковать.
1 Один из них, чиновник старый,
3 Хоть чинодрал довольно ярый,
5 И так как был он не из скрытных,

---

[1] *Ранний вар.*: Скольких ослов

8 Он величаво объявлял:
13 Присядкой статскою утешен,
15 — Я в чинолюбии не грешен, —
19 Я в том клянусь пред целым светом, —
24 Там близко к верхним ступеням.
27 Пакет по службе получая,

689

Первонач. вар. автографа

Загл. У ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

1—2 Угрюмая, дикая щель,
На дне — говорливый ручей,
5 а По круче ползу я с трудом
б Взбираюсь наверх я с трудом
8 А круча-то тянет назад.
12 И, снежные вихри крутя,
15 Тогда б ты пожаловал в бор, —
17 а *как в основном тексте*
б Теперь — не роскошный здесь вид!
18 Угрюмая зелень темна,
26 Таких вольнодумных речей?
27 Про страны иные напел

692

Промежуточн. вар. автографа

2 На скучный мир забвения вуаль
3 И, нарядясь так пышно, так красиво,
5 Где звучный воздух полон обаянья,
8 а Она стоит на берегу ручья,
б Ждет милая на берегу ручья,
в В тени ветвей желанная моя.
24 Кричит о том, что жизнью отнято.

693

Вар. восстановит. правки

1 Тьму раздвигая рукой белоснежной
2—3 а В белой одежде, с улыбкою нежной.
С ласковым взором слетает ко мне.
б Мглу раздвигая рукой своей нежной
В белой одежде слетает ко мне.
4 Горе мне, горе! Порочный,
5 а Злобой измученный, дико мятежный
б Злобой измучен я, вечно мятежный,
6—9 Что мне в твоем обаятельном сне.
Кроткие очи упреком
Душу терзают, как яркие грозы...
Вижу я бездны печали и зла.
11 О, исторгай из души моей слезы, —
12 Пусть бы слезами она изошла!

694

Первонач. вар. автографа

Строфа I Порывы гнева и печали
Порою бурно пролетали
В душе, взволнованной до дна,
И слез источник говорливый
Кипел на дне души пугливой,
Как пена сладкая вина.
9—10 Как я любил тогда вас, братья, —
Кипел, бывало, страстью рьяной,
12—13 Себя забыть на время рад, —
Насмешки острый аромат.
16 Мечты бесследной и бесплодной
18—19 И станет как-то вдруг неловко,
Притихнешь, жестоко смутясь,
Как будто крепкая веревка
23 Как будто тогою героя
32—35 Цветник роскошных упований,
39—40 С такой гримасой шутовской,
С такой ужимкою нахальной,
42 Восторг сменится идеальный.

697

А
ИМ

5 Я в каюте угрюмой и тесной.

После 8 и 16 Заломивши бессильные руки,
Я пугливо и робко тоскую,
И кляну я бесцельные муки,
Отравившие жизнь молодую.

Б
Автограф 3

Над рекою гудит непогода,
Бьет пороги волной разъяренной.
Плещут волны на борт парохода,
И поют ему плач похоронный.

Я в каюте угарной и тесной.
Позади меня тени роятся,
Предо мною, в дали неизвестной,
За туманами тучи клубятся.[1]

Неотмщенной обиды отрава
Тусклым матом надежды багровит,
И ползучая злоба лукаво[2]
Неминучую смерть славословит:

«Чем ты горше страдаешь, тем слаще
Будет сон твой в безгрезной могиле.
Тем отраднее отдых, чем чаще
Испытания грозящие были».

Заломивши бессильные руки,
Я пугливо и робко тоскую,
И кляну я бесцельные муки,
Отравившие жизнь молодую.

---

[1] *Между строфами II и III начато*: Заломивши...
[2] *Было*: И зеленая злоба лукаво

Разрывая завесы обмана,
Сердце слезы тяжелые ронит,
И мечты, обманувшие рано,
В неотмщенных обидах хоронит.

Датировка *24 мая 1893*

698

Автограф

2 Где всюду камни, а не травка,
5 С чего же я горю стыдом
7—8 Велела мама босиком
Сходить за хлебом и за булкой.
12 Вниманья обратили мало.
15 Но, — видно, люди таковы, —
18—24 В деревне жить пришлося летом,
Загар — замена сапогам,
Да и полезно же при этом. —

Набравши в лавке овощей,
Смеется шустрая кухарка:
«Знать, своекожаный прочней
Сапог, да и ногам не жарко».

26—28 Сказал старик: с лица худенек,
Добро-то надо поберечь, —
Ведь обувь не дают без денег. —

699

Первонач. вар. автографа

7 Первой звонкой нотки,
13—16 Сердце воли просит,
Грудь тоска щемит.
А прохожий спросит, —
Всякий объяснит:
37 Вот фиалки росны
Порядок ст 37—40 *39—40—37—38*

707

А
Первонач. вар. автографа

Помню: тяжким коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки носила воду;
Щеки рдели горячо;

Ты была в одежде рваной,
Ты ходила босиком;
Ты, воспитанная в холе,
Убивалась над трудом.

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось на бок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека,
Ты мне бросила в лицо!

Помнишь ты, подруга, осень
В захолустном городке
Было пасмурно, и сердце
Надрывалося в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи и топких лужах
Потонувший городок.

Над рекой туман клубился.
Резкий ветер холод нес
И трепал, сердито воя,
Ветки голые берез.

Хоть бы раз, пред мною плача,
Излила невольно ты

Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки,
Я смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Лучезарные мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты!

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была б надежда счастья
Среди бед сохранена!»

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И купили мы победу...
Это ты, моя краса,
Сила воли терпеливой
Сотворила чудеса!

И теперь, когда на склоне
Нас утешившего дня
Нам никто не помешает,
Не спеши зажечь огня,

И не прячь, мой друг, стыдливо
От меня прекрасных ног.

С них я с лаской осторожной
Обувь тесную совлек,

И целую я тихонько
Стройных ножек алый след.
Поцелуев стоят эти
Ножки милые, мой свет.

Ножки, выросшие в холе,
(70) В береженьи и в тепле,
Но ходившие так смело,
Необуты по земле.

А1
Поздние вар. автографа

(5—8) Шла ты, кротко улыбаясь,
В рваном платье, босиком,
Ты, воспитанная в холе,
Надрывалась над трудом.

(25) Небо куталося в тучи,
(53) И добились мы победы...

А2
ПЖ

1 Помнишь, милая, ту осень
13 Дом наш был угрюм и тесен
44 И томительных невзгод.

45—48 И добились мы победы!
Это ты, моя краса,
Силой воли терпеливой
Сотворила чудеса.

709

Первонач. вар. автографа

1 Майская ночь: звезды, луна, соловей.
2 *а* Тихо поет вешнюю песню ручей,
6 Звонко поет вешнюю песню ручей,

9 а В скромной тени белых, кудрявых берез
б В ясной тени белых, кудрявых берез
11 Быстрый полет ярких, пленительных грез
13 Жажда бурных вожделений
15 а Но порывы вожделений
б Но жестокость вождалений.

712

ИМ

В САДУ

Музыки звуки настроили
Нервы на праздничный лад;
Душу мою успокоили
Тени, объявшие сад.
Нет никого здесь. Беседкою
Старые липы сошлись,
И неразрывною сеткою
Гибкие ветки сплелись.
Там за полями зелеными
Алая пышет заря.
Музыка стройными стонами
Льется, душе говоря.
Знаю, чьи рученьки стройные
Звонкую будят рояль;
Знаю, чьи оченьки знойные
Смотрят мечтательно вдаль.
Знаю, чьи ноженьки милые
Так вот и просятся в сад,
Где мои думы унылые
В сердце ликующем спят, —
Чье молодое дыхание
Раны его исцелит...
Сладкой тоской ожидания
Чуткое сердце болит.

713

Первонач. вариант автографа

1—3 Найдется улиц так немного
Здесь, в Питере, которых я
Не исходил бы босоного,
5 Дворы колодцем, переулки,
9 Ногами босыми оставил.
12 Был в нем смиренным и простым.
16—17 Я обращал на богачей,
Зато ведь мне они платили
19 Они и город мой затмили

715

Первонач. вар. автографа

Загл. ЛИПОЧКА

Как тихо здесь! Какою ленью веет
Мне на душу задумавшийся сад!
Как безмятежно там, вдали, алеет
Дня беззаботного закат!
Мой старый клен, ты жил на свете много,
Но что бы мог ты мне порассказать?
Одна и та ж, спокойна и убога,
Перед тобой скучающая гладь.

Поник ты старыми ветвями
Над одинокою скамьей.
Ты слушал майскими ночами
Здесь речи страсти молодой?
Ты видел здесь условленные встречи?
Хранил ты на коре своей
Следы ножа, — таинственные речи,
Понятные лишь ей?
Старик скучающий, едва ли
Когда-нибудь в твоей тени
Слова любви звучали,
Едва ль здесь пролетали
Ликующие дни.

Вот сыплет ночь движением нескорым
Рой звезд на небе бледно-голубом,
И бледная луна над косогором
  Зажглася узеньким серпом.
Заснувшая беззвучно деревушка
Луной так ярко вся озарена,
Что каждая убогая избушка,
Как на столе красивая игрушка,
  Мне в ней отчетливо видна.
  Там спят загадочные силы.
  Когда для них настанет день?
  Темна, как вечный мрак могилы,
  Их обнимающая тень...

Шестнадцать лет, пора мечты лазурной,
  Пленительных и милых грез,
    И неожиданной и бурной
    Тоски, и тайных слез!
Я с зеркалом беседы полюбила,
    Хотя себя за то браню,
    Хотя потом брожу уныло
    И низко голову клоню.
Не блещут красотою идеальной
    Мои черты,
  Одни глаза полны печальной,
  Неотразимой красоты.

Датировки *20, 24, 26 декабря 1892, 5 января 1893*

716

А

Первонач. вар. автографа

2 Волны звучные бегут
4 Пену мутную влекут.
6—7 Уж душа утомлена!
И тревогою ревнивой

Строфа III, порядок ст. *11, 12, 9, 10*

А1
ПЖ

5 Сменой их нетерпеливой
18 Звуки жизни, жизни сны,
после 12 Оборви рукою нежной
Ту связующую нить,
Что из сердца в мир безбрежный
Я, безумец, вздумал свить!

А2
ИМ

5, 18 *как в ПЖ*

А3
Тени

Настроений мимолетных
Волны зыбкие бегут
И стремлений безотчетных
Пену мутную влекут.

Их борьбой нетерпеливой
Как душа утомлена!
Как тревогою ревнивой
О промчавшемся полна!

Задержи полет докучный
Исчезающих часов.
Лаской, негой, песней звучной,
О, волшебница любовь!

Отгони своим дыханьем
Звуки жизни, злые сны,
И повей очарованьем
Расцветающей весны.

Оборви рукою нежной
Ту связующую нить,
Что из сердца в мир безбрежный
Я, безумец, вздумал свить!

Очаруй мой дух унылый,
Утомленный и больной,
Грезой девственной и милой,
Не бледнеющей мечтой!

Приложения

М. М. Павлова

В ПОИСКАХ АРИАДНЫ

РАННЕЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ФЕДОРА СОЛОГУБА

Ранняя лирика Федора Сологуба (Федора Кузьмича Тетерникова)[1] — обширная, уникальная, почти неизвестная и неизученная часть его литературного наследия.

Занимаясь в 1920-е годы систематизацией поэтического архива, Сологуб не стремился ликвидировать так называемый балласт — несовершенный продукт «долитературного» творчества, который в определенном смысле мог компрометировать его имя — поэта, снискавшего славу выдающегося стилиста, признанного корифея русского символизма («Сологуб давно уже стал художником совершенным и, может быть, не имеющим себе равного в современности», — А. Блок[2]). Напротив, он педантично сберегал свои отроческие и юношеские опыты,[3] не раз возвращался к ним, пытаясь вдохнуть в стихи сорокалетней давности новую жизнь («Я всегда писал много стихов, иногда более двухсот пьес в год, и в старых моих дневниках еще и теперь нахожу погребенные там груды рифмованных строк...»[4]).

---

[1] Псевдонимом *Федор Сологуб* поэт впервые воспользовался при публикации стихотворения «Творчество» в журнале «Северный Вестник» (1893, № 4), по предложению членов редакции журнала Н. М. Минского и А. Л. Волынского, которые сочли подлинную фамилию автора непоэтичной.

[2] Впервые: *Блок А.* Письма о поэзии. 2. «Пламенный круг» // Золотое руно. 1908. № 7—9. С. 97.

[3] В бумагах Сологуба 1920-х гг. встречаются составленные им списки стихотворений, предназначенных для перепечатки, в том числе с ранних черновиков и незавершенных, см., например, список ⟨1926⟩: ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 4; авторской пометой *П* или «переписано» отмечено большое число ранних автографов.

[4] Из письма Федора Сологуба В. В. Вересаеву от сентября 1927 года // РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 394.

Поэтические тексты конца 1870-х—начала 1890-х годов сохранились практически в полном объеме, с незначительными лакунами, — редкий случай в истории литературы. Их экспликация, наряду с уже опубликованными фрагментами ранней прозы,[5] является веским аргументом, чтобы выделить в творческой биографии Сологуба самостоятельный — «долитературный» — период; весьма скромный по части художественных достижений, как и у большинства поэтов в период пробы пера, но достаточно информативный и показательный в аспекте индивидуальной эволюции (вопрос о которой и по сей день остается наиболее спорным)[6] и генезиса раннего русского символизма.

Свое первое стихотворение — басню «Мудрец» — поэт записал в четырнадцать лет (1877),[7] последние стихи — в дни предсмертной болезни[8] летом 1927 года (он ушел из жизни 5 декабря). Между двумя датами — полувековой творческий путь, отрезок времени, соизмеримый с несколькими литературными эпохами. Первостепенное по значению место на этом пути принадлежало периоду становления и самоопределения, который пришелся на 1880-е годы — время расцвета постнароднической демократической поэзии и зарождения раннего символизма (декадентства).

Творчество Сологуба «долитературного» периода подобно матрице содержит в себе прообраз его письма зрелой манеры и в то же время является непосредственным свидетельством напряженного внутреннего роста, в процессе которого одаренный подросток из «низов», переписывавший в школьную тетрадь стихи из иллюстрированных еженедельников и мечтав-

---

[5] Обзор прозы «долитературного» периода см.: *Писатель-Инспектор.* С. 47—109 (глава «Портрет декадента в юности и молодые годы»).

[6] Самое детальное описание творческой эволюции Сологуба с выделением семи этапов представлено в статье: *Минц З. Г., Пустыгина Н.* «Миф о пути» и эволюция писателей-символистов // Минц З. Блок и русский символизм: В 3 т. СПб., 2004. [Т. 3]. С. 140—143. По мнению М. И. Дикман, «в поэтическом творчестве Сологуба нет рельефно очерченной, осознаваемой самим автором эволюции, нет разграниченных поэтическими вехами этапов, как у Блока или Брюсова, ее линия как бы размыта» (*Дикман М. И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Федор. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. Л., 1979. С. 22 — Библиотека поэта. Большая серия). Б. Лауэр обосабливает позднеромантический (пресимволистский) период творчества Сологуба — приблизительно до 1892 г. (*Lauer B.* Das lyrische Frühwerk von Fedor Sologub. Weltgefühl, Motivik, Sprache und Versform. Giessen, 1986. S. 6).

[7] В биографическом очерке Ан. Чеботаревская сообщает: «Первые стихи написал в 1875 г., 12-ти лет от роду» (*Чеботаревская Ан.* Федор Сологуб: Биографический очерк // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. Ч. 1. С. 9; перепеч.: *Сологуб Федор.* Творимая легенда. М., 1997. Кн. II. С. 215—219). В авторской библиографии записи начинаются с 1877 г.

[8] См.: Федор Сологуб. Тетрадь последнего лета / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 993—1016.

ший о народной славе Пушкина и Некрасова, становится автором, благосклонно принятым на страницах столичной печати (в частности «Северного Вестника» (1892—1897) — первого журнала русского модернизма), а впоследствии — одной из центральных фигур русского символизма.

Поэтическое становление Сологуба в своих главных импульсах отвечало историко-литературным закономерностям пресимволистской эпохи[9] и вместе с тем имело индивидуальные черты, предопределившие его творческий путь и писательский темперамент.

В отличие от соратников — Н. Минского, Д. Мережковского, З. Гиппиус, К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Блока, Андрея Белого, М. Волошина, М. Кузмина, Сологуб пришел в литературу из низовой среды («кухаркин сын»; его мать научилась читать незадолго до смерти). Его поэтическое развитие основывалось исключительно на любви к чтению, природном артистизме, незаурядной художественной интуиции и самовоспитании. Он получил скромное среднее профессиональное образование в Учительском институте в Петербурге (1879—1882), где готовили педагогов для народных школ, и затем десять лет служил народному просвещению в провинциальном захолустье: Крестцах Новгородской губернии (1882—1885), Великих Луках Псковской губернии (1885—1889), Вытегре Олонецкой губернии (1889—1892). До своего возвращения в Петербург поэт пребывал в культурной изоляции, вследствие которой у него развилось чувство независимости от современных литературных авторитетов и сознание исключительности собственного пути:

С обнаженным моим и суровым стихом,
Без блестящих метафор, без ярких картин
Долго шел я вперед многотрудным путем,
Долго был я во мгле одинок и один.

*«Не на то я рожден,
чтобы петь соловьем...»*, 1890

---

[9] Концептуальное описание эпохи пресимволизма дано в работах З. Г. Минц, см.: *Минц З.* Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Минц З. Блок и русский символизм: В 3 т. СПб., 2004. [Т. 3]. С. 150—161; «Новые романтики». К проблеме русского символизма // Там же. С. 162—174. См. также: *Сапожков С. В.* Поэзия и судьба Николая Минского // Ранние символисты: Николай Минский. Александр Добролюбов / Вступ. статьи, сост., подгот. текста и примеч. С. В. Сапожкова (Н. Минский) и А. А. Кобринского (А. Добролюбов). СПб., 2005 (Новая Библиотека поэта). С. 17—25. *Пильд Л. Л.* Литературная судьба и мемуары Иеронима Ясинского // Ясинский И. И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд, вступ. статья Л. Л. Пильд, подгот. текста Т. В. Мисникевич, коммент. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 13—17.

Своеобразие поэтического дарования Сологуба в значительной степени определялось индивидуальностью — натурой, в которой в совершенно неясных для нас пропорциях бесконфликтно сочетались и уживались, неизменно подпитывая друг друга, два контрастных начала: «алгебра» и «гармония», сухой бухгалтерский педантизм и дионисийские порывы, рациональное и иррациональное.

Шахматист,[10] автор учебника по геометрии,[11] математик по своим душевным устремлениям («Если бы я начинал жить снова, я стал бы математиком. Математика и теоретич⟨еская⟩ физика были бы моей специальностью»[12]), он к своему творчеству с самого начала подходил с математической логикой и бухгалтерским учетом.

Уже в самой первой рабочей тетради (юношеской)[13] все написанные стихотворения подсчитаны и пронумерованы; все они, с первого до последнего, «зарегистрированы»[14] в авторской хронологической картотеке, выполнявшей функцию «гроссбуха». Благодаря сологубовскому педантизму мы знаем, сколько поэтических текстов было написано за год, за месяц, за день и в какой последовательности, — и так из года в год. Сохранилась таблица авторских подсчетов, доведенная до 1907 года, приводим фрагмент с цифрами за 1877—1892 годы.[15]

Согласно данным таблицы, за 1877—1892 годы Сологуб написал 796 поэтических текстов, нам известны 719, об остальных, по-видимому утраченных или же пока не выявленных, сохранились сведения в хронологической картотеке (ср.: «А стихотворений ранних, написанных

---

[10] О Сологубе-шахматисте см.: *Зубарев Д. И., Павлова М. М.* Об одном анонимном некрологе Федору Сологубу // Федор Сологуб: Биография. Творчество. Интерпретации. Мат-лы IV Междунар. научн. конф. / Сост. М. М. Павлова. СПб., 2010. С. 110—122.

[11] Учебник по геометрии, работа над которым была начата в начале 1880-х гг. в Крестцах и завершена в 1890 г., Сологуб отправил на рецензию своему институтскому наставнику, видному математику-методисту В. А. Латышеву; учебник не был издан, рукопись см.: ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 520; подробнее см. в публикации Т. В. Мисникевич: Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой // *Ежегодник 1998—1999.*

[12] *Медведев П. Н.* Из встреч с Ф. К. Сологубом летом 1925 г. в Царском Селе (Частное собрание).

[13] Подробнее о первой (юношеской) поэтической тетради см.: Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890 гг. / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 438—539.

[14] См. запись в дневнике К. Чуковского о визите к Сологубу 7 мая 1923 г.: «У меня еще не все зарегистрировано. Я не регистрирую шуточных, альбомных стихов, стихов на случай и проч. — Это слово „регистрирую", „зарегистрировано" он очень любит» (*Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 12. С. 92—93).

[15] ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 9, л. 9.

Год	Общ. число	Я.	Ф.	Мр.	Апр.	Май	Ин.	Ил.	Авг.	С.	О.	Н.	Д.	?
1877	3	1					1							1
1878	34		1		1	2	5	2	6	8	1	2	5	1
1879	49	6	4	5	3	7	4	2		1	6	6	4	1
1880	49		2	7	9		6	9	4	4	2	3	1	2
1881	23	1	3	1	1		4	6	3					4
1882	18	1	2	6	2		1	1		1				4
1883	34		1	2	1		1	5	1	2	4	11	6	
1884	66	8	3	6	2	1		3		1	18	18	4	2
1885	21			7			8	2	1	1				2
1886	16	1		1	5	2		2		1			2	2
1887	25	3	9	1	1	2		1	4		1		2	1
1888	37		1	1	7	1	1	5	1	3	6	3	5	3
1889	132	4	2	7	8	15	15	20	31	4	1	6	14	5
1890	94	3	9	7	1	11	27	8	11	1	3	6	6	1
1891	98	17	4	15	5	5	7	7	14	9	11	3	1	
1892	87	6	2	7	4	2	6	17	8	4	12	5	12	2

в детстве, интимных, на шесть томов хватило бы»[16]). Помимо «регистрации» поэтического продукта авторская статистика попутно фиксировала периоды «всплесков» (1884, 1889—1892) и спадов (1885—1887) творческой активности за весь период и в течение каждого года.

Он подсчитывал не только количество написанных стихотворений, но зачастую и стихотворных строк. В сложных случаях эти подсчеты служат текстологу путеводителем — помогают прочесть черновой автограф с густой многослойной разновременной правкой, как например в случае с незавершенной поэмой «Одиночество» (1882), текст которой без авторского цифрового «указателя» установить было бы невозможно.

Сологуб учитывал все когда-либо сделанные в рукописях исправления, ничего не пропускал. Печатные страницы с произведениями, подвергавшимися многократной переделке, на которых он зафиксировал восстановительную правку в последовательности всех вариантов (оставил «нить Ариадны»), производят на исследователя, пытающегося распутать этот клубок, поистине устрашающее впечатление (см., например,

[16] Там же. С. 243.

восстановительную правку на печатном тексте стихотворения «Судьба», с. 22, вкл. наст. изд.).

Педантичный «бухгалтерский» учет соблюдался в отношении датировок, во многих автографах датированы отдельные строфы и даже строки, а в хронологической картотеке дан полный свод — хронометраж всего процесса создания произведения. В некоторых автографах наряду с датой написания текста обозначена дополнительная дата — возраст автора (число лет, месяцев, дней, часов) — отстоящая приблизительно на девять месяцев ото дня его рождения (1 марта/17 февраля ст. ст., 1863), соотносимая, по предположению Т. В. Мисникевич и И. С. Тимченко, с вычисленным поэтом днем его зачатия. Например, на автографе стихотворения «Проселок» (9 декабря 1883, 19 июня 1892) имеется авторская помета, сопоставимая, очевидно, с датировкой ранней редакции: «22 г⟨ода⟩. X ⟨месяцев⟩. 25 ч⟨асов⟩».

Страсть к регистрации, систематизации, каталогизации[17] и планированию литературной продукции нашла отражение в картотеке «Темы стихов» (70 карточек, около 500 тематических позиций), которую Сологуб начал составлять, вероятно, в середине 1880-х годов.[18] Она представляет собой перспективный план поэтических работ на десятки лет вперед — грандиозный проект, который впоследствии был воплощен в многочисленных книгах стихов, со всем присущим его творчеству жанрово-тематическим разнообразием.

Стремление исполнить замысел — охватить и претворить в поэзии самый широкий круг явлений внешнего мира и внутренней жизни — стимулировало процесс версификации, но имело и негативную сторону: оборачивалось графоманией, которая была свойственна поэту на протяжении всего творческого пути («Особенно усердно работаю над формой. Стихов пишу больше, чем нужно для людей, и в этом несчастье мое...»[19]).

Вполне возможно, что Сологуб в какой-то степени послужил прототипом борзописца в юмористическом романе М. Альбова и К. Баранце-

---

[17] А. Ханзен-Лёве рассматривает тенденцию к полной каталогизации элементов поэтического мира как «родовую» черту раннего символизма, являющуюся «несомненным признаком неизбывного страха отчуждения и потери себя» (Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов: ранний символизм. СПб., 1999. С. 48).

[18] Авторская картотека «Темы стихов» опубликована: Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890 гг. С. 529—539.

[19] Из литературной хроники «Биржевых ведомостей» за 28 октября 1913 г., см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела на 1995 год. СПб., 1997. С. 198.

вича[20] «Вавилонская башня» (1896). Герой, выступавший в печати под псевдонимом Нюняк, сообщает о себе:

> «Я пишу стихи с шестилетнего возраста, а печатать стал с 10 лет... ⟨...⟩ не хочется рыться в старых бумагах, а то бы я вам показал стихотворения, написанные, когда мне было 5 с чем-то лет... И, знаете, очень недурное стихотворение! В общем, у меня написано более 10.000 стихотворений в разных родах и на всякие случаи, по отделам... Есть отделы: весенний, летний, осенний, зимний... Отделы: грустно-элегический, любовный, вакхический, философический, эмпирический, юмористический, дидактический и, гм... хе-хе-хе... эротический... ⟨...⟩ Стихи даются мне замечательно легко, просто, знаете, как-то сами ложатся на бумагу! Иногда, право, не успеваешь записывать, и я, серьезно, хочу взять несколько уроков стенографии... Мысли бегут, один образ сменяет другой, третий, четвертый... ⟨...⟩ В последние годы я нашел наконец нужным привести в систему процесс своего творчества... И это мне удалось как нельзя лучше! Вот как я распределяю часы своих занятий, по отделам: утро, до чаю (я встаю рано, в 7 часов), я посвящаю легким поэтическим вещам антологического содержания; после чаю, от 9-ти до 11-ти — отдых философический (голова свежая и работает очень легко!); завтракаю я в час: чашка бульона и два яйца всмятку ⟨...⟩ от часу до трех я посвящаю отделу любовному, или так называемому сезонному: весна там, осень, или „лед идет“, или „пушистым снегом перекрылась кормилица-земля“... После обеда, от 5 до 7 часов отдел юмористический: вечером, если мы не отправимся в театр или в гости, — отдел дидактический... К слову сказать, но только под большим секретом, никому ни-ни: я пишу большую поэму из народного быта... Нужно послужить и народу!... Ну, и на сон грядущий, что-нибудь этакое легонькое... шалость, эпиграмму или в эротическом духе... И вот мой день! Как видите, он весь распределен по часам, потому что я стараюсь жить как философ...».[21]

Наиболее проницательно природу сологубовского творчества описал Вл. Ходасевич, один из авторитетнейших экспертов поэзии русского

---

[20] Оба автора входили в литературный круг журнала «Северный Вестник»; Михаил Нилович Альбов (1851—1911) с 1891 по 1895 г. — официальный редактор журнала (при фактическом редакторе А. Волынском); запись о знакомстве с ним см.: Сологуб Федор. Алфавитный список его знакомых, им самим составленный ⟨1894⟩ // ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 83, л. 1. Казимир Станиславович Баранцевич (1851—1927) — ближайший друг Альбова, беллетрист, печатался в «Северном Вестнике».

[21] *Альбов М., Баранцевич К.* Вавилонская башня. СПб., 1896. С. 41—42.

символизма. Его очерк о Сологубе (1928), включающий критический разбор лирики, не утратил убедительности и в наше время,[22] несмотря на попытки исследователей структурировать, «выстроить» путь поэта в поступательном движении, придать ему эволюционный характер.

Ходасевич писал: «Каждая поэтическая судьба представляет собою единственный и неповторимый случай поэтического развития. ⟨...⟩ поэзия Сологуба мне кажется едва ли не исключительным случаем, когда проследить эволюцию формы почти невозможно. По-видимому, она почти отсутствует. Сейчас нам известны стихи Сологуба за сорок лет. Он писал очень много, быть может — слишком. Число его стихотворений выражается цифрой, во всяком случае, четырехзначной. У Сологуба всегда имелся запас неизданных пьес, написанных в разные времена. Собирая их в книги, он руководствовался не хронологией, а иными, чаще всего тематическими признаками ⟨...⟩. Стихи самых разных эпох и отдаленных годов не только вполне уживались друг с другом, но и казались написанными одновременно. Порой, когда это ему было нужно, он брал стихи из одной книги и переносил их в другую. Они снова оказывались на месте, вплетались в новые сочинения, столь же стройные, как и те, из которых были вынуты. ⟨...⟩ В сущности, уже с начала девяностых годов Сологуб является во всеоружии. Он сразу „нашел себя", сразу очертил круг свой и не выходил из него. С годами ему только легче и лучше удавалось то, что с самого начала сделалось сущностью его стиля. Раствор крепчал, насыщался, но по химическому составу оставался неизменным».[23]

В дополнение можно продолжить: сейчас нам известны стихи Сологуба *за пятьдесят* лет, в том числе обширный корпус самых ранних сочинений, еще до недавнего времени остававшихся заповедной зоной, доступной лишь специалистам, знакомым с архивом поэта. На раннем этапе ему удалось напечатать всего 23 стихотворения, руководствуясь по-видимому сугубо эстетическими соображениями,[24] соответственно: за 1884 год — 1 (первая публикация: стихотворение «Лисица и Еж» в пе-

---

[22] См., например: *Спроге Людмила*. Идея интеграции текста и лирический цикл символистов // Спроге Людмила. Русская поэзия XX века: эпоха символизма и эмиграции. Таллин, 2009.

[23] *Ходасевич Владислав*. Некрополь // Ходасевич Владислав. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 108—109 (глава «Сологуб»); впервые: Современные записки. 1928. Кн. XXXIV. С. 347—362.

[24] Примечательно, что на стихи трех произведенний этой группы были написаны романсы: стихотворения «Лес, озаренный луною...» (1885), «В весенний день мальчишка злой...» (1887), «Я ждал, что вспыхнет впереди...» (1892) были положены на музыку; композиторы (соответственно): В. Л. Схоль-Энгбертс, В. А. Сенилов, С. В. Панченко.

тербургском журнале «Весна», № 4, 28 января), 1889 — 2, 1890 — 8, 1891 — 5, 1892 — 7.[25] Впоследствии он пополнил корпус напечатанных текстов, относившихся к «долитературному» периоду, еще на 114.

Сотни неопубликованных стихотворений этого времени в своем подавляющем большинстве имели значение строительного сырья — того материала, из которого выкристаллизовалась поэтическая система. Собранные вместе, они позволяют в деталях представить «разбег» мастера, своеобразие его художественного роста и творческой лаборатории (тайны ремесла) — тот изначальный «химический раствор» его лирики, который с годами становился все более и более концентрированным.

Процесс творческого становления Сологуба протекал в годы всеобщего увлечения поэзией Н. А. Некрасова, утверждавшей идеи общественного и гражданского служения. Литературная атмосфера во многом предопределила и обусловила динамику поэтического развития будущего символиста. В своих художественных исканиях Сологуб шел параллельно с Н. Минским и Д. Мережковским, но в отличие от них, вступивших в литературу в окружении С. Надсона и А. Плещеева и уже в начале 1880-х годов ставших «штатными» сотрудниками «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, одного из культурнейших журналов своего времени,[26] развивался самостоятельно, вне литературной среды.

В интервью 1913 года он говорил: «Некрасова, которого русская критика считала „прозаическим“, „рассудочным“, мы первые оценили, полюбили, заставили полюбить. Мы принимаем Некрасова всего, с его формой, с его бесстрашием перед темой. Девиз Некрасова: „все темы прекрасны“ — наш девиз».[27]

В «долитературном» творчестве Сологуба выделяется три этапа, которые, не будучи отделены друг от друга жесткими границами, все же отличаются один от другого по тем задачам, которые были поставлены

---

[25] См. раздел «Хронологический указатель первых публикаций»: Библиография Федора Сологуба. Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. М., 2004 (с приложением публикации десяти рукописных сборников Сологуба 1920—1921 гг.). С. 149—151. В числе стихотворений, опубликованных в 1884—1892 гг., написанных в 1881 году (1), 1883 (2), 1887 (1), 1888 (1), 1889 (7), 1890 (9), 1891 (1), 1892 (1).

[26] Об эволюции раннего поэтического творчества поэтов см.: *Сапожков С. В.* Поэзия и судьба Николая Минского // Ранние символисты: Николай Минский. Александр Добролюбов; *Кумпан К. А.* Д. С. Мережковский-поэт. (У истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. СПб., 2000 (Новая библиотека поэта). С. 10—33.

[27] *Волин Ю.* «Изыски». (Вечер Федора Сологуба и Игоря Северянина) // Южный край (Харьков). 1913. № 11294, 9 марта. С. 4.

и решены поэтом, и отражают процесс постепенного вызревания индивидуальной авторской манеры.

1877—1882 — годы «прописей»: освоение правил версификации, основных поэтических форм и жанров, посредством абсорбции и переделки образцов классической и современной поэзии; начало работы над «некрасовской» поэмой «Одиночество (история мальчика-онаниста)». Биографический фон: обучение во Владимирском (1876—1877) и Рождественском (1877—1878) городских училищах, затем в Учительском институте; в эти годы поэт живет вместе с матерью Татьяной Семеновной Тетерниковой (1832⟨?⟩—1894) и сестрой Ольгой Кузьминичной (1865—1907) в доме вдовы коллежского асессора Г. И. Агаповой,[28] где мать работает «одной» прислугой;[29] после окончания училища — на полном пансионе в институте.[30]

1883—1888 — годы поэтической стагнации: продолжение работы над поэмой «Одиночество», охлаждение и отказ от дальнейшего воплощения замысла; появление основного корпуса автобиографических стихотворений «Из дневника»; освоение топики постнароднической поэзии; поэт делает рассылки в литературные редакции газет и журналов, дебютирует в еженедельнике «Весна». В эти годы Сологуб безвыездно живет в провинции, преподает в Крестецком городском училище, затем в Великолукском уездном училище; работает над романом «Тяжелые сны» (1883—1892).

1889—1892 — вхождение в литературу; постепенное охлаждение к гражданским темам; наращивание элементов индивидуально-авторской поэтики; появление первых публикаций (в «Свете», «Русском листке», «Иллюстрированном Мире», «Луче»); знакомство с Н. Минским (лето 1891), поэтический дебют в «Северном Вестнике» (февраль 1892).[31] Поэт живет в Вытегре, преподает в учительской семинарии;[32] летом

[28] Подробнее о семье Агаповых см.: *Мисникевич Т. В.* «... Я имел достаточно „натуры“ вокруг себя». Новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба // Лица: Биографический альманах. Вып. 9. СПб., 2002. С. 419—515.

[29] Выражение «одна прислуга» бытовало в XIX в. со значением — прислуга на все виды домашней работы, т. е. — кухарка, горничная, прачка.

[30] Воспоминания о Сологубе в эти годы: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Пб., 1924. С. 63—66; расширенный вариант текста: *Попов И. И.* Федор Сологуб // РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 1. Ед. хр. 433. Л. 2.

[31] Поэтический дебют Федора Тетерникова состоялся в февральской книжке за 1892 г. публикацией стихотворения «Вечер» («Что за прелесть! Смотри...», 1889), подпись: *Ф. Т.*

[32] См.: Федор Сологуб в Вытегре. (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступ. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. С. 261—289.

1892 года его переводят в Петербург; сближение с редакцией «Северного Вестника».[33]

На первом этапе поэтическое развитие Сологуба определялось исключительно кругом чтения; в своих опытах стихотворчества он опирался главным образом на репертуар доступных ему популярных иллюстрированных еженедельников.[34] В «Ниве», «Живописном Обозрении», «Иллюстрированном Мире» печатались стихи классиков, известных современных поэтов и начинающих (например, стихотворения Мережковского в 1880-е годы регулярно появлялись на страницах «Живописного Обозрения»), а также продукцию литературных поденщиков. Наиболее приоритетными авторами в 1870-е—первой половине 1880-х годов, например в «Ниве», считались А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет (поэты «чистого искусства»); а также поэты «некрасовской школы» — А. Н. Плещеев, И. С. Никитин, Д. Д. Минаев, М. И. Михайлов.

В литературном разделе, помимо стихов и художественной прозы, большей частью малопримечательной для просвещенного читателя, публиковались биографические очерки и литературные портреты современных писателей. На страницах «Нивы» юный Сологуб мог впервые познакомиться с творчеством привлекших его внимание Б. Ауэрбаха, Л. Захер-Мазоха и др. Как правило, выпуски содержали «Литературный альбом» с иллюстрациями к произведениям отечественных и зарубежных классиков (особой популярностью пользовались сочинения Жуковского, Пушкина, Гоголя, Л. Н. Толстого, Некрасова, А. К. Толстого, Сервантеса, Гете и др.).

Содержание периодических иллюстрированных изданий — просветительских по своим задачам и более или менее однотипных по структуре — было разнообразным. «Нива», которую в юные годы по преиму-

---

[33] Воспоминания об этом периоде: *Старый Энтузиаст (А. Л. Волынский).* Ф. Сологуб // Жизнь искусства. 1923. № 39. С. 9—11; перепеч.: *Сологуб Федор.* Творимая легенда. Кн. 2. С. 219—225; *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. М., 2002. С. 181. См. также: *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 112—130. Общий очерк «долитературного» периода см.: *Писатель-Инспектор.* С. 7—109; о вхождении Сологуба в «Северный Вестник» см.: *Куприяновский П. В.* Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» // Куприяновский П. В. «Оглядываюсь на прошлое...». Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. С. 158—176.

[34] В круг «детского» чтения Сологуба входил журнал «Библиотека для чтения» (1834—1865, издатель — П. П. Смирдин), см.: *Чеботаревская Ан.* Федор Сологуб: Биографический очерк // Русская литература XX века (1890—1910). С. 10.

ществу читал Сологуб,[35] помещала тематические очерки по разделам: природный календарь, смена времен года; церковный календарь и все двунадесятые праздники (эти два раздела, как правило, сопровождались стихами); жизнь животных и растений; историко-археологические очерки, этнографические картины и национальные типы; культурно-исторические очерки; живопись, архитектура и скульптура; естественнонаучные открытия; путешествия; происшествия (землетрясения, кораблекрушения, извержения вулканов и т. п.); политическая жизнь, военные события на Балканах и т. д.

Специальную рубрику составляли комментарии к иллюстрациям (гравюрам с картин известных мастеров или фотографиям), где в доступной форме излагались самые общие научные сведения об изображенных лицах, природных явлениях, исторических событиях, научных изобретениях.[36]

Можно предположить, что иллюстрированные еженедельники, и прежде всего «Нива» с ее разветвленной тематической структурой, послужили моделью для формирования авторской картотеки «Темы стихов», разделы которой в подавляющем большинстве соотносятся с журнальными рубриками[37] (исключение составляют позиции, относящиеся к версификации, в которых названы разные формы стиха) или соответствуют визуальному материалу издания.

В своих начинаниях Сологуб рационально ориентировался на поэтическую продукцию, пользовавшуюся общественным спросом; его ранние тексты большей частью распределяются в группы, которые сообразуются с традиционными для периодики тематическими разделами: так называемая «сезонная» лирика — многочисленные пейзажные стихи на тему «времена года» («Яр-Хмель», «Зима» и мн. др.); духовная лирика — стихи, связанные с праздничными днями православного календаря, пе-

---

[35] Наблюдение основывается на анализе раннего поэтического творчества Сологуба; его детская и юношеская приверженность к чтению «Нивы» отозвалась в рассказе «Тени» (впервые: Северный Вестник. 1894. № 12; в Собр. соч.: В 20 т.: «Свет и тени»): главный герой гимназист Володя Ловлев научился играть в тени по рисункам из «Нивы».

[36] Характеристика популярных периодических иллюстрированных изданий более позднего времени представлена: *Воронкевич А. С.* Русский иллюстрированный еженедельник в 1895—1904 гг.: Автореф. дис. канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова, фак-т журналистики. М., 1986.

[37] Это соотношение просматривается не только в гуманитарных, но даже в естественнонаучных разделах. Ср., например, рубрику: «6. Стихи из наук о природе: Из описаний растений / То же с примесью рассказа о себе / То же с примесью рассказа о других / Из бюллетеней о погоде / Из учебников ботаники / Из учебников зоологии / Из учебников минералогии».

реложения молитв, псалмов, ветхозаветных сюжетов и евангельских притч («Молитва покаяния», «Подражание пророку Амосу» и т. д.); военная лирика — на сюжеты последней Русско-турецкой войны (1877—1878) и балканских событий (например, «Геок-Тепе», «На Шипке все спокойно...»); стихи-аллегории («Сон», «Слава»); жанровые картины из народной жизни («Ну, тащися, сивка...», «Ко Господу Богу» и пр.); стихи гражданского пафоса — о сиротах, бедняках, тяжком подневольном труде, женской доле и т. п. («Льются по комнате звуки рояли...», «Женская доля» и мн. др.).

В иллюстрациях из «Нивы», «Живописного Обозрения» и «Иллюстрированного Мира» опознаются или угадываются источники целого ряда экфрастических текстов (как отроческих, написанных в жанре школьного сочинения по картине, так и более поздних): «Мои отцы — казаки были...», «Швейцарский ландскнехт», «На Шипке все спокойно...», «Венчание», «Что, прелестный ребенок, задумчив сидишь...», «В лесу на берегу ручья...», «Я слушаю детское пение...», «Золушка», «Олег повесил щит на Царские ворота...», «Под пальмами играли в кости...» и др.

Стихотворение «Германка» (1889), например, восходит к рисунку «Германские женщины во время боя с римлянами» и тексту примечания.[38]

ГЕРМАНКА

Тяжелый меч над сыном занесен
Рукою матери, над спящим сыном,
Чтоб не был сын ее порабощен
Надменным римским гражданином.

Там слышен бранный крик и звон мечей,
Здесь смотрит мать, изнемогая,
Как льется холодеющий ручей,
Как сын трепещет, угасая.

И вот лежит, лежит он, кровью облитой,
А в лагерь враг уж проникает.
Она на меч тяжелый свой
Бесстрашной грудью упадает.

[38] Ср.: «Жены германцев ⟨...⟩ собственноручно умерщвляли бежавших к ним искать убежища мужей и родственников, бросали собственных детей под колеса и ноги вьючных животных и, наконец, умерщвляли самих себя, предпочитая смерть позорному рабству. В нашем рисунке изображена женщина с мечом в руке, жадно следящая за ходом битвы, в которой, судя по окровавленному мечу, сама принимала участие» (Нива. 1885. № 22, 1 июня. С. 521).

Многие стихотворения были написаны по заранее намеченной программе, которая согласовывалась с традиционным иллюстративным рядом «Нивы», ср.: «36. Стихи: Люди в природе / Дети / Дикари / Простые люди / Крестьяне / Дачники / Больные / Купанье»; «21. Стихи. Природа: / Лес, роща, сад, парк / Растения, цветы, деревья, кусты / Поле, нива / Вода, снег, лед. Воздух / Река, ручей, озеро, пруд, ключ / Море, океан, залив. Остров / Земля. Берег / Луна. Солнце. Звезды / Ветер. Буря. Тишина / Город. Деревня» («Темы стихов», далее: *ТС*), и т. п.

Нередко материал для стихов поэт находил в репортажах о текущих событиях и происшествиях, что опять же входило в его планы версификации («13. Стихи на случаи: Обычные происшествия / Простые случаи / Обыкновенные виды природы / Обыкновенные виды поселений / Несчастия / Преступления 〈...〉». — *ТС*).

Сочинение о гибели корабля «Из первой части поэмы „Липовая машина“», вероятно, было навеяно статьей из «Иллюстрированного Мира», в которой сообщались подробности о потерпевшей крушение у берега Черного моря императорской яхте «Ливадия» (21 октября 1878 года). Статья появилась в первом январском номере журнала за 1879 год (там же была помещена гравюра с картины И. Похитонова «Крушение Императорской яхты „Ливадия“ близ Тарханкутского маяка, на Черном море») — стихотворение датировано: 7 января 1879.

Зависимость поэтических текстов от газетной и журнальной информации со временем возрастала (см.: «Столбцы газеты пробегая...», 1891), менялся и расширялся лишь круг периодических изданий, из которых извлекались сюжеты для версификации или непосредственных переложений прозы в стихи (в 1880-е годы, помимо упомянутых еженедельников, это — «Свет», «Новое Время», «Русский Вестник», «Русская Мысль», «Вестник Европы», «Наблюдатель», «Журнал Министерства Народного Просвещения» и некоторые другие).

Стремление выразить в поэтическом слове отношение к событиям культурной и общественной жизни, сиюминутно откликнуться на злободневные темы в позднейшие годы вошло у Сологуба в привычку и стало потребностью (особенно в годы революций и войн — Русско-японской, Первой мировой, Гражданской). Вместе с тем стихотворения публицистической тематики, даже пользовавшиеся популярностью (например, стихи 1905—1907 годов), никогда не были отличительным знаком сологубовской поэзии, несмотря на их многочисленность и «программную» авторскую установку: «27. Эпиграммы: Лица / События / Новости /

Злоба дня / Применение новых открытий / Художественные произведения / Группы лиц / Сочинения / Обычные случаи жизни / Народы и племена», «40. Стихи. Современность: Политика / Человеческое в политических делах» (*ТС*).

Процесс формирования начинающего стихотворца запечатлен в первых рабочих тетрадях; они позволяют установить связи между «рифмованными строками» юношеской поры и авторской манерой зрелого периода, соединить «начала» и «концы».

Из русских классических поэтов эпохи символизма Сологуб оставил едва ли не самое большое число автометадискурсивных и метапоэтических текстов. Одна из центральных тем его зрелого творчества — назначение поэта, смысл поэтического искусства, образы поэта и поэзии — «чары слова»[39] (ср.: «65. Стихи. Моя литературная жизнь / Мое призвание / Определение моей песни / Утешение в песнях / Происхождение стихов» — *ТС*).

В свете этой особенности легко заметить, что уже в ранний период метапоэтические тексты занимают приоритетное место и составляют весьма обширную группу. Свое призвание Федя Тетерников почувствовал сравнительно рано, в 14—18 лет он представлял себя поэтом, наделенным трудной судьбой («Не для всех поэтов / Светлый рай отворен, — / Путь земной для многих / И тяжел и черен»), чей талант подобно почке ждет своего часа («Так поэт: в младые годы / Спит талант его чудесный, / Но полна душа стремленья: / В ней горит огонь небесный»).

Уже в первых стихотворениях, подражая «печальнику общего страданья», имитируя штампы народнической риторики, поэт пытался манифестировать свое будущее:

Молчит упорно скорби муза,
Молчит — и силы бережет;
Придет пора — и рабства узы
Рукой отважною стряхнет.
Тогда она возвысит смело
Свой голос чистый и святой,

---

[39] См., например, рукописный сборник «Чары слова» (1921), составленный из девяти стихотворений на тему о поэтическом искусстве (Библиография Федора Сологуба. Стихотворения. С. 309—315). Далеко не полный перечень опубликованных Сологубом стихотворений на тему ars poetica (более 30) приведен в нашей статье «Проект антологии русской поэзии Федора Сологуба». (От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2010. С. 366).

И призовет к святому делу,
И праздный проклянет покой.

«Поэт», 1878

Но, гражданин и служитель народа,
Я убегаю из храма напрасного,
И поклоняюсь труду вековому,
Музе невинной труда и прекрасного.

«Муза», 1880

О неустанном процессе авторской рефлексии свидетельствует тематическое подобие стихотворений друг другу: «Не для всех поэтов...», «Поэту», «Поэт» (1878); «Песни», «Поэту», «Как твои идеальны напевы...», «Приди ко мне, о муза Клио...» (1879); «Муза» (1880), и др.

В годы стагнации тема поэтического самоопределения в лирике Сологуба затухает (исключение — цикл, посвященный «Лабиринту» и «Ариадне», 1881—1886) и вновь актуализируется лишь в конце 1880-х годов — в период окончательного выбора пути («Что напишу, что изреку...», 1888; «Выбор», 1888; «Впотьмах», 1890, и мн. др.), приобретая характерную для нового этапа стилистику — в духе «скорбной поэзии» («Я на землю принес...», 1887; «Тяжело вспоминать мне детские годы...», 1889; «Для тоски беспредельной, для горьких тревог...», 1890) и в авторской манере, окончательно сложившейся к началу 1890-х годов («Печать Божественного Духа...» и др.).

Одна из примет зрелой манеры Сологуба — центонность (в современном, а не в античном понимании), его стих изобилует скрытыми и прямыми цитатами из предшественников и современников, парафразами, реминисценциями, аллюзиями, нередко иронического или полемического свойства; в его мелодике довольно часто слышится эвфония чужого поэтического слова, как будто бы и узнаваемая, но неисследимая.

Механизм зарождения сологубовской поэтики предельно обнажен в первой рабочей тетради, где в одном ряду с оригинальными текстами за 1877—1878 годы, подписанными псевдонимом: *Ф. К. Морозов* (и, что существенно, в общей с ними нумерации), воспроизведены в полном объеме или названы стихотворения Некрасова, Ф. Глинки, Н. Щербины, И. Лажечникова, В. Бенедиктова, Майкова, Д. Ознобишина, Полонского, некоторые были непосредственно переписаны из «Нивы».[40]

[40] В «Ниве» за 1877 г. были опубликованы упомянутые или переписанные Сологубом в тетрадь стихотворения: «Ткань природы мировая» Я. Полонского (№ 10, 7 марта), «Из пе-

Подобно начинающему художнику-академисту, копирующему полотна мастеров, Федор Тетерников буквально «копировал» поэтические образцы классиков и менее известных авторов, переписывал на свой лад городские романсы и народные песни (см.: «Славное море — широкий Байкал!» — переделка популярной песни «Славное море — священный Байкал!...»). Наглядным примером «вышивки по канве» может служить переделка стихотворения Некрасова, ср.:

Сологуб:

ПОДРАЖАНИЕ НЕКРАСОВУ

Тяжко мне, как нищий просит хлеба,
Я любви, любви прошу у неба.
Но напрасно я ее прошу:
Я души живой вокруг не вижу.
Я надеждою отча⟨я⟩нья живу,
В ожиданьи всех я ненавижу.
Я, взывая к русскому народу:
Оживи меня скорей,
Окуни меня в живую воду,
В сердце тихий мир навей.

Февраль 1878

Некрасов:

«В ЧЕРНЫЕ ДНИ
(МОИМ ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ)»

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду,
Или мертвой в меру дай.

⟨1877⟩

Источник переделки в тетради не воспроизведен, а только назван, вероятно, потому, что Сологуб знал текст на память (Некрасова «знал

сен царя Давида» Д. Ознобишина (№ 12, 21 марта. С. 184), «Два отрывка из записиой книжки» А. Майкова (№ 16, 18 апр. С. 47).

почти всего наизусть и считал гораздо выше Лермонтова и Пушкина»[41]). Стихотворение было написано вскоре после похорон поэта (Некрасов ушел из жизни 27 декабря 1877/8 января 1878), возможно под впечатлением от некролога, прочитанного все в той же «Ниве» (1878, № 2, январь).

В продолжение всего раннего периода произведения Некрасова оставались для Сологуба, как и для многих поэтов первого символистского поколения (в начале пути), эталоном для подражания. Лишь к началу 1890-х годов он освободился от «ученического» синдрома. Юмористический триптих «Когда я был в любезном Пскове...», «Когда служил я в славном Пскове...», «Я сам, когда служил во Пскове...» (10—12 марта 1891), восходящий к шуточным стихотворениям «Провинциальный подьячий в Петербурге» и «Провинциальный подьячий опять в Петербурге», уже не ассоциируется со школярской имитацией поэтического образца, а является полноценным творческим текстом с некрасовской рецепцией (примечательно, что первое из двух стихотворений Некрасова полностью переписано в юношеской тетради и следует сразу же за первым оригинальным — басней «Мудрец»).

Случаи радикальной и менее радикальной переделки чужих произведений в ранней лирике Сологуба выглядят как безыскусный способ построения собственной поэтики (по принципу палимпсеста). Предпочтительным материалом для перекраивания, и наиболее доступным наряду со стихами Некрасова,[42] была лирика Пушкина[43] и Лермонтова. Переписывая по-своему классический образец, усваивая лексику, ритмику, интонацию, стихотворный размер оригинала, юный автор зачастую бессознательно вкладывал в текст собственное «нутро», что придавало переделке печать его личности, как например в переложении из Лермонтова «И скучно, и грустно и не на ком душу отвесть...» (1880). В ткань стихотворения («И скучно, и грустно, и некому руку подать...») инкорпорированы лексемы, ставшие приметой сологубовского поэтического языка и идиостиля, перекочевавшие в сформировавшийся к началу 1890-х годов авторский тезаурус: *постоянная злоба*, *отрадный гроб*,

---

[41] *Черносвитова*. С. 239.

[42] Полное собранне стихотворений Н. А. Некрасова в трех томах вышло в 1873—1874 гг., в 1877 г. в внде дополнения к нему присоеднилась кн. «Последние песни Н. Некрасова 1874—77 годов»; в 1879 г. появнлось издание в четырех томах.

[43] В ранней лирике Сологуба реминнсценции нз пушкинских текстов лншь немного уступают некрасовским; те и другие соотносятся с разнымн семантическими ареаламн: ремиинсценции из текстов Некрасова, как правило, встречаются в стихотворениях, содержащнх автобнографические мотнвы н соцнальную проблематнку, из пушкинских — в стихотворениях на тему ars poetica.

глупое и хилое сердце, ранняя злоба, огонь сладострастья, надежды лишенный, тьмой поглощенный, страданий предлинная цепь, безотрадная грязная степь, тяжкий напрасный труд.

В контексте «палимпсестной» поэтики, вероятно, следует рассматривать авторские переложения и так называемые переводы — из Шекспира, Гете, Гейне и др., записанные в первой рабочей тетради в хронологической последовательности с оригинальными произведениями; с ними соседствуют переводы со шведского, венгерского, новогреческого, сербского и французского[44] (все они зафиксированы в разделе переводов авторской библиографии[45]).

Происходивший из малообразованной мещанской среды Сологуб в свои юные годы не имел опыта изучения иностранных языков. Первый европейский язык — немецкий — он начал осваивать в Учительском институте и по окончании курса получил общую оценку знаний «3».[46] «Короля Лира», «Сон в летнюю ночь», «Бурю» или «Лорелею» он «переводил» не по оригиналу, а с известных в то время переложений или переводов на русский язык. Лирика Гейне, например, в конце 1870-х—1880-е годы пользовалась исключительной популярностью у русского читателя, его стихи из номера в номер печатали в «Ниве», «Иллюстрированном Мире» и т. п. (в переводах Д. Минаева, П. Гнедича, П. Быкова, П. Вейнберга и многих других поэтов, в том числе и не отличавшихся профессиональными навыками).

Сологуб оттачивал стихотворную технику на чужих переводах, используя их в качестве текстов-посредников; в результате появлялся новый «перевод» — специфический (в соавторстве с переводчиком), который правомернее было бы отнести к оригинальным сочинениям «на мотив из...».[47]

---

[44] Ранние переводы Сологуба предвосхищают одно из успешных направлений его дальнейшей литературной деятельности; в 1910-е гг. поэт получил признание как мастер стихотворного перевода, высокую оценку современников снискали его переводы французских символистов, прежде всего поэзии Поля Верлена — *Верлен П.* Стихи избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб., 1908; 2-е изд.: Пг., 1923. См.: *Стрельникова А. Б.* Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010; *Багно В. Е.* Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX—XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 129—219; *Багно В. Е.* Русская поэзия Серебряного века и романский мир. СПб., 2005. С. 75—128.

[45] ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 543.

[46] Результаты успеваемости Сологуба по окончании института см.: *Писатель-Инспектор*. С. 28.

[47] В соответствии с авторской волей мы не включили в издание ранние переложения и «переводы» Сологуба, за исключением тех случаев, когда переложение было подложено им в корпус *МПСС*, как например отрывок «Из Эдды» (№ 111).

Практика абсорбции текстов отечественной и европейской поэзии стимулировала своеобычный механизм текстопорождения, который с годами стал элементом авторской поэтики и нашел эстетическое обоснование в эпатажной и в то же время чрезвычайно логичной и продуманной интерпретации проблемы художественного плагиата (осмысляемого им как подобие — в современном смысле — интертекстуальности). В поздние годы Сологуб прокламировал: «Новым Пушкиным будет только такой поэт, который беззастенчиво и нагло обворует всех своих современников и предтеч»; «Гениальные поэты только и занимаются подражанием и перепевом. А оригинальные образы и формы — создают слабые поэты. И это — естественно. Зачем человеку — как грибу питаться неорганическими соединениями, над чем-то думать, что-то изобретать? Надо обирать предшествующих поэтов — самым бессовестным образом»; «Вся наша русская литература — сплошной плагиат. А если бы это было и не так: у нас не было бы великих поэтов, точно так же как не было бы ни Шекспира, ни Гете, которые, как известно, — всегда работали на чужих материалах».[48]

Перелицовки чужих произведений помогли Сологубу овладеть версификацией, освоить основные стихотворные жанры и формы. В позднейшие годы резонансный звук чужого стиха в его лирике был заглушен собственным поэтическим голосом, который, несмотря на сугубо индивидуальное звучание, продолжал сохранять генетическую память о разнородных первоначальных импульсах.

В первой половине 1880-х годов постепенно проявляется и кристаллизуется «ядро» поэтической системы Сологуба, существенные элементы которой оставались константными и в последующие годы, хотя и подвергались дальнейшему усложнению и трансформации: образ лирического героя, основной тематический блок и мотивно-образная структура.

Наметившийся процесс отчетливо сказался в работе над поэмой «Одиночество (история мальчика-онаниста)», поэт трудился над ней с перерывами десять лет (1880—1890) и посвятил ее Некрасову:

Печальник общего страданья,
Апостол правды и любви,
Мои благие начинанья,
Мой первый труд благослови!

[48] *Смиренский В. В.* Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и коммент. И. С. Тимченко // Неизданный Федор Сологуб. С. 404, 407, 405.

Тебе, учитель, в подражанье
В бессоннице моих ночей
Я начал песню увяданья
Надежд строптивых и страстей.

В русскую поэзию Сологуб вошел прежде всего как лирик; в лиро-эпическом жанре ему не удалось создать ни одного сколько-нибудь значительного произведения, сопоставимого, например, с поэмами А. Блока, Андрея Белого или Вяч. Иванова. В полной мере это относится ко всем ранним поэмам, сохраняющим свое значение исключительно в рамках творчества автора: «Одиночество» и «Ночное воспоминание» (незавершенные замыслы) — как юношеское подражание Некрасову; «Ксения» — освоение популярного в 1880-е годы жанра рассказа или повести в стихах из современного быта; «Странник» — апробация традиционного агиографического жанра духовной лирики.

Первую поэму Сологуба с полным основанием можно назвать самым неудачным сочинением «долитературного» периода за ее школярскую несамостоятельность, напыщенную декламационную риторику, пространность; однако это незрелое, незавершенное сочинение сыграло не последнюю роль в поэтическом самоопределении автора и оставило заметный след в его творчестве первого десятилетия. Подобно тающему айсбергу, «Одиночество» наводняет все течение ранней лирики, его «осколки» — проблематика и образный строй опознаются во множестве текстов 1880-х годов, а также более позднего времени.

Первая редакция и основной корпус черновых набросков поэмы создавались в 1881—1882 годах — в атмосфере обсуждения русским обществом совершившегося цареубийства. События 1 марта и казнь народовольцев, равно как и предшествовавшие катастрофе судебные процессы над участниками «хождений в народ» и членами народнической партии, проходившие с середины 1870-х годов и имевшие резонанс в студенческой среде,[49] а также наступившая вслед затем эпоха реакции повлияли на авторский замысел и основную идею произведения.

В центре «Одиночества» — не героическая личность, как того можно было бы ожидать, полагаясь на рано сложившиеся у Сологуба демократические симпатии и взгляды («господа — не люди»),[50] не «апостол народной правды» (см.: «Апостол», «Могила», 1880), а тот, кто мечтал

---

[49] См. об этом в мемуарах однокашника Сологуба: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. С. 70—98 (главы X, XI, XII).
[50] *Черносвитова.* С. 233.

им стать, но не смог. Герой поэмы на пороге смерти вспоминает прошлое, раскаивается в собственных пороках, не позволивших ему осуществить юношеские мечты (он сгубил их «Безумством темного паденья»). Размышляя о судьбе умирающего Николая (имя героя поэмы встречается в черновых набросках и рукописных редакциях), Сологуб, видимо, пытался представить себе возможные варианты жизненного пути: как Николай, он хотел быть в среде народнической молодежи,[51] но не чувствовал в себе духовных сил и нравственного основания для участия в революционной работе.

Автобиографизм, транспонирование в лирику сюжетов бытовой повседневности и потаенных внутренних переживаний — сущностная черта сологубовского творчества («Неистощимая тема — о себе»[52]). Вся совокупность написанных им поэтических текстов, расположенных в хронологической последовательности, может быть прочитана как летопись или хроника жизни. Автобиографический субстрат опознаваем уже в самых ранних опытах, как например в стихотворении «Мои отцы — казаки были...» (1879), содержащем «лирическое» подтверждение легенды о его малороссийском происхождении («Отец Ф⟨едора⟩ К⟨узьмича⟩ был крепостной малоросс»[53]); по-видимому, юношеские переложения малороссийских народных песен и «переводы» из Т. Г. Шевченко (как и перевод «Кобзаря», над которым Сологуб работал в 1920-е годы[54]) связывались у него с опытом национальной самоидентификации.

Автобиографический подтекст «Одиночества» просматривается на самых разных этапах развития авторского замысла: в планах к произведению («Х — мальчик, умирающий юношею лет девятнадцати, поэт»[55] — в годы активной работы над поэмой автор был в этом возрасте); в рабочих материалах, см., например: «Элементы моей жизни: 1. Отец — больной, рано умер. 2. Мать — здоровая, сильная ⟨...⟩.

[51] В юности Сологубу приходилось вступать в горячие споры с Г. И. Агаповой по поводу политических событий, как например в связи с процессом В. И. Засулич (1878), покушавшейся на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, приказавшего высечь политического заключенного за то, что он не снял перед ним шапки. Поэт называл Трепова подлецом и не скрывал своих народнических симпатий. — «За это его ругали, на него кричали, причисляли его к „ихней шайке“. Но Федя стоял твердо на своем, все его симпатии были на стороне угнетенного народа и его защитников» (там же. С. 239).

[52] *Сологуб Федор.* Афоризмы. Достоинство и мера вещей / Вступ. заметка и публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. С. 199.

[53] См.: *Черносвитова.* С. 228.

[54] Издано посмертно: *Шевченко Т. Г.* Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба. Л.: ОГИЗ—ГИХЛ, 1934.

[55] ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 33, л. 2.

Изобразить возможно больше того, что было на самом деле, и как было, до мелочей»[56] и др.; отдельные фрагменты черновых набросков (например, «Его секла нередко мать...») перекликаются с биографическими записями[57] и автобиографическим циклом «Из дневника».[58]

В общих чертах содержание поэмы передано в неозаглавленной авторской записи: «Психофизиологический очерк. Когда я раздумывал, отчего это так глупо, бестолково и бесполезно прошла моя жизнь, я пришел к заключению, что виною здесь — мое одиночество. Жить без симпатии человеку невозможно. Я расскажу, как молодая натура настойчиво искала симпатии. Товарищи. Гордое презрение. Он. Сближение с одним товарищем. Разлука. Любовь к девушке. Я (конечно, лишь поэтическое) — слаб, вял, нерешителен, умен, трудолюбив, хорошо говорю. Страсть обоюдная. Она делает первые шаги. Сцена объяснения: „Я не могу быть мужем". Страшный для нее удар. Он отходит. Она бросилась за ним: „Все можно возвратить. Живи! Для смерти. Умрешь не даром!" Я заразил ее своим мрачным настроением. И она умела умереть. А я, слабый и ничтожный, стоял на берегу и смотрел на моих товарищей. Мы оба погибли — но я гибну даром, умирая в больнице».[59]

Ранняя смерть героя («святая жертва») — неизменный мотив народнической поэзии («Белые ночи», «Последняя исповедь» (1879); «Казнь жирондиста» (1882) Н. Минского и др.). Возможно, бессознательно Сологуб подменил изначально заданную гражданскую тему (*Я все отдал бы в жертву ей, / Печальной родине моей*) интимной:

Он был угрюм, и худ, и бледен,
И венерическим венцом
Его высокий лоб изъеден,
Покрытый язвами кругом.
Больная грудь, слаба и впала,
Неровно, трепетно дышала.

---

56 ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 157, 174.

57 *Канва*. С. 250; *Черносвитова*. С. 235—237.

58 Впервые: *Сологуб Федор*. Цикл «Из дневника». (Неизданные стихотворения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 г. СПб., 1993. С. 109—159; повторно: *Писатель-Инспектор*. С. 411—466. В первой публикации стихотворения воспроизведены в порядке по алфавиту первой строки, как в рукописи цикла «Из дневника», во второй публикации — по хронологическому принципу.

59 ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 91.

Мотив порочности варьируется во многих юношеских стихотворениях, например в «Падении», 1878 (с тем же, что и в поэме, тематическим параллелизмом):

С бессильной скорбью продолжаю
Я жизнь позора и стыда,
И все, мечтатель, ожидаю
Свободы, славы и труда.
⟨...⟩
Тону в разврате я постыдном,
Я проклинаю свой порок,
Клеймит мой лоб клеймом обидным
Заслуженно суровый рок.

Юношеские тексты буквально «прошиты» исповедальными признаниями: «Развратен я, преступен я...» («Отрывок из поэмы», 1878); «То борюсь со злым пороком, / То о счастии молю...» («Если б дал Ты мне величье...», 1879); «А ныне праздно и беспечно / Больную молодость гублю» («Когда пойду дорогой новой...», 1882), «Свои младенческие силы / Могиле ранней я обрек... / И необузданный порок / Меня влечет на край могилы» («Да будет проклят этот час...», 1884), «Бесславно жизнь моя течет...» (1884), «Он стар, как мир, зовется он пороком, / Меня в добычу он обрек» (1885), «Все в себе поругал, осквернил я и сжег...» (1887), «Ищу порочных наслаждений / И сладострастного стыда, // И низшей степени паденья» («Я вяну. Дни мои унылы...», 1887) и т. д. Нередко, как например в «Одиночестве», порок связывается с мечтательностью и шире — с потребностью творческого самовыражения; за порочной (эротической) мечтой, способной создавать в воображении новые миры и позволяющей преодолевать одиночество, признается главная созидательная сила. Актуальность темы подтверждает специальный раздел картотеки «Темы стихов: 39. Стихи о пороках: ⟨пороки⟩ вообще / сладострастие / противоестественные пороки / преступления / безумства / исступления / опьянения / порывы / уродства».

В студенческие годы Сологубу приходилось штудировать труды по медицине, психиатрии, психологии и педагогике, в его рабочих материалах встречаются библиографические заметки и выписки из статей данной тематики;[60] в их числе выписка из речи Б. Ричардсо-

[60] См.: ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 и 539 а.

на,[61] произнесенной на международном конгрессе гигиенистов в Брайтоне (опубликована: «Народная школа». 1882, № 4), в которой автор противопоставил воспитание современного (больного) поколения античному культу физического здоровья и красоты («Мы не чувствуем никакого стыда, когда наша молодежь слабеет и умирает. Мы погребаем нашу молодежь, как будто бы делаем какое-то вполне естественное дело, и воздвигаем памятники на ее безвременных могилах. ⟨...⟩ мы обсуждаем на конгрессах, в таком же роде, ценность молодой жизни; стыд, который чувствовали древние греки, нас не затрагивает»[62]). Из этой статьи был взят эпиграф для «Одиночества».

Специальное чтение оказало влияние на представления Сологуба о болезни и патологии; в особенности — теория наследственности и вырождения,[63] широко обсуждавшаяся в естественнонаучной литературе последней трети XIX века и во многом предопределившая декадентский дискурс 1880-х—начала 1900-х годов.[64] Очевидно, в «Одиночестве» поэт сублимировал свои юношеские фобии, связанные с расхожими представлениями о пагубности «детского порока» и со страхом дурной/роковой наследственности (ср.: *Мы все отцов преступных дети,/ В себе мы носим отчий яд...*).

Главная задача, которую Сологуб ставил перед собой, следуя натуралистической программе (в 1880-е годы он находился под влиянием эстетики и творчества Э. Золя[65]): описать условия «среды», в которой формируется современный человек — экзистенциально одинокая личность, страдающая от своего одиночества и не способная его преодолеть, что в конечном результате приводит к полной изолированности от мира, к аутизму.[66] Проблематика «Одиночества» конспективно отмечена в картотеке «Темы стихов»: «53. Стихи о внешней несвободе: Условия жизни / Рабство / Одиночество / Бедность / Бессилие / Болезни».

---

[61] Бенджамин Уорд Ричардсон (1828—1896) — врач-гигиенист, доктор медицины, глава Лондонского медицинского общества, редактор медицинских журналов; поэт, писатель.

[62] Там же, ед. хр. 539, л. 60.

[63] См., например, рассказ Сологуба «Тени», 1894; позднее название: «Свет и тени».

[64] Тема подробно освещается в кн.: *Матич Ольга.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 14—23.

[65] Ранние эстетические воззрения Сологуба аккумулированы в незавершенном золаистском трактате «Теория романа» (1888), см.: *Писатель-Инспектор.* С. 82—89.

[66] Впоследствии этот психологический тип заиял центральное место в двух первых романах писателя, его воплощают главные герои — Логин («Тяжелые сны», 1892) и Передонов («Мелкий бес», 1902).

Свои интимные переживания автор поэмы экстраполировал на целое поколение, в котором не видел волевого творческого начала (ср.: «И вышли скромные, смиренные людишки...» — «Восьмидесятники», 1892); на полях «Одиночества» имеется запись: «Типы молодого поколения, еще более дряхлые, чем он сам ⟨герой поэмы. — *М. П.*⟩. Общество относится к революции, как робкий онанист. Он смело вкусил запретного плода, — и разбитый телом, отверг все авторитеты и всю рутину. Беспредельно смелый и свободный дух. Никогда не установится. Вечная жажда».[67] В замысле Сологуба тема «восьмидесятников» прозрачно сопрягается с общей для эпохи «безвременья» темой «больного поколения». Однако у него в отличие, например, от Надсона или Минского она приобретает прежде всего психологическую и экзистенциальную мотивацию, а не социально-историческую.

Авторский замысел нашел лишь частичное воплощение в связном тексте поэмы, он обрывается на описании вольного и здорового деревенского детства Николая в доме любящих родителей (почти в лубочных тонах: Святое семейство). Дальнейший путь героя реконструируется по разрозненным черновым наброскам, в которых пунктиром прослеживается основной сюжет, намеченный в планах: смерть отца, переезд в город к тетке, воспитание в нездоровой атмосфере ее дома, одиночество и развитие мечтательности, круг чтения и пробуждение творческих наклонностей, смерть матери, институт, смерть Нади (бедной девочки-модистки, с которой героя связывала первая любовь — побочный сюжет), венерическая болезнь, новая любовь и самоубийство возлюбленной, запоздалое раскаянье.[68]

Отдельные тематические линии этого сюжетного блока получили самостоятельное оформление в стихотворениях 1880-х—начала 1890-х гг. (их соотнесенность с поэмой отмечена в примечаниях), в том числе мотив, названный в подзаголовке, «шлейф» от которого опознается в ряде поэтических текстов («Черты кровавые, бессмысленна и зла...», «Да будет проклят этот час...» (1889) и др.).

«Одиночество» — первое обращение Сологуба к крупной поэтической форме, в своем замысле он опирался на полюбившиеся образцы. Елена, олицетворявшая простонародный женский идеал, вероятно, была для него своего рода субститутом пушкинской Татьяны; видимо, из «Евгения Онегина» он заимствовал поэтическую интонацию рассказа/

---

[67] ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 33, л. 70.

[68] См. наброски и черновые фрагменты в разделе «Другие редакции и варианты» (л. 1—4 об.).

романа в стихах (на полях рукописи встречается авторская помета: «Пушкин»). Поэт перенимал из классических произведений те или иные детали, эпизоды, фигуры поэтической речи, в первую очередь — у Некрасова.

Рассказ о судьбе Елены выглядит вариацией на тему рабской доли женщины-крестьянки, образ восходит к некрасовским: Матрене Тимофеевне («Кому на Руси жить хорошо»), Дарье («Мороз, Красный нос»). Главный герой, мечтавший об освобождении родины от рабства и умирающий в молодости, вероятно, соединялся в авторском сознании с известными адресатами гражданской лирики любимого поэта — В. Г. Белинским и Н. А. Добролюбовым (ср.: «Не рыдай так безумно над ним, / Хорошо умереть молодым!»); нагляднее всего зависимость от некрасовской топики проявилась во фрагментах, содержащих описания городской жизни и городских типов (см. фрагмент черновых набросков № 42).

Несмотря на незавершенность и подражательность поэмы, Сологуб высказался в ней вполне как оригинальный автор: в центральном образе оксюморонно соединил черты потенциального борца за народное счастье и «вырожденца»; изобразил эротическую сцену под знаком поэтизации инстинкта и чувственности (Елена отдается в лесу первому встречному), сцену истязания (муж сечет Елену) — в садомазохистском ключе. В работе над «Одиночеством» Сологуб впервые почувствовал «свою» лирическую тему (описание «пограничных» душевных состояний — страсти, порока, болезни) и более или менее успешно овладел поэтическими клише и штампами посленекрасовской демократической поэзии:

Но в темном рабстве жизнь народа
Текла доныне с давних пор:
Свободе никуда нет входа,
Пороку — место и простор.
И в почве, сонны и ленивы,
Лежат святые семена.
Сойди, могучая весна,
На наши жаждущие нивы!
Напой их, светлая, дождем,
И воздух освежи грозою...

По формальным признакам «Одиночество» можно было бы отнести к текстам гражданского пафоса, однако его проблематика, табуированная в русской классической традиции, не соответствовала жанру гражданской поэмы. На это противоречие обратил внимание В. А. Ла-

тышев,[69] институтский педагог и наставник Сологуба, взявший на себя хлопоты содействовать публикации «Пролога» и первой главы (для него поэт перебелил часть чернового автографа и снабдил рукопись посвящением и эпиграфом); 12 декабря 1882 года Латышев писал своему недавнему воспитаннику в Крестцы: «Я нахожу, что ⟨Вы⟩ хорошо владеете стихом (хотя, разумеется, есть подражания, но влияние оказали, очевидно, лучшие наши авторы, наиболее любимые и мною, Некрасов гораздо более других, хотя ему Вы посвятили труд). Стихи содержательны, не только звучны, в них есть значительная доля поэтичности. Вам следует продолжать и работать. Постараюсь помочь, чем могу. Но тема, выбранная Вами, по-моему, неудачна для поэмы. ⟨...⟩ Вы все приписываете обстановке, между тем как наклонность к онанизму и разврату нередко лежит в самом организме, особенно организме настоящего, удалившегося от природы поколения».[70]

На протяжении 1883 года Сологуб посылал Латышеву фрагменты «Одиночества» и просил его устроить публикацию отрывков из поэмы; в ответных письмах «оппонент» высказывал свое мнение о достоинствах и недостатках произведения и сообщал о своих безуспешных попытках его напечатать: «... удачнее всего описание чувств действующего лица. Менее удачно обращение к миру. Описание жизни мальчика также удачно. Но удастся ли напечатать — сказать не могу. Все зависит от личного взгляда редакторов, а знакомств между ними у меня нет. Могу обещать только одно: буду усердно хлопотать. ⟨...⟩ Меня очень интересует получить полный отрывок. Все же думаю, что с темою справиться довольно трудно; но всего важнее выбирать темы по душе» (письмо от 24 января 1883 — там же, л. 6); «Я переговорил с профессором Ор⟨естом⟩ Миллером.[71] Он согласен взять на себя просмотр Вашей работы и, если она окажется удачной, похлопотать, но просит передать всю рукопись или значительную часть, лучше всю» (письмо от 17 февраля 1883 — там же, л. 7). 26 февраля Латышев сообщал: «Пока я передал присланный Вами отрывок одному из знакомых преподавателей словесности. Вот его отзыв, знать который, я думаю, полезно, хотя он и

[69] Василий Алексеевич Латышев (1850—1912) — методист-математик, преподаватель математики в Учительском институте; главный редактор журнала «Русский начальный учитель» (1880—1911); друг и наставник Сологуба. Сохранились черновики писем Сологуба к Латышеву за 1882—1892 гг. и ответные письма Латышева (ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 30; оп. 3, ед. хр. 392); значительные фрагменты в извлечениях приведены в кн.: *Писатель-Инспектор.* С. 31—36, 41—45.

[70] ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 392, л. 4—5; далее письма Латышева цитируются по этому источнику.

[71] Орест Федорович Миллер (1833—1889) — историк литературы, критик, публицист.

не берется дать окончательный ответ по отрывку. Стихом, по словам его, Вы владеете, но содержание еще очень молодо: образов мало и не очень-то они ярки, а туманны. Описания внешности иногда слишком длинны, а описания душевного состояния слишком неопределенны. Между тем первое достоинство поэтических произведений — образность, обилие ярких и определенных образов. Некоторые места поэмы он считает совершенно невозможными для печати по их содержанию. Примите во внимание этот отзыв и поработайте. Лучше отложить попытку печатать да дать возможно лучшее» (там же, л. 9 об.).

Подробный разбор авторских недочетов приведен в письме от 17 сентября: «Я хотел уже передать Вашу работу Миллеру, как обещал прежде, но решил, прочтя Вашу работу внимательно, прежде обратиться с запросом, так как чтение вызывает меня на замечания. ⟨...⟩ Мне кажется, что вторая часть присланного не соответствует началу и может произвести неблагоприятное впечатление.

Вы задаетесь, как видно из начала, мыслью показать переход вашего героя к разврату и ту странную внутреннюю жизнь или же причины, которые привели его к этому пути? Между тем: во второй части присланного этой внутренней жизни не раскрывается, несмотря на ее значительный объем; только немного сказано об образе жизни героя в детстве. Содержание этой части эпизодическое, но сами эпизоды не представляют таких достоинств, чтобы ради них жертвовать рассказом. Я думаю даже, что сцена сечения жены слишком груба и продолжительность описания не оправдывается необходимостью рассказа, да и мало правдоподобного.

Падение матери героя мне тоже представляется неожиданным. По предыдущей жизни нельзя было ожидать столь быстрой податливости, а не любви, потому что последняя не может явиться в какие-нибудь четверть часа. Одним словом, мне кажется необходимым, по крайней мере, добавить к присланному значительную долю описания жизни и развития героя, прежде чем передавать Ваш труд в руки посторонних ценителей» (там же, л. 11).

Переговоры с О. Ф. Миллером о публикации отрывков из «Одиночества» ни к чему не привели. Поэт продолжал работать над текстом, умножая варианты одних и тех же фрагментов (см., например, черновые наброски «Она мальчишек не терпела...»: № ⟨18⟩, ⟨19⟩, ⟨31⟩, ⟨46⟩), но затем потерял к произведению интерес. Провал замысла «Одиночества», однако, по-своему стимулировал дальнейшее поэтическое развитие автора, способствовал преодолению творческого коллапса и полноценному самораскрытию.

Определяющую роль в оформлении авторской проблематики и образа лирического героя, ставшего средоточием позднейшего декадентского дискурса Сологуба, сыграли наряду с первой поэмой стихотворения с пометой «Из дневника». Они имеют непосредственное отношение к одноименному циклу, опубликованному посмертно по тексту авторской машинописи из архива Иванова-Разумника. В цикле собраны стихотворения (всего 64) сугубо интимного, автобиографического содержания, объединенные темой телесных наказаний (с детства Сологуб подвергался сечению розгами, что привело к развитию у него садомазохистского комплекса[72]). Стихотворения датированы 1880—1904 годами; из них 14 были написаны после 1892 года, между 1892 и 1896 годами имеется лакуна.

Цикл «Из дневника», вероятно, был сформирован поэтом в 1920-е годы в процессе «стерилизации» архива (Иванов-Разумник в письме к А. Л. Бему от 3 октября 1944 года характеризовал эту поэтическую подборку — «пачка стихов „Из дневника“»[73]). Предпринятую «цензорскую» работу Сологуб не успел довести до конца, видимо из-за болезни, для проведения последовательной чистки пришлось бы затратить немало времени и сил, поскольку численность стихотворений алголагнической тематики в его поэтическом наследии значительно превосходит выбранные. Иванов-Разумник рассматривал образовавшийся поэтический цикл как параллель к реальному (прозаическому) дневнику Сологуба за 1876—1908 годы, публикацию которого считал первоочередным делом для адекватного истолкования творчества писателя (дневник был утрачен).[74]

В авторской картотеке «Темы стихов» в самостоятельные рубрики последовательно выделены две «говорящие» тематические группы: «24. Стихи. Свой дневник. 25. Стихи о бичеваниях: желание бичеваний; бывшие бичевания; чужие бичевания: из современности; из истории; из поэзии и легенд; из мечты; советы бичевать и бичеваться».

---

[72] О сформировавшемся в детские годы у Сологуба садомазохистском комплексе см.: *Павлова М.* Из творческой предыстории «Мелкого беса». (Алголагнический роман Федора Сологуба) // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 328—354; впервые: De Visu. 1993. № 9 (10). С. 30—42; *Писатель-Инспектор.* С. 36—40.

[73] Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. Л. Бему / Публ., вступ. заметка и коммент. Ж. Шерона и Л. Шерон // Звезда. 2002. № 10. С. 148.

[74] После смерти Сологуба Иванов-Разумник, разбиравший его бумаги перед передачей их в Пушкинский Дом, изъял из архива дневник; в числе раритетов рукопись была вывезена им в 1941 г. в Германию, куда он был выслан из оккупированного г. Пушкина вместе с женой, имевшей немецких предков. Прозаический дневник Сологуба был утерян (или погиб) вместе с другими материалами архива Иванова-Разумника, вывезенными в Германию.

В репертуаре «долитературного» периода тексты откровенно садомазохистского и бытового содержания с пометой «Из дневника» явно превалируют над прочими тематическими группами, в общей сложности их более сотни. Они по-своему компенсируют утрату реального дневника и позволяют в полном масштабе оценить значение всего алголагнического массива в творчестве Сологуба (о сечении розгами он писал всю жизнь), а также эксплицировать роль стихотворений «Из дневника» в становлении авторской манеры.

Заглавие «Из дневника» вызывает ассоциацию с жанром лирического дневника, тяготение к которому, по наблюдению С. В. Сапожкова, маркирует «общее свойство стиля так называемой „скорбной“ поэзии 1870—1880-х годов»[75] (представители течения: Надсон, Минский, ранний Мережковский, С. А. Сафонов, С. Г. Фруг, Д. Л. Михаловский, А. Л. Боровиковский, Н. А. Языков и др.). Вполне возможно, что в своих сокровенных исповедальных текстах Сологуб следовал веянию времени и одновременно стилистически отталкивался от декламационной риторики «скорбистов» (см., например, «Из дневника» Надсона, 1883).

Стихотворения с пометой «Из дневника» на первый взгляд имеют весьма отдаленное отношение к поэзии как к искусству; это прежде всего дневник — автобиографический текст, с одним сюжетом:

Я — учитель, ну так что же!
Малый дома мне почет,
И меня по голой коже
Мать частехонько сечет.

От пощечин рдеют щеки,
Дома я босой сижу,
Даже в школу на уроки
Босиком всегда хожу.

«Я — учитель,
ну так что же!..», 1883

Сгорала злость моя дотла
В кровавой ярости сеченья.
Была медлительна и зла
Вся эта пытка исправленья.

---

[75] *Сапожков С. В.* Поэзия и судьба Николая Минского // Там же. С. 15.

Наказывали на дворе.
Соседки из окна смотрели,
Смеясь, как в бешеной игре,
Свистали розги и свистели.

«Сгорала злость моя дотла...», 1887

«События» («пытка исправленья», «мучительная кара», «мука жаркого сеченья» и т. д.) разворачиваются на фоне картин повседневной жизни — в семейном кругу, в бане, в участке, на глазах у соседей, в классе — при учениках, коллегах, директоре, инспекторе, в карцере, на улице. Тема телесных наказаний у Сологуба подвергается садомазохистской перверсии и оборачивается эстетизацией страдания, боли, жестокости, страха, наготы, стыда (*В душевной глубине бушует, / Звериная нагая страсть. / Она порою торжествует, / Над телом проявляя власть; В тройном союзе все сплелося / Ликуют боль, и стыд, и страх*).

За небольшим исключением, весь дневниковый массив выдержан в манере сугубо бытового повествования, в брутальной стилистике натурализма (*И множество кровавых ссадин / Пылает на моем заду; Задрыхнул! — Ж - - у настегаю!; Кара, так уж кара — задница в крови* и т. п.); в языке преобладают разговорные просторечные формы, прозаизмы и диалектизмы (см., например, «Как есть домашняя скотина...», 1892).

По справедливому заключению М. И. Дикман, «жизненная конкретность, натуралистическая обнаженность „дневниковых“ стихов были тем началом, которое способствовало преодолению риторических штампов, эпигонской банальной сентиментальности и „поэтичности“ в раннем творчестве Сологуба».[76] Представляется обоснованным продолжить: и началом, предопределившим развитие в его поэзии программы эстетизма («Где ты делась, несказанная...», 1887, и др.) и панэстетизма (эстетизации всех сфер бытия и актов сознания):

Люблю мою родную землю,
Люблю я жизнь, и потому
Страданье всякое приемлю,
Покорен всякому ярму.

---

[76] *Дикман М. И.* Поэтическое творчество Федора Сологуба. С. 17.

Страданье иногда полезно
Для тела, как и для души,
И кто признал закон железный,
Тому и розги хороши.

Стыда и боли злая вьюга
Ведет насилием к добру,
И потому ее, как друга,
Без отговорок я беру.

*«Люблю мою родную
землю...», 1886*

«Дневниковые» стихи по вполне понятным причинам всегда находились в изолированном положении от основного «диффузного» потока сологубовской лирики, подвергавшейся веяниям времени («эволюции») и всевозможным влияниям. Они всегда оставались равными себе и не пересекались ни своей строго интимной проблематикой, ни поэтикой с пластами, в которых было место наивному подражанию чужой манере, имитации, следованию моде или эксперименту. Перифрастически их можно уподобить «игле» в кощеевом яйце — по тому значению, которое они в действительности имели в творчестве Сологуба.

Лапидарный, сухой и строгий стиль стихотворений «Из дневника» (в отличие от эмоционализмов и амплификаций «скорбистов»), открытый грубому просторечью, прозаизмам и авторскому словотворчеству, с однообразными лексическими и синтаксическими повторами, взвинчивающими эмоциональное напряжение, структурирующими весь массив «сакрального» текста в «протяжный вой», проложил дорогу к поэтической манере Сологуба классического периода («Высока луна Господня...», 1905, и т. п.).

В определенном смысле «дневниковые» стихи оказали влияние на становление авторского стиля, который опознается в целом ряде стихотворений 1880-х годов, выделяющихся на фоне весьма неоднородного и стилистически пестрого потока поэтических текстов, своею сжатостью, прозрачностью, емкостью, например:

Нет желания жить,
Нет и мысли о том,
Чтоб упорным трудом
Скромный дом
Сколотить.

Без моих неустанных забот,
Без работы ночей
Через мало уж дней
Вечный дом мне собьет
Гробовщик.

1885

В недрах потаенного автобиографического текста вызревал образ сологубовского лирического героя с присущей ему психологемой: *одинокий, измученный, злой, больной, угрюмый, отравленный тоскою, мрачно-дерзкий, порочный, развратный, сладострастный, преступный* и т. д. — «новая эмоциональная индивидуальность» русской поэзии.[77] Этот образ, окончательно утвердившийся в поэтическом мире Сологуба в 1890—1900-е годы («Порочный отрок, он жил один...», 1902, и мн. др.), стал одним из ярких феноменов в «диаволическом дискурсе» раннего русского символизма.[78]

Лирическому герою сопутствовал специфический мотивно-образный ряд, основные элементы которого также сложились преимущественно в стихотворениях «Из дневника», в дальнейшем они подверглись трансформации в рамках эстетизма и панэстетизма раннего символизма, но связь с родовой парадигмой не утрачивали. Мотив босых ног, изначально сопряженный с христианской топикой, породил два смежных мотива — странничества («Я рано вышел на дорогу...», 1889; «Пустынный путь. Иду босой...», 1889; «Измучен вечною заботой...», 1889; «Проселок», 1892, и др.) и мотив принятия жизни со всеми ее дарами («По милых свежим травам...», 1889; «Вдоль реки заснувшей прохожу лугами...», 1889; «Росою весь обрызган двор...», 1889, и т. п.). Мотив постыдной наготы (при сечении) развивался в двух направлениях: трансформировался в мотив красоты обнаженного тела в соответствии с античным идеалом и в мотив жестокого садомазохистского сладострастия (ср.: «42. Стихи: нагота / полунагота / историческая полуодетость / нестыдливость / босые ноги / загар / беснование наготы / совокупления». — *ТС*). Мотив христианского смирения и аскезы соединился

---

[77] *Горнфельд А.* Федор Сологуб // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. Ч. 1. С. 61.

[78] В соответствии с мотивным каталогом раннего русского символизма, составленным А. Ханзеном-Лёве, Сологуб — один из наиболее активных творцов так называемого «диаволического символизма» (декадентства), наряду с В. Брюсовым и К. Бальмонтом, см. индекс цитирования в кн.: *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов: ранний символизм.

с позднейшими индивидуалистическими и богоборческими мотивами. Мотив земной пыли был переосмыслен как мотив энтропии и всеобщего распада;[79] мотив телесных наказаний преобразовался в мотив злой и бессмысленной жизни, злого рока, неумолимой судьбы, непреложного закона Единой Воли.

Для поэтической системы Сологуба зрелой манеры характерна мотивно-образная дихотомия (образ или мотив может проявляться в высоком и низком значении, положительном или отрицательном) и мотивно-образная амбивалентность — в зависимости от авторской проекции на лирическое «я». В раннем творчестве эта структурная особенность поэтики нагляднее всего проступает в стихотворениях духовной тематики, теснейшим образом связанных с «дневниковыми».

Духовная лирика — весьма существенный и недооцененный пласт поэтического сознания Сологуба;[80] в творчестве первого десятилетия она занимает видное место и репрезентирует будущего декадента (автора пользовавшейся известностью молитвы к Отцу-дьяволу — «Когда я в бурном море плавал...», 1902) с неожиданной стороны — как искреннего религиозного поэта.

Душа, как верная раба,
У Бога ничего не просит,
Но если что ей даст судьба,
Возьмет, и ничего не бросит.

А если горе ей сулит,
А если муки ей готовит,
Она за все благодарит,
За все Владыку славословит.

«Трава свежа, земля мягка...»,
1889

Заговорит в громах Господь,
Над тьмою свет восторжествует,
И всякая живая плоть
Дыханье Божие почует,

---

[79] Тема освещена в работе: *Венцлова Т.* К демонологии русского символизма // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Статьи о русской литературе. Вильнюс, 1997. С. 48—81; впервые: Christianity and the Eastern Slavs. Vol. 3. P. 134—160 (University of California Press, 1995).

[80] Впервые эту область поэтического творчества Сологуба актуализировал А. Левицкий в статье: «„Бедный, слабый воин Бога": К вопросу формирования лирического „я" Федора Сологуба» (Федор Сологуб. Биография. Творчество. Интерпретации. С. 174—195).

И верный в веру оживет,
Безбожник хладным сердцем дрогнет,
И мир разбуженный поймет,
Что мимо Бога и дорог нет.

«Свершались древле чудеса...», 1889

Сологуб воспитывался в религиозной семье (см.: «Пришли мы от обедни ранней...», 1889), где вера в Бога и соблюдение церковных обрядов были неразрывны, воспитание покоилось на основах христианской этики с упором на аскетизм (хождение босиком до глубокой осени, суровые наказания, уважение к бедности и нищете). В автобиографической записи, относящейся к 15-летнему возрасту, на первое место в ряду своих главных качеств поэт поставил религиозность,[81] ср.:

Без колебанья, без сомненья
Я в детстве шел к вечерне в храм.
Какие дивные мгновенья
Переживались мною там!
⟨...⟩
Приду домой, — горит лампада,
В душе такая благодать.
Ни чаю, кажется, не надо,
Ни есть не хочется, ни спать.
Всю ночь в слезах и умиленный
Проволновался б, промечтал,
И всё б стоял перед иконой,
Всё б эти ризы целовал.

«Церковь», 1879

По наблюдению Л. В. Евдокимовой, в поэтическом творчестве Сологуба 1880—1890-х годов просматриваются отсылки к святоотеческой литературе, к восточнославянской патристике (трудам Иустина Философа, Григория Нисского, Дионисия Ареопагита) и, в частности, к уче-

[81] «15 лет. Религиозность. Сознание падения. Наклонность к мечте и фантастическому. Застенчивость. Боязнь людей. Любовь к природе. Рано развитый рефлекс. Сладостр⟨астие⟩ и любовь. Чувственность. Мрачное мировоззрение. ⟨...⟩ Гордость и переходы к униженности. Раздражительность. Боязнь насмешек. Непонятные порывы. Неудовлетворенность. Равнодушие к жизни, холодность. Нерешит⟨ельный⟩, слаб⟨ый⟩ хар⟨актер⟩. Трусость — темноты, покойников и пр.» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 155—155 об.). Эта автобиографическая запись «подсвечивает» связь алголагнического цикла и стихотворений религиозной тематики.

нию Григория Паламы (XIV в.), в котором получила обоснование древняя традиция исихазма, духовной практики, составляющей основу православного аскетизма.[82] Об осведомленности поэта в церковных текстах, в том числе служебных, свидетельствует переписанный на карточки «Чин погребения мирского человека» («Служебник. Часть первая»; текст читается священником над телом усопшего).[83]

Духовная лирика «долитературного» периода представлена несколькими десятками стихотворений, они образуют две самостоятельные группы. К первой («канонической»), наиболее многочисленной, относятся тексты, написанные в традиции русской христианской поэзии XVIII—XIX вв.: «Молитва Покаяния» (1878; с эпиграфом из покаянного псалма: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче»); «Ангел тихий и прекрасный...», «Церковь» (1880); «Подражание пророку Амосу» (1881), «Твои дары, о, Царь Всесильный...» (1887); «Склоняется Христос под тяжестью креста...», «Се Жених грядет во полунощи...» (1889); «Иже Херувимы», «Последнее искушение» («Христос распятый умирал...»), «Молитва» («Молю Тебя, Владыко Правосудный...») (1890); «Чертог Твой вижу, Спасе мой...», «Под сению Креста рыдающая Мать...» (1891), и мн. др.

В своем большинстве эти стихотворения соотносятся с рубриками авторской картотеки «Темы стихов»: «30. Стихи. Поучения: Как жить / Кому что долженствует / Указы / Главная заповедь / Как относиться к Богу»; «38. Стихи. Вера: Отношение к вере / Переложение песен церковных / Переложение псалмов / Богоматерь / Благовещение / Жажда правды / Распятие / Демон / Воскресение / Неверие / Иерусалим»; «46. Стихи по Евангелию»; «56. Стихи: Богоматерь / Христос / Ангелы / Пророки / Апостолы / Святые / Мученики / Легенды, сказания / Их изменения / Их создания»; «55. Стихи: Отрешенность от мира / Различие от других людей / Аскетизм / Побеждение условного».

Поэтика стихотворений «канонической» группы задавалась жанром, они предназначались для специальных изданий: поэма «Странник», например, появилась в «Русском Паломнике» (1894); циклы «Из притчей Соломоновых», «Из Премудростей Соломоновых» печатались в русско-еврейском журнале «Восход» (1893, 1895), — или для специаль-

[82] *Евдокимова Л. В.* Имя собственное в мифотворчестве Ф. Сологуба // Федор Сологуб. Биография. Творчество. Интерпретации. С. 82—109.

[83] ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 538. По палеографическим данным автограф относится к началу 1890-х гг., на его обороте — набросок статьи Сологуба «Не постыдно ли быть декадентом» (⟨1896⟩), подробнее см.: *Писатель-Инспектор.* С. 494—501.

ных выпусков газет и журналов: рождественских, пасхальных, великопостных и т. п., — были приурочены к церковным праздникам и обрядам.

Стихотворение «Пролетал по полночному небу...» (21 ноября 1889) было написано по случаю праздника Введения во храм Богородицы. Вероятно, желая привести текст к наиболее подходящей для публикации форме (четверостишию), Сологуб отказался от его первой редакции, написанной сравнительно редким сверхдлинным размером (шестистопным анапестом с цезурой). Он переработал текст, преобразовав сверхдлинные стихи в полустишия (см. № 512 Б), так как первоначальный вариант вследствие громоздкости мог не поместиться на столбце газеты или странице журнала.

Пролетал по полночному небу сияющий ангел Господний;
На него злобный демон смотрел из окутанной в мрак преисподней.
Был ниспослан когда-то на землю тот ангел в обитель страданья,
И с тех пор пронеслись над землею урочные годы изгнанья.
Светлейший свой взор устремлял к воротам превысокого рая,
И не видел лица его враг, светозарный полет наблюдая.
Видел он лишь края светлых риз да открытые ангела ноги,
На ногах же пресветлого пыль земной многотрудной дороги.
Враг смеялся над ангелом, голые ноги свои запятнавшим.
Не внимая, к обителям вечным летел ангел в небе сиявшем.

Стихотворение было разослано в «Русский Вестник», «Свет» и в «Иллюстрированный Мир», но в печати так и не появилось.

Духовные стихи Сологуба не уступали уровню основного потока православной поэзии периодических изданий, однако, как и другие его сочинения «долитературного» периода, на страницы газет и журналов в эти годы не попадали, за единичными исключениями. «Русский Паломник» предпочитал классиков (Жуковского, Тютчева, А. К. Толстого и др.) и своих авторов с устоявшейся поэтической репутацией, таких как Ольга Чюмина, К. Р. (вел. кн. Константин Романов), Конст. Льдов, которым безвестный новичок не мог составить конкуренцию.

Как самостоятельная область поэтического творчества духовная лирика Сологуба раннего периода осталась почти не замеченной современной критикой, несмотря на позднейшие авторские публикации, осуществленные в следующую эпоху — когда поэт получил признание. В период расцвета «диаволического символизма» стихи, написанные по лекалам христианского канона, оказались неактуальными и растворились в полноводном русле разножанровой сологубовской поэзии. Напротив,

его «диаволические» стихотворения получили в прижизненной критической литературе самое широкое освещение. В «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» М. Гофман резюмировал: «Сологуб религиозен, но религия его антихристианская, и Христос является для него искусителем-обманщиком, прикрывающим истиной свои ложные пути и путы. Это целая и стройная система религии, обожествления реального зла, признания его Богом. Зло Сологуба трагично, ибо это не слепое подчинение стихии зла, это не безрассудная жестокость, — зло у Сологуба метафизично, религиозно. Сологуб — мученик».[84]

Второй парадигматический ряд текстов далек от традиционных форм духовной лирики, но тем не менее имеет к ней непосредственное отношение. Его представляют стихотворения, содержащие исповедальные мотивы и молитвенные обращения к Творцу (или неведомому Богу), настроения богооставленности, разочарования в вере («Бесцельные и поздние проклятья...», 1888) и наметившиеся в раннем творчестве богоборческие мотивы («Словами горькими надменных отрицаний...», 1891). Ряд стихотворений относится к циклу «Из дневника» или с ним соотносится: «Господь мои стенанья слышит...», 1885; «В стране сурового изгнанья...», 1887; «Вечерние упали тени...», 1887; «Твои дары, о, Царь Всесильный...», 1887; «В час молитвы полуночной...», 1889; «Если знаешь за собою...», 1889, и др.

Алголагнические и религиозные тексты имели общее психологическое основание: переживание незаслуженных унижений и наказаний приводило поэта к сознанию собственного несовершенства, смирению, стремлению к очищению через страдание («Когда стоял на коленях и его бранили, он принимал все укоры как заслуженные. Ему казалось, что все эти переживания укрепляли его волю к добру и характер. И мальчик с искреннею благодарностью кланялся матери в ноги, — так было принято в семье Тетерниковых, когда благодарили и просили чего-либо»[85]).

Амбивалентность садомазохистского и религиозного мотивов (отмеченная авторской рефлексией[86]) прослеживается в большом корпусе ран-

[84] Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. Модеста Гофмана. СПб., 1909. С. 262.

[85] *Черносвитова*. С. 237.

[86] См., например, авторскую запись: «Самопожертвование. Жажда мук как выход ненасыщенного сладострастия. Приметы: Покаяние маршала Жиль де Ретца. Раскаяние преступников, особенно под старость. Самобичевание аскетов. Мария Магдалина. Сладострастие унижения: любовники любят целовать ножки. 7 н⟨оя⟩б⟨ря 18⟩93» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 а, л. 122).

них текстов, например в стихотворении «Желанье страстное — сорвать...» (1878), сопровожденном знаковой топонимической пометой: «Начато в церкви Всех скорбящих Божией Матери».

Желанье страстное — сорвать
На мне лежащую печать,
Печаль и страстное томленье,
Удел безрадостный — молчать,
Надежда — тяжкого мученья
Принять святую благодать,
Боязнь жестокого мученья,
Тоски холодная игра,
К чему-то смутное влеченье, —
Вот чем наполнен день с утра.

В своем апологетическом садомазохистском трактате «О телесных наказаниях» (конец 1880-х—начало 1890-х; не завершен), отстаивая необходимость розги в национальном воспитании, Сологуб апеллировал исключительно к христианской этике: «И с тех пор как Христос терпел бичевания, перенесение ударов перестало быть само по себе позором и стало орудием мучения и духовного подвига. И с тех пор как Хр⟨истос⟩ умер, смерть перестала сама по себе быть страшною и стала венцом подвижнической жизни. И с тех пор как босые ноги Христа попирали землю, бедность перестала быть постыдною сама по себе. Ибо плоть не может ничтоже, — и вся сила, жизнь и свет в Духе».[87]

Внутри нетрадиционной группы духовных текстов на первый план выдвигается лирический герой «Из дневника», со всем присущим ему эмоциональным багажом: то аскет, впавший в состояние экстатического просветления после тяжелого испытания (1), то садомазохист, молящий высшие силы (Бога / неведомого Бога / дьявола) о наказании, почти требующий его (2).

(1)

Как будто сходит на ступени
Эдемский гость, небес посол,
И озаряет кротко тени,
Земной прощая произвол.

[87] *Сологуб Федор.* О телесных наказаниях. (Из незавершенной статьи) // *Писатель-Инспектор.* С. 478.

И я, на голые колени
Поставлен после розог здесь,
Стихи слагаю про ступени,
Ведущие в святую весь.

«Вечерние упали тени...», 1889

(2)

В стране сурового изгнанья,
На склоне тягостного дня,
Святая сила заклинанья
Замкнула в тайный круг меня.

Кому молюся, я не знаю,
Но знаю, что услышит Тот,
Кого молитвой призываю,
Кому печаль моя цветет.

Его мимолетящей тени,
Что исчезает, смерть поправ,
Молюся я, склонив колени
На росной ласковости трав.

И заклинанья не обманут,
Но будет то же все, что есть,
Опять страдания предстанут,
Все муки надо перенесть.

Что Тот вкусил, кто жало Змея
Навеки вырвал, надо мне,
Жестокой мукой пламенея,
Вкусить в последней тишине.

«Услышав грозный призыв твой...», 1887

Стихотворение известно в двух редакциях; в ранней — отсутствует атрибутика Творца (в окончательном тексте: ст. 10, 20—21; курсивом выделены мной. — *М. П.*), вследствие чего актуализируются мотив неведомого Бога, ст. 5 (*Кому молюся я, не знаю*) и заключительные строфы (IV—VI), вызывающие аллюзию на небожественную молитву (о садомазохистском удовольствии):

И заклинанья не обманут,
Но будет то же все, что есть,
И страх, и стыд, и боль предстанут,
Все кары надо перенесть.

И с этой ласковой березы,
Где листья клейки по весне,
Покорно наломаю лозы,
Сулящие мученья мне,

И непреложность заклинанья
Зажжет восторги в муке злой,
Когда звенящий крик страданья
В протяжный перельется вой.

Отмеченный семантический сдвиг откликнулся в лирике 1890-х годов в большом корпусе богоборческих текстов; самый ранний — сонет «Словами горькими надменных отрицаний...», 1891.

Словами горькими надменных отрицаний
Я вызвал Сатану. Он стал передо мной
Не в мрачном торжестве проклятых обаяний, —
Явился он, как дым, клубящийся, густой.
⟨...⟩
Глаза полночные мне вызов злой метали,
И принял вызов я, — и вот, борюсь с тех пор
С царем сомнения и пламенной печали.

В картотеке «Темы стихов» «диаволический» мотив обозначен в одном смысловом поле с христианским: «23. Стихи. Молитвы: К жизни / К смерти / Отпевание себя заживо / К Богу / Ритуал по-иному: дьяволу — себе — неведомому»; «32. Стихи. Обряды: Церковные / Самоцерковные / Литургия домашнего алтаря / Служение дьяволу / Требы и службы / Посвящения / Заклинания». Наметившаяся в творчестве Сологуба мотивно-образная дихотомия, характерная для раннего символизма, в 1890-е годы станет одной из доминантных черт его поэтической системы.

Между «каноническими» и нетрадиционными текстами встречаются переходные формы — стихотворения, в которых нашли выражение настроения и чувства, выходящие за рамки православного канона: скепсис по отношению к церковным обрядам, разочарование или сомнение в

вере: «Много сказок мы в детстве слыхали...» (1888), «Церковь» («Уж храма Божьего бегу я, / Лишь поневоле иногда / С досадной думою вхожу я, / И чуть не плачу от стыда») и др.; во время церковной службы лирический герой воображает борцов за свободу в виде святых, в традиции народнической поэзии, как например в «Колоколе» (1879) и т. п. В поэме «Странник» (на сюжет «Жития преподобного Серапиона Синдонита») прочитывается аллюзия на эпизод биографии народовольца Дмитрия Лизогуба — богатого землевладельца, отдавшего все свое состояние на нужды революции. Казнь Лизогуба (1879) имела общественный резонанс (см. стихотворение «Апостолу», 1880); подробности этой истории Сологуб мог услышать от Минского летом 1891 года.[88]

Духовные стихотворения, преимущественно неканонической группы, легли в основание главного — онтологического — пласта сологубовской лирики зрелого периода, в центре которого — лирический герой (лирическое «я»), погруженный в созерцание и рефлексию, сосредоточенный на познании и самопознании.

В авторском перспективном плане онтологическая проблематика представлена несколькими рубриками: «29. Стихи о тайне: тайна личного бытия / тайна иного бытия / тьма / даль / тайна небытия / тайна происхождения / тайна Бога / тайна цели / был Бог или будет? / или все? / тайна пространства»; «57. Стихи о призрачном мире: Мир — сон / Мир — символ / Мир — темница»; «56. Стихи Вениамина: Я — природа / Соединение с природой / Я — душа природы / Я — Бог. Но и молитва / Я — тайна моя / Природа — мое косное тело / Только моя воля / Одиночество / Атрибут природы — мои чувства / Я — движение в природе / Я — в том или другом в природе / Видимость — игра моей природы / Нераздельность воли людей, даже и прежде живших»; «62. Стихи о связи души с телом / Совместный рост / Совместная смерть»; «67. Стихи: Самоопределение. Мои качества. Мое прошлое. Отношение к печалям и т. п. Мечтательность. Каким я был прежде. Кто я».

В поэтических текстах «долитературного» периода онтологическая программа проявилась лишь в латентном виде («Погас мечтаний отрадный сон...», 1883; «Жизнь моя безотрадно течет...», 1884; «Мудрый

[88] Минский был близок с И. И. Ясинским, который в свой киевский период знал братьев Лизогуб; рассказ Ясинского «На чистоту» был вызван известием о казни народовольца (опубл. под псевдонимом Максим Белинский: Слово. 1880. № 1. С. 151), см.: *Ясинский И. И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний. Т. 1. С. 194—195, 256; Т. 2. С. 256.

видит, что напрасны...», «Лес, озаренный луною»...», ранняя ред., 1885; «Различными стремленьями...», 1886; «Живу ли довременно я?..», 1889; «По жестоким путям бытия...», 1890; «Влечется злая жизнь! Ни счастья, ни свободы!..», «Злобою дня утомленный...», 1891, и др.). Полноценное развертывание основных онтологических мотивов поэт осуществил в 1890-е годы, когда его мировоззрение получило обоснование в усвоенном и глубоко им пережитом учении А. Шопенгауэра и философских сочинениях Ф. Ницше.

В раннем творчестве Сологуба выделяются или присутствуют в стадии образования практически все основные семантические поля, отмеченные А. Ханзен-Лёве в каталоге мотивов и парадигм раннего русского символизма. Современные формы исследования (поиск по электронной базе данных) позволяют статистическим методом описать систему поэтических мотивов, установить их иерархию в ранней лирике и соотнести с картиной позднейшего периода (это тема отдельного исследования). Однако, не вдаваясь в детали и не прибегая к примерам (весьма многочисленным) из текстов конца 1870-х—начала 1890-х годов, можно выделить главные мотивообразующие гнезда, существенные для следующего периода творчества Сологуба и определяющие его авторскую манеру.

Мотивы *замкнутости, отгороженности от мира, отчуждения, одиночества* реализуются у Сологуба в устойчивых образах, земная жизнь — темница, келья, пещера, тюрьма, лабиринт, пустыня, за забором, за стенами и т. п. Мотив *бессмысленности существования и бесцельности человеческого пути — блуждания по кругу во мраке* (цикл, посвященный «Лабиринту» и «Ариадне»); мотив *неизбывного страдания, боли злой жизни* (стихотворения «Из дневника»); мотив *скуки и усталости от жизни* реализуются в образах грезы, мечты, обмана, сновидения, сна, смерти.

К концу 1880-х годов поэтическая система Сологуба сложилась, однако его лирика еще не освободилась от посторонних влияний и как явление переходного периода оставалась эклектичной, аккумулируя в себе отдельные характерные для пресимволистской поэзии элементы.[89] За десять лет работы над «Одиночеством» поэт как будто бы исчерпал свой юношеский потенциал наследника певца «музы скорби и печали»,

---

[89] См.: *Минц З. Г.* «Новые романтики». К проблеме русского символизма. С. 163. В раннем творчестве Сологуба такие характерные для эпохи пресимволизма литературные пласты (см. указ. статью), как лирика «школы Фета», «философская» поэзия восьмидесятников, творческая система Вл. Соловьева, сказались незначительно или опосредованно, их значение возросло в его поэзии в следующий период.

хотя вплоть до начала 1890-х годов продолжал писать стихи в духе «унылой» гражданственности, имитируя чуждую его индивидуальным интенциям манеру абстрактного аллегоризма, характерную для поэзии Надсона и Минского (периода «Белых ночей»);[90] как например: «Полудетские грезы», 1888; «Что жалеть о разбитом бокале...», 1889; «Под солнцем весны благовонной...», 1889; «Тяжело вспоминать мне детские годы...», 1889; «Верь, упадет кровожадный кумир...», 1889; «Для тоски беспредельной, для горьких утрат...», 1890; «Время битвы», 1890; «Нарядная мечта, сдружившаяся с песней...», 1891.

Летом 1891 года Сологуб приезжал в Петербург, где познакомился с Минским, поэзией которого он в то время увлекался[91] (по-видимому, свидание состоялось в редакции «Северного Вестника», Минский был сотрудником журнала начиная с 1890 года, после перехода издания в руки Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынского). Согласно биографическому очерку Ан. Чеботаревской, «Минский отнесся к молодому человеку с чрезвычайной сердечностью, и знакомство с ним оказало на Сологуба значительное влияние. При свидании много беседовали об искусстве, поэзии, новых течениях в западной литературе».[92] Примечательно, что никаких видимых качественных изменений, которых можно было бы ожидать после петербургской встречи, в лирике Сологуба 1891—1892 годов не обнаруживается, за одним исключением: из его репертуара постепенно исчезают стихотворения, отмеченные народнической топикой. Вместе с тем свидание с видным современным поэтом и профессиональным литератором обострило желание Сологуба вернуться в столицу и включиться в культурную жизнь.[93]

---

[90] С поэзией Н. Минского Сологуб был знаком по публикациям в периодике и, вероятно, по второму сборнику «Стихотворения» (1887), первый сборник «Стихотворения» (1883) был запрещен цензурой и тираж уничтожен.

[91] Вероятно, Сологубу был известен также трактат Минского «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890). В пользу этого предположения свидетельствуют три стихотворения: «Когда цвела Александрия...», «В далекой Индии...» (оба написаны в июне 1890 г.) и «Мы слышали давно, что Средние века...» (начато в 1889, закончено 2 августа 1891). В потоке ранней лирики Сологуба эти тексты воспринимаются как экзотизмы, их содержание проецируется на сцену из трактата Минского «Последний Суд»: спор Совести с отшельником-аскетом, красавицей куртизанкой и мудрецом-ученым. Второе издание книги «При свете совести» (1897) имелось в библиотеке Сологуба, на экземпляре дарственная надпись Минского: «Федору Кузьмичу Тетерникову в знак сочувствия от автора. 19 дек. 96 г.» (Библиотека ИРЛИ. Шифр: 1935 к / 3456).

[92] *Чеботаревская Ан.* Федор Сологуб: Биографический очерк // Русская литература XX века (1890—1910). С. 10.

[93] О шагах, которые Сологуб предпринимал в этом направлении, см. в его переписке с Латышевым: *Писатель-Инспектор.* С. 42—45.

Главным предметом авторской рефлексии с конца 1880-х годов становится тема поэтического творчества и выбора дальнейшего пути, получившая «программное» оформление в стихотворениях «Пока задумчивый мой гений...», «Отрок слабый и недужный...», «Печать Божественного Духа...», 1889; «Он поэтом рожден. В колыбельку ему...», «Странный сон мне снился: я кремнистой кручей...», 1890; «Полынь отчаянья на нивах вновь растя...», 1891; «В угрюмой, далекой пещере...», 1892, и некоторых других. Роль поэтического манифеста, с программной установкой на будущее, в этом ряду, вероятно, отводилась стихотворению «Печать Божественного Духа...». Основные аспекты развития темы соотносятся с поэтической традицией.

Поэт — избранник Божий, мист:

Печать божественного Духа
Я не напрасно получил, —
Внимательную чуткость слуха,
И напряженность мощных сил,

И наблюдательное око,
Которое, орла быстрей,
В сердца и помыслы людей
Глядит пытливо и глубоко.

Я призван многое свершить,
Пройти дорогой чрезвычайной,
Духовный мир обогатить
Трудом и мыслью неслучайной,
И овладеть великой тайной.

«Печать Божественного Духа...»

Поэт — дитя и творец красоты («Поэт Божьей милостью»):

Он поэтом рожден. В колыбельку ему
Рой волшебниц принес беззаботные сказки.
Золотыми лучами прорезали тьму
Перед ним заревые улыбки и ласки.

«Он поэтом рожден. В колыбельку ему...»

Поэт — певец свободы:

Не на то я рожден, чтобы петь соловьем,
Да нужда заставляет по-птичьи свистать.

Я умел бы сердца жечь палящим огнем,
Я умел бы народ на борьбу призывать...

«Не на то я рожден, чтобы петь соловьем...»

Поэт — жертва:

Говорит мне Муза: «Труден
Путь любимца светлых Муз.
Верь, несчастный, безрассуден
С ними искренний союз:
Будешь жертвою вечерней.
Не введу тебя в чертог,
Но из лавра и из терний
Подарю тебе венок.
⟨...⟩
И, пленен ее очами,
Я пошел за ней вперед
Необутыми ногами,
Может быть, на эшафот.

«Отрок слабый и недужный...»

Поэт и толпа (пушкинская рецепция, см.: «Поэт и толпа», 1828):

Молчи, поэт, пугливое дитя!
Какие б горькие в тебе ни зрели мысли,

Их в люди не пускай в одежде резких слов.
Вот медные дожди рассчитанных даров
На стогнах сыплются, нещедры и нелепы.

Смотри на них, свой гнев глубоко затаив, —
Толпы всегда пред истиной свирепы,
А ты, поэт, всегда застенчив и пуглив.

«Полынь отчаянья на нивах вновь растя...»

Итогом авторских размышлений явился мифопоэтический образ: поэт-пророк, зачарованный волшебным сном, до времени покоится в пещере, куда нет доступа никому, кроме Музы:

Снилось мне: столетья мчатся над землею,
Правда все страдает, Зло еще царит,

Я один во мраке, мертвой тишиною
Скован, тишиною мертвою обвит.

*«Странный сон мне снился:
я кремнистой кручей...»*

В угрюмой и дикой пещере,
В холодной, далекой стране
Лежит уже много столетий
Певец в заколдованном сне.

Не тлеет прекрасное тело,
Не ржавеют арфа и меч,
И ткани одежды не тлеют,
С холодных не падают плеч.

⟨...⟩
Он знает: сменяются годы,
Столетия пыльно бегут,
А люди блуждают во мраке,
И дня беззакатного ждут.

Дождутся ль? Светло торжествуя,
Проснется ли милый поэт?
Иль к вечно-цветущему раю
Пути вожделенного нет? —

«В угрюмой далекой пещере...»

В преддверии возвращения в Петербург (стихотворение датировано: 5 июля 1892) образ заколдованного певца, очевидно персонифицированный, приобретал в поэтическом сознании Сологуба провиденциальное звучание, воспринимался как скорое пробуждение от «чар» провинциальной спячки.

Безусловным и, возможно, самым существенным творческим достижением Сологуба в «долитературный» период следует признать искусство версификации, которому он посвящал весь свой досуг.

И в тиши, незримой свету,
Нетревожимый толпой,
Я чеканю, как монету,
Стих мой звонко-золотой.

Разукрашены, согреты
Жаром мыслей, звоном слов,
Стройно нижутся куплеты
Вязью крупных жемчугов.

1889

Поэт много работал над расширением метрического репертуара, совершенствованием рифмы и строфики и к началу 1890-х годов мастерски овладел стихотворной формой (в картотеке «Темы стихов» программа поэтических работ выделена в специальные рубрики). А. Волынский вспоминал о первом впечатлении от сологубовских стихов, которые ему прочитал Минский в 1891 году: «Стихи меня поразили своею ясною простотою, какою-то неуловимою прозаичностью в тончайшем поэтическом повороте мысли. Самая мысль всегда была неожиданна, и простота выражений придавала ей своеобразную прелесть. И во всем — сухой ритм чеканных строф и белая облачная пелена нежнейших настроений, обволакивающая все мотивы».[94]

М. Л. Гаспаров в монографии о русском стихе 1890—1920-х годов отмечал: «Стихи Сологуб писал с редкой обдуманностью, иногда по заранее намеченным программам, поэтому формальных экспериментов у него много, но (в отличие, например, от брюсовских) они не лежат на поверхности и открываются лишь внимательному читателю»,[95] свою технику он «любил не подчеркивать, а скрывать».[96] Эта особенность сологубовской манеры получила высокую оценку современных поэтов — В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Блока, Андрея Белого, З. Гиппиус, И. Анненского, А. Ахматовой, О. Мандельштама, В. Ходасевича и др. «Сологуб не пишет, а ворожит. Нельзя говорить и о технике Сологуба — ее не видно, о ней не приходит в голову подумать. Эта высшая техника — видимо, кажущееся отсутствие ее — делает Сологуба прекрасным стилистом, может быть, первым в ряду современных писателей» (М. Гофман[97]).

Стиховедческий аспект — один из наиболее сложных в изучении поэтического наследия Сологуба, не только из-за реального объема материалов (более десяти тысяч архивных листов), но главным образом

[94] *Старый Энтузиаст (А. Л. Волынский).* Ф. Сологуб // Жизнь искусства. 1923. № 39. С. 9.

[95] *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х—1925-го гг. в комментариях. М., 1993. С. 267.

[96] Там же. С. 39.

[97] Книга о русских поэтах последнего десятилетия. С. 241—242.

вследствие изощренности и неочевидности его формальных изысков. Поэт, не имевший систематического филологического образования,[98] подходил к версификации не с позиции автодидакта, а как профессиональный филолог-стиховед, он в совершенстве овладел искусством спреццатуры (*ит.* sprezzatura — искусство скрывать искусство; делать что-либо, не придавая значения, ненарочито, без усилия). Однако за его легким, гибким стихом, свободно отвечавшим любым заданным трансформациям, стояла многолетняя повседневная работа мастера.

Стихи Сологуба отличаются тщательно разработанной ритмикой, которую он непрестанно совершенствовал и обогащал, изучая просодию русского стиха. В отличие от В. Брюсова или Андрея Белого поэт не оформил свои стиховедческие наблюдения в законченный труд.[99] Единственное свидетельство его изысканий в области ритмики — незавершенная запись «Размеры стиха» ⟨1890-е⟩[100] (см. *Приложение*). Эта запись, всецело построенная на примерах из лирики Пушкина, эксплицирует просматривающуюся в раннем творчестве Сологуба ориентацию на пушкинский стих.[101] С годами эта связь становилась все более прочной и органичной, но приобретала более тонкие имплицитные формы, свойственные аллюзивной символистской поэтике.[102]

---

[98] Феномен Сологуба, всю жизнь занимавшегося самообразованием, еще раз подтверждает мнение исследователей, что символизм создал новый тип писателя, который не мог обойтись без специальных гуманитарных знаний и должен был иметь университетское филологическое образование (см.: *Панченко А. М., Смирнов И. П.* Мифопоэтические архетипы в русской средневековой словесности и поэзии начала XX в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXVI. Л., 1971. С. 33—34).

[99] Итогом изучения Сологубом русского стиха, вероятно, следует считать составленный им в 1920-е годы проект антологии русской поэзии, см.: *Павлова М.* Проект антологии русской поэзии Федора Сологуба // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. С. 359—372.

[100] *Сологуб Федор.* Отрывки из статей и заметок // ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 522.

[101] Свидетельство современника: «Он любил Пушкина, по-детски, по-институтски. И, виновато улыбаясь, закрывал глаза, просил: — Почитайте... вот это знаете... патриарха монолог... выходит это у вас хорошо. И слушал, сложив руки на груди, откинув голову на спинку кресла, закрыв глаза. И из закрытых глаз иногда текли слезы» (*Рысс П.* Ф. К. Сологуб // За свободу (Варшава). 1927. № 286, 14 декабря. С. 2).

[102] В рецензии на «Пламенный круг» Блок отметил: «Простота, строгость, совершенство форм и какая-то одна трудно уловимая черта легкого, шутливого и печального отношения к миру роднит Сологуба-поэта с Пушкиным» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5 / Подготовка текста Д. Е. Максимова и Г. А. Шабельской. С. 284—289; впервые: Письма о поэзии. 2. «Пламенный круг» // Золотое руно. 1908. № 7—9. С. 97). Тема поэтического диалога Сологуба с Пушкиным до настоящего времени не получила специального всестороннего исследования; анализ пушкинской рецепции в книге стихов «Пламенный круг» предложен Л. В. Евдокимовой в статье «Пушкинская традиция в поэтическом и теоретическом дискурсах. (Диалог Ф. Сологуба и М. Гершензона)» (см.: Рациональное и эмоциональное в

На поэтических автографах Сологуба нередко встречаются записи метрических схем, ритмического рисунка — метра и стопности, по которым он записывал стихотворение. В его ранней лирике представлены практически все актуальные для русской поэзии и редкие ритмические структуры. В метрическом репертуаре немало чисто экспериментальных форм, как например стихотворение «Пролетал по полночному небу сияющий ангел Господний...» (сверхдлинный размер) или нетрадиционный сонет со сверхкороткой строкой (трехстопный ямб):

За мрак изображений
Меня ты не брани, —
Таков мой скорбный гений,
Такие наши дни!

Суровых песнопений
Моих ты не кляни, —
То в мглистости томлений
Горящие огни!

Гореть как можно жарче,
Светить как можно ярче,
Страданий не тая,

За черною горою
Встать красною зарею, —
Вот заповедь моя.

1891

Основной интерес Сологуба сосредоточивался в области рифмы и поэтического языка, о чем он заявил в «программном» стихотворении 1880 года.

РИФМА

Сладкозвучная богиня,
  Рифма золотая,
Слух чарует, стих созвучьем
  Звонким замыкая.
И капризна, и лукава,
  Вечно убегает.

литературе и в фольклоре. Мат-лы IV Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Александра Матвеевича Буланова. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008. С. 199—214).

Гений сам порой не сразу
    Резвую поймает.

Чтоб всегда иметь шалунью
    Рифму под рукою,
Изучай прилежно слово
    Трезвой головою.
Сам трудись ты, но на рифму
    Не надень оковы:
Муза любит стих свободный,
    И живой, и новый.

Поэт старался избегать слабых банальных рифм (тенденция не распространялась на стихотворения «Из дневника», которые изначально подчинялись внехудожественным задачам); в его репертуаре представлены все типы рифмовок: богатые, глубокие, внутренние, — им он отдавал предпочтение; и весьма изысканные, как, например, согласование рифмических цепей в стихотворении «Трава свежа, земля мягка...» (1889) — четные рифмы всех строф связаны ассонансом на — о.[103] Ср.: «33. Стихи на назначенные рифмы: Из перечня рифм / Из данных слов / Из данной прозы / Из данных словарей / На богатые рифмы» (*ТС*).[104]

«Программа» версификации в отношении строфики была направлена на освоение твердых форм: «41. Стихи определенной формы: Сонет / Сонет буриме / Терцины / Октава / Стансы / Куплеты» (*ТС*).

На практике она оказалась более развернутой; в ранней лирике встречаются такие экспериментальные формы, как например венок семистиший — «Вокруг меня немая мгла...» (1889), на две рифмы. Особенность этой формы заключается в том, что каждая новая строфа на-

---

[103] В учебном пособии М. Л. Гаспаров привел это стихотворение в качестве примера в разделе «Согласование рнфмических цепей» (*Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х—1925-го гг. в комментариях. С. 59).

[104] Сологуб был пристрастен к редким и, в частности, омонимичным рифмам; в рабочих материалах эпизодически встречаются записи с перечнями таких рифм; в картотеке этот тип рифмовки выделен в самостоятельную рубрику: «45. Антанаклазис: Лечу — лечу / Платина — плотина / Замок (сущ.) — замок (глагол) / Мой (глагол) — Мой (местоимение) / Вой (существительное) — вой (глагол) / Ной (имя) — ной (ныть) / Рой (сущ.) — рой (глагол) / Косой (прилаг.) — косой (существит. творит. падеж) / Печь — существительное и глагол / Берегу — предл. падеж и глагол / Стану (стан и стать) / Ключ / Коса / В лес — влез / За бор — забор / Заплатою — за платою». В позднейшие годы омонимичные рифмы станут приметой сологубовского стиля.

чинается повторением последнего стиха предыдущей строфы. Сологуб слегка изменил правило, вместо полного повтора предложил вариант строки; стихотворение представляет собой глоссу, но не на заданный текст, как это обычно принято, а, по-видимому, на собственное авторское семистишие, которое осталось ненаписанным (в венке вместо семи — шесть семистиший).

Особое место в планах версификации отводилось фигурам всевозможных повторов, например: «28. Стихи с припевом: / Припев резко отделен: резко отделен и однообразен — с введением слов из песни / Припев вмешан в песню: в конце — в середине — в начале — в разных местах / Повторения не строгие: периодические — случайные» (*ТС*). Среди наиболее оригинальных образцов — шуточная песня в традиции поэтов-«искровцев» «Неусыпный наш директор...» (1891), наставление директора учителям Вытегорской семинарии. Одиннадцать двенадцатистиший, в каждом из которых повторяются заключительные восемь стихов (с вариантом пятого стиха, в первой, второй и заключительной строфах):

Неусыпный наш директор
Ввел отличный строй:
Бдит над школой, как алектор
Над ночною тьмой.
Он находит, что все эти
Бородатые юнцы —
Не большие молодцы, —
Это — дети, дети, дети!
И груба ведь их среда!
Вы ж — лентяи,
Шалопаи,
Господа!

Припев из восьми стихов (курсив мой. — *М. П.*), повторяющийся рефреном одиннадцать раз подряд, вероятно, должен был вызвать чувство однообразия, бессмысленности и скуки учительской жизни/бытия.

Тенденция к повторам, определившаяся в раннем творчестве, впоследствии переросла у Сологуба в самодовлеющую систему[105] (в чем-то похожая картина по описанию А. В. Лаврова прослеживается в лирике

[105] А. Блок в письме к В. Брюсову от 25 апр. 1906 года заметил: «Мне нравятся некоторые стихи Сологуба, хотя и не новые для него. Но ведь он принадлежит к нестареющим в повторениях самого себя» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 152).

Андрея Белого[106]). Поэтика зрелой манеры основывалась на многообразных разноуровневых текстовых повторах и варьировании больших и малых сегментов текста[107] (показательна в этой связи привязанность Сологуба к жанру колыбельной песни и песни с припевом): ассонансы, аллитерации; внутренние, тавтологические и омонимичные рифмы; рефрены и припевы; синтаксический параллелизм; переработка сверхдлинных размеров в полустишия (или растяжка полустиший, при которой фиксируется внутренняя рифма); разработка твердых строфических форм (книга триолетов «Очарования земли. Стихи 1913 года»), многократные переработки стихотворений, публикация синхронных и разновременных редакций; повторы сегментов текста и малых поэтических структур в крупных, с незначительными вариациями (в книгах стихов и в томах собраний сочинений[108]) и т. п., неспособность поставить предел в поисках новых, более совершенных форм стиха, — все эти особенности в совокупности придавали поэтической системе характер пульсирующей, непрестанно становящейся структуры. В авторском дискурсе «творимое творчество» мыслилось как оппозиция Танатосу, как «вечное возвращение»: «И его поэзия есть система: цикл, план, круг. Это круг, потому что начало здесь сходится с концом и потому, что все переживания, в нем вмещенные, тяготеют к центру 〈...〉. И центр этот — единое, всемогущее, все создавшее, все вмещающее Я поэта...» (А. Горнфельд[109]).

«Текучесть», «цикличность» сологубовского текста рельефно проявилась в создании многочисленных вариантов и редакций, каждая из которых фиксировала самостоятельное звено в процессе творческого восхождения — движения к мыслимому поэтом некоему совершенному, универсальному тексту. Объем редакций и вариантов стихотворений раннего периода производит впечатление гигантской творческой лаборатории — индустрии версификации, фактически каждое третье стихотворение в первом томе сопровождается членимой на этапы историей текста.

---

[106] См.: *Лавров А. В.* Ритм и смысл. Заметки о поэтическом творчестве Андрея Белого // Белый Андрей. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. А. В. Лаврова и Джона Малмстада. СПб., М., 2006. Т. 1. С. 8—12 (Новая Библиотека поэта).

[107] Это свойство текста распространяется на художественную прозу Сологуба, см.: *Сысоева А. В.* Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда»: История текста и принципы издания. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

[108] Подробнее см.: *Мисникевич Т. В.* Лирика Ф. Сологуба: Текстологические особенности авторских публикаций // Текстологический временник: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 83—91.

[109] *Горнфельд А.* Федор Сологуб // Русская литература XX века (1890—1910). С. 18.

Многообразие поэтических работ, предпринимавшихся Сологубом, можно свести к двум главным направлениям. Первое подчинялось эксперименту, поиску чистой формы: музыкальности, звучности, выразительности («красивости») стиха. Один из типичных примеров — стихотворение «Майский вечер» («Склонилася гибкая ива...»), опубликованное в двух редакциях, которым предшествовали еще две (все редакции датированы одним днем: 17 февраля 1890), см. с. 480—482 наст. изд.

В основе формального эксперимента — вольное переложение стихотворения «Дремлют плакучие ивы...» (текст приписывают малоизвестному поэту и беллетристу А. В. Тимофееву, 1812—1883), в 1896 году оно было положено на музыку и сразу же стало популярным русским романсом, растиражированным на пластинках в исполнении Вари Паниной. Вероятно, Сологуба привлекла музыкальность чужого текста, и он попытался по инерции его абсорбировать, написать сверху новый, более совершенный, как бы включаясь в поэтическое состязание. При создании редакций поэт двигался от более громоздкой формы — к более лаконичной, от внешней конкретности и «приземленности» содержания — к психологизму с едва уловимым метафизическим подтекстом, возникающим в окончательном тексте за счет кольцевой композиции (и за счет семантики датировки: 17 февраля — день рождения поэта по старому стилю). Тенденция к подобной динамике прослеживается в большинстве ранних стихотворений, подвергавшихся переработке.

Другое направление работы было нацелено на поиск «идеальной» формы для выражения «сакрального» авторского текста-мифа. В 1880—1890-е годы значение такого текста в лирике Сологуба, как нам представляется, закрепилось за «циклом» (название условно), посвященным Ариадне и Лабиринту. «Цикл» образуют самостоятельные стихотворения и несколько синхронных и разновременных редакций: «Ариадна» («Где ты, моя Ариадна?..»), 24 июля 1881; и, с тем же названием, 5 апреля 1882 — оба имеют синхронные редакции; «Где ты, моя Ариадна?..», 7 ноября 1883; две синхронные редакции: «Покинутая Ариадна» («Сны царевны улетели...»), 30 апреля 1886; «Покинутая Ариадна» («Сны внезапно отлетели...»), 30 апреля 1886; «Царевной мудрой Ариадной...» (17 марта—27 апреля 1896).

По отдельности каждый фрагмент лабиринтного «цикла» самодостаточен — транспонирует миф об Ариадне и Тезее в автобиографический текст: «Где ты, моя Ариадна? / Где твой волшебный клубок? / Я в Лабиринте блуждаю, / Я без тебя изнемог!»; «А я — в тиши, во тьме блуждаю, / И в Лабиринте изнемог, / И уж давно не понимаю / Моих обманчивых дорог». Однако в совокупности все эти тексты (зве-

но к звену) приобретают значение авторского мифа о пути,[110] в котором Ариадна выступает и как Парка, плетущая нить судьбы, и как трансцендентная сила — источник высшего знания, и как Муза поэта, дарующая вдохновенье («волшебный клубок») — единственную надежду на выход к свету из мрачного Лабиринта («темницы», бессмысленного блуждания по кругу), и как Психея.[111] Ср. концовки разных редакций:

Где ж ты, моя Ариадна?
Где эта чудная нить,
Чтобы к разумной и светлой
Жизни могла возвратить.

1881

Где же, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

1882

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
О, помоги мне скорее
Выход из мрака открыть!

1883

Паруса их чуть мелькают,
И за милым ее вслед,
Безудержу улетают
Жизни радость, жизни свет.

1886

Парус черный чуть мелькает, —
И за милым вслед спеша,
Улетает, тает, тает
Ариаднина душа.

1886

К началу 1890-х годов формирование поэтической системы Сологуба завершилось, ее дальнейшее развитие будет определяться наращиванием мифопоэтических структур, тенденция к образованию которых наметилась в раннем творчестве в ряде метапоэтических текстов («лабиринтный» цикл и диптих о спящем певце), а также трансформацией, перераспределением и актуализацией основных мотивов, по мере становления авторской мировоззренческой позиции.

---

110 См.: *Максимов Д.* Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Максимов Д. Поэзия и проза А. Блока. Л., 1981. С. 26—28.

111 О значении топоса Лабиринта в лирике Сологуба см.: *Гоздак Агнешка.* Лабиринт и Ариадна: женский персонаж в лирике Федора Сологуба // Meinis tekstas: Suvokimas. Analize. Interpretacija. № 5. Vilnius, 2006. С. 214—219; *Спроге Людмила.* Топос Лабиринта и Круга // Спроге Людмила. Русская поэзия и проза XX века: эпоха символизма и эмиграции. Таллин, 2009. С. 65—70 (гл.: От мотива к текстообразованию).

Таким образом, ко времени своего вхождения в круг поэтов журнала «Северный Вестник» Сологуб прошел непростой, хотя и невидимый для всех путь («Темный путь мой пребудет / Нелюдим и сокрыт»), создал свой поэтический мир и обрел собственный поэтический голос, осознав себя поэтом Лабиринта.

ПРИЛОЖЕНИЕ[112]

Федор Сологуб. Запись «Размеры стиха» ⟨1890⟩

Размеры русского стиха в учебниках подводятся обыкновенно под 5 следующих рубрик:

1, ямб: ∪ —

2, хорей: — ∪

3, анапест ∪ ∪ —

4, амфибрахий ∪ — ∪

5, дактиль — ∪ ∪.

Таким образом, русская стихотворная стопа полагается в 2 или 3 слога. Поэтому многочисленные слова укладываются в эти размеры с некоторым насилием.

Для берегов отчизны дальной

∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪

Ты покидала край чужой

∪ — ∪ — ∪ — ∪ —

Здесь на словах «берегов» и «покидала» приходится по два ударения, что составляет фонетическую нелепость. Нелепость эта усугубляется тем, что, в отношении просодии, и слова «отчизны дальной» и «край чужой» сливаются, каждая пара в один комплекс.

След⟨овательно⟩, в каждом стихе есть по 2 лишних ударения. Очевидно, что оба эти стиха написаны в две стопы по 4 слога:

∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪

∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ —

Детальное рассматривание русских стихов заставляет нас признать существование еще следующих четырех размеров:

6, ∪ ∪ ∪ —

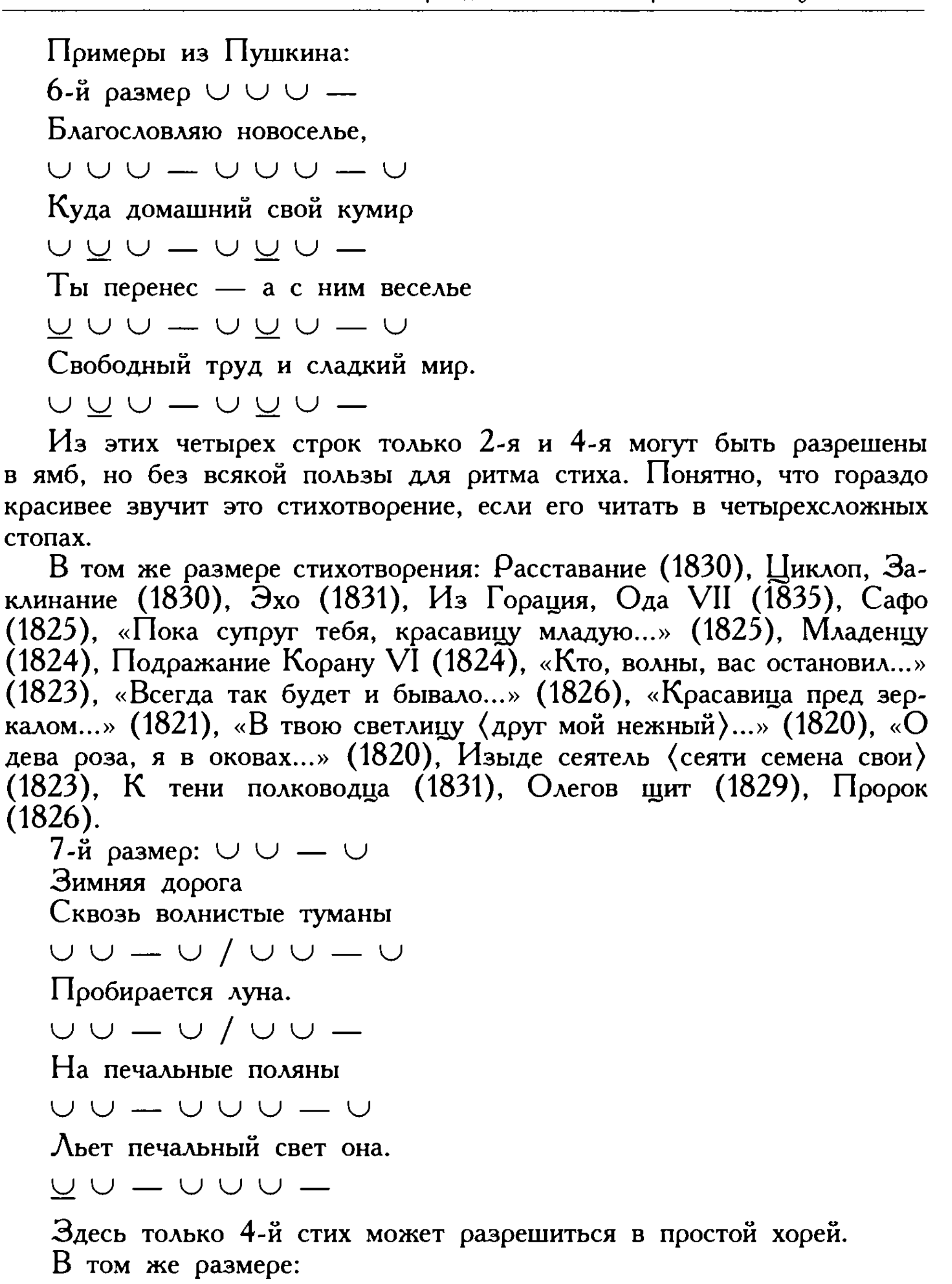
7, ∪ ∪ — ∪

8, ∪ — ∪ ∪

9, — ∪ ∪ ∪

---

[112] Печ. по автографу: ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 522, л. 17—20.

Примеры из Пушкина:

6-й размер ∪ ∪ ∪ —

Благословляю новоселье,

∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪

Куда домашний свой кумир

∪ ∪̲ ∪ — ∪ ∪̲ ∪ —

Ты перенес — а с ним веселье

∪̲ ∪ ∪ — ∪ ∪̲ ∪ — ∪

Свободный труд и сладкий мир.

∪ ∪̲ ∪ — ∪ ∪̲ ∪ —

Из этих четырех строк только 2-я и 4-я могут быть разрешены в ямб, но без всякой пользы для ритма стиха. Понятно, что гораздо красивее звучит это стихотворение, если его читать в четырехсложных стопах.

В том же размере стихотворения: Расставание (1830), Циклоп, Заклинание (1830), Эхо (1831), Из Горация, Ода VII (1835), Сафо (1825), «Пока супруг тебя, красавицу младую...» (1825), Младенцу (1824), Подражание Корану VI (1824), «Кто, волны, вас остановил...» (1823), «Всегда так будет и бывало...» (1826), «Красавица пред зеркалом...» (1821), «В твою светлицу ⟨друг мой нежный⟩...» (1820), «О дева роза, я в оковах...» (1820), Изыде сеятель ⟨сеяти семена свои⟩ (1823), К тени полководца (1831), Олегов щит (1829), Пророк (1826).

7-й размер: ∪ ∪ — ∪

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы

∪ ∪ — ∪ / ∪ ∪ — ∪

Пробирается луна.

∪ ∪ — ∪ / ∪ ∪ —

На печальные поляны

∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪

Льет печальный свет она.

∪̲ ∪ — ∪ ∪ ∪ —

Здесь только 4-й стих может разрешиться в простой хорей.

В том же размере:

Пир Петра Великого, Зимний вечер, 26 мая 1828 года, Предчувствие, Веселый пир, «Надо мной в лазури ясной...», Прозерпина, Стрекотунья белобока, «Вертоград моей сестры...», С португальского, Gonzago, «Рифма — звучная подруга...», «Кобылица молодая...», Делибаш, Цыган («Над лесистыми брегами...»), «Мне не спится, нет огня...», «Пред испанкой благородной...», «В поле чистом серебрится...», LVI ода Анакреона, «Узнаем коней ретивых...», «Бог веселый винограда...», Мальчику (из Катулла), «От меня вечор Леила...», «Отрок милый, отрок нежный».

8-й размер: ∪ — ∪ ∪

Наперсница волшебной старины,

∪ — ∪ ∪ / ∪ — ∪ / ∪ —

Друг вымыслов игривых и печальных,

∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪

Тебя я знал во дни моей весны.

∪ — ∪ <u>∪</u> ∪ — ∪ <u>∪</u> ∪ —

В том же размере: 19 окт⟨ября⟩ 1825 г., 19 окт⟨ября⟩ 1836, «Как сладостно, но, боги, как опасно...» (1818), К портрету Жуковского (1818), «Мне вас не жаль, года весны моей...» (1820), Желание (1821), К моей чернильнице (1821), Коварности (1824), «Лишь розы увядают...» (1825), «Я вас любил: любовь еще, быть может...».

9-й размер: — ∪ ∪ ∪

⟨обрыв текста. — *М. П.*⟩

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

В настоящем издании поэтическое наследие Федора Сологуба представлено во всей полноте, насколько это позволили имеющиеся доступные рукописные и печатные источники, и в хронологической последовательности произведений. В него не вошли стихотворные переводы поэта, но только его оригинальные произведения и авторские переложения.

Собрание стихотворений издается в трех томах. В первый том включены стихотворения и поэмы 1877—1892 гг., во второй — 1893—1913 гг., в третий — 1914—1927 гг. Варианты и примечания печатаются в конце каждого тома.

В основу издания легли материалы личного фонда Федора Сологуба, хранящегося в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Наиболее значимую в данном случае часть этого архивного фонда представляет собрание поэтических текстов и прежде всего подготовленные самим поэтом «Материалы к полному собранию стихотворений» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 1—6; далее: *МПСС*). В 2009 г. этот корпус пополнился благодаря новонайденным материалам, эти архивные единицы были присоединены к ед. хр. 1 и получили шифры: ед. хр. 1, часть 2 (сокращенно: 1(2); машинопись) и ед. хр. 1 а (рукописи), ед. хр. 1 первоначального состава преобразована в ед. хр. 1 (1).

МПСС включают семь папок — собрание авторизованных машинописных текстов стихотворений 1878—1927 гг., расположенных в алфавитном порядке первой строки, от «А» до «Я», со сквозной авторской нумерацией текстов в ед. хр. 2—6 (от № 1 до № 2049); ед. хр. 1 (1) включает два параллельных не совпадающих по составу собрания машинописных текстов, расположенных в алфавитном порядке первой строки:

от «А» до «Ч» и от «А» до «О»; оба собрания — с архивной пагинацией (394 листа и соответственно 277 листов); в ед. хр. 1 (2) машинописные тексты имеют также сквозную архивную пагинацию (всего 1601 лист). Значительная часть стихотворений представлена в нескольких машинописных экземплярах (возможно, Сологуб планировал рассортировать *МПСС* в хронологической последовательности[1]). Копии содержат варианты и другие редакции текста. В отдельных случаях машинописные листы заменены страницами из опубликованных книг стихов, в единичных случаях — вырезками из повременных изданий и автографами. На многих листах имеется восстановительная правка, позволяющая воспроизвести ранние редакции и варианты текстов. Помимо этого, машинописные тексты сосредоточены в авторских подборках: ед. хр. 7 (42 листа авторской нумерации), ед. хр. 10 а (181 лист, из них 35 — переводы), ед. хр. 24 а (цикл «Анастасия», 25 листов; содержит отдельные варианты машинописных текстов основного корпуса).

Собрание автографов стихотворений (26 папок, которые условно можно назвать рабочими тетрадями: ф. 289, оп. 1, ед. хр. 1 а, 8—29, 33, 35, 38) сохранилось не в полном объеме, существенные лакуны имеются в текстах 1883—1892, 1918—1920 гг. Автографы в рабочих тетрадях расположены в хронологической последовательности (за редкими исключениями) и пронумерованы Сологубом. Во многих случаях датированы отдельные стихи и строфы. Завершенные стихотворения расположены в тетрадях по последней зафиксированной дате; произведения, которые автор считал незавершенными, отнесены на начальную дату работы над текстом. Значительная часть рукописей представляет собой вырванные из тетрадей или блокнотов листы, на которых в подбор в хронологической последовательности и со сквозной нумерацией в пределах каждой рабочей тетради записывались стихотворения. В тексты вносилась правка, а затем стихотворение переписывалось на отдельный лист (в дальнейшем оно могло также подвергаться изменениям). Стихотворения 1926—1927 гг. сохранились в цельных тетрадях.

На полях рукописей имеются авторские маргиналии и сведения о передаче текстов для публикации в издательства и в повременные изда-

[1] В. Ф. Боцяновский в воспоминаниях о визите к Сологубу (после 1921 г.) сообщает: «Однажды вечером я застал его за разбором рукописей его стихотворений, которые он располагал в строгом хронологическом порядке. „В порядок привожу, — пояснил он мне, — на всякий случай“» (*Боцяновский В. Ф.* Ушедшие. Воспоминания о Федоре Сологубе, Евтихии Карпове, Александре Измайлове // ИРЛИ, ф. 439, оп. 1, ед. хр. 122).

ния. В отдельных случаях автографы подписаны не основным псевдонимом (*Федор Сологуб*) или криптонимами (*Ф. Т.*, *Ф. С.*), а использованными в единичных случаях, например: Ф. К. Морозов, Иван Шумаев, К. Двукраев, Ф. Холова, Тер-ников и др. Верхний слой правки в автографах, как правило, соответствует нижнему исходному слою текста машинописи, верхний слой исправленной машинописи — окончательному тексту или одной из печатных редакций.

Среди основных источников, наряду с *МПСС* и собранием автографов стихотворений, — авторская библиографическая картотека стихотворений (ф. 289, оп. 1, ед. хр. 543—544). Картотека состоит из двух каталогов — алфавитного (в алфавитной последовательности по первой строке) и хронологического. Карточки не имеют нумерации.

Алфавитный каталог включает три раздела: 1) стихотворения, вошедшие в тома собраний сочинений; 2) стихотворения, опубликованные в авторских книгах стихов и повременных изданиях, сборниках и альманахах; 3) ненапечатанные стихотворения. Каждый из них представлен рукописными карточками с авторскими пометами об отсылках стихотворений в печать и публикациях. Хронологическая картотека фиксирует дату (или даты) написания стихотворения, порядковый номер в последовательности текстов указанного дня, если их было написано несколько, отсылки на другие редакции текста, в единичных случаях — сведения об отсылке в орган печати и публикации. В отдельных случаях на оборотах карточек имеются авторские записи, выписки и заметки (при необходимости они приводятся в примечаниях к текстам).

В картотеке не зафиксированы стихотворения, написанные во время предсмертной болезни, т. е. во второе полугодие 1927 г. Кроме того, в ней не нашли отражения стихотворные записи в альбомах, многочисленные экспромты, а также стихотворения с обсценной лексикой, имеющиеся в неавторизованных списках в дневниках Ф. Ф. Фидлера, но не представленные в автографах в архиве Сологуба. Этот факт тем более удивителен, что на поэтических вечерах у К. К. Случевского Сологуб появлялся, как правило, с уже заготовленным экспромтом (в рабочих тетрадях сохранились автографы стихотворений, сделанные под копировальную бумагу с пометой «У Случевского»).

Материалы второго по объему собрания авторизованных поэтических текстов Ф. Сологуба, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 482), изученные и опубликованные Г. Пауэр в книге: *Федор Сологуб*. Неизданное и несобранное / Herausgegeben von Gabriele Pauer. München, 1989; серия «Slavistische Beiträge». Bd. 245, — фрагментарны и практически полностью

продублированы в *МПСС*. В настоящем издании они были учтены в случаях разночтений с основными источниками.

Отдельные поэтические произведения Ф. Сологуба, экспромты, стихотворные записи в альбомах (опыты коллективного творчества с его участием в настоящее издание не включены), рукописные сборники, макеты книг и списки из других личных фондов и архивов (ИРЛИ, Российская национальная библиотека, Российская государственная библиотека, Государственный Литературный музей) включены в основной корпус в случаях отсутствия текста в основном фонде ИРЛИ; имеющиеся разночтения учтены в разделе «Другие редакции и варианты». Как правило, это единичные стихотворения, за исключением цикла «Из Дневника» (64 текста), находящегося в составе фонда Р. В. Иванова-Разумника (ИРЛИ, ф. 79).

В издании Ф. Сологуба, выпущенном в серии «Библиотека поэта», тексты располагаются не по принципу выделения двух самостоятельных разделов, наиболее распространенному в научных комментированных изданиях: «Основное собрание» и «Стихотворения, не включенные в авторские книги», — а строго по хронологии, без разделения законченных текстов на печатавшиеся и неопубликованные.[2] Такой композиционный принцип был избран составителем книги М. И. Дикман как наиболее приемлемый для издания лирики Сологуба, поскольку он не идет вразрез с авторской волей и позволяет восстановить адекватную картину творческой эволюции.

Поэтическое наследие Ф. Сологуба велико. При его жизни было издано 18 сборников оригинальных стихотворений, а также три книги стихов в собрании сочинений издательства «Шиповник»: т. I, V и IX (два из них отличны по композиции от «сиринских» томов) и пять оригинальных книг стихов в собрании сочинений издательства «Сирин»: т. I («Лазурные горы»), V («Восхождения»), IX («Змеиные очи»), XIII («Жемчужные светила»), XVII («Очарования земли»).

Большое количество стихотворений, опубликованных в периодической печати, поэт не включил в книги. В «основное собрание» вошло 1346 текстов, что составляет примерно две трети опубликованных при жизни Сологуба и менее половины всех стихотворных произведений, со-

---

[2] Хронологический принцип композиции был принят в первом посмертном издании лирики поэта: *Сологуб Федор*. Стихотворения / Вступ. статья и редакция текста Ореста Цехновицера. Л.: Советский писатель, 1939 (Библиотека поэта. Малая серия). Во внутренней рецензии на подготовленное издание В. Н. Орлов писал: «Хронологический принцип расположения стихов в отношении Сологуба вполне уместен» (ИРЛИ, ф. 841, ед. хр. 38, л. 3).

зданных поэтом за пятьдесят лет творческой жизни с 1877 по 1927 г. (более 3000).

Воспроизведение книг Ф. Сологуба в хронологии их выхода в свет привело бы к непропорциональному увеличению второго раздела — стихотворений, не включенных в авторские сборники. Кроме того, Ф. Сологуб нередко включал ранее напечатанные в авторских сборниках стихотворения в состав своих новых поэтических книг. Принцип выделения двух традиционных разделов неизбежно привел бы к многократному воспроизведению одних и тех же стихотворений внутри «основного собрания» в различных авторских композициях. Значительная часть текстов без каких-либо изменений была бы напечатана в издании дважды, а некоторые из них даже по четыре и пять раз (прежде всего из числа входящих в сборники «Родине», «Соборный благовест» и «Великий благовест»).

Воспроизведение в издании «основного собрания», очевидно, имело бы смысл при наличии фиксированной и окончательной авторской воли в отношении состава и композиции книг или циклов. Между тем Сологуб к этому не стремился, при переизданиях в виде исключения он сохранял лишь один цикл — «Звезда Маир», который, однако, варьировался по составу: дважды печатался в составе 6 стихотворений, дважды — в составе 7 стихотворений и дважды в составе 5-ти. В единственный переизданный при жизни сборник «Пламенный круг» (2-е изд.: Берлин; Пб.; М., 1922) Ф. Сологуб внес незначительные коррективы. Он компоновал поэтические сборники более или менее произвольно (по словам В. Ходасевича, «составлял книги приблизительно так, как составляют букеты»[3]), свободно сочетал принцип хронологии и «общность настроения» стихотворений, мог поручить Ан. Чеботаревской заботу о составлении книги (ею сформированы сборники «Земля родная», «Фимиамы», «Соборный благовест», «Небо голубое»),[4] позволял изменять композицию сборника редактору,[5] нередко разрушал ранее сформировавшиеся циклы ради создания нового художественного единства.

Поэзия Ф. Сологуба не ассоциируется с лирическими циклами и очень избирательно ассоциируется с поэтическими книгами, в отличие,

---

[3] *Ходасевич В.* Сологуб // Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 109.

[4] *Сологуб Ф.* Поминальные записи об Ан. Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 380—381.

[5] В период подготовки к печати в издательстве «Скорпион» «Собрания стихов. Кн. 3 и 4. 1898—1903» Ф. Сологуб писал В. Брюсову: «...ничего не имею против расстановки стихотворений в том порядке, который вы найдете лучшим, против разбивки на строфы и т. п.» (письмо от 31 августа 1903 г.: РГБ, ф. 386, карт. 103, ед. хр. 25, л. 27).

например, от лирики К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока, Андрея Белого, А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама. Поэтическое творчество Ф. Сологуба — это прежде всего лирический дневник за пятьдесят лет, и тем самым идея формирования его стихотворений по хронологическому принципу представляется наиболее удачной, наиболее адекватно отражающей авторский замысел. Автографы его стихотворений пестрят датировками, иногда они сопровождают каждую написанную строфу. Поэту было важно зафиксировать во времени каждый момент творческого процесса. Об этом по-своему свидетельствует составленная им авторская хронологическая картотека поэтических текстов, в которой иногда под одной датой приводится целый перечень стихотворений с порядковыми номерами их написания; иногда — пустые карточки с определенной датой, но с номером — для еще ненаписанного стихотворения, которое было задумано и должно было появиться.

В Полном собрании стихотворений и поэм Ф. Сологуба все произведения располагаются по хронологическому принципу.

В конце второго и третьего томов помещена роспись содержания книг стихов в хронологической последовательности их появления, с воспроизведением авторских предисловий и дополнительными сведениями по истории формирования сборников и обзором прижизненных критических откликов.

Для творческой манеры Ф. Сологуба характерно многократное обращение к тексту произведения; автографы его ранних стихотворений нередко содержат правку, сделанную в 1920-е гг. (многие из них записаны на оборотах машинописных текстов позднейшего времени). Поэт стремился сохранять все возникавшие в ходе работы варианты текста, все самостоятельные редакции стихотворений. Как правило, первоначальный рукописный текст правился, затем перебелялся и после дополнительных исправлений переписывался на машинке; в машинописный вариант нередко вновь вносились коррективы, затем текст перепечатывался по верхнему слою правки. Большой массив стихотворений в *МПСС* содержит восстановительную правку, фиксирующую предшествующие варианты и редакции текста: как правило, после измененного фрагмента поэт ставил цифру или звездочку, на полях под этой цифрой (звездочкой) записывал вариант, который в свою очередь мог содержать восстановительную правку. За редкими исключениями, восстановительная правка передавала движение от редакции к предыдущему тексту и затем к еще более раннему.

Работу над *МПСС* Ф. Сологуб продолжал до последних дней жизни, фиксируя различные стадии в работе над текстом, создавая новые версии произведений, в том числе неоднократно публиковавшихся. Ко-

эффициент переработанных стихотворений в соотношении со стихотворениями, существенной правке не подвергавшимися, у него чрезвычайно высок, среди них немало переработанных радикально. Многие позднейшие версии текстов не были доведены до публикации и представлены только в *МПСС*. Авторская воля Ф. Сологуба относительно эдиционной судьбы его поэтического наследия осталась неизвестной (мы не знаем, в каком реальном объеме и в каком составе он предполагал использовать материалы поэтического архива в задуманном итоговом собрании).[6] Несмотря на это обстоятельство, мы имеем все основания воспринимать *МПСС* как целостную структуру — обширную творческую лабораторию, несущую информацию об авторском замысле Полного собрания стихотворений и до известной степени отражающую последнюю авторскую волю в отношении переработанных текстов.

В настоящем издании в основной корпус помещены все самостоятельные редакции стихотворений. Мы сочли допустимым включить в основной корпус редакции, которые фактически представляют собой разные разработки одной и той же темы. Сохранение в традиционном виде раздела «Другие редакции и варианты», обещавшего быть колоссальным по объему в том случае, если бы в основном корпусе воспроизводилась одна-единственная редакция того или иного поэтического текста, могло привести к возникновению в издании (главным образом для стихотворений, созданных в 1880—1890-е годы) двух параллельных комплексов более или менее совпадающих между собой текстов.

Самостоятельные редакции устанавливаются по следующим критериям: 1) наличие существенных изменений в семантике текста; 2) использование переадресовки: «Идет он, братьев утешая...» («Песни», 5 февраля 1879) — «Идешь ты, братьев утешая...» («Поэту», 29 апреля 1879); «Ее покоя не смущай...» — «Покоя мертвых не смущай...» (обе редакции с общей датировкой: 27 июля 1894); 3) изменение стихотворного размера; 4) объем построчной правки, превышающий 50 % текста (мы выносим подобные прецеденты в раздел «Другие редакции и варианты», если произведенная правка являлась формальной и не вносила существенных изменений в содержание).

При наличии нескольких неопубликованных редакций произведения, имеющих существенные различия с основным текстом, но по отношению

[6] В сентябре 1927 г., за два месяца до смерти, в письме к В. В. Вересаеву Ф. Сологуб предлагал Госиздату обсудить план собрания сочинений с обновленными томами лирики, однако никаких конкретных заявлений о содержании этих томов он не сделал (текст письма см. во вступ. статье М. М. Павловой к публикации: *Сологуб Федор*. Неизданные стихотворения 1878—1927 гг. С. 8).

друг к другу являющихся вариантами, в основной корпус, за редкими исключениями, включалась наиболее ранняя из них (такие редакции устанавливаются по нижнему слою автографа — исходно белового, в который затем вносилась разновременная правка).

Разновременные самостоятельные редакции расположены в издании по хронологическому принципу под соответствующим порядковым номером; редакции стихотворений, отнесенные автором на одну дату, помещены под одним номером с дополнительными литерами «А, Б, В...», в порядке от более ранней к более поздней. Например, стихотворение «Склонилась плакучая ива...» (№ 536) представлено в основном корпусе четырьмя самостоятельными редакциями с общей датировкой: 17 февраля 1890. Ранние редакции воспроизводятся: первая по исходному беловому автографу («А» — «Склонилася гнуткая ива...») и вторая — по автографу с учетом поздней правки («Б» — «Был вечер задумчивый мая...»), третья редакция — по тексту первой публикации («В» — «Майский вечер» («Склонилася гибкая ива...»)), четвертая — по тексту, напечатанному в *ССС XIII* («Г» — «Склонилась плакучая ива...»).

Стихотворения в издании датированы на основании данных, зафиксированных в автографах, авторизованных машинописных текстах и в авторской библиографической картотеке (в стихотворениях, опубликованных при жизни поэта без датировки, дата под текстом обозначается без редакторских скобок). Различия в датировках одного и того же текста оговариваются в примечаниях. Если картотека фиксирует более ранние даты написания текста, не указанные при самом тексте, они обозначаются под стихотворением без дополнительных оговорок; если в картотеке приводятся более поздние даты написания текста, не зафиксированные в автографах и машинописях, то эти данные сообщаются в примечаниях. Дополнительные топографические и хронологические сведения (например, порядковый номер в последовательности текстов указанного дня), занесенные в картотеку, приводятся под текстом без оговорок. Часть стихотворений датируется по местоположению автографа в хронологическом ряду, археографическим признакам, косвенным свидетельствам, а также по первой публикации; в этих случаях даты под текстом заключаются в угловые скобки, обоснование датировки дается в примечаниях. Авторская особенность двойных датировок произведений 1918—1927 гг. по старому/новому стилю сохраняется. Недатированные стихотворения, время написания которых исследовательским путем установить не удалось, помещены в отдельной рубрике в третьем томе.

Основной текст, за исключением тех случаев, когда произведение представлено в нескольких редакциях, устанавливается по последнему

авторизованному изданию, с внесением исправлений очевидных опечаток. Если произведение при жизни Ф. Сологуба не печаталось, то источником текста является авторизованная машинопись (верхний слой правки), поскольку машинописный текст был влит в *МПСС* после перепечатки с автографа. При отсутствии стихотворения в *МПСС* и наличии автографа основной текст устанавливается по верхнему слою автографа (при наличии нескольких автографов — по самому позднему из них). В редких случаях отсутствия авторизованных источников и наличия неавторизованных списков произведение воспроизводится по списку (например, по тексту дневников Ф. Ф. Фидлера. — ИРЛИ, ф. 649). Из стихотворений, включенных в романы и рассказы, представлены только те, которые имеют самостоятельный смысл вне прозаического текста.

Для настоящего издания все тексты, опубликованные впервые в современных научных изданиях, были выверены заново по архивным источникам и снабжены текстологическим описанием.

Все стихотворные произведения печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации, за исключением немногих случаев, когда исправление могло привести к нарушению стихотворного ритма, а также с сохранением отдельной особенности авторской пунктуации: запятой перед союзом «и» при однородных членах в сложносочиненных конструкциях.

Для удобства сопоставления вариантов и ссылок в примечаниях с основным текстом для произведений, превышающих объемом 24 строки, введена нумерация стихов. В разделе «Другие редакции и варианты» номера стихов без скобок соответствуют стихам основного текста, в скобках — в редакциях и вариантах.

В разделе «Другие редакции и варианты» зафиксированы все имеющиеся разночтения в автографах и авторизованных текстах: немногочисленные разночтения (как правило, до пяти стихов) приводятся в примечании, более пространные отнесены в раздел «Другие редакции и варианты» (на их наличие указывает значок астериска (*) при порядковом номере примечания к тексту). Промежуточные варианты черновых автографов, а также машинописных и печатных текстов с восстановительной правкой приводятся избирательно, о наличии неучтенных промежуточных вариантов свидетельствует значок: Δ.

Варианты приведены с указанием источника: автограф, машинописный текст, публикация. Заглавие стихотворения, эпиграф, посвящение указываются в случаях их наличия; их отсутствие специально не оговаривается. Варианты и послойные разночтения расположены в хронологическом порядке, для обозначения которых приняты условные обозначения: *А* — ранний слой, предшествующий основному тексту; *А1*, *А2*,

А3 — промежуточные слои правки, от раннего к позднему; *Б* — поздний слой по отношению к основному тексту.

При публикации вариантов черновых автографов в случаях, когда в результате последовательных изменений стих приведен к виду, совпадающему в чтении с основным текстом, этот окончательный вариант, представленный в основном корпусе издания, не воспроизводится, вместо него в конце последнего приведенного варианта ставится знак ◊.

Если в ходе правки начальный или промежуточный вариант стиха совпадает с основным текстом этого стиха, то он не воспроизводится, а заменяется формулировкой: *как в основном тексте*. Если в аналогичной позиции данный вариант соотносится не с основным текстом, а с другой редакцией текста, он обозначается формулировкой *как в тексте*.

Нумерация стихов другой редакции, имеющей композиционное отличие от основной редакции, во избежание смешения их со стихами основного текста дана в скобках.

Отсутствие в авторской рукописи начала или середины стиха передается пробелом; отсутствие в группе стихов целого стиха, наличие которого предполагается содержанием и строфикой текста, оформляется пустой строкой, заключенной в угловые скобки.

В прямые скобки [ ] заключены слова, зачеркнутые автором. В угловые скобки ⟨ ⟩ заключены слова, вводимые в текст редактором, а также расшифровки недописанных автором или поврежденных в источнике слов, восстановленных по догадке.

Все текстологические аннотации и сигловые обозначения в разделе «Другие редакции и варианты» набраны *курсивом*.

Слова, чтение которых предположительно, сопровождаются вопросительным знаком в угловых скобках: ⟨?⟩.

Не разобранные в автографе слова обозначаются: ⟨*нрзб.*⟩; если не разобрано несколько слов, то указывается их число, например: ⟨*2 нрзб.*⟩.

Ударения в стихах поставлены в тех случаях, когда они обозначены в рукописи самим Сологубом, а также при несовпадении ударений с общеязыковой нормой, например: «Пятью восемь сорок! / Лес пиши чрез ять! / Филин ночью зорок! / Припять, не Припя́ть!» («Пятью восемь сорок!..», 13 марта 1885).

«Примечания» содержат сведения о первой публикации, далее через тире в хронологической последовательности перечислены все воспроизведения стихотворения в авторских книгах стихов, газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и сборниках, с указанием ва-

риативных текстологических особенностей: наличие заглавия (выделяются полужирным шрифтом), посвящения, подписи, строфического деления, отличного от основного текста, разночтения в пределах одного стиха, — а также сведения о публикациях текста в современных научных изданиях. Если в последнем случае публикация стихотворения содержит отличия от текста основного корпуса, об этом сообщается в примечании в скобках. Библиографическая отсылка на *ССНЧ* приводится только для вариантов, впервые опубликованных в этом издании.

Вслед за указанием публикаций в примечании сообщаются сведения о рукописных источниках — автографах и авторизованных машинописных текстах произведения, их местонахождение и архивный шифр (при отсутствии номера фонда и описи в указании источников текста подразумевается фонд Ф. Сологуба: ф. 289, оп. 1), дается краткая характеристика археографических особенностей оригинала: черновой автограф, беловой автограф, наличие и характер правки (карандашная правка, как правило, свидетельствует о позднейшей переработке текста). Если автограф записан не чернилами, как в подавляющем большинстве случаев, а карандашом, а также если разновременные слои правки записаны разными по цвету чернилами, то это специально оговаривается. О количестве машинописных копий сообщается лишь в тех случаях, когда между ними имеются разночтения. Далее в примечании приводятся варианты заглавия оригинала, первого стиха библиографической картотеки, различия в датировках автографа, машинописи и картотеки, датировки отдельных строф и стихов автографа и машинописи. При отсутствии датировки в одном из источников, а также в тех случаях, когда датировки были вписаны в машинописный текст от руки позднее, в примечании вводятся данные обеих авторских библиографических картотек. Отдельной строкой сообщаются сведения о наличии автографов и авторизованных машинописных текстов стихотворения в личных фондах поэта в РГАЛИ, РНБ и других архивохранилищах. Вслед за указанием рукописных источников воспроизводится содержание авторских помет, с обозначением источника (автограф, машинопись, картотека). Сокращенные написания фамилий лиц, названий газет, журналов, альманахов и издательств в авторских пометах раскрываются без угловых скобок, когда их прочтение не вызывает сомнений (способы сокращения в автографах, машинописных текстах и на карточках различны). Многократно встречающиеся в авторских пометах имена издателей, редакторов, составителей альманахов и сборников поясняются при их первом упоминании. Помета «Напечатано» приводится лишь в тех случаях, если текст при жизни автора не был опубликован или публикация его не обнаружена. Пометы на автографах,

машинописных текстах и карточках авторской библиографии, не относящиеся к данному тексту, в текстологических комментариях не приводятся.

Далее следует указание источника, по которому произведение печатается в настоящем издании («Печ. по...»), затем приводятся варианты текста. В примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты» фиксируются только лексические варианты; варианты пунктуационные и графические не воспроизводятся.

При комментировании особое внимание уделялось биографическим мотивам и реалиям, толкование которых требует специальных разысканий. Исторические персонажи и события, мифологические и литературные герои и сюжеты прокомментированы избирательно, преимущественно в тех случаях, когда без дополнительных пояснений может остаться невоспринятым неочевидный смысл текста.

В разделе «Дополнения» помещены другие редакции и варианты и стихотворения, приписываемые Ф. Сологубу; в том числе те, которые включены в его прозаические тексты и предполагают его авторство, но не зафиксированы в библиографической картотеке. В разделе «Приложения» — список ненайденных поэтических произведений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

алф. карт. — алфавитная картотека

Ап — авторские пометы, содержащие сведения о датировках и названиях изданий, куда было отослано стихотворение

вар. — вариант

ДРиВ — Другие редакции и варианты

Загл. — заглавие

испр. — исправлено

маш. — авторизованный машинописный текст

нрзб. — неразборчиво

Печ. — авторизованный печатный источник

примеч. — примечание

ред. — редакция

ст. — стих

ст-ние — стихотворение

хрон. карт. — хронологическая картотека

I, II, III — тома настоящего издания

ПРИМЕЧАНИЯ

1*. *Ежегодник 2009—2010*. С. 450.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 1 (беловой, с правкой; первый текст в юношеской тетради, записан под № 27). Подпись: *Ф. К. Морозов*. В алф. и хрон. карт. басня зафиксирована по первой строке первонач. ред.: «Однажды так мудрец, сидя на чердаке, какой-то рассуждал».

Печ. по верхнему слою автографа.

2*. *Ежегодник 2009—2010*. С. 451.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 3 об. (беловой, с правкой; в юношеской тетради записан под № 31). Подпись: *Ф. К. Морозов*. Хрон. карт. — на обороте газетной вырезки из «Новой Жизни» за 11 апр. 1906.

Печ. по верхнему слою автографа.

Мне снились дивные виденья... ~ ... И чистый гений красоты... — Перепев ст-ния А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...»), 1825; ср.: «Как гений чистой красоты», «И снились милые черты».

3. *Ежегодник 2009—2010*. С. 452.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 3 об. (беловой, в юношеской тетради записан под № 32). Подпись: *Ф. К. Морозов*.

Печ. по автографу.

4. *Ежегодник 2009—2010*. С. 453.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 6 об. (беловой, с правкой). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 2: «Я любви прошу у неба», ст. 3—4: «Но напрасно я прошу: / Я души живой не вижу».

Переделка ст-ния Н. А. Некрасова «Черный день! как нищий просит хлеба...» (⟨1877⟩).

5. *Ежегодник 2002*. С. 168.

Автограф: ед. хр. 1 а, 8 (беловой), датировка: *21 апреля 1878*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 685, ед. хр. 3, л. 755; датировка вписана карандашом. Дата алф. и хрон. карт.: *21 апреля 1878*.

Печ. по машинописи. Вар. ст. 7 автографа: «Ведь над шарманщиком будет смеяться».

6*. *НС.* С. 14.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 7—7 об. (беловой, правка синхронная чернилами, поздняя — карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1002 (правка карандашом в эпиграфе, было: *...Жизнедавче*); ед. хр. 3, л. 1165. Хрон. карт. без заглавия.

Печ. по машинописи.

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче. — Первый стих молитвословия из Постной Триоди; поют в храме в подготовительные седмицы к Великому посту, начиная с первой Недели о мытаре и фарисее (в этот воскресный день читается Притча о мытаре и фарисее: Лк. 18: 10—14) до воскресенья 5-й недели. Переложение покаянного тропаря.

7*. *НС.* С. 14.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 7 об. (беловой, поздняя правка карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 683 (графич. вар. — *как в автографе*), 2) ед. хр. 3, л. 752.

Печ. по машинописи 1.

8. *Ежегодник 2009—2010.* С. 452.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 10 (правка черными чернилами и карандашом).

Датировка автографа и хрон. карт.: *Весна 1878*; в алф. карт. с отсылкой на ред. «От шумной жизни я бежал...», *21 июля 1883.*

Печ. по автографу.

Первонач. вар.: ст. 3: «И вдалеке от всех, и без оков», ст. 6—8: «И всех людей возненавидел, / Один бродить ⟨*так!*⟩ в лесу в тиши ночей, / И слушал все, и все я видел».

9*. *НС.* С. 15 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 5 (черновой, фиолетовыми чернилами, правка черными чернилами, текст приведен к основному); заглавие: **Мечты;** под датировкой черными чернилами вписан петербургский топоним: *Таврический Сад*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1407, ед. хр. 5, л. 1742. Машинопись и хрон. карт. без заглавия, алф. карт. с заглавием: **Мечты;** машинопись, алф. и хрон. карт. без топонимической пометы.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи.

10. *Ежегодник 2002.* С. 168.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 5 об.—6 (правка карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1319, ед. хр. 4, л. 1569.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. автографа: ст. 2—4: «Остановись, родимая страна: / Вся ранами покрытая / Близка от страшной гибели она»; ст. 11—12: «Толпы народа мрачного / К спокойному пристанищу идут»; ст. 14: «От фимиама радостных побед».

Стой, солнце... — Цитата из Библии: «Стой, солнце, над Гаваоном!» (Ис. Нав. 10: 12). *Хвалебным дымом радостных побед...* — Имеется в виду победа России в войне с Турцией 1877—1878 гг.

11*. *Ежегодник 2002*. С. 169.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 6 (беловой, синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом), датировка: *20 июня 1878*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1539, ед. хр. 6, л. 1932; датировка: *20 июня 1878*. Первонач. дата алф. и хрон. карт.: *28 июня 1878* (зачеркнуто). Хрон. карт. без заглавия.

Печ. по машинописи. Вар. автографа, ст. 12: «Идет, путь гибельный избрав»; ст. 18: «Я на нее с презреньем поглядел».

12. *НС*. С. 15.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 9 (фиолетовыми чернилами, правка карандашом, текст приведен к маш.); рядом с датой черными чернилами вписано: «начато в церкви Всех скорбящих Божией Матери». Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 425, ед. хр. 2, л. 462. Датировка автографа и машинописи: *24 июня 1878*. Дата хрон. карт. (2 карточки): 1) *24 июня 1878, 21 ноября 1879*; 2) *21 ноября 1879*, с отсылочной пометой на ред. *24 июня 1878*. Дата алф. карт.: *24 июня 1878, 21 ноября 1879*.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи. Промежуточн. вар. автографа, ст. 4 (2): «Удел угрюмый: все молчать».

Ап: «24 июня, начато в Церкви Всех Скорбящих ⟨Радость⟩ Божьей Матери» (хрон. карт., карточка 1). Вероятно, имеется в виду храм Божией Матери Всех Скорбящих Радость (1863; архитектор И. А. Варнек) при Калинкинской больнице, располагавшейся на набережной реки Фонтанки (д. 166); в начале 1870-х гг. Тетерниковы жили неподалеку — в Климовом переулке, на квартире вдовы коллежского асессора Г. М. Агаповой.

Ср. №. 72.

13*. *НС*. С. 16.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 9—9 об. (беловой, синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом; ст. 3, 7, 11, 20, 22, 29, 34 вписаны чернилами; ст. 37, 49 — карандашом; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 493—494, ед. хр. 2, л. 545.

Печ. по машинописи. Между ст. 59 и 60 было: «Весною навещу тебя» (запечатано).

Яр-Хмель, или Ярила, Яровит, — славянское божество пробуждающейся природы, весеннего солнца; соотносится с античным Дионисом, см.: *Наговицын А*. Ярила, Дионис и боги их круга // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 8. М.: Менеджер, 1999. По мнению А. А. Левицкого, текст восходит к ст-нию Г. Р. Державина «Стихи на рождение порфирородного отрока декабря во второй на десять день, в который солнце начинает возврат свой от зимы на лето» (1779) (*Левицкий Александр*. «Бедный, слабый воин Бога»... // Федор Сологуб: Биография. Творчество. Интерпретации. Мат-лы IV Междунар. науч. конф. / Сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 193).

14. *Ежегодник 2009—2010*. С. 453.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 6 об. (беловой, фиолетовыми чернилами; правка — черными чернилами и карандашом). Хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Первонач. вар., ст. 1—4: «С глубокой скорбью я взираю / На жизнь порока и стыда, / И с увлеченьем ожидаю / Я жизни славы и добра»; ст. 9: «Я признаяя ⟨*так!*⟩ разврат постыдным».

Я проклинаю свой порок... — Лейтмотив ранней лирики Сологуба, получивший оформление в незавершенной поэме «Одиночество» (1882) и незаконченном психофизиологическом очерке «Об одиночестве» (1881), см. текст поэмы (№ 155) и примечания к ней.

15. *Ежегодник 2009—2010.* С. 453.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 10 об. (беловой, правка карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 5: «Мгла лежит немая».

16*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 454.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 10 об.—11 (беловой, синхронная правка чернилами, поздняя — черными чернилами и карандашом).

Печ. по верхнему слою автографа.

Восходит к широко известному в русских переводах ст-нию И. В. Гете «Песня Миньоны» («Kennst du das Land...») из романа «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (1795). Возможно, авторское переложение ст-ния А. К. Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» (1840-е), содержащего перекличку с Гете («Песня Миньоны»), о взаимосвязи этих текстов см.: *Толстой А. К.* Полн. собр. соч. В 2 т. / Вступ. статья Л. И. Емельянова. Сост., подгот. текста и примеч. Е. И. Прохорова. Л., 1984. Т. 1. С. 531. По наблюдению Т. С. Царьковой, возможно, также восходит к сатирическому ст-нию Н. А. Некрасова «Дружеская переписка Москвы и Петербурга» (1859), в частности ко второй части «Петербургское послание», внешне пародирующее «Песню Миньоны».

17. *Ежегодник 2009—2010.* С. 454.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 11 (фиолетовыми чернилами, правка черными чернилами). Хрон. карт. без заглавия, алф. карт. с пометой: *Летний Сад.*

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по верхнему слою автографа. Промежуточн. вар. ст. 1: *а* «Уйти в мир народный», *б* «Войти в мир народный», ст. 18: «Навеет их мир».

Летний сад. Автобиографический мотив, в Петербурге в юношеские годы «Федя полюбил уходить в Летний или Таврический сад: там он предавался размышлениям о прочитанном, сочинял бесчисленные сюжеты для поэм и рассказов и там же писал стихи» (*Черносвитова.* С. 240).

18*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 456.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 10 (беловой).

Печ. по автографу. В хрон. карт. без заглавия.

19. *Ежегодник 2009—2010.* С. 456.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 11 об. (фиолетовыми чернилами, правка — черными чернилами).

Печ. по автографу.

20. *Ежегодник 2009—2010.* С. 457.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 15 об., л. 14 (беловой).

Печ. по автографу. В алф. и хрон. карт. без заглавия.

Молчит упорно скорби муза... — Вариация на тему ст-ний Н. А. Некрасова «Вчерашний день часу в шестом...» (1848), «О муза, я у двери гроба...» (декабрь 1877).

21*. *Ежегодник 2002.* С. 169.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 14—14 об. (беловой, поздняя правка карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 933, ед. хр. 3, л. 1065.

Печ. по машинописи.

Ну, тащися, сивка... — Первая строка ст-ния А. В. Кольцова «Песня пахаря» (1831) (*Кольцов А. В.* Полное собрание стихотворений. Л., 1958. С. 95—96); здесь: переложение кольцовской темы в контрастный ей тематико-стилевой регистр. *Бьемся из-за едева.* — Едево (*пск.*) — еда. Ср. недатированную авторскую запись: «Кольцов — не народный поэт. Его поэзия не только не была народною — она не была здоровою. Его народ не знает не только по невежеству, но и по несходству. Незнание народа, выразившееся в этом эпитете: народный поэт Кольцов. Народный поэт вдохновляется чувствами своего народа. Кольцов получал вдохновение от прошлого народной жизни, да из книг. Народ уже перестал быть творцом и художником. В нем нет великих идеалов, как прежде, а идеалы Запада еще не проникли» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 222).

22. *Ежегодник 2009—2010.* С. 457.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 14 об.—15 (беловой, с правкой, строфы 3 и 5 перечеркнуты чернилами и карандашом).

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 6: *а* «Где ты рос, окружаем горячей любовью», *б* «Где ты рос, окруженный горячей любовью»; ст. 30: «На красивую ручку головкой склонившись», ст. 32: «Об учителе строгом забывши....».

23*. *Ежегодник 2002.* С. 170.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 16—17 (правка чернилами, поздняя — карандашом, Δ). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 191—194; ед. хр. 2, л. 242. В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Стихи были отправлены на просмотр для возможной публикации В. А. Латышеву (см. о нем в примеч. к ст-нию № 123), 7 января 1884 г. он писал в ответ: «Во время праздников Ваши два стихотворения показал в редакции нового „Еженедельного Обозрения". По идее им сочувствуют, но говорят, что оба стихотворения требуют обработки, особенно „К Господу Богу"» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 392, л. 14).

24. *Ежегодник 2009—2010.* С. 458.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 15, 18 (беловой).

Печ. по автографу.

Переделка ст-ния А. Н. Майкова «Осень» («Кроет уж лист золотой...»), 1856.

25*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 459.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 18 (фиолетовыми чернилами, правка — черными чернилами). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Александр Иванович Полежаев (1804—1838) — поэт, за фривольную поэму «Сашка» (1825) был разжалован из офицеров в солдаты; в 1828 г. в Москве посажен на гауптвахту в подземную тюрьму, в кандалах, — за пьянство, самовольный побег из полка, оскорбление фельдфебеля; наказание «прогнать через строй» заменили семью месяцами тюрьмы, в 1829—1833 гг. участвовал в войне в Чечне и Дагестане; умер от чахотки, незадолго до того разжалован и подвергнут тяжелым телесным наказаниям за самовольный побег из полка (посмертно восстановлен в офицерском звании). *Роскошные звуки спокойных стремлений...* — Сокращенная цитата из статьи Н. А. Добролюбова «Стихотворения А. Полежаева» (1857), ср.: «...не звуки проклятий и злобы, а роскошные звуки чистых, спокойных стремлений...» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч. В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 2: Статьи и рецензии: август 1857—май 1858. С. 52). *Судьба погубила поэта младого...* — Отклик на коррективы, которые внес Добролюбов в суждения Белинского о Полежаеве, ср.: «Полежаев не был, — говорит Белинский, — жертвою судьбы, и, кроме самого себя, никого не имел права обвинять в своей гибели. Мы уже сказали, что по-нашему себя-то он и не мог обвинять» (там же, с. 49). — Добролюбов цитирует рецензию Белинского на сборники Полежаева «Кальян» и «Арфа» 1838 г. (см.: *Белинский В. Г.* Собр. соч. В 9 т. М., 1977. Т. 2: Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838—январь 1840. С. 372—380). Сологуб воспринял личность Полежаева через статью Добролюбова («Эта жизнь позора и стыда могла бы стать жизнью славы н величья». — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. Т. 2. С. 52), а возможно, через рассказ А. И. Герцена в «Былом и думах» (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч. В 30 т. М.: АН СССР, 1956. С. 165—167). В библиотеке Сологуба имелось издание: *Полежаев А. И.* Полн. собр. соч. СПб., 1892. — Беспл. Сб. «Нивы» (*НС.* С. 465).

26. *Ежегодник 2002.* С. 202.

Автограф: ед. хр. 8, л. 23—23 об. (правка чернилами и карандашом, нижний слой автографа — ранняя ред., Δ); дата вписана карандашом: *[12 декабря 1878], 12 декабря 1883*; подпись: *Ф. Холова* (зачеркнуто). Дата хрон. карт.: *[Декабрь 1883], 12 декабря 1883*; алф. карт.: *[12 декабря 1878], 12 декабря 1883.*

Печ. по нижнему слою автографа. Ср. позднюю ред.: *12 декабря 1883.*

Псевдоним *Ф. Холова* восходит к названию реки Холова, протекающей в городе Крестцы, где в 1882—1885 гг. Сологуб служил учителем в народном училище.

Традиционный мотив персидской и арабской любовной лирики, получивший распространение в европейской и русской поэзии (Дж. Байрон, Г. Гейне, Ш. Леконт де Лиль, А. С. Пушкин, А. А. Фет, Ф. Тютчев, Я. П. Полонский).

27. *Ежегодник 2009—2010.* С. 459.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 18, 19 (беловой, правка черными чернилами), датировка: *15 декабря.* Дата алф. и хрон. карт.: *15 декабря 1878.* В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 5: «И деревья склонялись к реке».

На заре, на зеркальной воде... ~ ...Вкруг печальной реки пробуждалася... — Ср.: «Звезды меркнут и гаснут. В огне облака, / Белый пар от земли расстилается. / По зеркальной воде, по кустам лозняка / От зари алый свет разливается» (И. Никитин «Утро», 1855).

28. *Ежегодник 2009—2010.* С. 460.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 19 об. (беловой), датировка: *23 декабря.* Дата алф. и хрон. карт.: *23 декабря 1878.* В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Переделка русской народной песни «Славное море — священный Байкал!..», в основу которой положено ст-ние «Думы Беглеца на Байкале» Дмитрия Павловича Давыдова (1811—1888; этнограф, учитель, поэт, племянник поэта Дениса Давыдова и декабриста В. Л. Давыдова), в измененном виде с 1860-х гг. бытовало как народная песня.

29. *Ежегодник 2009—2010.* С. 461.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 18 об. (беловой), датировка: *24 декабря.* Дата алф. и хрон. карт.: *24 декабря 1878.* В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

30. *Ежегодник 2009—2010.* С. 461.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 18 об., 20 (беловой, с правкой). В хрон. карт. без заглавия и подзаголовка; с пометой: первое ст-ние, написанное в этот день.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 18: «Тут принялись мы качать».

Стонет, воет непогодушка... ~ Выдайте вы за желанного. — Имитация русской народной песни.

31. *Ежегодник 2009—2010.* С. 462.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 20 об., 21 (беловой, правка черными чернилами). В хрон. карт. без заглавия; с пометой: второе ст-ние, написанное в этот день.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 6: «И не хочется писать», ст. 16: «Беспристрастно».

32. *Ежегодник 2009—2010.* С. 463.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 21—21 об. (беловой, правка черными чернилами и карандашом). В хрон. карт. без заглавия; с пометой: третье ст-ние, написанное в этот день.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 21: «А месяц, злобен и суров», после ст. 27 было: «Здесь я, могучий воевода, / Я бич голодного народа»; ст. 28—29 (29—30): «Передо мной дрожат они, / Я в них вселяю дикий страх»; ст. 33 (35): «Вернись, вернись, мечтатель молодой».

Неотчетливо карандашом намечен поздний вариант — без ст. 27—34.

Мне песнь насмешливую пел... ~ Вернись, вернись скорей домой!... — Подражание песне Мороза-воеводы из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (ч. 2, гл. 31), 1862—1863. Замысел неосуществленной поэмы Сологуба, возможно, был навеян ст-нием Н. А. Некрасова «Новый год» («Что новый год, то новых дум...»), 1851.

33*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 463.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 21 об. (правка черными чернилами). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по верхнему слою автографа.

34. *Ежегодник 2009—2010.* С. 463.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 20 (беловой), дата вписана позднее черными чернилами. В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Ап: «Бедный мальчик! Милый мальчик! — Это тоже люди, [а значит] ⟨?⟩ а черт с ними» (приписано карандашом под текстом).

35. *Ежегодник 2009—2010.* С. 465.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 20 (беловой). В хрон. карт. без заглавия; с пометой: второе ст-ние дня.

Печ. по автографу.

Ап: «То же и я дурак!» (карандашом под датировкой).

36. *Ежегодник 2009—2010.* С. 465.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 22 (беловой, правка карандашом). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Я лежал в постели мрачный», ст. 3: «Занимался день невзрачный», ст. 7: «И печально, и лукаво».

37. *Ежегодник 2009—2010.* С. 466.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 22, 23 (беловой, правка карандашом).

Печ. по автографу. В первонач. вар. автографа между ст. 8 и 9 было: «Под звуки песен подвигались / В громаду радостных степей, / И песни звучно разливались, / Неслись и вились веселей».

Мои отцы — казаки были... — Автобиографический мотив, о малороссийских корнях поэта см.: *Черносвитова.* С. 228. *Во мне Украйны дух свободной...* — Ср.: «Украйны, некогда свободной...» (Н. М. Языков. «В альбом Маркевичу»).

38. *Ежегодник 2009—2010.* С. 466.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 23—23 об. (беловой). В алф. карт. текст не зафиксирован; в хрон. карт. с подзаголовком: **Песни.**

Печ. по автографу.

Ап: «Исп⟨равлено⟩» (автограф, карандашом).

Идет он, братьев утешая; Напевы дивные звучат... Ее пленительные звуки... — Точные цитаты из ст-ния «Волшебная лютня» («Во дни чудесных дел и слухов...») французского поэта Пьера-Жана Беранже (Pierre Jean Béranger, 1780—1857) в переводе В. С. Курочкина.

Ср. позднюю ред.: № 48.

39. *Ежегодник 2009—2010.* С. 467.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 23 об., 22 об. (беловой, правка черными чернилами и карандашом). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 7: «И радость беспорочную», ст. 19—20: «Тоску чтоб неотвязную / Я мог встречать».

40. *Ежегодник 2009—2010.* С. 468.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 22 об. (беловой). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

41. Автограф: ед. хр. 1 а, л. 22 об. (беловой). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

42*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 469.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 24, 25 (беловой, правка черными чернилами и карандашом). В алф. и хрон. карт. под заглавием ранней редакции: **Вадимов колокол.**

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Брожу ли я вдоль улиц шумных... — Цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», 1829.

43. *Ежегодник 2009—2010.* С. 469.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 25 (правка черными чернилами и карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар., порядок ст. 5—12: 9—10—11—12—5—6—7—8; вар. ст. 1: «Катится жизнь пустая, бесплодная», ст. 7—8 (11—12): «Нет ничего, кроме мерзости, гадости, / Тягостной дали...».

44. *Ежегодник 2009—2010.* С. 470.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 25—25 об. (беловой).

Печ. по автографу.

45. *Ежегодник 2002.* С. 171.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 620, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *3 апреля 1879.*

Печ. по машинописи.

И стегать меня, стараясь, / Чтобы слезы полились. — Автобиографический мотив. Мать Сологуба, по свидетельству его биографа, «при всей своей любви и самоотверженности по отношению к детям была строга и взыскательна до жестокости, наказывала за каждую оплошность, за каждое прегрешение, вольное и невольное: ставила в угол на голые колени, била по лицу, прибегала к розгам: за грубость, за шалость, за опоздание в исполнении поручений, за испачканную одежду, за грубые слова, позднее за истраченные без ее санкции деньги, хотя бы в размере нескольких копеек» (*Черносвитова.* С. 231), см. также: *Канва.* С. 250—260; *Писатель-Инспектор.* С. 36—38; 411—466. *Верба хлест, стегай до слез...* — Ср.: «В Вербное Воскресенье, возвратясь из церкви с освященными прутьями вербы, деревенские бабы хлещут ими своих ребят, приговаривая: „верба хлест, бей до слез!“» (Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забелиным. М., 1880. С. 48).

Самое раннее дошедшее до нас стихотворение о сечении розгами; по содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

46. *Ежегодник 2009—2010.* С. 470.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 25 об. (беловой, правка карандашом). В алф. карт. без заглавия.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 22: «Весна промчалась неземная».

Ап: «Из поэмы» (автограф, приписано карандашом рядом с заглавием).

Весна! Природа торжествует... — Ср.: «Зима! Крестьянин, торжествуя» — А. С. Пушкин «Евгений Онегин. Роман в стихах» (1833), гл. пятая, строфа II (1826).

47*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 471.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 24 об. (беловой, правка черными чернилами).

Печ. по верхнему слою автографа.

48. *Ежегодник 2009—2010.* С. 472.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 24 об., 28 об. (беловой, правка карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 19—20: «И снова, в страхе и уныло / Отчизна бледная глядит».

Идешь ты, братьев утешая, Напевы дивные звучат... — Вариация на тему ст-ния П. Ж. Беранже «Волшебная лютня», ср. № 38.

49. *Ежегодник 2009—2010.* С. 472.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 28 об., 27 (беловой).

Печ. по автографу.

50. *Ежегодник 2009—2010.* С. 473.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 26 об. (беловой).

Печ. по автографу.

51. *Ежегодник 2009—2010.* С. 473.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 26 об. (черновой, правка черными чернилами, строфа II перечеркнута карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: *а* «Не помышляй о счастии отчизны», *б* «Не думай о бедах отчизны»; ст. 2—4: «О горе ближних на жалей: / За эту скорбь граждане / Платили жизнию своей».

Поздний вар. без строфы II.

Будь подлецом... ~ Свое достоинство дави. — Пародийный перепев, ср.: «Будь гражданин! / Служа искусству, для блага ближнего живи, / Свой гений подчиняя чувству / Всеобнимающей Любви» (Н. А. Некрасов «Поэт и Гражданин», 1855).

52. *БП.* С. 77.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 30 (беловой, с правкой). Машинопись: ед. хр. 2, л. 223, ед. хр. 1 (2), л. 139.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 20: «Толкаться ты как смел!», ст. 24: «Мне уши отодрал»; ст. 27—28: *а — как в машинописи, б* «Смеются надо мною / Мальчишки из ворот».

Автобиографический мотив (см.: *Черносвитова.* С. 231); ср. параллель в прозе — рассказ «Мечта на камнях» 1911 г. (впервые: Речь. 1912. № 1, 1 янв.; *ССС XIV.* С. 49—66; *СС 6.* С. 35—44).

53*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 474.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 29 (беловой, правка черными чернилами и карандашом; ст. 8 вписан карандашом).

Печ. по верхнему слою автографа. Промежуточн. вар. ст. 8: «Оттого ли, что лучшего мы дожидаемся?»

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

54. *Ежегодник 2009—2010.* С. 474.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 29 (беловой, правка черными чернилами). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 5 — без согласования: «Это жизнь беспокойное».

55. *Ежегодник 2009—2010.* С. 475.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 29 об. (беловой, правка черными чернилами, ст. 26— 27 вписаны черными чернилами на полях). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 4: «В порывах светлых наслажденья», без ст. 16 и 17.

Тематически примыкает к поэме «Одиночество» (1882), см. № 155 и примеч. к нему.

56. *Ежегодник 2009—2010.* С. 475.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 29 об., 26 (беловой, правка чернилами и карандашом).

В хрон. карт. без заглавия, с пометой: «нем⟨ецкий⟩»; в алф. карт. данные отсутствуют; в карт. переводов значится как перевод (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 544).

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 4: *а* «Мне знакомый напев пастуха», *б* «Мне знакомый напев пастушка».

Швейцарский ландскнехт — Landsknecht (*нем.*) — первоначально «слуга страны» (букв. перевод), немецкий наемный пехотинец; обычно ландскнехтов набирали из бедноты. Швейцарская наемная гвардия (один из видов вооруженных сил Ватикана) создана в 1506 г. по распоряжению папы римского Юлия II, швейцарские солдаты считались в то время лучшими солдатами в Европе.

Источник песни, послуживший основой для авторского переложения, не выявлен.

57*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 476.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 37—37 об. (черновой). Первонач. дата: *2 июля 1879*, испр.: *1 июля 1879*. Дата алф. и хрон. карт.: *1 июля 1879*.

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Приведены по нижнему слою автографа.

Бабушка меня позвала... — Автобиографический мотив: речь идет о Г. И. Агаповой (скончалась в 1883 г.), в доме которой «работала одной прислугой» и жила вместе с детьми мать поэта. «Старушка Галина Ивановна крестила обоих детей, которые называли ее „бабушкой“», в юношеские годы Сологуб нередко вступал в споры с «бабушкой», заканчивавшиеся для него наказанием розгами (*Черносвитова.* С. 239). Сохранились 10 писем Агаповой к Сологубу за 1882—1883 гг. (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 889) и 10 писем ее сына М. М. Агапова за 1883—1910 гг. (там же, ед. хр. 888). Подробнее о взаимоотношениях Тетерниковых и Агаповых см.: *Лица-9.* С. 512. *...к Филипо-*

ву... — В 1870-е гг. Тетерниковы жили в Климовом переулке, ближайшая бакалейная лавка владельца с указанной фамилией (И. С. Филиппова) находилась на ул. Офицерской д. 26/2. По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

58*. *НС.* С. 17.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 37 об. (с правкой, текст приведен к основному), дата: *2 июля 1879.* Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 818, ед. хр. 3, л. 911; *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *2 июля 1879.*

Печ. по машинописи.

59. *Ежегодник 2009—2010.* С. 477.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 26, 32 об. (беловой, синхронная правка чернилами, позднейшая — карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 3: «Другой — собак и леса», ст. 7: «Он не за подвиг молодецкий», ст. 22: «Царевну он ласкал», ст. 40: «Когда он награжден!»

60. *Ежегодник 2009—2010.* С. 478.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 32 об. (беловой, черными чернилами; правка карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 5: «Вечный лавр лишь дается герою».

61. *Ежегодник 2009—2010.* С. 478.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 35—35 об. (беловой, синхронная правка — чернилами, позднейшая — карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 2: «Но только я печален и угрюм».

62. *НС.* С. 18.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 31 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 942 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1081.

Печ. по машинописи.

63. *Ежегодник 2009—2010.* С. 479.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 31—31 об. (беловой, правка чернилами и карандашом). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 28—30: «Не видать во тьме лица: / Мать бы сына не узнала, / Не узнал бы сын отца».

Под датировкой приписано (набросок карандашом, едва читается):

Поле снежное сурово,
Дышит ветром и грозой,
Ветер стихнет, то вдруг снова
Режет саван снеговой.

Сюжет «Неузнанный сын» (см. Сравнительный указатель сюжетов: СУС 939 А) встречается в восточнославянской сказке, в частности в украинском и белорусском фольклоре; на русском материале см.: Сказки Филиппа Павловича Господарева / Под общ. ред. М. К. Азадовского; зап. текста Г. А. Стронк. Петрозаводск: Госиздат К—ФССР, 1941.

64. *Ежегодник 2009—2010*. С. 480.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 31 об. (беловой).

Печ. по автографу.

Приди ко мне, о Муза Клио... — Клио (*греч. миф.*) — муза истории; дочь Зевса и Мнемозины — богини памяти. Согласно Диодору, получила имя от того, что воспевание в поэзии дает восхваляемым великую славу, или молву (клеос — κλέος).

65. *Ежегодник 2009—2010*. С. 480.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 32 (беловой).

Печ. по автографу.

Курских соловьев... — Курские соловьи славились у ценителей соловьиного пения в средней части России, словосочетание «курский соловей» стало применяться в похвальном смысле к первоклассным певцам.

66. *Ежегодник 2009—2010*. С. 481.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 32 (беловой, правка карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 8: «К нам вернется ли она?»

Возможно, источником этого текста — тема и размер (ст. 1—4 написаны двустопным хореем) — послужило ст-ние А. Полежаева «Песнь погибающего пловца» (впервые: *Полежаев А*. Стихотворения. М.: тип. Лазаревых, 1832. С. 142—147).

67. *Ежегодник 2009—2010*. С. 481.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 32 (беловой).

Печ. по автографу.

68. *Ежегодник 2009—2010*. С. 481.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 33 об. (беловой).

Печ. по автографу.

69. *НС*. С. 18.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 509, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *9 ноября 1879*.

Печ. по машинописи.

70. *Ежегодник 2009—2010*. С. 482.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 33 (беловой, с правкой).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Покрываются земли цветами...»; ст. 20: «Что играет волнами игривыми».

71. *Ежегодник 2009—2010*. С. 482.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 33 об. (беловой). В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

72. *Ежегодник 2009—2010*. С. 484.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 35 (беловой, с правкой).

Дата хрон. карт. (2 карточки): 1) *24 июня 1878, 21 ноября 1879*; 2) *21 ноября 1879*, с отсылочной пометой на ред. *24 июня 1878*. Дата алф. карт.: *24 июня 1878, 21 ноября 1879*.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 12: «Все темно, темно для меня».

Ср. «Желанье страстное — сорвать...», *24 июня 1878*.

73. *Ежегодник 2009—2010.* С. 483.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 34 (беловой).

Печ. по автографу.

74. Автограф: ед. хр. 1 а, л. 38 (с правкой, текст приведен к основному), датировка: *27 ноября 1879.* Машинопись: ед. хр. 4, л. 1512; дата вписана карандашом: *27 ноября 1889.* Дата алф. и хрон. карт.: *27 ноября 1879.*

Печ. по машинописи с исправлением датировки по автографу.

Первонач. вар. автографа, ст. 3—4: «Брату всякий очень рад, / Смерть придет — подымут вой», ст. 5: «А порой, наоборот».

Смерть и сон, сестра и брат / Очень схожи меж собой... — Ср.: «Есть близнецы — для земнородных / Два божества, — то Смерть и Сон, / Как брат с сестрою дивно сходных...» (Ф. И. Тютчев «Близнецы», не позднее 1852).

75. *Ежегодник 2009—2010.* С. 484.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 34 об., 33 (беловой).

Печ. по автографу.

76. *Ежегодник 2009—2010.* С. 485.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 36 об. (беловой).

Печ. по автографу.

77*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 485.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 36 об. (беловой, правка карандашом).

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

78. *Ежегодник 2002.* С. 172.

Автографы: 1) ед. хр. 1 а, л. 36 об. (беловой), без деления на строфы; 2) там же, л. 39 (черновой, текст приведен к основному), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 930, ед. хр. 3, л. 1053.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа 1, ст. 9: «И бесполезны усилья»; автограф 2, 1—5, незавершенный набросок, зачеркнут:

Я посылаю проклятья
Новому году навстречу,
Братья! рабы вы, но братья,
Смело бросайтеся в сечу.
Снова на нас загремели

вар. ст. 6: «Славу, свободу народа» (зачеркнут), между 6 и 7 — строка вымарана, не читается; ст. 9 — *как в основном тексте.*

Ап: «Форма хороша, а смысл не верен»; «14 декабря 1825» (автограф 2); на обороте автографа 2 черновой набросок:

Не годы виновны, а все те же люди.
Но где ж, скажи, эти могучие груди? —
Что ратуют стойко за честь и свободу —

Желаючи блага, участья народу?
Не вижу нигде, и в том каюсь сердечно.
И жизнь пронесется, пройдет скоротечно.

79. *Ежегодник 2009—2010.* С. 486.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 51—51 об. (беловой, с правкой).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 2: «Виновата в этом», ст. 8: «Все ж ничтожностию полн».

Рождество пр⟨авославное⟩ — Рождество Христово Православная церковь празднует 25 декабря ст. ст.

80*. *БП.* С. 78.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 40—41 (правка карандашом, текст приведен к основному, Δ); без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1101—1102, ед. хр. 4, л. 1267.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Печ. по машинописи.

В тексте интегрированы народные балладные сюжеты: чужеземцы (казаки, уланы и др.) сманили девушку, увезли, привязали к сосне косами и сожгли; паныч губит и грабит мужа, уводит женщину и поджигает, привязав к сосне (см.: *Смирнов Ю. И.* Восточно-славянские баллады и близкие им формы. Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988. С. 35, 43).

Вариация на тему поэмы Т. Г. Шевченко «Гайдамаки» (1842). В 1920-е гг. Сологуб перевел большой корпус произведений Шевченко, в том числе и «Гайдамаков», книга вышла посмертно, см.: *Шевченко Т. Г.* Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Федора Сологуба. Л.: ОГИЗ-ГИХЛ, 1934. С. 99—166.

81. *Ежегодник 2002.* С. 172.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 41—41 об. (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 286; ед. хр. 2, л. 318.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 6: «И с надеждою выйдешь на путь», ст. 20: «В ореоле небесных миров», ст. 24: «И на подвиг святой и прекрасный».

Возможно, отклик на «Процесс 28-ми» над народовольцами, состоявшийся летом 1879 г. в Одессе; суд вынес смертный приговор для пяти человек, четверо были приговорены к вечной каторге. 10 августа 1879 г. был казнен народоволец Дмитрий Андреевич Лизогуб (1850—1879); название ст-ния указывает на биографический мотив: до вступления в организацию Лизогуб был помещиком, затем раздал все свое имущество крестьянам и изменил свою жизнь (подобно апостолам, оставившим свой дом и последовавшим за Христом).

82. *Ежегодник 2002.* С. 173.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 42 об. (беловой, с правкой, текст приведен к основному), заглавие: **Музе.** Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1489, ед. хр. 6, л. 1866; без заглавия. Алф. карт. под заглавием: **Музе,** хрон. карт. без заглавия.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 1—2: «Что же, муза ты развратная! / Не сама ль ты, благодатная».

Вероятно, подражание Н. А. Некрасову, см. ст-ние «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...», 1852).

Ср.: **Муза** («Муза — не дева, не резвый ребенок...»), *14 марта 1880.*

83*. *НС.* С. 19.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 43—44 (черновой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному, Δ). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 331—312; ед. хр. 10 а, л. 85—86.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

На Шипке все спокойно. — Название одного из полотен балканской серии (1879) Василия Васильевича Верещагина (1842—1904). В основу триптиха положен эпизод русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; художник дал три последовательных изображения замерзающего на посту часового. Балканская серия картин Верещагина репродуцировалась и широко обсуждалась на страницах центральных газет. В ст. 21—40 варьируются мотивы ст-ния А. С. Пушкина «Бесы» («Мчатся тучи, / Вьются тучи...», 1830).

84. *НС.* С. 18.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 44—44 об. (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 779, ед. хр. 3, л. 861.

Печ. по машинописи.

Муза — не дева, не резвый ребенок, / Муза — не женщина, стройно-развитая... Ср.: «И музу — девочку мою / Я в музе — женщине прекрасной / Теперь совсем не узнаю» (В. Мюр ⟨В. Миронов⟩. Муза // *ЖО.* 1880. № 2, 15 янв. С. 18). Пример перелицовки чужого текста.

Трактовка темы восходит к ст-ниям Н. А. Некрасова «Муза» («Нет, Музы ласково поющей и прекрасной...», 1852) и «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...», 1874).

85*. *Ежегодник 2002.* С. 173.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 48 об. (беловой, правка карандашом, текст приведен к основному), над текстом подзаголовок или авторская помета: (**Отрывок**). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 578, ед. хр. 2, л. 644. В хрон. карт. текст зафиксирован в ранней редакции: «Как дитя, боишься ты потемок...», в алф. карт. ст. 1 ранней ред. *испр.*: «Как дитя, ты углов боишься темных...».

Печ. по машинописи.

86. *Ежегодник 2002.* С. 173.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 41 об.—42 об. (беловой; правка чернилами и карандашом), без подзаголовка, с посвящением: *Н. Васильеву.* Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1021, ед. хр. 4, л. 1190. В алф. карт. без подзаголовка и посвящения. В хрон. карт. без заглавия, подзаголовка и посвящения.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 6: «Она на светлый лик глядит», ст. 13: «Исполнен радостей небесных», ст. 32: «Что не тебе лечить его».

Н. Васильев — вероятно, Николай Никифорович Васильев, соученик Сологуба по городскому училищу и Учительскому институту; в 1910-е гг. жил в Смоленске, служил главным агентом Московского Страхового общества от огня (сохранились четыре письма Васильева к Сологубу за 1882—1926 гг.: ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 120); приходился племянником петербургскому художнику Валериану Степановичу Крюкову (1838—1916; живописец, книжный иллюстратор, иконописец, расписывал храмы), у которого жил на квартире в годы обучения в институте и где, по-видимому, в юности бывал Сологуб. Возможно, «Венчание» — поэтическая иллюстрация картины, которую поэт мог видеть в мастерской или на выставке Крюкова (систематически принимал участие в выставках Петербургской Академии художеств).

87*. *НС.* С. 245.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 44 об.—45 об. (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 6, л. 2009; ед. хр. 1 а, л. 46—47. Алф. и хрон. карт. без заглавия.

Печ. по машинописи.

Перед отцом... — Отец поэта — петербургский портной Кузьма (Косьма) Афанасьевич Тетерников (после переезда в Петербург сменил исконную фамилию Тютюнников, 184?—1867) происходил из крепостных помещика Черниговской (по другим сведениям — Полтавской) губ. Иваницкого; «однажды, переправляясь со своим барином через какую-то реку осенью, он провалился с экипажем и пробыл в воде несколько часов», заболел чахоткой, от которой впоследствии умер (*Черносвитова.* С. 228). Сологуб на всю жизнь сохранил об отце «самое светлое воспоминание. ⟨...⟩ Когда он говорил о нем, даже в последнее время болезни, лицо его прояснялось улыбкой и глаза становились светлыми и добрыми: немногие факты из его короткой жизни с отцом были навсегда овеяны детской радостью» (Там же. С. 228, 229). *Когда отец мой умирал... ~ ...Впервые горько зарыдал...* — Ср.: «...ухудшение болезни, страдания и смерть отца, до конца терпеливого и ясного. Когда все было кончено, мальчик Федя лег на стулья и неутешно заплакал. Эти слезы о первом горе остались навсегда в памяти поэта, он вспоминает их в стихотворении, написанном в 1880 г.» (Там же. С. 229). Текст построен с использованием характерных некрасовских мотивов (см., например, ст-ние «Родина», 1846), образов, лексики и цитат из Некрасова. Ср.: *Я посетил печальное кладбище...* — У Некрасова: «Я посетил твое кладбище...» (1856); *И я, в слезах, свои ломая руки...* — У Некрасова: «Ты прокляла, свои ломая руки...» («Когда из мрака заблужденья...», 1846), и т. п.

88*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 486.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 48 об. (беловой, правка чернилами и карандашом); в датировке год вписан карандашом. В хрон. карт. без заглавия. В алф. карт. приведен вар. ст. 1: «Заброшена твоя могила...» (карандашом).

Печ. по верхнему слою автографа.

89. *Ежегодник 2002.* С. 174.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 225, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *11 апреля 1880.*

Печ. по машинописи.

В моем кармане смялась пачка папиросок... — Автобиографический мотив, ср.: «Кофе вместо обеда. Припрятанная папироса» (*Канва*. С. 251).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

90. *Ежегодник 1990*. С. 150. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 67, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *14 апреля 1880*.

Печ. по машинописи.

91. *Ежегодник 2009—2010*. С. 487.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 49 об. (беловой, правка чернилами и карандашом; ст. 1—4 второй редакции вписаны сверху карандашом). В хрон. карт. без заглавия; в алф. карт.: «Осенний день. Грязна дорога...», *испр.*: «Весенний день. Грязна дорога...» (карандашом).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Не для меня весны привет... — Ср.: «Не для меня придет весна...» — первая строка одноименного популярного романса (нач. 1840-х) на стихи А. Молчанова, музыка Н. П. Девитте; впоследствии сведения об авторах затерялись, романс подвергся фольклоризации и стал популярной народной песней; в печати конца XIX в. появился за подписью: А. Гадалин (назван автором слов и музыки). См. текст: Очи черные: Старинный русский романс / Автор-сост. В. Сафошкин. М.: Изд-во Эксмо, 2009. С. 16. Раздел «Из репертуара Анастасии Вяльцевой»; Собрание любимых песен московских цыган. М.: А. Гутхейль, ⟨1877⟩. С. 2—3 (Переложение с напева Я. Ф. Пригожева).

Б. Печ. по верхнему слою автографа. Первонач. вар. ст. 1: «Осенний день. Грязна дорога...».

92*. *Ежегодник 2009—2010*. С. 487.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 48 об.—49 (беловой, правка чернилами, позднейшая — карандашом). Датировка автографа и хрон. карт.: *17 апреля 1880*, алф. карт.: *[м⟨а⟩р⟨т⟩ ⟨18⟩80], 17 апреля 1880*.

Печ. по верхнему слою автографа.

93*. *Ежегодник 2009—2010*. С. 488.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 49 об.—50 (беловой, поздняя правка карандашом; последняя строфа поздней редакции дописана карандашом), строфы I—VII датированы: *19 апреля 1880*, строфа VIII: *21 апреля 1880*. В алф. карт. без заглавия, датировка: *19, 21 апреля 1880*; в хрон. карт.: *[12 апреля 1880], 19, 21 апреля 1880*.

Печ. по автографу.

94*. *Ежегодник 2009—2010*. С. 489.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 35 об.—36 (черновой, карандашом).

Печ. по автографу.

Ап: «Конец. Это стихотворение относится ко 2-й тетради. К этому же периоду относится стих⟨отворение⟩: 1) „Разве царственная роза...“ и 2) „Толпа шумит...“, помещенные во 2-й тетради» (автограф, чернилами). *...ко 2-й тетради...* — Описание ранних поэтических тетрадей Сологуба см.: *Ежегодник 2009*. С. 604—735.

И скучно, и грустно и некому душу отвесть... — Вариация на тему ст-ния М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» (1840); ср. также у Н. А. Некрасова: «И скучно, и грустно, и некого в карты надуть...» (Из фельетона «Преферанс и солнце»), 1844.

95. *Ежегодник 2009—2010.* С. 490.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 50 об.—51 (беловой, синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 3: «Мечты рисуются так странно», ст. 8: «Тебя мне жаль, святая младость», ст. 10: «Так глупо, пошло, бестолково», ст. 14: «Одни блудящие огни».

96. *Ежегодник 2009—2010.* С. 490.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 51 (беловой). В алф. и хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

97. *Ежегодник 2002.* С. 175.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 53 об. (беловой, правка чернилами и карандашом; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 2, л. 106, ед. хр. 1 (2), л. 103; оба экз. датированы: *3 июня 1880.* Дата алф. и хрон. карт.: *3 июля 1880.*

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 2: *а* «И все бежит на зов природы», *б* «Весь люд бежит на зов природы», ст. 12—13: «В нем даже улицы полны. / Одно волшебное желанье», ст. 23—24: «И прямо льется в эти груди / Весенний воздух золотой», ст. 26: «В подземной келье запертой».

Летний сад. См. примечание к № 17. Перекликается со ст-нием Н. А. Некрасова «В столицах шум, гремят витии...» (1857, 1858).

98*. *ИМ.* 1894. № 10. 6 марта. С. 3, подпись: *П-в* (первое ст-ние цикла «Весенний вечер») — *АМ.* С. 22 — *ССНЧ 5.* С. 428 (вар. *ИМ*).

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 50 (беловой, правка чернилами и карандашом), под заглавием «Весенний вечер». Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1353 (с правкой, исходный текст без деления на строфы), *без даты*; ед. хр. 4, л. 1650 (текст соответствует *АМ*). Хрон. карт. под заглавием «Весенний вечер», вар. ст. 1: «Тихо веет ветер...».

А. Печ. по: *ИМ.*

Согласно записи Сологуба, он предполагал включить этот текст в поэму «Одиночество» (1882), см. примеч. к ней.

Б. Печ. по: *АМ.*

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

99*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 490.

Автографы: 1) ед. хр. 1 а, л. 51 об. (беловой); 2) там же, л. 76 об. (беловой). В хрон. карт. 1) с отсылкой на поздние ред.: *Весна 1881, 17 августа 1885, 26 февраля 1889, 17 мая 1890*; 2) с отсылкой: *Весна 1881 (см. 18 июня 1880).*

Ап: «4⟨стиха⟩» (автограф 2, карандашом).

Печ. по автографу 1.

ДРиВ: Печ. по автографу 2.

См. ред.: № 279; № 417; № 552 А и № 552 Б.

100*. *НС*. С. 20.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 52—52 об. (беловой, правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 2, л. 41; ед. хр. 1 (2), л. 14.

Печ. по машинописи.

Ср. недатированную запись Сологуба «Добрые христианские обычаи»: «1. Целование. Братская любовь. 2. Пожелания. Здравия. Долгоденствия. Благ. Успехов. Радости. Счастия. 3. Земные поклоны. Приветствие. Просьба. Благодарность. Мольба о прощении. Смирение. 4. Хождение босиком. Смирение. Равенство. Унижение. Бережливость. Здоровье. Простота. Пример. Радость. 5. Коленопреклоненная молитва. 6. Склонение головы. 7. Целование рук и ног» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 270). *Уж храма Божьего бегу я. ~ С досадной думою вхожу я...* — В дневнике Учительского института (Сологуб обучался в институте в 1878—1882 гг. и жил при нем на полном пансионе) за 1880/81 учебный год в графе «Неисправности воспитанников и наказания» 30 марта сделана запись: «Тетерников не был на утренней молитве» (ЦГИА СПб., ф. 412 (Учительского института), оп. 1, д. 247). *И все б стоял перед иконой. / Все б эти ризы целовал...* — Вероятно, восходит к строкам: «И все бы слушал этот лепет, / Все б эти ножки целовал...» (А. С. Пушкин «Когда б не смутное влеченье...», 1833), — наблюдение принадлежит О. Проскурину, см. его рец.: Неизвестный Сологуб: Фундаментальный итог новейших штудий // Итоги (Москва). 24 июня 1997. С. 64.

101. *БП*. С. 79.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 52 об.—53 (беловой, с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1260, ед. хр. 4, л. 1494. В хрон. карт. без заглавия.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 13 автографа: «Сам тружуся, но на рифму», ст. 16: «И к тому же новый».

Ап: «Письмо к Вас⟨е⟩ от 30 июня 1880» (автограф).

Сладкозвучная богиня, / Рифма золотая... — Ср.: «Рифма, звучная подруга...» (А. С. Пушкин, 1828).

102*. *НС*. С. 24, с опечаткой в ст. 1.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 55—55 об. (черновой, правка карандашом и чернилами). Машинопись: ед. хр. 2, л. 221; ед. хр. 1 (2), л. 133.

Печ. по машинописи.

Ср. ред.: № 134.

103. *Ежегодник 2009—2010*. С. 491.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 53 (исходный, беловой, правка черными и фиолетовыми чернилами, карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1—2: «Я знаю: то пустой обман / И ложное очарованье», ст. 5: «И не надеюся найти», ст. 9: «Им, переломанным грозою», ст. 20: «Ловлю я губок милых шепот».

104. *Ежегодник 1990*. С. 152. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 69, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *3 июля 1880*. Первое ст-ние, написанное в этот день: **Природа и**

я («Весна. Какая благодать!..»), второе: «Ни жизни я не видел...» — неизвестно.

Печ. по машинописи.

И бабушке сгрубил... — Автобиографический мотив; речь идет о Г. И. Агаповой, см. примеч. № 57.

105*. *НС.* С. 21.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 54 (беловой, с правкой), без деления на строфы; датировка: *8 июля 1880*, с топографической пометой: *Вечер, Михайловский Сад.* Машинопись: ед. хр. 2, л. 10, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *8 июля 1880.* Машинопись, алф. и хрон. карт. — без топографической пометы.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Михайловский Сад — сад, прилегающий к Михайловскому дворцу (Инженерная ул., 4/2).

106*. *Ежегодник 2002.* С. 176.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 54—54 об. (беловой, правка карандашом, текст приведен к машинописи 1, за искл. ст. 7—8). Машинопись: 1) «Тяжка житейская наука...»: ед. хр. 10 а, л. 73—74; там же, л. 75 (с правкой карандашом в ст. 1; дата зачеркнута), ед. хр. 1 (2), л. 1349—1350 (с правкой карандашом в ст. 1; дата вписана карандашом); испр. вар. ст. 1: «Темна житейская наука...»; 2) ед. хр. 4, л. 1640 а (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1); 3) ед. хр. 4, л. 1640 (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 2), *без даты.* Первонач. вар. ст. 1 хрон. карт.: «Тяжка житейская наука...».

Печ. по машинописи 3. Первонач. порядок ст.: 16—15, 18—17; вар. ст. 23 — *как в автографе, машинописи 1, 2.*

107*. *Ежегодник 2002.* С. 177.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 54 (беловой, с правкой). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 185—186 (правка чернилами).

Печ. по машинописи.

108. *Ежегодник 2002.* С. 177.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 56—56 об. (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), дата: *20 июля 1880*, с пометой: *Воскр⟨есное⟩ утро.* Машинопись: 1) ед. хр. 6, л. 1931, без деления на строфы, дата: *20 июля 1880*; 2) там же, л. 1931 (1), *без даты*; ед. хр. 1 (2), л. 1536—1538.

Печ. по машинописи 2.

Первонач. вар. автографа, ст. 3: «Когда развратными мечтами», ст. 5: «Чинил утраченный покой», ст. 7: «Смеяся, в даль таинственно звала...», ст. 9: *начато*: «И, как любовница, привет⟨лива⟩ была», ст. 15—16: «Я был не в силах, я не мог, / И без надежды, без страданья». Вар. машинописи 1, ст. 25: «Но не хочу я умирать».

109*. *Пауэр.* С. 1, без деления на строфы.

Автографы: 1) ед. хр. 1 а, л. 94 (черновой, среди черновиков к произведению «Киягиня»), без деления на строфы; 2) там же, л. 58 (беловой, правка чернила-

ми и карандашом; промежуточный слой карандашом; текст приведен к основному), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 583 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 2, л. 649. Датировка автографов, машинописи и алф. карт.: *22 июля 1880*; хрон. карт.: *22 июня 1880*.

Машинопись, с правкой: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 1.

Ап: «на обороте „В душной атмосфере...“» (хрон. карт.). В алф. карт. зафиксировано ст-ние «В душной атмосфере праздничного бала...», *1882*, полный текст неизвестен, недатированный незавершенный набросок этого ст-ния сохранился среди черновиков к произведению «Княгиня» (автограф: ед. хр. 1 а, л. 95).

Печ. по машинописи.

Напоминает город дальний (ст. 7 автографа 1: «Напоминает город дальный»). — Ср.: «Напоминают мне оне / Другую жизнь и берег дальный» (А. С. Пушкин «Не пой, красавица, при мне...», 1828). Возможно, ошибка при перепечатке, в автографе: *дальный* ⟨?⟩.

110*. *ИМ*. 1894. № 37. 11 сентября. С. 3, без заглавия, без деления на строфы; подпись: *Тетерников*. — *Пауэр*. С. 1; заглавие: **Покой и битва** (вар. машинописи 2) — *Ежегодник на 2002*. С. 175.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 56 об.—57 (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1, разночтения: ст. 3—4: «Только об ней-то и речи, / Только об ней и молитвы»), датировка: *25 июля 1880*; с посвящением: *И. Л. Шаталову*. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1282, ед. хр. 4, л. 1514; без заглавия; датировка: *25 июня 1880*; 2) там же, под датировкой: *Михайловский Сад. Вечер* (зачеркнуто карандашом); 3) там же, правка чернилами (исходный текст соответствует машинописи 2, преобразован в *ИМ*), с датировкой и топографической пометой. Дата алф. и хрон. карт.: *25 июля 1880*.

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 2 (**Покой и битва**); датировка: *25 июля 1880* (вписана карандашом); без строфы III, строфы III—IV (IV—V) — в обратном порядке. Разночтения, ст. 3—4: *как в автографе*.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *ИМ*.

ДРиВ: Печ. по машинописи 1.

Сологуб предполагал включить ст-ние в поэму «Одиночество» (1882), см. примеч. № 155. *Иван Логгинович Шаталов* — сокурсник Ф. Тетерникова по Учительскому институту, его товарищ и собеседник; см. о нем: *Писатель-Инспектор*. С. 77, 172.

111. *Ежегодник 2002*. С. 178.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 59—59 об. (беловой, соответствует основному тексту; разночтение, ст. 1: «Дочь могучего Одина»); датировка: *Начало августа 1880*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 374, ед. хр. 2, л. 404; датировка: *Начало августа 1880*. Дата хрон. карт.: *1 августа 1880*; алф. карт.: *Начало августа 1880*. В хрон. карт. под заглавием: **Эдда;** вар. ст. 1 хрон. карт.: «Дочь могучего Одина».

Печ. по машинописи.

В тексте отражены мотивы песни «Прорицание вёльвы» из «Старшей Эдды» (XIII в.). *Волу-спа* (*исл.*, Вёльва — *герм. миф.*) — общее название всех волшебниц, предсказательниц и чародеев, прорицающих будущее. *Один* (*сканд. миф.*) — верховный бог, творец вселенной, соответствует Водану (Вотану) в германской мифологии. Ст-ние зафиксировано в авторской картотеке переводов (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 544). Источник переложения неизвестен, отдельные песни «Эдды», в том числе «Волу-спа», стали известны в русских переводах с конца XVIII в. См.: *Ерхов Б. А.* Художественная литература Скандинавских стран в русской печати. Библиографический указатель. М., 1986. *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. М.: Наука, 1980. Возможно, Сологуб пользовался изданием: *Левестам Г. М.* Исторический очерк древнескандинавской поэзии скальдов. Варшава, 1872.

112. *Ежегодник 2009—2010.* С. 491.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 62—62 об. (беловой, с синхронной правкой).

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 18: «Неприятно для поэта», ст. 24: «Думаю, что жизнь — ошибка».

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

113*. *Ежегодник 2002.* С. 178.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 57—57 об. (беловой, с правкой). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 794—795 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 875 (вар. ст. 23: «И взор, надменно-величавый»); 2) там же, л. 875 (1) (исходный текст: вар. машинописи 1, правка чернилами и карандашом).

Печ. по машинописи 2.

114. *Ежегодник 2002.* С. 179.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 57 об.—58 (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 996—998 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1153.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 7: «Для тебя годится злато», ст. 12: «Есть свое употребленье», ст. 18: «Поклоняйся же ему», ст. 20: «Покидая сердцем тьму», ст. 26—27: «Пусть объят он будет пламем, / Как в аду объятый бес», ст. 32: «Нет приличного пути».

Возможно, иллюстрация сюжета из всемирной истории — о распространении христианства и борьбе с язычеством в Дании в X—XI вв.

115*. *Ежегодник 2002.* С. 180.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 58 об. (беловой, с правкой; текст приведен к вар. машинописи 1). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1498 (дата: *23 августа 1880* — зачеркнута), ед. хр. 6, л. 1874а, *без даты*; 2) там же, л. 1874 (1) (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1); дата: *23 августа 1880.* Дата алф. и хрон. карт.: *23 августа 1880.*

Печ. по машинописи 2.

Вар. машинописи 1, ст. 5—6: «Ты любимых песен, / Все сидишь, грустя»; ст. 11—12: «Погулять беспечно / Радостной весной».

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Перекликается с поэмой Н. А. Некрасова «Саша» (1854—1855). Ср.: «Нетронутых сил / В Саше так много сосед пробудил...~ В добрую почву упало зерно — / Пышным плодом отродится оно!».

116. *Ежегодник 2009*. С. 492.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 61—61 об. (беловой, первонач. вар. ст. 2: «Так воздушны и светло-прозрачны»).

Печ. по автографу.

117. *Ежегодник 2002*. С. 181.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 59 (беловой, с правкой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 221, ед. хр. 2, л. 173; ед. хр. 2, л. 173. Датировка автографа и хрон. карт.: *Начало сентября. Воскресенье и понедельник 1880*; запись в алф. карт. утрачена.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар., ст. 7—8: «Ведь ей не заменишь, как прежде, / Веселого пламя зари!», ст. 16: «Мне голос учителя был», ст. 20: «Мне голос высокий звучал».

118*. *Ежегодник 2002*. С. 181.

Автограф: 1) ед. хр. 33, л. 4 об. (карандашом); с топографич. пометой: *СПб. Пятница. Учительский институт*; находится среди черновых набросков к поэме «Одиночество» (1882); 2) ед. хр. 1 а, л. 61 (беловой, правка в ст. 2, первонач. было: «С лаской нежною и трепетом»), без деления на строфы, без топограф. пометы; заглавие: **Греза.** Хрон. карт. без заглавия; алф. карт. под заглавием: **Греза.**

Печ. по автографу 2.

Учительский институт. — См. примеч. № 100 и 123.

ДРиВ: Печ. по автографу 1.

119. *Ежегодник 2009*. С. 493.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 63 (беловой, ст. 11—14 вписаны позднее); датировка после ст. 10.

Печ. по автографу.

Ап: «Цветков» (под текстом, рядом рисунок: голова в профиль, вероятно, портрет Цветкова).

Гусь-каплюжник. Каплюжник — пьяница на чужой счет (*Даль 2*. С. 88). *Цветков Зосима Васильевич* — сокурсник Ф. Тетерникова по Учительскому институту, упоминается в протоколах педсовета института за 1879—1882 гг. (ЦГИА СПб., ф. 412 (Учительского института), оп. 1, ед. хр. 213), а также в автобиографической записи Сологуба о жизни в институте: «Кража сахара в учительской. 〈...〉 Учителя не поверили. Кража часов. Совещание. Герасименко. Цветков — гусь. Лопачев»; «В публ〈ичном〉 доме. Гусь — Цветков, бормотун в очках» (*Канва*. С. 252—253). Цветков был сослуживцем Сологуба по Вытегорской Учительской семинарии (1889—1892); упоминается в письмах 1891 г. к В. А. Латышеву (ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 30) и воспоминаниях о службе Сологуба в Вытегре (*Калицкая*. С. 264—265).

120. *Ежегодник 2009—2010.* С. 493.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 64—64 об. (беловой).

Печ. по автографу.

Ап: под текстом — рисунок (голова в профиль, рядом — две босые ступни), вероятно портрет Вембера.

Вембер Петр Васильевич — сокурсник Ф. Тетерникова по Учительскому институту, впоследствии инспектор народных училищ г. Либава. Упоминается в протоколах педсовета института за 1879—1882 гг., а также в Дневнике С.-Петербургского Учительского института (1880—1881), в записи от 14 февраля 1881 г., в графе «Неисправности воспитанников и наказания»: «Попов, Скворцов, Вембер, Тетерников не были на уроке пения» (ЦГИА СПб., ф. 412, оп. 1, ед. хр. 247, л. 181 об.). *Вембер так спесив всегда... Отвернулся и прошел...* — Автобиографический мотив, см. запись Сологуба о жизни в институте: «Шестов из Института шел домой босиком. ⟨...⟩ встреча с Вембером. Шестов к нему. — Вембер отвернулся и прошел» (*Канва.* С. 252). По документам Учительского института из 66 воспитанников на 1881 г. только двое были дворянами, все остальные — детьми мещан, крестьян и священников; вероятно, Вембер кичился своим дворянским происхождением.

121. *Ежегодник 2002.* С. 181.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 61 об. (беловой, с послойной правкой чернилами и карандашом, текст приведен к маш.); заглавие: **На алтарь неведомому Богу** (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1521, ед. хр. 6, л. 1904; без заглавия. Алф. карт. под заглавием: **На алтарь неведомому Богу.**

Ап: «Р⟨едакция⟩» (автограф).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Поздний промежуточн. вар. автографа, ст. 1—4: «[Все в ней спокойно, / Все в ней прекрасно, / Все в ней так / Тихо и ясно]».

Б. Печ. по машинописи.

Сологуб предполагал включить этот текст в поэму «Одиночество» (1882); см. примеч. № 155.

122. *Ежегодник 2009—2010.* С. 494.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 65 (беловой, с синхронной правкой), *без даты.* В алф. и хрон. карт. ст-ние не зафиксировано. Список рукой О. Н. Черносвитовой: ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 89, л. 55—56, *без даты.* Текст датируется по местоположению — между автографами поэтических текстов, датированных *25 и 29 сентября 1880.*

Печ. по автографу. Первонач. вар., ст. 7: «Самовар уже вскипел», ст. 22: «Мы это назовем наследством».

В «Материалах к биографии Ф. Сологуба» сообщается: «Сохранилось шуточное стихотворение Федора Кузьмича, писанное позднее, вероятно в Крестцах: в нем отразились мирные минуты этой интимной жизни и та игра слов и блестки остроумия, которые всегда были свойственны Федору Кузьмичу и, очевидно, также сестре и матери; привожу стихотворение целиком ⟨далее следует текст. — *М. П.*⟩» (*Черносвитова.* С. 232—233).

123. *НС.* С. 21.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 66—66 об. (беловой, с правкой; записан карандашом; текст приведен к основному; разночтение в ст. 31: «Косными славный речами»). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 733—734 (датировка вписана карандашом, на л. 734 об.), ед. хр. 3, л. 824 (датировка вписана карандашом). Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *29 сентября 1880.*

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 10: «Длинно-сложенным рассказом», ст. 25—26: «Есть и Гербач живописный, / Ухов, известный гимнастик», ст. 28: «Грустный он, как головастик».

Мне в Институте живется... — В 1880—1882 гг. Сологуб получал образование в Учительском институте (с 1872 по 1917 г. находился на 13-й линии Васильевского острова, дом № 28, здание сохранилось); подробнее об этом периоде его жизни см.: *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л.: Колос, 1924 (гл. 8, 9). *Писатель-Инспектор.* С. 25—28. *Капитон Иванович Смирнов* (1825—1902) — педагог, автор популярного учебника по географии; директор 5-й гимназии. *Василий Алексеевич Латышев* (1850—1912) — методист-математик, главный редактор журнала «Русский Начальный Учитель» (1880—1911), наставник Сологуба. Сохранились черновики писем Сологуба к Латышеву за 1882—1892 гг. и ответные письма Латышева (ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 30; оп. 3, ед. хр. 392); значительные фрагменты в извлечениях приведены в кн.: *Писатель-Инспектор* (С. 31—36, 41—45). *Яков Григорьевич Гуревич* (1843—1906) — педагог, редактор-издатель журнала «Русская школа»; владелец и директор частной гимназии. *Лангобарды* — племя западных германцев, первоначально жившее по реке Эльбе и затем переселившееся на Дунай; в VI в. образовало свое государство и перекочевало в северную Италию. *Александр Владимирович Рыбчинский* — преподаватель письмоводства. *Константин Григорьевич Галлер* — учитель пения. *Яков Наумович Наумов* (?—1912) — педагог, директор Учительского института. *Карл Карлович Сент-Илер* (1834—1901) — педагог, зоолог, автор работ по физиологии растений, директор Учительского института; приводим недатированную запись Сологуба о нем: «Поседел, но бодр и очень добродушен. Любит тонкую, то есть незаметную лесть, такую, про которую нельзя сказать: льстит, а можно сказать: „воздает должное“. Кажется, похож не столько на француза, сколько на обрусевшего немца, немножко даже на колбасника смахивает. „Вот уж это у нас не полагается!“» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 264). *Но Сент-Илера просили / Мама и бабушка вместе...* — Ср. автобиографическую запись: «Мать и бабушка у Сент-Илера. Просят сечь. Позвали и меня. Назидание Сент-Илера. ⟨...⟩ Несколько раз р⟨озги⟩ у Сент-Илера. Все три года по несколько раз С⟨ент⟩-Ил⟨ер⟩ призывал к себе и меня секли» (*Канва.* С. 252). После окончания института Сологуб получил место учителя в Крестцах Новгородской губ.; Сент-Илер оказывал протекцию бывшему ученику, способствовал его переводам по службе в Великие Луки в 1885 г. и Вытегру в 1889 г., а также получению места учителя в Петербурге в 1892 г. (см.: *Писатель-Инспектор.* С. 28—31).

124*. *Ежегодник 2002.* С. 183.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 68—68 об. (беловой, правка карандашом; текст приведен к основному, за искл. ст. 27, 32, 33), заглавие: **Пария-поэт.** Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1540, ед. хр. 6, л. 1937; без заглавия. Алф. карт. под заглавием: **Пария-поэт.**

Ап: «38 ⟨стихов⟩; р⟨едакция⟩» (автограф, карандашом).

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 20.

Сологуб предполагал включить этот текст в поэму «Одиночество» (1882); см. примеч. № 155.

125*. Автограф: ед. хр. 1 а, л. 67—67 об. (исходный беловой, с густой послойной правкой чернилами и карандашом; текст приведен к основному; разночтения: ст. 12: «Забудь души твоей томленья»; ст. 35: «В душе о нем отрадных нет»); первонач. заглавие: **Отрывок.** Машинопись: 1) ед. хр. 33, л. 82—83 («Одиночество»), 2-й экз. маш.; 2) ед. хр. 3, л. 1145, 1-й экз. маш. В алф. и хрон. карт. принадлежность к поэме не отмечена.

Ап: «Раньше» (автограф; под датировкой).

Печ. по машинописи 2.

126. *НС.* С. 22.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 68 об. (беловой). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1316.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, ст. 7: «И покрывается гора», ст. 9: «Наутро просветлеет рано», ст. 11: «Туман, пред солнцем исчезая».

127*. *Ежегодник 2009—2010.* С. 494.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 60—60 об. (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1137.

Печ. по машинописи.

Тематически примыкает к поэме «Одиночество» (1882), см. примеч. № 155.

Ап: «37 ⟨стихов⟩» (на полях карандашом).

128. *Ежегодник 2009—2010.* С. 495.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 67 об.—68 (беловой). Хрон. карт. без заглавия.

Печ. по автографу.

Перепев темы женской доли из поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1864), ср.: часть первая «Смерть Крестьянки», гл. 3. «Три тяжкие доли имела судьба...».

129. *Ежегодник 2002.* С. 183.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 59 об.—60 (беловой, правка карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1571—1572, ед. хр. 6, л. 1994.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, ст. 20: «И грузным гнетом дум суровых», ст. 28—29: «Но встреча с музой молодой / Одной безвыходно напрасной»; первонач. вар. ст. 42: «Не нахожу я образов».

Ср. с текстом черновых набросков к поэме «Одиночество» (1882), фрагменты 22 и 23.

130. *Ежегодник 2009—2010.* С. 496.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 73 (беловой, с правкой; под текстом рисунок: иллюстрация к тексту).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Он дежурный был на кухне».

Офицеров — сокурсник Сологуба по Учительскому институту; см. автобиографическую запись: «Офицеров и пышки. Его дежурство. Тайно съел и потребовал других» (*Канва*. С. 252).

131*. *НС*. С. 24.

Автографы: 1) ед. хр. 1 а, л. 75—75 об. (беловой, с карандашной правкой в ст. 1); 2) там же, л. 74—74 об. (нижний слой соответствует автографу 1; послойная правка чернилами и карандашом; текст приведен к основному), *без даты*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 928—929, ед. хр. 3, л. 1052; *без даты*. Дата алф.: *6, 8 февраля 1881*. Хрон. карт. (2 карточки): 1) *6, 8 февраля 1881*, 2) с отсылкой на ред. *6 февраля 1881*. Алф. карт. под заглавием: **Подражание Амосу**; первонач. вар. ст. 1: «Я не пророк, не сын пророка...».

Ап: «**Страх**. 1. Смерти. 2. Тайны. 3. Призраков. 4. Унижения. 5. Бедности. 6. Мучений» (на обороте карточки хрон. карт.).

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по автографу 1. Промежуточн. вар. приводятся по автографу 2.

Амос — пророк, не принадлежавший к пророческим братствам («сынам пророческим»), был простым пастухом в иудейском городе Фекоя (Текоя). Книга пророка Амоса не случайно привлекла внимание юного Сологуба — она отвечала его демократическим настроениям: основная тема пророчеств — обличение общественных зол; в угнетении бедных автор видел оскорбление Бога. *Галаад* — земля к востоку от Иордана, упоминается в пророчествах Амоса (Амос 1:3, 13). *Клеймил левитов и народ*. — Имеется в виду содержание двух первых частей «Книги пророка Амоса» — «Пророчество о суде над народами» и «Суд над Израилем» (Амос 1:6).

132*. *ИМ*. 1890. № 5. 4 февраля. С. 55; подпись: *Федор Тетерников*. — *АМ*. С. 24.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 72—72 об. (беловой, правка чернилами и карандашом), с делением на строфы. Печ.: вырезка из журнала *ИМ*: ед. хр. 4, л. 1715 (правка карандашом и чернилами), *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *22 февраля 1881*. Алф. карт. без заглавия.

Ап: «Послано в Иллюстрированный Мир. 14 января 1890» (алф. карт.).

Печ. по: *АМ*.

ДРиВ: *А*, печ. по нижнему слою автографа; *Б*, печ. по *ИМ*, с учетом позднней карандашной правки.

133. *Ежегодник 2009—2010*. С. 496.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 71 об.—72 (беловой, синхронная правка чернилами, позднейшая — карандашом). В алф. карт. без заглавия.

Печ. по автографу. Первонач. вар., ст. 3: «Где вернулася весна», ст. 5: «Где поют, летая, птицы», после ст. 19 было: «Поля вольного жилица», ст. 21: «Этот мир угрюм и тесен». Поздний вар. ст. 22: «[Мир унынья и потерь]» (карандашом на полях справа).

134. *НС*. С. 24.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 76 об. (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), под заглавием: **Идиллия**. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 799, ед. хр. 3, л. 879. Алф. и хрон. карт. под заглавием: **Идиллия**.

Ап: «19 ⟨стихов⟩» (автограф, карандашом на полях).

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 5: «И ножки белые купая», ст. 10—14: «Ей было жарко: солнце жгло, / На лбу стояли капли пота, / А здесь прохладно и светло, — / Но все ж объемлет тяжело / Ее полдневная дремота».

Ср. ред.: № 102.

135*. *Пауэр*. С. 1.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 77 (беловой, правка карандашом), датировка вписана карандашом: *23 мая 1881*. Машинопись: 1) ед. хр. 5, л. 1778 (ст. 3 — *как в автографе*, ст. 4 — *как в основном тексте*), *без даты*; 2) там же; текст соответствует основному, за искл. ст. 6 — *как в автографе и машинописи 1*, 3) ед. хр. 1 (2), л. 1431 (дата вписана карандашом). Первонач. вар. ст. 1 алф. карт.: «У человека другом пес». Датировка машинописи 2, алф. и хрон. карт.: *23 мая 1881*.

Машинопись, с правкой: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 3 (соответствует машинописи 1).

Ап: «Наблюдатель. 5 сентября 1896; Словцо. 4 января 1900» (алф. карт.).

Печ. по машинописи 3.

136. *Ежегодник 2002*. С. 184.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 78 (строфы I—III — чернилами, строфы IV—VII — карандашом, с правкой, текст приведен к основному), строфы I—III датированы: *6 июня 1881* (чернилами), строфа IV: *6 июня 1881* (карандашом, зачеркнуто). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1416, ед. хр. 5, л. 1754.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, между ст. 8 и 9 *было*: «Увы! природа жестока, / Творят не только злые злое»; ст. 19: «С ним мать испортит своего».

Умейте же соединить / Свободу им и дисциплину...~ ответ / Держи за каждый свой поступок. — Квинтэссенция педагогических воззрений автора, получивших наиболее развернутое обоснование в его апологетической статье в защиту телесных наказаний, — «О телесных наказаниях» (1893; текст в извлечениях см.: *Писатель-Инспектор*. С. 467—486).

137. *БП*. С. 80.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 81 (с правкой, ст. 1—14 — карандашом, ст. 15—24 — чернилами). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1305, ед. хр. 4, л. 1545.

Печ. по машинописи.

Первонач. порядок строф автографа: 2, 1.

Вариация на тему ст-ния И. Сурикова «У могилы матери» («Спишь ты, спишь, моя родная...», 1866).

138*. Автографы: 1) ед. хр. 1 а, л. 69 (беловой, с правкой, текст приведен к автографу 2, за искл. ст. 2 и ст. 11), датировка: *24 июля 1881*; 2) ед. хр. 1 а, л. 70 (беловой, карандашом), *без даты*.

Печ. по верхнему слою автографа 2.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа. 1. Поздний вар. ст. 11: «Но не советы, — укоры».

Ариадна (*греч. миф.*) — дочь критского царя Миноса, во владениях которого находился Лабиринт, где обитало чудовище Минотавр; полюбив афинского героя Тезея, которого Минос хотел отдать в жертву чудовищу, Ариадна тайно дала ему меч и клубок нитей; с их помощью он убил Минотавра и выбрался из Лабиринта. Миф об Ариадне — один из знаковых в творческом сознании Сологуба; поэт обращался к нему многократно в 1883—1896 гг. и в позднейшее время. Имя *Ариадна* носит одна из главных героинь его раннего, незавершенного романа «Ночные росы» (начало 1880-х; см.: *Писатель-Инспектор*. С. 57—60); среди поздних невоплощенных художественных замыслов писателя, со слов П. Н. Медведева, — роман «Ариадна» (*Медведев П. Н.* Из встреч с Ф. К. Сологубом летом 1925 г. в Царском Селе // Частное собрание). В рецензии на первую книгу стихов поэта Брюсов отметил: «...повторяя античные мифы — Сологуб занят лишь собой, своими отношениями к миру 〈...〉 рассказывая нам о Тезее, о Ариадне 〈...〉 〈он〉 ищет лишь примеров ярких образов, выражающих его субъективные воззрения на мир и на жизнь» (*Брюсов В.* Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. Вступ. статья и коммент. Н. А. Богомолова М.: Сов. писатель, 1990. С. 308 (Федор Сологуб. Собрание сочинений, т. 1)).

Ср. ред.: № 152; № 293 А, № 293 Б; «Царевной мудрой Ариадной...», *17 марта 1896*; «Царевной мудрой Ариадной...», *27 апреля 1896*.

139*. *НС*. С. 23.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 75 об.—76 (беловой, с правкой, текст приведен к основному; разночтения: ст. 9—10: «Все он семью вспоминает, / Об родимой стороне»). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1005—1005 об., ед. хр. 3, л. 1181.

Печ. по машинописи.

Геок-Тепе — текинское поселение, крепость, построенная в 1879 г. в период военной экспедиции генерала И. Д. Лазарева в Ахал-Текинский оазис (Туркестан). Во время штурма крепости 28 августа 1879 г. русские не овладели укреплением и отступили с большими потерями. Повторный штурм, предпринятый генералом М. Д. Скобелевым в январе 1881 г., закончился победой и присоединением завоеванной территории к России. Перекликается со ст-нием И. Сурикова «Часовой» (1863).

140*. *Пауэр*. С. 2; без топографической пометы.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 82 (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1). Машинопись: 1) ед. хр. 6, л. 1992; 2) там же, л. 1992 (1), при датировке: *Вечер. Улицы*. Алф. карт.: *21 августа 1881, вечер, улицы, перед портретом И. М. Ф.*

Машинопись, с правкой: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 4 (первонач. вар. ст. 20: «Вынужден страданьем»).

Печ. по машинописи 2.

Вар. ст. 4 машинописи 1: «Дарят таинственным волненьем».

Перед портретом И. М. Ф. — Вероятно, имеется в виду выставленный в витрине магазина портрет Марии Федоровны (1847—1928; датская принцесса Мария-София-Фредрика-Дагмара), супруги (с 1866 г.) Александра III, в 1881 г. ставшей императрицей.

141*. Отмена Визитов. 1915. 22 марта. С. 7. — *АМ*. С. 140.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 83 (беловой, правка чернилами, позднейшая — карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 815, ед. хр. 3, л. 906 (дата вписана карандашом; текст соответствует *АМ*). Дата хрон. карт. и *АМ*: *5 августа 1881*.

Печ. по *АМ*.

142*. *НС*. С. 25.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 84—84 об. (черновой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 188; ед. хр. 2, л. 239.

Печ. по машинописи.

143. *Ежегодник 1990*. С. 158. «Из дневника».

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 85 (беловой, карандашом, на обороте машинописного листа из статьи «Наблюдения и мечты о театре»; опубл.: Русская Мысль. 1918. № 1 и 2); в составе группы автографов, объединенных одной обложкой с надписью: «Ранние стихотворения из дневников и автобиографического характера» (рукой О. Н. Черносвитовой). Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 81, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *8 октября 1881*.

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Сюжет (посещение кладбища ночью) получил развитие в рассказе «Земле земное» (впервые: Север. 1898. № 21—24. 24, 31 мая, 7, 14 июня; *ССС III*. С. 167—212; *СС1*. С. 459—488).

144. *Ежегодник 2002*. С. 185.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1597, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *24 октября 1881*.

Печ. по машинописи.

145. *Ежегодник 2002*. С. 185.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 85 (беловой, с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 977 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1124.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 4: «Все хорошее в ущербе», ст. 9: «И улыбки так сладки», ст. 11—12: «А как видит⟨?⟩, — дураки, — / Так дела ужасно гадки».

146*. *ИМ*. 1894. № 16. 17 апреля. С. 3: **Ожидание**, подпись: *Т*.

Автограф («Смазал петли я в калитке...»): ед. хр. 1 а, л. 92 (черновой, правка чернилами, позднейшая — карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1287, ед. хр. 4, л. 1524; без заглавия, *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *Осень 1881*. Автограф, машинопись, алф. и хрон. карт. без заглавия. Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Смазал петли я в калитке»; в алф. карт. («Снял затворы я с калитки...»): *а* «Я в калитке смазал петли», *б* «Смазал петли я в калитке».

Печ. по первой публикации.

Ср.: «Чем свежее становилось...», *24 января 1893*.

147. *Ежегодник 2002*. С. 185.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1189.

Печ. по машинописи.

Сент-Илер — см. примеч. № 123. *Капитон* — возможно, имеется в виду К. И. Смирнов, преподаватель географии. *Лопачев Михаил Васильевич* (род. в 1862 г., из крестьян) — сокурсник и товарищ Сологуба по Учительскому институту; согласно воспоминаниям их соученика, Лопачев был посвящен в творческие планы поэта, см.: «Тетерников не посвящал нас в свои размышления, хотя, кажется, читал что-то М. В. Лопачеву; но и тот молчал и хранил тайну Феди» (*Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. С. 67). После окончания института Лопачев был направлен учителем в Сибирь, сохранилось его 11 писем к Сологубу за 1882—1892 гг. (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 421).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

148*. *Ежегодник 2002*. С. 186.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 101 (беловой, с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1019, ед. хр. 3, л. 1184; дата вписана карандашом.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

149. *Пауэр*. С. 2.

Автограф («То примчится волна, то умчится волна...»): ед. хр. 1 а, л. 100—100 об. (черновой набросок, с густой послойной разновременной правкой, последовательность вариантов не очевидна; Δ), ст. 1—8 датированы: *январь 1882*; ст. 9—16: *19 февраля 1882*. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 798; 2) ед. хр. 3, л. 882 (первонач. вар. соответствует машинописи 1; правка чернилами). Вар. ст. 1 карт.: «То примчится волна, то умчится волна».

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 5.

Печ. по машинописи 2. Первонач. вар. ст. 3: «Как больная жена, все к утесу она».

150*. *Ежегодник 2009—2010*. С. 497.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 108—108 об. (черновой, правка чернилами и карандашом).

Печ. по автографу.

151*. *Ежегодник 2002*. С. 187.

Автограф («Я написал бы вам и стансы...»): ед. хр. 1 а, л. 109—109 об. (беловой, с правкой). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1564—1565 (дата вписана карандашом; ед. хр. 6, л. 1983; 2) ед. хр. 1 (1), л. 305—306 (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1), дата вписана карандашом: *22 марта 1882* (зачеркнуто). Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Я написал бы вам и стансы...», дата автографа, алф. и хрон. карт.: *22 марта 1882*.

Печ. по машинописи 2.

Вам напишу я: рифмы есть, / И много их... — Ср.: «Много и рифм у меня, много размеров живых...» (А. А. Фет «Друг мой, бессильны слова, — одни поцелуи всесильны...», 1842).

Ср. преемственный текст: № 419.

152*. *ПГ*. 1918. № 59. 14 апреля. С. 1: **В лабиринте** — *КД*. С. 35.

Автографы: ед. хр. 1 а, л. 103 (черновой), без заглавия; строфа III вписана на полях; строфа VI вписана под датировкой; там же — незавершенный вар. строфы III: «Жертв преждевременных тени, / Путь роковой стерегут. / О, как ужасны их раны!». Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 321, датировка: *5 апреля 1882*; 2) там же; ед. хр. 1 (2), л. 288—289; порядок строф: 1—2—4—5 6—3, датировка: *5 апреля 1882*. Автограф, машинопись и карт. без заглавия. В хрон. карт. с отсылкой на раннюю ред.: *24 июля 1881*. Даты алф. карт.: *24 июля 1881, 5 апреля 1882, 7 ноября 1883*.

Ап: «Петроградский Голос. 12 апреля 1918; Послано в Творчество. Абрамов. 12 февраля 1920» (алф. карт.). «Творчество» — московское издательство (и одноименные альманахи 1917—1918 гг.), руководимое Соломоном Абрамовичем Абрамовым (1884—1957).

Печ. по: *КД*.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Сологуб предполагал включить текст в поэму «Одиночество», см. примеч. № 155.

См. примеч. № 138.

Ср. ред.: № 138; № 293 А, № 293 Б; «Царевной мудрой Ариадной...», *17 марта 1896*; «Царевной мудрой Ариадной...», *27 апреля 1896*.

153. *Ежегодник 2002*. С. 189.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 86—86 об. (беловой, карандашом); датировка: *22 июля 1881*; в составе группы автографов, объединенных одной обложкой с надписью, сделанной О. Н. Черносвитовой: «Ранние стихотворения из дневников и автобиографического характера». Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 87, дата вписана карандашом: *22 июля 1881*; ед. хр. 2, л. 249, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *22 июля 1882*.

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Босоногим мальчуганом / Здесь блуждал я и мечтал... — Автобиографический мотив: «С хождением босиком у маленького Феди связаны радостные воспоминания. Его часто посылали с поручениями: отнести письмо или сбегать в лавочку за хлебом, за водкой, когда гости придут, за чаем, за сахаром. Ребенок рад был вырваться из душной атмосферы. Выскочив на волю, он мгновенно забывал домашние невзгоды и радостно носился, шлепая босыми ногами по лужам, весь отдаваясь зелени, весеннему небу и своим мечтаниям. ⟨...⟩ Хождение босиком, прикосновение голых ног к теплой земле и мягким травам навсегда было мило Ф⟨едору⟩ К⟨узьмичу⟩ и переносило его в мир фантазии» (*Черносвитова*. С. 231).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

154*. *Ежегодник 2002*. С. 190.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 106 об. (беловой, правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 623;

ед. хр. 3, л. 685 (дата вписана карандашом). Дата автографа, машинописи, алф. и хрон. карт.: *27 июля 1882.*

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 13 по позднему вар. автографа.

155. Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 14—35 — *Писатель-Инспектор.* С. 389—410.

Автографы: 1) ед. хр. 33, л. 1—83 (черновой, с густой разновременной послойной правкой чернилами и карандашом; Δ); 2) там же, л. 84—99 (беловой, с правкой), с эпиграфом и посвящением Н. А. Некрасову («Печальник общего страданья...», *27 июля 1882*) — промежуточная редакция. Перед текстом атрибуция дарителя: «Рукопись поэмы Ф. К. Сологуба „Одиночество". Найдена в архиве В. А. Латышева (учителя Ф. К. Сологуба по СПб. Учительскому Институту) и передана в Рукописное Отделение Пушк⟨инского⟩ Дома с согласия вдовы его, Е. В. Латышевой, Ф. А. Васильевым-Ушкуйником. 21/VI—29 года» (л. 84). Датировки автографов: *21 января* (фрагмент 59 «Черновых набросков»), *7 марта* (фрагмент 60), *19 марта* (фрагмент 21), *27 июля 1882* («Посвящение Некрасову»); *25 марта 1884* (фрагмент 20); *24 марта 1884, 1890* (фрагменты 49—53).

Машинопись: 1) **Пролог** («Тоской младенческой души...»): там же, л. 78—81, *без даты*; 2) **Отрывок из поэмы «Одиночество»** («Опять сам-друг с моею думой...»): там же, л. 82—83, датировка: *Октябрь 1880.* На правах самостоятельного произведения выделен автором в основной корпус *МПСС*, см. № 125.

Даты алф. и хрон. карт.: *1880, 28, 29 июня, 1, 3 июля 1881, 21 января, 14 февраля, 7, 16, 19 марта 1882, 25 марта 1884, 6 июля, 3 августа 1889.*

Ап: «2-ая ред⟨акция⟩» (на полях «Пролога», л. 6); [«Но почему? но почему?»] (на полях фрагмента 30), «Одежда, воля» (на полях фрагмента 32), «Педагоги. Сатира» (на полях фрагмента 36); «Живой» (на полях ст. 40—41 фрагмента 38), «[Идиотизм]» (на полях ст. 13—17 фрагмента 39); «Пушкин. Пушкина ⟨1 нрзб.⟩» (на полях ст. 6—9 фрагмента 59).

А. Печ. по верхнему слою автографа 2.

Б. Печ по машинописи 1.

ДРиВ: Печ. по автографу 1. Черновые наброски и подготовительные материалы к поэме приведены полистно в соответствие с архивной пагинацией, по верхнему слою. Первая редакция текста воспроизводится по нижнему слою автографа 1 с учетом синхронной правки в тех случаях, когда без нее связный текст не читается; вторая редакция — по верхнему слою автографа 1.

Все материалы печатаются в хронологической последовательности. Во избежание контаминации разновременных слоев правки варианты к черновым наброскам, а также варианты первой и второй редакций не приводятся.

Комплекс рукописных материалов поэмы включает: 1) авторские планы и черновые наброски, записанные на отдельных листах и обрывках листов (всего 101 л.), в их составе — черновой текст поэмы первой и второй редакций, с вари-

антами, с авторской нумерацией стихов (всего 812); все тексты объединены общей обложкой под заголовком «Черновики поэмы „Одиночество“» (надпись рукой О. Н. Черносвитовой); 2) беловую рукопись промежуточной редакции с авторской правкой (текст поэмы — 490 стихотворных строк, посвящение — 20); 3) авторизованные машинописи с текстом «Пролога» (150 стихов; поздняя редакция) и «Отрывка из поэмы „Одиночество“» (41 стих). Общий объем рукописей — более 1000 стихотворных строк. Отдельные листы с выписками и набросками к поэме встречаются также в ед. хр. 539 и 539 а.

Согласно предварительному плану (осуществлен не был), Сологуб предполагал инкорпорировать в «Одиночество» стихотворные тексты 1880—1889 гг., см.: «Включить в поэму: „Покой и битва“ 〈«Смолкнет волнение сечи...», *25 июня 1880. — М. П.*〉 (последнее объяснение); „На алтарь неведомому Богу“ 〈«Шел я угрюмый...», *27 сентября 1880. — М. П.*〉 (в деревне на уроках); „Пария-поэт“ 〈«Я вспомнил повесть давних лет...», *30 октября 1880. — М. П.*〉 (Лик толпы); „Ариадна“ 〈«Где ты, моя Ариадна...», *5 апреля 1882. — М. П.*〉 (перед 2-ю любов〈ью〉); „Весенний вечер“ 〈«Воздух ароматный...», *8 июня 1880. — М. П.*〉 (деревня); „И пусто, и туманно“ 〈«Молчит... И пусто, и туманно...», *28 апреля 1880. — М. П.*〉 (перед 2-ю люб〈овью〉)» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 110). По-видимому, он также предполагал включить в поэму ст-ния: «Мне почудилась она...» (заглавие карт. **Греза**, *12 ноября 1880*; приложено к черновым наброскам поэмы); «Там, где статуя блистала...», *6 июля 1889*; ср. дату написания и план поэмы (л. 3) и фрагмент черновых набросков 〈39〉 «Меж статуй и картин стоит...» (не датирован).

Можете ли вы показать мне... — Цитата из речи доктора медицины Б. У. Ричардсона, произнесенной на санитарном конгрессе в Брайтоне в декабре 1881 г. (*Ричардсон Б. У.* Время посева здоровья // Народная школа. 1882. № 4. С. 17—18). На протяжении всего 1881 г. в этом журнале освещались материалы конгресса гигиенистов, а также печатались заметки пользовавшегося популярностью в те годы доктора А. Верениуса, с которым Сологуб состоял в личном знакомстве, см.: «Школьная гигиена за последние годы» («Народная школа». 1881. № 2, 3, 6—7, 8).

Как ты, немногими любимый... — Обращение «немногими любимый» не соответствовало объективной картине восприятия Некрасова и его поэзии в конце 1870-х—1880-е гг. Подробнее см. в примечании к ст-нию «Скоро стану добычею тленья...» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. Т. 3. Л., 1982. С. 474).

Мы все отцов преступных дети, / В себе мы носим отчий яд... — Апелляция к теории наследственности и вырождения, широко обсуждавшейся в естественнонаучной литературе последней трети XIX в. (тема подробно освещается в кн.: *Матич Ольга.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М.: Новое лит. обозрение. 2008. С. 14—23).

И вырастает он, как раб... — Ср. недатированную запись автора: «Психология для рабов. 1. Религиозность. 2. Дух времени. 3. Национальность. 4. Среда» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 а, л. 15 об.).

Он был угрюм, и худ и бледен... ~ Он умирал... — Ср.: «Мастурбация есть самый надежный, если не самый прямой путь к смерти», «порок читается прямо на лице» (Нет более онанизма, венерической болезни, поллюции, мужского бессилия и женского бесплодия. Практические средства снова восстановлять и укреплять здоровье, расстроенное этими болезнями. М., 1865. 2-е изд. С. 42, 13). В статье «Тайный порок», печатавшейся в трех номерах специального педагогического сборника, доктор В. Дитман, например, писал о последствиях «опасной привычки»: «Дальнейшее развитие болезненного поражения психических отправлений, разума, чувства и воли ведет мало-помалу к полному расстройству их в случаях, в которых онанизм вполне овладевает несчастными, предававшимися этому пороку, и в конце концов следует смерть со всеми признаками физического и психического истощения» (Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. Кн. 4. 〈СПб.,〉1871. С. 556).

...Благочестив он был, как Ной, / И наградил его Создатель / Трудолюбивою женой. — Ср. «Всегда довольный сам собой, / Своим обедом и женой» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин», глава первая, XII).

И может быть, была б она / До гроба верная жена... — Ср.: «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин», глава восьмая, XLVII).

И разостлал над ними Лель... — Лель — персонаж в славянской мифологии, по одной из версий — языческий бог, упоминается в народных свадебных песнях.

Как лань дика и боязлива... — Ср.: «Как лань лесная боязлива» (А. С. Пушкин «Евгений Онегин», глава вторая, строфа XXV).

Томима страхом и стыдом / окольным движется путем... — Ср.: «Усталый, жаждою томимый», «Стыда и тайной муки полный» (М. Ю. Лермонтов «Беглец. Горска легенда». 1838?).

Авторские планы

Он не умеет нежничать и разыгрывать сем〈ейные〉 комедии. — Автобиографический мотив, ср.: *Черносвитова.* С. 237.

...ночь в объятиях каменной статуи... — Сюжет нашел воплощение в ст-нии Сологуба «Там, где статуя блистала...» (№ 461).

Но молчи во гневе справедливом... — Цитата из ст-ния Н. А. Некрасова «Дни идут... все также воздух душен...» (1877).

Черновые наброски

〈2〉. *И часто горькими слезами / Он долго плакал над складами...* — Автобиографический мотив, ср.: «Муки мои при учении грамоты. Крики бабушки.

Колени» (*Канва*. С. 251). «Бабушкой» в семье Тетерниковых дети называли Г. И. Агапову (*Черносвитова*. С. 235).

⟨3⟩. *Ребенку хочется гулять... ~ «Займись-ка книжкою своей, / Да почитай хоть до обеда»...* — Автобиографический мотив, см. *Лица-9*. С. 505—506.

⟨4⟩. *Читал он Бокля, Молешота...* — Представители вульгарного материализма — Генри Томас Бокль (1821—1862), английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии», и Якоб Молешотт (1822—1893) — физиолог и философ. Сочинения Молешотта пользовались большой популярностью в России в 1860-е гг., среди них: «Учение о пище» (СПб., 1863), «Физиологические эскизы» (СПб., 1865), «Причины и действия в учении о жизни» (М., 1868), «Единство науки с точки зрения учения о жизни» (СПб., 1879) и др. Д. И. Писарев в особой статье дал изложение «Физиологических эскизов» («Сочинения», 1872, ч. VI).

Он книгу Маркса «Капитал»... — Имеется в виду первое издание двух первых томов главного труда Карла Маркса (1818—1883) в русском переводе (пер. Н. Ф. Даниэльсона): Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Процесс производства капитала. Издание Н. П. Полякова. СПб., 1872. 692 стр. Тир. 3000 экз.; Капитал. Критика политической экономии. Том второй. Процесс обращения капитала. Издание под редакцией Фридриха Энгельса. СПб., 1885. Тир. 3030 экз.

⟨33⟩. *Наследство мрачное Онана...~ И изливал на землю семя!* — Библейский сюжет, см.: Быт. 38: 8—9.

⟨35⟩. Во фрагменте упоминаются произведения европейских классиков: роман «Метаморфозы или Золотой осел» *Луция Апулея* (ок. 124—ок. 180); *Поль Шарль де Кок* (1793—1871) — французский писатель; роман «Дон Кихот» (1616) *Мигеля де Сервантеса Сааведры* (1547—1616) — входил в число любимых произведений Сологуба (*Черносвитова*. С. 240) и имел фундирующую рецепцию в его последующем творчестве (см.: *Багно В. Е.* Дорогами «Дон Кихота». М., 1986. С. 400—405; «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. С. 140—147). «Робинзон» (1719) *Даниеля Дефо* (ок. 1660—1731) также входил в число любимых произведений Сологуба (*Черносвитова*. С. 240); английские писатели: *Оливер Голдсмит* (1728—1774), *Генри Филдинг* (1707—1754), *Тобайас Джордж Смоллетт* (1721—1771); трагедия «Фауст» (1832) и роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821—1829) *И.-В. Гете* (1749—1832); *Вольтер* (Франсуа-Мари Аруэ, 1694—1778), вероятно, Сологуб пользовался изданием: *Вольтер*. Романы и повести, перевод Н. Дмитриева. СПб., 1870. В поздние годы он перевел повесть «Кандид, или Оптимизм» (СПб.: Пантеон, 1909), см.: *Заборов П. Р.* «Кандид» в переводе Ф. Сологуба // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение. С. 282—287; *Терсит, забавляла драка богов...* — См.: *Гомер* «Илиада» (Песнь вторая. Ст. 212—277); *Публий Вергилий Марон* (70—19 до н. э.); *Фридрих Шиллер* (1759—1805); *Алигьери Данте* (1265—1321); *Уильям Шекспир* (1564—1616) принадлежали к числу

любимых юным Сологубом авторов (*Черносвитова*. С. 240), см. недатированную авторскую запись (⟨1880-е гг.⟩) под заглавием «Спор о Шекспире»: «Порция, сама себе бедро поранившая. Глупость этого поступка; глупость подражания, вроде того, как у Забелло девушка ткнула себя перочинным ножиком: романист забыл даже, что ей было больно... Узкость ⟨так!⟩ взгляда Порции на призвание женщины-жены. Типы Гамлета и Дон-Кихота. Идея р⟨омана⟩ в этом споре. Мировоззрение Шекспира. Образец правильного спора, но живого и оживленного, органически с романом связанного» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 а, л. 96). О. Н. Забелло — переводчица, автор переложений из иностранной литературы и популярных книг: «Гордые люди. Пов. (По Бертольду Ауэрбаху)». М., 1896; «Ян Гус: Исторический очерк» СПб., 1900; «Деревушка „Благодатная“. Рассказ [из франко-прусской войны]. По Уйду». М., 1904; «Из жизни птиц (По Брему)». СПб., 1910; «Гибель Пальмиры». СПб., 1910; *Э. Т. А. Гофман* (1776—1822); *Фридрих Шпильгаген* (1829—1895) — немецкий писатель, автор актуальных политических романов, во второй половине XIX в. пользовался большой популярностью, особенно в народнической среде; *Бертольд Ауэрбах* (1812— 1882) — немецкий писатель; его роман «На высоте», по свидетельству биографа, произвел на Сологуба «глубочайшее впечатление. Чтение его совпало с тем периодом, когда мальчика начали волновать вопросы морали, он остро ставил себе проблему самоусовершенствования, внутренне казнил себя за пороки, которые в себе усматривал» (*Черносвитова*. С. 239); *Генрих Гейне* (1797—1856); *Жорж Санд* (наст. имя — Амандина Аврора Люсиль Дюпен; по мужу Дюдеван; 1804—1876); *Оноре де Бальзак* (1799—1850), в поздние годы Сологуб перевел «Озорные сказки» Бальзака и сопроводил их своим предисловием (Пб.: Полярная звезда, 1922); *Гюстав Флобер* (1821—1880); *Густав Фрейтаг* (1816—1895) — немецкий писатель; *Альфонс Додэ* (1840—1897); *Эмиль Золя* (1840—1902), о рецепции взглядов Золя в раннем творчестве Сологуба см.: *Писатель-Инспектор*. С. 82—89; *Гонкуры* — братья Жюль де Гонкур (1830—1870) и Эдмон де Гонкур (1822—1896); *Чарльз Диккенс* (1812—1870); *Уильям Теккерей* (1811—1863); *Джордж Ноэл Гордон Байрон*, лорд (1788—1824).

⟨38⟩. *И, бедный мастер, пил бы он, / Трудясь с запоя до запоя...* — Возможно, автобиографический мотив. О склонности Козьмы Афанасьевича Тетерникова (см. примеч. № 87) к пьянству биографы Сологуба не упоминают. Противоположное свидетельство сохранилось в архиве семьи Витбергов. Одна из дочерей Г. И. Агаповой была замужем за Федором Александровичем Витбергом (1846—1919) — учителем-инспектором Гатчинского Николаевского института, сыном живописца и архитектора (автора проекта московского храма Христа Спасителя на Воробьевых горах) Александра Лаврентьевича Витберга (1787—1855). «Сологуб часто гостил у Витбергов в Гатчине» (*Черносвитова*. С. 235). Предположительно Ф. А. Витберг сочинил «Шутливый проект просьбы для няни Лининой, Татьяны», в котором говорилось: «Муж мой был добрый человек, — да стряслась над ним беда — помер он, вот уж скоро пять лет тому будет, и оставил меня, горемычную, с двумя малолетками-несмышленышами. Муж мой был работящий человек, хоть и попивал иногда и меня с ребятами поколачи-

вал под пьяную руку. Ну, да что об этом вспоминать, в нашем быту редкий муж не колотил своей семьи» и т. д. (*Лица 9*. С. 506—508).

⟨40⟩. *Всегда причесан очень гладко, / Умел он улыбаться сладко* ⟨...⟩ *Был мелкой одарен душонкой...* — Вероятно, автобиографический мотив, прототипом героя послужил М. М. Агапов (см. о нем: *Черносвитова*. С. 235—236; *Лица 9*. С. 508—511). Ср. черновой набросок к ненаписанному роману Сологуба «Паразиты» (1880-е гг.): «М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩ А⟨гапов⟩ — сын развратницы, старой, легкомысленной бабы — Г⟨алины⟩ И⟨вановны⟩ А⟨гаповой⟩. Сам такой же взбалмошный, легкомысленный мот, вспыльчивый, обжора, жаден, не лишен добрых порывов, но сильно эгоистичен, рисует, пишет стихи, играет, водит дружбу с артистами и с ⟨*нрзб.*⟩ увлекательными женщинами. ⟨...⟩ Женитьба: М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩ А⟨гапов⟩ надеется на капиталы тестя, тесть — на богатое наследство. Оба обмануты» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 527, л. 1).

Зоил NN его зовет... — Нарицательное имя критика завистливого, язвительного и мелочного.

⟨61⟩. Вероятно, набросок самостоятельного стихотворения (текст имеет другую ритмическую структуру).

156. *Ежегодник 2009—2010*. С. 497.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 104—104 об. (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 88; датировка: *13 августа 1882* (вписана карандашом). Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *13 августа 1882*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 7: «В печальные дни здесь тоска утешала», ст. 12: «Хоть попросту их совершал, босоног», ст. 22: «Испытывал муки от прутьев нагих».

Ап: «Из дневника» (автограф, карандашом).

Мой город родной, я прощаюсь с тобой... — После окончания курса в Учительском институте Сологуб получил звание народного учителя и был направлен преподавать в провинцию. В августе 1882 г. вместе с сестрой (Ольгой Кузьминичной Тетерниковой, 1865—1907) и матерью, находившимися на его иждивении, он выехал из Петербурга через Новгород в Крестцы на место учителя в Крестецком городском училище.

157. *НС*. С. 27.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 105 об. (беловой с правкой, карандашом, разночтение в ст. 5: «[Окна] за спущенною сторой»). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 972 (дата вписана карандашом); 2) ед. хр. 3, л. 1119 (правка чернилами). Дата автографа и хрон. карт.: *19 сентября 1882*. Первонач. дата алф. карт.: *19 сентября 1893* (зачеркнуто).

Печ. по машинописи 2. Вар. машинописи 1 и первонач. вар. машинописи 2, ст. 5: «За спущенною сторой». *Стора* (устар.) — штора.

158*. *Ежегодник 2002*. С. 190.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 105 (беловой, с правкой). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1263.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

159. *Ежегодник 1990*. С. 143. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 53, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *19 октября 1882*.

Печ. по машинописи.

Спасибо, мама, за урок! — Автобиографический мотив; в статье «О телесных наказаниях» Сологуб писал: «...наказание за вину имеет смысл указания верного пути, приказа, как вести себя на будущее время. Поучить — вместо наказать — также часто употребляет народ, подтверждая этим поучительный смысл наказаний. Скажу из своего опыта: когда мать наказывает меня розгами, она во все время сечения, обыкновенно неторопливого, не только бранит меня, но главным образом делает мне соответствующие наставления, — в точном смысле учит меня. Так было и тогда, когда я был мальчиком, так и теперь» (*Писатель-Инспектор*. С. 467).

160. *Ежегодник 2002*. С. 191.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1041, *без даты*; ед. хр. 4, л. 1202. Дата алф. и хрон. карт.: *25 января 1883*.

Печ. по машинописи.

Написано накануне второй годовщины смерти Ф. М. Достоевского (28 января 1881), содержит известные факты биографии писателя: осуждение по делу «петрашевцев», заключение в каземат Петропавловской крепости и, затем, вслед за гражданской казнью, отбывание наказания на каторге: *Он чтил свободы идеал..., ~ Он в каземате за народ страдал...*; консервативные убеждения в последующие годы — осуждение террора: *И пылкой юности твердил о всепрощеньи*.

161. *Ежегодник 2009—2010*. С. 498.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 111.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

162. Наблюдатель. 1897. № 8. С. 284, с вар. ст. 4: «Всё моляся Богу» (третье ст-ние цикла «Ночи»).

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1161, ед. хр. 4, л. 1350.

Ап: «Русская мысль. 29 октября 1884; Наблюдатель. 28 июля 1897» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

Отголосок ст-ния М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841). Второе ст-ние, датируемое этим днем («Голубые глазки...»), неизвестно.

163. *Ежегодник 1990*. С. 119. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 7, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *20 марта 1883*.

Печ. по машинописи.

Но суровый Бальзаминов... — Андрей Николаевич Бальзаминов — учитель-инспектор Крестецкого народного училища, в котором в 1882—1885 гг. преподавал Сологуб; ср. его записи о Бальзаминове: «К сечению учеников отно-

сился с добродушной похотливостью, но обнаруживать это остерегался: не сразу решился позволить Цареву высечь сына в училище, и позволил только внизу, не при товарищах. Зато отправлял иногда учеников домой со сторожем и с приказом — сечь, причем назначалось и число ударов (30 — Красильникову). В столкновениях держался стороны сильных» (*Писатель-Инспектор.* С. 81); «1882 авг⟨уст⟩. Первые дни в Крестцах. ⟨...⟩ Розги в кабинете Бальз⟨аминова⟩. На его коленях. ⟨...⟩ Бальзаминов бил по щекам. Сек розгами. Ставил на голые колени. Брань. Скоро — на голые колени в классе. Потом и розги и очень часто, то в классе, то в мастерской. Иногда присылались на дом 4 ученика сечь» (*Канва.* С. 253).

164. *Ежегодник 1990.* С. 129. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 27—29.

Печ. по машинописи.

165*. *Пауэр.* С. 3 (поздний вар. машинописи; ст. 4: «Безумною тоской скитаний»).

Автограф («Прости, отрадный сон мечтаний!..»): ед. хр. 8, л. 1—1 об. (беловой, с правкой; первонач. вар. ст. 2: «Толпою мелочных страданий», ст. 3: «И гордый дух мой побежден», ст. 8: «Я как-то странно равнодушен», ст. 17: «Ее роскошно не одели»), под текстом зачеркнуто: *Великие Луки, 1888 г.*, подпись: *Федор Тетерников.* Машинопись: 1) «Прости, отрадный сон мечтаний!..»: ед. хр. 1 (2), л. 1176—1177 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1363; 2) «Отраден краткий сон мечтаний...»: ед. хр. 3, л. 1168 (правка чернилами; нижний слой соответствует машинописи 1); ед. хр. 1 (2), л. 1007 (дата вписана карандашом); 3) «Погас мечтаний, отрадный сон...»: ед. хр. 4, л. 1363 а (правка карандашом), *без даты.* Дата алф. и хрон. карт. («Отраден краткий сон мечтаний...», с вар. ст. 1: «Прости, отрадный сон мечтаний...»): *15 апреля 1883.*

Машинопись («Прости, отрадный сон мечтаний!..), датировка вписана от руки: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 8.

Печ. по машинописи 3. Первонач. вар. машинописи 3, ст. 1: *а* «Погас мечтаний отрадный сон!..», *б* «Погас мечтаний сладкий сон!»; ст. 8: «Я как-то странно равнодушен».

ДРиВ: *А*, печ. по верхнему слою автографа; *А1*, печ. по верхнему слою машинописи 2.

В 1883 г. 15 апреля приходилось на Страстную пятницу.

166. *Ежегодник 1990.* С. 118. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 6, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *19 апреля 1883.*

Печ. по машинописи.

Ну, Корнилов, твой черед!.. — Вероятно, Петр Корнилов, ученик Крестецкого городского училища, сын дьячка Павла Корнилова (*Сологуб Федор.* Алфавитный список его знакомых, им самим составленный: ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 83, л. 24 об.).

167. *Ежегодник 2002.* С. 191.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1604.

Печ. по машинописи.

168. *Ежегодник 2009—2010*. С. 499.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 112.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

169*. *Фимиамы*. С. 105.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 106 (синхронная правка чернилами, позднейшая — карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1329 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1613.

Ап: «Р⟨едакция⟩» (автограф, карандашом).

Печ. по: *Фимиамы*.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

170. СОПО. Первый сб. стихов. М., 1921. С. 23. — *НГ машинопись*. С. 19 — *РС*. С. 306.

Машинопись: 1) ед. хр. 3, л. 991 (правка карандашом), дата вписана карандашом; 2) ед. хр. 1 (2), л. 885.

Машинопись, *без даты*; под текстом автограф: *Федор Сологуб*: РНБ, ф. 724, ед. хр. 1.

Ап: «Альманах Гржебина. 5 июля 1919, возвращено; Горнфельд. 30 октября 1919, взято для детского альманаха Св. и К.» (алф. карт.). *Зиновий Исаевич Гржебин* (1869—1929) в 1919—1923 гг. возглавлял собственное издательство («Изд-во З. И. Гржебина»), издавал «Петербургский альманах» (1922). *Аркадий Георгиевич Горнфельд* (1867—1941) курировал Колядный литературно-художественный альманах для детей 9—12 лет. — Пг.: Культура и свобода, 1919. — 62, [2] с.; 27 см. Загл. обл.: Колядный альманах. Из содерж.: Перед грозой; После грозы / А. Блок; Призрак ели; Я люблю весной фиалки; Не знаю лучшей доли / Ф. Сологуб; Волшебный ковер / А. Куприн; На плотах / В. Муйжель; Вертунок / В. Воинов; Алалей и Лейла / А. Ремизов.

Печ. по машинописи 2.

Первонач. вар. ст. 14 машинописи 1: «Даря лишь холодок», ст. 28: «Обрызганный росой».

171. *Ежегодник на 1990*. С. 126. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 20.

Печ. по машинописи.

Розенберг Александр Петрович — крестецкий помещик, барон, городской голова, почетный мировой судья; его брат *Розенберг Василий Петрович* — предводитель дворянства. Оба послужили прототипами Мотовилова, одного из центральных персонажей романа «Тяжелые сны», над которым писатель работал в 1883—1892 гг. (впервые: *СВ*. 1895. № 7—12; отд. изд.: СПб., 1896). Сведения о Розенберге и его семье сообщены в работе: *Абрамов В. В.* Не только учитель // Крестцы. 2001. 28 апр. См. запись Сологуба «А. П. Розенберг»: «Блюм, как его звал Григорьев. Почетная мебель нашего училища, как звал его я. Но мы

оба ошибались. Он имел закулисное влияние на наши пошлые делишки и этим влиянием очень дорожил. Киндер ⟨Бальзаминов. — *М. П.*⟩ ему завидовал втайне, но не хотел этого сильно обнаруживать. Блюм любил говорить о добродетели с суровым пафосом и торжественными жестами. ⟨...⟩ Посещает уроки и делает им оценку. Нравится то, что ученик стоит на коленях: учитель строг. Вступается за обиженного учителем сына купца, производит дознание и потом доносит директору» (*Писатель-Инспектор*. С. 79—80).

172. *Пауэр*. С. 3 (датировка: *1 июля 1883*).

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1344, ед. хр. 4, л. 1634.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 9.

Печ. по машинописи.

173. *НС*. С. 27.

Автограф: ед. хр. 8, л. 3 (беловой, карандашом, на обороте — машинописный автограф ст-ния «Что может быть лучше дороги лесной...», *3) 18 июня 1913*); датировка: *5 июля 1883*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1118, ед. хр. 4, л. 1287; датировка: *3 июля 1883* (вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *5 июля 1883*.

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

174. Отмена Визитов. 1910. 1 января. С. 8. — *АМ*. С. 17, дата: *5 июля 1883*.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 218—219; ед. хр. 2, л. 17; датировка: *6 июля 1883*. Дата машинописи, алф. и хрон. карт.: *6 июля 1883*.

Печ. по: *АМ*.

175. *Ежегодник на 2002*. С. 192.

Автограф: ед. хр. 8, л. 4—4 об.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 21: «Ты жизнь разбила у меня».

И под ферулою твоею... — Ферула — розга, хлыст. Автобиографический мотив; здесь, возможно, обращение одновременно к двум лицам: Т. С. Тетерниковой (см. примеч. № 45) и Г. И. Агаповой, принимавшей участие в воспитании Сологуба (см. примеч. № 57). *И я узнал, что ты больна...* — Возможно, имеется в виду предсмертная болезнь Агаповой; 4 сентября 1883 г. М. М. Агапов сообщал Сологубу: «Представь себе, Федя, я не могу без содрогания смотреть на нее — это буквально шевелящийся скелет, каждый сустав ты можешь изучить на ней. ⟨...⟩ Она не сознает близости смерти и не знает своей болезни, мы скрыли от нее ⟨...⟩ Маша прочла твое письмо ей вслух — она сказала: „Милый, хороший мальчик, — жаль, что тебе нельзя приехать“» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 906, л. 2); после похорон матери Агапов писал Сологубу: «...она и тебе была вторая мама, на ее глазах ты вырос» (там же, л. 5 об.). *Как дух отчаянья и зла / Ты над душой моей стояла...* — Ср.: «Как дух отчаянья и зла, / Мою ты душу обняла...» (М. Ю. Лермонтов «Как дух отчаянья и зла...», 1831).

176. Автограф: ед. хр. 8, л. 5—5 об. Карт. под заглавием «Отрывок из поэмы „Смешной человек“». Вар. ст. 1 карт.: „И я бежал от шума городов“; дата: *Весна 1878*. Первый и второй тексты, датированные этим днем, неизвестны.

Ап: «etc.» (автограф, после ст. 9).

Печ. по автографу.

177. *Ежегодник 1990.* С. 148. «Из дневника».

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 113 (дата вписана карандашом); ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 62, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *30 июля 1883.*

Печ. по машинописи.

Автобиографический мотив, см. авторскую запись: «Крестцы. ⟨...⟩ Кража яблок с мальчишками. Сходило благополучно. Раз поймали меня, Чернявского и Филиппова. Провели в дом. Мальчишкам дали по 50 р⟨озог⟩. „А вам, как учителю, надо сделать уважение. Целую сотню получите". Все три осени с мальчишками кража яблок. Каждую осень несколько раз попадался, и тогда тут же секли» (*Канва.* С. 253).

178. *Ежегодник 1990.* С. 121. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 10, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *20 августа 1883.*

Печ. по машинописи.

179. *НС.* С. 28.

Автограф: ед. хр. 8, л. 7—7 об. (карандашом, на обороте машинописного автографа — перевод ст-ния «Кара Тартюфа» А. Рембо, ⟨*1921*⟩). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1314 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1560.

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 10 автографа: «В сад пробрался я, как вор».

180. *Ежегодник 1990.* С. 136. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 38.

Печ. по машинописи.

181. *ИМ.* 1893. № 5. 31 января. С. 3: **Наконец**, без деления на строфы, подпись: *Федор Тетерников* (вар.). — *АМ.* С. 141, дата: *24 августа 1883* — *ССНЧ 5.* С. 444.

Автограф: ед. хр. 8, л. 6—6 об. (черновой, с разновременной послойной правкой; ранняя правка чернилами, поздняя — карандашом; Δ). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 813—814 (с правкой чернилами, поздний вар. ст. 2: «Но какой дорогою ценой»), датировка: *24 августа 1883*; ед. хр. 3, л. 907 (текст соответствует *АМ*); датировка: *24 августа 1883* (вписана карандашом). Датировка автографа, алф. и хрон. карт.: *24 августа, 8 сентября 1883.*

Ап: «Из Луизы Аккерман»; «Недостаточно сильно выражено» (напротив третьей строфы); «До 12 мая 1890» (автограф, зачеркнуто); «Русская Мысль. 15 декабря 1883» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по верхнему слою автографа, без учета карандашной правки.

В. Печ. по: *АМ.*

Летийские воды — воды Леты, реки забвения в царстве мертвых. *Аккерман Луиза-Викторина* (1813—1890) — французская поэтесса, творчество которой сложилось под влиянием идей А. Шопенгауэра; для лирики Аккерман характерна философская интонация пессимизма: размышление о судьбе человечества, тщете верований и иллюзий, утверждение безотрадности, бесцельности и

несовершенства жизни, настроение душевного одиночества и мировой скорби. Русские переводы из Аккерман появились в периодике в 1876—1877 гг.; источник переложения Сологуба не выявлен. *Милый друг, не крушися напрасно ~ Если небо над нами так ясно...* — Ср.: «Друг, не клянися мне напрасно... ~ Ясна, чиста любовь твоя... ~ Как этот свод над нами ясный...» (М. Ю. Лермонтов «Незабудка», 1830).

182. *Ежегодник 2009—2010.* С. 500.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 114.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

183. *Ежегодник 2002.* С. 193.

Автограф: ед. хр. 9, л. 159 об.

Ап: «Между 2 и 3 н⟨очи?⟩» (автограф).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 3: «Быть может, зол я. Злоба века»; ст. 8: «И думать больно и обидно».

184*. *НС.* С. 29.

Автограф: ед. хр. 8, л. 8 (карандашом, с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 535, *без даты*; ед. хр. 2, л. 591 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *30 сентября 1883.*

Ап.: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Второе ст-ние, датируемое этим днем: «Хотя и весело обмыть...», неизвестно.

185. *Ежегодник 1990.* С. 157. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 79, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *2 октября 1883.*

Печ. по машинописи.

Бальзаминов не простит.... — См. примеч. № 163.

Второе ст-ние, начатое в этот день — «Дождик льет без перерыва...», *2, 27 октября 1883.*

186. *Ежегодник 1990.* С. 114. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 1, *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *13 октября 1883.*

Печ. по машинописи.

187. *Ежегодник 2002.* С. 194.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1062 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1220.

Печ. по машинописи.

188. *Ежегодник 2002.* С. 194.

Автограф: ед. хр. 8, л. 9 (дата вписана карандашом).

Ап: «Напечатано» (автограф).

Печ. по автографу.

189. *Ежегодник 2002.* С. 194.

Автограф: ед. хр. 539 а, л. 16 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1211 (повторная датировка вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1435.

Печ. по машинописи.

Речь про босняков зашла... — Босняки — возможно, переиначенное: боснийцы. Осенью 1883 г. в Сербии вспыхнуло народное восстание вследствие недовольства внешней и внутренней политикой короля Милана I (1854—1901; коронован в 1872 г. под именем Милана IV Обреновича, с 1882 г. под именем первого короля Сербии), восстание было жестоко подавлено. События широко освещались в русской прессе.

190. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 113—114 (правка карандашом), датировка: *19 октября 1883*. Дата алф. и хрон. карт.: *19 октября 1883, 14 марта 1892.*

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 24: «Будь спокоен: Бог существует».

Распространенный сюжет духовной лирики: легенда об Иосифе, ставшем жертвой зависти и ненависти братьев (Быт. 37: 20—27). *Надейся на Иегову, дитя, и не бойся!* — Иегова (*евр.*; Яхве, Ягве) — Бог в иудаизме. Один из ранних опытов нетрадиционной — полиметрической композиции у Сологуба: ст. 1— 4 написаны четырехстопным ямбом, ст. 5—24 — верлибром.

191. *Ежегодник 2009—2010*. С. 500.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 115, датировка: *27 октября 1883* (вписана карандашом). Даты алф. и хрон. карт.: *2, 27 октября 1883.*

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

192. Свет. 1889. № 138. 20 июня, подпись: *Ф. Тетерников* — *Пауэр*. С. 13 (с датировкой: ⟨20. 6. 1889⟩, вар. первой публ.) — *Ежегодник 2002*. С. 194 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 8, л. 9—9 об. (с правкой; текст приведен к вар. машинописи, за искл. ст. 7). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1579; ед. хр. 6, л. 2008 (дата вписана карандашом). Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Я полюбил. Я грезой чистой».

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по первой публ.

В. Печ. по машинописи.

193. *БП*. С. 549, вар. (ст. 2, 11, 13, 16, 17, 19, 23, 24) — *Ежегодник 2002*. С. 195.

Автограф: ед. хр. 8, л. 10 (правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 2, л. 321 (1), *без даты*. Дата хрон. карт.: *7 ноября 1883*, с отсылкой на ред., *24 июля 1881* (не сохранилась), алф. карт.: *24 июля 1881, 5 апреля 1882, 7 ноября 1883.*

Печ. по автографу.

См. примеч. № 138.

Ст-ние было отправлено на просмотр В. А. Латышеву, 7 января 1884 г. он писал Сологубу: «В „Лабиринте“ особенно требует исправления начало стихотворения. Вообще, образность выиграет при большей сжатости. Думая, со своей стороны, что сделанные замечания, вообще говоря, справедливы, я решился, прежде чем хлопотать в другом месте, сообщить Вам. Может быть, Вы захотите поработать, если же нет — вышлите мне обратно — я продолжу свои хлопоты у других редакторов» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 392, л. 14).

Ср. ред.: № 138, № 152, № 293 А, № 293 Б: «Царевной мудрой Ариадной...», *17 марта 1896*; «Царевной мудрой Ариадной...», *27 апреля 1896.*

194. *Ежегодник 2009—2010.* С. 501.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 116, датировка: *10 ноября 1883* (вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *10 ноября 1883.*

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

Отец мой умер от чахотки... Меня закаливать сурово / Давно уж принялася мать... — Автобиографический мотив, см.: *Черносвитова.* С. 230—231; примеч. № 87.

195*. *ПЖ.* 1897. № 234. 27 апреля. С. 1970: **Ребенку** — *Ежегодник 2002.* С. 196 (вар. автографа).

Автограф: ед. хр. 8, л. 11 (правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 763 (с ошибкой в датировке (вписана карандашом): *10 ноября 1903*), ед. хр. 3, л. 843 (правка ст. 3 чернилами), без заглавия. Автограф и хрон. карт. с посвящением, оформленным как заглавие: **Саше Ф-у**, в алф. карт. под заглавием: **Ребенку**. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *10 ноября 1883.*

Ап: «До 14 м⟨а⟩р⟨та 18⟩90» (автограф); «Всемирная Иллюстрация. 26 февраля 1889; Новости. 12 апреля 1897» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

По-видимому, к неизвестному адресату ст-ния обращены записи Сологуба: «Портрет моего дорогого Саши, с которым, кстати, трудно быть» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 8, л. 16); «Изобразить непрочность человеческого счастья, призрачность самого бытия его. Стоит ли жить? Любовь к мальчику. Счастье — Нирвана. Прекрасный облик мальчика» (там же, л. 16 об.); на обороте листа из тетради адресата: «Из ручной Саниной корзиночки» (там же, ед. хр. 539 а, л. 14); «Qui pro quo, — ври, прохвост. Кажется, довольно близкий перевод! 5 марта 1885 г. День печальный. Педагогический Совет. Дир⟨екторская⟩ бум⟨ага⟩ о Саше» (там же, ед. хр. 539, л. 252).

196. *Ежегодник на 2002.* С. 196—199.

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 13—13 об., 14—14 об. (черновой; Δ); 2) там же, л. 12 (правка чернилами и карандашом, дата вписана карандашом); первоначальное название: **На корню**.

Ап: «Летом недоимки не собираются» (автограф 2).

А. Печ. по нижнему слою Автографа 1.

Б. Печ. по верхнему слою Автографа 1. Ранний вар. ст. 1—4: «Светом полно, широкое небо, / Дышит зноем, в полях не души, / Шепчет нива несжатого хлеба, / Каждый колос налился в тиши». Поздний вар. без строф II, VI, XIV—XVI.

В. Печ. по Автографу 2. Вар. ст. 2: «Раскалилось. В полях ни души»; ст. 8: «И в душе моей эхо дрожит». После ст. 12: «Уготована жатва благая / Для трудящихся ревностно рук» (зачеркнуто).

Характерный для ранней лирики Сологуба пример работы с текстом в последовательности редакций — освобождение от штампов и перепевов классических

произведений, в данном случае Н. А. Некрасова («Железная дорога», 1864; «Проводы», 1850; «На Волге», 1860, и др.), отказ от сюжетности, радикальное сокращение объема текста.

197. *Ежегодник 2002.* С. 199.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 110 (беловой, поздняя правка карандашом в ст. 9; текст приведен к основному), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 755, ед. хр. 3, л. 821.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 9: «Проснешься ль ты, восторжествуя...».

...детей, / Тебе несущих кровь и силу... ~ Проводишь в раннюю могилу?.. — Возможно, намек на процессы над членами организации «Народная воля», проходившими в 1879—1883 гг.: «Процесс 28-ми» (лето 1879 г.), «Процесс 16-ти» (осень 1880 г.), «Процесс 20-ти» (зима 1882 г.), «Процесс 17-ти» (весна 1883 г.), которые заканчивались смертными приговорами или осуждением народовольцев в каторгу.

198. *Ежегодник 2002.* С. 199.

Автограф: ед. хр. 8, л. 15 (датировка вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *22 ноября 1883.*

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «В тревогах жизни суетливый», ст. 5: «И этот пламень, разгораясь».

199. *Ежегодник 2002.* С. 200.

Автограф: ед. хр. 8, л. 16 об. (дата вписана карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1168, ед. хр. 4, л. 1359.

Ап: «Изобразить непрочность человеческого счастья, призрачность самого бытия его. Стоит ли жить? Где счастье? Любовь к мальчику. Счастье — Нирвана. Прекрасный облик мальчика» (автограф), см. примеч. № 195.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 13 автографа: «И пылкая остынет кровь».

200. *Ежегодник 2002.* С. 200.

Автограф: ед. хр. 8, л. 17 (черновой, незавершенный набросок).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 3: «И блуждал высокий ум»; после ст. 14: «Пала мертвая без стона».

201. *Ежегодник 2002.* С. 201.

Автограф: ед. хр. 8, л. 17 об.—16 (правка чернилами и карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 3—4: «Из владык он был один / За престол отцов спокоен».

Ст-ние написано по случаю торжественного открытия памятника императору Александру II, состоявшегося 20 ноября 1883 г. в здании Санкт-Петербургских судебных установлений.

202. *Ежегодник на 2002.* С. 201.

Автограф: ед. хр. 8, л. 18 об. (беловой, датировка вписана карандашом). Дата алф. карт.: *24 ноября 1883*, хрон. карт.: *23 ноября 1883.*

Печ. по автографу.

203*. *Ежегодник 2002.* С. 201.

Автографы: 1) «Пал верблюд мой, и я изнемог...»: ед. хр. 8, л. 18 (черновой); 2) **В пустыне** («Я в безлюдной степи изнемог...», *испр.*: «Я в безводной степи изнемог...»): ед. хр. 9, л. 17 (беловой, поздняя правка карандашом, записан на листе расшитой тетради, возможно, лист с продолжением текста утрачен), *без даты*; местоположение — среди поэтических текстов, датированных июлем 1888 г. В хрон. и алф. карт. ред. **(В пустыне)** не зафиксирована.

Ап: «Послать в „Ниву“. 15 апреля 1884, послано» (зачеркнуто; автограф); «„Нива“. 16 апреля 1884» (алф. карт.).

Печ. по автографу 1. Первонач. вар. ст. 2—4: «Шел я много и дней, и ночей, / И прорезал мне ноги песок / Этих солнцем палимых степей»; после ст. 10 *было*: «Пусть ⟨нрзб.⟩; плачу я» (зачеркнуто).

ДРиВ: Печ. по автографу 2.

204*. Весна. 1884. № 4. 28 января. С. 117, подпись: *Те-рников — Пауэр*. С. 4 (по первой публ.).

Автограф: ИРЛИ, ед. хр. 4987, л. 2—4, под заглавием: **Еж и лисица** (вар.) — ранняя редакция.

Ап: «Ст. I» (алф. карт.).

Печ. по первой публикации; знаки препинания при прямой речи приведены к современной норме.

ДРиВ: Печ. по автографу.

Те-рников — вероятно, по ассоциации со словом «тернии». 6 декабря 1883 г., при посылке ранней редакции текста в еженедельник «Весна», Сологуб писал К. Н. Модзалевскому: «Прошу Вас поместить прилагаемое стихотворение на страницах журнала, в отделе для детского чтения. В случае его напечатания я желал бы получить за него гонорару по 60 коп. за стих, т. е. за все стихотворение в 94 стиха — 56 рублей 40 коп. Если стихотворение будет помещено на таких условиях или если редакции будет угодно предложить мне другой гонорар, прошу уведомить меня по следующему адресу: Город Крестцы, Новгород. губ., Учителю Городского училища, Федору Кузьмичу Тетерникову. — Ответа я буду ожидать до 15 января следующего 1884 года. ⟨...⟩ P. S. Если стихотворение не будет напечатано, прошу его немедленно уничтожить» (*Писатель-Инспектор*. С. 42).

205. *Ежегодник 2002*. С. 202.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1420, ед. хр. 5, л. 1758.

Печ. по машинописи.

206*. Наблюдатель. 1898. № 6. С. 72, без заглавия и деления на строфы (второе ст-ние цикла «Среди природы»).

Автограф: ед. хр. 8, л. 23—23 об. (правка чернилами и карандашом, текст частично приведен к вар. машинописи), заглавие: **Соловей и роза**; дата вписана карандашом: *12 декабря 1878* (зачеркнуто), *12 декабря 1883*; подпись: *Ф. Холова* (зачеркнуто). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 3 (правка чернилами, ст. 8 *испр.*: «Ты румяна, ты бела»), заглавие: **Соловей и роза**; с делением на строфы; датировка: *12 декабря 1878*; ед. хр. 1 (2), л. 4; *без даты*. Дата хрон. карт.: *[Декабрь 1883]*, *12 декабря 1883*, алф. карт.: *[12 декабря 1878]*, *12 декабря 1883*.

Ап: «Нива. 16 апреля 1884; Наблюдатель. 2 ноября 1897» (алф. карт.).

Печ. по первой публикации.

ДРиВ: Печ. по автографу.

Ф. Холова. См. примеч. № 26.

Ср. ред.: № 26.

207. *Ежегодник 2002*. С. 202.

Автограф: ед. хр. 8, л. 25 (беловой); первонач. датировка: *Конец 1883 года*. Дата алф. и хрон. карт.: *Декабрь 1883*.

Печ. по автографу.

208. *Ежегодник 2002*. С. 202.

Автограф: ед. хр. 8, л. 25 (беловой); первонач. датировка: *Конец 1883 года*. Дата алф. и хрон. карт.: *Декабрь 1883*.

Печ. по автографу.

Возможно, этот текст является частью предыдущего и следующего. По внешним и внутренним признакам — содержанию, ритмике, датировке, а также местоположению (в тетради с текстами, датированными концом 1883 г.) и археографическим характеристикам автографов — тексты 206, 207 и 208 могут прочитываться как единое художественное целое (триптих).

209. *Пауэр*. С. 4 — *Ежегодник 2002*. С. 203 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 8, л. 26 (черновой, Δ); первонач. датировка: *В конце 1883 года*. Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1487 (с правкой); 2) ед. хр. 1 (2), л. 1256 (дата вписана карандашом).

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 12.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 2. Первонач. вар. машинописи 1, ст. 2: «Зацветут и фиалки, и розы»; ст. 4: «И твои затаенные грезы», ст. 8: «Вертограда Господня лилея».

210. *Ежегодник 2002*. С. 203.

Автограф: ед. хр. 8, л. 28 (беловой, карандашом).

Печ. по автографу.

Ср. ред.: № 316.

211*. *Ежегодник 2002*. С. 203.

Автограф: ед. хр. 8, л. 29 (карандашом). Машинопись: ед. хр. 2, л. 50 (дата вписана карандашом).

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 10 по тексту автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа. Вар. промежуточного слоя: ст. 7: «От нежной ласки оторваться»; ст. 10: «Втеснить в чулки и башмачки»; ст. 12: «Так будут скучны каблучки!».

212. *Ежегодник 2002*. С. 204.

Автограф: ед. хр. 8, л. 30—30 об. (с правкой, текст приведен к маш.). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1073—1074, ед. хр. 4, л. 1234 (дата вписана карандашом).

Ап: «22 г⟨ода⟩ XI [месяцев] 4 д⟨ня⟩»; «Образование. 28 января 1905» (автограф, алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа. Промежуточн. вар. ст. 4: «И солнца лучом не согреты».

Б. Печ. по машинописи.

213. *НС*. С. 29.

Автограф: ед. хр. 8, л. 28 об. (беловой, карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1455, ед. хр. 5, л. 1811.

Печ. по машинописи.

214. *Ежегодник 2002*. С. 205.

Автограф: ед. хр. 8, л. 31. Хрон. карт. с отсылкой на ред. «Потрясенной душой созерцая...», *16 марта 1885*.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 3: «Словно очи мои ослеплял», ст. 4: «Этих глазок чарующих свет».

Ср. ред.: № 262.

215*. *Ежегодник на 2002*. С. 206.

Автограф: ед. хр. 8, л. 31 об. Первонач. дата алф. и хрон. карт.: *1) Весна 1884* (зачеркнуто).

Печ. по верхнему слою автографа.

216. *Ежегодник на 2002*. С. 206.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 431, ед. хр. 2, л. 478.

Печ. по машинописи.

...я провел / Босой все это лето... ~ Воспитан был сурово... — Автобиографический мотив: «Из боязни наследственного заболевания мать укрепляла здоровье мальчика простыми и суровыми средствами. Отчасти поэтому, отчасти по бедности ему приходилось с ранней весны до поздней осени ходить босиком, даже в училище и в церковь» (*Черносвитова*. С. 231).

217. *Ежегодник на 2002*. С. 206.

Автограф: ед. хр. 8, л. 32; *без даты*. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (1), л. 303 (правка чернилами), *без даты*; 2) ед. хр. 1 (2), л. 86 (текст соответствует первонач. вар. машинописи 1), *без даты*. Даты алф. и хрон. карт. («В дни непогоды и мороза...»): *Весна 1884* (зачеркнуто); *24 января 1884, Весна 1885* (зачеркнуто).

А. Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 5: «Чтоб отдохнуть, хотя немного»; ст. 9: *а* «Как Вы пленительны и милы», *б* «Вы так пленительны и милы».

Б. Печ. по машинописи 1. Вар. ст. 3 и 4: «Чтоб Ваш, пленительная роза, / Вдыхать тончайший аромат».

218. *Ежегодник на 2002*. С. 207.

Автограф: ед. хр. 8, л. 27 об.

Печ. по автографу.

219. *Ежегодник 2002*. С. 207.

Автограф: ед. хр. 8, л. 33 об.; исправленная датировка автографа: *3 февраля 1884*. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 150, датировка с опечаткой: *30 февраля 1884*. Даты алф. карт.: *3, 20 февраля 1884, 17 апреля 1889*; хрон. карт.: *20 февраля 1884, 17 апреля 1889*.

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в датировке.

Вар. ст. 2 автографа: «Свою мать любит так, что ничья красота».

Ср. ред.: № 431.

220. *Ежегодник на 1990*. С. 149. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 65, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *7 февраля 1884*.

Печ. по машинописи.

221. *Пауэр*. С. 6 (вар. машинописи); *Ежегодник на 2002*. С. 207 (вар. автографа).

Автограф: ед. хр. 8, л. 34 (правка чернилами, поздняя — карандашом). Машинопись: ед. хр. 2, л. 75; ед. хр. 1 (2), л. 56.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 13.

А. Печ. по автографу.

Б. Печ. по машинописи.

222. *Ежегодник 2002*. С. 207, 208.

Автограф: ед. хр. 8, л. 35—35 об. (правка чернилами и карандашом).

А. Печ. по нижнему слою автографа. Вар. порядка строк 8—10: 9, 10, 8.

Б. Печ. по верхнему слою автографа. Первонач. вар. ст. 6: «Ослабевши в борьбе».

223. *Ежегодник 1990*. С. 138. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 44, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *3 марта 1884*.

Печ. по машинописи.

И только раз сказал Егоров... — Вероятно, учащийся Крестецкого городского училища: Иван или Константин Егоров, см. алфавитный список знакомых Сологуба, им самим составленный (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 83. л. 17).

224. *Ежегодник 2002*. С. 209, 210.

Автограф: ед. хр. 8, л. 36 (черновой, правка чернилами и карандашом).

А. Печ. по нижнему слою автографа. Поздний вар., ст. 16: «Море жизни молодой»; ст. 17: *а* «Но отраден блеск святыни», *б* «Но отраден свет святыни».

Б. Печ. по верхнему слою автографа.

225. *Ежегодник 2002*. С. 210.

Автограф: ед. хр. 8, л. 37 (правка чернилами и карандашом). Строфы I и II датированы *16 января*, III — *10 марта 1884*. Даты алф. карт.: *16 января 1884*, *10 марта 1884*; хрон. карт.: *10 марта 1884* (*см. 16 января 1884*).

Ап: «Из [Гофмана, Шарля Бодлера]». Вероятно, в авторской помете мистифицируется источник текста.

А. Печ. по нижнему слою автографа; вар. ст. 2: «И увяла уж юность развратная».

Б. Печ. по верхнему слою автографа.

226. *Ежегодник 1990*. С. 125. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 18; *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *12 марта 1884*.

Печ. по машинописи.

227*. *ИМ*. 1894. № 17. 24 апреля. С. 3: **Ручью**, без деления на строфы, подпись: *Т* — *ССС XIII*. С. 2 — *Ежегодник 2002*. С. 210 (вар. автографа).

Автограф: ед. хр. 8, л. 38 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1544, с восстановит. правкой ранних вариантов; машинопись и карт. без заглавия.

Ап: [«Безвременник»]; «Напечатано»; «Ручью» (автограф); «Свет. 20 мая 1889» (алф. карт.).

Печ. по: *ССС XIII*.

Вар. *ИМ*: ст. 3: «Ты в полдень свежею водой»; ст. 5: «Весенней жаждой утомлен»; ст. 7: «Все думы скорбные прогнал».

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

228*. *НС*. С. 30.

Автограф: ед. хр. 8, л. 39. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 303, ед. хр. 2, л. 337; — датировка вписана карандашом.

Ап: «Ершов, Обоев»; «Заполнение пропасти телами (пов⟨есть⟩ в стихах). Возвр⟨ащение⟩ отроков⟨?⟩. Люди гибнут в темной долине. Жертвы юношей» (на обороте автографа, синим карандашом).

Печ. по машинописи.

Город вовсе небольшой... — Речь идет об уездном городе Крестцы Новгородской губ., расположенном на реке Холове; в конце XIX в. в городе проживало около 3 тысяч человек, было 368 деревянных и 27 каменных домов, 3 церкви и два училища; в 1882—1885 гг. Сологуб преподавал в Крестецком городском училище. Авторская помета на обороте автографа фиксирует художественный замысел, позднее получивший развитие в повести «В толпе» (1907), в которой отозвались трагические события на Ходынском поле в связи с коронацией Николая II (1896) и на Дворцовой площади в Кровавое воскресенье (1905).

229. *Ежегодник 2002*. С. 211.

Автограф: ед. хр. 8, л. 18 об.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Лучше в рабской доле жить».

230*. *Ежегодник 2002*. С. 211.

Автограф: ед. хр. 8, л. 57. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 769, ед. хр. 3, л. 849; дата вписана карандашом. Датировка автографа и машинописи: *29 мая 1884*. Дата алф. и хрон. карт.: *27 мая 1884*.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

231. *Ежегодник 2002*. С. 211.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 122 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1332, ед. хр. 4, л. 1617.

Печ. по машинописи.

На обороте автографа недатированная авторская запись: «Чрезмерное расширение учебных прогр⟨амм⟩. Мало времени, особенно в нар⟨одной⟩ шк⟨оле⟩. Изучение слов, а не вещей. В число необходимого входит много ненужного. Исторически сложившийся балласт: языки классические. Невыработанность систем. Лишнее — оковы. Лишнее в З⟨аконе⟩ Б⟨ожием⟩. В рус⟨ском⟩ языке: буква Ѣ. [Е, как О, — так и писать, ибо допускаем переход согласных. Ъ и Ь]».

232. *Ежегодник 2009—2010*. С. 502.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 117.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

233*. *Ежегодник 1990*. С. 116. «Из дневника».

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 118—118 об. (исходный — беловой, с густой синхронной и поздней правкой; текст приведен к основному, с разночтением в ст. 16: «И соловьиной розы нет»), датировка: *8 июня 1884*. Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 3, *без даты*. Дата алф. карт.: *8 июня [1889] 1884*; хрон. карт.: *8 июня 1884*.

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 18 по тексту автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

234. Лукоморье. 1915. № 24. 30 мая. С. 9 — *АМ*. С. 18.

Автограф: ед. хр. 8, л. 33 (с правкой; текст приведен к основному). Дата алф. карт.: *14 июня 1880*; хрон. карт.: *[Не позднее 20 мая 1915]; 14 июня 1880*. Датировка автографа и *АМ*: *14 июня 1884*.

Ап: «Лукоморье. 20 мая 1915» (алф. карт.).

Печ. по: *АМ*.

Первонач. вар. автографа, ст. 6: «Трава ночную сырость пьет», ст. 9: «Я слышу чьи-то поцелуи», ст. 11: «Но темные согрели струи».

235. *Ежегодник 2009—2010*. С. 502.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 119.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

236. *Ежегодник 2002*. С. 211.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 121 (беловой, правка чернилами и карандашом; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1066 (дата вписана карандашом на обороте листа), ед. хр. 4, л. 1227 (дата вписана карандашом). Дата автографа, машинописи, хрон. и алф. карт.: *4 июля 1884*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 2: «Не торопясь босой идет», ст. 6: «И только ногу иногда», ст. 10: «Ногами босыми идти».

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

237. *Ежегодник 2009—2010*. С. 503.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 120.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

238. *Ежегодник 1990*. С. 123. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 14.

Печ. по машинописи.

Клад найти, счастливым быть... — Согласно народному поверью, цветок папоротника, сохраняемый в левой ладони, помогает узнать местонахождения кладов; черти всячески препятствуют смельчакам, отправляющимся в ночь на Ивана Купала за цветком папоротника (ср.: *Но, я тьмою был пленен, / В сон ленивый погружен...*).

239. *Ежегодник 2002*. С. 212.

Автограф: ед. хр. 8, л. 59.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 6: «Меня ведет к дверям могилы».

Ср. с одноименной редакцией *24 июля 1889*.

Тематически ст-ние примыкает к незавершенной поэме «Одиночество» (1882), см. текст и примеч. № 155.

240. *Ежегодник 2002*. С. 212.

Автограф: ед. хр. 8, л. 58 (беловой, с правкой; текст приведен к вар. машинописи 1), без деления на строфы. Машинопись: 1) «Страдать ли, все ль еще терпеть...»: ед. хр. 4, л. 1572 а, *без даты*. 2) «Страдать ли нам, еще ль терпеть...» (исходный: как в машинописи 1): там же, л. 1572 (правка чернилами).

Печ. по машинописи 2.

Первонач. вар. автографа, ст. 8: «И нам судьба неумолима!»; ст. 11 автографа: «Зовем мы светлую свободу».

...по стогнам Рима... — Стогна *церк.-слав.* — площади, улицы в городе.

241. *НС*. С. 30.

Автограф: ед. хр. 8, л. 59 об. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 211, ед. хр. 1 (2), л. 642.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, ст. 3: «Охотно возвращаюсь я»; ст. 7: «Прошел поля, вошел в лесок».

242. *Ежегодник 2002*. С. 213.

Машинопись: ед. хр. 3, л. 1160.

Печ. по машинописи.

См. примечание к ст-нию «Уж скоро осень будет зрелой...», *30 июля 1883*.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

243. *Ежегодник 2002*. С. 213.

Машинопись: ед. хр. 3, л. 696, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *19 августа 1884*.

Печ. по машинописи.

244. *БП*. С. 82.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1303, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *18 сентября 1884*.

Печ. по машинописи.

См. примеч. № 163.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

245. *Ежегодник 2002*. С. 211.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1603 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *26 сентября 1884*.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

246. *Пауэр*. С. 6 (ранний вар. машинописи).

Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 170—171, датировка: *10 октября 1884*; 2) ед. хр. 2, л. 152 (исходный текст соответствует машинописи 1; правка чернила-

ми). Первонач. дата алф. и хрон. карт.: *10 октября 1884*, испр.: *10 сентября 1884*.

Машинопись (датировка: *10 октября 1884*): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 16.

Печ. по машинописи 2. Вар. машинописи 1, первонач. вар. машинописи 2: ст. 17—18: «На месяц тучки набегали, / И вкруг его порой сплетали», вар. ст. 20: «Казалось, месяц быстро мчится».

247*. *Пауэр*. С. 6 (ранний вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 8, л. 60 (синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом; текст приведен к вар. машинописи 1). Машинописи: 1) ед. хр. 2, л. 666, *без даты*; 2) ед. хр. 1 (2), л. 601 (без строфы IV, текст соответствует машинописи 1; датировка вписана карандашом); 3) ед. хр. 2, л. 666 (исходный текст соответствует машинописи 1; правка чернилами).

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 15.

Ап: «До 25 апр⟨еля 18⟩90» (автограф, карандашом); «Русская Мысль. 25 февраля 1890; Вестник Европы. 29 декабря 1897, возвращено» (алф. карт.).

Печ. по машинописи 3.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

248. *Ежегодник 2002*. С. 214.

Автограф: ед. хр. 8, л. 62 (карандашом, правка ст. 1 чернилами; на обороте машинописного автографа — перевод ст-ния А. Рембо «Голова фавна», ⟨*1921*⟩), датировка: *23 октября 1884*. Машинопись: ед. хр. 3, л. 1061, *без даты*. Первонач. дата хрон. карт.: *23 октября 1883*; дата алф. карт.: *23 октября 1884*.

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 1 автографа: «Ночью вышел я босой из дома»; вар. ст. 14: «Я стою пред нею, как чурбан».

Вероятно, текст содержит автобиографический мотив, см. авторскую запись: «1882—⟨188⟩4. Крестцы. ⟨...⟩ Барыня Марфа. Перчатка на правой руке. Массивная. Всю комнату занимает своими юбками. Ее любовный пыл» (*Канва*. С. 254). Ср.: № 284.

249*. *Ежегодник 2002*. С. 215 (с неточными прочтениями).

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 81—81 об. (черновой); 2) там же: л. 80—80 об. (беловой, правка карандашом). Датировка вписана карандашом: *17*, испр.: *18 ноября 1884*; заглавие: **Ей** (вписано карандашом). Даты хрон. карт. («Ты вся горела нетерпеньем...»): *17*, испр.: *18 ноября 1884*; *22 апреля 1900* (зачеркнуто); алф. карт. («Ты вся горела нетерпеньем...»): *17 ноября 1884*; *22 апреля 1900* (зачеркнуто). Машинопись поздней ред. («Ты вся горела нетерпеньем...», с делением на четверостишия, датировка: *22 апреля 1900*): ед. хр. 1 (2), л. 1378—1379.

Ап: «22 г⟨ода⟩ X ⟨месяцев?⟩ 2 ч⟨аса⟩» (автограф); «Р⟨аннее⟩»⟨?⟩ (автограф); «Невский альманах. 13 февраля 1915» (алф. карт.).

Печ. по автографу 2, без учета карандашной правки.

В составе авторской подборки ст-ние было отправлено В. А. Латышеву для предложения в печать. 4 октября 1885 г. он писал Сологубу: «Приятно было по-

лучить Ваше письмо, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ искренне интересуюсь Вашей судьбой и желал бы быть полезным Вам. Относительно стихов скажу, что в них часть мне нравится, часть кажется слабой: стих и содержание неровны. Первая часть стихотворения „Ей“ мне положительно нравится, но во 2-ой половине мысль неопределенна: дается ли совет быть равнодушною, или побуждение пренебрегать толпой, или даете утешение? Слова *не множь* неудачны» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 392, л. 21). *Осудит равнодушный свет / Твою тоску, твои надежды...* — Ср.: «Но свет... Жестоких осуждений / Не изменяет он своих...» (А. С. Пушкин «Когда твои младые лета...», 1829).

Ср. поздние ред.: «Ты вся горела нетерпеньем...»; «Какие темные пути!..» — обе: *22 апреля 1900*.

250*. *Ежегодник 2002*. С. 216.

Автографы: ед. хр. 8, 1) л. 80 и 80 об. (беловой, датировка вписана карандашом); 2) л. 79 (беловой, фиолетовыми чернилами; правка черными чернилами и карандашом, текст приведен к основному); без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 448—449, ед. хр. 2, л. 492.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа 1.

251. *Ежегодник 1990*. С. 131. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 30, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *27 ноября 1884*.

Печ. по машинописи.

252*. *Ежегодник 2002*. С. 216.

Автограф: ед. хр. 8, л. 82—84.

Ап: «В Великих Луках. Стихи» (автограф).

Печ. по автографу. Первонач. вар. автографа, после ст. 26 было начато: «Вошел, присел — и разразился / Такой филиппикой, что та»; ст. 35: «О лености и о стыде»; ст. 38—39: «О человеческом труде, — / Необходимости железной».

К тексту приложен план произведения: «Провинция. Мелкое чиновничество — мещанство. Небогатая семья. Мать работает. Дочка — научилась романам ⟨так!⟩ — изнеженность. Барышня современных идей. Молодой учитель из столицы. Нападает на барышню за леность. На другой день она в огороде, в затрапезном платьишке, босиком, работает. — А барыня и раньше тоже говорила. Все любовь наделала. Любовь разгорается. 9 д⟨е⟩к⟨абря⟩ 1884. 22 г⟨ода⟩ X ⟨месяцев?⟩ 23 д⟨н⟩я» (там же, л. 82 об.). *Наш Логин, городом гуляя, / Был позван Любой в ихний дом...* — Логин — главный герой романа «Тяжелые сны» (1896); в образе Любы соединены черты двух героинь романа: Анны Ермолиной (Нюты), возлюбленной Логина, и Вали Дылиной.

253. *Ежегодник 2002*. С. 217.

Автограф: ед. хр. 8, л. 85 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 775 (с опечаткой в ст. 7), *без даты*; ед. хр. 3, л. 858, *без даты*. Датировка автографа, алф. и хрон. карт.: *9 декабря 1884*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 17 автографа: «Тут немеет наше знанье».

254*. Текущая жизнь. 1909. № 1. С. 7 — *ССШ V*. С. 206 — *ССС V*. С. 202 — *ССНЧ 3*. С. 449 — *Ежегодник 2002*. С. 218 (с неточностями, вар. автографа); 219 (вар. машинописи).

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 88—88 об. (черновой набросок), без заглавия; 2) там же, л. 86—86 об. (исходный — беловой, синхронная правка чернилами, позднейшая карандашом), без деления на строфы; 3) ед. хр. 8, л. 87—87 об. (с послойной правкой чернилами и карандашом; Δ; текст приведен к первонач. вар. машинописи). Машинопись: ед. хр. 2, л. 32 (правка карандашом, текст приведен к основному); дата вписана карандашом, ст. 1—4, 19—22 зачеркнуты чернилами, на полях — ранний вар. строфы I (зачеркнут карандашом), соответствует первонач. вар. ст. 1—4 автографа 2, разночтение, ст. 1: *а* «Горячий воздух. Небо ясно»; *б* «Как воздух зноен! Небо ясно»; текст приведен к первонач. вар. машинописи. Дата хрон. карт.: «1. Безумно душен и тяжел...»: *13 декабря 1884*; «2. Природу сонную объемлет...»: *14 декабря 1884*; алф. карт.: *13, 14 декабря 1884*.

Ап: «22 г⟨ода⟩ X⟨месяцев?⟩ 28 ⟨дней?⟩» (автограф 1); «Екатеринбургская Неделя. До 19 июля 1890» (автограф 2); «Текущая Жизнь. 17 ноября 1908» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа 3 (без учета позднейшей переработки). Ранний вар., вместо ст. 19—22 было:

Густеет в южной половине
Небес свинцовый колорит,
И чаще крона на осине
Листами узкими дрожит.

Промежуточ. вар. ст. 22: «Едва листами шевелит».

Б. Печ. по: *ССС V*.

ДРиВ: Вар. А: Печ. по нижнему слою автографа 1. Вар. А1: Печ. по автографу 2. Вар. А3: Печ. по нижнему слою машинописи.

...Лютый, красный, / Дракон качается... — Солнце, именуемое Злой Дракон или Змий (источник земной жизни, понимаемой как абсолютное зло и ложь), — один из центральных образов в лирике Сологуба; о семантике солярного мифа см.: *Спроге Л. В.* Лирический цикл и вопросы циклизации в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб «Змий») // Bulletin Ruskeho Jazyka a Literatury. XXVIII. Praha, 1987. P. 131—149. При разборе стихотворения «Безмерно душен и тяжел...» (или же «Жарким летом») В. А. Латышев отмечал: «Картина зноя во 2⟨-м⟩ стих⟨отворении⟩ хорошо начата, но почему увлажнена ресница жницы — неясно. Приближение бури достаточно ⟨?⟩ понятно, но почему жница его не замечает? Какое влияние оказывает на жницу приближение бури, когда она его замечает? Или никакого не оказывает? Картина, по-моему, не окончена. Но советую прислать еще: я покажу к⟨ому⟩-л⟨ибо⟩ из понимающих больше нас» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 392, л. 21).

Вариация на тему ст-ния Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...» (1863); ср.: «Зной нестерпимый: равнина безлесная, / Нивы, покосы да ширь поднебесная — / Солнце нещадно палит». Строфа I — ср.: «И всю природу, как туман, / Дремота жаркая объемлет...» (Ф. И. Тютчев «Полдень». Конец 1820-х гг.).

255. *Ежегодник на 2002*. С. 219.

Автограф: ед. хр. 8, л. 89. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 853, ед. хр. 3, л. 953; дата вписана карандашом.

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 5 автографа: «И к лету без угла остались»; ст. 20: «Уж никогда не привелось».

Там Дуня с матерью жила... ~ ...Вот к лету без угла остались. / Их приютили на чердак... — Сюжет получил развитие в повести Сологуба «Утешение», 1897 (впервые: Север. 1899. № 15—21. 11, 18 и 25 апреля, 2, 9, 16 и 23 мая); см.: *Сологуб Федор*. Собрание сочинений. В 12 т. СПб.: Сирин, 1913: Т. 4: Недобрая госпожа. Рассказы (СПб., 1913). С. 25—98; *СС 1*. С. 509—562.

256. *Ежегодник 2002*. С. 220.

Автограф: ед. хр. 8, л. 90 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *Декабрь, 1884*.

Печ. по автографу.

Слабеют мощные когда-то силы, / Мне больно, словно кровь мою сосет / Вампир свирепый. Близок сон могилы!.. — Вероятно, реминисценция из ст-ния Ш. Бодлера «Враг» («Цветы Зла», не позднее 1857) (в переводе П. Якубовича), ср.: «О горе мне! Увы, так скоро жизнь идет... / И черный враг смелей все и смелей / Сосет мне кровь из сердца и растет» (Вестник Европы. 1882. № 3. Март. С. 93).

257. *Ежегодник 1990*. С. 119. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 8.

Печ. по машинописи.

258. *Ежегодник на 2002*. С. 220.

Автограф: ед. хр. 8, л. 90—91 об. (беловой, карандашом; на обороте машинописного автографа ст-ния «Мечтанья не обманут...», *6 апреля 1921*). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1503, ед. хр. 6, л. 1878; дата вписана карандашом. Дата алф. и хрон. карт.: *27 февраля 1885*.

Печ. по машинописи.

Украшен митрой архирей... — Архирей (*простореч.*) — архиерей.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

259. *Ежегодник 2002*. С. 221.

Автограф: ед. хр. 8, л. 92.

Печ. по автографу. Вар. ст. 2—3: «Меня он в сень свою увлек; / И потому, преследуемый роком», ст. 7: «Что плоти рок так дивно, благодатно».

...зовется он пороком. ~ Несчастлив я и одинок. — Вариация на тему незавершенной поэмы «Одиночество» (1882), см. текст и примеч. № 155.

260. *Ежегодник 2002*. С. 221.

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 94; 2) там же, л. 93—93 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 773—774 (датировка вписана карандашом: *Февраль 1885*), ед. хр. 3, л. 857 (правка ст. 5—6 чернилами). Первонач. датировка автографа 2 и машинописи: *Февраль 1885*.

Ап: «Около начала 23-го года» (автограф 2).

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 1: «Мудрый знает, что напрасны» (автограф 1); ст. 3: «Парки строгие бесстрастны», ст. 6: «Жизнь — конечное движение» (автограф 1, автограф 2); ст. 11: «В нем всей жизни предстоящей» (автограф 1).

Мудрый видит, что попраны... ~ Духу гордому спасения... — Поэтическое переложение текста гл. 8 и 9 из книги Екклесиаст.

Но из этой же могилы... ~ Возродится вновь движение... — Перекликается с юношеской авторской записью: «Мальчика ужасала его судьба после смерти, когда он перестал верить в Бога и восстание мертвых. — Он думал: сознание, душа, то, что во мне мысли и чувства, радуется и страдает, эта маленькая масса, затерянная где-то среди моего мозга, истлеет, разложится на составные элементы. Куда они денутся? И холодно, и грустно становилось ему, когда он мечтал о злой судьбе под гробовой крышкой. — Но, может быть, эти элементы соединятся опять, и опять перейдут в тело человека, и опять я буду жить! — Когда же эта мысль блеснула в нем, он почувствовал какую-то огромную, великую радость. — Я не умру! я буду вечно жить и думать... *10 января 1881. Институтское утро*» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 139).

261. *БП*. С. 83.

Автограф: ед. хр. 8, л. 37 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1200 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1396. Дата алф. и хрон. карт.: *23 марта 1885*.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 2 автографа: «Бес пиши чрез five!».

Лес пиши чрез five... — Правописание буквы *five* в корне исконно русских слов и древних заимствованиях в дореформенной орфографии считалось наиболее трудным для учащихся — из разряда правил, которые понять было невозможно и потому приходилось запоминать (до 1919 г. в школах пользовались «Русским правописанием» акад. Я. К. Грота, первое изд-е: 1885). Согласно правилам, слова *лес* и *бес* (см. вар. ст. 2) писали через *five*. *Припять, не Припя́ть...* — Припять — самый крупный приток реки Днепр.

262*. *Пауэр*. С. 7.

Автограф: ед. хр. 8, л. 95 (с правкой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1128 (дата зачеркнута), ед. хр. 4, л. 1299. Дата хрон. карт. с отсылкой на ред. *22 января 1884*.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 18.

Печ. по машинописи.

Ср. ред.: № 214.

263. *Ежегодник 2002*. С. 222.

Автограф: ед. хр. 8, л. 97.

Печ. по автографу. Незавершенный вар.: между ст. 4 и 5 было: «А если цепь грядущих дней / Над нами тяготит сурово», первонач. вар. ст. 11: «И нас, с измученной душой».

264. *Ежегодник 2002*. С. 223.

Автограф: ед. хр. 8, л. 97.

Печ. по автографу. Незавершенный вар.: ст. 3: «Чтобы сбить-сколотить».

265. *Ежегодник 2002*. С. 222.

Автограф: ед. хр. 8, л. 96 (строфа 2 зачеркнута). Дата хрон. карт.: *март 1885*; алф. карт.: *март 1885, 12 августа 1889* (поздняя редакция).

Печ. по нижнему слою автографа.

Вар.: без строфы 2.

Ср. ред.: № 493.

266*. *Ежегодник 2002*. С. 223.

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 96, 97 об. (черновой, Δ); 2) ед. хр. 9, л. 101 (правка чернилами и карандашом по беловому автографу ранней редакции; нижний слой текста — ранняя ред.; верхний — поздняя), датировка: *15 января 1889*. Дата хрон. карт.: *март 1885*.

Печ. по верхнему слою автографа 1.

Ср. позднюю ред., № 413.

И пускай клевещет мой / Неприятель и гонитель... — Возможно, автобиографический мотив — отклик на крестецкие события 1884 г.: конфликт с сослуживцем, учителем Алексеем Петровичем Григорьевым, обвинившим Сологуба в клевете, вследствие чего он был вынужден просить о переводе из Крестцев на другое место службы. История послужила прототипической основой романа «Тяжелые сны» (1896), подробнее об этих событиях см.: *Писатель-Инспектор*. С. 72—79. *Чтить людской кумир, — / Поклоняться золоту.* — Вероятно, перифраз «Куплетов Мефистофеля» («На земле весь род людской / Чтит один кумир священный...») из оперы Ш. Гуно «Фауст» (1859; на российской сцене с 1864), либретто Ж. Барбье и М. Карре, в переводе П. И. Калашникова.

267*. *Ежегодник 2002*. С. 224.

Автограф: ед. хр. 8, л. 98 (с правкой).

Печ. по верхнему слою автографа. Вар.: без ст. 1—4.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа; в авторской библиографич. картотеке ранняя редакция не зафиксирована.

Со мной лесная тишина / И тихо дремлющие воды... — Ср.: «Смотрю и я, как бы живой, / На эти дремлющие воды...!» (Ф. И. Тютчев «Опять стою я над Невой...», июнь 1868).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

268. *Ежегодник 2002*. С. 225.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 328.

Печ. по машинописи.

269. Автограф: ед. хр. 8, л. 99. Дата хрон. карт. с отсылкой на позднюю ред.: «Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...», *25 сентября 1889*.

Печ. по автографу.

Ср. позднюю ред.

270. *Ежегодник 2002.* С. 225.

Автограф: ед. хр. 8, л. 99.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 2: «Склонился с удой на песок».

271. *Ежегодник 2002.* С. 225.

Автограф: ед. хр. 8, л. 99.

Печ. по автографу.

272. *Ежегодник 2002.* С. 225.

Автограф: ед. хр. 8, л. 99.

Печ. по автографу.

273. *Ежегодник 2002.* С. 226.

Автограф: ед. хр. 8, л. 99 об.

Печ. по автографу.

274. Наблюдатель. 1898. № 11. С. 163.

Автограф: ед. хр. 8, л. 99 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 59 (вар. ст. 7: «Пауныкали коня»), датировка вписана карандашом.

Ап: На полях автографа рядом со ст. 3—4 вписано: «Отведал он труда / На большой дороге»; рядом со ст. 7—8: «Умыкали коня / Крутые горки»; «Латышеву». «Детское Чтение. 27 июня 1890» (алф. карт.).

Печ. по первой публикации.

275. *Ежегодник 2002.* С. 226.

Печ. по автографу: ед. хр. 8, л. 99 об.

Ап: «Латышеву» (автограф).

276. *Ежегодник 2002.* С. 226.

Автограф: ед. хр. 8, л. 99 об.

Печ. по автографу.

277. *НС.* С. 31.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 833, ед. хр. 3, л. 928; датировка вписана карандашом. Дата алф. и хрон. карт.: *22 июля 1885.*

Печ. по машинописи.

278*. *Ежегодник 2002.* С. 226.

Автограф: ед. хр. 8, л. 20—21 (с правкой); заглавия на титульном листе: **Жарким летом** (карандашом), **Дармоеды** (чернилами) — оба зачеркнуты. Строфы I—V автографа датированы: *24 ноября 1883*, VI—IX — *18 июля 1885*, X — *29 июля 1885*. Датировки автографа на титульном листе: *24 ноября 1883, 29 июля 1885.* В хрон. карт. («Жарким летом нива зреет...») текст представлен двумя карточками: 1) *18 июля 1885*; 2) *29 июля 1885* (обе с отсылкой: *см. 24 ноября 1883*).

Ап: «Север. 17 апреля 1889; Вестник Европы. 2 июля 1889; Всемирная Иллюстрация. 26 февраля 1890; Южный Край. 6 апреля 1890; Екатеринбургская Неделя. 5 июня 1890» (алф. карт.).

Печ. по автографу.

279*. *Ежегодник 2002.* С. 234.

Автограф: ед. хр. 8, л. 102 (с правкой, текст приведен к основному; текст строф II и IV приведен к тексту поздней ред., см. № 417), датировка: *17 августа 1885*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1079—1080, ед. хр. 4, л. 1242 (1); *без даты*. Даты хрон. карт.: *17 августа 1885* (с отсылкой на ред. *18 июня 1880*); *26 февраля 1889, 17 мая 1890* (обе зачеркнуты). Алф. карт.: («Стрекоз говорливая стая...»): *17 мая 1890*; *18 июня 1880* («Под небом страны полуденной...»); *17 августа 1885, 26 февраля 1889, Весна 1881* («Под солнцем страны полуденной...»).

Ап: «До 27 марта 1890» (карандашом, зачеркнуто, автограф); «3 июля 1886» (рядом с правкой в ст. 2; автограф).

Печ. по машинописи.

Под солнцем страны полуденной / Я видел великое зло... Лейтмотив книги Екклесиаста, ср. «Есть зло, которое видел я под солнцем» (Екк 6: 1); «Это-то и худо, во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла» (Екк 9: 3), и т. п.

Ср. ред.: № 99 («Под небом страны полуденной...»); № 417 («Под солнцем весны благовонной»); № 552 А («Под солнцем палящим и жарким...»); № 552 Б («Стрекоз говорливая стая...»).

280*. *НС*. С. 31, с опечаткой в ст. 1.

Автограф: ед. хр. 8, л. 104 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. ⟨307⟩, ед. хр. 2, л. 341.

Печ. по машинописи.

Покорно я приемлю муки, / Как принимал их Ты, Христос... ~ ...Я целованьем строгих рук / Благодарю за лютость кары... — Автобиографический мотив (см.: *Черносвитова*. С. 237).

281*. Наблюдатель. 1897. № 8. С. 284, с вар. ст. 5: «В поле, под ризой туманной» (второе ст-ние цикла «Ночи») — *ССШ IX*. С. 159 — *ССС IX*. С. 9, дата: *19 сентября 1883* — *ССНЧ 3*. С. 452.

Автограф: ед. хр. 8, л. 98 об. (черновой, правка чернилами и карандашом, Δ), датировка: *19 сентября [1885]*, со знаком «?»; местоположение: среди автографов, датированных июнем—августом 1885. Машинопись: ед. хр. 3, л. 760, *без даты*. Дата хрон. карт.: *19 сентября 1893*; алф. карт.: *19 сентября 1885* (карандашом). Алф. карт. под заглавием: **Ночи**.

А. Печ. по верхнему слою автографа.

Майя — иллюзия, обман; одно из основных понятий древнеиндийской (ведийской) мудрости, вошедшее в европейскую философию; обозначает иллюзорность бытия — действительность, понимаемую как грезу божества, и мир как божественную игру (лила). Источником текста могла послужить книга Рады-Бай (Е. П. Блаватской) «Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину» (М., 1883), вышедшая приложением к журналу «Русский Вестник» (в 1882—1883 гг. части книги печатались в журнале); см. пояснение *майи* в кн. Е. П. Блаватской «Из пещер и дебрей Индостана» (СПб., 1912. С. 220), а также статьи известного востоковеда-индолога И. П. Минаева «Новые исследования о буддизме», публиковавшиеся в ЖМНП (1882. № 7. С. 102—118, № 10. С. 402—410 и др.), в которых ученый знакомил читателей с буддизмом, анонсируя издание:

The Sacred Books of the East, translated by various oriental scholars and edited by F. Max-Muller. Vol. I, X, XI (Священные книги востока, переведенные разными ориенталистами и изданные Макс-Мюллером. Томы X, XI). Oxford, 1879—1881.

Б. Печ. по: *ССС IX*, с исправлением опечатки в датировке.

На слова ст-ния написан романс для голоса с фортепьяно (Moderato; $^{3}/_{4}$; Des-dur), автор — Виктор Леонидович Сходь-Энгбертс (1903—1920), датировка: 5 апреля 1920 г., — см.: РНБ, ф. 758 (В. Л. Сходь-Энгбертс), ед. хр. 17.

282. *БП*. С. 84.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 123 (карандашом; беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1506 (дата вписана карандашом), ед. хр. 6, л. 1882.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 9: «Предо мной тетрадки».

Ап: «Из дневника» (автограф).

283. *БП*. С. 84.

Машинопись: 1) ед. хр. 1 а, л. 126—125 (правка карандашом, текст приведен к основному), дата вписана карандашом; 2) ед. хр. 1 (2), л. 843—844, ед. хр. 3, л. 942.

Печ. по машинописи 2.

Первонач. вар. машинописи 1, ст. 39—41: «Кричит мне мать, и угрожает / Меня пребольно отодрать. // И высечен опять мечтатель».

Автобиографический мотив, ср.: «...творческая способность выражалась ⟨...⟩ в тех мечтаниях-сказках, которые рождались и сменялись в уме мальчика: то он видел себя поэтом, вот уже празднуют его пятилетний юбилей, вот уже через десять лет ему ставят памятник почему-то в Берлине ⟨...⟩ то он погибает на „благо народа", то приговорен к смерти за неудавшийся заговор и бежит, то на вершине славы и почета стоит во главе большого журнала ⟨...⟩. Федя полюбил уходить в Летний и Таврический сад: там он предавался размышлениям о прочитанном, сочинял бесчисленные сюжеты для поэм и рассказов и там же писал стихи»; любимые произведения, в том числе трагедии Шекспира и прежде всего «Король Лир», были «изучены дословно, а пьесы для себя даже разыграны» (*Черносвитова*. С. 240). См. параллель в прозе: незавершенный автобиографический рассказ «Барышня и босой» (*Писатель-Инспектор*. С. 105—106).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника» (машинопись 1).

284. *Ежегодник 2002*. С. 228.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1197.

Печ. по машинописи.

Ср.: «Ночью вышел я тайком из дома...», *23 октября 1884*.

285. *Ежегодник 2009*. С. 00.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 124—124 об. (беловой, с правкой).

Печ. по автографу. Первонач. вар., ст. 10—11: «Чем тебя умалить, / Чем тебя ужалить», ст. 18: «Очень крепкий лед», ст. 27: «Городок таков».

286. *Ежегодник 1990*. С. 133. «Из дневника».

Машинопись: 1) ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 33; *без даты*; 2) ед. хр. 10а, л. 46; *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *4 февраля 1886*.

Печ. по машинописи 1.

Вар. машинописи 2, ст. 5: «И рад бы он, не лег».

287. *Ежегодник 2002*. С. 229.

Автограф: ед. хр. 8, л. 105.

Печ. по автографу.

288. *Ежегодник 2002*. С. 229.

Автограф: ед. хр. 8, л. 106 (правка чернилами и карандашом, на автографе авторские рисунки пером).

Ап: «Страшно подумать, что уже 24-й год, страшно!» (автограф).

Печ. по автографу.

289*. *Ежегодник 2002*. С. 230, 231.

Автограф: ед. хр. 8, л. 107 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 323; 2) там же, л. 323 а (правка чернилами).

Погубил я, раб мгновенья, / Жизни лучшие цветы ~ И прекрасные мечты... — Ср. начальные строки ст-ния Я. П. Полонского «Жизни лучшие мгновенья — / Сердца жаркие мечты...» (1844).

Печ. по машинописи 2.

Вар. машинописи 1, ст. 2: «Опьянен пороком взгляд», ст. 6: *как в автографе*; ст. 12: «Пронесяся надо мной».

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

290. *Ежегодник 2002*. С. 231.

Автограф: ед. хр. 8, л. 107 об. (с правкой; поздние вар., ст. 4: «В долгу зиму не умрут», ст. 10: «В этих всходах, знать, сильна»; ст. 14: «Сохранил немало сил»). Машинопись: ед. хр. 2, л. 309, ед. хр. 1 (2), л. 97; обе — *без даты*. Дата алф. карт. («Верю я, пройдут невзгоды...»), хрон. карт.: (1) «Гибнет радостная сила...»; 2) «Верю я, пройдут невзгоды...») и автографа: *27 апреля 1886*.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

291*. *Пауэр*. С. 8 (вар. машинописи, заглавие: **Смерть**).

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 109; 2) л. 108 (правка карандашом); оба автографа под заглавием: **Смерть**. Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1516, заглавие: **Смерть**, *без даты*; 2) там же, заглавие зачеркнуто чернилами; ед. хр. 1 (2), л. 1284, без заглавия, дата вписана карандашом. Хрон. карт. (первонач. вар. ст. 1: «Странен взор, зрачок расширен...»), под заглавием: **Смерть**; алф. карт. («Смутен взор, зрачок расширен...»), без заглавия.

Машинопись, с правкой: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 21.

Печ. по машинописи 2, с восстановлением заглавия.

292*. *Пауэр*. С. 8, с опечаткой в ст. 1 (вар. машинописи 2; ст. 1: «Перед вами, бесстрастные звезды...»).

Автограф: ед. хр. 8, л. 110 (черновой, правка чернилами и карандашом; текст приведен к основному, за искл. ст. 2). Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1313а (правка

карандашом); 2) там же, л. 1313. Первонач. вар. ст. 1 алф. карт.: «Пред вами, прекрасные звезды...».

Машинопись, с правкой: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 20.

Ап: «Воспоминание [о той] ночи около того времени, когда сложилось стихотворение „Мудрый видит, что напрасны все стремленья“»; [«До 27 марта 1890»] (автограф); «Вестник Европы. 2 июля 1889; Новь. 28 февраля 1890» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 2.

293*. *ССШ I*. С. 31 — *ССС I*. С. 31.

Автограф: ед. хр. 8, л. 109 об. (правка карандашом, заглавие: **Покинутая Ариадна**). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1521, под заглавием: **Покинутая Ариадна**; печ.: стр. из *ССС I*: там же, л. 1521 а. Алф. и хрон. карт. под заглавием: **Ариадна**.

Ап: «Русская Мысль. 21 сентября 1908» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *ССС I*.

См. примеч. № 138.

Ср. ред.: № 138, № 152 № 193; **II**: «Царевной мудрой Ариадной...», *17 марта 1896*; «Царевной мудрой Ариадной...», *27 апреля 1896*.

294. *Ежегодник 1990*. С. 124. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 16.

Печ. по машинописи.

295. *Ежегодник 2002*. С. 232.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 327.

Печ. по машинописи.

Глуповат был Сеня бедный... — Ср.: «Трусоват был Ваня бедный...» (А. С. Пушкин «Вурдалак», из цикла «Песни западных славян», 1834).

296. *Ежегодник 2002*. С. 232.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1232, ед. хр. 4, л. 1446.

Печ. по машинописи.

297. *Ежегодник 2002*. С. 232.

Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 129; ед. хр. 4, л. 1395.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

298. *Ежегодник 2002*. С. 233 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 8, л. 111 (с правкой, текст приведен к маш.). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 273 (датировка вписана карандашом); ед. хр. 2, л. 295.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Крылос — переделанное *клирос* (от греч. κλῆρος — жребий), в православной церкви место на возвышении перед иконостасом, на котором во время богослужения находятся певчие, чтецы, причетники и священнослужители.

Б. Печ. по машинописи.

299. *Ежегодник 1990*. С. 123. «Из дневника».

Печ. по машинописи: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 15.

300. *Ежегодник 2009—2010.* С. 504.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 130—130 об. (беловой, с правкой).

Печ. по автографу. Первонач. вар., ст. 10: «И не прогрелася еще», ст. 13: «Клюет удачно. Я в корзину», ст. 16: «Холодной тешуся водой», ст. 26—28: «Но вся душа на берегу, / И дома вовсе не сидится, / Я снова на берег бегу».

301*. *Ежегодник 2002.* С. 233.

Автограф: ед. хр. 8, л. 112—112 об. (с правкой).

Строфы I—III датированы: *1885*, строфы IV—VII: *3 июля 1886*. Дата хрон. карт.: *3 июля 1886*, алф. карт.: *1885, 3 июля 1886*.

Печ. по автографу. В ст. 11 («С иной, мелкою бедою»), вероятно, описка.

Тема ст-ния перекликается с размышлениями Сологуба о судьбе учителя в провинции; в 1880-е гг. он собирал материал для статьи о сельской школе, в его архиве сохранились выписки из журнала «Русский Начальный Учитель» (1880—1911; редактор-издатель В. А. Латышев), а также заметки, озаглавленные «Сельский учитель» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 89, 210 и др.). См., например, запись автобиографического плана: «*Сельский учитель*. Сел⟨ьская⟩ интеллигенция: свящ⟨енник⟩, урядн⟨ик⟩ и учитель. Учитель — почти всегда человек пришлый, чуждый интересам населения. ⟨...⟩ Одиночество. Борьба с предрассудками, суевериями и обычаями. Сознание своей цивилизующей роли. ⟨...⟩ Квартира учителя мала, неудобна, холодна (зимой бывает, в феврале от 0 до +7), угарна. Сближение с крестьянами подозрительно для учителя; да и общих интересов нет. Подавленность духа отражается на школьных занятиях» (⟨1882, февраль⟩ // Там же, ед. хр. 539 а, л. 45).

302. *Ежегодник 2002.* С. 235.

Автограф: ед. хр. 8, л. 113—113 об. (беловой, записан карандашом, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1098—1099, датировка: *3 июня 1886* (вписана карандашом); ед. хр. 4, л. 1265; датировка: *26 июля 1886* (вписана карандашом). Карточки алф. и хрон. карт. отсутствуют.

Печ. по машинописи 1.

Первонач. вар. автографа, ст. 10: «Мне корзинищи она», ст. 14: «Да и то теперь плетусь», ст. 18: «Глядь, а солнце высоко!», ст. 34: «И, потупивши глаза».

...В лес живей, епархиалка!.. — Епархиалка (*разг.*) — воспитанница епархиального училища.

303. *Ежегодник 2002.* С. 236.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 846, ед. хр. 3, л. 944.

Печ. по машинописи.

Один Декабрь страшит... — Автобиографический мотив, получивший развитие в последующем творчестве; см. «Каждый год я болен в декабре...», *4 ноября 1913* (ССС *XVII*. С. 16).

304. *Ежегодник 1990.* С. 146. «Из дневника».

Машинопись: 1) ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 59, *без даты;* 2) ед. хр. 10 а, л. 30, датировка: *17 июля 1886* (вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *17 июля 1886*.

Печ. по машинописи.

305. *Фимиамы*. С. 9. — *Стихи о Милой Жизни*. С. 3, с вар. ст. 6: «Когда, цветкам невинным брат».

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 854 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 954. Вар. ст. 6: «Когда, цветкам невинным брат».

Ап: «Персиц. 1 июня 1919; Горнфельд. 3 октября 1919, возвращено; Рукавишников. 5 мая 1920» (алф. карт). *Шошанна Персиц* (1893—1969) возглавляла издательство «Омманут», открытое в Москве в 1917 г. (совместно с отцом Х. Златопольским и мужем Иосифом Персицем), выпускавшее переведенную на иврит классику для юношества, учебные пособия и хрестоматии (в 1918 г. издательство было переведено в Одессу, в 1920 г. — в Гомбург близ Франкфурта-на-Майне). Вероятно, Сологуб отсылал стихи в Москву Ивану Сергеевичу Рукавишникову (1877—1930) для сборника, готовившегося во «Дворце Искусств» (1919—1921), которым тот заведовал.

Печ. по: *Фимиамы*.

306. *БП*. С. 86.

Автограф: ед. хр. 8, л. 120. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1363 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1670.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 4 автографа: «Тревожит каждый ей листок?», ст. 6: «Так объясняет страх людей», ст. 14: «Я доверяю их словам».

307. *Ежегодник на 2002*. С. 236.

Автограф: ед. хр. 8, л. 40—53 об. (правка карандашом и чернилами, Δ); датировка: *11 мая 1884*. Ст. 1—25 датированы: *11 мая 1884*. Во фрагменте ⟨1⟩ ст. 1—67; 280—284 — перечеркнуты; ст. 90—91 — вписаны карандашом. Алф. карт. с подзаголовком «Рассказ в стихах». Дата хрон. карт.: *Лето 1886*; с отсылкой на ред. *11 мая 1884*. Черновые наброски к поэме записаны: ⟨1—4⟩, л. 40—53; ⟨5 А⟩, л. 54; ⟨5 Б⟩, л. 41 а; ⟨6⟩, л. 44 об.; ⟨7⟩, л. 52; ⟨8⟩, л. 54 об.—55; ⟨9⟩, л. 41; ⟨10⟩, л. 53; ⟨11⟩, л. 45; ⟨12⟩, л. 46—46 об.; ⟨13⟩, л. 50; ⟨14⟩, л. 48; ⟨15⟩, л. 44 об.

Ап: «Ишимова» (автограф). *Ишимова Александра Осиповна* (1804—1881) — детский прозаик, переводчица, издатель детских журналов.

Печ. по верхнему слою автографа.

Ночное воспоминание относится к ранним незавершенным замыслам Сологуба, тяготеющим к жанру поэмы. Текст произведения сохранился в нескольких черновых набросках и фрагментах. Впоследствии к этому замыслу поэт не возвращался, в корпусе *МПСС* поэма не представлена, возможно по причине ее неоформленности и откровенно ученического характера. Сюжет (посещение кладбища) перекликается с «Рыцарем на час» (1862) и с «Утренней прогулкой» («О погоде», 1858) Н. А. Некрасова; наброски поэмы содержат аллюзии на некрасовские тексты и цитации из них.

⟨1⟩. *Только что вырыта яма могильная. / Гроб на подмостках стоит...* — Цитата из стихотворения И. С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая...», 1860 (опубл.: 1861). *...том Ламартина...* — Альфонс де Ламартин

(1790—1869) — французский поэт-романтик и политический деятель, в России XIX в. стихи Ламартина были известны в переводах Тютчева, А. И. Полежаева, А. А. Фета, П. А. Козлова. Большую известность ему принесли сборники «Поэтические раздумья» (1820), «Смерть Сократа» (1823) и «Новые поэтические раздумья» (1823), пронизанные настроением смутной грусти, возвышенной любви и пантеистским чувством слияния с природой. Возможно также, имеется в виду труд Ламартина «История жирондистов» (1847), сыгравший значительную роль в формировании общественных настроений, которые привели к Февральской революции 1848 г. *...или Державина...* — Возможно, том из академического собрания Гаврилы (Гавриила) Романовича Державина (1743—1816), изданного Я. К. Гротом (1864). *Всю ночь она читала / При дрожащем свете свечи...* — Ср.: А. С. Пушкин «Евгений Онегин», глава вторая, XXIX—XXX.

⟨7⟩. *От света пальмовой свечи...* — Свечи из пальмового воска или масла горят дольше парафиновых; при горении не выделяют запаха и не растекаются.

⟨12⟩. *В наш осенний и пасмурный день...* — Ср.: «Если пасмурен день, если ночь не светла, / Если ветер осенний бушует...» («Рыцарь на час»); *Я бездумно иду, а кругом...~...Не воскреснут убитые силы...* Ср.: «Я ушел по кладбищу гулять; / Там одной незаметной могилы, / Где уснули великие силы, / Мне хотелось давно поискать» («О погоде»); *Здесь журнальные спят пролетарии... ~ ...Здесь и кости Миная рассыльного...* — Персонажи ст-ния Н. А. Некрасова «Песни о свободном слове» («I. Рассыльный» и «II. Наборщики»), 1865.

⟨14⟩. *Бьется сердце неровно, тоскливо, — / Стынет кровь, и душа холодна...* — Ср. «Что ни год — уменьшаются силы, / Ум ленивее, кровь холодней...» (Н. А. Некрасов «Что ни год — уменьшаются силы...», 1861).

308. Автограф: ед. хр. 8, л. 45 об. (беловой); *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *Лето 1886*, алф. карт. со знаком «?». Местоположение автографа: среди текстов с датировкой: *май 1884* и недатированных.

Печ. по автографу.

309. *БП*. С. 87.

Автограф: ед. хр. 8, л. 121 (карандашом, на обороте: машинопись ст-ния «Стихи, умеете вы литься...», ⟨*1 октября 1916*⟩). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1202 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1403.

Ап: «Из дневн⟨ика⟩» (автограф).

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 3 автографа: «И жизнь с ее томленьями», ст. 9: «Измучен долей строгою».

310*. *Ст. I*. С. 53 — *АМ*. С. 25 — *ССНЧ 5*. С. 429 (вар. восстановит. правки; с другим прочтением вар. ст. 6, 7, 10, 11).

Машинопись: ед. хр. 6, л. 2021 (как в основном тексте), *без даты*; печ.: стр. из *Ст. I*, с восстановит. правкой ранних вариантов: ед. хр. 6, л. 2020, Δ; дата вписана чернилами: *28 сентября 1886*. Дата хрон. карт.: *28 сентября 1886*.

Печ. по: *АМ*.

ДРиВ: Печ. по тексту, восстановленному автором на стр. из *Ст. I*.

311. *Ежегодник 2002*. С. 238.

Машинопись: ед. хр. 10 а, л. 31, датировка: *17 октября 1886* (вписана карандашом). Дата хрон. и алф. карт.: *17 октября 1886*.

Ап: «Из дневн⟨ика⟩» (маш.).

Печ. по машинописи.

Мать сечет и за провинки... — Провинки (от *провиниться*) — проступки, грехи, провинности (*Даль 3*. С. 492).

312. *Ежегодник 2002*. С. 239.

Автограф: ед. хр. 8, л. 122 (беловой, карандашом). Машинопись: ед. хр. 2, л. 8; ед. хр. 1 (2), л. 7 (без датировки).

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 23 автографа: «И в добавок, шляхтенки хозяйки».

Стихотворная параллель к одной из сюжетных линий романа «Мелкий бес» (1892—1902; задуман в период службы автора в Великих Луках, 1885—1889): одна из невест Передонова — Марта Нартанович, *шляхтенка, дочь арендатора*; Передонов, пытаясь уязвить Марту (*Мелкий бес*. С. 60), говорит ей: «„А польки все — неряхи. ⟨...⟩ я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка". — „Все польки — хорошие хозяйки, — ответила Марта"» (ср. заключительные строки ст-ния).

313. *Ежегодник на 1990*. С. 140. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 48, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *8 декабря 1886*.

Печ. по машинописи.

314. *НС*. С. 32.

Автограф: ед. хр. 8, л. 123 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1432 (дата вписана карандашом), ед. хр. 5, л. 1780.

Печ. по машинописи.

Биографический мотив, Е. Я. Данько вспоминала: «...рассказывал, как он ⟨Сологуб. — *М. П.*⟩ однажды поскользнулся и упал, а мальчишки, видевшие это, хотели расхохотаться, но смех застрял у них в горле, так как он посмотрел на них таким „свирепым уничтожающим взглядом, что они сразу почувствовали ничтожество своего смеха над человеком, который упал"...» (*Данько*. С. 217). Способность к гипнозу Сологуб считал даром избранных натур, этой способностью наделены его герои: Логин («Тяжелые сны», 1896), Ваня Зеленев («Жало смерти», 1904), Триродов («Творимая легенда», 1907—1913).

315. *НС*. С. 33.

Машинопись: ед. хр. 3, л. 770; *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *21 декабря 1886*.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 17: «С Бедою, с этой ведьмой черной».

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

316. *Ежегодник 2002*. С. 239.

Автограф: ед. хр. 8, л. 58 об. (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1497, *без даты*; ед. хр. 6, л. 1873. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *28 декабря 1886*.

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 4 автографа: «Сердце бедное в огне».

Ср. ред. № 210.

317*. *Ежегодник 2002*. С. 239.

Автограф: ед. хр. 8, л. 104; строфа I датирована: *6 сентября 1885*, строфы II—IV: *28 декабря 1886*. Машинопись: 1) ед. хр. 6, л. 1982 б; 2) ед. хр. 6, л. 1982 а, 1982. Хрон. и алф. карт. с отсылкой на раннюю ред.: *28 декабря 1886 (см. 6 сентября 1885)*.

А. Печ. по машинописи 1.

Б. Печ. по машинописи 2. Первонач. вар. ст. 8: «О невзгодах моих».

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

318*. Наблюдатель. 1897. № 8. С. 284 (первое ст-ние цикла «Ночи», без заглавия; вар.) — *КД*. С. 7 — *Пауэр*. С. 8 — *ССНЧ 6*. С. 410.

Автограф («Посмотри, мое дитя...»): ед. хр. 8, л. 124 (правка чернилам; перед датировкой вписано карандашом: 1). Машинопись: 1) «Посмотри, мое дитя...»: ед. хр. 1 (2), л. 1123, ед. хр. 4, л. 1293 (вар.); 2) «Посмотри, мое дитя...»: ед. хр. 9, л. 160, без заглавия, дата вписана карандашом. Вар. ст. 1—2 машинописи 1 и 2: «Посмотри, мое дитя, / Вот горит звезда над нами». В хрон. карт. под заглавием: **Звезда** («Посмотри, мое дитя...»).

Машинопись («Посмотри, мое дитя...») (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 22.

Ап: «До 18 марта 1890» (автограф, карандашом сверху); «Родина. 29 декабря 1889» (алф. карт.).

Печ по: *КД*.

Вар. первой публ. и *Пауэр*, ст. 1—2: «Посмотри, мое дитя, — / Вот горит звезда над нами».

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

319. *Ежегодник 2002*. С. 241.

Автограф: ед. хр. 8, л. 124 об. (правка чернилами и карандашом, ст. 13—14 зачеркнуты карандашом).

Ап: «Июль. 20» (автограф).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по верхнему слою автографа.

Фидий — прославленный греч. скульптор (V в. до н. э.), создатель классических образцов эллинской скульптуры, среди которых статуя Афины Парфенос, сохранившаяся в копиях.

320*. *Ст. I*. С. 32 — *ССШ I*. С. 11 — *ССС I*. С. 11 — *ССНЧ 1*. С. 412 (вар., без строфы III).

Авторизованный источник, печ.: стр. из *Ст. I*: ед. хр. 1 (1), л. 94; с восстановит. авторской правкой.

А. Печ. по тексту, восстановленному автором на стр. из *Ст. I* (верхний слой правки). См.: *ДРиВ*.

Б. Печ. по: *ССС I*.

321*. *Ежегодник 2002*. С. 242.

Автограф: ед. хр. 8, л. 125. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 765, ед. хр. 3, л. 848; датировка вписана карандашом. Первонач. вар. ст. 1 алф. и хрон. карт.: «Мороз стекло разрисовал». Дата алф. и хрон. карт.: *31 января 1887*.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

322. *Ежегодник 1990*. С. 121. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 11.

Печ. по машинописи.

323*. *Ежегодник 2002*. С. 242.

Автограф: ед. хр. 8, л. 126—126 об. (дата вписана карандашом).

Ап: «Свет. 15 февраля 1887» (алф. карт.).

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Тебе, отчизна, строят ковы / Тобой спасенные друзья... ~ Зажечь огонь всеобщей брани / Готов воинственный мадьяр. — Ковы — заговоры, коварные злоумышления (*Даль 2*. С. 128). Здесь имеется в виду изменение политических ориентаций внутри «Союза трех императоров» (Германии, России и Австро-Венгрии) в связи с угрозой войны между Германией и Францией. В ноябре 1886 г. Россия попыталась укрепить свое влияние в Болгарии, что привело к обострению отношений с Австро-Венгрией; Германия добивалась от России неучастия в возможной войне на стороне Франции в обмен на поддержку в Болгарии. *Ты знаешь: царь подымет стяг...* — Вопреки планам Германии Александр III согласился оказать Франции политическую поддержку и тем самым предотвратил новый военный конфликт в Европе.

324*. *Ежегодник 2002*. С. 244.

Автограф: ед. хр. 8, л. 127—127 об. (правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 345 (правка карандашом). Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Закат, бледнея, потухал...».

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 1: «Последний луч зари сбежал», ст. 21: «Ее он много целовал».

ДРиВ: Печ. по автографу.

Первое ст-ние, датируемое этим днем: **Война** («Только закрою глаза...») — неизвестно.

325. *БВ*. Утр. Вып. 1915. № 15290. 25 декабря.. С. 2 — *АМ*. С. 185.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 946—947 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1089 (датировка зачеркнута). Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Страшны, грозны и могучи». Дата хрон. карт.: *9 февраля 1887*.

Ап: «Биржевые Ведомости. 12 октября, 15 декабря 1915» (алф. карт.).

Печ. по: *АМ*.

Публикация ст-ния в рождественском номере газеты актуализировала его смысл применительно к Первой мировой войне.

326*. *ПЖ*. 1898. № 313. 1 ноября. С. 2601, без заглавия, без деления на строфы (седьмое ст-ние цикла «Параллели»). — *КД*. С. 11.

Автограф: ед. хр. 8, л. 129—129 об. (черновой; правка чернилами, черным и фиолетовым карандашом; текст приведен к основному). Первонач. вар. ст. 1 алф. и хрон. карт.: «В великолепной темнице...».

Ап: «Живописное Обозрение. 18 апреля 1897, Новости. 8 декабря 1897» (зачеркнуто); «Послано Абрамовичу. 12 февраля 1920» (алф. карт.).

Печ. по: *КД*.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

327. Невский альманах. С. 74, без деления на строфы. — *АМ*. С. 142 — *ССНЧ 5*. С. 444.

Автограф: ед. хр. 8., л. 130—130 об. (правка чернилами и карандашом, Δ). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 46 (исходный текст соответствует верхнему слою автографа, правка карандашом, текст приведен к *АМ*); 2) там же, л. 46 а (текст соответствует *АМ*). В авторской библиографич. картотеке ранняя ред. не зафиксирована.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *АМ*.

328. *БП*. С. 88 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 8, л. 131 (синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом). Машинопись: ед. хр. 2, л. 64.

Ап: «Неделя. 16 августа 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа; поздние вар. ст. 5: *а* «Не зная чистых впечатлений»; *б* «Под гнетом темных впечатлений».

Б. Печ. по верхнему слою автографа.

В. Печ. по машинописи.

329*. *Ежегодник 2002*. С. 244.

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 133—133 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному); 2) там же, л. 134 (беловой, ст. 1—6, начало строфы II зачеркнуто; первонач. вар. ст. 5: «Опять мой ум тоска объемлет»). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 957—958 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1101.

Печ. по машинописи.

330. *НС*. С. 33.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 128 об. (беловой), ст. 1—8 датированы: *25 марта 1887*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 631, ед. хр. 3, л. 691.

Печ. по машинописи.

331. *Ежегодник 2002*. С. 245.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 127—128 (беловой, с правкой), датировка: *1887*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 560, ед. хр. 2, л. 616; датировка: *1887*. Дата алф. и хрон. карт.: *Март 1887*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 4: «Иль самому пересказать...», ст. 7—8 — в обратном порядке, ст. 13: «Их полк лукавый был готов», ст. 21—22: «Но кто насквозь их сердце видит, / К задорным глазкам их привык», ст. 25: «В стремленье их очей проворных», ст. 32: «Его пленяли modesties», ст. 49—50: «В его груди не возбудишь / Ты упоительной тревоги».

Его пленяли модести... — Модести (*франц.* modestie) — кокетки.

332. *Ежегодник 2002*. С. 245.

Автограф: ед. хр. 8, л. 135 (карандашом). Машинопись: там же, л. 136 (правка чернилами, окончательный вар. правки — текст ст-ния «Замолкнули праздные речи...», *Апрель, 1887*). Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Замолкнули праздные речи...».

Печ. по автографу.

333*. Творчество. Журнал художественного цеха. Харьков. 1919. № 4. Май. С. 4 (с вар. ст. 2: «Молитвой затеплился храм») — *Фимиамы*. С. 43 (с вар. ст. 2: «Молитвой затеплился храм») — *КД*. С. 45.

Автограф: ед. хр. 8, л. 136 (на странице с машинописью ст-ния «И наши смиренные песни...»), датировка: *Апрель 1887* (зачеркнуто). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 454, ед. хр. 2, л. 499. Автограф, машинопись и карт. без заглавия. В хрон. карт. зафиксированы обе ред.: «И наши смиренные песни» и «Замолкнули праздные речи...», с датировкой: *5 апреля 1887*.

Ап: «Творчество, Харьков. 14 апреля 1919; Персиц. 1 июня 1919; Творчество, Абрамову 12 февраля 1920» (алф. карт.).

Печ. по: *КД*.

Вар. ст. 2 автографа и машинописи: «Молитвой затеплился храм».

Стихотворение написано по случаю Пасхи, которую в 1887 г. праздновали 5 апреля.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа — машинописи.

334*. *НС*. С. 34.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 131 (беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 160, *без даты*; ед. хр. 2, л. 236.

Печ. по машинописи.

Ап: «Восп⟨оминание⟩ недавнего карцера ⟨*нрзб.*⟩ в уч⟨илище⟩» (автограф).

335*. *Ежегодник 2002*. С. 246 (с неточными прочтениями).

Автограф: ед. хр. 8, л. 137 (правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1549—1550, ед. хр. 6, л. 1962. Автограф и карт. без заглавия.

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по автографу. Вар. ст. 6: «Солнце жарко над ивой горело», ст. 8: «Обнимал мое влажное тело», ст. 15: «Я, как счастья, объятий желала».

336. *Ежегодник 2002*. С. 246.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 132 (черновой, с разновременной густой послойной правкой чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 205, дата вписана карандашом; ед. хр. 2, л. 164. Дата автографа, машинописи, алф. и хрон. карт.: *26 мая 1887*.

Печ. по машинописи.

337*. *БП*. С. 88.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 132 об. (беловой, с правкой; строфа IV дописана позднее; текст приведен к основному); ст. 1—12 датированы: *2 июня 1887*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1149 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1335. В

алф. и хрон. карт. текст зафиксирован по первонач. вар. ст. 1 автографа: «Приникла пыль дорожная».

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

338. *НС*. С. 34.

Машинопись: ед. хр. 10 а, л. 28, датировка: *14 июня 1887* (вписана карандашом). Дата хрон. и алф. карт.: *14 июня 1887*.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

339. *Ежегодник 2002*. С. 246.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 134 (беловой, текст соответствует основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 604, ед. хр. 2, л. 669.

Печ. по машинописи.

340. *Тени*. С. 180 — *ССС XIII*. С. 29, дата: *19 июля 1890*.

Автограф: ед. хр. 8, л. 147 (правка чернилами и карандашом).

Ап: «Екатеринбургская Неделя. 19 июля 1890» (автограф); «Свет. 20 мая 1889; Екатеринбургская Неделя. 5 июня 1890; Русский Вестник. 30 июля 1896. ⟨Псевдоним⟩ *К. Двукраев*» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *ССС XIII*.

341. *Ежегодник 2002*. С. 248.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 133 (карандашом; беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 2, л. 315.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 11: «Не прекрасная Аннета».

342. *ЧЧ*. С. 13 — *Ежегодник 1990*. С. 125 (вар. машинописи). «Из дневника».

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 243, *без даты*; ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 19, *без даты*. Дата хрон. карт.: *7 июля 1887*.

А. Печ. по машинописи.

Б. Печ по: *ЧЧ*.

Что Тот вкусил... ~ Вкусить в последней тишине. — См. вступ. статью.

343. *НС*. С. 35.

Машинопись: ед. хр. 10 а, л. 95—96, датировка: *14 июля 1887* (вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *14 июля 1887*.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

344. *БВ*. 1897. № 161. 15 июня. Утр. вып. С. 2, без подписи. — *ПК 1908*. С. 151 — *ССШ I*. С. 90 — *ССС I*. С. 90, дата: *21 июля 1885* — *ПК 1922*. С. 147. *Изборник* — *Ежегодник на 2002*. С. 246 (вар. автографа). Строфа 4 опубликована: *БП*. С. 550.

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 138 (исходный — беловой, правка чернилами и карандашом; текст строфы I и II приведен к нижнему слою автографа 2), датировка: *21 июля 1887*; 2) там же, л. 139 (беловой; правка чернилами и каранда-

шом, текст приведен к основному), датировка: *21 июня 1887.* Дата хрон. карт.: *21 июля 1887*; алф. карт.: *21 июня 1887*, испр.: *21 июля 1887.*

А. Печ. по верхнему слою автографа 1.

Б. Печ. по верхнему слою автографа 2.

В. Печ. по: *ПК 1922.*

На слова ст-ния написан романс (Allegretto moderato, 6/8; D-dur), композитор В. А. Сенилов (ор. 21, № 1; ⟨январь, 1911⟩): РНБ, ф. 687, ед. хр. 163.

345. *Ежегодник 1990.* С. 142. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 52.

Печ. по машинописи.

346. *Ежегодник 2002.* С. 248.

Печ. по машинописи: ед. хр. 10 а, л. 29, датировка: *28 июля 1887* (вписана карандашом). Дата хрон. и алф. карт.: *28 июля 1887.*

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

347. *Ежегодник 2002.* С. 249.

Автограф: ед. хр. 8, л. 141. Дата хрон. карт.: *До августа 1887.*

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 6: «Ко мне сподвижников своих».

348. *Ежегодник 2002.* С. 249.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 135 (беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 404, ед. хр. 2, л. 436.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 4: «Ну и что ж! пойдешь без спора», ст. 8: «Что ж! пойдешь, не рассуждая», ст. 9: «Он и ласков иногда», ст. 11—12: «И пойдешь туда, сюда, / И не скажешь: — Погодите!».

349. *Ежегодник 2002.* С. 249.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1536.

Печ. по машинописи.

Сосулька — сослуживец Сологуба А. Н. Бальзаминов (см. примеч. № 163), о котором есть заметка в «Канве к биографии»: «*Великие Луки.* Учеников секли часто во всех классах. Сосулькина индюшка. Сосулька сек медлительно и с издевочками. Велит раздеться, лечь на пол, несколько раз перелечь, как удобнее. Иногда сам уйдет, — лежи и жди» (*Канва.* С. 255). См. также: «Сладок, точно карамель...» (3 сентября 1888), на автографе помета: «А назвала его так мама, — любит дать насмешливое прозвище, и всегда метко» (ед. хр. 9, л. 45).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

350. *Ежегодник 1990.* С. 157. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 78.

Печ. по машинописи.

351. *Ежегодник 1990.* С. 141. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 50.

Печ. по машинописи.

352. *Ежегодник 2002.* С. 249.

Автограф: ед. хр. 8, л. 142 (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 598 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 2, л. 661.

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Злые сплетни, карты, водка... — Автобиографический мотив, ср. в письме В. А. Латышеву из Крестцев 11 декабря 1883 г.: «...днем занимаются полегоньку делами, коли такие есть, и сплетничают, а вечером усердно винтят и опять сплетничают. Замыкайся в свои книги или проводи весело время в обществе: говори о пустяках или, пожалуй, о Крестецком земстве, что, впрочем, одно и то же, или играй в карты, или пей водку, а то и совмещай все вместе» (*Писатель-Инспектор*. С. 32). Стихотворная параллель к сатирическому фрагменту из романа «Тяжелые сны» (гл. 14, вечер у Кульчицких).

353. *НС*. С. 36.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 995, *без даты*; ед. хр. 3, л. 1152.

Печ. по машинописи.

354. *НС*. С. 37.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 411.

Печ. по машинописи.

Божий дар — калька с *греч.* Θεόδωρος — Феодор (Фёдор), дар Божий. *...«ты» Сосулькино...* — См. примеч. № 163 и 349. *...мой Хранитель...* — То есть Ангел-Хранитель.

355*. *Ежегодник 2002*. С. 251.

Автограф: ед. хр. 8, л. 143 (беловой). Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Нега, роскошь, блеск, н⟨?⟩...».

Печ. по автографу. После ст. 48 зачеркнуто: «Изменилася картина / Умер старый генерал» (начало предполагавшегося продолжения текста).

356. *Ежегодник 1990*. С. 133. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 34.

Ап: «Наследство. Мальчика требуют к городскому голове пороть. Отчаяние и негодование матери. Отец уговаривает: „От этого зависит судьба семьи". Мальчика мать благословляет. Он идет сам, по совету отца. „В воду!" — думает. Мать из окна крестит. В нем сердце упало. На мосту. Тяжко. Идет. „Отец прислал". Порка» (ИРЛИ, ф. 289, п. 1, ед. хр. 538; конверт «Люди»).

Печ. по машинописи.

357. *Ежегодник 1990*. С. 120. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 9; *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *20 ноября 1887*.

Печ. по машинописи.

358. *Ежегодник 1990*. С. 149. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 64, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *28 ноября 1887*.

Печ. по машинописи.

С ним Сосулька; крикнул: — Живо... — См. примеч. № 163 и 349.

359. *Ежегодник 1990*. С. 129. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 25, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *29 ноября 1887*.

Печ. по машинописи.

360. *Ежегодник 1990*. С. 132. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 32, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *30 ноября 1887*.

Печ. по машинописи.

361. *Ежегодник 1990*. С. 142. «Из дневника».

Печ. по машинописи: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 51. Дата алф. и хрон. карт.: *4 декабря 1887*.

Печ. по машинописи.

362. *Ежегодник 1990*. С. 122. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 12, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *12 декабря 1887*.

Печ. по машинописи.

363*. *Ежегодник 2002*. С. 252.

Автограф: ед. хр. 8, л. 145—145 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 767 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 847, *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *16 декабря 1887*.

Печ. по машинописи.

Мороз нагое тело лепко... — Лепко — от *лепить*, сбивать в ком (*Даль 2*. С. 278). По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

364*. *Ежегодник 2002*. С. 252.

Автограф: ед. хр. 8, л. 146. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 561 (датировка вписана карандашом); ед. хр. 3, л. 707.

Ап: «Баня у Маши Волын⟨иной ?⟩, с полверсты» (автограф).

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа (ранняя редакция).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

365. Свет. 1889. № 120. 28 мая. С. 3: **Детское пенье**, подпись: *Ф. Тетерников* — *АМ*. С. 19.

Автограф: ед. хр. 8, л. 146 об. (правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 478, ед. хр. 2, л. 522; датировка: *27 декабря 1884*. Дата автографа, хрон. и алф. карт.: *27 декабря 1887*. Вар. ст. 1 алф. карт.: «Я слушаю детское пенье...» (зачеркнуто).

Ап: «Свет. 1889. № 120. 28 мая»; «Послано: 20 мая 1889» (зачеркнуто) (алф. карт.).

А. Печ. по автографу.

Б. Печ. по: *АМ*.

Вар. первой публикации: ст. 1—2 — *как в автографе*, ст. 6—7: «Их песни, как звуки небес, — / Забыл я мирские печали», строфа III — *как в автографе*.

Параллель к эпизоду из романа «Тяжелые сны» (гл. 24: Логин слушает в церкви детское пение). Возможно, импульсом для написания ст-ния послужила репродукция с картины Г. Гросмана «Урок пения» (Нива. 1885. № 23. 8 июня. С. 549), см. комментарий к репродукции: «Ничто не может быть лучше и соответственнее для богослужения как голоса человеческие. И отцы, молясь в храме,

имеют утешение слышать голоса своих детей в стройных хорах. Прелестная картина Гросмана представляет почтенного старичка-учителя, дирижирующего хором малюток, своих учеников. Чрезвычайно мило и изящно изображена эта группа моливидно-наивных детских личик, при пении имеющих сообразно каждому из характеров детей выражение».

366. *НС*. С. 38, с опечаткой в ст. 1.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 528, ед. хр. 2, л. 582.

Печ. по машинописи.

367*. *Ежегодник 2002*. С. 253.

Автограф: ед. хр. 9, л. 2 (черновой, правка чернилами и карандашом). Даты хрон. карт.: *28 февраля 1888, 8 июля 1894*.

Ап: «Север. 17 апреля 1889; Русский Вестник. 30 марта 1889; Свет. 1 августа 1889; Иллюстрированный Мир. 4 февраля 1890; Север. 13 августа 1894; Север. 31 июля 1897; Вестник Европы. 29 октября 1897; Русская Мысль. 17 декабря 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

И веют на душу печалью. / Напоминают мне они... — Перифраз строк из ст-ния А. С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» (1828), ср.: «Ты песен Грузии печальной: / Напоминают мне оне».

Б. Печатается по верхнему слою автографа.

Ср. поздние редакции: **Две осени** («О, листопад, твой грустный вид...»); «Вновь листопад! Твой жалкий вид!..»; **Осень** («О листопад! О жалкий вид!..»); «Вновь листопад меня томит...» (все: *8 июля 1894*).

368. Автограф: ед. хр. 9, л. 3 (с правкой, незавершенный вар. ст. 11, первонач. вар. ст. 17: «Детство, жалко и подумать»).

Печ. по автографу.

369. *Ежегодник 2002*. С. 254.

Автограф: ед. хр. 9, л. 4.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1—2: «Никем не признанный философ, / Никем непонятый мудрец»; ст. 8: «Вложил немало чепухи».

370. *Ежегодник 1990*. С. 127. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 22.

Печ. по машинописи.

371*. *Ежегодник 2002*. С. 254—255.

Автограф: ед. хр. 9, л. 6—6 об. (черновой, правка чернилами, поздняя — карандашом). Первонач. вар. ст. 1 алф. карт.: «Бессильные и поздние проклятья...».

Ап: «Живописное Обозрение. 5 мая 1891» (алф. карт.).

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Ср. с текстом недатированной авторской записи: «Жизнь мало-помалу разрушала мои храмы: религия; братство; свобода; служение истине; поэзия. Всматриваюсь в себя: мрак. В окружающих: грязь и пошлость. Философия — безотрадна. Родник завален обломками. Но он кипит» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 255).

372. *ИМ*. 1894. № 16. 14 апреля. С. 3: **Недоля**, без деления на строфы, подпись: *Т*. — *АМ*. С. 48.

Автограф: ед. хр. 9, л. 7 (правка чернилами и карандашом, Δ). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 497, ед. хр. 2, л. 550. Алф. карт. под заглавием: **Недоля**.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *АМ*.

373. *Ежегодник 2002*. С. 254—255.

Автограф: ед. хр. 9, л. 8, 9 об. (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 182—183, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *24 апреля 1888*.

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 39 по тексту автографа.

374. *Ежегодник 1990*. С. 124 (вар. машинописи 1). «Из дневника».

Машинопись: 1) ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 17; 2) ед. хр. 1 (2), л. 186—187, *без даты*; ед. хр. 2, л. 238.

А. Печ. по машинописи 1.

Б. Печ. по машинописи 2.

375. *Ежегодник 2002*. С. 256.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 757—758 (датировка вписана карандашом на л. 758 об.), ед. хр. 3, л. 834. Дата алф. карт.: *29 апреля 1888*; хрон. карт.: *29 [авг.] апреля 1888*.

Печ. по машинописи.

376*. *Ст. I*. С. 23 — *ССНЧ*. С. 408.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1206 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1417. Печ.: стр. из *Ст. I* : ед. хр. 4, л. 1417 а (с восстановит. правкой ранних вариантов).

А. Печ. по раннему варианту восстановит. правки на стр. из *Ст. I*. См.: *ДРиВ*, поздние варианты.

Б. Печ. по: *Ст. I*.

377. *Ежегодник 1990*. С. 136. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 39.

Печ. по машинописи.

Оброснуть листья на траву. — Оброснуть (*арх*.) — обсечь, обрубить.

378. *НГ*. С. 10, дата: *17 июня 1914. Тойла. Эстония*.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1555 (дата вписана карандашом), ед. хр. 6, л. 1973, датировка: *26 мая 1888*. Дата алф. и хрон. карт.: *26 мая 1888*.

Машинопись (под текстом автограф: *Федор Сологуб*): РНБ, ф. 724, ед. хр. 1.

Ап: «Альманах Гржебина. 5 июля 1919, возвращено; Горнфельд. 3 октября 1919, взято для детского альманаха, Свобода и Культура; Орг. 16 июня 1921» (алф. карт.). *Альберт Георгиевич Орг* — представитель эстонской оптационной миссии в Петрограде, в 1921 г. содействовал Сологубу и Ан. Чеботаревской в выезде в Эстонию, который не состоялся. Сологуб подарил А. Г. Оргу экземпляр рукописного сборника «Одна Любовь» — именной экземпляр № 3, подарен 4 мая 1921 (*Библиография*. С. 231).

Печ. по *НГ*, с восстановлением датировки по машинописи.

379*. *Ежегодник 2002*. С. 257.

Автограф: ед. хр. 9, л. 12 (правка чернилами и карандашом, на обороте беловой автограф (с правкой) ст-ния «Был источник серебристый...», *13 октября 1896*).

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Ср. преемственный текст: «Был источник серебристый...» *13 октября 1896*, на обороте автографа: ед. хр. 9, л. 12 об.

380. *НС*. С. 39.

Автограф: ед. хр. 9, л. 13. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1264 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1501. Дата алф. и хрон. карт.: *11 июня 1888*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 5—6: «И два обличья есть у слова: / Одно к тому, кто говорит»; ст. 9: «Слова жестокие угрозы».

Побыток тех или иных... — Побытка (*пск., твр.*) — побывка, случай.

381. *НС*. С. 39.

Автограф: ед. хр. 9, л. 14. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 536, ед. хр. 2, л. 592.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 8 автографа: «Пих в корзину, и несу».

382. *Ежегодник 2002*. С. 257.

Автограф: ед. хр. 9, л. 15 (правка карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1030, ед. хр. 4, л. 1195.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 6 автографа: «А с лица катится пот».

383. *Пауэр*. С. 10.

Автограф: ед. хр. 9, л. 103 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 711, ед. хр. 3, л. 792.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 27.

Ап: «Альманах Гржебина. 5 июля 1919, возвращено» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

Тяну, — все мелкую плотицу... — Плотица — женск. уменьш. ласковое к плотва.

384*. *НС*. С. 39 (ранний вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 17—18 об. (правка чернилами и карандашом, Δ); заглавия: *а* **Юная задумчивость**, *б* **Полудетские грезы**. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 893—896 (дата вписана карандашом); 2) ед. хр. 3, л. 1000; 3) там же, л. 1015 (правка чернилами).

Печ. по машинописи 3, с исправлением опечатки в ст. 57 по тексту автографа.

Я думаю о том, что правды в мире нет, / А правда для людей нужна, как нужен свет... — Возможно, вариация на пушкинскую тему, ср.: «Да будет проклят правды свет...» («Герой», 1830); «Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет — и выше...» («Моцарт и Сальери», 1830).

385. *АМ*. С. 121.

Автограф: ед. хр. 9, л. 16. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1188 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1379.

Ап: «Человек может быть кумиром толпы, но толпа не должна быть кумиром человека. 5 июня 1888» (автограф).

Печ. по *АМ*.

386. *БП*. С. 90.

Автограф: ед. хр. 9, л. 3 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 563, ед. хр. 2, л. 622.

Ап: «Утро России. 12 августа 1916; Гржебин. 19 марта 1919» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

387*. *ИМ*. 1891. № 26. 10 июня. С. 303, заглавие: **В июле**, подпись: *Ф. Тетерников*; две строфы по 18 ст. — *ССС XIII*. С. 4, заглавие: **Июль**. — *ССНЧ 4*. С. 503—505.

Автограф: ед. хр. 9, л. 19—19 об. (черновой, с разновременной послойной правкой чернилами и карандашом, текст приведен к *ССС XIII*, Δ). Машинопись: 1) «Сгорает день, как фимиам...»: ед. хр. 4, л. 1459, без заглавия, *без даты* (текст соответствует *ССС XIII*); 2) «Томителен июльский зной...»: там же, л. 1459 в, заглавие: В июле; дата дважды вписана чернилами (после ст. 14 — зачеркнута красным карандашом, и под текстом) — вар. промежуточного слоя автографа — соответствует ранней ред. Печ.: 1) «Истомой дышит летний зной...»: там же, л. 1459 (вырезка из *ИМ*); 2) «Томителен июльский зной...»: там же, л. 1459 а (корректурный оттиск из неустановленного издания с восстановленными вариантами ранних вар.), заглавие: **В июле**; 3) там же, л. 1459 б (стр. из *ССС XIII* с восстановленным вариантом ст. 18). Хрон. карт. под заглавием: **В июле**, вар. ст. 1: «Томителен июльский зной...» (зачеркнуто), 2) «Истомой дышит летний зной...». Алф. карт. под заглавием: **Июль**.

Ап: «1 ред⟨акция⟩» (корректурный оттиск из неустановленного издания); «2 ред⟨акция⟩» (стр. из *ССС XIII*); «Север. 17 апреля 1889; Русский Вестник. 30 мая 1889» (алф. карт.: «Истомой дышит летний зной»); «Русское Богатство. До 11 апреля 1890» (автограф; зачеркнуто).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

На небе тают облака, / И обнажила берег свой / Уж пересохшая река... — Возможно, восходит к начальным строкам ст-ния Ф. И. Тютчева (1868): «В небе тают облака, / И, лучистая на зное, / В искрах катится река...».

Б. Печ. по: *ССС XIII*.

Вода шумливая бежит, / Колеблет легкий поплавок... — Ср.: «Вода шумит, бежит, колышет / Едва заметный поплавок...» (Я. П. Полонский «Рыбак», не позднее 1851) — процитированы в ст-нии Сологуба «Пока не требует поэта...», *26 декабря 1899*.

388*. *Пауэр*. С. 9 (ранний вар. машинописи; вар. ст. 1: «Отчий дом, что тюрьма»).

Автографы: 1) ед. хр. 8, л. 87 об. (ст. 1—4, беловой, с правкой карандашом, на обороте — автограф ст-ния «Жарким летом», *13 декабря 1884*), загла-

вие: Нелюбимая; ед. хр. 9, л. 23—23 об. (беловой, с правкой карандашом, ст. 1—4 вписаны фиолетовыми чернилами); с делением: 16—12—8. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1016 (вар. ст. 1: «Отчий дом, что тюрьма...»), ед. хр. 3, л. 1177.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 26.

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 24 по тексту автографа.

389. *Ежегодник 2002*. С. 257.

Автограф: ед. хр. 9, л. 22—22 об. (беловой, с синхронной правкой), ст. 1—32 датированы: *21 июля*, ст. 33—34: *29 июля 1888*. Сологуб продолжал работу над этим произведением, сохранился фрагмент, датированный 13 июня 1892 г. (там же, л. 20; на обороте даты: *21 июля 1888, 29 июля 1888, 13 июня 1892*):

Сердце в нем уже трепещет,
И хотя познаний нет,
Но пред ним вдали уж блещет
Откровенья жаркий свет.

Даты алф. и хрон. карт.: *21, 29 июля 1888, 13 июня 1892*.

Печ. по автографу. Первонач. вар., вместо ст. 5: «Родилася великая Русь»; ст. 7: «Сознавать себя [бойким] сильным народом»; ст. 22, начато: «Древний Киев»; ст. 26: *а* «Ты днепровской волной одевался», *б* «Ты заморской парчей одевался». К ст-нию примыкает набросок: «Россия начиналась в Киеве. Столица во Владимире. Москве. Петербурге. Усталое сердце рвется из П⟨етербурга⟩. Не в Москву суеверную. Не в ничтож⟨ный⟩ Влад⟨имир⟩. В Киев» (там же, л. 21). Замысел ст-ния, очевидно, был навеян торжествами по случаю 900-летия Крещения Руси, которые с особой пышностью отмечались в июле 1888 г. в Киеве и Петербурге. *Аскольд* и *Дир* — бояре Рюрика, затем киевские князья (вторая половина IX в.); около 866 г. Русь под предводительством Аскольда и Дира совершила первый поход на Константинополь. *...Но смирила их буйный набег / Пресвятая владычица мира...* — По греческим свидетельствам поход Аскольда и Дира не удался вследствие чудесного заступничества Богородицы: поднявшаяся буря разбила русские ладьи и остатки дружины возвратились в Киев. Ср. «Песнь о вещем Олеге» (1822) А. С. Пушкина: «Их села и нивы за буйный набег...».

390. *Ежегодник 2002*. С. 258—259.

Автограф: ед. хр. 9, л. 24—25 об. (карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 13: «Милый, ну так что ж, что покраснел!»; ст. 40: «Неизвестно, кто из них красней»; ст. 54: «Чик! „Четырнадцать!“ „Прости, ой, ой!“»; ст. 59: «„Двадцать!“ Чик! „Довольно“. Эту груду».

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

391. *Ежегодник 2002*. С. 259.

Автограф: ед. хр. 9, л. 26.

Печ. по автографу.

392*. Италии. Литературный сб. в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. СПб., 1909. С. 59 — *Пауэр.* С. 98 — *ССНЧ—8 (1).* С. 301—312 (ранняя ред.).

Автограф: ед. хр. 9, л. 27—36 (черновой, с разновременной послойной правкой чернилами и карандашом, Δ), датировка: *август 1888* (карандашом на титульном листе и под текстом); черновые наброски: там же, л. 37—44. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (1), л. 134—147 (текст соответствует основному, за искл. ст. 169), подпись чернилами: *Федор Сологуб, без даты.* Вероятно, поздняя переработка: ⟨1909⟩ 2) там же, л. 120—132, 149 (поздняя правка карандашом; соответствует машинописи 3), *без даты*; 3) ед. хр. 31 (поздний вар.), *без даты.*

Дата алф. и хрон. карт.: *1888.*

Ап: «До 2 июля 1890» (автограф, карандашом, зачеркнуто); «Север (Соловьеву), 17 апреля 1889; Русский Листок, 18 июня 1890. Вестник Европы. 5 сентября 1904 (Ф⟨едор⟩ Т⟨етерников⟩). Нива, 6 декабря 1904» (алф. карт.). *Всеволод Сергеевич Соловьев* (1849—1903) — один из основателей журнала для семейного чтения «Север» (1887, совместно с П. П. Гнедичем), его издатель (1888—1890) и редактор (1890).

Печ. по первой публикации. Вар. ст. 169 машинописи 1 и 2: «А теперь луна катится».

ДРиВ: Печ. по автографу.

В анонсе газеты «Речь», сообщавшей о поступивших в издательство «Шиповник» материалах для сборника в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине (произошло 2 января 1909 г.), поэма Сологуба названа «Наивный рассказ в стихах» (Речь. 1909. 15 (28) янв. № 14. С. 5); в рецензии на сборник Ел. Дмитриева уделила поэме одну фразу: «Сологуб дал для этого сборника очень мало» (Речь. 1909. 4 (17) мая. № 120. С. 3). Негативный отзыв дал А. Измайлов в статье «Альманшья литература»: «...поэма в стихах Сологуба „Ксения", очевидно, вышла в свет прямиком из юношеских тетрадей, когда Сологуб только набивал руку на стих и не был ни по своей философии, ни по технике стиха тем Сологубом, каким мы его знаем сейчас.

Чувствуется, что сам он знал настоящую цену своей поэмке и, именно спасая ее, сделал под заглавием пометку „Наивная повесть". Что уж греха таить, не наивная повесть, а просто слабая повесть, банальная повесть, юношеская повесть.

Ксения здесь „цветет, как роза", „пожар души разрастается роковым огнем", меркнут „зори смуглых щек", речь здесь „льется могучей волной", очи „горят грозою", видения здесь „мрачные", заря „тихая", мечты „тревожные", тень „прохладная", сон „непробудный"... ⟨...⟩ Не то плохо, что когда-то Сологуб писал готовыми словами, взятыми напрокат у старых поэтов. Юный Лермонтов пересказывал своими словами в стихах пушкинского „Кавказского пленника" и не замечал этого. И боги в детстве тешатся игрушками. Плохо то, что первые опыты перепечатываются одинаково в альманахах, как и в собраниях сочинений, когда писатель, уже выросший из детской рубашечки, не может не видеть, что она закрывает ему только половину спины» (Русское Слово. 1909. 19 апр. (2 мая). № 89. С. 5).

393. *НС*. С. 181.

Автограф: ед. хр. 9, л. 45. Машинопись: ед. хр. 4, л. 1498.

Ап: «А назвала его так мама, — любит дать насмешливое прозвище, и всегда метко» (автограф).

Печ. по машинописи.

И Сосулькой оттого... — См. примеч. к № 163 и 349.

394. *Пауэр*. С. 10.

Автограф: ед. хр. 9, л. 49—49 об. Машинописи: ед. хр. 1 (1), л. 175, 176.

Машинопись (вар. ст. 3: «Вне плетут мадьяры»): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 28.

Печ. по машинописи. Первонач. вариант ст. 1: «Как вы, детки, яры!» (автограф, маш.).

Как вы в ссоре яры!.. — Имеется в виду шумный бракоразводный процесс сербской королевской четы — Милана I и его жены Натальи (1859—1941), королевы Сербской (1882—1888); брак был расторгнут в октябре 1888 г. *Ведь плетут мадьяры / Сети очень скоро. / На границе сербской / Корпусы австрийца...* — В 1881 г. Сербия заключила тайный договор с Австро-Венгрией, по которому Австро-Венгрия обещала не вмешиваться в сербскую политику в Болгарии; в результате Сербия оказалась в зависимости от партнера и потеряла экономическую и политическую самостоятельность. *А турнут Милана, / Как и он — Наталью.* — В 1887 г. Милан запретил Наталье въезжать в Сербию, за исключением летних месяцев, он заключил с ней формальный договор, согласно которому их сын Александр должен был воспитываться в Германии и Франции под ее надзором.

395. *Ежегодник 2002*. С. 260.

Автографы: 1) ед. хр. 9, л. 5 (датировка строф I—II: *8 апреля 1888*); 2) там же, л. 50—50 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1208—1209, ед. хр. 4, л. 1433; датировка: *26 сентября 1888*. Дата хрон. карт.: *26 сентября 1888 (см. 8 апреля 1888)*, в алф. карт. карточка отсутствует.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа 1, ст. 2: «Кто б родную мать», ст. 4: «Резко порицать».

Возможно, поэтический отклик на обсуждение в прессе статьи В. С. Соловьева «Россия и Европа. Труды Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова» (Вестник Европы. 1888. № 2 и 4), которая вошла в его книгу «Национальный вопрос в России», вып. 1 (изд. 2-е, доп. СПб., 1888), см.: *Соловьев В. С.* Соч. в двух томах. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 333—396. Статья вызвала негативные отзывы правой печати; автора обвиняли в клеветничестве и антипатриотизме, в особую вину Соловьеву ставили его частые поездки в Европу (ср. с заглавием).

396. *Ежегодник 2002*. С. 260.

Автограф: ед. хр. 9, л. 52 (с правкой). Датировка автографа: *5 октября*; алф. карт.: *5, 8 октября 1888*; хрон. карт.: *5* ⟨зачеркнуто⟩, *8 октября 1888*, с отсылочной пометой: *см. 5 октября 1888*. Хрон карт. с отсылкой на «Друг и това-

рищ с юных лет...», *5, 8 октября 1888*; в алф. карт. эти тексты представлены двумя карточками без отсылочных помет, каждый с двумя датами.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Он был всегда немного странен», ст. 11—12: «А ⟨*нрзб.*⟩ глаз его упрямых / Еще упорней и мрачней».

397. *Ежегодник 2002*. С. 260—261.

Автограф: ед. хр. 9, л. 51—51 об. (черновой). В хрон. карт. текст представлен двумя карточками: 1) по первой строке, 2) в отсылке на карточке со ст-нием «Он был всегда немножко странен...».

Печ. по верхнему слою автографа. После ст. 17 зачеркнуто: «Но был едва ли окружен / Аркадий нежностью и лаской, / И под циничной, вечной маской / Любовь едва ли видел он»; далее после ст. 21 четыре строчки — *нрзб.*

Вероятно, ст-ние является частью незавершенного замысла; перед текстом — черновой набросок, соединяющий его с предыдущим («Он был всегда немножко странен...»). В прилежащих тексту черновых набросках, не составляющих связного текста, упоминается Аркадий («Аркадий был дитя столицы, / Дитя изнеженной среды...»; «Аркадий видел странный сон / И поражен им был чрезмерно, / И часто вспоминался он» — л. 51). Возможно, ст-ние обращено к Михаилу Михайловичу Агапову, сыну Г. И. Агаповой (об Агаповых см.: *Лица-9*. С. 504—505, 510—512).

398. *Ежегодник 2002*. С. 261.

Автограф: ед. хр. 9, л. 53—53 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 308—309, *без даты*; ед. хр. 2, л. 343. Дата алф. и хрон. карт.: *10 октября 1888*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 17 автографа: «Украшенья палат».

399. *Ежегодник 2002*. С. 261.

Автограф: ед. хр. 9, л. 55—55 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 754, ед. хр. 3, л. 820.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 2: «Всех заманчивей сказка одна» (автограф, маш.).

400*. *Ежегодник 2002*. С. 262.

Автограф: ед. хр. 9, л. 57—57 об. (черновой, с разновременной послойной правкой, чернилами и позднейшей — карандашом; л. 57 — автограф поздней ред.), датировка: *6 ноября 1888, 13 июня 1893*. В алф. и хрон. карт. зафиксированы обе редакции.

Печ. по нижнему слою автографа (ранняя ред.).

ДРиВ: Приводятся в соответствии с правкой чернилами.

Мой лукавый, мой грешный язык... — Ср. «И вырвал грешный мой язык» (А. С. Пушкин «Пророк», 1926).

Ср. ред.: «Мчатся годы, как ядра в бою...»; «Приближается старость в тиши...» (оба: *13 июня 1893*).

401. *БП*. С. 91 (по автографу).

Автограф: ед. хр. 9, л. 58. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1507 (дата вписана карандашом), ед. хр. 6, л. 1884 а; 2) ед. хр. 6, л. 1884 а (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1).

Печ. по машинописи 2.

Вар. ст. 2: «Стихом размеренным и вялым», ст. 8: «Он незаметно провалился?», ст. 11—12: «А преждевременная вялость / И равнодушная усталость?» (автограф, машинопись 1); ст. 13: «О том, что свой мундирный фрак» (автограф).

402. *Ежегодник 2002.* С. 262.

Автограф: ед. хр. 9, л. 59.

Печ. по автографу.

Ап: «Насон-град. Вологда и Иоанн Грозный; Свет. ⟨№⟩ 269. 1888 г.; Воскресенье. 27 ноября» (ед. хр. 9, л. 60). Источником текста послужила заметка «О Насоне, „ползухе" и историческом теленке» в «Русском Курьере» (1888. № 324. 23 ноября. С. 3), перепечатанная в газете «Свет» (1888. № 269. 27 ноября): «Дело было при царе Иване Грозном. Въезжает царь Иван Васильевич в город. Точно мертвое царство. Все спят: спит воевода и воеводский сын. Спят попы и приказные. Спят обыватели. Спит и вся тварь бессловесная ⟨...⟩ „Что это значит?" И говорит ему дьяк: „Великий государь, видно, мы еще рано приехали, не успели встать вологжане!.." — „А-а!" — промолвил царь. И приказал свите повернуть назад, за заставу. ⟨...⟩ Три раза въезжал и все попадал „на сон", и пошло с той поры название Вологде Насон-град». *Грозный царь Иван собирается / Царство русское обозреть кругом, / И на Вологду подвигается...* — Согласно преданию Иван Грозный намеревался сделать Вологду своей столицей, трижды посещал город (в 1545, 1566, 1568 гг.) и в последнее посещение прожил там два с половиной года.

403. *Ежегодник 2002.* С. 263.

Автограф: ед. хр. 9, л. 61. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1028, ед. хр. 4, л. 1193.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 5 автографа: «Но знаю, угадать он может».

Федорушка Кузьмич. — В 1920-е гг. Сологуб рассказывал Е. Я. Данько: «Когда я с матерью жил в уездном городишке, там люди уже до того опрощались и фамильярничали, что меня звали не Федор Кузьмич, а „уж ты приходи чай пить, Федорушка Кузьмичевушка" — вот до чего доходили» (*Данько.* С. 221).

404. *НС.* С. 41.

Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 69—70.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 30: «Обул, краснея, свои ноги».

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

405*. *Пауэр.* С. 11 (ранний вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 62 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к машинописи 1). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1243, ед. хр. 4, л. 1465 (два экз., в одном дата вписана карандашом, другой — *без даты*); 2) там же, л. 1465 а (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1).

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 30.

Печ. по машинописи 2.

406. *Ежегодник 2002.* С. 263.

Автограф: ед. хр. 9, л. 65—65 об. (черновой, синхронная правка чернилами; позднейшая — карандашом, не закончена, не дает связного текста, за искл. ст. 12: «Томлюсь от недостойных дум»); датировка вписана дважды, под текстом чернилами, над текстом карандашом. В хрон. и алф. карт. зафиксирован по строке «Оставив торные пути...».

Ап: «Русское Обозрение. 18 декабря 1897» (алф. карт.).

Печ. по вернему слою автографа, без учета позднейшей правки карандашом. Первонач. вар. ст. 18: «Тебе тяжел твой путь и труден».

407*. *Ш 12*. С. 159, без заглавия — *ССШ IX*. С. 79 — *ССС IX*. С. 19.

Автографы: 1) ед. хр. 9, л. 66 (правка чернилами и карандашом; Δ), 2) там же, л. 67 (правка карандашом). Машинопись: ед. хр. 3, л. 927. Печ.: стр. из *ССШ IX*, с восстановит. правкой ранних вариантов.

Ап: «Свет. 27 июля 1896; Вестник Европы. 29 октября 1897, возвращено; Русское Обозрение. 18 декабря 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа 1. Вар. ст. 22: «Фиал разбил, кошмар кляня».

Б. Печ. по *ССС IX*.

ДРиВ: Ранние варианты приводятся по восстановит. правке на стр. из *ССШ IX*.

На перепутьи бытия... ~ появились предо мной / Два духа... — Полемическая перекличка со ст-нием А. С. Пушкина «Пророк», 1826 (ср.: «И шестикрылый серафим / На перепутье мне явился...»).

408. *Тени*. С. 173.

Автограф: ед. хр. 9, л. 68—68 об. (черновой, правка чернилами и карандашом, Δ); датировка: *Зима 1884, 1888*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 239—240, *без даты*; ед. хр. 2, л. 261, датировка: *1888*. Дата алф. и хрон. карт.: *1888*.

Ап: «Вестник Европы. 2 июля 1889» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *Тени*.

409. *Ежегодник 2002*. С. 264.

Автограф: ед. хр. 9, л. 69. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 627 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 687.

Печ. по машинописи.

410. *Ежегодник 2002*. С. 264.

Автограф: ед. хр. 9, л. 99 (карандашом, правка чернилами). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 33, *без даты*; ед. хр. 2, л. 43.

Печатается по машинописи.

Вар. ст. 6 автографа: «Сердце беспечная радость».

411. *Ежегодник 2002*. С. 265.

Автограф: ед. хр. 9, л. 100—100 об. На обороте автографа недатированный набросок карандашом (перечеркнуто):

Но я болтлив превыше меры,
Разнообразные размеры
Не оправдают, знаю я,
Мои скачки и отступленья,

И мой печатный судия
Мне не дарует снисхожденья.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 5—6: «Разукрашены, одеты / Блеском мыслей, звоном слов».

Второе ст-ние, датируемое этим днем (**Мечта** («Видишь ты с тревожною тоскою...»)), неизвестно.

412. *Ежегодник 2002*. С. 265.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 21, *без даты*. Автограф: ед. хр. 9, л. 124 об. (беловой), почерк изменен; возможно, список рукой неустановленного лица. Дата алф. и хрон. карт.: *15 января 1889*.

Печатается по машинописи.

413*. *Ежегодник 2002*. С. 265.

Автограф: ед. хр. 9, л. 101 (правка чернилами и карандашом); ст. 1—23 датированы: *15 января 1889*. Дата хрон. карт.: *15 января 1889*, с отсылочной пометой на раннюю редакцию: *март 1885*.

Печ. по верхнему слою автографа.

См. ред., № 266.

414*. Отмена Визитов. 1911. Апр. С. 9.

Автограф: ед. хр. 9, л. 56—56 об. (правка чернилами, поздняя — карандашом; текст приведен к основному); строфы 1—5 датированы: *29 октября 1888*, 6—7 — *15 ноября 1888*, 8—9 — *5 февраля 1889*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1125—1227 (повторная датировка вписана карандашом); ед. хр. 4, л. 1445 (соответствует основному тексту). Датировка машинописи и хрон. карт.: *29 октября 1888*.

Ап: «Послано Абрамову. 12 февраля 1920» (алф. карт.).

Печ. по первой публикации.

415. *ИМ*. 1890. № 4. 28 января. С. 46 — *АМ*. С. 23.

Автограф: ед. хр. 9, л., 102 об. (строфа I — чернилами, строфа II — карандашом), *без даты*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 871, ед. хр. 3, л. 974; *без даты*. Дата хрон. карт.: *21 февраля 1889* (со знаком «?»), алф. карт.: *21 февраля 1889*.

Ап: «Север. 17 апреля 1889», «Русский Вестник. 30 мая 1889», «Иллюстрированный Мир, 14 января 1890» (алф. карт.).

Печ. по *АМ*.

Вар. ст. 7 автографа: «Только молодость знает одна».

416. *Ежегодник 2002*. С. 266.

Автограф: ед. хр. 9, л. 102. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1577—1578, ед. хр. 6, л. 2015.

Печатается по машинописи.

Первонач. вар. ст. 4 автографа: «Подобной лишь мечте».

Вариация на тему поэмы **Ксения**, *август 1888*.

417. Автограф: ед. хр. 8, л. 101—101 об. (правка чернилами и карандашом, строфа I перечеркнута карандашом). В хрон. карт. зафиксировано по первой строке поздней редакции «Стрекоз говорливая стая», *10 июня 1890*.

Ап: «Стрекоз говор⟨ливая⟩ стая...⟩ [март 1890]» (автограф, карандашом).

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 4: «Работник стоял, утомленный», ст. 14—15: «Путем угнетенной кручины / Несчастных рабочих вела».

См. примеч. № 279.

Ср. ред.: № 99 и 279 («Под солнцем страны полуденной...»); № 552 А («Под солнцем палящим и жарким...»); № 552 Б («Стрекоз говорливая стая...»).

418. *Ежегодник 2002*. С. 267.

Автограф: ед. хр. 9, л. 103. Машинопись: ед. хр. 2, л. 60.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 1 автографа: «Дурак и враль, Корчаг-Гречина».

Евграф Яковлевич Корчаг-Гречина (род. 1838) — в 1888 г. был назначен директором реального училища в Великих Луках. См. недатированную запись Сологуба о нем: «За винтом Гречина обругал Антонова сапожником. Тот прекратил игру. На завтра вызывает на дуэль. Гречина не принял» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 299).

419. *Ежегодник 2002*. С. 267.

Автограф: ед. хр. 9, л. 104—104 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1562—1563 (дата зачеркнута), ед. хр. 6, л. 1984.

Печатается по машинописи. Первонач. вар. автографа, ст. 22: «Стою и жду: на смену тучам», ст. 24: «И милый взор твой солнцем жгучим».

Ср.: «Охотно напишу вам стансы...», *22 марта 1882*; «Черновые наброски» поэмы «Одиночество» (*27 июля 1882*; фрагменты ⟨25⟩, ⟨47⟩).

420. *НС*. С. 42.

Автограф: ед. хр. 9, л. 105 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 556, ед. хр. 2, л. 614.

Печ. по машинописи.

Ранний вар. ст. 1 автографа (не завершен): «Я долго...».

421*. *НС*. С. 42 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 106—106 об. (с правкой; текст приведен к вар. машинописи 2). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 139 — поздний вар., 2) там же, л. 139 а — ранний вар. (ст. 3: «Жизнь не щадила, — унесла», *как в автографе*); ед. хр. 1 (2), л. 162 (неполный экз., стр. со ст. 34—42 отсутствует).

Печ. по машинописи 1.

В автографе отмечен порядок строк, строфа I: по порядку; строфа II: 7, 1, 2, 6, 5, 3, 4; строфа III: 4, 7, 1, 3, 5, 2, 6; строфа IV: 6, 4, 7, 2, 5, 1, 3; строфа V: 3, 6, 4, 1, 5, 7, 2; строфа VI: 2, 3, 6, 7, 5, 4, 1, при таком порядке строк связного текста не получается.

422*. *БП*. С. 91 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 107 (правка чернилами, поздняя — карандашом, первонач. вар. ст. 3: «Я зрелый месяц увидал»). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 1655; 2) ед. хр. 1 (1), л. 76 (правка чернилами). В хрон. карт. ст. 1: «Тогда насмешливый мой гений...»

Печ. по машинописи 2. Первонач. вар. ст. 1: «Тогда насмешливый мой гений».

ДРиВ: печ. по автографу, без учета правки карандашом.

Ср.: № 440.

423*. *НС*. С. 43.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 136 (беловой, правка чернилами, позднейшая — карандашом, текст приведен к основному, Δ). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 305, датировка вписана красным карандашом (вар. ст. 10: «Угаснет жизнь, — всему конец!»); 2) ед. хр. 2, л. 339. Даты хрон. карт. («Мне жизнь горька...» — ранняя ред.): *До 17 апреля 1889* (зачеркнуто); *31 марта 1889*; алф. карт.: 1) «Горька мне жизнь, как питие с отравой...», дата: *31 марта 1889*; 2) «Мне жизнь горька...», *без даты*.

Ап: «Север. 17 апреля 1889» (алф. карт. 2).

Печ. по машинописи 2.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

424*. Наблюдатель. 1899. № 2. С. 65 — *АМ*. С. 49.

Автограф: ед. хр. 9, л. 108—108 об. (правка чернилами, поздняя — карандашом), без заглавия. Машинопись: ед. хр. 2, л. 197, ед. хр. 1 (2), л. 7 (датировка вписана карандашом); вар. ст. 5 машинописи 1, 2: «Сжал над цветком его злыми руками».

Ап: «Великолепная канна. Ост-Индийское растение 5—6 футов. Теплицы и комнаты» (автограф); «Русский Вестник. 15 июня 1889; День. 11 февраля 1890» (алф. карт.).

Печ. по *АМ*.

Вар. первой публикации, ст. 5: «Сжал над цветком его злыми руками», ст. 11: «Тонкие листики чашечки были».

425. *Ежегодник 2002*. С. 268.

Автограф: ед. хр. 9, л. 110 (черновой, правка чернилами, поздняя — карандашом, текст частично приведен к основному — поздней ред.; Δ), датировка: *6 апреля 1889*, дата переработки ст. 4—8: *11 июля 1895*. Автограф поздней ред. («Покрыла зелень ряски...»): ед. хр. 11, л. 69 об.—70 (правка карандашом), датировка: *11 июля 1895*. Печ.: стр. из *Тени* с восстановит. правкой вар. автографа и промежуточных вариантов (карандашом): ед. хр. 1 (1), л. 318; датировки: *6 апреля 1889* (вписана под текстом карандашом), *11 июля 1895* (ст. 5—12). Даты хрон. и алф. карт. («Покрыла зелень ряски...»): *6 апреля 1889, 11 июля 1895*.

Ап: «Ряска малая. Плавает в стоячих водах, иногда затягивает» (автограф); «Ряска трехдольная. Небольшая безлист⟨ная⟩ зеленая пластина, снизу с одним корешком, погруженная в воду, прозрачная, суженная в ножку в форме черешка. Растение ветвистое многолетнее. Очень обыкновенно по стоячим водам. Во время цветения всплывает на поверхность. Цветет крайне редко. Зимует» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 537).

Печ. по нижнему слою автографа (ранняя ред.). Вар. автографа, после ст. 4 было: «За частою осокой / Мелькнут русалки глазки» (*Ап* на стр. из *Тени*: «зачеркнуто»); ст. 8: «И круглая, как скалка». После ст. 9: «Но пруд недвижен: сказка / Увы, не оживет» (зачеркнуто).

Промежуточные вар., зафиксированные на стр. из «Тени», см. II, примеч. к поздней ред. «Покрыла зелень ряски...», *11 июля 1895.*

426*. *ПЖ.* 1898. № 306. 13 сентября. С. 2543 (четвертое ст-ние цикла «Соответствия») — *ССШ IX.* С. 192 — *ССС IX.* С. 10, дата: *6 июля 1884.*

Автограф: ед. хр. 9, л. 109 (правка чернилами и карандашом); без строфического деления. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 312 (с восстановит. правкой раннего варианта карандашом). Алф. карт.: «Под черемухой пахучей...», под заглавием: **Вероника**.

Ап: «Вероника аптечная. Стебель, и листья с нежными волосками. Метелка. 4⟨-х⟩раздельная чашечка. Голубой, 4⟨-х⟩лоп⟨астный⟩, колесов⟨идный⟩ венч⟨ик⟩ книзу суживается. Лес, пашня и поле. Май—август. Горькие свойства. Медицина» (автограф); «Свет. 20 мая 1889; Новости. 6 сентября 1898» (алф. карт.).

Печ. по: *ССС IX.*

Вар. первой публ., ст. 2: «Я лежал в июньский зной».

Под черемухой цветущей / Я лежал в июльский зной... — В. В. Вересаев вспоминал о споре с Сологубом, возникшем по поводу этих строк: «„У вас, Федор Кузьмич, есть одно стихотворение, которое начинается так:

Под черемухой цветущей
Я лежал в июльский зной,
И вероники ползущей
Цвет увидел голубой.

Черемуха цветет в мае, вероника — в июне, у вас это происходит в июле. Скажите, пожалуйста, что это, — случайный недосмотр или сознательная насмешка над реалистической правдой?“ Сологуб подумал и ответил: „У меня сказано: «под черемухой Душистой». У черемухи пахнут не только цветы, но и листья, и кора“ — „Федор Кузьмич, у вас сказано: «Цветущей»“. Минуты через три он опять подошел. „Я вспомнил. У меня: «Я лежал в Полдневный зной»“. Я засмеялся: „Федор Кузьмич! «В Июльский»! Иначе тогда бы это четверостишие не бросилось в глаза!“» (*Вересаев В. В.* Федор Сологуб // РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 112, л. 1).

427. *Ежегодник 2002.* С. 268.

Автограф: ед. хр. 9, л. 111 (карандашом). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1343.

Печ. по машинописи. Первонач. вар. автографа, строфа III, порядок строк: 3—4—1—2; ст. 14: «Я босиком сажусь за стол».

И где к святейшим брашнам смело... — Брашно — кушанье, еда (*Даль 1.* С. 126).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

428*. *ИМ.* 1890. № 8. 25 февраля. С. 91: **Свидание**, без деления на строфы, подпись: *Ф. К. Тетерников* — *КД.* С. 30: **Ночная жалоба**.

Автограф: ед. хр. 9, л. 112—112 об., без заглавия, датировка: *11 апреля 1884*, испр.: *11 апреля 1889.* Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 364—365, ед. хр. 2, л. 395;

заглавие: **Свидание**, датировка: *11 апреля 1884*. Дата хрон. карт.: *11 апреля 1889*.

Ап: «до 3 апр⟨еля⟩ 1890 г.» (автограф, зачеркнуто); «Север. 17 апреля 1889; Русский Вестник. 30 мая 1889; Послано Абрамову 12 февраля 1920» (алф. карт.).

А. Печ. по *ИМ*.

Б. Печ. по *КД*.

429. *Ежегодник 2002*. С. 269.

Автограф: ед. хр. 9, л. 113 (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 891, ед. хр. 3, л. 998; датировка вписана карандашом. Дата алф. и хрон. карт.: *12 апреля 1889*.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, ст. 1: «Не люблю чинушей чинных»; ст. 3: «Щеголяют по гостиным».

На обороте автографа авторская запись: «Причина современна следствию. Ничего не существует, кроме того, что вошло в сознание, — вернее в ощущение».

430. *НС*. С. 44.

Автограф: ед. хр. 9, л. 114—114 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1218, ед. хр. 4, л. 1432.

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Второе ст-ние, датируемое этим днем («Гнутся тоненькие ветки...»), неизвестно.

431. *Ежегодник 2002*. С. 269.

Автограф: ед. хр. 9, л. 115. В хрон. карт. зафиксировано по первой строке ранней ред.: «Кто, скажи, бескорыстно и пламенно любит...». Дата хрон. карт.: *17 апреля 1889*, с отсылкой на раннюю ред.: *20 февраля 1884*; алф. карт.: *17 апреля 1889*.

Печ. по автографу.

См. ред. № 219.

432. *Ежегодник 2002*. С. 269.

Автограф: ед. хр. 9, л. 116 об. (первонач. правка чернилами, поздняя — карандашом и чернилами; Δ). Даты хрон. карт. (ст. 1: «Не доживу до светлых дней...») и алф. карт. (ст. 1: «Мне не дожить до светлых дней...» *испр.*: «Не доживу до светлых дней...»): *26 апреля 1889, 22 апреля 1900, 25 февраля 1901*.

Ап: «Живописное Обозрение. 5 мая 1891» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по верхнему слою автографа.

См. ред. «Не доживу до светлых дней...», *22 апреля 1900, 25 февраля 1901*.

433. *Пауэр*. С. 12 (ранний вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 116—116 об. (карандашом, правка карандашом и чернилами; Δ; текст приведен к маш. 2, за искл. ст. 1 и 5 (13), *испр.*: «А может быть, вся эта тьма»), *без даты*. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 429—430, *без даты*; ед. хр. 2, л. 477, 2) там же, л. 477 (1) (правка чернилами; исходный текст

соответствует машинописи 1). В хрон. карт. на одной карт. два вар. ст. 1: «Родился ль рано я?..» («Живу ли довременно я?..»), в алф. карт. текст представлен двумя карточками: «Родился ль рано я?..» и «Живу ли довременно я?..».

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 34.

А. Печ. по нижнему слою автографа. Вар. ст. 1: «Родился ль очень рано я...»; ст. 5—6 и 7—8 — в обратном порядке; ст. 11: «Под обаянием кошмара».

Б. Печ. по машинописи 2. Ранний вар. машинописи: ст. 1: «Живу ли слишком рано я»; ст. 5: «А может быть, вся эта тьма».

Что явь и что ночная мара. — Мара (*слав. миф.*) — призрак, нечисть, способный к оборотничеству злой дух, воплощение смерти, наваливается на спящих, душит и сосет у них кровь. Хмара — туча, мгла, бездна (*Даль 4*. С. 554).

434. Наблюдатель. 1900. № 6. С. 23: **В оранжерее**, без деления на строфы — *ССС XIII*. С. 6 — *ССНЧ 4*. С. 505.

Автограф: ед. хр. 9, л. 117—117 об. (синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом; текст приведен к *ССС XIII*, ст. 11 — как в первой публ., Δ), без заглавия. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 117—118 (с делением на строфы; вар. первой публикации, за искл. ст. 20 (как в *ССС XIII*); с восстановит. правкой ранних вариантов автографа, карандашом), без заглавия. В алф. карт. под заглавием: **В оранжерее**.

Ап: «До 18 м⟨а⟩р⟨та⟩ ⟨18⟩90» (автограф, зачеркнуто). «Жасмин. Кустарник из Южной Азии. Оранжереи: белые, пахучие цветы. Из них — жасминовое масло» (автограф); «Живописное Обозрение. 18 апреля 1897; Свет. 20 мая 1889, Наблюдатель. 16 апреля 1900» (алф. карт.).

А. Печ. по автографу, в соответствии с синхронной правкой (чернилами). Первонач. вар. ст. 4: «Ты мне, пахучий мой жасмин»; ст. 17: «Давно утраченные грезы»; ст. 19: «Давно осмеянные слезы», ст. 23: «И мукам сладким и тревожным».

Роскошных всех цветов милее / Мне ты, веселый мой жасмин... — Ср: «Цветы последние милей / Роскошных первенцев полей...» (А. С. Пушкин «Цветы последние милей...», 1825). *Давно утраченные грезы... ~ Давно осмеянные слезы...* — Ср.: «Возвышенных надежд несбыточные грезы ~ Смешным неверием осмеянные слезы...» (Я. П. Полонский «Последний вывод», 1853).

Б. Печ. по *ССС XIII*.

Вар. первой публ.: ст. 5: «Зеленый куст, и цвет столь нежный»; ст. 11: «Мерцая в чарах вешних, фея»; ст. 20: «Прохладой дышащий жасмин».

435*. *НС*. С. 44 (поздний вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 118—118 об. (первонач. правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1), без разбивки на строфы. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1047—1048, ед. хр. 4, л. 1209 (ранний вар.), 2) там же, л. 1209 а (исходный текст соответствует машинописи 1, правка чернилами, поздний вар.).

Печ. по машинописи 2.

Тема ст-ния (*Печать божественного Духа*), вероятно, была навеяна Преполовением — переходящим православным праздником, который в 1889 г. отмечался 4 мая. Преполовение празднуют через 25 дней после Светлого Воскресения

(посередине между днем Пасхи и днем Сошествия Святого Духа), в этот день церковь напоминает молящимся о приближении дней Сошествия Святого Духа и Вознесения Господня.

436*. Автограф: ед. хр. 9, л. 54—54 об. (правка карандашом); строфы I—II датированы: *12 октября 1889*, строфы III—IV: *7 мая 1889*, местоположение автографа: среди текстов, датированных октябрем 1888 г. Машинопись: 1) ед. хр. 6, л. 2014 (правка чернилами, ранний вар., вар. ст. 8, 9, 13 — *как в автографе*, текст приведен к машинописи 2), датировка: *7 мая 1889* (вписано карандашом, зачеркнуто); 2) ед. хр. 1 (2), л. 1585—1586; ед. хр. 6, л. 2014 (1), дата зачеркнута карандашом; 3) там же, л. 2014 а (поздний вар., исходный текст соответствует машинописи 2), датировка: *7 мая 1889*. Дата хрон. карт.: *7 мая 1889*, с отсылкой на раннюю ред.: *12 октября 1888*.

Печ. по машинописи 3.

ДРиВ: *Я оделася спешком...* — Спешком — наспех.

437*. *БП*. С. 92, без заглавия.

Автограф: ед. хр. 9, л. 120—120 об., заглавие: **Дорога жизни** (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1587—1588 (с опечаткой в ст. 4; дата вписана карандашом), ед. хр. 6, л. 2016, без заглавия. Датировка автографа и машинописи: *12 мая 1889*. Даты хрон. карт.: *до 20 мая 1889*, *12 ноября 1889* (зачеркнуты), *12 мая 1889*; алф. карт.: *12 ноября 1889*, испр.: *12 мая 1889*. Первонач. вар. ст. 1 алф. и хрон. карт.: «Я вышел рано на дорогу...».

Ап: «Свет. 20 мая 1889» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

И чадом жизни опьянен... — Ср. с текстом недатированной авторской записи: «Грустная Утопия. У нас много средств для опьянения себя жизнью, и мы пользуемся ими» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 296).

438. *БП*. С. 93.

Автограф: ед. хр. 9, л. 119, датировка ст. 1—12: *9 мая 1889* (первонач.: *8 мая 1889*), ст. 13—16: *13 мая 1889*.

Ап: «Крапива двудомная. Стебель 4-гранный. Пустыри; около жилья; сухие берега рек. Вышина 1—2 аршина и больше. Цв⟨етки собраны в⟩ колосья, пазушные, длинные, висячие. Цветы зеленые. Цв⟨етет⟩: средина июня — поздняя осень. Плоды с начала августа. Растение покрыто хрупкими волосками с едким соком» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 537).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 8: «Сурова жгучая крапива»; ст. 10: «Листы крапивы той играет»; ст. 11: «Играет ей, вот так, как мной».

439. *Ежегодник 1990*. С. 139. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 46, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *16 мая 1889*.

Печ. по машинописи.

440. *Ежегодник 2002*. С. 271.

Автограф: ед. хр. 9, л. 123.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 12: «И выпороть меня ⟨*нрзб.*⟩»; ст. 16: «Одеждой звучною облек».

Второе ст-ние, датируемое этим днем («Кто часто повторял угрозы...»), неизвестно.

Ср.: № 422 А; № 422 Б.

441*. *Ежегодник 2002*. С. 271.

Автограф: ед. хр. 9, л. 122—122 об. (первонач. правка чернилами, поздняя — карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1190—1192, ед. хр. 4, л. 1381 (*без даты*); правка карандашом в ст. 34, первонач. вар.: «И в ней приют своим путям» (вероятно, ошибка). Дата алф. и хрон. карт.: *25 мая 1889*.

Печ. по машинописи.

Нашла цветущая румянка... — Свое название это растение получило в середине XVIII в., когда его корни стали использовать для изготовления румян; цветет темно-синими цветами с середины мая до первых осенних заморозков.

442*. *Ежегодник 2002*. С. 272 (вар. автографа).

Автограф: ед. хр. 9, л. 123 об. (чернилами, поверх карандашного рисунка, с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1364, *без даты*; ед. хр. 4, л. 1673 (без последней строфы, с датировкой) — поздняя ред.

Ап: «Русский Современник. 13 марта 1924» (алф. карт.).

Печ. по автографу.

Первонач. вар автографа, ст. 27: «И пока меня секут»; ст. 29: «Вкруг скамейки кувыркаясь».

ДРиВ: Печ. по машинописи.

Первый — желтый, липкий кволый... — Кволый (квелый — *обл.*) — хилый, слабый, болезненный, писклявый. *Друг его — крикливый Зой...* — Зой — в славянской демонологии существо, олицетворяющее эхо, лесные шумы; *Топотун нетерпеливый...* — Топотун — вероятно, нечистая сила, проявляющая себя звуком; *У шишиги на пирушке...* — Шишига — овинный домовой, бес, близкий кикиморе; *Шелестинные старушки...* — Авторский неологизм для обозначения нечистой силы, от глагола «шелестить» — производить шелест, шорох; действовать незримо, незаметно.

443*. *ИМ*. 1892. № 4. 26 января. С. 38: **Летний вечер** («Что за прелесть. Смотри»), без деления на строфы, подпись: *Федор Тетерников* — *СВ*. 1892. № 2. С. 250: **Вечер** («Что за прелесть. Смотри»), подпись: *Ф. Т.* — *Ст. I*. С. 58: **Вечер**, с посвящением: *О. К. Т*⟨етерниковой⟩ — *ССС XIII*. С. 7 — *ССНЧ 4*. С. 506.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 111 (текст соответствует *ИМ*, вар. ст. 9: «Там, на зелени ив!»), *без даты*. Печ.: стр. из *Ст. I*: ед. хр. 2, л. 114 (с восстановит. правкой ранних вариантов и вписанной датой, чернилами; Δ). В алф. карт. приведен вар. ст. 1: «Что за прелесть. Смотри».

Ап: «Свет. 1 августа 1889; Родина. 2 декабря 1889» (алф. карт.; зачеркнуто).

А. Печ. по тексту, восстановленному по авторским пометам на стр. из *Ст. I*.

Б. Печ. по *ССС XIII*.

Второе ст-ние, датируемое этим днем («Над водой зеленоватой...»), неизвестно.

444*. *Ежегодник 2002.* С. 273.

Автограф: ед. хр. 9, л. 124. Машинопись: ед. хр. 5, л. 1738 (с правкой). Хрон. карт.: ст. 1: «Рукою матери меч острый занесен», *испр.*: «Тяжелый меч над сыном занесен».

А. Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 12: «Нагою грудью упадет».

Б. Печ. по машинописи.

Ср. набросок, озаглавленный «На площади у храма»: «Мать, равнодушная и тоскующая, подняла нож. Она ударила им младенца. Ребенок взвизгнул коротко и замолк, трепеща и содрогаясь. Из разрезанного горла широкая струя крови полилась на маленькое голое тело. [Мать уронила нож и] Ребенок раскинул посинелые ручонки и умер. Мать уронила его. Мягко и глухо ударился труп о мрамор ступеней, и мрамор окрасился кровью. Мать высоко подняла окровавленную левую руку и дико завыла, — и нельзя было понять ее слов» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 538; конверт с карточками «Кончина мира»).

445. *Ежегодник 2002.* С. 273.

Автограф: ед. хр. 9, л. 125. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1063 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1225.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 1 автографа: «Затем, что синего чулка».

446. *Пауэр.* С. 12.

Автограф: ед. хр. 9, л. 126 (правка карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1529, ед. хр. 6, л. 1917.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 36.

Ап: «Atropa Belladonna. Одурь-красавица; бешеная ягода. Tollkraut. Tollkirsche. La Belladona. Стеб⟨ель⟩ ветвистый 3—5 фут⟨ов⟩. Цв⟨етки⟩ — колокольч⟨ики⟩ темно-фиолет⟨овые⟩. Осенью — ягоды черно-синие блестящие, в чашечке. Леса. Ядовито» (автограф); «Детский отдых. 30 сентября 1904» (автограф, алф. карт.).

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 7 по тексту автографа.

Первонач. вар. автографа, ст. 2: «И блестящих ты не тронь...», ст. 8: «На погибель людям дан».

447. *Ежегодник 2002.* С. 273.

Автограф: ед. хр. 9, л. 127 (первонач. правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1), датировка ст. 1—12 — *3 июня 1889*; без разбивки на строфы. Машинопись: 1) ед. хр. 6, л. 1906 а, 2) ед. хр. 6, л. 1906 (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1), ед. хр. 1 (2), л. 1522 (дата вписана карандашом).

Ап: «Vitis vinifera. Виноград. Weinstock. La vigne cultivé. Из Азии. Обвивается около дер⟨евьев⟩, цепл⟨яется⟩ тонк⟨ими⟩, нитевид⟨ными⟩, вьющимися усами. Около ⟨подпор⟨ки⟩?⟩. Подрезают. Май—июнь — метелки душ⟨истых⟩ цвет⟨ков⟩. Чаш⟨ечки⟩ мал⟨енькие⟩, 5⟨-ти⟩зубч⟨атые⟩. 5 леп⟨естков⟩ соед⟨инены⟩ вершиной при расц⟨ветании?⟩ ⟨отпад⟨ают⟩?⟩ в виде колпачка. Мел⟨кие⟩ чаш⟨елистики⟩ и тыч⟨инки⟩. Кружок — 5 чешуек. Плод 1, ягода, в 1 шт⟨уке⟩ 2 сем.» (на обороте автографа).

Печ. по машинописи 2.

Вар. автографа, ст. 3: «Развей, вино, умчи подале»; ст. 4: «Тоску щемящую мою»; ст. 13: «Где смуглой красотой»; ст. 15: «У лоз стоит она, босая».

Вар. машинописи 1, ст. 4: *как в автографе.*

Стоит у лоз она, босая, / Сбирая зрелый виноград!.. — Возможно, образ навеян картиной К. Брюллова «Итальянский полдень» (1827).

448*. Впервые: Наблюдатель. 1897. № 12. С. 212: **Барвинок** — *ССС XIII.* С. 9.

Автограф: ед. хр. 9, л. 128 об. (первонач. правка чернилами, поздняя — карандашом); без заглавия, без разбивки на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 198—198 об. (с восстановит. правкой ранних вариантов; карандашом), без заглавия. Вар. ст. 1 алф. и хрон. карт.: «На могилку милой», алф. карт. под заглавием: **Барвинок**.

Ап: «Vinca minor. Барвинок; могильница. Immergrün. La pervenche on petite pucelage. Стебель ползуч⟨ий⟩. Листья ⟨*нрзб.*⟩-ланцетные, вечнозеленые. Цветы синеватые. Венчик воронкообразный с косым 5⟨-ти⟩лопаст⟨ным⟩ отгибом. Тенистый лес, между кустов; разводится — сады и кладбища» (автограф); «Наблюдатель. 28 июля 1897» (алф. карт.).

Печ. по *ССС XIII.*

449*. *Стихи о Милой Жизни.* С. 8 (вар. машинописи 2) — *Пауэр.* С. 13 (вар. машинописи 3) — *РС.* С. 282 (вар. машинописи 2).

Автограф «Только солнце встало...»: ед. хр. 9, л. 128 (черновой). Машинопись: 1) «Только солнце встало...»: ед. хр. 4, л. 1660 (правка карандашом) — промежут. вар.; 2) «Только солнце встало...»: там же, л. 1660 а — поздняя ред., ед. хр. 1 (2), л. 1357, *без даты*; 3) «Ландышей букеты...»: ед. хр. 4, л. 1660 б — ранняя ред. В алф. карт. ст. 1: «Ландышей букеты» *испр.*: «Только солнце встало».

Машинопись (исходный вар. без деления на строфы): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 37.

Ап: «Лукоморье. 3 августа 1915; Утро России. 12 августа 1916; Альманах Гржебина. 5 июля 1919, возвращено; Красная газета. 14 января 1924» (алф. карт.).

А. Печ. по машинописи 3.

Б. Печ. по машинописи 2.

Вар. машинописи 1, ст. 2: «Я уже в лесу»; ст. 9—12: *как в машинописи 3.*

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

450. *Пауэр.* С. 14 (промежуточн. вар.).

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 137 (беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 635; 2) ед. хр. 1 (2), л. 596, датировка вписана карандашом. Дата алф. и хрон. карт.: *9 июня 1889.*

Машинопись (текст соответствует машинописи 1; датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 45.

Ап: «Вестник Европы. 2 июля 1889» (алф. карт.); «П⟨ереписано⟩» ⟨?⟩ (машинопись 1).

Печ. по машинописи 2.

Первонач. вар. автографа, ст. 3: «И спертый воздух сыр и гнил», ст. 5: «Терпеть мрак этот — я устал». Вар. машинописи 1, строфа I: Какой здесь топкий, грязный ил! / Какие всюду злые гады! / Болотный воздух сыр и гнил, / И глупых мошек мириады!», ст. 6: «Бороться, право, бесполезно», ст. 16: «Осушат мерзкое болото».

451*. Наблюдатель. 1898. № 3. С. 152: **Видение** (вар ст. 3: «Казалось мне, — врага лихого») — *ССС XIII*. С. 10.

Автограф: ед. хр. 9, л. 129—129 об. (правка карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1596, *без даты*, 2) ед. хр. 4, л. 1596 а (правка карандашом), *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *10 июня 1889*.

Ап: «Свет. 27 июля 1896, не напечатано; Наблюдатель. 2 ноября 1897» (алф. карт.).

Печ. по *ССС XIII*.

Вар. машинописи 2, ст. 3: «Казалось миг, врага ночного».

452*. *Ежегодник 2002*. С. 274.

Автограф: ед. хр. 9, л. 132 (черновой, правка чернилами, поздняя — карандашом, на л. 132 об. записаны ст. 1—4 поздней ред.; первонач. вар. ст. 2: «Листья на землю упали». Текст приведен к маш.), без заглавия, датировка: *24 июня 1889*. Машинопись: ед. хр. 3, л. 1151 а (правка карандашом), заглавие: **Осенняя могила** (вписано карандашом). Хрон. карт. по первой строке: «Осень холод привела»; алф. карт. под заглавием: **Осенняя могила**, зачеркнутое заглавие: **Безвременник**.

Ап: «До 14 марта 1890» (автограф, карандашом, зачеркнуто) «Colchicum autumnale. Сем⟨ейство⟩ Colchicaceae. Безвременник. Herbst-Zeitlose. Le safran bâtard. Луковичное. Лиловый цвет осенью, когда нет лист⟨ьев⟩. На следующую весну — листья, как у тюльпана, а посреди их 3⟨-х⟩гнездная коробочка (собственно 3 коробочки, внизу сросшиеся). На лугах зап⟨адных⟩ и юж⟨ных⟩ губ⟨ерний⟩. Семена и луковица заключают острый яд» (на обороте автографа); «Свет. 1 августа 1889; Всемирная Иллюстрация. 26 февраля 1890; Детское Чтение. 27 июня 1890; Новое Время. 27 ноября 1896; Русская Мысль. 17 декабря 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи.

Ср. позднюю редакцию: **Осенняя могила** («Осень холод привела...»), *27 октября 1914*.

453. ⟨1⟩ *Пауэр*. С. 14.

Автограф: ед. хр. 9, л. 133. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 618, ед. хр. 3, л. 681.

Машинопись (с пробелами, в которые вписаны пропущенные или непропечатанные слова, далее выделены курсивом: ст. 7: «Нет, не утонет в гордом *целом*»; ст. 8: Свободы *жаждущий*, дух мой!»; ст. 11: «Чтоб дверь *живого* бытия») — РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 39.

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 10 автографа: «Сошел бы сам в огонь могучий».

Клянуся блещущей одеждой... — Восходит к фрагменту из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839), см.: «Клянусь я первым днем творенья...» и далее. В день написания ст-ния автором сделана запись: «Материя не постигает духа. Материя везде, но дух вне ее. Для материи дух — ничто безусловное. Дух не постигает материи, кроме условий простр⟨анства⟩ и времени. ⟨...⟩ Материя — хаос, Дух — гармония мироздания» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 243).

«Клятва ангела» — фрагмент незавершенной поэмы «Сатана» — (см. также: «К ее девичью изголовью...», *25 июня 1889*; «Мила, как ландыш полевой...», *3 августа 1889*; «Не верь таинственным преданьям...», *20 июня 1890*; «Не следуй чужому примеру...», *29 апреля, 7 мая 1892*; «Все эти пылкие порывы...», *11 декабря 1892*). План поэмы: «Она — прекрасна. Невеста. Кира Андреевна Ярмина. Жизнерадостная. Сатана ее видит. Сатана пред Богом. Бог указывает на [нее] многих. Сатана: пусть старики, — я владею молодым покол⟨ением⟩, а оно делает историю. Бог указывает ⟨на⟩ Киру. Сатана к ней слетает. Показывает ей мир. Сомнения. Жених — пошлый человек. Брак не состоялся. Сатана и [дева. Сат⟨ана⟩] ангел. Сатане гов⟨орит⟩ ангел, что и он примирится. [Клятва анг⟨ела⟩, ибо и гордыня его бунт], когда гордость принесет принятую жертву. Клятва Сатаны и ответ ангела. Она в столице. Сомнения философ⟨ского⟩ разряда. Безверие и безнадежность. Сатана показывает будущее золотое царство. Служение людям. Чем? красотою. Сатана требует жертвы. Натурщица. Поцелуй Сатаны. Плотский взгляд толпы. Она уверена, что жертва принесена не любви, а гордой свободе. Умирает. Ангел берет ее. Сатана один. Его уверения: все жертвы — жертвы гордыни. 25 и⟨ю⟩н⟨я 18⟩89» (ед. хр. 9, л. 136—136 об.).

⟨2⟩. Автограф: ед. хр. 9, л. 135; дата: *25 июня 1889*. Даты карт.: *25 июня, 25 июля, 3 августа 1889, 20 июня 1890, 29 апреля, 7 мая, 11 декабря 1892*.

Печ. по автографу.

454. *Ежегодник 1990*. С. 148. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 63; *без даты*; дата карт.: *25 июня 1889*.

Печ. по машинописи.

455*. *Ежегодник 2002*. С. 274.

Автограф: ед. хр. 9, л. 138—138 об. (правка карандашом).

Ап: «До 27 апр⟨еля 18⟩90» (автограф, карандашом сверху); «Свет. 29 декабря 1889; Южный Край. 6 апреля 1890» (алф. карт.).

Печ. по автографу.

456 *. *Ежегодник 2002*. С. 275.

Автограф: ед. хр. 9, л. 140 (черновой, карандашом; правка чернилами и карандашом; верхний слой правки приведен к вар. машинописи 1). Машинопись: 1) «Когда я влекся безнадежно...»: ед. хр. 1 (2), л. 640 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 694; 2) «И я стремился безнадежно...» (исходный:

«Когда я влекся безнадежно...»): ед. хр. 1 (1), л. 105 (правка чернилами). В хрон. карт. приведены вар. ст. 1: «И я стремился безнадежно...» («Когда я влекся безнадежно...»).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 2, с исправлением опечатки в ст. 15 по тексту автографа.

457. *Пауэр.* С. 14.

Автографы: 1) ед. хр. 9, л. 142 (беловой, текст перечеркнут); 2) там же, л. 141 (правка карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 438, *без даты*; ед. хр. 2, л. 486 (два экз., один — *без даты*). Дата алф. и хрон. карт.: *3 июля 1889.*

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 41.

Ап: «После р⟨?⟩» (автограф 1, алф. карт.); «Русская Мысль. 30 сентября 1904, возвращено» (автограф 2); «Мир Божий. 12 сентября 1904; Русская Мысль. 30 сентября 1904, возвращено; Образование. 25 сентября 1904, возвращено; Альманах Гржебина. 5 июля 1919, возвращено» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 6—8: «Чутко спи, — смотри, — / Завтра ты проснешься / Снова до зари», ст. 11: *а* «Не найдешь отрады», *б* «Не [придет] прохлада».

458. *Невский альманах.* С. 69 — *AM.* С. 51.

Автограф: ед. хр. 9, л. 142 об. (правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1381, ед. хр. 4, л. 1700.

Печ. по: *AM.*

Вар. автографа, ст. 2—4: «Судьбе ты как будто послушна. / Лицо твое так хладнокровно. / Волнуется грудь твоя ровно», ст. 6: «Давно уж ты борешься с светом». Вар. машинописи, ст. 5: «Но веришь ли этим приметам?».

459. Гюлистан. Альманах I. М., 1916. С. 89 — *AM.* С. 143.

Автограф: ед. хр. 9, л. 145—145 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1360—1361, ед. хр. 4, л. 1668.

Печ. по: *AM.*

Первонач. вар. автографа: ст. 5: «Тропы над сонною рекою», ст. 7: «Мечта приходит за мечтой», ст. 9: «Ряды прибережных кустов». Вар. машинописи и первой публикации: ст. 16: «Рука беспечная не сломит».

460. *Ежегодник 2002.* С. 276.

Автограф: ед. хр. 9, л. 155. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1311 (датировка зачеркнута), ед. хр. 4, л. 1555.

Печ. по машинописи.

461*. *Ежегодник 2002.* С. 276.

Автограф: ед. хр. 9, л. 146—147 об.

Печ. по автографу, ст. 85—87, 89—93 вымараны чернилами.

Автор предполагал включить ст-ние в поэму «Одиночество» (1882), см. примеч. № 155. Вариация «бродячего» сюжета об ожившей статуе, в интерпретации которого Сологуб совпадает с Л. фон Захер-Мазохом («Венера в мехах», 1879;

в рус. переводе: 1909), см.: *Л. фон Захер-Мазох.* Венера в мехах. М., 1993. С. 17; перекликается со ст-нием К. К. Случевского «Статуя» (1860).

462. *Ежегодник 2009—2010.* С. 505.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 138 (беловой, с правкой).

В алф. и хрон. карт. текст не зафиксирован.

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 17: «Судьба плела ему послушно», после ст. 26 было начато: ст. 27: *а* «Затем, чтоб пламенно прильнуть», *б* «Затем, чтоб трепетно прильнуть»; ст. 28: «К их голым ножкам, стройным, белым».

...всегда в себя / Неразделимо погруженный, / Он жил, отрочества губя... — Лейтмотив незавершенной поэмы «Одиночество» (1882), см. текст и примеч. № 155.

463*. *Ежегодник 2002.* С. 278.

Автограф: ед. хр. 9, л. 148—149, 151 (правка чернилами и карандашом), ст. 1—49 датированы: *8 июля 1889.* В алф. и хрон. карт. первая строка: «Тяжело вспоминать мне про детские годы...».

Печ. по автографу.

464. *Ежегодник 2002.* С. 279.

Автограф: ед. хр. 9, л. 78 об. (правка карандашом).

Ап: «До 28 февр⟨аля 18⟩90» (автограф, карандашом, зачеркнуто).

Печ. по автографу, первонач. вар. ст. 6: «На заоблачных высях альпийских высот».

465*. *ПЖ.* 1905. № 809. 3 апреля. С. 1.

Автографы: 1) «Бор песчаный и дремучий...» — ед. хр. 9, л. 152 (правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к основному), датировка: *12 июля 1889*; 2) «В чаще леса леший бродит...» — там же, л. 153 (беловой, текст соответствует *ПЖ*, за искл. ст. 1, 3—4); датировка: *12 июля 1882* (зачеркнуто), *12 июля 1889.* Машинопись («В темной чаще леший бродит...»): ед. хр. 2, л. 269; датировка: *12 июля 1882* (карандашом). Дата алф. и хрон. карт. («В чаще леса леший бродит...»): *12 июля 1889.*

Ап: «До 28 февраля 1890» (автограф, зачеркнуто) «Наблюдатель. 6 января 1890; Мир Божий. 28 мая 1896; Русская Мысль. 17 декабря 1897; Петербургская Жизнь. 24 февраля 1905» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа 1.

Б. Печ. по первой публ.

ДРиВ: *А1. Дром* — ветки и сучья деревьев, обломанные ветром и лежащие на земле.

466. *Ежегодник 2002.* С. 280.

Автограф: ед. хр. 9, л. 119 об.

Печ. по автографу.

467. *Ежегодник 2002.* С. 280.

Автограф: ед. хр. 9, л. 155 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 982 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1132. Дата хрон. карт.: *15 июля 1889;* алф. карт.: *15 июня 1889,* испр.: *15 июля 1889.*

Печ. по машинописи.

Вар. 3 ст. автографа: «И стали ее сны желаньями волнуемы».

468*. *Ежегодник 2002.* С. 280.

Автограф: ед. хр. 9, л. 46—48; строфы I—VI датированы: *10 сентября 1888* (датировка чернилами), VII—VIII — *16 июля 1889* (вписано карандашом сверху). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 456, датировка: *16 июля 1889*; 2) ед. хр. 10 а, л. 4, 176—177, датировка: *16 июля 1889* (вписана карандашом). Дата хрон. карт.: *10 сентября 1888*; алф. карт.: *16 июля 1889* (зачеркнуто), *10 сентября 1888* (вписано фиолетовым карандашом).

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 2 по тексту автографа.

Глубокий тук полей вол плугом бороздит... — Тук — здесь: чернозем. *К ярму тяжелому привязанный, послушно...* ~ *...Ярмо да плуг, да бич, да тяжкие усилья...* — Ср.: «Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам, / Здесь рабство тощее влачится по браздам / ⟨...⟩ Здесь тягостный ярем до гроба все влекут...» (А. С. Пушкин «Деревня», 1819).

469. *Ежегодник 2002.* С. 281.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 139 (беловой, текст соответствует основному). Машинопись: ед. хр. 1 а, л. 371, *без даты*; ед. хр. 2, л. 371; датировка: *22 июля 1889* (вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *22 июля 1889.*

Печ. по машинописи.

470*. *ИМ.* 1892. № 6. 9 февраля. С. 59: **Кувшинчики**, без деления на строфы, подпись: *Федор Тетерников* — *ССНЧ 8 (1).* С. 314, 315.

Автограф: ед. хр. 9, л. 157 (черновой, правка чернилами, поздняя — карандашом, Δ), без заглавия, строфы I—VI датированы: *20 июля 1889*; строфы VII—X: *22 июля 1889.* Машинопись: ед. хр. 4, л. 1470 (правка карандашом), заглавие: **Кувшинчики** зачеркнуто, *без даты*, с разбивкой на строфы. Дата алф. и хрон. карт.: *22 июля 1889*, заглавие: **Кувшинчики** (поздний вар. ст. 1 хрон. карт.: «Сидел я у окна. Два мальчика босые...»).

Ап: «Стоячие воды: пузырчатка средняя, ряска маленькая, вех ядовитый, тростник обыкновенный (близ берегов), омежник (автограф)»; «Наблюдатель. 6 января 1890» (алф. карт.).

Печ. по *ИМ.*

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

И грустно мне, что я уныл, как старец хилый... — Ср. параллель в автобиографическом романе «Тяжелые сны» (1883—1892; отд. изд.: 1896) — герой наблюдает за играми у воды полуобнаженных детей и подростков: «Логин припомнил свое детство, вдали от природы, среди кирпичных стен столицы. Вялы и нерадостны были дни, городской пылью дышала грудь, суетные желания томили, раздражительна была ложная стыдливость, порочные мечты рано стали волновать воображение. „Вот она, жизнь милая и ясная, — думал он, — а я, с моим нечистым прошлым дерзаю приближаться к ним, непорочным“» (*СС 1.* С. 43).

471. Ежемесячные литературные приложения к *ЖО.* 1899. № 5. С. 32.

Автографы и машинописный текст отсутствуют. Дата хрон. и алф. карт.: *22 июля 1889.*

Ап: «Живописное Обозрение. 20 марта 1899» (алф. карт.).

Печ. по первой публикации.

И как стирает мел с доски его рука, / Так светлые черты она с души стирает... Ср.: «Как с аспидной доски ненужные слова, / Рукой неведомой сотрутся» (Н. Минский «Как сон, пройдут дела и помыслы людей...», ⟨1887⟩).

472*. *Ежегодник 2002.* С. 281.

Автограф: ед. хр. 9, л. 158 об. (черновой, Δ). Хрон. карт. с отсылкой на редакцию *22 июля 1884.*

Печ. по автографу.

Тематически примыкает к поэме «Одиночество» (1882), см. текст и примеч. № 155.

Ср. ред., № 239.

473*. *Ежегодник 2002.* С. 281.

Автограф: ед. хр. 9, л. 159 (правка чернилами и карандашом, строфа II перечеркнута карандашом).

Печ. по автографу.

474. *Ежегодник 2002.* С. 281.

Автограф: ед. хр. 9, л. 158 (чернилами поверх карандашного наброска, правка чернилами и карандашом), *без даты*; местоположение — среди автографов, датированных июлем 1889 г. Алф. и хрон. карт. («Раскрыв окно...»): *24 июля 1889.*

Ап: «Восточная Заря. 17 декабря 1910» (алф. карт.).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Сгустилась ночь. Раскрыв окно...», ст. 2: «Гляжу я в сад, где все темно»; ст. 6: «О невозможном идеале»; ст. 7: «Как я любил, как я мечтал».

475. *БП.* С. 89, дата: *25 июля 1887* (вар. машинописи 2).

Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 308 а; датировка: *25 июля 1889*; 2) там же, л. 308 (правка чернилами), датировка: *25 июля 1882.* Первонач. дата хрон. карт: *25 июля 1882* (зачеркнуто); дата алф. карт.: *25 июля 1889.*

А. Печ. по машинописи 1.

Б. Печ. по машинописи 2. Первонач. вар. ст. 10: «Лучше за наш идеал умереть».

476. *Ежегодник 2002.* С. 282.

Автограф: ед. хр. 9, л. 160—160 об. (карандашом), на обороте — машинописный автограф ст-ния «Посмотри, мое дитя...», *1 января 1887.* Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 586, датировка: *27 июля 1889* (вписана карандашом); ед. хр. 2, л. 650; датировка карандашом: *1 января 1887* (зачеркнуто); *27 июля 1889.*

Ап: «Из дневника» (автограф).

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 1 автографа: «Что наши духи из эфира».

В великий праздник пейсаховка... — Пейсаховка (от евр. peisah — пасха) — нехлебная (изюмная) водка, употребляется иудеями на Пасху.

477*. *Пауэр.* С. 8 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 8, л. 140—140 об. (правка карандашом, текст приведен к основному). Строфы I и II датированы *25 августа 1887* (зачеркнуто), III —

1 апреля 1888 (зачеркнуто), IV—VIII — *30 июля 1889*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1135—1136 (датировка зачеркнута), ед. хр. 4, л. 1315; датировка: *30 июля 1889*. Дата хрон. карт.: *30 июля 1889*, с отсылочной пометой на редакцию: *25 августа 1887*.

Машинопись, датировка: *28 августа 1887* (вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 23.

Печ. по машинописи.

478. *Ежегодник 2002*. С. 283.

Автограф: ед. хр. 9, л. 161—161 об. (беловой).

Печ. по автографу.

479*. *Пауэр*. С. 15 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 162 (правка карандашом и чернилами, текст приведен к вар. машинописи 2). Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1442—1443 (дата вписана карандашом); ед. хр. 5, л. 1798 (два экз., *без даты*); 2) ед. хр. 5, л. 1798 (два экз., один — *без даты*). Вар. ст. 1 алф. карт.: «Встал я, и настежь окошко...».

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 46.

Печ. по машинописи 2.

480. *НС*. С. 45.

Автограф: ед. хр. 9, л. 163; первонач. датировка: *3 августа 1889*.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 11: «Рифмой будет мерной стих».

481. *Ежегодник 2002*. С. 284.

Автограф: ед. хр. 9, л. 164.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 2: «За нее утер немало поту», ст. 5: «В лес идешь — не бойся с волком встречи», ст. 7: «Хочешь рыбы, — помочи, брат, ноги», ст. 11: «Все дочиста, все ухлопал силы».

482*. *Ежегодник 2009—2010*. С. 506.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 140—142 (беловой, синхронная правка чернилами, позднейшая — карандашом).

Печ. по верхнему слою автографа.

483*. *Ежегодник 2002*. С. 283.

Автограф: ед. хр. 9, л. 165—165 об. (синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом); датировка: *5 сентября 1884* (над текстом), *3 августа 1889* (под текстом). Дата хрон. и алф. карт.: *3 августа 1889*.

Печ. по автографу.

484. *Пауэр*. С. 15.

Автограф: ед. хр. 9, л. 166—166 об. Машинопись: ед. хр. 3, л. 806.

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 47.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 2: «Моя пленительная Кира», ст. 19: «Пред блеском чистой красоты», ст. 24: «Хотя нестройною хвалою».

Вероятно, фрагмент незавершенной поэмы «Сатана» (см. примеч. № 453).

485. *Ежегодник 2002*. С. 285.

Автограф: ед. хр. 9, л. 164 об.

Печ. по автографу.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

486*. *Ежегодник 2002.* С. 285.

Автограф: ед. хр. 9, л. 167 (правка карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1). Машинопись: 1) ед. хр. 6, л. 1852 а, *без даты*; 2) там же, л. 1852 (исходный текст соответствует машинописи 1; правка чернилами).

Печ. по машинописи 2.

487*. *НС.* С. 46 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 9, л. 175—175 об. (правка карандашом, текст приведен к раннему вар. машинописи). Машинопись: 1) «Прости, — ты — ангел, светлый, чистый...»: ед. хр. 1 (2), л. 1178—1179 (датировка зачеркнута), ед. хр. 4, л. 1364 (дата вписана карандашом); 2) «Стоишь пред ним, ты, ангел чистый...»: ед. хр. 4, л. 1568 (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1). В хрон. карт. редакции машинописи зафиксированы на одной карточке (вар. ст. 1: «Прости, ты — ангел чистый...»); в алф. карт. — на разных.

Ап: «Всемирная Иллюстрация» (автограф).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 2. Ранний вар. см.: *ДРиВ*.

488. *Ежегодник 2002.* С. 285.

Автограф: ед. хр. 9, л. 176—176 об. (беловой), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 264 (дата зачеркнута карандашом), ед. хр. 2, л. 288 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *8 августа 1889.*

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 14 по автографу.

Вариация фольклорного сюжета о волшебном коне Сивке-бурке.

489*. *Белые ночи.* С. 203, без деления на строфы. — *ССС XIII.* С. 11.

Автограф («Росою обрызган весь двор...»): ед. хр. 1 а, л. 143 (черновой, с послойной правкой чернилами и карандашом), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1, л. 382, с фиксацией восстановленного на полях варианта автографа (карандашом); датировка вписана карандашом. Вар. ст. 1 алф. карт.: 1) «Росою обрызган двор...», 2) «Как звездами крупными, яркими...» — на разных карточках; хрон. карт.: «Росою обрызган весь двор...».

Ап: «Чулкову, 5 апреля 1907» (алф. карт., 1); «Иллюстрированный Мир. 4 февраля 1890; Детское Чтение. 27 июня 1890; Мир Божий. 28 мая 1896» (алф. карт., 2). *Георгий Иванович Чулков* (1879—1939) — редактор и составитель литературного альманаха «Белые ночи» (1907).

Печ. по: *ССС XIII.*

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа; вар. ст. 3 восстановит. правки: «И щедрого солнца подарками».

Вот у забора чернокудренник... — Чернокудренник — травянистое растение, собачья мята.

490*. *ПЖ.* 1898. № 313. 1 октября. С. 2601, без деления на строфы (второе ст-ние цикла «Параллели»). — *ССС XIII.* С. 12.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 144 (правка чернилами, позднейшая — карандашом, текст приведен к *ССС XIII*), ст. 1—8 датированы: *8 августа 1889*, ст. 9—16:

9 августа 1889. Машинопись: ед. хр. 4, л. 1505, *без даты.* Дата хрон. карт.: *8, 9 августа 1889.*

Ап: «Свет. 27 июля 1896; Новости. 8 декабря 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *ССС XIII.*

491*. *ПБА.* С. 152. — *Пауэр.* С. 16.

Автограф: ед. хр. 9, л. 166 об. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 524, ед. хр. 2, л. 577, с делением на строфы.

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 48.

Печ. по *ПБА.*

492. *НС.* С. 46.

Автограф: ед. хр. 9, л. 70. Машинопись: 1) «Не боюсь ни бедности, ни горя...»: ед. хр. 3, л. 965 (дата вписана карандашом); 2) «Не боюсь я бедности и горя...»: ед. хр. 1 (2), л. 862 (дата вписана карандашом). В алф. и хрон. карт. («Не боюсь ни бедности, ни горя...»), датировка автографа, алф. и хрон. карт.: *11 августа 1889.*

Печ. по машинописи 1, с исправлением опечатки в ст. 3.

Первонач. вар. автографа, между ст. 2 и 3 было: «Злит меня старуха эта злая, / Мне ни день покоя не давая»; ст. 7 (9): «Есть на свете сила, перед нею». Вар. машинописи 2, ст. 1: «Не боюсь я бедности и горя...».

493*. *Ежегодник 2002.* С. 286.

Автограф: ед. хр. 9, л. 71—71 об. (правка карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 434, *без даты*; ед. хр. 2, л. 483. Хрон. и алф. карт. с отсылкой на раннюю ред.: *Март, 1885.*

Ап: «До 27 апреля 1890» (автограф, карандашом, зачеркнуто), «До 12 мая 1890» (автограф); «Южный Край. 6 апреля 1890; Московская Иллюстрированная Газета. 29 апреля 1890» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

494. *АМ.* С. 122.

Автограф: ед. хр. 9, л. 72 (дата вписана карандашом). Машинопись: ед. хр. 6, л. 1885 (правка карандашом, текст приведен к основному), датировка: *12 августа 1889* (зачеркнуто). Дата карт.: *12 августа 1889.*

Печ. по: *АМ.*

Вар. автографа и машинописи, ст. 1: «Что ни песня, все было мечтой золотистой»; ст. 3: «Не облечь мне стихами мечты самой чистой».

495. *БВ.* Утр. вып. 1915. № 15281. 20 декабря — *АМ.* С. 20.

Автограф: ед. хр. 9, л. 70 об., датировка: *18 августа 1889.* Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1480, ед. хр. 6, л. 1857; *без даты.* Дата хрон. карт.: *18 августа 1889.*

Ап: «Биржевые Ведомости. 15 декабря 1915» (алф. карт.).

Печ. по: *АМ.*

Вар. автографа, ст. 2—3: «Не ты ли, светлое мечтанье / Под это тихое журчанье». Вар. машинописи: ст. 5: «И как мне радостны пески».

496*. *ИМ.* 1890. № 7. 18 февраля. С. 78. («Небо бледно-голубое...», заглавие: **Бледная ночь**), подпись: *Ф. К. Тетерников* — *Ст. I.* С. 37 («Ризой блед-

но-голубою...») — *ССС XIII*. С. 13, датировка: *9 августа 1889* («Ризой бледно-голубою...») — *АМ*. С. 63 («Небо бледно-голубое...»).

Машинопись: 1) «Ризой бледно-голубою...»: ед. хр. 4, л. 1420 (текст соответствует *ССС XIII*); датировка вписана чернилами: *19 августа 1889, испр.: 9 августа 1889*; 2) «Небо бледно-голубое...»: ед. хр. 3, л. 961 (текст соответствует *АМ*), *без даты*. Печ.: стр. из *Ст. I*, с восстановит. правкой: ед. хр. 4, л. 1420 а («Ризой бледно-голубою...»), дата вписана чернилами: *19 августа 1889*. Дата хрон. и алф. карт.: *19 августа 1889*.

Ап: «Иллюстрированный Мир. 4 февраля 1890» (алф. карт., «Небо бледно-голубое...»).

А. Печ. по: *ССС XIII*, с исправлением даты.

Ст. I, вар. ст. 2: «Твердь ложится над землею». Поздний вар. ст. 7: «Все исполнено печали» восстановлен автором на стр. из *Ст. I*.

Б. Печ. по: *АМ*.

ДРиВ: Печ. по тексту, восстановленному автором на стр. из *Ст. I*.

497*. *Ежегодник 2002*. С. 286.

Автограф: ед. хр. 9, л. 73 (правка чернилами и карандашом); на обороте беловой автограф ст-ния «Неустанное в работе...», *12 января 1902*.

Печ. по автографу.

498*. *ИМ*. 1890. № 4. 28 января. С. 48, подпись: *Ф. К. Тетерников*. — *ССС XIII*. С. 14.

Автограф («Сердце просит любви...»): ед. хр. 9, л. 76 (с послойной правкой, текст приведен к *ССС XIII*, нижний слой автографа соответствует тексту первой публикации). Машинопись («Сердце жаждет любви... В двери жизни немой...»): ед. хр. 1 (1), л. 386 (соответствует основному; с восстановит. правкой на полях раннего варианта автографа).

Ап: «Иллюстрированный Мир. 14 января 1890» (алф. карт.).

А. Печ. по: *ИМ*.

Сердце просит любви, сердце полно тоской... — Ср. начальные строки ст-ния Я. П. Полонского: «Сердце ль просит любви и без раны болит...» («В глуши», не позднее 1855).

Б. Печ. по: *ССС XIII*.

Ранний вар. ст. 8 машинописи: как в *ИМ*.

499*. *БП*. С. 95 (поздняя ред.).

Автограф: ед. хр. 9, л. 77 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к маш.). Машинопись: ед. хр. 2, л. 127, ед. хр. 1 (2), л. 132 (без даты). В хрон. карт. зафиксировано по первой строке: «Пока живется, надо жить...», с вар.: «Влачу бесцветное житье...». В алф. карт. варианты представлены на разных карточках: 1) «Пока живется, надо жить...», 2) «Влачу бесцветное житье...».

Ап: «Новости. 1 декабря 1898» (алф. карт. 1).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи.

500. Наблюдатель. 1896. № 11. С. 99: **Немая арфа**, без деления на строфы, с датой: *2 сентября 1886*. — *ССШ IX*. С. 60 — *ССС IX*. С. 16.

Автографы: 1) ед. хр. 9, л. 78 (беловой, правка чернилами и позднейшая — карандашом), без деления на строфы, датировка вписана карандашом; 2) ед. хр. 1 а, л. 145 (беловой), без заглавия, без деления на строфы, датировка: *8 сентября 1889*. Машинопись: ед. хр. 2, л. 191 (текст соответствует *ССС IX*, за искл. ст. 4: «Где яркое солнце горит»), *без даты*. Машинопись, автограф 1, алф. и хрон. карт. под заглавием: **Немая арфа**. Вар. ст. 1 алф. карт.: «В пустыне далекой». Дата алф. и хрон. карт.: *8 сентября 1889*.

Ап: «у Окрейца» (автограф 1); «Есть лучшая редакция» (автограф 2, карандашом). *Станислав Станиславович Окрейц* — издатель журнала «Луч» (с 1880) и одноименной газеты (1890—1896), сотрудничал в газете «Свет» (Пб.).

А. Печ. по нижнему слою автографа 1.

Вар. автографа 2, ст. 2—3: «Где блещущий жарко песок / Ни разу не принял доныне».

Б. Печ. по: *ССС IX*.

Вар. первой публ., ст. 10: «Немые, горячие дни», ст. 14: «На их безнадежный полет».

Вариация на тему ст-ния Ф. И. Тютчева «Проблеск» (не позднее осени 1825).

501. *НС*. С. 97.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 326.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

502. *Ежегодник 1990*. С. 117. «Из дневника».

Машинопись: 1) ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 4; 2) ед. хр. 2, л. 112, ед. хр. 1 (2), л. 113, обе — *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *13 сентября 1889*.

А. Печ. по машинописи 1

Б. Печ. по машинописи 2.

503*. *НЖ*. 1905. Приложение № 18. 3 (16) сентября. С. 1, без заглавия; ст. 1—4 датированы *28 июня 1885*. — *Родине*. С. 29 — *ССШ I*. С. 76 — *ССС I*. С. 76 — *СБ*. С. 6 — *ВБ*. С. 5.

Автографы: 1) только строфа I («Ты слышишь гром, молись, не смейся...»): ед. хр. 8, л. 99, датировка: *28 июня 1885*; 2) ед. хр. 1 а, л. 146 (беловой, правка чернилами, позднейшая — карандашом, текст приведен к основному, с разночтением в ст. 5: «Уж демон вихрей мчится грозно»). Машинопись («Ты слышишь гром, склонись, не смейся...»): ед. хр. 5, л. 1720 (с восстановит. правкой на полях ранних вариантов). Дата алф. и хрон. карт.: *25 сентября 1889*; ст. 1—4: *28 июня 1885*. Хрон. карт. ст. 1: «Ты слышишь гром, склонись, не смейся...».

Ап: «Иллюстрированный Мир. 12 июня 1890; Образование. 25 сентября 1904, возвращено; Русская Мысль. 30 сентября 1904. Наша Жизнь. 24 августа 1904» (алф. карт.).

Печ. по *ВБ*.

Вар. ст. 5 (*НЖ*, *Родине*, *ССШ I*, *ССС I*): «Уж демон вихрей мчится грозно».

504. *НС*. С. 47.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 147 (беловой, с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 261; ед. хр. 2, л. 282.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 10—13: «Поучительно-чиста, / И улыбкой озаряла / Бездыханные уста. // Назидание и ласку».

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

505. Новая Жизнь. 1915. № 11. С. 64. — *АМ*. С. 52.

Автографы: 1) ед. хр. 9, л. 79 об. (беловой); 2) ед. хр. 1 а, л. 384—389 (беловой, карандашом; незавершенная поздняя переработка, в тетради с автографами недатированных поэтических текстов), *без даты*. В алф. и хрон. карт. редакция не зафиксирована. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 976 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1123, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *26 сентября 1889*.

Ап: «Вознесенскому, 29 августа 1915» (алф. карт.).

Печ. по: *АМ*.

ДРиВ: Печ. по автографу 2.

Ст-ние было послано Александру Сергеевичу Вознесенскому (наст. фам. Бродский; 1880—1939) для благотворительного сборника в пользу евреев-беженцев «Сад поэтов» (Полтава, 1916), в подборке с двумя другими («Оскверняешь ложью...», 1890 и «Творение выше Творца...», 1894). В сентябре 1915 г. Вознесенский писал Сологубу: «Не рассердитесь на меня, Федор Кузьмич, за то, что послал я в Полтаву лишь два Ваших стихотворения, показавшихся мне наиболее подходящими для цели и характера сборника. Третье же „Он изнемог под тяжестью креста“, если бы Вы разрешили, я передал бы здесь, в Москве, редакции „Новой Жизни“, которая была бы этому очень рада» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 143).

506. *Ежегодник 2002*. С. 286.

Автограф: ед. хр. 9, л. 79. Машинопись: ед. хр. 2, л. 570 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *15 октября 1889*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 3: «Шекспир, и Дант — великие умы!», ст. 6: «Их славы тощие потомки?», ст. 7: «Слова и сплетни к нам от них дошли».

Суждений много очень диких: «Шекспир, Бэкон — великие умы!» — Вероятно, имеется в виду гипотеза, выдвинутая в 1856 г. Делией Бэкон, о том, что подлинным автором пьес У. Шекспира был английский философ Фрэнсис Бэкон (1561—1626). В России вопрос о Бэконе как авторе шекспировских пьес впервые был рассмотрен в появившихся в конце 1880-х гг. исследованиях жизни и творчества Шекспира, например: *Кох М.* Шекспир. М., 1888; *Чуйко В. В.* Шекспир, его жизнь и произведения. СПб., 1889.

507. De visu. 1993. № 9 (10). С. 37 — *Ежегодник 1990*. С. 134. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 35.

Печ. по машинописи.

508. *Ежегодник 2002*. С. 287.

Автограф: ед. хр. 9, л. 87 (карандашом). Машинопись: ед. хр. 3, л. 678.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 17—18 автографа: «Ну, а мостик провалился, / Речку вброд переходи».

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

509. *Ежегодник 2002.* С. 287.

Автограф: ед. хр. 9, л. 82. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 416, ед. хр. 2, л. 449.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

510*. *ССНЧ.* С. 418 — *Ежегодник 2002.* С. 288.

Автограф: ед. хр. 9, л. 84 (беловой, с правкой).

Печ. по автографу.

Авторское переложение библейского сюжета об искушении Иосифа женой начальника стражи Потифара (Быт. 39: 1—18). Ср.: **Красота Иосифа** («Залиха лежала, стеная, на пышной постели...»), *15 марта 1892.*

511. *Ежегодник 2002.* С. 288.

Автограф: ед. хр. 9, л. 83 (поврежденный); ст. 1—16 автографа датированы *11 ноября*, ст. 17—41 — *19 ноября 1889.* Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1575—1576 (дата: *19 ноября 1889* (зачеркнута), *2 ноября 1882* (вписана карандашом)); ед. хр. 6, л. 2000, дата вписана карандашом (с ошибкой): *11 ноября 1882.* Дата алф. карт.: *11, 19 ноября 1889*, хрон. карт.: *19 ноября 1889, см. 11 ноября 1889.*

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 1: «В той прекрасной и чудной стране», ст. 4: «Ее терем огнями блестит», ст. 8: «Там в прозрачном сосуде возжен».

512. *Пауэр.* С. 16 (вар. машинописи 2).

Автограф: ед. хр. 9, л. 85—85 об. (первонач. правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к маш. 2, Δ); первонач. датировка: *20 ноября 1889.* Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1358 а (правка карандашом, дата вписана карандашом); 2) там же, л. 1358; ед. хр. 1 (2), л. 1166—1167 (дата вписана карандашом). В алф. карт. ст. 1: «Пролетал по полночному небу...» *испр.*: «Пролетал в час полуночи небом...».

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 50.

Ап: «Русский Вестник» (автограф); «Свет. 29 декабря 1889; Иллюстрированный Мир. 4 февраля 1890; Семенову Тянь-Шанскому. 31 января 1918» (алф. карт.).

А. Печ. по раннему варианту автографа.

Пролетал по полночному небу сияющий ангел Господний... — Ср.: «По небу полуночи ангел летел...» (М. Ю. Лермонтов «Ангел», 1831).

Б. Печ. по машинописи 2.

Вар. ст. 3—4 машинописи 1: «На него злобный демон смотрел / из преддверья своих преисподень».

Вероятно, тема ст-ния навеяна христианским праздником Введения во храм Богородицы, который Православная церковь отмечает 21 ноября (по ст. ст.); в тексте прочитываются аллюзии на житие Девы Марии, зачатой по слову Ангела Господня, и др. (хвалебная песнь Богородице содержит величание: «Честнейшая

херувим и славнейшая без сравнения серафим»). Стихотворение было послано Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому (1866—1942), дяде поэта Леонида Дмитриевича Семенова (1880—1917), для помещения в сборнике его памяти (трагически погиб 13 декабря 1917 г.); замысел сборника не был осуществлен, см.: *Баевский В. С.* Жизнестроитель и поэт // Семенов Леонид. Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В. С. Баевский. М., 2007. С. 499—500 (Литературные памятники).

513. *Ежегодник 2002.* С. 289.

Автограф: ед. хр. 9, л. 86.

Печ. по автографу. Вариация на тему ст-ния А. С. Пушкина «Ночной зефир...» (1824).

514. *Ежегодник 2002.* С. 289.

Автограф: ед. хр. 9, л. 87—87 об. (беловой, с синхронной правкой). Вар. ст. 1 алф. и хрон. карт.: «По улицам грязной деревни...».

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «По улицам грязной деревни»; ст. 12: «В каждых и зорких глазах», ст. 18: «Чем даже молитвы учить».

515*. Всемирная Иллюстрация. 1898. № 1518. 28 февраля. С. 221: **Сумерки**, без деления на строфы, с вар. ст. 1: «Сумерек серые тени». — *ССС XIII.* С. 15 (датировка: *6 декабря 1889*).

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 148 (черновой, с разновременной послойной правкой чернилами и карандашом), без деления на строфы, вверху справа, вероятно, предположительное заглавие: Сумер⟨ки⟩; датировка: *5 декабря 1889.* Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1585, *без даты*; 2) там же, первонач. вар. без деления на строфы, *без даты*; печ.: стр. из *ССС XIII.* Дата алф. и хрон. карт.: *5 декабря 1889.* Вар. ст. 1 алф. карт.: «Сумерек серые тени».

Ап: «Живописное Обозрение. 1 января 1890; День. 11 февраля 1890; Родина. 30 октября 1892; Мир Божий. 28 мая 1896», «Всемирная Иллюстрация. 26 сентября 1897» (алф. карт.).

Печ. по: *ССС XIII.*

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

516*. *НС.* С. 48.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 149 (беловой, с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 2, л. 439.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

517*. *Ежегодник 2002.* С. 290.

Автографы: 1) «О душа, ни на что не надейся...»: ед. хр. 38, л. 331 об. (черновой, ранняя ред.), 2) «После жизни недужной и тщетной...»: ед. хр. 9, л. 89 (беловой, поздняя ред.), датировка: *9 декабря 1889* (вписана карандашом, вероятно, ошибочно), 3) «После жизни недужной и тщетной...»: ед. хр. 38, л. 331 (черновой), датировка: *21 января 1893.* В алф. и хрон. карт. текст зафиксирован по первой строке поздней ред.: «После жизни недужной и тщетной...», с указанием датировок ранней и поздней ред.: *9 декабря 1889, 21 января 1893.*

Печ. по автографу 1.

Ср. ред.: «После жизни недужной и странной...»; «После жизни недужной и тщетной...» (обе: *21 января 1893*).

518. Домашняя Библиотека. 1897. № 10. С. 220. — *ССС XIII*. С. 16.

Автограф: ед. хр. 9, л. 90—90 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к *ССС XIII*), датировка: *13 декабря 1889*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1486—1487, ед. хр. 6, л. 1865 (строфа IV вписана чернилами); *без даты*.

Ап: «Русская Мысль. 25 февраля 1890; Екатеринбургская Неделя. 5 июня 1890; Новости. 30 января 1892; Мир Божий. 28 мая 1896; Живописное Обозрение. 13 августа 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по автографу. Промежуточн. вар. автографа, ст. 9: «Та любовь, что явилася рано», ст. 12: «Пред твоею душой подняла», ст. 13 *а* «Той любви ты прекрасное знамя», *б* «Ты любви той прекрасное знамя».

Б. Печ. по: *ССС XIII*.

519*. *Ст. I*. С. 22: **Судьба**. — *АМ*. С. 54 — *ССНЧ 1*. С. 407.

Автограф: ед. хр. 10, л. 160 об. (беловой, соответствует *АМ*), *без даты*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1214 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 1422, *без даты*. Печ.: стр. из *Ст. I* с восстановит. правкой на полях чернилами и вписанной датой: *15 декабря 1889*. В алф. карт. под заглавием: **Судьба**. Дата алф. и хрон. карт.: *15 декабря 1889*.

А. Печ. по тексту, восстановленному автором на стр. из *Ст. I*. См.: *ДРиВ*.

Б. Печ. по: *АМ*.

Ср. параллельный замысел — план ненаписанного романа «Жизнь-ловушка» (1880-е гг.) на сюжет литературной сказки: «Родится ребенок в счастливой обстановке. Семейная радость. Мальчик-крепыш. Крестины. Добрые пожелания со всех сторон. Молоденькая тетя сболтнула с растерянным видом: „Попадется и он в ловушку!“ Все к ней с удивлением. Краснеет. Оказалось, видела птичку в ловушке, и это на нее подействовало мрачно; все представлялось это, а сказала нечаянно. 1-ая ловушка — в воспитании. 2-ая — в товарищах детских игр. 3-я — в классицизме. 4-ая — ⟨в⟩ комфорте среды. 5-ая — ⟨в⟩ условностях. 6-ая — ⟨в⟩ любви. 7-ая — ⟨в⟩ общественных успехах. 8-ая — ⟨в⟩ службе. 9-ая — ⟨в⟩ женитьбе. 10-ая — ⟨в⟩ вине. 11-ая ⟨в⟩ спорте, — и много других. Запутывается больше и больше, — и гибнет» (*Писатель-Инспектор*. С. 53).

Возможно, восходит к ст-нию Я. П. Полонского «Моя судьба, старуха, нянька злая...» (1855).

520. *ЖО*. 1897. № 37. 14 сентября. С. 654 (вар. ст. 2: «На́ землю упало проливным дождем»). — *ССС XIII*. С. 176. — *ССНЧ 4*. С. 509.

Автограф: ед. хр. 9, л. 91—91 об. (правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1590, *без даты*. Хрон. карт. без заглавия.

Ап: «Наблюдатель. 6 января 1890; Русская Мысль. 17 января 1896; Живописное Обозрение. 13 августа 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 5: «Счастье — это светлый, золотой дворец».

Б. Печ. по: *ССС XIII*. Вар. машинописи, ст. 9—10: «Счастье, словно поле вешнею порою, / С пестрыми цветами, с сочною травою».

521*. *Пауэр*. С. 16.

Автограф: ед. хр. 9, л. 92—92 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), под заглавием: **Царь**, без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1465, ед. хр. 5, л. 1823; без заглавия, *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *24 декабря 1889*. Алф. карт. под заглавием **Царь Ирод**.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 51.

Ап: «Новое Слово» (автограф); «Русский Листок. 30 марта 1890; Образование. 25 сентября 1904, возвращено» (алф. карт.); «Русская Мысль. 30 сентября 1904» (автограф; алф. карт.).

Печ. по машинописи.

Вариация на тему евангельского сюжета о царе Ироде и избиении младенцев в Вифлееме (Мф. 2: 1—23; Лк. 1: 51—52; 2: 1—39).

522. *Ежегодник 2002*. С. 290, 291.

Автограф: ед. хр. 9, л. 93.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по верхнему слою автографа. Промежуточн. вар. ст. 10: «Смертным телом я твердо умру».

523*. *Ежегодник 2002*. С. 291.

Автограф: ед. хр. 9, л. 94—96.

Печ. по автографу.

524*. *НС*. С. 48.

Автограф: ед. хр. 9, л. 74—75 (черновой, синхронная правка чернилами, позднейшая карандашом, Δ), *без даты* под текстом, ст. 1—8 датированы *24 августа 1889*; без деления на строфы. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1010—1012; ед. хр. 10 а, л. 107 (без окончания), датировка: *27 декабря 1889* (вписана карандашом); вар. ст. 5: «Был мне сладкий голос музы». 2) ед. хр. 3, л. 1170 (правка чернилами), датировка: *27 декабря 1889*. Дата алф. и хрон. карт.: *24 августа, 27 декабря 1889*.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 2. Ранний вар. ст. 5 — *как в машинописи 1*.

525. *ИМ*. 1890. № 4. 28 января. С. 45, под заглавием: **Се жених грядет в полунощи**...; подпись: *Ф. К. Тетерников* — *Ст. I*. С. 60: **Се жених грядет**..., с вар. ст. 1: «В час заране неизвестный» — *АМ*. С. 139 — *ССНЧ 1*. С. 417.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 281, под заглавием: **Се жених грядет**..., *без даты*. Печ.: стр. из *Ст. I*, с восстановит. правкой ранних вариантов и датой, вписанной чернилами: *29 декабря 1889*: там же. Алф. и хрон. карт. без заглавия.

Ап: «Иллюстрированный Мир. 14 января 1890» (алф. карт.).

А. Печ. по: стр. из *Ст. I*, с восстановит. правкой. Вар. ст. 18: «Плачь и Бога призывай»; ст. 19: «Трижды свят Предвечный Боже».

Б. Печ. по: *АМ*.

Се жених грядет в полунощи... — Слова евангельской притчи о десяти девах (Мф. 23: 1—13); притча получила у Сологуба художественное переосмысление, развернутой в художественной прозе концепции «творимого творчества» 1900-х гг. (см., например, рассказ «Мудрые девы», 1908; и главным образом роман «Творимая легенда», 1907—1913).

526. *Ежегодник 2002*. С. 292.

Автограф: ед. хр. 9, л. 97.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 6: «Тихо спит земля», ст. 9: «Если он в отчизне».

Стихотворная иллюстрация евангельского выражения: «Нет пророка в своем отечестве» (Мф. 13: 57; Мк. 6: 4; Лк. 4: 24; Ин. 4: 44).

527. *Ежегодник 2002*. С. 293.

Автограф: ед. хр. 9, л. 80 (датировка вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *1886—1889. Великие Луки.*

Печ. по автографу.

Ст-ние отмечено цифрой «1»; возможно, оно было первым в цикле экспромтов. В тексте обыгрывается идиома: «Не лыком шиты».

528. *НС*. С. 49.

Автограф: ед. хр. 9, л. 98 (правка карандашом, дата вписана карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 870 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 968. Дата алф. и хрон. карт.: *1889.*

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. ст. 5 автографа: «Как обручем, от дум оковано чело».

529. *НС*. С. 50.

Автограф: ед. хр. 10, л. 105—105 об. (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 722, ед. хр. 3, л. 805.

Печ. по машинописи.

Вар. ст. 10 автографа: «Дедка стучит по воротам!».

530. *ПЖ*. 1897. № 256. 28 сентября. С. 2144 (третье ст-ние цикла «Ночи») — *КД*. С. 33 (заглавие: Звездам).

Автограф: ед. хр. 10, л. 106 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), без заглавия. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 145 (без заглавия), ед. хр. 2, л. 228 (датировка вписана карандашом, без заглавия).

Ап: «До 26 марта 1890» (автограф, карандашом); «[Новости. 22 сентября 1897.] Послано Абрамову 12 февраля 1920» (алф. карт.).

Печ. по: *КД*.

531*. Екатеринбургская Неделя. 1890. № 11. 18 марта. С. 228, подпись: *Федор Тетерников* — *ПЖ*. 1897. № 256. 28 сентября. С. 2144 (третье ст-ние цикла «Ночи») — *Ст. I*. С. 4 — *АМ*. С. 57 (без заглавия).

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 102 (текст соответствует основному), *без даты*. Печ.: стр. из *Ст. I*: ед. хр. 2, л. 103 (с восстановит. правкой), датировка: *28 января 1890* (вписана чернилами). В хрон. карт. ст-ние не зафиксировано; в алф. карт. без датировки.

Печ. по: *АМ*.

532*. Автограф: ед. хр. 10, л. 107 (черновой, записан карандашом, правка чернилами, строфа IV вписана чернилами). Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1621 (правка карандашом, текст приведен к основному); 2) ед. хр. 1 (2), л. 1335.

Ап: «До 3 апреля 1890» (автограф, зачеркнуто).

Печ. по машинописи 2.

Первонач. вар. автографа: без строфы IV.

533. Русский Паломник. 1893. № 26. 26 июня (заглавие: **Иже Херувимы**). С. 406 — *Пауэр*. С. 24.

Автограф: ед. хр. 10, л. 108 (с правкой, текст приведен к основному), без заглавия. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 534, *без даты*; ед. хр. 2, л. 587 (соответствует основному тексту), без заглавия. В хрон. карт. без заглавия; в алф. карт. под заглавием: **Иже Херувимы**.

Печ. по первой публикации.

Первонач. вар. автографа, ст. 3: «Ныне отложим ⟨?⟩ на время со всяким земным ⟨*нрзб.*⟩», ст. 4: «С нами, ликуя, подъемлют Зиждителя хоры незримых».

Авторское переложение церковного песнопения. 2 февраля (по ст. ст.) Православная церковь отмечает праздник Сретения Господня. *Иже херувимы* — Херувимская песнь (греч. Χερουβικός Ὕμνος; кратко по первым словам — Иже херувимы) — православная молитва, поется на литургии перед Евхаристией и служит подготовкой верующих к великому входу (перенесению Честных Даров на Престол), который разделяет эту молитву на две части: 1) «Иже Херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение» (ср. ст. 1—3); 2) «Яко да Царя всех подымем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа» (ср. ст. 4—5).

534*. Автограф: ед. хр. 10, л. 109 (правка карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: 1) ед. хр. 3, л. 1008 (два экз., в одном датировка вписана карандашом); 2) там же (правка чернилами); ед. хр. 1 (2), л. 903 (датировка вписана карандашом).

Печ. по машинописи 2.

535*. *БВ*. Утр. вып. 1904. № 390. 1 августа. С. 2 (без заглавия) — Новая Иллюстрация. 1905. № 3. 26 января (8 февраля). С. 22 (без заглавия) — *Родине*. С. 30 — *ССШ V*. С. 198 — *ССС V*. С. 194 — *Война в русской поэзии*. С. 65 — Сборник революционных и трудовых стихотворений / Сост. Ф. К⟨оган⟩. М.: Жизнь и знание, 1923. С. 80.

Автограф: ед. хр. 10, л. 110—110 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), без заглавия, датировка: *6 февраля 1890*. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 210—211 (с восстановит. правкой ранних вариантов), заглавие: **Время битвы**; датировка: *6 февраля 1890* (вписана карандашом, текст соответствует основному).

Ап: «6 февраля 1890; До 15 марта 1890; 12 апреля 1890» (автограф, карандашом над текстом, зачеркнуто); «Русский Листок, 30 марта 1890; Биржевые Ведомости, 27 июля 1904; П⟨ослано⟩ С⟨абашникову⟩, 1918» (алф. карт.).

Печ. по: *ССС V*.

536. Русский Листок. 1890. № 59. 22 мая. С. 3, под заглавием: **Майский вечер**, без деления на строфы, подпись: *Т-ков* — *ССС XIII*. С. 18 — *ССНЧ 4*. С. 509—510.

Автограф: ед. хр. 10, л. 111—111 об. (беловой, с разновременной правкой чернилами и карандашом; текст приведен к *ССС XIII*; Δ), без заглавия. Машинопись («Склонилась плакучая ива...»): ед. хр. 4, л. 1484 (соответствует *ССС XIII*, датировка вписана карандашом), без заглавия. Дата хрон. и алф. карт.: *17 февраля 1890*. Хрон. карт.: «Склонилась плакучая ива...», *испр.*: «Склонялася гибкая ива...». Алф. карт.: **Майский вечер** («Склонялася гибкая ива...»).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по верхнему слою текста, приписанного на полях автографа. Первонач. вар. ст. 1: «Под вечер прекрасного мая...», ст. 6: «И думы вились над челом», ст. 9—12: «Стоял я безмолвно под ивой, / О чем-то нездешнем мечтал; / Мятежную душу улыбкой / Ликующий ангел смирял». Ред. не зафиксирована в алф. и хрон. карт.

В. Печ. по первой публикации.

Г. Печ. по *ССС XIII*.

Вольное переложение стихотворения «Дремлют плакучие ивы...», текст приписывают поэту и беллетристу Алексею Васильевичу Тимофееву (1812—1883), автор музыки — композитор и музыкант конца XIX—начала XX в. Б. Барон (предполагают, что барон — не фамилия, а дворянский титул автора; по другим сведениям, автор музыки — Барятинский (?)); романс входил в репертуар Вари Паниной (1872—1911), записан на пластинку фирмы «Граммофон» и «Зонофон» (М., 1905). Ср. текст романса: Песни и романсы русских поэтов / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 916—917.

537. Пауэр. С. 12, дата: *15 мая 1889*.

Автограф: ед. хр. 9, л. 121—121 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), без деления на строфы, ст. 1—8 датированы: *15 марта 1889* (карандашом), ст. 9—16: *4 марта 1890*, над текстом: *15 марта 1889* (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1184, датировка: *15 марта 1889*; ед. хр. 4, л. 1372 (два экз., один — *без даты*), датировка: *4 марта 1890*. Дата алф. карт.: *15 мая 1889, 4 марта 1890*; хрон. карт.: *4 марта 1890* (см.: *15 мая 1889*).

Печ. по машинописи, датируется по автографу и карт.

Первонач. вар. автографа, ст. 2—3: «Переполнился мой сад — / И его живые сени», ст. 4: *а* «Полны сладостных прохлад», *б* «Льет свой сладкий аромат».

538*. Автограф: ед. хр. 1 а, л. 150 (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1), датировка: *5 марта 1890*. Машинопись: 1) ед. хр. 5, л. 1753 а, *без даты*; 2) там же, л. 1753 (правка чернилами), датировка: *5 марта 1890*. Дата алф. и хрон. карт.: *5 марта 1890*.

Печ. по верхнему слою машинописи 2.

539. *Ежегодник 2009—2010*. С. 507.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 151 (беловой, с правкой), датировка вписана карандашом: *11 марта 1890*. Дата алф. и хрон. карт.: *11 марта 1890*.

Печ. по автографу.

540*. Лукоморье. 1915. № 39. 26 сентября. С. 10 («Вот наше озеро: широко...») — *КД*. С. 34 («Спокойно озеро, широко...»), заглавие: **Озеро**.

Автограф («Вот наше озеро: широко...»): ед. хр. 10, л. 112—112 об. (карандашом; правка — чернилами), без заглавия и деления на строфы. Машинопись: 1) «Вот наше озеро: широко...»: ед. хр. 10, л. 100—101; ед. хр. 2, л. 153; ед. хр. 1 (2), л. 172—173; все три экз. без заглавия; 2) «Спокойно озеро: широко»: ед. хр. 4, л. 1551 (правка карандашом, текст приведен к основному), без заглавия. В хрон. карт. зафиксировано по ст. 1 ранней ред. («Вот наше озеро: широко...»), без заглавия.

Ап: «До 28 июня» (автограф, зачеркнуто).

Печ. по: *КД*.

ДРиВ: *Полно водой, как чашка всклянь...* — Всклянь (*ряз. тмб., пск.*) — о сосуде, наполненном жидкостью до краев (*Даль 1*: 266).

541. *БВ*. Утр. вып. 1914. № 14454. 25 октября. С. 2 — *Война*. С. 24 — *АМ*. С. 204.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 152 (беловой, правка чернилами и карандашом), без заглавия. Машинопись: 1) ед. хр. 3, л. 1111 а (с восстановит. правкой ранних вариантов карандашом, заглавие зачеркнуто), датировка: *18 марта 1890* (вписана карандашом); 2) там же, л. 1111 (без даты), ед. хр. 1 (2), л. 968 (дата вписана карандашом); соответствует основному тексту. Дата хрон. и алф. карт.: *18 марта 1890*.

Печ. по: *АМ*.

Вар. автографа, ст. 3: *а* «Для нас с того щита сияет позолота», *б* «С того щита для нас сияет позолота»; ст. 5: *а* «Века на нас бегут грозящие волнами», *б* «Века бегут на нас грозящими волнами»; ст. 9: *а* «Но не сдержать в горах движенья мощной лавы», *б* «Но не сдержать в горах движенья снежной лавы»; ст. 11: «И Русь влечет на юг не только голос славы».

Вар. восстановит. правки машинописи соответствует правке, зафиксированной в автографе; дополнительное разночтение, не отраженное в автографе, ст. 5: «Века на нас грозящими бегут волнами».

Олег повесил щит на медные ворота / Столицы цезарей ромейских... — Ср.: «И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда» (Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 29). В 907 г. князь Олег пошел походом на Константинополь (Царьград), город был взят, в знак мирного договора, заключенного с греками, Олег повесил на воротах Константинополя свой щит. Ромейские цезари — императоры Восточной Римской империи, или Византии, которую в IV в. называли Ромеей. Ср.: «Ты пригвоздил свой щит булатный / На цареградских воротах» (А. С. Пушкин «Олегов щит», 1829).

542*. *Пауэр*. С. 25 (вар. машинописи 1).

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 153 (беловой, правка чернилами и карандашом), без деления на строфы. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1558 (дата зачеркнута),

ед. хр. 6, л. 1977 а (два экз., один — *без даты*, в другом дата вписана карандашом; без деления на строфы; 2) там же, л. 1977 (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1). Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *25 марта 1890*.

Машинопись (датировка вписана от руки, текст соответствует вар. машинописи 1): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 58.

Печ. по машинописи 2.

ДРиВ: Печ. по машинописи 1.

543. *Пауэр*. С. 25.

Автограф: ед. хр. 10, л. 114 об.—114 (на странице из записной книжки, черновой, Δ); ранняя ред. («Тихо день догорал...», без деления на строфы) записана карандашом, текст не читается; поздняя ред. («Кротко день умирал...») записана чернилами поверх ранней, с поздней правкой карандашом; заглавие: **На закате** (вписано чернилами); датировка вписана карандашом. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 647—649 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 2, л. 705, заглавие: **На закате**. Хрон. карт. («Кротко день умирал») без заглавия. В алф. карт. зафиксированы две ред.: 1) «Тихо день догорал...»; 2) «Кротко день умирал», заглавие: **На закате**.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 59.

Ап: «Я глядел на зарю утомленного дня» (автограф) — вероятно, первая строка ненаписанного или несохранившегося текста.

Печ. по машинописи.

544*. Автограф: ед. хр. 10, л. 115—115 об. (беловой, карандашом; правка ст. 19 чернилами; записан на листе из блокнота позднего происхождения), без деления на строфы. Машинопись: 1) «Для тоски бесконечной, для горьких тревог...»: ед. хр. 2, л. 384 (1); 2) «Для тоски беспредельной, для горьких тревог...»: там же (правка чернилами). В алф. карт. зафиксировано как первое ст-ние, написанное в этот день.

Печ. по машинописи 2.

545. *Ежегодник 1998—1999*. С. 235.

Автограф: ед. хр. 10, л. 116. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 694, *без даты*. В алф. и хрон. карт.: «Я в шахматы люблю играть...», дата: *1 мая 1890*.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, ст. 1: *а* «Люблю я в шахматы играть», *б* «Я в шахматы люблю играть», первонач. вар. ст. 5: «Партнеры, впрочем, не сильны», ст. 7—8: «И потому мне не страшны / Зевки, ошибки и азарты».

Я в шахматы люблю играть... — Игра в шахматы была одним из серьезных увлечений Сологуба, в его архиве сохранилась коллекция газетных вырезок с шахматными партиями (главным образом из «Нового Времени» 1890—1900-х гг., когда шахматным отделом газеты заведовал М. И. Чигорин). По предложению журнала «Шахматы» в 1927 г. Сологуб начал писать статью «В чем очарование шахмат», которую не закончил из-за болезни. См. некролог в журнале «Шахматы» (1928. № 1 (январь). С. 22—23). Обзор темы «Сологуб и шахматы» представлен в статье: *Зубарев Д. И., Павлова М. М.* Об одном

анонимном некрологе Федору Сологубу // Русская литература. 2010. № 2. С. 120—127; Федор Сологуб: Биография. Творчество. Интерпретации. Материалы IV Междунар. науч. конф. / Сост. М. М. Павлова. СПб., 2010. С. 110—122.

546. *АМ*. С. 123.

Автограф: ед. хр. 10, л. 161 об. (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1087, *без даты*; ед. хр. 4, л. 1252 (дата зачеркнута). Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *4 мая 1890*.

Печ. по: *АМ*.

547*. *ИМ*. 1891. № 18. 5 мая. С. 206 (заглавие: **На реке и на погосте**), без деления на строфы, без подписи — *ССС XIII*. С. 19.

Автограф: ед. хр. 10, л. 117—117 об. (черновой, без заглавия, без деления на строфы). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 98—99 (с восстановит. правкой ранних вар. карандашом; дата вписана карандашом); без заглавия; соответствует основному тексту. Алф. и хрон. карт. без заглавия.

Ап: «До 3 июля» (карандашом, зачеркнуто), «Окрейцу» (автограф).

Печ. по: *ССС XIII*.

И дымят, и свистят пароходы... — Город Вытегра расположен на реке Вытегра (пристань в 15 км от Онежского озера), на Волго-Балтийском водном пути, обычно судоходное движение начинается в этих местах в мае; в письме сестре от 30 апреля 1892 г. Сологуб рассказывал: «Пароходы от Вытегры до Вознесенья уже ходят, уже около недели тому назад начали, — а от Петербурга теперь, должно быть, тоже скоро начнут ходить большие; по каналам же судоходство уже началось. Онежское озеро, кажется, еще стоит» (*Ежегодник 1998—1999*. С. 270). *...Сотни барок тяжелых и гонок...* Гонка — плот (*Даль 1*. С. 375). *Там идут бурлаки бечевою...* — Ср.: «То бурлаки идут бечевой!..» (Н. А. Некрасов «Размышления у парадного подъезда», 1858).

548. Автограф: ед. хр. 10, л. 119 об. (беловой), *без даты*.

Дата хрон. карт.: *[28 июня 1890]; 1) 17 мая 1890*; дата алф. карт.: *1) 17 мая 1890*.

Ап: «До 29 июня 1890» (автограф, карандашом, зачеркнуто).

Печ. по автографу.

549. Автограф: ед. хр. 10, л. 119 об. (текст записан на полях автографа ст-ния «Не на то я рожден...»), *без даты*. Дата хрон. и алф. карт.: *2) 17 мая 1890*.

Ап: «Иллюстрированный Мир. 12 июня 1890» (алф. карт.).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 7: «И померк, и затих яркий мир предо мной».

550*. *ЖО*. 1895. № 46. 12 ноября. С. 375 — *Ст. I*. С. 29 — *ССШ I*. С. 204 — *ССС I*. С. 204 — *Избранные стихи русских поэтов. 3*. Вып. 1. С. 92 — *Земля родная*. С. 22.

Автографы: 1) ед. хр. 10, л. 119 об. (черновой, правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к *ССС I*), 2) В письме П. В. Быкову от 11 августа 1894 г.: ИРЛИ, ф. 273 (П. В. Быков), оп. 2, ед. хр. 234, л. 5 (беловой, промежуточ. ред.), *без даты*. Машинопись: 1) ед. хр. 4, л. 1247 (соответствует

ССС I), *без даты*; 2) печ.: стр. из *Ст. I*, с восстановит. правкой первой редакции и вариантов, чернилами: там же, л. 1247 а (дата вписана чернилами). В алф. и хрон. карт. ранняя ред. не зафиксирована, промежуточ. ред. — в алф. карт. с пометой: «Всемирная Иллюстрация. 11 августа 1894», *без даты*.

Ап: «Первая редакция» (стр. из *Ст. I*).

А. Печ. по нижнему слою автографа. См.: *ДРиВ*.

Б. Печ. по автографу 2.

В. Печ. по *ССС I*.

551*. Голос Земли. 1912. № 56. 7 (20) марта. С. 2 (первое ст-ние цикла «К. Д. Бальмонту») — *ССС XIII*. С. 21 — *ССНЧ 4*. С. 511.

Автограф: ед. хр. 10, л. 120 об.—120 (правка чернилами, поздняя — карандашом; ст. 25—28 зачеркнуты; текст приведен к основному), без деления на строфы; датировка: *17 мая 1890*. Машинопись: ед. хр. 3, л. 1129 (соответствует основному тексту), *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *17 мая 1890*.

Печ. по: *ССС XIII*.

ДРиВ: Приведены по нижнему слою автографа.

Первая публикация приурочена к чествованию Константина Дмитриевича Бальмонта (1867—1942) по случаю 25-летия его литературной деятельности, которое состоялось в Петербурге 11 марта 1912 г. в Неофилологическом обществе в его отсутствие (с конца января 1912 г. он находился в кругосветном путешествии). По случаю этого события Сологуб переработал в честь юбиляра ранний вариант текста (см.: *ДРиВ*); таким образом, вариант, помещенный согласно авторской датировке в основной корпус, возможно, является поздней переработкой, предпринятой поэтом специально для публикации по случаю юбилейных торжеств Бальмонта 1912 г. Подробнее о спорной датировке текста см.: *Павлова М.* К вопросу о датировке цикла Ф. Сологуба «К. Д. Бальмонту» (1912): мистификация, инерция, закономерность? // Судьбы литературы Серебряного века и Русского Зарубежья. Сб. статей и материалов памяти Л. А. Иезуитовой. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2010. С. 56—67.

552*. Ежемесячные литературные приложения к ЖО. 1898. № 7. С. 96 — *Пауэр*. С. 67 — *ССНЧ 8(1)*. С. 318.

Автограф: ед. хр. 8, л. 103—103 об. (черновой, с послойной правкой чернилами и карандашом, текст приведен к тексту первой публ., за искл. ст. 29), датировка: *17 мая 1890* (под текстом — чернилами, над текстом — карандашом). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1242 (2) (без ст. 1—11; вероятно, первый машинописный лист утрачен; с поздней правкой ст. 7, 29), без деления на строфы, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *17 мая 1890*.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по первой публикации.

Поздний вар. машинописи, ст. 17: «Чужие, широкие дали», вар. ст. 29: «Исполнены ядом страданья».

См. примеч. № 279.

553*. Русское Обозрение. 1898. № 1. С. 205 — *АМ*. С. 53.

Автограф: ед. хр. 10, л. 123 (черновой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному, Δ), датировка: *24—25 мая 1890*. Машинопись: 1) ед. хр. 3, л. 1017 (1), с делением на строфы: 4—4—4—5, без ст. 2; *без даты*; 2) там же, л. 1017, с делением на строфы: 9—7—2 (текст соответствует основному), датировка: *24 мая 1890*. Дата алф. и хрон. карт.: *24—25 мая 1890*.

Ап: «Вестник Европы, 29 октября 1897, возвращено» (алф. карт.).

Печ. по: *АМ*.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Возможно, тема ст-ния была навеяна ближайшими христианскими праздниками: согласно православному календарю на 1890 г., 20 мая отмечался день Святой Троицы, 21 мая — день Святого Духа.

554. Автограф: ед. хр. 10, л. 125—126 (правка чернилами и карандашом; текст приведен к основному, за искл. ст. 17), без деления на строфы; датировка: *2—3 июня 1890*, с топографической пометой: *Ночь. Семинария*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1239—1241 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1463; датировка: *2 июня 1890*, без топографической пометы.

Печ. по машинописи.

Сегодня в церкви долго я смотрел... — 2 июня 1890 г. приходилось на субботу, вероятно, Сологуб был на всенощной согласно служебному предписанию. *Семинария* — Вытегорская учительская семинария, в которой Сологуб преподавал в 1889—1892 гг.

555. Машинопись: ед. хр. 4, л. 1404, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *5 июня 1890*.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

556. 1—8. Автограф: ед. хр. 10, л. 126—127 (карандашом), без заглавия. В алф. и хрон. карт. каждый экспромт зафиксирован на отдельной карточке; в алф. карт. под общим заглавием: **На совете**.

Печ. по автографу.

⟨1.⟩ *Никогда не удается / Оппозиция у нас.* — Автобиографический мотив: в период службы в Вытегорской учительской семинарии отношения с директором у Сологуба складывались конфликтно, о чем он регулярно оповещал В. А. Латышева в письмах к нему 1890—1892 гг. (см.: *Писатель-Инспектор*. С. 29—35), более подробно вытегорские события освещены в переписке Сологуба и Латышева, см. примеч. № 592.

⟨4.⟩, ⟨7.⟩ *Тертуллиан, / Марица и Шипка... ~ Августин* — Вероятно, Сологуб иронизирует по поводу программы учительских семинарий, в которой был сделан упор на патриотическое и религиозное воспитание, большое место отводилось изучению церковно-славянского языка, катехизации, церковной и отечественной истории. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155/165—220/240) — раннехристианский писатель и теолог; положил начало латинской патристике и церковной латыни (языку средневековой западной мысли); *Августин* — Аврелий Августин (354—430) — епископ Гиппонский, философ, христианский богослов и политик, святой Католической и Православной церквей (в правосла-

вии обычно именуется — Блаженный Августин), один из отцов Церкви. Марица и Шипка — топонимические атрибуты истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; главные боевые действия разворачивались на Шипке (решающее сражение, в котором русские войска одержали победу, состоялось 28 декабря 1877 г.) и в долине реки Марицы.

557*. *Пауэр.* С. 24.

Автограф: ед. хр. 1 а, л. 154 (черновой, правка чернилами, позднейшая — карандашом, текст приведен к основному, разночтение в ст. 10: «Ты на себя наложишь бремя»), ст. 1—4 датированы: *9 марта 1890* (карандашом), ст. 5—12: *9 июня 1890.* Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 628, ед. хр. 3, л. 689, датировка: *9 марта 1890.* Дата алф. и хрон. карт.: *9 марта, 9 июня 1890.*

Машинопись, датировка: *9 марта 1890* (вписана карандашом): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 56.

Печ. по машинописи.

558. Луч. 1892. № 4. 9 января. С. 1, без подписи — *Пауэр.* С. 91 (вар. машинописи).

Автограф: ед. хр. 10, л. 128 (с правкой, текст приведен к основному), без заглавия, с делением на четверостишия. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 201, ед. хр. 2, л. 162, без заглавия, с делением на четверостишия. Алф. карт. под заглавием и подзаголовком: **Сказки**. Невесте. Дата автографа, машинописи, алф. и хрон. карт.: *9 июня 1890.*

Машинопись, заглавие: **Сказки**, без подзаголовка, с делением на четверостишия; датировка: *9 июля 1890* (вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 63.

Печ. по первой публикации.

Первонач. вар. автографа, ст. 4: «Скоро, мой друг, охладеют»; ст. 7: «Сказки сплетались людьми о ковре самолете». Вар. машинописи, ст. 2: «Старые басни пред былями жизни бледнеют...».

Вот и у нас телефон заведется... — Первый телефонный аппарат появился в США в 1876 г. (изобретатель — Александр Грехам Белл, 1847—1922), вскоре телефонная связь вошла в обиход в Америке и Европе, в 1882 г. международная компания телефонов «Белла» оборудовала первые телефонные станции в Петербурге, Москве, Одессе, Риге, а в середине 1880-х гг. и в других городах России.

559*. *Пауэр.* С. 26.

Автограф: ед. хр. 10, л. 129—129 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1122 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1294.

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 60.

Печ. по машинописи.

560. *НС.* С. 50.

Автограф: ед. хр. 10, л. 130 (беловой, карандашом; соответствует машинописи). Машинопись: ед. хр. 2, л. 85, датировка вписана карандашом; ед. хр. 1 (2), л. 27, *без даты.* Дата автографа, машинописи, алф. и хрон. карт.: *13 июня 1890.*

Печ. по машинописи.

561*. *ИМ*. 1891. № 19. 12 мая. С. 218, подпись: *Ф. Тетерников*.

Автограф («Тучки белые плавают небом...»): ед. хр. 10, л. 131 (правка чернилами и карандашом), датировка: *14 июня 1890*; на обороте — автограф (карандашом) поздней ред. «В синем небе тучки белые...», *25 октября 1895, 4 апреля 1903*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1373, ед. хр. 4, л. 1686; *без даты*. Печ.: стр. из *ИМ*, с восстановит. правкой вариантов машинописи (чернилами), текст приведен к вар. машинописи: там же, л. 1686 а, *без даты*. В хрон. карт. на 1890 г. текст не зафиксирован, в хрон. карт. на 1891 г. с датировкой: *до 12 мая 1891*; в алф. карт. — без датировки, первонач. вар. ст. 1: «Тучки белые плавают небом...», *испр*.: «Тучки реют под ласковым небом...».

Ап: «До 3 июля», «До 17 августа» (автограф, карандашом, зачеркнуто).

Печ. по первой публикации.

ДРиВ: Печ. по машинописи.

См. позднюю ред.: «В синем небе тучки белые...», *4 апреля 1903*.

562*. Луч. 1892. № 15. 4 февраля. С. 1 (под заглавием: **Беглянка**), без деления на строфы, подпись: *Федор Тетерников — ССС XIII*. С. 26.

Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 379 (с восстановит. правкой ранних вариантов карандашом), заглавие: **Беглянка**; датировка вписана карандашом: *15 июня 1890*. В алф. карт. под заглавием: **Беглянка**.

Печ. по: *ССС XIII*.

563. Автограф: ед. хр. 10, л. 135 (соответствует машинописи). Машинопись: ед. хр. 3, л. 971. В хрон. карт. текст не зафиксирован; в алф. карт. представлен с датировкой машинописи и автографа.

Печ. по машинописи.

564. Автограф: ед. хр. 10, л. 154—154 об. (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 191—192. В хрон. карт. текст не зафиксирован, в алф. карт. представлен с датировкой машинописи и автографа.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, вместо ст. 1—2 было начато: [«В Александрии пышной и богатой, / Когда царил роскошный Птолемей»]; вар. ст. 13: «Меня богатство не тревожит».

Когда цвела Александрия, Когда царил в ней Птолемей... — Птолемей I Сотер («Птолемей Спаситель»; 367—283 до н. э.) — эллинистический правитель Египта (323—283 до н. э.), основатель династии Птолемеев (Лагидов; IV—I вв. до н. э.). Птолемей I перенес столицу из древнего Мемфиса в молодую Александрию, в его царствование город достиг своего расцвета в строительстве, науках, искусствах и стал центром эллинистической культуры (была основана Академия, публичная библиотека и т. д.). *Теперь воздвигнутый им храм...* — Серапеум (Serapeum) — храм, построенный Птолемеем III (годы правления 246—222 до н. э.) в честь эллинистического бога Сераписа (соединял черты Осириса и Аписа), — покровителя Александрии. Согласно описаниям, Серапеум был самым большим и величественным из всех храмов в греческой части Александрии (в храме располагалось отделение Александрийской библиотеки). Один

из ранних «экзотических» текстов Сологуба на тему восточных преданий и легенд, из истории эллинистического Востока (эпохи угасания античного язычества и возникновения христианства), с характерной декоративной образностью. Предположительно тема ст-ния навеяна романом А. Франса «Таис» (1889, отд. изд. 1890, впервые в рус. пер. в 1891 под заглавием «Александрийские куртизанки»); о знакомстве с произведением свидетельствует намеченный в конце ст-ния сюжет (*В лачуге бедной и смиренной / Жил уважаемый старик...*), в котором опознается один из героев «Таис» — Палемон, благочестивый старец-отшельник. См. также примеч. к ст-нию «В далекой Индии, давно, в былые годы...» (№ 567). Проблеме рецепции эстетических взглядов А. Франса в творчестве Сологуба 1900—1910-х гг. посвящена статья М. Ю. Любимовой «Неизлечимые еретики: Анатоль Франс, Федор Сологуб, Евгений Замятин (заметки о функции иронии)» (см.: Федор Сологуб: Биография. Творчество. Интерпретации. Материалы IV Междунар. научн. конф. / Сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 265—287).

565. Автограф: ед. хр. 10, л. 155 (правка карандашом, текст приведен к вар. машинописи ранней ред.). Машинопись: ед. хр. 3, л. 1149 (поздняя правка чернилами; текст дополнен: карандашом вписана вторая строфа редакции *12 января 1918*). В хрон. карт. на 1890 г. редакция не зафиксирована; в алф. карт. зафиксированы даты ранней и поздней редакций.

Печ. по нижнему слою машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 1: «О родина, родина! если бы озеро слез», ст. 3: «Под небом твоим, омраченным порывами гроз».

См.: «О родина! если б источники слез...», *12 января 1918*.

566*. Автограф: ед. хр. 10, л. 156 (с правкой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1124 (дата вписана карандашом). В хрон. карт. текст не зафиксирован, в алф. карт. представлен с датировкой автографа.

Печ. по машинописи.

И опять стихи слагаю... ~ Чтоб словить лукавых птиц. — Реминисценция из ст-ния Г. Р. Державина «Если б милые девицы...», 1802.

567. *Пауэр*. С. 26.

Автограф: ед. хр. 10, л. 133 (с правкой), ст. 1—16 датированы: *18 июня 1890*, ст. 17—24: *28 июня 1890*. Машинопись: ед. хр. 2, л. 198, датировка: *28 июня 1890*. Дата алф. и хрон. с отсылкой на ред. *18 июня 1890*.

Машинопись (с авторской правкой, ранний вар. ст. 6—7 — *как в автографе*): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 61.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, ст. 6—7: «И ризой алою, которая к ней шла, / Как к мраку полночи те звезды золотые». Между ст. 16 и 17 незавершенный вар.:

Но в городе не то, что в маленькой деревне,
Есть люди всякие; работают не все.
Как в наши злые дни, и в этой жизни древней.
Но юность праздная, наследственным богатством
От тягостных трудов избавленная там.

На обороте автографа начато продолжение ст-ния (зачеркнуто):

Она смеялася полунощной порой,
Покровы легкие отбросив с тальи тонкой,
И пояс разрешив нескромною рукой.
Звенел, чаруя всех, то смех, задорно-звонкий,
То пенье страстное красавицы нагой.

Ап: «„В далекой..." Вазавадатта и Упагупта в Митуре, в Бенгалии. Свет. 1890. № 99» (там же, л. 134).

Переложение начала буддийской притчи о купце Упагупте и куртизанке Вазавадатте, известной автору по газетной публикации. 27 апреля 1890 г. в «Новостях и Биржевой газете» (№ 114. С. 2) и 2 мая 1890 г. в «Свете» (№ 99. С. 3) появилась статья А. Франса, перепечатанная из парижской «Temps», в которой, как отметил обозреватель газеты «Свет», автор «в весьма привлекательной форме сообщает основания нравственного учения Сакья-Муни». В этой статье А. Франс пересказал две буддийские притчи: одна из них получила своеобразное преломление в поэме Сологуба «Странник», 1891 (см. примеч. № 626), вторая — в ст-нии. В притче рассказывается о страстной любви красавицы к богатому просвещенному юноше. Упагупта не ответил на призыв куртизанки, когда ее красота была в зените славы, но пришел к ней в ее предсмертный час, чтобы утешить. За какое-то преступление Вазавадатта была «приговорена к отсечению рук, ног, ушей и носа. Ее отвели на кладбище и, исполнив там над нею приговор, оставили на том месте еще живую». Появившийся на месте казни Упагупта произнес последнее слово: «Сестра моя, Вазавадатта! В те скоротечные дни, когда ты казалась красивой, чувства мои не обманывались лживыми призраками. Моему умственному взору ты представлялась такою именно, как теперь. Я знал, что твое тело только сосуд зла. Истинно говорю тебе: для того, кто видит и знает, сестра моя, ты ничего теперь не утратила. Не сожалей же о красоте своей. Не оплакивай обманчивой тени радости и сладострастия, которая тебя покидает. Пусть рассеется смущавший тебя сон жизни. Скажи себе, что все земные удовольствия являются как бы отражением лунного света в воде. Бедствие твое происходит оттого, что ты слишком много желала. Не желай ничего более. Будь кротка к самой себе — и ты будешь лучше богов. Прошу тебя, не желай более жить. Человек живет только тогда, когда хочет этого, а ты видишь теперь, сестра моя, что жизнь совсем не хороша». Один из известных источников упомянутой истории — это тексты санскритского (североиндийского) буддизма, а именно сборник «Дивьяавадана», входящий в состав канона (санскритоязычной) буддийской школы Муласарвастивада, в разделе «Виная» (монашеская/орденская дисциплина).

Сологуб не довел переложение до конца, однако основы буддийской мудрости впоследствии варьировались им в поэтических текстах, получив наиболее широкое преломление в лирике в 1890—1900-е гг. Статья А. Франса по-своему могла стимулировать пробуждение у писателя интереса к философии буддизма и индуизма, в которую он затем погрузился, увлеченно изучая труд А. Шопенгауэ-

ра «Мир как воля и представление» (СПб., 1881. Пер. А. Фета); самое раннее упоминание о Шопенгауэре в рабочих материалах Сологуба относится именно к этому времени — под записью датировка: *Вытегра. 31 и⟨ю⟩л⟨я⟩ 1890 г.* (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 217—217 об.), хотя общее представление об учении философа он мог составить и ранее, благодаря публикациям в 1878—1879 гг. в Журнале Министерства Народного Просвещения глав из книги кн. Д. Н. Цертелева «Философия Шопенгауэра» (отд. изд.: 1880), известного также своими поэтическими переложениями буддийских легенд, печатавшимися в конце 1870-х—1880-е гг. на страницах иллюстрированных еженедельников.

См. примеч. к № 602 (1).

568. Сад поэтов. Полтава, 1916. С. 47 — *АМ*. С. 55.

Автограф: ед. хр. 10, л. 157 (беловой, соответствует основному тексту). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 999, ед. хр. 3, л. 1154.

Печ. по: *АМ*.

569. *Пауэр*. С. 27.

Автограф: ед. хр. 10, л. 158 (правка карандашом, текст приведен к машинописному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 337, *без даты*; ед. хр. 2, л. 362.

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 62.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 3—4: «Пускай вас, старцы, годы не страшат: / Все это очень просто: только брызни», ст. 7: *а* «И выйдешь ты отличнейшей подделкой», *б* «И выйдешь ты [прекрасною] подделкой»; ст. 9: «Ах, хорошо! Теперь уж жизни мелкой», ст. 12: «Но во сто лет еще мы будем дети».

...эликсир из юных поросят... — Возможно, отклик на сообщения в печати об исследованиях в области омоложения; в 1889 г. французский физиолог Ш. Э. Броун-Секар (1817—1894) опубликовал результаты своих испытаний: в качестве «эликсира молодости» он использовал экстракты из семенных желез животных. Опыты по омоложению организма в эти годы проводил также И. И. Мечников (он вспрыскивал сыворотку крови морской свинки в кровь кролика, что вызывало усиленное размножение красных кровяных шариков); открытие Мечникова комментировали в прессе. Мотив «вечной молодости» обыгрывается в «Мелком бесе» (реплика Передонова: «Она старее поповой собаки... поросячью молодость себе в жилы пускает... А уж ей сто лет») (С. 194).

570. *НС*. С. 51

Машинопись: ед. хр. 2, л. 90; ед. хр. 1 (2), л. 66.

Печ. по машинописи.

571*. Ежемесячные литературные приложения к *ЖО*. 1898. № 4. С. 262 («Я в битву вышел одинокий...») — *ССС XIII*. С. 27 («На бой я вышел одинокий...») — *ССНЧ 4*. С. 514 (вар. чернового автографа, с неточным прочтением).

Автографы: 1) «На бой я вышел одинокий...»: ед. хр. 10, л. 159 (черновой, с послойной правкой чернилами и карандашом, текст приведен к *ССС XIII*, Δ), датировка: *2 июля 1890*; 2) «Я в битву вышел одинокий...»: там же, л. 160 (беловой; правка чернилами и карандашом текст приведен к тексту первой публ.;

первонач. вар. ст. 1: «На бой я вышел одинокий», ст. 3—4: «Свалил меня мой враг жестокий / В груди моей — его кинжал», ст. 7: «Дай умереть без лишней муки!»), *без даты*; на обороте — беловой автограф ст-ния «Родился сын у бедняка...», *15 декабря 1889*. Машинопись: 1) «Я в битву вышел одинокий...»: ед. хр. 6, л. 1938, *без даты*; ед. хр. 3, л. 880 а (текст соответствует нижнему слою автографа 2), *без даты*; 2) «На бой я вышел одинокий...»: там же, л. 880 б, с восстановит. правкой ранних вариантов карандашом; датировка: *2 июля 1890* (вписана карандашом). Дата хрон. карт. («На бой я вышел одинокий...»): *2 июля 1890*; алф. карт.: 1) «На бой я вышел одинокий...»: *2 июля 1880*, испр.: *2 июля 1890*; 2) «Я в битву вышел одинокий...», *без даты*.

Ап: «20 июля 1890» (зачеркнуто, автограф 1); «Вестник Европы. 16 февраля 1896; Живописное Обозрение. 3 октября 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по верхнему слою автографа 1.

Б. Печ. по: ССС *XIII*.

Вар. первой публ., ст. 1: «Я в битву вышел одинокий», ст. 3: «Меня свалил мой враг жестокий», ст. 5: «И, слабо простирая руки».

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа 1.

572. Автограф: ед. хр. 10, л. 161 (беловой, соответствует машинописи). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 864 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 970.

Печ. по машинописи.

573*. *Тени*. С. 117 — ССС *XIII*. С. 28.

Автограф: ед. хр. 10, л. 162 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 426 (с восстановит. правкой ранних вариантов карандашом), датировка вписана карандашом. Дата алф. и хрон. карт.: *4 июля 1890*.

Ап: «Русский Вестник. 30 июля 1896. ⟨Псевдоним:⟩ *К. Двукраев*» (алф. карт.).

Печ. по: ССС *XIII*.

574. Машинопись: ед. хр. 2, л. 647.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

575*. Автограф: ед. хр. 10, л. 164 (черновой, с правкой синхронной и позднейшей, чернилами и карандашом, Δ, текст приведен к вар. машинописи 1), датировка: *4 июля 1890*. Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 100 (соответствует нижнему слою машинописи 2), *без даты*; 2) там же, л. 100 а (правка чернилами), датировка: *4 июля 1890*; ед. хр. 1 (2), л. 99, *без даты*.

В хрон. карт. текст зафиксирован с вар. ст. 1: «Мы едем возле речки...» (ранняя ред.).

Ап: «До 17 августа 1890» (автограф).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 1.

В. Печ. по машинописи 2.

576*. Автограф: ед. хр. 10, л. 165 (беловой). Машинопись: 1) ед. хр. 10, л. 166 (правка чернилами, строфа III вписана чернилами, исходный текст соответ-

ствует тексту автографа); 2) ед. хр. 2, л. 338 (правка карандашом, строфа III вписана карандашом; исходный текст соответствует тексту автографа); 3) ед. хр. 1 (2), л. 304, *без даты.*

А. Печ. по автографу.

Б. Печ. по машинописи 3.

Машинопись 1, первонач. вар. ст. 1 и ст. 3 — *как в автографе.* первонач. вар. ст. 12: «Никогда мы не поймем». Машинопись 2, первонач. вар. ст. 1, 3 — *как в автографе.*

577. *Пауэр.* С. 62.

Автограф: ед. хр. 10, л. 168 (правка карандашом и чернилами, текст приведен к машинописному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 704, ед. хр. 3, л. 786. Дата алф. и хрон. карт., автографа и машинописи: *4 августа 1890.*

Машинопись (вар. ст. 3, как в автографе), датировка: *4 августа 1896* (ошибочно): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 194.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 2: «Песня без лучей», ст. 9: «В твоем чутком сердце».

578. Луч. 1892. № 16. 6 февраля. С. 1 (заглавие: **На озере**), без подписи — *ССС XIII.* С. 30.

Автограф: ед. хр. 10, л. 169 (с правкой). Алф. карт. под заглавием: **На озере.**

Печ. по: *ССС XIII.*

Первонач. вар. автографа, ст. 3: «От весел влага, как стеклярус», ст. 5: «Ты расшалилась. Пышет зноем».

579*. *ПЖ.* 1904. № 790. 14 ноября. С. 5951 — *ССС XIII.* С. 31 — *ССНЧ 4.* С. 515.

Автографы: 1) «Пора, пора мне умирать...»: ед. хр. 10, л. 170 (черновой, правка чернилами и карандашом, Δ); 2) «Уж не тянусь, как прежде, я...»: там же, л. 171 (беловой, соответствует тексту *ССС XIII*), датировка вписана карандашом сверху; на обороте: беловой автограф ст-ния «Я приготовился принять гостей...», *14 апреля 1895*; 3) «Не прильну, как прежде, я...»: там же, л. 172 (поздняя правка карандашом, текст приведен к машинописи 2), датировка вписана карандашом. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 1419, ед. хр. 5, 1757 а (соответствует тексту *ССС XIII*), *без даты*; 2) «Не прильну, как прежде, я...»: там же, л. 1757 (датировка вписана чернилами). В хрон. карт. зафиксированы ред. 1) «Пора, пора мне умирать», 2) «Уж не тянусь, как прежде, я...»; в алф. карт.: «Не тянусь, как прежде я...», *испр.*: «Уж не тянусь, как прежде я...».

Ап: «Живописное Обозрение. 9 марта [1897] 1896; Наблюдатель. 28 июля 1897; Петербургская Жизнь. 4 сентября 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа 1.

Б. Печ. по: *ССС XIII.*

В. Печ. по машинописи 2.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа 3.

580*. Автограф: ед. хр. 10, л. 174 (черновой), на обороте — автограф поздней ред. «Великой мукой крестной...», *19—20 октября 1895* (черновой, каран-

дашом, правка чернилами). В хрон. карт. ст-ние зафиксировано по первой строке ранней редакции (заглавие: **Последнее искушение**), с отсылкой на позднюю; в алф. карт. — по первой строке поздней ред., с отсылкой на раннюю ред., без заглавия.

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

См. позднюю ред.: «Великой мукой крестной...», *20 октября 1895.*

581*. Речь. 1908. № 160. 6 (19) июля. С. 2 — Неделя «Современного слова». 1908. № 14. 6 июля. С. 108 — *ССС XIII.* С. 32.

Автограф: ед. хр. 1 (1), л. 70 об. (беловой, карандашом), без деления на строфы, датировка: *16 августа 1890.* Машинопись: там же, л. 70, с восстановит. правкой ранних вариантов (карандашом), датировка: *17 августа 1890* (чернилами, зачеркнуто), *17—18 августа 1890* (карандашом). Даты алф. и хрон. карт.: *16, 17—18 августа 1890.*

Ап: «Первая редакция» (автограф); «Речь. 30 мая 1908» (алф. карт.).

А. Печ. по автографу.

Б. Печ. по: *ССС XIII.*

582*. *ИМ.* 1891. № 20. 19 мая. С. 230 («Утро туманом грозит мне в окно...»), без деления на строфы, подпись: *Ф. Тетерников — Ст. I.* С. 42 — *АМ.* С. 61.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 784 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 864. Печ.: стр. из *Ст. I*, с восстановит. правкой вариантов, дата вписана чернилами. В хрон. карт. «Мутное утро грозит мне в окно...», без отсылки на ред. «Утро туманом грозит мне в окно...», без заглавия.

Печ. по: *АМ.*

583. Автограф: ед. хр. 10, л. 176 об., 176 (беловой), с делением на четверостишия. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 176, *без даты*; ед. хр. 2, л. 155 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *14 сентября 1890.*

Печ. по машинописи. Первонач. вар. ст. 1 автографа: «Он сангвиник, — все смеется».

584.* Речь. 1908. № 160. 6 (19) июля. С. 2, без деления на строфы — Неделя «Современного слова». 1908. № 14. 6 июля. С. 108, без деления на строфы — *ССС XIII.* С. 32.

Автографы: 1) «Молю тебя, Владыко Правосудный...»: ед. хр. 10, л. 175 об.—175 (беловой, карандашом), без деления на строфы, заглавие: **Молитва**, датировка: *16 августа 1890*; 2) «В моей душе, измученной жестоко...» (исходный), *испр.*: «Душе моей, страдающей жестоко...»): там же, л. 175 (черновой, синхронная правка чернилами, позднейшая — карандашом), без деления на строфы, без заглавия, датировка: *17—18 августа 1890*; 3) «Молю Тебя, Владыко Правосудный...»: ед. хр. 1 (1), л. 70 об. (беловой, карандашом), без деления на строфы, заглавие: **Молитва**. Машинопись («Душе моей, страдающей жестоко...»): ед. хр. 1 (1), л. 70 (текст соответствует *ССС XIII*, с восстановит. правкой ранних вариантов — карандашом), дата вписана от руки: *17 августа 1890* (чернилами), *испр.*: *17—18 августа 1890* (карандашом). Дата алф. карт. («Душе

моей, страдающей жестоко...»): *16, 17—18 августа 1890*; хрон. карт. («Душе моей, страдающей жестоко...»): 1) как в алф. карт., 2) *17—18 августа 1890 (см. 16 августа 1890)*.

Ап: «Первая редакция» (автограф 3); «Речь. 30 мая 1908» (алф. карт.).

А. Печ. по автографу 3. Вар. автографа 1, ст. 12: «Не искажал невинных детских лиц».

Б. Печ. по автографу 2, в соответствии с синхронной правкой.

В. Печ. по *ССС XIII*.

585*. *ИМ*. 1891. № 25. 23 июня. С. 291, подпись: *Ф. Тетерников — Пауэр*. С. 34.

Автограф: ед. хр. 10, л. 177—177 об. (с правкой); с делением на четверостишия; строфы I, II датированы *9 октября*, строфа III — *30 октября 1890*. Машинопись: ед. хр. 1 (2); л. 878, ед. хр. 3, л. 982 (текст приведен к основному, за искл. ст. 3—4: «Пока в твоем дому есть хлеба хоть кусок, / Спешу делить его с твоим голодным братом»); с делением на четверостишия; датировка: *9 октября 1890*. Даты алф. карт.: *9, 30 октября 1890*. В хрон. карт. текст представлен двумя карточками, первая отнесена на дату ранней ред. (без ст. 9—12), вторая на дату поздней, обе с взаимными отсылками.

Печ. по первой публикации.

586. ⟨1⟩. Автограф: ед. хр. 10, л. 178—179 (беловой), датировка вписана карандашом. Машинопись: ед. хр. 5, л. 1850. Дата автографа, машинописи, алф. и хрон. карт.: *1) 1 ноября 1890*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 29: «Под каждой лысиной мечта», ст. 40: «Ведет несвязный протокол».

В ст-нии запечатлено заседание педагогического совета в Вытегорской учительской семинарии (см. также экспромты **На Совете**, *6 июня 1890*); сведения о сослуживцах Сологуба по семинарии приведены в комментариях к публикации Т. В. Мисникевич: Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 233—236. *Иль потихоньку точат балы...* — Шутят, забавно беседуют, от выражения: *точить балясины* (*Даль, 1*. С. 44). *Один занятие нашел: / В стихах... ~ Ведет отчет и протокол...* — Автобиографический намек. *А именно: отсутствует Дроздов...* — *Иван Кузьмич Дроздов* — учитель математики Вытегорской учительской семинарии; в 1897—1900 гг. заведовал винным складом в Вытегре (ср. запись Сологуба от 26 января 1892: «В манере И. К. Д⟨роздова⟩ говорить посмеиваясь, в известных случаях виден закоренелый мерзавец». — ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 а, л. 78). *А председатель — сам директор...* — Директором Вытегорской учительской семинарии с 1889 и до ее закрытия в 1894 г. был Митрофан Егорович Маккавеев. *Пока не возгласит алектор.* — Алектор (*греч.*) — петух.

⟨2⟩. Автограф: ед. хр. 10, л. 181 (беловой), датировка: *2) 1 ноября 1890* (вписана карандашом). Дата алф. хрон. карт.:

Печ. по автографу.

Речь о штемпелях зашла... — Вероятно, о печатях на документах. См. примеч. № 592 и 651—652.

587*. *Пауэр.* С. 28.

Автограф: ед. хр. 10, л. 2—2 об. (черновой, послойная правка чернилами и карандашом, Δ), заглавие: **Впотьмах** (зачеркнуто карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 372 (с правкой, первонач. вар. ст. 15: «То вдаль, по темной, злой дороге»), *без даты*; ед. хр. 2, л. 401, датировка: *3 ноября 1890* (вписана карандашом). Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *3 ноября 1890*; первонач. вар. ст. 1 алф. и хрон. карт.: «Дорогою безлюдной, каменистой...».

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 65.

Ап: «Русская Мысль. 18 июля 1904. Семенов Тянь-Шанский. 31 января 1918» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи.

ДРиВ: Последовательность выделения слоев правки в автографе неотчетлива, во избежание смешения вариантов приводим лишь фрагмент с четким прочтением вариантов (ранний слой правки чернилами) — строфы I—II.

588*. *Пауэр.* С. 28 (вар. машинописи 1).

Автограф: ед. хр. 10, л. 3 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: 1) «Как ярый ураган, над мглой души моей...»: ед. хр. 1 (1), л. 185, ед. хр. 1 (2), л. 607 (датировка вписана карандашом); 2) «Как ярый ураган, над мглой души моей...» (исходный), *испр.*: «Как буря гневная...»: там же, л. 186 (правка карандашом, текст соответствует вар. машинописи 1, за искл. ст. 1). В хрон. карт.: «Как буря грозная над мглой души моей...»; в алф. карт. ст. 1: «Как ярый ураган над мглой души моей...», *испр.*: «Как буря гневная, над мглой души моей...».

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 66.

Ап: «Живописное Обозрение. 5 мая 1891» (алф. карт.).

Печ. по машинописи 2.

589*. *Пауэр.* С. 28.

Автограф: ед. хр. 10, л. 28—28 об. (карандашом, с правкой), без деления на строфы; датировка вписана чернилами. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 575—576, ед. хр. 2, л. 643 (два экз., в одном экз. датировка вписана карандашом). Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *20 декабря 1890.*

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 67.

Печ. по машинописи.

590. Автограф: 1) ед. хр. 10, л. 118 об.—118 (черновой, карандашом; строфа V чернилами), без заглавия, с делением на четверостишия; строфы I—IV датированы: *16 мая 1890*, строфа V: *31 декабря 1890*; 2) ред. *18 июня 1896*: там же (справа от автографа 1), без заглавия, без деления на строфы. В хрон. карт. зафиксированы даты обеих ред.: *16 мая, 31 декабря 1890; 18 июня 1896*; в алф. карт. выделены три ред.: *16 мая 1890* (ред. без строфы VI), *31 декабря 1890, 18 июня 1896.* В хрон. карт. без заглавия, в алф. карт. под заглавием: **Сон**.

Печ. по нижнему слою автографа 1.

Вар. верхнего слоя автографа 1, ст. 2: «Вожделение сна» — как в поздней ред.; ст. 3: «Злая ночь без него», ст. 5: «Как весна без цветов», ст. 11—12: «Вспыхнет сон золотой, / Засияют огни».

См. ред. «В мире нет ничего...» *18 июня 1896.*

591*. Жизнь. 1898. № 21. 30 июля. С. 352, без деления на строфы — *ССШ V.* С. 205 — *ССС V.* С. 17, дата: *8 января 1887.*

Автограф: ед. хр. 10, л. 32—32 об. (черновой, правка чернилами и карандашом), без заглавия. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 375—376 (с восстановит. правкой ранних вариантов карандашом; соответствует основному тексту), без заглавия, датировка вписана карандашом. Дата автографа, машинописи, алф. и хрон. карт.: *8 января 1891.* Алф. и хрон. карт. под заглавием: **Золушка**.

Ап: «Жизнь. 22 марта 1898» (алф. карт.).

Печ. по: *ССС V.*

Золушка — центральный персонаж популярной народной сказки, известной в редакции французского писателя Шарля Перро (1628—1703) — «Сандрильона» (сборник «Сказки моей матушки Гусыни, или Истории и сказки былого времени с нравоучениями», 1697), а также в редакции братьев Гримм (Якоб, 1785—1863, и Вильгельм, 1787—1857), впервые в сборнике «Детские и семейные сказки» (1812). В популярных еженедельниках часто воспроизводили репродукцию с картины французского художника-гравюриста Н.-Ф. Бертрана (1784—1852) «Сандрильона» (см., например: Нива. 1876. № 52, 27 декабря; под заглавием «Золушка»: *ЖО.* 1880. 26 июля); возможно, ст-ние задумано как поэтическая иллюстрация к этой репродукции (в трактовке образа Сологуб следует за Бертраном).

592. Автограф: ед. хр. 10, л. 33 (правка чернилами, поздняя — карандашом, строфа IV зачеркнута карандашом).

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 85: «С ними вы всегда, конечно». Поздний вар. без строфы V, порядок строф: строфа V (VI) после строфы VII (VIII).

Неусыпный наш директор / Ввел отличный строй... — Автобиографический мотив: авторская ирония по отношению к директору семинарии (см. примеч. № 586). *Всяк быть должен авантажен...* — Авантажен (*разг., устар.*) — производящий благоприятное впечатление внешностью; привлекательный, видный. В посланиях В. А. Латышеву Сологуб регулярно критиковал педагогическую деятельность М. Е. Маккавеева; например, в письме от 25 июля 1892 г. рассказывал об установленном в семинарии порядке: «...дурные привычки директора не остаются без вредного влияния. Воспитав в себе азиатскую заносчивость, он сумел и среди воспитанников развить дух высокомерия по отношению к младшим. Воспитанникам 3⟨-го⟩ кл⟨асса⟩ он предоставил очень обширные права: распоряжение артельными деньгами и припасами (что иногда влекло злоупотребления, а они влекли споры и даже драки между восп⟨итанниками⟩ разных классов), надзор за порядком, непосред⟨ственное⟩ рапортирование дир⟨ектору⟩ о всех происшествиях, даже доносы на наст⟨авников⟩ (это всплывало на советах). Доносы

их принимались на веру, по их словам на провинив⟨шихся⟩ млад⟨ших⟩ воспит⟨анников⟩ налагались взыскания почти без разбору. Даже совет бывал настолько малодушен и послушен дир⟨ектору⟩, что убавлял отметки за повед⟨ение⟩ учен⟨икам⟩, навлекшим неудовольствие дежурных. Один воспит⟨анник⟩ 1⟨-го⟩ кл⟨асса⟩ за шалость на кухне, совершенно невинную (носил другого на руках) был прибит деж⟨урным⟩ уч⟨еником⟩ 3⟨-го⟩ кл⟨асса⟩, злым мальчишкой; Совет ставил отм⟨етку⟩ за пов⟨едение⟩ до 4⟨-х⟩ не тому, кто бил, а тому, кто был побит. А как долго спорили, как все стояли за то, что виноват старший воспит⟨анник⟩, а не младший! И все же уступили! Странные люди — мои сослуживцы! Деж⟨урные⟩ восп⟨итанники⟩ III класса пользовались своим влиянием и позволяли себе грубо обращаться с мл⟨адшими⟩ товарищами, особенно с теми из них, кто посмирнее или не освоился еще с семин⟨арскими⟩ порядками, не успел или не сумел подделаться к старшим: кричали на них, толкали, били, драли за уши; регенты из восп⟨итанников⟩ били малолет⟨них⟩ певчих из школы камертоном по голове или просто по щекам. Бросавшаяся всем в глаза грубость дир⟨ектора⟩ служила для них прекрасным примером. ⟨...⟩ Не следовало мешать дир⟨ектору⟩ в его стремлениях водворить больше порядка во внутренней жизни учеников, не следовало отказыв⟨аться⟩ от прогулок с учениками, следовало согласиться с мнением дир⟨ектора⟩, что проступки следует предупрежд⟨ать⟩, а не наказывать, что на восп⟨итанников⟩ (от 15 до 20 л⟨ет⟩) нельзя смотреть, как на совсем взрослых людей, что они нуждаются в воспит⟨ании⟩; следовало изменить преподавание по основат⟨ельным⟩ указаниям дир⟨ектора⟩ и поднять уровень знаний учеников. Леность и халатность многих из нас не подлежит сомнению. Но невозможно было одобрить и многих действий дир⟨ектора⟩» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 30, л. 56).

593. Автограф: ед. хр. 10, л. 34—34 об. (с правкой и датировкой после строфы III; на обороте дописаны строфы IV—V, зачеркнуты карандашом, затем восстановлены — соответствуют строфам I—II машинописи 1). Машинопись: 1) ед. хр. 5, л. 1821 а; 2) там же, л. 1821 (исходный текст соответствует машинописи 1; правка чернилам), ед. хр. 1 (2), л. 1463, *без даты*. В хрон. карт. обе ред. текста зафиксированы на одной карточке, в алф. — раздельно.

Ап: «Крестьянин, растерзанный собаками» (автограф).

А. Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 10: «Не зная псов, близенько от амбара».

ДРиВ: после строфы III — строфы IV—V (соответствуют строфам I—II машинописи 1).

Б. Печ. по машинописи 2. Вар. машинописи 1 и первонач. вар. машинописи 2, ст. 2: «Чему ваш лай и пыл ваш уподоблю?», ст. 6—7: «Но, впрочем, вас стыдиться не заставлю? / Ведь вам то честь, что для других позор!»

Хранители ревнивые основ, / Чему ваш крик и пыл ваш уподоблю? — Вероятно, намек на специальные статьи в охранительной печати по случаю десятилетия царствования Александра III (см., например: Гражданин. 1891. № 60. 1 марта. С. 1; Десять лет царствования // Новое время. 1891. № 5391. 2 марта. С. 1).

594*. Бодрое Слово. 1908. № 3. Ноябрь. С. 2 — *ССС XIII*. С. 23, дата: *23 мая 1890* — *ССНЧ 4*. С. 511—513.

Автограф: ед. хр. 10, л. 121—122 об. (черновой, правка чернилами и карандашом), строфы I—IV датированы *23 мая*, V—XV: *28 июня 1890*, XVI: *13 февраля 1891*. Машинопись: ед. хр. 4, л. 1574, *без даты*. Дата автографа и алф. карт.: *23 мая, 28 июня 1890, 13 февраля 1891*; дата хрон. карт.: *13 февраля 1891*, с отсылочной пометой: *см. 23 мая 1890*.

Ап: «Живописное Обозрение. 18 апреля 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *ССС XIII*.

Ср.: № 679 А и 679 Б.

595*. *НС*. С. 52.

Автограф: ед. хр. 10, л. 38 (с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1072; ед. хр. 4, л. 1240, *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *14 февраля 1891*. Вар. ст. 1 алф. и хрон. карт.: «Под пальмами играют в кости».

Печ. по машинописи.

ДРиВ: *Бегут сторожко с двух сторон*. — Сторожко (*обл.*) — осторожно, озираясь, остерегаясь.

596. Автограф: ед. хр. 10, л. 88 (беловой). Ст. 1—10 датированы: *2 декабря 1889*, 11—16: *19 февраля 1891*.

Печ. по автографу.

Первоначальный вар. ст. 2: «Себе придумала забаву».

597*. *Пауэр*. С. 29 (вар. ст. 44: «Челнок мой буря принесла»).

Автограф: ед. хр. 10, л. 39—42 об. (черновой, правка чернилами и карандашом, Δ); ст. 1—52 автографа датированы: *23 февраля*, ст. 53—64: *24 февраля 1891*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 269—271 (датировка вписана карандашом: *24 февраля 1891*), ед. хр. 2, л. 293; два экз., один экз. датирован: *24 февраля 1891*, второй: *23 февраля 1891* (датировка вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *23—24 февраля 1891*.

Машинопись, датировка вписана карандашом: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 68; датировка: *24 февраля 1891*.

Печ. по машинописи.

Вначале долго сердце мучил... ~ ...И покорился я судьбе. — Перифраз строфы I ст-ния «И так я долго сердце мучил...» (см. № 420).

598. *Пауэр*. С. 31.

Автограф: ед. хр. 10, л. 43 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 786 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 866.

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 70.

Печ. по машинописи. Вар. ст. 5 автографа: «Нам скажут: „Это — небылица!“».

599*. *Пауэр*. С. 30.

Автограф: ед. хр. 10, л. 44 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к вар. машинописи РГАЛИ), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1321—1322 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1570; ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 152, л. 10—11.

Машинопись, с правкой: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 69. Вар. ст. 4: «Так много безобразных дел»; ст. 10: «И все строптивее гнетет».

Печ. по машинописи.

Ап: «Новое Слово» (автограф; зачеркнуто).

Как Одиссей пред Навзикаей, / Я неожиданно заснул... — Ироническая отсылка к эпизоду из поэмы Гомера «Одиссея» (Песнь шестая. Ст. 110—115) или же к произведению живописи; сюжет «Одиссей перед Навсикаей» получил отражение в картинах П. П. Рубенса, П. Ластмана, Я. Иорданса, К. Блумарта, И. Г. Тишбейна и др. *Негодование бывает... ~ Оно порою усыпляет / Неосторожных навсегда.* — Аллюзия на события 1 марта 1881 г.; ст-ние написано в десятилетнюю годовщину убийства народовольцами Александра II (казнены 3 апреля 1881 г.).

600. Автограф: ед. хр. 10, л. 45 (беловой).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 5: «Беги от праздных размышлений».

Блажен в совете нечестивых... — Переложение Пс. 1: 1. Ср.: «Блажен в златом кругу вельмож...» (А. С. Пушкин, 1827). См. примеч. № 592 и 651—652.

601. I—II. *Писатель-Инспектор*. С. 56 (I).

Автограф: ед. хр. 10, л. 45—45 об. (беловой с правкой).

Печ. по автографу.

Первонач. вар. ст. 6—8 (II): «По времени кипят, / А шохоры различные / К учительской летят».

На шохоры различные... — Слово «шохор», так же как и выражение *дежурная обязанность* (см. след. ст-ние), отмечены Сологубом в записи «Особые словечки» как речевые характеристики Маккавеева (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539); см. примеч. № 586 и 592.

602. ⟨1—3⟩ Автограф: ед. хр. 10, л. 46—47 (беловой, с правкой).

Печ. по автографу.

На обороте автографа ⟨2⟩ (на полях автографа ⟨1⟩): «Приклейте как-нибудь слова — *проски*, от *казне, тем паче*» (карандашом).

⟨1⟩ Первонач. вар. ст. 10—11: «Да, к шохорам привязанность, / А толку все же нет!».

⟨2⟩ Между ст. 5 и 6 *было*: «Есть, которым помогают» (зачеркнуто).

⟨3⟩ Между ст. 2 и 3 *начато*: «Слава Богу! Слава» (зачеркнуто).

Отец непримиримый Павел... — Священник Павел Иванович Соколов, законоучитель Вытегорской учительской семинарии. В архиве Сологуба сохранилось 15 писем Соколова к нему за период 1893—1898 гг. (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 916). *Готов он спорить целый час...* — Сослуживец Сологуба по Вытегорской семинарии И. И. Кикин вспоминал: «Хорошо умел спорить Ф⟨едор⟩ К⟨узьмич⟩ ⟨...⟩ образованный был человек отец Павел, академик ⟨выпускник Духовной академии. — *Ред.*⟩; вот они с ним и сражались. Федор Кузьмич экзальтированный был, горячился, очень забивал отца Павла, очень уж хорошо буддийский катехизис знал. Бывало, отец Соколов скажет: „Кабы вы так-то православный катехизис знали!“» (*Калицкая*. С. 275). В день написания ст-ния (9 марта 1891 г.) Сологуб наметил план педагогической статьи «Дети в школе»: «Очерк школы — городской. Как идет время в школе. Что дети выносят. Анализ. Типы детей: 1. Доверчиво-послушные. 2. Протестующие. Подразделения

этих разрядов. 1. Доверчиво-послушные: а) робко-невинные, б) смело-невинные, в) постепенно-развращаемые. 2. Протестующие: а) буйно, б) коварно. Распределить по сему известное» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 а, л. 72).

603. *Пауэр.* С. 31—32 (ранний вар. машинописи, с разночтением в ст. 32: «Сел на учительский свой стул»).

Автограф: ед. хр. 10, л. 48 (беловой, с правкой; соответствует машинописи РГАЛИ). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 632—634 (ст. 32 — как в маш. РГАЛИ), ед. хр. 3, л. 692 (первонач. вар. ст. 32: как в маш. РГАЛИ).

Машинопись, с правкой: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 71. Первонач. вар. ст. 5: «Когда б мне мало было книжки», ст. 23: «Пакет на службе получая».

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 3: «Я об редиске и моркови»; вар. ст. 32: «Сел на учительский свой стул».

I. *Когда я был в любезном Пскове...* — Согласно данным аттестата о службе, с 1 июля 1885 г. Ф. К. Тетерников был перемещен из Крестецкого городского училища «на таковую же должность в Великолуцкое городское училище; с разрешения Директора народных училищ Псковской губернии, от 19 августа 1886 года за № 496, допущен к преподаванию гимнастики в Великолуцком городском училище» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 1, л. 21).

II. *Что я в чины произошел...* — В аттестате о службе имеется отметка: «Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 6 апреля 1888 года за № 37, произведен за выслугу лет в чин коллежского секретаря со старшинством с 1 июля 1882 года» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 1, л. 21). *Невольно седлал антраша...* — Антраша — прыжок, подскок.

Ср.: «Однажды в клубе, N, не старый...», *24 июля 1892.*

III. *Директор мне не говорил / О всякой мелочи подробно* 〈...〉 *А здесь одно непониманье...* — Автобиографический мотив. См. примеч. № 592.

Триптих является творческим перепевом ст-ния Н. А. Некрасова «Провинциальный подьячий в Петербурге» (1840), с заимствованием композиции; текст «образца» был переписан Сологубом в первой юношеской тетради (1877), куда он записывал оригинальные стихотворения и произведения классических и современных поэтов, см. вступ. статью и илл.

604*. Слово. 1908. № 431. 13 апреля. С. 2 («Братья, любите друг друга...») — *ПГ.* 1918. № 22. 31 января (13 февраля). С. 1 («Злоба Христа проклинает...») — *Пауэр.* С. 32 («Злоба Христа проклинает...») — *ССНЧ 8 (1).* С. 319.

Автограф («Братья, любите друг друга...»): ед. хр. 10, л. 48—49 об. (правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к вар. машинописи 1). Строфы I, II автографа датированы *17 марта,* III—V: *18 марта 1891.* Машинопись («Злоба Христа проклинает...»): 1) ед. хр. 1 (2), л. 498—501, ед. хр. 2, л. 551 〈1〉; *без даты,* с делением на четверостишия; 2) ед. хр. 2, л. 551 〈2〉 (правка карандашом, исходный текст соответствует машинописи 1), датировка: *18 марта 1891*; 3) там же, л. 551 〈3〉 (текст соответствует поздней ред.), без деления на строфы. Даты алф. карт.: 1) «Братья любите друг друга...»: *17—18 марта*; 2) «Злоба Христа проклинает...»: *18 марта 1891*; хрон. карт. («Братья любите

друг друга...»), с отсылкой на позднюю ред.: *17—18 марта 1891.* Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Злоба Христа распинает».

Машинопись (ранний вар.): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 72, датировка: *18 марта 1891.*

Ап: «Слово. 9 апреля 1908» (алф. карт.); «Петроградский Голос. 29 января 1918» (алф. карт.).

А. Печ. по первой публикации.

Б. Печ. по *ПГ.* Вероятно, поздняя переработка.

ДРиВ приведены по нижнему слою автографа.

Братья, любите друг друга... — Поэтическое переложение текста авторской записи от 22 марта 1890 г. (или текста выписки, источник не указан): «Развитие свободы и равенства, уничтожение владычества капитала, создание правомерного порядка вещей, торжество рационального социализма, уничтожение поземной собственности, признание безнравственности преступления среди голодных, широкое развитие в массах сопряженного с трудом и благосостоянием достаточного образования, свобода каждому эксплуатировать все свои способности на любом поприще общественной деятельности, — все эти несбыточные с виду упования, все эти, верим мы, неизбежности истории — не только не понизят уровня ума, вкуса, образования, нравственности, но еще возвысят их как могучим приливом свежих элементов, как экономией губимых ныне сил, так и устранением озлобления, с одной стороны, и презрительного человеконенавистничества — с другой. Когда междоусобная, братоубийственная распря заменится войною лишь с природою, когда люди на самом деле станут братьями, т. е. Равными по праву, — тогда возрастет безмерно чувство братской любви, и человечество создаст новый Эдем, из которого ни силой, ни лукавством не удалит его извечный клеветник, мрачный образ которого исчезнет в море победительного света» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 а, л. 89, 90).

605*. Русский Паломник. 1905. № 16. 16 февраля. С. 240; заглавие: **Чертог твой вижу, Спасе мой...**, без деления на строфы.

Автограф: ед. хр. 10, л. 50—50 об. (правка чернилами, поздняя — карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: 1) ед. хр. 5, л. 1847 а (текст соответствует первой публикации); 2) там же, л. 1847 (правка чернилами; позднейшая переработка). Автограф, машинопись и карт. без заглавия.

Ап: «Русский Паломник. 16 октября 1904» (алф. карт., автограф); «⟨туда же⟩ 5 апреля» (алф. карт.).

Печ. по первой публикации.

Чертог твой вижу, Спасе мой... — Песнопение Страстной седмицы Великого поста («Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь! просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси меня!»). ...*И я, покрыв одеждой брачной...* — Библеизм (Мф. 22: 1—14), евангельская притча о брачном пире читается в Страстную седмицу.

606*. Автограф: ед. хр. 10, л. 51 (с правкой); датировка — после строфы III, строфа IV дописана.

Печ. по автографу.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

607. Автограф: ед. хр. 10, л. 52 (беловой); ранняя ред. Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 446 (правка чернилами, исходный текст соответствует тексту автографа, исправленный — основному); 2) там же; поздняя ред. В хрон. карт. текст зафиксирован с отсылкой на позднюю ред., в алф. карт. редакции записаны раздельно: 1) «Пусть в жизни все обман, мечта...», 2) «Есть в жизни светлая мечта...».

А. Печ. по автографу.

Б. Печ. по машинописи 2, с исправлением опечатки в ремарке по тексту автографа.

Пусть в жизни все обман, мечта, ⟨...⟩ *Я жить хочу!..* — Ср.: «Я жить хочу! — кричит он дерзновенный. — / Пускай обман! О, дайте мне обман!» (А. А. Фет «Смерть», 1878).

608. *РМ*. 1917. № 2. Отд. I. С. 2 — *Пауэр*. С. 34.

Автограф: ед. хр. 10, л. 43 об. (с правкой, текст приведен к основному), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1490, ед. хр. 6, л. 1869 (соответствует основному тексту).

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 73.

Ап: «Русская Мысль. 25 июля 1916» (алф. карт.).

Печ. по первой публикации.

Первонач. вар. автографа, ст. 1—3: «Что ж из того, что я беден, / И незаметен, и мал. / Путь мой не вовсе безлюден», ст. 7: «Плещет и в глинистой луже».

609. Автограф: ед. хр. 9, л. 88 об. (беловой с правкой).

Печ. по автографу. Первонач. вар. автографа, ст. 7: «Условностями вы обмануты», ст. 11: «И знали б радости вы многие».

610. *Пауэр*. С. 34.

Автограф: ед. хр. 10, л. 53 (беловой, правка карандашом; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1377, ед. хр. 4, л. 1691.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 74.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 1—2: «Обиженным гневной судьбою, / Хоть чем-нибудь ты помоги», ст. 8: «От страха к нахальству скользя».

611. *Ежегодник 1990*. С. 128. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 24; *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *12 апреля 1891*.

Печ. по машинописи.

...Мать сказала... ~ *...Побольней непослушного вспорем.* — Автобиографический мотив, см. примеч. № 45.

612. Автограф: ед. хр. 10, л. 54 (беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1022, ед. хр. 4, л. 1187.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 4: «Сухая ж глина вовсе жестока», ст. 6: «Быть может, кто-то спрятался в траву», ст. 12: «Дразня меня, что я иду босой?», ст. 15—16: «И шепчет: — Ты сегодня больно сечен, / Так знай, тебя и завтра то же ждет», ст. 20: «И боль, и стыд, и страх забудешь ты».

Ст-ние (вар. автографа) по содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

613. *Ежегодник 1990.* С. 153. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 72.

Печ. по машинописи.

614*. Автограф: ед. хр. 10, л. 55—55 об. (черновой, правка чернилами и карандашом), без деления на строфы. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 819—820, датировка: *22 мая 1891* (зачеркнута); 2) ед. хр. 3, л. 910 (исходный текст соответствует машинописи 1; правка чернилами).

Печ. по машинописи 2, с исправлением опечатки в ст. 9 по тексту автографа.

Говоришь: «От обезьяны / Род вести мне непригодно...» — Иронический отклик на широко обсуждавшиеся в обществе антидарвинистские идеи естествоиспытателя и философа-славянофила Н. Я. Данилевского, изложенные в его труде «Дарвинизм. Критические исследования» (СПб., 1885—1889).

615. Автограф: ед. хр. 10, л. 56—56 об. (с правкой, текст приведен к машинописи 1), без деления на строфы, датировка: *25 мая 1891.* Машинопись: 1) ед. хр. 1 (1), л. 218, первонач. датировка: *25 марта 1891*, испр.: *25 мая 1891*; 2) там же, л. 219 (правка чернилами), датировка: *25 марта 1891.* Дата алф. карт.: *25 мая 1891*; первонач. дата хрон. карт.: *25 марта 1891.*

Печ. по машинописи 2.

Первонач. вар. автографа, ст. 4: «Когда бы кровь над жизненною новью», после ст. 17 *было*: «Увы! все, что я делал, было ложно». Вар. автографа и машинописи 1, ст. 6: «Но тучи жизни грозно мчались мимо», ст. 9: «И скрылось все. Что было мной любимо».

616. *КН.* 1895. № 9. С. 82 — *Тени.* С. 120 — *ССШ I.* С. 75 — *ССС I.* С. 75.

Автограф: ед. хр. 10, л. 57 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1644 (соответствует основному тексту). Печ.: стр. из *ССШ I.* С. 75.

Печ. по: *ССС I.*

Тепло мне потому, что холодно тебе. — Ср.: «Мне грустно... потому, что весело тебе» (М. Ю. Лермонтов «Отчего», 1840).

617. *АМ.* С. 124.

Автограф: ед. хр. 10, л. 58 (беловой). Машинопись: ед. хр. 2, л. 25; ед. хр. 1 (2), л. 19.

Печ. по: *АМ.*

Мне жизнь приносит злую муку / В своем заржавленном ковше... — Автоцитата, ср.: «И жизнь свой яд бесчеловечно / В своем заржавленном ковше / Нести мне будет бесконечно!..» (№ 619).

618. Автограф: ед. хр. 10, л. 61 об. (беловой; карандашом).

Печ. по автографу.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

619. *НС.* С. 52.

Автограф: ед. хр. 10, л. 60—60 об. (беловой; правка карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 155—156 (ст. 10, помарка либо авторская правка с прочтением: «Как жадно я искал»).

Печ. по машинописи. Вар. автографа, ст. 3: «Неужли нет на свете человека», ст. 5: «Неужли осужден я вечно».

И жизнь свой яд бесчеловечно / В своем заржавленном ковше / Нести мне будет бесконечно! — Автоцитата, ср.: Мне жизнь приносит злую муку / В своем заржавленном ковше... (№ 617).

620. *НС*. С. 53.

Машинопись: ед. хр. 2, л. 581, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *11 июня 1891*.

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

621. Автограф: ед. хр. 10, л. 61 (беловой с правкой, карандашом).

Печ. по автографу. Вар. ст. 3: «Обнимать кресты их жаркими перстами».

Знаки препинания в последнем стихе указывают на незавершенность ст-ния. Текст зафиксирован в алф. и хрон. карт. с датировкой автографа.

622. Автограф: ед. хр. 10, л. 62 (правка чернилами, строфа II зачеркнута карандашом). Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Душа моя больна сомненьем и тоскою».

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Душа моя полна сомненьем и тоскою», ст. 8: «Отравлен он дождем ползучей клеветы», после ст. 11 *было начато*: «Я все иду вперед».

623. *Ежегодник 1990*. С. 135. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 36.

Печ. по машинописи с исправлением опечатки в ст. 23.

Хоть в Казенную Палату... — Казенная палата — орган Министерства финансов, учрежденный в губерниях России в 1775 г. Первоначально Казенная палата ведала государственными имуществами и строительной частью; со 2-й половины XIX в. — счетоводством и отчетностью в губернских и уездных казначействах; здесь иронически. *Но за каждую растрату, / Хоть в копейку, мать сечет...* — Автобиографический мотив, см. примеч. № 45.

624. Творчество. Журнал художественного цеха. Харьков. 1919. № 4. Май. С. 4 — *Фимиамы*. С. 65 — *ССНЧ 5*. С. 453.

Автограф: ед. хр. 10, л. 63—63 об. (черновой, синхронная правка чернилами, позднейшая — карандашом, текст приведен к *Фимиамы*, Δ); ст. 1—24, без деления на строфы, датированы: *9 мая 1890*, ст. 25—40 — с делением на четверостишия, датированы: *9 июля 1891*. Машинопись: 1) ед. хр. 3, л. 1243 (два экз., один — *без даты*), датировка: *9 июля 1891*; 2) ед. хр. 1 (2), л. 1077—1078 (дата вписана карандашом); ф. 79, оп. 4, ед. хр. 152, л. 2 (*без даты*); вар. ст. 8: «И докажи, что Ты всесилен и безгрешен».

Ап: «Русский Паломник. 6 сентября 1904; Неделя» (автограф, алф. карт.); «Слово. 1 сентября 1908; День Печати. Москва. 15 января 1915; Семенов Тянь-Шанский. 31 января 1918; Творчество. Харьков. 4 апреля и 4 мая 1919; Послано Персицу 1 июня 1919» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *Фимиамы*.

625. *НС*. С. 53.

Автограф: ед. хр. 10, л. 62 об. (беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 2, л. 92; ед. хр. 1 (2), л. 88 (подпись чернилами: *Федор Сологуб*).

Ап: «Русский Современник. 13 марта 1924» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа; порядок ст. 17—20: 19—20—17—18; ст. 21: «Сочетаться тайне, волшебству и чуду».

626*. Русский Паломник. 1894. № 27. 2 июля. С. 422—423, подпись: *Федор Тетерников*, с исправлением опечатки в ст. 26 по тексту машинописи; примеч. автора: «Содержание стихотворения отчасти заимствовано из сказания о преп. Серапионе Синдоните, V века (память 14 мая)». — *Пауэр*. С. 138 (ранний вар. машинописи) — *ССНЧ—8 (1)*. С. 325—343 (вар. автографа и контаминация: вар. позднейшей правки на стр. «Русского Паломника», с делением на четверостишия по машинописи 4).

Автографы, **Странник**: 1) ед. хр. 10, л. 14—23 об. (на обороте л. 14—15 — Таблица 5% банковых билетов 2-го выпуска 1861 г., 3-го десятилетия, вышедших в 8-й тираж 18 марта 1889 г.) — черновой автограф и набросок. Датировки: черновой набросок — *20 декабря*; фрагмент ⟨1⟩ — *22 ноября*, 3 — *28 ноября*, 4, ⟨10⟩, 11 — *9 декабря*, 12—14 — *23 декабря*, 15—17 — *31 декабря 1890*, 18 — *4 января*, 20 — *6 января*, 21—24 — *8 января*, 25 — *11 января*, 26, 27 — *12 января*, 28 — *14 января*, 32, 33 — *15 января 1891*. Фрагменты 6, 7, 8, 15, 19, 29, 30, 31 черновых набросков не датированы. Нумерация фрагментов 1, 2, 10 введена составителем; 2) там же, л. 6—12; первоначальная редакция («Дорогой жесткой и бестенной...») — исходный беловой, густая правка чернилами и карандашом; текст приведен к машинописи 1; датировки: *22 ноября 1890* (над текстом, карандашом); *декабрь 1890, январь, 26 июля 1891. Вытегра* (под текстом, чернилами). Подпись: *Федор Тетерников*; 3) там же; л. 24—27 об. — поздняя переработка основного текста (ст. 1—160); строки, не подвергнутые правке, обозначены начальными буквами строк.

Машинопись, **Странник** («Дорогой жесткой и бестенной...»): 1) ед. хр. 4, л. 1573; датировка: *1890* — вписана карандашом; без стихов 1—16; строфы пронумерованы: 1—32; текст соответствует первой публикации; 2) там же; без двух первых и последней страниц, *без даты*; правка карандашом, первонач. текст соответствует машинописи 1, окончат. текст с делением на четверостишия; 3) там же; с делением на фрагменты, состоящие из стихов: 12—12—16—16—16—16—8—24—16—8—4—24—24—4—20—8; датировка: *1890*; 4) ед. хр. 557, л. 3—19; *без даты*; объединена под одной обложкой со ст-нием «Халдейская песня» («У меня ли не житье!..») с надписью «Заимствованные стихотворения»; с делением на четверостишия; текст соответствует позднему варианту машинописи 2.

Машинопись, с правкой (строфы II, V, VI, VII, XLII, L, LI зачеркнуты; первонач. текст соответствует машинописи 1; вар. ст. 41, 69—70, 183 — *как в автографе*; поздний вар. ст. 41 — *как в основном тексте*), с делением на четверостишия; датировка: *1890* — РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 52.

Примечание автора к машинописи и автографу (расширенный вариант): «Содержание стихотворения отчасти заимствовано из сказания о преп. Серапионе Синдоните, V века (память 14 мая). Это был египтянин, странствовавший в одной верхней одежде (синдоне) по разным землям. Нищему, дрожащему от холода, он отдал свою одежду и за веденного в темницу заплатил долг, продав свое Евангелие».

Стр. из «Русского Паломника» с авторской правкой (карандашом): ед. хр. 10, л. 4—5; на полях публикации пометы рукой автора: ст. 5—8: «Прекрасно!», ст. 16: «Он вспоминает», ст. 88—91: «Хорошо!».

Датировки хрон. карт. — 1) **Странник** («Стоит он без звука и без тени...») (хрон. карт. 1890); 2) **Странник** (хрон. карт. 1891): *22, 28 ноября, 9, 20, 23, 31 декабря 1890; 4, 6, 8, 11, 12, 14, 15 января, 26 июля 1891.* Алф. карт.: *22, 28 ноября, 9, 20, 23, 31 декабря 1890, 4, 6, 8, 9, 11, 12, 14, 15 января, 26 июля 1891.*

Печ. по первой публ.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

К автографу поэмы приложен авторский план: «Полдень. Странник. Отдых. Воспоминание. Алмазы на Евангелие. Должник. Жалость к детям. Решение».

Содержание стихотворения отчасти заимствовано из сказания о преп. Серапионе Синдоните... — «Житие преподобного Серапиона Синдонита», послужившее источником поэмы, было Сологубом переработано и переосмыслено сообразно с духом времени — с ориентацией на народнические идеалы. Отступление от сюжетной канвы жития содержится в рассказе об уходе героя из отчего дома: он с детства томился печалями и бедствиями людей, в молодые годы оставил свой «пышный и богатый» дом в поисках смысла жизни, который ему виделся в деятельной борьбе с «мглой неразумия и зла» (*Рабу усталому помочь... ~ ...луч спасительного света / Внести в томительную ночь!.. / Хоть раз от жертвы терпеливой / Отвесть карающую плеть!..*). — Серапион Синдонит с юных лет «проводил жизнь иноческую; он не имел никакого имения, не имел даже и келии; у него не было пристанища, и он проживал как птица небесная» (Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Месяц май. М., 1997. С. 470). Герой поэмы повторяет христианские подвиги Святого: отдает свой плащ нищему, надевает рубище, проповедует благую весть, продает Евангелие, украшенное алмазами (единственное его сокровище), чтобы спасти от тюрьмы осужденного за неуплату долга. Однако Сологуб не везде следует за событийным рядом жития; в «Страннике» не нашли отражения существенные эпизоды жизнеописания Серапиона Синдонита: обращение еретиков, продажа себя в рабство греку и последующее обращение того ко Христу, плавание на корабле из Александрии в Рим для проповедования римлянам Евангелия; вместе с тем в поэму введены детали, отсылающие к общепринятому представлению о герое-революционере (*Не раз в оковах пред судьею / Он безбоязненно стоял, / Не раз изгнаньем иль тюрьмою / Неправый суд его карал, / И бичевал его сурово / Палач не раз перед толпой. / Но он, от ран оправясь, снова / Шел дальше с книгою святой...*).

Из дома отчего ушел он... ~Жить в доме пышном и богатом / Ему казалось все стыдней... — Соотносится с началом буддийской легенды о царском сыне, которая была известна Сологубу из статьи А. Франса (Свет. 1890. № 99, 2 мая. С. 3), см. примеч. № 567. Ср.: «Я был царским сыном ⟨...⟩. Меня взлелеяли в роскошных дворцах, в цветущих садах. Высокие стены, которыми были обнесены дворцы и сады, скрывали от меня бедствие мира сего, но сердце мое прониклось горестью, так как мысль об этих бедствиях внедрилась в меня. ⟨...⟩ Ночью, когда во дворце все спало, я бросил последний взгляд на мою жену и моего ребенка, почивавших спокойным сном, сел на моего белого коня и умчался в джунглю размышлять о человеческом страдании, и бесчисленных его причинах и средствах от него избавиться» (указ. статья).

И без боязни поучает / В грехах погрязнувший народ... — Ср.: «Тот, в ком встречается познание истины и чувство справедливости, имеет счастие быть настоящим брамином. ⟨...⟩ Не гордитесь, не тщеславьтесь. Будьте кроткими. Страсти человеческие являются полчищами смерти. ⟨...⟩ Истребите в себе ненависть, гордость и лицемерие. Высказывайте терпимость к нетерпимым, кротость к несдержанным, нелюбостяжание по отношению к тем, кто привязан к мирским благам» и т. д.

Черновой набросок

Как заблудившее дитя, — / В толпе преступников суровых... ~ Шел мой знаком... — Возможно, первоначальный замысел поэмы (не имевший непосредственной связи с преданием о Серапионе Синдоните) восходил к газетному сообщению из раздела судебной хроники, ср. с текстом авторской выписки из «Русского Листка» (1890. № 17, 10 апреля. С. 2—3): «Борис Антокольский. 24 года. Родители имеют в Гостином дворе большую меховую торговлю. Взят из гимназии для заведывания торговыми делами. Оставил семью. Принял христианство. Без средств. Чернорабочим. Знакомство с купцом Кузнецовским. Занял 200 рублей. Купил 2 лошади, 2 саней — извоз. Женился. Дела плохо. Срок платежа. Падают лошади. Нищим опять. Просит Кузнецовского. Согласен одолжить 1—2 сотни, если на векселе бланк ⟨*так!*⟩ его крестиого, купца Королева. Тот отказал. Антокольский ⟨совершил⟩ подлог: сам пишет бл⟨анк⟩ Королева. Получает ничтожную сумму. Обман обнаруживается. Суд. (Русский Листок. 1890. № 17)» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 538).

Отклики на публикацию поэмы не выявлены.

627. Автограф: ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539 а, л. 74.

В алф. и хрон. карт. экспромт не зафиксирован.

Печ. по автографу.

628. Автограф: ед. хр. 10, л. 68 (с правкой).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 2: «Шаблонно и прилично тот», после ст. *было начато*: «Ребята в щегольских нарядах / Не милы, а противны мне» (зачеркнуто), ст. 6: «Во мне родят одну печаль», ст. 15: «И чтобы их босые ножки».

629*. Автограф: ед. хр. 9, л. 170—173 (беловой, правка чернилами и карандашом; ст. 96—119 перечеркнуты карандашом); ст. 1—26 датированы: *5 августа*, 27—83: *6 августа*, 84—107: *7 августа*, 108—111: *8 августа*, 112—119: *13 августа 1889*, 120—123: *2 августа 1891*. В алф. карт. приведены все датировки автографа, дата хрон. карт.: *2 августа 1891*, с отсылочной пометой: *см. 5 августа 1889*.

Печ. по автографу.

Мы слышали давно, что Средние века... ~ Условностью одет, и тесен стал, и бледен, / Что холоден и слаб стал ныне человек... — Вероятно, поэтическое развитие одного из мотивов религиозно-философского трактата «При свете совести», ср. «Прошлые века покажутся им не веками варварства, а счастливой молодостью, когда люди еще стремились и желали, между тем как они, все изведавшие и все понявшие, будут желать лишь одного — иметь желания» (*Минский Н. М.* При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни. СПб., 1890. С. 97—98).

Молох властительный... ~ Зачем ты, злобный бог, забытых городов / Прибрежья Тирского, былого Карфагена... — Молох (*ивр.* ךלומ; *лат.* Moloch — соб. «царь») — имя упоминаемого в Библии семитского божества, которому поклонялись евреи, аммонитяне, финикийцы и другие семитские племена Передней Азии. Практиковавшиеся в финикийских верованиях человеческие жертвоприношения совершались в честь Молоха (финикийцам он был известен под именем Мелькарта) через всесожжение, как верховному богу ему приносилось самое дорогое; самой приятной жертвой считались дети знатных фамилий; особенно часты были такие гекатомбы в случаях крайней опасности (напр., при осаде Карфагена Агафоклом). Города Тирского прибрежья — Карфаген, Сидон (ср.: *не пышный здесь Сидон*) — признавали гегемонию Тира и посылали ежегодную дань в его храм в честь Молоха (Мелькарта).

630*. Луч. 1892. № 3. 7 января. С. 1: **Сонет**, без подписи и деления на строфы — *АМ*. С. 56.

Автограф: ед. хр. 10, л. 69 (с правкой, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1100, ед. хр. 4, л. 1266 (соответствует основному тексту; два экз., один — *без даты*). Автограф, машинопись и хрон. карт. без заглавия. Алф. карт. под заглавием: **Сонет**.

Ап: «Подвиг деятельной любви вызывает брань и сплетни» (автограф).

Печ. по: *АМ*.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

631*. Автограф: ед. хр. 10, л. 69 об. (черновой), датировка: *2 июня* (зачеркнуто). В алф. и хрон. карт. текст не зафиксирован. Датировка ⟨*Около 2 августа 1891*⟩ установлена по местоположению автографа.

Печ. по верхнему слою автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

632*. *Пауэр*. С. 34.

Автограф: 1) ед. хр. 10, л. 76 (черновой, с послойной правкой чернилами и карандашом, текст приведен к основному), заглавие: **Сонет**; датировка: *4 авгу-*

ста 1891; первонач. вар. ст. 1: «Когда вокруг свершается кипенье»; 2) там же, л. 77 (беловой, правка карандашом, текст приведен к основному), без заглавия; *без даты*; первонач. вар. ст. 1: «Услышишь ты ползучее шипенье»; подпись: *Иван Шумаев* (зачеркнуто). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1437 (дата вписана карандашом), ед. хр. 5, л. 1787 (два экз., один — *без даты*). Первонач. вар. ст. 1 алф. карт.: «Услышишь ты коварное шипенье».

Ап: «Новое Слово. 22 июня 1896. ⟨Псевдоним⟩ *Иван Шумаев*» (алф. карт.).

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ: ф. 482, оп. 1, ед. хр. 80. Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа 1.

633*. *Пауэр*. С. 35, заглавие: **Сонет** (ранний вар. машинописи) — *НС*. С. 54.

Автограф, исходный текст: «Любитель радости — играющих детей...»: ед. хр. 10, л. 74 (черновой, с послойной правкой чернилами и карандашом; Δ), заглавие: **Сонет**. Машинопись: 1) «Любитель радости с улыбкой наблюдает...» (ранняя ред.): ед. хр. 1 (2), л. 689 (датировка вписана карандашом); 2) исходный текст: «Любитель радости с улыбкой наблюдает...»: ед. хр. 4, л. 1558 а (правка чернилами, текст приведен к вар. машинописи 2); 2) «Старик улыбчивый, ты медлишь на пороге...» (поздняя ред.): там же, л. 1558; без заглавия; *без даты*. В хрон. карт.: «Старик улыбчивый, ты медлишь на пороге...», с отсылкой на раннюю ред.: «Любитель радости — играющих детей...»; в алф. карт. редакции зафиксированы раздельно.

Машинопись (ранний вар., датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 81.

Ап: «Наблюдатель. 3 октября 1892. Новое Слово. 22 июня 1896. Иван Шумаев» (алф. карт. 1).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 3.

634*. Автограф: ед. хр. 10, л. 75 (карандашом, правка чернилами, ст. 20—24 дописаны чернилами, текст приведен к вар. машинописи 1), с делением на восьмистишия; строфы I—II датированы: *1890*, строфы III—IV: *4 августа 1891*. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 837—838 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 935, *без даты*; 2) там же, л. 935 а (исходный текст соответствует машинописи 1; правка чернилами), датировка: *4 августа 1891*.

Печ. по машинописи 2.

635*. *ЖО*. 1905. № 8. 20 февраля. С. 169, со строфическим сонетным делением: 4—4—3—3 — *ССС XIII*. С. 34.

Автограф: ед. хр. 10, л. 78 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), заглавие: **Сонет**, со строфическим делением: 4—4—3—3. Печ.: стр. из *ССС XIII*: ед. хр. 6, л. 2042. Вар. ст. 1 алф. карт.: «Я наслаждался негой счастья».

Ап: «Новости. 30 января 1892; Живописное Обозрение. 19 декабря 1904» (алф. карт.).

Печ. по: *ССС XIII*.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

636*. *НС*. С. 54.

Автограф: ед. хр. 10, л. 80—80 об. (правка чернилами и карандашом), заглавие: **Сонет**. Машинопись: ед. хр. 2, л. 128, ед. хр. 1 (2), л. 135. Хрон. карт. с отсылкой на промежуточную ред.: «Какая злая жизнь. Ни счастья, ни свободы...».

Ап: «Русская Мысль. 30 сентября 1904» (автограф); «Живописное Обозрение. 7 октября 1891; Новости. 30 января 1892; Русская Мысль. 30 сентября 1904» (карт.: «Какая злая жизнь...»).

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Влечется злая жизнь! Ни счастья, ни свободы!.. — Ср.: «Не говори о счастье, о свободе...» (А. А. Фет «Все, все мое, что есть и прежде было...», 17 июля 1887).

637. Автограф: ед. хр. 10, л. 81 (беловой).

Печ. по автографу.

638. *БП*. С. 82, дата: *Между 1882 и 1885*.

Машинопись: ед. хр. 6, л. 1960, *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *28 августа 1891*.

Печ. по машинописи.

Накрыл. — Живей! Не будь же копой!.. — Копа — копуша, вялый, мешкотный человек (*Даль 2*. С. 157).

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

639. *Ежегодник 1998—1999*. С. 234.

Автограф: ед. хр. 10, л. 82—82 об. (с правкой). На обороте начато (зачеркнуто карандашом):

Едва в душе моей смущенной отзвучали
Печальные стихи, сплетенные в сонет, —
В ней волны новые завистливой печали.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 7—8: «В душе его дрожат созвучия сонета, / И робкие стихи сплетаются толпой».

Ал-ру Влад. Дурново. — Александр Васильевич Дурново (ум. в 1915 г.) — инженер путей сообщения; занимал в Вытегре должность начальника Округа путей сообщения; осенью 1891 г. был переведен в Ковно (ныне — Каунас) на ту же должность. В годы службы в Вытегре Сологуб поддерживал с Дурново дружеские отношения; на его проводах прочел это ст-ние. 10 сентября 1891 г. он сообщал сестре: «Стихи всем понравились и очень польстили самого Дурново» (*Ежегодник 1998—1999*. С. 233). Сохранилось 7 писем Дурново к Сологубу за 1891—1897 гг. (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 247), в письме от 1 ноября 1896 г. содержится отклик на сборник «Тени» (СПб., 1896) и роман «Тяжелые сны» (СПб., 1896) — см. в публ. Т. В. Мисникевич «Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой» (*Ежегодник 1998—1999*. С. 233).

640. *Пауэр.* С. 36.

Автограф: ед. хр. 10, л. 83 (черновой, правка чернилами и карандашом, Δ). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 914, ед. хр. 3, л. 1924.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 83.

Ап: «Живописное Обозрение. 3 октября 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи.

641*. *ПЖ*. 1898. № 313. 1 ноября. С. 2601, без деления на строфы (девятое ст-ние цикла «Параллели») — *АМ*. С. 59 — *ССНЧ 5*. С. 432.

Автограф: ед. хр. 10, л. 84 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к нижнему слою машинописи), заглавие: **Сонет**. Машинопись: ед. хр. 2, л. 149 (правка карандашом, текст приведен к *АМ*; дата вписана карандашом); ед. хр. 1 (2), л. 169 (текст соответствует *АМ*).

Ап: «Север. 24 октября 1891; Новости. 8 декабря 1897» (алф. карт., зачеркнуто карандашом).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Промежуточн. вар. автографа, ст. 3, 7 — как в *ПЖ*, ст. 8: «От холода житейских вьюг».

Текст соотносится с недатированной авторской записью: «Альтруизм, как избыток. Эгоизм — потребность питания. Эгоистический возраст — пока рост и слабая старость. Альтруистический возраст — возмужалость» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 308).

Б. Печ. по: *АМ*.

Восторгом ярким скоротечно / Воспламенен ты, милый друг 〈...〉 Хвалить томленья Суеты. — Ср.: «В пылу восторгов скоротечных, / В бесплодном вихре суеты...» (А. С. Пушкин «Воспоминания в Царском Селе», 1829).

642. *Ст. I*. С. 74 — *ССШ IX*. С. 73 — *ССС IX*. С. 23 (с датой: *25 сентября 1890*).

Авторизованный источник, печ.: стр. из *Ст. I*: ед. хр. 1 (1), л. 183—184 (с восстановит. правкой ранних вариантов, чернилами), датировка: *25 сентября 1891* (вписана чернилами). Дата алф. и хрон. карт.: *25 сентября 1891*.

А. Печ. по тексту, восстановленному автором на полях стр. из *Ст. I*.

Б. Печ. по: *ССС IX*.

643. *Пауэр.* С. 36 (вар. машинописи 1).

Автограф: ед. хр. 10, л. 85 (правка чернилами и карандашом). Машинопись: 1) «Поэм веселых, звонких песен...» (исходный текст): ед. хр. 4, л. 1304 а (правка чернилами, текст приведен к машинописи 2); 2) «Поэм веселых, милых песен...»: там же, л. 1304, *без даты*.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 85.

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по машинописи 2.

644. *Пауэр.* С. 36.

Автограф: ед. хр. 10, л. 86 (беловой, с правкой), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 506 (со строфическим делением: 4—4—3—3),

ед. хр. 2, л. 556 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *1) 27 сентября 1891.*

Машинопись (первонач. вар. без строфического деления; датировка зачеркнута): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 86.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 2: «— Что же, мы ведь им поможем», ст. 5: «— Половину раскрадут».

— Знаешь: голод! Люди мрут!.. — В 1891 г. неурожай и последовавший за ним голод охватил 30 губерний России. См. также ст-ния, написанные на эту тему: «Стоит пора голодная...» (№ 659); «Полынь отчаянья на нивах вновь растя...» (№ 658).

645. Автограф: ед. хр. 10, л. 86 об.

Печ. по автографу.

646*. *Тени.* С. 154 — *ССШ I.* С. 129 — *ССС I.* С. 129.

Автограф: ед. хр. 10, л. 87—87 об. (беловой, с поздней правкой карандашом, текст приведен к основному). Печ.: стр. из *ССС I* (корректурный оттиск).

Печ. по: *ССС I.*

647*. *НС.* С. 55.

Автограф: ед. хр. 10, л. 88 (беловой, синхронная правка чернилами, поздняя — карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 455; 2) ед. хр. 2, л. 500 (правка чернилами, исходный текст соответствует машинописи 1). В алф. карт. ст. 1: «За грубость выражений...», *испр.*: «За мрак изображений...».

Печ. по машинописи 2. Первонач. вар. ст. 5 — *как в машинописи 1* и *как в автографе.*

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

648. Автограф: ед. хр. 10, л. 89 (беловой, возможен обрыв текста), датировка приписана карандашом. В хрон. карт. редакции зафиксированы на одной карточке: «Среди пустыни бездорожной...»; «Иссяк источник вдохновенья...»; в алф. карт. — на разных. Дата алф. и хрон. карт.: *4 октября 1891.*

Ап: «Неделя. 5 июня 1893; Живописное Обозрение. 13 октября 1898» (алф. карт.: «Среди пустыни бездорожной...»).

Печ. по автографу.

Ред. «Среди пустыни бездорожной...», *4 октября 1891* — неизвестна. Ср.: «Стою в пустыне бездорожной...», *4 апреля 1893.*

649. *Ежегодник 1990.* С. 115. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 2; *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *5 октября 1891.*

Печ. по машинописи.

Что в здоровом только теле / И здоровый дух найдешь. — Основная мысль незавершенной педагогической статьи Сологуба «О телесных наказаниях»; по его убеждению привычка к перенесению умеренных физических страданий в качестве наказання за проступки — необходимое условие формирования здорового тела и духа и неотъемлемая часть христинского воспитания, см. текст статьи: *Писатель-Инспектор.* С. 467—486.

650. *Ежегодник 1998—1999.* С. 238.

Машинопись: ед. хр. 4, л. 1295; *без даты.* Дата алф. и хрон. карт.: *17 октября 1891.*

Печ. по машинописи.

По содержанию соотносится с циклом «Из дневника».

Поставил я недавно Войку... — Вероятно, имеется в виду Владимир Войк, обучавшийся в Вытегорской учительской семинарии в годы службы Сологуба, сохранились два письма Войка к бывшему учителю (1894 г.) с просьбой помочь получить место дворника или сторожа (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 144). *По ученическим квартирам / Пришлось мне босиком ходить...* — Автобиографический мотив. 20 сентября 1891 г. Сологуб писал сестре в Петербург: «Из-за погоды у меня в понедельник вышла беда: в пятницу я ходил на ученическую квартиру недалеко, босиком, и слегка расцарапал ногу. В понедельник собрался идти к Сабурову, но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я не пойду. Маменька очень рассердилась и пребольно высекла меня розгами, после чего я уже не смел упрямиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности, и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал ей сечь его почаще» (*Ежегодник 1998—1999.* С. 237). В архиве Сологуба сохранились три письма к нему М. А. Сабурова за 1897—1898 гг.; из текста явствует, что Сабуров учился в Вытегорской семинарии в годы службы писателя в Вытегре (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 930). В романе «Мелкий бес» учитель Передонов ходит по квартирам и наказывает учеников розгами или побуждает родителей сечь детей в его присутствии («Передонов выбирал родителей, что попроще: придет, нажалуется на мальчика, того высекут,— и Передонов доволен. ⟨...⟩ Каждый день посещал он хоть одну ученическую квартиру. Там он вел себя по-начальнически: распекал, распоряжался, угрожал», — *Мелкий бес.* С. 113). *Да кстати и на Балашова...* — Возможно, Федор Балашов упоминается в списке знакомых Сологуба по Вытегре (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 83, л. 4). *Ахутин Никифор Иванович* (род. в 1857 г.) — учитель русского языка Вытегорской учительской семинарии, закончил Учительский институт. Был дружен с Сологубом, вплоть до 1914 г. они переписывались (сохранились 10 писем Н. И. Ахутина к Сологубу: ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 41), с 1908 г. Ахутин жил в Петербурге и изредка бывал у Сологуба. Приводим недатированную запись Сологуба о нем: «Привычки: торжественно ковырять нос, тыкать пальцем в собеседника, почесывать в затылке, делая гримасу, произносить: „хе-хе-хе“ раньше своего смешного рассказа. Человек, желающий взять все проценты с своих хороших качеств и всем своим говорящий о том, что он очень хорош. Голова вверх — вид деревянного человека. Самоуверенность непоколебимая. Привычка косить глазами в подражание К⟨арлу⟩ К⟨арловичу⟩ С⟨ент⟩-И⟨леру⟩, особенно когда снимает очки. Некоторые привычки порядочности: не надоедает расспросами, но не всегда, однако. Хитер, из породы „себе на уме“, но недалек» (*Ежегодник 1998—1999.* С. 234).

651—652. Автограф: 1) «Бесполезно рассуждать...» (строфы I—VI): ед. хр. 10, л. 93—93 об. (беловой); без заглавия, *без даты*; 2) **Кто в ответе?** («Бесполезно рассуждать...»), **На совете** («И приятно, и полезно...»): там же, л. 91—92 (беловой); датировка — после строфы VI (чернилами) и над текстом сверху (карандашом): *18 октября 1891.* Дата алф. и хрон. карт.: *1—2) 18 октября 1891.* Алф. карт. под заглавием: 1) **Кто в ответе?** 2) **На совете**.

Печ. по автографу 2. Первонач. вар. ст. 29: «Вы молчали, господа».

Ваше дело — подписать, / Вы не будете в ответе. — Отклик на реальные события: речь идет о давлении директора Вытегорской учительской семинарии Маккавеева на членов учительского совета с целью вынудить их подписать сметы строительных работ, которые якобы проводились в училище. Сологуб отказался их подписывать, чем навлек на себя гнев директора; 16 июля 1892 г. он писал Латышеву о мотивах конфликта с Маккавеевым: «Я с негодованием отношусь к тем некрасивым слухам, которые ходили в городе по поводу этих работ: мало ли что могут наклеветать на человека. Но все же освидет⟨ельствование⟩ работ должно было быть произведено своевременно, а еще лучше бы, если бы дир⟨ектор⟩ производил их, пользуясь содействием и советами тех из нас, кто лучше его знаком с местными ценами. Но я бы не заявил своего протеста: акт обошелся бы и без моей подписи, остальных 8 членов Совета вполне достаточно, они составляли законное большинство; но дир⟨ектор⟩ настойчиво требовал моей подписи, хотя бы и с оговоркой об особом мнении...» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 2, ед. хр. 30, л. 47). См. № 603.

653. Автограф: ед. хр. 10, л. 94 (беловой, с правкой, текст «Истины 5» и «Истины 6» зачеркнут). В алф. карт. под заглавием: **Истины 1, 2, 3 и 4**.

Печ. по автографу.

После «Истины 4» вымарано:

Истина 5
Что считали прошлый раз,
То сегодия прочь.

Истина 6
  А всего
Сквозник.
А всего — Сквозник.

А всего Сквозник. — Сквозник-Дмухановский Антон Антонович — персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1851), городничий, взяточник и стяжатель, олицетворяет собой тип городничего провинциального русского города. Вероятно, имеется в виду М. Е. Маккавеев, см. примеч. № 652.

654. Автограф: ед. хр. 10, л. 97 (рукой неустановленного лица), дата под текстом вписана рукой Сологуба (карандашом). Текст зафиксирован в алф. и хрон. карт.

Печ. по автографу.

655. Автограф: ед. хр. 10, л. 97 об.

В алф. карт. под заглавием: **Россия**. Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Была мечта, надежды были».

Печ. по автографу.

656*. *Пауэр*. С. 22, датировка: *4 января 1890*.

Автограф: ед. хр. 10, л. 102—104 (черновой, правка чернилами, позднейшая — карандашом, Δ, текст приведен к основному), без деления на строфы, первоначальное заглавие: **Месть барона** — зачеркнуто, *испр*.: **Ботфорты пажа Адельстана**; ст. 1—44 датированы: *4 января 1890*, ст. 45—128: *30 октября 1891*; над текстом карандашом: *4 октября 1890*. Машинопись (**Ботфорты пажа Адельстана**): ед. хр. 1 (2), л. 1170—1174; ед. хр. 4, л. 1362 (два экз., с пунктуационными разночтениями). В алф. карт. под заглавием: **Ботфорты пажа Адельстана**. Дата хрон. карт.: *30 октября 1891 (см. 4 января 1890)*; алф. карт.: *4 января 1890, 30 октября 1891*.

Машинопись с правкой, датировка: *4 января 1890* (зачеркнута): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 53.

Ап: «Шут. 16 октября 1904» (автограф, алф. карт.).

Печ. по машинописи.

ДРиВ: Ранняя редакция печ. по нижнему слою автографа.

Сюжет баллады Сологуб использовал в новелле «Милый Паж» (1902; впервые: Весы. 1906. № 8. С. 17—29; *ССС XI*. С. 127—142; *СС 3*. С. 461—471).

657*. Автограф: ед. хр. 8, л. 114—119 (черновой, записан чернилами и карандашом — ст. 75—84), даты: ст. 1—8: *3 июля 1886* (вписано карандашом на полях), после ст. 49: *3 июля 1886* (чернилами), после ст. 76: *то же*, после ст. 117: *3 июня 1889* (вписано карандашом), после ст. 121: *12 августа 1889*, под текстом: *30 октября 1891*. В хрон. карт. на 1886 г. текст зафиксирован с датировками: *3 июля 1886, 12 августа 1889, 30 октября 1891, ст. 1—129: 30 октября 1891*; в хрон. карт. на 1889 г. с отсылкой на раннюю датировку: *12 августа 1889 (см. 3 июля 1886)*; в хрон. карт. на 1891 год текст не зафиксирован. Даты алф. карт.: *3 июля 1886, 3 июня, 12 августа 1889, 30 октября 1891, ст. 1—129: 30 октября 1891*.

Печ. по автографу.

После ст. 38 план: «Ушла тайно. Буря. Его именье. Нет его. Прочь. — Куда? Теперь все равно. Вернули к отцу. Наказание» (л. 115 об.; текст зачеркнут). После ст. 58 план: «Бегство из дому. Попала в грозу. Заболела. Добрые люди приютили. Пролежала 2 месяца. Ушла тихо. В столицу. Встретила его на позорной колеснице. Ее отчаяние. — Смерть» (л. 116 об.).

Незавершенное произведение.

658*. Утро России. 1916. № 17. 17 января. С. 5 — *АМ*. С. 60.

Автограф: ед. хр. 10, л. 98 (беловой, с правкой), датировка: *12—12 ноября 1891*. Машинопись: 1) «Полынь отчаянья на нивах возрастя...»: ед. хр. 1 (2), л. 1103 (дата вписана карандашом); 2) «Полынь отчаянья на нивах возрастя...» (исходный текст): ед. хр. 4, л. 1269 а (правка карандашом, текст приведен к

основному), *без даты*; 2) «Полынь отчаянья на нивах вновь растя...»: там же, л. 1269 (соответствует основному тексту), датировка: *12—12 ноября 1891.* Дата алф. и хрон. карт.: *12—13 ноября 1891.*

Печ. по: *AM*.

См. примеч. № 644.

659. *БП*. С. 103.

Автограф: ед. хр. 10, л. 100 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1320 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1567 (два экз., один — *без даты*).

Печ. по машинописи.

См. № 644 и 658.

660. Автограф: ед. хр. 10, л. 99 (беловой, соответствует тексту машинописи). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1302 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1543.

Печ. по машинописи.

661. *БП*. С. 98 (вар. автографа), дата: *12 декабря 1889.*

Автограф: ед. хр. 10, л. 101 (беловой, с правкой; текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 587, ед. хр. 2, л. 651, *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *12 декабря 1891.* Вар. ст. 1 хрон. карт.: «Как много снега намело!».

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 1: «Ну, уж и снегу намело!», ст. 3—4: «Зато от снега хоть светло, / А осенью здесь словно в яме», ст. 5: «Темно, тоскливо, хоть завыть».

...хоть завыть, — / Недаром Вытегрой зовется. — Каламбур: *завыть* — *Вытегрой*.

662. *Пауэр*. С. 37.

Автограф: ед. хр. 38, л. 269—269 об. (беловой, датировка вписана карандашом после ст. 34, ст. 35—38 дописаны позднее). Машинопись: ед. хр. 2, л. 219, ед. хр. 1 (2), л. 130, *без даты*. Вар. маш.: без ст. 27—30. Дата алф. и хрон. карт.: *5 января 1892.*

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 90.

Печ. по автографу.

И теперь, когда дресвою / Заменяется мука... — В конце 1891 г. купец Фриц Пухерт поставил в Петербург большую партию недоброкачественной муки, содержавшей примеси песка, за что был заключен под следствие. Злоупотребления торговцев хлебом широко обсуждались в прессе (см., например, статью без подписи: Хлебоворы // Новое Время. 1892. № 5694. 5 января. С. 2).

См. также: № 644, 658, 659.

663. Автограф: ед. 38, л. 268 (беловой с правкой), ст. 1—14 датированы: *5 января 1892*, ст. 15—19: *26 января 1892* (год вписан карандашом).

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 1: «Не в дремучем лесу, за колючей стеной», ст. 3: «Не в кругу, заколдованном ведьмою злой», ст. 14: «И гремя, и блестя, прихотливо, ползет».

Как царевна заклятая спит... ~ Совершается старая сказка у нас... — Вероятно, имеется в виду «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина (1833) или «Белоснежка и семь гномов» Я. и В. Гриммов на сю-

жет популярный в фольклоре европейских народов (в России известен под названием «Волшебное зеркальце»).

664. Автограф: ед. хр. 38, л. 271—271 об. (беловой), подпись: *Тетерников* (зачеркнуто).

Печ. по автографу.

К нам пришли сегодня гости дорогие... — Автобиографический мотив. В «Тетради посещений», в которой Сологуб вел заметки о посещении его разными лицами и своих визитах (сохранились записи за 1889—1906/07 гг.), отмечено, что в этот день вечером (начало масляной недели) у него в гостях была семья Заякиных (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 81, л. 6). С Заякиными Тетерниковы приятельствовали во время пребывания в Вытегре. Михаил Павлович Заякин преподавал в городском училище; его сестра Анна Павловна Заякина — в женской прогимназии (русский и французский языки). В письмах Сологуба к сестре упоминаются также Марья Матвеевна — жена М. П. Заякина и Прасковья Матвеевна (видимо, сестра жены) (*Ежегодник 1998—1999.* С. 224—271). *Праздник, хоть нескромный, полон оживленья...* — В письме сестре от 21 февраля (4 марта) 1891 г. Сологуб рассказывал: «Уроки на маслянице кончились у нас в четверг, и я в этот день совершенно нечаянно попал на блины к Заякиным. В пятницу мы с маменькой были на блинах у Марьи Матвеевны. В этот же день был у нас в семинарии литературный вечер. Было много гостей, были и старшие ученицы прогимназии, но их держали под строжайшим надзором и не подпускали к нашим воспитанникам 〈...〉. Угощение чаем, вареньем и булками для семинаристов и гостей было устроено в складчину: учителя сложились по рублю, а семинаристы по гривеннику. Впрочем, из всего этого угощенья семинаристам отчислилось мало: все пошло гостям и в особенности гостьям. Пели и читали много прошлогоднего; пели и неизбежных дев любви; вечер продолжался до 11 часов; семинаристы надеялись, что будут танцы, но за поздним временем не состоялось» (Там же. С. 257).

665. Автограф: ед. хр. 38, л. 272 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1120 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1290.

Печ. по машинописи.

Последние листы с деревьев отряхая... — Ср.: «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает / Последние листы с нагих своих ветвей» (А. С. Пушкин «Осень (Отрывок)», 1933).

666. Русский Паломник. 1892. № 15. 11 апреля. С. 236, без деления на строфы, подпись: *Федор Тетерников* (вар.) — *КД*. С. 43.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1110, без заглавия, датировка вписана карандашом; ед. хр. 4, л. 1280 (два экз., один — *без даты*), без заглавия. Алф. и хрон. карт. без заглавия.

Ап: «Послано Абрамову. 12 февраля 1920» (алф. карт.).

Печ. по: *КД*.

Нельзя мне сбиться с Ним с дороги. / То Иисус — Владыка света. — Вероятно, тема ст-ния навеяна наступлением Великого Поста, первая неделя которого в 1892 г. началась 23 февраля.

667*. Восход. 1895. № 9. С. 183, подзаголовок «Легенда» — *Ст. I*. С. 61, подзаголовок «Легенда» — *ССС XIII*. С. 217.

Автограф (беловой, сохранился не полностью — ст. 1—12): ед. хр. 38, л. 101 об., без деления на двустишия, под заглавием: **Жена Пентефрия**. Машинопись: ед. хр. 2, л. 497 (соответствует основному тексту), *без даты*. Печ.: 1) стр. из *Ст. I* (с восстановит. правкой ранних вариантов): там же; 2) стр. из *Ст. I* (правка чернилами, текст приведен к основному): там же, датировка вписана чернилами: *15 марта 1892*. Дата алф. и хрон. карт.: *15 марта 1892*.

Печ. по: *ССС XIII*.

ДРиВ: Порядок восстановит. правки не согласуется с инерцией подачи вариантов, которая достаточно регулярно прослеживается у Сологуба в подобных примерах: от предыдущего варианта к более раннему; здесь — смешанный вар., не дающий однозначного прочтения текста по восстановительной правке; предлагаем возможный вариант прочтения; ранний слой соответствует тексту автографа (ст. 1—12).

Ст-ние написано на библейский сюжет об искушении Иосифа женой начальника стражи Потифара (Быт. 39: 1—18).

Ср. другую разработку темы: № 510.

Второй текст, датируемый этим днем: «Есть в униженьи упоенье...» — неизвестен.

668. *НС*. С. 55.

Автограф: ед. хр. 38, л. 274—274 об. (беловой, карандашом, правка чернилами, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 195, *без даты*; ед. хр. 2, л. 244 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *19 марта 1892*.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 3—4: «И случайно наступила / Необутою ногой», ст. 9: «Смотрит девушка босая», ст. 19: «Он ей: „Сам, мол, оживу я“».

669. Ежемесячные литературные приложение к *ЖО*. 1899. № 1. С. 98 — *АМ*. С. 65.

Автограф: ед. хр. 38, л. 273—273 об. (карандашом, с правкой, текст приведен к вар. машинописи). Машинопись: ед. хр. 3, л. 1032, *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *19 марта, 1892*.

Ап: «Послано Гржебину. 19 марта 1919» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа. Поздний вар. ст. 15: «И храм прекраснее построит».

Б. Печ. по: *АМ*.

Вар. машинописи, ст. 2: «В ее русло нести каменья», ст. 4: «Смертельный грех».

670. *СВ*. 1893. № 6. С. 148, заглавие: **На закате** — Русская лира. Кн. 3. СПб., 1895. С. 68, *без заглавия* — *Ст. I*. С. 57, заглавие: **На закате** — *ССШ IX*. С. 72 — *ССС IX*. С. 27.

Авторизованный источник, печ.: стр. из *Ст. I*, ед. хр. 1 (1), л. 213 (с восстановит. правкой ранних вариантов чернилами), под текстом вписаны датировка и

топографическая помета: *20 марта 1892. Семинария, общежитие.* Дата хрон. карт.: *20 марта 1892.*

Печ. по: *ССС IX.*

Вар. восстановит. правки на стр. из *Ст. I*, ст. 3: «Мысли, промелькнувшие смутно, без возврата», ст. 9: *а — как в СВ, б* «Воздух жгучим холодом словно цепью скован». Вар. *СВ*, ст. 5: «Снегом занесенные, улицы немые», ст. 9: «Воздух жгучим холодом весь повит и скован». Вар. «Русской лиры. Кн. 3», ст. 3: «Мысли, проходившие смутно, без возврата», ст. 5, 9: *как в СВ.*

Снегом занесенные, улицы пустые... — Ср.: «Погода у нас теперь совершенно зимняя; навалило много снегу, часто бывают сильные ветры, и даже стоят большие морозы. В Благовещенье шел сильный снег, и была метель» (письмо О. К. Тетерниковой от 28 марта 1892 г. — *Ежегодник 1898—1899*).

671. *Тени.* С. 170 — *ССС XIII.* С. 35 — *Изборник.*

Автограф: ед. хр. 38, л. 275—275 об. (правка карандашом, текст приведен к *ССС XIII*), дата вписана карандашом. Машинопись: ед. хр. 2, л. 272 (текст соответствует *ССС XIII*), *без даты.* Датировка автографа, алф. и хрон. карт.: *6 апреля 1892.*

Ап: «Послано Сабашникову. 1918» (алф. карт.). *Михаил Васильевич Сабашников* (1871—1943) — владелец издательства М. и С. Сабашниковых (Москва), в котором в 1918 г. планировался выход «Изборника» Сологуба (книга не вышла).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Промежуточн. вар. автографа, ст. 4: «Тоску смиряющей мечты», ст. 5: «В разгаре грусти безнадежной», ст. 23: «Ценой страданий и скорбей».

Б. Печ. по: *ССС XIII.*

В томленьях жизни несчастливой... В минуты грусти безнадежной... Ловить минутные черты... — Заимствование пушкинского поэтического языка и ритмики, ср. «К К...» («Я помню чудное мгновенье...»), 1825. *Как перед взорами Киприды / Плененный ею лютый лев.* — Киприда — богиня чувственной любви Афродита (*греч. миф.*), появившаяся из морской пены на берегу острова Кипр и получившая прозвище Киприда; обладала способностью укрощать диких зверей, вселяя в них любовное желание. Возможно, ст-ние навеяно сюжетом панно К. Е. Маковского «Поэзия», репродукция картины была напечатана в «Ниве» (1889. № 16. 15 апр. С. 408), ср. пояснение к иллюстрации: «Молодая красивая девушка сидит, вся отдавшись мечтам, посреди роскошной растительности, и как будто хочет уловить ту песню, которую напевает ей один из окружающих амуров» (Там же. С. 423).

672. Автограф: ед. хр. 38, л. 276 (беловой), строфа I датирована: *29 апреля*, строфа II: *7 мая 1892.* В хрон. карт. текст зафиксирован на 4-х карточках: 1) «Не следуй чуждому примеру...», *29 апреля, 7 мая 1892*; 2) «Не следуй чуждому примеру...», *7 мая 1892 (см. 29 апреля 1892)*; 3) **Сатана**, *29 апреля 1892 (см. 25 июня 1889)*; 4) **Сатана**, *7 мая 1892 (см. 25 июня 1889).*

Печ. по автографу.

Фрагмент незавершенной поэмы «Сатана», см. примеч. № 453.

Следующее ст-ние — «Полно плакать, — вытри слезы...», *11 июня 1892, 11 сентября 1895* (в алф. и хрон. карт. с двумя датами), опубл.: *ССС XIII*. С. 36 (с ранней датировкой) см.: II.

673. Автограф: ед. хр. 38, л. 277 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1088 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1253 (два экз., один — *без даты*).

Ап: «Фонетическая грамматика. Каждое поколение вносит в жизнь свой язык. То же — каждое лицо. Индивидуальный язык» (на обороте автографа).

Печ. по машинописи.

674*. *КД*. С. 25 — *ССНЧ 6*. С. 412.

Автограф: ед. хр. 8, л. 22 (черновой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к вар. машинописи, Δ), без заглавия, датировки: *9 ноября 1883* (под текстом, карандашом), чернилами *испр.*: *9 декабря 1883*; сверху над текстом: *9 декабря 1883* (карандашом), строфа I датирована: *19 июня 1892*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 276—277, ед. хр. 2, л. 297, оба экз. — без заглавия, датировка: *9 декабря 1883*. В алф. и хрон. карт. без заглавия. Дата алф. и хрон. карт.: *9 декабря 1883*.

Ап: «22 г⟨ода⟩. Х ⟨месяцев⟩. 25 ч⟨асов⟩»; «До 5 апреля 1890» (автограф); «Творчество. Абрамов. 12 февраля 1920» (алф. карт.).

А. Печ. по машинописи.

Б. Печ. по: *КД*, с исправлением опечатки в ст. 8 по тексту машинописи и автографа.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою раннего вар. автографа.

Весь в пыли дорожной... ~ И дрожит дорога, / Ах, хоть бы уснула / Ты, моя тревога. — Отголосок ст-ния М. Ю. Лермонтова «Из Гете» («Горные вершины...»), 1840, ср.: «Не пылит дорога, не дрожат кусты, / Подожди немного, отдохнешь и ты».

675. *БП*. С. 567 (поздний вар. автографа, без ст. 21—24) — *ССНЧ 8 (1)*. С. 367.

Автограф: ед. хр. 8, л. 132—132 об. (беловой, поздняя правка карандашом); ст. 1—20 датированы: *25—26 февраля 1887*, ст. 21—24: *19 июня 1892*. Дата хрон. карт.: *19 июня 1892 (см. 25—26 февраля 1887)*.

Печ. по нижнему слою автографа. Поздние вар. автографа, ст. 1: «Злом и тоской утомленный», ст. 3: «Может быть, Богом внушенный», ст. 13: *а* «Солнце зашло — молчаливо», *б* «Солнце зашло — торопливо», ст. 15: «Тени свила молчаливо».

Мертвый лежал я в пустыне... — Ср.: «Как труп в пустыне я лежал» (А. С. Пушкин «Пророк», 1826).

Ср.: **Сон похорон** («Злом и тоской истомленный...»), *19 февраля 1907*.

676. *НС*. С. 56.

Автограф: ед. хр. 38, л. 279 (беловой, карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1182, ед. хр. 4, л. 1369; дата вписана карандашом. Дата алф. и хрон. карт.: *26 июня 1892*.

Печ. по машинописи.

677. Автограф: ед. хр. 9, л. 156—156 об. (беловой, с правкой), ст. 1—12 датированы: *15 июля 1889*, ст. 13—24: *30 июня 1892*; над текстом сверху вписано карандашом: *15 июля 1889*. Дата хрон. карт.: *30 июня 1892 (см. 15 июля 1889)*; алф. карт.: *15 июля 1889, 30 июня 1892*.

Печ. по автографу.

Первоначальный вар. ст. 9: «Щеки бледны, впалы очи».

Одновременно Сологуб разрабатывал этот сюжет в прозе, см. план сказки, датированный 14 июля 1889 г.: «Мальчик-гимназист заснул над греческой книгой. Является полуголый мальчик-спартанец и смеется над ним. Наш мальчик спорит с ним и просыпается в странном восторге» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 537) и сказку «Сон гимназиста», с датировкой: 3 декабря 1889 (опубл.: *Сологуб Федор*. Неизданные сказки и «сказочки» / Публ. М. Павловой // Sankirtos. Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture. In Honor of Tomas Venclova. Ed. by Robert Bird, Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Vol. 3. Peter Lang. 2007. С. 283—285).

678. Автограф: ед. хр. 38, л. 280 (беловой). Машинопись: ед. хр. 4, л. 1390, *без даты*. Дата автографа, алф. и хрон. карт.: *4 июля 1892*.

Печ. по машинописи.

679*. *ЧЧ*. С. 40.

Автограф: ед. хр. 38, л. 281—282 об. (беловой, с правкой), без деления на строфы. Машинопись: 1) ед. хр. 1 (2), л. 254—258; ед. хр. 2, л. 277; 2) там же, л. 277 а (исходный текст соответствует машинописи 1; правка карандашом, текст приведен к *ЧЧ*, за искл. ст. 36: «И арфу дыханьем будить»). В хрон. карт. зафиксирована ранняя ред. текста: «В угрюмой и дикой пещере...», в алф. карт. — поздняя, ст. 1 *испр.*: «В угрюмой, далекой пещере...».

А. Печ. по машинописи 1.

Вар. ст. 88 автографа: «Свободы и счастия ждут».

Б. Печ. по: *ЧЧ*.

Ап: «Эпоха. 10 февраля 1922» (алф. карт.).

Ср.: «Мне сегодня снилось: в дикую пещеру...»; «Странный сон мне снился: я кремнистой кручей...» (оба: *13 февраля 1891*).

680. Автограф: ед. хр. 38, л. 283 (беловой, с правкой). Текст зафиксирован в алф. и хрон. карт.

Печ. по автографу. Первонач. вар. ст. 2: «Томилась русская земля».

681. Восход. 1893. № 1. С. 111 (первое ст-ние цикла: **Из притч Соломона**), без деления на строфы, подпись: *Федор Тетерников* — *Ст. I*. С. 65 (первое ст-ние цикла, заглавие: **Из притч Соломоновых**).

Авторизованный источник, печ.: стр. из *Ст. I*: ед. хр. 1 (1), л. 42. В хрон. карт. под заглавием: **Соломон**, в алф. карт. запись не найдена. В авторской карт. переводов (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 544) имеется запись о ст-нии **Соломона Притчей X, 25** («Вихорь грозно налетает...»), *5 апреля 1895*. Вероятно, Сологуб относил свои ст-ния циклов «Из притч Соломона» и «Из премудростей Соломона» к переводам с древнееврейского или арамейского языков; этих языков он не изучал.

Печ. по: *Ст. I.*

Вар. первой публ., ст. 2: «Здесь сошлися дети зла», ст. 18: «Смерть светильник потушит».

Переложение библейского текста (Притч. 2: 10—22).

См. второе ст-ние цикла: «Два ножа неутомимо...», *14 января 1895.*

682. *ОЛ.* С. 28.

Автограф: ед. хр. 38, л. 284 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1049 (дата вписана карандашом), ед. хр. 4, л. 1211.

Ап: «Mios. 4 мая 1921» (алф. карт.).

Печ. по: *ОЛ.*

Вар. ст. 6 автографа и машинописи: «В свете переменном зыбкая мечта».

683. *Ежегодник 1990.* С. 136, без заглавия. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 41—43.

Печ. по машинописи.

Слова особые мы ищем... — Автобиографический мотив: в семье Тетерниковых сложился свой домашний интимный «язык», с «игрой слов и блеском остроумия» (*Черносвитова.* С. 232); Сологуб увлекался словотворчеством, сочинял и собирал каламбуры, которые впоследствии использовал в своих произведениях, см. об этом: *Писатель-Инспектор.* С. 208—209. Специальный интерес он проявлял к «брутальной» лексике, в картотеке рабочих материалов зафиксированы слова, устойчивые словосочетания и синонимические ряды, связанные с темой телесных наказаний или оскорблений, использованные затем в стихах и прозе, в частности в романе «Мелкий бес». Характерные примеры записей: «**Наказание розгами**. Сечение. Дранье, дёрка, дёра. Порка, поронье. Стеганье, стёжка. Хлестанье. Березовая каша, лапша. Припарка. Жарёха. Дать жареху — *Ряз.*, *Кад.*, *Выт.* Наука; **Высечь**. Наказать телесно, на теле. Задницу в кровь. Пропутешествовать в Нидерланды. Поговорить с няней Розалией. Починить задницу. Проучить, прошколить розгами. Заднего ума прибавить. Посмотреть под рубашку. Блох попугать; **Высечь розгами**. Сечь, высечь, посечь, засечь. Драть, выдрать, отодрать, задрать. Пороть, выпороть, отпороть, запороть. Стегать, выстегать, отстегать, постегать. Хлестать. Отхлестать. Дать розог, жареху. Задать дёрку, дёру, порку. Задницу высечь, выдрать, выпороть, выстегать. Разжелудить. Прошколить розгами, заднего ума прибавить, посмотреть под рубашку, блох попугать. Спрыснуть. Угостить, накормить, попотчевать березовой кашей, лапшей. Дать розгачей, розочек. Дать горячих, горяченьких. Всыпать столько-то горячих. Дать лозанов. Задницу разрумянить, разрисовать, расписать. Наказать розгами (ою), лозою, лозами. Взъерепенить. Поддать жару. Отжарить, жарить. Лупить, лупсовать и т. п.; **Бить** — хлестать, колошматить, таскать, заушить, отзвонить, поучить, наказать, колотить, шлепать, сечь, стегать, пороть, драть, хлопотать, влепить, всыпать, дать, задать (пороху, звону), шпандорить; **Бранить** — мыть, намыть голову, намылить голову, жабить, глодать, накричать, шпынять, ругать, собачить, пилить, грызть, есть, поедом есть, дать головомойку, нагоняй, драть ерепа, лаять, облаять, задать гону, погонять» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 537, конв. 86, л. 1—7).

Ср.: № 122.

684*. Восход. 1893. № 8. С. 139, заглавие: **Из премудрости Соломона**, без деления на строфы.

Автограф: 1) ед. хр. 38, л. 285—285 об. (с правкой; текст приведен к основному, за исключением ст. 32: «Пред нами вдаль не пронеслась»), заглавие: **Премудрости Соломона, гл. 2, ст. 1—8**, без деления на строфы; 2) там же, л. 286—286 об. (беловой, текст соответствует основному), заглавие: **Премудрости Соломона, гл. 2, ст. 1—8**, с делением на строфы: 20—16, *без даты*. Дата автографа и хрон. карт.: *23 июля 1892*. В алф. карт. оригинальных произведений карточка отсутствует. В хрон. карт.: **Премудрости Соломона. Гл. 2, ст. 1—8**.

Печ. по первой публикации.

Переложение библейского текста (Прем. 2: 1—8). См. примеч. № 681.

685*. Восход. 1895. № 3. С. 160, заглавие: **Из притчей Соломоновых** — *Пауэр*. С. 41.

Автограф: ед. хр. 38, л. 288 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), заглавие: **Притчей Соломоновых Гл. 25, ст. 11**, без деления на строфы. В хрон. карт. под заглавием: **Притчей Соломоновых Гл. 25, ст. 11**. В алф. карт. оригинальных произведений карточка отсутствует.

Печ. по первой публикации.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

Переложение библейского текста (Притч. 25: 11—14), см. примеч. № 681.

686. Восход. 1893. № 1. С. 112, заглавие: **Из притч Соломона**, подпись: *Федор Тетерников*, без деления на строфы — *Пауэр*. С. 41.

Автограф: ед. хр. 38, л. 289 (беловой), без деления на строфы. В хрон. карт. под заглавием: **Соломона, Притчей, Гл. 25, ст. 20**. В алф. карт. оригинальных произведений карточка отсутствует.

Печ. по первой публикации.

Переложение библейского текста (Притч. 25: 20—21); См. примеч. № 681.

687*. Восход. 1894. № 1. С. 149, заглавие: **Из притчей Соломоновых** — *Пауэр*. С. 41.

Автограф: ед. хр. 38, л. 290 (беловой, с правкой), заглавие: **Притчей Соломоновых, гл. 26, ст. 9**; без деления на строфы. В хрон. карт. под заглавием: **Соломон (Притчи, XXVI, 9)**. В алф. карт. оригинальных произведений карточка отсутствует.

Печ. по первой публикации.

Переложение библейского текста (Притч. 26: 9—12); см. примеч. № 681.

688*. *Пауэр*. С. 39.

Автограф («Сошлись под вечер в нашем клубе...»): ед. хр. 38, л. 287—287 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), без деления на строфы; ст. 1—8 датированы: *13 июля*, 9—36: *24 июля 1892*. Машинопись («Однажды в клубе, N, не старый...»): ед. хр. 1 (2), л. 953—954, ед. хр. 3, л. 1097, датировка: *24 июля 1892*. В алф. карт. текст зафиксирован по первой строке ранней ред.: «Сошлись однажды в нашем клубе...», в хрон. карт.

две карточки: 1) «Сошлись под вечер в нашем клубе...», 2) «Однажды в клубе, N, не старый...», с отсылкой на раннюю ред.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 94.

Ап: «Осколки. 26 августа 1892» (алф. карт.).

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 1 по автографу.

...я советник статский... Я даже в ранге бригадира... — Согласно Табели о рангах Российской империи, статский советник — гражданский чин 5-го ранга, бригадир — военный чин 5-го ранга; к лицам этого чина было принято обращение «Ваше Высокородие». Ст. 25—32 — неточная цитата из ст-ния «Когда служил я в славном Пскове...» (№ 603, II).

689*. *Пауэр*. С. 40 (с опечаткой в ст. 7) — *НС*. С. 56.

Автограф: ед. хр. 38, л. 278 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), заглавие: **У Онежского озера** (зачеркнуто), без деления на строфы; ст. 1—28 датированы: *25 июня 1892*, ст. 29—32: *24 июля 1892*; над текстом: *25 июня 1892* (карандашом). Машинопись: 1) ед. хр. 2, л. 398, *без даты*; 2) там же, датировка: *24 июля 1892* (вписана карандашом), подпись: *Федор Сологуб* (чернилами); ед. хр. 1 (2), л. 367—369. Дата хрон. карт. (на одной карточке): «Угрюмая, дикая щель..., *[до 19 августа 1892]*; «Долина, что тесная щель...», *25 июня, 24 июля 1892*. Дата алф. карт. (две карточки): 1) «Угрюмая, дикая щель...», 19 августа 1892; 2) «Долина, что тесная щель...», 25 *июня 1892, 24 июля 1892.*

Машинопись: РГАЛИ, ф. 482, оп. 1, ед. хр. 95.

Ап: «М⟨ир⟩ Б⟨ожий⟩» (автограф, карандашом); «Мир Божий, 24 июля 1892» (алф. карт.).

Печ. по машинописи.

...Суров наш Олонецкий край... — Олонецкая область — административная единица Российской империи с центром в Петрозаводске, включала в себя несколько уездов, в том числе Вытегорский — с уездным городом Вытегра.

690. *Ежегодник 1990*. С. 144. «Из дневника».

Машинопись: ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 153, л. 56, *без даты*. Дата алф. карт. (вар. ст. 1: «Скука бледной жизни мне уж надоела...»): *23 июля 1892*; хрон. карт.: 1) как в алф.; 2) (вар. ст. 1: «Скука бледной жизни снова надоела...»): *31 июля (см. 8 июля 1892)*.

Печ. по машинописи.

Скука тусклой жизни мне уж надоела... ~ Чтобы жизнь сложилась на широкий лад... — Автобиографический мотив. Летом 1892 г. в ожидании перевода из Вытегры на другое место службы (в связи с закрытием семинарии и перемещением в Дерптский округ) Сологуб писал В. А. Латышеву о своих тревогах и настроениях («Грустно думать, что в 30 лет можешь остаться в разряде лишних людей» и т. п.); он просил у него содействия в переводе в Петербургский учебный округ, где мечтал заняться литературным трудом («...с талантом в глуши не напишешь ничего полезного. ⟨...⟩ я знаю, что если есть хоть крохотное дарование, то его нужно развивать, иначе оно может атрофироваться, как всякая неупражняемая способность. ⟨...⟩ Я знаю, что писатели, художники развивают свои

таланты под влиянием очень большого числа действовавших на них впечатлений деятельной и широкой жизни» (*Писатель-Инспектор*. С. 36, 45).

691. Автограф: ед. хр. 38, л. 293—294 об. (правка чернилами и карандашом). Текст зафиксирован в авторской карт. переводов (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 544), в хрон. карт. — как переложение или перевод: *Франц⟨узский⟩*. **Король Савойи**; в алф. карт. текст не зафиксирован.

Печ. по верхнему слою автографа. Первонач. вар. автографа, ст. 2: «Добрый для крестьян», ст. 11: «Слышит он: востоком», ст. 49: «Вместо пушки дан», ст. 91: «Вот глядит в восторге», ст. 120: «То брела чрез речку».

Источник народной французской песни не установлен.

Король Савойи. Савойя — историческая область на юго-востоке Франции у подножия Альп; существовала в качестве самостоятельного герцогства, которое в период своего расцвета включало территории Ниццы, Генуи, Женевы и Пьемонта; с 1860 г. в составе Франции, хотя Савойская династия становится правящей во вновь созданной Италии.

692*. *ПЖ*. 1897. № 256. 28 сентября. С. 2144, без деления на строфы (первое ст-ние цикла «Ночи») — *ССС XIII*. С. 37 — *ССНЧ 4*. С. 517.

Автограф: ед. хр. 38, л. 291—291 об. (беловой, поздняя правка карандашом, текст приведен к *ССС XIII*); ст. 1—4 датированы: *30 июля*, 5—24: *31 июля—1 августа 1892*; над текстом карандашом: *30 июля 1892* (зачеркнуто). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 115—116, с восстановит. правкой ранних вариантов (карандашом), датировка: *31 июля—1 августа 1892*. Дата хрон. карт. (две карт.): 1) ранняя ред.: *31 июля 1892 (см. 30 июля 1892)*; 2) *30, 31 июля, 1 августа 1892*; алф. карт (под заглавием: **Ночи**): как в хрон. карт. 2.

Ап: «Северный Вестник, Вестник Европы» (автограф, зачеркнуто); «Вестник Европы. 19 августа 1892; Наблюдатель. 3 октября 1892; Русское Богатство. 26 апреля 1896, Новости, 22 сентября 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа.

Б. Печ. по: *ССС XIII*.

693. *ИМ*. 1894. № 30. 24 июля. С. 3, без подписи — *ССНЧ 1*. С. 405.

Авторизованный источник, печ.: стр. из *Ст. I*. С. 15 (поздняя ред. текста): ед. хр. 1, л. 3, с восстановит. правкой вариантов. В хрон. карт. без заглавия, дата: *30 июля, 3 августа 1892*; в алф. карт. под заглавием: **Мечта**.

Печ. по: *ИМ*.

Последовательность вариантов восстановительной правки, указанная автором, не вполне ясна; приводим вариант, который, по-видимому, соответствует промежуточному варианту текста — между ранней и поздней редакциями.

Ср. ред.: «Ангел мечты полуночной...», *13 января 1895*.

694*. Автограф: ед. хр. 38, л. 292—292 об. (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), без деления на строфы; ст. 1—20 автографа датированы: *30 июля*, 21—38: *3 августа 1892*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 241—250; ед. хр. 2, л. 273 (два экз., один — без окончания).

Печ. по машинописи, с исправлением опечатки в ст. 6.

Ап: «Русская Мысль. 12 декабря 1910» (алф. карт.).

695. *БП*. С. 103.

Автограф: ед. хр. 38, л. 295 (беловой, правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 4, л. 1554 (три экз., один — *без даты*, один — с зачеркнутой датой). В алф. и хрон. карт. без заглавия.

Печ. по машинописи.

Первонач. вар. автографа, ст. 7: «И детство резвое, и юность золотая», ст. 9: «Слабели груди их, согнутые над книгой», ст. 15: «Им только бы читать классические книжки».

Тема ст-ния перекликается с эпизодом из романа «Тяжелые сны» (1883—1892; отд. изд.: 1896), в котором Логин «исповедуется» перед Анной от лица своего поколения («восьмидесятников»): «На мне отяготела жизнь ⟨...⟩ Мне жизнь страшна! ⟨...⟩ Мертва она слишком! ⟨...⟩ Мы живем не так, как надо, мы растеряли старые рецепты жизни и не нашли новых. Нас и воспитывали диковинно: дерзновение отрока умерщвляли в нас, чтобы не вышло из среды нашей мужа» (*СС 1*. С. 47).

696. Русское Обозрение. 1898. № 2. С. 858 — *ССС XIII*. С. 38 — *ССНЧ 4*. С. 518.

Автограф: ед. хр. 10, л. 90 (правка карандашом, текст приведен к *ССС XIII*), без деления на строфы; ст. 1—4 датированы: *8 октября 1891* (дата вписана карандашом), ст. 5—12: *5 августа 1892*. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 383 (с восстановит. правкой ранних вариантов, карандашом), датировки вписаны карандашом, строфа I датирована: *8 октября 1891*, строфа II: *5 августа 1892*.

Ап: «Наблюдатель. 5 сентября 1896; Русское Обозрение. 18 декабря 1897» (алф. карт.).

А. Печ. по нижнему слою автографа. Поздний вар. ст. 8: «Неподвижный этот взгляд».

Б. Печ. по: *ССС XIII*.

И томит меня тоскою... — Цитата из ст-ния А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» (1828).

697*. *ИМ*. 1894. № 1. 2 января. С. 3, заглавие: **В пути**, подпись: *Ф. Т.* — *ССС XIII*. С. 40, дата: *8 сентября 1892* — *ССНЧ 4*. С. 518—519.

Автографы: 1) ед. хр. 38, л. 300 (карандашом; беловой с правкой), датировка: *8—9 сентября 1892*; 2) там же, л. 301 (беловой, текст соответствует *ССС XIII*), *без даты*; 3) там же, л. 352—352 об. (правка чернилами и карандашом, строфа III записана одной строкой: «Заломивши ⟨ ⟩» строфа VII — зачеркнута карандашом), датировка: *24 мая 1893*. Машинопись: ед. хр. 3, л. 898 (текст соответствует *ССС XIII*, за искл. ст. 7: «Предо мной, в дали неизвестной»), *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *8—9 сентября 1892, 24 мая 1893*. В хрон. карт. на 1893 г. поздняя редакция не зафиксирована.

Ап: «Напечатано» (автограф 3).

А. Печ. по автографу 1 (ранняя ред.).

Поздняя ред. — без строфы I.

Б. Печ. по: *ССС XIII*, с исправлением опечатки в ст. 1.

ДРиВ: Печ. по автографу 3 (ред. *24 мая 1893*).

698*. Автограф: ед. хр. 38, л. 297 (с правкой, текст приведен к основному), датировка: *17 сентября 1892*. Машинопись: ед. хр. 3, л. 1161 (два экз.; датировка вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *17 сентября 1892*.

Печ. по машинописи.

699*. Беседа (Берлин). 1923. № 3. Сентябрь—Октябрь. С. 12.

Автограф: ед. хр. 38, л. 298—298 об. (правка чернилами, ст. 25—40 дописаны карандашом); без ст. 41—48; ст. 1—8 датированы: *29 августа 1892* (карандашом), 9—20: *28 сентября 1892*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 831 (дата вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 925 (два экз., один — *без даты*), ед. хр. 10 а, л. 69. Датировка машинописи: *28 сентября 1892*. Дата алф. и хрон. карт. (2 карточки): *29 августа, 28 сентября 1892*.

Ап: «Гржебину. 11 апреля 1922; Ионову. 6 ноября 1923» (алф. карт.). *Илья Ионович Ионов* (наст. фам. Бернштейн, 1887—1942), в 1920 г. — заведовал Петроградским отделением Госиздата (с 1924 г. — Ленинградское отделение).

Печ. по первой публикации.

700. *ИМ*. 1894. № 27. 3 июля. С. 3, без деления на строфы, подпись: *Тетерников* (первое ст-ния цикла «На улице») — *ССШ IX*. С. 57 — *ССС IX*. С. 28.

Автографы: 1) ед. хр. 38, л. 312 (правка чернилами и карандашом), без деления на строфы; датировка под ст. 1—4 — чернилами, под текстом и над текстом — карандашом: *2 октября 1892*; 2) там же, л. 313 (беловой, текст соответствует основному), без деления на строфы, заглавие: **На улице**, датировка вписана карандашом. Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 41 (с восстановит. правкой ранних вариантов; текст соответствует основному), заглавие: **На улице** (зачеркнуто). Печ.: стр. из *ССС IX*. Вар. ст. 1 алф. карт.: «Перед витриной показной...».

Печ. по: *ССС IX*.

Первонач. вар. автографа 1, ст. 1: «Перед витриной показной», ст. 3: «Ребенок худенький и бледный»; поздний вар. ст. 8: «И он вздохнет так безотрадно».

701. *АМ*. С. 66.

Автограф: ед. хр. 38, л. 314 (беловой, правка карандашом, текст приведен к основному), без деления на строфы. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 710 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 3, л. 791 (текст соответствует основному).

Ап: «Русский Вестник. 10 января 1898. Детский Отдых. 30 сентября 1904» (алф. карт.); «Первоцвет. 26 февраля 1907» (автограф, алф. карт.).

Печ. по: *АМ*.

Первонач. вар. автографа, ст. 2: «Притаилися березы», ст. 6: «Стан березы обнимая».

702. *АМ*. С. 145.

Автограф: ед. хр. 38, л. 316 (беловой, вар. ст. 6: «Солнцы знанья и любви встречать»). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 981; ед. хр. 3, л. 1128 (дата вписана карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *6 октября 1892*.

Печ. по: *АМ*.

703. *БП.* С. 105.

Автограф: ед. хр. 38, л. 317 (правка чернилами и карандашом, текст приведен к основному). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1598 (дата вписана карандашом), ед. хр. 6, л. 2037.

Печ. по машинописи.

Вар. автографа, ст. 2—4: «Душою беден, слаб и хил, — / Но только веру в человека / Я уберег и сохранил», ст. 7—8: «Толпою буйной и злорадной / Измяты вешние цветы».

704. *АМ.* С. 125.

Автограф: ед. хр. 38, л. 318 (беловой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 1430 (дата вписана карандашом), ед. хр. 5, л. 1777 (два экз., один — *без даты*).

Печ. по: *АМ.*

705. *ЖО.* 1895. № 35. 27 августа. С. 162 — *Ст. I.* С. 35 — *ССШ IX.* С. 49 — *ССС IX.* С. 29.

Автограф: ед. хр. 38, л. 318 (карандашом, текст перечеркнут). Печ.: стр. из *Ст. I* (с восстановит. правкой и датировкой, вписанными чернилами): ед. хр. 6, л. 1950.

Ап: «Р⟨анняя ред.?⟩» (автограф).

Печ. по: *ССС IX.*

Вар. ст. 3 автографа: «И важно скажет». Вар. восстановит. правки, ст. 3: *а как в автографе*; *б* «И кротко скажет».

На слова ст-ния написан романс, композитор С. В. Панченко: РГАЛИ, ф. 2954 (М. Ф. Гнесин), оп. 1, ед. хр. 939.

706. *БП.* С. 107.

Автограф: ед. хр. 38, л. 319 (беловой). Машинопись: ед. хр. 2, л. 12.

Печ. по машинописи.

707*. *ПЖ.* 1897. № 245. 13 июля, заглавие: **О былом** (вар.) — *ССС XIII.* С. 41, дата: *1 октября 1892* — *ССНЧ 4.* С. 520.

Автограф: ед. хр. 38, л. 310—311 (правка чернилами и карандашом), без заглавия; строфы I—VIII раннего вар. автографа датированы: *1 октября 1892,* IX—XI: *3 октября,* XII: *6 октября,* XIII—XVIII: *22 октября 1892.* Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 328—330 (с восстановит. правкой ранних вариантов — карандашом), без заглавия, датировки (как в автографе) вписаны карандашом. В алф. и хрон. карт. без заглавия; вар. ст. 1 карт.: «Помнишь, милая, ту осень»; даты карт.: *1, 3, 6, 22 октября 1892.*

Ап: «Неделя. 5 июня 1893; Русское Богатство. 30 июня 1894; Новости. 15 июня 1897» (алф. карт.).

Печ. по: *ССС XIII.*

Перекликается с отчасти автобиографическим рассказом Сологуба «Помнишь, не забудешь» (впервые: Утро России. 1911. № 82. 11 апреля). В. П. Абрамова-Калицкая, отметившая соотнесенность сюжета ст-ния и рассказа, вспоминала: «В Вытегре мне конфузливо намекали на какую-то неузаконенную любовь Федора Кузьмича. Но не было желания расспрашивать» (*Калицкая.* С. 279); в комментарии к очерку мемуаристки К. М. Азадовский отметил: «Об этой „неуза-

коненной любви“ Федора Кузьмича ничего не известно. Однако среди его знакомых в Вытегре действительно была молодая женщина по имени Ирина. О ней упоминается в его письме к О. К. Тетерниковой от 20 сентября 1891 г.: „Ирина еще не приходила к нам; у нее вчера родился мальчик“» (Там же. 279, 289).

708. *Тени*. С. 164, без деления на строфы — *ССШ IX*. С. 92 — *ССС IX*. С. 30.

Авторизованный источник, печ.: стр. из *Тени*: ед. хр. 1 (1), л. 50.

Печ. по: *ССС IX*.

709*. Новая Жизнь. 1913. № 1. С. 33 — *ССС XIII*. С. 39, дата: *10 августа 1892*.

Автограф: ед. хр. 38, л. 296 (правка чернилами и карандашом), строфы I—II автографа датированы: *10 августа 1892*, III—IV: *5 ноября 1892* (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 14 (с восстановит. правкой ранних вариантов), датировки строф — как в автографе, датировки строфы III—IV — карандашом; под текстом чернилами: *10 августа 1892* (зачеркнуто). Печ.: стр. из *ССС XIII*.

Ап: «Наблюдатель» (на обороте автографа).

Печ. по: *ССС XIII*.

710. *Ст. I*. С. 28 — *ССШ I*. С. 23 — *ССС I*. С. 23.

Авторизованный источник, печ.: стр. из *Ст. I*: ед. хр. 4, л. 1682 (с восстановит. правкой ранней редакции, чернилами), датировка: *6 ноября 1892* (вписана чернилами). Дата алф. и хрон. карт.: *6 ноября 1892*. В хрон. карт. без отсылки на промежуточную ред. («Бледна и сурова...»).

А. Печ. по тексту, восстановленному автором на полях *Ст. I*.

Б. Печ. по: *Ст. I*.

В. Печ. по: *ССС I*.

Помета В. Я. Брюсова у первой строфы на личном экземпляре *ССШ I*: «Изысканность» (Литературное наследство. Т. 27—28. М., 1937. С. 671).

711. *Пауэр*. С. 41.

Автограф: ед. хр. 38, л. 321 (беловой, с правкой). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 230, *без даты*; ед. хр. 2, л. 189. В хрон. карт. под заглавием: **Сатана**, с отсылкой: *см. 25 июня 1889*.

Машинопись (датировка вписана от руки): РГАЛИ, ф. 481, оп. 1, ед. хр. 101.

Печ. по машинописи. Первоначальный вар. ст. 11 автографа: «Ведь были ж мудрые девицы», ст. 20: «К лицу, конечно, вам пошло б».

Фрагмент незавершенной поэмы «Сатана» (см. примеч. № 453). Текст может быть соотнесен с недатированной авторской записью: «Кажется, статистика позволяет принять следующие положения: чем женщин меньше, тем они выше ценятся, больше имеют прав. И обратно, с ходом цивилизации увеличивается свобода женщин и уменьшается ее положительное отношение к мужчине (в начале наш⟨его⟩ стол⟨етия⟩ на 100 м⟨ужчин⟩ — 107 ж⟨енщин⟩, в середине — 104.5). Войны влияют на уменьшение числа мужчин и на падение значения женщин. Идея: мальчиков родится 21, девочек 20. Мозг мужчины — 21, женщины — 20. Мужчина вымирает скорее в 21/20 раз. Жизнь женщины дольше в 21/20 раз. В такой же пропорции больше вероятность жизни. Это оттого, что

мужчина сильнее в 21/20 раз (что влияет на рождения). Большие требования от природы, чего она дать не может, и мальчиков умирает больше. Войны, больше изнурит⟨ельной⟩ работы и больше неправ⟨ильной⟩ жизни» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 302, 301).

712*. *ИМ*. 1893. № 4. 24 января. С. 3, заглавие: **В саду**, без деления на строфы, подпись: *Федор Тетерников* — *КД*. С. 10 — *ССНЧ 6*. С. 411.

Автограф: ед. хр. 38, л. 315—315 об. (беловой, с правкой, текст приведен к исходному вар. машинописи 1, соответствует первой публикации), без заглавия, без деления на строфы; ст. 1—12 датированы: *2 октября 1892*, 13—16: *12 ноября 1892* (вписано карандашом), 17—24: *11 декабря 1892*; над текстом сверху: *2 октября 1892* (карандашом). Машинопись: 1) «Музыки звуки настроили...»: ед. хр. 1 (2), л. 782—783, датировка: *2 октября 1892*; 2) «Музыки звуки настроили...» (исходный): ед. хр. 3, л. 863 (правка чернилами, текст приведен к основному; промежуточн. вар. ст. 20: «Милую радостно ждут»), датировка: *2 октября 1892*; 2) там же, л. 863 (текст соответствует основному), датировка: *2 октября 1892*. Автограф и машинопись без заглавия. В алф. и хрон. карт. текст зафиксирован по вар. автографа: «Музыки звуки настроили...», в алф. карт. под заглавием: **В саду**. Даты алф. и хрон. карт.: *2 октября, 12 ноября, 11 декабря 1892*.

Ап: «Послано Абрамову. 12 февраля 1920» (алф. карт.).

Печ. по: *КД*.

ДРиВ: Печ. по первой публикации.

713*. Автограф: ед. хр. 38, л. 327—327 об. (с правкой, текст приведен к основному), датировка: *20 декабря 1892* (исправлено, было: *20 декабря 1880*). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 872, ед. хр. 3, л. 905; *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *20 декабря 1892*.

Печ. по машинописи.

714. Автограф: ед. хр. 38, л. 322—325 об. (с правкой, после ст. 78 — без деления на строфы). Строфы I—IV датированы: *21 декабря 1892* (карандашом), V—XIII: *14 декабря 1892*, XIV—XIX: *13 декабря 1892* (карандашом), XXIX: *16 декабря 1892*, под текстом вписано карандашом: *13 декабря 1892*. Даты алф. и хрон. карт.: *13, 14, 16, 21 декабря 1892*.

Печ. по автографу, с делением на строфы после ст. 78. Первонач. вар. ст. 101: «О, если б стих мой дерзновенный», ст. 103—104: «Недаром, нет: я верю, верю, / Что пролетит он далеко», ст. 110: «Пришла, безмолвная, ко мне».

715*. *Невский альманах*. С. 70 — *АМ*. С. 67, датировка: *20 декабря 1892* — *ССНЧ 5*. С. 434.

Автограф: ед. хр. 38, л. 329—329 об. (черновой, правка чернилами, позднейшая — карандашом, Δ, текст приведен к основному), без деления на строфы, заглавие: **Липочка**; ст. 1—20 датированы: *20 декабря 1892*, ст. 21—34: *24 декабря 1892* (карандашом), ст. 35—42: *26 декабря 1892*, ст. 43—46: *5 января 1893* (карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 567 (датировка вписана карандашом), ед. хр. 2, л. 628, датировка: *20 декабря 1892*. Дата алф. и хрон. карт.: *20, 24, 26 декабря 1892, 5 января 1893*.

Ап: «Невский альманах. 13 февраля 1915» (алф. карт.).

Печ. по: *АМ*.

ДРиВ: Печ. по нижнему слою автографа.

716*. *ПЖ*. 1893. № 44. 5 сентября. С. 430, под заглавием: **Жажда забвения** — *ИМ*. 1893. № 50. 12 декабря. С. 3, подпись: *Тетерников* — *Тени*. С. 126 — *ССШ IX*. С. 177 — *ССС IX*. С. 31.

Автограф: ед. хр. 38, л. 330 (правка чернилами и карандашом). Машинопись: ед. хр. 1 (1), л. 205—206 (с восстановит. правкой ранних вариантов, карандашом), датировка вписана карандашом. Алф. карт. под заглавием: **Жажда забвения** (вписано карандашом). Дата алф. и хрон. карт.: *31 декабря 1892*.

Печ. по: *ССС IX*.

Настроений мимолетных... — Ср. с авторской записью от 27 июля 1891 г.: «Настроение. А. Причины физические: 1. Труд: а) физический, б) умственный, в) отдых, г) сон. 2. Холя: а) вода, б) воздух — холод. 3. Пища и питье: а) пища, б) приправы, в) напитки питательные, г) напитки возбуждающие. Б. Причины нравственные: 1. В области чувств: а) внешние чувства, б) душевные чувства. 2. В области мысли: а) работа ума воспринимающая, б) работа ума воспроизводящая, в) работа ума созидающая. 3. В области воли: а) желания и хотения, б) внушения, в) самовнушения» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 242).

717. *НС*. С. 55.

Автограф: ед. хр. 38, л. 299 (карандашом), *без даты*. Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 424, ед. хр. 2, л. 461; обе — *без даты*. Дата алф. и хрон. карт.: *1889—1892*.

Печ. по машинописи.

718. Автограф: ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 539, л. 273 (без даты). В алф. и хрон. карт. текст экспромта или шуточного ст-ния не зафиксирован.

Печ. по автографу.

Датировка установлена по местоположению автографа.

719. *Ежегодник 1998—1999*. С. 225.

Машинопись: ед. хр. 1 (2), л. 198, ед. хр. 2, л. 247; без даты. В алф. карт. текст зафиксирован без датировки, в хрон. карт. текст не зафиксирован.

Печ. по машинописи.

Датируется по содержанию.

Как некогда красавец молодой... ~ Не ждал подруги в час ночной. — Ср.: «Как ждет любовник молодой / Минуты верного свиданья» (А. С. Пушкин «К Чедаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), 1818).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стихотворение «Злая недоля моя...». 23 апреля 1888 г. Автограф. ИРЛИ.

Стихотворение «На бой я вышел одинокий...». Черновой автограф. ИРЛИ.

«Пролог» из поэмы «Одиночество». 1882 г. Черновой автограф. ИРЛИ.

«Пролог» поэмы «Одиночество». 1882 г. Авторизованная машинопись. ИРЛИ.

Начало главы I из поэмы «Одиночество». 1882 г. Черновой автограф. ИРЛИ.

«Посвящение Некрасову», фрагмент поэмы «Одиночество». 1882 г. Беловой автограф. ИРЛИ.

Стихотворение «Услышишь ты вокруг себя шипенье...». 4 августа 1891 г. Подпись: Иван Шумаев. Автограф. ИРЛИ.

Стихотворение «В чаще леса леший бродит...». 12 июля 1889 г. Автограф. Не ранее марта 1893 г. ИРЛИ.

Федор Сологуб. Стихи. Книга первая. СПб., 1896. Стихотворение «Судьба». 15 декабря 1889 г. Страница с восстановительной правкой ранних вариантов текста. Автограф. ИРЛИ.

Стихотворение «Замолкнули праздные речи...». Апрель 1887 г. Авторизованная машинопись ранней редакции с поздней правкой. Автограф. ИРЛИ.

Начало поэмы «Странник». Автограф. ИРЛИ.

Окончание поэмы «Странник». Автограф. ИРЛИ.

Иллюстрация к поэме Федора Сологуба «Странник». Художник В. А. Табурин. Страница из журнала «Русский Паломник». 1894. № 27.

Поэма «Странник». Страница из журнала «Русский Паломник» с авторской правкой. ИРЛИ.

Карточки авторской библиографии. Автограф. ИРЛИ.

Записи с подсчетами количества написанных стихотворений за 1877—1907 гг. Автограф. ИРЛИ.

Запись «Добрые христианские обычаи». 1880-е—начало 1890-х гг. Автограф. ИРЛИ.

Запись «Сравнения из нищенства». 1880-е—начало 1890-х гг. Автограф. ИРЛИ.

Великий Новгород. Почтовые карточки. Последняя треть XIX в.

Г. Крестцы. Почтовые карточки. Последняя треть XIX в.

Г. Великие Луки. Почтовые карточки. Последняя треть XIX в.

Г. Вытегра. Почтовые карточки. Последняя треть XIX в.

Вытегорская учительская семинария. Фотография. Конец 1920-х гг. ИРЛИ.

Титульный лист журнала «Северный Вестник». 1892 г. № 2.

Стихотворение «Вечер». Публикация в журнале «Северный Вестник». 1892 г. № 2.

Л. Я. Гуревич. Фотография К. Шапиро. Санкт-Петербург, 1892 г.

А. Л. Волынский. Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург, 1890-е гг.

Н. М. Минский. Фотография К. Шапиро. Санкт-Петербург, 1887 г.

Ф. К. Тетерников. Фотография. Конец 1880-х—начало 1890-х гг. Музей ИРЛИ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМ — *Сологуб Федор.* Алый мак. Книга стихов. М.: Московское книгоиздательство, 1917.

Белые ночи — Белые ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907.

Библиография — Библиография Федора Сологуба. Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. М.: Водолей, 2004 (с приложением публикации десяти рукописных сборников Ф. Сологуба 1920—1921 гг.).

БВ — газета «Биржевые Ведомости» (Санкт-Петербург).

БП — *Сологуб Федор.* Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. СПб., 1999. 3-е изд-е (Новая библиотека поэта).

БС — *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба. (Материалы к описанию) // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 435—521.

ВБ — *Сологуб Федор.* Великий Благовест. М.; Л.: ГИЗ, 1923.

Война — *Сологуб Федор.* Война. Стихи. Пг.: Изд-е журнала «Отечество», 1915.

Война в русской поэзии. — Война в русской поэзии. Стихотворения выбраны Анс. Чеботаревской. Предисл. Федора Сологуба. Пг., 1915.

Даль — *Даль Владимир.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1995.

Данько — *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс, 1992. Вып. 1. С. 190—261.

Ежегодник 1990 — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб.: Академический проект, 1993.

Ежегодник 1998—1999 — Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой / Публ. Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 годы. СПб., 2003.

Ежегодник 2002 — *Федор Сологуб.* Неизданные стихотворения 1878—1889 годов / Публ. Т. В. Мисникевич и М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 162—314.

Ежегодник 2009—2010 — Новые материалы из поэтического архива Федора Сологуба: Первая рабочая тетрадь. Неизвестные стихотворения 1877—1890 гг. / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009—2010 годы. СПб., 2011. С. 438—539.

ЖО — журнал «Живописное Обозрение» (Санкт-Петербург).

Земля родная — *Сологуб Ф.* Земля Родная. Выбранные стихи. М.: Универсальная библиотека, [1916].

ИМ — журнал «Иллюстрированный Мир» (Санкт-Петербург).

Изборник — Сологуб Федор. Изборник. Авторский макет. Российская государственная библиотека. Ф. 261, карт. 13, ед. хр. 23.

Избранные стихи русских поэтов. 3. — Избранные стихи русских поэтов. Серия сборников по периодам. Период третий. Вып. 1 (К. Фофанов—В. Брюсов). Пг., 1914.

Из дневника — *Сологуб Федор.* Цикл «Из дневника». Неизданные стихотворения / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Калицкая — Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступ. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 261—289.

Канва — *Федор Сологуб.* Канва к биографии / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 250—260.

КД — *Сологуб Федор.* Костер дорожный. Пг.: Творчество, 1922.

КН — журнал «Книжки Недели» (Санкт-Петербург).

Лица-9 — *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно „натуры“ вокруг себя». Новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба // Лица: Биографический альманах. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 9. С. 499—515.

Мелкий бес — Сологуб Федор. Мелкий бес / Изд. подгот. М. М. Павлова. СПб.: Наука, 2004. (Серия: Лит. памятники).

НГ — *Сологуб Федор.* Небо Голубое. Стихи. Ревель: Библиофил, 1921.

НГ машинопись — *Сологуб Федор.* Небо Голубое. Стихи. Пг., 1920; М., 1921 (автограф). (Рукописный сборник).

НЖ — газета «Наша жизнь» (Санкт-Петербург).

НС — Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

Невский альманах — Невский альманах жертвам войны. Писатели и художники. Пг., 1915.

ПБА — Петербургский альманах. Пб.; Берлин, 1922. Кн. 1.

ПГ — газета «Петроградский Голос» (Петроград).

ПЖ — газета «Петербургская Жизнь» (Санкт-Петербург).

ПК 1908 — *Сологуб Федор.* Пламенный круг. Стихи, книга восьмая. М.: Изд-е журнала «Золотое руно», 1908.

ПК 1922 — *Сологуб Федор.* Пламенный круг. Стихи. Берлин—Пб.—М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.

Пауэр — *Сологуб Федор.* Неизданное и несобранное / Herausgegeben von Gabriele Pauer. München: Otto Sagner, 1989. («Slavistische Beiträge». Bd. 245).

Писатель-Инспектор — *Павлова М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РМ — журнал «Русская Мысль» (Москва).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Родине — *Сологуб Федор.* Родине. Стихи, книга пятая. СПб., 1906.

РС — *Федор Сологуб.* Рукописные сборники // Библиография Федора Сологуба. Стихотворения / Сост. Т. В. Мисникевич; под ред. М. М. Павловой. Томск; Москва: Водолей, 2004.

СБ — *Сологуб Федор.* Соборный Благовест. Пг.: Эпоха, 1922.

СВ — журнал «Северный Вестник» (Санкт-Петербург).

СС 1, 2, 3, 6 — *Сологуб Федор.* Собрание сочинений. В 6 т. / Сост. Т. Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2000—2002: Т. 1: Тяжелые сны. Роман. Рассказы (М., 2000); Т. 2: Мелкий бес: Роман. Рассказы. Сказочки. Статьи (М., 2001); Т. 3: Слаще яда: Роман. Рассказы (М., 2001); Т. 6: Заклинательница змей: Роман. Рассказы (М., 2002).

ССНЧ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 (1) — *Сологуб Федор.* Собрание стихотворений; В 8 т. / Сост. И. С. Тимченко. СПб.: Навьи чары, 2002—2003. Т. 1: Стихи. Книга 1. Стихи. — Книга 2. Стихи. — Книга 3. Стихи. — Книга 4. Родине. — Книга 5. — Змий. Книга 6 (СПб., 2002); Т. 2: Пламенный круг. — Лазурные горы (СПб., 2002); Т. 3: Восхождения. — Змеиные очи (СПб., 2002); Т. 4: Жемчужные светила. — Очарования земли. Стихи 1913 года (СПб., 2002); Т. 5: Война. — Земля Родная. — Фимиамы (СПб., 2002); Т. 6: Одна Любовь. — Небо Голубое. — Соборный Благовест. — Чародейная Чаша. — Свирель. — Костер дорожный. — Великий Благовест (СПб., 2002); Т. 7: Изборник — Рукописные сборники — Машинописные сборники (СПб., 2002); Т. 8 (1): Несобранное (СПб., 2003).

ССС I, III, V, IX, XI, XIII, XIV, XVII — *Сологуб Федор.* Собрание сочинений. В 20 т. СПб.: Сирин, 1913—1914: Т I: Лазурные горы. Стихи (СПб., 1913); Т. III: Земные дети. Рассказы (СПб., 1913); Т. IV: Недобрая госпожа. Рассказы (СПб., 1913); Т. V: Восхождения. Стихи (СПб., 1913); Т. IX: Змеиные очи. Стихи (СПб., 1914); Т. XI: Книга превращений. Рассказы (СПб., 1914); Т. XIII: Жемчужные светила. Стихи (СПб., 1913); Т. XIV: Неутолимое. Рассказы (СПб., 1913); Т. XVII: Очарования земли. Стихи 1913 года (СПб., 1914).

ССт. — *Сологуб Федор.* Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903 гг. М.: Скорпион, 1904.

ССШ I, V, IX — *Сологуб Федор.* Собрание сочинений. В 12 т. СПб.: Шиповник, 1909—1911: Т. I (СПб., 1909); Т. V (СПб., 1910); Т. IX (СПб., 1910).

Ст. I — *Сологуб Федор.* Стихи, книга первая. СПб., 1896.

Стихи о Милой Жизни. — *Сологуб Федор.* Стихи о Милой Жизни. Пг., 1920. (Рукописный сборник).

Тени — *Сологуб Федор.* Тени. Рассказы и стихи. СПб., 1896.

Тяжелые сны — *Сологуб Федор.* Собр. соч.: В 6 т. М.: НПК «Интелвак», 2000. Т. 1.

Фимиамы — *Сологуб Федор.* Фимиамы. Пб.: Странствующий энтузиаст, 1921.

ЧЧ — *Сологуб Федор.* Чародейная Чаша. Стихи. СПб.: Эпоха, 1922.

Черносвитова — *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997.

УКАЗАТЕЛЬ НЕНАЙДЕННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ 1879—1892 гг.

1878

«Нрав мой дерзкий и упрямый...», 18 марта
«Скромен я, когда сжигают...», 22 сентября
«Смутившись, блюдо я разбил...», 22 ноября
«Два раза был вчера я сечен...», 23 ноября
«Не до смеху было мне ничуть...», 8 декабря
«Богородица, радуйся, Дева...», 22 декабря

1879

«Точно ветром рубашку снесло...», 28 января
«Этакий ты блудень...», 28 января
«В гардеробной на полу...», 7 марта
«Совлечена с меня одежда...», 13 марта
«Дочитав последние страницы...», 18 марта
«От всех товарищей скрываю я...», 16 октября
«Досадно почему-то стало...», 22 октября

1880

«Отдохни на кушетке ⟨нрзб.⟩....», 3 апреля
«Принахмурилися брови...», 11 мая
«Ни жизни я не видел...», 2) 3 июля
«Высок был уровень науки...», 5 июля
«Роскошь окружала княжну с к⟨олыбели?⟩...», 1880

1881

«Растрачен дар, ниспосланный судьбою...», 27 июня
«На нас клевещут часто...», 29 июля
«Пока у нее нераскрытые губы...», 8 августа
«Ты рабою, муза...», 26 августа
«Еще мало на свете я жил...», весна 1881

1882

«Мы — певцы народа...», 14 марта
«Я скорбен был в своих мечтах...», 21 апреля
«Выголен, разложен, связан...», 5 мая
«Мечет ноги, словно в пляске...», 5 июня

«Он — субъект счастливой конституции...», 30 июня
«Дворник молод и усерден...», 25 июля
«Люди любят посмеяться...», 4 августа
«Пришли мы вечером: директор спит...», 29 августа
«Говорил инспектор строго...», 14 сентября
«С малышами поверстали...», 17 октября
«Крепко стянута веревка...», 24 октября
«Узор багряный вышит...», 3 ноября
«Своевольству злой конец...», 30 ноября
«Девятнадцатилетний мальчишка...», 3 декабря
«Листья в бане с веника слетели...», 13 декабря
«В оковах муза. Плеть над нею...», 1879—1882
«Ты рождался, и все ⟨нрзб.⟩...», 1879—1882
«Для крестьян окрестных...», 1882

1883

«О злая радость истязаний...», 10 января, 14 сентября
«Оттепель и слякоть...», 26 января
«Лампа зажжена...», 2 февраля
«Заря погасла, и остыло...», 9 февраля
«Кличкой глупою к чему же...», 8 марта
«За холмом садится солнце...», 14 марта
«Голубые глазки...», 18 марта
«Оставил я шесть мальчуганов...», 21 марта
«Покатились слезы...», 28 марта. См. № 308, ст. 3
«Каждый день однообразно...», 11 апреля
«Утром в восемь прихожу...», 20 мая
«Не мозги, а воля поступками...», 20 мая
«Мне очень страшно было...», 1 июня
«Вечерком мы с тобой соберемся...», 20 июня 1883 (см. 25 июня 1882) см. «И воскрес я усталой душой...»: ед. хр. 1 а, л. 107
«Хочет мать...», 28 июня
«Так весело в лесной тени...», 6 июля
«На сверкающие росы...», 19 июля
«Серебрится на солнце в....», 1) 21 июля
«Есть долина под горою...», 2) 21 июля
«Прошло два месяца каникул...», 27 августа
«Темно. Чуть слышен стук в окошко...», 13 сентября
«С дерев осыпалась листва...», 22 сентября
«Хотя и весело обмыть...», 30 сентября
«Прошлая неделя...», 20 октября
«Совсем не нашим языком...», 18 ноября
«Морозное утро зимы...», 28 ноября

1885

«Головой качая тихо...», 7 января 1885
«Не годится тем хвалиться...», 14 февраля
«На полу, недавно мытом...», 27 мая
«Печальные узнал я вести...», 12 ноября
«Жил на свете А. ...», 1885

1886

«Для чего над холодной могилой...», 5 января
«Чикибрыки, сложность тут...», 21 февраля
«И лес с вечернею дремотой...», 16 марта

«Ежедневно то же самое...», 3 мая
«Царапает ноги хвоя...», 27 мая
«В полдень каждую субботу...», 27 мая
«Ну, пора и перестать бы...», 2 июня 1886
«Недолюбливал спесивый...», 16 июня
«Белело светлым перламутром...», 18 июня
«На базарной площади...», 19 июня
«Обе милы, Стефка, Зоська...», 1 июля
«Когда приятного мы ждем...», 13 июля
«Островишко очень прост...», 27 июля
«Как будто вырвавшись из п⟨лена⟩...», 22 августа
«Скучный, скверный, кисло-сладкий...», 4 ноября
«Семь пятниц на неделе...», 18 ноября
«Ну что же наделал здесь ты...», 9 декабря

1887

Война («Только закрою глаза...»), 8 февраля
«Насоветовал Авось...», 3 марта
«Оделись холмы муравой...», 25 апреля
«Без долгих церемоний...», 9 июня
«Позабыл ты мой приказ...», 13 июня
«Была веселая попойка...», 16 июня
«Полянкой, где податлив мох...», 24 июля
«Жара томит и дух и тело...», 27 июля
«Для моей необузданной музы...», 6 августа
«В храм совести разутыми ногами...», 15 августа
«Глаза потуплены стыдливо...», 19 сентября
«Выпал отличный денек...», 24 октября
«Дров инспектор не жалеет...», 27 ноября
«В Нарве фабричный народ...», 27—28 декабря

1888

«Когда выросту большой...», 1 мая
«Так вот какие угощенья...», 19 мая
«Два города, один другого хуже...», 16 июня
«Меня в деревню пригласил...», 1 июля
«Мне мама часто говорила...», 19 сентября
«Пора вечерняя пришла...», 4 октября
Недлячего, 26 октября

1889

Мечта («Видишь ты с тревожною тоской...»), 8 января
«Соблазнял меня лукавый...», 17 марта
«Гнутся тоненькие ветки...», 15 апреля
«Поэзия — не грусть...», 18 мая
Давид. Псалом 42, до 20 мая
«Кто часто повторял угрозы...», 21 мая
«Поэт, что солнце: смотрит он...» (первонач. вар. ст. 1: «Поэт, как солнце: смотрит он...»), 22 мая
«Над водой зеленоватой...», 27 мая
«На серые прутья плетня...», 28 мая
«На Генисаретских волнах...», 7 июня
«На какую же находку...», 23 июня
«Машу как не помянуть...», 17 июля
«На сухом пригорке...», 2 августа
«Все обаянье, блеск и свет...», 3 августа
«Так медленно влачилось в⟨ремя?⟩...», 4 августа
«Гениальному поэту...», 9 сентября
«И умна, и экономна...», 12 сентября
«Вчера носился я орлом...», 31 октября
«Остановка от Великих Лук...», 16 ноября
«Снег пропитан весь...», 23 декабря

«Совок, да неловок...», 28 декабря
«Каждый, в ком с. н. б. ...»
«Перед натянутым холстом...»

1890

«Если сердце язвят огорчения...», 1890?
«Перед людьми не притворяться...», до 6 февраля
«И в холод быстро разогр⟨?⟩...», 7 февраля
«Зима у нас...», до 28 февраля
«Завет старинный исполняю...», 16 марта
«В его стихах...», 6 мая
«Сегодня видел я красавца...», 13 июня
«Свищет розга, мальчик п⟨лачет⟩...», 30 августа
«Какая прекрасная ночь...», до 4 августа 1890
Вешние грозы, 19 августа
«Молчание таит угрозы...», 6 сентября
«Еле-еле поднимаюсь...», 4 октября
«Вдохновенный пророк...», 21 октября

1891

«Мне трудно было жить...», 1) 23 января
«Я слышу приближенье б⟨ури?⟩», 2) 23 января
«Страданий я хочу, п. не ид.», 4) 23 января
«Начать бы жизнь, начать сначала...», 3) 23 января
«Ропщет волна...», 15 апреля
«Весь озаренный луною, мой дом...», 18 апреля 1891, 29 сентября 1892, 23 апреля 1895
«Хоть беспросветно залегла...», 30 апреля, 5 июня
«Немного было тайных встреч...», 4 июля
«Как берегом тянуть, так станет...», 7 июля
«Как, мой милый, ты прекрасен...», 11 августа
«Настала осень. Пожелтелый...», 21 августа
«Надо мною сегодня свистели ж⟨естокие?⟩ лозы...», 25 сентября
«Если в людях не гожусь...», 30 декабря

1892

«Живой алтарь живого Бога...», 9 января
«Не бывает роз без терний...», 13 января
«Ты один в б. н. ...», до 30 января
«У женщины есть щит...», 4 марта
«Есть в униженьи упоенье...», 15 марта
«Дребедень такая снилась...», 28 апреля
«Майская ночь над з. пл.», до 23 июня
«Средь жизни грубой и ничтожной...», 15 июля
«Красная рубашка в зелени мелькает...», 29 августа
«География снабжает...», 4 ноября
«Гуденье многих голосов...», 14 декабря
«Напрасно думал я, что здесь...», 1889—1992

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Федор Сологуб

Полное собрание стихотворений и поэм
в трех томах

Том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1877—1892

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *Н. И. Журавлева*, *О. В. Федорова* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 09.08.12. Подписано к печати 28.12.12.
Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Академия.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 91.3.
Уч.-изд. л. 68.0. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3408. С 176

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.com

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-038304-3

9785020383043